

VI БА

478930

Е. Р. Романовъ.

ВѢЛОРУССКІЙ СБОРНИКЪ,
Выпускъ шестой.
СКАЗКИ.

МОГИЛЕВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1901.

1 ба
478930

21206703

Е. Р. Романовъ.

ОДРЕЧЕНО

БѢЛОРУССКІЙ СВОРНИКЪ,
Выпускъ шестой.
СКАЗКИ.

МОГИЛЕВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія.

1901.

Упра

8088

17408

Нацыянальная
бібліятэка
Беларусі

Дозволено цензурою. 6-го Ноября 1901 г.— г. Вильно.

Въ настоящій выпускъ вошли сказки, записанныя мною во время этнографическихъ поѣздокъ, совершенныхъ въ 1888—1891 годахъ на средства Императорскаго русскаго географическаго общества. Въ двухъ изъ этихъ поѣздокъ меня сопровождали П. П. Буднецкій—нынѣ умершій, и К. Т. Анникевичъ,—бывшіе мои ученики, вышедшіе изъ народа и впоследствии ставшіе учителями сельскихъ школъ. Мною лично записано 49 сказокъ настоящаго выпуска, считая и варианты; названными спутниками моими записано 7 сказокъ. Затѣмъ, по моимъ указаніямъ, записали 9 сказокъ сельскіе учителя и учительницы: г.г. Барановскій, Попригневскій, Тихановичъ, Васильевъ и г-жи Горбикъ и Вѣлинская. (См. указ. въ концѣ книги).

Записи сдѣланы въ слѣдующихъ уѣздахъ могилевской губерніи: въ гомельскомъ, гдѣ записано 9 сказокъ, въ быховскомъ—3, горечкомъ—2, калновичскомъ—6, могилевскомъ—1, метиславскомъ—8, оршанскомъ—3, рогачевскомъ—3, сѣнненскомъ—8, чаусскомъ—5 и въ чериковскомъ—9. Въ витебской губерніи записи сдѣланы въ двухъ уѣздахъ: въ витебскомъ и городокскомъ. Здѣсь записано 7 сказокъ.

О томъ, какъ совершались мои этнографическія поѣздки и какъ производились записи произведеній народной словесности, я говорилъ уже въ одномъ изъ предыдущихъ выпусковъ (предисл. къ III в., стр. VIII—XIII). Не смотря на дешовое зубоскальство, съ которымъ отнесся въ своей рецензіи П. О. Сумцовъ къ этому моему сообщенію, я повторяю, что работы производились именно такимъ образомъ, какъ онъ у меня описаны. Недостойныя выходки г. Сумцова вообще заслуживали бы того, чтобы на нихъ остановиться для характеристики этого профессора. Но это было такъ давно, прочесть его рецензію я могъ только нѣсколько лѣтъ спустя послѣ присужденія „Сборнику“ Макарьевской преміи, изданіе настоящаго выпуска крайне замедлилось—и я оставляю всё на совѣти г. Сумцова, въ томъ числѣ и мою біографію въ Словарѣ Брокгауза, скромно подписанную имъ буквами Н. С. Вирочемъ, „странности“ г. Сумцова уже достаточно отмѣчены въ ученой литературѣ (напр. Рус. Мысль, Живая Старина и др.).

Возвращаясь къ настоящему выпуску, я долженъ заявить, что записи я дѣлалъ непрекнему этимологически. Въ этомъ важномъ

вопросъ я спрашивалъ мѣшчѣ академикомъ А. Ѳ. Бычкова и Л. Н. Майкова, и они предпочли оставить записи прежнія, какъ во избѣжаніе пестроты, такъ и потому, что лица, знающія бѣлорусскій языкъ, не затруднятся читать неударяемые *о* и *е* по-русски. Остальные же звуки я старался передать возможно точнѣе.

Вездѣ, гдѣ удареніе разнится отъ общепринятаго, я обозначалъ это акцентной буквой. Съ стр. 60, во избѣжаніе пестроты, мягкое *д* и *т* изображаются вм. *дз* и *ц* буквами *д* и *т*.

Одна изъ сказокъ—№ 17 записана, въ видѣ образчика, фонетически.

Надъ настоящимъ выпускомъ тяготѣлъ какой то злой рокъ.

Начать онъ печатаніемъ въ 1893 году, въ Витебскѣ, въ одной изъ частныхъ типографій. По отпечатаніи девяти листовъ, въ 1894 году, собиратель, прослуживши 8 лѣтъ въ Витебскѣ, былъ переведенъ для пользы службы въ самую западную губернію виленскаго учебнаго округа. Печатаніе остановилось на 10 листѣ. Въ 1895 году собиратель былъ переведенъ уже въ самую восточную часть округа. Печатаніе вновь возобновилось. Но въ это время закрылась типографія, и печатаніе вновь остановилось. Позже оно было перенесено въ другую типографію, но она, за множествомъ работы, изготовляла среднимъ числомъ лишь 4 листа въ годѣ.

Наконецъ, только въ прошломъ году явился возможность приобрести нужный шрифтъ въ Могилскѣ и перевести сюда печатаніе кнѣжки.

Habent sua fata libelli!

Много пришлось имѣть перенески и съ цензурнымъ вѣдомствомъ...

Собранные мною матеріалы еще не исчерпаны. Но я ничего не могу сказать пока о ихъ судьбѣ.

Времени у меня слишкомъ мало, чтобы заняться ихъ разработкой; печатать же сырые матеріалы не хотѣлось бы.

Въ виду того, что предыдущіе выпуски разошлись, можетъ быть, явится возможность пересмотрѣть ихъ вновь, взять оттуда вещи болѣе цѣныя и издать вторично, съ присоединеніемъ матеріаловъ напечатанныхъ. Можетъ быть, представится возможность издать схемы сказокъ, записанныхъ мною, такъ какъ полные тексты напечатать все невозможно.

Могу только сказать, что приму все мѣры, чтобы записи мои не погибли для науки.

Е. Романовъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

1. Илачъ—добрый молодець	стран.	1.
2. Булатъ—добрый молодець		7.
3. Петра и Магдалена		14.
4. Лошадиная заповѣдь		26.
5. Казакъ Михайла		36.
6. Медвѣжья сыны		60.
7. Иванъ Васильевичъ Стрѣлокъ		70.
8. Солдатъ Иванька, мышъ, жукъ и ракъ		81.
9. Солдатъ жукъ, мышъ и ракъ		88.
Вариантъ		90.
10. Семь сѣдышевъ		91.
11. Семь Сямёновъ		101.
12. Шклянныя горы		105.
13. Царскій унукъ Лыцаръ Давидовичъ		117.
14. Васяка Поцялышка		123.
15. Иванъ Подвѣй		130.
16. Боговѣтровичъ		146.
17. Гвидонъ Самилѣйновичъ		150.
18. Дубъ Дорохвей		163.
19. Иванъ Ивановичъ—царевичъ		169.
20. Иванъ Ивановичъ—царевичъ, божій королевичъ		178.
21. Иванъ Ивановичъ—купецкій сынъ		188.
22. Удамый молодець		199.
23. Три сестры		202.
24. Марья Марьяна, Кипельская королева		205.
25. Прекрасная дѣвица Алена		213.
26. Марья Кирбитовна		225.
27. Иванъ Ивановичъ—рымскій царевичъ		233.
Вариантъ I		245.
Вариантъ II		246.
28. Кобылякъ сынъ		248.
29. Пескорка Парубокъ, Дѣвичій сынъ		254.
30. Таратурка		262.

31. Тридцать три сына съ половиною	276.
32. Маль Малышокъ	286.
33. Треть—сынъ Безымянный	297.
34. Иванъ Ивановичъ Треть—сынъ	311.
35. Удовенушка добрый молодецъ	318.
36. Иванъ Ивановичъ—купецкій сынъ	327.
37. Удовины сыны	335.
38. Ивашка—медвѣжье ушко	340.
39. Вечорка, Повиошникъ и Зарявой	347.
40. Иванъ Вѣтровичъ	354.
41. Кашеваръ да добрый молодецъ	360.
42. Настася Прикрася	370.
43. Иванъ и Настася	378.
44. Микита Игровичъ—купецкій сынъ	382.
45. Мѣдное Чудовище	395.
46. Гадюка въ огнѣ	404.
47. Три купца	412.
48. Ракъ царевичъ	419.
49. Иванъ Бѣлоросейскій	426.
50. Микита дуракъ	440.
51. Премудрый Соломонъ. Легенда	447.
Вариантъ I	460.
Вариантъ II и III	462.
52. Молодой Юнкеръ	—
53. Три ночи на могилѣ отца	470.
54. Дьяконъ парубокъ (по ошибкѣ напечатано—поповъ)	486.
55. Сипяя свита—наѣво сшита	488.
56. Хведоръ Набилкивъ и суиравдишныя богатыри	490.
57. Сынъ проданный	495.
Указатель мѣстностей, гдѣ записаны сказки настоящаго выпуска	509.
Указатель лицъ, записывавшихъ сказки	511.
Указатель предметовъ	513.

1. Пилачъ—добрый молодзецъ.

У нѣкоторомъ царствѣ, у нѣкоторомъ государствѣ живъ сабѣ царь. И на былѣ у яго дзяцей. Ёнъ ставъ Бога просиць, кабъ яму народзисся які-нѣбудзь отродышъ. И народзисся яму отродышъ, Иванъ Ивановичъ сынъ, рускій царевичъ. Тоды, ёнъ росъ не по часахъ, да по минутахъ. Якъ ёнъ заплачець, дыкъ на яго оцецъ и маць говѣриць: «мовчи, мой сынъ возлюбленный,—я цябе жаню на Ялени пріўкрасной!» Дыкъ ёнъ и змѣкнець. Пѣтомъ, усецнѣ уже до сямнатца лѣтай, и увидавъ на гѣродзи полтретъ Ялени пріўкрасной. Пѣтомъ приходзиць домовъ и говѣриць на отца свойго, на маць: «вы говорили, женица мне на Ялени пріўкрасной!» А ёнъ говѣриць: ты яще дужа молодъ! Потомъ ёнъ рассярчае на отца и на мацярь и ўѣхавъ отъ ихъ во другій гѣродъ, дѣ находзилася Ялена пріўкрасная. Тамъ ёнъ обнучувавъ дѣ и ставъ распрашаваць объ Ялену. Такъ яму отвѣчали: «што табѣ Ялены ниякъ нельзя увидаць: дѣйствицално, што яна потъ сохраниямъ у Пилача—добраго молодца. Сильно на яго нападаюць усякія кунечаство, кабъ отобраць яе. И выводжоць яго на площадъ и даюць сильныя ўдары. Заўтрашній дзень будучъ яго ўзнава на площадъ выводжоць и будучъ сто ударовъ даваць. То ёнъ будзець просиць, што хто залѣжиць за мене сто цалковыхъ, то я буду жаниць яго на Ялени пріўкрасной. Ну, да ты не кладзи дзенехъ первый разъ!» Ну, назаўтраго вывали яго на площадъ и дали сто ударовъ,—не заклавъ никто за яго дзенехъ. Тоды старуха яму сказала: «на заўтрашній дзень яго тожа будучъ выводжоць, будучъ яму назначаць удары уже ўдвоа, якъ былѣ. Ёнъ тожа будзець просиць, кабъ хто заложивъ за яго дзенехъ удвоа, ну ты не кладзи!» Ну, назаўтраго вывали яго ўзнава, дали двѣсця ўдаровъ,—опяць жа за яго никто не заложивъ за яго дзенехъ. На третій дзень опяць жа хозяйка яму говѣриць, што будучъ яго выводжоць на площадъ, то ёнъ будзець просиць, кабъ за яго заклали дзеньги, якія ёнъ будзець просиць. Такъ яна яму сказала: заложы дзеньги на третій дзень! Вывали яго на площадъ, ёнъ заложивъ за яго дзеньги. Тоды Пилачъ добрый молодзецъ узявъ Ивана царевича нсѣ собою и повѣеъ къ Ялени пріўкрасной. Пришовши къ ёй и говѣриць: вотъ, говѣриць, Ялена пріўкрасная, якого я къ табѣ *кавалера*

привѣтъ! Тоды ина сказала яму и говориць: на што мнѣ кавалеры? Ёнъ на яе сказавъ: коли я говорю, довжна слухаць! И такъ нѣскольки ўремя яны были ўтроихъ. Тоды ёнъ уже, скушно яму стало тамъ,—ли жа пройцѣтца, ли жа прокацѣтца хочетца. Тоды ставъ просилъ Пилача добраго молойца Иванъ царевичъ. Пилачъ добрый молодець заклавъ своихъ добрыхъ пару лошадей и выѣхавъ зъ города вонъ. Пѣтомъ, слышиць, што за имъ силная погоня: наславъ оцѣъ Ивана царевича войска, кабъ отобраць Ивана царевича отъ Пилача добраго молойца. И ёнъ, Пилачъ добрый молодець, знавъ, што за ими силная погоня будзець, ну имъ ёнъ не казавъ, кабъ яны не злякались. Тоды ёнъ говориць: «хорошій я, говориць, кучаръ, только нѣту у мяне кучарской шляпы. Обожджиця вы тутъ, а я пойду, возьму кучарскую шляпу!» И пошовъ на сустрѣчу къ той къ погонѣ. Сустрѣкаецъ ету погоню, спрашиецъ у яго войско: ци ня видзѣвъ ты, ня ѣхавъ тутъ Пилачъ добрый молодець съ Яленой пріўкрасной и съ Иваномъ царевичамъ?—А ето, говориць, я самый! Тоды яны хоцѣли яго убиць на мѣсци. Такъ яны не могли съ орудзія яго убиць, а ёнъ дзержанной палкой ихъ поўбивавъ усихъ, только оставивъ одного солдата: пойдзи, каецъ, скажи своему царю, кабъ ёнъ войска больше не церявъ! Ну ёнъ, етый солдатъ, пошовъ исказавъ ето царю. Царъ наславъ войска ещё бѣляй, ўдвая якъ было. Такъ ёнъ опяць жа вороцився къ имъ и поѣхали. И чуецъ ёнъ опяць за ими погонѣ. Тоды ёнъ говориць: да, хорошій я кучаръ, только нема у мяне кучарскаго кушака! Узявъ и пошовъ къ етому войску. Опяць же спрашиецъ войско у яго: ци ня видзѣвъ ты, тутъ ѣхавъ Пилачъ добрый молодець съ Яленой пріўкрасной и съ Иваномъ царевичамъ?—А ето я, говориць, самый! Ну, яны яго хоцѣли съ орудзія убиць. Такъ ёнъ узявъ палку дзержанную и поўбивавъ ихъ усихъ, только оставивъ двухъ чаловѣкъ живыхъ. И приказавъ имъ опяць жа: «кабъ царъ вашъ войска больше не церявъ: яму Ялены пріўкрасныя и Ивана царевича не отобраць отъ мяне!» Цяпера опяць жа ёнъ сѣвъ на своихъ лошадей и поѣхали. И ў третій разъ почувъ, опяць жа послышавъ, што силная погоня за имъ. Такъ ёнъ опяць жа говориць: хорошій я кучаръ, только нема ў мяне сапоговъ зъ длинными голяницами! Злѣвъ ёнъ опяць и сустрѣкаецца зъ естымъ войскомъ самымъ. Войско у яго спрашиецъ: ци не выдавъ ты, тутъ ѣхавъ Пилачъ добрый молодець и Ялена пріўкрасная и Иванъ царевичъ? А ёнъ говориць: ето я, говориць, самый! Яны яго хоцѣли ўбиць, такъ ёнъ опяць узявъ дзержанную палку и поўбивавъ ихъ усихъ,—оставивъ трѣхъ чаловѣкъ. Пѣтомъ вороцився назадъ къ своимъ лошадямъ, ажъ уже на томъ мѣсци лошадей нѣту: яны сило спѣдзились и занясли ихъ—Ялену пріўкрасную и Ивана царевича, у домъ Кащѣ безсмертнаго. Тамъ Кащѣ

безсмертная Ялену пріікрасную узять кь сабѣ ў комнаты, а Івана царевича посадить у вощбянную хату. Потомъ и не приказавъ яму да-
вать пищи никакой. И самъ зъ двора ўѣхавъ, Каща безсмертная. Удрухъ
явлетца Пилать добрый молодець и спрашєць у Ялены пріікрасной:
а гдѣ жъ Иванъ царевичъ? Ина отвѣчала яму, што вотъ у отдѣльной ха-
ци, и приказавъ Каща безсмертный ей, кабъ не давала никакой харчей
яму. Ёнъ, Пилать добрый молодець, сказавъ ей: «ня слухай яго, а якъ—
либо да провизію яму украдня давай; а сама выпытавай у яго, у чомъ
у яго смерць *зависить!*» Потомъ самъ ушовъ зъ двора, Пилать. Явлетца
Каща безсмертная. И Ялена пріікрасная расплакалась перядъ имъ: ска-
жица пожалуста, у чомъ ваша смерць *зависить?* Ёнъ говориць: на што
табѣ?—А я, говориць, хочу дужа знаць! На яд ёнъ сказавъ: а, дура!
у вѣнику моя смерць! И самъ опяць жа ушовъ зъ двора. Явлетца Пи-
лать добрый молодець на дворъ и спрашєць у Ялены пріікрасной: што
ёнъ говориць?—Ёнъ говориць: у вѣнику яго смерць!—«Илжєць ёнъ! Ну
только возьми стый вѣникъ, убери ў ленты ў хорошія, стужки, и поста-
нови у шкапъ!» Самъ опяць жа пошовъ. Явлетца Каща безсмертная,
поглядить у шкапъ, ажъ у шкапи стоить вѣникъ убранный. Ёнъ тоды
отвѣдивъ на Ялену пріікрасную: э, дура! говориць. Возьми, говориць,
брось у печь, спалиць! Отвѣчала Ялена пріікрасная: у чомъ жа ваша
смерць *зависить?*—Моя смерць *зависить* у козлѣ! А самъ опяць жа
увыйшовъ зъ двора. Явлетца Пилать добрый молодець и говориць: што
ёнъ казавъ?—Ёнъ казавъ, што ў козлѣ яго смерць! И Пилать добрый
молодєць сказавъ: убери етаго козла у разныя йстужки, у дваты, и
рогъ яму вызолоть! Тоды яна узяла яго вобрала такъ, якъ ёнъ сказавъ.
И поставила ў шкапъ. Тоды явлетца Каща безсмертная ў домъ и по-
глядить у шкапъ, ажъ у шкапи стоить козєль ввобранный. Тоды ёнъ
говориць на Ялену пріікрасную: дура! говориць. Загнала козла ў шкапъ,
кабъ сцѣклы побивъ! Ёнъ сказавъ, кабъ выкинули яго вонъ и отдали
собакамъ. Тоды яна опяць стала просить: у чомъ смерць твоя *зависить?*
Каща безсмертная отвѣчаєць: дамъ табѣ вѣры цяперъ, што ты мою смерць
приберегала бѣ. Только моя смерць не находитца при мнѣ, а моя смерць
далякѣ. До моей смерци три годъ надо идиць, и не найдзешъ никакой
провизіи сабѣ. Моя смерць: на мори стоить дубъ, у томъ дуби душло, у
душлѣ сундукъ, у сундуку качка, у качки яйцо, а ў яйцы моя смерць!..
Пошовъ ёнъ зъ двора, явлетца Пилать добрый молодець. Цяпера спра-
шєць у яе: што ёнъ сказавъ тѣбѣ?—Ёнъ сказавъ, што яго смерць да-
лякѣ: на мори стоить дубъ, у томъ дуби душло, у душлѣ сундукъ, у
сундуку качка, у качки яйцо, а ў яйцы смерць!.. Такъ ёнъ, Пилать
добрый молодець, пошовъ кь Ивану царевичу: дайка мнѣ дзєнєхъ ты-

сичъ дзесяткъ, миѣ надо на три годѣ побѣдаць! Иванъ царевичъ давъ яму дзенехъ. Пришовъ ёнъ у юсьцинниці и заказавъ ли себѣ обѣдъ— усякія животныя по дзесядъ паръ. Такъ усм удзвлялися зъ яго, Пылача добраго молодойца. Приготовили яму обѣдъ и приготовили дзесяць бо- чакъ вина. Ёнъ побѣдавъ и виномъ запивъ и отправився по Кащи без- смертныя смерць.

Ишовъ ёнъ два годѣ больше якъ съ половиной, и недалёко ўже было Ёциць. И захоцѣлося яму сильно ѣсць. И сустрѣвъ ёнъ кошку, и самъ сабѣ гавориць: уловлю я ету коцѣшка и зѣмъ яго живого! Коцѣнокъ яму отвѣчавъ: ня губи ты мяне, я табѣ у большой пригодзи стану! Ну, ёнъ раздумався и пошовъ опяць: ня ўбавъ того коцѣнка. Сустрѣкаецъ вовкѣ и гавориць: дай я этаго вовчонка изловлю и зѣмъ, и можа, якъ дойду до мѣста! Вовчандкъ отвѣчавъ яму: ня губи мяне: ты мною силно не подѣ- яси, а тольки зубья поломаешъ,—а я табѣ у большой пригодзи стану! Ёнъ оставивъ яго, ни бивъ, ни ловивъ, и пошовъ. Опяць жа бяжиць со- бака. Друхъ ёнъ собаку этаго хоцѣвъ зловить и яго хоцѣвъ зѣсць. Со- бака яму отвѣчавъ: ня губи ты мяне, я табѣ ў большой пригодзи стану! Удрухъ ёнъ оставивъ яго и самъ пошовъ. Приходзиць къ мору и смотриць на моря. На мори стоиць востровъ, на вострови дубъ. И думаецъ ёнъ: якъ до яго добратца? И самъ сабѣ гавориць: гаворивъ миѣ вовкѣ,—што ў большой пригодзи стану! Кабъ ёнъ ко мѣ сюды! Удрухъ являецца вовкѣ. Пылачъ добрый молодець садзився на яго и перѣжджавъ на во- стровъ къ дубу. И смотриць на дубъ: якъ жа на яго узобратца? И на- думався: гаворила миѣ кошка, што ў большой пригодзи стану! Являецца кошка, уздралась на етый дубъ, у дупло. Вывярнула оттуда сундукъ. Потожъ ёнъ сундукъ етый узавъ и сѣвъ на вовка опяць и выѣхавъ на бѣрехъ. Сѣвъ на бѣрези и разломавъ сундукъ. Выскочила съ сундука качка и спрячилась у трясъникъ (тростникъ). Ёнъ начавъ думаць, што дѣлаць. «Гаворивъ миѣ собака, што ў большой пригодзи стану!» Являецца собака и пошовъ по трясънику. Уловивъ тамъ качку и принёсъ къ яму. Пылачъ узавъ качку; сѣдзя надъ берегомъ, разорвавъ яе—вывалилось яйцо ў мора. Тоды ёнъ ставъ думаць, што дѣлаць. Узавъ, надумався. Узавъ, съ свое головы вырвавъ волосься, сплѣвъ небольшую вудочку, за- кинувъ вудку ў моря и споймавъ рыбку *уродзи* золотой. Рибка яму от- вѣчала: не бяри мяне, я табѣ ў большой пригодзи могу стаць! Тоды ёнъ гавориць: ну, пойдзи жъ, мнѣ вынясь яечко, я ўбросивъ у моря! Яна пошла, рыба, на дно искаць яечко. Спросила ў другой рыбы: ня видала яечка? Рыба отвѣчаецъ: ня видала! Спрашѣць у раковы: ня видали яечка, раки? Раки отвѣчаюць, што старый ракъ споймавъ яечко. А дѣжъ ёнъ?— У кабакъ пьянствуецъ! Сыскали рака. Ракъ вынясь яечко, отдавъ Пылачу.

Пилачъ ето яечко ўзявъ и понёсъ домовъ, къ Кащу безсмертному. Приходиць къ Кащу безсмертному, Кащи нема дома. Ёнъ ето яечко на плитѣ. Являетца Каща безсмертная къ плицѣ, хочецъ яечко вотобраць. Ну Пилачъ добрый молодзецъ не допусьцивъ и зжохъ тоя яечко соўсмиъ. Якъ яечко испалилось, Каща безсмертная помярь.

Цяперя ёнъ остався ісь Яленою пріўкрасною, съ Иваномъ даревичамъ. Запрягали яны лошадей ■ ўўжаджали у царство къ Ивану царевичу, къ отцу. Ъдучи имъ по дорози, захоцѣлося спаць Ялени и Ивану царевичу. И спрашуюць у Пилача: хочетца намъ крѣпко спаць? Отвѣчавъ Пилачъ д. м.: ложитесь спаць! Яны сичасъ жа уснули, а Пилачъ такъ лежавъ потъ каретой. Друхъ прилетаецъ на ету карету три голубы и стали брукваць: «Ъдзець Иванъ царевичъ къ отцу къ мацери ў госьци съ Яленою пріўкрасною. Оцецъ жа доволенъ етому, а маць-то не весьма довольна пріѣзду Ивана царевича и Ялены пріўкрасной, ну (но) ісь хитросьцю ихъ жалаецъ приняць къ сабѣ: жалаецъ ина ихъ отравить. И приготуецъ ина имъ чай, нальецъ у стаканы, то яны нехай ня пьюць, а нехай по полу разольюць, то увидяюць изъ естаго чаю придмѣты: коли разольюць, такъ загоритца чай у тыхъ мѣстахъ, гдѣ разольюць, отъ силныя сукльмъ. А хто слышиць, да скажець, дыкъ до колѣнъ каменямъ станець!» Сказавши етакъ и поляцѣли. И только слыхавъ Пилачъ д. м. ето, што голубы говорили. Проснувся Иванъ ц. и Ялена пр. и поѣхали оныцъ. Нѣскольки ўремя проѣхали, оная жа имъ захоцѣлось спаць. Удрухъ яны отвѣчаюць Пилачу д. м.—хочемъ мы крѣпко спаць! Остановився Пилачъ д. м. лошадыми. Яны лягли у кареци спаць, а Пилачъ д. м. потъ каретой. Яны жъ сичасъ уснули, а Пилачъ д. м. такъ ляжиць потъ каретой. Прилетаюць оная жа три голубы на карету, и оная жа стали говорыць: «Ъдучъ Иванъ ц. и Ялена пр. къ отцу къ мацери ў госьци. И оцецъ весьма радъ ими, ну маць не такъ-то. Маць жалаецъ ихъ оная жа такъ страбиць, отравить. Приготуецъ ина имъ жаркѣя; яны нехай не ядучъ, а нехай по полу раскидуюць. Дыкъ и полъ мѣстами повыгориць тыми, идѣ жаркою лѣжиць. А хто слышиць да скажець, той по поясъ каменямъ станець!..» И поляцѣли. И никто етого ня чувъ, окрѣмъ Пилача, д. м. Ну, тоды проѣхали яны оная жа нѣскольки ўремя, захоцѣлось имъ оная тожа спаць. Яны отвѣчали Пилачу д. м.—хочетца намъ крѣпко спаць! Пилачъ д. м. остановився лошадыми. Яны оная жа лягли у кареци спаць, а Пилачъ д. м. потъ каретой. Друхъ прилетаюць три голубы на карету, стали разговариваць: «Ъдучъ Иванъ ц. и Ялена пр. къ отцу къ мацери у госьци. Оцецъ весьма доволенъ ими, а маць не весьма довольна, ■ жалаецъ ихъ страбиць. Посьцѣляць имъ посьцель—одны будуць ножи да шабли; ну имъ замѣтно будзець, што подушки хорѣшія. Нехай яны у тую посьцель

не ложатца спаць, а ляжучь на голомъ полу. А яна ўвидзіць, што яны сляць на голомъ полу, и будзець кь имъ лѣць у вокошко, кабъ ихъ своими руками смерци придаць. Якъ будзець яна лѣць у вокошко, нехай яны отрубюць ёй палцы ли примѣты. А хто чуець и скажець, и ўвесь камянямъ станець!..» И тольки чувъ Пилачъ д. м. Пріѣхали яны кь отцу, и оцецъ ими вельма доволенъ. По хитросьци и маць тожа. Потомъ, принимали ихъ кь сабѣ. Наливала яна имъ чай; а яны етый чай не пили; а по полу разлили,—полъ загорѣвся. Пилачъ д. м., якъ ѣхали, сказавъ ня ѣсьць, ня пидъ и на посьцель не ложитца. Яна етымъ осталась недовольна, ну тольки ще ня выказувала хитросьди своей, а обходзилась коло ихъ хорошо. Поднашивала имъ жаркоя, яны опяць жа ня ѣли, раскидали по полу. Полъ мѣстами и выгорѣвъ. Тоды постлала яна имъ посьцель. Яны пошли спаць, да не ложилися на посьцель, а лягли на полу. И ўдрухъ смотриць—у вокошко лѣзець яго маць. Такъ ёнъ узаявъ и отрубивъ ёй пальцы. Яна отвалилась назадъ и закричала: хоѣвъ сынъ зарѣзаць мяне! Назаўтраго вутро собиралась большая публика и судили яго, якъ наказанію здѣлаць. Думали здѣлаць наказанія яго на растрѣль. Удрухъ ёнъ отвѣчавъ Иванъ ц., што у мяне ёсь чаловѣкъ такій, што миѣ искававъ усё, якая миѣ будзець приготоуленія; за ецимъ самымъ я издѣлавъ такъ! И спросили у яго сичасъ чаловѣка того. Иванъ ц. вызывавъ своего скрывацеля, Пилача д. м. У Пилача д. м. испрашивали: якъ ты могъ знаць ето, хто табѣ искававъ?—Миѣ сказали три голубы етыя припшестъ-ви! Публика у яго испросила: ну, раскажи, якъ ето было, якъ табѣ казали? Ёнъ ставъ говориць: «Первый разъ приляѣли три голубы и сказали: ѣдзець Иванъ ц. и Ялена пр. кь отцу кь мацери у госьци; ну маць ихъ хочець отруиць. Якъ дасъ имъ чаю, нехай ня пьюць, а по полу разольюць! Яны ня пили, узияли по полу разлили, и полъ загорѣвся. А хто чуець, да скажець, по колѣно камянямъ станець!..» Такъ и ставъ Пилачъ д. м. по колѣно камянямъ. «Тоды другій разъ приляѣли голубы и кажуць, што поставиць имъ маць жаркоя, и яны нехай не ядуць, а по полу раскидуюць!.. Яны ня ѣли, а раскидали—полъ мѣстами и выгорѣвъ. А хто чуець, да скажець, по поясъ камянямъ станець!» И ставъ по поясъ камянямъ Пилачъ, добрый молодзецъ. Публика видиць ето дѣло и говориць: нехай чаловѣкъ понапрасному не погибаетъ! Пилачъ д. м. отвѣчаецъ: «што слышивъ, то ўсё раскажу! Третій разъ приляѣли голубы, сѣли на карету и говорили: ѣдзець Иванъ ц. и Ялена пр. кь отцу кь мацери ў госьци, ну маць хочець ихъ страиць: посьцелиць имъ посьцелю—одны ножи да сабли. Яны нехай у той посьцели не ложатца, а нехай лягуць на полу и смотрюць; якъ будзець кь имъ маць лѣць у вокошко, то нехай пальцы отрубюць ли примѣты. А хто ето чуець, да скажець, той увесь

каменямъ станецъ!» И ставъ увесь каменямъ. Оправдали Ивана ц., и жанився ёнъ на Ялени пр. Прожили яны годъ, народився имъ нарождзе-нецъ. И видзидъ во снѣ Иванъ ц.: говѣриць яму Пилачъ добрый молодець: «э, говѣриць, Иванъ ц.! народився у васъ наслѣдникъ, и коли жа-лаеця вы мяне воскресиць, возмиця, етому маленькому рябѣнку разрѣжця мѣзинный палець, и сколькои снѣдзѣць крывй, помажця етый камень на-ѹхрисѣць,—такъ я могу устаць!» Проснувся Иванъ ц. и ѹходзѣць къ Ялени пр. Смотриць, ажъ ина родзила рябѣнка. Удрухъ ёнъ ставъ расказаваць свой сонъ. И расказавъ Ялени пр. етый свой сонъ, такъ яна и сказала: што сколькои ёнъ насъ берегавъ, то надо яго тожа узбяречъ! Узjali разрѣзали етому рябѣнку мѣзинный палець и спусьцили крывй жежець ись одну каплю. Узjali понясли икъ тому камню и помазали той камень наѹхрисѣць. Такъ той камень развалився, и Пилачъ д. м. вышавъ оттуда, и ставъ изъ ими проживаць. И цяперъ живѣць.

С. Радомля, чаусск. у. Отъ кр. Семена Ясонова, 25 л., негр. Произ-ведение подверглось въ сильной степени позднѣйшей передѣлкѣ.

2. Булатъ—добрый молодець.

Иванъ Ивановичъ рускій царевичъ бывъ пребольшій охотникъ у крѣгли гулять съ хлопцами. Отъ ёнъ разъ значить палками швыравъ у крѣгли, а идѣ женщина, бабка. Тая палка отскѣчила, да той бабкы по ногѣ. Яна озирнулась назадъ, хто ето швырнувъ,—ажно Иванъ Ивановичъ, рускій царевичъ. Тогда яна говѣра: «Иванъ Ивановичъ, не со мною табѣ гу-лять, а ёсть у цара Кирбита царевна Кирбитовна,—отъ съ той табѣ по-гулять!» Ёнъ сабѣ задумався: игдѣ жъ миѣ разыскать яе? сабѣ такъ думая. Пришовъ домовъ, собрався ѹ дорогу и поѣхавъ. Отъ ёнъ ѣхавъ, ѣхавъ, сколькои дней, сутокъ, и самъ не зная, куды ѣдъ. «Што жъ, кажъ: ѣхавъ я, ѣхавъ, сколькои дней—сутокъ ѣхавъ, ничого не бачивъ!» По-ѣхавъ дальше, и на третьиѣ сутки прѣяжджая ѹ лѣсъ. Прѣяжджая ето ёнъ у лѣсъ, ажно стоитъ хатка. Ёнъ подѣяжджая къ хати и говѣра на лакея: «*поди*, лакей, значить, спроси, игдѣ царевна Кирбитовна живе!» Пошовъ лакей спрашавать; ёнъ, ия 'жидаѣ лакея, самъ соскочивъ спро-ситъ. Уходя ѹ тую хатку, такъ бабка. «Здрастуй, бабка!»—Здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ, рускій царевичъ! Куды ѣдешъ, Иванъ Ива-новичъ? Ёнъ говѣра: ѣду я къ цару Кирбиту! хочу дочь посвататы!—«Што жъ ты, говѣра, ѣдешъ? заяжджай ко миѣ на хватеру, я тябе наѹчу, якъ достать яе! Ёсть, говѣра, у цара Кирбита Булатъ добрый мо-лодецъ. Ёнъ яго хоча, Булатъ д. м., скасовать, значить, цара Кирбита: хоча яго збитъ, зломать и по колью мясо потыркаць. Дакъ царъ Кир-

бить будя продавать Булата добраго молотца. Дакъ ты иди, кажа, на базаръ и якъ ты убачишь, хто будя ў зялѣззи окованъ, дакъ того й купляй!» Ёнъ выпавъ на базаръ; ходивъ—ходивъ по народу—усё простонародія такая: вотъ, хто якъ ба ў свитки, той у чекмяню, той у сяртукъ, а зъ зялѣззямъ не найды ниякъ. Тогды ёнъ уже хотѣвъ домовъ итить, ажъ тутъ на яго й натрапивъ: водять яго, у зялѣззи ўкованый весь. Вотъ то, значить, самый и Булатъ добрый молодецъ. Тяперь ёнъ, царъ Кирбить, яго продае за то, што ёнъ хоча яго збить и зломать, по колю мясо потыркать. Тогды ёнъ пошовъ на базаръ и ўбачивъ, што царъ Кирбить водя Булата добраго молодца, ў зялѣззи окованъ увесь, и продае яго. Тогды ёнъ якъ цару Кирбиту потхѡда и говѡра: «Здрастуй, царъ Кирбить! Продаешъ ты добраго молотца?»—Продаю!—«Што ты за яго просишь?»—Сто рублей!.. Яму подалося, што ето дорого. Прихѡдя ёнъ зъ ярмалки ня купивши домовъ, икъ бабцы, на хватуру. Бабка й говѡра: што жъ ты, купишь Булата д. м.?—Нѣ, бабушка, ня купишь!—Почаму ты ня купишь?—Да подалося мнѣ дорого!—Якъ ето ты? кажа. Што ёнъ просивъ, тоя ты довжѡнъ заплатитъ! Ну, повичерай да ложись спать, а Богъ батька!.. Назаўтраго рано наставила яму самоваръ, напоила яго, накормила. «Ступай жа ты, кажа, на базаръ и убачишь цара Кирбита, и гляди жъ, штобъ ты беспремѣнно купишь Булата д. м. Што ёнъ будя просить за яго, дакъ ты довжѡнъ давать! Ну ёнъ пошовъ, напавъ яго на базары и говѡра: «Здрастуй, царъ Кирбить!»—Здрастуй, Иванъ Ивановичъ, рускій царевичъ!—«Царъ Кирбить, продаешъ ты Булата д. м.»—Продаю!—«Што ты за яго хочешъ?»—Двѣсти рублей! Иванъ Ивановичъ посумлѡлся, ня купишь,—дорого, значить. Прихѡдя домовъ на хватуру, бабка спрашуя: «Иванъ Ивановичъ, р. ц.! Купишь ты Булата д. м.»? Ёнъ каа: ня купишь!—«А за чимъ ты ня купишь?»—Дорого спрашуя, зато, бабка, я й ня купишь!—«Ахъ ты, говѡра, такіи ты, слякій, глухой! Што я табѣ говорила, дакъ ты довжѡнъ мяне слухать!» Дала яму повичерать, ёнъ и лёгъ спать. Вѣдомо, изъ ярмалку жъ поздно пріяжджають. Повутру яна яго ўбудила, накормила яго и напоила. «Ступай жа ты, говѡра, на базаръ, Иванъ Ивановичъ, р. ц.! Будя ёнъ зновъ яго водить, и што будя спрашавать, тоя довжѡнъ платитъ! А коли ты яго ня купишь, дакъ яго мечъ, а твоя голова доловъ съ плечъ! Ты зѣхавъ не ў своё ўже царство. Што спрашуя, якія деньги, довжѡнъ платитъ!» Ёнъ выходя на базаръ: «Здрастуй, царъ Кирбить!»—Здрастуй, Иванъ Ивановичъ, р. ц.!—«Продаешъ Булата д. м.»?—Продаю!—«Што ты за яго просишь?»—Триста рублей! Подымая вышай. Ёнъ узьявъ триста рублей вынявъ и отдавъ за яго, за Булата д. м. Тогды ёнъ узьявъ яго и новѣвъ на хватуру. Якъ ёнъ бывъ, значитьца, окованъ, дакъ ёнъ узьявъ яго за

дѣшъ да якъ страхнѣвъ, дакъ усѣ ето объѣхало. Тогда ѣнъ прихѣда на хватуру и приводя Булата д. м. Ёнъ иде упорѣдъ, ■ Булатъ д. м. ззаду. Тогда бабка спрашуя: ну, купишь ты Булата д. м.?—Купишь, бабка! Тогда Булатъ д. м. спрашуя: якъ ты, Иванъ Ивановичъ р. ц., хочешъ достать царевну Кирбитовну? Тогда р. ц. Иванъ Ивановичъ и говора: «Булатъ д. м.! я ня могу знать, якъ яе достати!»—Тяперь, говора, радъ царъ Кирбитъ, што мяне продавъ! Ё у яго сямикрыльная лошадь за дванатцатьми вяртами. Коли ты сямикрыльную лошадь достанешъ, дакъ и царевну Кирбитовну достанешъ!—«Якъ жа, говора, Булатъ д. м., мнѣ яе достать?»—Ты говори, говора: ишовъ царъ Кирбитъ у конюшню и менѣ влѣвъ, дакъ табѣ тогда пропуститъ! Ёнъ, значитца, и иде у конюшню. И говора вартовщикъмъ: здрастуйти, рабятушки! А яны говоруть: здрастуй, Иванъ Ивановичъ, р. ц.! Зачимъ ты сюды идешъ?—Да ишовъ, говора, царъ Кирбитъ, и мнѣ влѣвъ! Тогда яны говоруть: нѣ, ёнъ ня йшовъ! А ёнъ говора: нѣ, ишовъ и менѣ влѣвъ! Ну, другъ другу рассказують которые вартовщики: я бывъ у вотлупцы, а ты заснувъ; вѣрно царъ Кирбитъ ишовъ и яму влѣвъ! Пропустили яго. Ну, яму первую булѣ трудно пройти, а тыя якъ по ганкахъ ишовъ. Прихѣда ёнъ къ послѣдней вѣрти: «Здрастуй, рабятушки!»—Здрастуй! Зачимъ ты сюды идешъ?—«А йшовъ царъ Кирбитъ и менѣ влѣвъ!» А яны яго не пускатъ; ето, значить, до лошади не допускають. А ёнъ говора: коли я пройшовъ первую, што ёнъ менѣ влѣвъ, и другую пройшовъ, и усѣ, услѣдъ за нихъ! Тогда яны й говоруть другъ другу: вѣрно царъ Кирбитъ пройшовъ, што ёнъ иде. Коли первая яго пропустили, дакъ намъ уже треба пропуститъ яго! Ну, ёнъ, тяперака, усѣ вѣрты пройшовъ и зайшовъ у конюшню. Зайшовъ у конюшню, поводъ отвязавъ, сѣвъ у стремя и поѣхавъ. Значитца, уворовавъ лошадь. Пріяжджая къ баблы къ той. Бабка тая спрашуя: «доставъ лошадь?» Говора: доставъ!—«Ну, коли ты лошадь сямикрыльную доставъ, дакъ и царевну достанешъ!»—Якъ жа мнѣ ие достать?—«А царъ Кирбитъ буди имшѣ, по намаху—службу, править, што продавъ Булата добр. молодойца. Дакъ ёнъ выйдя ў костѣль Богу молѣтца, и ты йди ў костѣль. Тогда ты убачишь царевну Кирбитовну, свою нявѣсту!» Ну, имнѣ отиравляецца, значитца, кончаецца служба. Усѣ повиходили, а Иванъ Ивановичъ р. ц. остаѣтца у костѣли. Тогда вна яго увидѣла и ина осталась. Тогда ёнъ и говора, Иванъ Ивановичъ: «здрастуй, царевна Кирбитовна! пойдешъ ты за мяне замужъ?»—Дли милѣйшаго друга зъ десятиы итѣжи по полотенцу испущусь!.. Прихѣда ёнъ доховъ, Булатъ д. м. яго ■ спрашуя: видавъ ты царевну Кирбитовну?—Видавъ. говора, Булатъ д. м.!—Што яна табѣ объяснила?—Дли милѣйшаго друга по полотенцу къ табѣ испущусь!—Ну, садись жа, говора,

подъяждай къ ёй! Ёнъ съязъ и поѣхавъ. Зравнявся зъ естимъ вокош-комъ; яна почула, што ёнъ зравнявся зъ яе вокошкомъ—шtosъ дѣлала тамъ—то яна ўзяла, полотенца за щибелку зашпила, и спустилась къ яму на стремя. Съли й поѣхали. Ъхать дакъ ѣхать, тогда обнимая ихъ ночь. Булатъ добрый молодець котёлъ разбивъ, ихъ накормивъ и спать положивъ. Чуя ёнъ топъ конскій и посвистъ чаловѣчацкій. Чуя ёнъ ето дѣло, ёнъ свою бронь узавъ и на часахъ ставъ. Шлѣ царъ Кирбитъ роту солдатовъ: «Гдѣ нападѣтя Ивана Ивановича р. ц., шtosъ яго збили, зломали, по колью мясо поторкали, а царевну до двора узали!» Тогда Булатъ д. м. сустркая ихъ. «Здрастуй, братъ! ти ня видѣвъ ты Ивана Ивановича р. ц. и царевны Кирбитовны?»—А я, говора, Булатъ д. м., зъ ими ѣду! Шатнувъ своей брѳной направо—налѣво, усихъ избивъ, оставивъ усяго пять чаловѣкъ, и говора имъ: ступайтя, скажитя своему цару Кирбиту, сукиному сыну, шtosъ ёнъ боляй не славъ, людей не теравъ, а то ўсимъ ето будя! А самъ вярнувся назадъ, ихъ побудивъ, котёлъ разбивъ, накормивъ, напоивъ, и на смякрызнаго коня усадивъ. Съли й поѣхали. Ъхать дакъ ѣхать, обнимая тѣмная ночь. Ёнъ узавъ, котёлъ разбивъ, накормивъ ихъ, напоивъ и спать положивъ. Свою брѳю ўзявъ и на часахъ ставъ. Чуя топъ конскій и посвистъ чаловѣчацкій, значить идуть и свищуть. Шлѣ царъ Кирбитъ два полки солдатовъ. «Гдѣ нападѣтя Ивана Ивановича р. ц., шtosъ яго збили, зломали, по колью мясо поторкали!» Ёнъ ихъ сустракія. —«Здрастуй, братецъ! ти не выдавъ ты Ивана Ивановича рускаго царевича и царевны Кирбитовны?»—А я, говора Булатъ д. м., зъ ими ѣду! Ёнъ своей брѳной шатнувъ направо—налѣво, усихъ головы откосивъ, оставивъ сколько, и каа: идитя, скажитя своему цару Кирбиту, с. с., шtosъ ёнъ не славъ, людей не теравъ,—усимъ ето будя! Самъ назадъ вярнувся, ихъ побудивъ, котёлъ разбивъ, накормивъ—напоивъ, на коня усадивъ. Съли й поѣхали. Ъхать дакъ ѣхать, обнимая ночь. Стали и заночевали. Ёнъ котёлъ разбивъ, накормивъ ихъ, напоивъ и спать уложивъ. Самъ свою брѳю ўзявъ и на часахъ ставъ. Чуя ёнъ топъ конскій и посвистъ чаловѣчацкій. Шлѣ царъ Кирбитъ три полки солдатовъ, шtosъ яго збить и ломать, Ивана Ивановича р. ц., и по колью мясо поторкать, а царевну до двора ўзять. Ну, ёнъ ихъ сустркая. Яны говорятъ: здрастуй, братецъ! ти не выдавъ ты Ивана Ивановича р. ц. и царевны Кирбитовны?»—А я, говора, Булатъ д. м., зъ ими ѣду! Своей брѳной шатнувъ направо—налѣво, усихъ головы откосивъ, оставивъ только на 'твѣтъ пять чаловѣкъ. «Идитя, говора, къ своему цару Кирбиту, с. с., скажитя, нехай ня шлѣ, людей не терал,—усимъ ето будя! Вярнувся назадъ, ихъ побудивъ, котёлъ разбивъ, накормивъ—напоивъ, на коня усадивъ. Съли и поѣхали. Ъхать дакъ

ѣхать. обнимая ихъ ночью. Иванъ Ивановичъ р. ц.—тутъ ночевать, а Булатъ д. м.—прѣдложъ дальше! Той, значитца, дальше ѣхать, а Иванъ Ивановичъ: тутъ ночевать! Булатъ д. м. рассѣрдился, узавъ, котѣль разбивъ, накормивъ, напоивъ, и спать ихъ уложивъ. А самъ рассѣрдился, пошовъ на дорогу зъ голыми руками, якъ стоять, не узавъ брони. Чуя топъ конскій, посвистъ чаловѣчацкій. Сустракая ихъ,—шесть полковъ шле царъ Кирбитъ: гдѣ нападѣтя, яго збитя, зломайтя, по колью мясо поторкайтя, а царевну до двора! Яны говоруть: здрастуй, братецъ! Ты не выдавъ ты Ивана Ивановича р. ц. и царевну Кирбитовну и Булата д. м.?—Здрастуйтя, здрастуйтя! Я самъ, говора, Булатъ д. м.! Вотъ яны стали яго воевать мятлѣми тамъ, протчними, а Булатъ д. м. якъ хвативъ дуба, у чатыре ухваты за вяршину, да якъ покотивъ по ихъ, дакъ усихъ чисто подушнивъ, побивъ, ажъ юшка зъ ихъ потяклѣ. Тольки оставивъ десять чаловѣкъ отвѣтъ цару дати: ступайтя и скажитя своему цару Кирбиту, с. с., штобъ болей не посылавъ, людей не теравъ, а то ўсинъ его будя! Вирнувся самъ назадъ, ихъ узбудивъ, котѣль разбивъ, накормивъ—напоивъ, на коня усадивъ. Сѣли и поѣхали. ѣхать дакъ ѣхать, обнимая ночь. Иванъ Ивановичъ говора тутъ ночевать, а Булатъ говора дальшай ѣхать. А Иванъ Ивановичъ: тутъ ночевать! Ёнъ узавъ, рассѣрдился: ночевать, дакъ ночевать! Котѣль разбивъ, накормивъ—напоивъ и спать уложивъ. А самъ зъ голыми руками на дорогу пошовъ. Чуя топъ конскій, посвистъ чаловѣчацкій. Шле царъ Кирбитъ девять полковъ солдатовъ, штобъ яго збить, зломать, мясо по колью поторкать, а царевну до двора. Ёнъ идѣтъ нмъ безъ усякой брони, зъ голыми руками. «Здрастуй, братецъ! Ты не выдавъ ты Ивана Ивановича, и царевну Кирбитовну, и Булата д. м.?» —Здрастуйтя! Я, говора, Булатъ д. м.! Яны стали яго воевать, а ёнъ выхвативъ дубъ у носияхъ ухватовъ, да повярнувъ направо и налево — усихъ ихъ и откосивъ. Тольки оставивъ сляпыхъ да хромыхъ, которые не приступились. Тольки тия и остались. Ёнъ имъ говора: идитя и скажитя своему цару Кирбиту, с. с., штобъ ёнъ болей не славъ, людей не теравъ, а то ўсинъ его будя! А самъ назадъ вирнувся.

Приходя, ажъ смякрылому лошадо голова прочъ, Ивану Ивановичу, р. ц. голова прочъ, а царевны Кирбитовны соўсинъ нема—украдена. Тогда Булатъ д. м. и говора: вотъ, Иванъ Ивановичъ р. ц., я казавъ дальшай ѣхать, а ты мяне не послухавъ! Што мнѣ зъ вами дѣлать: табѣ голова прочъ, смякрылому лошадо голова прочъ, а царевны Кирбитовны соўсинъ нема! Узавъ ножъ, пузо коню разрѣзавъ, трыбухъ вываливъ, самъ у рѣбры сѣвъ. Лятитъ крумкатъ старый и молодой. Одинъ говора: крумъ! а другій: сыръ! Молодой сѣвъ да клѣвъ того коня! А Булатъ д. м. яго за ногъ и схвативъ! Старый спрашуя: «Булатъ д. м., отпусти ты мойго

сына!» — А, ты, вѣрона, говора, по свѣту летаешъ, побольшай за насъ знаешь: ты ё вода гоющая и живущая? Говора: ё! Подвязуй мнѣ гоющую бутылочку потъ правое крыло, а живущую подъ лѣвое! Булатъ д. м. спрашуя: игдѣ йна ё? — А за дванатцатыми вѣртами гоющая; тожа такъ и живущая! Ёнъ подвязавъ ямѣ бутылочки, той веронѣ и полятѣвъ. Прилятая къ той крыниці, гдѣ гоющая вода, опустился низянько и лятить. А вѣртовщикъ за ямъ гонюцца, хочуть пойхать яго. Ёнъ пролятѣвъ усѣ стын варты и поднявся ўгѣру; нависъ на тую крыницу и ўзявъ гоющей воды. Тогда прилятая къ той крыниці, гдѣ живущая вода, и яё такъ жа набравъ. Ташеръ ёнъ полятѣвъ назадъ. Прилятѣвъ ёнъ туды, того вѣрона сына Булатъ д. м. ўзявъ и разодравъ наполакъ яго. Тогда зляпшилъ, помазавъ гоющей водой — загойлось; помазавъ живущай — оживился. «Ну, ступай, говора, зъ Богомъ!» Пустивъ яго. Тогда ўзявъ Ивана Ивановича р. ц. зляпивъ; показавъ гоющей водой — загойлось; помазавъ живущай — оживился. И коня такъ усѣ 'дно. Тогда й говора Ивану Ивановичу р. ц.: я табѣ говоривъ дальшай ѣхать, а ты казавъ тутъ почевать. Отъ, якъ ты мяне не послухавъ, то й сямикрыльной лошади голова была прочъ и табѣ прочъ. А гдѣ твоя царевна? Ёнъ говора: ня могу знать! Ну, тогда ёнъ ўзявъ, котѣль разбивъ, накормивъ, напоивъ, на сямикрыльную лошадь посадивъ. Сѣли и поѣхали. Ухать дакъ ѣхать, — стоить змяинный домъ, на дванатцать палъ. Ёнъ такъ, якъ ѣхать, подѣѣхавъ къ пару Идолу и пошовъ къ ямѣ ў горницу. А царевна Кирбитовна убачила яго, дакъ ина рада яму. Тогда выходя царъ Идолъ, спрашуя яго: зачѣмъ ты сюды пришовъ? Ёнъ говора: якоа табѣ дѣло, што я пришовъ? Тогда ўзявъ, сошкробъ цара Идола, поднявъ яго за волосы ўгѣру — собравъ усѣ косы — и посладилъ яго на ладолю. Яё ударивъ ладолю по ёмъ, — здѣлавъ яго, зѣвъ жидовскую мацу. И кинувъ яго за окно. Яё кинувъ яго за окно, расплыся ёнъ якъ г.но. Тогда царевну за руку и повѣвъ. Привѣвъ, на сямикрыльную лошадь усадивъ, — сѣли и поѣхали. Обнижая ночь. Ёнъ ўзявъ, котѣль разбивъ, накормивъ — напоивъ и спать положивъ. Свою броню ўзявъ, на часахъ ставъ. Летять птицы райскія, пѣють пѣсни царскія: «наготовала мачиха Ивану Ивановичу р. царевичу обѣдъ съ отрѣтою: якъ ёнъ изѣѣсть, дакъ пропадѣ, а жонка яго будя у яё свиньей пасть! А хто это чуй, да откажа, дакъ кѣменятъ стѣня!» Ну, ёнъ назадъ воротився, ихъ разбудивъ, котѣль разбивъ, накормивъ, напоивъ и на коня усадивъ. Сѣли й поѣхали. Ухать дакъ ѣхать, — обнижая ночь. «Иванъ Ивановичъ! говора Булатъ д. м.: тутъ трѣба почевать!» — Нѣ, кажа: не далѣко до двора, поѣдомъ домовъ! А Булатъ говора: тутъ почевать! А ёнъ не ўсхотѣвъ. Тогда царевна Кирбитовна говора Ивану Ивановичу р. ц.: «колибъ ёнъ хотѣвъ насъ загубить, дакъ ба ёнъ упрѣдъ

насъ загубивъ. Ты яго не послухавъ упародъ, дакъ и табѣ голова прочь и симикрыльному коню голова прочь; а я гдѣ была?» Ну й заночевали. Ёнъ котѣль разбивъ, накормивъ ихъ, напоивъ и спать уложивъ, а самъ брѣню ўзявъ, на часахъ ставъ. Летять птицы райскія, пляють пѣсни царскія: «наготовала матиха Ивану Ивановичу шубу, золотая звѣзда и серебряная, зъ гадами съ повзучими и зъ лятучими. Якъ ёнъ ету шубу надѣня, дакъ и пропадѣ; а жонка яго будя у яѣ свиньей пасть. А хто его чую да откажа, дакъ кѣменяиъ стана!» Ёнъ вярнувся назадъ, ихъ узбудивъ, котѣль разбивъ, накормивъ, напоивъ, на коня усадивъ; сѣли й поѣхали.

Тяперака Иванъ Ивановичъ р. ц. пріѣжджая ко двору. Вынося матиха шубу сыну: золотая звѣзда и серебряная, штобъ яму почицай надѣтца и подыйти къ членамъ у сыноть. Тогда Булатъ д. м. говора: дай-ка мнѣ помѣрять прѣжда! Да за тую шубу, да ў лѣсъ. Тамъ вывалило осиньнику пѣлую десятину. Ёнъ уклавъ у восиньникъ шубу, тогда яго потналивъ. Якъ стали лятѣть гады лятучія, повзучія! Ёнъ навязавъ мятѣль, позбивавъ ихъ, позжетавъ, усихъ поपालивъ, и назадъ вярнувся. Нясутъ Ивану Ивановичу р. ц. обѣдать яго матихи слѣги. Ёнъ говора: я свойму барину угоджавъ усю дорогу, дайта я подиясу и обѣдъ! Узявъ, понёсъ; упустивъ и разбивъ. Отратовавъ яго отъ двѣхъ смяртей. Тяперака ночи дождались. Яму отводятъ комлату, Булату д. м., штобъ не спать умѣсти зъ молодыми. А ёнъ говора: я тутъ заночую, коло своихъ молодыхъ! А Иванъ Ивановичъ р. ц. говора: иди, братъ,—табѣ тамъ спокійно буди!—Нѣ, я тутъ буду ночевать! Тогда царевна Кирбитовна говора Ивану Ивановичу р. ц.: «коли ёнъ тутъ хоча ночевать, то нехай почуи! Што за клопотъ, што мужъ изъ жаной почуя? Коли бъ ёнъ хотѣвъ насъ страбить, то бъ ёнъ и прѣжда загубивъ!» Ёнъ, значить, заночевавъ. Ноччи матиха присылая трохъ иделовъ, штобъ Ивану Ивановичу р. ц. голову оторвать, а царевну Кирбитовну узять. Идутъ яны у самую полночь вокошко выдрали, и лѣзуть у вокошко. А ёнъ сѣвъ подъ вокошкою. Ёнъ узাপивъ одного за голову, голову открутивъ! Тья говоритъ: лѣзъ, братъ, ты! Полѣзъ другій, ёнъ и тому голову открутивъ. Полѣзъ третій, ёнъ и третьяму голову открутивъ. Пошовъ на дворъ, вокошко ўставивъ и ставлю причинивъ. Уходя ў горницу, запаливъ свячу, —смотра, ти ня ўзбрызнула на ихъ кровь: штобъ мониъ молодымъ стыда ня булѣ! А Иванъ Ивановичъ прошнувся. Зиръ: Булатъ д. м. хотѣвъ страбить насъ! Крикнувъ, гвалтнувъ: хотѣвъ мнѣ мѣчамъ голову отсѣкти! Загадавъ по ўсяму царству кручча наковать и Булата д. м. усяго растерзати. Ну, звѣстно, у яго у часъ здѣлано ўсѣ, ето не ў нащипца. Трѣба яго уже вывести у чистое поля и зачатиъ яго и растерзати во ўсѣ стороны,

Тогда ёнъ сказую: «дай мнѣ, Иванъ Ивановичъ, р. ц., Богу помолѣтца и сторая расказать! Вотъ, говора, якъ я за васъ страждався: Летять птицы райскія, пѣють пѣсни царскія: наготовала мачиха Ивану Ивановичу р. ц. обѣдъ съ отрутой, и шубу—золотая звѣзда и сяребраная. Якъ ёнъ той обѣдъ зѣѣсть, ти шубу надѣня, дакъ пропадѣ, а жонка будя у мачихи свиньней пасть! А на третью ночь пошлѣ на яго трохъ идоловъ, штобъ яму голову оторвали, а жонку ўзяли! А хто чуя да откажа, дакъ каменямъ стая!» Тогда царевна Кирбитовна говора: вотъ, слуга наша вѣрная! А ёнъ уже каменямъ ставъ.

Черазъ годъ народився у нихъ сынъ. Тогда Ивану Ивановичу приснилось: «Вотъ, сына страби, вынь сердца, и помажь мене, дакъ я тогда стану живымъ, и отроцѣ твоей будя живо!» Ёнъ и сказую царевни Кирбитовни, а она говѣра: ну, жаль Булата д. м., ну свойго чада-дитяти ще жалѣяѣ!—Пояжджай ты, царевна Кирбитовна, у костѣль, и я сичасъ буду! Тяперъ яна отпавилась на чатвѣрцы у костѣль, а ёнъ слугамъ приказавъ: сичасъ положить на столѣ рабѣнка, и отрубить яму голову, тогда груди ўзрѣзати и ўзяти сердца и показати Булата д. м. тымъ серцамъ! А ёнъ стоявъ якъ вылитый. Ну, якъ ёнъ яго помазавъ тымъ серцамъ, дакъ ёнъ «страхнувся, и чаловѣкомъ ставъ, якъ бывъ. Тогда пошли яны у костѣль. Царевна Кирбитовна убачила, што Булатъ д. м. идѣ—дакъ жоѣ чады немѣ—стрѣбяна,—такъ она ўпала на полъ, спужалась. Тогда ёнъ говора: «царевна Кирбитовна, не пужайся: твой сынъ якій бывъ, такій и ё—пароджонъ оиать. Вотъ нясутъ твою чаду няныни у костѣль!» Тольки она яго убачила, стала, значитца, рада и весела: слава Богу за ўсѣ! А яго, рабѣнка, значитца, сперва страбили и выняли съ подъ яго съ подъ грудей сердца, а послѣ приложили голову и показали гоючай водой, и загойлось, а тогда живуцая—ёвъ и отживився. Ну, помолялись Богу и поѣхали ки двору и по радости задали пиръ на ўвесъ ирѣ. И я тамъ бывъ, и идѣ—вино пивъ, и ў роти ня було и по бородѣ не тягло.

Д. Курпесска, вѣтковск. вол. гом. у. Отъ вр. Кузьмы Андреева 70 л. негр. Разсказъ, вообще, велся сбывчиво, при непрерывныхъ сдерживаніяхъ и напоминаніяхъ записывавшаго. Языкъ отчасти подвергся вліянію великорусскъ—старообрядцевъ и. Вѣтки.

3. Пѣтра и Магдалена.

Нѣкоторомъ царствѣ, нѣкоторомъ государствѣ, неправѣнно ў томъ. у якомъ мы живѣмъ, бывъ сабѣ такъ великій князь. Бывъ у яго сынъ, имянѣнъ Пѣтра. И булѣ за тры тыщи вѣрствъ у другомъ городѣ, у Старопольской у зѣмли, тожа король, и была ў яго дочь, прекрасная Магдалѣ-

на. И ёнъ, етый король, бывъ лятами старъ. Ёнъ призываа къ сабѣ свою дочаръ прекрасную Магдалену. Да. Имѣли разговоръ яны мижда субой. «Отъ, говора: дочаръ моя прекрасная Магдалена: кому ето наша куролѣвство достанетца? у насъ, говора, нема наслѣдства нийкаго, кромѣ васъ. Отъ, колибъ ты нашла такого чаловѣка, што бѣ ёнъ уладавъ нашой зямлѣй; бывъ бы ёнъ мужъ табѣ, ты яму жана; бывъ бы ёнъ нашаму куролѣвству забярагаты!» — Да. «Отъ, говора, отецъ мой батюшка: поставимъ мы слупъ тры сажни квадратныя у чыстожъ поли, и положимъ на верси моѣ кольцо, и выпишимъ моѣ потрѣты, и выведомъ прописъ унизу потрѣта: куды я якъ ѣзять, у якоя значытца царство. И хто, значытца, у мяне улюбуютца, и прѣдѣя у наша царство, и на тронучысь съ коня, достаня моѣ кольцо, ѣдлчы у наша царство, той будѣ мой мужъ, а я яго жана. И будѣ ёнъ уладиталь нашаму царству. И ето будѣ собранія у тры годѣ, потому якъ на ўсовяршѣнныхъ лятахъ!» Отъ тѣперака и разслали яны етыя потрѣты по ўсѣхъ Яўропѣяхъ. И получывъ етый князь, самый етый потрѣтъ етый съ прописью, Цятровъ отецъ, и на хотѣвъ показатъ сыну свойму, затымъ, што ёнъ одинъ у яго сынъ, штобъ ёнъ на кинувъ отца свойго и мать, и на ўѣхавъ у ето царство. И ходивъ разъ Пётра князицкѣй сынъ у городи по базару, и продаютца етыя картины самыя, потрѣты етыя. Ёнъ узявъ и купивъ етую картину и ўлюбився у яе такъ, што на могъ безъ яе прожить. Потомъ, прихѣдѣ ёнъ домовъ—у свой домъ. И спрашуя у свойго отца—матяры: получили вы яко-нибѣдъ повѣстѣя съ протчыхъ зямель. Отецъ яму отявѣстивъ: нѣ, говора, мой сынокъ: мы на получали нийкихъ звѣстѣй. А Пётра отявѣстивъ яму: батюшка, говора: дожны получить. Я ясно знаю, што вы получили. Коли жъ вы, говора, мнѣ не покажыте и не благословите, то ўсѣ равно вамъ не видать сына свойго. Потому што яна у мяне ёсть у кармани,—я не могу жыть безъ яе. Ёнъ вынявъ ету карту съ кармана и показавъ свойму отцу на лицо. Пѣтомъ того отецъ говора: мой сынъ! на ѣдъ, каа, туды, потому ты у насъ ядинѣнный. Ты сабѣ рукѣ отшывѣшь, ти ногѣ, ти зъ лошади упадѣшь, а ўже яе не достаняшь!—Да, говора, батюшка: коли на благословите мнѣ, то я ўсѣ равно самъ сабѣ смерть издѣлаю! Сына у васъ тыхъ на будѣ! Отецъ тогда узявъ, яго багословивъ на етой куролѣвни прекрасной Магдалени, жанитца, и мать дала своѣ кольцо яму имяниде, у роди багословенія. И здѣлали корабъ яму и дали яму слугу, которая яна у яго и прѣжде была,—уроди подлишника яго (подъ лицо подхѣдѣ). Ёнъ отпавився у тую зямлю у самую, у тоя куролѣвство, у которомъ обясняла Магдалена прекрасная куролѣвна ето дѣло здѣлатъ, собранія ето. Ето хорошо, што скоро кáжатца, ну яно на скоро дѣлалось. Проявлялось тому два годѣ съ половиной. На третѣй годъ собрались царскія

сыны и князичкія и куролевськія, и съ купцовъ, и съ протчыхъ господъ. И дѣло ето было собранія, съ перваго и до чатвѣртаго часу команда эта была: на коняхъ разъяжжались и доставали кольцо етоя на слупѣ. И много сами себе портили—ломали руки и ноги, и соусимъ убивались до смерти. А послѣ чатвѣртаго часа собирали етыхъ людей и клали у шинталь на злячѣніе. А у Петра была нанявшы хватера, перваго номеру домъ. И ёнъ нѣсколько урѣзья прожившы тачъ, и самъ сабѣ думая: пойдутка и я посмотру собранія етаго, етыя команды! Ёнъ послѣ ходилъ день и другій и третій на ето чудо. Да. И на третій день убачивъ етый король, што етый чаловѣкъ зъ благородныхъ людей, да только бязъ лошади, пѣшныи, и на йдѣ у дѣйстія. Ёнъ послаа малика къ етому самому къ Петру. Иди, каа, спреси у етаго чаловѣка, откудава ёнъ, зъ якихъ урочыщъ и якая ихъ хвамылія! Маликъ пошовъ, и спросивъ: откудава ты, господинъ? и сказавъ маликъ. Ёнъ яму отвѣстивъ: я родомъ зъ за бургоньскихъ ¹⁾ горъ. Якъ же ваша, господинъ, хвамылія? ёнъ спросивъ, маликъ. Ёнъ яму отвѣстивъ: моя хвамылія Золотыхъ-ключовъ. Ёнъ къ яму прихѣдъ, етый маликъ, къ королю и клаа: етый господинъ зъ за бургоньскихъ горъ, а хвамылія, Золотыхъ-ключовъ, етаго господина имяньнямъ—прозваніямъ Пѣтра! Етый король вынявъ съ свѣяго кармана планъ и ставъ шукать у плана. И шукавъ довго, и не нашовъ такого урочыща—зъ за бургоньскихъ горъ, и хвамылія такой—Золотыхъ-ключовъ. Ёнъ малика изновъ пославъ къ яму—иди, етаго господина привяди ко мнѣ. Етый маликъ прышовъ къ яму и говора—господинъ пожалуйте къ нашему королю,—ёнъ трѣбуя васъ. Етый господинъ Петра послухавъ етаго малика и пошовъ къ королю. Етый король ставъ говорить яму руськимъ языкомъ. Ёнъ понимаа. Ибожъ того полатыни ставъ говорить. Ёнъ понимаа. Потомъ того разными языками ставъ говорить,—ёнъ усякими можа. Етый король тогда говора: вотъ, господинъ: ты учоныи чаловѣкъ, а якъ же ты, судыи зайшовъ, да и у дѣйстія на йдѣшь? А ёнъ отвѣстивъ: я, говора, не ради етаго дѣйстія прыбывъ, и я, говора, шовъ по мору, да тутъ уже почувъ ето дѣйстія, дакъ я вылазъ и нанявъ, каа, домъ сабѣ, посмотрити етаго чуда вашаго. А тачерь и самъ на могу знать, якъ мнѣ прыбытъ у свою страну, много я остався отъ судна, отъ свойго. Да, дакъ отъ, братъ: васъ зовутъ ймяньнямъ Пѣтра; дакъ ты можашъ у мяне послужить, я могу дать табѣ оправданія и проходнаю. Я виджу, што ты чаловѣкъ учоныи! Пѣтра поблагодаривъ етому королю: я могу послужить вамъ! Отъ ёнъ яго поставивъ на конюшни, завѣдовать кучарами. Да. Тачерака дѣло вядѣся, покуля кончылось тры годы, команда ета,—мѣсяцъ такъ, ты два.—И етый самый Пѣтра выхавъ съ королемъ на той самый,

¹⁾ Бургонъ—бугоръ, холмъ, гора.

на тую самую команду, *мѣсто* кучара королевскаго. И много дивовѣлся на ету команду. И самъ сабѣ усилившися и дворѣцкому похвалился: я бѣ, говора, доставъ ето кольцо у тры минуты. Да. И етый самый дворѣцкій доложивъ королю—што вашъ кучаръ, который ѣздявъ изъ вами на ету команду, дакъ изъ протчыхъ смяявся господъ, и хвалился, што я могу достать кольцо у тры минуты, и ня буду трогатца зъ лошади. И король потребувавъ къ сабѣ Пѣтру и спросивъ у яго: ты, Пѣтра, можашъ достать кольцо?—«Ня знаю, ваша королевское вяличаство. Протчыне люди хитрѣй мяне, и то за стольки урѣмя ня могли достать. И ў томъ щѣ, што у мяне лошади нѣма!» Етый король дозволивъ яму выбрать коня якого хоча на конюшни, и ѣхать на ету команду. А самъ поѣхавъ изъ другимъ кучаромъ, король. Тепѣрь, етый Пѣтра выбравъ лошади на конюшни, засядлавъ, и поѣхавъ. И ѣхавъ во весь 'поръ, szybko ѣхавъ. Король объяснивъ: господа, отсторонѣйтесь, пустить свѣжаго! Да. Етый Пѣтра якъ ѣхавъ, такъ не трогався зъ лошади и кольцо доставъ. Маѣдалени прекрасной курулевни у руку давъ. Пѣтомъ, посылѣ етого, команда коньчилась. И здѣлавъ разговоръ съ протчыхъ господъ: кто такій доставъ? И сказано господамъ: ихный кучаръ. Ето самое дѣло подали у санѣтъ. Санѣтъ осудивъ, што нѣльзя простому чаловѣку королевствомъ уладѣть. Колибъ ѣнъ дворянинъ, ти купецъ, ти съ протчыхъ господъ, дакъ бѣ такъ; а то ѣнъ не сознався своей хвамыліи. Етый король пожаловавъ яго у присутвіи сиклитарѣмъ. И ета прекрасная Маѣдалена улюбилася у яго, такъ якъ и ѣнъ прежде у яѣ. Да ѣ етый самый король, ня могъ даже кушать безъ яго, трѣбувавъ къ сабѣ на обѣдъ. Тяперака, опять жа етый самый король говора дочцы своей: ну, дочъ моя милая, прекрасная Маѣдалена: коньчилось тяперака наша ето дѣло,—кому жъ тяперѣ достанетца царство етое наша? Яна опять отцу сказала: государъ мой батюшка, то було дѣло у тры года, а тяперака здѣлаямъ дѣло у тры мѣсяцы! Поэтому што яна думала такъ, што окромѣ Пѣтра никто етого дѣла ня здѣлая, якъ бы яна ни ўздумала. «Узять, выписать газеты, разослать по ўсикъ Яўропѣяхъ, штоба собрались отъ у такихъ то мѣсяцахъ, отъ у такихъ то чыслахъ, хто жалая получить Старъ-польское царство и достать мяне у супружаство благовѣрное, и здѣлаямъ мы команду подъ номѣрь, изъ перваго номѣря большихъ членовъ, а съ утарѣго—младшыхъ, которыя ужѣ понижайшы у жыжнѣ своей, значытца, побяднѣйшыхъ, и поставимъ вомярь подъ номѣрь, и съ перваго и до десятаго номѣря, и будамъ ставить девять чаловѣкъ кругомъ, ■ десятаго чаловѣка у кругу, у сѣрадинѣ. И ўсѣ съ припасомъ, зъ голыми шашками. Хто выйдя изъ круга, изъ девяти чаловѣкъ, цѣлый, нѣранятый, той будя мой мужъ и уладѣтель етой зѣмли!» И ето дѣло здѣлалось скоро, и собранія ето И отецъ яго.

Пётровъ, дожыдавъ сына свойго тры годъ, и яго й слыку нѣту. И получавъ етыя газеты, которыя засланы объ королевни объ етой. И посылая свойго, который на жытѣлствѣ у яго дворѣ бывъ, братъ обѣдѣвшій: ѣдь, говора, братицъ мой, у той городъ у Старпольску землю и спровѣдуй, ти живъ то мой тамъ сынъ Пётра! Етый самый братъ етого князя и Пятровъ дядька прѣхавъ у етый городъ и ставъ у послѣднимъ нояр-
ры. Ну, и командували. Якъ скомандуя: разъ—два! такъ усякій и иде, ня гуляя, девять чаловѣкъ и десятый той. И отсякали одинъ одному рукѹ, ти вухо, што попало; и портили сами сябе, много народовъ. Етый самый Пётра служивъ у етого царя сиклитаромъ. И пошовъ на ето диво смотрѣти, якъ яны командують и портятъ сами сябе. Дакъ ёнъ тожа стоѣчы усмигнувся. И ето король замѣтивъ и прекрасная Магдалена. Дождали яны вечара. Пр. Магдалена потребувала яго къ сабѣ у палаты, Пятра, и сѣла на яго колѣно и обняла яго, и имѣла разговоръ прятный: милый мой другъ, Пётра! будя табѣ заўтрашній день служба! Отецъ мой потребуя тебе на ето дѣйствіа, которое мы здѣлали, и дасть ёнъ вамъ свой мечъ. И вотъ вамъ бархатная лента обвяртѣтъ дяржанья у ётой мечи, штобъ ты рукъ не похѣливъ! На заўтрашній день потребувавъ яго король: отъ, Пётра, господинъ сиклитаръ: ты учарѣ изъ людей смявся, ну, возьми, попробуйка ты стать у который нибудь нояръ у дѣйствіа. Пётра отказавъ, што у мяне, говора, нѣту меча. Король вѣлѣвъ принести свою мечъ. Пётра получивъ мечъ отъ короля и ставъ у кружку, у третьимъ нояры. И тамъ бывъ яго дядька, у томъ нояры (кумпаніи). И жалко яму булѣ портить дядьку, разлить кровь. И сказавъ: господа, вы вышлѣте етого чаловѣка зъ естаго нояру! Господа отвѣстѣли: а ето ня чаловѣкъ? ня ўсѣ 'дно чаловѣкъ? Ёнъ говора: няхай стоить, коли ня хочыта,—ли мяне усѣ одно! Обкружили яго девять чаловѣкъ; ёнъ ставъ у сяродки. И здѣлали команду: разъ—два! и стали усякій-сабѣ работѣть, якъ яны умѣли. Отъ ёнъ, у кружку стоѣчы, усихъ девять чаловѣкъ намѣтивъ: которому вухо, которому рукѹ, котораго такъ ранивъ тольки; а дядьку отсѣкъ на правой рупѣ большой пѣалець. Тутъ и здѣлалась коньчина етой команьди. Ёнъ утыркнувъ у низъ мечъ у землю и кажа: хотъ мяне звядѣта, хотъ другій кругъ давайта! Изъ естыя радосьти или сѣ пачали ня могъ ёнъ сойти зъ мѣста. Прекрасная курулевна Магдалена сказала своему отцу: идѣта звядѣта яго зъ мѣста—ня можа ёнъ сойти! Тутъ протчыя господа крикнули: хто такій здѣлавъ ето дѣло, отличився у етой штуки? Тутъ сказали, што королевскій сиклитаръ. И сказали, што нѣ, говора, няльгѣ—ня сказано у закони, штобъ королевство досталося сиклитару. Етый Пётра зъ естыя пачали здѣлався болянтъ. Тяпоръ потребували къ яму дохтора, и потомъ и другога. Ёнъ сказавъ:

господа, мнѣ дохторѣй много на трѣба, а приставтя мнѣ у воиаръ первый домъ; тамъ ёсть у мнѣ слуга, товаришъ, и дайтя мнѣ одного дохтора. Было дохтору приказанія, штобъ каждый день три разы ходитъ къ ямѣ. А ёнъ дохтору самъ повялѣвъ: ходи ты ко мнѣ у три дни разъ: и жалѣдкомъ здоровъ, тольки съ тоски съ своё здѣлався нездоровъ! Прекрасная Мадалена ждала довго отвѣстій отъ Пѣтра, и присылаа свою дѣвушку у етый домъ изъ грамотою и сказую: милый мой другъ Пѣтра! коли ты хотъ трѣхи почѣтуешъ здоровья, отпиши мнѣ, якъ ты шѣешься. Отъ ёнъ узавъ отписавъ, и ўложивъ у письмо маткино кольцо своё инянѣа, и отдавъ дѣвцы. Эта прекрасная Мадалена получила письмо отъ дѣвки и разсмотрѣла, што у ёнъ было и кольцо, утройнѣ дорожы за яд. Тогда яна узнала, што Пѣтра не простого колѣна. Тогда яна опять написала письмо и носылаа дѣвкой икъ Пѣтру опять. И написала: милый мой другъ Пѣтра! коли ты хочышъ, штобъ я была твоя и ўладѣть королевскимъ царствомъ, иди, на базары купи пару лошадей и купи повозочку, и нарадись вотъ у такихъ то часахъ и выяжжай. Я буду стоять нараждѣная вотъ потъ такимъ то дравомъ, посадка такаа.—Мы могомъ уѣхать отсюль съ тобою! Ёнъ узрадовався етой грамоты, и сказавъ своей слугѣ: пойдомъ-ка мы, братъ, на гѣродѣ, купимъ сабѣ пару лошадей, да купимъ сабѣ кибиточку, и будомъ мы хотъ своё гѣра развѣзныть по городѣ; а то скушно намъ сидѣтя тутъ! Отъ яны пошли, кунили пару лошадей и кунили сабѣ повозочку, и кунили лошадямъ кормы—овса. «Ну, штожъ мы, братъ, тяперъ купили лошадей—Пѣтра отвящавъ слугѣ—а могорычѣ на пили! Пойдомъ-ка мы выпѣмъ вина, или сюды принясѣмъ, на звару!» Етый Пѣтра выпиваа, да по малу, а слугу пригоняа, штобъ выпивъ большы. Слуга отвящаа: нѣ, говѣра: на трѣба много пить, а трѣба лошадей догѣдѣть. Пѣтръ отвястивъ: нахатъ лошади привыкяють у хому-такъ—а ты пи, на бойся! Потулѣ яны пили, покулѣ слуга уинився. Тогда Пѣтра запрогъ лошадей и забравъ съ собою грѣшай, а слугѣ остальныя кинувъ, и съ той посудой, у якой яны были—съ шкатулкой,—а самъ и поѣхавъ. Пряжжаа на тоа мѣсто, дѣ яна обящала быть, стоять, стало быть. И ёнъ бача, яна дяржала много одежы съ собой. Ёнъ ёй отвястивъ: на трѣба табѣ много одежы, и злата, и сребра—у мнѣ своё ёсть; а возьми одну пару одежы съ собой! Яны бросили которыя лишнѣя вещи, и поѣхали. И ѣхали яны трѣа сутокъ, на выпрагѣвши коняѣ, и сами на спавшы. И ѣхали яны глухой дорогой, штобъ погоня на здогнала ихъ. И прыѣхали яны, около мѣра была наибольшаа заливка такая, и мижда мѣра и мижда заливки бывъ вѣсыпъ, островѣна такая. И яны уѣхали у етую самую востровину, што дальшы и ѣхатъ нѣкуды. И на етой островѣни была травка хорошаа, и дрѣвы были. Ёнъ и кажа: отъ, прекрас-

ная Магдалена! давай-тка мы тутъ лошадей попасомъ и сами отдохнемъ: тутъ насъ никто не знайды! Яна была тожъ далекатаго нѣжнаго званія.—Яны сѣли на травцы, и положила гологѹ яна на яго удѣнья и заснула. Ёнъ садѣвъ и боявся трогать яе, што няхай поспитъ. Потомъ того, ставъ разглядывать яе одѣжы, и грудь разгарнѹвъ, и смотрѣть—кисетчыкъ шарстяный краснянкій. Ёнъ узавъ яго, съ шны зная и по-смотрѣвъ у яго, што ў нѣтъ ёсть. Ажъ тамъ было два кольца—яго матыры ■ яе ниянныя. Тяперъ ёнъ узавъ, ето посмотрѣвъ, и ля боку положивъ. А воронъ лятѣвъ, думавъ, што кусокъ говядины ■ схвативъ етый кисетчыкъ, и поднявъ, и полятѣвъ. Етый Пѣтра тихонько поднявъ яе голову и подложивъ ей подъ голову, штобъ не потравдытъ ей сна, и пройшовъ за етымъ за ворономъ. Думавъ ёнъ, ти не разгѣды, да ти не броса назадъ доловъ. Ёнъ пролятѣвъ нѣскульки тамъ урѣмя, разгѣдивъ, да на мѣра и пустилъ у водѹ. Пѣтра смотра, што кисетчыкъ плыве по-варху. Ёнъ пройшовъ бѣрагомъ, найшовъ лоточку и два вясѣлцы, на ланцужкахъ прикованы. Ёнъ самъ сабѣ подумавъ: сяду я, параймѹ етый кисетчыкъ! Шкода ямѹ було етыхъ двухъ колецовъ. Ёнъ якъ сѣвъ у лоточку, отѣхавъ отъ бѣрагу. И ставъ вѣтрыкъ подувать, и погнало яго на мора. И кисетчыка ёнъ не доставъ и къ бѣрагу не прыгрѣбся. И поднялася штѹрма на моря и прибыла яго—плывъ разбойницкій корабль. И убачивъ етый атаманъ, што мелькаетъа штось у валахъ. Ёнъ сказавъ своимъ рабочымъ осначать: садѣть, рабаты, у шляпку и параймѣтя—штось малькѣя у валахъ! Яны поѣхали и параянѣи, привязѣли яго на корабль. Етый атаманъ спрашуя: откуда ты, братъ—или господинъ? Ёнъ иска-зуя имъ: да вотъ изъ естаго бѣрага, изъ естой стороны. Дакъ вотъ, я поѣхавъ отъ бѣрага, ■ вѣтрыкъ подувъ, дакъ я яа могъ исправитѣя изъ вѣт-ромъ! А ёпъ ужѣ кажа: ну, откуда ба ты не бывъ, дакъ тяперака нашъ ужѣ! Вотъ яны якъ пошли на етымъ кораблѣ—зайшли у ту-рѣщину и продали яго варвару, который зямѣю пахавъ на куплѣныхъ людѣхъ: засѣлять у плугъ чаловѣкъ трыцѣть и пашуть на ихъ. И ето было урѣмя ладное.

Тяперака, ета яго прекрасная Магдалена осталась. Прошиулась яна отъ сна отъ свойго, и довго ожидала яго, покудова и сонца не зайшло. И осмотрила усѣ своѣ вещи—цѣлы, только нѣту одного кисетика. Яна сама сабѣ и говорила: наѹжѣ ёнъ порадовався етымъ двомъ кольцамъ, ниянужъ мною—што кольца ўзавъ, а мане кинувъ? И бѣдная довго пла-кала. И не могла яна вочавать на зямлѣ. Узлѣзла на дрѣво и ўсю ночь проплакала, сѣдичи на дрѣви. Дождалася бѣлаго дня и осмотрила—денги ихъ усѣ цѣлы и одѣжа цѣла. Яна узала которыя лѣккія грошы изъ собой, и бросила коняи и новозку и усѣ вещи. И сама говорила идучи такъ:

Господи милосердливый! не няси мене у тую сторону, дѣ я родилася, дѣ отецъ мой, а няси мене туды, откудава Пѣтра! Яна довгошла, вышла на дорогу на столбовую. И по етой дорозишла монашка изъ Ярусалима. Яна говора: здрастуй, матушка! Яна говора: здрастуй, сударыня!—Дѣ были, матушка?—Ходила у святой городѣ, у Ярусалимѣ, поклонитца святымъ можжамъ!—А большъ ничего, матушка, я слыхала тамъ?—Нѣ, сударыня, я слыхала!—Вотъ, матушка, што я буду у васъ просить: дайтя мнѣ чорное платья своё, а возьмиця вотъ моѣ цвѣтное; я щѣ вамъ и приплачу за ето!—Нѣ, сударыня, я съ тобой не замѣняю на етоє платья; а ёсть у мене у сумки другѣя, дакъ я табѣ дамъ тоя! Ну отъ, яны и замѣняли, стало быть. Отдала яна платокъ и платья своё—а чорное надѣла на сябе. И распростилися, и пошли сами по сабѣ.

И ходила яна тры годы. И прышла за тры годы у етый городѣ, идѣ Пѣтра родився и узросъ. Ходила по городахъ по протчытъ и по сялахъ, дарыла нищихъ, молодебствы занимала—живѣ, дакъ за здоровѣя, а помѣръ, дакъ за упокой—усѣ за Пѣтра. И прышла у крайнюю хату у городи и говора: матушка, пустиця мене параночавати! Яны сказали: ночуй сабѣ, матушка! Яны дали ёй вѣчерать. За вѣчерѣю и спрашуя у хозяйки: отъ, матушка: хто у васъ уладѣталь у городи у етомъ? А ета сказала:—матушка! у насъ князь, да ■ старый ужѣ!—А дѣтей у яго нама? пытаа монашка.—Няма, матушка, отвѣстила хозяйка. Бывъ одинъ сынъ, имѣнныиъ Пѣтра,—ну й жалѣли яны яго велики,—дакъ ёнъ якъ поѣхавъ кудысьто, дакъ и слыху няма—ужѣ шѣсть годовъ! Да. «Отъ, матушка: якъ ба мнѣ княгиню убачыть?» сказала монашка на хозяйку. Хозяйка каа: а вотъ, матушка, заўтрашній день свято у насъ; дакъ ты иди нкъ собору,—яна будя у соборы. И яна примѣчаа чужыхъ людей, странныхъ. Дакъ яна васъ сама узовѣ къ сабѣ! Назаўтраго устала монашка и пошла къ собору. И ета княгиня пошла у соборъ, и яшовъ за ёй маликъ, што знимая зъ яѣ одѣжу. Яна и сказала малику: по коньчаніи обѣдњи, позови тую монашку на 'бѣдѣ! Отышла обѣдняя, маликъ етый подышавъ, позвавъ къ сабѣ ету монашку. Яны й пошли у етый домъ, князя етого. Княгиня посадила яѣ обѣдати и за 'бѣдомъ и сказую: дѣ, матушка была?—княгиня ета. Ина говора: страдаю, говора, такъ, по свѣту, вотъ ужѣ тры годы.—Штожъ ты такъ молодая страдаашъ?—А такъ сабѣ, сударыня!—Да, вотъ, матушка: можа дѣ нибудь што слыхала?—Нѣ, сударыня, я ня слыхала ничего! А у васъ жа, сударыня, ёсть якѣя-нибудь наслѣдство, сынъ или дочка?—Нѣ, говора, матушка: бывъ одинъ сынокъ хороший, да дѣсь-то проявилась прекрасная Магдалена—штобъ яна на свѣтѣ не родилася, якъ яна мойго сыночка звяла!—Нѣ, сударыня: Магдалена ня виновата, и Пѣтра ня виноваты! Можа идѣ и Магдалена страждаа, и Пѣтра!—Ахъ, дѣтѣтка моѣ

любѣя! хорошъ ты мнѣ совѣтующій! можя й правда! Ня пуцу я тябе отъ себе,—живи ты ў мяне! Отъ яна осталася жыть тамъ. И нѣскульки ўрэмя прожила.

Отъ тяперъ, стало быть, етый самый, который купишь яго, Пётра, вѣрваръ, тры годы на ёмъ пахавъ. И ѣхавъ турецкій паша—начальникъ. И ишовъ етый народъ за плугомъ, куплённый етый. И паша смётра—одинъ чаловѣкъ быгто за ўснхъ виднѣйшый. Ёнъ гукнувъ яго къ сабѣ: ходи ка, братъ, судѣ! Ёнъ пришовъ къ иму. «Што ты, братъ,—якія ты вѣры-сповѣданія?»—Я вѣры-сповѣданія—православный!—«Ну, штожъ ты мнѣ даси, я тябе откуплю отъ етыя каторжныя работы?»—Што жъ я вамъ дамъ? Коли хочыта царство нябѣсное заслужыти, дакъ откупитя! Отъ ёнъ: ну, стунай, каа, братъ зъ Богомъ! Потѣхавъ паша къ етому къ самому къ купцу, къ вѣрвару, и заложывъ за яго грошы, сколько ёнъ спросивъ за яго. Тогда яго изняли изъ работы и послали къ пашу. Паша етый ска-зую: вотъ братъ: я вижу, што ты учонный чаловѣкъ. На которой ты служби живъ прежде? А ёнъ говора: я бывъ сиклитаромъ прежде! Дакъ ёнъ яго на прежнюю службу зновъ и постановивъ. Ну, проживъ ёнъ тры годъ ще на етомъ дѣли. Тицерака, пожаловавъ яго паша ужъ ми-нистромъ. И побывъ ёнъ и министромъ тры годъ. Тяперака, знатца, проживъ ёнъ усяго шесть годовъ. Да тры годы пахано на ёмъ. Усяго, знатца, девять лѣтъ. А Магдалена тры годы страждовѣла по монашкахъ, покудова дойшла до яго города. И прожила у яго у дворца тры года. И яго дворецъ бывъ близко ли мора. И найшла яна такое мѣсто, што задумала построиць больницю и храмъ, цѣркву, стало быть. И просила яна стараго князя на помощь: поможыта вы мнѣ! у мянѣ ё своѣ грошы, и вы пособитя: што построю я домъ и буду принимать странныхъ людей и буду дяржать я дохтора, и буду пользоваться людей ли спасенія души своѣ! Етому вяликій князь старався пособить ёй. А Пётра, прожившый шесть годовъ у пашы, и ўсѣ тамъ думавъ объ ёй: идѣ яна? жива яна, ти нѣ? И задумавъ ёнъ домовъ отвѣдать. И сколько яго ни просивъ ту-рецкій паша: остався ты тутъ, будящъ ты доволянъ мною! Ёнъ жа про-сивъ тожа пашу: отпуститя вы мяне на ўрэмя, отвѣдать родиталевъ сво-ихъ на старости лѣтъ ихъ. Ёнъ яго отпустивъ. И такій то приказъ дѣ-лянъ на пристань, штобъ остановился корабъ на пристани и ўзявъ вещи етого министра. И ў яго вѣщэй було дватцать чатыры шкатулки золота, и залито масломъ. Отъ ёнъ и пошовъ на корабъ. И бывъ на моры во-стровъ такій, къ которому приставали корабли на ўрэмя, каждый. Етый корабъ пристававъ тожакъ етому вострову. И вышавъ увесь народъ съ корабля на етый востровъ. И етый мпѣстяръ, закурывшы папиросу, и вышавъ и ёнъ. Тяперака, ёнъ якъ вышавъ, и была у яго дума про яд—дакъ ёнъ

якъ вышавъ, задумавшысь, дакъ и пошовъ, и пошовъ, дальшы да дальшы. Потому, ня ўдяржався корабъ на пристани—ставъ большій вѣтаръ,—и дождия бывъ отвалить отъ бѣрагу. Побѣрадъ зборку здѣлали. Народъ собрався, паракликали, ти ўвесъ ти нѣ народъ,—и одного чаловѣка нѣту важнаго. Яны били у колоколъ—ня слышно. ■ ударили съ орудія—ня слышно. Корабъ ня ўдяржався, пошовъ у ходъ. Етый самый министаръ одумався, што я ишовъ на корабъ, ето трѣба нѣ итвѣ на корабъ! Ёнъ прышовъ на ето мѣсто, дѣ стоявъ корабъ—корабля нямѣ! Ёнъ якъ лёгъ на томъ мѣсти, ляжавъ девять сутокъ. На девятыхъ сутки прышовъ другій корабъ. И смотруть—ляжытъ чаловѣкъ, извѣвшись изъ голоду и отъ холоду, чуть живъ. Яны разсмотрѣли, што чаловѣкъ блугурѣдныи. Атамѣ корабля етаго исказавъ узять чаловѣка етаго на корабъ. «У городи ёсть у насъ бѣсплатная больница, дакъ коля живъ будя, отдадимъ у больницу, а коля помрѣ, дакъ кинешъ у воду!» А етыя вещи, которыя пошли упяродъ, яго дватцать чатыры шкатулки золота залатыя масломъ, дакъ лянъ проходили мяко той больницы, и—отдать, говора, етое масло монашки,—няйѣ Богу молитца, на свѣтло понала. ■ узали, изнясли яго етыя самыя вещи. Отъ яна потребувала пона и стала молеbstво править: коли ёнъ живъ, дакъ за здоровья, а коли померъ, дакъ за упокой. Тожа и стала потраблять ето масло на свѣтло. Ажъ тамъ золото. Яна узала п скорошила яго. Ета самая княгиня яѣ каждый день яѣ къ сабѣ трѣбуа на вѣчѣру и на бѣдѣ. И якъ подучыла яна етыя вещи, дакъ яна стала княгини говорытъ: отъ, сударыня: послышымъ отъ твоего сына хотъ лисьмо, хотъ прыдѣ у побывку!

Ето яна узрадовалась, етая самая княгиня. Потому того прышовъ корабъ, другій етый. И узали знясли етого министра большаго у ету больницу. Ета самая монашка просила доктора—якъ няможно выпользовать етаго самаго министра. Потому лым другъ друга ня ўвознали—постарѣли дужа. Тяперъ яна стала замѣчѣтъ, што ёнъ якъ бытто ставъ у чувство прыходить. А ўсѣ—тыки ёнъ нячѣлѣтца у томъ, што ня знаа, адѣ ёнъ ляжытъ. Яна замѣтила и приказала своимъ служыталымъ: што изнясѣти у вособую комнату етаго господина! Да. Отъ яна яго и спрашуа: объ чымъ, господинъ, ты такъ дужа жѣрысься?—Ахъ, говора: нѣ усѣ якъ усѣ, тольки одно зъ думъ ня йдѣ!—Ну, скажы жъ ты мнѣ, господинъ: объ чомъ ты такъ жѣрысься?—А вотъ, говора, объ чомъ я журусь: колябъ давъ мнѣ хто грѣшныи, дакъ я бѣ вярнувся бѣ къ лашѣ; а оттуль я бѣ попавъ ба къ своему отцу. А то я тяперъ ня знаю, дѣ нахожусь и кудѣи и якъ прыбытъ домовъ,¹ къ родитѣлямъ своимъ. А ящѣ, говора, журба другая: я дѣ нахожусь, то нахожусь, а ящѣ у мѣне ё *сърдѣшная*,—нямѣ вѣдома дѣ находитца—жива яна, ти нѣ? А яна отвѣщала: а што, колябъ

я табѣ грѣшый дала,—ты бѣ воротився назадъ?—Воротився бѣ, говѣра. —Дакъ дати табѣ грошый?—Дайтѣ, говѣра, пожалуста, матушка. Яна пошла, узѣла у свой квартухъ двѣя прыгорцѣй золота и ўнясла яму: буди съ тѣбе, господинъ?—Будѣ, говѣра: благодару табѣ! Потомъ того яна говѣра: сягодня ня 'тпѣрѣваться?—Нѣ, говѣра: параночую тутъ, покуль подѣйди корабѣ!—Ну, до свиданѣя! пойду я повѣчѣраю, говѣра. Приходя у князицкѣй дворъ. И тѣперь ето дѣло было у чѣтьвѣръ ноть пятницю. Сѣля яны вѣчѣратъ. Княгинѣя говѣра: вотъ, матушка: казала ты, што про мойго сына чутка будѣ, ажъ во й чутки нѣмѣ пийкѣя! А яна сказала: сударыня, у нѣдѣлю хотъ самого побачимъ, хотъ писъмо иолучимъ, сына вашаго! Эта княгинѣя обняла яѣ и поцѣловала: благодару табѣ, матушка, за твоѣ рѣчы хорошыя! Повѣчѣрала и сказала: отъ, сударыня: мѣѣ трѣба поспѣватъ; ляжыть чѣловѣкъ иворый дужа, дакъ трѣба доглѣдѣть!—Ну, дакъ и зъ Богомъ, яна говѣра. Вѣлѣла мальчыку запрѣгъ конѣя и отвѣзъ яѣ туды, у больницю. Эта матушка ня ўспѣла прѣѣхѣть, а отъ князя булѣ приказанѣя рыбалку, штобъ икъ пятницѣя прѣготовѣвъ рыбы. Ёнѣ поймѣвъ одну рыбинѣу хунтовъ у десѣть, и тую прѣнесъ и подѣвъ на кухнѣ у вокнѣ. Етъѣя дѣвки стали чыстыть етую рыбинѣу—нашли кисѣтъ шырѣстянѣй у ёй. И стали одна одной говорыть, дѣвовѣтца. А княгинѣя ишла мимо, и пытая: што ето такѣя? А вотъ, сударыня, кисѣтъ, говорѣуть, у рыбы!—А покажытѣ-ка, дѣвки, и мѣѣ! Яны узѣли, ёй показали. Яна развѣрнула ягѣ, ажъ тамъ два кольца—имѣяндѣя яѣ и Магдалѣнинѣо—имѣяндѣя тѣжа,—два кольца. Отъ яна, узѣвъшы етъѣя кольца и говѣра: живо вы пошлитѣ за матушкой! Жывѣя я буду, ти нѣѣ? Мальчыкъ прѣяжжаѣ у больницю: скорѣй, матушка садитѣся со мной,—княгинѣя будѣ жывѣя ти нѣѣ,—захворѣла. Прѣяжжаѣ матушка.—Што тамъ такѣя—яна пытая—вамъ издѣлалось?—А вотъ, матушка: вы усѣ мѣѣ унѣшѣли своиѣи словаѣи; а икъ нѣѣту на свѣтѣ! Отъ тольки два кольца икъ нашли у рыбинѣи! Яна кажа: ахъ, сударыня: можа яны ишли на корабѣли, можа у рукахъ ѣасѣли—можа упустили! А я вамъ говорѣю имѣянно, што у нѣдѣлю якоя—якоя звѣстѣя, а будѣ. А пѣтомъ, сударыня, мѣѣ нѣколи—трѣба туды поспѣватъ! Ня вѣртѣя вы етому! Прѣѣхѣла яна опѣять у больницю и пошла икъ ямѣу туды: што ты, говѣра: крѣпѣсьѣя хотъ трѣхи, господинъ?—Да, краплюсь, матушка; да усѣ мѣѣ съ ума ня йдѣ, якъ ба тутъ здѣлѣть? Яна каѣя: дакъ по чѣмъ ты такъ журѣсьѣя? хѣто у тѣбе ѣ окромѣ отца?—Да вотъ, матушка: была у мяне хѣзѣйка, дакъ я, якъ гѣра мѣенѣ булѣо, дакъ малѣо про яѣ дѣхѣвъ; а я кинѣвъ ѣѣе бѣсѣчѣсную на бѣрагѣу одну! Яна отвѣстѣила: што, господинъ? коли бѣ ты увидавѣъ ѣѣе, радѣ ба ты бѣвъ, ай нѣѣ? А ёнѣ отвѣстѣивъ:—колибъ я вѣдавѣъ, дѣ яна живѣе, дакъ колибъ были крылушки, дакъ я бѣ полѣтѣвъ, дѣ яна живѣе,—ко-

либъ вѣдавъ!—Што вы мнѣ, господинъ, дастѣ, дакъ я вамъ покажу яе?
—А дѣ жъ ты возьмешъ яе?—А я пойду Бога попрошу, дыкъ ѿнѣ мнѣ
покажа яе! Ну, дакъ показати вамъ яе?—Да покажи жъ, пожалуйста,
матушка! Ну, яна пошла у свою комнату, умылася, зачасала голову
проти зеркала, одѣла свой платъ и приходя къ ямѣ. «Ето яна, ай нѣ?»
отвѣстила яна ямѣ.—Ето курулевна прекрасная Магдалена! Посадить
сабѣ на колѣны и обвивъ. И разговарували яны цѣлую ночь. Да. Потомъ
ѿнѣ зарѣй заснувъ. Яна сыскала жьда портного и змѣрала яму одѣжу
такую, якъ у яе отца ѿнѣ носивъ. Опять же у субботу сказала княгини:
получишъ якую нибудь звѣсть. И ясно я намъ говорю, што сына ва-
шого побачишъ! У нядѣлю потребувала попа и стала обѣдню править.
И сказала людямъ, штебъ приходили: побачишъ якую-нибудь новину! И
княгини приказала: прыажжайте у цѣркви! Дождалася яна князя и кня-
гини и провѣла у цѣркви ихъ, а сама вярнулася назадъ у свою комнату,
и позвала Пѣтра съ собою. И одѣлася ѿбою, и узаям подъ рѣки, и по-
шли у цѣркви. И княгиня ета ня ўвознала ни сына, ни монашки. А лю-
ди замѣчаютъ старыя: ить же ето, братъ,—молодой князь!—Да нѣ! одинъ
одному говоруть.—Побачишъ, коли ето не князь! И пошло ето гомонъ
по цѣркви: хто такъ такій?—Князь!—О?—Яйбогу, князь! И княгиня
почула старая. Тольки няльзя имъ було у цѣркви здрастуватца. По
коньчѣни обѣдни выходять съ цѣркви. Вышли съ цѣркви. «Наўжѣ ето вы
мой сынъ, Пѣтра?»—Тошно такъ, матушка.—«А ето ваша Магдалена?»—
Тошно такъ, матушка.—«Отъ же, коли бъ матушка щѣ вышла, отъ ба ра-
зомъ и поѣхали домовъ!»—Якая матушка? яны говоруть.—Да у насъ тутъ
монашка, ужѣ шѣсть годовъ живе!—Да же ето я у васъ жыла! говора.
—Ето ты матушка?—Тошно такъ, матушка.—Ты жъ ета сама Магдалена
прекрасная! говора.—Ну, ходишъ жъ, подъ дѣтки, поѣдомъ домовъ! Пры-
ѣхали яны домовъ. И трохи такъ тамъ попиروвали, побѣдали тамъ,—за-
кусили, прямо сказавши. Тогда ихъ узали и повивчали. И потребували
турецкаго пашу на свадьбу. И турецкій паша прыѣхавъ. И привѣзъ то-
же дватцать чатыры шкатулки золота и подарывъ молодому князю.

Тогда яны остались жыть. И няного пожили, и заготѣлося Магда-
лени довѣдатца къ отцу своему. Прыѣхали яны туды, у Старъ-польское
царство, и батька ужѣ померъ. И спросили, дѣ ихъ слуги? Ажъ ихъ слуги
засѣжаны у мяшокъ,—звачытца, у слупъ у такій. Дакъ яны девять го-
довъ просѣдили тамъ. И давали имъ хлѣба по хувтѣ и воды у сутки.
Отъ, Пѣтра пожаявъ свѣиъ слугъ уиѣсто и подарывъ имъ Старо-польское
царство. А самъ поѣхавъ домовъ, и остались тамъ жыть. И тяперъ живутъ.

*Д. Романовичи, 10 ж. вол. Отъ кр. Филан. Иванова, 51 г. „Служывъ
команъ у Киевск. губ. дакъ прычмывся грамадѣ, а писати ня могу.“*

4. Лошадиная заповідь.

Нѣякаторомъ царствѣ-гусударствѣ бывъ сабѣ царь. И былъ у яго три синѣ: два разумныхъ, третій дуракъ. Отъ ѣвъ говориць: сыновѣ моѣ любя! довжны мѣ доставиць лошадиную заповідзъ! Такъ сичасъ бѣльшій говориць: ахъ, бацюшка! я, говориць, доставлю лошадиную заповідзъ. Собрався, сѣвъ и поѣхавъ. Пріѣжжаецъ у заповідныя лугѣ, ажъ тамъ дѣвки гуляюць. «Здрастуйця, дѣвки!» — Здрастуй, царскій синѣ! Куды ѣдзешъ? — «А ѣду, говориць, лошадинныя заповідзи шукаць, — пославъ мяне бацюшка!» — Куды вамъ, говоряць, ѣхаетъ? Помимо насъ лошадинныя заповідзи не найдзедзѣ. Мы вамъ лошадинную заповідзъ доставимъ: чысцьѣй нашѣя ня будзедзѣ!.. Нарвали разныхъ красокъ и зъвили ямѣ вянокъ. Тоды ѣвъ узавъ тѣй вянокъ, мѣ гроши заплацивъ и повѣзъ домовъ. Пріѣжжаецъ домовъ, сичасъ коню на вѣхо повѣсивъ и подѣжжаецъ потъ крылцо. Выходзиць бацька на крылцо. «Бацюшка, говориць: хороша лошадиная заповідзъ?» — Хороша! говориць. Тоды узавъ етѣй вянокъ, увѣсъ у комнату и повѣсивъ на сцянѣ.

Тоды сяредній сывъ говориць: бацюшка, позволяця и мѣ! Можѣ и чысцьѣйшай заповідзи достану! — Можѣ, говориць. Ёвъ сичасъ лошады узавъ и поѣхавъ. Пріѣжжаецъ у заповідныя лугѣ, тамъ дѣвки гуляюць. «Здрастуй!» — Здоровъ! Куды ѣдзешъ? — «А, бѣльшій братъ лошадиную заповідзъ доставивъ, треба и мѣ доставиць: нехай и я буду знатъ, што лошадиную заповідзъ бацюшку приставивъ!» Отъ, яны отвѣчаюць: да, говоряць: коли бѣльшій братъ помимо насъ не доставъ, дакъ мы и табѣ лошадиную заповідзъ доставимъ, чысцьѣй якъ тая булѣ, бѣльшого брата! Отъ, яны узали, сичасъ красокъ понаввали, ямѣ вянокъ зъвили — чысцьѣй, якъ тѣй бывъ. Сичасъ подвосоюць ямѣ. Ёвъ вянокъ барѣць, госьцину мѣ даецъ, вянокъ узавъ и поѣхавъ домовъ. Пріѣжжаецъ домовъ, сичасъ коню на вѣхо повѣсивъ и подѣжжаецъ потъ крылцо. Выходзиць бацька на крылцо. «Бацюшка, говориць: хороша лошадиная заповідзъ?» — Хороша! говориць. Тоды узавъ етѣй вянокъ, увѣсъ у комнату и повѣсивъ на сцянѣ.

Цяперича приходзиць уже третій синѣ, меньшій, дурачокъ, Иванъ Ивановичъ. Позволяця, говориць, бацюшка, и мѣ доставиць вамъ лошадиную заповідзъ. Коли намъ доставали бѣльшія браты, и я, говориць, доставлю! — Можашъ, каецъ, сабѣ, и ты доставиць. — Позволяця мѣ, бацюшка, лошады сабѣ выбраць по 'быччу свойму! — Можашъ! Ёвъ пошовъ на стайню: што по крыжѣ хлопнецъ коня, то й убивъ; што по крыжѣ хлопнецъ коня, то й убивъ. Стайню перайшовъ, — ня выбравъ, другую перайшовъ — ня выбравъ. Тыя стайни выбивъ. Тутъ сичасъ кучарѣ доясяли царю: ахъ, говоряць, царъ нашъ милосльвий, на што вы позволили Ивану Дураку

выбираць лошады сабѣ? Ёнъ ня выбравъ, и двѣ стайни лошадей выбивъ! Тоды появилѣвъ царь яго выгнаць вонъ. Пошовъ ёнъ по вулицы смутный. Сустрѣкаець яго на вулицы старуха: эй, Иванъ Ивановичъ—што вы, говориць, нѣшто смутны?—А якѡя табѣ, говориць, дзѣло?—Да й пошовъ. Тоды обдумався: ахъ, говориць, што йто ина у мяне спрашавала—треба у яе спытаць! Ворочаетца назадъ: погодн, говориць, старуха: по якой ты часыцы—почаму ты у мяне спрашавашъ, зачымъ я сиуценъ иду?—А вотъ, говориць—я увознала, што ты сиуценъ!—Да, моѣ браты, говориць, достали лошадиную заповѣдъ, треба и нѣ доставиць: нетай и я буду знаць, што лошадиную заповѣдъ бацюшку приставивъ!—Да, говориць, Иванъ Ивановичъ: вы сабѣ тутъ ня выбериця лошади!—Ну й раскажи жъ мнѣ, старуха, якъ нѣ лошады выбраць?—А вотъ, говориць: спросиця вы у своѣй матушки—ёсць, говориць, у вашай матушки лошады у склепи, за дванатцатыми дверями, за дванатцатыми замкамі!—Якъ жа мнѣ, говориць, обраѣтца?—А йдзиця къ ёй у камлаты и скажеця: матушка моя родзицелка, позволь мнѣ тую лошадыузяць, которая за дванатцатыми дверями, за дванатцатыми замками? Такъ ина сичасъ, говориць, кинетца къ табѣ: мерзавецъ, почаму ты знаешъ, што у мяне лошады ёсць, за дванатцатыми дверями, за дванатцатыми замками? А ты скажи,—што, вотъ маменька: я успомнивъ на тоя, што якъ ты мяне на свѣтъ родила и маленькаго на рукахъ носила, и ў заповѣдныхъ лугахъ шавковныя травы рвала, и яму у вокошко борсала, дакъ я на тоя успомнивъ!.. Ина табѣ сичасъ ключи одасць! Вотъ ёнъ ёй поблагодаривъ, и ворочаетца назадъ. И пошовъ у камлаты. Приходзиць къ ёй и говориць: матушка моя родзицелка, позволь мнѣ тую лошады узяць, которая за дванатцатыми дверями, за дванатцатыми замками! Такъ ина сичасъ кинулася къ яму: мерзавецъ, почаму ты знаешъ, што у мяне лошады ёсць за дванатцатыми дверями, за дванатцатыми замками?—А ёнъ говориць: вотъ, маменька, я успомнивъ на тоя, што якъ ты мяне на свѣтъ родила, и маленькаго на рукахъ носила, и ў заповѣдныхъ лугахъ шавковныя травы рвала, и яму у вокошко борсала, дакъ я на тоя успомнивъ! Такъ ина на яго закричала, ключи яму выкинула. Тоды ёнъ узявъ ключи, пошовъ, шесьцero дварей отошнувъ, а шесьцero самъ конь разьбивъ отгүлицька.—Ахъ, говориць, Иванъ Ивановичъ! я прождався, говориць, цябе! сощегъ, ня йвши, тутъ! Што табѣ треба?—Ды, говориць, моѣ браты доставили лошадиную заповѣдъ, дыкъ я намъ треба доставиць!—Ну, цяперь, говориць, я пойду на трѡя судокъ у заповѣдныя луги пугуляць, *пугудуватица*, а то я сощегъ тутъ! А тоды поѣдзеи! Тоды, трѡя судокъ ёнъ прогулявъ—прибигаець къ яму. Ну, говориць: цяперь, бярысь за мяне цихенько, садзись на мяне лягенько, сичасъ поѣдзиди! Ну, Иванъ Ивановичъ сѣвъ на яго. Ёнъ поднимаетца подъ небеса и поляцѣвъ. Сичасъ

прилетаюць у заповѣдныя луги,—гуляюць дзѣвки.—Здрастуйця, дзѣвки!—Здрастуй, Иванъ Ивановичъ, куды Богъ нясець?—«Да, говориць: браты доставили лошадиную заповѣдзь, треба и мнѣ доставиць,—псхай я буду знаць, што лошадиную заповѣдзь бацюшку приставивъ! Отъ, яны отвѣчаюць: да, говориць: коли бѣльшія браты пошмо насъ не доставили, дакъ мы и табѣ лошадиную заповѣдзь доставимъ, чысцьѣй, якъ тыя былі, бѣльшаго брата! А ёнъ отвѣчаець: нѣ, я вашія заповѣдзи не жалаю, я безъ васъ найду! И поѣхавъ. Ци много, ци мало отѣхали, одно царство переляцѣли, ёнъ сичасъ говориць: Иванъ Ивановичъ, оглянся, говориць, упярѣдъ, оглянся назадъ: ци нема якой погони за нами? Тэй Иванъ Ивановичъ глянувъ напярѣдъ, глянувъ назадъ—нѣ, говориць: погони нема, а напярѣдъ нѣйкое вогнища гориць, говориць.—Да, говориць: ето ня вогнища гориць, ето гориць богатырская кровь! Твоя матушка, говориць, на мнѣ звоувала богатыря съ трѣми головами, дакъ ето яго кровь гориць! Дзяржися, говориць, якъ можно покрильчѣй, а то упадзешъ, огонь схэпнѣць, духомъ обмылишъ! Тѣя вогнища переляцѣли, тоды ёнъ говориць: ну, Иванъ Ивановичъ, ложись оддыхаць, я пойду у заповѣдныя луги, пугулюю, пугодуюся. Я къ табѣ приду, узбуджу! Ёнъ лёгъ оддыхаць, а ёнъ пошовъ у заповѣдныя луги пугудуватца. Тоды приходзиць къ яму: ну, говориць, Иванъ Ивановичъ,—уремя ўставаць—у дорози, говориць, не залёжуютца,—треба на дзѣло посьпываць. Тоды ёнъ бярэцца за яго цыхѣнько и садзитца лягѣнько, поднимаютца подъ небеса и поляцѣли. «Оглянися, говориць, Иванъ Ивановичъ назадъ—напярѣдъ, ци нема якой погони за нами?» Иванъ Ивановичъ оглянувся назадъ, напярѣдъ—нѣ, говориць, погони нема нийкія, а напярѣдзи гориць вогнища,—тоя булё вялікая, а ето побольшая гориць!—Ето, говориць, не защита гориць, ето гориць богатырская кровь! Твоя матушка на мнѣ звоувала богатыря цмока, съ шастыма головами. Смотри жъ, говориць,—дзяржися крѣпко, кабъ не упавъ у вогонь у етый, што, говориць, сосмылишъ! Такъ сичасъ переляцѣли ето огнища. «Ну, говориць, Иванъ Ивановичъ: ложись, оддыхай, а я пойду у заповѣдныя луги пугулюю, пугодуюся. А тоды къ табѣ приду, побуджу!» Иванъ Ивановичъ лёгъ оддыхаць, а ёнъ пошовъ у заповѣдныя луги, пугудуватца. Тоды приходзиць къ яму: ну, говориць, Иванъ Ивановичъ—уремя ўставаць—у дорози, говориць, не залёжуютца, треба на дзѣло посьпываць! Тоды ёнъ бярэцца за яго цыхѣнько и саджитца лягѣнько, подпѣлися подъ небеса и поляцѣли. «Оглянися, говориць, Иванъ Ивановичъ, назадъ—напярѣдъ,—ци нема якія погони за нами?»—Иванъ Ивановичъ, оглядзѣвся назадъ, напярѣдъ,—нѣ, говориць, погони нема нийкія, а напярѣдзи гориць вогнища. Тыя вогнища былі вялікія, а ето напярѣдзи ще большая гориць!—Да, говориць: ето не вогнища гориць, ето гориць богатырская кровь: твоя матушка

звоявала на мнѣ богатыря зъ дванатцатьи головани. Дакъ это кровь богатырская гориць. Гляди жъ, каецъ, дзяржися крѣпко, кабы не упавъ у огонь у етый, а то тутъ, говориць, совсими згорышъ! Тоды ёнъ, тольки бъ троху вылецѣць ба съ огня, и упавъ ёнъ—не переляцѣвъ и ўпавъ. Сичасъ лошадзь счѹстувавъ, што яго неча—кѹмельгомъ кинувся у вогонь, зубами стапавъ яго и вытащивъ.—Вотъ, я табѣ приказававъ—дзяржися покрѣнче, а ты мойго приказа ня слухавъ. Кабы яно маленько дали отъ краю упавъ, дакъ бы я ня вѣхаливъ,—згорѣвъ ба! Ну, ты цяперъ, говориць, ложись оддыхай, а я пойду у заповѣдныя луги попиць, пугуляць, пугудуватца! Тѣй лёгъ оддыхаць, а ёнъ поляцѣвъ у заповѣдныя луги гудуватца. Черезъ три часы узворочився къ ямѹ, узбудзивъ Ивана Ивановича: ну, говориць: бярись за мене цихѣнько, садзись лягѣнько и поѣдзми! Ёнъ усѣвъ на яго, поднимаютца подъ небеса и поѣжжаюць. Приѣжжаюць, на якомъ то царствѣ-гусударствѣ стоиць дубъ. И ли того дуба три дороги. Тоды говориць: «ты цяперъ, Иванъ Ивановичъ, ставовися ли етаго дуба, а я цяперъ пойду у заповѣдныя луги. И ты, говориць, стой нямимъ. И будучъ ёнаць разѣѣзчики, и забяруць яны цябе, тоды ты говориць, усѣ будзѣ вямимъ, худъ яны што табѣ будучъ приставляць, якъ допекаць,—ты не говори—мычи, руками жайай—ну ни слова не говори, мовчи. Тогда, якъ я треба табѣ буду, ты выйдзи, говориць, зъ дому, ды уздыхиц цажко и скажи: ахъ, кабы моя лошадзь цяперъ стала передо мной, якъ *листя* передъ травой! Тоды я къ табѣ и явлюся!» Самъ и пошовъ. Ёнъ стоиць ли дуба и думаецъ самъ сабѣ: «коли мнѣ съ ковѣмъ було худо, а цяперъ одному якъ то мнѣ будзецъ?» Ця много, ци мало ёнъ постоявъ, сичасъ ёдучъ три разѣѣзчики съ уснѣ трѣхъ дорогъ, и разомъ къ тому дубу. Стали яны у яго спрашаваць: што вы, говорюць, за людзи стоиць? Ёнъ мовчиць—размаѹецъ, мовчиць. Тоды одзинъ говориць: да што вы у яго, говориць, спрашиецъ? да ўбиць яго съ караби-на! А другій отвасѣцѣвъ: «аѣ, каецъ: што намъ зъ естаго за польза, што мы яго забѣмъ?» А тамъ уже одѣжа не насыкая. «Лѣпи мы яго повезѣмъ къ царю, нехай царъ посмотриць, што не нашъ челоуѣкъ, што одѣжа не насыкая, и безъ рячей,—нямый. Дыкъ намъ будзецъ чесь, што мы такого то челоуѣка приставили къ царю!» Узѣли у повозку и повязѣли. Привѣжжующъ къ царю и говорюць: царъ нашъ милосѣливый!—понали мы на дорози такого то челоуѣка, што не насыкая одѣжа на нѣ, и нямый! Царъ спрашуя: откуль ты? Якій ты? А ёнъ руками размаѹецъ на усѣ боки, мычиць.—Ну, царъ говориць: ёнъ непамитовый; дыкъ ёнъ идзѣць, самъ ня поминиць; ёнъ не знаецъ самъ, съ котораго ёнъ бѣку. Што яго традиць? отправиць яго на кухню, нехай тамъ! Вотъ яны завѣли яго на кухню, ёнъ тамъ узавъ кухарю дрѣвы носѣць, водѹ носиць.

Тоды почавъ пумугаць яму и кўшунья гутуваць. А ўсё някымъ. И тэй не допытаетца ничёго у яго—ўсё ва кнвѣ. Цяперича царю донасьлі, што ёнъ пумугаецъ кўшунья гутуваць яму. Цяперъ царь, што самъ ёсць, што выстаётца, дыкъ ёнъ яму шлёць, кабъ ёнъ самая тся ёвѣ, што царъ ёсць. Вотъ тѣя дворины усёрдзіліся, што набродѣ, съ свѣту, ды тоя уживаецъ, што царь. Ето вчѣ стало процивно. Яны яму ўзяли, пушнаго хлѣба расстарялся, подиясьлі, и пачёвныя рѣдзьки. Отъ, ёнъ не ўзявъ етны пищи ёсць, узявъ, бросивъ тамъ. Пошовъ у садъ къ садовнику, и тамъ показуецъ, разма́хуецъ—што яму ёсць нечего, дрѣнное яму подиясьлі. Я, каецъ, тутъ табѣ буду пусубляць, каецъ, на-кнвѣ усѣ. Тэй принявъ, узявъ яго кормиць хорошо. Отъ, ёнъ яму ўзявъ пумугаць, узявъ дорожки чісьциць, узявъ прищѣпки прищепляць, виноградъ, за виноградомъ ходзіць. Тоды ёнъ ўзявъ сабѣ частку саду—и самъ и сѣдзіць и прищепляецъ—и завѣвъ такого винограду, што и ў свѣци такого нема—ябловы, дуль и ўсякаго разнаго винограду. Понасадивъ тамъ, што й горѣдника того перамѣгъ. Тоды ето доклали царю: што нямый, говоруць, позавѣдзіць у садзи—ўсякаго винограду, такого, што и ў свѣци нема! Тоды, у того царя ды былы три дочей, а сына не воднога ня было. Тоды бѣольшая дочка говориць: бацюшка, говориць, и матушка, позволяй миѣ ўзяць яго на ночь—мѣоць, я ци не допытаюсь рачей у яго! Потому, ето повинно ня прѣстый чловѣкъ,—этакія штуки дѣляецъ,—ёнъ пристаўляецца! Ну, бацька позволивъ: возьми сабѣ, говориць. Вотъ яго сичасъ пригукуюць у каматы. Ина яго бярець у свою камату, и стала яго жалѣць (обнимать). Ина яго жалѣецъ, ёнъ яё жалѣецъ, цалуютца, а говориць ничёго не говориць—ўсѣ на кнвѣ. А йна усѣ ў яго добиваетца рачей. Ну, добивалась, добивалась—мовчиць. Тоды, дождали свѣту, ина яго вывела на крылцо да ў коршёнѣ. Ёнъ пошовъ у будку у свою, ояцъ свою работу запннатца боло саду. Проходзіць дзень, наступаецъ ночь. Тоды сяредыня сестра говориць: бацюшка, говориць, матушка: позволяй миѣ къ сабѣ у ложницу ўзяць нямого, я зѣ нмѣ помяхти буду, можець, я ци не допытаюсь рачей у яго! Потому ето повинно ня прѣстый чловѣкъ,—этакія штуки дѣляецъ,—ёнъ пристаўляецца! Ну, бацька позволивъ: возьми сабѣ, говориць. Вотъ яго сичасъ пригукуюць у камату. Ина яго бярець у свою камату, и стала яго жалѣць. Ина яго жалѣецъ, ёнъ яё жалѣецъ, цалуютца, а говориць ничёго не говориць—ўсѣ на-кнвѣ. Покачались ночь—нема ничего, не допыталась у яго ничёго. Дождали свѣту, ина яго вывела на крылцо да ў карокъ! Проходзіць дзень, просиць ўзновъ меньшая дочка: бацюшка, матушка, позволяй миѣ яго къ сабѣ ўзяць: можа я допытаюсь!—А й ты, каецъ, такъ допытасяся, якъ яны! Ну, сичасъ прива́джу-юць яго у каматы. Повела ина яго у ложницу, поклалися. Ина яго

почалъ жалѣць, обниаць, цаловаць—усяками стапѣни. Ёнъ мытиць, нема
ничого. Дождали свѣту, ина яго на крыло вывела, обнила и пупулува-
ла. Тоды ёнъ пошовъ у будку, и опяць завѣвся коло саду. Протодзницъ
дзень,—большая сестра и говориць: бацюшка и матушка, позволяй миѣ
у садъ пройци у яго, полядзѣць, якіі ёнъ садъ виноградъ завѣвъ тамъ!
—Можно, говориць: пройдзи сабѣ! Ина узила службітокъ и пошла ў садъ.
Тоды ёнъ стрѣвъ яе, узавъ яе потъ пѣли, водзівъ, водзівъ яе по саду,
усякаго винограду ёй нащипавъ, у платочки навизавъ. Тоды вывель съ
саду вонъ за ворѣты, да ў коршёнъ яе! Ина закричала къ бацьку: ай!
бацюшка, матушка! на што вы, говориць, етого дурного нямого дзѣржня?
Ёнъ жа, якъ вывель мяне съ саду, дыкъ якъ тронувъ у хребѣтъ, дыкъ
я лёдвѣ живая осталася! А бацька говориць: якъ ты, говориць, стрѣла,
такъ цябе и проводзівъ! Тоды саредьніа сестра говориць: бацюшка и ма-
тушка, позволяй миѣ у садъ пройци у яго, полядзѣць, якіі ёнъ садъ вино-
градъ завѣвъ тамъ!—Можно, говориць: пройдзи сабѣ! Ина узила службітокъ
и пошла ў садъ. Тоды ёнъ стрѣвъ яе, узавъ яе потъ пѣли, водзівъ, во-
дзівъ яе по саду, усякаго винограду ёй нащипавъ, у платочки навизавъ.
Тоды вывель съ саду вонъ за ворѣты,—бѣнць яе у кѣрокъ! Ина
закричала: ахъ, бацюшка, матушка, зачѣмъ вы дзѣржня етого дурного?
Ёнъ жа чучъ мяне не забивъ! А бацька говориць: якъ ты стрѣла, такъ
ёнъ проводзівъ! Цяперіа мѣньшая сестра говориць: бацюшка и матушка,
позвольа миѣ у садъ пройци у яго, полядзѣць, якіі ёнъ садъ виноградъ
завѣвъ тамъ!—Можно, говориць: пройдзи сабѣ! Ина узила службітокъ и
пошла ў садъ. Тоды ёнъ стрѣвъ яе, узавъ яе потъ пѣли, водзівъ, водзівъ
яе по усіхъ сѣдѣкахъ, по ўсіхъ дорожкахъ, усякаго винограду ёй на-
щипавъ, у платочки навизавъ. Тоды вывель съ саду, обниаць и пупулу-
вавъ яе. Ина пошла у колыты, а ёнъ вазадъ у садъ. Цяперъ, зачали
ѣздзѣць панычѣ,—королькѣ тамъ, князѣ—и къ большимъ и къ мѣньшай—
што царю пѣжылѣ одному у царствѣ: у яго сыновъ нема, дакъ на мѣсци
зяця поставиць. И цяперъ, тыя двѣ съ князѣми, съ корольками по'бру-
чѣлися, а мѣньшая изъ панычъ съ тымъ,—злюбилася. Заручины погуляли,
и зъвиньчались. Тоды, ци мало, ци много яны пожили, наступавѣ непри-
яцель уже на нѣхъ. Тоды ёнъ говориць, царъ—на большаго: зяцѣкъ мой
любимый, можешъ ты, говориць, поступиць на моѣ мѣсто на пристѣпъ
ициць! Сичасъ ёнъ узавъ сильную вармію и пошовъ на пристѣпъ. Тоды
Иванъ Ивановичъ зивѣць тѣя ўремя, якъ яны вачинаюць гуляць—
сичасъ вѣшавъ съ саду, уздухнувъ цяжко и говориць: ахъ, штобъ, го-
вориць, моя добрая лошадыъ стала перѣдо мной, якъ *мѣсь* передъ травой
—то бъ то добра *було*! Конь тѣя лядиць, ажъ маць земля дрыжиць!
Прибѣгъ и говориць: што, Иванъ Ивановичъ, што,—я табѣ треба?

А ёнъ отвѣчаецъ: треба, говориць. Пошовъ большій зяць на воинство; хоць ба мы посмотриѣли, што тамъ дѣбета!—О, каецъ, ето ня воинство, ето жарты, каецъ! Полизай у лѣвая вухо! Ёнъ у лѣвая вухо полѣзъ, у правая вылизъ. Тѣ бывъ чистый красивый молодзецъ—ящѣ почисыѣвъ! И военная збруя уся при ёмъ стала. Ну, говориць: бярысь за мяне цихенько, садзись на мяне лягенько—поѣдзись. Сичасъ поднимались подъ небеса, приляцѣли на тѣя мѣсто, адзѣ яны бѣютца. Ёнъ начавъ—што самъ сячѣць, што конь ногами бѣецъ, што самъ сячѣць, што конь ногами бѣецъ. Добиваетца ёнъ до цюка съ трѣми головами. Такъ сичасъ тыя три головы яму зрубивъ! Такъ и забрали ихъ у полднѣ уснѣхъ. Потѣдзиль къ яму тѣя зяць и говориць: «сильно могуцій воинъ, чимъ миѣ цябе угосьциць? нѣтъ табѣ даць, говориць, зямлѣ отписаць, нѣтъ табѣ сильныя вармѣя, нѣтъ дзеньгавы?» Ёнъ говориць: на што, говориць, миѣ ваша царство, на што миѣ, говориць, ваша вармѣя—дзѣ миѣ зъ ёй водэйтца, коринь яб треба—я оданиъ ѣжжу, спомочи даю такъ, за благодаренія. Ня треба миѣ и гроши ваши—у мяне своё ёсць. А вотъ вы, говориць, дайца миѣ полосу къ свѣны—я ў трубучку скручу и ў кармавчыкѣ положу. Я рукою шупну и объ васъ спомяну, што вамъ помочи даваць. А вы поѣдзеця у бавю, за плечи шупнѣця и на мяне уздумаеця, што я у васъ бывъ на помочи. Больши миѣ ничего ня треба изъ васъ! Тоды ёнъ обращаетца къ яму задомъ, ёнъ узавъ, полосу и выдравъ у яго. Попрошались и поѣхали ўрозъ—тѣя сабѣ, тѣя сабѣ! Ёнъ прѣхавъ къ своему саду, у правая вухо улѣзъ, у лѣвая вылизъ, и якъ не было збруи, такъ и не стало; якъ бывъ, такъ и ёсць челоуѣкомъ—простымъ, нямымъ. Конь пошовъ на заповѣдныя луги у своё мѣсто, а ёнъ пошовъ у свою будучку. И своимъ дѣломъ заннмаетца, коло саду смотрѣецъ. Тутъ тыя приходзюць зъ воинства. И—рады, што забрали, помогли, неприяцеля,—ницъ, гуляць по рѣдошай. Тыя сѣстры быда на яб, гвалтъ такіе: ты, каецъ, припила сабѣ дурного, нямого,—што ёнъ никуды. А якъ наши мужи, дакъ по свѣту ѣздзюць, горююць! Почали яд страйиць, што быда. Ина заплакала и пошла къ яму. И показала яму, што сняютца коло яб, страйиць. А ёнъ мычиць, размахуецъ руками: нехай сабѣ! каецъ.

Много—мало поживши, наступаецъ шасцыголовый цюкъ, дратца изъ ими, съ царѣмъ, оняць. Царъ тѣя отвѣчаецъ на сярэдняго зяця: ну, говориць, зяцѣкъ, можешъ ты заступнѣць на моѣ мѣсто на пристѣпнѣ! Дакъ ёнъ сильную вармѣю узавъ и пошовъ. И тѣя большій пошовъ—‘бая пошли. Тоды Ивавъ Ивановичъ, знаецъ тѣя урѣмя, якъ яны починаюць гуляць—сичасъ вышавъ съ сѣду, уздухнѣвъ цяжко и говориць: ахъ, штобъ, говориць, моя добрая лошадыъ стала передо мной, якъ лѣсъ передъ травой—то бъ то добра было! Конь тѣя ляцнѣць, ажъ маць зѣмля

дрыжиць! Прибѣгъ и говориць: што Иванъ Ивановичъ—што, я табѣ треба? А ёнъ отвѣчаецъ: треба, говориць. Пошовъ сярედній зяць на воиство; хонь ба мы посмотрѣли, што тамъ дзѣтца!—О, каецъ; это ня воиство, это жарты, каецъ! Полизай у лѣвая вуха! Ёнъ у лѣван вуха полѣзъ, у правая вылизъ. Тѣ бмъ чистый красныи молодзецъ—ящѣ почисъцѣнъ! И военная збруя уся при ёмъ стала. Ну, говориць: бярысь за мяне цѣхѣнько, садзись на мяне лягѣнько—пѣйдзми! Сячасъ подпинались ногъ небеса, приляцѣли на тѣя мѣсто, адзѣ яны бѣютца. Ёнъ начаць—што сачъ сячѣць, што конь ногами бѣѣць, што самъ сячѣць, што конь ногами бѣѣць. Добивнѣтца ёнъ до цмока съ шастымъ головами. И стали битца. Потулъ билися. покулъ шесць голова зрубивъ ямъ. Тоды потхѣдзмиць сярэдній зяць и говориць: «сильно могуцій воинъ, чинъ мнѣ цѣбе угосыциць? нѣтъ табѣ даць, говориць, зимили отписаць, нѣтъ табѣ сильныя варми, нѣтъ дзеньгами?» Ёнъ говориць: на што, говориць, мнѣ ваша царство, на што мнѣ, говориць, ваша вармѣя—даъ мнѣ зъ ёй водзѣтца, кормиць. не треба—и одзинъ вѣажу, спомочи даю такъ, за благодаренѣя. Ня треба мнѣ и гроши ваши—у меня свое ёсць. А дай, говориць, мнѣ съ правая руки мѣзинъ палець отрѣзаць—я яго у кармаць уложу, рукой щупнѣ и объ цѣбе спомянѣ. Ты пѣйдзешъ у баню, за рукѣ щупнѣнъ—объ мяне усномъ-нишь! Ёнъ яму руку выставивъ; ёнъ сячасъ палець отрѣзавъ, у платочникъ увярцѣвъ да ё у кармаць. Попрощались и поѣхали ўрозъ—тѣя сабѣ, тѣя сабѣ! Ёнъ прѣбхавъ къ своему саду, у правая вуха улѣзъ, у лѣвая вылизъ, и якъ не було збруи, такъ и не стало; якъ бывъ, такъ и ёсць человекомъ—прѣстымъ, нямимъ. Конь пошовъ на заповѣдныя луги у свое мѣсто, а ёнъ пошовъ у свою будучку. И свонъ дзѣломъ занимаецца. коло саду смотрѣецъ. Тутъ тѣя приходюць зъ воиства. И—рады, што забрали, помогли непрѣяцѣля.—стали пиць, гулицъ по радощахъ. Тѣя сѣстры бида на яѣ, гвалтъ такій: ты, каецъ, приняла сабѣ дурного, нямого—што ёнъ никудѣ. А якъ наши мужи, дакъ по свѣгу вѣздюць, горюють! Почай яѣ страиць, што бида. Ина заплакала и пошла къ ямъ. И показала яму, што смягнѣ коло яѣ, страиць. А ёнъ мычѣць, размахуецъ руками: нехай сабѣ, каецъ.

Много—мало поживши, наступаецъ цмокъ двѣнатцапиголовый, драгца. Тоды тѣя царъ говориць: зяци моѣ любѣя, послужили вы за большихъ моихъ дочѣкъ, сами за сябе, послужили цѣперъ за мѣзную мою дочъ, за бѣщасную—што ина приняла сабѣ нѣмого, дурного. Ина 'тѣяцѣла: да, говориць, бацѣшка, матушка, я не жалаю! Коли мужъ мой дурный, дакъ я сама поступаю, сама пойду къ цмоку, на свою вочередзѣ! Ина собралася, узла сабѣ сильныя варми и пошла. Царъ отвѣчаецъ: эхъ, зяци моѣ любѣя! мало што ина зъ большѣя досады пошла! А вы, говориць, про-

ѣдзця поспитриця, якъ што будзецъ,—мало што яна говорила! Зяццi послу-
тали, поѣхали. Ёнъ знаецъ, якъ яны начинаютца—сичасъ вышавъ сь
саду, уздухнувъ цяжко и говориць: азъ, штобъ, говориць, моя добрая
лошадзъ стала перадо мной, якъ лѣсь перады травой—то бъ то добра
було! Конь тэй лядцы, ажъ маць зямля дрыжыць! Прыбѣгъ и говориць:
што, Иванъ Ивановичъ, што, я табѣ треба? А ёнъ отвѣчаецъ: треба,
говориць. Пошла моя жана на войнство!—Да, говориць—ето уже во-
инство: то были смѣшки, а тоды жарты, а ето уже войнство, говориць.
Полизай, говориць, у лѣвая вухо! Ёнъ у лѣвая вухо полѣзъ, у правая
вылизъ. Тѣ бывъ чистый красивый молодець—ящѣ почисыцьвѣ! И воен-
ная збруа уся при ёмъ стала. То была чистая збруа,—а ета ще поболь-
шая. Ну, говориць: бярысь за мяне цитѣлька, садзись на мяне лягѣнько
—поѣдзimy! Сичасъ подвигались подъ небеса, прыляцѣли на тѣя мѣсто,
адзѣ яны бѣютца. Начавъ ёнъ самъ сѣць, конѣмъ мясницъ—самъ сячѣць,
конѣмъ мѣсницъ, добився до двѣнатцапиголоваго богатыря—зымѣл. Ставъ
исъ тымъ битца, ставъ исъ тымъ битца,—ёнъ ямѣ шесць головъ збынавъ,
а ёнъ ямѣ рукѣ поравивъ. Стали зновъ битца, стали битца—ёнъ яму
яще шесць головъ збынавъ, а рука у яго окровавилася. Помѣли змирѣнiе,
побрали у полѣмъ тую силу, польно уже воиватца. Тоды ёнъ потхѣдзайць
къ царыцы. Ина говориць: «сило могуцiй воианъ, чимъ миѣ цябе угось-
цыць? нѣтъ табѣ даць, говориць, зямлi отписанъ, нѣтъ табѣ сильныя варшiн,
нѣтъ дзеньгами?» Ёнъ говориць: сударыня, миѣ ваша ничѣго ня треба.
А я, говориць, милосцьci вашiн прошу,—шалькъ шъ шiн зняць, миѣ рукѣ за-
вярцѣць. Тоды, говориць, вы помѣдаеця—на шiн шалика нема—вы объ мяне
успѣдница. Я поляджу на рукѣ, и объ васъ успѣдню! Ина звила шалькъ
и завязала ямѣ рукѣ. Попрощались, адзiнъ адному подзякавали и по-
ѣхали. Ёнъ прiѣхавъ къ своему саду, у правая вухо улѣзъ, у лѣвая вылизъ,
и якъ не було збруи, такъ и не стало; якъ бывъ, такъ и ёсць челове-
комъ—простымъ, нямымъ. Конь пошовъ у заповѣдныя луги, у своѣ мѣ-
сто, а ёнъ пошовъ у садъ, у свою будучку, и лѣгъ, заснувъ на двѣнат-
падъ судокъ, богатырскыи сномъ. Тоды яны приходзюць уже двѣру, стали
пыць, гуляць, узялi яѣ страиць, што бiда: за сябе ѣздзили, и за твоего
за дурного, каецъ, ѣздзили горюваць, труждатца! Ну, начинаюць раду
радзiць, стали царя просиць: этъ, польно, говорюць, бацiушка—яѣ сукру-
шадъ, сушиць! Зработаць вiсильницу и повѣсиць яго! Царъ ето позво-
ливъ: зработайца сабѣ уже! Яны ўзяли работаць, яна побѣгла у садъ:
пойду хуць потолкую яму, што ёнъ миѣ 'твѣдциць—моѣць, ёнъ увойдаецъ
отъ смерци отъ отыя! Тоды яна приходзiць у садъ, ажны ёнъ сплiць на-
ўзницъ. Посмотриць, ажъ яѣ шалькъ у яго на руцѣ. Ина не то узrado-
валася, не то спужалася—давай плакаць надъ имъ, стала будзiць яго.

А ёнъ спидъ богатырськииъ сномъ,—ничого яму не зыдзѣлаецъ—не добўдзита. Тоды нна зъ радости побѣгла у комнату; троху у комнаци повариулася. А висильниці готуюць. Побѣгла узновъ будзійцъ яго. А ёнъ спидъ богатырськииъ сномъ. Давай плакаць надъ имъ, стала будзійцъ яго, ничого яму не зыдзѣлаецъ—не добўдзита. Прибѣгла зновъ у комнату. Висильница готова уже, и яны коло яе смяютца, што нна плачець по имъ: плюнь ты, табѣ людзей ня будзець! А нна ничого не кажець имъ. Побѣгла у третій разъ будзійцъ яго. Якъ стала будзійцъ,—будзила, будзила—не добудзилася. Стала плакаць. Капаули слёзы яе яму на грудзь. Тоды ёнъ прашувъсь, проговоривъ:—ахъ, каець, душенька—спекла ты мяне дужа!—Ахъ, спекла, говориць, душенька—на цябе уже вунъ висильница готова!—«Ну, говориць, душенька, ня звѣстно, на кого: можець на мяне, можець сами на сябе! Идзи, говориць, у комнату и спреси: бацюшка и матушка, позволяця говориць, няного, тоць перядъ смерцю увесьци у комлату! Тоды позволяць яны увыйци, ты скажи: бацюшка и матушка, позволяця яму, потвардзиця яму рюмушку вина даць, подысянця, нехай перядъ смерцю хуць рюмку вина выпѣецъ—усѣ смалѣй ёнъ на висильницю пойдзець, не такъ ёнъ будзець страху бачиць—пятлю на шію надыплать. А тоды и другую!» Ну, нна пошла: бацюшка и матушка, позволяця, говориць, и яму у комнату увыйци хуць перядъ смерцю! Бацюшка позволявъ: идзи сабѣ, каець, увядзи! А тыя зяці, сёстры, Божа мой, гвалтъ на яе—не вадзи! Пошла нна: ну, пўдземъ, каець. Пришли у комлату. Бацюшка и матушка, потвардзиця уже яму, подысянця яму рюмушку вина—нехай перядъ смерцю хуць рюмку вина выпѣецъ—усѣ смалѣй ёнъ на висильницю пойдзець, не такъ ёнъ будзець страху бачиць—пятлю на шію надыплать!» Ну, царъ повалѣвъ поднесьць. Поднясьли рюмку вина, ётъ нна говориць: потвардзиця ще одну яму поднесьци—мы уже отъ етого не збяднѣемъ, якъ ѣли хлѣбъ, такъ и будземъ ѣсьць! Царъ другую рюмку позволявъ: подысянця яму, говориць, и другую! Яму подысясли. Выпивши другую рюмку,—ахъ, говориць: благодарить бацюшку за вино,—дужа вино пріятная! А тыя уже дзівютца, што някий да й заговоривъ. Тоды ёнъ: што, говориць, бацюшка мой названый: спросице-ка вы у большаго зяця: зачымъ ёнъ у баню, говориць, ня ходзиль? Кто у яго на помочи бывъ? И чимъ ёнъ плачивъ? говориць. Ето жъ я, говориць, у яго бывъ на помочи; я яму пособивъ, а ёнъ мнѣ заплачивъ—яго заплата у мяне ў карманѣ! Вынимаецъ тую полосу, прикладаюць къ яго спини,—икъ-разъ нна й пришлася!—Ну, цяперъ спросиця у сяредыаго заця, зачымъ ёнъ при большой кунпаніи у пррчаткахъ вўжанаецъ? И хто у яго на помочи бывъ, и чимъ ёнъ плачивъ? Агу! тому зяцю уже колонуло у пяты!—Ето жъ я, говориць, у яго на помочи бывъ,

и ёнъ иѣ заплачивъ съ правия руки мизённѣмъ палцомъ! Сичасъ узавъ, съ кармана вынявъ; припѣрили—икъ-разъ я пришовся тѣй палецъ! Отъ, ёнъ узавъ, обѣиѣ тыхъ запѣвъ на висильнику повѣсивъ, а яму съ своё шіи корону знявъ да яму на шію повѣсивъ. И здавъ яму усѣ царство. Тоды, ёнъ вышавъ на крылцо и уздухивъ цяжко, и говориць: штобъ моя добрая лошадыъ стала передо мной, якъ лѣсъ передъ травой, то бѣ мнѣ добра бѣ було цяперъ! Конь-бижиць, ажъ надъ земля дрыжиць. Прибѣгъ: што Иванъ Ивановичъ—я табѣ нужанъ? Да, говориць. нужно—поѣдзми къ своему отцу я матушки, у своё царство! Запригаюць коня у пояздъ, ёнъ подынясь подъ небеса, и поляцѣли. Приѣжжаюць къ своему царьскому дворцу. Сичасъ спускаютца на землю и ѣдутъ по землі. И приѣжжаюць потъ крылецъ. Баюшницъ баюшка на крылцо, ёнъ отвѣчаецъ: што, говориць, баюшка,—хороша лошадинная заповѣды? Баюшка отвѣчаецъ: хороша, синокъ! Ды здыѣвъ съ своё шіи корону, ды яму надаѣвъ. А тыхъ вянкѣ ихъ давъ ды ў прѣстыя солдаты оддавъ. Вотъ ёнъ два царства иѣецъ, и никто яму ничего ня здыѣлаецъ. Здорово живѣецъ, и намъ богословивъ здорово жиць тутъ. И я тамъ бывъ, мѣдъ-вино пивъ, по усахъ цякло, а ў ротъ не пупало. И дали мнѣ синь каптанѣнко. Я бягъ, а жедъ кричиць: синь каптанъ, синь каптанъ! Я думавъ—скинь каптанъ! да узавъ, да кинувъ; ды прибѣгъ двору, ды бѣлый свой надѣвъ.

Д. Плещино, малаятич. в. Крест. Степ. Федоровъ, 60 л.

5. Казанъ Михайла.

Отъ—это уже давно было. Жили сабѣ старикъ и съ старухой у городѣ столицы. Быто бѣ, такъ казавъ—или ў Києви или Москвѣ. Яны иѣли больше якъ по семьдесятъ годовъ, и не было у нихъ дзяцей. Ну, разъ-старикъ поѣхавъ у лѣсъ, ставъ рубиць древо. Зрубивъ древо одно, пошовъ снѣгъ сильный. Тоды, старикъ зрубивъ это древо—а яго и завѣало. И што ёнъ зрубивъ—яго завѣецъ, што ёнъ зрубивъ—яго завѣецъ, што ёнъ зрубивъ—яго завѣецъ,—сильный снѣгъ бывъ. Ёнъ и обдумавъ, ставъ, вертѣхисѣйся: Господи, говориць, якъ я, говориць, нещасянтъ! Ня иѣю сабѣ прислуги ниякія и средствѣи ниякіихъ. Поѣхавъ, говориць, дровъ на рубиць, и то, говориць, пошла такая мяцель, што не даецъ мнѣ и работаць! Троху сощѣла мяцель, ёнъ ихъ топоромъ выбивъ, дровы, положивъ на санки. Поѣхавъ. Ыдзецъ—ли дороги стоиць сухѣй пѣвъ. Ёнъ остановивъ лошадыъ: зрублю, говориць, я етъи пѣнюшекъ, усѣ больше, говориць. Што жъ я? Подыйшовъ къ лѣю и ударивъ обухомъ по етъи лѣю, кабъ троху снѣгъ обляцѣвъ. Удругъ, иѣкаго младзенца плачь слышався, якъ бытца, рабѣшачекъ плачець. Ёнъ перахрысѣйся, говориць: Господи! што

я, говоришь, слышу? Ци мѣ, каецъ, здаецца, ци якъ? Такъ жѣ яму удумалосѣ удариць по етому пню ще разъ—послышавъ настояща голосъ рабятчій. Во, ёнъ думавъ—стану пень етій рубиць! И ставъ помаленьку рубиць вокругъ. Обрубивъ вокругъ, обломивъ, нашовъ молодзенца у етѣхъ самымъ пни. Старикъ здѣлѣ съ сѣбе шубку и уваривъ яго. Положивъ на санки, привѣзъ на свою хвалеру, къ сабѣ. Жана, бытто такъ ёй, бытто ина рада, што такъ ёнъ поѣхавъ,—каецъ: етакая мяцель была, а ты у лясу!.. Кѣ ёй отвѣщаецъ: молись Богу, говоришь. Я, говоришь, што нашовъ! Я ж самъ не могу, што етакъ, откудава ето што?—Што ты, каецъ, такда нашовъ?—Во, каецъ, поладзѣтку! Ундсидь, у шубцы, етого рабѣшка. Баба была бытто рада, и потомъ стала Богу молитца, и спрашуецъ у яго: Богъ, каецъ, намъ давъ. А што мы будземъ дѣлаць изъ нѣ? Якъ, мы можамъ яго прознаць?—Ты, баба, ложись на полу, говоришь, и положи рабѣнка ли сѣбе етого! А я, говоришь, пойду, къ такому то купцу первой гвильды—Комаровому, хай отнусьциць своѣ мацяры-рабѣшка етого перабѣбницъ! Пошовъ ёнъ къ купцу, говоришь: здрастуй, купецъ!—Здрастуй, здрастуй, говоришь, дзѣдушка Бобикъ! Што намъ, говоришь, хорошаго скажешъ?—Отъ, купецъ господзинъ, скажу—поймеца вы мѣ (вѣры), ци не поймеца: моя жана сынка родзила. Я васъ прошу, кабъ вы позволили своѣ мацяры етого мойго сынка, рабѣшка, перабѣбницъ! Купецъ яму засмѣявся зъ естаго старика: эхъ ты, говоришь, дзѣдъ Бобикъ: дозможно быць, говоришь, якій обманъ хочешъ зъ мянѣ издѣлаць! Ня то для мяне—и ли моѣ маменьки еще, говоришь. Вы—я визнаю самъ—што вы большай семъ-дзесѣть лѣтъ отроду мѣця—большай, изъ своѣй бабой, и у васъ не было дзяцей. А цяперъ вы говорица, што у васъ ёсь, народзѣвся сынъ! Согласенъ, дзѣдушка: вы бѣднаго зложенія, а я ёсь купецъ, говоришь. Ежли жъ ето справядливо, дыкъ я табѣ сто цалковыхъ дамъ, а ежли жъ несправядливо, чимъ ты тоды, дзѣдушка, отвѣдишь тоды перадо мной и перадъ мойй матушкой, за несправядливое слово?—Я отвѣчу, што лѣтю, дайжа своѣй головой, подъ старосьци лѣтъ, што я неложное слово вамъ говорю! Купецъ приказавъ запрець пару лошадей у хвайтонъ и посадницъ етого самаго дзѣдушку и свою маць у хвайтонъ, и поѣхавъ къ етому дзѣдушку. И давъ купецъ мацяры своѣй сто рублей, што обѣщавъ, и сказавъ: когда жѣ ёсь рабѣшакъ, дакъ отдай дзѣдушку сто рублей, а ежли жъ вѣту, дакъ вѣзи дзѣдушку ко мѣ и сама ѣдзъ! Ну, прѣѣхали. Поглядзѣла ета са́ма бабка,—ажъ ёсь народжанный сынъ у нѣ, младый юношъ. Ина и осталась. Жонка, отсылаецъ яго къ такому то протчаму купцу, за дочкой, перахрысьдиць етого рабѣнка. Пошовъ дзѣдъ. Приходзиць къ такому то купцу и говоришь: здрастуй, купецъ господзинъ!—Здрастуй, здрастуй, говоришь, дзѣдушка Бобикъ! што намъ го-

рошаго скажашъ?—Ды моя, говориць, баба сына родила. Я прїѣхавъ къ вашей дѣтки Лисаведи, кабъ она была хрѣстная маць мойму сыну! Купецъ удивився, ажъ засмїялся, обратився къ своему домашнему семейству и собственной своей дѣтки, Лисаведи, высказавъ своимъ словомъ: што собственно старикъ такой то пришовъ, говориць, штобъ ты, моя дочь Лисавета, была хрѣстная маць! Вышло ўсё семейство этого купца къ дѣдушку, и дочь этого купца. Посмотрѣли на этого дѣдушку. И отецъ яе сказуецъ: нѣ, говориць, дѣдушка, ты дожно быць уздумавъ зъ моё дѣтки посмїятца! Чимъ ты тоды, дѣдушка, отвѣчаешъ?—Я отвѣщаю, если жъ окажется несправедливымъ моё слово перадъ вашей дочкой Лисаветой, то я отвѣчаю своей головой.—А я табѣ, говориць, даю Лисаведи сто рублей, и поѣжжай! И пару лошадей влѣтъ запрагнѣ у хвайтона и отпавимъ дочь свою.—Ежали жъ ёсь человекъ рожаемый, у этого дѣда парождѣнъ сынъ, дыкъ, Лисавета, отдай яму етымъ сто рублей! А ежали жъ нѣту—обратно поѣжжай до мене! Прїѣхали. Оглѣдила Лисавета, што уже ёсь сынъ нарѣжанный и старуха сяднѣ за бабку—ну я осталася, Лисавета, этого купца дочь.—Ну, поѣжжай, говориць, дядуля, къ такому то купцу, отпущнѣ сына, кабъ ёнъ бывъ хрѣстнымъ отцомъ нашего рабѣнка! Старикъ пошовъ. Приходиць къ купцу. Купецъ вышавъ. Здравстуй!—Здравстуй, дѣдушка Бобикъ! Объ чомъ, дѣдушка, пришовъ?—Я пришовъ къ вамъ, попросиць вашего сына Василя, што у мене родився сынъ! Купецъ удивився и засмїялся, сказавъ етому дѣдушку: ахъ, дѣдушка,—якъ можно быць? ты хопишь зъ мойго сына якую инбуди насмѣшку адѣлаць. Я собственно знаю, што вамъ зъ бабой больше семьдесятъ лѣтъ лѣтъ и даяцей у васъ не было! Пошовъ купецъ обьяснѣвъ своему семейству, собственно сыну своему Василю, што пришовъ такой то дѣдушка перахрысьнѣ попросиць сына Василя хрѣстнымъ отцомъ быць. Немало семейство удивилось. Вышавъ сынъ купцовъ Василь и самъ господинъ купецъ етый.—Дѣдушка, чимъ ты отвѣчаешъ?—Я отвѣщаю, што имѣю, дайжа своей головой!—Отвѣчаецъ купецъ: я табѣ, сынъ мой, даю сто рублей и влѣтъ запрѣчь пару лошадей, и поѣжжай зъ етымъ дѣдушкомъ. Ежли жъ сынъ рожае у дѣдушки этого, дыкъ отдай сто рублей етому дѣдушку, а ежли нѣту, обратнымъ пуцѣмъ возвращись ко мнѣ и дѣдушку вязы! Прїѣхавъ Василь, купеческій сынъ, смотриць: ажъ ёсь старуха за бабку и купеческая дочь Лисавета за куну. Василь остався. Бабка перабabila. И помолилися Богу; забрала дочь Лисавета этого жъ рабѣнка къ сабѣ и сѣля, поѣхали зъ Василѣмъ къ пону. Прїѣхали къ пону, спрашиецъ понъ: чїй ето рабѣнокъ? Яны отвѣчаюць яму: отъ бацюшка! рабѣнокъ *стмй* отъ такихъ то стариковъ!—Охъ нѣ, говориць: дожно быць рабѣнокъ *ямй* либо якїй; а вы мнѣ, говориць, кѣжеця—што

стариковъ тыхъ. Чимъ вы, Лисавета и Василь, отвѣдця, ежли я этого рабѣнка нерахрищу и васъ хрѣстными пріемниками упишу? Тогда яны сказуюць: мы вамъ, бацюшка, кладѣмъ по сто рублей грошій, и мы будемъ видны, какія мы ёсь и чѣд, и вы насъ найдзецѣ, коли што. А чимъ вы, бацюшка, отвѣтитя?—А й я, говориць, такжа положу сто рублей! Вынявъ бацюшка сто рублей и отдавъ.—Пожалуй и ты, Василій, своё сто рублей, бацюшка говориць, и ты, Лисавета, и царковному старосьци за руки. Ежали жъ правядно, то отдаць еты дзеньги старику! Староста узавъ еты дзеньги, бацюшка узавъ книгу и смотриць, якъ ний бѣ найди етому младзенцу. Нашовъ, што яму ний Казакъ Михайла. Ёнъ молитву отчитавъ, и расписався Василь и Лисавета и поѣхали у хвацѣру дзѣдушки етого. Пріѣхали, згуляли хрезьбины. Етый рабѣнокъ, Казакъ Михайла, не росьцѣдъ по годамъ, а росьцѣдъ по часамъ; на третьція, посьли свойго хрѣста, сутки, ставъ гласомъ молодзецкимъ говориць. И спрашуецъ у свойго рѣднаго отца: отдайця мяне у класы у вученья! Старикъ крѣпко радъ, здѣлався вясѣль, здоровъ, што сынъ яго такъ скоро росьцѣдъ. Старикъ спрашуецъ у яго: у якіе цѣбе класы отдаць? Ёнъ яму отвѣдаецъ молодзецкимъ голосомъ: отдайця мяне у класы губѣрскія! Старикъ дужа бытто вочинъ ставъ печалевъ, што ёнъ етакъ говориць, и сказавъ: ахъ, сынъ мой Казакъ Михайла! я бѣ, говориць, табѣ совѣтовавъ, кабъ ты пошовъ у приходскій класъ. Ёнъ сказавъ яму тодѣ: ахъ вы, говориць, папенька и маменька! Чаго мнѣ йницъ у приходскій класъ, коли я на памяць больше могу знаць етого класу! Старикъ отвѣдцивъ яму: ну, Богъ съ тобой, идзи сабѣ, когда примудъ! Казакъ Михайла самъ своей рукой сочинивъ сабѣ метрику: якого числа рождзѣнъ, и якого числа хрѣщанъ, и хто у яго ёсь бабка, и хто у яго ёсь хрѣстной маткой, и хто у яго ёсь хрѣстный оцѣдъ, и отъ когѣ ёнъ рождзѣнъ, а не рождзѣнъ—собственно у ния рожджонъ, и у якимъ приходзи. И ящо мойму папеньку и матушцы ёсь у такой то цѣркви триста рублей ли старосьци ихней! И пошовъ и подавъ ету метрику губѣрскому испѣктору, самъ одзинъ, собственно своей рукой. И спѣкторъ удзвинився и сказавъ: Господзи, говориць: нѣ я уже давно живу по етой довжностью и много обучивъ, ну щѣ на мяне не булѣ, кабъ еткій, такая то число народзившись, и ето мало строку, и ёнъ усѣ ставъ понимаць! И принявъ яго у губѣрское училища,—принять. Поучився Казакъ Михайла два дня, то ёнъ ставъ, рассказавъ усимъ учиделямъ: эхъ, говориць, господа! вы ногдѣ либо—какую ошибку мѣня собственно задаваныя уроки! Учиделя познали, сказали: и вѣрно, Казакъ Михайла, ты говоришь намъ, што ты на вашихъ глазахъ высказавъ—што и больше насъ понимаешь! Яны уже сами сказали. Третьцини сутками выписали яго изъ училища и выдали яму отъ сябе за ученья бумагу, што Казакъ Михайла

понимаеъ то, што хорошо и отливно. Приходзиць Казакъ Михайла къ своему бацькину и матушкинъ и говориць: отъ, я уже губерскіе класы пройшовъ! Яны рады, старикъ съ старухой. «И вотъ теперьча я намѣранъ поидиць попроситда у класъ тѣй, идзѣ шенно вучутна государскіе сыны и князецкіе, и нйжай не бываеъ, якъ генаралскіе сыны!» Тогда старику вроданъ здѣлалоса скушно, а маць яго старуха слезно заплакала и говориць яму: сей ты нашъ сынъ ёсь, а не похоронишь ты насъ, я виджу, што ты не такъ вучишься! И ётъ, Казакъ Михайла, отвѣдивъ молодѣцкимъ голосомъ: што вы ето мнѣ сказали, штобъ я васъ оставиъ и не похорониъ! Я васъ похороню, и при старосьци вамъ сынъ буду! Пераночевавъ, да й пошовъ. Приходзиць у класъ. Подавъ инспектору ету бумасу, зъ губерскаго класу. Тогда понявъ инспекторъ, и прочитавъ, и удивився: охъ, говориць,—я слышно у насъ ще було ётакимъ. И не знаю, а приняць надо! И пошовъ у класъ. Ставъ учитда. За одзинъ дзень, то наўчився проци государскихъ сыновъ и проци князецкихъ и генаралскихъ, которые по ляцъ лѣтъ ученья имѣющъ. Учицелъ приказали Казакъ Михайли, кабъ ётъ изъ нѣ спрашававъ уроки—зъ государскихъ, князецкихъ и генаралскихъ дзяцей. Ётъ и ставъ спрашаваъ. Отпущили нѣ на 'бѣдъ, то стали гнѣвны государскіе два сыны, и князецкіе, и также смотра, и генаралскіе—уси на яго напали. Ётъ тогда обдумавъ самъ сабѣ и засмѣявся: эхъ вы, вучаники вы ёсь и вучицесь вы,—я слухаю приказанія и вамъ рассказую! Царскій сынъ одзинъ узявъ камушокъ и бросивъ на яго. И понавъ; и другій также. И смотра—князецкій узявъ тожа бросивъ, и понавъ также; и генаралскій бросивъ. И стали Казака Михайлу вочавъ обижаъ. Ётъ нѣ по удару просьчивъ. «Я вамъ, товариши, ето прощаю, а дальше я вамъ не позволю, кабъ вы на мене бросали!» Большой жа сынъ царскій засмѣявся: эхъ ты, говориць, што ты можашъ? Мы табѣ адѣлаемъ, што хочемъ! Начали шуляцъ на яго быстрѣе. Ётъ узявъ, Казакъ Михайла, нѣ царскаго сына зъ большаго изнявъ шляпу, а другою рукой подиявъ трѣхъ-итажный домъ и подложивъ подъ етый домъ. Яны побѣжали отъ яго. Ётъ пришовъ у свою хвацеры и побѣдавъ. Царскій сынъ обжаловавъ своему папашу, што якій то мѣщанинъ мою шляпу заявъ одною рукой, а другою подиявъ трѣхъ-итажный домъ и подложивъ подъ домъ. Государъ приказавъ аквитанту—свита государственная—кабъ приказъ отдавъ и побѣавъ изъ жандаромъ и забравъ такого-то старикова и старухина сына. Аквитантъ прѣбавъ зъ жандаромъ забираъ. Ётъ яго не нашовъ у хвацеры. Тольки нашовъ старска и старуху. И говориць: эхъ вы, говориць: куды вы своего сына дозволили йдиць—што вы дозволили яму здѣлаъ? Баба и дзѣдъ заплакали передъ свитомъ государскимъ, генараломъ: воля ваша! Изъ нами што

угодно, такъ же и зъ имъ! А мы што станемъ яму говориць, ёнъ нашихъ слововъ ня слушаецъ. А идзець туды, куды своимъ мяѣніемъ надумаетца! — Ну, старики, вы будзеца правы! Я пожалѣю вашихъ лѣтовъ, вашей старосьци, и ваши слова принявъ я съ уважаніемъ, а съ сыномъ изъ вашимъ будзець поступлено законъ. И уже ёнъ ня будзець ходзиць у классъ генаралскій! Это часлѣ было приказано отъ инспектора, кабы собратца къ нядѣ часомъ вечера, етымъ усимъ ученикамъ на заняція, и такъ же Казакъ Михайлу. Такъ и ёнъ у ты часы подладзевъ зъ ими идзець. Яны на яго ипаяць же, такимъ же способомъ напали. Ёнъ нѣмъ говориць: эхъ вы, братцы, напрасно вы со мной эдакъ поступаеця! Ежели бы поступали со мной помилче, я ба вамъ шляпу вашу отдавъ! Яны яго начали горше. Ёнъ, Казакъ Михайла, поздражався, и говориць: ахъ, Господзи, говориць: дожно мнѣ будзець—ужо одзинъ судъ! Узавъ, мезиннымъ пярстомъ и ударивъ сына этого большаго—такъ и ўбивъ. И самъ пришовъ на заняцію и объяснивъ инспектору, што я ни могъ перанесѣць того, што на мяне пошли шодъ товариши изъ большимъ нападеніемъ, я давъ имъ малый быць признакъ—знавъ шапку и подложивъ подъ домъ трохъ-итажный; и думавъ идучи на заняцію отдаць шляпу яму такъ же. А якъ яны мне возражили, дыкъ я нѣякъ хоцѣвъ—жалѣйша—не знавъ этого, што на мяне злучитца—я только мезиннымъ пярстомъ товчанѣвъ царскаго сына большаго. Осмотрѣвся я, ажно яго и убивъ. И вамъ со-знаюсь!—О, Казакъ Михайла, плохо ты здѣлавъ!—Ну, што жъ дѣлаецъ? Дожно быць судзба моя такая! Куды мяне осудзюць, то я отвѣчу! И пошовъ. И васъ благодарю, што я наўчылся у васъ! Приходиць у своею—къ своему отцу, мацяры, и говориць: охъ, каецъ—дайца мнѣ побѣдаць! ужо вы посылѣ этого, ранше не увидзиця, якъ можа быць пятнатцацъ лѣтъ, ци дватцацъ, ци соўсимъ виразу! Старуха и старикъ заплакали гласно. Ёнъ имъ говориць: эхъ, бацюшка и матушка, и напрасно вы плачеця—вы только поживецѣ у ёткой хатѣ трой однымъ судокъ, или же не больше, якъ шесъперо. А тогда вы будзеца умѣсьци изъ государомъ пиць и ѣсь, и слуги вамъ тожа такъ будуць, якъ бы я государу! Старикъ изъ старухой повесялѣли и стали молитца Богу, и говоруць: «слава табѣ Господзи—што намъ Богъ давъ етакъ!» Удругъ—и никуда ня идзець Казакъ Михайла изъ хаты, уже никуда ня идзець. Удругъ бдуць огромна сила войска, и ўзяць Казака Михайлу, и повясьци къ суду по приказанію государскому, повясьци къ суду у санотъ. Ёнъ вышовъ, Казакъ Михайла, и отвѣчивъ: э, вы, господа кавалерія. Я увовсе не намѣранъ самогольно жиць, а якъ мяне заняли, я дожанъ отъ сабе откопнѣца! И идзиця вы, братцы, а я и самъ иду! И пошовъ. Приходиць самъ у санотъ и говориць дзяжурному, каравульному начальнику: што я надѣлавъ отъ такое и

такое приступленіе! Каравульный начальникъ не знавъ, и ставъ спрашиваць у яго дальше: якъ жа табѣ, братъ, злучилося это? Ёнъ ставъ расказаваць. «Дыкъ што, братъ, самъ пришовъ? говориць: цабе привядуць! говориць. Ты бѣ похолодывъ, погулявъ, табѣ йшо надокучиць сядзѣць у цюрмі!» Сыйчасъ идзець самъ государь, и ёнъ, Казакъ Михайла, усклонився. Государь сказавъ: молотцомъ, Казакъ Михайла: мойго сына рѣднаго убивъ! Казакъ Михайла сказуецъ яму: ну й судзи мяне, коли я ўбивъ! Сѣли у засѣданіе судьзи. Государь приказавъ: у три часа дзѣло покончыць съ приступленіи яго, кабъ яго довто... кабъ яго сычасъ. Такъ и здѣляла. И ў этого государа была отъ этого города у сами верстахъ башня такая, што тамъ ваходзютца разное бесія (bestia), што уже и больше и злѣя у свѣци нема. Осудзиць яго туды и заперць у ту баню на трѣя судокъ. Присудзили яго вѣзды туды. Подѣли на яго зялѣзныи вагонъ и кабъ кругомъ этого вагона ишли войскѣ разная изъ голымы мѣчамы. И повязыли яго, посадивши съ вагонъ. Привязыли яго у ету баню и пусьчили туды, и замкнули яго тамъ такыи замканы, которыхъ и нѣтъ и ня будзець сильнѣй, замковъ тыхъ. Казакъ Михайла сѣвъ тамъ, остався. Тольки жъ войскѣ отыйшлися, быць можець вярсту, или жа ня боли двюхъ, Казакъ Михайла вышовъ—дыкъ была баня—здѣлався домъ пяти-тажный. Казакъ Михайла хѣдзиць по 'днэй тазі, хѣдзиць по другей, и гуляецъ у етымъ доми,—усѣ яму ёсь: разныя налитки, разное кушанья. Ёнъ на крылцо выхѣдзиць и сѣвнюшко заходзиць—идзець пара ўбогихъ. Ёнъ и спрашуецъ у ихъ и призываецъ къ сабѣ на ночь. «Эгъ, нищіе убогіе, прошу вашіи милосьци къ сабѣ на ночь. Я ёсь адзинъ у доми, и мѣй весялѣй будзець!» имъ говориць. Нищіе убогіе зайшли къ яму. Ёнъ имъ тѣ кушанья поставивъ, што и самъ кушаецъ, й уси тые налитки, што й самъ пѣецъ. Нищіе ядзѣць, другъ другу говоруць между сѣби: што мы, сколько живѣмъ и ходимъ по свѣту, ву ще ня було намъ етакого угощенія! И повячерали, помолились Богу и лягли спаць. И пераночавали. И назаўтраго урани устали и ўбираютца ици. Выхѣдзиць къ имъ Казакъ Михайла, и спрашіецъ у ихъ: идзѣ вы бывали, и што вы слыхали? Ци не слыхали вы и ци не выдали либо якой новины?—Агъ, каецъ, паночекъ, яны на яго гораць: мы выдаць не выдали, а слыхачъ, говоруць, то слыхали, што у нашымъ царствіи якій то народзился Казакъ Михайла, и ўбивъ царскаго сына, и яго осудзили у такую бсню, што идзѣ на-ходзютца усѣ бесія. У ту баню якъ упусьцюць и замкнуць, такъ яго и зыдаць тамъ! Яму стала цикава ета новина ихъ. «Да, каецъ, господа убогіе,—бытто и я слыхавъ, што это ёсь. Ну, зъ Богомъ!» Ёнъ сутки отживъ. Ну, и хѣдзиць по днэй итази, хѣдзиць по другей, и гуляецъ у етымъ доми,—усѣ яму ёсь: разныя налитки, разное кушанья. Ёнъ на крылцо вы-

ходзиць и совнійко заходзиць. Идзець ще пара убогихъ, ёнъ ихъ и вядзець, становляець: эхъ, нищіе убогіе, говориць: проци ночи идзець вы у городъ—вы должны знаць, што у городзі плохое на ночь упросітца. Зайдзиця вы ко мнѣ и пераночуйця у мяне! Нищіе убогіе становились и зайшли. Ёнъ ихъ на вечаръ давъ кушанья, такое жъ, якъ и самъ кушаець. Яны кушали, и міжды другъ друга гавораць: што мы и сколько живёмъ на свѣдзі, ну еткаго кушання, ня ёли, акъ тутъ намъ дали! Повячeralи, помолились Богу, тогды лягли спаць, и пераночавали. Повутру устали, помолились Богу, и выбираютца. Уходзиць Казакъ Михайла къ нѣмъ, и спрашэець: ахъ, господа нищіе, идзѣ вы бывали и што слыхали? Ци не слыхали, ци не видали новины либо якой? Яны яму отвѣщаюць, етые убогіе: охъ, мы видаць не видали, а слыхаць слыхали. У нѣкоторымъ царствіи, и ў нѣкоторымъ государствіи, ня именно у томъ, у якомъ мы живёмъ, ёсь лядо самородное; яно само орётца, и пашетца, и ўсѣваетца просой, и ў полночь лошады прибѣгаець, ту просу поѣдаець! Больше, гаворуць, нічога не знаёмъ!—Охъ, благодарю васъ, господа убогіе, што вы сказали мнѣ,—хорошія новосыци. Якъ бы мнѣ Господзь помогъ сабѣ лошады ету достаць? Убогіе поблагодарили и пошли. Казакъ Михайла и ходзиць по дому, красуетца, по одной итази, по другой, и вобще по ўсѣмъ доми. На крылцо выходзиць, совнійко заходзиць. Идучь яшо пара убогихъ. Ёнъ на ихъ кличець: ахъ, нищіе убогіе—проци ночи идзець у городъ,—васъ тамъ ци пусьцюць на ночь, хто? А зайдзиця, ко мнѣ, и пераночуйця у мяне! Яны и зайшли. Ёнъ ихъ поставивъ вачеру, тую, которую и самъ кушавъ. Яны ядзяць и другъ другу гаворуць, што сколько мы ходили по свѣту, то намъ етакого кушання не злучалось кушаць. Поужинали, помолились Богу, и лягли спаць. Назаўтраго ўрани уставали, помолились Богу, и убираютца ниць. Выходзиць къ нѣмъ Михайла Казакъ, и яны благодарили яго за нощлегъ: благодаримъ васъ, паночекъ, за нощлегъ! сколько мы не жили, не ходили, то намъ нигдзѣ етакого угощенія не было! Ёнъ у ихъ спрашэець: ахъ вы, нищіе убогіе, гдзѣ вы бывали и што вы видали? Ци не видали, ци не слыхали либо якой новины?—Охъ, мы видаць не видали, а слыхаць слыхали: у нѣкоторымъ царствіи, ў нѣкоторымъ государствіи, ня именно ў томъ, гдзѣ мы живёмъ, ёсь царевня, пруска королевня—сильная пракрасавица, такъ што нна до сябе нікого не допускаець—дорожніцъ сама своей красотой. И такъ жа оецъ яе соблюдаець подъ большой строгосыцю. Поставивъ ёй домъ особо своего семейства, обнёсь вокругъ большой сильной рѣдзіай, такъ што нікто ня можець перайци, и такъ жа и зъ лошады пераѣхаць!—Охъ, благодарю ще убогихъ! ваша мнѣ новина очанъ находитца испособна ли мяне, и жалавъ ба яе за супругу за сябе узняць!

—Ну, благодаримъ, панокъ!—Идзидя съ Богомъ! Ёнъ и погѣлмець у дому у своёмъ. Государь уздумавъ и пославъ своихъ рабочихъ трохъ чаловѣкъ: одному давъ мятлѹ, а другому лопату, а третьяму мишокъ грязный, и приказавъ тыхъ косьци вымьсыци и высыпаць, куды жа мало народу ходзидць. И яны пошли. И йдучъ. Присмѣтруюць бани етой. Отышли отъ города семь вѣрстъ, по приказанію, стали да й говораць мижда соби: куды жъ намъ, говоручъ, ипи? А другей говориць: тутъ дожно быць! Третьцій то жа, што й яны: ня було тутъ етого дому, кажець. Казакъ Михайла послытавъ, и выходзидць къ нимъ и спрашиєць у нихъ: што вамъ угодно, господа? хто васъ пославъ, зачимъ, што вы ня мѹжеця дойпиць? Яны силно почувствовали мижда соби, што ето за господзинъ. Ёнъ у нихъ повторивъ: вы мнѣ скажидя, чаго вы шукаєця? Можя я знаю!—А иѣ, говоручъ, вы не знаєця!—А можя знаю!—Тутъ была, говоручъ, баня, у которой уси находзилися бесія; и осѣджанъ бывъ який то Казакъ Михайла за приступленіе, што убивъ царскаго сына. Дакъ насъ послали косьци вывезьць и змѣсьци туды, гдѣ нхто ня ходзидць!—Идзидць вы и скажидць тому, хто васъ пославъ, што Казакъ Михайла живъ, а кабъ государь приказавъ сковаць мнѣ отросточку, сто пудовъ, на корхъ подунѹць серабромъ, и кабъ изъ зялѣза зъ мыкаго, собственно, якъ была баня выстроена! Яны пошли отъ яго, доложили своему начальнику, тому, который пославъ. Начальникъ той удругъ написавъ протоколъ личности государу, што Казакъ Михайла живъ и требуєць отъ государа отросточку ли яго скуваць, сто пудовъ, и на корхъ подунѹць серабромъ. Государь самъ сунився, што я не того чаловѣка занявъ, и поступивъ зъ нимъ такъ. Ну, однача, здѣлавъ распоряджѣвіе кузнецамъ, приказавъ своему аквитанту написаць приказъ строгій и подаць городскому сиранику. Такъ и здѣлали. Городскій сираникъ собравъ съ своего города кузнецовъ молотцовъ и спрашиєць: эхъ вы, братцы, говориць: мѹжеця вы у водны судки уремя скуваць отросточку, сто пудовъ, и на одзвня корхъ серабромъ подунѹць? Кузницы отвѣчали: слухаемъ вашего приказанія, сповнимъ! Скували отросточку срокомъ, за повсуютокъ, и приставили къ исправнику. Также исправникъ и цару. Царъ приказавъ завезьць къ ямѹ, и пославъ своего аквитанта зъ рабочими: завязидя и подаидя, и попросиця яго собственно лично у мой домъ къ сабѣ, ко мнѣ на чай! Аквитантъ и отпавився зъ рабочими, и приводзидць. Казакъ Михайла выходзидць. Аквитантъ павъ перадъ нимъ на колѣни и отвѣчивъ ямѹ: здраемъ-жаласемъ, Казакъ Михайла! И расказавъ словеснымъ приказомъ, што царъ васъ прѹсиць обядзидцельно къ сабѣ на чай! Казакъ Михайла отвѣчивъ аквитанту: окъ вы, братцы: моець, я цара попрошу до сябе ў госьци! Ёнъ, Казакъ Михайла, узавъ отросточку у праву руку и вышовъ у чи-

стое поля, раскивавъ, и размахавъ, и пусьдивъ подь небеса. Самъ сядиць часть, сядиць другой и просматруецъ,—отросточка ляпциъ яго. Ёнъ узявъ, потставивъ мезиный палець, отросточка на двѣнадцать часьцей разьбилась! И ёнъ пришовъ къ аквитанту: иди, їдзь къ государу! Или жа миѣ ня вѣришь, дыкъ иди, зьбяри ты комки, што разьбилась! Што просишь вась, кабъ вы миѣ сковали отросточку изъ мякаго зялѣза, а вы миѣ зьяпили зъ гоньчарныя глины! Ёдзь къ цару и скажи, кабъ скувавъ миѣ отросточку у двѣсця пудовъ, и на два корхѣ кабъ серабромъ подунуць, ды кабъ съ такого зялѣза, якъ у мяне у бани! Аквитантъ отвѣдивъ: слушаю, говориць, Казакъ Михайла! и поѣхавъ. Пріѣхавъ къ цару и доложивъ. Царъ давъ приказъ аквитанту, кабъ ковалѣвъ тыхъ подь арестъ, а приказаць другимъ, кабъ зъ мякаго зялѣза скували отросточку, двѣсця пудовъ, и на два корхѣ кабъ серабромъ подунуць. Тогда поѣхавъ аквитантъ съ приказомъ, и давъ приказъ справнику: якіе у вась найлучіе ёсь кузницѣ, штобъ на которыхъ вы лучше можеца надѣѣтица, тымъ прикажица! Справникъ отвѣдивъ: слушаю, ваша привосходзицельство! Собравъ кузницовъ и приказавъ имъ: вотъ, говориць: даю вамъ приказъ, кабъ вы зъ мякаго зялѣза скували отросточку, двѣсця пудовъ, и на два корхѣ серабромъ подунуць!—Слушаемъ, говориць: мы постараемся ли вась, говоруць. Ну, набрали зялѣза самаго такого, якогю яны знали мякчѣйшаго, и начали работаць. До повсудокъ скували и еты отросточку и приставили къ справнику: а справникъ къ аквитанту. Доложивъ квитантъ государу. Царъ сказуецъ аквитанту: їдзь, братъ, ты ужо одзинъ будзешъ посланецъ! Егнѣй узявъ рабочихъ, узявъ отросточку и повѣзъ. Подѣѣжая къ Казака Михайлы дому. Остановивъ рабочихъ ля дому, а самъ пошовъ на крылцо, павъ на колѣнкахъ. Казакъ Михайла убачивъ. И спрашиецъ у яго: Казакъ Михайла! што угодно, говориць, дѣлѣяця,—привѣзъ! говориць.—Сколькожъ вѣсницъ?—Двѣсця пудовъ.—Съ хорошаго жъ зялѣза, ци зъ глины зьяпили, съ которыхъ гоньчары миски лѣюуць?—Просиць вась государъ къ сабѣ на чай! Ёнъ говориць: эхъ, господзинъ аквитантъ, можець я попрошу государа къ сабѣ на чай! Узявъ, надѣѣвъ тросточку на правую рукѣ и вышовъ у чистое поля, раскивавъ, размахавъ, пусьдивъ подь небеса. Самъ сядиць часть и два. И просмотривъ—отросточка справляетца! Ёнъ наставивъ мезиный палець правой рукѣ—отросточка на двѣнадцать часьцей разьбилась. Тогда ёнъ и пошовъ. Приходзиць къ аквитанту: ахъ, якъ жа миѣ, говориць, пойциць къ цару на чай? Пойдицесь и скажицесь моимъ словомъ, што я дотудова не буду,—гай государъ скуецъ триста пудовъ тросточку, и на три корхѣ *срабромъ* подунуць. И съ самаго помякашаго зялѣза! Помница, якъ мяне у баню запирали! Тогда а приду къ цару на чай! И аквитантъ поѣхавъ. Доложивъ государу, што

отросточка побѣта, и Казакъ Михайла просивъ, кабы яму сковали отросточку, триста пудовъ, и на три корки серабромъ подунуць! Царь удругъ приказавъ аквитанту подаць справнику приказъ, тыхъ кузняцовъ подъ арестъ, а узяць другихъ. Узявъ справникъ тыхъ кузняцовъ подъ арестъ. Узявъ другихъ: ахъ, братцы, говориць: што вы дѣлаеця? Ты дѣлали мошенство, а вы постарайцесь якъ лучше! вы жъ майспера, бѣльшой мяне знаеця у етыхъ дѣлахъ. Постарайцесь, братцы—получиця награду!—Постараемся, ваша високородзіе, для васъ, вашъ приказъ сповнимъ получче! Скоро пошли и стали куваць. Якъ куваць, дыкъ куваць, якъ куваць, дыкъ куваць, и кували цѣлыя судки. И скували отросточку у судки и приставили къ исправнику. Также исправникъ и царю. Государь пославъ аквитанта: ну їдзь, брадець, говориць—служи. И проси обявцелно, штобы—што не случитца—кабы не 'ставиць модъ прозьбы, прибивъ ко мнѣ! Аквитантъ узявъ и отправився зъ рабочими, и привозиць. Казакъ Михайла выходзиць. Здрастуй, говориць, аквитантъ!—Здрасти-жалаемъ, Казакъ Михайла! Што угодно дѣлаиця со мной!—Нѣтъ, говориць, ты, говориць, послаеця царскій! Ну што жъ, говориць, скували?—Скували.—Дѣтъ жъ нѣтъ?—А вотъ! Вялѣвъ подвязьцѣ. И подвязьли. Казакъ Михайла узявъ у правую руку отросточку и вышовъ у чистое поля, раскинавъ и размахавъ, и пусьцивъ подъ небеса. Самъ сядзиць часть, самъ сядзиць два, самъ сядзиць три—и просматриваеця. У чатьвѣртомъ часу отросточка справляеця. Казакъ Михайла наставивъ колѣно правое—эта отросточка только угнулась. Ёнъ узявъ, дисканувъ, выпримивъ яе, узявъ у праву руку, раскинавъ, размахавъ, и пусьцивъ подъ небеса. Самъ сядзиць часть, сядзиць два, сядзиць три, сядзиць четыре—и ў пятомъ часу просматриваеця,—у пятомъ часу отросточка исправилась и упала на землю: тупымъ концомъ—дѣлалася сажалка у семьдесятъ сажаней расстоянія и повтора аршина глубини,—а войстримъ, на семьдесятъ сажаней колѣдзяжъ дѣлалася—и йна не побилась. Ёнъ узявъ яе у праву руку, и потходзиць къ аквитанту и говориць: слуга царская, благодарю, говориць, васъ, што вы скували отросточку! И поїдзиця якъ царю и скажиця, што я буду ици у дзевяти часовъ вутра, тогда къ царю на чай я зайду. А ўпяродъ пойду къ своему бацюшку и матушцы, отвѣдаю, ци живы яны, ци здоровы, ци померли. А оттуда пойду къ царю! Аквитантъ поѣхавъ, пріѣхавъ къ государю: Казакъ Михайла казавъ мнѣ, што къ вамъ будзець у дзевяти часовъ вутра, а прежде ёнъ заїдзець отвѣдаць своихъ бацькобъ, такъ какъ Казакъ Михайла ня бывъ шесь судокъ! Царь приказавъ аквитанту своему выдаць приказы по ўсімъ дзивиціямъ, визиѣннымъ командзерамъ, кабы кажнаго полка, сколько имѣтца, уся музыка абрана, и кабы усе солдаты надѣли паратну одѣжу, и поставиць у кож-

вымъ перавулку, дзѣ можно чаловѣку пройциць, кабѣ и тамъ було, исклю-
чая тольки того провулка, гдзѣ невозможно. Музыка, ина по ближнихъ
вулицахъ, и начальники водли яѣ! Такъ государь приказавъ аквитанту.
Аквитантъ усинъ начальникамъ приказавъ, тые полковымъ полковникамъ,
ротнымъ, такъ пошло дальше. Такъ за одны судки усѣ войскѣ приго-
товлено, строгимъ государьскимъ анцираторскимъ приказомъ. Также и вы-
строили, исповнили. Идзецъ Казакъ Михайла, уходзиць у городъ, замѣццили
яго, дали приказъ, подавши по полкамъ усинъ—музыка зайграла съ походнымъ
маршомъ. Войска пѣсни, начальство потходзиць, Казаку Михайлу честь
отдаецъ: здраемъ-жалаемъ, Казакъ Михайла!—Спасибо, братцы, ёнъ ска-
зуецъ, што вы мяне проздравляеця! Аквитантъ царскій обрачаецца: госпо-
дзинъ Казакъ Михайла, милосьци просиць царь цѣбе!—Этъ ты, брадецъ,
слуга царская! Иць я табѣ сказавъ, слова свойго мѣняць ня буду—
мнѣ треба своихъ папенку и маменьку отвѣдаць! Иць ты жъ пославъ
работчихъ моѣ косьци измѣсьци!—Тогда смотриць—не находзиць ёнъ мѣс-
ностьци, идзѣ народу пѣту. Што жъ ето государь, съ кимъ ёнъ шудиць?
Што ёнъ хоцьвѣ найциць на зямлѣ, такихъ на зямлѣ мѣстовъ, идзѣ бѣ
людзи не ходзили. Вязьдзѣ по зямлѣ людзи ходзюць, якъ я вижу! Ну и
идзи!—Ёнъ и пошовъ. А Казакъ Михайла пошовъ къ своимъ, папенку и ма-
меньку отвѣдаць. Приходзиць Казакъ Михайла къ свойму бацюшку и матушци,
яны живы, и слабы, и некому имъ прислужиць ли ниней старосьци. Ёнъ
говориць: здрастуй! и цалуецъ имъ у руку, бацюшку и матушци. И яны рады,
и бытто якъ поздоровѣли. Приняли яго и сказали такъ, што мы уже не
надзѣялись, кабѣ мы цѣбе выдали живого и здороваго.—Эхъ, папенка и
маменька: смяшнѣ мнѣ для васъ, што вы вѣкъ зжили и мало разсудку
имѣеця у своимъ мнѣнн. Я жа вамъ сказавъ, што буду! Я жъ вамъ
сказавъ, што вы, при старосьци, будзеця находзятца у царскомъ семей-
ствѣ, и прислуга вамъ такжа будзецъ! И приставивъ свою отросточку
къ етой избушцы. Тогда и самъ увыйшовъ, и сѣвъ обѣдаць. И ўвидали
яны, што ёнъ кушанья кушаецъ такое, што у яго ня можець быць яно,
ня видно было яго. И просиць ихъ къ сабѣ кушаць. Яны сказали: бла-
годаримъ, сынъ нашъ рѣдний, откудава табѣ Богъ пославъ ето кушанья?
Сѣвъ старикъ исъ старухой, покушали. Тода помолились Богу и благо-
дариць сына свойго рѣднаго за хорошеѣ кушанье. Ёнъ имъ отвѣдивъ: бла-
годарица большай Бога, якъ мяне. А йдзи, бацюшка, и ўняси мою отро-
сточку, кабѣ яѣ хто нябудзѣ не ўтащивъ! Старикъ пошовъ; вышовъ, по-
смотрѣвъ на отросточку, показалось яму крѣпко страшно. Воропився ста-
рикъ: што такое ли моѣ избушки стоиць? Казакъ Михайла засмѣявсь и
сказавъ, и говориць: эхъ, одно я вамъ говоривъ, што вы вѣкъ зжили
и мало разсудку имѣеця у своимъ мнѣнн! Ето моя отросточка, съ кото-

рой я дождитъ по свѣту пущестествовать, ■ дойдице сабѣ законную жану! Попрощавсь и пошовъ. И старикъ той сказавъ: Богъ табѣ поможи, што ты задумавъ. А мы такъ жа отаѣмся, якъ были!

Не ожидаецъ царь Казака Михайлу, а посмлаецъ свойго аквитанта, попросице собственно Казака Михайлу, кабъ прѣхавъ къ яму нсь своимъ папенькомъ изъ маменькой: я буду я видѣць етыхъ стариковъ! Аквитантъ поѣхавъ. Подѣѣжжаецъ, на колѣнкахъ павъ, подѣѣжжая къ избушцы. Казакъ Михайла увидавъ, выходзице и говорице: посланице царскій! я жъ сказавъ, што я приду, то приду. Я жъ слова свойго не мѣняю! Аквитантъ говорице: а мавѣ жъ посылаюце, говоряце, я дождитъ поѣхавъ! —Ну, бяри мойго папеньку и маменьку, садзи нсь собой и ѣдзця разомъ къ цару, а я не дальше, якъ чаразъ часъ уремья буду йци! Аквитантъ забравъ и поѣхавъ, старика и старушку—и поѣхавъ. Привѣзъ стариковъ у царскій домъ и доложивъ цару, што привѣзъ по приказу Казака Михайлы.—Благодару цябе, аквитантъ, заслужиць лучше чаго! Што ёнтъ цябе уподобавъ. Можя я чаразъ твоѣ обращеніе избавлюсь со ўсѣй своей чѣранью. Коли Казакъ Михайла приказавъ папеньку и маменьку приказавъ привѣзцы, дождитъ, ёвъ ихъ у мяне оставице пожице! Поздоровкався государъ: дзѣдушка и бабушка, не знаю васъ якъ дорожице, и не знаю, якъ устрѣцице! Узавъ государъ дзѣдушку за руку, а царица бабушку, подавали у руки, и появили у свой домъ, и приглашали разныхъ кушаньевъ. Дзѣдъ и бабка говорюць то: наша царское величество! мы не знаемъ сами средствъ, якъ бы упросице сына за ваша пріѣство. О! Што мы станемъ говорице, то ёнтъ отвѣщаецъ: што вы вѣкъ зжили и мало разсудку имѣеця у своимъ мнѣни! Яны сѣли тогда, старики, ѣсь. Черазъ повчѣся являецца Казакъ Михайла у домъ царскій,—никто не видавъ съ усяго стого войска, што было приготовлено. И говорице: хлѣбъ да соль! простымъ языкомъ. Государъ отвѣщаецъ: милосыци просимъ ихъ намъ обѣдаць! Я не знаю, што вы такіе за людзи!—А я Казакъ Михайла, я ѣсь сынъ етыхъ стариковъ, которые зъ вами обѣдаюць! Царъ спугався, упавъ на мость и ўдругъ полежавъ пяць минутъ. Узавъ Казакъ Михайла цара подъ руку и поднявъ, и говорице: вы чаго у своимъ доми боицесь? Ёнтъ, царъ, проговориавъ слово одно: што я не знавъ и не видѣвъ, якъ вы увышли ко мнѣ, и якъ ето никто не могъ васъ видѣць. Воля ваша, Казакъ Михайла!—Што, я вамъ, высокое ашпираторство, прощаю, што вы мяне запирали у баню такую, гдѣ усь бесіа находятца! Я избавився молитвой своей, тѣй, которую я изнавъ! И вамъ усяго отъ мяне—кормице моихъ бацюшку и матушку тымъ кушаньемъ, якъ и сами, и также одѣждой одной, и такъ жа кушаньемъ и прислугой! А я, младыжъ-юношъ, хочу пойцице у свѣтъ Божій! Государъ отвѣдивъ яму: благодару, Казакъ Михайла, што вы дали

миѣ небольшое наказаніе!—За етымъ до свиданія, ваша анпираторское вяличество! Я ѣ пошовъ. Государь спрашѣеъ у яго: што табѣ треба на дорогу? можеъ у цябе дзенеъ нѣту?—Ахъ, ваша анпираторское вяличество, якъ жа вы говорѣця? Штобъ у мяне не было! До свиданія. Я ўже пошовъ! И пошовъ.

Ну, якъ ици дыкъ ици, скоро казка кажетца, ня скоро дѣло дзѣтца, —потходзиць къ тому жа ляду, самородному. Проса усеѣла; смѣтра на яѣ, словомъ якъ на лѣсъ. Казакъ Михайла ўзявъ, махнувъ своей отросточкой во-кругъ сябе—нажавъ чатыре снопы, и звязавъ, и самъ сѣвъ, поставивъ ихъ стойма нѣўхрасть. И самъ подъ еты снопы сѣвъ, и сядзиць. Ўдругъ у полночь лошады бягиць, ажъ земля-маць стогия. Лошады прыбѣгли къ ляду самородному, и началъ просу ѣсь. Добѣлась до етыхъ сноповъ—пор-снула своими ноздрами и сказала человѣчимъ голосомъ: эй, хто тутъ ёсь? Никого ў свѣци не боюсь, сключая Казака Михайлы! Казакъ Михайла младый юношъ, ёнъ еще не довжѣтъ зайциць сюда! Казакъ Михайла мов-чиць сѣдзя. Лошады опяць жа повтораеъ эти самы словы, и разинувъ ротъ на еты снопы. Только проглыциць—Казакъ Михайла хвацивъ яѣ за гриву яѣ! Смотриць—ажъ яна нѣ сядломъ, и уздой зануздава. Усхвацився ши яѣ Казакъ Михайла, лошады стороѣла и хвацилась подъ небеса. Ка-закъ Михайла оправився и сѣвъ вѣрхомъ на яѣ, у сядло, настояща, якъ надо быць, молодецкимъ мнѣніемъ. И ўзявъ отрос-отчку у правую руку, и ударивъ лошады одзинъ разъ. Лошады почувствовавъ, што ударъ больный ёй, и говориць молодецкимъ голосомъ, што ёсь вѣрно на мнѣ Казакъ Михайла, а инача никто! И зморилась сильно лошады подъ небомъ, и пала на зем-лю, и ў землю увязла до самыя спины,—только спинка видна. Тогда Казакъ Михайла излѣзъ, отвѣщаеъ лошады своей, што, отъ, лошады, говориць: я цябе изъ зямли вызволю, только у такимъ то царствѣи, у такимъ то госу-дарствѣи ёсь царевня, пруская королевня, прекрасная,—такъ што при-гожѣй яѣ нѣту у свѣци. Можамъ мы съ тобой туда доѣхаць? И такжа лошады я табѣ ящо приговарую, што нѣа у доми у вособномъ. Тѣй домъ кругомъ сильной орудзіяй обнясѣнъ, такъ што мало котораа пница можеъ чаразъ яѣ пераляцѣць. Ци можамъ, лошады? Ина яму отвѣщаеъ: скажи жъ ты мяѣ, якій ты ёсь владзенець? Я почувствовавъ, што довжно быць Казакъ Михайла! Ёнъ засмѣявся, якъ яна ето сказала: вѣрно, гово-риць, ёнъ!—Отъ цяперъ я табѣ скажу, што я могу чаразъ ету орудзію пераляцѣць, и царевня цябе будзеъ хватаць за руки, и будзеъ цябе просиць у свой домъ, ты яѣ ня слухай, а тащи къ сабѣ на сядло. И тогда мяне ударишь ударомъ лѣхкимъ, но не такимъ, якъ цяперъ! Тогда Казакъ Михайла говориць лошады: ну, я почувствовавъ, што ты мяне по-несла больно високо, ужъ просьди мѣѣ, лошады моя, за етый ударъ, ужо генакъ ня буду! Узявъ за гриву и вытащивъ ету лошады изъ зѣмли, и

говориць: ну, бть, лошады, ш їдземъ до царевны! А лошады яму объясняецъ—што ёсь у етого отпа у яё лошады богатырская тожа. Опецъ яё богатырь, и ёнъ погонитца у догонъ на лошади своей. Казакъ Михайла говориць: благодарю дябе, лошады, што ты мнѣ сказала, а я и не знавъ етого! Говори мнѣ, лошады, я больше чаго! Догониць мяне яё опецъ? Лошады яму отвѣщаецъ: догониць!—Ага! Ну, а побидиць ёнъ мяне? Лошады отвѣщаецъ яму: побидиць!—Цесъ! Казакъ Михайла бытто и сумився, и уздумавъ то, што вѣрно мнѣ прихѣдитца у чужей сторонѣ свою жись коньчницъ. И бывъ обдумавъ ня їхачъ. А посляі подумавъ тѣ, што я разъ родився, разъ и помираць! Поїдземъ, лошады, съ тобой,—што Богъ дасъ, то и лучитца! И поїхали. Выїжжаюць у нѣкоторое царство, у нѣкоторое государство, имено у то, гдѣ ета царевна, пруская королевня живецъ. И подѣвжаецъ къ етому саду, смогриць—силая громадная орудзія. Ёвъ лёгкамъ ударомъ лошады ударивъ—лошады поднялась подъ небеса,—чаразъ ету орудзію пераляцѣла. И царевна, пруская королевня увидала ихъ, и подбѣгла къ вокошку, и даецъ яму праву свою руку и просиць яго: эй, говориць: и чувѣмъ чуваць, и видѣмъ видаць—ци самъ бѣлъ молодзецъ наїжжая, ци воронъ косьди яго принёсъ? И хвацивъ ёнъ яё за руку, а ў комнату нкъ ёй не пошовъ, а къ сабѣ узавъ на сядло. Бытто лошады обидзилась за гласъ царевницѣ, што сказала неподобныя слова, и поляцѣла обратной пунѣй. Пяредыія поги чаразъ орудзію пералясла, задньими торганула. Такъ усю ету орудзію положила на мелкія часьпи, и ўвесь городъ кирпичомъ заворокіла, усѣ строеньня, сключая государскаго дома. Етого жъ царевны отпа на стайни лошады зарзала. Опецъ жа яё ето уремя обѣдавъ. И такъ, бросивъ обѣдъ и бягиць нкъ ёй у однай рубахи: эхъ, лошады моя богатырская! гласомъ сказала мнѣ богатырскимъ, што моя царевна, пруская королевня, давно украдзена и звѣзена. Скажи мнѣ, лошады, поправедни: можамъ мы яго догнаць? Лошады отвѣщаецъ: можамъ!—А звоеваць?—Можамъ звоеваць! Царъ обратився у свою хвациру, и хвацивъ войструю мечъ, и поїхавъ у догонъ на своей лошади. Наїжжая на Казака Михайлу. Казакъ Михайла нѣякъ ня ўслышавъ, што иззѣдзи на яго лучитца, й узавъ царъ свою войструю мечъ, и махнувъ, и зрубивъ голову долой Казаку Михайли! А свою дочь узавъ къ сабѣ на сядло, и лошады такжа забравъ, и поїхавъ. Казакъ Михайла остався няживымъ тое мѣсто.

Пріїхавъ и сѣвъ добѣдоваць. Добѣдавъ и лёгъ отдыхаць. Царевна ета, пруская королевня, почувствовала на сябе жалось, на своимъ щирымъ серцы. И отпа жалко, и етого молотца жалко. И подумала такъ: што можа другого такого и ў свѣдци вѣту, якъ ёнъ бывъ! Етого жъ цара была вода гоющая и живушая. Царъ стый уснувъ богатырскимъ

сномъ, и бытто якъ изъ дороги. Царевна, пруская королева, вынула у
своего отца ключики, узила съ кармана, и оцѣкъ яе ня ўслыхавъ. якъ
и на ключи брада. И пошла у склепъ, и ўзила воды гоющей и жи-
вущей. И пошла тогда пѣшшу, идзѣ Казакъ Михайла убитый. Прышла,
узила, головѣ яго приложила къ яго жиламъ, якъ треба быць, и тогда
полила водой гоющей. Ето ўсѣ прижилось. Удругъ жа, ня 'тходзя, ца-
ревна полила водой живущей—ставъ живъ—и ўставъ и воскакнѣвъ: ахъ,
якъ я крѣпко ўжасно бывъ уснувъ! И призабывъ собственно усѣ, за-
чѣмъ ёнъ доходзявъ. Удругъ, посмотрѣвъ ёнъ ли сябе, садзіць крѣпко
пракрасивая барышня; ёнъ у яе и спрашываецъ: здрастуйця, хто вы такія
ли мяне садзіця?—Разви ты, Казакъ Михайла, уже и не знаешъ, хто я
такая? Я ёсь царевна, пруская королева, пракрасная дзѣвица, и твоя жана,
и жалаю быць твоею жаною! Ёнъ отвѣщаецъ: да! вотъ, якъ ты мнѣ ска-
зала, я й увознавъ сичасъ! Дзѣ жъ мой лошады, охъ, Вожа мой—дзѣ
жъ мнѣ найцыць яго? Смотриць ли сябе у другую сторону—ляжиць яго
отросточка, таа, котараа ли яго способна. Ёнъ и говориць: благодару
Бога, што моя отросточка ёсь! Можець я быць, найду и лошады свою.
Царевна, пруская королева, не тходзя, отвѣщаецъ: ты мяне на гэтой лошады
не достанешъ, а табѣ треба ицыць яшчѣ у свѣтъ Божій. Ты уже бывъ
пераставився и убитъ! Ты пѣйдзешъ уновъ страдаць у свѣтъ Божій. И
до свиданія на гэтомъ! Порукаліся и поцаловаліся. Идзѣ зъ Богомъ! Толь-
ли я табѣ сказала, ды ще я ня ўсѣ.—Прому цабе, скажи усѣ, куды
мнѣ ицыць!—Идзѣ ты,—у нѣкоторымъ царствіи, у нѣкоторымъ государствіи
ёсь Баба-Юга, зялѣзная нога, и ў яе три дѣчкі; тыя три дѣчкі разнамі
скідаваютца звярымі, разнымі пераставленіямі. То ты наймисъ у яе и пасъ-
виць трѣхъ кобылицъ! Ёнъ пошовъ. Хоцѣта яму ўжасно ёсь. Сустрѣ-
каецъ, бяжиць яму чаразъ дорогу вовкъ. И говориць Казакъ Михайла
самъ сабѣ—што треба мнѣ етого вовка убиць и зѣсь, бо печымъ мяѣ
поживитца! Вовкъ ето ўслыхавъ и говориць: эй, Казакъ Михайла: ня би
мяне и ня порці: я табѣ при злой годзині знадоблюсь! Стало яму жалко
вовка. И пошовъ. Отхоцѣлося яму трошку ёсь. Отъ, ицыць далѣше. Ско-
ро казка кажетца, а ня скоро дзѣло дзѣтца,—бяжиць яму чаразъ до-
рогу зайць. Ёнъ яго хоцѣць убиць и зѣсь. Зайць говориць яму че-
ловѣчымъ голосомъ: ня би мяне, ня порці,—я табѣ при злой годзині зна-
доблюсь! Тэй и пошовъ—отхоцѣлося яму трошку ёсь. Отъ, и ицыць далѣше.
Потхѣдзѣць къ мору, и треба яму перайцыць чаразъ мора. Ёнъ самъ сабѣ
подумавъ: Господзі, ёсь мнѣ хочетца, и ёвѣ я давно, и чаразъ мора не ў чѣмъ:
видно мнѣ оставіць усѣ ето, што пошовъ я чаго доходзіць. Охъ, Господзі,
сяду, отдыкну трохи! Сѣвѣ отдыкнуць и уснувъ. Троя судокъ уснувъ. У
то ўрэмя сильная бура узнялася на моры, Кить-рыба разгулялася у моры.

Другъ волна прайкрадилась, Китъ-рыба поляркъ мора задрѣжилась, и такъ, нийкимъ средствіемъ ня можець исправитца. Казакъ Михайла говориць голосомъ: охъ, Господзи, отрублю етой рыби голову, покраплюсь я за ўсю дорогу! Только узавъ отросточку, тоцяць отрубиць голову—Китъ-рыба отвѣщаецъ: эхъ, Казакъ Михайла: ня бя мяне, ня порци, я табѣ при злой годзини знадоблюсь. Ты жъ видишь, што я табѣ ужо сычасть нужна, перайци на тэй бокъ!—Ёнъ узавъ и перайшовъ по ёй. Тогда и говориць: ахъ, трѣба лѣ зворочиць у мора! Узавъ за хвостъ и зворочивъ лѣ у мора. Самъ и пошовъ. Приходзя къ той Баби-Юзѣ зялѣзной нозѣ и каецъ: добрый дзень!—Здоровъ, молодзецъ! Куды Богъ нясець? Ёнъ ёй говориць: бабушка, я иду—хочу што идзѣ заробиць!—А што жъ ты жалаешъ, каецъ: ци дзенець, ци хлѣба, ци одзежы, ци чаго!—Ахъ, бабушка, говориць: тогда я вамъ могу сказаць, якъ заслужу у васъ, а вы мнѣ искажица, икая у васъ служба, мовець, для мяне и цижалѣ будзець!—Охъ, нѣ, молодзецъ—ня будзець цижала: у мяне ўсяго трохъ кобылицъ пасыпиць троя судокъ!—Хорошо, бабушка, отвѣщаецъ ёй. Мовець, и исповню ето!—Ну, я оставайся! Отъ табѣ ужинаць, и ночуй, и заўтра ураньни устай, я табѣ сягодня укажу, дзѣ мод кобылицы стоиць! Ина и ўказала. Ну, я кладзисъ спаць, добрый молодзецъ! Ёнъ лёгъ спаць. Пераспавъ. Устаецъ съ утра и идзець у сарай; отчинивъ сарай—кобылицы, да! голодныя. Ёнъ гнаць. Бабушка послыхала,—охъ, молодзецъ добрый! Што жъ ты гонишь и ня ѣвши, и съ собой ничго не бярэшь, нѣ табѣ хопя одзияъ пирожокъ! Ёнъ узавъ пирогъ, погнавъ. Выгнавъ у зялёныя луги, у шавковыя травы, на крыишыны воды, и самъ разославъ свою свиту и лёгъ. Полежавъ троху, ды пирогъ зѣвъ. Якъ зѣвъ, такъ и ўспувъ. Якъ уснувъ, такъ два часа проспавъ. Прошнувся, посмотрѣвъ вокругъ—нема кобылицы. Ёнъ и пошовъ. Молодзеккой ходѣй, молодзеккой ступѣй—во всѣ чатыре стороны, отыйшовся вѣрсть по пятьдесятъ—нема кобылицы. Ёнъ и ставъ, да ѣ плачець. Вязиць вовкъ тэй: эхъ, Казакъ Михайла,—чаго плачешъ, чаго рыдаешъ?—Якъ жа мнѣ не плакаць или ня рыдаць, што я остаюсь при нещасномъ злѣчан, што у мяне нѣту моихъ кобылицъ, которыхъ я ўзавъ на своѣ руки пасвиць! Вовкъ яму говориць: ага, касць, во—я знаю, говориць, дзѣ твоѣ кобылицы—табѣ ихъ не найциць! Стой жа тутъ на етымъ мѣсьци,—яны были кобылицами, и цяперъ вовчицами,—стой жа тутъ на етымъ мѣсьци, и синій камень ханай, и на вхъ кидай—якъ мы ихъ будземъ гнаць! Ёнъ и стоиць. Тойчасъ гониць ихъ—ирвуць за заднія ноги, звярѣе, вовкѣ. Ёнъ синій камень хапаецъ и на ихъ бросаецъ, и говориць: якъ были вовчицами, такъ пераставцесь кобылицами! Яны якъ были вовчицами, такъ и пераставились кобылицами. Ёнъ и сѣвъ на ихъ вѣрхомъ и поѣхавъ. И давай ихъ своѣй отросточкой угощаць. Яны

ажъ стогнуць. Подъѣждаецъ къ дому къ ихиему, и выходящъ ета сама Баба Юга залѣзная нога и спрашиваецъ, ■ были ли кобылицы у шко-
дзи, либо гдѣ, што ты опоздавъ зъ ими на хвациру нпиць—уже скоро сонца
зайдзець, а я табѣ приказавала, кабъ не позывився. Ну, добрый моло-
дзецъ, прощаю табѣ на первый разъ, а заўтра постарайся пораньше! Ёнъ
загнавъ кобылицъ, Баба Юга дала яму вичераць, поспель послала. Ложись, доб-
рый молодзецъ, отдыхай—ты заморився! Ёнъ и лёгъ, повячеравъ, помо-
лился Богу и лёгъ спаць. И спиць. А я табѣ говорю, добрый молодзецъ,
—я пойду у баню помнюсь, а ты будзь у дворѣ. И я табѣ говорю, спи
ня вочанъ крѣпко, кабъ никто ничагъ не ўтащивъ!—Идзи, бабка, ёнъ каецъ
на яд. Отъ нна и пошла. Етыя бабы собачка, чорной шерсци, росту не-
большого, потходзиць и говориць: охъ, здрастуй, добрый молодзецъ, Казакъ
Михайла! Отъ, ёнъ и удзивився тогды: Господзи, почаму ёнъ моець знаць,
што я Казакъ Михайла?—Я табѣ скажу, што Баба-Юга дѣлаецъ сичасъ!
Ина цяперъ у бани своихъ дочекъ уснѣ наказаваецъ. Ходишъ увѣраць
мою правду, то идзи, посмотри! Ёнъ и пошовъ. Пошовъ. Потходзиць къ бани.
Отожкнувъ вокошко и смотриць незамѣтно, кабъ нна на ўвидала. Ина
бъецъ и приказуецъ сярэдняей сестрѣ: што отъ, шелька, большая нманила
свое слово, а ты, бесцїя, не жѣняй. Кабъ вы ськинулася зайчицами, и
збѣгли у цѣмный лѣсъ, подальше, якъ прошетшїй дзень. Ёнъ жа вась
тамъ на доджавъ найциць! Срэдняя отвѣщаецъ: слушаю, маменька, сповню!
Ёнъ упяродъ пошовъ ■ лёгъ, и спиць, бытто нигдѣ ня бывъ. Удругъ
давъ Богъ дзень. Ёнъ жа своимъ опяць порадокомъ бярець,—устваъ, Богу
помолился, и бярець оброчи, и идзець у сарай, брытаецъ кобылицъ, са-
дзѣнца и поѣждаецъ. Баба-Юга послыхала: охъ, молодзецъ добрый,
што жъ ты гонишъ ня ўвни,—ты їсьци захочешъ!—А, бабуша, я
моець сягодня не заочу їсьци, я хорошо повячеравъ!—Нѣ, возьми, на
табѣ пирожокъ, зѣѣжъ, захочешъ. Ёнъ не коцѣвъ узяць—али ўзявъ. П вы-
вевъ у залѣные луги, у шавковия травы, на крынишния воды. Кобылицы
ходзюць. Посмотриць на етымъ пирогъ, такъ яму їсць хочетца. Ёнъ узявъ,
зѣѣвъ. Якъ зѣѣвъ, такъ и ўснувъ. Якъ уснувъ, такъ три часы про-
спавъ. Прочнувся, посмотрѣвъ вокругъ—нема кобылицъ. Ёнъ и пошовъ.
Молодзецкой ходой, молодзецкой ступой—во всѣ чатыре стороны отыйшовся
вѣрствъ по пятьдзесать—нема кобылицъ. Ёнъ ставъ, да ѡ плачець. Другъ
бяжиць къ яму зайць: чаго, добрый молодзецъ, плачешъ, чаго рыдаешъ?—
—Якъ жа мнѣ не плакаць, или ня рыдаць, што я остаюсь при не-
щасномъ злўчан, што у мяне вѣту моихъ кобылицъ, которыхъ я узявъ на
свое руки пасьвиць! Зайць яму говориць: ага, каецъ, во—я знаю, гово-
риць, дзѣ твое кобылицы—табѣ ихъ не найцѣць. Стой жа тутъ на етымъ
їсьци: яны были кобылицами, а цяперъ зайчицы,—стой жа тутъ на етымъ

мѣсяцъ, а синій камень хапай, и на нѣхъ кидай, якъ мы нѣхъ будземъ гнаць. Яны дальше удвойнѣ, чимъ учора были! Ёнъ ставъ и стоиць ян етымъ мѣсяцъ. Другъ гонюць нѣхъ зайцы—првудъ за заднѣя ноги. Ёнъ синій камень хапаецъ, и на нѣхъ бросаецъ, и говориць: якъ были зайчицями, такъ пераставцесъ кобылицями! Яны якъ были зайчицями, такъ и пераставились кобылицями. Ёнъ и сѣвъ на нѣхъ вѣрхомъ и поѣхавъ, и давай нѣхъ свой отросточкой угощаць,—яны ажъ стогнуць. И прѣѣжаецъ, только—только соніика зайшло. И выходзиць Баба-Юга и говориць: охъ, добрый молодець, плохо стараецься обѣ служби своей, позно приводишь!—Ну, ничаво, бабка,—погода была, кобылчкы вянного зыкались (зыкъ), дыкъ яны ня вочавъ хорошо пасьвились двѣмъ, дыкъ я пасьвивъ попознѣй!—Ну, а табѣ не позволяю, а сегоднѣй разъ я табѣ прощу, ды гляди заўтра не спозывись, а то пропала твоя служба—я табѣ ничго не заплачу! Ну, ложись спаць, никуды не ходи, я пойду у баню помыюсь! Баба Юга узилъ тры возы зялѣзнаго прутья, и начилъ, повизлъ, у баню съ собой. И начилъ бидъ; положила уси еты тры возы прутья надъ срѣдней дочкой и приказуецъ мѣньшой: вотъ, прохвостая, табѣ приказую послѣднѣй разъ: ськинутца рыбицями и у пѣмное мора на дно. Пойдѣиць на свое мѣсто! Ну, яны пошли, стали у сарай. Давъ Богъ дзень—Казакъ Михайла уставъ, Богу помолився, и барецъ оброчи, и идзѣць у сарай, брытаецъ кобылицъ, садзятца и поѣѣжаецъ. Бабка послыхала: охъ, молодець, што жъ ты гонишь ня ѣвши? Ты знаешь, што палло ѣсь. Я вѣ спала, нездорова, а й то ѣсь хочу. На во пирожокъ, зѣѣжъ—захочешъ! Ёнъ не хоѣѣвъ узяць—али узявъ. И вывѣвъ у зялѣные луги, у шавковыя травы, на крынишныя воды. Ёнъ узявъ етый пирожокъ, вѣрствъ на нитьдзесать отъ сябе отбросивъ, и думаецъ: ня буду видѣѣць, ня будзѣць ѣсь хоѣѣтца. Самъ разославъ свою свиту и лёгъ. Хотѣтца ѣсь яму худжай якъ тогда. Пошовъ молодецкой ходой, молодецкой ступой. Поднявъ етый пирожокъ и зѣѣвъ. Якъ зѣѣвъ, такъ на дорози и уснувъ, не доходяй до своей сермяжки. И проспавъ тры часа. Проснувся, нема кобылицъ. Ёнъ и пошовъ. Молодецкой ходой, молодецкой ступой—во всѣ чатыре стороны отыйшовся вѣрствъ по нитьдзесать—нема кобылицъ. Пришовъ къ цѣмному мору и плачець. Другъ Китъ-рыба являецца. Чаго, говориць, Казакъ Михайла плачешъ, чаго рыдаешъ?—Якъ миѣ не плакаць, якъ не рыдаць: послѣднѣй дзень дослужиць—и кобылицъ нема, и совнюшка заходзиць! Китъ рыба яму отвѣщаецъ: отъ, цѣперъ я табѣ знадоблясь, яны были кобылицями, цѣперъ стали рыбицями, и у цѣмномъ моры на дни. На етымъ мѣсяцъ стой, синій камень хапай и на нѣхъ кидай, якъ мы нѣхъ будземъ гнаць! Ёнъ и стоиць. Тойчасъ гонюць нѣхъ. Ёнъ синій камень хапаецъ, и на нѣхъ бросаецъ, и гово-

риць: якъ были рыбицями, такъ пераставцесь кобылицями! Яны якъ были рыбицями, такъ пераставлялись кобылицями. Ёнъ ихъ побрытавъ, сѣвъ на меньшую дочку и давай ихъ угощать отросточкой своєю, и тымъ боли меньшую. Тогда, прїѣзая къ воротамъ—совнюшко уже зайшло порадощно. Отъ, голубецъ, каецъ, позно!—Ну, бабка, посльѣдній вечаръ—попасовавъ хорошо!—Ну каецъ, Богъ съ тобой, идзи вачерай, и ложись спаць, а я пойду у баню мытца, а ты будзь у дворѣ. И спи ня вочань крѣпко, кабъ нито ничого не ўтащивъ! Я коли не помыюсь, дакъ ночи не перавочую сягодняшней! Ёнъ пошовъ, и лёгъ спаць. А бабка узла тры возы залѣзнаго прутьця и повизла у баню съ собой. Собачка жъ гѣтый къ яму потхѣдзя къ посъцели, и говориць: эхъ, Казакъ Михайла, ты спишь, а ня спи, идзи посмотри, што бабка приказываецъ своимъ дочкамъ! Ёнъ уставъ и пошовъ у баню. Подышовъ нодъ вокошко и смотриць. Баба Юга била, била дочекъ, тогда на большую: идзи, говориць, сукина дочка, сюды: кархай троихъ жарабцовъ, голось у голось, волось у волось, золотая шарсьцинка, сребраная шарсьцинка! Яна карханула. Тогда на среднюю тожа: идзи, говориць, сукина дочка, сюды—кархай троихъ жарабцовъ: голось у голось, волось у волось, золотая шарсьцинка, сребраная шарсьцинка! Яна карханула. Тогда позвала бабка меньшую: а ты кархай двухъ жарабцовъ, а посльи коросьливого жарабца, горбатого, неўдалого! Ина ѣ карханула двухъ жарабцовъ, голось у голось, волось у волось, золотая шарсьцинка, сребраная шарсьцинка, а третьяго: коросьливого, горбатого, неўдалого. Тогда баба узла, уснхъ зъ етыхъ восьми жарабцовъ силу выбрала и ў этого у коросьливого уложила. Казакъ Михайла полядзѣвъ, и побѣгъ наперѣдъ, и лёгъ. Ина повела и поставила жарабцовъ восемь, и кобылицъ, а дзевятаго у цѣсний кутѣкъ. Казакъ Михайла перавочывавъ—уставъ ураньин, уиывся, Богу помолився, и ожидаецъ, покуль Баба Юга устанецъ. Устаецъ бабушка: ну, говориць, добрый молодець: што хочешъ за труды? Ты ня вѣрно служивъ, да уже я табѣ прощаю. Што хочешъ: ци гроши, ци што?—Эхъ, бабка, за гроши ще убѣецъ што небудзь.—А чого жъ ты жалаещъ?—Я, бабка, хочу отъ васъ узяць жаробчика!—Ну, жаробчиковъ—у мене, говориць, восемь жарабцовъ ничего, каецъ, а дзевятый—дыкъ дрѣнный. Дыкъ мижда восьми выбрай сабѣ котораго хочешъ!—Хорошо! Бабушка отчинила ковшню, стояць жарабцы: волось у волось, голось у голось, золотая шарсьцинка, сребраная шарсьцинка, а дзевятый неўдалый-коросьливый, горбатый и сляпый. Ина ѣ говориць: ну, вотъ, етыхъ бярн, зъ восьми, а тѣй неўдалый! Ёнъ III отѣщаецъ: охъ, бабушка, говориць: ванъ нехай хороше! Вы ня вочань доволны оставались службой, дакъ Богъ зъ вами—я возьму худшаго!—А нѣ, каецъ: бярн уже зъ етыхъ, я прощаю табѣ!—А хай сабѣ, будзецъ нѣ

и тѣй хорошѣ!—Ну, каецѣ, жалко, жалко, ты зѣ нѣтъ пропадѣешь, али ўже трѣба отдаць! Спорила, спорила и отдала. Ёнѣ и повѣвъ. Повѣвъ, отвѣвъ, привѣвъ кѣ мору, и говориць,—садзитца на яго хопѣць. Ёнѣ на яго отвѣщаецѣ: нѣтъ, говориць, Казакѣ Михайла: не садзись на мяне, не глуми, я, говориць, ще младѣ, дакъ ня выдзержу. Самѣ ложись спаць, а мяне отлусьця маткинаго молока пососаць, тогди я больше силѣ набярѣ! Казакѣ Михайла лѣгѣ спаць, а лошадаць, жаробчикѣ, пошовѣ маткина молока ссаць. Вотѣ цяперѣ Казакѣ Михайла троя судокѣ спавѣ, а жаробчикѣ троя судокѣ маткино молоко ссавѣ. Вдрукѣ бяжѣць, ажѣ земля маць дрыжѣць. Казакѣ Михайла со сна устаецѣ, осматраецѣ самѣ сябе, хватаецѣ отросточку свою, хопѣць размахнуць и ўбѣць: потому ёнѣ оторопѣвъ. Молодецкиимѣ голосомѣ и лошадинымѣ посвистомѣ лошадаць говориць яму: эхѣ, Казакѣ Михайла! вя бей мяне, ня порци, я лошадаць твоя! Ты поѣдзешѣ на мѣнѣ цяперѣ и ўзнаешѣ, достанешѣ нявѣсту свою, которую ты пираломѣ доставявѣ! Казакѣ Михайла повесялѣвъ. Удрукѣ сказаць: слава табѣ Господѣн, што можа я оправлюсь цяперѣ! Сѣвъ, бярець за ўзду лошадаць, и садзитца на ёй. Садзитца на ёй и objaсняетѣ ёй: што въ такомѣ то царствѣ, въ такомѣ то государствѣ, ёсць царевня, пруская королевня, живець у садзи-виноградзи, въ особенномѣ доми отѣ своего отца, отѣ мацары. Той жа садѣ сѣлныи, орудзіямѣ обагражанѣ такѣ, што рѣдко которая пѣцца можець пералѣцѣць чаразѣ ту орудзію. Мы сѣ тобой, лошадаць, можаѣ пералѣцѣць? Лошадаць отвѣщаецѣ: можаѣ! И того жѣ государа ёсѣ лошадаць такая, богатырская, и самѣ етѣи государѣ богатыромѣ—и можець ёнѣ насѣ сѣ тобой догнаць?—Можець, говориць. А звоеваць можець?—Нѣтъ, ня можець!—Ну, хорошо, говориць. Благодарю табѣ, —слава Богу, што ня можець. —Тольки, говориць, не ходзи кѣ ёй у покой, а тащи кѣ сабѣ на сядло, и ударашѣ мяне ударомѣ лѣткимѣ! Ёнѣ сѣвъ и поѣлавѣ. Ыдзецѣ. Подѣѣжжаецѣ кѣ етому саду, ударивѣ ету лошадаць свою цѣпѣимѣ ударомѣ, инѣ пераскочила чаразѣ ету орудзію, и прискочивѣ кѣ царевни, пруской королевни. Увидала инѣ и говориць: ни чувомѣ чуваць, а видомѣ видаць—ци самѣ бѣлѣ молодець наѣжжаѣ, ци воронѣ косьци яго заношаецѣ?—Нѣтъ, говориць: ня воронѣ косьци заношаецѣ, а бѣлѣ молодець наѣжжаецѣ!—Ну, прошу васѣ, говориць, у комнату! —Нѣтъ, я прошу васѣ кѣ сабѣ на сядло! Узявѣ яѣ за правую руку, посадивѣ у сядло; лошадаць жа разсярчала, што царевна сказуецѣ неподобныя словы, и уляцѣла. Лошадаць жа ета, стоя на стайни, заржала богатырскимѣ голосомѣ. Царѣ самѣ ето ўремѣ спавѣ. Уставѣ, одзѣвъ на сабе тухли, и бягѣць у однѣи рубѣги, бизѣ усяго.—Эхѣ, лошадаць моя богатырская, чаго ржѣшѣ, чаго минѣ зовѣшѣ?—Вы спѣця, а ўже наша королевня увезена давно, и уже далеча отляцѣли!—А што, каецѣ,

лошадзь моя, можаць догнаць?—Можаць!—А звоеваць?—Нѣтъ, ня можаць! Вотъ государь и сумнѣлся. Што жъ будзецъ: догнаць догонимъ, а звоеваць, отвяць, ня можаць,—значитца, прйдзецца жись свою поковъчыць! Ну, ужъ дзѣлаць нечаго, прйшовъ у комнаты одзѣвса, одзѣвъ на сабе одзѣжу и ўзявъ съ собою войструю мечъ, и поѣхавъ. Осядлавъ свою лошадзь и поѣхавъ. Наяжжая на Казака Михайлу; тольки разложивъ свою войструю мечъ, вынивъ ись пахвы, и ўзявъ у правую руку и хоцѣвъ махнуць Казаку Михайлу, кабъ голову долой. Казакъ Михайла ня ўслышавъ етого. Лошадзь яго трбинула задней ногой, и ўбила гзту лошадзь. Тогда Казакъ Михайла послышавъ стукъ, оглянувся назадъ,—отляцѣли дзесяць вѣрсть оттуль. ■ ўвидавъ яго и обдумався: што жъ, лошадзь моя, ето вѣрно насъ догоняюць?—Да, говориць, вѣрно!—Што жъ ето за стукъ бывъ?—А ето, говориць, я правой ногой яго лошадзь убивъ; а ёнъ самъ застався у живыхъ!—Вороцись, лошадзь моя, назадъ: я й яго побиджу! Лошадзь вороцився туда. Ёнъ наяжжая, налятѣ якъ давъ своей отросточкой, такъ и ўснувъ тѣй царъ на мѣсци! ■ Не ўправився ничего ухващцы оборонитца! Самъ и поѣхавъ. Отъ, ѣдзецъ. Якъ ѣлаць, дыкъ ѣлаць, якъ ѣлаць, дыкъ ѣлаць, узыѣзжаецъ на чистое поля подъ своимъ царствомъ, огромное поля. Усѣ то поля побитымъ войскомъ укрыто, и такъ, што лошадзь яго по щотки идзецъ у крывй. Ёнъ уѣхавъ посрадѣй поля того, и спрашаваетъ: этъ, господа кавалерія, руськаго цара войны, хто тутъ ёсь битъ и хто не добитъ? Отгукницеса, отзывницеса, и скажица, хто ето воеько положивъ? Ну, хто не добитъ, обовзався: ето воеько положивъ Трухонъ-молодзецъ.—А съ кимъ ёнъ бѣетца-дзаретца?—Зъ Бабой Ягипицой!—А за што яны бѣютца-дзарутца?—Хочецъ Бабу Ягипицу зьбиць и дочкѣ замужъ узяць за сабе!—А ў которымъ часу яны бились?—У дзевятымъ вутра, отвѣщаецъ. Ёнъ вынивъ часы, посмотрѣвъ и поѣхавъ. Отъ, якъ ѣлаць, дыкъ ѣлаць, якъ ѣлаць, дыкъ ѣлаць,—скоро казка кажетца, да не скоро дзѣло дзѣтца—прѣхавъ на другое поля—ще больше поля ще больше войска полѣмано. Ужо лошадзь яго идзецъ по колѣны у крывй. Ёнъ уѣхавъ посрадѣй поля того и спрашаваетъ: этъ, господа кавалерія, руськаго цара войны! Хто тутъ ёсь битъ и хто не добитъ? отгукницеса, отзывницеса, и скажица, хто ето воеько положивъ? Ну, недобитый обовзався: ето воеько положивъ Трухонъ-молодзецъ!—А съ кимъ ёнъ бѣетца-дзаретца?—Зъ Бабой-Ягипицой!—А за што яны бѣютца-дзарутца?—Хочецъ Бабу-Ягипицу зьбиць и дочку за сабе замужъ узяць!—Болванъ ёнъ! за што много такъ силы владзецъ! А ў которымъ часу яны бились?—У дзесятимъ вутра! Ёнъ вынивъ часы, посмотрѣвъ и поѣхавъ. Якъ ѣлаць, дыкъ ѣлаць, якъ ѣлаць, дыкъ ѣлаць—скоро казка кажетца, да не скоро дзѣло дзѣтца—узыѣзжаецъ на третье поля.

Еще больше поля, еще больше воевка положано. Уже лошады яго идзедь по брухо у крывй. Ёнъ узъѣхавъ посярѣдъ поля того и спрашавасць: эхъ, господа кавалерія, рускаго цара воины! Хто тутъ ёсь битъ и хто не добить? отгукницесь, отзывницесь, и скажиця, хто ето воевка положивъ? Ну, недобитый обознався: ето воевка положивъ Трѣхонъ-молодзецъ!—А съ кимъ ёнъ бѣтца-дзяретца?—Зъ Бабой-Ягипицей!—А за што яны бѣютца-дзярутца?—Хочецъ Бабу-Ягипицу зъбичъ и дочку за сябе замужъ узяць!—Болванъ ёнъ! за што много такъ силы кладзедь! А ў которыхъ часу яны бились?—У одзинатцатыхъ вутра! Ёнъ и поѣхавъ: ужко лошады свою гоняць получче. Подъѣжжаецъ къ хваци Трѣхона-молотца, пасѣтца яго лошады подъ яго окошкѣмъ, и Трѣхонъ-молодзецъ самъ обѣдаецъ. Ёнъ злѣзъ съ свѣд лошады и обдумався: эхъ, почаму я знаю, хто изъ пасъ сильнѣй? дай-ка угадаю! Пусьцивъ свойго коня на коня Трѣхона-молотца,—такъ лошады Казака Михайлы якъ дунула ноздрами. такъ тая отбѣжалась вярсты на три отъ того мѣста, а Казака Михайлы лошады узияла ёсь пищу тую. Казакъ Михайла ужъ повеслявъ; идзедь прямо у домъ Трѣхона-молотца. Отросточка тожъ стоить у пярельней коняцы. Казакъ Михайла узявъ яд у лѣвую руку, а свою у правую, и бѣецъ одна объ одну. И праговаруецъ: чія тросточка побѣтца, той и самъ плошѣй! Трѣхона молотца отросточка бѣтца. якъ горшкѣ, отъ Казака Михайлы отросточки. Трѣхонъ молодзецъ, обѣдая, и услыхавъ. Посмотрѣвъ у вокошко—и лошады яго отогнѣта, и чужая пища ёсь яго. И ёнъ и закричавъ: хто ёсь у моймъ доми? Никого у свѣци не боюся, опрѣчи Казака Михайлы! Тольки я слышавъ такъ, што яго нѣту и живого на свѣци. Обрачаецца бѣжаць—ёнъ стоить. Спрашюць: эхъ, ни чувѣмъ чуваць, а видѣмъ видѣць! Ци самъ добрый молодзецъ заѣхавъ, ци воронъ косыцы запѣс? Скажи мнѣ своимъ словомъ праведнымъ: хто ты ёсь такой? И пропу цябе ко мнѣ обѣдаць умѣеши со мной! Казакъ Михайла отвѣщаецъ яму: ты, Трѣхонъ молодзецъ, довжанъ узнаць самъ! Узиялися за руки и пошли обѣдаць. Я, кажетца, бытто, якъ Казакъ Михайла, али я раскажу табѣ злучай, што бытто цябе убито! А ёнъ яму отвѣщаецъ: правда, говориць: я бывъ убитъ! Ну, узиялися за руки и пошли съ Трѣхономъ, узиялися обѣдаць, богатырскія напѣтки пищу, и богатырскія между саби разговариваць слова. И Казакъ Михайла сказавъ на свою лошады: эхъ, лошады моя, хай жа и та ёсь; мы жъ помиримся другъ зъ другомъ—насъ мало такихъ ёсь! И обѣдаюць, и лошады умѣеши стали ёсь пищу богатырскую. Казакъ Михайла говориць: знаешъ што, што я табѣ скажу? мы воевля обѣда выѣдземъ съ тобой на чисто поля и попробуемъ съ тобой сами мѣжда саби данъ по удару! Тогда, который зъ насъ сильнѣй останеца? И поѣхали тѣ на своей лошады,

тѣй на своей. Выѣхали на поля и спрашующь: ну, который изъ насъ постоиць перадо́мъ, а тѣй будзець отъѣ́жжаць? Казакъ Михайла отвѣщаець: што я перадо́мъ постою! Ну ты, сколько ѣсь силы лошадинныя, такийъ дѣтоуъ отъѣ́жжай, и ты не жалѣя мене ударь, кабъ намъ узнаць правду безъ усякой ошибки! Тѣй отъѣ́хавъ, разогнався, сколько ѣсь силы лошадинныя, лядиць,—якъ удариць Казака Михайлу! и самъ поѣ́хавъ опяць. Кизакъ Михайла якъ стоявъ, такъ и стоиць. Ёвъ спраши́ець у лошади своей, Казакъ Михайла: хто коло насъ бывъ? Лошадзь яму отвѣщаець: ето довжно быць щамель приляцѣвъ, погудѣвъ и назадъ поляцѣвъ! Тогда ёвъ засмѣявся самъ сабѣ и повеселявъ, и говориць лошади своей: што довжно быць тое прѣведно, што сильнѣя насъ никогдѣ нѣту во уснѣхъ свѣдци божжамъ! Такъ и узрадовався. Ёдзець Трухонъ молодзець во весь лошадинный духъ и наяжжая одзѣ́ржуець лошады свою, и одзѣ́рживъ. И говориць Казакъ Михайль: вы узнаць могли на сколько вы вѣрсть отъѣ́жжали отъ мене? Трухонъ молодзець говориць: я отъѣ́жжавъ на тритцаць вѣрсть.—А ударивъ ты мене усими силами, не жалѣя? Трухонъ молодзець говориць такъ: нѣ, говориць, не жалѣя ударивъ!—Ну, циперь ты стой на етнѣхъ мѣсци, я поѣ́ду! Казакъ Михайла ня ѣ́хавъ на тритцать вѣрсть, а не больше дзесцяци, и ѣ́хавъ совершенно походнымъ шагомъ лошадиннымъ. И выинивъ платокъ съ кармана, подѣ́жжая къ Трухону молотцу у близкомъ разстояннѣ. И махнувъ платкомъ—такъ Трухонъ молодзець едвали не упавъ зъ лошады, и сказавъ: эхъ, Казакъ Михайла, воля ваша, даѣ́лай што хочешъ! насъ двое было, ну я проца цѣбе младъ, и ў третью часть не дойшовъ до цѣбе. Попрошу цѣбе поѣ́хавъ, зъ егой Бабой Ягницой, зялѣзной ногой, подратца за мене! Хорошо, Трухонъ молодзець! Я цѣбе послушаю, поѣ́ду, зъ Бабой Ягницой подзяруся. Можець быць окажетца ня посильтѣй мене! И поѣ́хавъ. Прѣ́хавъ у чистое поля зъ Бабой Ягницой. Тая выѣ́хала тожа. Сышлись; ёвъ яд увидавъ у глазы и говориць: эхъ, бабка, якъ мы будземъ драцца съ тобою? на травѣ намъ будзець нялѣзко. Дуни-ка, бабка, во уси четыре стороны, кабъ бывъ голый токъ! Баба дунула уво усѣхъ четыре стороны—здѣ́лався чистый токъ: кусты позносила,—усѣ! Эхъ, Трухонъ молодзець (не знаючи): такъ намъ будзець на току ня удобно! Дуни-ка, кабъ писконъ на уси еты поля! Ёвъ дунувъ; здѣ́лався пясокъ. И началъ драцца. Ина яго бѣець своей кочаргой, а ёвъ яд бѣець своей отросточкой. Убивъ Бабу-Ягницу по поясъ у землю, а ина яго стала просиць: эй, Трухонъ молодзець, дарш, королѣ бѣютца, отдыхъ мѣюць, а ты не даешъ отдыхавъ! Ёвъ ёй отвѣ́нивь: нѣ, баба, я не жалаю отдыхавъ и табѣ не дамъ! Остаетца—бабу уби́ваець у землю по шю. И убивъ, голову збивъ ёй, тулово вырвавъ и спаливъ на мелкѣй поцелъ, и раздувъ поцелъ, и поѣ́хавъ къ Трухону молотцу. Отъ, Трухонъ молодзець: твою Бабу Ягницу я убивъ неприа-

целку!—Ну, што жъ, Казакъ Михайла, ну што жъ, каецъ, якъ дочку будземъ: останеца миѣ, ци сабѣ возьмешъ? Казакъ Михайла отвѣцивъ такъ: ты жъ видзишь, што моя у мяне ёсь жана, и миѣ ня нужно больше, зъ мяне довольно одной; а ты забирай сабѣ яѣ,—ци ўсихъ трохъ! Труховъ молдзецъ засмѣявся и сказавъ: вотъ дакъ другъ, Казакъ Михайла, дороже стоиць рѣднаго брата! Родный братъ ня можець раздзялиць, якъ Казакъ Михайла! И до свиданья! Благодарю табѣ!—Живи здоровъ! и пользуйся етыми красавицами. А я свою забираю и жанюсь зъ ёй и живу! Попрошались,—тѣй у своѣ мѣсто, тѣй у своѣ, и живуць—поживаюць, добра наживаюць.

Д. Бабиничи, пуляевск. в. Кр. Макарь Алексѣвъ, 47 л., негр.

6. Медвѣжьи сыны.

Одна купечацкая жана съ корзинкой пошла шукать грибовъ. Потомъ, откуда узався медвѣдь, большой, ухапивъ её и понёсъ у лѣсъ. Принёсъ у свою лѣгву, гдѣ ёнъ, значить, ляжыть,—у лѣгвѣ своѣ. Осмотрѣвся медвѣдь, що женщына мѣртва,—значить,—спугалася. Смотри медвѣдь на яѣ, що дѣлать зъ ёй? Ёнъ яѣ покачавъ—душнѣла жана купечацкая, стала лядѣти. Медвѣдь ставъ ласкать яѣ, давъ ёй придовольствіе, щобъ значить яна не пугалася. Ставъ яѣ кормить, и потомъ жыть изъ ёй ставъ, такъ, якъ жывъ жаной. И прожывъ ёнъ нѣсколько уремя зъ ёй, и прыжывъ, и яна стала бярѣменна. И родила двухъ сыновъ. И назвала большаго Костя, а другога Ваня. И такъ жыли они умѣсти много лѣтъ, —лѣтъ пятнадцать тамъ и большы. Купчиха эта померла, остались дѣти сами, и проживали зъ медвѣдьями, съ отцомъ своимъ. Потомъ медвѣдь почувствовалъ свою смерть и дужа зарѣвъ. И стали збиратца много медвѣдьявъ. Назбиралось ихъ много; ёнъ усихъ ихъ расправивъ, только оставивъ двоихъ сабѣ медвѣдьявъ. И приказавъ имъ соблюдать, одному—Костю, а другому—Ваню, одному одного, а другому другога. Потомъ, зьявивъ дуба медвѣдь и доставъ богатырскіе доспѣхи, и давъ имъ по кольцу и по шаблю тамъ, и по диньджалу, и сказавъ: вотъ, моѣ сыны! якъ вы пойдете у разныя мѣста и городѣ, то вы возьмѣте, два диньджала етыхъ уторкнѣте ў землю. А якъ будете далѣко, и подумая братъ на брата, похѣтѣца яму знать, якъ ёнъ жывѣ на свѣти, ти жывѣ, ти мяртѣвъ: такъ нехай прыдѣ на сто мѣсто и посмотра диньджалъ. И коли етый диньджалъ буди свѣтлый,—якъ уторкнутъ, такъ сичасъ свѣтлый,—дакъ значитца мой братъ жывѣ и здоровъ. А коли буди чорный и кривавый, то навѣрно хотъ убить надѣятца (неопр. накл.), ти ў тямниці буди сидѣть! Парасказавъ етый медвѣдь усѣ своимъ знамѣ, и потомъ померъ

трать, що будя нєсъ царской дочкой. Царевна ухѣдя у свою кушчу у при-
готованую, смѣтра—молодой чаловѣкъ изъ яядвѣдчій, и вельми краси-
ный. Яна говѣра: милый, говѣра: убирайся отсюдова,—нехай, говѣра, я
одна погибну! зачинъ табѣ пропадать? А ѣтъ говѣра: нѣ, говѣра, ца-
ревна: обожджѣ, говѣра, не робѣй!—Нѣ, говѣра, голубчикъ: тутъ якъ
выйдя змѣй, дыкъ насъ усикъ поѣсть, а луччай я одна пропаду! А Костя
говѣра: не робѣй! що Богъ дастъ, то й будя! Такъ поговѣрыли прожежду
собой,—выхѣдя змѣй изъ воды. Оптрусився и говѣра: экъ, спасибо цару:
за одного да трѣхъ приславъ! А Костя говѣра: нѣ, проклятый змѣй: мо-
жа и однимъ подавиться! А змѣй говѣра: якъ такъ? я во ўсикъ свѣти
никого не боюсь, только ѣсть ни ѣсть у якомъ то царствѣ, нѣўкоторомъ
государствѣ Костя да Иванъ. Дакъ Кости я боюсь. Ну только не бо-
юсь: яго суды воронъ костей не занясе! А Костя отвѣчаа: а я, говѣра,
и здѣсь! А змѣй говѣра: ой, здѣсь?—А здѣсь, говѣра. Змѣй говѣра: ахъ,
Костя—яядвѣдчій сынъ! давай нєсъ тобой умѣсти помиримся, и мы ни
будомъ во ўсикъ бѣломъ свѣти никого не боѣцца! А Костя говѣра: нѣ,
нєсьсее мясо! добрый молодець не ходя по свѣту, щобъ мирѣцца, а жа-
лаа побѣцца! Змѣй говѣра: ну, давай! И стали яны дратца. Костя имѣ
тры головы сымаа, а ѣтъ яго у зѣмлю убиваа. А Костя: экъ, говѣра,
Мишка: пособи! А Мишка потскакуа, сичасъ змѣя схвативъ, а Костя имѣ
усѣ голѣвы зрубивъ. Ётый змѣй бывъ на шастѣ головѣтъ. Ётъ тогда яго
порубивъ у мелкія части, и въ огнѣ спаливъ яго. И змѣй ранивъ Костю
у правую ногѣ. Царевна схватила свой платокъ имянный и завязала яму
ногу. И стала яго просить у свѣд царскія палаты: и естли ты, госпо-
динъ богатырь, не погибѣаешься на мине, возьми замужъ за сябе! Такъ
што мой батюшка закликъ закликавъ: хто змѣя убѣе, за того свою дочь
оддамъ, и повцарствѣи! А Костя говѣра: естли вы жалаея, я жалаю
васъ. Только и инѣча не могу, ближай якъ чаразъ годъ съ тобой жа-
нитца. А царевна заплакала: ахъ, говѣра, збавитяль ты мой: вѣрно, го-
вѣра, не жалаея мене за сябе! А Костя говѣра на яе: царская дочь! я со
ўсикъ жалаюемъ жалаю васъ,—только нѣту урѣми мѣв! И давъ ёй ру-
кѣ свою: имѣйта пѣвнаю надежду! И царевна дала своѣ кольцо имянное,
и попрощалася съ Костяй. И Костя говѣра: будѣта у повной надежды,
только ождайтя чаразъ годъ у етый самый день! Тогда обратѣмъ къ
вянцѣ! Костя и ўшовъ зъ естымъ. «Мишка, пойдѣмъ!» Костя пошовъ,
и Мишка зъ имъ. Сичасъ возвращаетца бывшы той генераль, который при-
возивъ яе и говѣра: вотъ, говѣра, царевна: естли ты за мене пойдешъ,
дакъ будешъ жыва, а то убѣю тебе! Усѣ равно, ты погибнешъ! То пры-
сягни мнѣ, щобъ я бывъ увѣраць! А то сичасъ убѣю. И парадъ царомъ
скажы, що я тебе збавивъ, и змѣя убивъ! Царевна подумала: що жъ

миѣ погибать? присягла яму: и скажу батюшку царю, що ты мене збавивъ! Ёнъ сичасъ яе ўзявъ у коляску и поѣхавъ у царскій дворъ. Привёзъ ету царевну. Усѣ стали рады, що царевна осталася ў живыхъ. Государь спрашуа у дочары: дочь ты моя милая, хто тебе збавивъ отъ такой погибели? А вотъ, говора: который мене привозивъ генараль, той мене и збавивъ! Генараль потскакуа: а, говора, государь, змѣя ўбивъ и дочь збавивъ! Ну, такъ якъ царю нельзи слова своего змянить, надо за того дочь свою оддать, хто змѣя ўбивъ, и повцарства. Царевна бача, що надо за генарала ити, яна думаа: що тутъ дѣлать? Надумалась сабѣ: стать больной и проводить уремя сабѣ, дожыдатца Кости своего. Тутъ дохтора злѣчивали яе. Ёй воўся на треба было лекарства, такъ якъ кна была здорова. Генараль опять своё бярётца: къ вянцу. Яна зновъ захворѣла. И проводила цѣльный годъ етого генарала. Яна воўся на была больна, только яго дурыла. Подышло ето уремя, у которое треба походить Костю. Говора отцу: а здорова ўже, папаша! Сичасъ назвачили заручины: пить, пить и гулять, и веселитца. Костя етый обращетца у етый городъ и заходя къ самому етому кунцу. Поздрастовались и говора: що, у васъ благополучно?—Благополучно, отвѣчаа купецъ: у нашего цара сегоднни пьютъ заручины! А ёнъ говора: якія?—А, говора: коли были у прошлый годъ у мене у доми и спрашували, чаго усѣ у насъ смутно и плачъ,—дакъ якъ царскаю дочкѣ *повѣзъ* генараль на змьденія змѣю, етый самый генараль убивъ змѣя, и збавивъ царевну. Дакъ за того генарала и дочкѣ царъ оддавъ: Заўтрашній день будутъ вѣнчатца!—Да, хорошо, говора, господинъ купецъ! Костя. Дасть Богъ и мы будемъ на свадьби! А купецъ говора: а дѣ намъ, говора, туды прѣдетца быть? А ёнъ говора: якъ? нѣ, бытъ! и такъ щитаю, що мы будемъ на самомъ нерадѣ! А купецъ говора: урѣдъ-ли! А Костя: нѣ, будуть увѣрны! Такъ! Мишка, поди сюда! Мишка—эээ! Костя сичасъ вынимаа бумажку, ваписавъ писямо. Мишка, говора: на́късь, няси царевни, у руку подай! Только, говора, никому ў руки ни давай! Мишка сичасъ узявъ у своё лапы и побѣжавъ скоро. Прибѣгъ къ царскому двору, часовые не допуцають. Мишку некуды доступитца. Ёнъ кидавсь, кидавсь и ўрзався прямо чаразъ стѣны. Якъ ставъ чаразъ стѣнку лѣзть, попалъ на еты швурь, що звонѣ были, которыя по ко́млатахъ дають знать. И усѣ ето зазвѣнѣло. Тамъ спрашувать: що ето такое? Часовые подають знать, що якійся мядвѣдъ дярётца. Царевна ўслыхала про мядвѣдѣя, яна сичасъ ускрычала: ня битя яго, не чапайтя: нехай куды хоча, туды йдѣ. Царевна сичасъ побѣгла сама наўпротѣ, а мядвѣдъ къ ёй бяжытъ. Мишка поклонився ёй низко и дасть ёй письмо. Яна прочитала сичасъ ето письмо, *що* Костя издѣсь, у нашымъ городи. Царевна ускрычала: папаша, папаша! вайтя миѣ дать лошадей! Госу-

даръ думая: що такое? Сичасъ вляѣвъ, и лошади были сичасъ готовы; задрѣжаны были сичасъ у золотую коляску. Царевна садитца у коляску, а мядвѣдь уяродѣ. Яна вляить кучарѣ: куды мядвѣдь побягнѣтъ, туды и ѣдь! Мишка къ дому къ етому прыбѣжавъ и ўскочивъ у дворъ. Выскочила царевна съ коляски и бяжить у етѣй домъ. А мядвѣдь явився къ Костю. И Костя угадавъ, що царевна къ яму бяжить, и ѣтъ поўстрѣяю. Обнялись и поцаловались. Такъ были рады, що друзѣ друзи найшовъ. И царевна говора: слава Богу, слава Богу, що вы, Костенька, живы! садитася, говора, ѣдомъ къ папашу мойму у наши царскія палаты! Костя обратився къ купцу: пойдѣжъ жа, братъ, говора: я говорывъ, що будомъ напереди!—Да, говора, братъ: слава Богу! Садитца у коляску царевна и Костя, и купца забрали у коляску, съ собой умясти. Прыѣжжають. Стрѣвъ изъ самъ государъ зъ великой радостью. И дочъ говора: вотъ, батюшка-государъ, мой збавѣтель явился! Государъ говора: ахъ, дочъ моя: зачѣмъ ты сказала, що генаралъ тебе етѣй избавивъ? Царевна говора: нельзя было и мнѣ вывертѣтца: я яму дала присягу! Ёнъ сказавъ: если ты мнѣ не присягнешъ, то я тебе усѣ равно убью! Я по няволи присягад! И ёнъ показуа примѣту, Костя: отъ, говора: якъ я ўбикнѣ змѣя—змѣй мнѣ ранивъ правую нѣгу. Царевна спонилъ платкомъ имяннымъ завязала мнѣ ногѣ! Посмотрѣли господа етѣй платокъ—дѣствительно имянный царевны платокъ. Тожа показуа кольцо царевны имяннаго. Государъ признавъ: дѣствительно моѣ дочарѣ кольцо,—и ўсѣ господа, бывшая тамъ. Присудили етого генарала къ смерти, за яго службу за змѣннаю. Осудили яго на смерть и привязали яго къ жарабцу и пусытили яго у чистое поле. (Колись было лягчѣйшее наказаніе!)

На заўтрашній день Костя обвиньчався и съ царской дочарѣю, свадьбу згуляли, и стали жить да поживать. И такъ они хорошо жили, що одинъ безъ одного не продѣхали. И большыя ны не пожили зъ ёй, якъ одинъ годъ. И ў воднѣ погодливый день поправилось имъ на блыхони пить чай. Костя смѣтра и говора: ахъ, душанька: што ето, говора, близко такой. тѣмный лѣсъ? Царевна говора: ахъ, говора, Костенька: ето такой тѣмный лѣсъ: колись-то дѣдушка мой поѣхавъ туды и не воротився. И сколько войска было, не воротилось, и ўсѣ тамъ остаѣтца! Кости подумавъ сабѣ: що за штука тамъ такая живе? надо бѣ узнать! Ахъ, говора Костя, душанька: якъ мнѣ скушно! А ёй не говора, што хоча ето мѣсто разузнать; только самъ сабѣ. И вотъ, говора: поѣду я поохочуся, погулять, душанька! Яна сѣтила и говора: Костенька, вы не правдита: вы хочета—тыки етого мѣста разузнать! А ёнъ говора: нѣ, душанька; поѣду, поохочуся! скушно мнѣ! Подѣли яму лошадь; сѣвъ на лошадь и узявъ сабѣ охотниковъ чаловѣкъ десятѣкъ, али дванатцать, и собакъ шворѣкъ

десятокъ, и отправився. А мядвѣдь услѣдъ, ни ступилъ за своимъ хозяиномъ! Якъ ѣнъ прѣхавъ къ етому къ лѣсу тѣмному, и откуль што возмися: туча, громъ, молонья! И полился дождъ ливнемъ, и здѣлалась тежнота сильная; ничего не видно и не слышно: одинъ одного даже не бача, а якъ только молонья блися, тогда убачуть другъ друга. И побиле етыхъ усихъ охотниковъ, яго служытелей, и собакъ усихъ, остався только Костя да мядвѣдь.—Костя говора: Мишка, куды мы теперь пойдомъ? дѣ намъ дѣтца? Вотъ яны пошли по етому лѣсу. Шли ды и шли, шли ды и шли. Громъ ушукъ, дождъ параставъ, и усѣ стало тихо. Потомъ бача Костя—ставъ лѣсъ радѣть (рѣд). И выходя на поляну. Поляна ета была вѣрствъ на семь, и кругомъ лѣсъ. По етой поляни стоять усѣ болванъ, разные, разные: дѣ якій лошадь, дакъ такой болванъ; дѣ якій чаловѣкъ, дакъ такой болванъ; усѣ значитна обратилось. И слыша Костя крикъ. Крычить баба, стоячій на печи у огня: подогрѣйта мяне! подогрѣйта мяне! Костя смотря: що за бѣсъ такой? у огня стоять и крычить: подогрѣйта мяне! А дровъ-то было много коло етыхъ печки. Ёнъ говора: постой-жа, туды твою, погоди! я тябе подогрѣю, проклятая баба! Ишъ, ей ещѣ холодно! Вотъ я тябе подогрѣю! Вотъ, только-только нагнувся брать дровы, баба ета жалѣзнымъ прутомъ сѣканула Костю,—и ёнъ ставъ болваномъ по поясъ у земли. И мядвѣдя ударила, и мядвѣдь болваномъ ставъ.

Иванъ у якихъ сторонахъ ходивъ, и удумавъ на брата на Костю свойго: пойдутка я посмотрю на гиньджалъ, якъ то мой братъ находитца: ти живъ ёнъ, ти мѣртвъ? Пошовъ на то мѣсто, идѣ гиньджалы (g) тырчатъ. Приходя Иванъ Мядвѣдчій сынъ, вытягнувъ Костявъ гиньджалъ—ёнъ тѣмный, крывавый увесъ! Покинавъ головой и говора: дѣсь мой братъ попался, видно, у добрыхъ лапы: надо мнѣ ити яго шукать! И пошовъ по яго дорози. Ишовъ, ишовъ, и пришовъ какурать у самый етйй городъ, и попадая какурать къ етому купцу зайтитъ у етйй домъ. Купецъ етйй, якъ убачивъ, и признавъ яго Костяй: какурать, якъ Костя. И мядвѣдь такой. Здравстуй, говора, Костя! И Ваня самъ сабѣ подумавъ: а, говора: я попалъ на дорогу! И говора купцу етому: здравстуй, здравстуй, братъ!—Ахъ, говора, Костя: идѣ вы досюля были? по васъ давно царевна плача! А етому уже пошло повтора года. Ёнъ сабѣ змекнувъ: вотъ же ето идѣ Костя бывъ! Попрощався съ купцомъ, и не ставъ много говорить, и отправився у царскій дворъ. Царевна якъ увидала у вокошко, такъ бжыть наўпроти и крычить: Костя мой, Костя мой! Ёнъ молчитъ,—думая, якъ бы разузнать, идѣ ёнъ дѣвися.—Ахъ, говора царевна, Костенька мой: идѣ вы досюль были? Ёнъ говора: да у дальнихъ сторонахъ были! Проживъ ёнъ день и другйй, и вышли яны на

балконъ. Ёнъ говора: ахъ, душанька: што ето у васъ за тёмный лѣсъ такой? А царевна говора: да разви вы, говора, забылися? вы жъ тогда якъ пошли да побѣхали на 'хоту, отъ-када вы явились!—Да, да, говора: ето я запомнивъ! Вотъ теперь, разошлись, и побѣжавъ ёнъ у лѣсъ, куды яна указавала. Якъ только убѣгъ у етый тёмный лѣсъ, усё ето самое злучилось, што и Костю. Ёнъ бився, бився, и выбився на эту поляну. И смотра—што ето такое? уся эта долина уставлена етими болванами: разные и цары, и снаралы, полковники тамъ, солдаты, собаки, львы, мядвѣды и разное такое. Ёнъ идеть по етой поляни и чуя етый крыкъ: баба крычить. Опять то жа крычить: подогрѣйтя мяне! Ёнъ идеть къ печцы. И ўвознавъ своего брата Костю и мядвѣдя. Дакъ вонъ, говора: да, я вижу, кто ты такая, я тебе, говора, подогрѣю! За што ты, говора, мойго брата посадила у землю? А баба ета говора: на што ёнъ мойго сына убивъ—змѣя?—Нука, Мишка, смотри съ того боку! вотъ мы будомъ яё подогрѣвать! Мишка ээ! сичасъ услужуа и заходя, якъ бы яё ето заади скапить. Куды ни поворотитца, яна кидаетца съ прутомъ къ нимъ. Мишка, смотри получай, да не зѣвай! А у Ваньки было кольцо такое, що злые духи боялися яго. Ёнъ ето кольцо зъ руки показавъ етой баби. Яна пруть упустила. А Мишка яё заади зъ плечи ухвативъ. А Ёванька за пруть ухвативъ. Мишка, тащы-ка яё сюда! Мишка бабу стащивъ съ печки,—и нѣту ни огня, ни дровъ никакихъ. Ваня спрашуа: що ето такое ты надѣлала, баба? Яна говора: вотъ що, говора, Ёванька, Мядвѣдчій сынъ: ето усё были люди живые!—Якъ жа ты ето дѣлала? Яна говора: уть—этый пруть, который у тебе, жалѣзный, етый дѣлавъ людей значить болванами. Пусти, говора, Иванъ, мяне, Мядвѣдчій сынъ: я табѣ усё расскажу! Ну, ёнъ думая сабѣ: я то тебе пуцу,—ты только мнѣ рассказывай. Вотъ етый, говора, пруть: уть—этымъ концомъ ударь кого бы на было, дакъ ёнъ здѣлаетца болваномъ на вѣкъ!—А хорошо, говора: ти можно отжывить?—А етый конецъ прута ударь опять обратно, дыкъ якъ жывъ, такъ и будя!—Ну хорошо! А много яны уже здѣсь стоять болванами?—А ёсть говора нѣкоторымъ по чатыреста лѣтъ уже! Ёнъ думая сабѣ: дай-ка я здѣлаю пробу! И ўдаривъ брата по головѣ прутомъ. Братъ схватився, онтрусився и говора: ахъ, якъ крѣпко я заснувъ!—Да, говора, братъ: хорошо ба ты спавъ! ты бѣ, говора, вѣкъ здѣсь спавъ, кабы не я! Костя ўнавъ яму на шыю и ставъ яго целовать: благодарю, братъ, тебе за твою дружбу! Ну я тебе не забуду! Ударивъ прутомъ и Мишку,—установъ мядвѣдь сичасъ.—Ну, хорошо, говора Ванька баби: скажы ты мнѣ усю правду: якую ты льготу даешь людямъ и звѣрамъ? А яна говора: а вотъ якую я даю льготу: тры разы гоняю ихъ водѣ,—жажду имъ утолить!—Вотъ, говора, якая ты му-

читалька здѣсь забралась! говорѣ Иванъ, Мядвѣдчій сынъ. Возьмѣка, Мишка, яе хорошенько ирванѣй! Мишка якъ рванувъ, бабу ету разорвавъ. А Иванька зрубивъ ей голову и на мелкія части яе порубивъ, и огнемъ спаливъ, и попіялъ раздувъ етѣй. И ставъ битъ прѣтомъ усѣхъ — царовъ, князѣвъ, усѣ начальство, солдатъ, звяровъ. И усѣ, што было на етой поляни, усѣ обратилося живде. (Значить, ето была такая баба, що яна дѣлаа громъ, воловню, імари, дожджъ, и нагоняла на нѣхъ ету темноту, и нагоняла нѣхъ на ету поляну).

Вотъ, отиравився Костя зъ братомъ къ своей жанѣ. Усѣ етѣхъ войська закрычали ура, пѣсильники заплѣли, и музыка зайграла. Потіодя къ горуду къ етому; убачивъ царъ у подѣрбнаю трубу, и спугався: не на-рошно откуль такая войська йдѣ? И говора: вотъ, говора, дочъ моя: та-кое нещастя на насъ Богъ дадъ,—што намъ тѣперака дѣлать? Кости твоего нема, и рать нявидима на насъ наступѣа. Вѣрно мы погнѣбомъ! Государъ етѣй бѣрэ хлѣбъ-солъ и иде на сустрѣчу. А того ни знаа, що слава Богу, що иде щастя, иде зять Костя. Якъ стрѣтилися, такъ зрадовалися большю радостю. Пошли у царскія палаты, стали пѣть и гулять и веселятца. И ето увесъ народъ етѣй ня могъ жыть, не большы якъ тры ти чатыры днѣ,—сичасъ увесъ помѣъръ.

Сказна аѣтѣтъ слѣдующее странное окончаніе:

Ну, тѣперъ Костя прыдзѣливъ свойго брата у полкъ. И бывъ чинов-нымъ капитаномъ. И забывъ Костя на брата свойго на Ваню. Иванъ прожывъ пятнадцатъ лѣтъ, нѣйкого чину аму не прыбувалѣтца,—усѣ ка-питанъ и капитанъ. Эхъ, говора: якъ жыть на свѣти не хорошо! вѣрно братъ забывъся на мяне! И думая сабѣ: што такое за штука злучилась? а жъ яго збавивъ отъ смерти, а ѣнъ мяне забывъ! Да що я здѣлаю: я не хочу служыть большы! Дявѣщикъ, поди-ка сюды!—Чаго, барынь? На-ка табѣ дватцатъ пѣть рублей и купи-ка лошадъ съ повозкой! Дявѣщикъ побѣжавъ, купивъ лошадъ и повозку. Являетца къ барыну къ своему: готова ужъ, барынь, лошадъ съ повозкой!—Ну, хорошо, дявѣщикъ,—ступай стаканъ водки выпѣ! Дявѣщикъ выпивъ стаканъ: благодару, ба-рынь!—А вотъ, забира-ка вещи, да уѣдомъ отсюль! Вотъ ямѣщикъ за-бравъ вещи, укладъ у повозку, сѣли и поѣхали. Ъхали яны нѣдѣлю, мѣсяцъ, и боляй, ѣхали повгода и годъ. Капитану етому не злучилось ничѣго хорошаго на дорози, и вышовъ у яго увесъ капиталъ: нема гро-шай ни у барына, ни у ямѣщика,—нѣ за що нѣхъ ни выпѣть, ни заку-ситъ. Видитъ капитанъ, стоитъ большы домъ трохъ-этажны. И на во-ротѣхъ на цѣпяхъ сѣягъ два ильвы. Дявѣщикъ, уѣжжай-ка у етѣй дворъ!—Ды што вы, барынь: а боюсъ,—етѣхъ львы насъ разорвутъ!—На бойсъ, дуракъ: ступай прамо, пошвѣдчай разгонѣй лошадъ толькѣ! Дявѣ-

щикъ погнавъ лошадь швидко. Львы етые схватили лошадь и разорвали. А капитанъ соскочивъ и дьянщикъ, и остались живы. Ну-ка, дьянщикъ! — Чаго, барынь? — Отчиняйка дверы, пойдемъ разыскавать, — можа чаго найдомъ попить, поѣсть! Вотъ и пошли по лѣсьвици; на самый вышній итажъ сошли. И ўвышли, — большая залъ; у етой зали стоитъ большій столъ, и ўсимъ нагружанъ: хлѣбъ ляжытъ, водка, ковбасы, говидина, вины, и ўсѣ, що треба. И посрадини стола кружитца кружокъ, и на етомъ кружкѣ ляжытъ большая трубка и табѣака. Ну вотъ, дьянщикъ: хорошо мы найшли! — Да, барынь, хорошо, да неколи намъ, барынь, тутъ рассмѣтривать, давай-ка ѣсть, — кожа болитъ! Вотъ яны сѣли за столъ; сѣли, выпили, по 'двой, по другой, по третей по малой. Подѣбли, закусили хорошо. Дьянщикъ! — Чаго, барынь? — Накладн-ка трубку съ табаконъ, запали, мнѣ подай! — Да дѣ жъ, барынь, трубка да табакъ? — Вотъ, дуракъ, — развѣ не бачишь? вотъ ляжытъ! — Да яно кружитца! — Возьми и накладн ету трубку да й подай мнѣ! Дьянщикъ бярэ трубку и накладаа табѣаки и подае барыню. Барынь бярэ трубку, дьянщикъ запѣлюа. Барынь разъ-два спыхнувъ, являетца съ потолка по поясъ отсѣчано чаловѣка: голова е ў яго и руки, и кровь течэ. И спускаетца съ потолка унизъ и ў горѣ, унизъ и ў горѣ, ажъ брызжы скачутъ крывавыя! Дьянщикъ спужався не напрасно, и сховався у тѣмный кутокъ тамъ, ти ў ящикъ куды. Иванъ Мядвѣдчій сынъ смотрѣвъ, смотрѣвъ: што за бѣсъ такой? схвативъ свою шаблю и ўдырмѣ по етымъ трупѣ. И нейзвѣсно, што йдѣ дѣлось, — бытто бы и не было ничого. Дьянщикъ, дѣ ты дѣвся? — А вотъ здѣсь, барынь! — Чаго туды сховався? — Барынь, спугався до смерти! — Вотъ, дуракъ! ня бойсь, ступай выпнй водки стаканъ! — Хорошо, барынь, благодарю васъ! Дьянщикъ выпивъ стаканъ водки и закусивъ опять по прежняку. Капитанъ говора: дьянщикъ, накладай-ка трубку ещѣ! — Боясь, барынь, коли бъ ещѣ якого чорта не было! — Ня бойсь, дуракъ! Дьянщикъ бярэ трубку, накладаа опять и подае барыню. Барынь закуруа трубку — и изновъ являетца — отъ пояса ноги, и съ потолка и до потолка, такъ скача, и ноги етыя пускаютца у пляски, ажъ брызжы скачутъ. Дьянщикъ изновъ спугався и изновъ сховався. Капитанъ схвативъ ною шаблю, якъ махнувъ — только брызжы полятѣли: якъ и не было ничого. Дьянщикъ, дѣ ты дѣвся? — Сховався, барынь! — Вотъ, дуракъ! поди сюда, ступай стаканъ водки пи! — Благодарю, барынь! — Да только смотри, не пужайся унярѣдъ! Только управились выпннть да закусить, ѣдя коляска шастерыкдмъ, и ўѣжджэая у етый дворъ, и просто подѣжджэая потъ крылѣ. Ускѣкуа съ коляски полковникъ якись и ўскѣкуа туды, икъ капитану. Здравстуй, господинъ капитанъ! — Да, здравстуй, господинъ полковникъ! — Што вы давно тутъ живете? — Никакъ, недѣвно! — Вы

ложка быть здѣсь скучали?—Да чортъ возьми, зачѣмъ же солдатъ буди скучать? Полковникъ говора: господинъ капитанъ, давай-ка выпьемъ!—Давай!—Выпили, закусили и покурыли. Полковникъ говора: господинъ капитанъ!—Што хочета?—Давай-ка у карты поиграемъ!—Да, да, да! давай-ка, говора, давай! Полковникъ говора: якъ же будешь гулять—у довгъ, ти на деньги? А той отвачаа: какой-чортъ у довгъ, давай на деньги! Полковникъ ставъ гулять зъ Иваномъ, проигравъ яму тысячи двѣ и боляй, а Иванъ яму ничѣго не проигравъ. Полковникъ проигравъ капитану десять тысячъ, и нема деаягъ, уже большы денегъ на лѣтя полковникъ. Полковникъ говора: господинъ капитанъ! давай ударимъ на коляску и на лошадей!—А давай, говора: будутъ у мене и деньги и лошади! Ставъ полковникъ гулять, проигравъ кучара и лошадей. Ахъ, говора: хорошо ты гуляешь, капитанъ! обыгравъ ты мене! Ну, дѣлать нечаго! Незвѣсно дѣ дѣвся полковникъ. Остався одинъ капитанъ да дьянщикъ. Дьянщикъ!—Чого, барыня?—Поѣдомъ! садимось у коляску да ѣдомъ, *вотъ* коляска наша и лошади наши! Вотъ и закутили,—такъ *що* стовпомъ пыль поднявся. И скорое ўремя яны проѣхали, злучився изновъ имъ другій домъ, такий же, только побольшы. И на етыхъ воротахъ уже чатыры львы. Якъ хватили стыхъ лошадей, и усѣ размяли, только остався одианъ капитанъ, а дьянщикъ и неизвѣсно идѣ дѣвся. Капитанъ идѣтъ у етый домъ. И оббѣгавъ увесь етый домъ, усюды пусто, и нема ничѣго. У самомъ низкомъ мѣсти дома етого бывъ большой котѣль. И висять угорѣ пузырь, и гудѣтъ у ѣмъ, и кричить: а! воть-куды попался, Иванъ Мядвѣдчій сынъ! я тябе, говора, доставъ у своѣ руки! Возьми ты у етый котѣль ули шездесять ведяръ воды, да ўсынь шесть крупинъ, да я зварю мѣ кашу! Ёнъ говора: чортъ возьми, якая тутъ буда каша, съ шасты крупинъ, съ шаздесяти ведиръ воды! Скипятивъ етый котѣль, кружатца етыя крупини по етой водѣ, а етый съ пузыря змѣй подладився, да яго прѣтомъ! И ёнъ здѣлався изновъ болваномъ, такъ, якъ и Костя.

Вотъ етый Костя уздумавъ на своего брата и пошовъ изъ гиньджаломъ своимъ. Ёнъ и пошовъ. Прышовъ на мѣсто, вынявъ свой гиньджаль, дыкъ ёнъ свѣтлый, такий же, якъ и бывъ, а братьвій вынявъ—тѣмный и ўвесь у крывѣ. Да, говора: братъ дѣсь попался хорошо! И обратився назадъ домой, поѣхавъ у полкъ разыскавать брата своего. И спрашуя у полку: дѣ дѣвся мой братъ, Иванъ капитанъ?—Неизвѣсно, говора, государъ: не знаемъ! Ёнъ журывся, що не мѣя вышшаго чину, ни прибавки жалованья, ничѣго, и не знаемъ, дѣ дѣвся! Костя подумавъ и жжалився; ахъ, идѣ бѣ мнѣ разыскать и узять трупъ яго! И ўѣхавъ у розыски. И пашовъ етый самый домъ. И якъ видя, що разорванныя лошади лежать и львы скуголють, просто бѣда, Костя говора: я вижу, що та-

кое!—Сычасъ у яго бывшая кольцо, котораго дьяволы боялись, духи злые, ёнъ показавъ. И ўсё его погибло. Тогда ёнъ пошовъ по етому дому. Ходивъ, ходивъ, ничего не нашовъ. Приходя у етйй нижный подвалъ етйй, и ў етожъ самомъ пузырь гудеть силно. Ооо!... говора: и ты, Костя, сюды понавси! убивъ ты мого брата и матку мою ўбивъ, говора: вотъ я таперь тебе страблю! Бяры-ка, носи шезьдесятъ ведяръ у котёлъ, и шесть крупинъ, и вары мѣ кашу! Ёнъ тогды: да, я извару табѣ кашу скоро! Двигъ кольцо скорѣй изъ руки! И пузырь етйй упавъ на низъ сичасъ. И стапивъ ёнъ свою шаблю и сѣкъ яго на мелкія части, етого бывшего змѣя. Тогды прѣтомъ удѣривъ ш своего брата в *мядѣ-аюдя*. Усхапились обѣ, стали живы. Иванъ говора: ахъ, братъ Костя: якъ крѣпко я ўснувъ!—Да, говора, братъ: ўснувъ ты, братъ, на вѣкъ, коли бъ не я табе ослобонивъ! И ўѣхали у своё царство. И братъ яго уже ожанивъ. И стали яны жыть да поживать, да по старому деняжки наживать. Згуляли свадьбу, и я тажъ бывъ, мѣдъ-вино пивъ, по бородѣ таяло, у ротъ не попадало капельки.

Д. Рудня, прибытковской в. юм. у. Константинъ Григорьевъ, 45 л. малограмотный. Бывалъ съ извозомъ въ Витебскѣ.

7. Иванъ Васильевичъ Стрѣлокъ.

Иванъ Васильевичъ дужа бывъ хорошій стрѣлокъ. И дошло до пана. Ёнъ потребовавъ его къ сабѣ, спрашивъ: 1) хорошъ, говоритъ, стрѣлокъ?—Хорошъ! говоритъ. Тогды ёнъ яго отпавивъ на ёгарскую, къ охотникамъ. И на заўтрашній день говоритъ: отправляйтиса на хвоту,— якъ ёнъ будить охотитца? Отпавлялись яны на хвоту. Увийшотши у лѣсъ, разыйшлися ўси ўрозъ и пусътили сыбакъ. Ну, тогда зъвыринѣ стала къ яму лятѣть: ёнъ на днымъ мѣстѣ стоючи набивъ усякія зъвырины бисъ ковца! А тые охотники ходили цѣлый день и въ вочи никого ня видили. Собрѣлись яны усѣ ўкучу и идуть домой, и нашли на етыго охотника. Ну, яны тогда смотрѣть, што у яго столько зъвырины разныя, а ў ихъ ничаго, яны мижъ собою говорятъ: ти ни подѣлитца ёнъ зъ нами, а то намъ стыдно пти домой. А можить быть мы другій разъ забѣмъ, а ёнъ нѣ! Ну, яны сейчасъ гыворѣть яму. Ну, ёнъ говоритъ имъ: возьмиця, пидѣлявця мижъ собою по сколько приѣдетца, да пойдѣмъ домой. Приходють домой. Сейчасъ доложили пану, што пришли охотники съ охоты. Выходить къ имъ панъ; пыздорбквуся и спрашивъ у ихъ: *какъ* новый охотникъ занимайтца? Яны отвичають яму: хорошъ охотникъ, говорють! Ёнъ отпусътивъ денникъ на вотку, а заўтра,

1) Мягкое д изображасяъ буквою д, мягкое т буквою й.

говорить, опять отправляйтесь! Яны пошли, выпили, повужинили, дали яму хватуру у вы вдовы. И у яе бывъ только одинъ мальчишка. Назаўтраго, уставши опять отправились на хвоту. Ну, ёнъ цѣлый день ходивъ и у глаза никого ня видивъ, етйй новый охотникъ. Етме забили каждый, а ёнъ никого не забивъ. А яму што назначена была зъвирива покуль будить жить, дыкъ ёнъ яе побивъ за динъ день. Собрались яны итить домой. Ну, яны сами межъ собою выдѣлились. Приходятъ домой, опять доложили паву. Памъ выходить къ нѣмъ и спрашивать ихъ: ну што, говоритъ: хорошъ новый охотникъ? Яны отвчаютъ: хорошъ! Ну, тоды ёнъ отпустить нѣмъ Денихъ на вотку: выпить, говоритъ, повужинить, отдыхать, а назаўтраго опять отправляйтесь! Яны выпили, повужинили и легли спать. Назаўтра пувутру опять отправились на хвоту. Ну, и день проходилъ ёнъ и никого не забивъ. И надумався самъ собою: што ето такое? Никогда етого не было! Заўтра ўстану рано и ўтоплюся у моря! И ае дожидаячи охотниковъ, отправився на хвартёру. Пришовъ ето ёнъ на хвартёру, припочивавъ. Назаўтраго утромъ, уставши, отправився къ морю. Пришотши къ морю, сѣвъ на берегу, и думать ёнъ раздѣватца. Глянять у горъ, видить, лѣтитъ три вутки. Тода ёнъ беретъ ружжо и думать: ахъ, Господи! штоба убивъ пару вутокъ, дыкъ ба самъ не топився! Только узавъ ружжо, хотѣвъ прикласьтиси и ударить, яны опустились на берегъ и зѣдѣлись дѣвицами. Раздѣлись и пошли у мѣра купатца. Ёнъ тоды тихинъ вобразомъ поткрався, и узавъ одной дѣвицы, самой меньшей сестры, платьѣ, в самъ скрився. Етмя вылезли на берегъ, одѣлись и вылаѣли, а етой нѣтъ платьѣ, и ина осталася тутъ. Ина ходить по-берегу, и спрашивать: кто платьѣ моё узавъ? окаясь, ня бось, говоритъ: старый чловѣкъ—то отецъ мой, мѣни зы мяне—будишь братъ мой, урѣви со мной—будишь мушь мой! Ну, ёнъ сейчасъ вышнавъ съ платьемъ и отдавъ ей. Ну, ина одѣлася и говоритъ яму: вотъ, ты тѣперъ будишь мушь мой! И приходи заўтра у девить часовъ утра на ето мѣсто: ежели ты прежде зы мяне, ожидай мяне, а ежели я прежде, то я буду ожидать тябе! Сама попрощалася, полатѣла! Узавши и ёнъ пошовъ на хвартёру. Назаўтра утромъ собираетца ити опять на тое мѣсто. А яго хозяйка была волшебница. Ина ето дѣло узнала, што зы нѣмъ бывъ случай такой. Ина отправляеть мальчишку своего зы нѣмъ, штобъ ёнъ не допустить яго до ёй. Ёнъ, идучи дорогую, говоритъ етому мальчишки: воротись, убью! А ёнъ говоритъ: бей, дыкъ бей! а я отъ тябе ни 'стануся. Приходятъ на той берегъ, ёнъ сейчасъ, етйй солдатъ, сѣвъ, ружжо поклавъ. Мальчишка етйй коло яго давай булуватца. Узавъ яго за голову. Якъ только узавъ ёнъ яго за голову, дыкъ етйй солдатъ заснуетъ

у яго на колёніхъ. Сейчасъ яна падымжае на караблі на мори, закинула икоря и вышла на берахъ съ карабля. Видіть, што ёнъ спить, на колёніхъ у мальчышки, будіть ёй яго вилизя, дыкъ надумалыся—написала записку: ежели, заўтра, идучи дарогую, ты не убьёшь етого мальчышку, то ты мяне не ўвидишь, а я цябе! Тоды падходіть къ ямъ ива и спрашійть у мальчышки: хто ето сыпнть у цябе на колёніхъ? Мальчыкъ отвичаіть: не тревожтя яго, ето солдаты, ёнъ ужо уморився! Тода яна ету записечку за галстукъ ззаду заторкнула, и говоріть: пусь сыпнть изъ Богомъ! Сама отпавилась, сѣла у карабъ и отпавляетца по мори. Тода ёнъ, нямого поспавши, прошпувсь, и спрашійть у мальчыка: што, говоріть, здѣсь нікого не было? Мальчыкъ яму отвичаіть: нѣтъ! нікого не было. Ну, яны отпавились дохой. Тода, пришотши домой, ставъ ёнъ раздѣиватца: расьтѣгнувъ галстукъ, ета записка ушала на землю зъ-за галстука. Ёнъ сейчасъ яе подхвативъ, прочитавъ, видіть, што яна въ етой записки пишиць: ежели ты заўтра не ўбьёшь яго дарогую, приходишь изъ имъ, дыкъ ты мяне не ўвидишь, а я цябе. Ну, на заўтраго утромъ собираетца ёнъ опять ити; и мальчышка изъ имъ собираетца ити. Ёнъ яму отвичаіть: ня йди, говоріть, убью! А ёнъ говоріть: бей, дыкъ бей! коли убьёшь, тода не пойду! Ну, ёнъ, узавши, пошовъ, и мальчышка етый пошовъ изъ имъ. Ёнъ, нямого отыйшовши, говоріть: ня йди, воротись, а то убью! А ёнъ отвичаіть: бей хуць сейчасъ; потуда буду ити, покуль убьёшь! Ну, ёнъ тоды зложивсь зъ ружжа и убивъ яго. Приходіть на берахъ, яна ужо ходіть по берегу. Здравовкатца изъ имъ и говоріть: вотъ ба надась ящо ето зыѣльнвъ. Ну, тода яна отвичаіть яму: сядимъ у карабъ, поѣдимъ у моё царство! А ёнъ отвичаіть ей: и не могу отпавитца у ваша царство, я присягавъ Богу и великому государу служить вѣрно. Отслуживши, получивши оставку, въ тоды я могу! Ёй а тяперича, говоріть, поѣдемъ у моё царство! И идѣ: штъ мы етый карабъ поѣднимъ? А яна отвичаіть: ето карабъ нашъ! Сейчасъ вышла платокъ съ кырманъ, махнула платкомъ, карабъ етый нивисъ идѣ дѣвсья—не стало карабля на мори. И оддала яму етый платокъ у карманъ. На, говоріть: спрляч у карманъ! Тоды и пошли у етый городъ. Пришотши у городъ, ступай, говоріть, найми хвартѣру, помиръ самый первый, и што будутъ просить за номиръ, удвоа давай, денъгами не стѣсьняйся, хватіть зъ насъ! Ну, тоды ёнъ нанавъ номиръ. Прожили яны на етой хвартѣри нядѣлю, ну, тода яна говоріть яму: ступай явисъ пану! ты сколько ўремя не являвсь, винувать будешъ! И проси пана, кабъ ёнъ позволивъ табѣ жавитца! Ну, ёнъ отпавивсь къ пану. Сейчасъ докладають пану, што пришовъ къ яму охвотникъ молодой. И выходіть къ яму панъ, ныздоровкувавсь и спрашійть у яго: што, гово-

риѣ, нужно табѣ? Ёнѣ говоритѣ: паночикѣ, хотѣвъ васѣ беспокоитѣ: проситѣца, кабѣ вы позволили жавитѣца!—Хорошо, говоритѣ: я стѣмѣ до-
воленѣ, што моѣ слуги будѣтъ жавитѣца тутѣ! Тодѣ ёнѣ говоритѣ: паночикѣ, хто мнѣ дасѣ кѣ священникѣу записку, кабѣ повинѣчавѣ мяне?
Панѣ сѣвъ, самѣ записку написавѣ кѣ священникѣу, што привинѣчатѣ
такого-то егара! Приходитѣ ёнѣ на хвартѣру кѣ своей дѣвушки. Ина
спрашитѣ яго: што панѣ отвѣтивѣ хорошаго? А ёнѣ говоритѣ: ничаво!
слава Богу! Ина спрашитѣ: што, позволивъ жавитѣца? А ёнѣ отвѣчаитѣ:
позволивѣ! самѣ записку кѣ священникѣу написавѣ!—Ну, ступай, гово-
ритѣ, кѣ священникѣу, нясѣ ету записку, на якѣй день ёнѣ скажитѣ
прѣѣжжати подѣ вянецѣ, и што будѣтъ проситѣ за вянецѣ? Коли бу-
дитѣ проситѣ пять, давай десѣтъ, и коли десѣтъ, давай дватѣцѣтъ. Ну,
ёнѣ пошовѣ кѣ священникѣу. Сейчасѣ приходитѣ кѣ священникѣу и под-
носитѣ яму записку. Священникѣ поладѣвъ ету записку, говоритѣ:
хутѣ сейчасѣ прѣѣжжайтѣя, привинѣчаю!—А што возмѣтитѣ, батѣюшка, за
тудѣ? А ёнѣ отвѣчаитѣ: ни нужно мнѣ ничего! Ёнѣ говоритѣ: я денѣги
буду платѣтъ ни панѣскѣя, а свое! За тудѣ, батѣюшка, надо! Я самѣ
служащѣй чловѣкъ! Ну, ёнѣ яму давѣ денѣгѣхѣ, а самѣ отправивсѣя на
хвартѣру. Приходитѣ домой, ина спрашитѣ яго: што батѣюшка говоритѣ?
А ёнѣ говоритѣ: а ни за батѣюшкомѣ! Батѣюшка говоритѣ, хутѣ сейчасѣ
прѣѣжжайтѣя! Ну, дыкъ нечѣго медѣлятѣ, надо людѣй зватѣ и будитѣ
сыбиратѣца и поѣдѣмѣ подѣ вянецѣ! Ну, яны позволѣли людѣй. Собралисѣ
и поѣхѣли подѣ вянецѣ. Привинѣчалисѣ и згуляли свадьбу. Тодѣ ина
говоритѣ хозяйкѣу своейму: ступай кѣ пану и просѣ пана позволѣнѣя, кабѣ
позволивѣ на плацу пострѣитѣ намѣ сабѣ домѣ! Ёнѣ отправивсѣя. При-
шовѣ. Докладаютѣ пану, што пришовѣ егарѣ, што недавно жавивсѣя! Вы-
ходитѣ панѣ кѣ яму и спрашитѣ яго: што табѣ нужно? Ёнѣ отвѣчаитѣ:
паночикѣ, я пришовѣ проситѣ васѣ, кабѣ позволили выстрѣитѣ домѣ на
плацу! Ёнѣ говоритѣ: на што стрѣитѣца? вотѣ ёсѣ домѣ панѣскѣе ка-
менныѣ, живѣ! А ёнѣ отвѣчаитѣ: нѣтъ, паночекѣ, я хочу самѣ пострѣитѣ
сабѣ домѣ на плацу!—Ну, какѣ хочѣишѣ! Ёнѣ отправивсѣя домой. Прихо-
дитѣ на хвартѣру, спрашитѣ хозяйка: што панѣ отвѣтивѣ? А ничего, го-
воритѣ—позволивѣ пострѣитѣца. Ну, яны собралѣлисѣ и пошли на плацѣ,
только узѣли сѣ собою топорѣ, лопату, вярѣвки. Пришли на плацѣ,
обобрали сабѣ мѣсто и разѣмѣрили, идѣ стрѣитѣ компанѣы, амбарѣы, цуни,
конюшни. Ну, тодѣ, узѣли вярѣвкѣу разѣмѣрили, и позабили колѣчки по
разѣмѣру. И тода ина говоритѣ: ну, душечка, отдохнѣмѣ пѣмного! И ёнѣ
лѣхѣ, и скоро ёнѣ уснувѣ. И ти много спавѣ, ти жадо, то устаѣтъ
ёнѣ, видѣтъ усѣ ето настроѣнно. Ина сейчасѣ бярѣтъ яго за руку, вя-
детѣ у комнѣты и говоритѣ: вотѣ, душѣнька, наша работа, што мы

жѣрили! Ну, пожили яны тамъ зъ нѣдѣлю. Ина тогда говорить: ну, душевѣска, нужно явитца къ пану, кабъ ѣнъ пѣ сердѣвсѣ, што довго не являвсѣ! Ёнъ отвѣчати: а вотъ, душевѣска, только напѣюся чаю, пойду! Ина говорить: што, душевѣска, пойдѣти пѣшшу: ти у насъ лошадей нема, ти што? Вотъ ина сейчасъ выходѣть на крыльцо и кричитъ: кучирь! запрягай чатьвѣрку лошадей, и почище убирать! Ёнъ отвѣчати: слушаю, государыня! Ну, яны напилиси чаю, ина говорить: вотъ, душевѣска, садѣтсѣ и пѣѣжайтѣ! Ёнъ сѣвѣ, и отправивсѣ къ помѣщику. Подѣѣж-жантѣ подѣ панѣвскій дворъ, тутъ уси увидали дворовые, и думала, што ѣдѣть сѣ чужѣй зѣмили якій небудѣ посланецъ, или принцъ, или князь, потому што у нашихъ царствѣи такой уприжи нѣтъ. Всѣ выпли чѣсѣ отдыватѣ, Ёнъ, подѣѣхавши къ крыльцу, высочивъ къ нимъ. Тутъ глѣдѣть уси и удивилисѣ, што ето ѣхавъ такъ егаръ. Тоды сейчасъ докладывають помѣщику, што оявивсѣ егаръ. Выходѣть панъ къ яму, смотрѣть на яго лошадь, на яго упришъ, и зоветъ яго сѣ собою у комнаты, и говорить яму: скоро ты, братъ, другъ выстрѣвсѣ! А ёнъ отвѣчати яму: ето ни я выстроивъ, а жана моя! А при етымъ панъ бывъ удо-вецъ. Дыкъ ёнъ проситъ яго: милосѣти прошу прибыть заўтра жъ жа-щю! Ну, ёнъ сѣвѣ на своихъ лошадей и отправивсѣ домой. Прѣѣжжа-ютъ домой. Ина сейчасъ выскакнѣть у спрашѣиъ яго: што панъ отвѣ-тивъ хорошее? Ёнъ говорить: ничего ни 'тѣѣтивъ, только просѣвъ при-бытъ жъ жаною къ яму заўтра. Ина говорить: дыкъ што шъ тамъ та-кое? дыкъ и поѣдѣмъ! Назаўтраго утра уставши, чаю напилиси, ина вышла на крыльцо и гукантъ: кучирь! возьми, запряги шѣсѣтирикъ лошадей, почище убобратъ! Ёнъ говорить: слушаю! сейчасъ готовы будутъ! Запрѣхъ ёнъ лошадей, и яны вышли, сѣли и поѣхали. Прѣѣхали къ пану. Якъ ёнъ, панъ, бывъ удовецъ, а ина дужа краси-вая, то ёнъ захотѣвъ яе узѣтъ. Ну, яны тамъ пыгосѣтили, пыгосѣтили, ну ёнъ яе хутъ ба и хотѣвъ узѣтъ, ды безъ вины шъ яа можно,—хутъ сабѣ ёнъ и панъ, а той я егаръ. Ну, ёнъ отправивъ ихъ у дворъ. То-да сѣвѣ самъ и задумывсѣ, якую бѣ вину найтѣти на яго, истребитъ яго, и жану узѣтъ за сябе. Въ то время выскакнѣть *дулицѣй* и гово-рѣть: павокъ! я знаю объ чомъ вы задумылисѣ! Ёнъ отвѣчати яму: объ чомъ?—А, говорить: и знаю объ чомъ—объ егарской жанѣ! А вотъ я знаю яму службу, дыкъ ёвѣ службы етой ни пѣйдѣти и ни прѣдѣти, а хутъ и прѣдѣти—дыкъ ваша мѣчь—яго голова сѣ плечъ! Вотъ пусѣтъ прилѣсѣтъ вамъ ворона, кабъ было зылотѣе парѣ и сѣребриное! Дыкъ стѣкихъ птицъ иѣту, дыкъ ёнъ—хутъ ёвѣ и прѣдѣти, дыкъ ви прилѣсѣтъ! Сейчасъ помѣщикъ требуиъ сѣгара. Ёнъ явля-итца къ помѣщику. Объ чомъ, паночекъ, требуиъ? Ёнъ отвѣчати яму:

вотъ табѣ ёсь служба! Ёнъ спрашнѣть: якая служба? Ёнъ говоритъ: ступай, приняся мнѣ ворона, штобъ было зылотое паро и сребринное паро! А кыли ни принясешъ, дыкъ моя мечъ, а твоя голова съ плечъ! Ёнъ изъ етыѣ отправився домой. Идучи до дому, сильно заплакавъ. Ина сейчасъ выскакыть на крыльцо и спрашнѣть яго: объ чомъ, душечка, плачнѣть? Ёнъ отвчнѣть ей: какъ жа мнѣ ни плакатъ? У кого жонки хороши бывають, то тому постоянно такъ быванѣть, што головы съ плечъ зылтають! Ина яго уводѣть у комнаты и спрашнѣть: скажи, што ето за такое? А вотъ, говоритъ: сказавъ панъ: достанъ ворона, штобъ зылотое паро и сребринное, а коли, говоритъ, ни достанишь, то мой мечъ, а твоя, говоритъ, голова съ плечъ! Ина говоритъ: да, саѣлся обѣдать, ложнѣя оддыхатъ; у насъ садъ вяликъ, у саду разныхъ птицъ много, можжа бытъ и найдѣмъ. Ёнъ побѣдавъ и лѣхъ спать. Спавъ ёнъ ти много, ти мало, только проснувся—видѣть, воронъ етѣй ходѣть по комнаты. Ина отвчнѣть яму: вотъ, душепъка, и ёсь! Устанѣтья, напнѣться чаю и отнѣснѣть пану ворона! Ёнъ уставъ, помывся, чаю напнѣлся и повѣсь етого ворона помѣщнѣку. Приноснѣть помѣщнѣку, яму доложили, што принѣсь егаръ ворона. Ну, ёнъ сейчасъ выхѣдѣть и говоритъ: пускай ворона, а самъ отправляйсѣя домой! Ёнъ опятъ сѣвъ и думнѣть, якъ штобъ яму здѣлать такое? Опятъ выхѣдѣть думнѣй и говоритъ: объ чомъ вы задумылисѣя? Я, г. говоритъ, знаю объ чомъ. Вы, говоритъ, объ егарской жанѣ задумылисѣя! Вотъ я, говоритъ, знаю яму службу! Ёнъ спрашнѣть: какую?—А вотъ, говоритъ, пустьъ привадѣть вамъ козу—шарсѣтнѣнка зылотая и кабѣ шарсѣтнѣнка сребринная, зылотоѣ рохъ и сребрннѣй рохъ! Ни доставнѣть ёнъ вамъ, дыкъ ваша мечъ, а яго голова съ плечъ, а вамъ жана останнѣца! Ёнъ сейчасъ требунѣть етого егара. Ёнъ являнтца къ яму и спрашнѣть яго: объ чомъ, говоритъ, требунѣть?—Вотъ, говоритъ: у тебе ёсь служба! Доставъ мнѣ козу, кабѣ была зылотая шарсѣтнѣнка и сребринная, и зылотоѣ рохъ и сребрннѣй рохъ! А ни доставнѣшь—мой мечъ, твоя голова съ плечъ! Ну, ёнъ отправлянтца оттуда. Прихѣдѣть домой. Жана спрашнѣть яго: што, говоритъ: объ чомъ панъ требувавъ?—Вотъ, говоритъ, объ чомъ: штобъ доставнѣвъ козу—шарсѣтнѣнка зылотая и шарсѣтнѣнка сребринная, зылотоѣ рохъ и сребрннѣй рохъ, а коли, говоритъ, ни доставнѣшь—мой мечъ, табѣ голова съ плечъ! Ина говоритъ: ето ничего! ящѣ подумымъ! обѣдай, ложнѣя спать! Ёнъ побѣдавъ, лѣхъ спать. Прочнувся, поладнѣть—коза ужѣ ходѣть по комнаты. Вотъ ина говоритъ: устанѣтья, умнѣться, чаю напнѣться, зываднѣть козу яму! Ёнъ уставъ, умывся, чаю напнѣлся и повѣвъ. Привѣдѣть къ пану. Сейчасъ докладують пану, што егаръ привѣвъ козу! Ну, панъ сейчасъ выхѣдѣть. Смотрнѣть на ету козу и говоритъ яму: отправляйсѣя домой! Ёнъ отпра-

вися. Ёнъ онятъ задумывся: што тутъ дѣлать? ни якимъ родомъ яму, ничего ни поѣдѣишь! Тогда выходѣтъ третїей думчїй. Вотъ ёнъ говоритъ: объ чомъ, говоритъ, задумалися? Я знаю, объ чомъ вы задумалися! Вы задумалися объ егарской жанѣ! Вотъ, говоритъ: послаѣть яго туда, ды нима вѣдома куда, пустьъ принясѣтъ то, ды нима вѣдома што! Вотъ етого, говоритъ, нїйдѣ у сьвѣти нима. Дыкъ якъ пойдѣтъ, етого ни найдѣтъ, и такъ придѣтъ, дыкъ ваша мечъ, яго голова съ плечъ! Ну, ёнъ требуѣтъ яго. Ёнъ сейчасъ являѣтца и спрашѣтъ: объ чомъ требуѣтъ? Ёнъ отвѣчаѣтъ яму: вотъ, говоритъ: ёсь у тябе служба. Ёнъ спрашѣтъ: якая? А ёнъ говоритъ: вотъ, ступай туда, ды нима вѣдома куда, приприси то, ды нима вѣдома што! Ну, ёнъ отправився домой. Приходѣтъ домой. Жана и спрашѣтъ яго: объ чомъ ето панъ требуѣтъ? А вотъ, говоритъ: говоривъ панъ, што иди туды, ды нима вѣдома куды, приприси то, ды нима вѣдома што!—Ну, садисъ, говоритъ, обѣдай, ды ложися спать. А вутро бываѣтъ мудренѣй вечера. Ну, назаўтраго ўстали яны утромъ, посьѣдали. Жана говоритъ яму: ступай къ пану, пусь дасъ билетъ, бизъ билета иѣти нилъзя. И говоритъ: пусь такъ билетъ пишиѣтъ, якъ я скажу: нехай напишиѣтъ годъ за повгода, мѣснцъ за повмѣснца, часъ за повчаса, минута за повминуѣты, сикунъ за повсикунѣа,—выпишиѣтъ такой билетъ, тогда и отправисѣся! Ну, являѣтца ёнъ къ помѣщику; докладываѣтъ помѣщику, што егаръ пришовѣ! Ёнъ выходѣтъ къ яму и спрашѣтъ: што табѣ нужно? Ёнъ отвѣчаѣтъ: нужно мнѣ билетъ!—Ну, говоритъ, сейчасъ будѣтъ готовъ! А ёнъ говоритъ: нѣтъ, говоритъ, ни такой билетъ, якой выдаѣтца, а такой, якой я скажу! Ну, ёнъ отвѣчаѣтъ: ну, говоря, какой табѣ нужно?—А вотъ, говоритъ, нишиѣтъ билетъ: годъ за повгода, мѣснцъ за повмѣснца, часъ за повчаса, минута за повминуѣты, сикунъ за повсикунѣа! Ну, отправляѣся домой, а когда выпишимъ, тогда мы потребуѣмъ. Ну, ёнъ отправився домой. Яны никакъ не могли сыставѣтъ лму билета етого. Ето дѣло прошло три годы. Ну, наповся такой писаръ, што выписавъ билетъ яму. Ну, сейчасъ требуѣтъ яго помѣщикъ. Ёнъ являѣтца и спрашѣтъ: объ чомъ требуѣтъ? А вотъ, говоритъ, табѣ билетъ. Ёнъ получивъ билетъ, и отправився домой. Приходѣтъ домой, жана и спрашѣтъ: што, говоритъ, выписали билетъ?—Выписали!—Ну, садисъ, говоритъ, обѣдай, ды ложися спать, вутро бываѣтъ мудренѣй вечера. Ёнъ побѣдавъ и лѣхъ спать. Назаўтраго утра уставши, чаю пивши, посьѣдали, и отправляѣтъ ина яго у нуть шукать егыхъ вящей. Увизала яму у дорогу харчей, и дала рушникъ, и пускаѣтъ клубочикъ: куды етѣй клубочикъ будѣтъ каѣтца, туды и ты ступай; идѣ етѣй клубочикъ подѣ воротѣ подкѣтитца, тамъ и ночуй. Уставши, ни чїимъ рушникомъ ни уѣираѣся, только моимъ!

Ну, ёнъ отправився у пуць. Ишовъ ёнъ много, ти мало, ето низъ-вѣсно, выходить на полянку. Видить, стоять чугунный домъ. Ёнъ по-дойшовъ къ етому дому, сейчасъ етъ: клубочникъ подкадился подъ ворота. Ёнъ стучить у ворота. Выскакиють дѣвица и спрашиваютъ: кто тамъ? Ёнъ отвѣчаютъ: егарь русскій!—Што табѣ, говорить, нужно?—Отвори́я ворота, пустьи́я на нычъ!—Погоди, говорить, спрошу у барышни. Тогда ина ускакни́тъ и говорить: барышня, русскій егарь про́ситца на нычъ! Ну, говорить: пустьи́ яго, накорми яго, напои, и спать положи, пусть оддыха́тъ, ёнъ съ походу утомился! Ина яго упусти́ла, накормила, напоила и спать положила! Назаўтраго устае́тъ ёнъ повутру, умылся, вынима́тъ свой рушникъ и утира́нца. Эта служанка уви́дила и побѣжала къ барышни: барышня, говорить, егарь вашимъ рушникомъ утира́нца. А ина говорить: нѣтъ, мой рушникъ зѣдѣсь! Тогда сейчасъ выходить барышня у кухню и спрашиваютъ яго: а и́дѣ ты узавъ етый рушникъ? А ёнъ отвѣчаютъ ей: эта мнѣ жана дала. Ина сейчасъ броса́етца къ яму и здоро́вкуетца: ето, говорить, рушникъ сестры моѣ малыя. Сейчасъ яго у комнату, стали пить, гуля́тъ—такъ ёнъ уремя у не провѣвъ пошти мѣсяцъ. Тогда ина уздумала, спрашиваютъ: куда шъ ты идѣшъ, куда шъ тебе Богъ насѣтъ?—А вотъ, говорить, пославъ помѣщикъ: иди́ туда, дн пима вѣдома куда, принеси то, дн назъвѣсно што.—Ну, што шъ ты гуляи́шъ? табѣ шъ давно надо было отпра́вля́тца! Сейчасъ выправля́иъ яго, дае́тъ ина яму клубочникъ—куда етъи́ клубокъ буди́тъ катитца, туда и ты ступай! И́идѣ ни ночуй, поимю и́дѣ клубочникъ подкѣ́титца подъ ворота, тамъ и ночуй! Ну, выходить ёнъ узнова на полянку, видѣтъ, стоять домъ мѣдный, огромный, а етъи́ ящо больший. Подкѣ́тился клубочникъ подъ етъи́я ворота. Ёнъ стучи́тца у ворота. Выскакиють дѣвица и спрашиваютъ у яго: кто тамъ? Ёнъ отвѣчаютъ: егарь русскій, на нычъ! Ина говорить: сейчасъ спрошу у барышни! Сейчасъ ускакни́тъ и говорить: барышня, русскій егарь про́ситца на нычъ!—Ну говорить, пустьи́ яго! Напои, накорми и спать положи! Ина сейчасъ открыва́иъ ворота и упусти́ла яго. Напоила, накормила яго, и спать положила. Назаўтраго утро́мъ устае́тъ, сейчасъ одѣ́лся, умылся, вынима́тъ свой рушникъ, утира́нца. Дѣвица уви́дила етого рушника, побѣ́гла сейчасъ къ барышни. Барышня, говорить: егарь вашимъ рушникомъ утира́нца.—Нѣтъ, говорить: мой рушникъ зѣдѣсь. Ина сейчасъ уходи́тъ на кухню и спрашиваютъ у яго: а и́дѣ вы етый рушникъ узяли?—Ето, говорить, мнѣ жана дала! А ина говорить: ето моя сестра! Ну,

яны поздорѣкылиси, ина яго сейчасъ узила, повила съ собою у комнату, тамъ напилися чаю, посьнѣдали. Ина яго спрашнѣть: куда шъ ты идешъ? куда тѣбе Богъ ясѣтъ? Ёнъ отвичаѣтъ: што пославъ помѣщикъ: иди туда, ды нывѣдомо куда, прняси то, ды нывѣсно што. Ина яму отвичаѣтъ: што шъ вы гулянтѣ? да вамъ давно нужно отправлѣтца! Ина сейчасъ отправлѣтъ яго, даѣтъ яму клубочикъ, и говорѣтъ яму: куды ёнъ будѣтъ катѣтца, туды и ты ступай. Нйдѣ ни ночѣй, помню, куда клубочикъ подкотѣтца подъ ворота! Ёнъ и пошовъ. Ишовъ ёнъ много ти мало, нывѣсно, скоро дѣло кажатца, ну только ня скоро дѣлѣйтца. Вышовъ ёнъ на поляну—видѣтъ домъ сѣребринный огромнѣйшій. Подходѣтъ къ яму, сейчасъ клубочикъ подкатѣвся подъ ворота. Ёнъ стучѣтъ у ворота. Сейчасъ выскакытъ дѣвица и спрашнѣтъ: хто тамъ? Ёнъ говорѣтъ: егаръ русскій, пусѣтѣтя нѣ нычѣ!—Погоди, говорѣтъ, спрощу у барыни. Сейчасъ ускакытъ ина: барыня, русскій егаръ просѣтца нѣ нычѣ! Ина говорѣтъ: пусѣтя! напоѣй яго, накорми, посьѣтелю посьѣтали, пусѣ оддыхаѣтъ! Ина яго пусѣтила, напоѣла, накормѣла и спѣтъ положила. Назаўтраго утромъ, уставъ ёнъ, одѣвся, умывся, вынѣвъ рушникъ свой, утираѣтца. Дѣвица увидала ето, сейчасъ побѣжала къ барыни: барыня, говорѣтъ, егаръ вашѣкъ рушникомъ утираѣтца! Ина говорѣтъ: нѣтъ, рушникъ мой зѣдѣсь. Сейчасъ, барыня уходѣтъ на кузю. Спрашнѣтъ у яго: идѣ ты етѣй рушникъ узѣвъ? Ёнъ отвичаѣтъ: ето мѣѣ жана дала!—Да, ето дочкѣ моѣ малыя рушникъ! Ну, тоды ина гукѣтъ: дѣвка, говорѣтъ: вѣди яго у комнату, пусѣтъ чаю напѣѣтца, и дай яму посьнѣдытъ. Ина яго увила у комнату, чаемъ напоѣла, накормѣла, и тоды ужо тѣща яго спрашнѣтъ у яго: куды идешъ? куды тѣбе Богъ ясѣтъ? Ёнъ отвичаѣтъ: пославъ помѣщикъ: што иди туды, ды нима вѣдома куды, прняси то, ды нывѣсно што. Тода ина отвичаѣтъ яму: оддохни шъ ты нѣ много, а я пойду узнаю, ёсь ли ето идѣ, или нѣтъ! Сейчасъ ина вышѣла за ворота, сейчасъ якъ съвиснула, крикнула, позъѣлѣтъ усѣѣ птицы, идѣ которыя ни быѣли, усѣѣ позъѣлѣтъ. Здорѣвкуютца: здравѣя жалаѣтъ, барыня! Объ чомъ требунѣтя насѣ? Ина отвичаѣтъ: вотъ, говорѣтъ, ходѣтъ русскій егаръ, пославъ яго помѣщикъ, што иди туды, ды нима вѣдома куды, прняси то, ды нывѣсно што. Вы летѣнтѣ, говорѣтъ, по лѣсахъ, по мохахъ, по болотѣхъ, ти ни знаѣтъ, ти ня вѣдыѣтъ етого дѣла? Яны отвичаѣтъ: нѣтъ, и ни знаѣтъ, и ня вѣдыѣтъ! Ина опѣтъ якъ съвиснула, якъ крикнула, сейчасъ бѣгѣтъ звѣварѣѣ, усякѣя гады, и зѣмѣи, и люгашки. Яны здорѣвкуютца изъ ёю:

здравія жалаимъ, барыня! Объ чомъ насъ требуи́тъ?—А вотъ, говорить, ходи́тъ русскій егерь, пославъ помѣщикъ: нѣи туда, ды нывѣдомо куда, приняси то, ды нязвѣсно што. Ти ня вѣдыи́тъ, можа бытъ: вы шъ ходи́тъ по лѣсахъ, по мохахъ, по болотахъ, усядахъ! А яны отвичаю́тъ: нѣтъ, ни знаи́мъ и ня вѣдыи́мъ! Одна лягушка отвичаи́тъ: знаи́тъ, говорить, ни знаи́тъ: ёсь лягушка старушка, кода ета знаи́тъ, дыкъ знаи́тъ, а боли никто ни знаи́тъ. А барыня говорить: а зачимъ жа иня ни пришла? А ета отвичаи́тъ: яе дома нѣту!—А гдѣ шъ иня?—Къ морскому раку на виселья ушла!—Сейчасъ жа ступай за ею, штобъ сию мину́ту тутъ была! Ну, сейчасъ иня являи́цца. Объ чомъ, барыня, требуи́тъ?—Вотъ, говорить: ходи́тъ русскій егерь, пославъ яго помѣщикъ, што нѣи ты туда, ды нывѣдомо куда, приняси то, ды нязвѣсно што,—ти ня вѣдыи́шь ты? А иня говорить: а, знаю! Гукни́ти-ка егара того! Сейчасъ позвали егара. Ёнъ выходи́тъ къ ей. Иня яму говорить; садясь на мяне полехчи, и дѣржись покрѣпчи. Ёнъ сѣвъ. Иня якъ заскакала, дыкъ никакая птица ни справитца изъ ею лѣтъ, ни то бѣчь. Занисла яго такъ далеча, што ёнъ самъ ни знаи́тъ куда! Тогда иня якъ скакнула, ёнъ зъ яе ўпаеъ, и на кўпину сѣвъ. А лягушки нѣтъ, остався оди́нь. И сядѣвъ ёнъ до этого, што и заночувавъ. И просѣдявъ ёнъ тамъ три дня. Ни знаи́тъ ёнъ, куды вый́ти, только видно одно небо. На чатьвѣртый дѣнь, у павднѣ, чуа́тъ—звѣни́тъ колоко́лъ. Ёнъ думаеъ, што вотъ тутъ яго хто убаеъ. Подѣ́жжаятъ ёнъ къ яму ближи, и говорить: Нито, выстрой каба́чокъ, пони́тъ да поѣсьи́ етому госпо́дину. Нито сейчасъ нлѣснуеъ у руки, сейчасъ выстрѣи́вся каба́чокъ. Тогда етый господинъ сѣди́цца, пѣеъ и закуси́тъ; а етый егерь сѣди́тъ на печки за трубою, и прячи́цца, бѣи́цца, каеъ етый господинъ ни 'тколо́тяеъ яго, чаго ёнъ на печку забрався. Етый господинъ напиеъ, ва́ввся и говорить: Нито! убирай ето! И самъ усьсѣвъ на лошадей и поѣхавъ. Етый Нито уобрази́въ усеъ, и егерь опя́тъ сѣди́тъ на кўпинѣ. Тогда захотѣлось етому егару ѣсьи́. Нечиго яму ѣсьи́, и тогда спраши́тъ: Нито! А ёнъ отвичаи́тъ: чаго изволи́тъ!—Нѣтъ ли чаго поѣсь? хотъ хлѣба кусо́къ? Ёнъ отвѣчаи́тъ: егерь, ды глупый! какое ўре́мя сѣди́тъ, и ня можити спроси́тъ поѣсьи́ чаго. Сейчасъ ёнъ выстрѣи́въ каба́чокъ. Злѣ́зь, говорить, съ печки! И подноси́тъ вотки, ви́на, разныя закуски. Ёнъ нали́ваи́тъ стака́нъ и здоровкыи́цца изъ ниъ, зъ Нито; будъ здоровъ, Нито! А ёнъ отвичаи́тъ: кушайи́тъ на здоровья! Ёнъ выпиеъ стака́нъ, нали́ваи́тъ и подноси́тъ етому Нито. Ёнъ яго посади́въ съ собою у радъ и стали

изъ имъ пить и ѣсть умѣсти. Тогда ёнъ говорить: вотъ, я етому господину, што прѣбжавъ, служу яму дѣвятиста три года, и никогда ёнъ мнѣ стаканичка ни подвѣсь! А етый егаръ говорить яму: пойдимъ умѣсти, будимъ пить и гулять!—Ну, пойдимъ, Нито отвѣчать яму. Ну, попили яны, поѣли и отправились. Вышли яны уже зъ лѣсу, на большую дорогу. Выстрѣили кабачокъ, и стали пить и закусувать. Ъхали купцы, и знаютъ, што на етымъ мѣстѣ не было кабачка, а тѣперь ёсь кабаць. Да дай зайдёмъ, посмотримъ, хто зыдѣсь живётъ? Ухолютъ у кабаць, видють одного, а чуютъ—разговаривають удвухъ. Тогда яны спрашуютъ: съ кимъ вы, господинъ, ето разговариваетъ,—одинъ сидитъ, а удвухъ разговариваетъ? А ёнъ отвѣчать: ето ёсь у мене Нито. Когда хочити посмотреть—сейчасъ на будить етого кабачка. Имъ стало ето любопытно, яны стали яго просить: пожалуста, покажити! Ёнъ сейчасъ якъ плѣснувъ руками—нѣтъ ничего, стоятъ на чистомъ поли. Да. Ну, говорить: Нито, выстрой узнова, попочуимъ етыхъ госьтей! Ёнъ сейчасъ выстрѣивъ, якъ бывъ кабачокъ, такъ и ёсь. Стали купцы просить етого егара, кабъ ёнъ продавъ етого Нито имъ: мы ѣздимъ по дорогамъ, намъ дужа ето надо,—не надо сабѣ пищи брать. А мы табѣ дадимъ вещь такую, што ты можешъ быть помѣщикомъ. Тоды етый Нито товкантъ яго и говорить: минаясь, только вѣрстъ у пяти или боли отыйшотши, помияи мене: скажи: а идѣ мой Нито? То я буду съ тобою. А еесли ты ни помиянешъ, то я буду изъ ни! А ў ихъ была такая жѣдная трубочка и молоточикъ. И якъ первый разъ стукнишь—одинъ солдатъ выскочитъ во усѣй походный муницы, а другій разъ—два, и такъ усѣ ўдвоа пойдитъ. Ну, яны помиялися, распрощалися и пошли: тыя своей дорогой, а ёнъ своей. Отышотши ёнъ вѣрстъ пять или больши, тоды сейчасъ уздумавъ: ахъ, говорятъ: а идѣшь мой Нито? Ёнъ отвѣчать: я зыдѣсь! Ну, сейчасъ являнтца яму тая лягушка, што яго возла—говорить: што ты такъ медлинно идешъ? Заўтра помѣщикъ на твоей жанѣ будить жанитца! Тогда ёнъ отвѣчать: ну пушай женитца! А ина отвѣчать: нѣтъ, садись на мене полехчи, и дяржись покрѣпчи. Ёнъ сейчасъ усьѣвъ, ина потащила яго. У водипъ часъ доставила у яго домъ. Ну, тѣперь, говорить, ступай пияси пану Нито! Сейчасъ являнтца ёнъ къ пану. А жана яго усѣ ўремя тамъ. Сейчасъ доложили помѣщику, што пришовъ егаръ. Ёнъ сейчасъ выходитъ къ яму и спрашиуть: ну што, приставивъ ни то, ни сѣ? А ёнъ отвѣчать: приставивъ! Позвольтъ, говорить, кабъ Нито построивъ кабачокъ, пусть, говорить, тутъ попьютъ, погуляють! Ёнъ говорить: мо-

жишъ, можиншъ! пускай выстроишь! Ёнъ сейчасъ, вышивши на крыльцо, говорить: Нито! выстройка здысь кабачокъ, пусьтъ тутъ попьють, погуляють! Ёнъ сейчасъ выстривъ кабачокъ. Ну, начали пить, гулять,—шужъ такий, драка, крикъ! Нязвъсно откуль набралися столько якого народу. Тогда панъ слухувъ это, слухувъ, ды говорить: убярай ты это своё Нито къ чорту! И бари жапу свою и отиравайся, штобъ я тябе боли ня видивъ! Ну, ёнъ забрався и пошовъ у свой домъ. Назаўтра, напившись чаю, посьѣдали, и ёнъ лёхъ оддыхать. И уздумувъ на ету вещь, што дали яму купцы. Дай, говорить, узнаю: правда это, што яны говорили, или нѣтъ! Тогда ёнъ лежучи, стукнувъ етымъ молоточкомъ у трубочку, у конецъ,—такъ выскочивъ солдатъ во ўсѣй походной амуници. Тогда ёнъ дальши стукнуть—усѣ ѳдвои бѣльшій. И настукувъ, што войско заняло увесь плацъ, вейди уже и помясьтитца. Ёнъ уставъ, вышивъ, посмотрѣвъ, тоды нишить записку помѣщику: заўтра выходѣтя на плацъ, открываецца война! Ёнъ солдатомъ отославъ ету записку. Тогда панъ ету записку прочитавъ, и сейчасъ требунтъ дворецкаго, оддаеть яму приказъ: заўтра у девять часовъ вутра пусьтъ разобьѣтъ егарскій домъ. Ёнъ думавъ, што ёнъ только домъ разобьѣтъ, и усѣ. Выѣжжантъ дворный на плацъ. Смотришь у позорную трубу, видѣть, на плацу стоять войска, какъ тѣмная туча—ни видать за войскомъ ничего, и пушки наведины. Етлий, ничего ня думавши, обративси опять къ пану, отвѣчають яму: вѣтъ, паночекъ, звольта посмотришь у позорную трубу—тамъ войско выстроено якъ тѣмная туча, пушки наведины. Панъ, довго ня думувши, вышовъ на балконъ, смотришь у позорную трубу, видѣть—тутъ войска нисчислѣнная сила. Сейчасъ оддавъ приказъ бить тривогу.—Ударили тривогу, собралъси усѣ, ну й открыли огонь. Ёнъ якъ ударивъ съ пушакъ, дакъ усѣ яго побивъ на макъ. Самъ остався паномъ на томъ мѣстьи.

С. Надпйковичи, крим. у. Моисей Елисеевъ, 55 л., негр., былъ въ солдатахъ. Потомокъ арабчеевскаго поселенца. Въ вар. мѣсто пана заним. царь.

8. Солдатъ Иванька, мышъ, жукъ и ракъ.

У нѣкоторомъ царствѣ, у нѣкоторомъ государствѣ, за померомъ пятымъ, у городи богатымъ, государствянная дочь хотѣла, кабъ яе хто пѣбулъ рассмяшивъ: ня можа никто рассмяшитъ яе нийкими жѣжнями. Да, стойта: я ошибку поймывъ! Треба було упѣради расказать солдата.

Служивъ солдатъ Иванька дватцать пять лѣтъ, выслуживъ сабѣ синій баялетъ. И ишовъ сабѣ по дорози, и було у яго три копѣйки

гробшай усяго. И ёнъ бывъ дужа пъяница большій, и курацій,—куривъ много, силно табакъ скѣрувавъ. И хлѣбосоляливый дужа чаловѣкъ ёнъ бывъ. Такъ, хто ни спрося, дакъ ёнъ съ усякими подѣлитца, послѣднимъ подѣлитца. Хто ни спрося—дакъ ёнъ дастъ. Да. Лятить яму на ўстрѣчу жучакъ: эхъ, говора, солдатъ; отслуживъ ты дватцать пять лѣтъ, и выслуживъ ты синій бялетъ. У тебе, говора, и гроши ё; дай ты миѣ Христа ради копѣачку! Ёнъ узавъ, отдавъ копѣачку, и идеть: отъ, говора: пойду за 'дну копѣачку выпью, а за другую табаки возьму, покуру; а одну копѣачку отдавъ, кажа, убогому жучку! Бяжить къ яму на ўстрѣчь мышка: ахъ, говора, солдатъ: отслуживъ ты дватцать пять лѣтъ, и выслуживъ ты синій бялетъ. У тебе и гроши ё. Дай ты миѣ копѣачку, Христа ради! Ёнъ узавъ, подялился; ще копѣачку давъ, мышцы ётой. Да. Тогда ёнъ иде и говора: ну, за ету копѣачку зайду у коршмѣ, да тамъ табаки возьму на пинку, покуру, говора, зъ большаго гора! А копѣачку отдавъ убогой мышцы! Ну, тогда, сичасъ рачикъ повзбѣ: эхъ, говора, солдатъ: отслуживъ ты дватцать пять лѣтъ и выслуживъ ты синій бялетъ. У тебе и гроши ё. Дай ты миѣ копѣачку, Христа ради! Тѣй и думая: миѣ, говора, гора; а стою рачику, мабыть, ще гора, коли ёнъ у мяне прося ради Христа копѣачку! Узавъ и тую копѣачку отдавъ. И пошовъ. И сѣдятца яны зновъ напяродъ на ўстрѣчь ямѣ, и жучакъ и мышка и рачикъ: «ну, коли жъ, говора, гора табѣ якое стрѣнетца, дакъ ты насъ тогда стрѣбуй: ахъ, говора: колибъ ко миѣ рачикъ и мышка и жучокъ, дакъ я бѣ пнякого гора не знавъ! Дакъ мы тойчасъ къ табѣ оявимся!»

Пошовъ ёнъ по пути-дорози и приходя у етый городъ. У етымъ городи, занимаецца государская дочь сабѣ мужа выбирать. Хто, говора, мяне утѣша, рассмяшить на третью ватажѣ, за того я, говора, замужъ выйду! Ну, собралися князи, короли, усякаго званя, зъ етыя земли, съ протчихъ государствавъ, штобъ значитца утѣшить яе. Ну, комедіи тамъ, разные штуки притворяли, штобъ яе утѣшить,—на коняхъ скакали, разное тамъ дѣлали,—надъ которой яна штукой рассмяетца. Ну и солдатъ то жъ: пойдутка я, говорить, зъ гора: ты ни утѣшу? Можя ина зъ мяне рассмяетца, ты ина выйдя ина за мяне? Да. Ну, сычасъ ёнъ пришовъ, бача, разное—разное тамъ дѣлають,—усакія штуки, усякими маперами притворяютца. Ну, ёнъ достигавъ тамъ до лѣсьяницы, хотѣвъ ко якое штуркованое слово тамъ сказать, абы што—надумався самъ у сабѣ, —яго оттудова якъ пхлѣли,—ёнъ якъ полятѣвъ, обнаравъ ету шинялишку усю, одѣжишку усю, якъ ёсть, и доловъ звалився. Тогда говора: «ахъ, колибъ, говора, къ мойму гору тянерака жучокъ, рачикъ и мышка,—дакъ ба я внякого гора ия ибѣвъ ба!» Сычасъ оявляютца: мышка, жу

чокъ, рачикъ. «Ну, што вамъ, говорятъ, солдатъ, за вѣжда, а намъ за служба?»—А вотъ, говора: я, говора, умарався увесь чисто якъ ёсть; шинялишку мою змарали, мане съ третяго атажа убили, говора, и увесь я нездоровъ здѣлався!—«Ну, здѣвай, говорятъ, шинялишку свою!» Ёнъ здѣвъ шинялишку. Сычасъ, жучокъ и рачикъ поволокли на рѣчку. А государская дочка на ето смѣтра,—што зъ етого за штука буда? Тогда сычасъ помыли ету шинялишку,—ну, дѣ жъ нѣ вѣшать яе сушить? Тогда, сычасъ ракъ ставъ на шійцы на своей, а клѣшны угѣру задравъ. Тогда яны на рачка на етого повѣсили. А ёнъ, значитца, ня могъ здержитца—якъ полатитъ!.. Шинель ета зновъ умаралась. Зновъ яе понясыли мыть. Помыли. Ну, рачикъ говора: стойтетца, я, говора, украслюсь хорошо ўжо! Тогда сычасъ повѣсили на рачику шинель ету. Тогда жучакъ летая, крыльями днѣ, вѣтеръ наговая, штобъ скорѣй высушить шинель ету; а мышка сабѣ бѣгая выкругъ, да дѣ мокро, дакъ выкручуя, выжимая, штобъ скорѣй сохла значитца. Ну, яна, ета царевна, и утѣшилась зъ естыхъ словъ, и засмѣялась. И сычасъ, подала отцу своему бумагу своими часовыми, которые часовые стояли тамъ перадъ ей. «И вотъ, говора, папенька: ня утѣшивъ яне никто ня съ князѣвъ, говора, ни съ королѣвъ, ни съ протчихъ зямель, а утѣшивъ яне простой радовѣй солдатъ. За того, говора, выходжѹ замужъ!» Ну, сычасъ собрали балъ, заручины дѣлать; усѣ большіе начальники, увесь санотъ собрався.—Государская дочь здѣлала ямѹ тамъ дѣ нибудь кельню, покуль свадьба, до свадьбы до свое, и приставляла ямѹ туды харчей, и табакъ куряталный, маорку. Теразъ кольки ўремя почали свадьбу гулять,—пожанились яна зъ нѣмъ. Ну, згуляли свадьбу, проси яна яго у свое комлаты, къ отцу, у дворецъ у государствянный, побясѣдовать. Ну, ёнъ ня можа итти туды—вѣдомо, бясѣдовать ня можа съ колѣнами государствянными: я, говора, не пойду туды! Што нѣ твой отецъ?—я твоего отца звать не хочу! Построй нѣмъ, говора, залишваю комлату у саду! Дастъвѣтально, была калавурка у саду, дакъ ёнъ зайшовъ туды, и живѣ тамъ,—дайжа къ жанѣ не лишитца,—ня хоча увѣси зъ ей жить, и говорить зъ ей ня хоча. Да. Доставляють яму туды харчъ, и яна сама туды приходжуя, у садъ у етый, говорить зъ нѣмъ. Тоды, прожили новгода, сказать, ли годъ, занимаетца у етомъ царствѣи воннество. Той жа король занимаетца, который разныя штуки преставлявъ, хотѣвъ яе за сябе узять. Да. Приходжуя яна къ яму: душачка, говорить: узямаецца на насъ король такіи и такіи! Хотя бѣ ты зъ нами распрощався,—выяжжаамъ у дорогу у вяликую! Вѣдомо, царское колѣно, дакъ выяжжають усѣ. Да. Ёнъ отказуа: «иди ты, каа, отвяжись! не знаю я никакого прощенія! Я Богъ-вѣдая коли куривъ, во, три дни, якъ смерти къ

сабѣ 'жидаю. Ступай прѣчь!» Яна заплакала и пошла. Бача, што ёнъ соўсими дурацкія словы говора.

Сычасъ ето яна пошла, принясла яму табакі хунтовъ пять. Ёнъ я мѣраючи набивъ трубку, жоо, зъ гѣрняцъ, закуривъ, дакъ налусъ-тивъ дыму повнянъ садъ. И живе сабѣ—безъ ниякихъ. Ну, выѣзали яны на воинство, на воинство выѣзали—ёнъ одиный ето остався у саду. Тогда сычасъ вышовъ съ калавурки съ своей *обящастца*: «эхъ, говора, колибъ къ мойму гѣру, говора, мышка, жучакъ и рачикъ,—дакъ ба я ни якого гѣра не знавъ!» Сычасъ яны, значитца, приходють къ яму, вѣзвѣстно откуль. «Што вамъ, говорятъ, за пѣжда, а намъ за служба?»—А вотъ, говора, выѣзавъ отецъ нашъ туды зъ жанюю, на воинство, говора. Дакъ якъ ба, говора, ниѣ туды достатца? говора. Такъ сычасъ обящаютца мышка, жучокъ и рачикъ: свисѣли ты говора, богатырскіи свистомъ, молодецкыи гласомъ! Прибѣжить къ табѣ конь—золотая шарсьтинка и сѣребраная шарсьтинка, ты возми, у правое вухо улѣзь, у лѣвое вылязь, и їдѣ! Такъ сычасъ ёнъ свислугъ. Прибѣгая къ яму конь, золотая шарсьтинка, сѣребраная шарсьтинка. Што, говора, самъ за пѣжда, и ниѣ за служба?—А вотъ такое и такое дѣло: поѣхавъ отецъ нашъ зъ жанюю на воинство, хотѣлъ ба я туды достатца!—«Ну, лѣзь у правое вухо, у лѣвое вылѣзай!» Ёнъ у правое вухо улѣзь, у лѣвое вылязь—здѣлався такіи чистѣйкъ, што ни ў казкахъ сказать, ни ў загадкахъ згадати! Обящастца яму лошади: ну што, говора, солдатъ,—куды мы поѣдомъ?—А вотъ, говора,—у пашаго отца воинство їдѣ, дакъ поѣдомъ на воинство!—Ну, садись, говора, на мяне—поѣдомъ, говора, ў три минуты, говора, тамъ будомъ! Узавъ ёнъ мечъ—кладянецъ, сѣвъ и поѣхавъ зъ естой лошадейю. Якъ уѣхавъ у корольское вѣско, якъ махнувся на право—на лѣво, кругомъ,—дакъ ихное вѣско ляжить на десять вѣрстъ зразу! Тоды сычасъ отбивъ усю вѣску, наѣхавъ на етого на самого короля узавъ, яму лѣвую руку по плячѣ отрубивъ. Тогда сычасъ прѣѣзжая етѣи солдатъ палишно къ цару. Ну, царъ яго ни ўвознавъ, и пытаа яго: Ну зъ якихъ ты, говора, колѣнъ: съ простыхъ, или зъ духовныхъ, ти зъ пачальниковъ зъ якихъ большихъ, или зъ государствѣиныхъ колѣнъ? Ёнъ яму тожа не сказавъ совѣршенно, зъ якихъ ёнъ находитца, увѣся ёнъ яму не сказавъ. Ёнъ распрашуа: чимъ васъ, говора, наградитъ: грошамы, говора, ти заслугу якую дать, ти щѣ чимъ! Ёнъ обящастца: ни треба ниѣ ничѣго, только дайтѣ миѣ, говора, хусточку свою имянную,—платокъ, значитца, носовѣи.

Ну, царъ могъ дать яму хусточку ету имянную зъ бѣукавой. Ёнъ сычасъ сѣвъ на свою лошадъ и зазвѣнѣвъ, по пути—дорози, отъ ниѣ. Сычасъ прѣѣзавъ якъ етому саду, улѣзь коню у лѣвое вухо, у правое

вылазъ—якъ бѣвъ солдатъ лохмачъ, такъ и ёсть. Пусътивъ этого лошада на зялёные луга, на шавковыя трѣвы, на мядовыя воды, самъ зайшовъ у свою кельню, и живѣ тамъ,—бытто ёнъ вовсе тамъ ня бѣвъ.

Тогда сычасъ прѣяжжаютъ зъ воинства—государская дочь ета и отецъ яе, и усѣ началство. И приходя государская дочь къ яму у садъ, у кельню, ну я общаетца: эхъ, говора, душачка! ня бѣвъ ты тамъ, идѣ мы были! Што мы страху, говора, повидали, што чаго! Да спасибо, говора, Госиодъ нанѣсъ чаловѣка такого, дакъ усю, говора, корольскую воеску отбѣвъ! А не нашей силы, говора, пожалуй у нашей земли побылѣ бѣ,—забрали бѣ кольки нашия земли, говора. Ну ёнъ общаетца: я, говора, не такъ доволянъ вашимъ воинствомъ, якъ я, говора, нядоволянъ самъ собой,—што я три дни, говора, живу ня пивши ня ѣвши, и табѣки ня куривши! Тогда яеа пошла, приставила ему харчей, табаки. Ёнъ, ня пивши, ни ѣвши, узавъ, у трубку повгарца табаки набивъ и давай курить,—напусътивъ дыму на ўвесь садъ, одинъ. Сычасъ, ня довго думючи, занимаетца зновъ воинство,—идеть три земли ну нашу землю. Тѣй король загонѣвъ рукѣ, да йзновъ иде, и ще потприсѣвъ съ протчихъ земель силы. Приходжуа государская дочь изновъ къ яму: эхъ, говора, душачка: хоть ба ты пришовъ распрощався зъ нами, поладѣвъ, якъ солдаты идуть, другъ зъ другомъ прощаютца, поладѣвъ, сколько орудѣй идѣ. Ёнъ общаетца тожа самое: я, говора, не знаю ни-якого прощенія. Я, говора, якъ у службѣ бѣвъ, дакъ я службу сповнявъ, знавъ уси етыя прикловія, а теперъ мнѣ это ня треба,—я зъ лѣтъ вышовъ, и не могу воеватца, не могу вамъ помочи дать ниякія! Тогда сычасъ царъ выбрався съ своимъ воескомъ на воинство. Ёнъ онятъ остався у саду одинъ.

Изновъ же вышовъ у садъ: «эхъ, говора, колябъ къ мойму гору, говора, мышка, жѣчикъ и рачикъ,—дакъ ба я ниякого гора не знавъ!» Сычасъ яеа, значитца, приходятъ къ яму: «што вамъ, говоруть, за нѣжда, а намъ за служба?»—А вотъ такое и такое дѣло: поѣхавъ отецъ зъ женой на воинство, говора. Дакъ якъ ба мнѣ это доставятца туды?—Свищи, говора, богатырськимъ свистомъ, молодецкиимъ гласемъ—прѣяжить къ табѣ конь золотогривчикъ—другой шерстьи. И ѣды! Сычасъ свиснувъ ёнъ богатырськимъ свистомъ, молодецкиимъ гласемъ—прибѣгъ къ яму конь золотогривчикъ: ну што, говора, солдатъ, вамъ за нѣжда, а мнѣ за служба?—А вотъ, такъ и такъ—поѣхавъ царъ на воинство—якъ ба мнѣ туды доставятца?—Ну лѣзь, говора, у правое вухо, а у лѣвое вылазъ! Ёнъ у правое вухо улѣзь, а у лѣвое вылазъ—то бѣвъ чистакъ, а то ще ставъ чѣщай!—Узавъ мочъ—кладяноцъ и отправився по пути-дорози на воинство. Да. Якъ уѣхавъ у три земли,

у корольское воевѣ, да 'къ шахуеуся направо, налѣво, кругомъ,—дакъ ляжѣтъ нѣ воевѣ на пятнадцатъ вѣрстъ ззаду. Тоды сычасъ отвоевавъ это воевѣ—можѣ съ повѣсьца воевавъ—тогда наскочивъ на этого короля и отрубивъ ему правую руку. Отрубивъ яму правую руку,—сычасъ этого короля потащили на носилки, а ёнъ и поѣхавъ къ своему царю: это уже къ сѣю. Приѣхавъ, поздравувався. Сычасъ царь яго ставъ опять спрашивать: раскажѣтъ вы мнѣ,—зѣ якихъ вы колѣтъ, и чимъ мнѣ васъ наградить: ти васъ дянгами, ти хрестомъ якимъ, ти чиномъ? А ёнъ обѣщаетца: ня треба мнѣ ваша ничего, а дайтѣ мнѣ, говора, кольцо ваша золотое, имѣниде, говора. Давъ ёнъ яму кольцо, ёнъ распрощався зѣ нимъ, сѣвъ на своего коня, сычасъ и поѣхавъ обратно, назадъ. Сычасъ, якъ приѣхавъ къ етому саду, у лѣвое вухо ўлѣзъ, у правое вылезъ—якъ бывъ солдатъ лохмачъ, такъ и ставъ. Нусѣтивъ этого лошада на зялёные луга, на шавковыя тровы, на ядѣбныя воды. А самъ пошовъ у свою кельню и живе. Прияжжаа етый царъ зѣ воинства уже назадъ у свой дворець. Государьская дочь сычасъ у садъ—яна думая объ нѣхъ усѣ—изновъ приходѣ къ мужу. «Эхъ, говора, душачка: мы, говора, на воинствѣ были, страху наглѣдились. Хоть ба ты побывавъ, побачивъ—сколько силы було, сколько чаго! Да слава Богу налягѣвъ чаловѣкъ, отвоевавъ усѣ воинство!» Да! Ёнъ обѣщаетца: што жѣ я, говора: я тутъ зѣ голоду пропадаю—ня пивши, ня ѣвши третѣй день—дакъ мнѣ и дѣла няма до воинства! Сычасъ доставила яна ему харчей, доставила табѣки, заплакала слѣзно и пошла отъ яго,—заплакала, што отъ яго нѣякія рѣчи няма къ ёй хорошія. А покинуть не можѣтъ.

На этого цара зновъ обратно занимаетца девѣть зямель зразу! Да. Сычасъ яна приходжуа изновъ: ахъ, говора, душачка: тыперъ колибъ до насъ не дойшли: девѣть зямель идѣ на нашего отца! Убираеся, говора, ускитѣ на воинство! Придѣ жѣ, говора, распрощайся, говора, съ радowymi солдатами съ своими, и зѣ началствомъ! Што ты, говора, ня хочашъ и на дворець на нашъ узыйтитѣ! Такъ сычасъ ёнъ говора: ня хѣчу я распрощатца! я тыперъ со службы сышовъ, не знаю я нѣякого воинства! Идѣ самѣ куды хочашъ! Ну, яна заплакала и пошла. Ну, а покинуть ня хоча яго,—щѣ думая жѣсѣти дожидатъ зѣ нѣмъ. Ну, поѣхали яны зновъ на воинство съ своимъ воевѣмъ. Ёнъ изновъ остався одинъ. Тоды сычасъ вышовъ у садъ и говора: «эхъ, говора, колибъ къ моему горю, говора, мышка, жучокъ и рачикъ,—дакъ ба я нѣякого гора не знавъ!» Сычасъ яны, значитца, приходѣтъ къ яму, невѣстно откуль. «Што вамъ, говорятъ, за нѣжда, а памѣ за служба?»—А вотъ, говора: поѣхавъ отецъ мой воинство воевать, да на яго идѣтъ девѣть зямель,—дакъ якъ ба и мнѣ доставитца туды? Мышка, жучокъ и рачикъ говорятъ:

свислыми богатырскими свистомъ, молодецкими гласомъ! Прибѣжить къ табѣ конь—золотогривчикъ—другой шерстьи. И ѣды! Сычасъ свиснувъ ёнъ богатырскими свистомъ, молодецкими гласомъ,—прибѣгъ къ яму конь золотогривчикъ. Ну, што, говора, солдатъ, вашъ за нѣжда, а мнѣ за служба?—А вотъ, такъ и такъ: поѣхавъ царь на воинство,—якъ ба мнѣ туды доставитца?—Ну, лѣзь, говора, у правое ухо, а у лѣвое вылезъ! Ёнъ у правое ухо улѣзь, а у лѣвое вылезъ—то бывъ чистякъ, а то ще ставъ чѣшай!—Ну, садись на мяне, говора, верши, поѣдомъ воинство воевать! Сычасъ ёнъ узавъ свою мечъ кладянецъ, сѣвъ ёнъ на яго и поѣхали. Якъ уѣхали ето у сярѣдину воська корольскаго,—ёнъ якъ шагнувся—магнувся, налѣво-право—кругомъ! дакъ не такъ самъ рубя, якъ конь копытами бѣе! Осталась корольская воська, сразу вѣрсть на дватцать ляжить. Отвоювавъ ето воинство усё корольское, отбѣвъ, девять земель усигъ—можа у мѣсяцъ, якъ наѣзавъ на етого короля—дакъ ёнъ яму голову зрубивъ. Зрубивъ голову, тогда сычасъ прѣяжаа къ етому царю, своему сѣтю. Ну, и обратно обѣщаетца царь: расказитя вы мнѣ, зъ якихъ вы колѣнъ и чимъ васъ награждать—грошамы, медалями, ти половина царства вашъ отписать? А ёнъ говора: ня треба мнѣ вашаго ничого,—ни гроши, ни медали, ни половина царства, ничого мнѣ ня треба—отрѣжтя мнѣ половина шапки ваша зъ дорогѣйшими камнями! Сычасъ царь довжонъ бывъ суповнить ето: перарѣзавъ шапку,—часъ сабѣ кинувъ, часъ яму отдавъ. Да. Сычасъ ёнъ сѣвъ на свою лошадь, прѣѣзавъ къ саду, етого лошада на золотой муздѣчки привязавъ коло своё калавурки,—самъ лёгъ отдыхать—на трое сутокъ сразу. Лёгъ на трое сутокъ спать, прѣяжая ето той царь зъ воинства, зъ земель съ тыхъ, зъ девяти. Сычасъ ета царская дочь—рунитца ей—бѣжить у садъ. Прибѣдя къ калавурки нѣ той,—стоитъ лошадь золотогривчикъ, никѣго не пропускаа. А едсамую пропустить. Ина сама сабѣ нѣудивилася, што ето за штука такая? Откуль етѣй лошадь узався, и привязаный стоитъ? Такъ сычасъ яна пришла къ етой калавурки—двери залѣрты. Яна сычасъ дѣвитца у щелочку,—ёнъ спить,—и у яго кольцо золотое на пальцы, шапка зъ боку ляжить—половина, и хусточка имянная съ кишени видать. И самъ чистякъ такой, што ни у казкахъ сказать, ни у загадкахъ згадать. Тогда яна прихѣджуа къ отцу къ своему налѣшня зновъ: вотъ, говора, папенька: мы не знали, хто намъ воинство воевавъ! Воевавъ, гонора, мужъ мой: такое и такое дѣло: хусточка, говора, имянная у яго, кольцо золотое у яго и шапка у яго,—усё, говора, у яго! Мы, говора, яго не ўвознали! Ну царь собравъ балъ, заказавъ обѣдны, пославъ по усей Росѣи по своей, пославъ письма, газеты, што вотъ такой то и такой нашовся у мяне зъ радowychъ солдатъ, дакъ ёнъ имѣя большую силу—отвоевавъ мнѣ одинъ

три разы большое воинство! Ну, теперь яны такъ зъ жаною живутъ, мѣдъ-вино пьютъ, и я тамъ бывъ у ихъ.

Д. Новая Бычъ, бычан. вол. Кр. Кузьма Сялинь, 24 л. неграмотный. Ходивъ по людяхъ, бывъ ли Пропойську. Языкъ уже смѣшанный, пограничный между двумя говорами, южнымъ и восточнымъ.

9. Солдатъ, жукъ, мышъ и ракъ.

Служивъ солдатъ дватцать пять годовъ, и получивъ награды дватцать пять рублей. Идѣть ёнъ домовъ, повзѣтъ жукъ по дорожѣ. Драстуй, говоритъ, солдатъ!—Драстуй, говоритъ, жукъ!—Служивъ ты дватцать пять годовъ?—Служивъ! Получивъ ты дватцать пять рублей, спрашуетъ у яго. А ёнъ отвѣчаетъ: получивъ!—Ну, говоритъ: дай и мнѣ одинъ рубль, и я табѣ коли небудь пригоджуся. Солдатъ думаетъ: хутъ притымъ мнѣ рубль, хутъ бязь етого—бросивъ яму рубль. Жукъ тэй сошкрѣбъ рубль, и поволокъ. Прохѣдитъ нямовожко солдатъ, вярстѣ двѣ, стрѣчаетца зъ имъ мышъ. Драстуй, солдатъ!—Драстуй, мышка!—Служивъ ты дватцать пять годовъ?—Служивъ! Получивъ ты дватцать пять рублей, спрашуетъ у яго. А ёнъ отвѣчаетъ: получивъ! Давъ жуку рубль?—Давъ.—Ну, дай, говоритъ, и мнѣ рубль. Я табѣ тожъ пригоджусь. Тогда ёнъ думувъ, думувъ: э, што, говоритъ: кода бъ не даватъ, дыкъ бы ни дного, а такъ—усѣ дню ўже. Узавъ бросивъ и мышини. Ина рубль узила и поташила. Прохѣдитъ яцо вярстѣ двѣ—устѣдитъ на мосытикъ, на рѣчачку. Изъ воды выскакуеть ракъ и говоритъ: драстуй, солдатъ!—Драстуй, говоритъ, ракъ!—Служивъ ты дватцать пять годовъ?—Служивъ! Получивъ ты дватцать пять рублей, спрашуетъ у яго. А ёнъ отвѣчаетъ: Получивъ!—Давъ жуку рубль?—Давъ!—А мышини давъ?—Давъ.—Дай и мнѣ, говоритъ, рубль, я табѣ ще боля пригоджусь!—О, говоритъ, вась много такихъ найдетца! А послѣ обдумався: а ўжо ўсѣ дню, говоритъ: ти зъ рублѣмъ, ти безъ рубля! Узавъ икинувъ. Ракъ ухавивъ етый рубль и потащивъ съ собой. Треба яму перихѣдѣть городъ столичный, того жѣ царства. И тамъ живъ царь. И ў тогожда царя была одна отъ роду дѣчка. И отъ родѣ ина ни съ кимъ не смѣялася. Царъ набликовавъ: хто мою дочкѣ рассмяѣтъ, того примиму у зятѣ къ сабѣ, къ ёй, у наслѣдствѣ возьму! Солдатъ етый етого ничѣго не звавъ. Ёнъ думаетъ сабѣ: у путѣ выпитъ стаканчикъ водки тутъ, ды й дальше, штобъ ничѣго нѣакого нѣа зѣлѣаты! Ну ды й думаетъ сабѣ: ды й я жъ уже съ службы увольненъ, никѣго не боюся, хотъ и п'янь нап'юся! Зайшовъ у кабакъ, выпивъ стаканъ—два водки, покушавъ нямного сабѣ; такъ и дальше йще выпивъ стаканъ, посидѣвши.—А што жъ яму журѣтца? То ўремя про-

скачывъ урѣменный дождь. Проскачывъ, надѣлавъ на вулицы воды и грязи, и опять стала погода. Солдату итѣть некуда было, дыкъ ёнъ тое ўремя водку пивъ побольше. Нанився водки здѣрово, што ѣ итѣть ня жѣсѣть, тольки инъ яго не разобрала щѣ. И ёнъ думаетъ итѣть. Расплаѣвсь, и пошовъ съ кабака,—у походъ, по городу. Проходя мимо дому государственнаго, обморѣтила яго сильно хмель. Ёнъ оббѣзѣкавсь и сунувсь ў грязь. Откуда узавсь етѣй самый яго ракъ, и жукъ, и мышъ, на помочъ; отгарнѣли отъ яго грязь и водѣ, аѣблали мѣсто сухое. А ёнъ заснувъ. Узяли, яго распѣлили и разули. Тогда, ракъ расставивъ свое клѣшнѣ, а инъ ўзяли и развѣсили усю ету одѣжу на яго, и сѣшутъ. Ета царевна увидѣла у вокошко, и сильно ўзрадовалась и зареготала, надъ етымъ чудомъ ужѣ. Побѣгла у другую комнату и кричитъ: батюшка! я, говорѣть, такого чуда щѣ отъ родѣ ня видѣла,—ходитѣ, посмотриѣ! Царь узрадовавсь, што инъ засмѣялась, пошовъ посмотриѣвъ. И вѣлѣвъ убратъ етого солдата къ сабѣ. Вѣлѣвъ яго убратъ, умыѣть и одѣть получчы. Солдатъ прошнувсь и ўробѣвъ; скучаетъ ужѣ, што зѣбавъ такое. Слуги етые говорѣтъ: ня бѣсь, не скучай, тѣбе царь требуетъ къ сабѣ! Приводѣтъ яго къ царю, царь яго спрашѣетъ: не робѣй, говорѣть, солдатъ! ты мою дѣтку рассмѣшивъ! Я, говорѣть, наблѣковѣвъ: кто мою дѣтку рассмѣетъ, приму того у зятѣ. Ну ѣ тѣбе ожанѣю зъ моей дѣчкой! Занявсь гуляѣть свѣдѣбу, ожанѣвъ яго на своей дѣчкѣ.

Ожанѣвши, когда инъ ложились спать ужѣ, дыкъ ёнъ ничего ящѣ не занимается съ походу, ляжить и спѣть. Инъ проѣзносѣтъ жалобу своему отцу дни Perezъ три: што ёнъ, говорѣть, спокоенъ сильно..... Ёнъ отвѣчаетъ ей: на три дни я, говорѣть, ямѣ дамъ нѣлготы. А якъ прѣѣдетъ три дни, тоды я брошу яго у звѣрѣнецъ, коли ёнъ такѣй! Проходѣтъ три дни, инъ обратно жалуетѣца. Ёнъ приказавъ, царь, отвѣсти яго у звѣрѣнецъ. Слуги отвѣли яго.—Солдатъ етѣй умѣвъ игрѣть у дудку. Зѣбавъ сабѣ дудку, сѣвъ подъ липою и ставъ игрѣть. Потходѣтъ къ яму звѣръ левъ, и сѣвъ для яго, и не допускатъ къ яму нѣякихъ звѣрей. У тое ўремя свѣтавсь ету царевну нѣѣякѣй король. То царь обратно згулявъ свѣдѣбу зъ етымъ королѣмъ, и пошли инъ спать. То ёнъ первую ночь ничего ня дѣлаетъ. Откудава узавсь етѣй ракъ, и мышъ, и жукъ. Сѣчасъ ракъ яго начинѣетъ клѣшнѣи разворѣчувѣть, а жѣка посалѣетъ внутри. Жукъ оттуда понабрѣсовавъ то того, то сяго, а мышъ по'бѣблала: нѣхъ боѣхъ, и короля и дѣчку. Тогда ошнѣли инъ, тоды инъ и говорѣтъ: што жъ ты, говорѣть, ето надѣлавъ, такъ съ первой нѣчи ошѣбсь! Тоды ёнъ говорѣтъ: нѣ, на мяне щѣ етого не было нѣразу!—Ну, говорѣтъ: я табѣ ету ночь щѣ замовчу, не буду докладѣть отцу! Ёнъ того двѣ ничего ня вѣвъ, тольки вѣчарѣмъ одного борщѣ трѣху сербанѣвъ..... И позно

не спавъ. Якъ только заснувъ—яны обратно сотворили яму. Тоды яны ўжо опнулися—опять тѣе жъ. Ну, ина ўжо доклалася отпу. Отецъ имъ назначивъ ящо noch одну переспать. То ёнъ уже тья третїя сутки ничего ня ѣвъ, до самаго вечера, и не спавъ двѣ части ночи. Только заснувъ подъ самую зарю. Жукъ обратно и ўбрався.—Дай мятлу, говоришь: ёнъ ничего ня ѣвъ! Яны мятлу подали; ёнъ по ямногу тамъ повѣмевъ. Тоды яны съ зарёю опнулися—а етые уже разошлись уси. То ина идеть и говорить: луччы бѣ я жила съ тымъ съ солдатомъ съ чистенькимъ, чинисъ зъ естымъ зъ грязнымъ! Царь повядѣвъ этого отвясти у звяринецъ, а того обратно у дворецъ, коли живъ. Узяли яго слуги и повяли. Уводятъ у звяринецъ, то солдатъ у дудочку поиграваеъ, и левъ яго охраняеъ. Ну, якъ только убросили этого короля, такъ звярьё яго и растаскали, короля. А этого обратно узяли ў домъ, солдата. Такъ ина узрадовалася, обиняла яго, и пуцуловала, и сказала: другъ мой, будемъ съ тобой жить до конца вѣка.

Д. Селецкое. Федотъ Лукьяновъ, 30 л. малограмотный.

Въ Городокскомъ ч. Вит. нуб. сказка варьируется такъ:

Шелъ солдатъ со службы. Было у него три алтына. За одинъ онъ предполагалъ купить земли, за другой выстроить хату, на третїй ожениться. Вдругъ подбѣгаетъ мышина: служивенькій, дай мнѣ алтынъ, я табѣ къ худому ўрему пригоджусь! Солдатъ разсердился и, желая убить мышъ, бросилъ въ нее алтыномъ. Но мышка подхватила алтынъ и убѣжала. Тогда летитъ жукъ: отдавъ ты мышины (сжѣш. родит. съ дат. и предл.) одинъ алтынъ, отдай мнѣ другей! Солдатъ бросилъ въ жука алтыномъ, чтобъ его убить, но жукъ схватилъ алтынъ и улетѣлъ. Подошелъ солдатъ къ озеру. Выползаеъ ракъ: ну, солдатъ! давъ ты одинъ алтынъ мышины, другей жуку,—давай мнѣ третїй! Хотѣлъ солдатъ и рака убить, бросилъ въ него алтыномъ, а тотъ схватилъ его клюшнями да потулъ того ѣ бивъ. Остался солдатъ безъ денегъ. Приходитъ онъ въ городъ, въ казенный домъ, гдѣ ни и ѣшъ, кольки хощъ, а только пъянъ не напивайся; а хто напѣтца,—на мѣртвый полокъ, къ звѣрямъ на зѣдѣния. Солдатъ наиился пьянымъ, свалился въ грязь; тогда пошелъ къ рѣкѣ платье мыть. Раздѣлся, да такъ съ—пьяна и заснулъ голый на берегу рѣки. Прибѣгаютъ мышъ, жукъ и ракъ; вымыли платье, развѣсили на деревьяхъ сушить и поднимаютъ кверху, кабы скорѣй высохло. Увидѣла это царевна и разсмѣялась. Приѣхали за солдатомъ въ каретѣ, разбудили, одѣли и повезли во дворецъ. А въ это время приѣхалъ и чужой король въ сваты. И было рѣшено отдать царевну за того, кто всѣхъ гостей разсмѣшитъ. Король посылаетъ своихъ слугъ: купите мнѣ соболиные са-

пожжя, золотую шляпу, драгоцѣнный сертукъ и серебряную саблю! А солдатъ прибавляетъ: а миѣ купите тамъ рогожи на сорокъ копѣекъ, на шинель, на штаны и на шапку! Ну, всё и разсѣялись: какое, говорятъ, у солдата богатство, такую ёнъ сабѣ и одѣжу справляетъ! Ну, и оженился солдатъ на царевнѣ.

10. Семь сѣдньовъ.

Живъ сабѣ старикъ и съ старухой, и было у нихъ семь сыновъ, и усе сѣдньи. Сами яны не могли знать старики, якіе яны ремесляки. Сами яны обое пошарили и ихъ покинули. Остались яны сиротами, и усякіе удивлялись, што якъ яны будутъ кормитца,—што усе сѣдньи якъ одинъ. Зносили имъ общество хлѣбъ тожа, кормить. По тыхъ поръ кормили обществомъ, покудова надокучило. Яны сказали мнѣда соби, мужуки: што намъ за прибыль кормить ихъ? Сами себе уголодимъ и итъ ня выростимъ. И до тыхъ поръ яны, етые сѣдньи, дожили, што уже никто къ нимъ и не ходитъ. Сѣдньи етые мнѣда соби и говорятъ: «вотъ, братцы: отъ насъ погчужалася усе люди, и Господь насъ осиротивъ отцомъ и матерю. Якъ мы будемъ теперь кормитца?» А яны якіе сѣдньи?—усе богатыри якъ одинъ. А якъ Богъ дастъ ночь, дакъ яны тоды и пойдутъ сабѣ пропитанія йскать. Пойдутъ къ помѣщику, бываетъ, ночью, илбаръ подымутъ, хлѣба сабѣ набарутъ; а дровы якъ нужно,—у лѣсъ ночью пойдутъ, да и сажень на сабѣ приволокуть. Такъ яны посла отца и матери семь лѣтъ и страдали. Потомъ дйревни донясли до помѣщика што, баринъ, возмийтя етыхъ сиротъ у хвѣльварокъ! Стали говорить, што Богъ ихъ знаетъ, якъ яны питаютца, и не видимъ хѣда ихъ, и чимъ яны кормятца. Богъ ихъ знаетъ, ти ядутъ яны што, ти неядутъ—живы. Помѣщикъ ихъ сожалѣвъ тожа. Узявъ ихъ къ сабѣ. Семь лѣтъ ихъ у сябе продерживъ. А знать не знавъ, якіе яны. Потомъ помѣщикъ отписавъ царю: што возмийтя ѣ мене людей такихъ и такихъ: моя ня сила! Царь ихъ тожа привалѣвъ доставить къ сабѣ. Царь ихъ семь лѣтъ безъ усякаго спросу одѣвавъ и кормивъ. На восьмомъ году царь у ихъ спрашываетъ: «скажита вы, што за люди такіе находитесь? Я васъ семь лѣтъ одѣвавъ и кормивъ, и приглядѣвъ васъ!» Одинъ говоритъ: я вотъ, государь, якій ремесникъ: ежелибъ васъ забирадѣтъ найшла якая сила непріятельская, дакъ я каляный лукъ якъ натягну, ударю, поломлю усю силу однимъ разомъ! Государь ставъ доволенъ имъ. Спросивъ у другою: ты якій ремесляникъ? Другій отвѣтивъ царю: ежели вамъ наймать корабли строить да платитъ большія деньги, дакъ я отъ трѣхъ разъ сякиру ударю, и корабль станеть! Государь етому взрадувався: это хорошо миѣ два чело-

рукій сичась узывъ письмо, у карманъ укладъ, и ўссадывъ хромого на сляпого, и приказавъ яму, штобъ указывавъ сляпому дорогу. Сляпый и повёзъ хромого на погършкахъ. Тольки сляпый куды зблѣдитца зъ дороги, дакъ ёнъ яго въ вухъ: вотъ сюды! Ёнъ, сляпый, дотащивъ хромого съ трудами до царя. Хромый отдавъ записку государю. Государь прочитавъ ету записку, и собравъ у два раза больше воська и пославъ тожа ў догонь, и привялѣвъ, штоба забрать ихъ. «А не заберетё, дакъ я васъ подѣрестъ возьму!» Яны зайшли тожа къ етой баби и спросили: давно тутъ, бабушка, ишли люди якіе? Баба имъ отвѣтила: а ишли, якъ етый садъ соджавъ! Яны говорять, што вочень далёко ушкряблѣ. «Будея, братцы, прибавлять шагу!» И мижда собѣ совѣтуютца, што забярѣитъ и доставимъ живыхъ прямо къ царю. Ётый, который калянымъ лукомъ бивъ, сказавъ: чутко вухъ, приляжъ къ зямлѣ: ти ня стогнетъ дорога, ци ня гонитца за нами якая погоня? Ётый сичась прилѣгъ и говорить: стогнетъ дорога, гонитца за нами большая погоня, больше съ два разы!— Быстро воко, посмотри, ти далёча? Ётый говорить: нитьдесять вѣрстъ, не больше. Ёнъ сичась узывъ каляный свой лукъ падтащивъ, надтягнувъ, якъ ударивъ,—дакъ и знова поломило усю силу: оставивъ тольки хромого да сляпого. Письмо сичась написали, узнова, у карманъ хромому уклали, довгорукій той. Хромого на сляпого ўсидили, и зновъ сляпый потащивъ назадъ. Сляпый хромого притащивъ; хромый письмо царю отдавъ. Царь письмо прочитавъ. Посмотрѣвъ царь, што ничего не подѣлаемъ по письму зъ ими—поломилосъ усё,—а ў яго была птица жаръ, такая птица, што ёнъ самъ їздывъ на ёй самъ,—богатырька птица. Ёнъ приказавъ жаръ-птицы: штобъ доставила мнѣ непременно пярѣсту и ихъ штобъ побила,—а то ў царство не прилетай! Яны жъ пришли къ морю. Ётый сичась съ подѣ помса вынивъ топоръ, по водѣ три разъ ўдаривъ обухомъ, и здѣлавъ корабъ, такій якъ и унарѣдъ. Тогда сичась, переѣхавши мѣря, опять три раза обухомъ по кораблю ўдаривъ—и нема-знать дѣ дѣвся корабъ. Перейшовши мѣря, захотѣли оддыхнутъ. Яны ўзали, лягли спать. Царевна, етого самаго, который калянымъ лукомъ бивъ, улюбила яго, и ўзала яго голову на колѣни къ сабѣ—што ёнъ храбѣрь и сімень. Пѣтомъ того просналяяны одинацать дней не просыная. На двѣнадцатомъ дни явлетца ета жаръ-птица къ ёй. Ина сичась давай ихъ будить, царевна, и ниякий родомъ не ўбудила ихъ. Ина тоды давай плакать. Жаръ-птица спусътилась и ўзала царевну. И не слыжали ны, когда ина ў ихъ украла. Посадила жѣ на крыло на лѣвое, а правымъ замыхала, и ўтекла отъ нихъ. Царевна заплакала, и тому богатырю, который калянымъ лукомъ бивъ, каннула на щакѣ слеза. И такъ ина слезой своей, усё ровню, якъ варомъ на щакѣ узлѣла: ёнъ сичась прошнувся зъ вѣтронѣ

и сказавъ: уставайтѣ, братцы моѣ: нѣту нашѣя царевны! Сколько трудились, вяли и тѣперь утратили! нѣту нашѣя царевны! Якъ намъ тѣперь къ царю показатца? Чутко вушко, приляжъ ка ты къ зялѣ, — нѣста погоня, што украла царевну у насъ: ти ўвышу, ти ўнизу? Ётѣй сичасъ прилѣгъ и говорѣть: што ўвышу, братцы любезные, шумѣть дужа погоня и вьѣтъ царевна дужа! — Быстро вочко, посмотри: ти дужа високо? Той посмотрѣвъ да й говорѣть: подъ самими вѣболоками! — Быстро вочко, посмотри: на котормъ крылѣ царевна? Ёнъ яму отвѣчаетъ: на лѣвомъ! Ёнъ якъ навѣетъ каляный лукъ подъ лѣвое крыло, якъ ударивъ подъ крыло, — лягѣтъ царевна якъ шубены! А довгорукой подхвативъ яе, не давъ ей много отпасьтъ отъ крыла, — сичасъ подхвативъ яе на ладони. Жаръ-птица оборотилась къ своему царю бесъ крыла уже. Царь посмотрѣвъ, што не возможно ничего зъ ими подѣлать, и оставивъ зъ ими супротивница.

А царевна етого ўлюбила, котрый калянымъ лукомъ бивъ, до такіа степенности, што не могла отъ яго растратца дажа. Привяли яны яе тожа къ царю своему, къ своему отцу. Государь ня могъ знать, што зъ радостѣи дѣлать зъ ими! Изъ дочкой цулувався, и спрашувавъ: што, якъ, дѣтка, откуль вызвулилася, и якъ вы гѣрѣ перенясли? Ина рассказувала, што дужа вяликое гѣрѣ приняли. Царь спросивъ: чимъ мы будѣмъ награждать ихъ за это? Ина сказала, што ничавѣ, папенька, не жалаю, только прихитѣ етого, котрый калянымъ лукомъ бѣѣтъ, ко мнѣ! Царь думавъ, што и ёнъ такъ хочѣтъ у пристани къ ёй, якъ и ина къ яму. Ну ёнъ не жалавъ у пристани йти. И чаго ви дѣлала ина, и ўговаривала яго, и бѣтка просивъ, и ина бѣтку, — до тыхъ степенностей ўговаривали, покуль ёнъ бросивъ у нихъ жить. И братьевъ своихъ оставивъ, а самъ увыйшовъ. Государь сказавъ: я знаю, почаму ёнъ не идѣтъ! Государь кажетъ: ёнъ думавъ, што ў мене денѣхъ нѣту, — што я яму не показавъ. Появлѣвъ семъ ящиковъ насыпать серебра и завезть напередъ. Дакъ ёнъ пояглитца и вѣрнетца назадъ. Ёнъ сичасъ идѣтъ, ажъ ящики съ серебромъ зъ денѣгами на военныхъ лошадахъ привезены и поставлены наўпрѣдъ яго, куда яму йти нужно. Ёнъ ящикъ расколотивъ и денѣги рассыпавъ и сказавъ: пушай люди бѣдные собирають! Яны сичасъ ворѣтились скорымъ пѣспѣхомъ назадъ къ царю. Царь испросивъ: ну, што, — вярнувся? — Нѣтъ, ваша вяликое анираторство! денѣги рассыпавъ и сказавъ: пушай денѣги люди бѣдные собирають! А дочка царя беспокоитъ тожа, штоба непремѣнно яго доставить. Государь сказавъ: насытѣ золота семъ ящиковъ и завязитѣ напередъ: ёнъ уви-дѣтъ и вѣрнетца! Такъ и дѣлали, завязли. Пришовъ ёнъ, рассмтрѣвъ, и сказавъ: на што мнѣ золото? Што я буду зъ ими дѣлать? Узавъ и расколотивъ, ящики и сказавъ: пушай усѣ люди собирають! Яны сичасъ

воротилися къ царю и сказали: што не ўзявъ дѣнихъ, рассыпавъ! Царь отвѣтивъ: кода погрѣбувавъ моёй лаской, то насытѣ двѣнадцать бочонковъ пяску: пуцай засыплеть своё глаза, кода моя честь яго не бяръёты! Яны сичасъ узяли, пясокъ етый напредъ завязали, поставили, и сами смотрють, што онъ будеть дѣлать. Ёнъ сичасъ носмотрѣвъ, што ето бочонки исъ пяскомъ. Ёнъ сичасъ узявъ лошадей, верёвки по'тви-завъ и бочонки у верёвки ўложивъ и сказавъ: можетъ быть, при злой години знадобѣтца! Самъ на плячо ихъ узявъ и повѣсь. Эти сичасъ зворотѣлися звошники къ царю своему. Царь и спросивъ: што ёнъ дѣлавъ съ пяскомъ? Яны сказали яму, што ёнъ бочки увизавъ у верёвки и по-нѣсь некуды за собой. Царь и говорить: погрѣбувавъ моёй ласкою и засыплеть своё глѣзы! Ёнъ сичасъ идѣтъ доро́гую, ажъ горить ро́ща берёзовая, сильно горить, и на тѣй ро́щи, видѣтъ, метаетца нѣхто у вогнѣ, а не можетъ самъ знать—хто. Только кричить: ратуѣ, хто Богу вѣряетъ! и я при злой години знадоблюсь! Ёнъ сичасъ бочонки разбивъ и ў водинъ грудь пясокъ ссыпавъ. Ажъ ето, што на ро́щи метався, дакъ куды метанѣтца, дакъ огонь за нѣмъ полымямъ. Ёнъ сичасъ узявъ, и давай на 'говъ бросать пясокъ етый. Затувивъ ёнъ етый огонь, ету ро́щу, и снявъ етого съ огня, што горѣвъ въ огнѣ. Ёнъ яму говорить: вотъ, благодарю табѣ, братъ любезный, што мяне цурутувавъ отъ смерти! Ёнъ спросивъ у яго: хто жъ ты такой находишься? Ёнъ яму отвѣтивъ, што—я нахожусь чортъ!—Поча́му ты понався здѣсь, у вогонь горѣтъ?—А потому, што мужикъ п'яный запаливъ ро́щу да я сказавъ: чортъ еѣ возьми, исъ чортомъ зъ естымъ! Ну, ёнъ спросивъ: а ты кто?—Я, когда знаешь, Ивана Ивановича—семъ сѣдньевъ, дакъ и большій братъ!—Знаю, говорить. Вотъ, другъ любезный,—куды ты идѣшь?—А йду во весь свѣтъ бѣлый!—Вотъ, пойдѣмъ разо́мъ, удвои́хъ, не будѣмъ разлучатца одинъ отъ одного, разминатца!—Ну, штожъ, пойдѣмъ! Идутъ яны тожа само, ажъ стои́тъ горъ высокая, высокая. На той горѣ, ажъ тамъ мядвѣдъ, и вовкъ, и лисица, и зайць, и голубѣць, и мурашка. А всѣ за одну горѣ дярѣтца. Вовкъ хочѣтъ сабѣ ка́бъ горѣ о́сталася, а мядвѣдъ сабѣ, а лисица сабѣ, а зайць сабѣ. Мурашка якъ уще́мѣтца ма́двѣдью....., а голубецъ тожа яго кусать, мурашку вынимае́тъ, дакъ ма́двѣдъ морко́чить. Лисица тожа дярѣтца, и вовкъ,—и каждый хочѣтъ, ка́бъ горѣ о́сталася которому—нибу́дь одному. Яны сичасъ приходши къ горѣ и крикнули: миръ вашей куми́ави! Яны сичасъ сказали: «здрастуй, Иванъ Ивановичъ, сильный могущій—богатырь!»—За што вы дярѣтесь? Ма́двѣдъ отвѣтивъ: Иванъ Ивановичъ! рассу́ди ты намъ вѣрный судъ, дай намъ па́мѣть: кому горѣ ета до́вжна о́статца? Ёнъ сказавъ: слуша́йтѣ мяне, я васъ разбярю! Ма́двѣдъ сказавъ:

будешь слухать вашего приказанія! Ёнъ сичасъ узавъ, на мадвѣдѣ ска-
завъ: навучи мене помядывѣжтѣ зворачиватца, тоды скажу, дѣ табѣ
жить! Ёнъ сичасъ наўчивъ яго посвоему зворачиватца. Тоды ёнъ и го-
ворить: ну, ты вяликій дулѣ, да я дурень большій! што ты будешь на
етой горѣ дѣлать? Пошовъ ба ты ў лѣсъ: сѣють мужуки овѣсь близко
коло лѣсу; напѣрся бѣ ты якъ мѣхъ овса 'етого, и сядѣвъ ба ты подѣ
кѣрчамъ. Не захотѣвъ ба ты, бываетъ, овса, ёсь у лѣси пчолы. Выло-
мавъ ба ты пчолы! Покушавъ ба ты разныхъ сладостьѣвъ! Ёнъ яму по-
благодаривъ, у ноги поклонився и пошовъ. Тода ёнъ у вовка спрашуеъ:
што ты тутъ будешь дѣлать? Вовкъ яму отвѣтивъ: дѣтей ба тутъ по-
вѣвъ! Яму ёнъ отказавъ: тѣбе тутъ охотники забьютъ и съ собаками
тѣбе прогонютъ!—Куды жѣ мнѣ дѣтца?—Навучи мене посвоему звора-
чиватца! Ёнъ сичасъ наўчивъ яго посвоему звораживатца, пововчи.
Ёнъ говорить: пошовъ ба ты ў лѣсъ, да идѣ мохъ зѣ водою ёсь, тамъ
ба ты живѣ! тѣбе нѣшто бѣ не нашовъ! Вонъ, мужуки насутъ коло лѣсу
стѣтокъ, ты бы ўкравъ ба овцу, поросѣнка, козынѣнка бѣ; ты бѣ бывъ
доволенъ етими. А тутъ ты што зѣяси? тѣбе забьютъ! Вовкъ сичасъ
яму поблагодаривъ и пошовъ. Сичасъ лисица жалобу занѣсѣтъ: Иванъ
Ивановичъ, богатырьскій сынъ, разбѣря моѣ дѣло: я хочѣ, кабѣ мнѣ го-
ря остѣлася! Ёнъ отвѣчаеъ ей: што ты ў етой горѣ будешь дѣлать?—
Дѣтей повядѣ, ямочки покопѣю, и сама буду тутъ жити! Ёнъ ей отвѣтивъ:
што тѣбе найдутъ охотники, и собаки за хвостъ изъ ямки вытащутъ!—
Дѣ жѣ мнѣ дѣтца? Ёнъ сказавъ: наўчи мене полисиччу звораживатца!
Яна яго наўчила полисиччу звораживатца. Ёнъ говорить: пошла бѣ ты
идѣ коло равѣвъ коло крутыхъ, у лѣси, тамъ ба ты выкопала сабѣ
печарю—тамъ ба тѣбе нѣ дужа хѣ нашовъ: ни собака, ни охотники!
Яна я пошла. Тоды зайцъ просить разобрать яго дѣло. А што ты жа-
лаешь?—Я жалаю, кабѣ мнѣ горѣ остѣлася!—А што ты ў ей будешь
дѣлать?—Гняздо здѣлаю, зайчинятѣкъ повядѣ,—травку будуъ збирать
по горѣ по етой! А ёкъ яму отвѣтивъ: якъ вы што—мѣсца вѣдѣтесъ,
дакъ табѣ я горы не хватить!—Дѣ жѣ мнѣ дѣтца?—Наўчи мене по-
своему звораживатца, я табѣ скажу, идѣ жити! Ёнъ узавъ и наўчивъ
посвоему звораживатца. Ёнъ и давай совѣтывать, идѣ жити: ты бы
идѣ коло лѣсовъ; тамъ зимою житѣ бѣ откопавъ да зѣвъ ба; тожа бѣ
само лѣтомъ овса наѣсен, капусту—у горѣдѣ унѣрся. А тутъ што ты
на горѣ будешь дѣлать? Зайцъ поблагодаривъ и пошовъ. Остаѣцца го-
лубецъ да мурашка. Ну вотъ, сичасъ и говорить на голубца: ну, ты што
будешь дѣлать на етой горѣ? Ёнъ сичасъ и говорить: я совѣю гняздечко
тутъ, и мнѣ тутъ усѣ чисто видѣтъ; хѣ идѣ што засѣеъ, дакъ я буду
усѣ видѣтъ и летѣтъ дѣвѣтъ! Ёнъ яму отвѣчаеъ: тѣбе жѣ ястребѣ за-

дярётъ на курганъ, потому, ты видѣнъ будешь; и дѣтей твоихъ задя-
реть. Голубецъ яму отвѣчаетъ: дакъ идѣ миѣ дѣтца?—Научи мяне по-
голубяччу зворачиватца, я табѣ дамъ толкъ, идѣ подѣтца! Ёнъ яго на-
учивъ поголубяччу зворачиватца. Тогда ёнъ яму сказавъ: полятѣвъ ба ты
къ господину къ якому на крылцо, и сѣвъ ба ты на крылечко, и загуркавъ ба
ты жалосно,—тябе господинъ узавъ ба, у комнату ўнёсь ба; дали бъ табѣ на-
шанички, сыты рассолодили бъ, наполни тябе. Вотъ ба ты живъ сто разъ лучши
у комнати! А ёнъ говоритъ: а правду ты говоришь, Иванъ Ивановичъ, бога-
тырьскій сынъ! Ёнъ поблагодаривъ яму, у ноги поклонився и полятѣвъ. Ну,
говоритъ, мурашка: навучи-ка мене посвойму зворачиватца: табѣ останеца
ўся горь! Мурашка яго навучила посвойму зворачиватца. И осталася
на горѣ. Потому што мѣста хватить зъ мурашкой. Сами яны пошли съ
тымъ съ чортомъ къ царю. Чортъ поволокъ: ходимъ вотъ къ такому то
къ такому царю ў слуги! Ёнъ и пошовъ. Приходятъ яны къ царю. Царь
спросивъ: объ чомъ? Отъ яны сказали: у слуги наниматца! Посмотрѣвъ
царь, што яны вумные хлопцы собрались,—царь жа не знавъ, што это
одинъ чортъ и другій богатырь, и за товариша яны ходять, за брата,—
вотъ яны нанялися у царя. Царь ихъ улюбивъ. Служать яны очень хо-
рошо й прекрасно. И замѣчаютъ яны, што царь вочень скупный часто
бываеъ. Яны спрашуютъ: ваша вяликое анператорство! объ чомъ вы
скупны? Государь сказавъ: дочка у мяне отобрала силою, воинствомъ!
Яны сказали: што будеть, ваша вяликое анператорство,—мы доста-
вимъ вамъ вашу дочь! Царь узрадувався етакъ, што поцулувавъ бога-
тыря, и обнявъ, и сказавъ: ежели бъ ты, доставишь мою дочь, то што
жалаешъ, то будеть отпущено! Тяперъ ёнъ сказавъ: достанъ, ваша вяликое
анператорство! Государь сказавъ: ступай зъ Богомъ! Ёнъ сичасъ отправився
й пошовъ. Вотъ сичасъ узавъ помядѣвѣжьи йти. Ишовъ, ишовъ по
мядѣвѣдчу—затомився; ёнъ збросився пововчи. Ёнъ тогда пововчи ишовъ,
ишовъ—затомився. Ёнъ тогда сичасъ узавъ позаяччи бѣчь.—Вѣгъ, бѣгъ,—
прибѣгъ ёнъ къ морю. Сичасъ черезъ моря скинувся голубцомъ и полятѣвъ. Пе-
релятѣвъ черезъ моря голубцомъ, и полисиччи пошовъ. Изнова полисиччи
затомився. Подбѣгаеъ подъ городъ, голубцомъ скинувся и ўлятѣвъ у го-
родъ. Подлетаеъ къ етому къ дому царьскому, и збросився мурашкой. И
ўсповзъ по стянѣ на бавконъ, на четвѣртый тажъ. Царевна платьѣ сабѣ
къ вянцѣ вышивала и плакала гріздо. Потомъ ёнъ скинувся молодцомъ—
ни ў думки уздумать, ни ў сказки сказать—и подаеъ письмо царевни. Ина ето
письмо узала читать,—за слязми ня можеъ прозрѣть,—што отъ отца
поклонъ и за ёй человекъ присланъ. Ина й сказала: якъ тябе Господь
святой привузнёсь сюда? Подарила яму кольцо золотое, и подарила яму
ключи тежа отъ комода отъ свойго, и подарила яму платокъ хорошій,—

тожа отъ комода отъ свойго. Ёнъ скинувся мурашкую, дакъ ина узала ў яго вусикъ отрѣзала, да ў бумажачку. Потѣмъ того знова скинувся голубѣмъ; ина крылышка трошкѣ отрѣзала да ў бумажачку. Потомъ того знова скинувся полисичку—усѣ показавъ ей приидѣти, якъ уйтѣ отъудова. Ина сичасъ узала, отрѣзала шерсти, тожа у бумажачку. Тогда ёнъ скинувся знова позаяччи. Ина тожа шерсти знова отрѣзала, да ў бумажкѣ. Ёнъ збросився повѣвчу,—тожа шерсти отрѣзала, да усѣ у бумажачку. Тожи помядѣвѣдчи—тожа шерсти отрѣзала да ў бумажачку. Тогда ина ѣ говоритъ: другъ любезный! якъ ты мене отсюль возъмешъ? Ёнъ сичасъ узавъ, зворятивъ еѣ мурашкой, и самъ зворятився. А тамъ приказанія строгое, штоба ниhto не подѣидивъ къ бавфону, изъ людей ниhto. Строго вочень государь смотрѣвъ, штоба яѣ ниhto не ўвурывавъ зъ бавфона. Тогда ёнъ збросивъ еѣ мурашкой и самъ збросився, и вывѣвъ еѣ по стѣнѣ изъ бавфона. Зъ города яны выповзли, и ниhto не замѣтивъ. Тяперъ зъ города яны выповзли и скинулись голубажи обы и полятѣли. До тыхъ поръ лятѣли, покулъ затоплися. Тогда збросились полисиччи и побѣгли. Тоды яны зновъ къ морю прибѣгли, збросились знова голубцами и полятѣли черезъ мѣря. Перелятѣвши черезъ мѣря, скинулись зайцами. Тоды яны заматорились позаячи, скинулись пововчи, тоды помядѣвѣдчи. Помядѣвѣдчи яны пришликъ самому царству, къ границы, къ царству къ мѣному. Черезъ рѣчку збросились людѣми; и перийшли. И зѣблали яны вотдытъ сабѣ на поли. Государьскіе слуги ходили по охотѣ тамъ, искали дичи, и замѣтали, што ето тая самая царевна, которую у мѣнаго царя отобрятѣ. Цяперъ ёнъ тожа лёгъ спать, да ѣ заснувъ крѣпко, а ина на колѣннихъ яго голову дѣржитъ. Слуги приходють, якъ ба не было, своей государини ўклонилися. И мѣли у яѣ распрѣстѣ: якъ доставъ яѣ етый человекъ? Ина итъ и рассказала. И яны мѣли гѣвъ на яго большій, што ёнъ служивъ у царѣ, дакъ царъ любивъ яго вочень. Дакъ яны узали, да убили яго по сырѣмъ. И приказали государини, што если будѣтъ говорить, што мы яго ўбили, то мы тебе вобѣймъ тогда. А ты скажи, што ры тебе достали, што я яго не видала у глаза, а мене эци достали! Цяперъ яны яѣ повяли сичасъ домой къ отцу. Тоды давай отецъ еѣ распрашуватъ, по радѣсти цулуватъ еѣ, милуватъ: хто тебе доставъ? идѣ той человекъ, который тебе доставъ? Ина сказала, што вотъ эти мене достали. А яны Ивана Ивановича, семъ сѣдѣнавъ, порубили и тѣло яго ў рѣчку поубросили, одѣжу на 'гни поналили, и перьстень, той дарѣвникъ царевини, убросили, и платокъ спалили на 'гни.

Уводругъ лѣшій выйшовъ на вулицу, и слышитъ, што товариша яго на свѣтѣ нѣту. И ёнъ не кажа никѣму ничѣго, и бросився сичасъ жа къ той рѣчкѣ, и бросився у водѣ, и сыскавъ усѣ ето тѣло яго и

вынесъ яго на берегъ, и суснуваѣ тѣло ето одно къ одному. И доставъ мѣртвыя воды и живыя. Тоды мѣртвой водою уздуновъ, спорснувъ, ёнъ оснувався; живѣй водою уснырснувъ—ёнъ отживився и говѣриць: ахъ, братъ-товаришъ, якъ я крѣпко уснувъ! Товаришъ яму сказавъ тожа: ты посѣченъ бывъ увесъ на шхатѣя и въ воду убросимъ! Типерь ёнъ говорить: а дѣ твоя одежа?—А я, братъ, не знаю! Ёнъ яму отвѣчасть: твоя одежа пошалева на 'гни! Ёнъ отвѣчасть: у мене были колцо золотое, подѣрено, и ключи золотыя, и платочекъ,—дакъ не знаю, идѣ яно усѣ подѣлось? Чортъ яму отвѣтивъ, што ў рѣки ето усѣ. Сичасъ ёнъ у рѣку дунувъ,—нырнувъ искать уже ключовъ и колца. Ажъ ключи ракъ узявъ у клюшню да ў пачүрю заволокъ. Яны думали, што клюшникъ; уже старшимъ клюшникомъ раки поставили яго. Ёнъ сичасъ ключи отобравъ у рака, разжаловавъ яго,—знова якъ бывъ ракомъ, такъ и ставъ ракъ. А персѣтень у вукунѣ на крылышку,—зачанивъ, да й волочить. Вукунѣ думали, што начальникъ якій,—тожа поклонялись яму усн. Ёнъ тожа доставъ тѣя ключи и колцо,—и вукунѣ разжаловавъ—и доставивъ тожа ето усѣ товаришу. Ёнъ сказавъ: куда, братъ, таперъ пойдѣмъ? Чортъ отвѣтивъ: пойдѣмъ къ царю назадъ служить! У яго свадьба, у царя, тожа: одинъ убивецъ у пристанѣ идѣтъ къ царю,—потому яны вѣхвалилися, што яны достали яѣ. Тоды ёнъ говорить: зѣблаетъ жа мы скрипучку-лубянку и дудочку-тросѣтянку! Ну, зѣблали и пришли къ царю тожа на свадьбу. Уклонилися царю. Царь и спросивъ: што вы за люди такіе? Яны сказали, што мы музуканты. Мы слытали, што вамъ пужны музуканты! Царь исказавъ: а ти можети вы хороншо йграть? Яны сказали: што, вотъ, извольтѣ послушать! Якъ зайгравъ чортъ у скрипку свою, лубянку, царь почувъ, дакъ у яго не было и сѣ бѣ-роду такитъ музукантовъ у полкати. Царь ставъ спрашувать: што вамъ за ето дати, што вы жиѣ свадьбу сыграети? Яны яму сказали: ничаво не жаласмъ, только зѣ нявѣстой по-скакать по разу! Потѣмъ того зачмаласъ у нихъ свадьба. Зачали яны на первомъ вечери играти, дакъ якъ пошили тунцувать, дакъ до тыхъ норъ тунцовали, што ня сила уже тунцувать. Дакъ повалившись на землю ногами трясли,—што вочень красиво. Тогда первый вечеръ пошовъ чортъ скакать уже изъ нявѣстую. Што ниhto не могъ уздивитца коло тыхъ скѣковъ! Назаўтраго чортъ зайгравъ тожа ище красивѣй танецъ. Прихѣдитца другому музуканту съ царевной скакать. Ёнъ згрѣбъ тое колцо дѣренное и нацѣвъ на рукѣ, и нацѣвъ на цѣвку ключи дѣреные царевнины. И узявъ царевну за рукѣ. Якъ пошовъ тунцувать, дакъ ниhto не уздивився коло танцовъ! Царевна, недовго думачи, увознала, што ето той тожа молодець, што яѣ дустувавъ. Ина прикорягтила тожа танецъ и обвинчала отпу: што оѣецъ мой любезный: што ня той ли ето

человѣкъ самый танцуетъ, который мене дустувавъ? Государь, недовго думачи, распрыснѣвъ ето дѣло, якъ ѣнъ ее дустувавъ. И признавъ, што самый той, што еѣ дустувавъ. А етымъ, которые обманували, вилѣвъ къ жерябкѣ къ хвосту привизать и растаскать по полю. Тожа яны ожанили ее зъ естымъ съ самымъ, который ее доставъ. Ёнъ тоды пославъ за братами. И до тыхъ поръ только чортъ тамъ бывъ, покудова яго оживъ. Ёнъ яму поблагодаривъ, а той току.

М. Романово, юрецк. у. Отъ кр. Трофима Балахира, 46 л. негр. Запис. въ коемъ присутствіи г. Буднецкій.

11. Семь Сяменовъ.

Одинъ купецъ помиравъ, а дѣткамъ своимъ приказавъ и жанѣ, штобъ монѣ добромъ не распораджались, а занимались лѣтбонапашаствомъ. Потомъ, самъ померъ, жану оставивъ. И жану кинувъ бирѣженною. Жана родила семь хлопчиковъ доразу. Урѣмъ трохи вилѣся, хлопчишки подросьли, поѣхали у водну соху пашать. Царъ проѣжджавъ, и виджа ета притча, што на'дномъ коню усямѣхъ пашуть. Посылая жандара: идитка спроси, хто у ихъ старшій? Приходя и пытая: Божа поможи вамъ! хто мижъ васъ старшій? Дакъ яны ўси скричали—въ одинъ голосъ: я старшій, я старшій! той кричить, той кричить. Ну, тогды приходя жандаръ: ваша царское вяличество: ўси отвѣтъ дали: ўси старшіе, кѣжанъ старшій!—Идитка, говора, спроси: хто ў ихъ, якъ ихъ котораго звать? Приходя жандаръ: рабаты, якъ васъ звать? Отъ яны ўси и крикнули: я Сяменъ, я Сяменъ, я Сяменъ!—ўси Сямены, семь Сяменовъ! Жандаръ приходя: ваша царское вяличество: ўси Сямены, семь Сяменовъ!—Ну, иди, говора: забрать ихъ съ собою, повязомъ у царскій дворецъ! Узали и повязли.

Няжного урѣмъ провали, ну, тяперака царское дѣло распытѣтца: чимъ жа вы будетя займѣтца? Первый уже гонора: а отъ, царское вяличество: стукъ да ляпъ, дакъ здѣлаю корабъ!—А, ето цару трѣба! Ну, ты, другій Сяменъ: чимъ будешъ займѣтца?—Большій Сяменъ, говора, здѣлая корабъ, а я, говора, одинъ куды ўгодно поговюю!—И ето цару трѣба! А ты, трѣтій Сяменъ: чимъ будешъ занимацца?—Кузнецъ буду: што трѣба, я цару ковать буду!—Ето хорошо! А чатьвѣртый Сяменъ, чимъ ты будешъ занимацца? А мой братъ коваль скѣе инѣ ружжо, дакъ я што загляну, то убью!—Добро! Ну, а ты, братъ Сяменъ ня- тый,—ты чимъ будешъ занимацца?—А мой братъ будя птици бить, а я буду носити, укучи зъ имъ!—А ты, братъ шостый Сяменъ, чимъ будешъ занимацца?—А мой братъ, говора, скѣе стовпъ подъ воблаки, дакъ я буду на стовпѣ сядѣть и глядѣть, и буду узнавать, идѣ што дѣтца по

прочимъ царствамъ, и буду говорить, чтобъ знакъ давалъ!—Ето добро! Ну, а ты, братъ Сямень сядьмый, чимъ будешь заниматца?—А я, говора, царское вяличество, первый злодѣй буду! Такъ царь ставъ думать: што дѣлать етому первому злодѣю? Приставили яго къ суду. Судъ означая, чтобъ завѣсить яго. Государыни пожалѣла, говора: няльзя! што будя напярѣдъ, побачишь, а такъ няльзя зря человѣка губить! Ну, и оставили усихъ. Кажанъ своимъ дѣломъ ставъ займатца. Нядовго думавши, той подъ воблаками сядѣть и означая, што у девятымъ царстви прекрасная Настася по саду ходя и такъ зия, якъ солушко. Нашаму цару згоди-лася бѣ,—ѣнъ у насъ холостый! Тянеръ царь призывая вора етого, сядьмого Сямѣна и говора: можнишь ты Настасю изъ девятаго царства утащить суды?—Могу, говора, царское вяличество: ето мое дѣло! Только миѣ трѣба двоихъ братьовъ узять: того, што стукъ да ляпъ сдѣлая ко-рабѣ, и того, што куды угодно погоня! Тянерака, нядовго думаячи, от-правляютиа яны у путь, три браты, три Сямѣны. Такъ ѣнъ поймать, злодѣя, котика морского. Котикъ вымуштрувань такъ, што ѣнъ повялить, тос яму и дѣлая: припявая, скача, кизки разныя кажа—такую красоту дѣлая, што Вожа, Вожа! Такъ приключилися яны у девятое царство, уси утронѣ, а чатьвѣртый котъ. Той по бѣрагу ходя узморѣ да стукъ да ляпъ—такъ корабѣ, стукъ да ляпъ—такъ корабѣ,—надѣлавъ уже, усю приставъ занявъ кораблями. Ухторый Сямень сортуя: одинъ туды гоня, а другій отгудя гоня. Ина, стоячи ў саду, дивитца: што ето такое, што одинъ человѣкъ такую уласть имѣя, етакія судны гонять. Котикъ приставляя фигуры, по палубахъ ходючи, пѣсни припявая, и танцуя—и танцуя зло. Улюбовалася яна, смотручи изъ сада, на етого котика, и говора: што ёсть за господинъ етому котику? я іду купить котика етого! Обозвався ко-торый находився воромъ: сударыня, не за грѣши, а такъ даруемъ вамъ звѣрка етого, только позволѣть намъ торговать у вашамъ царстви тыми товарами, што у насъ у корабляхъ ёсть! Ина захотѣла упрѣдъ сама поглядѣть тыхъ товаровъ и пришла на корабѣ. На корабѣ уступила—ѣнъ на своего брата крикнувъ: поддай сонныхъ канявъ и снани гнать корабѣ, якъ ня можно отъ бѣрагу шибчѣй! А тамъ положивъ яѣ спать на свос колѣны. Пріяж-джають къ вору (двору), той на стѣпни даѣ знакъ царю: приближаютиа, говора, такъ и такъ, моѣ братцы изъ дорогимъ товаромъ! Такъ прибли-жилися къ вору, узали яѣ, изняли.—яна снитъ! Потомъ прошнулася. Царъ нашъ якъ убачивъ, узрадовався етымъ вѣщамъ. Потомъ пожанилися го-сударь зъ естой дявѣцой. И ў государа няродная мать була, мачиха. И превяликая волшебница. Такъ ѣнъ расчирадився у своимъ доми, царъ: злодѣя выписавъ губурнаторомъ у губурню,—здѣлавъ яму за ето, што ѣнъ здѣлавъ доброе дѣло.

Потомъ царевна уже прося цара, шtbody ѣхать у гостяи у тое царства, откуда яна, у девятое царство пракрасной Настася. Царъ яе послухавъ—узявъ Вана съ собой лакея, япы удвоихъ и поѣхали съ собой на корабли. Тамъ погосътилисъ у своего тѣстя, и два хлопчики тамъ родились у нѣхъ. И захотѣлось имъ уже оттуля, назадъ вярнутца у своё царство. Поворотили назадъ. Царъ и говора: Иванъ лакей, яди встаркомъ чайку попи за'дво зъ нами! Ёвъ напився. Ну, Иванъ лакей, ложись зъ нами спать!—Нѣ, царское вяличество,—я лягу на палуби и послушаю новинъ у свѣти, али чудовинъ! И пошовъ. Прилетая къ яму янгель изъ нябесъ. Сѣвъ яму на ўлоньня да говора: преподобно царъ оживився, да не на многое урѣмя! Приѣдя ко двѣру—проклятая мачиха вынеся три стаканы вина; якъ выпьють—усимъ конецъ будя! А хто чуя, да скажа—по колѣно камянямъ стая! А ёвъ, знатца, казавъ-ба спать, а самъ усѣ чуя. На другую ночь обночилися. Царъ изновъ зове: Иванъ лакей, попи чайку зъ нами! Ёвъ напився. Ложись спать зъ нами!—Нѣ, пойду на палубу, послушаю чудовинъ! И пошовъ. Зновъ прилетая янгель, сѣвъ на ўлоньня и говора: преподобно царъ оживився, да не на многое ўрѣмя: якъ приѣдя, проклятая мачиха подиясѣ три куски жаркого. Якъ зьядѣть по ковалку, усимъ конецъ будя! А хто чуя, да скажа,—по поясъ камянямъ стая! На третью ночь обночилися. Иванька чай пѣе, а яму рупя. Ночуй зъ нами, Ванъ!—Нѣ, пойду на палубу, послушаю чудовинъ! Пошовъ, лёгъ зновъ; лёгъ, казавъ-ба спать, а самъ усѣ чуя. Прилетая янгель, сѣвъ на ўлоньня, и говора: преподобно царъ оживився, да не надовго! Приѣдя домовъ, проклятая мачиха сѣвядя жарабка. А то не жарабокъ, а сатана. Якъ чмыхнѣ, такъ и поѣсть нѣхъ духомъ! А хто чуя, да скажа—отъ, по глотку камянямъ стая! На чатьвѣртаю ночь тожа приключилося зновъ. Прилятѣвъ янгель и говора: да, преподобно царъ оживився, да не на довгое ўрѣмя. Якъ приѣдя, проклятая мачиха отвяде имъ комнату спать. Якъ лягутъ, вылѣзъ на дванатцать головъ сатана и пожрѣ нѣхъ усихъ. А хто чуя, да скажа, той увесъ камянямъ стая! Вутрикъ начиняетца, приключаютца яны икъ двѣру, пріяжджаютъ. Такъ сустракая проклятая мачиха, выйдѣ три чарки вина. Иванъ лакей потсвакуя, блюдо ўзявъ зъ яе рукъ. Потомъ нога за ногу закрутивъ, повалився,—блюдо разбилось и три стаканы побились. Тогда проклятая мачиха усярдѣлась: мой сынъ, не лакея дяржись, и дурня якогось! Вынося сичасъ три ковалки жаркого,—надовго ўрѣмя продовживши. Иванъ лакей сичасъ потскачивъ и блюдо ўзявъ. И тожа споткнувся зло, и блюдо разбилось, и помаралось усѣ объ зямлю, и пропало усѣ. Проклятая мачиха угнявилась и говора: мой сынъ! дѣ ты нанявъ дурня такого, што ёвъ одну шкоду издѣлавъ, адыли и другую?—Ну, моя маменька возлюбленная,—трѣба простить: ёвъ у яане человекъ дорогій! Потомъ: ходѣя,

моё дѣти милыя, я вамъ жарабкѣ покажу: якая штука ёнъ ёсть! А Иванъ лакей сичасъ спяшывъ три кўльки золотыхъ положить у ружжо у своё охвотническое. Сатана якъ показалась, ротъ разявила, а ёнъ якъ пекаунѣтъ яго троямы кўлькамы зраду, такъ и конецъ яму, сатанѣ. Тяперъ мачиха угнявилась: дорогого коня забивъ ёнъ!—Ну, штожъ дѣлать: треба простить: ёнъ у мяне дорогій чловѣкъ! Потомъ: дѣти моё возлюбленныя, отвяду я вамъ ковшату! видно у насъ тутъ штось неблагородное! Потомъ у полночь—а Иванъ лакей спяшигъ, штобъ свою дороговѣнную мечъ подвойстрить нѣтъ полночи. Только во полночь проклятая мачиха расчинила выходъ сатанѣ на дванатцать головъ. Ёнъ говора: Иванъ лакей, што жъ ты нѣ спиишь?—Потому, говора, проклятая сатана: я хочу бѣратца съ тобой ётую ночь, да вотъ штобъ господа не чули! Прикрывъ нѣтъ скатеркой бѣлой лицо и завѣсивъ простинымы, штобъ етого дѣла нѣ услышали яны. Потомъ зявася—схватився битца съ сатаной, Иванъ лакей. Иванъ лакей подладився—шесть головъ зрубивъ сатанѣ, сразу шесть головъ проклятому. Потомъ ёнъ ставъ просить, проклятый: Иванъ лакей, отпусти мяне!—Нѣ, проклятый, не пушу! Миѣ щѣ смерть черазътыбе примать треба! Подладився, лыгнувъ,—уси зрубивъ! Только кровь на простины лінула. Дакъ ёнъ узавъ вядро воды и давай замывать. Свѣтло запаливъ. Ажны протинаетца царъ, устаѣ, и царица, и бачуть, што мечъ коло яго. «Отъ, Иванъ: усѣ поступки табѣ простили, а отъ етого не простишъ! Ты хотѣвъ уже насъ зарѣзати! Да!»—Нѣ, говора, парское вяличество! Миѣ только хуирать треба, а вамъ разсказать. А проклятой мачихи, говора, возьмѣтца яе, проколѣтца грыбъ у роти, и продѣвѣтца золотое кольцо, потому, штобъ яна нѣ убѣгла, якъ я буду разсказывать! Ну вотъ, говора: причастѣтца мяне, высповѣдуйтца!... И почавъ: «первую ночь, якъ вы спали, прилетѣвъ ко миѣ янгель изъ небесъ, сѣвъ на улоньня и говора: хорошо царъ оживився, да не на довгое урэмя! Прѣйди ко двору, проклятая мачиха подясе три стаканы вина: якъ выпьютъ—усишъ конецъ будя. А хто чуя да скажа, той по колѣно кѣмѣнямъ стая!».. Такъ кѣмѣнь шархъ по колѣно! «На другую ночь зновъ прилетая янгель и говора: пренподобно царъ оживився, да не на многое ўрэмя. Якъ прѣйди домовъ, выйдя къ яму проклятая мачиха, подясе три ковалки жаркого. Якъ зыдять, такъ и конецъ усишъ. А хто чуя да скажа, той по поясъ кѣмѣнямъ стая!».. Камѣнь шархъ! по поясъ и окамѣнѣвъ ёнъ!—«На третѣю ночь прилетая зновъ янгель и говора: да, хорошо царъ оживився, да не на довгое. Прѣйди домовъ, выведя проклятая мачиха жарабка. А то не жарабокъ, а нлчистая сила сатана. Якъ чыхнѣ—усишъ конецъ будя! А хто чуя, да скажа, той по глотку кѣмѣнямъ стая!»... Такъ по глотку камѣнь и ставъ! Яны ўже и заплакали, да ўже ничого

шла у дворъ плачучи. А дятёнокъ тѣй выновзъ зъ люлька и поповзъ, и поповзъ,—поповзъ у лѣсъ. Напавъ яго лясный хозяйнѣ и ўзявъ яго съ собою, и рости́ть яго. И поклавъ яму нмѣ Иванъ Знайдѣяъ. Ти много, ти мало пройшло, узрости́въ ёнъ яго уже, и гово́рить яму: ну, иди тыперъ къ свойму батьку, къ своей матцы! Ёнъ пошовъ. Пошовъ. Ишовъ, ишовъ,—бѣютца три вѣюги. Ёнъ тыперъ: што вы, за што вы бѣятёсь?—А вотъ за што, гово́рять: пашли мы, гово́рять, три вещи: первая ковёръ—самолётъ, другій вирьмякъ ненавидецъ, третій—кошалокъ денегъ. Дакъ вотъ мы не подѣлихъ. Дакъ за ето мы бѣёмся!—О, кажить, за ето вы бѣтёся? Отъ тамъ гора високая, високая. Дакъ вы йдигя на тую горѣ, да станьта по́лячъ, да й бяжигя зъ горы. Которая которую уже вѣшередя, дакъ тая усё ъ возьмѣ! Яны жъ пошли на тую гору, а ёнъ за тѣя вещи, узьявъ да й пошовъ,—уси забравъ! Не пошовъ жа ёнъ къ батьку да къ матцы, да пошовъ къ тому лѣсному хозяйну, што яго растивъ. Тыперъ тѣй хозяйнѣ: што ты, каа, вярнувся?—А што жъ я вярнувся: пашовъ три вещи!—Што за вещи?—А отъ, гово́ря: первый ко́нѣръ—самолётъ, другій вирьмякъ—ненавидецъ, третій кошалокъ денегъ!—Ну, хорошо! Отъ жа я табѣ тыперъ укажу вѣвѣсту! Ну, рассказавъ яму примѣты. «Будешъ ты ити,—будя лятѣть три голѣбки. И сядуть яны коло моря, пойдуть мытца-бѣлитца коло моря,—дѣвки такія, што разлюбоватца. Дакъ яны помыюцца—побѣлюцца, а ты якъ ладься дакъ ладься, якъ яны пойдуть мытца—бѣлитца, да одныѣ платьѣя уволочи, одѣяныя. Уволочешъ ты платьѣя, тогды возьми яѣ за правую рукѣ и вяди, и вяди. ъ вяди. И женисья ты зъ ёй, и якая табѣ жисть буда красивая! Тольки ня пи ты горѣлки отъ яѣ. А коли выпьешъ горѣлки отъ яѣ, дакъ яна табе кини! Ну, ёнъ научивъ яго етакъ. Ёнъ и пошовъ. Ити дакъ ити, ити дакъ ити по тыхъ примѣтахъ, якъ ёнъ яму указавъ, ъ пришовъ къ морю. Пашовъ бѣтѣи примѣты, залицовавъ. Принювъ къ морю и сѣвъ на той примѣти. И бача, лятѣть три голѣбки. Якъ лятѣли, дакъ и узали коло моря, стали разбиратца, стали дѣвками; лятѣли голѣбками, а якъ разобрались, стали дѣвками, таковыми злипыными! Вотъ ёнъ тогды якъ повзъ, дакъ повзъ, по́новзомъ, да й заволокъ одныѣ одѣяныя къ сабѣ. Помылись яны, побилились, дакъ тѣя надѣлись и полятѣли, а йна хватилась—нема́нѣ яѣ одѣяныя. Тыперъ яна шукать одѣяныя. Яна ѣ шукать, яна ѣ гукать, яна ѣ плакать—нема одѣяныя, да ѣ годи! Тыперъ стала гоно́рить: хто тутъ ёсть, хто зъ мяне насѣтився? Ежали старый, будя батюшка мой рѣдны; ежали сирѣдны, будя дядюшка мой рѣдны; ежали холосты́й—дакъ будя мой мужъ вѣрны! Ну, ёнъ отявѣтивъ. Яна пришла къ яму, бача, што молодецъ видны. Ну, хорошо, гово́ря: будешъ мой мужъ, а я твоя жана,—отдай моѣ одѣяныя! Отдавъ

жа ёнъ одѣянныя, яна надѣлася, ёнъ за правую руку, и повѣвъ. Какъ вѣсть дакъ вѣсть, и приводя яё къ батьку и къ матцы.

Ну, тыперь ёнъ живе зъ ёй надѣлю, или двѣ, или три. Тыперь батька говорѣа: што, мой сынокъ, жанить пора тѣбе!—А ўжо жъ, кажа, батюшка, пора!—Вотъ, поѣду у сваты—икъ тому къ тому къ богачу, высватаю жану табѣ! А ёнъ говорѣа: пѣ, батюшка, мяне зъ естой жани, што я привѣвъ! А батька говоритъ: ахъ, мой сынокъ! ты по сывѣту ходивъ, да якую..... злюбивъ да я привѣвъ. Етакая съ тобой жить ня будя! Батька жъ сусимъ зъ ёй жанить не хоча, а ёнъ нуждая батьку, што зъ естой жани, да я годи,—што я привѣвъ. Ну, я жанивъ. Зъ естой жанивъ, што привѣвъ. Сколько жъ ёнъ живъ зъ ёю,—докуль водки отъ ле ни пивъ, хорошо було. А йна стала змуцать яго: икая, кажа, наша любовь, што ты отъ мяне ничо́го не возъмешь,—дакъ икая ето любовь? Стала змуцать яго. Ну, и змустила яго. Выпивъ ёнъ отъ ле, кольки тамъ выпивъ, да вынивъ зъ яё рукъ. Тыперь ёнъ и заснувъ. А яна тыперь надѣла свою дѣжу, кинула яго и полатѣла. Тольки сказала: ты ўбачишя, ты не ўбачишя—у Шкляннѣхъ горахъ! Ето ёнъ уво спѣ, значитца, бачивъ. Ёнъ увоснувъ, дакъ скрозъ сонъ бытто чувъ. Во ёнъ тыперь прошнувся, цанъ-цанъ—немѣ жаны. Ёнъ приходя къ батьку: немѣ, каа, моѣ жаны,—кинула мяне!—А. мой сынъ! ты я табѣ не казавъ? Етакая волочащая у хозяйствѣни жить ня будя!—Я поѣду ле, батюшка, шукать!—Нѣ, мой сынъ, ня йди ты ле шукать, а табѣ возъму хорошую, вотъ зъ богача съ хорошаго...—Нѣ, батюшка, поѣду не шукать!... Ну, пошовъ. Ити дакъ ити, ити дакъ ити, и зайшовъ къ тому къ лясному хозяину, хто яго ростивъ. Тыперь тѣй и говоря: а што, говоря, Иванъ Знайдѣвъ: ты я не казавъ табѣ, ня пи горѣлки отъ жаны? А ты не послужавъ, вотъ яна тѣбе кинула. А што бъ за житѣе табѣ былъ хорошая!.. Што йна табѣ назала, икъ отходила?—А тольки сказала, што ты ўбачишя, ты не ўбачишя—у Шкляннѣхъ горахъ!—Вотъ ба жъ мѣвъ я табѣ указать, дакъ я самъ ня вѣдаю, дѣ Шклянныя горы! Вышовъ на крылцо, крѣкнувъ молодецкимъ голосомъ, свиснувъ богатырьскимъ посвистомъ,—златить къ лму птаство, што ёсть нѣкъ на сывѣти, уси златѣли. Тыперь ёнъ спрашуетца: а што, говоря, птаство: вы по сывѣту летаея—ти ня видѣли, ты не бачили, а дѣ Шклянныя горы находятца? Тожа яны отвѣщаютъ: мы увесь сывѣтъ злѣтуемъ, тожа Шклянныя горъ нигдѣ не видалы!—«Вотъ ба жъ мѣвъ я табѣ указать, дакъ вотъ не могу знать, идѣ Шклянныя горы находятца!» Тыперь ёнъ кажа: ну, вотъ жи: нѣ табѣ клубочакъ! Кинь етый клубочакъ: куды ёнъ будя катитца, туды я иди. Прикѣтитца етый клубочакъ къ нашаму къ срядьняму брату. Ты укажа, ты не укажа нашъ срядьній братъ табѣ Шклянныя горы! Ёнъ узавъ

клубочакъ, кинувъ передъ собой. Клубочакъ покотився, и ёнъ услѣдъ пошовъ. Ити дакъ ити—прикатився етый клубочакъ къ сярєдньому брату. Такъ братъ етый и закричавъ на яго тожъ: а што, ти нашъ братъ не казавъ табѣ не пить водки отъ жаны отъ своѣ? А ты не послухавъ! Што яна табѣ казала, якъ отходила?—А тольки сказала: што ти убачимся, ти не убачимся—у Шкляныхъ горахъ! Тожа жъ ёнъ говори: мѣвъ ба я табѣ указать, дакъ не могу знать, идѣ яны находятца! Тяперъ ёнъ вышовъ на крылцо, крикнувъ молодецкимъ голосомъ, свиснувъ богатырскимъ носвистомъ—икъ идуть якъ яму звярьё, што ёсть на свѣти, дакъ уси идуть къ яму,—тольки однихъ вовковъ нема. Тяперъ ёнъ сирашуя: што, вы, звярьё, по свѣту ходитя, ти не бачили, ти ня видѣли, а дѣ Шкляныя горы находятца? Яны говорятъ: мы увесъ свѣтъ сыходимъ, Шкляныхъ горъ идѣ не видали!—Отъ жа жъ: мѣвъ я табѣ указать, тольки не могу знать, идѣ яны, Шкляныя горы! На табѣ клубочакъ, кинь ты передъ собою. Куды етый клубочакъ будя катитца, туды ты и йди! Прикѣтитца етый клубочакъ къ большаю къ нашаму брату: ти укажа, ти не укажа табѣ нашъ большій братъ!.. Ну, ёнъ узавъ етый клубочакъ, кинувъ передъ собой. Ёнъ покотився, а ёнъ идѣтъ услѣдъ. Прикатився етый клубочакъ къ большаю брату, и ёнъ услѣдъ за клубочкомъ пришовъ туды. Такъ ёнъ и закричавъ на яго: а што, Иванъ Знайдѣнъ: ти нашъ братъ табѣ не приказававъ, што ня пй водки отъ жаны! А ты не послухавъ, вотъ яна и кинула тябе! Тяперъ ёнъ вышовъ на крылцо, крикнувъ молодецкимъ голосомъ, свиснувъ богатырскимъ носвистомъ. Якъ идуть къ яму вовки,—скольки ѡ на свѣти, уси йдуть. Тяперъ ёнъ сирашуя: што, вы, вовки, по свѣту ходитя,—ти не бачили, ти ня видѣли, идѣ Шкляныя горы находятца? Тѣй кажа: не бачивъ! тѣй кажа: ня видѣвъ! Такъ ёнъ крикнувъ на ихъ: якъ ба вамъ не знать? няможно вамъ не знать! вы по ўсяму свѣту бѣгавъ, якъ ба вамъ ня зывѣдате ўсяго свѣту? Ти уси вы, вовки, тутъ? Глядь, глядь,—одного вояка нема, хромого. Ёнъ вышовъ на крылцо, якъ свѣсьнѣтъ—листь оплавъ зъ лѣсу! Вовка того нема. Ёнъ у другій разъ вышовъ. Якъ свисня, дакъ гольбя спало! (Кто Юрій бывъ). Колдыня в тѣй. Ёнъ крикнѣтъ на яго: идѣ ты ходишь? Мы за тобой давно харчуемся, што тябе нема?—А я, говоря, далѣко ходивъ!—Дѣ жъ ты далѣко ходивъ?—А я бывъ, говоря, у Шкляныхъ горахъ!—Ну, хорошо, говоря. Ежали ты бывъ у Шкляныхъ горахъ,—штобъ ты доставивъ Ивана Знайдѣна у Шкляныя горы!—Ну, хорошо! Тѣй ножѣвся яго доставить. Садисъ на яяно! Ёнъ услѣвъ на яго. Дакъ ёнъ хромый—колынь! колынь! колынь!—Ахъ, вовкъ, говоря:—што ты хромый? Якъ па табѣ йхать? будемъ луччи пѣшки итить!—Што то вярхоиъ, а што пѣшки!—Нѣ, гово-

ря: у мене ёсть вёрстать такаа,—ёсть ковёръ самолётъ; якъ сядешъ, удругъ достава!—Ну, хорошо и это, говоря. Выри жъ ты у мене промижъ вѣщи шерести. Коли я табѣ потребнѣй буду, ты тыпѣнца высячи, моѣ шерести припачи,—я къ табѣ и буду! Отъ ёнъ яму указавъ, на якіе города, на какое што лятѣтъ.—И прилатѣвъ къ Шклянѣмъ горамъ. Дрався, дрався, дрався на гѣры, ниякъ ая ўзлѣзъ на горы. Ысыакъ тыпѣлцо, расклавъ, и припѣкъ вовчинѣя шерести—ти не ўкажа вовкъ, якъ ўзлѣзѣти? Бяжить и вовкъ къ яму: объ чимъ ты, Ивавъ Знайдѣнъ, мяне жалаешъ?—А отъ: не могу на горы ўзлѣзѣти!—А отъ, у тебе ёсть гроши свое; иди на базаръ, купи зялѣза, и иди къ ковалю, и покуй зялѣзные кокты на рѣки и на ноги. Узойдешъ жа ты на горѣ, стрѣня тебе калавуръ. Будуть тебе спрашавать—што ты за чаловѣкъ? А ты скажи, што я кухаръ, могу хорошо господамъ кушанѣя зготувать. Отъ яны тебе примуть. Тамъ твоя жана за главную ключницю. Вотъ ты тамъ и убачишься! Ну, тыперъ жа ёнъ пошовъ на базаръ, да купивъ зялѣза, да понѣсъ къ ковалю, покувавъ кокты на руки и на ноги, и пошовъ на горѣ. И узыйшовъ. Стрѣвъ яго калавуръ. И спрашуютъ у яго: што ты за чаловѣкъ?—А я, говоря, кухаръ: могу хорошо господамъ кушанѣя готовить!—О, намъ етакіе люди треба! Ну, тыперъ жа яны сказали яму: иди ты къ ключницѣ, яна загадая, што готовить, якими способами. Ёнъ пришовъ нкъ ключницѣ. И ўгадавъ ёнъ яѣ, а яна яго,—общапилися и поцалувалися. Отъ, я, каз, казала табѣ, што убачишься—не убачишься у Шклянѣмъ горахъ,—отъ, такъ и пришлось! Тыперъ жа ёнъ живе тамъ и день, и два, и три, и выдѣлю, и извѣстаю, кольки яны тамъ жили—тыперъ яна говора: мужъ мой любый, мужъ мой вѣрный! Твой батька вѣдая, што ёнъ тебе жанивъ со мною, а мой то ■ вѣдая, што я съ тобой жанилась. Отъ, на табѣ грошай, иди на базаръ и купи шестырикъ конѣй, што самыхъ налуччихъ; пойдѣ, што самый валуччій, кучарѣвъ, што самыхъ назлишнѣйшихъ! Ну, за гроши усѣ ёсть. Пошовъ на базаръ и усѣ это купивъ: и конѣй покупавъ, и пойдѣ, и кучарѣвъ, ти одного тамъ, ти двоихъ. Ну, їдъ ёнъ на етохъ пойдѣ нсъ кучарѣмъ, и самъ їдъ. Тыперъ ёнъ прѣхавъ, такъ яна и говора: мужъ мой любый, мужъ мой вѣрный! оставайся ты тутъ у Шклянѣмъ горахъ, и ходи ты и по садѣхъ и по 'нбарахъ, идѣ табѣ любо, и ни и їжъ, што захочешъ; а вотъ только ёсть будочка, древнымъ лычкомъ завязана, дакъ у тую будочку не гляди! А и поїду къ своему батьку на етохъ пойдѣ и зъ естѣмъ кучарѣмъ; дакъ ёнъ якъ убача, што кони хорошіе, пойдѣ хорошій, кучари лишніе,—дакъ ёнъ и подумая, што это сватъ прѣхавъ на етыхъ лошадахъ.

Отъ жа яна и поїхала, а ёнъ оставсь. Ёнъ идѣ ходивъ, и по са-

дохъ и по 'ибарахъ, усядахъ. И только яму зручнѣе: што это значитца, што у тую будочку нельзя поглядѣть? Такъ и ўзручнѣе яму. Отчинивъ и поглядѣвъ. Виситъ тамъ бязсмертный Кащъ подвѣшанъ, и конь яго подвѣшанъ. Такъ ёнъ и говора: эй, Иванъ Знайдѣнъ! покорми ты мяне! я тебе три разы отъ смерти отрятую!—Чинъ же тебе кормить?—А при-
няси мнѣ булку хлѣба! Ёнъ булку хлѣба пошовъ, принёсъ. Ёнъ самъ ёсть и коня кормя. Булку хлѣба зѣвъ, другія прося. Ёнъ пошовъ, другую принёсъ. Ёнъ самъ ёсть и коню да-
ётъ, самъ ёсть и коню даётъ. Изѣвъ двѣ булки, третью прося. Ёнъ пошовъ и третью принёсъ. Кащъ самъ ёсть и коня кормя, самъ ёсть и коня кормя. Подѣвъ. Типерь, говора, покормивъ, и папой. При-
няси мнѣ вядро воды! Ёнъ принёсъ. Ёнъ самъ пѣе и коня пѣя, самъ пѣе и коня пѣя. Вядро выпивъ, другого прося. Ёнъ пошовъ, другое принёсъ. Кащъ самъ пѣе и коня пѣя, самъ пѣе и коня пѣя. Вы-
пивъ два вядры, третятаго прося. Ёнъ принёсъ. Ёнъ самъ пѣе и коня пѣя, самъ пѣе и коня пѣя. Напився. Типерь, самъ оторвався, и конь отор-
вався. Ёнъ засѣлавъ лошада, и усьсѣвъ на лошада: вотъ же, говора, Иванъ Знайдѣнъ: за твою хлѣбъ-солъ жапа моя, а не твоя! Сѣвъ и поѣхавъ. Во и поѣхавъ. И стрѣвъ ёнъ жану, узавъ съ собою и повѣзъ у другія Шкляныя горы. Заставъ ёнъ одинъ у тыхъ горахъ. Ходивъ ёнъ, ходивъ, тошновавъ, тошновавъ: што тутъ дѣлать? пойдю яе шукать! Изновъ же: шукать яе? ня зѣстно, дѣ жъ тия горы Шкля-
ныя? Ёнъ уздумавъ опять на повка, тяселцо расклавъ, вовчинны шер-
сты припѣкъ—колдынан возкъкъ яму. Объ чинъ ты мяне, Иванъ Знайдѣнъ, жаласешъ?—А вотъ, говори: бывъ нашовъ жану, да и зновъ по-
терывъ!—Вотъ же ты, говора, не послухавъ яе—не гледи у тую будоч-
ку! Якая бѣ твоѣ жистъ была красивая! А ты во не послужавъ, поля-
дѣвъ, дакъ и потерывъ! Ёнъ яму зновъ указавъ тожа—на якіе городы, на якое што итить яму, на тия на Шкляныя горы изновъ. И поставивъ сялыны калавуръ тэй Кащъ бязсмертны на тэй уже на своѣй на Стек-
ляной горѣ.

Типерь ёнъ сѣвъ на ковѣрь самохѣтъ и полятѣвъ. Прилетая подъ тэй калавуръ. Типерь съ ковѣра сѣсѣвъ, и уварнувся у вирьякъ не-
навиедѣкъ. Ёнъ якъ надѣвъ, дакъ яго и ня види нѣшто. Ёнъ прошовъ етый калавуръ. Ну, увыйшовъ туды, у городъ, ставъ пататца, идѣ бяз-
смертны Кащъ? И тутъ сказали яму, што ёнъ бывъ, али поѣхавъ ку-
дась-то, незѣстно. Типерь ёнъ зайшовъ къ жалѣ и забравъ яе. И самъ сѣвъ на ковѣрь самолѣтъ и повѣзъ яе. Прѣѣжая къ калавуръ, сѣхавъ у вирьякъ генавидѣкъ уварнувся, самъ, и жану уваритѣвъ, и пройшавъ калавуръ етый. Типерь усьсѣвъ опять на ковѣрь самолѣтъ, самъ усьсѣвъ,

и жану посадивъ, и полятѣли. Сустракаютца зъ бязсмертнымъ Кащамъ. Конь яго зарзавъ. Ёнъ отвѣщая, Кащъ: чаго ты, несеее мясо, зарзавъ: ти ты на мяне злуешъ, ти на жонку на мою?—Нѣ, не на тебе,—на жинку на твою!—А што вамъ моя жинка здѣлала?—Ничого, говора, не здѣлала; только укравъ твою жану Иванъ Знайдѣнъ!—Такъ ты етого спужався! Мы жъ поѣдемъ у двору, да высычѣмъ лядо, на тымъ ляди посѣямъ пшаницы, съ тѣя пшаницы наваримъ пива, пива напѣмся, яго догонимъ и жану отбярѣмъ! Тяперъ жа яны поѣхали у двору, высыкли лядо, на тымъ ляди посѣяли пшаницы, съ тѣя пшаницы наварили пива, пива напились и поѣхали. Яго догнали и жану отобрали. Вотъ жа, говоря: за твою хлѣбъ-соль дарую табѣ! Я бъ тебе убивъ, да за твою хлѣбъ-соль дарую. Помни, што разъ отъ смерти отрѣтувавъ! Заставсь ёнъ одинъ зновъ. Думавъ, думавъ, што тутъ дѣлать? Пойду изновъ за жаной! Ну, тяперъ ёнъ уже дорогу вѣдая: сѣвъ на ковѣрь-самолѣтъ и полятѣвъ. А ёнъ поставивъ калавуръ тожа, тогды сильный, а тяперъ ще слабѣй. Ну. А што яму етый калавуръ, коли ёнъ у вирьякъ ненавидѣць уварнувся, дакъ яго никто и ня вѣда. И пройшовъ мимо. Ну, пришовъ и распатався: идѣ тутъ бязсмертный Кащъ пребывае?—Ёнъ бывъ, говора, да полятѣвъ у другое царство!—Ну, ёнъ къ жанѣ. Ёнъ забравъ не, усадивъ на ковѣрь, самъ сѣвъ, и полятѣли. И ѣдутъ. Опять сѣркаютца зъ бязсмертнымъ Кащамъ. Конь яго зарзавъ. Ёнъ отвѣщая, Кащъ: чаго ты, несеее мясо, зарзавъ: ти ты на мяне злуешъ, ти на жонку на мою?—Нѣ, не на тебе,—на жинку на твою!—А што вамъ моя жинка здѣлала?—Ничого, говора, не здѣлала; только укравъ твою жану Иванъ Знайдѣнъ!—О! тавъ ты етого спужався! Мы жъ поѣдемъ у двору, да высычѣмъ лядо, на тымъ ляди посѣямъ пшаницы, съ тѣя пшаницы наваримъ пива, пива напѣмся, яго догонимъ и жану отбярѣмъ! Поѣхали у двору, высыкли лядо, наѣяли пшаницы, наварили пива, напились и поѣхали. Догнали ихъ; ёнъ жану отобравъ. Ну, помни жъ: я тебе два разы отъ смерти отрѣтувавъ. Я бъ тебе теперъ убивъ, да за твою хлѣбъ—соль дарую! Ну уже коли за третѣмъ разомъ прїѣдешъ—убью! Тяперъ ёнъ застався одинъ. Што тутъ дѣлать? Думавъ, думавъ—но смерть итить! А, пойду зновъ за жаной! Усѣсѣвъ на ковѣрь-самолѣтъ и полятѣвъ. Той калавуръ еще сильнѣй поставивъ. На што яму калавуръ, коли у яго ёсть перстатъ—уварнувся у вирьякъ, дакъ яго никто и ня вѣда. Пройшовъ мимо калавурѣ. Увышовъ у городъ и патая: идѣ тутъ Кащъ бязсмертный проживае?—А ёнъ бывъ, говора, да полятѣвъ у другій городъ! Ёнъ тяперъ зайшовъ къ жанѣ и говора: распатайся ты у Каща, идѣ ёнъ выслуживъ етакого лошада!—Добро, я распатаю. Только выйди ты зъ етого города на ўрѣя, а то ёнъ тебе зинстожа! Ёнъ вышовъ.

А ёнъ прїѣхавъ; яна подлѣзла къ яму лѣстями: ну што, говоря: идѣ ты сабѣ эткого лошади выслуживъ?—О, гдѣ выслуживъ? Ты думаешь, выслужа твой Иванъ Знайдѣнъ? Нѣ, ня выслужа! Ёсть на тридевитой зямлѣ, на тридесятѣмъ царствѣи ёсть Баба-Юга. Дакъ ёсть у яе сто кобылицъ. Кто только спасе тыхъ кобылицъ три дыни, дае жарабца самаго перваго на выборъ. Да нѣ уже: уже усѣ колья—дворъ занёсянъ частоколомъ—дакъ усѣ колья завѣшано уже головами: што не спасуть три дыни, голову долой. Только одинъ колъ остався. Дакъ ежали пойдя етый Иванъ Знайдѣнъ коня заслужувать, дакъ на томъ колу яго голову завѣсютъ! Отъ, тянеръ жа ёнъ побывъ трохи, опять жа поѣхавъ куды тамъ. Ёнъ изновъ увыйшовъ у етый городъ, Иванъ Знайдѣнъ, распатася: ти бывъ тутъ Кащъ?—Вывъ!—А тянеръ дома?—Нѣ, поѣхавъ куды тамъ! Ну ёнъ тянеръ къ жалѣ. Ну што, говоря, ти паталася?—Паталася!—Ну, што сказавъ?—А сказавъ, говоря, што за тридевять зямель, у тридесятѣмъ царствѣи, ёсть Баба-Юга. Дакъ ёсть у яе сто кобылицъ. Кто только спасе тыхъ кобылицъ три дыни, дае жарабца самаго перваго на выборъ. Да нѣ уже: уже усѣ колья—дворъ занёсянъ частоколомъ—дакъ усѣ колья завѣшаны уже головами: што не спасуть три дыни, ну голову долой. Только одинъ колъ остався. Дакъ ежали пойдя твой Иванъ Знайдѣнъ коня заслужувать, дакъ на томъ колу яго голову завѣсютъ! Ну, ёнъ думавъ, думавъ: што тутъ дѣлать? Разъви по смерть итить? Ну, да уже што Богъ дастъ, то й будя, а пойдю жарабца доставать! Тянеръ жа ёнъ уже зинестоживъ и коверъ тѣй и непавидецъ, и поповъ няшкѣмъ, коня выслужувать.

Ну, тянеръ нема ямъ ни двора, нема ямъ ни села, нема яму ничого—судки ишовъ ня ѣвши, нечимъ ямъ и покоринтца. Ишовъ, ишовъ ёнъ, и приходя къ морю. Ляжѣтъ ракъ на бѣрези. Узявъ ёнъ колъ: пойдю, етого рака забью, и то подѣмъ! Приходя ёнъ къ яму, ракъ говоря: эй, Иванъ Знайдѣнъ, ня бѣ ты мяне! отколупи изъ мяне шалунашку и возьми у кармаи. Коли я табѣ треба буду, дакъ ты тѣпло раскладя, да шалунашку припачи, дакъ я къ табѣ й буду,—я табѣ знадоблюсь! А возьми мяне, да коломъ етымъ, да спихни у водѣ! Значитца, ёнъ засохъ, ня ножа звярнутца. Отъ ёнъ яго спихнувъ у водѣ, ёнъ поплывъ. Застався ёнъ опять ня ѣвши. Увышовъ у пущу—чикають дятлы у деревѣ. Ёнъ сопрянувся: полѣзу етыхъ дятловъ побяру, и то подѣмъ! Подлѣзая туды—лятитъ дятель старый: эй, Иванъ Знайдѣнъ, но бари ты моихъ дѣтокъ! Вырви ты у мяне пярцѣ и ўложъ у кармаи! Коли я табѣ буду треба, ты высычъ тѣпелцо, раскладя, и моѣ пярцо припачи. Дакъ я къ табѣ буду—я табѣ знадоблюсь! Такъ ёнъ изновъ и полѣзъ доловъ ня ѣвши. «Богъ вѣдая! Куды я йду, никого ня вѣдаю, и што мнѣ Богъ

еть. То жъ не дѣтки усѣ! Узала зялѣзныи пруть и пошла ихъ наказу-
вать. А, говоря: шукнины дѣтки, вы зѣ имъ любитеся, зинухались,—отъ
яго не похувались! И набила ихъ.

Ну, теперь, вѣчера яму наготувана, ѣнъ повѣчерявъ и лёгъ спать.
Яна до сѣвѣта устала, хату затопила, ладокъ напекла, паклала у кошель,
и будя яго: устань, Иванъ Знайдѣнъ, пора кобылицъ гнать у поля! Ёнъ
уставъ, умывся, Богу помолився, кошель на плечи, усхавивсь на кобы-
лицу, и потутивъ ихъ у чистое поля. Пасѣть жа ѣнъ ихъ до полудня.
Пасѣть, и ходють хорошо, усѣ. Захотѣлось жа яму полудновать. Ёнъ ко-
шалокъ отчинивъ и зѣвъ етыя ладошки. Якъ только ладокъ тыхъ зѣвъ,
такъ и заснувъ. Приходя яна зновъ къ яму, будя яго: устань, Иванъ
Знайденъ! Ёнъ прощнувся. А дѣ моихъ кобылицъ подѣвавъ? Вотъ конюхъ!
Издайсь на етакое конюха! А ѣнъ уже осѣмлявъ; дыкъ ѣнъ на яѣ
сыкнувъ: што ты, говоря, Баба-Юга! што ты мяне, у день не пасешъ!
Нехай ходють; идѣ хочуть. А коли увечари не пригоню, тогда я ви-
новать буду!—Ну, хорошо, найду я тебе и увечари! Теперь ѣнъ вы-
сыкъ тѣпелцо, расклавъ, прилѣкъ дятлово пярцѣ. Дятить дятель къ яму:
а што, Иванъ Знайдѣнъ: што бѣ ты дѣлавъ теперь, колыбъ моихъ дѣтей
поѣвъ? Ты бѣ теперь самъ убивсь! А вотъ я табѣ теперь знадоблюсь!
Ну, иди жѣ ты стань вотъ тамъ и тамъ, я собяру свою силу,—я ихъ
новыгоню! Ёнъ и ставъ тамъ—идѣ, по яго казказѣ. Ёнъ собравъ свою
силу. Якъ зачали ихъ клювать, зачали дѣвбать,—падали яны, падали—
негди имъ уже дѣтца! Стали высѣкаувать. Яны по дуилѣхъ похувались.
А ѣнъ шитая. Дошитавсь до послѣдня, усхавивсь на яе и потутивъ у
двору. Ето уже два дѣни спастивъ. Пригоняя жѣ ѣнъ у двору, яна
стоитъ у воротахъ: отъ, молодець конюхъ! Два дѣни спастививъ! Ще день
спаститишь—получишь жарабца!.. А на ихъ злуя, што не похувались отъ
яго. Узала зялѣзныи пруть и давай ихъ бить. Тогда наготуваца яму вѣ-
черять; ѣнъ повѣчерявъ и лёгъ спать. Яна до сѣвѣта устала, хату затопи-
ла, ладокъ напекла, у кошель напекла, и будя яго: устань, Иванъ
Знайденъ, пора кобылицъ гнать у поля! Ёнъ уставъ, умывся, Богу по-
молився, кошель на плечи, усхавивсь на кобылицу, и потутивъ ихъ у
чистое поля. Пасѣть жа ѣнъ ихъ до полудня. Пасѣть, и ходють хорошо,
усѣ. Захотѣлось жа яму полудновать. Ёнъ кошалокъ отчинивъ и зѣвъ
етыя ладошки. Якъ только зѣвъ, такъ и заснувъ. Якъ ѣнъ только заснувъ,
яна и приходя къ яму зновъ. И будя яго: «Иванъ Знайдѣнъ!» Ёнъ якъ усѣ-
нитца! «А дѣ ты моихъ кобылицъ подѣвавъ? Я на тебе здалася, а дѣ ты ихъ
подѣвавъ?» А ѣнъ на яе тожа отвѣтивъ: што ты мяне, у день не пасешъ! Не-
хай ходють, идѣ ходють, абы къ вѣчару я пригнавъ ихъ! Коли увечари не
пригоню, тогда я виновать буду!—Ну добра, и тебе увечари спасу! Яна усѣ

надѣтца, што ёнъ пайдя ихъ. Ина уже вѣдая, дѣ яны. Тяперь ёнъ узавъ, тупелцо высякъ, расклавъ, припѣкъ мурашкино парцѣ. Повзе мурашка къ яму. А што, Иванъ Знайдѣнъ, што бѣ ты тяперь дѣлавъ, коли бѣ мяне зѣвѣвъ! Ты бѣ тяперь самъ процавъ. Ш жѣ казала, што я табѣ знадоблюсь. Ну, йди жѣ ты стань у(во)тамъ и тамъ, я собяру свою силу и ихъ повыгоню. А ты стой и ичитай! Ёнъ пошовъ и ставъ. Мурашка собрала свою силу и выгнала ихъ съ нодѣ зямли. Ёнъ дощитався до послѣднѣя, усталивсь на яе и цотуривъ у двору. Ну, пригоняя у двору—тамъ яна у ночи яму бытто такъ рада: отъ, Иванъ Знайдѣнъ, молодечы! три дѣни спасътививъ! заўтри жарабца получа! А сама злуя на ихъ. Узила зялѣаный црутъ и давай бить ихъ. Тяперь, яму вичери наготуваѣна; ёнъ повячерявъ и спать лёгъ. Давъ Богъ день, ёнъ уставъ, умывси, Богу помоливси. Тяперь яна прося яго уже зѣ ласки: Иванъ Знайдѣнъ, служивъ ты мнѣ хорошо три дѣни, спасътивъ моихъ кобылицъ, —прислужи ты мнѣ уже: разсѣй ты мнѣ лубучку маку! Такъ ёнъ и поумивъ: што тутъ? Уже жѣ больше служивъ! што тутъ пораскидать, забавка? Узилъ ету лубучку маку и засѣявъ. Тяперь яна говори: да, разсѣять ба я сама разсѣяла, а якъ ба яго подобрать, штобѣ опять повна была? Ёнъ тутъ усердився: што такое?—взяѣла разсѣять, а тутъ собирать треба!—Нѣ, мнѣ того не ждаты, покуль ёнъ узрастѣ; а мнѣ луччасъ збирай! А не збирѣшь—не получишь жарабца! Тяперь ёнъ думавъ, думавъ: што тутъ? служивъ кольки, и вѣ табѣ—не получишь жарабца! И ўадумавъ ёнъ на мурашку, што яна тыки казала, што два разы знадоблюсь табѣ! Ёнъ тяперь тупелцо высякъ, расклавъ, и припѣкъ мурашкино парцѣ. Мурашка къ яму. А што, Иванъ Знайдѣнъ, што бѣ ты тяперь дѣлавъ, колибѣ мяне зѣвѣвъ! Ты бѣ тяперь самъ процавъ. Ну, поставъ жа ты ету лубучку посярѣдъ полянки, я собяру усю свою силу, яны свчасъ зволокуть! Ёнъ поставивъ ету лубучку,—такъ яны якъ попоззли, дакъ якъ мурашки,—такъ яму у минутоу и ўстягнули,—повна лубучка. Принося ёнъ ету лубучку къ ей: нѣ табѣ, Баба ты Юга! Ну, день пройшовъ, почувать треба. Ёнъ заночувавъ. И была у яе служебка. Дакъ тая служебка зная усѣ—усѣ,—што яна отобрала силу у усихъ жарабцовъ, да 'дному 'тдала. Дакъ ёнъ уже мощно силанъ, што нѣ можа силы зносити. Дакъ ёнъ ляжить подъ ясыяны, тѣй конь. Здѣлала яго самымъ пуцкимъ, сизнаго того. «Дакъ не бари ты самого луччаго, а возьми ты самого пуцчаго, што подъ ясыяны, а тыхъ луччихъ не бари!» Ёнъ пазяўтраго, давъ Богъ день, уставъ, умывси, Богу помоливси. Уходя яна: «Ну, Иванъ Знайдѣнъ,—пора жарабца выбирать!» Ну, пошли выбирать! Ну, якъ яму уже сказано, дакъ якъ ишовъ, дакъ пришло къ тому къ пудлому, цандчкой яго шыгавъ. Такъ ёнъ цану—цану

ускарабався, уставъ. Ёнъ яго за гриву, узавъ и волочѣ. А тамъ такіе хорошіе, такіе тамъ бодры, што такъ и пляшуть. А ёнъ того волочѣ, пудлаго того. Такъ ёй ня хочетца! Ахъ, говоря, Иванъ Знайдѣнъ: ты ў мяне бывъ хорошій конюхъ, хорошо миѣ спасътивъ, и усѣ, да барешъ самаго пудлага! Ты возьми отъ етого, што тамъ пляша который!—Э, говори, бабка: я самъ плѣхій чловѣкъ, плѣхаго коня возьму! Узять миѣ хорошаго, дакъ ёнъ мяне разобѣдъ, звѣля и побяжить куды! А сказано, на выбѣръ! Ёнъ волочѣ того. Ёй хотъ и ня хочетца, да ўже на выбѣръ сказано, дакъ ёй пельзи судитна. Ну, пывавъ яго на Юрьеву росѣ. Лошадъ говоря: понасей мяне зарю на ячмени, а зарю на пшаницы, а зарю на 'вѣ! Тогда, посьли того, конь лёгъ, покачався, уставъ, стрепянувся. Стала на ёмъ золотая шарсьтипка, сяребриная. Ну, садись на мяне! Ёнъ усьсѣвъ и поѣхавъ. Пріѣжжая къ тому городу, къ Шклянѣму. Уѣхавъ у етый городъ и распытуя: ти дома бязмертныи Кацъ?—Нѣ, говоря: ёнъ бывъ, да выѣхавъ куды тамъ! Ёнъ тяперъ узавъ жану, самъ сядіть на лошади, яѣ посадинъ на лошади и поѣхавъ отгуль. Ъхавъ, ѣхавъ, ѣхавъ, сустрькастца зъ бязмертныи Кацамъ. Сустрькастца зъ бязмертныи Кацамъ, конь яго зарзавъ. Ёнъ пыта я: чаг ты, песьсее мясо, зарзавъ? ти ты на мяне ржешъ, ти на жонку на мою?—Нѣ, не на тябе, а на жонку на твою!—А што табѣ моя жонка здѣлала?—Ничого, кав, яна миѣ ня здѣлала, только укравъ твою жинку Иванъ Знайдѣнъ!—О! дакъ ты етого спужався? Мы жъ поѣдемъ у двору, да высажемъ лядо, на тымъ ляди пасѣямъ пшаницы, съ тѣд пшаницы паваримъ нива, того нива нацѣмся, и то яго догонимъ и жаву отбяромъ. Лошадъ говоря: нѣ, говоря, хозяйнъ: мы тяперъ уже жаны не 'тбарѣмъ!—«Якъ то не 'тбарѣмъ»? Ёнъ и схависся!—А такъ, говоря: ёнъ уже выслуживъ нашего меньшаго брата. Да ў яго уся сила отъ нашихъ братцовъ. Дакъ мы уже тяперъ у яго не 'тбарѣмъ жаны!.. Нѣколи жъ яму уже ѣхать у двору да сѣць лядо, да сѣять пшаницу, да варить пиво,—да вырнувся, да ўже усьлѣдъ за имъ. Тѣй жа идеть шагомъ, пяредыи, а етый лятить—потъ кривавой пѣной,—што не догоня. Лошадъ зъ лошадию говоря, зъ братомъ: што ты, говоря, догоннешъ мяне? Ти ты хочешъ битца со мною, ти ты хочешъ зъ Иваномъ Знайдѣномъ (ѣхать)?—Нѣ, братецъ: якъ жа миѣ съ тобой битца,—я съ тобой на ровняшъ!—А коли хочешъ зъ Иваномъ Знайдѣномъ, дакъ ты своего хозяина узьними подъ небеса, да й пусъти съ сябе,—нехай ёнъ ударитца объ сыру зѣмлю, объ бѣлый камянъ, нехай ёнъ разсыплетца дробнѣй наку!—Ахъ, миѣ шкода, кажа, своего хозяина: ёнъ хорошо мяне кормя!—Ничаго, будя тябе Иванъ Знайдѣнъ кормить! Отъ ёнъ яго узнѣсь подъ небеса и пусътивъ яго съ сябе. Ёнъ якъ лятѣвъ—ударився объ сырую

гэтый малецъ ухаживъ гэту булѳку, якъ кинувъ угѳру! Пошѳвъ у горлицу, выпивъ стакачъ (g) чаю, шклянку. Тѳперъ обдумавъ, што яна сейчасъ будетъ назадъ лятѳтъ, вышовъ, надставивъ колѳно. Яна якъ ударила 'бъ колѳно—исполамъ пераломилась. «Ну, говорѳть, дѳдулька, —поладѳти, што жъ я буду дѳлать?» Ковалки принѳсъ яму, положить. Тогда гэтый дѳдѳ на гэтыхъ кувалѳвъ почавъ сваритца: што вы, говорѳть, дѳлаѳти? Прикинувъ ящо пѳтьдѳсять пудѳвъ зялѳза. Тогда ѳнъ узѳвъ, попробувавъ, —кинувъ угѳру. Повѳрнувъ у горницы, сейчасъ жѳ ѳ выхѳдитъ, —звѳрнулаъ булѳка назадъ. Ёнъ надставивъ колѳно —только согнулаъ; пераломѳтца не пераломилась. Ну, касѳъ, дѳдулька, —дѳкуй! Узѳвъ писмо, попрѳщавъ зъ дѳдомъ и пошѳвъ.

Якъ ѳти дыкъ ѳти, якъ ѳти дыкъ ѳти, —прихѳдитъ ѳнъ къ мору. А бѳзмѳртный царъ за морѳмъ. Пѳтыкъ того, думавъ-думавъ, думавъ-думавъ: што тутъ дѳлать? Узѳвъ перакъсѳивъ, размахнувъ, якъ ударивъ —мѳра назадъ и напѳрадъ, туды-суды вода расхѳнаѳтца. Ёнъ дали, ѳнъ дали. Якъ бѳтъ дыкъ бѳтъ, якъ бѳтъ дыкъ бѳтъ —вышовъ на бѳрагъ. Сѳвъ отдыхать на бѳрази, перакъсѳивъ: слава табѳ, Господѳ, што янѳе Бѳгъ перанѳсъ! Прихѳдитъ къ бѳзмѳртному цару, и понавъ яго у доми, и подаѳтъ писѳмѳцѳ налившо цару бѳзмѳртному. Гѳтый царъ распѳчитувавъ писѳмо и смотрѳть на гѳто: смотрѳть у писмо, и поладѳтъ на яго. И стало яго жалко, напѳрѳъ, што прислано, напѳрѳъ, кабъ яго страбѳтъ, и нема—вѳдоми за што. Тѳперъ ѳнъ, гэтый бѳзмѳртный царъ, узѳвъ, отѳйсуетъ писмо назадъ, яго дѳду. А у гѳтаго бѳзмѳртнаго цара капулюшкѳвъ висѳтъ на сѳѳѳнахъ, по пѳтсѳтъ пудѳвъ, спѳжѳвыхъ, —много ихъ висѳтъ тамъ, кругѳмъ обѳшано. Ёнъ узѳвъ съ сѳѳѳны капулюшѳкъ ды: вѳтъ, говорѳть, мой голубѳцъ! заняъ дѳду своему гѳсѳтинѳчика, говорѳть. Думавъ, што ѳнъ подѳ имъ и заснѳтъ тамъ. Узѳвъ гэтый капулюшѳкъ, ды яму на головѳ ѳ надѳвѳъ. А ѳнъ страханувъ, добрый молодѳецъ, у рукѳ яму пуцулувавъ: прощайтѳ! говорѳть. Бѳзмѳртный царъ только стрѳшитца: аю! молодѳецъ мальчикъ! Ёнъ вышовъ, вышовъ вѳнъ, значитца, подѳкувавъ, узѳвъ свою булѳку и капулюшѳкъ: пѳтсѳтъ пудѳвъ капулюшѳкъ и двѳсѳтъ пѳтьдѳсять булѳка. Перакъсѳивъ и пошѳвъ. Прихѳдитъ къ мору и —Господѳ богѳслови! —полѳзъ узновъ у мѳра. Дѳ ударѳтъ —тамъ и сухо, дѳ ударѳтъ —тамъ и сухо, —и перайшовъ водѳ, перабѳвъ водѳ. Прихѳдитъ къ своему дѳду. Пришовъ къ дѳду, писмо вынѳвъ. Обрѳбѳвъ дѳдѳ, што ѳнъ вѳрнувся. Што зъ имъ робѳтъ? Положивъ гѳто писмо дѳду на столѳ —вынѳвъ, —ставъ дѳдѳ расчитувѳть гѳто писмо, што яму приславъ бѳзмѳртный царъ. А ѳнъ хѳдитъ по покои: забѳвѳся на тѳй капулюшѳкъ, што яму приславъ бѳзмѳртный царъ —дѳду гѳсѳтинѳчика. Тогда уздумавъ на гэтый капулюшѳкъ: ахъ, говорѳть, дѳдулька! Табѳ бѳзмѳрт-

вый потпёръ дѣвери! Сичасъ: гэтый Вусачъ подлѣгъ подь дѣвери, а сярѣдняя сестра якъ соскочила, якъ ударила кѣльномъ, дыкъ гэтый Вусачъ за пять вѣрстъ зъ дѣвярми отлѣтѣвъ! Тяперъ самы одѣлися я полатѣли узновъ. Гэтый Вусачъ пришовъ и дѣвери принѣсъ за собой. Установивъ дѣвери, и самъ пошовъ, товаришовъ своихъ пашовъ. Назаўтраго полатѣть—узовъ тонитца лазня! Тяперъ тѣй говоритъ, Лыцаръ Давидоновичъ: ну, тяперъ, говоритъ, братцы, и мнѣ треба пилнуватца! Пристаеъ тожъ узновъ три ластувки, съкинулися дѣвками, раздѣляси и пошли узновъ піратца. Ну, каецъ: треба мнѣ тяперъ ити,—я-тку пойдю подопру дѣвери! Пошовъ, подлѣгъ подь дѣвери. Тяперъ бѣльшая сестра говоритъ: ну, вотъ тяперъ, каецъ, сестрицы, дужо, говоритъ, нещъ здоровый потпёръ дѣвери! Якъ мы, говоритъ, выдѣрежся отсюль? Ну, говоритъ, непробѣю-тку и отчинятъ! Бѣльшая сестра якъ соскочила, ударила у дѣвери—дыкъ дѣвери не подалися, а верхъ сорвався, злѣтѣвъ доловъ. Такъ яны ихъ и половили тамъ. И тяперъ, якъ половили яны ихъ, дыкъ яны и говоруть: мы по дружби своей дрѣговъ шукали,—накъ ня булѣ рѣвницы! Дѣвки тѣя кажутъ. А тяперъ,—хотѣвъ бѣльшую сестру узять начистый смокъ. Яны бѣльшую силу мѣли, не подалися ямѣ. Тяперъ яны сичасъ побралися: мѣньшая сестра Гороховику, а сярѣдняя сестра Вусачу засталась, а гѣтому, Лыцару Давидоновичу, бѣльшая сестра. Ну, говоритъ,—якъ мы дѣйствували, заступали гѣтому городу, такъ вы тяперъ дѣйсуйтѣя, заступайтѣя за насъ, мѣжи напѣи!

Сичасъ, назаўтраго вызываеъ начистый смокъ на пальбу. Нагнавъ народу—Божа сохрани што! Тяперъ мѣньшая тѣя сестра кажеъ: ты жъ, говоритъ, Гороховикъ, набяри сабѣ коробку камѣнная, и ты, говоритъ, усихъ побѣеши чисто камѣннѣякъ, а яго, каеъ, не чапѣй, бл, каеъ, пропадѣеши! Ёнъ, гэтый Гороховикъ, пошовъ, назьбравъ камѣнная коробку свою. Ажъ стойтъ народу, такѣя сѣтяги поставляеъ народу! Ёнъ, якъ шибнѣтъ камѣнь, такъ и здѣлаеъ вулицу! Якъ шибнѣтъ, такъ и здѣлаеъ вулицу! А гѣтого ня трогаеъ. Дѣшли одинъ до 'дного, гэтый Гороховикъ и смѣкъ, одинъ одному склонилиси, и разышлиси ўрозъ. Ну, назаўтраго бѣльше того собрать народу, выгнавъ ящо. И вызываеъ ящо на пальбу яго. Тяперъ сярѣдняя сестра говоритъ: ну-ка, Вусачъ, говоритъ,—табѣ сяньни ўрэжя ити, говоритъ. Табѣ, каеъ, ничего ня треба,—ты, каеъ, вусами усихъ побѣеши, говоритъ. А яго не чапѣй! Тяперъ, ёнъ якъ вышовъ, якъ крутънеъ вусами—усихъ чисто попосѣкъ вусами. Остався ёнъ тольки одинъ. Сышлиси яны ўкучу, одинъ одному склонилиси, и разошлиси такъ, по чести. На третѣй дѣнь нагнавъ народу дыкъ у три часѣти того, што тогды наговявъ. Тяперъ, сестра тѣя бѣльшая: ну, говоритъ, Лыцаръ Давидоновичъ,—табѣ сяньни ити на пальбу!

Ты, каеѣ, усикъ побѣдѣшь, усикъ побѣдѣшь, а яго ня тронѣ, не чапай, бо ты смѣлѣ, отважанѣ—пропадѣшь! Ну, ёнѣ тяперѣ якѣ пошовѣ на палѣбу, Липарѣ Давидоповичѣ,—размахнѣть булѣвку, якѣ пусѣтитѣ,—такѣ вулицу и вѣложитѣ. Потскѣнитѣ, ухѣпитѣ—такѣ и узѣнова! Побивѣ усикѣ; остался ёнѣ только одѣняѣ, гѣтый пѣчистый смокѣ. Тогда ёнѣ, гѣтый Липарѣ Давидоповичѣ, подумавѣ, подумавѣ, адылѣ: ахѣ, ити яго—ня уступлю! Якѣ развѣвѣ булѣвку, размахнувѣ-размахнувѣ, покрутивѣ, якѣ пусѣтитѣ—и понавѣ лму по сярѣдини. Ёнѣ только увѣгнувѣся, и пошовѣ. Тогда ёнѣ: ахѣ, итѣть твою, каеѣ. Што жѣ ты за такѣй? Зновѣ якѣ раскрутивѣ булѣвку, якѣ вѣтнеѣ яго по сярѣдини! Зновѣ увѣгнувѣся, и пошовѣ. Ёнѣ третѣй разѣ ставѣвѣ гѣту булѣвку: ахѣ, матѣ твою такую! Якѣ вѣтнеѣ—ёнѣ поваливѣся. Тогда якѣ ускѣчивѣ да кѣ лму! Якѣ ударивѣ щавкомѣ по лбу—ёнѣ я заснувѣ на тѣмѣ иѣсѣти, гѣтый *Ликсандра Видоновичѣ*. Такѣ ёнѣ сѣчасѣ узавѣ яго жану, гѣтый пѣчистый смокѣ, и понѣсѣ за мѣра сѣ собѣю. А гѣты товарищи у гѣтымѣ городѣ засталисѣ иѣсѣ своими жапанѣми житѣ.

Ну, тяперѣ, ёнѣ якѣ лежатѣ дыкѣ лежатѣ, якѣ лежатѣ дыкѣ лежатѣ, гѣтый Ликсандра Давидоновичѣ—цѣлый годѣ лежавѣ; и булѣвка ли яго ляжитѣ. Тяперѣ, дѣ-то бабка якая была—двѣсѣти годовѣ було ёй, гѣтой бабпы,—и палучила на яго, што ёнѣ ляжитѣ. Ахѣ, говорѣть, —занапрасно гѣтый чалѣвѣчакѣ загибаѣть, пѣлый годѣ ляжитѣ тутѣ! Яна тамѣ што коло яго поворожила—ёнѣ я уставѣ. «Ахѣ, говорѣть, бабка моя прѣлюбѣзная,—якѣ я смѣшно заснувѣ!»—А, каеѣ, ты заснулѣ бывѣ на вѣкѣ, каеѣ.—«А иѣдѣ жѣ, говорѣть, моя жапа?»—Дѣснѣ узавѣ, говорѣть, пѣчистый смокѣ твою жапу, понѣсѣ за мѣра, говорѣть. —«Ахѣ, говорѣть, бабка моя прѣлюбѣзная! ти могу я оттулѣ достѣть иѣ коли, ти нѣ?»—Ня вѣдаю, каеѣ, голубѣкѣ, якѣ иѣ достѣть! Возьми ты, говорѣть, купи пара хѣрѣтовѣ, и пара, каеѣ, сѣлязѣиѣвѣ, и каеѣ, иѣди за мѣра.—ты иѣ тамѣ иѣйдѣшь, говорѣть. Ёнѣ узавѣ свою булѣвку, купивѣ гѣто усѣ, справивѣ, и пошовѣ за мѣра. Приходѣть кѣ мору, якѣ ударитѣ по мѣру: дѣ ударитѣ, тамѣ сухо! дѣ ударитѣ, тамѣ сухо! дѣ ударитѣ, тамѣ сухо! Перайшовѣ на тѣй бѣкѣ мѣра, Перайшовѣ на тѣй бѣкѣ мѣра. Перайшовѣ на тѣй бѣкѣ мѣра, попытѣвѣся у пѣстухѣ, говорѣть: дѣ тутѣ, говорѣть, пѣчистый смокѣ живѣть? говорѣть. Пѣстухѣ яму наравѣ, показавѣ яму двѣрѣцѣ, дѣ ёнѣ живѣть. «А ти ѣсѣ ёнѣ доиа?» говорѣть.—Ёнѣ, чутѣ-дѣняѣкѣ, дыкѣ я лятитѣ на сѣвѣтъ, говорѣть. Тяперѣ, гѣтый Ликсандра Давидоновичѣ захинувѣся дѣ и пѣравѣчувѣвѣ. Назаутраго, совѣюшко узѣйшло, обѣтра-ло, такѣ ёнѣ я пошовѣ у гѣтый двѣрѣцѣ просто. Ажно яго и не понавѣ, у дому нема ўжѣ, полатѣвѣ на сѣвѣтъ. Приходѣть ёнѣ кѣ ёй: «а бачѣ, каеѣ,—ти ты мяне и тутѣ пѣшовѣ?»—А пѣшовѣ, каеѣ.—«А штожѣ

будеть, што ты мяне папшовъ: ты мяне ля възьмешъ отгатулы!» Ина яго тогда тамъ покормила, и радить и радить. Давай яны радить,—допятайся ты, говорить, идѣ яго дупа? Якъ ёнъ бязсмэртный смокъ,—идѣ яго дупа? Ина ўзяла яго, заперла у скрыню,—такая скрыня большая стоить. Ина яго ўзяла, усадила у скрыню и заперла. Пётыхъ ёнъ прилетаетъ домовъ ужо ўвечару,—полетавъ по воздуху, по свѣту. Прилетѣвъ, похадивъ: ахъ, каеъ, якъ тутъ русьсее мясо пахнеъ! А йна говорить: летасиъ по свѣти, набрався, говорить, воздуху, дакъ яно табѣ, говорить, и пахнеъ!—А можа, каеъ: стало бытъ и гэта! Тѣперъ, увечара, сѣли яны за столъ, яна у яго допрашиетъ, говорить: живимъ мы съ тобой годъ, а правды не кажашъ ты миѣ! Ёнъ сьмяётца зъ гэтаго. Ина говорить: дѣ-тыки твоя дупа знаходитца? Ёнъ тогда зъ лѣ сьмяетца,—показавъ ёй у гату щотку, што покои мятутъ: во дѣ моя дупа,—у гэтой щотцы! Дождали дня, пераночувавъ ёнъ, такъ ёнъ опять на свѣтъ и полатѣвъ зновъ. А йна ўзяла гату щотку, увобрала яд у такея тываты, што золото, просто, и положила на ложку на яго. Прилетаетъ ёнъ ўзнавъ увечара и сычасъ отвѣщаеъ: ахъ, говорить,—русьсее мясо пахнеъ! Ина отвѣщаеъ: ахъ, Вожа мой! усѣ русьсее мясо! Летасиъ по свѣту, дыкъ ты набрався,—табѣ и пахнеъ яно! Тогда ёнъ ужо на лажакъ на свой, отдыхать ужо. Нанавъ гату щотку, отвѣщаеъ: душка, што гэта? говорить. А йна яму отвѣщаеъ: гэта жъ, каеъ, дупа твоя! Ёнъ тогда ўханивъ гату щотку, якъ кинетъ объ зѣмлю, ды й захохатавъ: ахъ ты, каеъ, дура-баба! Дѣ можно бытъ, кабъ у щотцы дупа моя? Ина тогда й заплакала: «отъ жа, каеъ: усѣ жъ ты миѣ правды не кажашъ! Не могу я ў тѣбе правды дойти?» А ў яго бѣлый козѣлъ бывъ, большуций—большуций козѣлъ, и гэта ёнъ усѣ зъ нимъ при покои бываеъ. Тѣперъ ёнъ покѣзыетъ на гэтаго козла: отъ, говорить, у гэтаго козла дупа моя! А ты, говорить, дура-баба,—кабъ у щотцы моя дупа была!.. Тѣперъ, назаўтраго, пераночувавъ и полатѣвъ тожа на свѣтъ. Ина назаўтраго ўзяла гэтаго козла, просто увобрала яго у золото; и привязала гэтаго козла ля столу. Прилетаетъ ёнъ: што гэта? каеъ.—А што, каеъ, гэта? гэта жъ дупа твоя, каеъ. Ёнъ тогда уханивъ гэтаго козла, якъ кинетъ, дыкъ ёнъ и разсмынався. Тогда ёнъ поиявъ гэта, што ина дужа крэпко жалѣетъ яго. Лягли яны спаць, давай ина дохадить у яго правды, дѣ дупа. «Вотъ жа, каеъ,—коли ты хочешъ знаць, дѣ моя дупа—и ёнъ гэта чуеъ, Ликсандра Давидоничъ: ёсь па моры, говорить, бѣлый камянь, ляжкитъ сяродъ мора на вѣсьни; а ў томъ, каеъ, камяни вутка, а ў тэй вутцы, говорить, яйцо, а ў тымъ, каеъ, яйцы свѣчка. Кажетъ: кабъ тэй камянь хто разьбивъ, ды тую вутку заставъ, говорить, яйцо тое разьбивъ,—свѣчка погаснеъ, тогда миѣ духъ

вонъ! Ну, теперь, назаўтраго, ёнъ уставъ и полѣтъ зновъ на свѣтъ. А ёнъ вылѣзъ съ скрыни. «Тя чувъ ты што?»—Чувъ, каеъ: усѣ чувъ! Дала яму обѣдать. Ёнъ побѣдавъ, и хортовъ своихъ покоривъ, и пошовъ къ мору. Видѣть ёнъ, ляжѣтъ каманъ на моры бѣлый. Теперь ёнъ якъ дасъ по мору—вода тая разлегаетца туды-суды. Ёнъ дали, ёнъ дали, штаство гѣто плывѣтъ за нѣ, хорты за нѣ,—добыясъ ёнъ до бѣлаго камяня до гѣтого. Узлѣзъ на бѣлый каманъ: ну, говорить,—слава табѣ, Господи, што добився! Якъ ударѣтъ у гѣтый каманъ булдовкой своей—разы три якъ ударивъ—разскочився каманъ гѣтый! Тогда гѣта путка вырвалася отгуль и полѣтѣла, у лѣтъ. Ёнъ якъ напусѣтивъ гѣто селязынѣвъ, гѣты селязыни якъ шалыгли на гѣту вутку, почали яе крутѣть, крутѣть подъ сябе яе, на воду ськинули, подбили яе. Хорты гѣтые потскочили, потылыли, узали вутку гѣту, подѣли яму у руки. Ёнъ тогда вутку раздравъ, а яйцо гѣто заставъ. Яйцо запазуху уложивъ, а вутку хортомъ отдавъ своимъ. А свѣчки не гасивъ. Теперь, приходѣтъ ёнъ узнѣвъ у гѣный у дворѣцъ, дѣ яго жана, ажыи нячистый смокъ захворѣвъ уже: тошнуетъ, ходѣтъ. И бывъ у яго такой бизуиъ. Узавъ ёнъ гѣтый бизуиъ, зъ воловы скуры сплѣтяиъ—три скуры укучу,—узавъ бизуиъ, а гонѣтъ пастухъ воловъ у поля, выгоняетъ съ обѣры зъ яго. Ёнъ сычасъ гѣто, съ тошнѣты, якъ ударѣтъ вола пугѣй,—перасячѣтъ, перасячѣтъ. А ёнъ у ворота у яго, Ликсандра Давиновичъ гѣтый: «здрастуй, говорить, смокъ биземѣртный!» А ёнъ бизуиъ тогда поднивъ, только хотѣвъ яго перасѣчи, а ёнъ выхавивъ зъ запазухи гѣто яйцо, якъ ударѣтъ яму у груди! Яйцо гѣно рассыналося, такъ яму й духъ вонъ, на гѣнымъ лѣсьти! Тогда яны яго узали зъ жапой, посѣкли на дробныи ковалки, тѣплѣ расклали и яго сизлили на гѣни на тѣмъ. А самы у яго дворѣ жить засталися. И теперь живутъ—уподобѣвъ жись тамъ, да й жаны не можѣтъ перавезѣтъ тѣразъ мора...

Д. Пестриши, стѣни. у. Отъ яр. Еф. Григорьева.

14. Васъна Поппылышна.

Отъ, у нѣкоторомъ царствѣ, нѣкоторомъ государствѣ, можатъ у томъ, у которомъ мы живѣмъ, живѣ сабѣ старикъ со стѣрухой, тридцать три годѣ. И не было у нѣхъ дѣтей. Потомъ народився у нѣхъ сынъ. Росъ ёнъ не годами—годынами, не гоѣнами—минутами. До вырѣсту сѣяи лѣтъ ставъ ужѣ просѣтца у своего отца у навученѣ, въ школу. Отецъ яго не могъ запрѣстѣтъ, и давъ яму волю, дозволивъ яму у школу ходѣтъ. Пробывъ ёнъ у школы три годѣ. Стало яму десѣтъ лѣтъ.

Прѣсѣть ёнъ свойго отца зыѣздитъ у городъ къ кувалѣмъ, зѣлѣать балдаву, по сили мой, зъ дротикъ, што ёнъ нашовъ у нѣпѣли. Рывся подъ ямочкой ш нашовъ дротикъ. Ну, потомъ, отецъ поѣхавъ къ кувалѣмъ. Прѣжда былѣ люди вумныи, узнали, што ёнъ человекъ не простой, зѣлѣлали яму балдаву двинадцѣть пудовъ, съ самой хорошей стали, ну не ўзяли яму работать зъ яго желѣза. Потомъ, приходѣтъ отецъ домой. Ёнъ сидѣвъ у окна, ожидавъ отца, коли ёнъ яму гостѣнецъ етъй привязѣтъ. Якъ узѣжжастъ отецъ на домъ, ёнъ узлѣзастъ на лавочку, и пошовъ кругомъ столу. Отрѣзавъ собѣ скибочку хлѣба и посынавъ солю, и ўкусивъ три разѣ, и вышовъ на дворъ. Узявъ ету балдаву и поваживъ яѣ. И пусѣтивъ яѣ за пудъ болоки. Ина якъ полѣтѣла за болокѣми, много ўремя пролѣтѣла,—ёнъ ўхѣдивъ у избу и прогаджувася. Потомъ ўхѣдитъ на дворъ, и свисяувъ молодецкимъ посвистомъ, богатырскимъ голосомъ—злетастъ ета балдава. И ёнъ подставивъ своё колѣно правое—и ета балдава разсыпалася надъ колѣномъ на мелкія частѣи. Ёнъ тоды поклонъ даѣтъ батюшки: што отецъ мой милый, пожалуста, прошу васъ, кабъ необходимо зъ мойго желѣза зѣлѣали балдаву! Такъ отецъ опять жа поѣхавъ къ кувалѣмъ, и просивъ ихъ: што ўгодно зъ мене ўзѣтъ, а зѣлѣать балдаву зъ естаго зялѣза, мойго сына! Капъ ящо куваль не стрѣитъ, и ўтѣрнувъ у щелку етъй дротикъ. И потомъ обдумався смотрѣтъ; нацѣливаѣца ето зялѣзо брать у клещи и клаѣтъ на гонъ. То ето зялѣзо ещо прибавилосъ на пять пудовъ. И для того, што двинадцѣть молодецъ у двинадцѣть молотѣвъ двинадцѣть сѣдокъ били. А ето зялѣзо усѣ приростало, большѣло. Потомъ яны окончѣли работу. И насильно двинадцѣть человекъ усклали на возъ. Привозитъ отецъ яго домой. Вышовъ ёнъ на стрѣчу своему отцу, и ўзрадовася своей работѣ. Потому жъ ёнъ опять, не смотря ничѣго, узлѣзъ на лавку, отрѣзавъ пѣртычку хлѣба, посынавъ солю и ўкусивъ яѣ три разѣ. И вышовъ на домъ и проходився. Узявъ ету балдаву за конецъ и поваживъ яѣ, и пусѣтивъ яѣ пудъ небеса. Потомъ ўхѣдитъ у избу, приклоняѣца отцу и матушцы своей: благодаримъ васъ за матушкино рождѣніе, за батюшкино благословѣніе,—што я не могу зъ вами жить. А благословиѣя мене, я пойду сабѣ ровнѣсти шукать! Отецъ благословивъ яго, означаѣтъ яго: когда, сынъ мой милый, тебе повиджу у глаза? Отвѣчаѣтъ ёнъ яму: батюшка мой любезный, батюшка мой родимый! ѣжали я понаду сабѣ ровнѣсти у скорѣсти, то ты не увидишъ мене никогда! По стуму, по батюшкиному благословѣнію, отецъ—мѣти плакали силно, што жалко свойго рябѣнка, што ёнъ такъ отвѣтивъ имъ. Потомъ ёнъ усѣвѣстивъ ихъ словасѣми: што, батюшка, тебе Богъ не оставитъ и безъ мене!

етыхъ сестёръ. Поепробувала отчинять и говорить: вотъ, говорить, модъ сестрицы: нѣйкій узгѣрокъ натопъ, нельзя дварей отчинить! Такъ щавкомъ щавканула, двери отлягѣли, и богатырь етый отскочивъ. И ина яму поклонъ бьетъ: здрастуй, говорить, Горынь-богатырь? Якъ, почаму, по няволи, али по охвоти ты тутъ ходишь. Ёнъ отвѣчаеъ ей: не такъ по няволи, якъ по своей охвоти! Ина яго щавкомъ убила и подъ вугѣль подклала. Потомъ сами скинулись голубками и полетѣли.

Ну, приходятъ яны съ охоты. Тые жъ пошли у 'збу, а Васька Поплянышка у лазыю. Поднимаетъ вугѣль и вапниаетъ Горыня-богатыря, и дуновъ у водно вухо яму, и у другое,—и отжививъ яго. Потому, посядѣли яны, и што пристарялись ужу на обѣдъ, то вялѣвъ Дубину-богатырю печку протопить и згугувать на обѣдъ. Пѣтомъ того, пошли тожа утронхъ на охвоту. Етый Дубинъ-богатырь остався печку топить, тожа. Сухого дуба поломавъ, у печку наклавъ, протопивъ, што былъ, згугувавъ. По управки дѣломъ, сѣвъ сабѣ у креселцо, вокошко отчинивъ и смотреть, ожидаеъ своихъ туваришувъ. Потомъ, видѣть ёнъ ето самое дѣло, статью: прилетаютъ четыре голубки, скинулись даявицями, натопили ету лазыю. Протопѣвши, и давай паритца. Тожа етый усмотрѣвся у даяницъ, и поумивъ сабѣ,—што пойду я сабѣ ихъ закутаю, покуль тувариши придуть. Ну, узавъ, подпѣръ тожа плячомъ двари. Ишла другая сестра и товханулася плячомъ у двери, и говѣритъ: ахъ, модъ сестрицы: нѣйкая гнилая колода подкатилась подъ двери: нельзя дварей отчинить! Ина жъ тожа щавканула щавкомъ,—двери отлягѣли, богатырь отмахнувся. Ина яму чаломъ бьетъ: стой, говорить, Дубинъ-богатырь: почаму ты ходишь,—по няволи, али по охвоти?—Нѣтъ, не по няволи, якъ по своей 'хоти! Ина щавкомъ ударила, и убила, и подъ другій вугѣль поклала. Сами скинулись голубками и полетѣли на мѣсто на своё. Идучи богатыри съ охоты, и вси три,—два жъ пошли у 'збу, а Васька Поплянышка пошовъ у лазыю; поднимаетъ вугѣль, и вапниаетъ Дубина-богатыря. И дуновъ яму у водно вухо и у другое,—и отжививъ яго. Уводитъ у йзбу; покушали, што имъ Богъ показавъ, и оставилъють Каминъ-богатыри; сами тожъ пошли на охоту, на пуцу. И опять за ими етый же самый Каминъ-богатырь, протопивъ збушку, обѣдъ згугувать, и тожъ вокошко отчинивъ и жджеъ туваришувъ. И тожъ прилетаетъ четыре голубки. Затопили баню, и вытопивши стали паритца. Ёнъ усмотрѣвся у ихъ и поумивъ сабѣ: пойду я закутаю ихъ, сабѣ на забавку. Пошовъ и подпѣръ двери плячомъ. Потомъ ишла ужу третьтя; товханулася у двѣри: ахъ, говорить, сестрицы: нѣйкій камень подкативъся подъ двери: невозможно дварей отчинить. Щавкомъ якъ щавканула, ёнъ и отлягѣвъ. Ина яму чаломъ бьетъ: здрастуй, говорить, Каминъ-бога-

тырь: якъ, почаму ты ходишь: ти по няволи, ти по хоти?—Нѣ, каеъ: больше по охотѣ, чимся по няволи! Ина щавкомъ щавканула, убила яго, вуголь поднула и яго подклала. Сами скинулись голубками и полѣтъли на своё мѣсто. Скоро кажетца, довго дѣетца. Еты идуть съ охоты. Два идуть у избу, а Васька Попялышка поповъ у лязию, поднявъ вуголь, выпивъ Каминъ-богатыря, дѣнувъ ямѹ у водно вухо, и ў другое. Отживъ яго и повѣвъ въ избу. Потомъ попищевѣлися, што нѣтъ Богъ послать. Вотъ, говорить, ребѣты: отправляйтесь вы на 'хвоту, а вочередъ нѣтъ лещу ету топить! Тые пошли, а ёнъ топивъ—не топивъ, узавъ прадковину ету смотрѣть. Тожа яны прилѣтъли, поскидалися даяцыми и затопили ету лязию. Ну, Васька Попялышка не согласивъ къ нимъ ити. А тожа яны ожидали яго. Ёнъ пригугувавъ булдаву, и дротяню плѣть положивъ яны ожидали яго. Ёнъ згрѣбъ ихъ усѣхъ четырёхъ у лѣву руку, и ўзавъ свою дротяную плѣть, и начавъ ихъ по свѣйму катать. И говоритъ: присигаѣтя: будѣтя наши жопы, али нѣтъ? то перестану катать! Потомъ яны отпрашуютца: Васька Попялышка! мы бѣ со всею радостью, ну нашъ отецъ не такой! Ёнъ васъ усѣхъ завоюеть и насъ назадъ отбярѣтъ! И зновъ нашъ житѣтя ня будѣтъ! Хотя жѣ ты и дужа силѣнтъ и тувариши твоѣ,—ну усѣ жѣ ты отрождѣнный и смерѣтний, а нашъ отецъ отъ поганого смока, и не смерѣтний! И ты яго не звоюешъ! Ёнъ, на ето не смотря, подальше ихъ подѣргувать узавъ. И дотуля бивъ, покажѣсь яны дали клятыбѹ обѣ сабѣ,—по комѹ зямли зѣбли—што мы согласны жить изъ вами! Потомъ тувариши яго приходѹтъ. И ўзали яны на рѣдоцу пиръ пирувать, и пить, и гулять. Потому вышла изъ за стола старшая сестра простудитца, и завидѣла сильное воинство, прагогучую силу, што идѣтъ къ етой избѣ. Ускочила ина у избу, и говоритъ: моѣ сестрицы, и брахнепѣкы! вотъ покажѣсь мы жили! Васъ отецъ забѣтъ и насъ забирѣтъ! Ну, тая сила ишла, ажъ катъ зямля стогнала. Потомъ Васька Попялышка отвѣчивъ: што ребята: питѣя и гуляѣтя, и дѣло сотворяѣтя, што я буду пувелѣтъ! Ну, якъ узали,—подышла ета сила, стала хату разбивать. То ета хата только трясѣтца, а ничаво ей не бярѣтъ. Часъ и другѣй Васька Попялышка мучавъ. Потомъ васалѣтъ Горина-богатыря: выходи на ету силу, ломить! Горинъ-богатырь якъ выповъ, узавъ на вилы горѹ, дыкъ такъ усю силу и закрывъ! И гуляють яны ипать жа, ничаво не смотрѣ. Потомъ вышла другая сестра на крыльцо простудитца. И глянуца туда, што побольшая сила ящо идѣтъ, якъ ишла. Вотъ, усакауетъ ина у избу и говоритъ: вотъ, говорить, сестрицы и брах-

пеньки: не то была сила! Вотъ идеть сила: не видать ни зямля, ни воды, ни лѣсу—прямогучая сила! Отъ типерь жись наша несподѣжна! Отвѣщаеть имъ Василь Попялышка: што я вамъ сказую, ребята: питья и гуляйтя, и моё дѣло сотворяйтя, што я буду вялѣть! Подыйшла ета сила,—дыкъ стали ету хатку воювать—што только колыхитца! А ничѣго ей не ўредять. Потомъ Василь Попялышка васалаеть: Каминъ богатырь, выходи, говорить, ету силу поломить! Каминъ богатырь якъ высочивъ, узавъ камни и поўбивавъ ету силу, й усю поразмахавъ. Потомъ опять яны пили, гуляли. Пошла третья на крылцо простудитца. И ўскакуеть скорымъ посылѣхомъ, што она увидила: вотъ, говорить, моё сестрицы и брахеньки: то былъ сила, ня сила. а типерь собравъ нашъ отецъ силу до бѣлыя головы (до бабьскаго полку), и самъ услѣдъ съ пужкую ѣдетъ! Василь Попялышка отвѣщаеть тожъ: не робѣйтя, ребята: питья и гуляйтя, и дѣло сотворяйтя, што я пуваю! Такъ ета сила и ўзшла ету хатку своими порядками воювать. Той Василь Попялышка васалаеть Дубина-богатыря: а выйди-ка, Дубинъ богатырь, ету силу поломить! Дубинъ-богатырь вышовъ, и ўзавъ два дубы за макушки, и ўзавъ кругомъ себѣ водить—убивъ ету силу усю! Потомъ опять пили-гуляли, ничаво не смотря. Вышла меньшая сестра на крылцо простудитца. И глянула туды, ажъ ѣдетъ самъ поганый цмокъ и съ пужкую. Убѣгаетъ она скорымъ посылѣхомъ у збу: моё сестрицы и брахеньки! идеть самъ отецъ сюды! Тѣй Василь Попялышка идеть воюватца самъ съ поганымъ цмокомъ. Ставъ на столъ и ўзавъ свой изъ за шѣи платокъ, и писный стаканъ, и ўторнувъ у столъ ножъ, и повѣсивъ платокъ. И приказываетъ:—вотъ, братцы моё: питья-гуляйтя, и етого стаканъ берегайтя! якъ етый стаканъ кривъ найдеть и черезъ пойдеть, то на помогу ко мнѣ выбѣгайтя! Такъ яны пили и гуляли, й уси повоспѣли. И якъ яны были богатыри, дыкъ яны по двенадцать сутокъ спали, а двенадцать просыпались. Василь Попялышка воювавсь-воювавсь съ поганымъ цмокомъ, расѣкавъ яго на мелкія части, ну ёнъ крошка къ крошцы зляпливался и опять жа повзѣтъ къ яму. То й до того у етой збушцы, што й по колѣни крови нашло. Тожа яму помочи нѣтъ. До того дѣло, што Василь Попялышка уморився. И посильничивъ яго поганый цмокъ,—убивъ. Увышовъ у вызбу, по'трубивъ усихъ богатырявъ головы, соннымъ, и закнувъ своихъ дочѣкъ, у запоръ узавъ, на ланцуги, и повѣвъ.

Такъ удругъ,—скоро ето кажетца, да ня скоро дѣветца—другъ откудова узилась кобыла, золотая шарьѣтина и сяребриная, и пала передъ Васькой Попялышкой и стала ирзѣть, конытами бить, а ноздрами поперѣ собирать—который зъ яго сылався. Ну й отживила яго. Ёнъ уходитъ у избушку и братьё своихъ туваривувъ головы и притѣркаваетъ къ ту-

луву. И по три разѣ дунувъ, и отжививъ ихъ. И распрощеніи прѣсѣть у нихъ: братцы! пиля-гуляли, мойго дѣла вы не сповнили, хотѣтя сабѣ идѣтя сабѣ укучи, али ўрозъ—а я 'динъ пойду, поганяго цюка доби-вати! Ины отвѣщають яму: братъ Васька Попялышка: коли ты яго тутъ не помогъ, а ў яго царстви ты яму ничѣго не здѣлаешъ! Ну ѣнъ на это не сомлѣвавшися, сѣвъ на кобылицу и поѣхавъ. Пытався, пропитувавъ яго городовъ и яго царства, и пошовъ. Подышовъ къ яго пылатамъ, и увыйшовъ у садъ вѣвся. Сѣвъ подъ виноградомъ и размысливавъ сабѣ мысли: якимъ образомъ,—хоть далѣко, али ѣсь на яго смерть, што яго можно съ свѣту збавить? Вышла на крылцо тая царевна, што обичала за ямъ замужамъ бытъ, и почила обижатца на свугѣ отца: якій то, говорить, нашъ бѣтъка не любимый, не родимый, што ѣнъ насъ разоривъ! Мы бъ не хотѣли яго царства, ни государства, зъ богатырами бъ жили, Мы бъ не хотѣли яго царства, ни государства, зъ богатырами бъ жили, нийкого горя не мѣли! Заслышавъ Васька Попялышка етый гласъ и давай ее клѣчиць къ сабѣ: отъ, говорить, любимая моя: я васъ буду одного дѣла просить! Кабъ ты разодрѣла ету одѣжу и надѣла почищую; и подступитъ къ своему отцу зъ горючими слезами, и спросить у яго, идѣ яго смерть подѣлась? Ну, три раза, говорить, будѣтъ шутить, а за чатьвѣртыиъ правду скажѣтъ! Такъ ина тутъ адрѣлыла. Съкинула ету одѣжу, надѣла другую, подыйшла къ своему отцу, и уклевычила по-рядъ имъ, заплакала горючими слезами: бѣтюшка мой милый, бѣтюшка мой любезный,—скажи ты мнѣ, пожалуста,—якъ я старшая твоя дочь: идѣ твоя смерть, откуль, говорить, намъ ее дожидать?—Отвѣщаеъ ѣнъ ей: дочь моя милая! ѣсь у табунѣ корова обгѣджаная; у той коровы, у хвостѣ, смерть моя! Ина пувѣлѣла яе обмытъ и 'бчесать, и подвела къ ямѣ. А ѣнъ усмѣявся: эвъ, говорить, дочь моя любимая: у бабы по-лось довегъ, вумъ коротокъ! Якѣй я, говорить, буду писатца несмарѣт-никъ, коли ета корова сейчасъ падѣтъ, дыкъ и мнѣ конецъ? Потомъ ина успышילה скорымъ снѣхомъ и отвѣсѣтила Василю Попялышку тья словы. У прикази ѣнъ имъ: што почище одѣжу надѣвнѣтя, и еще поласковѣй-ше поступитѣ и спытайтѣ про смерть! Тожъ ина зновъ надѣла дорогую одѣжу, подходила изновъ къ своему отцу и говорила: отецъ мой роди-мый, отецъ мой любимый! польно вамъ шутить! Скажитѣ мнѣ—якъ я ваша старшая дочь,—откуль мнѣ вашей смерти ждѣтъ? Не вѣритца мнѣ, кабъ ее не было,—идѣ небудъ ды ина ѣсть! Тожа ѣнъ почавъ опять жа шутить: вотъ, говорить, дочь моя милая, дочь моя любезная: ѣсь у стади криворогая коза; дыкъ у яе уроги забита моя смерть! Ина вѣлѣла отыскать криворогой козы ў табунѣ, вымыла, вычистѣла яе, и подводила къ ямѣ. Тожа ѣнъ усмѣхнувся: я табѣ сказавъ, што у бабы волосъ довегъ, вумъ коротокъ. Якѣй я буду несмарѣтникъ: ты бачишь,

што ста коза лёдва ходи́ть! Ина паде́ть, дыкъ и миѣ копецъ? Ничого ина не отвѣчала, посыпѣшила ина къ Василю Попялышку у виноградъ. И учивъ ѣвъ ее достать 'дежу ящо луччюу и подступитъ къ яму и проситъ горячими слезами со трудами. То ина достала дежу ящо луччюу и ўубралась, и уклепчыла, подступивши къ отцу, заплакала, сощавивши руки: батюшка мой милый, батюшка мой родимый! Скажи ты мнѣ—икъ я старшая дочь твоя—айдѣ твоя смерть? Откуль мнѣ ее дожидать? Ёвъ тогда обсиѣавъ ее: ёсъ свинья оборваная у стади: у яе подъ хвостомъ! Тожъ ина уже чатыёртый разъ пошла къ Василю Попялышку. Ёвъ кае́тъ: достань ты 'дежу якъ на неби звѣзды и ўбярись, и подступи поближѣй, и поклонися пониже,—то я сподиваюсь, што ёвъ скажеть правду! Ина справила одежу такую, по ўказу яго, Василя Попялышки, и пошла къ своему отцу. Подыйшла поближѣйше, поклонилась яму пониже, и стала слёзно плакать: батюшка мой любезный! раскажитя мнѣ, айдѣ ваша смерти!—То ёвъ думавъ, думавъ и ўздыхнувъ: вотъ, говоритъ, дочь моя любезная: хотѣтца табѣ моей смерти до вѣдатца: ёсъ у такихъ то и такихъ то городахъ крутая гора. У той горѣ ступа, а ў ступи зайцъ, у зайцу вутка, у вутки яйцо, у яйцъ смерть моя! Такъ ина усыпанила икъ Василю Попялышку и узвясѣтила. Василь Попялышка, ничѣго ня 'жидавши, издѣлавъ сабѣ ковырьку и начавъ горѣ копать. Поганый цмокъ узавъ хвора́ть. Потомъ ёвъ докопався ступы. Дальше копать,—зайцъ выпорхнувъ и побѣжавъ; ёвъ дальше копать—вылетѣла вутка. Потомъ ёвъ дальше копать,—находитъ яйцо, на самомъ днѣ, у шпунтѣ, у ступи. Васька Попялышка узавъ это яйцо, переви́рнувъ ступу, и узавъ это яйцо, поклавъ на дно на ступу и ўдаривъ ковырькой. Это яйцо на сколько часѣтей разляѣлось. И на столько часѣтей этого царя, поганого цмoka, разорвало. Васька Попялышка приповъ у тое царство, жанився на тѣй царевни, и остався тамъ жить.

С. Старое Село, мстислав. у. Огъ кр. Захара Иванова, 43 л. негр.

15. Иванъ Подвѣй.

Была сабѣ кунпанія у котормъ то царствѣ, —пятьѣсно у котормъ,—у цара. Ну, была, значитца, кунпанія,—развѣвъ сабѣ царъ, обидѣ справивъ. Ну, одинъ обираетца и толкуеть: прошу вашай милосѣти, не прогнѣвайтесь, говоритъ: я вашу хлѣбъ-соль кумаю, вы не подумайте, кабъ я вамъ жалавъ, говоритъ, а только ёсъ у васъ одна дочь, п будѣтъ ина у цесари, будѣтъ ина мѣтъ у васъ сына незаконно! Царъ такъ тѣй сторонѣвъ: почомъ жа ты такъ увознавъ, што моя дочь такъ будѣтъ? Одна йна у мене дочь, и такъ будѣтъ не ў закони?—А вотъ такъ, го

Потому за гѣто уже вы будете виноваты! Тогда ўзяли яго перахрысти-тили. А якъ имъ даѣть по отечеству, дакъ и сами не знали. Ну, дадимъ имъ ямѹ Иванюшка! А ина рассказала, якъ гѣто усѣ дѣлосѣ,—што ѣнъ съ подвѣю ставъ. И наклали званья: Подвѣй Иванюшка. Ну, не расхѣтѣ ѣнъ такъ якъ по годахъ, али усѣ ровно якъ по часахъ. Отда-ли яго у навуки, дѣдъ обдуманси. Такъ што тикаво ямѹ показываецца, такъ што хто по сколькои ўчитца, а ѣнъ у часть тое можетъ понятца. Тикавъ вельми. Выйдетъ на прогулку гуляѣть, дакъ такія штуки выка-зываетъ, што къ которому пальцамъ прикранѣтца, дакъ усѣ ровно убиваетъ яго. Возьметъ, такія шутки дѣлаетъ: зьниметъ у кого зъ головы курашку, угѣлъ подниметъ, да яѣ подъ угѣлъ подложитъ. Яны, тые вѹчаники, обдумалисѣ: якъ ѣнъ можетъ такія штуки приставляѣть одинъ? Отъ, мы возьмемъ, да яго усѣй кунпаніей накажемъ! А батькамъ бояли-си жалитца. А тогда обдумалисѣ: нѣ, ня будемъ ничѣго яму дѣлать! Уво-знали, што ў яго сила такая ѣсь. Ну, а ѣнъ зазываетъ нѣ: што жъ, вы, говоритъ,—хѣдѣ гуляѣть!—Ну тѣбе къ лиху, съ твоею гульней!—Што гѣто за гульня, што коли прикранѣсѣся, дакъ чуть живъ отъ тѣбе, ти курашку зьнимешъ да подъ угѣлъ! Такъ, што ѣнъ расхѣтѣвсѣ; шутка за ими уздогѣнъ. А яны: ты намъ гѣто не товаришъ! говорятъ. Ды ўскрикнули. Якъ ўскрикнули, такъ отцѣ гѣтые нѣкоторые позамѣчали. Што гѣто янъ, говорятъ: дакъ и вы бѣ ямѹ якую штуку дѣлали?—Коли ѣнъ, говорятъ: у яго такія дурныя жарты! къ кому прикранѣтца, дакъ усѣ ровно убиваетъ; курашку зьниметъ да подъ угѣлъ!—А чаму жъ вы ушарѣдъ, го-ворутъ, гѣтого не объясняли!—Мы, говорятъ, боялиси усякую вещь у вѹ-ши ўноситѣ! Отцы тогда доносюѣ государѹ, яго дѣдушку. Гѣтый дѣ-душка вѣры имъ не давъ. Гѣто ня можетъ быѣть. Такъ поладѣтъ на яго, дужа яму ўтѣшно на яго: што ѣнъ и навуками дойшовъ, и такъ мо-лодецъ. Ну, а яны говорятъ: ѣнъ, ве надо, штобъ ѣнъ тутака бывъ; хай сабѣ осѣбя. Думавъ, думавъ, царъ, али ўзявъ самъ сабѣ, думаетъ: не буду и яго никуды—хай сабѣ коло мяне будѣтъ! Хѣтъ ѣнъ и який у на-вукахъ, али усѣ жъ не ў законѣ! И не пославъ яго у школу.

Ну, церазъ сколькои уремѣ, выдавсѣ ѣнъ якъ уже соўсимъ узрос-лый человекъ. Тогда ѣнъ говоритъ: дѣдушка, говоритъ: што жъ вы мяне никуды не отдаѣтѣ у навуки? Гѣто жъ, говорятъ, ти мнѣ статокъ го-пятъ,—зѣ естыя школы?—Ахъ, мой унукъ! ти понявсѣ жъ ты, говоритъ, гѣтой навуки, ти здавъ ты акзѣминтъ зѣ естыя школы?—А я, говоритъ, больше знаю, чимъ тамъ яны вѹчутъ! Вотъ, поладѣтъ! Слчасъ и здѣѣтъ ямѹ акзѣминтъ. Дѣдушка першъ узрадовавсѣ: отдамъ, думаетъ. Али посѣ-ли обдумансѣ: нѣ, говоритъ: хай будѣтъ у мяне за прислугу! Ну, тогда самъ сабѣ думаетъ: што жъ гѣто,—на яго жѣлилисѣ, а ѣнъ никакыхъ

замѣтокъ ня дѣлаеть тутъ! Ну жъ, пехай сабѣ: не буду яго прижушать! Ну, значитца, лежали у яго тамъ каноры. А Иванька гѣтый щѣ не выдавъ гѣтыхъ штукъ. Пришовъ къ гѣтымъ канорамъ и дивитца: што гѣто за штука, што я еѣ щѣ ня видѣвъ? Али думаеть: мусить ина не дужа тяжка, гѣта штука? А ина будеть пудовъ двѣсьтя. Бонѣца ёнъ svojго дѣдушки, кабъ не замѣтивъ; али дужа хочетца погулять зъ ёй, зъ естой штукой. Тогда ёнъ узавъ, разглѣдивъ, разглѣдивъ, ды самъ сабѣ думаеть: вить ёнъ ня ўвидѣть; ёнъ ненача щѣ отдыхаеть. А якъ устанеть, дакъ сапоги наѣвъ, я учую, якъ ёнъ будеть ходѣть. А дѣдушка, наѣвши калѣшн, ходѣть по хатѣ, ды глядѣть на яго, што зъ гѣстого будеть. А ёнъ стоить ли яе, ды ўсѣ яе покатыеть потрошки. Тогда узавъ гѣту штуку, поставивъ дубомъ яе. Поставивъ дубомъ, и каеть: о, казали, тяжка, а ина три хунты ти будеть ти нѣ? Гѣтый дѣдушка говорить: Иванька, што ты гѣто дѣлаешъ? гѣто жъ ина дужа тяжка? А ёнъ якъ спужався,—якъ кинувъ,—дакъ ина у четвёрть у зямлю увыйшла. А самъ отскочивъ отъ гѣтого мѣста. Тогда обдумався гѣтый дѣдушка: якъ бы яго сорвать якъ небудь, ссилить, кабъ у яго такія силы не было. Тогда ёнъ думавъ, думавъ, не могъ додуматца, якъ ба яму што небудь зѣлать. И засмутився. А Иванька говорить: дѣдушка! коли вы, говорить, сардѣты на мяне, пусьтитя мне у бѣлый, говорить, свѣтъ! чимси вы будеть сѣрпа ииѣть на мнѣ!—А вотъ, говорить, ушукъ: загадаю я табѣ загадку! коли ты можешъ по мойй загадцѣ ўсѣ суповнить, ну тогда я могу тябе на свѣтъ любопытный пусьтити!—Ну, што жъ вы такое ииѣ обѣсьтитѣ?—Ну, а вотъ такое дѣло я табѣ обвящю: якъ у тябе такая сила, дакъ вотъ, штобъ ты мнѣ на три годѣ дровъ мнѣ разстаравси, и воды. Тогда я тябе пушу! Ну, Иванька говорить: коли я гѣто дѣло зѣлаю, кабъ и вы мнѣ тое зѣлали, што я у васъ попрошу! Вы мнѣ зѣлайтя такую, говорить, ляску зъ зѣлѣза,—не нямножачка, на триста пудовъ! Отъ, дѣдъ говорить: ну, зѣлаю я табѣ такую ляску, готворить. Тогда ёнъ узавъ: ну, коли зѣлаеть, говорить, дакъ поѣлайтя мнѣ такіе чапы водѣ носити: я жъ гѣтymi судами ня буду носити, готворить. Тогда ёнъ узавъ,—пошли у пробваръ, набрали тые чапы и почили яму. Такъ што, приходчи ёнъ къ водѣ, думаеть самъ сабѣ: гѣто жъ я своимн вѣдрами тутъ воды не зачалю, гѣто жъ мѣлка тутъ вода! Пришовъ къ мѣру и говорить: отъ дѣ вода, дакъ вода! и зачарѣйнуть можно! И только жъ, говорить, и ня мѣлка тутъ! Зачарѣйнувъ у моры воды и насыеть. А дѣдъ смотритъ, што ёнъ такъ лѣхко насыеть. Приноситъ водѣ: а што, дѣдушка: ти построили такую дѣжку, куды водѣ литъ,—коли захоѣли, кабъ я вамъ на три годы воды привѣсь? Ну, дѣдушка обобравъ такъ якую дѣжку: хай, каеть, наливаєтъ,

а мы будемъ отбирать потроху! Усё жъ тыки скоро ня пушу яго! У здоръ, значитца, пошовъ изъ нкъ. Тогда гэтый Иванька говоритъ: отъ, дѣдушка: вы загрозили мнѣ; тыперъ жа бяритя водѣ! Я наношу воды на три годы, али куды вы яе лить будѣтя? Я три судны принясу—вамъ на три годы!—Ну, лѣ, говоритъ, у гэту дѣжку! Ёнъ думавъ, не поднимѣть ёнъ гэтого чана вылить. А ёнъ узавъ, выливъ одно ведро—чуть ня пѣвна яго дѣжка—отъ одного ведра,—што ёнъ намѣтивъ на три годы. А другое выливъ, дакъ и чѣразъ побѣгла. Ахъ, говоритъ, дѣтухна: доситъ воды, говоритъ: ня треба!—Нѣ, говоритъ, я ще тольки разъ принѣсь, а вы уже сподѣтѣсь, што доситъ на три годы. А я ще два разы принясу! хотъ палацъ вашъ залію, а принясу ще двое судовъ! Пошовъ, принѣсь. И заливаєтъ палацы! Разгулявся дужа! Дѣдушка тѣ чуть рукъ яму не цалуеъ. Тогда узавъ, приносить вѣдры гэты: куды жъ вамъ, говоритъ, поставитъ? Обдумався: этъ жа жъ и ёнъ мнѣ выгоду зѣлавъ, якую я просивъ! Ну, поставивъ ля дѣжки и отвѣщаеъ: треба бѣ було вамъ третѣтя принѣсьти, али нехай ужо, ладно, якъ вы прѣситя! Тогда говоритъ: отъ, ти моѣ жъ дѣло спѣвнитца, што я у васъ просивъ? Коли моѣ дѣло ня спѣвнитца, дакъ я ўсю водѣ принясу, дакъ васъ усѣ ровно, якъ на човни, васъ у мѣра знясу, говоритъ. Буду ўже вашого слова слухаъ, што вы скажѣтя; а якъ разгуляюся, тогда ўже не по малому пѣйдеъ, говоритъ.—Спѣвнитца, спѣвнитца, говоритъ, Ванюша!—А што жъ важъ, дѣдушка,—што вы сказали, што дровы вамъ треба, говоритъ. А ў мене жъ, говоритъ, сякеры нѣтути такой, говоритъ, кабъ вамъ дровъ навалить! Даеъ яму такую то сякеру. Ёнъ глядѣвъ, глядѣвъ: ну, говоритъ: ти ня сякера жъ? говоритъ. Вольшъ я, говоритъ, рукой возьму, чимъсь гэтой сякерой! Якъ пусътивъ ёнъ гэту сякеру—зганивъ яе—такъ ина усѣ ровно якъ муха полѣтъла. А можа, говоритъ, вы моихъ дровъ не хочѣтя? Ізто жъ я гэтой сякерой не могу насѣчь!—Нѣ, говоритъ, мнѣ дровы надо, говоритъ: я, говоритъ, дровъ не дарую, дармъ, говоритъ, што ты мою сякеру закинувъ: рубай чимъ хочешъ, мнѣ дровы кабъ были!—Охъ, говоритъ, дѣдушка: не захочѣтя вы моихъ дровъ, говоритъ. Узавъ—ну, коли жъ вы мнѣ не спусътили—пошовъ у пушу у драмушу—громадная пуца—ну, говоритъ, тутъ по моѣй силѣшцы и дровъ нема! гэткихъ дровъ я за три годы не наношу! Скольки то ураня ёнъ ходивъ, подходитъ къ дубу—ёнъ яму выдарився ня дужа вяликъ, ну, али бодѣшь за другихъ—у чатыре охвата дубъ бывъ. Ёнъ яго съ ко-ранемъ выварнувъ, узавъ на плечи, и насѣть нкъ дѣду, дровы гэты. Пытаеъца: дѣдушка, повузкія вы, говоритъ, ворѣты выстроили:—моѣ дровы не проходятъ празъ ваши ворота! А дѣдушка думаетъ: няўжо жъ тыки ёнъслуды поразворѣнуеъ? Слупы жъ у мице крѣпкіе, каменные! А, ка-

еть: якихъ ты сабѣ набравъ дровъ, такихъ и ниси!—Ахъ, говорить, дѣ-
душка: я жъ вамъ по ласцы, говорить, а вы всё на здорѣ! Ну, лядѣта!
говорить. Узавъ дубъ на плечи; якъ пошовъ, такъ гольдѣжъ слу-
ны по динъ бокъ и по другей бокъ и заваливъ! Тогда дѣдъ говорить:
ну, я такихъ твоихъ дровъ не жалаю, говорить. А ёнъ отвѣщаетъ: нѣ,
говорить, только жъ щѣ однагъ охѣпочекъ, а ще жъ два надо при-
несѣти по нашаму укази! А я жъ сякеры не жѣю, дровъ попорѣдчить,
дакъ треба ще два охапки принесть! Якъ положитъ свойго дуба,
къ мѣсту положивъ,—дыкъ занявъ, што можа сто сажнавъ дровъ сто-
яло, а ёнъ однимъ дубомъ занявъ! Якъ принесть ёнъ гѣтыхъ ящѣ два
дуба гѣткихъ, дакъ занявъ увесь дворъ, што ни пройти ни проѣхати!
Отвѣщаетъ дѣдъ: якѣй жа ты, говорить, буянтъ! Отвѣщаетъ ёнъ: отъ,
дѣдушка: колибъ я свое штукѣ показавъ, тогда бъ я быкъ буянтъ; а ты-
перь я не буянтъ, я только гуляюся!—А зачѣтъ жѣ ты мнѣ увесь дворъ
загрузивъ?—А вамъ, говорить, хотѣлося, кабъ я загрузивъ! Вы думи-
ли, што я за пять годовъ вамъ гѣто не справлю, ну я, говорить, за динъ
день усѣ справивъ! Уздумавъ Иванъ, што тронкъ судей воды ще не при-
несъ. Обдумавъ гѣто, што лѣски моѣ немѣ щѣ. Тогда ёнъ узавъ,
—дѣдушка, говорить: ты построили жъ вы, говорить, мнѣ ляску?—На што
табѣ ляска,—можанъ ты и такъ пройти сѣтъ!—Ну, а заштожъ я вамъ
служивъ, што вы мнѣ ляска гѣтакъ не построитъ? Можа вы за гѣто
разгѣввались, што я вамъ дѣла не суповывъ, судей воды не принесть?
дакъ я вамъ суповиу! А мнѣ ляска кабъ была! Дѣдъ гѣтыхъ обдумавъ:
што ще отъ гѣтыхъ воды гѣта не высохла, а ще якъ принесть, дакъ
разрыть. Треба яму ляску здѣлать! Ну только на лихо яму такая
ляска, у триста пудовъ! Здѣлаю яму лясочку у сто пудовъ! Узавъ сто
пудовъ зялѣза, заказавъ ковалей, стали ковать яму ляску. Отъ, гово-
рить: табѣ, Иванъ, ляска работаетца, ты утѣшитесь вы гѣтому дѣлу!—
А коли вы по моѣ прозьби ляску здѣлаеца, дакъ подѣкую; а коли нѣ,
дакъ подъ такую штуку подсажду васъ, клинокъ подобѣю, и будѣта вы
сидѣтъ тамъ по вѣкъ жисьти свое! А я пойду такъ у свѣтъ! Гѣто
ли мне не ляска, а такъ якъ розка!—Иванька! ни жъ только подѣр-
житъ яе,—я жъ такую дѣлаю, якъ ты казавъ!—Нѣ, дѣдушкѣ, вы мне
не обманѣта: у мне приѣтки бѣсь, говорить; я важитъ ни буду! гово-
рить. Ну, здѣлали ковалѣ ляску, призываютъ яго къ гѣтой ласцы,—што,
значятца, ни могуъ повярнуъ яе. Прашоъ ёнъ къ гѣтой ласцы, узавъ
яе, якъ пусътивъ утору, дакъ ина зазвинѣла, якъ пчела—утору по-
шла. Пшовъ ёнъ у лѣту, воды напився, вышовъ на дворъ, а ина
щѣ только згоры зварнулася: ёнъ палець наставивъ, ина на палець
ударилася и разбиалась... Отъ, дѣдушка, говорить: икая ваша ляска!

Прибавтя, говорить, вагі, стольки, якъ я говоривъ! Ну, ковали тые уже й не рады, што почали гату роботу: то нельзя было поварнуць, а тутъ ще прибавлять надо! Ну дѣдушка каеъ: прибавтя яму ещё сто пудовъ: мусить жа зъ яго хватить! Призываеъ яго туды: икуратно, говорить, ли тѣбе составили, кольки ты казавъ!—А вотъ, посмотримъ, говорить. Пусътивъ яе угорѹ, сѣвъ—посядѣвъ,—наставивъ цѣвку, руку, ина тожъ само увогнулася у дугу. Ляска то, ляска, говорить, ещё не сусимъ! ещё много треба! сколько то я просивъ, стольки то нема! Приставили яны яму ще третью сотню. Ёнъ узавъ, на руцѣ поваживъ, кинувъ угору—колѣно наставивъ—яна чуть-чуть выгнулася. Поправтя, говорить, миѣ!—Нѣ, мы ня можамъ поварнуць! Ну, ёнъ имъ поварнувъ, яны поправили. Пришовъ ёнъ къ дѣду, подѣкувавъ за гату ляску: побогословитя миѣ дорогу, на свѣтъ вѣтъ!—Якъ жа миѣ, говорить, тѣбе побогословить?—хай бы ты у мяне бывъ!—Ахъ, дѣдушка, говорить: ня 'дняв то, говорить, богатыръ жинъ тамъ, дѣ силу свою показавъ; али ровный до ровнаго збираетца! Ня то, говорить, богатыръ, што много хлѣба и грѣшій маеъ, а то, говорить, богатыръ, што ёнъ здоровъ,—отъ то, говорить, богачъ! Тѣперъ узавъ ёнъ (дѣдъ) обдумався, дакъ ня будеть?—Нѣ!—Ну, хай Господь вамъ побословить! Ну, радъ ёнъ, што яго на свѣтъ пусътили. Пошовъ тогда къ матцы: дякуй вамъ, маменька, што вы мяне созродили! Маменька за яго узялася: хто жъ мяне будеть пропитываъ?—У заковъ и не зашла, тѣбе рѣдила... Ахъ, говорить, матушка: тутъ моя ня жись зъ вами! Дѣдушка! каеъ: хай моя матушка у васъ застаётца! Ну, матушка яго побословила. Ёнъ и пошовъ.

Якъ пошовъ, вышовъ: слава табѣ Господи, што мяне на свѣтъ пусътили! Якей, каеъ, хорошій свѣтъ, якъ маковъ цвѣтъ! Идетъ ёнъ дорогою и думаетъ: иду то я, иду, да дѣ жъ ба миѣ найти товаришовъ? што жъ я одинъ? Уходитъ ёнъ у нѣкое у царствѣ, ажи тамъ богатыръ собираеъ каменья. Ну такой камень, якъ будиця, кѣтитъ перадъ собою у логъ. Узрадовався гѣтый Иванька: тиху! и гѣто ничѣго сабѣ, што ёнъ такіе камушки бяретъ и зноситъ. Приходитъ ёнъ къ яму: здравствѣ, говорить, Гаврилушка!—Здравствѣ, говорятъ, Иванька!—Почомъ ты, говорить, увознавъ, што я Иванъ?—А почомъ ты, говорить, увознавъ, што я Гаврила?—Богатыръ богатыра, говорить, далѣко знаеъ, по духу. Тогда узали: ахъ, говорить, вамъ добро, васъ на свѣтъ пусътили; отъ, мяне, говорить, отъ, треба гѣты камешки носить; а не пускають!—Ну, коли тѣбе, говорить, не пускають,—иди со мной у товариши! Крапчѣй насъ никого у свѣтѣ нема, што яны намъ здѣлають? Коли возмутца за насъ, дакъ мы, говорить, одинъ ляской на пять вѣрстѣ змахнѣмъ; дакъ, отъ, наша будеть тогда воинство! Тогда узали, пошли. Ну, пѣдемъ, говорить, сабѣ!

Я только, говорить, васъ слушаю, а то, говорить, мяне не пускали!—А, говорить, пойдёмъ! зъ ими вѣкъ не распрошаешься,—якъ зъ блохами! Узяли, пошли. Нямножко то яны прошли, уыходють у другое царствя. Ажян гато тожъ самое: стоить богатырь; якъ уляжесть плачомъ у горѹ, такъ и турить яе, дѣ лошина,—зямлю ровнѣть. Идетъ Иванъ и говорить: одвачъ и табѣ хорошая праца! Узявся зъ нимъ за руку и поздрастувася. Ставъ разсвѣтuvatца: сколько ты на свѣти горѣ спихнувъ? Ёнъ говорить: охъ, уже, говорить, трицать годовъ я на свѣти проживъ, дакъ не одна гора доловкахъ уже стала! Радъ ба отказатца, да няволя моя! —Почаму? Почаму такъ гэто?—То служба моя такая! Отъ, ёнъ говорить: эхъ, говорить: а ня можно жъ яе бросить, гету службу?—Боюся, говорить, бросить яе!—Покрѣиче насъ никого нема, говорить. Кого мы будѣмъ боятца? Пойдемъ мы, говорить, у свѣтъ—свѣтъ таяерь волный, таяе-решнимъ урѣямъ!—Да, у свѣти, говорить, мы слыхали, нѣтъ богатыри получчаго, якъ вы Иванъ! Мы бѣ, знаетъ, усякія штуки подѣлали, чимси яны на насъ такія покуты понакладовали!—Атъ, плювать, говорить Иванъ: свѣтъ якъ маковъ цвѣтъ! пойдѣмъ погуляемъ! А мы на гету службу—забытъ думать! И узяли, пошли у свѣтъ! Отъ, говорить, только три насъ богатыри нашлися! Кабъ намъ и чатывёртый такой богатырь нашовся! Тогда гѣтый, Горовэй, говорить: Я, говорить, хотѣвъ ба што заслужить!—А зъ насъ заслуги хватить, говорить. Итъ, говорить, ня 'дну жъ ты горѹ спихнувъ тутъ! Вотъ и заслуга, говорить. Тогда пройшли яны, ажян такой жа зновъ богатырь нахѣдитца. Узявъ, лѣсъ то гренадный, а ёнъ за макушки ихъ, да знѣшуеть у кучу. Здравствя, говорить, Лѣсовэй! Што ты, говорить, лѣсъ у кучу знашумешъ? Здѣлався, бытцамъ цыгѣнъ?—Отъ дыму, говорить, закурився, отъ огня, говорить, загорѣвъ! —Досить табѣ гэто, макушки, говорить, зноситъ; умыйся ты, говорить, ды ходи зъ нами! А то мы, говорить, утронхъ уси бѣлы, а одянъ будѣтъ бытцамъ цыгѣнъ межи насъ! Отвѣщаеть ёпъ яму: што не могу, гово-рять, бросить гэтой службы!—Почаму такъ?—А служба, говорить, не го-ворить! Лѣгши спать—сонъ не бяретъ, коли службы своѣ не суповнивши! Отвѣщаеть яму Иванъ: никѣли мы своѣ службы не суповнимъ! Али вѣзьнемъ, говорить, свою волю и пойдѣмъ, говорить, у свѣтъ. Гѣтый Лѣсовэй обдумався: што нѣту уже больше покрапчѣйшихъ оприч насъ! При такомъ нашамъ богатствѣ, хто намъ што здѣлаеть? Иванъ спраши-еть у яго: ну, ти обдумався, говорить, Лѣсовой?—Да, говорить, обду-мався!—Ти вы мяне увознали, Ивана?—Да, говорить, увознали! Я слышавъ, говорить, што всѣ утѣти покрапчѣй насъ, Ивана! Ну, уговоривъ яго, такъ ёнъ и пошовъ. Только умыйся, говорить.—Чимъ жа, якъ ба бѣ мнѣ тутъ умытца,—я дужо крѣпко загорѣвъ тутъ!—Во, говорить: наша вода усѣ

очистить. Смотрить ёнъ, мѣстца—а усё чоранъ. Вынявъ Ивапъ съ кшени ковалокъ мыла,—натка, говорить, зъ етѣмъ помыйся! Ставъ ёнъ мытца. Мывся, мывся,—ну, говорить: хотъ чоранъ, а усё жъ похожъ на люди, говорить. Ну, слава Богу, говорить: больше зъ насъ богатыровъ не надо! Кабъ намъ идѣ несходимую сыйти, найти сабѣ поселеніе! А йны отвѣщаютъ: якъ жа, говоруть: а бывають, насъ ня могутъ споротъ съ такого поселенія?—Итъ цовыше нашихъ богатырскихъ силъ нѣту покрьиче, говорить,—дакъ мы не боимся, говорить, никого! Тогда яны пройшли то пущай такой громадной,—можа яны сутокъ двое ишли. Уходють, ажни яны тамъ находятъ то нѣякій хульварочекъ. Кто сабѣ, говоруть, ни будеть у гэтымъ хульварочку, хто сабѣ ни уладенецъ, надъ нѣмъ али больше ня будеть, якъ мы! Стали яны любоньствоватца по тымъ хульварку. Увийшли яны у збу, ажни,—по гэтой абѣ ходють, никого нѣтути. Гэты отвѣщаютъ яму: тутъ никто ня живётъ, мусить!—А павъ, говорить, што за дѣло! хай сабѣ хто и живётъ, а коли ёнъ нашъ будеть! Тогда яны обдумалися, пошли у вобору. И коровъ—дакъ нема, а половъ, дакъ одны только волю. И нязвѣстно, хто ихъ пасеть, хто ихъ идить и кормитъ. Тогда яны узѣли, уходють у вынбаръ Ёнъ запертъ. Приходитъ Иванъ, бяреца за кличку, такъ ино усё чисто отпняетца перадъ нѣмъ. Уходють у вынбаръ, ажъ тамъ и хлѣбъ, и крупы—усяго хватаеть, што нѣмъ по надобности. Ну, покажѣсь мы, говорить, свой наживѣмъ, дакъ гэтого намъ хватать будеть усяго! Самъ ёнъ остаецца бытто ужасъ повинымъ ходянцемъ, а йны яго прислуги. Отъ, говорить, братцы: мы богатыри уси ровны, ну только кому—нибудѣ надо большау быть. Я и самъ у свѣтѣ пошовъ и вась пусьтивъ. Колибъ не пусьтивъ, дакъ ба ваша нескончинное гора було! Братцы, говорить: тѣперъ жа што только я вамъ ни скажу, дожны вы мене послухать! Усяго зъ насъ хлатаеть, и треба жъ къ гэтому старатца, кабъ и было! Оставляють яны,—каменной, говорить, Гаврила! оставайся ты, говорить, дома за повара, а мы пойдѣмъ къ гэтому старатца: треба жъ, говорить, расстербить, распахать, засѣять! Гэто уже пераноч. вавши. Тогда яны узѣли, пошли. А што жъ нѣмъ, говорить, на 'бѣдѣ пристроить вамъ?—Сходи у хлѣвъ, возьми ляску мою, да по ўху завали, говорить, волу,—такъ тогда, говорить, возьми яго, принеси у кухню, обьяли яго, да у котѣль, говорить. Пошли. Тогда ёнъ пошовъ тойчасъ у вобору, вола гэтого по лбу, на плечи, у кухню принѣсъ, обьяливъ да у котѣль. Такъ што ёнъ уже справився, сядить ли вокошка поджидаетъ ихъ. Ажни лятить чатыре пташки. Сѣли яны ли лязывъ, смотреть ёнъ—што йто зъ ихъ покажетца? Тогда видить—яны сѣли бытцомъ то птушки,—обяриулися чалонѣвацкой статѣю. Тогда ёнъ сабѣ думаетъ: ну, вотъ—ихъ чатыре, и пасъ чатыре: мы подружмѣся зъ ими! Смотрить, што

жъ гѣто яны будуць дѣлать? Ажны яны одна биреть дровы, другая воду, третїя печку затдилюеть у лазьни. Тогда яму здѣлося: ну, постоѣй жа: якъ яны вытопють гѣто лазьню, тогда я возьму, подопру ихъ хорошенько у лазьни, покуль подождѣтъ наша сила. Тогда мы ихъ забяромъ! Тогда узавъ, гѣто, запачитда, прахѣткавася,—якъ яны стали мытца, заперлись, ёнъ гѣто узавъ да звяружи и заперъ ихъ,—плячомъ улѣгъ. Тогда яны якъ умылися, тогда у двери. Э, каеть, сясгрушки! гѣто жъ насъ нѣхто потпѣръ! Чуетъ ёнъ голосъ. Тяперъ: э, говорить: не управитда ёнъ пераличить, сколько на неби звѣздовъ, якъ будеть лятѣтъ! Якъ стукнула у дверѣ—дакъ ёнъ ня могъ образумитда,—сколько вѣреть лятѣвъ. Тогда узавъ, обдумався, уставъ: ахъ, Господи, говорить: кабъ я гѣто лихо знавъ, дакъ я бъ лучше ихъ не чапавъ, говорить. Узавъ, побѣхъ у лѣбу, поляднѣтъ, ажны ничѣго неси, што ёнъ варивъ. Перша обдумався: можа воли личаные! Али нехай личаные тамъ яны, ти не личаные,—побѣхъ у вобору, вола стого на плечы, опять наново кухню заложивъ. И ўсторопился гѣтому, штибъ яго товариши не наказали: што ёнъ дѣлавъ? спавъ? Тогда ёнъ узавъ, ды говорить: гѣто усякому будеть: нехай усякій довѣдаецда! Ня буду казатъ, каеть, хотъ и накажутъ! Прибиваеть дванацать часовъ, приходитъ Иванъ уже съ своими съ товаришами. Эхъ, говорить, Камяньникъ! Нѣшто ты, говорить, такъ проспавъ до дванацати часовъ! ня могъ кушання паварить!—разсерчавъ на яго. Тогда ёнъ говорить: виноватъ говорить, перадъ вами, больше гѣтакъ ня буду! Иванъ говорить: хотъ бы ты сабѣ я бывъ, дакъ другій разъ тебе не покину! Разъ дѣла не суповнявъ! Тогда ёнъ и радъ: ну, болозѣ гѣтакъ! Тогда ёнъ узавъ, Иванъ, говорить: можа табѣ спрчина якая была, спреча якал—матрѣнга (g), спречався хто,—дакъ ты миѣ объясни, говорить.—Нѣ, говорить: ничѣго ня было! Ну, говорить назѣтъяго—оставайся, говорить, ты Горюшій! Тольки, говорить, поспышаѣ,—а то, говорить, треба и отдыхнуть, и обжидай, покуль обѣдъ вашъ! Гѣто, говорить, ня ловко! Гѣгый Горюшій самъ сабѣ думаетъ: погоди, я пораньше справлюсь! Уставъ раненько, пошовъ у вобору, полу гѣтому бѣгатырьской ляской у лобъ, за хвостъ, ды ѣ на плячо. Привѣсь на кухню ды ў котѣлъ! Такъ што ёнъ справився и говорить: э, што гѣто Камяньникъ дѣлавъ? Я вотъ и справився, а ще чатыре часы до повднѣ. А што ёнъ дѣлавъ? Сѣвъ ли вокна и сядѣтъ, справившись. Ажнй—видѣтъ ёнъ—а бачъ: лятѣтъ чатыре птушки. Тогда ёнъ узавъ и гѣто сабѣ думаетъ: што гѣто зъ ихъ будеть? Видѣтъ ёнъ гѣто—сѣли яны на лазьни. О, сабѣ думаетъ: мы тутъ ходили и ня видѣли, што тутъ лазьня ёсь! Тогда яны узали, обярнулися чаловѣ-

чацкой статѣй. Што такія гэта за ігушкі, што яны чаловѣчацкой ста-
тѣй обярнуліся? Выдрылося яму, што первѣйшія ўже паненкі. Самъ
сабѣ думае: отъ, гэтыя паненкі: ихъ чатыре і вась чатыре; али ви-
даць, што толькі зъ большымъ примусомъ ихъ узяць можна, а такъ, видаць,
яны за насъ не пйдудь. Узяць ихъ по ласцы зъ нмн, дакъ яны, зна-
чыць,—сурозно поступюць, скажуць—уто мужикъ, холопъ! По сэрцу по-
дойду ихъ! Найдудь товариши, побярэмъ ихъ! Гэто ўже байкі, мы ихъ
ня пусьтнмъ! Тогда яны стали мытца, п ёнъ узявъ п потпёръ ихъ. Дн
думае: потпёрши палкой—чуць ня буду, што нмн гаворнть бу-
дудь: улягу плячомъ, дакъ плячо не палка, ня зломнгда. Хуць по-
чую, што казаць будудь! Яны учулі. Ахъ, сястрыцы! нѣхто узявъ
насъ, гаворнть, потпёръ! Ну, гаворнть, колн такъ, ёнъ потпёръ,—на-
жало яго тўрнемъ,—внрсты на двѣ хай отлнтнть отъ насъ! Ёнъ гэта
слыхаетъ і самъ сабѣ думае: гора покрѣпче вась была, да й то
на логъ ихъ спнхавъ. А вась ўже кабъ я пусьтнвъ! Гэто байкі на свѣ-
тѣ—гаворнть. Тогда яны якъ ударнлі яго,—якъ полятѣвъ ёнъ—на двѣ
внрсты. Тогда ёнъ, уставшн ўже, абдумався: няўжо жъ тыкн я на
двѣ внрсты лятѣвъ? Кабъ мнѣ гэта змѣраць, дакъ неколн,—товарншн
прндуць, скажуць, дѣ ты бнвъ? Не такъ п крѣпко ударнвсь, якъ я отлу-
мнвсь, зъ гэстогэ побою! Прнбѣгъ у во двѣръ—ажъ яго ннчогэ пемъ,
што ёнъ варнвъ! Ну вотъ: поправсь я тнперъ! гаворнть. А жалнвшнсь мнѣ
своёму ходянну, дакъ вѣры ня ймѣть,—скажеть: гультай! я думавъ, што
ты зробншь хорашо, ажн ты ще полуще! Неколн мнѣ довго думать,
треба опятъ за дѣло братца! Ну сказаць ннъ свою прнчнну—стыдно.
Треба лѣпн мовчаць. Лѣпн своё дѣло справлю! Пошовъ, вола ўбнвъ зно-
ва, кухню заложнвъ—скро, ўже круто коло яго завнвавсь, кабъ хвалн
сабѣ понасьтн скольки нябўдъ. Толькн заслоннвъ, сѣвъ лн вокна дн са-
днть. Прнходнть ходяннъ у дваннцатъ часовъ, смотрнть—однача жъ, гаво-
рнть: жой Горовэй троху, гаворнть, пораньше справнвсь, али толькн, гаво-
рнть, гультаннвъ троху! Сѣлн сабѣ, побѣдали. Сталн отдыхаць сабѣ. Гаворнть
Іванъ: ну, хотъ сабѣ отдыхнѣмъ, гаворнть, не пйдѣмъ на работу, лѣпн заўтра
пораньше уставѣмъ! Знатьн жъ, братцы, што заўтра Лѣсовэй останѣтца,—
штобъ упародъ,—дакъ заобѣдомъ заколунаеьсь. Назаўтраго ўраньнн усталн.
—останѣтца Лѣсовэй. Спрашнеть у яго: што, ходяннъ, варнть?—Ітѣ налн ку-
хнн тожъ неперанѣпная; нкѣ мы самн нажнвѣмъ тутонькн, тогды будѣмъ пера-
жѣннвватъ! А тнперъ тожъ самое будѣть: у воборн волонъ хватаетъ, у вынбарн
крупъ тожъ хватнть,—вотъ налн п ўсѣ! П пошлн ў лѣсь. Тутъ Лѣсо-
вэй пошовъ у вобору, вола ўбнвъ, на плечн, п прннѣсь яго. Снчасъ
оббнлнвъ, у котѣлъ яго. Однача, гаворнть, ўсѣ одна да 'дна ядѣ, гаво-
рнть. Кабъ ня гэты волн, дыкъ бы й ѣсьтн нечаго было! Тогда узявъ:

кухню заложить, ставъ варить. Однача, говорить: мусить я нѣдго равно заложивъ, говорить. Дакъ гѣто няловко будѣтъ. Больше ны гуляли, якъ дѣло суповнили! Сѣвъ, и смотреть. Ну ихъ къ лиху, и зъ работой зъ ихной—стольки яны мнѣ и тамъ нарабotaють! Бяздѣльное дѣло—ѣсъ звa-рить—и то яны мнѣ ку ўремю не суповняли! А ў ясеу уже и сусимъ ничего ня зрбють! Сядѣвъ, сядѣвъ, нибытцамъ удрамавъ трошки. Чѣтъ ѣнь, ажни бытпamъ то якъ вѣтеръ зашумѣвъ. Туды-сюды ѣнь посмотритъ, полдѣвъ къ лавъни, ажни видѣтъ ѣнь—чатыре паненки стоить. Лядѣвъ ѣнь, и самъ сабѣ думаетъ: а бачъ, гѣдкил, каеъ, барышни! ти яны ѣхали, ти яны нѣхотой ишли? Надо жъ тыки, каеъ: задремавъ, што не ўвидавъ! Ну, говорить, погоди! я ихъ, говорить, придѣржу! Однача, мусить то й моѣ, каеъ, зъ ими загулялись, а мнѣ й не похвастовали! Загуляютца зъ ими, а мнѣ й не похвастовались! Отъ жа, думаетъ: ихъ чатыре, насъ чатыре. Яны жъ можа, который зъ ихъ прогуливавъ, а я гулять зъ ими не буду,—а побару, говорить, коли удастца! Паненки пошли у лавъню, значитца, а ѣнь пришовъ и ставъ ли дварѣй. Тогда узавъ и потнѣръ ихъ. А яны тожъ у скоросьти: ти не остався, говорить, тутъ ихъ ходяинъ,—тыхъ, што зъ нами шутки закидавали? Ёнь гѣто и чуетъ. Ишь, говорить, подляцы! затымъ яны и оназдували! Ну, попробували яны отчинять,—нѣ, говорить, сястрицы: ня ў тыя руки мы попались. Нема ў свѣти богатѣйшаго, якъ Иванъ Подвѣй! Коли только ѣнь гѣто, дакъ нѣ ўже, ня вѣрвесься! Ну, на щасѣтя, говорить, попробуемъ! Якъ вытнула у яго, дакъ усѣ ровно якъ у глину увязла—и не шевяльмывся. Говорить одна однѣй: хоѣ намъ усинъ гѣто будѣтъ, а только треба попробуавъ гѣто намъ усякой! Стукали-стукали, стукали-стукали,—якъ у глину! Тогда тойчасъ узавъ ѣнь ихъ усихъ чатырохъ. Ну, говорить: змирно, говорить, панешушки! васъ чатыре, насъ чатыре: отъ, насъ, говорить, будѣтъ дружъя! Отъ, самъ сабѣ облюбониставатъ женишую. Приходють товариши, дивитца: однача жъ, говорить: якъ жа вамъ гѣто попалося?—Ахъ, вы, говорить, хохлы! чажу жъ вы мнѣ раньше не объясняли? Такъ гѣтый Иванъ распорадився: отъ, говорить: кому злучая была першая—тому тая, а другому другая; обярѣи сами кѣжашъ сабѣ! Пожанились яны и стали жить. Ну, говорить, намъ нельзя жанитца: нашъ отецъ, говорить, не то: васъ поѣсъ,—поѣсъ васъ, говорить. А Иванъ говорить: нехай, говорить: будемъ глядѣтъ! Ну, пожили яны сутки. На другея сутки прѣжжаеъ якъ имъ Кацъ, нилый отецъ уже. Кричить гѣтый отецъ громкимъ голосомъ: отчиняти! Ну только покранчѣйшихъ тутъ нема жѣ-талаявъ, опрочъ Ивана Подвѣй! той только вотъ одинъ! Гѣты сѣкнулись къ яму,—якъ дмухувъ—дакъ якъ комъ! Выходить къ яму Иванъ. Ти ня воронъ твоихъ косѣтей занѣсъ? говорить.—Добрый молодецъ, говорить.

самъ увесь свѣтъ обходѣть!—Ну што, говорить: ти будемъ по ласцы, ти по сэрцу разбиратца?—А што жъ, говорить: ты жъ уже сэрца показавъ! —Якъ?—А такъ! Ты жъ якъ дмухнувъ, дакъ моѣ товариши якъ комары полѣтѣли!—Ну, дакъ будемъ, говорить, дратца. Вотъ табѣ шась-ти-головный смокъ!—Будемъ! Якъ узавъ Иванъ свою ласку, якъ маханувъ,—такъ смоку головы три доловъ! Тойчасъ якъ маханувъ,—такъ еще три доловъ!—Однача, Иванъ, лѣпи по ласцы будемъ разбиратца!—зъ малой силой я пришовъ къ табѣ! Прѣбжаеъ ѣнъ съ дваванпятиголовнымъ смокомъ. Иванъ, будемъ мы, говорить, по ласцы разбиратца, али по сэрцу?—Нѣ, говорить Иванъ: ще никѣли по ласцы не разбирався! Заколунють и яго—и ѣнъ жа колуца. Якъ ставъ ѣнъ свой лаской размахивать—не помножко ѣнъ зынявъ головы—усяго по три головы. Зынявъ уси дваванцѣть головы. Якъ зынявъ гѣты дваванцѣть головы, обдумався гѣтый Иванъ, сабѣ думаетъ: не дасъ ѣнъ миѣ жити! ѣнъ миѣ будѣтъ зло дѣлать! Треба узять да яго убить соусимъ! Думаетъ ѣнъ: коли жъ ба и ѣнъ мяне ня убивъ—у сэрца увыйшовши. Ёсь у мяне пляшка живущія воды и пляшка гоущія, возьму я ихъ ли запаса у кишень сабѣ! Тогда узавъ, пляшки побравъ и нутка у догонъ пусѣтитца за нимъ. Нагоняетъ ѣнъ яго, самъ сабѣ думаетъ: якъ свясну ззаду! Якъ дакъ у голову, такъ ѣнъ уснеътъ сразу! Якъ давъ яму по головѣ, тогда ѣнъ говоритъ: ахъ, говорить: нѣшто у мяне дрыжакъ! Замазануся другой разъ, дакъ ѣнъ: ось якое лихо! рѣзочка по носу ударила! Отварнувся назадъ: ось, говорить, Иванъ! ня стѣило быдло со мной чапѣтца! Отварнувся, щавкомъ у лобъ, —Иванюшка уснувъ! А Кащѣ пошовъ ваядъ и узавъ свою дочку меньшую.

Тинеръ, насѣтъ гѣтого Каща бабушка скотъ. Натрапилися коровы на Иваньку, подняли ровъ. Приходить гѣта баба къ яму. А ѣнъ да хвастовався: што бывъ крапчѣй уснѣхъ Иванъ Подвѣтъ, а я убивъ. И дочку меньшую отявѣ! Дыкъ баба чутъ чула, што убивъ, да не знаеътъ, аѣ. Ну, подыйшла пна къ яму и догадалася, што мусѣтъ гѣто Иванъ. Тогда ина узѣла ды сама сабѣ думаетъ: ти ёсь при нимъ што? Ну, ина поглядѣла,—у однымъ кишени пляшку найшла, и у другимъ пляшку. Погоди жъ, говорить: што гѣто у яго за зелья? Узѣла, палець сабѣ разрѣзала, да съ однымъ пляшки помочила—яко якъ бытто почало згиватца, выдавало такъ, што гѣйтца. Ина зъ другой—дакъ не было тамъ ничѣго. Погоди жъ! Ина узѣла, зубы разнила яму, да съ однымъ пляшачки воды улила. Учула ина, што ѣнъ бытцамъ-то подыхавать ставъ трошки. Узѣла другую пляшачку, тожъ само улила яму—ѣнъ ставъ прочухѣтца. Ахъ, говорить: якъ жа я, говорить, смашно уснувъ! Осмотрѣвся: о, я думавъ, што мою ласку хто узавъ, ажно моя ласка при миѣ лажить, говорить. Тогда бабушка отвѣщаеъ яму: виѣ ты на вѣкъ

жизни тутъ уснувъ, штобъ я на тѣбе не натравилася! Отъ, видишь, говорить: и живу жъ твою узали, говорить.—Узали?—Узали!—Ну, шкода, каеъ, ды ня вѣдаю, якъ гѣто повярнутъ, говорить. Тогда енъ: бабушка! бабушка! порадѣтя мѣ, якъ ба мнѣ гѣту штуку поправить? А ина яму: отъ жа, говорить, Иванъ: возмись у яго за пастуха бытъ! И будъ якъ можно ласковѣй, и паси скотъ якъ найлѣни! Ласко паси! Бо у яго ёсь козѣль бѣлый, роги золотѣя; дакъ енъ яму усегды отвѣщаеъ, якъ хто пасеъ. Коли хто ти ударить скотину, ти што, дакъ енъ и объясняеъ Кашу! Ну, а енъ говорку яго знавъ. А я тамъ поткачусь къ твоей жанѣ: зай допытаетца, дѣ душа яго ёсь, што яго някъ ня убьешъ, *покажъ* яго душѣ найдешъ! Дочка будеъ попытывать у яго! Тогда енъ узавъ, зрадився зъ имъ, и ставъ гонять на пасту. А якимъ жа гѣто толкомъ? Ина, дочка тая, вачалѣ плакатъ, тужить, што страхъ якъ!—Объ чимъ ты, говорить, тужишь?—Объ такимъ и такимъ дѣлу: по вашей, говорить, души! Дѣ ваша душа?—А ина уже зъ имъ перавѣдалася. Ина уже знаеъ, што енъ на пасту гоняеъ у яе отца. Ну, а Кашъ думаетъ: я жъ яго убивъ, енъ тѣперь ня тживеъ уже. Тогда онъ объяснивъ: што моя душа, говорить, у голый, што которымъ тату мятутъ! Ина узила, стужакъ накупляла, голень гѣтый увобрала; нянчить яго и толкуеъ зъ голнѣмъ зъ естымъ. Почувъ енъ. А съ кимъ ты гѣто тамъ гукаешъ? Отвѣщаеъ: изъ вашей, говорить, душой! Уходиъ енъ къ ей, и смотреть: а дѣ моя душа?—А вотъ жа, вы казали—у голый! дакъ я голень прибрала и гукаю! Вырвавъ енъ голень, гѣтый голень на зѣмлю якъ кинувъ, гѣтый голень и рассыпався. Вотъ, говорить, якая душа! Тогда ина опять стала плакатъ. Объ чимъ, дочь моя, такъ ты опять сосмутилася и плачешъ?—Я узрадовалася, што вашу душѣ нашла, прибрала яе и стала гукать,—а вы яе у мяне вырвали и кинули. Дакъ я объ гѣтымъ смутна стала!—Почаму вы хочѣтя мою душѣ узнать? Вонъ, говорить: бѣлая свинья ходиъ; дакъ у бѣлой свиньи моя душа, говорить. Ина узила гѣтую свинью, стужакъ насобирала, такъ што на холсту разныя штучки подѣлала—иѣтками разными,—узила тую свинью прибрала, и гукаетъ изъ ей,—говориъ, радуеъца, смяеъца, толкуеъ изъ ей. Такъ што енъ узновъ учуеъ. А съ кимъ ты, говорить, дочь моя, гукаешъ?—А зъ душой изъ вашей! Енъ уходиъ. Икая тутъ душа?—А вы жъ казали, што у бѣлой свиньи душа ваша; дакъ я мусила вашу свинью прибрать! Такъ енъ сханивъ гѣту свинью, якъ кинетъ, такъ гѣто усѣ поразсыпалось, куды которое. Тогда ина стала плакатъ, стала плакатъ, дужа сильно! Тогда енъ отвѣчаеъ: дочь моя илая: коли ты хочешъ мою душѣ узнать,—яе говорить, ня то што, дакъ и воронъ, и тѣй ня можеъ достать. Моя, говорить, душа у мори,—разскажую табѣ ясѣнно, ясѣнно. И а штобъ яе узать, дакъ за при-

слугами ня вѣзметя—прислугъ много у мяне. Перва на перва, говоритъ, слуга—ѣсь воронъ; другая прислуга соколъ; затымъ ѣсь у мори камушакъ, а ў тымъ камушку ѣсь вутка, а ў вутцы яйцо; дакъ моя душа ў яйцѣ. Коли хочешъ, вотъ достань яд сабѣ тамъ! Тогда ина приходѣтъ—якъ то тамъ откралася отъ отца отъ своего—приходѣтъ и говоритъ: Иванюша, Иваюша! далѣко его душа, не доставешъ! говоритъ.—Хай сабѣ хото у третѣмъ царствѣи, дакъ доставу! говоритъ. Тогда пригнавъ гэтъ Иванъ съ паствы, узавъ свою ляску молодецкую у рукѣ и пошовъ. Тольки приходѣтъ къ мору, якъ дасъ по мору—сичасъ вода гѣто разлегаетца и ѣнъ идѣтъ по сухопутью. Справляетца гэтый грукъ (g), хочѣтъ крикнуть. Прѣситъ ѣнъ у яго, говоритъ: не кричи, милый! ты тѣперъ у няволи, говоритъ, а я пущу тѣбе на волю! Ёнъ говоритъ, отвѣщаеъ: што я боюся тыхъ прислугъ, дакъ я пропаду! А ѣнъ отвѣсѣивъ: ня бойся, говоритъ. Такъ гэтый грукъ утишися. Подходитъ ѣнъ къ соколу. Тѣй, гэтый соколъ, только хочѣтъ ускрикнуть, свиснутъ хорошенько,—такъ ѣнъ гѣтого сокола упросивъ,—ѣнъ утишися. Ворона упросивъ, говоритъ, и тѣбе прощу! Тѣперъ вы посаждѣя, покуль я возьму; а тогда я васъ, говоритъ, на волю пущу! Соколъ яму отвѣсѣивъ: тутъ будѣтъ, говоритъ, коршунъ; такъ што проси яго, говоритъ; а то вутка увѣидѣтъ отъ тѣбе! Добрався ѣнъ до коршуна, и упросивъ гѣтого коршуна. Якъ давъ ляской своей по мору—добиваетца до того, што голый камушакъ ли яго. Якъ ударивъ ляской по камушку—такъ камушакъ гэтый разлятѣвси! Тойчасъ вутка съ камушка; коршунъ за не, да яму давъ! Ёнъ узавъ гѣту вутку, раздѣръ яе пополамъ. И яйцо гѣто за пазуху закладъ. Ну, говоритъ, братцы: прощайтя, говоритъ, и на свѣтъ любопитный лѣтитѣя!—Прощай, говоритъ, Иванька: лѣкуй табѣ! Только жъ, говоритъ: ни по чомъ ня би яго: ни по голови, ни по чомъ,—прамо у груди цѣлѣитѣя яму,—абы бѣ только тое яйцо разбилося! Полятѣли, а ѣнъ пошовъ туды во дворъ на свою должность поитѣя. Приходѣтъ домовъ,—только ще на здолечекъ займѣтца стало. Поглавъ ѣнъ на пасту и ставъ буинитѣя: ставъ гѣтыгъ коровъ пушкой своей стѣбать.—Гэтый козѣль каеъ: добро, добро! каеъ. Скажу я гѣто своему ходяицу! По ласцы у насъ довго живутъ; по злобѣ, говоритъ, и миапутъ не бывають! Тогда ѣнъ уже притѣшився перадъ повднѣмъ и говоритъ на козла на того: будѣтъ и табѣ такая частка! Подговяеъ подъ дворъ, да якъ сѣкаеъ гѣтому козлу,—дакъ ажъ рогъ зылатѣвъ! Кацъ гѣто увидавъ: ахъ, говоритъ: якъ табѣ не совѣстно такъ бить скотѣину! Коли уже найлюбѣйшау мойму—и то рогъ зыбѣвъ! Ёнъ тогда ня слушаеъ, да ящо яму рогъ зыбѣвъ, перадъ глазами у яго. Кацъ я знавъ тѣбе зѣткого, то бѣ я тѣбе не державъ бы еткого! Ёнъ говоритъ: а не знаешъ жа того, што я на самого погибѣль придѣтъ! А ѣнъ отвѣ-

паець: а што жь, говорить, будець ми? Тогда ёнъ потхóдитъ подъ яго ближе,—узявъ гэто яйцо у праву руку. Тогда выдырилося гетому Ивану, бытпамъ то стоить тристѣнная пуля—такой величиней! Ёнъ обдунався, гэтый Иванъ: хутъ ёнъ дужа вяликъ—ти убью ти ня убью, а тымъ часомъ вытну яму! Якъ вытнувъ яму у грудь гэтымъ яйцомъ, такъ ёнъ обясътивъ: агъ, говорить, Иванъ, Иванъ! не знавъ жа я, што ты отживъ гэто уже! Отъ коли я свою голову положивъ! И пропавъ. А Иванюша на гэтымъ царствьи и остався, и по сей дель живеть.

С. Мошканы, сыннен. у. Отъ сыннен. мѣщ. Якимъ Петрова, 29 л. неграм.

16. Боговѣтровичъ.

Было сто зъ начала, у царствьи такий заказъ: коли выйдеть дѣвцы двадцать годовъ, а ина ня выйдеть замужъ, дыкъ тоды замурувать яе у стовбъ. Такъ значатца вышло: прыжила царскыя дочь двадцать годовъ и замужъ ня вышла. Замурували яе у стовбъ. И подають пицъ ей туды. То вышывъ годъ етому, пиццъ ей требуютъ уже на двѣ души. Теразъ нѣскольки уреми отвѣчаець у стовбѣ: скажитя царю, штобъ ёнъ самъ пришовъ сюды! Той царъ задумывся: хто тамъ мохъ быть другой? Никто туды ня можетъ дойти, ни улѣзти! То ёнъ пошовъ къ стовбу и думаетъ: якъ жа ми? звать кого другого? Потомъ надумувся; прихóди къ стовбу и узываетъ: здраствьи, сильный могучий бытатырь Боговѣтровичъ! Ёнъ яму съ стовба отвѣчаець: почаму ты мяне знаешь, дѣдушка, што ты по имени вызываешь?—Потому я знаю, што дочка моя довжна родить ни 'тъ кого либо, якъ только по божжиму пывалѣню, отъ вѣтру! А ёнъ яму отвѣчаець: да, такъ, такъ!—Ну, говорить: прошу я васъ, пойдѣмъ у палату мою, внучекъ мой! И выведи мать свою оттуль!—Дѣдушка, благословитя мине хутъ расъ шевялыўца въ стовбѣ вашемъ? ёнъ уже отвѣчаець. Ну, дѣдъ яго благословивъ: Бохъ тѣбе, говорить, благословить! Тогда ёнъ шевялыўся,—разлягъся стовбѣ на нѣскыльки часътей! Пошли у царскія палаты. Ну, живутъ така. Много ли уреми прыживають, стый унукъ купивъ сабѣ гармоникъ и играеть, хóдячи по гóрыду. Такъ криво играеть, што ўсѣ слушають яго и идуць за нимъ. Ёнъ и самъ красивый дужа. Много народу пугубленія за ето, што тувпатца за нимъ. То савотъ зъ гусударѣмъ рыспорядився, якъ ба яго збавить съ сьвѣту, штобъ яго не было соўснѣмъ. Царъ отвѣчаець: якъ жа яго збавить, коли ёнъ такую силу маець, ня зьвѣсно якую? А савотъ царю сказыеть: а вотъ, ёсь такое угомопища—пыдъ тремя дубами, за гóрыдомъ, идѣ бытатыри прыживають. Пошлиця вы яго туды за дутымъ, на дрóвы вамъ нехай припасѣтъ—яго тамъ убьють!

ришь, Рашетникивъ! остаѣйся, зготовь намъ тутъ бычка, и вытѣнь баню; а мы пришовши съ охоты покушимъ и у бани помѣмся! Ну, яны пошли на хоту, а етый за бѣка; узавъ яго за хвостъ, кожу долой, бѣка у котѣль; бѣка зготовивъ, баню начинаеть топить. Прилятѣло три ластувки, здѣлылись дѣвками, зытопили сами баню. Ёвъ бачить: насъ три и ихъ три; это будутъ наши подруги! Вытѣпивши баню, етыя дѣвки стали мытца. Ёвъ узавъ, подцѣрь ихъ плечомъ. А яны говорятъ: э, Рашетникивъ, пусъти насъ! намъ, говорятъ, жарко!—То то ёсъ, говоритъ Рашетникивъ, што намъ васъ жалко!—Нѣтъ, говоритъ дѣвка: я якъ рызбѣгусъ ны бани, ды якъ ударю лѣвымъ колѣнымъ у дъвери: ты зы вярсту зылатишь!—Ну, говоритъ Рашетникивъ, би ня би, богатырьскыя сердца этыго ня терпить! и не пущу! Ина якъ рызогналась и якъ ударила у дъвери—дыкъ ёвъ зы вярсту зылатѣвъ! Оттуда, опомнившись, пришовъ домой, давай быка тягнѣть съ котла, пылядѣть—старичокъ идѣть зъ за пѣчи, самъ съ кокытъ, а борода яго зъ локытъ, у рукахъ пуга, и вадѣть быка другого на тое мѣсто, што ёвъ узавъ. Рашетникивъ за быка, а старикъ за Рашетникива. Пусъти, говоритъ Рашетникивъ. А старикъ говоритъ: пусъти мнѣ быка! а то я пѣшкую якъ сътебану, ты зы вярсту пылятишь! Якъ сътябаувъ старикъ,—Рашетникивъ за версту пылятѣвъ! Приходѣть оттуда,—нема ничого: ни бѣка, ни бани, и братовъ ящо съ охоты нема.—Дѣхъ, ляжить, яго голова болять. Пришли браты етые удвухъ, Дубовикъ и сильный могучій быгатырь Выговѣтровъ: и спрашуютъ яго: што ты ето, Рашетникивъ, ляжишь? Говорить: угорѣвъ! Яны сѣйчасъ быка другого узали и зготовили. Подѣзли и лягли спать. На заутрашній день,—остаѣйся уже ты, Дубовикъ! сказать сильный могучій быгатырь Выговѣтровъ: зготовь быка и вытѣнь баню! А сами, Рашетникъ и Выговѣтровъ, пошли на 'хоту. Дубовикъ остався топить баню и зготовить бѣка. Ёвъ поновъ, узавъ быка за хвостъ, кожу долой, а яго у котѣль. Пѣтымъ поновъ баню топить. Только ёвъ начавъ топить баню, прилятѣли три ластувки: здѣлылись дѣвками и стали сами топать баню. Вытѣпили, начинають мытца. Ёвъ сѣйчасъ подцѣрь имъ баню и думеть: васъ три и насъ три! Постоѣй жа, это будутъ наши подруги! Дѣвка одна говоритъ: пусъти насъ, а то намъ жарко! А ёвъ отвѣчаеть: то то ёсъ, што намъ васъ жалко!—Ну, говоритъ я якъ рызбѣгусъ ны бани, ды ударю лѣвымъ колѣнымъ у дъвери, дыкъ ты за дѣвъ вярсты зылатишь! Дубовикъ говоритъ: би ня би, а богатырьскыя сердца етыго ня терпить! Ина якъ рызогнались, да ударила у дъвери, дыкъ ёвъ за дѣвъ вярсты зылатѣвъ! Тоды, тамъ полежавши, приходѣть домой, сичасъ за бѣка, съ котла тягнѣть. Глядѣть—зъ за пѣчки идѣть старикашка, самъ съ кокытъ, а борода зъ локытъ, у рукахъ длинная

17. Гвидонъ Самихлёновичъ

У нѣукатарамъ чарствѣи, у нѣукатарамъ гасударствѣи, ти ня ў томъ, у катарамъ ны живѣмъ, жыў дѣдушка зъ бабушкой. Намношка у ихъ было дѣтей: дванацать сыноу, дванацать дачарей. Ёнъ дванацать сыноу жаниу, Девить дачарей зѣмушъ аддау. Астѣлась три дочари дѣвушки, астѣлась Арина, Агѣта Салихвата Примудрая и Настѣся Прикрѣся Дѣмѣнаупа. Просютъ яны у айца благаславѣства: «благаслави, тѣтинька, и надѣляй!»—«А чимъ жа васъ благаславить?» Арина атвѣчаить: мне, тѣтинька, надѣляй иголкѣй ды ниткай!» Агѣта Салихвата атвѣчаить: «мине, тѣтинька, благаслави и надѣляй аднымъ зарѣшикамъ жыта!» Настѣся Прикрѣся атвѣчаить: «Тѣтинька наймилѣйшый, тѣтинька найлюбѣйшый! мине благаслави и надѣляй, кабъ я ў три гадъ нитнанцѣ сыноу радѣла, нитнанцѣ силянхъ, магучихъ багатырѣу: у лбахъ сонца, у патылицы мѣсцѣ, ноги у сирябрѣ, рѣки ў зѣлати, тилисѣ у дробныхъ звѣздачкахъ; кабъ яны усьи были на васимнанцѣ аршинъ у вышину, на дванацѣ аршинъ у плячѣу шырины!» Ёнъ благаславиу усьихъ трѣхъ и надѣляиу.

Напли яны у чѣста поля, у зялёну дубѣну,—кала сѣняга моря. Было ўрѣмя у Пятрѣуку. Захатѣлась ба имъ пакупатца, на сѣнячу морю палюбватца. Тѣды яны самацѣтная платѣтя скидывѣли и абарѣтились сѣзымъ вѣткамъ, (твор. множ.) паплыли на морю, стали купѣтца. Быў та у нѣукатарамъ та чарствѣи, у нѣукатарамъ та гасударствѣи, царь Гвидонъ Самихлёновичъ. И пабоу ёнъ у чѣста поля, кала сѣняга моря, заглѣнау,—у трѣхъ мѣстахъ самацѣтная платѣтя ляжить. Ёнъ узѣу ета самацѣтная платѣтя и ў вадѣу памачиу, и на тыхъ мѣстахъ зѣнятъ палажѣу, дѣ яно лежала. Нипадлѣчу стѣйтъ дубъ, а у тымъ дубѣ дуплѣ; ёнъ узѣу и ў тымъ дуплѣ стау, и схаваўся, царь Гвидонъ Самихлёновичъ. Тады красныи дѣвушки выплѣвали сѣзымъ вѣткамъ сѣ сѣняга моря и брѣлися за самацѣтная платѣтя яно мѣкра. Ну, дайствѣйтила, у ета ўрѣмя самацѣтная платѣтя нядоўга высушитъ. Тады высушили яны самацѣтная платѣтя, надѣлися и стали выкликать: «атзавѣся, аткликнѣся, хто ета дѣла зѣдѣлау надѣ намъ? Кали старшый насъ, то будѣ айтецъ намъ, кали маложы насъ,—будѣ братъ нашъ; а кали роуный зѣ намъ, то будѣ мушъ нашъ!» Ну, ёнъ выхадѣ зѣ дуба зѣ дупля, атвѣчаить: «царь Гвидонъ Самихлёновичъ, ни старѣйшый, ни маладѣйшый, а ўрауни зѣ вамъ!» Яны атвѣчають: «то ёсъ мушъ нашъ!» Ёнъ ихъ спрашываить: «дѣвицы приукрѣсныи! чимъ вы котарѣя мѣжыти занятца—якимъ рѣмяствомъ?» Арина атвѣчаить: «я магу иголкѣй ды ниткай усѣ тваю варѣю адѣтъ!»—На сколькои ўрѣмя барѣсься?—«А

а, кажыць, баруся да жыцьці, канца вёску сваёго!» — «Ставайся на правую фаланку! Ну, ты жа, Агата Салихвата, чым можаш заняцца, яким рымствам?» — «А я, кажыць, магу адным зярэшкам жыць усю тваю вармію прыкарміць!» — «На сколько ўремени?» — «Да жыцьці, канца вёска майго!» — «Ну, становіся на праваю фаланку! Да, мнѣ едкія людзі дарага варты. А ты жа, Настася-Прыкраса Дміёнаўна, чым можаш заняцца, яким рымствам?» Іна яму атвочаіць: «царю наймільшый, царю найсясьцейшый, Гвидонъ Саміхлёнавіч! мая заняція плашэй усіх: я магу у тры гады пятаццаць сыноў радзіць — слаўных, магутных, прыгожых багатырэй: ува лбу сонца, у патыліцы мёсца, рўкі у золці, арбгі у сярэбры, тэла ўсё у дробных злёздачках, па васінаццаць аршчынаў у вышыну, па пятаццаць аршынаў у плічах шырыні!» — «А, ета мнѣ дарожы ўсяго састаіць!» кажыць царь Гвидонъ Саміхлёнавіч. І закончыў браць Вожыі ён зъ Настасіёй-Прыкрасіёй прыняў.

Ну, у царя ня доўга, ня пива ня варыць, ня вина курыць, — свадьбу сыграў. Пажыў, можаць нямнога ўремя зъ ёй, а етых дэвоцъ, Аріну і Агату Салихвату, кь сабѣ у палаты ўзяў. Адна стала вармію адіваць — вайскаў, а другая стала — карміць.

І пражыў ён жь жаной сваёй нямнога ўремя: іна затіжарыла пяцім сынам; прахаділа іна трыццаць восмі нідѣль тижолая. Толькі-бы дэві нідѣлі ухадыць ды й радзіць, — наступань нівѣрныі царь, змѣі Ішкарлупіі, па адных плічах дванаццаць галоў, — дванаццаць палкоў хваіць войска і дванаццаць багатырэй харабрых. І ў царя Гвидона Саміхлёнавіча тожа дванаццаць палкоў і дванаццаць багатырэй харабрых, магутных, прыпышных. Ётаць нівѣрныі змѣі выліць, кабь прыбыў на войну, на мора, у караблях, і забратца на цэлых шэсь мѣсцаў. Царь Гвидонъ Саміхлёнавіч і забраўся па мора на шэсь мѣсцаў са сваёй вайскай. І праваюваў толькі ўсяго дэві нідѣлі, супруга, яго жану, і раділа пяці сыноў. На тую жа бяду шавіла і сука пяці псоў. Ну, большая систра Аріна атъ не пяці сыноў атніла, і ў бочку пасаділа і на сіню мора успустьіла зъ бочкай, а кь сястрѣ Настасіёй-Прыкрасіёй пяці псоў присаділа. А сама псымь напісала кь царю Гвидону Саміхлёнавічу: «царь Гвидонъ Саміхлёнавіч! мая систра, твая супруга, вазлюбліная жану, іі раділа пяці сыноў, а раділа пяці псоў: якую прикажашь ты прыдаць злёу смерць?» — «Паслышъ, Аріна!» кажыць царь Гвидонъ Саміхлёнавіч: «ні вазможашь ты прыдаць маёй супругі вазлюблінай скорай злёу смерці да майго прыходу. Ну, а калі ііа ііі раділа пяці сыноў, а раділа пяці псоў, тады я вазму, на дванаццаць каней не па хвасты навяжу і раздярэ!» Прашло ўремя яшчэ дэві нідѣлі; ён на морі ўсяго пражыў цэлыі мѣсца і пабяду нівяртыла, —

вайську разрушу, багатырѣу пабядіу. Дастаўся адны нивѣрны парь Шкарлупинъ зъ двананцати галавамі. Царь Шкарлупинъ прикланіўся къ яго боздрымъ нагамъ, царю Гвидону Самихлѣнавичу: царь Гвидонъ Самихлѣнавичъ! прашу тваёй миласьси: ни пабяді ты ман буйны галавы, ни разрушы ты маю багатырскую силу, на пралій гарачію кроў маю, ни прабій мой рятывая сердца сваимъ даўгамѣрнымъ каплёмъ! Вазьми ты мне у свай чарство, буду я застаяць за тебе!» Царь Гвидонъ Самихлѣнавичъ атвочаіць Шкарлупину: ни даю я табѣ миласьси! падымаю сваю вострую мечь-самасѣчь и сьймаю табѣ двананцать галоў сь плечъ; багатырскую силу тваю разрушу, гарачію кроў тваю пралію, рятывая сердца даўгамѣрнымъ каплёмъ сей—мнугта прабью!... Сячась падымаў вострую мечь-самасѣчь, заразъ яму буйны галоў сь плечъ зьмяинныхъ зняў, гарачію кроў праліу, рятывая сердца яму прабивъ сваимъ даўгамѣрнымъ каплёмъ.

Тады ідэць сь палъ нипрыѣглія у свой домъ. Супруга ягонал вазлюбліная, ўжо аздаравіла чырызъ дьвѣ нідѣли. Стричаіць яго у вяротахъ,—мужа свайго, сь хлѣбамъ и сь солью, и зъ добрымъ здароўямъ, зъ золатамъ, сь сѣребрамъ, сь чистымъ зѣмчугамъ, и зъ низкімъ паклонамъ и сь серцамъ пакорнымъ,—якъ ни нада и луччи быць. И ўіць ой кажыць: «яго шъ ты, супруга мая вазлюбліная, ни са мной жылі, што ты ни радила пяти сыноў, а радила пяти псоў?»—«Мушъ мой наймилѣйшый, мушъ мой найлюбѣйшый! ни радила я псоў, а радила я сыноў, и ни знаю, што нада мной падѣлалася? Я была нідьвижыма—ни рукой, ни нагой ни жагла впробхнуць!» Ёнъ па ета дѣла ни пагнѣваўся. Ну, пажыў зъ ей нідѣлю али дьвѣ, а ў тойт—колыки Богъ благаславіў. Ина у другій разъ забиреминила нятыи сынамъ. Прахаділа ина трыдцать девіць нідѣль тижолая, тольки бы нада ей ўходіць одну нідѣлю и радіць,—наступіць нивѣрны царь, зьмѣй Шкарлыхаюцій, на адныхъ иликахъ васимнанцать галоў, и ў яго двадцать восимъ палкоў вайскы и двадцать восимъ багатырѣу харабрыхъ, нагучныхъ и прыпышныхъ. У нивѣрнага царя Шкарлыхаюціга—дужа сила вялікая! И штобъ быў царь Гвидонъ Самихлѣнавичъ на войну на три годзі, на мѡря, у караблехъ, и забираўся бъ сь хлѣбамъ и сь солью, и са ўсимъ благыпалучіямъ сваимъ. Ну, царь Гвидонъ Самихлѣнавичъ прасіць низкімъ паклонамъ, серцамъ пакорнымъ Шкарлыхаюціга: «будь такій добрый, Шкарлыхаюцій! ублагатварі ублагатвареніямъ, и зрѡбъ такія удабрєнія! будь ты такій добрый, што дай ты мнѣ спакою нідѣльки на дьвѣ—на три. Я дужа няздарѡу: тольки што пошъ выйшаў, тайнась прійзнасй!» Ну, ўіць яму ни ўвпрііць, Шкарлыхаюцій; кричыць гулкімъ багатырскимъ галасомъ, сь сваихъ сь ўсѣхъ языкоў са васимнанцати, и свѣціць бальшымъ маладѣцкімъ пѡсвистамъ, сь ўсѣхъ сваихъ са вустѡвъ: кабъ быў царь Гвидонъ

Самиклёнавичъ на вайну! Ня будишь ты на вайну, горадъ спалъ, тебе ў палонъ забару, и съ твай сунругай, са вазлюбинай, сы Настасяй Пирिकासя Диміеўнай, съ тыми дитятяи, которы у чреви! Нѣтъ табѣ спакою ня то што на дѣвѣ—три видѣли, дыкъ на два дѣня! Тольки чатыри часы на выбарку даю! Етатъ царь Гвидонъ Самиклёнавичъ обрамяну етыхъ чатыри часы,—ни убрѣся у карабли. Нлѣвѣрны царь Шкарлы-еушій узяў горадъ заналиў. Некали царю Гвидону Самиклёнавичу да-жыдаць, пакулика жана рѣдять. Ёнъ тады, царь Гвидонъ Самиклёнавичъ, пашоў, горадъ утушыў. И забраўся тады съ хлѣбамъ и съ сольлю, на три годы, у карабли на вайну. Жана яго—сунруга прахадѣла тольки шэсть днѣй и радѣла пятъ сыноў. На тоя жъ павѣтрѣя барадѣца ащанѣ-ла пятъ барзоў. Большая систра Арина атъ яе апятъ сыноў атѣла, у бочку усаѣла, па сивя мѣря уснустьѣла, а пятъ барзѣнѣкаў къ ёй падсаѣла. Письмо царю написала, на парусамъ паслала: «Царю вайни-лѣйшыи, царю найяснѣйшыи! мая систра, твая сунруга, вазлюбѣная жана, Настася Пирикася Диміеўнаи не радѣла пятѣ сыноў, а радѣла пятѣ барзоў. Якую прикажашъ придаць ей злую скорую смертъ?»—«Па-слѣшъ, Арина! табѣ сказана унярѣдъ ётага урѣмѣни: ни вазможашъ ты придаць скорай и злой смерти майѣ сунруги да майго приходу. Ну, а калѣ нѣдѣ ни радѣла пятѣ сыноў, а радѣла пятѣ барзоў, то вазьму, шалковую пѣтлю на шыю узлажу, у Девѣтъ сажонъ атъ сырой зямѣи ма-тарѣ на вѣздусѣ падыму и на шалковай пѣтлѣ удаўлю!»

Ну, яму Гасподь памогъ у скорамъ урѣмѣни нѣпрѣятѣля пабѣдѣть, двадцѣть восьмѣ пѣлкоў разрушѣть, двадцѣть восьмѣ багатѣрѣў пабѣдѣть, тольки дастаўся адѣнъ Шкарлыеушій са васимнанцѣ галавамъ. И ёнъ са васимнанцѣ галапамъ прикланѣся ка яго баздрѣмъ нагѣмъ, царю Гви-дону Самиклёнавичу: «прашу твай мѣласѣя, царь Гвидонъ Самиклё-навичъ! дай спакою мнѣ! буду я застаять за тебе! Вазьми ты мнѣ у сваѣ чарства, ни пабѣдѣ ты мѣи буйны галѣвы, ни разрушы ты маю ба-гатѣрѣскаю силу, ни пралѣй гарѣчю кроў маю, ни прабѣй маѣ рѣтивая сѣрца даўгамѣрнымъ свѣцѣмъ капѣямъ!» Царь Гвидонъ Самиклёнавичъ ат-вѣчѣтъ Шкарлыеушѣму: «я тебе унярѣдъ прасѣу даць мнѣ спакою на нѣскальки урѣя! Толькѣ мнѣ даў на выбарку чатыри часы! Я ни сира-нѣся у ета сусѣмъ карѣтка урѣя, и то ты могъ горадъ мой запалѣть! Табѣ я ни даю спакою ни на адну минуту; падымаю сваю мечъ вострау —самасѣчь и сѣймаю табѣ васимнанцѣ галоў съ плечъ! Якъ траву са-сой сакашу, такъ табѣ буйны галѣвы съ плечъ сѣму, гарѣчю кроў тваю пралѣю, багатѣрѣскаѣ рѣтивая сѣрца даўгамѣрнымъ капѣямъ сѣй ми-нуты прабѣю!» Тады сѣйчасъ падымаў царь Гвидонъ Самиклёнавичъ вос-трау мечъ—самасѣчь, якъ цапнуў—яму заразъ усѣи буйны галѣвы съ

плечъ зняў, гарачію кроў пралиў, рятываў сердца прабіў. Патуль і дѣла яго Шкарлыхаюшчага ні стала!

Тады нашоў царъ Гвидонъ Саміхлёнавічъ у свой домъ съ сіняга моря. Апяць жаніе прайшло дѣвѣ нідѣли, якъ іна раділа, і сустрачаіць яго апяць тымъ жа чырадомъ у варотахъ, съ хлѣбамъ, съ сольлю, зъ добрымі здароўямъ, зъ золатамъ і съ сярэбрэмъ, і съ чыстымъ земчугамъ, і зъ низкімъ паклонамъ і съ серцамъ пакорнымъ. Ёнъ ёй тожъ здароў дае, супругі сваёй, і пытаіць: «Няго шъ ты, супруга, жанна мая, ні са мной жыла?»—«Мушт мой найнільшій, мужъ вайлюбезіішый! знаць ні зпаю, вѣдаць ні вѣдаю, што пада мной падѣлалася?—Я раділа сыноў, а ня барзоў!»—«Ну, за етамъ разамъ прашаю да трэціга разу!» На ста жъ дѣла ёнъ ні пагнѣваўся на ід, стаў жыць, якъ Богъ благаславіць.

Тады іна забіремініла третій разъ пятымі сынамі. Прахаділа трыдцатъ девіть нідѣль і тры дні, а чатырѣ бѣ дні пада прыхадіць і радіць,—наступаіць нявѣрны царъ Хвѣдаръ Тырынь Вярдібіянавічъ. У яго дваццаць восміт галоу на нугучіхъ плічахъ і дѣвѣ галавы на нійнымъ катлѣ, па бальшымъ па нійнымъ, якъ у пивуварняхъ пива варюць. І ёнъ кричіць крѣпкімъ багатырскімъ галасомъ, падійшоўшы на сіню морю падъ етатъ аградъ, надъ царя Гвидона надъ Саміхлёнавіча. Якъ кркнуў і свіснуў, увесѣ лѣсь павяў, і зъ дуба лістъ па сѣпаўся, і зямля скалатілася,—ашъ у царя Гвидона Саміхлёнавіча палаты задрыжалі і шкло зъ вакопакъ павылітала атъ Хвѣдарава Тырына Вярдібіянавіча галасѣ, атъ маладоцкага бальшѣга ідсвіста. І у яго жъ войска семдэсятъ палкоў і семдэсятъ багатырѣў, храбрыхъ, нугучіхъ і прыпышныхъ. Ну ў царя шъ Гвидона Саміхлёнавіча дванадцатъ палкоў і двавадцатъ багатырѣў. Кричіць: «кабъ быў царъ Гвидонъ Саміхлёнавічъ па вайпу на мора, ў карабляхъ, на шэсць гадоў,—забраўся бѣ съ хлѣбамъ, съ сольлю, съ усмітъ благаналучіямъ сванітъ,—аттулітка атпуску ня будіць табѣ!» Ёнъ стаў прасіць, царъ Гвидонъ Саміхлёнавічъ, низкімъ паклонамъ, серцамъ пакорнымъ, Хвѣдара Тырына Вярдібіянавіча: «Стань п' айдоўскімъ мѣсьсѣ, благатварі благатвареніямъ, здѣлай такая адабрэнія, будъ такіхъ добрыхъ—дай спакою на пуўтары, али на дѣвѣ нідѣли, я ні магу тебе іти ваковаць, сілу тваю разрушаць: ляжѣ я при смерці, нічимъ нідѣвіжымъ, ні рукой, ні пагой ні магу варахнуць! А пісьмо пішаць табѣ свіцельнікъ; ёнъ у домъ ка мнѣ зайшоў і тѣйнась Божію прызнасіў. Кабъ даў ты, прашу, мнѣ спакою на нідѣлю али на пуўтары!» Хвѣдоръ Тырынь Вярдібіянавічъ кажыць: «вѣтъ табѣ спакою! даю два часы па выбару! Калі ты ня выбірысся на карабляхъ у дні часы,—горадъ выналю, ты

домъ у свой пришоу. И ляжѣтъ ина ничимъ ни дѣвижима—ни рукой, ни ногой ни можать варатиуѣтъ, и съ сынамъ сваимъ Иванамъ Гвидонавичамъ. И ѣнъ рассирчау за етымъ за третимъ разамъ, што ни радила пять сыноу, а радила аднаго сына, и тольки, дѣйствилиа наказала, што приукраснаго сына радила: ува лѣвъ совца, у патылицы мѣсецъ, руки у золати, ноги у сирябрѣ, тѣла усѣ у дробныхъ звѣздачкахъ. Царь Гвидонъ Самиклѣнавичъ вилѣу даставитъ бочку бальшую сваимъ слугамъ вѣрнымъ. Дастали бочку и палажили у не Настасю Пирюкрасю и съ сынамъ ие, паставили усякаѣ ѣжи и усякиѣ вышивакъ и яалиткау; и палажыу туды царь Гвидонъ Самиклѣнавичъ золота и сирибра, и закубрили, зилѣзнымъ абручанъ ие аббили. И казау карабелыщикамъ на моря аттянуть за тысичу вѣрстѣ и пускѣтъ на снѣя моря. Карабелыщики такъ и дѣлали, якъ имъ было приказана.

Ивану Гвидонавичу споунилась двадцать чатыри часы-сутки, и ѣнъ у такимъ у возрастѣ становитца, якъ двадцать пять гадоу добрый малѣецъ. И разгалариваитъ съ матирью гласнымъ ричамъ: «што, кажытъ, маминька?»—А што, кажытъ, дитятка?—Вотъ што, маминька: кали бѣ Господѣ издау, кабѣ наша бочачка на бирижѣскъ укачѣлася, на сухапутѣя! Ня усѣѣу ѣнъ ета дѣла исказатѣ, бочка на бѣразнѣ стайтъ. И ѣнъ чуитъ, што валной ни качаитъ бочку, апатѣ жи кѣ матири кажытъ: «што, кажытъ, маминька!»—А што, кажытъ, дитятка?—«Кали бѣ Господѣ издау, кабѣ наша бочачка разлитѣлася и зилѣзнымъ абручи кабѣ папокалися!» Ня усѣѣу жи ѣнъ ета дѣла исказатѣ,—ета бочачка у грудѣ ляжытъ. И матѣ иго здарова стала, становилась ни сваихъ нагахъ.

Паглядѣтъ: яны дли аграду царскаго—дли царя Гвидова Самиклѣнавича, дли саду, стайтъ. Яны выходѣю у етатѣ ува градѣ,—на пажарная пажѣсѣтя, на гарѣшку. Яму палюбиялась ета пажарвая пажѣсѣтя: видютъ и айцоуѣскин бѣлы-каминны палаты и садѣ-винаградѣ. Ёнъ и кажытъ: «а што, маминька!»—«А што, кажытъ, дитятка?»—«Кали бѣ Господѣ издау намѣ, кабѣ выстраились бѣлы—каминны палаты, дванащѣти итажовыи, зѣ разнымъ вынѣскамъ, зѣ усякимъ винаградамъ, зѣ усякимъ разнасѣтѣмъ и усякимъ итущкамъ!» Выстраиуся яму садѣ-винаградѣ и дварецѣ—билакаминныи палаты дванащѣти итажовыи, и усѣ тоя, што ѣнъ матири казау. Ёнъ Госпада Бога усхваляитѣ, Исуса Христа успоминаитѣ, и Дѣву Марѣю, и зѣ матирью сваѣй у еты бѣлы-каминныи палаты устунайтѣ и жить зачинаитѣ.

Паглядѣтъ Иванъ Гвидонавичъ у вакошачка,—дажджѣкъ буйный идѣтъ. Ёнъ матири сваѣй кажытъ: «што, кажытъ, маминька?»—«А што, кажытъ, дитятка?»—Ды кабѣ Господѣ издау бы намѣ, кабѣ вылажыуся бѣ мостѣ на дванащѣтъ вѣрстѣ: золотая масѣничника, сирѣбряная масѣничника,

мость на дванацать вёрстъ—златая масьничина, серебряная масьничина, златый гвоздь, серебряный гвоздь!» Тады сйчасъ и кажыть Арина: «што, братцы карабелъщики: вичога тутака дивага нѣтуця, што палаты пригожы, и паринь прыукрасинь, и садъ-ванаградъ, и мость на дванацать вёрстъ! Вотъ, кажыть, царю наймилышый, царю найменѣйшый, царь Гвидонтъ Самихлёновичъ, ёсь диво,—дыкъ изъ дивау дива: пѣукатарамъ-та царствыи, пѣукатарамъ гасударствыи, можа шў томъ, у каторамъ мы живёмъ, стаить дубъ —Старадубъ у дванацать абхватау. На тымъ дубу дванацать сукоу, на кажынамъ суку на дванацать карабоу, у кажынамъ карабу на дванацать братоу, у кажынага брата на дванацать сыноу, у кажынага сына на дванацать званоу, на кажыный жа звонъ на дванацать усякихъ итушакъ. Малайцы пляють, салбун играють, дробны итушки шабечутъ, званы звонюць—ни ателухатца!» Царскій сынъ Иванъ Гвидонавичъ чумъ егить разговоръ, што тётка-Арина пра дубъ дива гаварила. Ёнъ прилитаить къ матери, мать у яго и пытань: «што, дитятка: ти казалы карабелъщики, якъ ты имъ отказува?»—«Нкъ жа, маминька: карабелъщики отказували маминъ слависамъ: а Тётинька Арина, каторая насъ шь свѣту звадила, пра дубъ дива гаварила. Вотъ кали бъ Гасподь издау намъ такая дива надъ вышнійя ваконшачка съ усякимъ примѣтамъ!..» Ни насѣбу жа ёнъ ета мсказать, узъивнѣся такій жа дубокъ надъ вышнійя ваконшачка: малайцы пляють, салоуи играють, дробны итушки шабечутъ, званы звонюць—на ателухатца.

Идутъ карабелъщики учатырѣхъ, другъ на дружку аглядаютьца и рассмихаютьца; надъ палаты надходюць, разглядають, дѣвери атчиняють, у палаты уступають и здароу дають: «здрастуй, паринь!..» «Здрастуйти, братцы карабелъщики!»—«Ну што, паринь: ти тутъ царь живётъ?»—«Нѣ, братцы карабелъщики: тутъ ни царь живесть, а наслѣдникъ царскій живётъ!»—«Дыкъ пойдимъ, ребяты, къ царю!»—«Сядьця, братцы карабелъщики, насидѣця, са мной са маладымъ пахлапачитя, хлѣба и соли искусятя, съ усякихъ напитукау испіятя, золата и сирибра ать выше примитя!» Ёнъ ихъ напавиу и пакармиу, золатамъ и сирибромъ наляляу. «Тинерь, братцы карабелъщики, буду я васъ прасить: пойдитя шъ вы къ царю, будить у васъ царь распытувать: што вы на бѣлу свѣту хадили, па сипимъ марямъ, па вадынмъ путямъ, па зялёнымъ лугамъ, па чистымъ паямъ,—якога дива ти ня видили? Вы шъ атвичайтя маминъ слависамъ!» Яны къ царю приходюць, у била-каминныи палаты уступають. Царь ихъ сустричаить съ хлѣбамъ—съ солью, зъ добрымъ здароуямъ, стульцѣ падставляить и ихъ сажанть, пронижды ихъ самъ садитя и распытуванть: «што вы, братцы карабелъщики: па бѣлу свѣту хадили, па сипимъ марямъ, па вадынмъ путямъ, па зялёнымъ лугамъ, па

чистымъ палѣмъ,—якога дива ты ня видѣли?» А Иванъ Гвидонавичъ абярнуся сызымъ галубкомъ, падлятѣу падъ вакошка, падъ карнизъ, у джъ къ айцу спайму, и слухаить. Карабельщики атказывають: «мы па бѣлу свѣту нидѣ такога дива ня видѣли, якъ у вашымъ ува градѣ!» — «А што шъ тамъ за дива?» — «Якъ жа ня дива: што чиресъ троя сутакъ, назады ни было ничога, а теперь выбудувались била-каменные палаты, дванадцати итажовыи, съ усякимъ выпискамъ, съ усякимъ разнасытямъ, и садъ-винаградъ, и мостъ на дванадцать вёрстъ; и стантъ дубъ-Стара-дубъ у дванадцать абхватау; на дубу тымъ дванадцать сукоу, на ка-жынамъ суку на дванадцать карабоу, у кажынамъ карабоу на дванадцать жынамъ сыноу, у кажынаго брата на дванадцать сыноу, у кажынаго сына на дванадцать звапоу, на кажыный звонъ на дванадцать усикныхъ птушакъ: малойды пляють, салдоуи играють, дробны птушки-щабечутъ, званы зво-няютъ—ни атслухатца!» Царь Гвидонъ Самитлоновичъ са стула уставау, Госпада Бога усхваляу, Исуса Христа успаминау и Дѣву Марѣю: «бла-годарю, кажыть, Госпада Бога Исуса Христа и Дѣву Марѣю, што усѣ дива у мой ува градъ зъ бѣлага свѣту папришло!» Тады кажыть Арина: «няго шъ, вы, братцы карабельщики, па бѣлу свѣту хадиушы, хардшага трахтиру, али кабака, ня видѣли, и раядаръ приукараснаго парня маладого ня ви-дѣли? Тутъ ничога дивнаго нѣтути! А няго шъ вы, па бѣлу свѣту ка-диушы, и маста ня видѣли, али дубья такога ня видѣли у дванадцать абхватау? Тутъ ничога дивнаго нѣтути. А вотъ, кажыть Арина: царю наймилышый, царю найяснейшый: ёсь дива, дыкъ изъ дивау дива: нѣука-тарымъ-та чарствви, нѣукатарамъ-та гасударствви, тольки на у томъ, у ка-тарымъ мы жыѣмъ, на тридыватымъ чарствви, на тридсатой зямлицы, за синимъ марымъ, за щиримъ барамъ, у залёныхъ лугахъ гуляють ча-тырнанцать малойцау, ни пьють, ни ядуть и ничимъ сыты бывають, при-хлажаютьца, на себе ничога на свѣти ни спадываютьца,—и голоась у го-ласть, и воласть у воласть, лицо у лицо—адымъ словамъ, якъ адинъ. И у нѣ чатырнанцать каней гуляить, залатая шарсьтинка, сребряная шарсьтинка, залатый капытъ, сребряный капытъ, зъ наздѣръ жаръ сы-плитца, со рта большъ шубаить, у дѣваа вуха улизатъ—умуватца, у правая улизатъ—нарижатца, у самацѣтнаа платѣтя, у драгачѣннаа!»

Прилѣтѣу къ матири Иванъ Гвидонавичъ, мать у яго и пытантъ: «ну што, дитятка: ти казали карабельщики тваимъ слависамъ?» — «Якъ жа шъ, маминька: карабельщики казали мамѣ слависамъ, али тѣтинька Арини пра чатырнанцать малайцоу гаварила. Вотъ маминька: кабъ Гасподъ издау, кабъ тыхъ чатырнанцать малайцоу кз мнѣ къ пытаяцатаму — пажуубы я ўречичка! Вотъ маминька: ты ни рѣдныи ета братцы мнѣ?» Ня успѣу жа ёнъ ета дѣла исказать,—такій конь падъ вышнимъ вакошкамъ—падъ балконамъ

и стайть! Ёнъ тады пирлястѣўся и зъ матирью распрастиўся, на добрага каня садѣўся и паѣхаў на тридыватая чарства, на тридѣсятую зямліцу, за синіи маря, за шчыры бары—у зялёныи прѣмжаиць луги къ братамъ сваимъ. Конь шпарка бѣгъ, ня могъ самъ сѣбе уздѣржаць, могъ на калѣни припадаць. Иванъ Гвидонавичъ могъ зъ добрага каня ссидать и могъ ёнъ пириць чатырнадцати братами на калѣнкахъ стайць: «здароў, братды ман родишы, Гвидонавичи!»—«Здароу, здароу, Иванъ Гвидонавичъ, братиць наймильшый, братиць пайлюбѣйшый! якъ тѣбе Гасподь сюды завѣзъ: али добрый конь завѣзъ, али ты самъ маладець сюды зайшоў?»—«Братцы ман найлюбезныи! мине Гасподь нѣсть и добрый конь вѣзъ, и я добрый маладець самъ ишоў. Прашу я влѣсь, братны милыи, на сваю старану узваратитца, къ айцу и къ матири сваей. Я пи въ айцоўськихъ палатахъ праживаю;—на Гасподынюму благаславеньку, и на Гасподыняму страбеньку,—мнѣ Гасподь издаў, и ў мине выбудувалися дванадцятитажовыи палаты,—съ усякимъ винискамъ, съ усякимъ винаградамъ, съ усякимъ птицамъ; и дварецъ, и садъ-виноградъ; и вылажиўся мостъ на дванадцать пѣрестъ; кажда моста каминныи палаты, и дубъ ставъ съ усякими прикѣтами и съ усякими хорошими разнасьтями!»—«Братиць нашъ наймильшый! атвечаюць яму уси браты: ниякъ намъ ня можна на рѣдную старану сваю свѣтлыхъ вочъ сваихъ аказать!»—«Пачау жа такъ?»—«А вотъ, у пѣсь вусты чорныи, што мы груди матири ня пробували! Даймъ мы табѣ каини пярэжнпаго: ѣдъ ты къ матири,—кабъ матъ зѣблала изъ груди тварашку, хуць бы съ куриная яйцо!» Ёнъ сѣў на добрага каня и паѣхаў у домъ свой, къ матири сваей. Мать заплакала слезна: што шъ ты, сынъ мой любезный, адинъ прѣѣхаў, а тыхъ протчихъ сыноў ни привѣзъ? Иванъ Гвидонавичъ атвѣчаиць: «ня можна, маминька, имъ сваихъ свѣтлыхъ вачей паказать на рѣдную старанку: ихныи вусты чорныи, аттаго што грудей матири ня пробували. Прасили тѣбе, кабъ ты зѣблала изъ грудей сваихъ тварашку, хуць съ куриная яйцо!» Тады ина давай сама себѣ парушаць и даиць. И малако каиць. И зѣблала камокъ тварашку—бизъ чѣтверти два хунта—угроя сутакъ. У хустачку увязуванъ, падаѣць яму ■ приказуванъ: «спяди шъ, сыпокъ: раздѣли, кабъ усимъ была пѣраўни!» Ёнъ сѣў на добрага каня и паѣхаў. У пять часоў могъ туды далитѣль, —къ братамъ сваимъ. Браты надбѣгли, добрага каня уздѣржали, и яго съ каня зыкли. Ёнъ тваражокъ раздѣляиў на чатырнанцать далѣй—якъ па куриному яйцу кажнаму брату. Избѣли яны етага тварашку, стали вусты ихныи бѣлы и чисты,—якъ и ў яго. Тады садѣлись уси пѣтнанцать малайцоу, родныхъ братоў, на добрыхъ канѣў, и паѣхали на радѣтильскаю старану, къ сваей матири и айцу. Прѣѣхали

щики отказываютъ: «мы на бѣлу свѣту нидѣ такого дива не видѣли, якъ у вашихъ ува гради!» Гвидонъ Самихлѣнавичъ атвичаетъ: «у третій разъ чую, што у мой ува градъ усѣ дива пришло! Што нѣ такая за дива?»—«Якъ же шѣ ня дива, отказываютъ карабелъщики: што чиризъ дванаицать сутакъ ни было ничога, а типерь вѣбулдувались палаты, садъ-винаградъ, вылажыўся мостъ на дванаицать вѣрстѣ, зъявиўся дубъ-Старадубъ съ усякими разнымъ приѣтамъ, и выстраилася канюшня каминицѣя, вокала залатая, крыша драгацѣйнаго камня, и ў тѣй канюшни цитпанцать каней, у тыхъ же каняхъ залатая шарѣтьинка, серебряная шарѣтьинка, залатый капыть, серебряный капыть, зѣ наздѣръ жаръ сылитца съ рта полынѣ шубѣиць, у правая уха улизатъ—нарижѣтца, у лѣвая улизатъ—уиуватца! Ну палаты жѣ харашы, харашы, а ў тыхъ палатахъ парпи—дужа приукрасны, цитпанцать малайцоу, родныхъ братоу, сильныхъ магучихъ припышныхъ багатырѣу. У ихъ ува лбахъ сонца, у патылицахъ мѣсиць, руки у золати, ноги у сирябрѣ, тилиса уси у дробныхъ звѣздачкахъ; яны пьють и гуляють, ни на вѣшта на свѣти ни упувають!»

Тады биретъ царь Гвидонъ Самихлѣнавичъ трѣхъ инаралау и трѣхъ лквитандау,—ни стау ни лкай гавѣрки мѣтъ зѣ Ариннай,—и пашоу естага дива нагледѣтъ—самъ сѣмый. На масту идуць—усьмикаютца, надъ дубъ надходють—прислухаютца, надъ канюшнѣю надходють—приглядѣютца, къ била-каминнымъ палатамъ надходють—любаныствуютца. Тады дѣвери атчиняють и ў палаты уступають. Узглянуу царь Гвидонъ Самихлѣнавичъ на стыхъ на своихъ на родныхъ сыноу—разудплыхъ малайцоу,—ѣнъ спужаўся, зѣ ногъ звалиўся, нижу стау. Иванъ Гвидонавичъ кажыть: «вазынѣи, братцы, ай, а, на рукахъ ускалыхниѣи, вады у вочи успли-пити! Што нѣ ты, тѣтинька, такъ пужаѣсься и рабѣишь? Мы ни воры, ни разбойнички, а вазлюбленны тваи сыночки,—сильными магучи багатырѣчки!»—«Скажыти шѣ вы миѣ яствѣиннаю прауду: дѣ Иванъ Гвидонавичъ и матъ ваша?»—«Вотъ, кажуть, тѣтинька: Иванъ Гвидонавичъ на лаўцы сидитъ,—ѣнъ у насъ большымъ—и матъ калѣ яго!» Протѣи браты кажуть: «што шѣ ты, Иванъ Гвидонавичъ, ни пададѣишь къ айцу свайму?» А ѣнъ отказываетъ: «ни дастоинъ я къ айцу пахадѣиць и буйный свайей галавы скинуць; а дастоинъ атець миѣ дванаицать пакло-нау атдати!»—«Пачаму шѣ такъ кабъ атець нашъ буйнай галавой и-нуўся—паклоны давау?»—«А вотъ, кажыть, пачаму: што я айца свайго у бочку ни садиу и на синя моря ни пуцау, а мне атець зѣ матирѣю у бочку пасадиу и на синя моря успусьтиу. Вотъ пачаму даужонъ ѣнъ миѣ дванаицать паклоповъ издати, а матири дѣвѣиць паклопау!»

Царь Гвидонъ Самихлѣнавичъ къ Ивану Гвидонавичу падступау и

лись! по бярэзінкі; а яны кажуць: «во, нашъ татулька усё лучынычку сикэты!» — Ды бяруць, бяруць ягодки. Бралі яны, брали, покуліцька спосцігла ихъ тёмныя почка. Тоды большая сестра кажэць: «пойдэць сястрицкі, кз таткі: знаць ёнъ про насъ забывся!» Пришли яны кь тому мѣсту, дѣ ляскыла досочка, ашъ тамъ нікого нѣтути! Заплакыли, залилися яны горючимъ слезымъ. А большаа сестра говорить: «ну, пришла наша смярётка! Не ўзлюбила насъ лихая мачиха: заставила нна нашего татку со свѣту насъ зжыть. А ёнъ самъ не захотѣвъ на вумъ насъ пыставлять. ды привѣзъ у етыгъ лѣсъ!» Сяреднія нѣ кажэць: «Пойдэць лѣвши подь зилёную сосенку, зыднимъ хлѣбца, што ў насъ у нашчючку, тоды пойдэць далѣй, — аносъ куды либо прйдэць». Нашли яны большую сосенку, сѣли подь ей и сидять. Якъ стало имъ дужа бѣдво на рѣдинаго татку, што ёнъ послуухався злой мачихи и звѣзъ ихъ, рѣдныхъ дочѣкъ своихъ, на згібель у тёмный боръ; якъ заплакыли, якъ залилися яны буйнымъ, горючимъ слезамъ! Плакыли яны, плакыли, покуліцька отъ ихъ буйныхъ чистыхъ слѣзъ пошли рѣки на усѣ чатыре стороны.

И дыйшла одна рѣка ды царскыго-государскыго дома. Устабъ у тое вутро царъ ранёныко, умывастца бѣлэныко, молитца Богу щирдыно. и выходить на балхвонъ. И видить ёнъ ряку, што учора и слухѣвъ былъ но слыхатъ, и видѣмъ не видать. Царъ ни здыуестца на ету ряку. И захотѣвъ ёнъ узнатъ, откуліцька ина тѣкѣтъ. Созываеъ ёнъ своихъ вѣрныхъ слугъ и приказываеъ имъ: «слуги мои вѣрныя, слуги мои добрыи! Идѣти вы по боряшкѣ отыя ряки ды самаго того мѣста, откуліцька ина тѣкѣтъ, — и хто тамъ ёсь — ти пенъ, ти колода, — ти человекъ, ти пташка, ти звѣрь, ти букашка, — видѣти сюды ко мнѣ!» Ишли тыи слуги ти много, ти мало, ти довго, ти корѣтко; а дойшли до сосѣнки. И увидили подь ёй трѣхъ красныхъ дѣвицъ, трѣхъ рѣдныхъ сястрицъ. «Ну, кажуць, дѣвицы-красавицы: мы възьмемъ васъ у царскій домъ! Такъ намъ царъ приказавъ!» Дѣвицы нѣ снокорилися. Пришовши кь царю, низёныко поклонилися. Царъ ихъ пытаеъ: «якого вы роду, якого вы племени?» Яны тоды говорятъ яму: «прѣстаго мы роду и племени! Не ўзлюбила насъ лихая мачиха, и заставила ина нашего рѣднаго татку звяскѣти насъ у тёмный боръ. А мы тамыцька дужа приблѣднылися, расплакылися, растужилися, и пошли отъ нашихъ буйныхъ слѣзъ рѣки на усѣ чатыре стороны!» Пылядѣвъ на ихъ царъ, а тыи дѣвицы такіи пригожіи, што ни у сказки сказаць, ни пярѣмъ ныписатъ. Царъ и кажэць: «вы дѣвицы, а я холостъ: икая изъ васъ проворнѣй, тую и замушъ возму!» Большая на ето яму отвѣчаеъ: «а коли даси мнѣ, царъ-государъ, одно пшанішное зарѣшко, дыкъ я усѣ твоѣ царство прокормлю!» Сяреднія нѣ

клеиди ина это письмо и положила за божницу. Пришовши зъ бани го-
нецъ, повечеривъ и лёхъ спать. Череночевать, а назаўтра, уставши ра-
нёнько, умывшись бѣленько, помолившись Богу ширёнько, опять отпра-
вился у дальній путь. Шовъ ёнъ, повъ, дошовъ до царя и подавъ яму
письмо. Царь прочитавъ и зжикнувся: «Божа мой, Божа! якъ говорилось,
а якъ спородилось!» Дунавъ ёнъ, гадавъ ёнъ, и написавъ: «хто тамъ уро-
днуса—ти жукъ, ти жаба, ти скверъ икая—оставить до мойго прихода,
до мойго прїѣзда!» Пошовъ гонецъ зъ етымъ приказомъ узадъ, и при-
ходить ёнъ на ночь къ саредній сестры. Ина, якъ и першій разъ, велѣла
вытопить яму баню. Ёнъ пошовъ туды, положивъ царскій приказъ у
божницы. А йна узидла, прочитала, ды сжгла, а на тое мѣсто написа-
ла, штобъ ихъ, добрыхъ молодцовъ, сичасъ сказывали. Пришовъ гонецъ
зъ бани, повечеривъ и лёхъ спать. На другій день опять пошовъ далѣй.
Шовъ ёнъ до поздній ноченьки и заночовавъ у большой сестры. И у ёй
стопили яму баню. Пошовъ ёнъ у баню, дыкъ ина прочитала тое письмо
ды й прибавила: штобъ одинадцать сыновъ зашили у кожынный мѣхъ, а
царицу зъ малымъ сыномъ засадили ў смолянью бочку, и спустьили усихъ
на синё моря.

Пришовъ гонецъ зъ етымъ приказомъ у царскій городъ. А городъ
такъ и сіяеть отъ ихъ, добрыхъ молодцовъ! И князи, и бояры на ихъ
ни узлюбуютца, и царскому приказу ни здивуютца! Ды дѣлать нечего:
воля царская—воля Божіи: сполнить оё надо! Узали яны одина-
дцать сыновъ зашили у кожынный мѣхъ, а малаго зъ маткой усадили ў
бочку, засмолили, и спустьили усихъ на синё моря.

Ды змиловався надъ имъ Бохъ и послау повѣтерья: тотъ мѣхъ ни
тонеть, а плывётъ. И приплывъ ёнъ у тридевятую землю, у тридесатое
чарство. У етымъ чарствіи бывъ дубъ—Дорохвей на дванадцать 'корок-
лей, на самоѣ беряшку синяго моря. И ёсь у того дуба большое дуло.
Вотъ старшій братъ кажеъ: «братцы мои милыи, братцы родимыи! да-
ётъ намъ Бохъ гулянья—отдыханья: разорвѣмъ мы мѣхъ и выйдѣмъ на
волюшку!» Яны шъ яму отвѣчаютъ: «не разорвать намъ, братитка, етого
мѣха!»—«А, кажить: пастъ матъ спородила—на щастья блыгословила, —
блыгословимъ жа и мы одинъ другого!» Блыгословили яны друзъ
друшку расъ, другіи ды й третій. И якъ понатужились—пояска-
лились яны за третьимъ разомъ, дыкъ разлѣтѣвся тотъ мѣхъ на
дробныи кусочки! Вышли яны, добрыи молодцы, на крутой беряжокъ, уви-
дѣли дубъ—Дорохвей на дванадцать короклей, и залѣзли у яго дуло.

Царица шъ зъ малымъ сыномъ плавала по мѣрю три дия и три но-
чи. На чатьвѣртый день сынъ кажеъ: «ну, родимая мамка: чую я, што
мы къ вострову прибилися: якъ бы намъ зъ бочки vybrатца?»—«Нѣ,

ворку, лицомъ якъ оѣнѣ; по колѣно у золотѣ, по поясъ у серебряѣ, во лбу ясѣнъ мѣсицъ, у потылицы дробны звѣздочки, по вискамъ красно солнышко!» Царь сичасъ догадався и кажетъ: «ето, вѣрно, мои дѣти!» А большая сестра говоритъ: «ту, царь: што ето за диво? не твои ето дѣти. Вотъ то—то будутъ твои дѣти, хто достанетъ у тридевятѣй земли, у тридесатымъ чарствѣи кота Валдай. Ёсь тамъ дубъ Дорохвей на дванадцатѣ короклей: дыкъ на стымъ дубу живѣтъ котъ. Унизъ ёнъ идѣтъ.—басыни баятъ; увертъ идѣтъ—сказки кажетъ!» Царевичъ усѣ слышитъ. Якъ поѣхали купцы узадъ, ёнъ вярнувся зъ имъ у свой городъ, и кажетъ братамъ и сарицы: «загадала намъ тѣтка загадку,—ня вѣдыю, якъ еѣ и разгадатъ! Блыгослови ты насъ на ето, матушка!» Ина ихъ блыгословила, и яны, добрыи молодцы, вышли у чистое поля, у зялёныи луга, у заповѣдныи лѣса: крикнули, гаркнули быгатырскимъ голосомъ,—и за ночь у ихъ усѣ стало! Купцы жъ онятъ проѣхали черезъ ихъ городъ у чарствѣи ихъ батыки. Малый царевичъ обярнувся мухэй, приляпився къ ихъ кораблю и поѣхавъ зъ имъ. Царь онятъ пытаетъ ихъ: дѣ яны бывали, и што видали? Яны говорятъ: што на вострову Вудай, у городѣ Китай, ёсь дубъ Дорохвей на дванадцатѣ короклей; по етому дубу ходитъ котъ Валдай: ёнъ унизъ идѣтъ—басыни баятъ; увертъ идѣтъ—сказки кажетъ. Царь на ето чудо ни здивуетца и говоритъ: што вѣрно ето яго дѣти достали яго! А большая сестра онятъ кажетъ: ето, царь, чудо ни чудо! вотъ то чудо, што у тридевятѣй земли, у тридесатымъ чарствѣи ёсь яблонька серебряная, яблонька золотая; яблочко серебряное, яблочко золотое, вѣточка серебряная, вѣточка золотая. Хто достанетъ ето чудо, то и будутъ твои дѣти!». Царевичъ онятъ усѣ слышавъ. Вярнувся съ купцамъ у свой городъ, рассказавъ про усѣ матки и братамъ. Царица имъ кажетъ: «нѣ, дитятухны! не достать намъ етыго дива, и не вярнуть вамъ свойго батышки!» Яны шъ попросили еѣ, штобъ ина ихъ блыгословила. Вышла онятъ у чистое поля, у зялёныи луга, у заповѣдныи лѣса, крикнули, гаркнули быгатырскимъ голосомъ,—и за ночь выросла имъ яблонька серебряная, яблонька золотая—вѣточка серебряная, вѣточка золотая—яблочко серебряное, яблочко золотое.

Онятъ жа купцы корабельщики проѣхали черезъ ихъ городъ къ царю на поклонъ. Зъ имъ обярнувшись мухэй, прѣхавъ и малый царевичъ. Ставъ царь онятъ пытать ихъ, яко яны видели чудо. Яны рассказали, што на вострову Вудай, у городѣ Китай видели одну яблоньку серебряную, одну золотую, вѣточку серебряную, вѣточку золотую, яблочко серебряное, яблочко золотое. Царь етому диву ни здивитца и кажетъ: «ето, вѣрно, мои дѣтки достали!» Большая жъ сестра онятъ говоритъ: пу, дѣ, царь, тотъ отживѣтъ, хто утопился! Вотъ то твои дѣти, хто до-

станеть у тридѣвятэй зямли, у тридѣсятѣмъ царствѣи мость, што одна мосьничника серебряная, одна золотая; а якъ ѣдешъ по нѣмъ, дыкъ упрярьдъ ёсь, а сзайи нѣтутѣ! Царевичъ вярнувся съ корабельщикамъ домои и разсказавъ братамъ и матери, якую нѣмъ тѣтка загадала загадку. Царница нѣмъ кажетъ: «нѣ, дѣтатухны: не разгадѣть вамъ етѣй загадки,—не вярнуть вамъ свойго бѣтѣушки!» Малый сынъ отвѣчаетъ: «вѣлико щастье, махуна, вѣликии и Бохъ: усѣ долю дасъ! Блыгослови ты насъ, якъ блыгословляла унярьдѣ!» Ина блыгословила. Нѣны опѣтъ пошли у чистое поля, у зялёнымъ лугѣ, у заповѣднымъ лѣсамъ; крикнули, гаркнули богатырьскымъ гѣлосомъ, и за ночь явився мость. Вотъ, якъ разсказали купцы корабельщики про ето чудо царю, ёнъ и кажетъ: «ето ўже мои дѣтки достали яго! Поѣду я къ нѣмъ!» Большая сестра ничѣго не нашла сказѣтъ. Ёнъ и поѣхавъ. Ина шъ за нѣмъ услѣдѣ. Якъ подѣѣхыли къ тому мѣсту,—яму мость ёсь, а ей нѣтъ! яму мость ёсь, а ей нѣтъ! И прѣхавъ царъ на востровъ Будаи, у городъ Китай. А ёнъ увесъ такъ и сѣлетъ отъ яго сыновъ. Увидѣвъ тамъ царъ царѣцу и сѣчасъ узнавъ ея. Ина шъ показала яму дванадцѣтъ сыновъ—голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, похводка у похводку, говорка у говорку, лицомъ якъ одинъ; по колѣно у золоти, по помъ у серебря; во лбу—ясѣнъ мѣсѣцъ, у потылицѣ—дробны звѣздочки, по вискамъ—красно-солнышко. На радѣстьи яны задали пиръ на увесъ мѣръ. А большыхъ сясѣтѣрь царъ велѣтъ привизѣтъ къ коньскымъ хвостамъ и пусѣтивъ у чистое поля.

Вировлянская вол. городок. у. у. вѣтеб. зуб.

17. Иванъ Ивановичъ—царевичъ.

Въ нѣѣкоторѣмъ царствѣи, въ нѣмъшамъ государствѣи живѣ саби одинъ царъ. И захотѣвъ ёнъ саби жанѣтца, и поѣхавъ у прѣтѣи чужѣи зѣмли, нѣвѣсту вибирѣтъ сабѣ. Поѣхавъ ёнъ у водно царство, ѣздѣвъ, ѣздѣвъ, подѣ обѣчай жѣву не нашовъ. Вярнувся ёнъ домои. Поживъ кольки-небудъ дома тамъ, да и поѣхавъ у другое царство. Тожа и тамъ не бѣскавъ подѣ свою натуру. Вярнувся домои, и поживъ мало-много дома. Поѣхавъ ёнъ у третѣи царство, и ѣздѣвъ, ѣздѣвъ—тожа не нашовъ. Воротився домои и заѣхавъ у дѣревню на ночь. Вѣпросився у мужика на ночь у хорошаго, и ставъ тамъ питѣтъ сабѣ нѣвѣсты за себѣ. Тутъ жа сѣйчасъ, позно у вечеру, повѣтъ кучаръ лошадей поитъ, и спусѣтивъ жѣ вѣдрѣ. Сѣйчасъ жа тутъ глѣнувся—тѣмъно у хатахъ. А въ одной свѣтитца. Ёнъ пошовъ вѣдерца просѣтъ туды. Подыхѣи подѣ вокошка, ажъ тамъ сѣдѣтъ три дѣвушки—сѣстры, и разговаруѣтъ мѣжа собѣи. Вотъ, говѣра: царевичъ етѣй ѣзда да свѣтаѣтца, ну тольки крашѣи мѣжда

трохъ насъ ии найдя! Большая сказую: коли бѣ мене узавѣ, то я бѣ яго усю вармію однимъ хлѣбомъ скормила! Серадолшая кажа: коли бѣ мяне узавѣ, то бѣ я бѣ яго усю вармію одной глою опшила! А меньшая кажа: коли бѣ мене узавѣ, то бѣ я бѣ яму родила двананцать сыновѣ, да усѣ соколовѣ: во лбѣ мѣсячко, у потылицы звяздѣ, по локоть руки у сребры! Вотъ тяеръ жа сычасъ той кучаръ,—не ставъ уже вадра просить,—варнувся на кватеру, и выгукнувъ царевича, и ставъ яму говорить: отъ, говора, царское вяличаство: якъ водивъ я лошадей, и спустивъ вадро. И глянувся я—у усихъ хатахъ тѣмно, а въ одной свѣтитца. Пошовъ я вадра просить, ажъ тамъ три дѣвушки сидятъ и шіяти. И вихваліятца мизда собой: нехай етий царевичъ хочъ усю зѣмлю обѣзѣда, а крашшай васъ не найдя! Большая говора: коли бѣ мене узавѣ, то бѣ я бѣ яго усю вармію однимъ хлѣбомъ скормила! Серадолшая каа: коли бѣ мяне узавѣ, и бѣ яго усю вармію одной глою опшила! Самая меньшая кажа: коли бѣ мяне узавѣ, то бѣ я бѣ яму родила двананцать сыновѣ, да усѣ соколовѣ: во лбѣ мѣсяцъ, у потылицы звяздѣ, по локоть руки у сребры! Уходя царевичъ зѣ надворья и питаа у того мужика, што ночуя: што, каа: ё у васъ такіа и такіа дѣвки?—Е!—Ну, пойдомъ у сваты! Отъ, иде царъ и думаа: якую мнѣ узить? Отъ, думавъ, думавъ самъ сабѣ и надумався: хочъ ба я большаю и узавѣ—у мене хлѣбъ ё; серадолшаю я бѣ узавѣ—у мене и одѣжа ё. А возьму меньшаю! Узавѣ за себе меньшаю, и поѣхавъ у своѣ царство. И живѣ тамъ, ти мало, ты много дома. И забеременила яго хозяйка. Тутъ тогда жа издѣлалась тривога, и трѣба яму съ свойго царства отиравлятца на погода. И прощаетца ёнъ исъ своей женой и приказу ёй дужа: што, говора, моя милая: коли Господь Богъ дастъ табѣ, по прѣстоуму—родины, што бѣ ты ни родила, дакъ ко мнѣ прислала! Тутъ жа отправився ёнъ за своими поѣтрѣбками, а йна мѣсяцы у два родила, посели яго, двананцать сыновѣ, да да усѣ соколовѣ: во лбѣ мѣсяцъ, у потылицы звязда, по локоть руки у сребры. Пиша яна пакетъ и отправляя съ свойго царства вѣрника, и строго яму приказуя, щобъ пакета не попускавъ никому у руки. Дочулися яе сѣстры, што яна обродилась, и узали, по большой дорози поѣткуплювали сабѣ шинки. Такъ жа, ихавъ той вѣрникъ съ пакетомъ. И случилося къ большой сестрѣ на ночь. И спрашуя таа сестра: куды тебе Богъ пласѣ? А ёнъ говора: поѣду къ цару! Яна спрашуя: по якомъ случѣю?—Обродилась царевна: двананцать сыновѣ родила, да усѣ соколовѣ, уво лбѣ мѣсяцъ, у потылицы звязда, по локоть руки у сребры! Отъ, тяеръ яна кажа: а, тѣ моя родная! Ахъ, ради такого гостя трѣба лязню стопитя, а то ты стоимися, заморився! Яго появилъ у лязню, а яна сичасъ жа пакетъ виняла и сама написала: родила табѣ, мой милый, двананцать иптувъ—

кошечки лапы, мишинныя хвосты, собаччія роты. Узяла и запечатовала, и уложила. Приходя той зъ лазни, бярэ пакетъ, и отправляетца по дорози саби. Случаетца другая ночь, заяжжаа ёнъ на ночь. Тутъ жа и пироты у яго: куды ты їдешъ?—Їду, каа, къ цару!—По якомъ случаю?—Родила наша царевна! Испрашуя хозяйка тая: што жъ яна родила?—Двананцать сыновъ, да усё соколовъ: во лѣтъ мѣсяцъ, у потылицы зязда, по локоть руки у срэбры! Отъ ета отвящяа: ахъ, говора: ето наша родная сѣструшка! А ето ёнъ къ сярэдняй заяжжаа. Такъ жа и таа: ахъ, говора: другъ нашъ! треба табѣ ланню витопить! Появилъ яго ў ланню, а яна пакетъ разломила, ящѣ похужай потиравила. Приходя той изъ лазни, и отправляетца по дорози. А того не бача, шо.... Да и пироты жа яму бачить, мо, шось накручано! Пріяжжаа икъ цару на гралицу, отдае цару пакетъ. Разлѣмунъ царъ пакетъ и ўзявъ читать. И ставъ сильно плакать. Ахъ, говора, Божа милосливый! Ниужли я парадъ Богомъ сограшивъ, шо мнѣ такій случай злучивъ? И ўзявъ ёнъ пакетъ писать: шо, моя милая, до мого приходу якій табѣ Богъ случай давъ, щобъ ёнъ цѣль бувъ! И запечатавъ пакетъ. И ўручитьъ своему довѣрному. И пошавъ той назадъ довѣрникъ. Такъ жа заяжжаа икъ той къ сестрѣ къ парадняй, идѣ ёнъ ночававъ позадъ. Яна яго пригосытила и ланню затопила. Яго жъ повили у ланню, а яна узяла, пакетъ разломила и прописала: щобъ, моя милая, ня бачивъ я тебе у вочи до мого прїѣзду! Сичасъ жа того привили зъ лазни, ёнъ сичасъ ўзявъ пакетъ и пошавъ по своей дорози. Такъ жа заяжжаа изновъ на тую хватуру, на другую. Тожа я тая пригосытила. И повилъ ў баню. А сама пакетъ разломила и потиравила ще похужай. Пріяжжаа ёнъ икъ царевни и отдае царевни пакетъ. Царевна пакетъ читая и сильно плача: ахъ, говора, мой милый! шо жъ ты аъ менѣ зругнувся? Я жъ табѣ чимъ вихвалялась, тое й здѣлала! Тольки жъ думать нечаго, а царское слово свято, шо написано, тое надо и дѣлать. Сичасъ жа гукнула бондаровъ и ковалѣвъ: сичасъ жа мнѣ изробить бочку, а ви, ковали, набитя зялѣзныя обручи! Бочку для ёй зробили. Яна узяла, одинанцать мальчиковъ у бочку упустила, и закубрила, и пустила на мора: плывитя! когда я ня грѣшная душа, дакъ ви живи будетя! А сама двананцатого узяла и пошла у свѣтъ всѣхъ своего царства. Ходила, ходила яна по ўсикъ царствахъ, и найшла сабѣ монастырь. Доклалася къ гүменьшому; примитя мяне за чалѣдку! Гүменьшій принявъ яе за чалѣдку. А хлопчика стала просить, щобъ у школу. Той жа хлопчикъ вѣчитца скорымъ пѣсѣнѣмъ. И такъ выучивъ ёнъ за годъ, шо протчія по десять лѣтъ учатца.

И скоро казка наметца, да ня скоро дѣло дѣлаетца. И вирось той мальчишка уже й настояща. И стала яму ўпротивно: бача ёнъ, шо яго

матка за чалядку служа. Ёнъ говора: матушка, годи табѣ служити, а пдоймъ ми да здѣлаемъ на большой дорози ли мора сабѣ домъ! Отъ, яны и пошли, знатца, оттуляка. Пришли къ мору и вистроили сабѣ тамъ домъ, и стали займѣтца разными торговлями. Ишли большой дорогой звошки повзъ домъ, и ожарабилась у нѣхъ кобыла. Дакъ яны подарили яму лошѣника. Отъ, сыйчасъ ставъ ёнъ сабѣ людей пріѣчать и разными торговлями торговать. Пріязжали къ яму корабельщики,—ишли морамъ. Такъ жа ёнъ нѣхъ и ўгосѣтивъ. И побулѣ у яго корабельщики, и отправляютьца яны, къ своему, знатца, цару, корабельщики етыя. Ёнъ нѣхъ проводжая и заходя нѣхъ своему коню. И отвѣщая яму лошады: ахъ, говора: хозяинъ мой любій! узлѣзъ ты, говора, на менѣ и упади зъ менѣ, и издѣлаешься ты голубцомъ. И полѣтишь ты на той бокъ мора, и сидѣшь ты корабельщику на правое плѣчо, и ўнясе ёнъ тябе у царскія комнаты. И вислухаешъ ты тамъ, що будя царъ съ царевнай гомонить! А царъ то той вярнувся изъ воинства, идѣ ёнъ бувъ, и большаю сабѣ сястру узавъ, своє жаны ужо.

Отъ, тиеръ, приходя корабельщикъ у комнату къ цару и расписуетца царъ зъ нѣмъ,—що, якъ вѣдомо, яны по мору ходять, дакъ нѣмъ трѣба расписатца. Тиеръ кажа корабельщикъ: ахъ, говора, цару наяснѣйшій: отъ, на той бокъ мора шо здѣлалось: вистроилась удова. домъ сабѣ, и ў 'дови мальчикъ, шо крѣпшай у свѣти яго нѣтъ: уво лѣтъ мѣсяцъ, у потылицы звяздѣ, по локоть руки у срѣбры! Дрогнулося царское сѣрца, и сыйчасъ жа корабельщика отправивъ изъ дому своего. Ахъ, говора, моя милаа! нумъ. поѣдомъ, посмотримъ на той бокъ, шо тамъ за хлопчикъ—етаго дива?—Ахъ, говора, мой милый! Яна ужо отказуя яму: развѣ это диво—это ня диво, и ё диво: здѣсь—ня здѣсь, на три девѣти зямель, у нѣнчаиъ царствѣ, у большомъ государствѣ. на моры, на лукоморѣ, на войстровѣ, стоитъ дубъ, а на томъ дубѣ двананцѣ кокотѣвъ, а на тыхъ кокотѣхъ по двананцѣ свѣтълицѣ, а у тыхъ у свѣтълицахъ по двананцѣ дѣвицѣ, да шіять одѣжу дорогуу, да кидѣять доловъ. И гнѣ таа одѣжа ни къ какой пѣлзи! Вилѣтѣа той голубецъ изъ царскаго дому. прилѣтаа у свой домъ, садитца на свою лошады, и падаа доловъ, и дѣлаетца чаловѣкомъ. И спрашуя у яго лошады: ахъ, говора, хозяинъ мой любій! шо жъ тамъ царъ съ царевнай говоривъ?—А шо жъ ёнъ говоривъ: это, говора, ня диво, а утѣ тѣ диво, шо здѣсь—ня здѣсь, на три-девѣти зямель, у нѣнчаиъ царствѣ, у большомъ государствѣ, на моры, на лукоморѣ, на войстровѣ, стоитъ дубъ, и на томъ дубѣ двананцѣ кокотѣвъ, а на тыхъ кокотѣхъ по двананцѣ свѣтълицѣ, а у тыхъ у свѣтълицахъ по двананцѣ дѣвицѣ, да шіять одѣжу дорогуу, да кидѣять доловъ, и гнѣ таа одѣжа ни къ какой пѣлзи! Конъ мой любез-

ный, конь мой милый: ти не могѣмъ ми ѣтаго дива достать?—Преси у матки басловѣнства и поѣдомъ у путь! Ёнъ попросивъ у матки басловѣнства. Дала яму matka басловѣнство, и сѣвъ ёнъ на свою добраю лошадь, и поѣхавъ у путь. Пріѣжжаа на мѣсто якъ тому дубу. Здравстуй табѣ, дубя!—Здрастуй, Иванъ Ивановичъ—царевичъ! дубъ уже яму отвѣчаа. Ахъ, говорить, дубя: у якомъ ты ня у преподобномъ мѣсти стоишь? Коли бѣ ты пошовъ у мою сторону, тамъ ба ету одѣжу носили бѣ, и за тебе бѣ Бога просили! А той дубъ отвѣчаа яму: а що жъ, будаишь ты мою одѣжу знашавать? Ёнъ каа: буду!—Ну, я съ тобой поиду! Ёнъ жа сѣвъ на свою на лошадь, а дубъ услѣдъ за нимъ такъ идѣ. Ёнъ пріѣхавъ домовъ и привѣвъ дуба съ собой. И поставивъ сабѣ ли дому. И такъ жа ето дивно стало тамъ, што усяму міру. Идутъ жа ѣтаго дива глядѣти. Ишли корабельщики, мѣрашъ, привягнули корабъ якъ яго двору, ня такъ любо отдыхать, якъ ѣтаго дива посмотреть. Отправляетца корабельщикъ ку яго двору. Провождаа хлопчикъ етый слѣпый корабельщика, и заходя къ своей лошади. И отказуа яму лошадь: —вотъ, говора, хозяинъ любій! здѣлайся ты голубцомъ и ляти на той бокъ моря! И почувешъ ты, що буда царъ съ царевнѣй гомонѣтъ. Ёнъ узлѣвъ на лошадь и ѣхавъ зъ яго, и здѣлався голубцомъ и полатѣвъ на той бокъ моря. Прилѣтаа ёнъ туды, садитца корабельщику на плечо, и уходятъ яны у горницы. Расписуетца царъ съ корабельщикомъ, изъ накладной, и вытѣваетца корабельщикъ: ахъ, говора, цару паяснѣйшій! по той бокъ то моря диво здѣлалось: стоять дубъ, а на томъ дуби дванадцать кокотовъ, а на тыхъ кокотахъ по дванадцать свѣтълицъ, а у тыхъ у свѣтълицахъ по дванадцать дивницъ, да шіять одѣжу дорогуу! Царъ етый вислухавъ, и корабельщика отсылаа назадъ, и кажа царевнѣ: нумъ, моя милая, поѣдомъ ѣтаго дива посмотреть! А яна говора: ето, мой милый, ня диво: а то диво, шо здѣсь-ня здѣсь, на три-девяи зямель, и въ иньчамъ царствѣи, у большомъ государствѣи, стоять щогла, а на щогли зязюля. Що кўкня, дакъ солдатъ изъ яе пукня,—исъ конѣмъ, и съ сядломъ, и на войну готовъ. Да ёсть тамъ нечаго, и народъ етый помираа голодной смертю! Отъ, тѣперъ жа, вилятая той голубецъ изъ яго комлатъ, и прилѣтаа у свой домъ. Ня йшовъ жа жъ у домъ, да пошовъ къ лошади. И питаа у яго лошадь: хозяйинъ мой любій, хозяйинъ мой милый! шо тамъ царъ съ царевнѣй гомонѣтъ? Отвѣчаа яму хозяйинъ: говоривъ, шо то ня диво, а уть тѣ диво, шо здѣсь-ня здѣсь, на три-девяи зямель, и въ иньчамъ царствѣи, у большомъ государствѣи, стоять щогла, а на щогли зязюля. Що кўкня, дакъ солдатъ изъ яе пукня,—исъ конѣмъ, и съ сядломъ, и на войну готовъ. Да ёсть тамъ нечаго, и народъ етый помираа голодной смертю! Конь мой любій, конь мой

милий! ти ня можно миѣ етаго дива достать? Конь яму отказавъ: проси у матки басловенства и поѣдомъ у путь! Ёнъ узавъ басловенство, и поѣтали у путь. Пріяжкая ёнъ икъ щогли, и элазя изъ лошади съ своё, и говора: здрастуй, щогла! Яна яму отвѣчал: здрастуй, Иванъ Ивановичъ ц.—Эка, говора, щогла: у якоу ты ня у преподобномъ иѣскти стоящи! Ёжали бѣ ты пошла у мою сторону, тамъ ба ня помиравъ етой голодной смертю народъ! Ти ня пойдешъ ты со мной? Яна говора: пойду! Ёнъ на своего на коня сѣвъ, а яна за имъ услѣдъ. Приходя ёнъ икъ своему двору, и становя щоглу ли дуба. Такъ жа солдатъ якъ упаде, у одѣжи надяетца, и на работу идѣ. То диво булѣ, а то сѣ диво, мо, никто не бачивъ! И збираетца богато народу дива етаго глѣдѣти. Сыйчасъ жа пошовъ корабельщикъ мѣрамъ и приваливъ корабъ свой къ бѣрагу дива етаго смотреть. И посмотривъ етаго дива и отпра-вляетца у корабъ у свой. Хлончикъ жа, проведѣши яго, и пошовъ икъ коню къ своему. Отвящаа яму лошады: хозяинъ мой любій! узлѣзь ты на мене и упади зъ мене; и здѣлайся голубцомъ, и лятѣ на той бокъ мора, и почувешъ ты, що будя царъ съ царевняй гомонитъ! И дѣлаетца ёнъ голубцомъ и полятѣвъ на той бокъ мора. Садѣтца корабельщику на плячо, и унося ёнъ яго у дохъ. И расписуетца царъ съ корабельщи-комъ у накладной, и говора корабельщикъ: вотъ, говора, царское сія-тельство: якъ по той бокъ мора, дакъ то булѣ диво, а тыперъ що бѣдѣ-шая: стоить щогла, а на щогли зязюля. Що кѣня, дакъ солдатъ изъ яе пукня,—съ конѣмъ и съ сидломъ, и на войну готовъ. Якъ упаде, у одѣжу надяетца и на работу идѣ! Отправляя ёнъ корабельщика и говора: ахъ моя милаа! нууъ ми поѣдомъ етаго дива смотреть?—У, мой милый! ето говора, диво? Ето ня диво! То утъ тѣ диво, шо здѣсь—ня-здѣсь, за три-девяти зямель, у иньчамъ царствѣ, у большомъ государствѣ, дикій ка-банъ лычамъ орэ, ногами скорода, съ хвоста сѣвъ пускаа, у три дни хлѣбъ поспѣваа. Да пекому яго зыдаты, дакъ ёнъ тамъ такъ и загибан! Такъ жа, голубецъ отпавився домовъ, и на заходячи у свой домъ, отпра-вляетца къ коню къ своему, и здѣлаетца чаловѣкомъ. И сирашуа у яго лошады: ахъ, хозяинъ мой любій, хозяинъ мой милый! що тамъ царъ съ царевняй гомонѣвъ?—А ёвъ говора: що жъ тамъ царъ съ царев-няй гомонѣвъ: ето, говора, ня диво, а утъ-тѣ диво, шо здѣсь—ня-здѣсь, на три-девяти зямель, у иньчамъ царствѣ, у большомъ государствѣ, дикій кабанъ лычамъ орэ, ногами скорода, съ хвоста сѣвъ пускаа, и у три дни хлѣбъ поспѣваа! Конь мой любій, конь мой милый, ти не можѣмъ ми етаго дива достать? Конь жа яму отвѣщаа: проси у матки басловенства и поѣдомъ у путь! Ёнъ узавъ басловенство; сѣвъ на своего добраго ло-шады и поѣзавъ. Пріяжкаятъ икъ кабану. Здравстуй табѣ, кабанъ!—Здра-

стуй, Иванъ Ивановичъ ц.—Эхъ, говора: у якоу ты мѣсти неперподобномъ стоишь, хлѣбъ сѣешь! Отъ, якъ ба ты пошовъ у мою сторону, тамъ ба ми етое жито зжинали, и етый хлѣбъ зыдали, и за тебе бѣ Бога просили! Ты ня пойдешъ ты со мною?—Пойду, каа. Ёнъ сѣвъ на свою на добраю лошада, а ёнъ услѣдъ за нѣмъ. Приводя ёнъ яго нѣкъ свойму двору и становя на стипу. Такъ жа, якъ зязюля кукня, солдатъ изъ яе шукня, у одежи надыѣтца и на работу иде, жито жать.

Скоро казка кажетца, да ня скоро дѣло дѣлаецца. У яго ўже здѣлалось такоа царство, шо уже большъ за того цара. То диво глядѣли, а то ще болшъ люди стали глядѣть. Ишовъ корабельщикъ мѣражъ и привярунвъ корабъ етаго дива глядѣть. И проводя хлопчикъ корабельщика и заходя нѣкъ свойму коню. И спрашуя яго конь: хозяинъ мой любій, хозяинъ мой милый! Издѣлясь ты голубономъ и ляти на той бокъ мора. И послужиай ты, шо царъ съ царевнай будя гомонѣть! Ёнъ скинувши голубономъ и полѣтѣвъ. Садитца корабельщику на плячо, и унося ёнъ яго у домъ. И расписуетца царъ съ корабельщикомъ у накладной, и говора корабельщикъ: вотъ, говора, царское сілтелство: якъ по той бокъ мора, дакъ то було диво, а тяперъ ще большая: стоить на стипу дикий кабанъ, лычамъ оръ, ногами скороди, съ хвоста сѣвъ пускаа, у три дни хлѣбъ поспѣваа. Солдатъ съ дуба пукня, у одежи надыѣтца и на работу иде—жито жать. Царъ корабельщика назадъ отпавивъ, и ставъ нѣкъ царевнай гомонѣть: ахъ, моя милаа! нумъ поѣдомъ етаго дива посмотришь! А яна яму отвѣтовѣла: ето диво ня диво, а ёсть диво: на три-девяи зямель и въ иньчамъ царствѣи, у большомъ государствѣи, ёстьяка тамъ рака—киселѣви бѣрага, приди—покушай, и сумки ня рушай! Якъ поядѣешь, яна изновъ заростѣ. Отпавляетца той голубецъ нѣкъ царскаго дому и прилягакъ свойму дому. Ня йшовши у домъ, да пошовъ нѣкъ свойму коню. Отъ, конь у яго и спрашуа: хозяинъ мой милый, хозяинъ мой любій, шо царъ съ царевнай гомонѣвъ? Ёнъ яму отказавая: а што гомонѣвъ? Казавъ, шо ето ня диво, а утѣ то диво, што здѣсь—ня-здѣсь, на три-девяи зямель, у иньчамъ царствѣи, у большомъ государствѣи, ёсть рака—киселѣви бѣрага: приди—покушай, и сумки ня рушай! Якъ поядѣешь, яна изновъ заростѣ! Конь мой любій, конь мой милый, ти не можомъ ми етое диво достать? Конь говора: возьми у матки благословенство и поѣдомъ у путь, и достаномъ! Ёнъ узавъ у матки благословенство, сѣвъ и поѣхавъ. Пріяжжаа нѣкъ рапѣ къ етой. Здрастуй, говора, рака—киселѣви бѣрага!—Здрастуй, Иванъ Ивановичъ ц.—Эхъ, говора, рака! у якоу ты не ў сподобномъ мѣсти стоишь! Ты ня пойдешъ ты со мной у мою сторону? Тамъ ба тебе зыдали, тамъ ба тебе сѣивали, и усягды бѣ ты свѣжая була, и за тебе

бъ Бога молили! Яна говора: пойду! Ёнъ сѣвъ на свою добраю лошадь, а яна услѣдъ за имъ. И привѣвъ ёнъ икъ своему дому, и поставивъ ли берагу. Такъ жа, дубъ одежу шѣ, зязюля кукня, солдатъ пукня, одежу надяе, кабанъ хлѣбъ засявая, солдатъ хлѣба поѣсть, иде къ рацѣ: пришовъ, поядавъ, и пошовъ жито жать, у цагѣлью, у разныя работы тамъ. Тѣ жъ диво глядѣли, а то и лучше стали глядѣть,—пошти ись усяго свѣту стали пріяжжать смотрѣти. Такъ жа ишовъ корабельщикъ и причаливъ корабъ, етаго самаго дива смотрѣти. Посмотривъ етаго дива, провѣвъ яго хлопчикъ етый. И провѣвши яго, пошовъ икъ коню икъ своему. И конь яму говора: хозяйинъ мой любій, хозяйинъ мой милый! Иадѣлайся голубцомъ и ляти на той бокъ мора, послухай, што царъ съ царевный буди гомонѣть! Къ на коня узлѣзъ, съ коня упавъ—и здѣлася голубцомъ. И полятѣвъ на той бокъ мора, сѣвъ корабельщику на правое плячо, и увѣсъ яго корабельщикъ у царскія покои. Расписуетца царъ у накладной, и говора яму корабельщикъ: вотъ, говора, царское сіятельство, якое диво по той бокъ мора! То булѣ диво, а теперь ще побѣляло: тячѣ ракѣ—киселѣмъ берага, приди—покушай, и сужки ня рушай! И якъ поядаетъ, яна зновъ заростѣ. Такъ шо дубъ одежу шѣ, зязюля кукня, солдатъ пукня, кабанъ хлѣбъ засявая; солдатъ одежу надявая, хлѣба подѣвѣть, иде къ ракѣ, пришовъ, поядавъ и на работу пошовъ. Царъ отправивъ корабельщика и говора на царевну: нумъ, моя милая, поѣдомъ посмотримъ! Яна яму отказуа: ето диво ня диво, а то диво, шо здѣсь—ня-здѣсь, на три-девяти земель, и въ нѣчамъ царствѣи, у большомъ государствѣи, стоитъ кельня ли мора, и у той кельни одиннадцать братовъ спасѣятца. И не знаятъ яны, шо яны браты, одныѣ матки и одного батьки. Дакъ ѡтъ, говора, диво!—Отправляетца той голубецъ икъ своему двору. Ня йшовши у домъ, да пошовъ къ коню. Конь яго нѣтаа: хозяйинъ мой милый, хозяйинъ мой любій, шо царъ съ царевный гомонѣвъ?—А шо гомонѣвъ? Казавъ, шо ето ня диво, а то диво, на три-девяти земель и въ нѣчамъ царствѣи, у большомъ государствѣи, стоитъ кельня ли мора, и у той кельни одиннадцать братовъ спасѣятца. И не знаятъ яны, шо яны браты, одныѣ матки и одного батьки. Дакъ ти не можомъ ни етаго дива достать? Ёнъ жа сказуа, конь, яму: иди къ матары и проси, щобъ яна ись своё груди уцыркнула молока и спякла прѣскуру! Такъ жа, иде ёнъ ѡтъ своего коня, хлопчикъ той, до матары до своё. Ѳтъ, говора, матушка: уцыркни ты съ своё груди молока и спячи мнѣ прѣскуру! Яна жъ узая, уцыркнула молока ись своё груди, послукала яго, и спякла прѣскуру. Ёнъ жа узавъ тую прѣскуру, и помолившись Богу, и сѣвъ на свою добраю лошадь и поѣхавъ у путь. Пріяжжая икъ той жа кельни. И отвѣщая яму конь: ступай ты ў кельню и возьми тую прѣскуру, шо на

столъ будя лжаты, а егу положъ! А самъ захоронись! Такъ жа ёнъ увійшовъ у кельню и ўзявъ туу прѣскуру, а свою поклавъ. А самъ сховавсь. Ажъ приходя, припливай бочка зъ жора, (вѣдомо, такъ уже спасаютьца,) и виставлюетца у яе кругъ, и уходятъ одинанцать братіивъ у кельню. Посадились за столъ, и разломивъ большій братъ прѣскуру на двананцать частей. И ўзили яны по частотцы, и зѣли туу прѣскуру. И глянули другъ на друга, и сильно заплакали. Ахъ, говора: ето жъ ми братія одно! Ну, да однача, да хтось мижда насъ шутку егу да пошутивъ, *що* ми досюль не звали, *що* ми браты! Отъ тепѣрь я закричали: хто тутъ ё, знаходѣтца тутъ? Отзовись! Ёнъ жа и обозвався. Яны ўзились, дружики дружку поцаловали, и ўзнали, що ихъ двананцать братовъ рѣднѣхъ. И пошли яны сабѣ домовъ, уже у хлопчика у етаго ў госпѣду. Яны жъ сѣли у свою бочку, а ёнъ сѣвъ на свою добраю лошадь. Пріяжжаа ёнъ домовъ и говора своей матусцы: эхъ, говора, матушка! пайшовъ я своихъ двананцать братіивъ! Тутъ жа сичасъ и бочка къ яму, къ яго дому пришла. Сичасъ вѣстановивсь кругъ, и выходять яны съ круга. И вишла пята прѣти ихъ и позвала ихъ у домъ. И стали яны тамъ пять и гулять. Такъ жа, то збиралось диво глядѣть, а то стали уже збиратца пняхѣттая сила, глядѣть уже на етѣхъ на хлопчиковъ. Такъ жа ишовъ корабельщикъ и приваливъ етаго дива смотрѣти. Посмотрѣвши етаго дива, и отправився у свой корабль. Провѣда яго хлопчикъ. И вѣ йшовши у домъ у свой, да заходя ихъ лошади. Отвящая яму лошадь: ляти ты, говора, къ цару, здѣлайся, говора, голубцомъ и ляти къ цару: що будя царъ съ царѣвнай гомонѣтъ! Ёнъ уалѣвъ на коня, упавъ зъ яго и здѣлався голубцомъ, и полатѣвъ. Прилѣтаа ёнъ къ цару и садѣтца корабельщику на плячо, и унося яго ёнъ у домъ. Расписуетца царъ на накладной. Тяперъ корабельщикъ яму отвѣщаа: ахъ, говора, царское вяличаство! отъ, говора, по той бокъ жора: то булѣ диво, а то и побѣляло. То бывъ одинъ хлопчикъ, а тепѣрь стало двананцать:—во лѣбъ мѣсяцъ, у потылицы звяздѣ, по локоть руки у сребры! Такъ жа и дрогнулось у цара сердца! И хѣтко отправивъ корабельщика того, и на свою царѣвню: нужъ, моя милая, етаго дива побѣдохъ посмѣтрѣть!—Эхъ, мой милый, говора: якъ жа намъ, царское дѣло, доѣхати? Ми побѣдомъ лѣткою, хвиля ўскватѣтца, ми потопимсь! А коли бъ отъ нашего крылца да до яго дворца вистроивсь мостъ, золотая мосьничка да сярѣбраная, и стовпи стояли, и хвонари горѣли, и жарки—птицы пѣли, ѣтъ, тогды ми побѣдомъ! Той жа голубецъ вялѣтѣвъ съ того дому и прилѣтѣвъ домовъ. Ня йшовши у домъ, а пошовъ ихъ коню ихъ своему. И спрашуа у яго конь: хозяйинъ мой милый, хозяйинъ мой любій! що царъ ись царѣвнай гомонѣтъ?—А що гомонѣтъ? Царъ казавъ: нужъ побѣдомъ, моя милая, етаго дива

посмотримъ! А царевна кажа: якъ же намъ ѣхать? Наша царское дѣло. У човенъ сядемъ, а хвилья подниметца—ми потопимсь. Отъ, колибъ отъ нашего крыльца да до яго дворца встроиньсь мость—мосъничка золотая, мосъничка сярэбраная, и стовпи стояли, и хвонари горѣли, и жаркитицы пѣли, отъ тогды мя поѣдомъ! Конь мой милый, конь мой любій, ти не можомъ ми етаго дѣла издѣлать? Ёнъ отказавъ: иди ты къ своей икъ братіи, и скажи имъ, щобъ яны старыя книги до свѣту читали и щиро-вѣрно Богу молились. А ты жъ бяри топоръ, да ступай на дворъ, и такжа колики тяши и ў зѣмлю бѣ, и такъ же старайся, щобъ кровь съ тебе лилась; а ты вѣрно работай! И чимъ большъ, тымъ лучше! Яны такъ, знатца, и здѣлали: тыя книги читали, а ёнъ узавъ ету работу работать. Стало на зару заниматца, ставъ на моры мость подниматца. Сонца узойшло, и мость готовъ ставъ: золотая мосъничка и сярэбраная. И хвонари загорѣлись, и жарки—птицы запѣли. Сичасъ же царъ уставъ и увидивъ, шо ето дѣло издѣлалось. Тогды жъ ёнъ: нумъ, моя милая,—поѣдомъ етаго дива посмотримъ! Сыйчасъ же лошади запрагли, и поѣхали,—уже усё пераказала, некуды больше казаты! И стрѣтила яго хозяйка, етаго matka хлопчика, ись хлѣбомъ, съ солью. И тамъ стали яны пить и гулять. И посъли бясѣды ставъ царъ отпавлятца домовъ. Такъ же яна говора: нѣ, говора, царское вяличаство! у насъ такъ не отпавляютца! Натя-тка намъ у ету книгу прочитайтя. А яна, значитца, у ету книгу писала усё ето дѣло, якъ и зъ двора пошла. Тогда же царъ прочитавъ ету книгу, и зрубавъ своей жанѣ другой голову. И стали жить. Вотъ тамъ я бувъ, и мѣдъ—вино пивъ, и ў роти ня булѣ и по бородѣ не тклѣ. Отъ и казцы моея конецъ.

Д. Николаевскъ, краснубуд. в. том. у. Отъ кр. Аникен Кавунова 50 л. негр. О неударежоме слышно довольно отчетливо.

18. Иванъ Ивановичъ царевичъ, божжіи королевичъ.

Зачинаетца каска отъ сивца и бурда, и отъ вѣшного канурца... Кто будить каску слыхатъ, тому будить большаи награда.

Якъ живъ сабѣ царъ на якоу то царствіи и на якоу то гусударствіи. И бывъ у яго сынъ Иванъ Ивановичъ—царевичъ, божжіи королевичъ. Тоды царъ яго не пускавъ никуды лѣтъ до восемнатцати, кабъ не заглядѣвся ни зачимъ, не балывѣвся. Ну, тоды ёнъ давай проситца: баѣюшка родной, пустьітя съвѣту повидатъ! Тоды яму отецъ давъ рогъ сыдатовъ, давъ коня, збрую, мечъ, ружьё. Ну, тоды, ёнъ ѣздивъ, ѣздивъ, пулювавъ, пулювавъ, по лѣсахъ, по пущихъ. Ну, посъли того выѣзжають ёнъ на полянку, останавліятца ны полянцы. Ажны на той

золянцы Баба-Ига, косътиная нога, рископала ладо и застѣла нѣ-
ломъ. (Стало быть ина была ни пристая.) Ну, тоды, послала у лѣнь
трѣхъ дочокъ: двѣюхъ рѣдныхъ, третью патчирку, лѣнь полоть. Ну, тоды,
яны завидѣли яго, лѣнь полючи, а ёнъ итъ. Ну, яны яго завидѣли, што
ёнъ такий пригожій молодець, тоды большыя дочкирѣ яе кажить: эхъ,
якій добрый молодець, хорошъ-пригожъ! кабы ёнъ мяне узавъ зы сябе,
я бѣ яму вышила такий коверъ, што ёнъ во ўсімъ царствѣ, во ўсѣй
виперіи не найдуть! И а сяредыня дочь говорила: ето твоя не скаска, а
прискаска! Вотъ моя загатка: кабы Богъ прізывѣвъ яму мяне узавъ, дыкъ я-бѣ
однѣй пукулиной (лявина, одно каливо) одѣла роту сылдатовъ, сама одѣ-
лыся, и яго одѣла бѣ! А ёнъ усѣ его слухувъ и чувъ, повиннася. Ну,
а третья, ужо патчирка, общала, говоритъ: ето ваши ни скаски, ни
загатки! Вотъ моя скаска и загатка: ежели бѣ Богъ прізывѣвъ мяне яму
узавъ зы сябе замужъ, дыкъ я ба яму въ одну ночь зыбирѣнила, спо-
родила бѣ двѣнадцать сыновъ, голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, у во-
лбѣ звѣзды, у потылицы мѣсикъ, по колѣни ноги ў золыти, а руки
пы запястья у сѣребри! А ёнъ ето усѣ чувъ. Тоды ёнъ выслукувъ, узавъ
свою армію, и поѣхавъ домой. Пріѣжжантъ домой, отецъ спрашнѣтъ: што,
сынокъ мой любезный: идѣ бывавъ, што идѣ выдавъ, што идѣ чувавъ,
якое диво? Ияъ говѣрнѣтъ: ноть, батюшка! ийдѣ я не бывавъ, ничого не
чувавъ, а тольки видѣвъ на пуши, на лѣси, Баба-Ига, косътиная нога,
рисконала ладо, настѣла лѣну, и прислала дочокъ лѣнь полоть. Якъ за-
мѣтили мяне, — што молодець очень удалый, очень пригожъ, хорошъ, дыкъ
большыя дочкирѣ казала: што кабы мяне узавъ зы сябе замужъ Иванъ
Ивановичъ — царевичъ, божжій королевичъ, дыкъ я бѣ яму коверъ вы-
шила, штобы ёнъ такого во ўсѣмъ своѣмъ царствѣ, во ўсѣмъ гусударствѣ
не нашовъ, якій ба зработала! Ну, тоды, говорить, сяредыня кажить:
эй, сестра! я бѣ яму большую загатку загадала: я бѣ однѣй пукулиною
роту сылдатовъ одѣла, сама одѣлыся и яго одѣла! Ну, а третья, пат-
чирка, кажить: ето ваши ни скаски, ни загатки! А моя то скаска и за-
гатка: я бѣ яму, говорить, въ одну ночь забяремила и породила двѣна-
цать сыновъ соколовъ, волосъ у волосъ, голосъ у голосъ, по запястья
руки ў сѣребри, по колѣни ноги ў золыти, во лбѣ звѣзды, ў потылицы
мѣсикъ! Ну, тоды отецъ говорить: лучше, сынокъ, ету узавъ, которыя
породитъ двѣнадцать сыновъ якъ соколовъ: волосъ у волосъ, голосъ у
голосъ, по запястья руки у сѣребри, по колѣни ноги ў золыти, во лбѣ
звѣзды, у потылицы мѣсикъ. У нашихъ царствѣ быгатырѣвъ мало, дыкъ
боли будиты! То ужъ будутъ не простѣя, а быгатыри! Ну, тоды, из-
вѣстно, ёнъ, царевичъ, кажить: што ина у дрянну одѣжу увывравши,
не пригожа. А батѣка кажить: ничого, сынокъ, бари! Кыли ты царевичъ,

дыкъ и нна будить царичю! Васьтимо, у мачихи; нна затымъ яе етакъ древно одѣбѣть, што кабы нхто не зыглядѣвся! Ну, тоды ёнъ похмывъ къ баби тѣй у свѣты. Дыкъ нна одбила яго, што нна дура, ничего ня умѣить дѣлать! А ёнъ повиждѣвся изъ ей, дыкъ нна яго вучить: гляди жъ, нна пыставишь мяне за третѣишъ дѣсяткымъ, одѣбнть мяне у луччюю одѣжу. Дыкъ ты мяне такъ не вѣзнаишь. А муха завѣтца отъ тябе тересь мою гылову, дыкъ ты мяне и бярн! Нна будить тябе одбивать, ну ты ни слухай, и бярн усѣ-тки мяне! Ну, Баба-Ига два рѣзы выводила пы дѣсятку, ну ёнъ ни водныя ня выбравъ: нема тутъ, камѣть, тыя, што ниѣ треба! Тоды нна вывела третѣій дѣсяткъ. Такъ муха отъ яго вуха завилася тересь яе гылову. Ёнъ узаявъ яе, вывѣвъ зу руку шъ шару, кажить: во ета моя, боли ниякія не хочѣ! Ну, тоды, нна, якъ няродныя дычка, дыкъ ёнъ узаявъ, яе на свой коштъ, жанитца зъ ей. Пыславъ бумагу къ интриполиту, штобъ жанитца зъ ей. Интриполить звынѣчавъ ихъ. Ну, тоды, якъ згу-дѣвъ ёнъ свадьбу, присланиъ якій то царь, хочиъ вуюватца изъ имъ. Ёнъ якъ пулучавъ бумагу отъ того царя, што ужо хочиъ вуюватца изъ нкъ,—бярѣть свою армию и ѣдѣть вуюватца изъ нкъ на границу. А жона яго зы два дня зыбарѣмнла. Дыкъ ёнъ кажить бѣткѣ: батюшка рѣдимый! якъ родѣть моя жона ти живое, ти мертвое, ти худое, ти доброе, дыкъ пришлѣтъ мѣъ курьера вистовѣго на границу, кабы я знавъ, што Бохъ дасъ!

Тоды нна пошла у стайню родѣть. Ну, дыкъ нна роджала, а мачиха зымѣя сорѣкою сѣкинулыся, и одинадцѣть пытрябила, а двѣнадцатыго нна сабѣ у подѣлымъ узнла, у свою палату зынесла. Ёнъ тамъ, етый сынъ, ставъ плакыць, кугакыць. Яны почули и пылѣдѣли. Ажны у яе рабѣныкъ, сынъ такій, якъ нна казала, тольки одинъ. Ну, тоды сычасъ бѣтъка пишиъ бумагу сыну на границу: што породила твоя жона сына, якого обѣщала—волось у волось, голось у голось, но запясытѣи руки у сѣребри, по колѣни ноги у золоти, у во лѣвъ звѣзды, у потылицы мѣ-сикъ, ды тольки одного, а не двѣнадцатыъ! Ну, тоды нна, вѣдѣма ета, знала, што будутъ ниѣ бумаги на границу къ яму, дыкъ нна на двѣ-надцѣти быльшакѣвъ пыставила двѣнадцатыъ кабаковъ: хто будиъ ѣхыъ, дыкъ нна бумагу причитанѣть. Тоды ѣдѣть гымыраль съ пысьмомъ на границу къ сыну. Тоды ёнъ ѣдѣть, а нна вышла и говоритъ: здрастуй, здрастуй, нашего свѣта челоувѣкъ и посланецъ! заѣдъ къ намъ на нычъ, имъ для васъ зыдѣлымъ угощѣніе! Вытыпимъ баню, прикажимъ прислужи выпарѣть васъ; коню дадимъ сѣна, овса! Ёнъ послухувъ, заѣхувъ. Такъ яны вытыпили баню. Ёнъ сходивъ, выпарився и пришовъ. Яны яго пы-кормили, пыпили, и спѣть положили. И коню дали сѣна, овса. Ну, якъ ёнъ заснувъ, яны узали тую бумагу, што бѣтъка пыславъ, ды у печь

укинули; и другую сами написали: што вотъ, говорить, сынокъ мой любезный! породила твоя жена нѣтъ-што: не то поросёныкъ, не то щавёныкъ,—соусимъ не человѣччія постать, подобіе. Идѣ яго прикажѣть по-лѣтъ? Той гиньраль уставъ, бумагу у кырианъ, и пошовъ, думавъ, што тая самая. А яны тую у грубцы спалили. Прѣбжаить гиньраль къ сыну, шапку снимаить здалёку, подѣбжаить ближе—уклоняйтца: здраствуй, Иванъ Ивановичъ—царевичъ, божжіи королевичъ! А ёнъ отвищантъ: здраствуй гиньраль вистовой! што, зъ бумагами ко мнѣ?—Зъ бумагами! Ёвъ тоды узавъ ету бумагу и читантъ: што породила твоя жена ни поросёнка, ни щавёнка, нѣтъ-кого, соусимъ не человѣччяго подобія. Што прикажѣть изъ имъ дѣлать? Ёнъ якъ причитавъ, за вѣши узався, заплакывъ. Тоды ёнъ пишеть къ батьку: отецъ родной! што шъ дѣлать? хто ня ёсь, охрисѣтѣи ды мойго прѣзда! Такъ ёнъ, етѣй гиньраль, якъ письмо пулучивъ, онятъ выправився у свою стыронѣ. Яны опять вышли къ яму и кажутъ: заѣдь, къ намъ на нычъ, вѣспанъ, нашего свата человѣкъ! Ёнъ зайшовъ къ имъ. Яны яго выпонили, покормили и спатъ положили. Ну, якъ ёвъ лѣхъ, дыкъ яны узали у яго ето письмо и причитали. И ўзали, ето письмо спалили, а сами выписали: што, отецъ мой родной! кыли моя жена родила ня тое, што обѣщала мнѣ у дѣвкахъ, родила пѣтъ-кого, дыкъ мѣ хѣтитя дѣнѣя яе зъ дятёныкъ, ды мойго прѣзда, кабъ мод и глаза не видала! Кыли ина не такъ родила, якъ обѣщала! Тоды ёнъ, гиньраль вистовой, нызаўтриго рано усьѣвъ на лошады и поѣхывъ. Ну, якъ прѣбжаить ёнъ домой, отецъ спрашантъ: ву што, гиньраль вистовой! ти ўсе благополучно на границы у сына?—Слава Богу, ўсё хорошо! И подавъ яму письмо. Ну, тоды, ёвъ, батька, узавъ ето письмо, разломивъ яго, и якъ причитавъ, дыкъ заплакывъ. Тоды собравъ санотъ: мѣ подѣтъ яе зъ рябёныкъ? Што сынъ приславъ, што покуль я прѣйду, кабъ яе не было: мѣ точитя подѣвѣтъ зъ рябёныкъ! Тоды одинъ сынаторъ обмыбрався, кажить: надо шкляную бочку зработать, жалёзные обручѣ нагнаць, смолою обсмолить, и на моря-лукоморья пусьтитъ. Нехай плывѣтъ, куды Божъ позволить! Ну, тоды сѣйчасъ шкляры зработали шкляную бочку, усадили яе туды зъ рябёныкъ, кывали окували бочку, высмолили смолою, и пусьтили на моря.

Сынъ зъварнувся зъ границы. Ъзѣдивъ ёнъ, ѡзѣдивъ кыло моря,—шйдѣ не нашовъ,—сплылъ. Ёнъ заплакывъ горько. Ну, тоды поѣхывъ къ Баби-Язѣ, къ тѣй сѣмѣй, и ўзавъ родную дочку яе. А етѣй, што поплывъ зъ маткой, плывъ-плывъ сколько тамъ, и росъ не нядѣлини, не днями, а росъ чесаки. А матка ўсё плачить. И наплакала повну бочку сльѣзъ, што ёнъ и ина тонуть у сѣдезахъ. Тоды ёнъ приговоривъ: матушка моя родимая! благослови ты мяне, штобъ шкляная бочка и жа-

лѣзные обручи рассыпилися нѣрзово! Ну, кажить: Бохъ тѣбе бгыгослови, сыноукъ! Ну, дыкъ ёнъ якъ крикнувъ молодецкимъ голосомъ, бгыгатырськимъ посьвистомъ: эй, шклянѣя бочка, жалѣзные обручи! рассыпилися нѣрзово! Докуль моя матушка будѣть печалитца, я буду топитца у маткыныхъ сълезѣхъ? Такъ нѣа покъ-нокъ, обручи рассыпилися, бочка на маково зерно посынылася! Ёнъ тоды узывъ матку за руку и повёвъ. Узвёвъ на такую високую гору, што ни здумать, ни згадать, ни ў каскытъ сказать. Называетца ета гора Буда-гора. Тоды тамъ сънявъ планъ. Тоды ёнъ узывъ матку за руку и обвёвъ вокругъ горы. Ну, тода говорить: матушка! бгыгословитя мѣне, я буду на етый горѣ Буда-городъ заводити! Матка яму кажить: дитятко моё миленькыя, дитятко моё дороженькыя! съ чимъ ты будишь городъ заводити: у насъ тутъ нема ничего, только одна душа? А ёнъ кажить: матушка моя дороженькыя! мнѣ только дѣрега твоя бгыгословѣства, а то усё Бохъ дасъ! Якъ вышывъ ёнъ за два чesy до сѣвѣту, смйшовъ зъ горы ўнизъ, якъ крикнувъ молодецкимъ голосомъ, бгыгатырськимъ посьвистомъ: эй, говорить: дай Божа, штоба бочка золыта, бочка сѣребра прикатилися ко мнѣ! Ну, прикатилися бочка золыта и бочка сѣребра. Ну, тоды ёнъ говорить матцы: матушка моя любезныя! деньги у насъ ёсь; тяперъ бгыгослови ты мѣне, кабъ къ нашый Буда-горѣ лѣсъ приплывъ! Тоды матирь отвѣщати: Бохъ тѣбе, дитятка, бгыгословити! Тоды идуть барки изъ лѣсыиъ, изъ бруссыиъ, зъ лѣтыи, зъ дошкыи, су ўсыиыиъ усячиной, отъ того ўжо паря, одъ бѣтки. Бѣтка ўжо пробу сыниантъ. Ёнъ вѣдытъ, што яго сынъ живъ, што идѣ-идѣ окосыиѣтца—окажитца. Ну, тоды ёнъ вышывъ на гору и видѣтъ, што идуть барки по шѣрю изъ лѣсыиъ су ўсыиыиъ. Ну, ёнъ якъ крикнѣтъ молодецкимъ голосомъ, бгыгатырськимъ посьвистомъ, говорить: эй купцы, купцы! грабцы, грабцы! грабѣти къ моей крутой горѣ, я буду товаръ покупать, поцѣино давать, вашыиу царю госѣтнѣа пысылать! Яны причалили барки, товаръ пызвалили ли крутой етый горы. Ёнъ заплативъ имъ у двѣ цаны. Ну и якого тамъ подарку пыславъ царю ихыиу, откуль етые купцы.

Тоды яны поѣхыли домой, а ёнъ кажить: матушка моя родимая, бгыгослови ты мѣне провѣдытъ, што тамъ будѣтъ отецъ съ мачихой говорить, якъ прѣдуть купцы! Матка кажить: сыноукъ мой зылюбленный, Бохъ тѣбе бгыгословити! Ну, ёнъ тоды зѣдѣлывся гулубоцмъ и полатѣвъ усьлѣдъ зы купцамъ. Ну, прѣзжають етые купцы къ своему царю. Ёнъ ихъ спрашииъ: ну, ребята, идѣ бывали, што выдали? Яны кажутъ: ваша вяиичество! прѣявилися крутая гора, што ни здумать, ни згадать, ни ў скаскатъ сказать—якой высычины, какой ширичины! И къ той горѣ якѣй то купецъ усѣ барки причалииъ (чал), товары, лѣсъ откуплайиъ,—

кажить: буду Будай-городъ ставить! Ёнъ намъ у дѣвъ цаны заплачивъ и вамъ гостинца приславъ! Царь кажить: вѣрно это мой сынъ! нужно побольше послать, кабы скорѣй городъ ставить! Ёнъ уже пославъ, што яму й такой и такой лѣсъ нуженъ. А сынъ пылатѣвъ гулубцомъ къ матцы. Тутъ опять ставъ молодцомъ и кажить: матушка моя родименькая, благослови ты мяне: думаю я Будай-городъ стыновить! Матка кажить: Бохъ тебѣ благословить! Ну, ёнъ тоды вышывъ на горѹ и крикнувъ молодецкимъ голосомъ, быгатырскимъ посьвистомъ: эй, идѣ ёсь плотники, топорники, столары, кували! усѣ сыбирайтися къ моей кругой горѣ! я буду поцѣнно платить, Будай городъ стыновить! Ну, якъ крикнувъ ёнъ, дыкъ събралися къ яму пыльщики, плотники, муллары, кували, уси, уси. Ёнъ обвѣвъ планъ и ставъ городъ строить. И за пувтора мѣсяца ёнъ изъ нѣмъ состроили городъ, лавки, церкви зычали. Ну, тоды опять ѣдутъ етые купцы съ товарами. Ёнъ кажить: матушка, благослови мяне! у мяне лѣсу не хватѣтъ! Матка благословила. Тоды ёнъ вышывъ ды якъ крикнуть молодецкимъ голосомъ, быгатырскимъ посьвистомъ: эй, купцы, купцы! грѣбцы, грѣбцы! грѣбѣти къ моей кругой горѣ: мнѣ нужно Будай-городъ строить! Яны лѣсъ яму звалили. Ёнъ имъ у дѣвъ цаны заплачивъ, выкормивъ, нычновъ, и домой отпусътивъ. И ящо царю гостинецъ пославъ. Тоды, яны поѣхали, тоды ёнъ кажить: матушка, благослови ты мяне провѣдытъ, што тамъ батюшка судить говорить зъ мачихы! Матка кажить: Бохъ тебѣ, сынокъ, благословить! Ёнъ съкинувся узнова гулубцомъ и пылатѣвъ зы купцами. Покулъ тѣя купцы прѣхали дыкъ ёнъ слухыть. Прѣѣжжаютъ купцы. Царь спрашѣтъ: што, ребята: по якихъ городахъ, по якихъ сторонахъ ѣздили? што чували, што видали? Яны кажуть: ваша осѣятельство! дали Будай города нидѣ не бывали! Той купецъ ня тпускаитъ дальше! Ну, дыкъ ёнъ говорить мачиси: вѣрно это мой сынъ прѣявився! А мачиха отвѣщати: это ня диво-дивушка, што Будай городъ вистроить крѣпко и пригожа, а вотъ ёсь у моей матушки, на тридевятихъ царствѣхъ, на тридесѣтѣй зѣмли, ёсь, говорить, городъ, больше Будая, кругомъ сѣтъна ў три аршина глубычины и ширичины: и ёсь у моей матушки ны стайни нара концовъ-жеребцовъ! якъ пойдуть гулять, дыкъ искры васкросъ сѣтявѹ ў три аршина прилажуютъ! А ёнъ зъ гулубцами сѣдѣтъ ды усѣ слухыть. Тоды прилѣтѣвъ къ матусцы и ставъ молодцомъ. Матка спрашѣтъ: што, мой сынокъ узлюбленный: што тамъ бытъка зъ мачихы казали? А ёнъ кажить: а вотъ, якъ прѣхали купцы ды стали ѣвалѣтца, што мы дали не былъ нидѣ, только у Будай у города, у крѣпысьти, дыкъ мачиха отвѣщала: што это ня диво, што Будай городъ на-лякыя крѣпысьты! у мое, говорить, матушки ёсь городъ, у три аршина сѣтъна глубычины и ширичины; и ёсь у яе ны стайни нара концовъ-жеребцовъ; якъ

пойдутъ по городу гулять, дыкъ искры концовъ паскрѣзь съѣну прибиваютъ! Тоды ѣнъ кажить: блыгослови мяне, матушка, штоба за ночь тая съѣна отъ Бабы-Яги перейшла ко мѣ, стала кругомъ мойго города, и штоба пара концовъ-жеребцовъ у мяне на стаини стояли и по городу такъ гуляли! Матка кажить: Бохъ тѣбе блыгословить, дитятко!

Ну, тоды ѣнъ за два часы до свѣту вышивъ на крутую горѹ, ды якъ крикнуть молодецкииъ голосомъ, быгатырськимъ посъвистомъ: эй, 10-ворить: идѣ то у тридевятымъ царьстѣ, на тридесатый зѣмли, у Бабы-Яги ѣс каменныя съѣна у три аршина ѹ ширичину и слубычину! Прибудъ ко мѣ, ставъ кругомъ мойго города! И штоба пара тыхъ концовъ-жеребцовъ прибыло! Ну якъ только крикнувъ такъ, усѣ тое, што у Бабы-Яги, родилися. Тоды ѣнъ пыславъ къ царю письмо, кабъ ѣнъ приславъ яму уже краснаго товару и рыбы. Царь приславъ. Тоды ѣнъ етыиъ купцовъ пучустувѣвъ и госьтинецъ царю пыславъ. Купцы тѣа поѣхили. Тоды ѣнъ кажить: матушка моя родимая, блыгослови ты мяне провѣдыть, што тамъ батюшка зъ мачихой будѣть говорить? Матка блыгословила. Тоды ѣнъ съкинувся гулубцомъ и пылятѣвъ за купцами. Прѣѣжжаютъ яны дошовъ, ѣнъ сѣвъ зъ гулубаи ды сѣдѣть. А батѣа спрашѣть у купцовъ: пу што, ребяты: идѣ бывали, што видали? пы якиихъ городахъ, пы якиихъ сторонахъ ѣздѣли? Яны кажюць: дали Будай-города не пускавъ той купецъ! И вотъ вамъ госьтиньчика приславъ. И што вы тутъ сказавали жъ жаной, тое тамъ усѣ прѣзвѣлися: и тая съѣна у три аршина ширичины-глубычины, и тыхъ пара концовъ-жеребцовъ: якъ пойдутъ по городу гулять, дыкъ задъними ногами съѣну приламууютъ! Еткаая чистота! Етыиъ царь кажить: надо мѣ туды зѣѣздить пыладѣтъ: вѣрно, ето мой сынъ! А мачиха кажить, жена яго: ето ня дѣво, ды дѣвушка! У мойей матушки, ву тридевятымъ царьстѣ,—у тридевятѣй зѣмли, стоить подъ городомъ дубъ, ни здумѣть, ни згадѣть! На тыхъ дуби двѣнадцѣть котовъ, а на тыхъ кокотахъ двѣнадцѣть котовъ: якъ угору йдутъ—басыни бають: якъ унизъ идутъ—на гусыни йграють. Вотъ то-то чистота у мойей матушки! Ну, тоды ѣнъ пылятѣвъ къ своей матцы. Матка спрашѣть: а што, мой сынокъ: што тамъ батѣа зъ мачихиыъ говорили? А ѣнъ кажить: якъ прѣѣхили купцы, ды стали хвалѣтца, што дали города Будая не были, и што вы говорили, то усѣ тамъ стало: и съѣна и жеребцы—такая чистота! дыкъ мачиха кажить: ето ня дѣво, а дѣвушка! Есь. у мойей матушки, ву тридевятымъ царьстѣ, на тридесатый зѣмли, дубъ; на тыхъ дуби двѣнадцѣть сокотовъ, на тыхъ сокотахъ двѣнадцѣть котовъ: якъ угору йдутъ—басыни бають, якъ унизъ идутъ—на гусыни йграють. Тоды ѣнъ кажить: блыгослови мяне, матушка, штоба у мяне бывъ такей дубъ! Матка кажить: Бохъ тѣбе, сынокъ, блыгословить!

Вышивъ ёнъ тоды за два чesy до свѣту на крутую горѹ, ды якъ крикнувъ молодецкимъ голосомъ, быгатырскимъ посьвистомъ: эй, идѣ то на тридевятимъ царствѣ, на тридесатый земли, у Баби-Яги ёсь дубъ на дванадцать кокотовъ, на тыхъ кокотахъ дванадцать котовъ,—прибудь ко мнѣ! каять. Ну, только ёнъ крикнувъ, усё тое и ёсь.

Идутъ узнава товары. Ёнъ вышивъ на горѹ, якъ крикнувъ молодецкимъ голосомъ, быгатырскимъ посьвистомъ, говорить: эй купцы, купцы! грядцы, грядцы! грядитя къ моей горѣ! я товаръ купляю, поцѣнно плату, весь напою, накормлю и царю гостиньчика пошлю! Тоды яны товаръ пызвалили, деньги пулучили. Ёнъ ихъ выкормивъ, выпоивъ и гостинца царю пыславъ. Тоды ёнъ кажитъ: матушка, блыгослови мяне, штоба мнѣ провѣдѣть, што тамъ будитъ говорить отецъ изъ мачихинъ! Матка кажитъ: Бохъ тебе, сынокъ, блыгословить! Тоды ёнъ сыкинувся гулубцомъ и полятѣвъ. Прилятѣвъ на дворъ и сѣвъ зъ гулубцами. Прѣйжають купцы. Царъ спрашинтъ: што, ребята! идѣ прѣйжжали, што чудали, што видали? Яны кажутъ: ваше сіятельство! дали того города той купецъ, ти хто, Бохъ яго знанть, не пускаить! Ёнъ у насъ товары откупинъ, поцѣнно заплативъ, выкормивъ насъ, выпоивъ, и вотъ гостинца вамъ приславъ. И што вы жъ жаной казали, той дубъ подъ городомъ стоить, на дванадцать кокотовъ, на тыхъ кокотахъ дванадцать котовъ: угбру идутъ—въ гусьди йграютъ! Вотъ то-то красота! Царъ кажитъ: вѣрно ето тамъ мой сынъ! надо зѣздыть полядѣть! Ну миа стала отгуваривать яго: ето ня диво, а дивушка! каить. У мойей матушки на тридевятимъ царствѣ, у тридесатый земли ёсь чушка-вопѣрь. Ёнъ по городу идѣть, лычемъ орѣть, а ногами скородить, а вушами сѣить и вѣить. Якъ пройдить по городу—хлѣбушка нейди дѣтъ! Полятѣвъ ёнъ къ маткѣ. «Ну, што батька зъ мачихинъ говорили?»—Батька хотѣвъ ѣхить, а мачиха каить: ето ня диво, а дивушка! Якъ у мойей матушки ёсь чушка—вопѣрь. Ёнъ по городу идѣть, лычемъ орѣть, ногами скородить, вушами сѣить и вѣить. Якъ пройдить по городу—хлѣбушка нейди дѣтъ! А у насъ, матушка, хлѣба умаленья, дыкъ блыгослови мяне, кабъ до насъ прибывъ такей вопѣрь!—Бохъ тебе блыгословить, сынокъ! кажитъ. Ёнъ тоды, за два чesy до свѣту вышивъ на гору, якъ крикнуть молодецкимъ голосомъ, быгатырскимъ посьвистомъ: эй! идѣ то у тридевятимъ царствѣ, у тридесатый земли, у Баби-Яги ёсь чушка-вопѣрь. Ёнъ лычемъ орѣть, ногами скородить, вушами сѣить и вѣить; якъ пройдить по городу—хлѣбушка нейди дѣтъ! У мяне ишту хлѣба; прибудь ко мнѣ ты, у городъ Будаи! Той вопѣрь идѣть, лычемъ орѣть, ногами скородить, вушами сѣить и вѣить; якъ пройшовъ по городу, дыкъ хлѣба нейди дѣтъ: по хлѣбу ѣздыть, якъ по мосту! Ну, тоды купцы етые ѣдутъ по морю. Ёнъ ужо вышивъ, кричить молодецкимъ го-

лосомъ, быгатырськимъ носъвиствомъ: эй купцы, купцы! грядцы, грядцы! грабятъ къ мойму къ Вудай-городу! я товаръ купляю, поцѣнно плачу! Вотъ яны товаръ звалили. Ёнъ ихъ выкоринивъ, выноивъ, и гостиница царю приславъ. Самъ просятца у матушки, кажитъ: благослови мяне, матушка: я хотѣю провѣдать, што тамъ батька зъ мачихой будутъ говорить. Матка говорить: Бохъ тѣбе благословить, сынокъ! Ну, тоды ёнъ гулубомъ ськинувся и полятѣвъ. Прялѣтъ на дворъ и слухивъ. Пріѣзжаютъ купцы. Царъ спрашивъ: што, ребята: идѣ бывали, што выдали? Яны кажутъ: дали города Вудая вѣдѣ не былъ! Той купецъ товаръ у насъ откупивъ, поцѣнно заплативъ, насъ выноивъ-выкоринивъ, и намъ гостиницкы приславъ. И той чушка-воперъ, што вы говорили жъ жаной, тамъ у яго! Икая чистота! Царъ кажитъ: вѣрно это мой сынъ тамъ! Надо зъѣздитъ къ яму! Ну жана яго стала отгуваривать: это, говорить, ня Диво, а дивушка! Ёсь у матушки мое у каменныхъ палатыхъ одиннадцать молодцовъ, по дванадцать пудовъ булдува. Якъ пойдутъ по городу молотить, дыкъ моя матушка смашно съпитъ, у каменныхъ палатыхъ! Ну, ёнъ осѣвся, не поѣхавъ къ сыну. Тоды ёнъ прилетанъ ко двору и ставъ молодцомъ. Матка спрашивъ: што, сынокъ мой? што тамъ батька зъ мачихой говорили? Ёнъ кажитъ: а што? якъ пріѣхали купцы, стали рассказывать, што яны дали вѣдѣ не былъ, только у города Вудая: той купецъ у насъ товаръ откупивъ, поцѣнно плативъ, насъ выкоринивъ—выноивъ, и намъ гостиница приславъ,—батька кажитъ: вѣрно это мой сынъ! надо зъѣздитъ къ яму! А мачиха стала отгуваривать яго, говорить: это ня Диво, а дивушка! А ёсь у моей матушки у тридевятымъ царствѣ на тридесять земли каменные палаты; тамъ одиннадцать молодцовъ, по дванадцать пудовъ булдува; якъ пойдутъ по городу молотить, дыкъ моя матушка крѣпко у каменныхъ палатыхъ сънитъ! И заплакывъ: што мое браты такъ дужа страдаютъ! Тоды говорить: матушка, возьми съпачи дванадцать проскурикъ, и съ свое грудѣ молока прицырни! А я пойду къ кывалю, булдаву кувать! И зыказавъ сабѣ на дорогу булдаву дванадцать пудовъ вѣсынь. Тоды ёнъ скувавъ булдаву, вышивъ за городъ и кинувъ не угорѣ, за воблыки. Ина тамъ летала—летала, тоды лятить унизъ. Ёнъ узавъ, выс'нывивъ (выстановивъ) правую ладонь. Дыкъ ина якъ ударилися, дыкъ и рассыпалися! Ну, тоды ёнъ пошовъ назадъ къ кувалѣ. Яны передѣляли яму: половина желѣза а половина стали. Ну, тоды ёнъ вышивъ за городъ, якъ кинувъ яе угорѣ за воблыки, ина тамъ летала—летала, потомъ лятить унизъ. Ёнъ узавъ, шалку зѣдѣвъ и выс'нывивъ лобъ. Ина якъ ударить яму у лобъ, дыкъ только увогнулася. Тоды ёнъ говорить: ну, ребята: хороша будить! Пришовъ у дворъ, узавъ дванадцать проскурикъ, попрощався зъ маткы,

и пошовъ къ Баби-Изѣ, у тридѣвятое царство, у тридѣсятую зѣмлю.

Ну, тоды, якъ ити, дыкъ ити, скоро нажитца, ды ня скоро дѣлыитца. Пришовъ къ Баби-Изѣ. А ня съиць, яны оддыхають,—тольки булдовы на горѣ тырчатъ. Ёнъ узявъ, проскурки на булдовы усклачь, и самъ за камень схуався. Ну, тоды яны одинъ другого товѣхъ-товѣхъ! Вудимъ, братцы, уставать молотить! Вядома, яны у не у тѣвику. Зѣбли проскурки. Вѣтеръ якъ дунувъ, дыкъ яны почули маткину кровь. Эй, братъ, кажють: братъ у госьти пришовъ! Тоды ёнъ вышывъ, кажить: укажѣя мѣ яе! А яны кажють: братъ, утекай! А ёнъ кажить: такую яе, етакую! тольки укажѣя мѣ яе, ды поможѣя тоды мѣ! Я пойду яе своею булдавою бытъ! Яны тоды яму указали яе, а сами пошли молотить. Приходить ёнъ туды къ ей, ажяны ня съиць: изъ ноздѣръ дымъ шибайтъ, изъ рота подынь, а зъ вѣшей искры сыплютца. Ну, тоды ёнъ пришовъ, разъ треслувъ по лбу—ня чуить! другій разъ—почула. И схватилися. Иня яго огнѣмъ палить, дымомъ дѣшить. Ёнъ тоды крикнувъ на братовъ. Браты подскочили и забили яе. Ёнъ тоды узявъ возоръ пять соломы, налаты яе заналивъ, братовъ узявъ за рѣки и повѣвъ у свою сторону, у свое царство.

Приводить ёнъ ихъ домовъ къ матцы. Яны поклонилися матцы, поздоровыкылися и живутъ у Будае-городѣ зъ братымъ. Якъ пойдуть по году гулять—голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, во лбу звѣзды, у потылицы мѣсикъ, по запястьѣхъ у серебри, по колѣнямъ у золотѣхъ—дыкъ увесь городъ звѣять! Ну, тоды царъ етый посылать своихъ кунцовъ съ товарыи. Купцы ѣдутъ по морю; ёнъ вышывъ на горѣ, кричить молодецкимъ голосомъ, быгатырскимъ посьвистомъ: эй, купцы, кунцы! грабцы грабцы! грабѣя къ мойму городу: я товаръ поцѣвно купляю, я ясь выпою-ны-кормлю, и царю госьтинца пошлю! Яны прѣѣжають; товаръ звалили; тоды ёнъ ихъ выпоивъ-ныкормивъ, царю госьтинець давъ и домой отпуститьвъ. Тоды кажить матцы: матушка моя родимая! я, кажить,—братовъ отыскавъ, тяперъ якъ—ба отца у свой Будае городъ звывротѣтъ? Ты есь тамъ у мачихи якѣя загадки, ти нема? Матка кажить: Бохъ тябе бгыгословить, сынокъ! Тоды ёнъ съкинувся гулубомъ и полѣтѣвъ къ батьку. Кунцы якъ прѣѣхали, царъ спрашѣтъ: ну што, кунцы—грабцы! идѣ бывали, по якимъ городахъ, по якимъ сторонахъ ѣздѣли? што чували, што видали? Тоды яны кажуть: ваша сѣятельство! дали того города той купецъ, ти Бохъ яго званѣтъ, не пускають! И што вы жъ жаной тутъ говорили, то тое тамъ прѣявились: тамъ дванадцѣтъ братовъ стало! Мачиха якъ почула, што яны сыйскались, и што яе матки уже на сѣвѣти нема, дыкъ ня схватила ношъ и заколоблѣся. Тоды тѣй царъ кажить: слава табѣ Господи, што Бохъ опроставъ мою голову отъ оканяныя силы! Поѣду я къ

своей жанѣ, къ своимъ дятѣмъ! Тоды ёнъ пойдѣтъ домой. Прилѣтъ въ домой, зыдѣвшись молодцомъ. Матка кажить: што шъ ты чувъ? А ёнъ кажить: а вотъ што я чувъ: якъ прѣхыли купцы, ды стали расказывать, што мы выдали ў Будай-городи дванадцѣтъ братовъ, голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, во лбѣ зывѣзды, у потылицы мѣсякъ, по запястьѣ — руки у серебри, по колѣни ноги у золоти, якъ пойдутъ по городу гулять, дыкъ увесь городъ зкытъ,—дыкъ якъ почувла ето матиха, увывнала, што яе матку забили ужо, дыкъ ина нѣжамъ сябе заколода. А батѣвка кажить, говоритъ: слава табѣ, Господи, што Бохъ опроставъ мою голову отъ окаянныхъ силы! Тѣперь, кажить, пойдѣу къ своей жанѣ и къ своимъ дятѣмъ! Слава Богу, отецъ у госьти завтра къ намъ будитъ! Матушка, бгыгослови мяне, штобъ за два чesy до свѣту провѣсѣти дванадцѣтъ вѣрстѣ дорогу, выбитъ краснымъ сукномъ, и терезъ моря мостъ, золотая мосыница и сяребринная мосыница, золотыи стовпъ и сяребринныи стовпъ. Матка сказала: Бохъ тѣбе бгыгословитъ, сынокъ! За два чesy до свѣту вышывъ ёнъ на гору. Якъ крикнитъ молодецкимъ голосомъ, бгыгатырьскимъ посѣвистомъ, говорить: я дожидаюсь отпа у госьти! штоба Бохъ давъ, штоба до свѣту терезъ моря мостъ вымысьтився и штоба была дорога на дванадцѣтъ вѣрстѣ, и ету дорогу краснымъ сукномъ увислаи! Якъ ёнъ только сказавъ, такъ сѣйчасъ откуль явилиси масѣтары, усѣ его зработыли. Чутъ-дѣнь ѣдитъ царь къ жанѣ у госьти. Прѣхывъ, поздрастувався жъ жавой, зъ дятѣми. И ставъ жить у Будай-городи. И таперь тамъ живутъ.

С. Староселье, истисл. у. Отъ кр. Лаврена Артемова, 58 л., негр. зап. въ моемъ присутствіи г. Анисѣвичъ.

19. Иванъ Ивановичъ купецкій сынъ.

Бывъ у якомъ то царствѣ—государствѣ купецъ. У того купца бывъ сынъ. Доживъ ёнъ до соваршенныхъ лѣтъ, и дозволяетца ёнъ у батѣки жанитца. Ну, ѣдъ сабѣ, выбирать по'быччу дѣвицу! Тоды ёнъ поѣхавъ. Тѣ много, тѣ мало проѣхавъ, узѣѣжжаеть на поля: жнеть дѣвка жито. Здрастуй, дѣвушка!—Здрастуй, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ!—Што ты, дѣвка, за зыдѣлуха?—Вотъ, я зыдѣлуха не большая: етую жменьку жита важну, зыжляю и дванадцѣтъ бохановъ хлѣба сыяку зъ яе!—Ну, коли, говорить, лѣпшія не найду, я за сябе тѣбе замужъ возымъ! Тоды ёнъ поворцався зъ ёю и поѣхавъ подальше. Вярѣтъ дѣвка лёнъ. Здрастуй, дѣвушка!—Здрастуй, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ!—Што ты, дѣвка, за зыдѣлуха?—А, я зыдѣлуха не большая: ету жменьку лёну посѣжляю и сожну, дванадцѣтъ поставовъ кросѣнъ вытку зъ яе!—Ну, коли,

говорить, не дась Богъ, не случитца мнѣ лѣвшія найти, я тебе за сябе замужь возьму! Уѣжжаетъ ѳнъ у городъ. Поставивъ коня на кватѣри, сямъ пошовъ по базару, коло перепечаскъ. Уси красивыя дѣвки, ну одна красивѣй усикъ! Непорѣвилась яму. Здравствуй, дѣвушка!—Здравствуй, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ!—Што вы, говорить, за зѣдѣлуха?—А зѣдѣлуха не большая: пойду, говорить, за кого замужь, дакъ я роджу дванадцать сыновъ, по колѣно у золоти, по запярсѣти у сѣребри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусы дробныя звѣзды сѣяють, якъ у водного! А вы, говорить, што спрашѣютя, по якиѣ дѣлатъ?—А я, говорить, сибѣ дѣвицу по быччу сво му выбираю, буду бручатца зъ ѳей! —Коли, каеъ, ня грѣбуся, дыкъ я, говорить, пойду за васъ! Тоды ука- зала дворъ. И пошовъ ѳнъ къ отцу свататца. Вотъ ѳнъ ставъ сватать, отецъ говорить: коли дѣвица идѣтъ, дакъ щасѣти яб не могу задержать,— иекай идѣтъ! Просватавъ ѳнъ яб. Ёнъ побоявся, штобъ якого перябѣю ия будѣ, не воротился къ батъку, узавъ да й жанився тамъ. Прѣйжжаетъ до- мой ижъ жапою ўжо. Батъка тѣй усѣрдился, што не прѣйжжавъ до- мой благословлятца, ды й брочився тамъ, и матка. Тогда ѳнъ батъку и матку ставъ проситъ, ставъ проситъ. Батъка тыки просѣтивъ яму, а матка— тая сардѣта, не прощаеъ яму. Отъ, ѳнъ, сколько ўремя прожили, ня- вѣста забременѣла. Тоды свякрово стала бранитца на ходяина: чаму сы- на не посылаешъ за купечествомъ, чого сидѣтъ у хати? Собрали стар- цѣвъ да й не думаетя! скоро ѣсѣтъ пѣчаго будегъ! Тяперича ѳнъ, батъка, говорить на яго: ну, мой сынокъ! бяри денегъ, говорить, и ѣдъ у такій и такій городъ на пристань, и купляй на пристани товаръ! Тоды ѳнъ го- ворить: батюшка мой, говорить, кормитель мой! коли дась Богъ, моя жава родитъ,—ти худое ти доброе—безъ мяне, говорить, хрѣзбынѣ не гуляй- тя,—я самъ буду хрѣзбынѣ гулять! Отъ ѳнъ поѣхавъ. Тольки ѳнъ по- ѣхавъ, ина почала родитъ. Тольки одного ина родила, а свякрова ухва- тила да за плоть! Вотъ, ина роджаетъ. а ина за плоть кидаетъ. Оди- надцать сыновъ ина за плоть закинула. Тольки што дванадцатого роди- ла, а старушка пѣйкая на порогъ. Тоды ина (свякрово) на яе усѣрди- лася, чого ина нашла на етъй зной, а тая попросила, породѣха: ба- булька, говорить: ня йдѣтя, побудѣтя часину тутъ! перебабтя, говорить, яго! Мужа у дворѣ нѣту, мнѣ самой ходитъ нельзя!—Этъ, каеъ: якъ мнѣ яго бабитъ, мужѣйки приступитъ къ купцовой жанѣ!—Ничого, ка- еъ, перебабтя! Ина узила, яго перебабила. Тоды яго у ночѣвочки по- ложила, ножикчекъ подъ головѣ яму положила, што пуцѣвинку рѣзала. Тоды пошла къ купцу: купецъ нашъ милосѣливый! давъ Богъ табѣ унѣка, што ни чутъ, ни видѣтъ было яго! И родѣла, говорить, што по колѣни у золоти, по запярсѣти у сѣребри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у

макусы дробныя звѣзды сіяють. Купецъ тѣй увійшовъ у комнату, дакъ ажко комната сіяеть отъ яго! Ну, ёнъ сичасъ узявъ, письмо написавъ къ своему сыну: сынъ мой, говорить, узлюблённый! родила, говорить, твоя жана ребёночка, што по колѣни ноги у золоти, по запярсьти у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсякъ, у макусы дробныя звѣзды сіяють: осятивъ мою комнату усю! Тѣй челоуѣкъ пошовъ съ письмомъ. Проходить день, обнимаеть яго тѣмная ночь. Стоить ли дороги хатка. Ёнъ у тую хату зайшовъ,—тамъ дѣвка шіеть—вышиваеть. Здрастуй, говорить, дѣвушка!—Здрастуй, здрастуй, добрый челоуѣча!—Ти ня пусьтита на ночь?—Зачинъ, говорить, ня пусьтинъ? у мяне люди ночують каждую ночь: при дорози живѣмъ, дакъ заходюти! Ночуйтя сабѣ зъ Богомъ! говорить. Вотъ ёнъ заночевавъ. Ина ў яго распросила: куды идешъ, по якому дѣлу? Вотъ, говорить: я нанять! Нанявъ мяне купецъ—родився у яго сына ребёночекъ, што по колѣни ноги у золоти, по запярсьти у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсякъ, у макусы дробныя звѣзды сіяють. Дыкъ ёнъ мяне нанявъ занесѣтъ сыну писямцѣ, кабъ ѣхавъ домой ксѣтны гулять! Тоды ёнъ легъ спатъ, а миа писямцѣ тое вынила, написала письмо: што родила твоя жонка ребёнка—свинный лытъ, куринныя ноги, мидьвѣдчія руки, совиный узглядъ—соўснимъ не челоуѣччій корпусъ! Да тое письмо яму за шапку за маргелку заклала, а тое подрала. Дакъ ёнъ назаўтраго уставъ, помывся, Богу помолився, за нощлегъ подякувавъ и пошовъ. Проходить день обнимаеть яго тѣмная ночь. Ёнъ приходить—стоитъ ли дороги хатка. Ёнъ у тую хатку зайшовъ,—тамъ дѣвка шіеть—вышиваеть. Здрастуй, говорить, дѣвушка!—Здрастуй, здрастуй челоуѣча!—Ти ня пусьтита на ночь?—Зачинъ, говорить, ня пусьтинъ? у мяне люди ночують каждую ночь: при дорози живѣмъ, дакъ заходюти! Ночуйтя сабѣ съ Богомъ! говорить. Вотъ ёнъ заночевавъ. Ина ў яго распросила: куды идешъ, по якому дѣлу? Вотъ, говора: я нанять! Нанявъ мяне купецъ—родився у яго сына ребёночекъ, што по колѣни ноги у золоти, по запярсьти у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсякъ, у макусы дробныя звѣзды сіяють. Дыкъ ёнъ мяне нанявъ занесѣтъ сыну писямцѣ, кабъ ѣхавъ домой, ксѣтны гулять! Тоды ёнъ легъ спатъ. Ина узшла тое писямцѣ, ящо чистѣйшій накурбувала, на дятѣнка на того, што ўжо й смотрѣтъ на яго нельзя. Ёнъ назаўтраго уставъ, помывся, Богу помолився, за нощлегъ подякувавъ и пошовъ. Вотъ, приходить у тѣй городишко, допытався яго кватери, сичасъ отдаеть ето писямцѣ. Ёнъ узявъ тое писямцѣ,—стыдно яму чотатъ яго—сколько особъ тутъ було—дыкъ ёнъ вышовъ на крыльцо. Прочитавъ ето письмо, тоды написавъ: батюшка мой, говорить, и матушка! якого Богъ ни давъ, не гуляйтя хрезьбинъ безъ мянѣ! я самъ прїѣду хрезьбины гулять! Давъ яму грѣшій на дорогу:

Нямвожко згодя, прійѣжаесть сынъ. Батюшка, говорить: а дѣ жъ моя жана?—А дѣ жъ твоя жана? Што ты написавъ—дѣлано! говорить. Тоды ѣтъ догадався, што ето зѣдѣлали тыя дѣвки, швагрыни яе, которая жала, которая лѣнь брала. Ну, говорить: Богъ зъ ею! Поплыла—тяперъ не вярнуть! У здорѣ етаго не принявъ, просѣтивъ имъ, што показали карточку у руки. Узявъ, жанився съ тою, зъ другою, што жито жала.

Ти много, ти мало яны проплыли, и учувъ етый мальчишка, што кухня пріютилася,—ниа йдеъ по водѣ ужъ. Матушка моя родителка, позовольтъя миѣ кухню ету распахнуть! Ина говорить: ай, мой сыночекъ! идѣжъ табѣ распахнуть? Ина жъ яялѣзными обручами зѣбита!—Позвольтъя, каеъ, матушка,—распахну!—Ну, Богъ тебе богослови, каеъ: распахни сабѣ! Ёнъ лѣзными пальцомъ стукнувъ у дно—тое дно выскочило! Ёнъ спитъ на берегъ вышовъ и матку на берегъ вывезъ, па высну. Матушка, моя, говорить, родителка! позовольтъя миѣ, говорить, будучку сооронить етымъ пожикомъ: будеъ, каеъ, отъ жаркаго сонца, отъ силнаго дожджу! А ина говорить: идѣ табѣ построиъ будку такимъ ножикомъ? Ёнъ жа, каеъ, малѣнькій и тупый!—Да матушка, богословитя!—Да Богъ тебе богословитъ: города сабѣ якую будку! Ина легла спать,—такъ легла къ совнику, ■ заснула; а ёнъ поповъ по крутому берягѣ и крикнувъ молодѣцкимъ голосомъ, а свиснувъ богатырскимъ посвистомъ: тутъ къ яму уси масѣтерѣ—и злотъники и плотники и сребренники, исъ пилами исъ топорами,—уса масѣтерѣ къ яму явилася.—Купецъ пашъ милосѣливый, што за работу прикажете?—А вотъ, говорить, пашъ работа: штобъ на етомъ крутомъ берези зработали Будаи—городъ; штобъ кругомъ етаго Будаи—городу молодшныя рѣки тяжлы, кашныя беряги прилежали;—штобъ бѣгали Вашачки у бѣлыхъ рубашачкахъ и клячили: сюда, молодойцы, кушать—мошонки ня рушить! напѣтѣсь, наѣсьтѣсь, и мошонки не порушитя! Такъ якъ хапели тое масѣтерѣ—дакъ яны ня то нѣто у три часа, прямо—у три минуты зработали Будаи-городъ. И кругомъ того города молодшныя рѣки протякли, кашныя беряги прилягли, и Вашачки бѣгали у бѣлыхъ рубашачкахъ и клячили: сюда, молодойцы, кушать—мошонка ня рушить! напѣтѣсь, наѣсьтѣсь, и мошонки не порушитя! Зработали усѣ якъ слѣдуеъ быть. Аопнулася тая матка—што заснула подъ кусътикомъ, аопнулася, дакъ прямо заетъ кругомъ, што куды ни глянеъ кругомъ сябе, дыкъ сябе у сѣтяиѣ видѣтъ! Тоды яны ти много, ти мало такъ прожили, сичасъ пославъ тѣй уже баѣтка яго товаръ на низъ. Потѣбодють тые судѣношники—который можа ходивъ лѣтъ тридцать—не было ничѣго на той выси, што можа куста лозоваго не было—а то построены Будаи-городъ, и кругомъ того города молодшныя рѣки протякли, кашныя беряги прилягли, и бѣгаютъ Вашачки у бѣлыхъ рубашачкахъ и клячуть: сюда, молодойцы, кушать—мошонки ня рушить! Напѣ-

ѣтесь, наѣсьтёсь и мошонки не порушѣя! Потходѣють тѣ судновыя работники къ Будаѣ-городу, такъ вуходѣють купецъ на крылцо, потходѣють къ нимъ на кругъ берегъ. Тѣя работники уторопѣлись (оторопѣли)—што вышовъ то етѣкій купецъ, што по колѣни ноги у золоти, по запярсѣти руки у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусы дробныя звѣзды. Ёнъ говорить: не торопитесь, говорить, проходжіе работники, привѣлюйтѣ къ крутому берегу! Нны привалили къ крутому берегу, ѣтъ товаръ тѣй ихъ принявъ, заплативъ деньги, сколько стоитъ. Што имъ треба було, якій товаръ—ѣнъ имъ опять наваливъ туды, назадъ икъ имъ.

Ёнъ знаеть тое ўремя, коли яны дайдуть, сичасъ съинувся голубчикомъ, полятѣвъ, сѣвъ у баѣки на крылцѣ. Вуходѣють купецъ на крылцо, смотрѣть,—што яго судно идеть назадъ? Ёнъ отымъ уторопився. Потходѣють къ работникамъ къ тымъ: работники мое, говорить, милые! што вамъ ето побѣдѣлося, што вы скоро назадъ воротѣлись?—Нѣ, говорятъ, купецъ нашъ милосѣливый! намъ ничего не побѣдѣлося, а вотъ: сколько, говорятъ, лѣтъ мы прохѣджували, ничѣго не видали на жовой выси; а тѣперь, говорятъ, на жовой выси, на крутой горѣ, построився Будаѣ-городъ, и кругомъ того города мошныя рѣки протѣкли, кашныя берѣги прилягли, и бѣгають Вашачки у бѣлыхъ рубашачкахъ и клѣчуть: сюда, молодойцы, кушать—мошонки ня рушить! напѣтѣсь, наѣсьтѣсь, и мошонки не порушѣя! Тоды вуходѣють, говорятъ, купецъ на кругъ берегъ—по колѣни ноги у золоти, по запярсѣти руки у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусы дробныя звѣзды. Ёнъ отъ насъ товаръ принявъ и намъ наваливъ, якій намъ треба! Объ тымъ мы такъ скоро и вярнулись! Тоды ѣнъ сѣтиснувъ плячи и говорить: вѣрно ето мой сынчѣкъ тамъ ѣсь! Ина тоды выбѣгла—жѣнка яго: ай, говорить: мало на свѣти якого народу ѣсь!—То бѣ то, говорить, бывъ твой сынъ!—Онъ, ѣсть, на якомъ то царствѣ-государствѣ ѣсть дикій вѣперъ, што лѣчамъ орѣть, хвостомъ скородѣть, и услѣдъ жито сѣтца, и усходѣть, и насыпаетъ, и цвѣтѣть и досѣптѣваетъ, и жнетца, и молотѣтца, и ў три часы хлѣба можно скушать! Ну, ѣнъ узавъ товаръ принимать, а тѣй голубчикъ и полятѣвъ къ катцы. Тоды говорить: мамка моя родимая! Пришли, говорить, судны къ баѣушкѣному двору, говорить, баѣушка вышовъ и спрашѣть: работники мое, говорить, милые! што вамъ ето побѣдѣлося, што вы скоро назадъ воротѣлись?—Нѣ, говорятъ, купецъ нашъ милосѣливый! намъ ничего не побѣдѣлося, а вотъ: сколько, говорятъ, лѣтъ мы прохѣджували, ничѣго не видали на жовой выси; а тѣперь, говорятъ, на жовой выси, на крутой горѣ, построився Будаѣ-городъ, и кругомъ етого города мошныя рѣки протѣкли, кашныя берѣги прилягли, и бѣгають Вашачки у бѣлыхъ рубашачкахъ и клѣчуть: сюда, молодойцы, кушать—мошонки ня

рушить! напьётесь, наѣсьтёсь, и мошонки не порушится! Тогда входить купецъ на крутъ берегъ — по колѣни ноги у золоти, по запястьи руки у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусы дробныя звѣзды. Ёнъ отъ насъ товаръ принявъ и намъ наваливъ, якій намъ треба! Обѣтѣмъ мы такъ скоро и варилися! Тогда ёнъ сѣгиснувъ пляжи и говоритъ: вѣрно это мой сыночекъ тамъ ёсь! Ина тоды, выбѣгла — жонка яго: ай, говоритъ: мало на свѣти якого народу ёсь! Тѣ бѣ то, говоритъ, бывъ твой сынъ! Онъ, ёсьтъ на якомъ то царствѣ-государствѣ, ёсьтъ дикій вѣперъ, што лычамъ орець, хвостомъ скородить, и услѣдъ жито сѣтца, и усходить, и васыпаеть, цвѣтеть и доспѣваеть, и жнетца, и молотитца, и ў три часы хлѣба можно скушать!... Ахъ сыночекъ, говоритъ: адѣ ты это доставишь? Намъ, каеть, не достать! — Богослови, каеть, матушка! што Богъ дасы! — Да Богъ табе, каеть, благослови! Сичасъ ёнъ пошовъ на крутъ берегъ, якъ крикнувъ молодецкимъ голосомъ, свиснувъ богатырськимъ посвистомъ: тутъ къ яму богатыри явились. Купецъ нашъ милосѣливый, што за рабогу прикажеть? — А вотъ, говоритъ: на якомъ то царствѣ-государствѣ ёсьтъ дикій вѣперъ, што лычамъ орець, хвостомъ скородить и услѣдъ жито сѣтца, и усходить, и васыпаеть, и цвѣтеть и доспѣваеть, и жнетца, и молотитца, и ў три часы хлѣба можно скушать! Штобъ мнѣ етѣй вѣперъ у три часы доставленъ бывъ! — Яны ня только у три часы, у три минуты доставили яго! Ёсьтъ уже и вѣперъ на выспѣ.

Тяперъ, ти много ти мало прожили — тѣй купецъ, значитца, собравъ товару и зновъ на низъ посылаетъ. Потходють яны подъ тѣй подъ Вудай городъ, входить купецъ, по колѣни ноги у золоти, по запястьи руки у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусы дробныя звѣзды сіяють. Прощу, ребята, говоритъ, дѣва посмотриѣть! Яны пошли дѣва смотриѣть. Приходють къ вяпрѣ, тѣй вяперъ устаетъ, лычамъ орець, хвостомъ скородить, услѣдъ жито сѣтца, и усходить, и васыпаеть, и цвѣтеть и доспѣваеть, и жнетца, и молотитца, и ў три часы хлѣба можно скушать. И перядъ ими это ўсѣ. Да. Тогда ёнъ давъ имъ хлѣба того скушать, и давъ имъ краюшку на дорогу. Отправились лны назадъ. Знаеть ёнъ ету пору, якъ яны дѣйдуть, сѣкнувся голубчикомъ, полѣтѣвъ туды, сѣвъ у батьки на крылцѣ, ожидаеть ихъ. Яны тоды приходють. Входить купецъ на крылцо. Што, говоритъ, ребятунки моѣ: ти ня чули якихъ явнивъ на дорози? — Якъ, говорятъ, ня чуѣ — чули! У Вудай-городѣ уже ёсь дикій вѣперъ. Ёнъ лычамъ орець, хвостомъ скородить, услѣдъ жито сѣтца, и усходить, и васыпаеть, и цвѣтеть и доспѣваеть, и жнетца, и молотитца, и ў три часы хлѣба можно скушать. Штѣ у насъ говѣритца, тамъ усѣ дѣтца. Купецъ давъ намъ того хлѣбушка, мы скушали и вамъ привязѣли — просимъ посмотриѣть! Ёнъ узавъ хлѣбъ и посмотриѣвъ: вѣрно, говоритъ, это мой сы-

ночекъ работаетъ тамъ! Ина сичасъ выбѣгаетъ, тѣтенка яго: э, мало, говоритъ, на свѣти якиѣ тумавыщиковъ ѣсть! То бѣ твой бывъ сынъ—ѣсть на третьѣмъ то царствѣ-государствѣ баня: дакъ старый помѣтца—молодъ станеть, а молодой помѣтца—старъ станеть. То бѣ твой бывъ сынъ! Купецъ узавъ сичасъ товаръ принимать, а ѣвъ полятѣвъ сичасъ къ матцы домой. Матушка моя, родителка! говоритъ. Вышовъ, говоритъ, бѣтюшка и спрашиеть: ти немѣ навинъ у свѣти? Яны говорятъ: ѣсть новыѣ! У Вудай городѣ уже ѣсть дикій вѣперъ, лычавъ ореть, хвостомъ скородить, услѣдъ жито сѣтца, и усходить, и васыпаеть, и пвѣтеть и досыѣваеть, и жнетца, и молотитца, и у три часы хлѣба можно кушать. Што у насъ говоритца, тамъ усѣ дѣтца. Купецъ давъ намъ того хлѣбушка, мы скушали и ванъ привязъли—просимъ посмотриѣть! Ёвъ узавъ хлѣбъ и посмотриѣвъ: вѣрно, говоритъ, его мой сыночекъ работаетъ тамъ! Ина сичасъ выбѣгаетъ, тѣтенка: э, мало, говоритъ, на свѣти якиѣ тумавыщиковъ ѣсть! То бѣ твой бывъ сынъ—ѣсть на третьѣмъ то царствѣ-государствѣ баня: дакъ старый помѣтца—молодъ станеть, а молодой помѣтца—старъ станеть! То бѣ твой бывъ сынъ!.. Мой сыночекъ! намъ етаго не достать! Мало-што ета тѣтенка твоя замышляетъ тамъ! —Богослови, матушка! можа Богъ дасы!—Да Богъ тябе, каеть, богослови! Ёвъ сичасъ вышовъ на крутъ берегъ, якъ крикнеть молодѣцкимъ голосомъ, свиснеть богатырськимъ посвистомъ, являютца къ яму богатыри: што за работу прикажеть?—А вотъ, говоритъ: у третьѣмъ царствѣ-государствѣ ѣсь баня: старый помѣтца—молодой станеть, а молодой помѣтца, старъ станеть. Якъ ба яѣ у три часы суды приставить? Яны на только у три часы, у три минуты зработали тую баню.

Тутъ купецъ тѣй зновъ надуався, товару собравъ, онятъ ихъ пославъ на низъ. Яны потходють подъ Вудай-городъ, вуходить купецъ на крутъ берегъ: привалюйти, ребята, къ крутому берегу, ходитѣ дива глядѣть! Приходють яны къ бани. Вы, каеть, по водѣ ходитѣ, да пѣ жметесь! ходитѣ зъ дороги помыѣтѣся у бани у мой: тѣло помыхчѣть и ванъ поляхчѣть! Отъ яны пошли у баню. Помылися у бани,—и одинъ одного не познають: што который бывъ старѣй, тѣй ставъ молодѣнекъ: а который молодѣй—тѣй ставъ старъ! Ёвъ ихъ накормивъ-напивъ и назадъ отправляеть. Тоды пошли яны назадъ, а ёвъ ськинувся голубникомъ и полятѣвъ, сѣвъ у бѣткы на крылдѣ и дожидаетъ ихъ. Приходють яны, вуходить купецъ на крылцо, и не увознаеть своихъ работниковъ:—видить, што судно яго, а работниковъ не можеть увозавъ. Ти вы это, ребятунки?—Мы, каеть, мы!—Нѣшто жѣ вы такъ?—А вотъ якъ: потходимъ мы подъ Вудай-городъ, вуходить купецъ на крутъ берегъ: привалюйти, ребята, къ крутому берегу, ходитѣ дива глядѣть! Приходимъ мы къ бани. Вы, каеть,

по водѣ ходить, да ни мытёсь, ходить зъ дороги помыйтёсь у бани у мой: тѣло помычѣть и вамъ полахчѣть! Отъ мы пошли у баню. Помылися у бани,—и одинъ одного не познаемъ: што который бывъ старѣй, тѣй ставъ молодёнекъ; а который молодѣй—тѣй ставъ старъ! Вѣрно, ка-
етъ, это мой сыночекъ усё тамъ работаетъ! Сичасъ ина выбѣгаетъ: о, яло, говорить, ёсьть на свѣти озельничковъ! То бѣ твоё сыны были, коли бѣ ихъ було дванатцать молайцовъ, голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, ростъ у ростъ, лицо у лицо, и по колѣни ноги у золоти, по запясты руки у серебри, уво лѣбъ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусы дробныя звѣзды. Живуть яны на третьемъ царствыи-государствыи, тамъ стоитъ дубъ, у томъ дуби дуплѣ, подъ тымъ дубомъ зялѣзный токъ, и тамъ яны про-
живаютъ—одинадцать братовъ. Штоба яны были уси умѣсти у Вудай-города дванатцать братовъ, то бѣ твой бывъ сынъ!.. Тоды купецъ ставъ товаръ принимать, а ёнъ выслухавъ и полатѣвъ къ матцы. Матушка моя родителка! Приплыли работники къ батьку, дыкъ ёнъ ихъ не познавъ: ти вы это, ребятушки?—Мы, мы, кажутъ.—Нышто жѣ вы такъ?—А такъ и такъ: потходимъ подъ Вудай-городъ, выходить купецъ на крутъ берегъ и зовѣтъ: ходитя дива посмотриѣтъ! Пошли мы туда, а ёнъ каетъ: вы по водѣ ходить, да ни мытёсь, ходить зъ дороги помыйтёсь у бани у мой: тѣло помычѣть и вамъ полахчѣть. Отъ мы пошли у баню. Помылися у бани,—и одинъ одного не познали: што который бывъ старѣй, тѣй ставъ молодёнекъ, а который молодѣй—тѣй ставъ старъ! Тоды батька говорить: вѣрно это мой сыночекъ тамъ! А ина выбѣгла: вотъ то бѣ твой сынъ бывъ, колибъ ихъ було дванатцать молайцовъ, го-
лосъ у голосъ, волосъ у волосъ, ростъ у ростъ, лицо у лицо, и по колѣни ноги у золоти, по запясты руки у серебри, уво лѣбъ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусы дробныя звѣзды сіяють. Живуть яны на треть-
темъ царствыи-государствыи, тамъ стоитъ дубъ, у томъ дуби дуплѣ, подъ тымъ дубомъ зялѣзный токъ, и тамъ яны проживаютъ—одинадцать бра-
товъ. Штобъ яны были уси умѣсти у Вудай-города дванатцать бра-
товъ, то бѣ твой бывъ сынъ! Ина говорить: а дѣ жѣ ты, каетъ, мой сы-
ночекъ, ихъ найдёшь? ихъ можа вороньнѣ косъти поразносило, сороки тѣло порасклявали,—идѣ жѣ яны будутъ живы! Мало-што ина вамыш-
ляется!—Матушка моя, родителька, богослови мнѣ съ своѣ груди стакаи-
чикъ молочка выдонтъ!—Мой сыночекъ, говорить:—адѣ молоко у яане найдёшь?—Богословитя, матушка: усё Богъ дасъ!—Да Богъ тябе бого-
словитъ! Ёнъ узявъ, стакаиъ потставивъ подъ грудь, за грудь узився,—
цѣлый стакаиъ молока набѣгъ! Ёнъ сичасъ узявъ, шпоныи куки на мо-
лоцѣ на стоиъ замясивъ и дванатцать галѣшничикъ скатавъ съ того тѣс-
тычка. Сичасъ ёнъ ськинувся голубчикомъ, узивъ полатѣвъ на третье

царство-государство, и съѣзъ на томъ дуби, куды ихъ Господь воздухомъ занёсъ. Сичасъ у дупелушко одну галушачку укинувъ. Одинъ братъ потъ ханивъ, зѣвъ! Ахъ, братцы, говорить: матушкино молоко пахнетъ! Тоды ёнъ ихъ кинувъ ще одинадцать. Яны уси позачаѣли, тожъ говорятъ: матушкино молоко пахнетъ!—тые уси браты. Остаѣца одна галушачка двѣнадцатая. Яны говорятъ: вѣрно нашъ братъ тутъ ёсть, остаѣца одна галуша. Тоды ёнъ къ нимъ на токъ пырьхъ. Стало ихъ тамъ двѣнадцать молодойцовъ. Заплакали яны, одинъ на дного глѣдючи, обнялись, поцелувались, порадовались, што уси до кучки собралися! Тоды ськинулися голубчиками и полетѣли у тѣй Вудай-городъ, идѣ matka яго. Такъ уходятъ у комнаты, matka тая спужалася, на ноги упала. Яны яё потхалили: матушка наша родителка! хутъ ты насъ молокомъ не кормила, ну ты дли насъ труждалася, насъ родила—поетымъ ты матушка наша родимая!

Тяперъ, сколько уремя прожилы, тѣй купецъ рѣшитца, нагружаѣтъ товаръ, опять на низъ отправляѣтъ. Потходѣтъ яны подѣ Вудай городъ. Сичасъ выходѣтъ отые дванадцать молодойцовъ на крутой берегъ—голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, ростъ у ростъ, лицо у лицо, по колѣни ноги у золоти, по запярьсти руки у серебри, уво лбѣ сонца, у лотылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звѣзды сіяють. Привалюйтѣ, говорятъ, ребята, къ крутому берегу, мы ваши товары купимъ! Яны привалили, вышли къ нимъ. Тоды яны товары ихъ побрали, свойго нагрузили, напоили ихъ, накормили, и посылають ихъ назадъ къ кушцу. Яны знаютъ тую пору, якъ яны прѣдуть, сичасъ ськинулися голубчиками и полетѣли и сѣли у бытъки на крылцѣ. Приходѣтъ работъвики, ёнъ кажѣтъ: Ну што, ребята: ти ня чули нѣвинъ якихъ?—Да зачимъ, говорятъ, ня чули—што у насъ говорѣцца, то тамъ дѣѣцца, у Вудай городѣ! Якъ вышло на крутой берегъ двѣнадцать молодойцовъ, голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, ростъ у ростъ, лицо у лицо, по колѣни ноги у золоти, по запярьсти руки у серебри, уво лбѣ сонца, у лотылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звѣзды сіяють, накормили насъ, напоили и назадъ отослали. Ёнъ кажѣтъ: вѣрно это мое сыночки! Тоды яна выбѣгла: о, мало на свѣтѣ комедіянщиковъ! Кабъ яны заработали отъ свойго крыльца да до нашего крыльца мостъ—золотая мосьничка да сребреная, золотая парѣджа да сребреная, золотѣй гвоздъ да сребреный: кромѣ того моста кабъ були окопы покѣпаны; по стыхъ окнахъ кабъ були сахарныя яблонки посаджаны, и по стыхъ яблонкахъ кабъ загорскіе коты басьви баяли и разныя пѣтцы нѣсьни усьлѣзали, и кабъ у три часы яблонка зацвѣла и 'тцвѣла, штобъ у три часы яблочко можно скушати! Отъ то бѣ твое сыны были! Тѣй купецъ узавъ товаръ приниматьъ, и яны полетѣли къ матцы. Матушка наша,

родителька! Приѣхали работники къ батѣ, въ у ихъ нѣтъ: ты не
 чуди, ребята, чинишь ли? Они говорятъ: да зачѣмъ не чули—што у
 насъ говоритца, то тамъ дѣтца, у Вудай городи! Якъ вышло на крутой
 берегъ двѣнадцатъ молодойцовъ, голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, ростъ
 у ростъ, лицо у лицо, по колѣни ноги у золоти, по запястьи руки у сереб-
 ри, уво лѣ сонца, у потылицы мѣсякъ, у макусы дробныя звѣзды сі-
 яють. Дѣнь каесть: вѣрно это мое сыночки! Тогда она выбѣгла: о, мало
 на свѣтѣ комедіанщиковъ! Кабъ яны заработали отъ своего крыльца да
 до нашего крыльца мостъ—золотая мосьничка да серебряная, золотая на-
 рѣджда да серебряная; золотой гвоздь, и серебряный; кромѣ того моста кабъ бу-
 ли окопы мокапаны; по етыхъ окнахъ кабъ были садовныя яблонки посажены,
 и по етыхъ яблонкахъ кабъ заморскіе коты басыни баяли, и разныя птицы пѣс-
 ни усыпѣвали, и кабъ у три часы яблонка зацвѣла и 'тцѣла, штобъ у
 три часы яблочко можно скушать!—Ай, мое дѣтки! идѣ жъ вамъ это
 здѣлать! Мало-што она замышляеть!—Нѣ, матушка, богослови!—Да Богъ
 насъ богословить, дѣтки! Отъ яны выходѣтъ сичасъ на кругъ берегъ.
 Якъ крикнули молодецкимъ голосомъ, свиснули богатырскимъ посьвинстомъ—
 являютца къ нимъ богатыри: што за работу прикажети! Да отъ: штобъ за
 эту ночь заработали мостъ, золотая мосьничка да серебряная, золотая на-
 рѣджда да серебряная, золотой гвоздь да серебряный; кромѣ того моста
 кабъ были окопы мокапаны; по етыхъ окнахъ кабъ были садовныя яб-
 лонки посажены, и по етыхъ яблонкахъ кабъ заморскіе коты басыни
 баяли и разныя птицы пѣснѣ усыпѣвали, и кабъ у три часы яблонка
 зацвѣла и 'тцѣла, штобъ у три часы яблочко можно скушать! Они якъ
 узнали, такъ ни то за ночь, а за три часы заработали етый мостъ отъ
 своего крыльца да до батѣкинаго крыльца. Тогда яны знаютъ тое время, якъ
 ихъ батѣна устанѣтъ, сѣкнулись голубчиками и полатѣли къ яму, сѣли
 на даху, на крылцы, и ожидаютъ, покажѣсь батѣка выйдѣтъ на крыльцо.
 Вышовъ батѣка на крыльцо, смотритъ—ажъ мостъ у самое у яго крыльцо!
 Вѣрно, говоритъ, это мое сыночки заработали мостъ! Выбѣгла тѣтенька и
 говоритъ: мало ѣсть на свѣтѣ озельцъ ковъ. Тобъ были твоѣ сыны, колибъ
 яны сичасъ стали перядъ тобою: двѣнадцатъ молодойцовъ, и голосъ у го-
 лосъ, волосъ у волосъ, ростъ у ростъ, лицо у лицо, по колѣни ноги
 у золоти, по запястьи руки у серебру, уво лѣ сонца, у потылицы мѣсякъ,
 у макусы дробныя звѣзды сіяють. Такъ яны тутъ вси двѣнадцатъ мо-
 лойцовъ перядъ нимъ на крылцы! Ни то бѣ спужався, ни то обрадо-
 вався,—упавъ на ноги. Яны яго поткапали подъ руки: батюшка нашъ
 говоритъ, родимый! не пужаебъ, говоритъ: мы ваши дѣти, вы нашъ отецъ
 родной! Обнялися, нуцувалися. Тогда узнали коня съ стайни вывели.
 Тѣтеньку тую привязали къ кресту и пустили у бѣлый свѣтъ дова

того! Конь тѣй поразпосаявъ косьти яе по полю. Идѣ во косьти валяюща по полю, его усѣ яе! А отца тоды узали съ собою и пувязьли у Вудай-городъ. Тяперь тамъ остались купчувать съ першою жаною. Живуть, купчуютъ. И я тамъ бывъ, чайкъ, во якъ у васъ, пивъ, и у Малатычи полавъ.

М. Малатычи.

21. Удамый молодець.

Нѣукасторомъ царствѣ, нѣукасторомъ государствѣ живѣ сабѣ царь таиѣ, И у яго бывъ сынъ. И у яго була служебка такая. И ина змалку плоха была. А тоды подросла, стала пригожа. Ёнъ и ѹлюбився у яе и ставъ сватать. Ну ина говорить: я сабѣ пойду за тѣбе, и будѣть у насъ три сына: одиѣ будѣть, говорить, уво лбѣ мѣсикъ, у потылицы зорка, а вторый уве лбѣ будѣть сонца, а у потылицы звѣзды, а третѣй ѹдалый молодець! Ну, яны ожанилися. Черязъ годъ родила ина сына перваго—уво лбѣ мѣсикъ. Ну ёнъ того не выдачъ, а позвавъ бабу, такую людѣйку. Ина хотѣла яе звестъ, а за яго свою дочку отдать. Дыкъ ина и дѣлыла яму зло. Узила того дитѣнка ды я у садъ занесла—бувъ тамъ садъ, што никто не ходивъ тамъ, не ѹздивъ, и були тамъ усѣнѣя разностьи. А на яго мѣсто покляла такого, простаго. Тоды ёнъ оглѣдився, нема жѣсика. Отъ жа, жаня: ты казала—родишъ мѣсикъ, ажны, говорить, протѣй,—неправильно! Ну, алитку, облѣгся: посмотримъ, што будѣть дальше, нехай ще родить.

Ну, потомъ, черязъ годъ родила ина зновъ сына, уво лбѣ сонца, у потылицы звѣзды. Тоды изновъ ёнъ позвавъ тую бабу, а ина занесла и того у садъ, а на мѣсто яго простаго положила. Потомъ ёнъ оглѣдився и говорить: вотъ, говорить, жаня: потомъ говорила такъ, а потомъ стыкъ! Ну, алитку поноровивъ—нехай третѣяго родить.

Потымъ того, черязъ годъ, третѣяго родила—у того ужу ничѣго на було—тѣй ѹдалый молодець бывъ. Тоды ёнъ рассердився, усадивъ у бочку ихъ, сына и жану, и пусьтивъ на мѣря. Такъ яны усплыли на большую глубину, такъ ёнъ говорить: матеръ, говорить: надо мнѣ распротѣтца! Ина говорить: нельзя! тутъ большая глубина, я тоды скажу табѣ, коли табѣ распротѣтца! Усплыли на стѣръ, (збой, судоходъ)—ну, говорить, сплочеъ, тутъ якъ хочешъ распротѣйся! Ёнъ распротѣлся, бочка и разорвалася! Усѣ чисто разломавъ, на дробныя часьти раздѣлавъ. Тоды ставъ ёнъ говорить: што, говорить, мамелька! якъ бы намъ огонѣкъ, говорить, раскласъть? Тоды ина говорить: и я, говорить, тамъ служила, дыкъ бывъ тамъ опѣйка такѣй, дыкъ гниѣцѣ уронивъ. А я, мѣвши хату, говорить, и найшла. Дыкъ яно у мяне у кишѣни! Возьми, можя и высачеши! Ну, ёнъ сѣкнувъ тое гниѣцо, выскакуеть дванѣцѣть молод-

цовъ.—Што, говорить, табѣ, удалый молодецъ, нужно?—А вотъ, говорить, мнѣ нужно: кабъ была мнѣ коплата—золотое бярно и сярбное, и кабъ було попятъ, поѣсь усяго, и кабъ мосты були къ берегамъ, мосьница золотая, мосьница сярбная! Ну, говорить, здѣлаемъ! Ну, сичастъ выстроили, бярно золотое, бярно сярбное, нагутували питенья-ѣденья, и мостъ провали къ берегамъ—мосьница золотая, мосьница сярбная. Потомъ, плывуть по морю корабейщики. Што это бѣ, што николи этого дома не видали нїдѣ? Поѣдемъ туды, ти не дадутъ по'бѣдаты. Прїѣзжають туды и спрашуютъ: што, дядюшка: ти неа у васъ чаго подѣсь?—Чаму? у мяне, говорить, што ўгодно ѣжти, питя! Яны сѣли за столъ, побѣдали. Ну, каеъ: заплатитъ жа надо!—Нѣ, мнѣ платы вашя не надо, только подвязитя мяне подъ царскій домъ!—Яны говорятъ: вѣ, дыкъ што тамъ подвезтъ,—ти ты тяжекъ? Узявъ, поѣхавъ зъ мни. Подѣхали туды. Приварили, говорить, корабъ къ берегу: мнѣ надо по суходоли пройтитъ! Яны подварили. Ёнъ злѣзъ, надѣвъ свою шапку—нявидимку и подышовъ подъ палатки, и слушаеъ, што будутъ говорить. Потому того прихѣдють корабейщики къ царю, царъ спрашуетъ: што, корабейщики, ти не нашли чаго-нибудь на мори—али дна, али бруча?—Нѣ, говорятъ: ничѣго не нашли, только видили сярѣдъ моря построенъ домъ, золотое бярно и сярбное, и два мосты, золотая мосьница, сярбная мосьница. Заѣхали, попили, поѣли. Коли бы ты яго увидѣвъ, дыкъ бы и самъ подивився бы, што за домъ таке! Ёнъ говорить: да, надо сѣзъидитъ посмотрѣть! А баба тая тутъ. А, кажеъ: ѣсь чаго поглядѣть, ти правда, ти я!—А вотъ ѣсь садъ, золотая яблѣна и сярбная, и ў томъ саду стоять сосна, и на той соснѣ котъ краснобай: згоры идѣтъ—пѣсьни пѣтъ, угорѣ идѣтъ—басьня баить! Дыкъ коли бѣ этого посмотрѣвъ! Ёнъ удалый молодецъ сичастъ пошовъ по суходоли у домъ. Матушка! дай гнивѣдъ, выстѣчь огоньку! Ива дала. Ёнъ сѣкнувъ, выскакуеъ дванатцать мѣлощцовъ.—што, говорить, удалый молодецъ, вамъ нужно?—А вотъ, говорить, ѣсь садъ, золотая яблѣна и сярбная, и ў томъ саду стоять сосна, и на той соснѣ котъ краснобай: згоры идѣтъ—пѣсьни пѣтъ, угорѣ идѣтъ—басьня баить! дыкъ мнѣ надо яго приставитъ сюда, къ мойму дому!—Ну, приставимъ! И приставили.

Тоды, ѣдутъ корабейщики. Опять попили, поѣли, и заплатитъ, говорить, надо хотъ разъ! Нѣ, говорить, не надо мнѣ ваша плата, подвязитя мяне къ дому къ царскому!—Во, чаму не подвезтъ, ти тяжело, ти што! Сѣли и поѣхали. Ну, привари, говорить, корабъ къ берегу, я пойду суходоломъ. Надѣвъ свою шапку—павидимку и слушаеъ. Царъ спрашуетъ: ну што, корабейщики: ти не слышали, говорить, ти не видили на мори али дна, али шпунда?—Нѣ, говорить, не нашли! А вотъ видили коло того

дому садъ, яблona золотая, яблona сребная. И у томъ саду стоить сосна, и на той соснѣ котъ-краснобай: угорю ѣдѣть—басыни бантъ, згоры идѣть—пѣсьни паятъ! Дыкъ коли бы ты увидивъ, дыкъ бы и самъ подивися!—Надо бъ было посмотрѣть! говорить. А баба тая говорить: э, ѡсчаго смотрѣть! Кабъ ты посмотрѣвъ у садъ, тамъ, говорить, свишня—золотая шарсьтинка, сребная—рыеть, и съ—пудъ яе пшавица сыплетца: дванатцать молайцовъ не успѣвають огребать!

Ѣнъ сичасъ домовъ. Матушка, дай гнивца огоньку высѣчь! Ина дала. Ѣнъ сѣканувъ,—выскакуеть дванатцать молайцовъ: што, удалый молодецъ, вамъ нужно? Ды вотъ у саду свишня, золотая шарсьтинка и сребная; ина рыеть, и съ—пудъ яе пшавица сыплетца: дванатцать молайцовъ не успѣвають огребать! Доставти мнѣ яе сюды къ дому! Яны узали, доставили.

Потымъ того, ѣдутъ опять корабельщики. Попили, поѣли, хочуть платить. Нѣ, каеть: мнѣ вашія платы не надо, а подвязати мене подъ царскій дворецъ! Подвязали яны яго подъ царскій дворецъ. Ѣнъ сучодоломъ поповъ, шапку нявѣдимку надѣвъ, пришовъ къ дому, ставъ подъ палаткой и слушаетъ ужю. Приходють корабельщики: ну што, ребята: ти не видали чого на мори, ти дна, ти клѣнки?—Нѣ, каеть: ничего не видали, а вотъ видали ли того дому садъ, у тымъ саду свишня—золотая шарсьтинка и сребная. Ина рыеть, а съ—пудъ яе пшавица сыплетца. Дванатцать молайцовъ не успѣвають огребать! Вотъ ба вамъ того поглядѣть. Да нужно, говорить сабѣ, посмотрѣтъ.—А тая баба говорить: а ужю якъ сабѣ хочешъ! Унѣ ѡс садъ, золотая яблona и сребная. У тымъ саду два молайцы: у одного во лбѣ мѣсичко, у потылицы зорки, а у другого во лбѣ сонца, а у потылицы звѣзды! Ну, царь ставъ собиратца, а удалый молодецъ сичасъ домовъ. Мамъ, дайтя гнивца! Ина дала. Ѣнъ сѣканувъ—выскакуеть дванатцать молайцовъ: Удамый молодецъ, што надо?—А вотъ, говорить: ѡс садъ, золотая яблona и сребная, и у тымъ саду моихъ два браты, надо ихъ, говорить, доставать сюд!—Доставимъ! И приставили.

Ну, царь тѣй прѣѣзжаетъ къ етому дому и низдѣветца, якій домъ! Потомъ того уходитъ Ѣнъ у домъ, ажъ ина сядѣтъ за столомъ, и сыны сядѣтъ за столомъ. Дыкъ Ѣнъ и заплакывъ. И ина заплакыла. А удалый молодецъ говорить: што, папенька, ти узнавъ своихъ сыновъ, моихъ братовъ? Это бабушка ихъ стрябила, а я ихъ сюды приставивъ! Ну, говорить: поѣдемъ назадъ, у мой домъ! Яны поѣхали. Ну што, говорить, етой бабы здѣлать. А што, говорить, здѣлать? выведи самага луччаго коня и привяжи яе къ хвосту и пусъ конь нагуляетца, а ина нехай навучаетца! (Изъ пѣсни).

Ну, такъ и здѣлали. И перѣѣхавъ тоды царь туды къ имъ жить. И а тамъ бывъ у ихъ.

Д. Колбы, любав. вол. мстислав. у. Огъ кр. Плагона Никитина, негр.

22. Три сестры.

Жыло у хызянина три паненки. Рась пошлi яны у роцу на вясну-лянья. А куролёвiчъ, лакей и кучаръ ходилъ тамъ по хазi. И дочули, што паненки утрѣхъ говоруть. Вѣльска говорить: «штобъ я зышла зы лакея, я пѣ уво дну ночь лядо высѣкла, у грудъ сыбрала, знала, скыпылила, зыпыкала, пшавы засѣла и ижжала; змылотила, змылола, пирохъ спекла. Уставъ бы друхъ, я пѣ ему пирохъ згытувала; уставъ бы ёвъ и зѣвъ!» А сяредыня говорить: «нѣ, сестрица! я на это ня бѣщаюся! А я, штопъ зыйшла за кучара, я пѣ у одну почъ лядо высѣкла, у грудъ сыбрала, ускыпылила, зыпыкала, сѣмя (ленъ) засѣла, выбрала, намочила, высышила, змяла и сирала, сыткала, выбялила и рубаху пошила. Уставъ бы друхъ и наѣвъ!» А третья сестра, самыя малыя, говорить: «а штопъ я зыйшла за куролевнча, я пѣ родила трохъ сыновъ: по локытъ у золыти, по колѣно у сѣрыбры, во лѣвы по зязьдѣ, у потылицы по мѣсицу!»

Скоро говоритца, а пяскуро дѣтца. Зыйшла большыя зы лакея, и справдила: уво дну ночь лядо высѣкла, зыпыкала пшавы, ижжала, змылотила, змолола, пирохъ спекла, — уставъ лакей и зѣвъ! А сяредыня зыйшла за кучара, и справдила: у волну ночь лядо высѣкла, лѣну зыпыкала, выбрала, намочила, высышила, змяла, сирала, выткала, выбялила, рубаху пошила. Уставъ друхъ и наѣвъ! Малыя зыйшла за куролевнча и забеременѣла. И надо иму, куролевичу, на прѣступъ итѣть. Пызававъ ёнъ бабыкъ и пясадивъ ли жаны, а самъ поѣхавъ. Жалко сестрамъ, што малыя зыйшла за куролевнча, и уподли яны бабыкъ. Бабыки спилися, заснули. А ина родила. Сѣстры узали, рябенка ейного отыбрали и за воблыки закинули, а яму отписали, куролевичу уже: што, вотъ: твоя жонка родила ни звѣра, ни пса, а простую палку! Тогда куролевичъ ямъ отписавъ: нехай жыуть ды мойго прѣзду!.. Сколько ёнъ уже тамъ пробывъ, только прѣбжжаеъ домой. И говорить жонки: што-штъ ты ямъ не справдила? Твое сѣстры сирацили, а ты нѣ? Ина яму отвѣчаеъ: ты самъ вивувать! Што шъ ты мѣ оставивъ илѣрныхъ бабыкъ! — Ну, што шъ дѣлать? говорить куролевичъ: нехай до другого разу!

Скоро кажетца, а пяскуро дѣтца. Опять куролевна забеременѣла. Потребували яго опять на прѣступъ. Ёнъ сыбравъ бабыкъ, уже не пѣяницѣ, а поѣхавъ. Тогда сѣстры узали, намѣшали у страву разныхъ крѣпкихъ спиритовъ, и налили спиритовъ у пярны и у подушки. Бабыки паѣлися, якъ ляглы, такъ и заснули. Якъ только куролевна родила, сѣстры опять рябенка отыбрали и за воблыку закинули. А куролевичу опять на прѣступъ отписали: што твоя жонка родила ни звѣра, ни пса,

а простую палку! Куролевичъ приѣзжаетъ къ приступу, и давая опять жонку дѣлать, што ина чѣ спрѣбляла. Ина ему кажетъ: ты самъ вынашивать! зачѣмъ дѣловъ сыбравъ къ себѣ бабынь, што такъ опять споняли..

Такъ было и у третей расы. Опять куролевна запискирѣла. И думаетъ: ну, теперь уже што Боже дасть, такъ и будетъ! Куролевичъ опять поѣхавъ на приступъ, а ей бабынь опять сыбравъ. Куролевна шъ на бабынь не надѣется а приотопвила сабѣ чысакъ (т. ч.). Якъ только пришло ей время родить, сѣстры споняли опять бабынь. Куролевна родила. Вотъ яны опять къ себѣ, опять хочуть отыбратъ ейного рѣбѣнка. Ну, куролевна ухватила чысакъ и отбѣлась отъ ихъ. Тоды яны отписали куролевичу: што твѣч жонка родила ни звѣря, ни пса, а простую палку! Ну, тоды уже куролевичъ рассѣрдѣвся и отписавъ: што хочеть, то зъ ёю дѣлайтя, капъ яё не было ды мойго прѣзда! Опять мый жонка не справляла!... Ну, посадили куролевну у бочку зъ рабѣнкимъ и пустили на воду.

Скольки яны тамъ плыли, ти много, ти мало—рабѣнкъ тѣй росъ-тѣтъ не по днѣмъ, а по чысамъ. Илышы морымъ, узыйшли явы нѣбикъ на вострывъ. Чуеть сынъ куролевны, што одну сторону бочки сонца пригрѣло, и ина скрипѣть стала. Ёвъ тоды прѣситца: мати, позволь мнѣ бочку распѣрѣть! Ина отвѣчаетъ: ты сабѣ, сынокъ, распирай, али гляди, капъ мы не утонѣли! Сынь тогды у одно дно упѣръ выгѣми, а у другоо гыловой, и распѣръ тую бочку. Бышли яны на островъ, сынь и говорить: мати, выпырни: изъ грудей мылыка и сняти три пирышкѣ! Куролевна выпыркнула мылыка изъ грудей и сняла три пирышкѣ. Узавъ сынь три пирышкѣ и пошовъ. Ишовъ ёвъ, ишовъ, и видѣтъ хату. Узыйшовъ ёвъ туды, видѣтъ,—у хати чысто прибрѣно; пысаротъ стоить столъ, бѣлый скатертю закрать. Ёвъ узавъ, пыложывъ пирошки на столъ, а самъ схуався и садѣтъ. Чуеть ёвъ, што приходють яго браты. Сѣли за столъ и стали ѣсъ пирышкѣ. Зѣбли пы пирышку и стали гыворить сѣмъ одному: мы отродѣся на купыли матчинного мылыка, а потъ пришлося! А другей говорить: гето шъ, братъ, табѣ одишь пирохъ, а гето мнѣ одишь; а третей янызвѣсно кому? А ёвъ тутъ и выхѣдѣтъ истинныхъ стыла: а вотъ и я ёсъ, вашъ третей братъ!

Ну, тогды яны уси умѣсьти отпавились зы маткый, узали её съ собой, и стали жить уси умѣсьти уже. А куролевичъ якъ приѣхавъ съ приступу, такъ и жанився на старшій куролевниный сѣстры. И живутъ своины дѣлымъ. И отпывлявъ куролевичъ кураблѣ за моря съ тыварыми. Ты кураблѣ часто приходили кылы того выстрывъ, идѣ жыла першыя жонка яго. Приѣзжаютъ кураблѣ нызатъ и доносятъ куролевичу, што яны даво видали: татъ, дѣ першы бывъ вострывъ, тамъ теперъ горытъ красивый, и ходють по горѣ три мыличы: звѣзда уво ябу, мѣснцъ

потилицы, по локыть у золыти, ны колѣно у сѣрибрі! Хочытца тутъ куролевичу ныглядѣть на гето диво, и говорить ѡнъ жонки: бабыньки мы! поѣдемъ мы, ныглядимъ, што тамъ такое за диво! А жонка ни хочыть: можа, твоѣ люди нягутъ! Кыли правда, што тамъ ныпичы живутъ такіе, дыкъ нехай яны—кыли вумны ды разумны—ныставіють дупъ, двѣнадцать суковъ, двѣнадцать звововъ,—нехай звонють, нехай рыззѣивныють! Тоды мы поѣдемъ на слухъ!

Прошло ти много, ти мало, чуеъ король, што звонють звонѣ ны вѣстрыни! И опяť зовеъ жонку: поѣдемъ, гетыго дива ныглядимъ! А йна говорить: што тамъ за диво, што звоны звонють? Нехай яны—кыли вумны ды разумны—нехай приставіють,—ѡсь тамъ такей выпѣръ-зубѣръ, ны горѹ идеть, лычанъ орѣть, зъ горы идеть, лычанъ мѣшаеъ, съ хвоста сѣмѣны пускаеъ, ныгани скородіть! Якъ приставіють, тоды поѣдемъ!.. Ну, поѣхыли зновъ курабли куролевскіе съ тыварымъ. Пришли вызать и доносють куролевичу, што видѣли на вѣстрыни и дупъ зъ двѣнадцатью суками, съ двѣнадцатью звынѣми—яны звонють,—рыззѣиваюють, и выпрѣ-зубрѣ, што на горѹ идеть—лычанъ орѣть, зъ горы идеть—лычанъ мѣшаеъ, съ хвоста сѣмѣны пускаеъ, ныгани скородіть!.. Куролевичъ опяť зовеъ жонку: бабынька, поѣдемъ! усѣ шъ тамъ ѡсь, што ты гыворила! Ина отказыеъ: што ты,—хочешъ, кыпъ мы утопияли? Кыли яны вумны ды разумны, нехай мость построкють отъ того тырыдца ды нашыго двырца! Тоды поѣдемъ!

Ти много, ти мало прошло—построили и мость отъ того тырыдца ды до ихныго двырца. Куролевичъ опяť зовеъ жонку: поѣдемъ, бабынька! А йна говорить: што ты? Узыйиметца вѣтеръ, собѣеъ мость водой, мы утопимся. Кыли яны вумны ды разумны, нехай ныставіють стѣны кыняныя, хвынари зылотые, свѣчи высковыя,—тоды мы поѣдемъ!.. Прошло тамъ сколько уремя,—ныставили и стѣны кыняныя, хвынари зылотые, свѣчи высковыя. Нечыго ужо бабы загадывать... Снырадилися и поѣхыли.

Приѣхыли у горытъ,—вуходить три ныпичы—уво лѣвъ ны звязѣтъ, у потылицы по мѣсницы, по локыть у золыти, ны колѣно у сѣрибры, и говорють: адрастуй, папѣнька! Ныадрасуваляси одынь съ одымъ. Потходить ихъ матка къ куролевичу: а што шъ, друхъ любезный, забывъ ны мене! Куролевичъ тоды ставъ жить съ перныи жонкыи, на вѣстрыни.

А другую жонку волѣвъ привязать одну ногѹ къ коньскому хвосту, а другую къ другому, и пусѣтивъ коніи у дворѣ. Прибѣгли кони у дворѣ и привязали только ны ногѣ.

Д. Обухово, сѣют. вол. витеб. у. Отъ кр. на Семена Федорова за пис. г. Попретискій.

23. Марья-Марьяна, Кипская Королева.

Такъ у нѣкоторымъ то царствѣ живѣ помѣщикъ. Буде у яго три дочары и одинъ сынъ. Ёнъ, помиравшы, сыну своему приказуа: «сынъ мой! Якѣи бѣ сваты ни прилучились, за перваго отдавай!» Помѣръ батька той. Яны вышли у садъ на прогуляння уся ўчатвырыхъ. Удругъ дощъ пошовъ. Яны подѣ сохраненіа у домъ кинулись. Тольки ускочили у комлаты, тутъ нязвѣстно хто откуль гувора: «Иванъ Ивановичъ! большую сѣстру отправляй, сураджай!» Ну, якъ у лановъ усѣ справно, дактъ яны одѣжу склали. Думали, выселяя будя, ажъо яно якъ ухватило, такъ нѣма вѣдома, дѣ й дѣлось што. Опять жа вышли на прогуляння у садъ уся, угронѣ уже. Удругъ зашумѣвъ дощъ. Яны ускочили у комлаты опять жа. Опять прыскакують: «Иванъ Ивановичъ! отдавай сярэдняю сѣструшку замужъ!» Ну, одѣжу склали. Опять схавили, нязвѣстно куды повязли,—стольки яны й бачили. Пошли яны уже съ трэтьей прохадживатца, съ послѣдній, у садъ тожа. Опять хиара нашла, дощъ пошовъ. Яны у комлаты ускакують, опять прыскачили нязвѣстно хто и што: «Иванъ Ивановичъ! отдавай сѣструшку послѣднюю замужъ!» Во й тую схавили и повязали нязвѣстно куды, што. Остався ёнъ одинъ. Стало яму скушно тожъ одному. Ёнъ осадлавъ лошадъ свою, узнявъ сабѣ мечъ и поѣхавъ Богъ вѣдая куды и што. Ъхавъ, ѣхавъ,—стоитъ домъ такій, што ‘цанить нязвозможно, и коло крыльца дубъ стоитъ на шѣсть кокотовъ. Ёнъ подѣхавъ, зъ лошади злѣвъ и пошовъ у той домъ; лошадъ привязавъ. Ухѣда у той домъ, ажъ яго меньшая сѣструшка тамъ, у томъ домѣ. Яна сильно узрадовалась: «ахъ, здрастуй, здрастуй, Иванушка, братицъ мой родный! Чуть ня чувать, слыхомъ ня слыхатъ—довялося намъ у глазы одинъ одного повидатъ! Да што будомъ дѣлать, гувора? Мой мужъ, Воронъ, каа, и сильный богатырь, дакъ я боюся, каа, если бѣ ёнъ тябе не страбивъ! Гдѣ ниѣ тябе прихоронить?» Ёнъ отвѣщаа: сѣструшка моя, табѣ видѣй: гдѣ хочашъ, тамъ яне й сховай! Яна сундукъ отомкнула, да яго у сундукъ. Приляталъ той Воронъ. Ускакую у комлату: «душанька, каа,—русть-кость нахня иѣштось!»—Ахъ, гувора, душанька: ты по свѣту лятавъ, можа русьти-костьи навюхались! Ёнъ отвѣщаа: моо, такъ! гувора. Спросивъ у яе поѣсть. Тогда яни давай спрашавать у яго: «ахъ, душанька, гувора: а што, коли бѣ прилучывся мой братъ, а твой шурьякъ,—наѣжли, гувора, ты бѣ яго страбивъ?» Отвѣщаа ёнъ, гувора: ахъ, дура ты: я жѣ ба васьма радъ бывъ ба етому! Отвѣщаа яна: ёнъ тутока, гувора.—Ой, тутока? Покажъ яго суды! Яна яго выпустила. Ёнъ тогда, по той радѣсьти, якъ узѣли пить да гулять—троя сутокъ. Тогда ёнъ отправаля-

етца оттуль, ёнъ яго ня пускаа. Настѣвъ на то, што ня давъ рады угомонить яго. «Отправляешься жъ ты, гувора, дакъ дай мнѣ прыжѣту!» Дакъ ёнъ шыйный платочакъ давъ яму прыжѣту. Распрощались яны,—ёнъ ■ поѣхавъ. Ъхавъ, ѣхавъ, прыажжая—опять жа домъ стоить,—крашшы того, а коло крыльца дубъ стоить, тожа на девять кокотовъ. Уходя ёнъ у той домъ, ажъ сярэдняя сестра яго тамъ, у томъ доми. «Здрастуй, здрастуй, гувора, Иванушка, братяцъ мой родный! Чуть ня чувать, слыхожъ ня слыхатъ—довялося намъ у вочы видѣцца! Да што будоужъ дѣлать: мой мужъ Соколъ, каа, и сильный богатырь,—если бъ ёнъ тебе не страбывъ? Куды бъ мнѣ тебе приховать?» —Табѣ видѣй, сѣструшка, ёнъ уже отвицца: куды хочашъ, туды и сковай! Яна узяла, сундукъ отожинула, да яго туды. Прилятаа Соколъ. Ускочывъ у коплату: «душанька, каа: штось русь-кость пахня!» А яна гувора: ты, душанька, по свѣту лятавъ, можа русьти-костьи нанюхався! Ёнъ гувора: а моо, душанька, такъ! Дала яна яму ѣсть. Тогда и почала спрашавать: «што, душанька, колибъ мой братъ, а твой шуръ-якъ, прылучывся къ намъ: няўже бъ ты яго страбывъ?» —Ахъ, дура, гувора, ты: да то жъ наша кровь! Я бъ васьма радъ бывъ ба!—«Ёнъ жа тутока,» гувора.—Покажъ, игдѣ? Яна выпусьтила яго. Яны тогда якъ сѣли пить, гулять, хуромыя мысли матъ—шэстыро сутокъ! Отправляетца опять ёнъ,—той ня пускаа. Ничѣго ня дали рады угомонить яго. Той гувора: дай жа ты мнѣ прыжѣту, оставъ отъ сябе! Ёнъ оставивъ поясъ для прыжѣты свой. Самъ поѣхавъ. Ъхавъ, ѣхавъ,—опять домъ,—прыажжалъ къ дому, крашчы того. Коло крыльца дубъ стоить на дванатцать кокотовъ. Ёнъ ускакуи у коплаты, ажъ большая сѣструшка яго тамъ, у томъ доми. Таа сильно стала здрастоватца зъ нимъ: «здрас-туй, Иванушка, братяцъ мой родный! Чужъ ня чувать, слыхожъ ня слыхатъ,—довялося намъ у вочы побачыцца! Тольки вотъ што, гувора, братка ты мой: мужъ мой Оролъ, сильный богатырь,—коли бъ ёнъ тебе не страбывъ. Игдѣ бъ мнѣ тебе приховать?» —А, сястрица, табѣ видѣй: игдѣ хочашъ, тамъ и прыхонай! Яна узяла, сундукъ отчынила и яго туды усидила. Прилятаа Оролъ: «штось, душанька, у насъ русь-кость пахня?» —А ты жъ, каа, по свѣту лятаашъ, русьти-костьи и нанюхався! —«И то, каа, правда!» Ну, побажавъ ѣсьти. Яна яго накормила ■ стала гуворыть: «а што, душанька, коли бъ къ намъ прылучывся мой братъ, а твой шуръякъ: няўже бъ ты яго страбывъ?» —Во, дура ты: тожъ кровь наша! Я ба васьма радъ бывъ ба!—«А ёнъ жа тутока?» —Гдѣ тутока? Яна отчынила сундукъ и яго выпусьтила. Якъ сѣли яны, по той радосьти, пить, гулять, хуромыя мысли матъ,—на девять-жо сутокъ. Тогда, ёнъ отправаляетца—ёнъ ня пускаа. Ну ня угомонили яго.

Ёнъ отправляетца, тогда тожа той приѣхъ зъ яго потребувавъ. Ёнъ тому застыжку кивавъ. Ъхавъ, ѡхавъ, ѡхавъ, ѡхавъ — налучивъ силу большую: сила большая отбита ляжыть, — трупу. Ёнъ спрашуетъ: ти нема тутъ, гувора, живого кого? Кто ето силу такую отбывъ, — сила такаа побита? Отвѣщавъ у трупи у томъ хтось-то: «ето, гувора, Марья-Марьяна, Кипская Королевна зъ зѣямъ Костеямъ ¹⁾ воявала, дакъ ето зѣя Костея столько сила отбила!» Ёнъ и дальшь поѣхавъ. Ъхавъ, ѡхавъ, ѡхавъ, ѡхавъ — опять сила отбитая ляжыть, ще большы того. Ёнъ спрашуетъ: ти ё тутъ кто живый? Кто ето силу такую отбывъ? Отвѣщаа яму у трупѣ у томъ хтось: «ето, гувора, Марья-Марьяна, Кипская Королевна зъ зѣямъ Костеямъ воявала, дакъ ето зѣя Костея столько сила отбила!» Ёнъ поѣхавъ дальшь. Проѣхавъ дальшь, тамъ ще большая часть силы отбиты ляжыть. Ёнъ спрашуетъ: ти ё тутъ кто живый? Кто етакую силу отбывъ? Отвѣщаа яму: «ето Марья — Марьяна, Кипская Королевна зъ зѣямъ Костеямъ воявала; ето зѣя Костея столько сила отбила!» Тогда ёнъ подъяжжаа къ дворцу уго (ужо), къ Марьяному къ тому. Ускакуа у дворець, прислугъ нѣту, а яна лягла на вотдыхъ, Марьяна. Ёнъ налучивъ на Марью Марьяну на сонную, — яна уморилася, лягла на вотдыхъ и мечъ потклала подъ — головы, — свой мечъ! Ёнъ махнувъ, хотѣвъ голову изнять своимъ мечамъ, посьли обдумався. Обдумався, посьли узавъ ли яё лёгъ, свой мечъ потклавъ подъ-головы. Протнулася яна съ своего сна, бача — ли яё ляжыть тожъ господинъ. Яна съ тыё досады хвипла свою мечъ, хотѣла голову яму знять. Посьли обдумались: «да, гувора: пѣужли бь ёнъ ни могъ голову зъ мене знять: ёнъ упародъ за мене прыдѣявився! Подожду, што за господинъ!» Отъ яна обождала, покуль ёнъ пропшувся отъ сна и стала спрашавать у яго имя — отѣчество. Стала спрашавать, — ёнъ расказавъ. Яна каа: «будышь ты мой мужъ, а я твоя жана, а ня токио — што зѣя Костея мене сватать, — да я ня жалаю за яго йтить!» Ну, столько яны тамъ пили, гуляли, сколько урэмъ проялобся. Тогда яна дала яму дозволенія, ключи отдала яму: «што можашъ усюды командовать, якъ я!» Указала яму усюды ходѣ, и ў саду, гувора. «Тольки у саду, гувора, — тамъ ё проклятое мѣсто. Дакъ у тое мѣсто, гувора, ня ходи!» Ёнъ усюдыхъ ходивъ, а посьли обдумався: што я, гувора, за ходяивъ, што тамъ за проклятое такое мѣсто, што миѣ нялга побачыть? Заходя ёнъ на тоя мѣсто, — тамъ зѣя Костей. Ёнъ окованъ сколькими-тамъ цанѣми къ слупу. Ёнъ якъ приходя туды, такъ ёнъ и ускрыкнувъ: «эхъ, гувора, Иванъ Ивановичъ, отомкни мене, гувора. Ты сабѣ нашовъ царство, а я табѣ придбаю ще

¹⁾ Кто спору отбирал, дакъ ёнъ тому поск и хлѣбъ и грошмы. Дакъ коли съ хлѣбомъ лѣтитъ, дакъ тольки шумить, а якъ зъ грошми, дакъ блискучый — блискучый..

тры такихъ царствы, коли ты мене ослобонишь!» Ёнъ яго отомкнувъ, послушавъ прозбы яго, отомкнувъ. Якъ отомкнувъ, дакъ ёнъ якъ потаплился, полятѣвъ, дакъ сѣйчасъ Марью Марьяну и сканивъ туу. Сканивъ и понёсъ яё, улятѣвъ зъ ёй у своё царство.

Стало яму досадно. Ёнъ на коня сѣвъ, узавъ мечъ и поѣхавъ опять разыскавать. Ъхавъ, ѣхавъ, и кольки ёнъ проѣхавъ,—такъ логовинка уродн рѣчачки, и на логовинки тамъ хатка стоить, такъ драхлая. А по той бокъ логовинки хороший дворъ. И тамъ сильный крыкъ у тымъ дворѣ. Ёнъ лошадь привязавъ ли хатки, и уходя у хатку туу спражда. Ажъ тамъ старуха ляжыть. Сама ляжыть на полу, с... на запячку, а ноги на пезцы. Тогда ёнъ спрашуя: здрастуй, бабушка!—Ждраштуй, ждраштуй, гувора, говубокъ мой!—Што тамъ, гувора, за крыкъ у дворѣ томъ. чаразъ рѣчачку, чаразъ ложокъ? Яна отвѣщаа: ето, гувора, мой сынъ, зѣй Костей Марью Марьяну сватаа, ну яна ня хоча ўсё йти за яго! Ну, да, гувора, пѣдд! А ёнъ уже спрашуя: якъ ба нѣ, бабушка, увознать, посмотритъ на яё,—нѣ трѣба, дѣло ё, гувора. Отвѣщаа яна яму: «такъ, мой говубокъ, тебе туды ня пустять, а повочуй ты, гувора, тутока: заўтра ураньни яна прыдя воды брать, дакъ ты зъ ёй поговоры! А сынокъ мой будя ще спать!» Ёнъ ето давалъ бярэгги. Прыбярэгъ. Тольки яна прышла воды брать—ёнъ къ ёй. Сѣйчасъ ухлпивъ яё на лошадь на свою—были такѣвы да й няма. Ъхали, ѣхали; а ёнъ проспався уже, зѣй той. Оглѣдився, што няма Маръи Марьяны,—ёнъ кйнався къ своей лошади, спрашуя: лошадь, гувора, моя! Иванъ Ивановичъ звѣзъ Марью Марьяну,—няўже мы, гувора, яё ня догонимъ? Лошадь гувора: прѣжде, калъ, ячненъ насѣячъ, да наварымъ зъ яго пиво, да пиво напѣмси, шѣсть разовъ скакнѣмъ и Ивана Ивановича догонимъ! Ну, тогда, яны ето здѣлали; якъ скакнули, сѣйчасъ яго и догнали,—Ивана Ивановича зъ Марьей Марьяной. Ёнъ якъ прискочывъ, большъ ня поўрадивъ ничѣго яму, тольки Марью Марьяну сканивъ отъ яго. И сказавъ яму: гляди жъ, Иванъ Ивановичъ,—отъ табѣ поршнѣй гостиниць! Ну й поѣхавъ зъ Марьей Марьяной. А Иванъ Ивановичъ опять застався одинъ. Ну, сколько ёнъ ни подосадовався, опять вярнувся, вазадъ поѣхавъ. Прыяжкаа опять нкъ той хатцы. Тамъ крыкъ тожа у тымъ дворѣ; а баба таа такъ и ляжыть, якъ и тогда. Спросивъ ёнъ у яё: здрастуй, бабушка!—Ждраштуй, ждраштуй! А ти ня той ты, што укравъ бывъ яё?—Да нѣ, гувора: я объ етымъ знать ня знаю. Да вотъ якъ ба нѣ, бабушка, побачытъ Марью Марьяну?—А яна, калъ, заўтра ураньни прыдя воды брать, дакъ ты тамъ убачышь яё! Ну, ёнъ ето уже и пилуя. Назаўтраго, тольки яна прышла за водой, а ёнъ за яё, сѣли на коня и поѣхали. Проспався той зѣй, оглѣдився, што яё няма,—

иде къ коню: што, гувора, конь мой? Звѣзъ опять Марью Марьяну. Ня-уже мы яѣ ня догонимъ? Конь гувора: насѣямъ прѣжде ячменѣ, да паварымъ пива зъ яго, да напѣѣмся.—девятъ разовъ скакнѣмъ и догонимъ яѣ! Ну, такъ и здѣлали. Якъ скаканули, такъ сѣйчасъ и догнали. (Схвипнѣвъ Марью Марьяну и кажа: глѣди жъ, Иванъ Ивановичъ, это табѣ другій гостиницъ! И поѣхавъ. Остався Иванъ Ивановичъ одинъ. Ну, остався одинъ, стало яму печально. Ёнъ опять вярнувъ. Присяжаа ёнъ туды, къ той хатцы, тамъ у двоѣ опять крыкъ. Ёнъ уходя у хатку, баба таа ляжыть, якъ ляжала. Ёнъ гувора: здрастуй, бабушка!—Ждраштуй, ждраштуй, мой голубецъ!—Што йто, бабушка, за крыкъ тамъ, у тымъ дворѣ?—А это, гувора, мой сынокъ, зяѣй Костей, сватайтца за Марью Марьяну, а яна за яго ити ня хоча. Да ничого, пойдѣ!—А якъ ба, бабука, мѣ зъ ёй побачытца, у мяне дѣло ё инъ ёй?—А ти ня той это ты, што кравъ яе?—А нѣ, бабука: я обѣ стымъ ничого ня знамъ! У мяне такъ дѣло къ ёй. —Ня знаю, голубецъ, гдѣ табѣ побачыть яѣ: хiba заутра прыдѣ воды брать уранни! Отъ ёнъ и шлува. Прышла яна на рѣчку, такъ ёнъ къ ёй. Сѣли на коня и поѣхали. Проснався той зяѣй, оглѣдився—няма Мары Марьяны. Ёнъ пѣкъ коню: а што, конь мой, гувора: ти догонимъ мы Ивана Ивановича, звѣзъ ёнъ опять Марью Марьяну? А чаму, каа, ня догонимъ: насѣямъ ячменѣ, паварымъ пива зъ яго, напѣѣмся, да двѣнадцатъ разовъ скачымъ, дакъ и догонимъ, гувора. Ну, яны такъ и здѣлали. Якъ скачли двѣнадцатъ разовъ, ёнъ яго и догнавъ. Тогда: вотъ табѣ, Иванъ Ивановичъ, тры гостиницы! Шархъ - голову яму знявъ!

Якъ знявъ голову, тогда по тыхъ знакахъ по яго, по прымѣтахъ потякла кровь, што ёнъ прымѣты оставлявъ. Тогда тѣя пурѣяки яго кинулися яго шукать. Зѣхалися ужѣсто уси и гуворати Ворону: ты на нось, гуворать, чутѣкъ, дакъ нюхай! Соколѣ сказали: ты лятать быстрой лятаешъ, дакъ лятай да шукай! А Орѣлъ сказава: а я, гувора, на глазы быстрой, дакъ буду прыглядѣтца ловчѣй!

Ну, тымъ часомъ, ня звѣстно который скорѣй знашовъ яго,—а тымъ часомъ сойшлися ужѣсто уси, якъ зналили. Отъ тогда яны, якъ найшли яго, и кинулися воды шукать, живушчыи и зростушчыя. Отъ яны прыдставили воды тыл. Зростушаа змазали яго, ёнъ и зросся, живущай пожазали—ёнъ отжывився. „Эхъ, гувора, братъя моѣ,—якъ жа я сильно заснувъ!“—Да, гувора: на вѣкъ ба заснувъ ты! Отправляйсѣ, кая, ты зъ нами, на жытѣ къ намъ! Ну ёнъ ня пожалѣвъ. „Нѣ, братцы, гувора: пойду опять!“ А лошадь яго невѣстно дѣ дѣлася,—ёнъ пѣшкомъ пошловъ.

Ишовъ, ишовъ опять колыки урѣяи, прышовъ опять къ той хатцы. У туу хатку уходя, опять таа баба ляжыть, на мѣсти тыки. А у тымъ дворѣ опять крыкъ вяликий—пирѣ большыи, свадьбу гуляють. Ёнъ спра-

пуя: бабушка, гувора, што йто тамъ за крыкъ, у тыхъ дворе, гувора. Яна отвѣща яму: ето, гувора, мой сынокъ, зыбѣ Костей, Марью Марьяну высватавъ, дакъ свадьбу гуляють! Ёнъ спрашуя: якъ ба мнѣ яѣ убачыть, гувора. Яна яму онять отвѣтила такжа: назаутри выйдя ураньни воды брыть! Яна якъ выпла назаутри воды братъ, убачыла яго, сильно узрадовалася. А красѣти няма на чомъ, боия няма, пѣшкомъ ня возьмешъ. Ёнъ давай просить ѣе: пожалуста, гувора, спроси ты у яго, игдѣ ёнъ лошадь доставъ такую лятунцаю? Яна отвѣща яму: „похознайся ты, каа, сутки, а заутра такимъ урэмжъ я зновъ выйдю водѣ братъ!“ Яна у яго и спрашуя: гдѣ вы, душанька, узали такую лошадь, сильно лятунцаю? Ёнъ зная, што Иванъ Ивановичъ убить уже, самъ ёнъ убивъ, ёнъ сѣло и расказавъ дѣ: „лошадь, гувора, такую трудно достать: у такомъ то царствѣи достата ета лошадь (нязвѣстно, у якожъ,—у такомъ то царствѣи). А ще, гувора, остався лошадь у той старухи: ёнъ, гувора, курдѣсывый, никто на яго не поглитца, ну ёнъ много лучшай за мойго лошадя. Ну тольки, гувора, трудно достать яго: тамъ, гувора, голѣвъ—и у тысячу не убярѣшь яго—понатѣркавано!“ Выпытала яна у яго, ёнъ ёй расказавъ, у якожъ царствѣи ето дѣствуетца. Выходя яна ураньни воды братъ, ёнъ якъ ёй изьятца сѣйчасъ жа. Яна яму сѣйчасъ гувѣра: нязможна, душанька, достать такого лошадя, дужа трудно! Ёнъ отвѣща: што Богъ дасть, гувора, душанька,—пойду! Попрощався и пошовъ.

Ишовъ, ишовъ, сколько урэмжъ пройшовъ, и сильно прохарчывся: поѣсть булѣ нѣчаго рапѣтцално. Увидявъ ёнъ на дѣравѣ гняздѣшко. Ёнъ полѣзъ: дай жа, гувора, достану,—хоть духовину провидѣ свою, поляджѣ. Узалазя ёнъ на той дѣравѣ, ажъ тамъ дятляныты. Тольки ёнъ хотѣвъ фѣтъ ихъ, отвѣща дятля: эхъ, гувора, Иванъ Ивановичъ,—ня тратъ, гувора, моихъ дѣтушакъ, буду я табѣ у вяликой прыгоди! Ёнъ пошовъ далѣй. Шовъ, шовъ,—коло дороги повизя медвянѣшокъ. Ёнъ подумавъ: ето тожа ядомла пѣтука, воть етымъ, гувора, и бѣ и покравився! Схаливъ того медвянѣшка. Удругъ являтца ядыѣдница: Иванъ Ивановичъ, ня трѣнь мойго дятѣнка! Буду я вамъ, гувора, у вяликой прыгоди! Ну, послухавъ ёнъ не; сильно фѣтъи хоча, послухавъ, пошовъ. Ишовъ, ишовъ, коло дороги вульикъ висѣти низко. Ёнъ самъ сабѣ обдумався: эхъ, узлѣзу, гувора, хоть смагу прогоню, мѣду достану! Узлѣжу туды, тольки хотѣвъ отчѣинить вулѣкъ,—отвѣща у вульѣи тѣмока: Иванъ Ивановичъ, гувора,—ня бѣждайта мяно, буду я вамъ у вяликой прыгоди! Послухавъ ёнъ, пошовъ. Якъ ити ужѣ да ити, духѣдя до самаго до туго двора, идѣ таа баба ужѣ. Возярѣ дужа широкое, а по той бокъ возяра таа баба. Ёнъ къ возяру прыходя—бача, ракъ сядѣть,—такъ изъ нѣбольшаю курѣбку. Ёнъ и схаливъ туго рака: отъ жа, гувора, покравлѣсь хоть ракомъ! Якъ схаливъ ёнъ туго

рака, дакъ ракъ и гувора: Иванъ Ивановичъ, ня бжъ мяне.—буду я табѣ у вяликой прыгоди! Ёнъ пустить яго, пошовъ опять повзъ возяро. Ба-ча—стоить щука, большая щука. Ёнъ сханить тую щуку, яна отвязчаа яму: Иванъ Ивановичъ, ня бжъ мяне, буду я табѣ у вяликой прыгоди! Послухавъ, пустить яѣ. Тогда яна ужъ яму отиѣтила: Иванъ Ивановичъ, садися жѣ на мяне, я тебе ужъ паравязу на той бокъ! Якъ паравязла яна на той бокъ яго, бача ёнъ, —по колью голову, дакъ страсть, чад-вѣяцкихъ, стырчыть! Ёнъ думая: хотъ такъ—пронавъ, хотъ такъ! Поиду! Пошовъ у тую, у дождь. Приходя къ старухи къ той, поздравствовалъ изъ ёй. Яна спрашуя: што жѣ скажашъ, гувора? Ёнъ ставъ ёй гуворыть: ба-бушка, гувора, —ти ли можно достать у вась лошады, гувора, хуронаго? Яна отвиѣтила яму: а вотъ, гувора, голубокъ, —можно. Тры дни пошѣсуй мнѣхъ лошадей: коли спасеши, гувора, —на выборъ сабѣ бери; а не спа-сеши, гувора, —головѣ останетца на коду, такъ, якъ стыя, гувора. Под-мѣвся ёнъ: спасу, гувора, бабушка! Яна яму дала вячэры хорошыя ужъ, подкормила путнѣ яго. Ёнъ параночавъ тамъ. Выправляя яна яго назатраго пѣсти дванатцать лошадей, ня кони кобылицы. Харчэй дала яму то-же достаточно на дѣнь. Сказала яму: ты за ими только иди услѣдъ, яны сами знають, дѣ трава хуронаа! Ну, яны прышли на траву хуроную и прылягли яѣ шлюво бѣсти. Ёнъ думая: во, што тутъ ихъ пѣсти? Яны якъ побитыя—на дныжъ мѣсти! Ёнъ до пождня якъ-ня-якъ змогася, а у по-дѣнь захотѣлося яму бѣсть. Ёнъ сѣлъ, подѣбѣвъ. А лошади ходять, якъ по-битыя. Ёнъ сажъ сабѣ думая: ахъ, дурни, гувора, ня упасли кѣнай! Якъ же можно? Подѣбѣвъ, лёгъ и заснувъ. Трохи засну, гувора, —яны будутъ ходить! Прошныетца ёнъ —лошади нѣту ня дной! Ёнъ тогда сильно за-плакавъ: вотъ тутъ, гувора, и моя голова останѣтца! Смотра ёнъ у лѣсъ, ажъ гонють дятлы лошадей стыхъ, добуть за вѣшы, за морду. Якъ пры-гнали къ яму, дятлы тия и разлѣтѣлись. Ёнъ по етому радъ ставъ: ну, кажа, тиверь спать ня буду! Ёнъ до вечера понасовавъ ихъ и пры-гнавъ домой. Ну, якъ выскочила тая баба, оглѣдила, што прыгнавъ, яна выскочила у стайню туды, да якъ узяла ихъ битъ: „вы шельмы, гу-вора, хочытѣ мойго сына паравѣсти!“ А то ня кобылы, а дочки яе, а ку-росильный—то сынъ. „Глядитѣ жѣ, гувора, коли заутра не утячѣтѣ, дакъ и ня приходьтѣ у дворъ!“ Вячэрать дала яму зновъ достаточно. Ёнъ по-вячэравъ, заночававъ. Назаутраго дала посидѣть яму, харчэй на дѣнь дала тоже яму и приказала яму: ступай, гувора, услѣдъ за ими, гдѣ бу-дутъ ходить, тамъ и няхай ходять! Яны отѣборылися ходить. И ходили подъ повдѣнь, ажно покуля ёнъ бѣсти захотѣвъ,—ходять на мѣсти. Якъ подѣбѣвъ ёнъ, и опять заснувъ. Прошнувся, няжа лошади ня дныѣ коло яго опять жа! Ёнъ заплакавъ сильно опять жа. Смотра ёнъ у лѣсъ, ажъ

путь мядвѣди етыхъ лошадей яго зъ лѣсу, такъ путь, ажъ страсть. Якъ прыгнали къ яку, сыйчасъ назадъ мядвѣди тья, а яны стали ходить ли яго опять жа. Понасѣвъ ёнъ до вечара, прыгнавъ ихъ опять жа благополучно. Яна ихъ у стабню загнала, опять узла бить. Отвянца: захотѣли вы, шальмы, мойго сына паравесить! Коли вы ужъ завтра не утѣчѣте отъ яго, дакъ штобъ я вѣсть и ня вѣдила самѣхъ! Дала тогда яму вѣчэрать. Ёнъ новѣчэравъ и лёгъ спать. Ну, назаутраго отпраився опять пасѣти. Приказуя яму: ступай за ими услѣдь, яны сами знають, гдѣ лѣсто. Яны ишли и отѣборились ходить на травѣ на хурушай. Тожа ёнъ до новдня пасѣ ихъ. Захотѣвъ вѣсть. Яны яму, вѣдомо, сонныя давали пиды: якъ только подѣвѣсть, дакъ такъ и зѣсныя заразъ. Проншувъ ёнъ, опять лошади ни водной нима. Заплакавъ ёнъ: „отъ тѣперъ, гувора, я пронавъ!“ Во слышавъ, якъ яна гуворыла ихъ это. Отъ ёнъ смотра, ажъ гонютъ пчолы етыхъ самыхъ лошадей. Яны жъ мыслють яё приказа, што усё равно имъ пропасти треба, дѣтъ яны мимо яго да прямо у раку у тую самую! П бросились у раку, пучками поспидѣвшись. Етый жа самый ракъ, котораго ёнъ хотѣвъ зѣвѣсти, ёнъ и крикнѣвъ: „раки, гувора: якаясь новая рыба явилася къ намъ, дакъ треба почистѣвать яё хурушо. Почастуй-тка!“ Кинулись яны, раки, къ имъ ужъ, якъ зачѣли ихъ резить, то имъ тамъ негди було дѣтца. Выскочили яны изъ воды и вынесли раковъ на сабѣ, усѣвая курѣчки по двѣ! Ёнъ, не зѣвнвши, за ими услѣдь! Тогда яны отѣборились зновъ коло яго. Раки тѣя ужъ ошнѣлились. Пригоняя увечару ёнъ домовъ ихъ опять. Ну, яна у стабню ихъ загнала, опять узла бить ихъ, — больки тѣя зѣчьтъ ихъ: „отъ тѣперъ, шальмы, гувора, убрали мойго сыночка, паравѣли мѣ!“ А къ яму явилася тогда, вѣчэрать дала: ну, новѣчэрай, гувора, мой голубѣ! Благодарю табѣ, што спасъ моихъ лошадей! Заутрашній день, гувора, явлѣйся, выбирай сабѣ лошадя на выборы! Ёнъ явлѣстца назаутраго, такъ яна у радѣ поставила ихъ усѣхъ дванатцѣ, а той курѣсливый отдѣльно стоить жарабѣнокъ. Яна гувора: выбирай между дванатцѣ, якую хочанъ лошадъ биры! Ёнъ гувора: бабушка, гувора: якъ я могу за тры дни тѣбую, кан, лошадъ узять? Довѣлянъ я буду утѣ — зѣтѣмъ корѣсливянѣкѣмъ за мою услугу! Яна гувора: што это, гувора, только на стражъ табѣ узять? Тѣмъ яны колыки ни жалѣла, ёнъ отвѣтѣвъ, што я, гувора, улюбѣлся у етого, етого жалаю узять! Яна отдала яго: „забирай, гувора, яго! Я свойму слову, гувора — свято мой слово, ня нарушимо!“ Ёнъ замуздавъ яго; тогда ёнъ яму сказавъ: ну, гувора, любезный мой ходяинъ, спасибо, што вызволивъ мяне отсюдъ! Поѣдомъ тѣперъ къ большау братцу мойму! Тогда якъ сколотнувся, курѣста таа объѣхала уся на имъ. Ну, здѣлався ёнъ лошадью такой, што страшно смотрѣть на яго. Ёнъ сѣвъ на яго и поѣхавъ.

Приѣхали туды якъ змѣю къ Костею тому,—къ Марьи къ Марьяни. Цотъ сохраненія поставивъ яго, а самъ ставъ бярегти яё. Марья Марьяна опять жа приходя воды брати. Отъ яна якъ прышла воды брати, дакъ ёнъ сѣйчасъ за яё. Усхватилися на туу лошадь, и былъ такёвы, да й няма,—и задули! Змѣй обноровивъ: што няма хозяйки? Ёнъ догадався, што украдяпа,—кинався ёнъ къ лошади къ своей. Што, лошадь моя, гувора: Марья Марьяна ужъ увезяна моя, ти могомъ мы догнать? Отвящай лошадь таа: трудно, гувора, догнать! Только тыжъ, моо, догонимъ, што яны удвохъ будуть фхать на нямъ! Сѣйчасъ усхватився ёнъ и шархнули у погонъ за ими,—змѣй той на своей лошади. И стали ихъ нагонять. Тогда етый большыи братъ поуминъ, лошадь етай змѣявъ: якъ жа я, гувора, буду нявѣрной криви служить повѣки,—дакъ луччай, гувора, хрыстіянской кривіи послужу! Тогда отвящай: ходимъ, гувора: трѣба узнятца намъ повышай, тогда быстрой будемъ лѣтѣть! И поднявся такъ високо, подъ нябеса пошти. Тогда якъ вихнувся, самъ до горы ногами паравярнувся.—а змѣй той якъ обрванся зъ яго, якъ ударився объ зямлю, дакъ и здѣлався на маслѣнку. А ёнъ тогда догнавъ ихъ. И остановились, и поѣхали: Марья-Марьяна на туу лошадь сѣла, а Иванъ Ивановичъ на свою-тыки. И остановились яны у Марьи-Марьяны имущаствыи жыть, и тицерь живутъ. И я у ихъ тамъ бывъ, яёдь—вино пивъ, гостыняся у ихъ. И отъ только учора отиравився отъ ихъ.

Д. Иванюка, телешев, вол. юм. у. Отъ кр. Килины Петрова, 45 л. неграмотнаго. Сказка заучена имъ на родинѣ.

24. Прекрасная дѣвица Алена.

Жывъ сабѣ царь. Имѣвъ ёнъ сабѣ пятеро дѣтей. Первый сынъ родився, називѣство дѣ дѣвса, а четвѣро жившихъ оставшыся,—три сѣстры, братъ одинъ. Потому померли царица и услѣдъ царь. Да. И гусударъ приказавъ своему сыну, етому младшаму и сказавъ яму: што смотри, мой сынъ, я помру,—смотри, мой сынъ, за своими сѣстрами, и якъ будуть свататца, дакъ гляди ня выбирай, за перваго отдавай,—хтобъ ни пришовъ, да! ёнъ говори. Ну, померъ царь, остались дѣти одны. Дойшовъ ёнъ своихъ лѣтъ, справивъ ёнъ сабѣ ружайцѣ. И ёнъ захвотився на 'хвоту пройти. Проишовъ нямого отъ дому, вярсты въ двѣ, сѣстракая старичка. Ёнъ здрастуецца зъ имъ, съ старичкомъ: „здрастуй, гувора, старичокъ!“—Здрастуй, гувора, молоденяцъ—царскій сынъ! Ёнъ спрашавая, старичокъ: „куды ты идѣшь, царскій сынъ?“—А йду на 'хвоту! А ты куды идѣшь, старичокъ?“—А йду къ табѣ у сваты къ большай сѣстрѣ

Воротимось назадъ, горелку нить!*—Да, отецъ мнѣ приказавать, штобъ я ня 'тказавать. Пойдоть, каа, назадъ! Ну, яны воротились назадъ домъ, ажъ няма большой сестры,—няма дѣ дѣлась. Яны туды-суды, гукать яё, шукать по двору тамъ, по саду, ну нидѣ ня знайшли.—няма вѣдома, дѣ дѣлась. Остались яны утрѣхъ жыть. Прожыли яны годъ. Ёнъ опять пошовъ на 'хвоту. И оныя нямого пройшовъ, оныя сустракая старика. Пѣтому ёнъ спрашавая, старичокъ: „буды ідешь, молоденяцъ—царскій сынъ?“—На 'хвоту, а ты куды, дѣдушка?— „Я іду у сваты къ твоей сирѣдній сестрѣ. Воротимось назадъ домы, горелку нить!“—Воротимось! Однакъ мнѣ батька приказавъ ня 'тказавать. У мяне ще засталось дѣ! Ну, приходжуць яны у домъ,—нѣту той сирѣдній сестры. „Дѣ яна?“—А ня вѣдоу! Ну, шукали яе, лугали—и ня знайшли. Остались яны удвохъ жыть. Ну, й оныя яны прожыли годъ послѣ того. И злучилось яму оныя жыть на 'хвоту. Няного ёнъ пройшовъ, оныя вяреты двѣ, и оныя сустракаецца съ старикомъ. „Здрастуй, говора, дѣдушка!“—Здрастуй, здрастуй, молоденяцъ—царскій сынъ! Куды ідешь?— „На охвоту! А ты куды, дѣдушка?“—Я іду у сваты къ твоей меньшей сестрѣ!“— „Ахъ, дѣдушка-голубчыкъ, у мяне жъ только одна осталась. Ну, а только по батьковому вялѣнью, дакъ я ня могу отказать! Воротились яны у домъ—няма нікого. Ёнъ шукать, гукать яё у доми, по саду—няма! Ёнъ плакаць, плакаць, и остався одинъ, ужъ. Да, ёнъ тожа такъ сабѣ обдумався: пошли моѣ сѣстры такъ замужъ, пойду и я такъ у сваты: кого ни суструну, возьму,—ти жыдовку, ти цыганку, кого суструну. Вотъ ёнъ собрався и пошовъ.

Ишовъ, ишовъ, бача ёнъ—іде жэніщина зъ молоденцомъ малымъ шѣ, шѣ только три нядѣли, якъ народився на етый свѣтъ. Ёнъ приближаецца къ ёй бліжы. „Здрастуй табѣ, бабка!“—Здрастуй, молоденяцъ—царскій сынъ!“— „Што жъ ты, говора: удові, ти замужняя?“ Яна яму отвѣщаа: я удова!“— „Ну, коли ты удова, дакъ ты будяшъ моя жава!“ А молоденяцъ на рукахъ говора: нѣ, говора, молоденяцъ—царскій сынъ,—ня будя моя матушка твоя жана. Твоя жана за трижды-девять зязель, на десятижъ царствы, у бѣлой вѣляіны, у бѣломъ патры, пріюкрасная дзявца Алѣна. Тѣ твоя жана, а моя матушка ня будя твоя жана! А ёнъ отказуи: якъ жа менѣ туды доступицца? А ёнъ отвѣщаа: іди ногами, глядз вочама, такъ и дойдешъ! Вярнуць ёнъ у свой домъ, собрався ужъ получчы, набравъ грѣшай съ собою и пошовъ. Ишовъ, ишовъ ёнъ, двоя сутокъ. На трэть-тін сутки убачыць ёнъ дохъ хоропый, пріюкрасный. И захотѣлось яму зайти у етый домъ. Заходжу ёнъ у домъ, ажъ тамъ напѣтъ положокъ посяродъ двора. Ёнъ приходя къ етому положку и смѣтра,—што ето такое дѣлаецца? Ажъ тамъ спить чаловѣкъ. Ёнъ знявъ съ плечъ шаблю

да хотѣвъ яго зарубить. А тогда поглядѣвъ на яго, а у яго видъ такий, якъ у яго: волосъ у волосъ, голосъ у голосъ, лицо у лицо; чаботы якъ одно, и ружьи якъ одно, и шаблн якъ одна, и шапки усе одно якъ одна. Ёнъ тогда яго обкалѣвъ и подумавъ, што и ёнъ такий горѣтникъ, якъ и я. И ня зарубилъ яго. Лѣтъ коля яго и заснувъ. Ёнъ заснувъ, а теразъ повчася той пропнувся. Пропнуваецца той, и хотѣвъ яго зарубить. А послѣ обдумався: да, штожъ? и ёнъ на мяне пайшовъ на соннаго и могъ мяне зарубить, а не зарубить, не чапавъ. И я яго ня буду чапавъ. Няхай ёнъ пропнуецца, тогда мы побачымъ, што ёнъ за чловѣкъ. И ёнъ такий горѣтникъ, якъ я! И пошовъ у дождъ. Пропнувся царскій сынъ, ажъ выходя и той изъ дому. Ну, ёнъ яго спрашуя: „ахъ, братъ ты мой голубчикъ, якъ табе Богъ суды занёсъ?“ — А вотъ по такому и такому злучаю! — „Ну, добро; ходи жъ, мы съ тобой поплѣмъ, погуляемъ!“ Сѣли яны пить, гулять, двоя сутокъ гуляли. И признали одинъ одного. На третѣія сутки большій братъ говора: ну, говори, братъ, фдъ ты сабѣ въ Богомъ, а мнѣ трѣба воявать, на войну фхавъ! А ёнъ яму отвѣстивъ: ахъ братъ, отдыхни трохи, — давай, я за табе пофду! А ёнъ говора: коли ласку, братъ, мѣнешъ, фдъ сабѣ! Да, Ёнъ тогда яму сказавъ: гляди жъ братъ, усихъ будишь битъ, усихъ воявать, и только одинъ буди у бѣломъ платѣти, того говора, ня трогай! Да, Вотъ ёнъ и пофхавъ. Уфхавъ у воську и почавъ косить: по правый бокъ якъ мякина, а по лѣвый — якъ солома. Добрався до того; хотѣвъ битъ, а послѣ обдумався: ахъ, братъ мнѣ говоривъ, штобъ я яго ня трогавъ! Узавъ повернувъ, пофхавъ якъ брату. Пріяжжа ёнъ къ брату, сѣли яны пить, гулять. Спрашуя той: а што, братъ, отвоявася? — Отвоявася! — „А того жъ не чапавъ?“ — Нѣ, братъ, не чапавъ! — „Ну, й, говори, молодчина!“ Двоя сутокъ пили, гуляли, добрыя мысли яли. На третѣія большій братъ говора: иди, братъ! Мнѣ опять трѣба ити на войну! Да, Ёнъ опять яму говора: ахъ, братъ, отдыши ты, — давай я ще разъ зѣбжу за тебе! А ёнъ говора: коли охоту маешъ, фдъ сабѣ! Вотъ ёнъ и пофхавъ. И ёнъ яму приказавъ: гляди жъ, братъ, усихъ би, усихъ воявъ, только одинъ буди у зялёнымъ платѣти, то того не чапай! Вотъ ёнъ и пофхавъ. Пріяжжа ёнъ у воську и почавъ косить: по правый бокъ якъ солома лятить, а по лѣвый — якъ мякина. И до тыхъ поръ косивъ, покуль добрався до етаго мальчика у зялёнымъ платѣти. Ёнъ добрався до яго и обдумався: ахъ, братъ мнѣ сказавъ, штобъ я не чапавъ яго! Узавъ оставивъ и воротился назадъ къ брату. Яны опять сѣли пить, гулять. И той спрашуя: „ну што, братъ, отвоявася?“ — Отвоявася! — „А, того не чапавъ?“ — Нѣ, не чапавъ! — „Ну й молодчина, што не чапавъ!“ Ну, яны сѣли пить, гулять; двоя сутокъ пили, гуляли, добрыя мысли мали, а на третѣія сутки большій братъ говора:

иди ты, братъ. сабѣ ужэ зъ Богомъ, а мнѣ трэба у ваську!—Ахъ, братъ, —дай я зьѣжжу за тябе у трэтьтій разъ: усѣ равно, у мяне часть ё— а ты отдыхай!—Ну, ёдъ сабѣ, братъ. коли охвоту маешъ, тольки усихъ би, усихъ воюй, а одиятъ будя у краснымъ платъти, того не чапй! Дакъ ёнъ и поѣхавъ. Уѣхавъ у ваську и почавъ косить, направо якъ солома, налѣво якъ мякина лятить. Усихъ побивъ, покосивъ, добравъ до того, й того зарубивъ,—духа, бачъ, рассерчавъ. Ёнъ воротитца назадъ, сѣли пить, гулять. „Ну што жъ, братъ, отвяавсь?“—Отвяавсь!—„А того жъ не чапавъ?“—Нѣ, братъ, зарубивъ!—„Ахъ, братъ, говора: што ты яго зарубивъ? хто жъ намъ за яго отвѣтъ?“—Што жъ, хто отвѣтъ: я зарубивъ, я й отвѣчу!—„Ну, говора. Богъ съ тобой!“ Сѣли ето яны пить, гулять, двоя сутокъ понилю, погуляли, добрыя мысли пожали, а на трэтьтій говора: иди ты, братъ, а мнѣ изновъ надо у ваську! Ну, той поѣхавъ, а ёнъ сабѣ пошовъ, своей дорогой, куды Богъ давъ. Ну, ёнъ и пошовъ.

Ишовъ ёнъ сутокъ двоя, а на трэтьтій сутки обночывся. И уставъ пораньшы, и убачывъ ёнъ хороншый, прекрасный дождъ. Заходжуя ёнъ у етый дождъ,—у етымъ доми сидѣтъ главный итакиинъ царъ, што надъ усіми иташками. Ёнъ уходяжуя у етый дождъ и говора: здрастуй, иташкинъ царъ!—Здрастуй, здрастуй, молоденяцъ, царскій сынъ! Куды Богъ вясё? Ёнъ яго отвяцяя: ахъ, говора, вы такія проходжалыя люди, усюды бывали, усѣ видали,—ти ня видѣли, дѣ живѣ за трижды—девять зямель у тридесятюмъ царствыи, у бѣлой Вѣляини, у бѣлымъ шатры, сидѣтъ дѣвушка, прекрасная Алена? Ну ёнъ говора: ахъ, братъ ты мой: я першый разъ отъ тябе слышу. Ужэ я прохаджамъ и прояжжамъ, ну етаго ня слыхавъ! А пѣтомъ, обгодѣ, братъ, трошки! Выходжуя на крылцо, да крикнувъ и свиснувъ—собираецца къ яму усѣ итаство. Яны ўсі собираютца къ яму: охъ, царъ нашъ, зачымъ ты насъ требуешъ?—Ахъ, итаство, вы усюды летаея, можа вы гдѣ видали, ти слыхали, гдѣ живѣ за трижды—девять зямель у тридесятюмъ царствыи, у бѣлой Вѣляини, у бѣлымъ шатры сидѣтъ прекрасная дѣвушка Алена? Ну яны говора: мы ужэ пролѣтали далёко, увесь бѣлый свѣтъ, а тольки отъ васъ перво чуямъ. Ня видяли нигдѣ, говора, Да. И ёнъ отвяцяя яму: иди, братъ, сабѣ зъ Богомъ, коли найдяшъ! Яны попрощались, ёнъ и пошовъ сабѣ своей дорогой. Ишовъ сутки, ишовъ другія, на трэтьтій бача—стоить дождъ, прекрасный, хороншый. Ёнъ заходѣтъ у етый дождъ, ажны у етымъ доми сидѣтъ звѣрный царъ. Ёнъ и спрашуя: объ чомъ, братяцъ, пришовъ?—Да такъ зайшовъ. Тольки вы ня прогнѣвайтесь, объ чымъ я васъ буду спрашавать?—А ну, братъ, отвяцяй! Ёнъ говора: вы тыки такія люди, што усюды ходитя, бѣгаея, ти ня чули вы, ти не бачыли гдѣ, на трижды—девятой зямлѣ, у десятюмъ царствыи, у бѣлой Вѣляини, у бѣломъ шатры

сидѣть пріукрасная дѣвушка Алѣна? Ёнѣ и говора: ну, братъ, говора, я отъ тебе первый разъ это слышу: я ужъ пробѣгавъ увесь свѣтъ, а только нигдѣ ня чувъ, ня бачывъ. А протчымъ, обгоди трошки! Выходжуя ёнѣ на крылцо, свисня да крикня,—збѣгаѣтца усѣ звяръѣ къ яму: собаки, вовкѣ, медвядѣ, и лёвы, и лисы, и усѣ. Яны говораѣ яму: объ чомъ насъ, царъ, трѣбуяшъ?—Ахъ вы звѣри бѣгомыя, ти ня чули, ти ня бачили, што на трижды—девять зямель, у десятожъ царствѣи, у бѣлой Бѣляни, ё пріукрасная дѣвица Алѣна?—Нѣ, говораѣ: первый разъ отъ насъ чухеъ. Ужъ мы усюды бѣгасеъ, а ня бачили и ня чули нигдѣ! А потома, говораѣ, ё у насъ старая мядвѣдица, семь лѣтъ на 'дножъ боку ляжытъ, тая можа ти ня знаа, туу спросить! Ёнѣ и крикнавъ и свиснавъ! Подымаѣтца яна на ноги, бягить къ яму, ажъ косьти бражчѣтъ. Яна яму отвящаа: ахъ царъ, на што ты мяне трѣбуешъ, потривожишь мою старость?—Ну, старушка, низвини, слухай, што я тебе буду спрашавать!—Нутя, спрашуйтя у мяне!—Ты тыки старая жѣнщина, у молодѣсьти много пробѣгала, яного бачила,—ти ни знаеши ты, гдѣ на трижды—девять зямель, у десятожъ царствѣи, у бѣлой Бѣляни, у бѣломъ шатры, ё пріукрасная дѣвица Алѣна? А яна отвящаа: я, говора, зъ молодѣсьти пробѣгала часто тудой, я говора, знаю, гдѣ яна жыве! Да. Ёнѣ ёй отвящаа: види, говора, старушка, у (во) етаго чаловѣка туды! Только табѣ у прикази: штобъ усѣ було благополушно! А яна отказуя: ня бойтесъ, будя усѣ сохранио! Да. Пошли яны ободны. И не доходячы такъ вѣрстѣ пяти ти шасты, яна говора: а што, говора, Иванька,—видишь ты тяперъ яго?—Нѣ, говора, ня вижу, цѣ хорошо не замѣчу! Яны попли по близяности. Прошли янѣ вярсты три, яна онятъ показуя: ну што, Иванька, бачишь тяперъ?—Тяперъ, говора, бачу!—Ну, коли бачишь, дабъ иди сабѣ! А сама воротилася назадъ яна. Вотъ ёнѣ и пошовъ.

Уходжуя къ ёй, у ёй балаганъ.—Здрастуй, говора, дѣвушка, пракрасная Алѣна!—Здрастуй, здрастуй, мальчышачка—царскѣй сынъ! Я знаю, зачымъ ты пришовъ: хочашъ мяне за жану узять. Хорошъ-прыгожъ мальчышачка, ну только это ня прѣдетца: зачыжъ ты мойго брата зарубивъ? Ёнѣ ёй отвящаа: ахъ, говора: виновать, да не проклѣтъ! Я зарубивъ, я ёй отвѣчу! Яна яму отвящаа: стой жа, говора, тяперъ! Только што менѣ тебе жалко, а то бѣ ты отвѣтивъ ба и пролавъ. На жъ табѣ пару прѣстухъ ножовъ, ш стрѣняшъ ты бабку старанькую, малѣнькую, изъ зялѣзной тростиночкѣй. И ты, говора, будяшъ изъ ёй стракѣтца, и ты скажашъ: здрастуй, бабка, моя голубка! Тяперъ яна яму сказала: якъ ты скажашъ: здрастуй! яна табѣ скажа: здрастуй, здрастуй, скурвый сынъ на што ты мойго сына зарубивъ? А ты ёй скажи: ахъ, бабка моя голубка, прости мнѣ! Яна скажа: прошу, только поклонися у ноги! Дакъ

гляди, говора.—будяшь ты кланятца ёй, дакъ, говора, низко не кланяйся, а то яна тябе тростиной якъ покня, дакъ и убьёт. А ты ня дужа согни-найся, дахвати яё етыми ножами подъ пахи, дакъ яна и скинётся!.. Ну, ёнь пошовъ. Ишовъ, ишовъ, сустракается баба изъ зылёзной тростиноч-кой. „Здрастуй, каа, бабка, моя голубка!“—А здорово, здорово, скурвый сынь! Это ты мойго сына зарубивъ?—„Ахъ, бабка, моя голубка, прости мнѣ!“—Ну, говора, поклоняйся у ноги, дакъ прощу! Ёнь только шибет-помъ ставъ кланятца, да ѿхватить яё ножами етыми. Яна такъ и ски-нётся на ножахъ. Ёнь яё бросивъ и воротився назадъ. Приходя ёнь уз-новъ къ етой. „Ну што, говора, запоровъ?“—Запоровъ!—„Ну вотъ, го-вора, тяперика будошь съ тобой жанятца!“ Ну, яны, дождавшись скра-сенья, и пожанилися. И покыли яны два дни. Яна яму даётъ ключи: иди, говора, мой милый, полюбуйся по монямъ жытцеству, по саду, по винограду. Только усюдахъ ходи, усюдахъ любуйся, только тамъ буди стоять хатка, лычкомъ завязана, г—яъ замазана, дакъ у тую не гляди. А то усюдахъ сабѣ любуйся ходи!“ Ну, ёнь и пошовъ,—любовався у етомъ саду. Дойшовъ до етой хатки, и узлы яго тикавости: „якъ это можа быть? Я уже тя-перъ ходивъ и кабъ я не глядѣвъ у ету хатку!“ Ну узывъ, ето г—о обтѣръ, лычко развязавъ и глядѣть. Ажъ такъ змѣй кинуть у котѣ. Ёнь тогда говора: „здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ, царевичъ!“—Здрастуй, здрастуй, змѣй! Зачиъ ты суды понавъ?—„Ахъ, братъ ты мой, ратуй ты мяне отсюль: дарюю табѣ три смерти!“ Ну, ёнь подумавъ, подумавъ: во, три смерти дарю,—ето я довго буду жыть! Отратую яго! „Якъ жа мнѣ тябе отсюль ратовать?“ А ёнь говора: подай мнѣ, братъ, ведро горѣлки и торбу сухаровъ,—троба мнѣ покранитца! Ёнь яму подавъ ведро горѣлки и торбу сухаровъ. Ёнь выливъ, закусивъ, тогда говора: ходи, братъ, ко мнѣ суды, подай мнѣ рукъ! Ёнь подходя къ яму, подавъ яму рукъ,—ажъ ёнь такъ и выскачывъ, и полятѣвъ! Покуль ёнь зачывивъ ето двери, г—яъ замазавъ, лычкомъ завязавъ, приходи у докъ,—ажно ужэ няма жонки: змѣй ухвативъ и понёсъ у своѣ царство. А ёнь да спрѣжда хотѣвъ яё узять, дакъ яё мятка была силѣй за яго, дытъ яна и усадила яго у ето пекло. Ёнь поплакавъ, поплакавъ, собрався и пошовъ зновъ у свѣтъ бѣлый, шукать яё. Вотъ и пошовъ.

Ишовъ ёнь сутки, яшовъ другія, а на третїя сутки убачывъ ёнь зылённый домъ зъ зылёзной крышой, прекрасный, хороший! Ёнь заходя у етѣй домъ, ажъ тамъ яго сестра бѣлая сидѣть. Ушовъ ёнь, яны одинъ на 'днаго зирнули—и заплакали обѣдвы: ахъ, братъ! Дававъ табѣ Богъ щастя, да ня ужѣвъ ты яго плановать, што не соблювъ ты, што яна табѣ приказала! Ёнь говора: ну што жъ, сестра: гѣра, да нечагодѣлать! Трѣба йтить шукать яё!—Да, говора: знайдешъ, да ня возьмѣшь: ёнь,

говора, убь! тебе, заколота!—Ну, што, говора, сестра, дѣлать: убь! дакъ я ёй ня буду рунитца тогда, а яна мя!.. Яна яго садить, напирѣрь, угощенія дѣлать: напоила, накормила. Ёнъ ето собираетца итти: прощай, сестра! А яна говора: „ахъ, братка мой любый, хоть ба ты щѣ трошки у мяне погостювавъ, да я боюся, што мой мужыкъ тебе убь! Мой мужыкъ—Громъ!“—А я, сестра, пойду ужѣ!— „Нѣ, братъ, стой: я тебе сховаю!“ Узяла и сховала яго подѣ койку. Удругъ подѣ новднй стучѣть, гряжить, и уходя у дождь. Походивъ по коялати, походивъ, и говора: ахъ, жана моя любая,—русъ косъ пахня!— „Ахъ, мой мужъ любый, мужъ мой дорогой: ты по свѣту лятавъ, русъ коси набрався, яна табѣ и тутъ пахня! Ну, ничего, говора,—давай обѣдать! Удругъ сѣли яны обѣдать, отъ яны шкъ узяла одну ложкаку, сыцаетъ у яѣ слязѣ и покатицалъ. Ёнъ у яѣ спрашуня: ахъ, жана моя любая, жана мой дорогой, почаямъ вы плачыть? А яна говора: якъ жи хнѣ ня плакать, —кольки насѣ було у воща, дакъ ня только ня убачыма, а дажа ня учуемъ, гдѣ котрый прожываа! Ёнъ и говора: ахъ, дурни вы, говора, Разви вы у худое мѣсто попали? Што вяжъ тутъ худо? А яна говора: што, коли бѣ мой братъ-тяперъ прибывъ, якъ ба мы яго приняи?—Вотъ дура баба: хнѣ у насѣ хлѣба-соли нямъ? Мы бѣ поили, поѣли, добрыя мысли поѣли бѣ! А яна говора: ёнъ, говора, тутъ,—я яго сховала! А ёнъ тогда говора: ай, шурьякъ, вылазѣ, гдѣ ты, говора, сховався? Отъ, якъ крыгнувъ ёнъ: шурьякъ, вылазѣ! Ёнъ и вылазѣ съ подѣ пола. Отъ ёнъ поздриснувався, посадивъ за столѣ, сѣли и гулять на троя сутокъ: пили, суляли, добрыя мысли мали. На чать-вѣртыя сутки ёнъ говора: „ну, шурьякъ, иди сибѣ зѣ Богожѣ, куды табѣ трѣба, а мяѣ трѣба ити у бѣлый свѣтъ!“ Ну, потому ёнъ пошювъ. Иде сутки, иде другія, на третѣтя убачывъ дождь приотлиниши—хорошии (цвѣтъ опушены). Заходжу ёнъ у стый дождь, ажъ тамъ сядѣтъ яго сярѣжня сестра. И ету знайшювъ. Ну, яны, зирнули яны одинъ на одинъ и заплакали. „Ахъ, братка ты мой родный! дававъ табѣ Богъ щасья—долю, да ня умѣвъ ты шановатца, ня умѣвъ слухать я! Пропавъ ты тяперъ!“—Ну, штожъ, говора, будешъ дѣлать: пропавъ, дакъ пропавъ! Пойду шукать яѣ!— „Да, говора, знайдешъ, да ня возьмѣшъ, ёнъ тебе убь!“—Ну, штожъ дѣлать: убь! ня убь!, а хоть рунитца одинъ одному ня будошъ! Ну, яна трошки яго напоила, покормила. „Ахъ, мой братъ! погостювавъ ба ты у мяне, дакъ боюся, што мой мужыкъ, Морозъ, заморозя тебе!“—Ну, што жѣ, сестра: я пойду!— „Ну нѣ, говора: я тебе сховаю!“ И сховала яна яго подѣ койку. Вотъ, сонюшко устаѣ, обвѣтрыло, морозъ раставъ и иде у хату. Походивъ, походивъ по хати: „а што, жана, —русъ-косъ пахня!“ А яна ямѣ отвящаа: ходили по бѣлому свѣту, русъ-коси набрѣлися, и тутъ пахня!—Ну, ничего, ето усѣ пустое,—давайта

обѣдать! Ну, яны сѣли обѣдать. Яна якъ узала першую ложка, зачарэпнула, и скушно заплакала. „Жана моя любаа, жана моя дорогаа, чаа ты скушно плачашъ?“ — Якъ жа мнѣ, каа, другъ мой милый, ня плакаты: кольки насъ було у батьки и нязвѣстно, хто гдѣ знаходитца. Ти довядѣтца побачытца, ти нѣ? — Во, говора, дурня вы, хіба вы у худое мѣсто попали! — А што бѣ вы, говора, здѣлалі, кабѣ мой братъ цяперака прыбывѣ? — Ахъ, ты жана дурань: хіба у насъ хлѣба-соли няма, — мы бѣ попили, поѣли, да добрыя бѣ мыслі помѣлі! А яна говора: ёнѣ жа, говора, тутѣ! Я яго сховала! Ёнѣ тогды говора: „эй, шурчякѣ, говора: гдѣ ты? Вылазъ!“ Ёнѣ сычасъ и вылажуя. Якъ вылазъ, сычасъ поздоровкаліся, повіталіся и сѣлі пьць, гуляць на троя сутокѣ. Пілі, гулялі, добрыя мыслі мали, а на чатьвѣртыя суткі ёнѣ собираецца у дарогу. „Ну, говора, швагра, іди сабѣ зъ Богомъ, куды табѣ трѣба, а мнѣ трѣба у бѣлыі свѣтѣ ітѣ!“ Яны якъ попрощаліся, пошлі. Ёнѣ съ сястрой попрывася, пошовѣ. Ішовѣ суткі, ішовѣ другія, на третія бача — стоіть домъ хорашый — отлішний. Заходжуя ёнѣ у етѣй домъ, ажно яго самаа младшаа сястра у етымъ домі. Якъ увыйшовѣ ёнѣ у домъ, зірнулі яны аднѣнъ на аднѣнъ и заплакалі. „Ахъ, братка ты мой родный, даваѣ табѣ Богъ шасѣтя-долю, да ня ужѣѣ ты шанаватъ!“ — Ну, штожѣ, говора, сястра: пойду цяперѣ шукатъ яѣ! — Да найтѣ ты найдешъ яе, да узятъ ня возмѣшъ! Ну, говора, братъ ты мой, сядъ ты у мяне погостѣй! (ѣѣѣ ёнѣ, пошывѣ, поѣѣѣ и хоча ітѣ. „Ахъ, братка мой любый, хотѣла бѣ я, кабѣ ты погостывавѣ, да боюся, кабѣ мой мужыкѣ Дожджѣ тябѣ не засѣѣѣ!“ — Ну, дакѣ што, говора, дакѣ я пойду! — Нѣ, постойка, я тябе сховаю!“ Ну й сховала яго подѣ койку. Такѣ, подѣ повдня хмары разыйшліся, погода ўстанавляецца. — іде Дожджѣ. Походивѣ, походивѣ по хатѣ: „а што, говора, жана, — русь кось пахня!“ — Ахъ, мужѣ мой любый, мужѣ мой дорогій, ты по свѣту лятаѣѣ, русі косі набрався, яна табѣ и тутѣ пахня! — Ну, нічога, говора, даваѣ обѣдаты! (ѣлі яны обѣдаты, яна адну ложку зачарэпнула и заплакала. Ёнѣ ёй говора: жана моя любаа, жана моя дорогаа, чаго ты плачашъ? — Якъ жа мнѣ ня плакаты: кольки насъ було у вотца, а цяперѣ мы и ня учуемъ, ігдѣ который прабываа, ня толькі побачытца! — Ахъ, якая ты дурань! Такѣ васѣ Богъ любя! Разві вы ў худое мѣсто попали? А яна говора: што, колі бѣ мой братъ цяперѣ прыбывѣ, якѣ ба мы пріялі іго? — Ахъ, дурань баба: хіба бѣ мы хлѣба-солі ня зналі бѣ? Попілі бѣ, поѣлі, добрыя бѣ мыслі помѣлі бѣ! А яна говора: а ёнѣ жа тутѣ! Отъ ёнѣ говора: вылазай, швагра, гдѣ ты сховавася! Ёнѣ вылазъ. Удругѣ яны познакоміліся: повіталіся, сѣлі пьць, гуляць. Пілі, гулялі, добрыя мыслі мали, троя сутокѣ. На чатьвѣртыя яны прощаютца. Младшаа сястра прыгатовіла яму на дарогу. „Ну, говора,

иди сабѣ, шурьякъ, зъ Богомъ, куды идешъ, а мнѣ трѣба у бѣлый свѣтъ
йти!“ Попрошався ёнъ, пошовъ. Ишовъ, ишовъ ёнъ троя сутокъ, на чать-
вѣртый бача—стоитъ дождь прабольшой, огромный, каменный! И ёнъ сажъ
сабѣ духаа: зайду-тка я у етый дождь, подивлюсь, што тутюка дѣлаецца!
Заходя ёнъ у етый дождь, ажъ яго тамъ жана сидить. Ёнъ якъ увыйшовъ
у комлату, яна говора: ахъ, мужъ мой любый, дававъ намъ Богъ щастья-
долю, да ня умѣвъ ты шановать, ня умѣвъ мяне слухать! А тыперака ты
мяне отсюдѣ не возьмѣшь, ёнъ тебе убьё! Ёнъ яё обнявъ и говора: ахъ,
жана моя любая, довжню пронавъ! А пѣйдожъ на щастья! А яна яму
отвяцаа: нѣ, говора, мой мужъ: ёнъ пашъ догоня, дакъ тябѣ убьё!—
Ну што жъ,—убьё, дакъ убьё,—хоть одинъ объ однимъ рунитца ня бѣ-
дожъ!.. И пошли яны оттуля. Пошли яны съ того дому,—удругъ у повдни
прилятаа зѣй у дождь. И у яго бывъ хлопчыкъ служытель. Прилятаа и
спрашуа: хлопца, ходяйка дома?—Нѣ, говора.—А дѣ жъ яна?—Ушли!—
Ну што жъ, говора, догонимъ?—Да, говора, догонимъ. Пржеде выкопаемъ
лядо, да посѣямъ жыто, да убяроемъ, да помолотимъ, да снѣжѣмъ хлѣбъ,
да зѣдимъ,—и то у повдороги догонимъ! Ну, яны завинулися лядо копать.
Выкопали лядо, посѣяли жыто; жыто тѣя посѣло; яны яго убрали,
помолотили, намолоти муки и нанякли хлѣба. Зѣли тѣй хлѣбъ и поѣхали
догонять. У повдороги й догнавъ. Якъ догнавъ, такъ снується: ахъ ты,
привалоуся суды! Ну, дѣвъ смерти табѣ даруецца, а ще одна остаецца.
Трѣба было тябѣ тогда убить и тыперъ во; а ще разъ придѣшь, дакъ ще
тую подаруу. А у третій разъ придѣшь—убьё! А сажъ узавъ жонку и
полятѣвъ назадъ. Ёнъ остався одинъ. Постоявъ, постоявъ, поплакавъ,
поплакавъ, да вярнувся и ёнъ туды назадъ къ ёй. Приходя ёнъ назадъ
къ ёй и говора: ахъ, жана моя любая, пѣйдожъ ще на щастья!—Нѣ,
говора, мужъ мой любый, мужъ мой дорогій, ёнъ пашъ догоня и тебе
убьё!—“А можа ня убьё!” Упросивъ яе,—узли опять пошли зъ ёй. Ну,
ёнъ опять прилятаа домовъ, зѣй: а што, ходяйка дома?—Нѣ, няма!—
А гдѣ жъ яна?—Ушли!—А мы ихъ догонимъ?—А пржеде выкопаемъ лядо,
да посѣямъ пшаницу, да помолотимъ, намѣляжъ, да хлѣба наняжѣмъ, да
зѣдимъ,—и то у повдороги догонимъ! Ну, завинулися яны лядо копать,
пшаницу сѣять. Выкопали лядо, посѣяли; убрали тую пшаницу, помоло-
тили, намолоти муки, нанякли хлѣба, зѣли и поѣхали догонять, и у пов-
дороги догнали. Ёнъ яму и говора: а што говора,—ты не каешься? Ну,
першый и послѣдній разъ ты тутъ! Якъ придѣшь ще,—беспрямѣнно
убьё! Ну, узавъ жану и полятѣвъ, ёнъ и остався одинъ. Постоявъ тамъ,
поплакавъ: што тутъ дѣлать? Пойду опять къ ёй! Приходя ёнъ опять
къ ёй: ходѣжъ, говора: усѣ одно мнѣ пропадать! Ублагавъ яе; опять
пошли. Ёнъ прилятаа у повдни на другій день и пытаа у хлопчыка: а

што, хлопча, ходяйка дома?—Нѣ, няма, ушли!—А ти догонимъ мы ихъ?—А выкопаетъ уяродъ лядо, понабѣяетъ проса, да убяроятъ, да натовѣятъ, да кашы наварятъ, да пойдимъ,—и то у повдороги догонимъ! Ну, давай завината кола ляда. Набѣяли проса, натовѣли, кашы наварили, подѣли, поѣхали догонять,—у повдороги догнали. „Ну, говора, послѣдній разъ ты ходивъ!“ Якъ спустився, сычасъ яго убикъ, на мелія часьти порубивъ и но пѣлю раскѣдавъ.

Ну, ето урея ходили яго швагры по бѣлому свѣту и усѣ ето бачили. Вярнулись, домовъ и расказують жонкамъ: отъ жа, каа, няма нашаго брата,—убивъ змѣй! Яны узали, дома подѣлались ластовками: одна узала живыя воды, другая мѣртвыя, прилятають туды, собрали кусочки и складують, якъ ёнъ бывъ. Сычасъ сложили, гоющія воды дали—ёнъ зросся, живущія дали—ёнъ отживився: охъ, каа, якъ я довго спавъ! Ну, яны стали яму говорить: ахъ братъ, ты ня спавъ, и тебе змѣй порубивъ на мелкія часьти. Ето шчо хорошо, што ёнъ такъ здѣлавъ: а коли бъ ёнъ убивъ, да на гнѣ спаливъ, то бъ мы ничего ня здѣлали! Ну, ёнъ говора: ну, ужэ ти спаля, ти нѣ, а пойду узновъ на шасьти, што Богъ дастъ! А яны яго просють: братка, ня йди,—ёнъ спаля!—Ну, ужэ ти спаля, ти нѣ, а пойду! Ёнъ зъ ими попрощався и пошовъ—тыки назадъ икъ ёй. Ну, приходяжу ёнъ узновъ икъ ёй, яна плача. „Ходѣмъ, жана!“ А яна яго прѣся: нѣ, тияерь я ужэ съ тобой ня пойду,—я тебе луччы тутъ сховаю, покуль што! Ну, яна яго сховала. Удругъ ёнъ прилятуя у повдин. Прилягѣвъ и сѣли обѣдать. Поѣдали и лягли спать. Лягли отдыхать, яна говора: ахъ, мой мужъ милый, мой мужъ дорогій! Няхай той мужъ мой живъ бывъ, дакъ ты мнѣ правды ня казавъ, а тияерь того мужа няма: скажы ты мнѣ, по якому здучаю у тебе такая сильная крѣпость, што ниhto табѣ ня дастъ рады? А ёнъ ёй отвѣщаа: „моѣ здоровья и сила усѣ у жоры! Тамъ, говора, у моры ляжытъ волъ, а у волу заяць, а у зайцы вутка, а у вутцы яйцо, а у яйцѣ усѣ здоровья моѣ и сила сидѣтъ тамъ! Коли бъ хто той яйцо доставъ, да итъ мяне ударывъ у лобъ али у груди,—тутъ ба мнѣ и конецъ!“ Ну, ёнъ якъ отдохнувши полягѣвъ, а яна яго тогды узбудила и говора: ну, мужъ мой любимый, мужъ мой дорогій! Собирайся, говора, туды и туды! Коли найдешъ, говора, етаго дѣла—останесься шась-лѣвъ! Напаяклѣ яму, наварыла и выправила. Собрався и пошовъ. Иде са-бѣ дорогой, ажъ бѣютца два коршукѣ, и такъ сильно бѣютца, што ня возможно ихъ разборонить. Ёнъ ихъ испрашуя: ахъ вы ястрабы, ястрабы! За што вы такъ болно бѣятѣсь?—Ахъ, Иванъ Ивановичъ, царевичъ: мы дужа крѣпко бѣсти хочажъ: дакъ мы который котораго забѣмъ, того и зыдижъ! Ёнъ отвѣщаа имъ: стойти жъ вы, ястрабы, ня битесь, ходѣтъ ко мнѣ! Яны приходжѣють къ яму, ёнъ сычасъ развязавъ торбочку,

вынимаа съ торбы два куски мяса и даё имъ. Яны наѣлись и благодарить яго: „ну, говора, благодарить покорно, Иванъ Ивановичъ, царевичъ, што накормивъ ты насъ: будожь мы за твоё угощенья табѣ у большой пригоды за это!“ Вотъ яны попрощались: пошовъ ёнъ зновъ. Иде ёнъ по дорожы, бача—бьютца два собачи, и такъ сильно бьютца, што ня можно ихъ разборонить. Ёнъ подходяжy къ имъ поближы: ахъ, вы псы, вы псы! за што вы такъ болно бьётесь?—Ахъ, Иванъ Ивановичъ, царевичъ,—мы дужа крѣпко ѣсть хочамъ: дакъ мы который котораго задавимъ, того й зьядимъ! Ёнъ ствядан имъ: стойтѣ жъ вы, псы, ня битеся, ходитѣ ко мнѣ! Яны приходжyють къ яму; ёнъ торбу развязавъ, по ковалку хлѣба имъ давъ, по ковалку говядины. Яны наѣлись. „Ну, говора, Иванъ Ивановичъ, царевичъ, благодарить покорно, што ты насъ накормивъ: будожь мы табѣ у большой пригоды за это!“ Ну, пошовъ ёнъ далѣ. Подходяжy къ мору, бача бьютца двѣ вѣдры, и такъ сильно бьютца, што ня можно ихъ разборонить. Подходяжy ёнъ нѣкъ имъ ближы: ахъ вы выдры, выдры, за што вы такъ бьётесь?—Ахъ, Иванъ Ивановичъ, царевичъ, дужа крѣпко мы ѣсть хочамъ: дакъ мы которая которуу задавимъ, туу и зьядимъ! Ёнъ говора: стойтѣ жъ вы, выдры, ня битеся! Ходитѣ ко мнѣ! Яны приходжyють къ яму, ёнъ торбу развязавъ, вынимаа два ковалки мяса и даё имъ. Яны наѣлись и благодарить: спасибо табѣ, Иванъ Ивановичъ, царевичъ, што ты насъ накормивъ! Будожь мы табѣ у большой пригоды! Распрощались, ёнъ и пошовъ. Отъ, ёнъ подходяжy къ мору. Покулъ дошовъ, дакъ ужъ вода по ротъ понимаа. Иде ёнъ и плача, и говори: Господи, што жъ мнѣ тѣперака дѣлать? Иде, иде, ажно стоитъ вострѣвокъ. Зирнувъ ёнъ на правую сторону, ажно сядить старичокъ—дядокъ на стѣмъ вострѣвоцку. Подходяжy ёнъ ближѣй, и говора: „здраслуй, дѣдка, мой голубчыкъ!“—Здраслуй, здраслуй, Иванъ Ивановичъ, царевичъ! Якъ тебе Богъ суды принѣсъ: ти самъ ты пришовъ, ти табѣ хто показавъ?—Нѣ, сажъ, говора, дѣдка, пришовъ!“—А почаму жъ ты суды пришовъ?—Ахъ, дѣдка, мой голубчыкъ: ти ня бачывъ ты, ти ня чувъ, идѣ тутъ у моря ё волъ, а у волу заяцъ, а у зайцы вутка, а у вутцы яйцо, а у яйца змѣява сила. Дакъ якъ ба мнѣ яго достать?—Ня знаю, нябожа, першый разъ отъ тебе чувъ! Ёнъ ставъ, заплакавъ коля яго, засмутився. Ёнъ яму говора,—дядокъ стый: коли бъ ты давъ мнѣ што-небудъ поѣсть, то бъ и табѣ помочь,—а то я три дни ня ѣвъ! Ёнъ говора: ахъ дѣдка, мой голубчыкъ: во, говора, ѣжъ кольки хочашъ! Знимаа яму торбочку и даё. Ну, ёнъ поставивъ яму ету торбочку,—дѣдъ той ѣвъ и ня ѣвъ. „Ну, говора, завязуй, нябожа, свою торбочку!“ Ёнъ узавъ завязавъ. „Ну-ка, нябожа, возьми утѣ-эту довбню и иди по моихъ вусахъ, куды я дмухну, и якъ дойдѣшь до конца вусовъ,

только скажи: вухъ-ти! Дакъ ёнъ къ табѣ выскоча. Только ты яго довѣней у лобъ би!" Отъ ёнъ и пошовъ. И забывая, якъ это трѣба сказать. Дойшовъ до конца тубаа, люкаа, а ниякъ не припомя, якъ трѣба сказать. Ёнъ ходивъ, ходивъ, уморился уже до смерти. Иде назадъ: „вухъ-ти! якъ я уморился", кажа. А ёнъ и выскакуя. Отъ ёнъ яго у лобъ. Ёнъ и завалился. „Ну, слава табѣ, Господи!" Узявъ ёнъ ножыкъ, разрэзавъ пузо, только хотѣвъ узять зайца, а заяцъ якъ вырветца. якъ маханѣ отъ яго!.. Утѣкъ. Ёнъ уставъ и плача: „вотъ табѣ й нѣ! только найшовъ, и нима! Это бягуцаа звярѣна; побѣсла—и нимо-хто яе поймаа!" Иде и плача. Только пройшовъ шаговъ десять. ‘зирнувся назадъ,—ажъ тащутъ етыя собаки зайца и говѣратъ: „нѣ табѣ, Иванъ Ивановичъ, царевичъ, за твоѣ угощенія, за твоѣ труды!" Да. Ёнъ имъ подяковавъ, узавъ зайца, разрэзавъ пузо, только хотѣвъ узять вутку, а вутка—ковзы! полятѣла угорѣ! Да. Ёнъ уже руки опуститъ и плача: „Богъ знаа: это була бягучаа звярѣна. дакъ поймали, а это ужъ лятучаа: ету ниhto ня поймаа!" Иде и плача. Пройшовъ ёнъ ня большы. шаговъ зъ десять, ажъ чуя—шумить угорѣ. Ёнъ глянувъ—ажъ нясутъ коршукъ вутку тук! И говѣратъ: „нѣ табѣ, Иванъ Ивановичъ, за твоѣ угощенія, за твоѣ труды!" Ёнъ ету вутку узавъ, пузо разрэзавъ; ставъ яйцо брать, а яйцъ якся ковзанилось, яйцо его.—пошло на дно моря! Бросивъ ёнъ ужъ усѣ, отчурався усяго, и пошовъ ужъ съ того мѣста соуснитъ. „Вѣрно, жиѣ ужъ пропѣсть тутъ!" Только ёнъ пошовъ съ того мѣста, вышавъ на берагъ зъ большою журбою, ажъ ступаа отзѣду. Озирнувся назадъ—ажъ нясутъ выдры яйцо. „Нѣ табѣ, Иванъ Ивановичъ, царевичъ, за твоѣ угощенія, твоѣ труды!" Отъ ёнъ яйцо у пазуху уложывъ и пошовъ туды. И приходя ёнъ тогда къ жанѣ. „А што, милый другъ, доставъ?"—„Доставъ!—Ну, ты теперь слава Богу, коли доставъ!" Ну, ёнъ яе прося: ходѣмъ, говора.—„Ну, ты теперь ужъ ходѣмъ на щаскѣ!" Собрѣлись и пошли. Прилятаа у повдня жѣтѣй и пытаа у хлопчыка: а што, хлопча, ходѣйка дома?—Нѣ, ушли!—А догонимъ мы ихъ?—Догонимъ, да ня вѣзьмомъ! Ну, яны полятѣли, догнали. „Ахъ ты, говора, нячыстая сила! ты опять живъ! Щаскѣ твоѣ, што я тогда тебе порвавъ на ковалки, а ня спаливъ въ огнѣ! Ну, да я теперь тебе спалив!" Только ёнъ ставъ подхѣджувать, а ёнъ выхвативъ яйцо зъ-запашухи, да бѣжъ у лобъ яму! Ёнъ и завалился. Ёнъ тогда на желкѣя частѣи порубивъ яго, да на ‘гонъ, и спаливъ. И съ своѣй жаной пошли у свой домъ и стали тамъ жить. И теперь живутъ.

И я у ихъ тамъ бывъ, мѣдъ-горѣлку нивъ, и у роти ня було, и по бородѣ не тяжѣло. Була у яане смолѣнаа кобылка, рѣпяное сѣдло, съ пастарнаку коньчукъ. Свинѣя откулъ узялася—за коньчукъ! И теперь у яе хвостомъ тырчытъ. Прилятѣвъ дятѣль: чыкъ-блмытъ, давай мой башлыкъ! Да

и укравъ сядло,—и теперь у яго голова красна. Совнійко угрѣло, и кобылка растала. И няма нигдѣ ничого...

С. Старая Рудня, рочач. у. Отъ кр. Василя Аннкеева, 29 л., негр. Въ предѣлахъ Могилевской губ. не было. Нарѣдка слышится магкѣ д, т.

25. Марья Кирбитовна.

Жывъ сабѣ въ одной дярвини старикъ съ старухой. И мѣли яны сабѣ троя дѣтей: одинъ сынъ, двѣ дочки. Сынъ старшій, дочки младшыя. Старикъ съ старухой ужирали и сыну приказъ отдавали: „сыночъ нашъ узлюбленный! самъ потуль ни жанися, покуль сясьтѣръ замужъ оддаси!“.. Ёнъ самъ ни жанися. Удругъ къ старшай сястрѣ яго пріижджали сваты. Сватали, сядѣли, пили, гуляли и зъ радосьи висялились. Потому, самъ жанихъ отъиждаая и прощанья зъ жилой оддае: „вийди, говоря, моя милая, на крылечко,—попрошанься съ тобою!“ Вышла ина на крылечко, ёнъ потхвативъ яё потъ лашки, и сѣли у коляску. Тольки вѣтирь зашумѣвъ, и нѣтъ никого. Остався братъ изъ меньшай сястрой. Ня виливъ ни винца, ни сваяѣбы.

Жывутъ годъ и другій, нѣтъ ни отвѣту ни 'ткуда, ни пріяту. И скучали по своей сястрѣ.

Пріижджають другія сваты икъ меньшай сястрѣ. То жа само, сватали, пили, гуляли, висялились. То жа само стый жанихъ говоря: „вийди, моя милая,—попрошанься съ тобою!“ Ина вышла. Ёнъ ухвативъ яё подъ-пашки, и тольки заgrimѣвъ громъ. Остався одинъ братъ ни причомъ, ходивъ, скучавъ, што нѣтъ жить ни причомъ, бросивъ свой домъ и пошовъ у бѣлый свѣтъ. Ишовъ день, исъ усходу сонца и до заходу, ни видивъ никого—ни чловѣка проходяща, ни птицы пролетащи. Обнижая яго тѣжная ночь сяредѣ тѣжнаго лѣса. Приходѣн ёнъ къ большому дому, ставъ ли воротъ и думая ночивать. Выходѣ дѣвушка и спрашуя: почаму, молодець, стоишъ, и што ничего ни говоришъ?—Я стою и говорю: ти ни можно у васъ поночивать?—А пожджи, другъ, пойду спрошу у хозяйки—позволя, али нѣтъ. Тѣтинька, говоритъ: иѣйкій чловѣкъ прѣситца ночивать у насъ!—Пуцай иде поночуя! Иго хозяйка принимала и посѣтелю яму давала, на койцы яго спать клала. Назаутря повутру яго спрашавала: куды, другъ, идешъ, и чаго ищишъ?—Иду искать сабѣ своихъ сясьтѣръ! Было у мяне двѣ сястры, сваты сватали, ну и вяндѣвъ и ни выдавъ и сваяѣбы ни гулявъ. И самъ ни знаю, агдѣ итѣ ихъ искать. Хуѣ ба у глаза новидать!—Другъ! табѣ сясьтѣръ ни найтитъ, и должно табѣ у мяне хозяиномъ быть! Ты ко итѣ увийшовъ, ды 'тъ мяне ня ўвѣйдешъ;

будить мы съ тобою жыгъ и другъ друга почитать!“ Такъ яны остались жить. Жыли мѣсицъ, и другій. Тоды ина говора: „вотъ жа, говоря: друхъ! оставайся дома хозяиномъ! хозяйствомъ управий и ни гуляй, только ня йди туда, адѣ лычкомъ завязано, г..... замазано, и лозинкой заторнуто!“ Ёнъ ходивъ, осматривавъ. Пришовъ къ завязанымъ дъвилямъ. Самъ сабѣ думая: што это? Штобъ бышы и за хозяинъ, штоба ни посмотрѣгъ, што тутъ ёсь? Ёнъ узавъ, лозинку положавъ и лычко порвавъ, и дъвери отворявъ. Смотрить ету хижу—сильный огонь горить и въ огнѣ поганый Кошей на цапахъ висить. Ёнъ спрашуя: хто такій? Отвичая: поганый Кошей! —Чого ты тутъ висишь? и хто тебе повѣсивъ?—За приступки за моѣ повѣсила мяне жана твоя Марья Кирбитовна. Ну прошу тебе—испусъти мяне! Ну я табѣ згоджуся на усѣ уримины.—А якъ тебе отпусътитъ?—Иди принеси три видра горѣлки и три булки хлѣба, и три полѣны дровъ ольховыхъ и три полѣны дровъ осиновыхъ! Ёнъ принёсъ яму три видра горѣлки, три булки хлѣба, три полѣны дровъ ольховыхъ, и три полѣны дровъ осиновыхъ. Ёнъ тоды выпивавъ одно вядро горѣлки и закусававъ одну булку хлѣба, бравъ еты полѣны и бивъ по цапахъ. Выпивавъ другоа вядро горѣлки, закусававъ другимъ хлѣбомъ и бивъ налками по цапахъ. И одбивъ уси цапы, только одинъ остався—што зъ низу у горло. Третья вядро выпивавъ и булкою закусававъ. И усѣ цапы оторвавъ отъ сябе и самъ съ огня выскакававъ. Вотъ жа, говора: ни видать табѣ жаны Марьи Кирбитовны во вѣкъ! поганый Кошей говоря. Поднявся, полятѣвъ, только вѣтиръ зашумѣвъ. Остався ёнъ одинъ дома, заскуचाвъ, што сясѣть ни видавъ, и жану потиравъ. „Да пойду жаны шукать!“ И отирався.

Ишовъ день исъ усходу и до заходу сонца. Ня видѣвъ никогѣ. Приходя къ ночи къ дому и выскакуа зъ дому жана яго Марья Кирбитовна. Ахъ, говоря: якъ я табѣ приказавала: иѣ ни ходи, иѣ ни смотри.—только туда ня йди, иѣ было лычкомъ завязано, лозинкой заторкнуто, г..... замазано. А ты ни послухавъ мяне и спусътивъ поганого Кошея зъ лапцуговъ. Ну тынерь вѣрно намъ съ тобою ня жить.—што тынерь силъ тыхъ у мяне нѣту звоувать яго!—Ну, слава Богу, што я увиѣвъ тебе, то уѣдижъ до дому своего! Саѣлися на лошаѣ и побхали посьняшиѣй. Прижджая поганый Кошей зъ звяриной охоты и спрашуя у кухварки свое: айдѣ Марья Кирбитовна? Кухварка отвичая, што узавъ мужъ. Ёнъ тоды кинувся, поганый Кошей, на свою стайню и спрашуя своѣ лошади триногія: што, говоря, лошаѣ триногая: нагонимъ Марью Кирбитовну?—Ни съпиша нагонимъ. Иди, саѣися вячерай и ложыся спать, а заутря уставай и будимъ нагонять! Ёнъ назаутря устававъ и саѣися на свою лошаѣ триногую и поскакавъ. И Марью Кирбитовну догонявъ и говоря: вотъ, другъ: назадъ ни воротися, ды съ своей жаной наусигда распросѣйся! Ну когда

воротиться, то чиризъ жану головѹ положишь! Ёнъ Марью Кирбитовну хватавъ и на лошади поскакавъ, и поѣхавъ назадъ домой.

Ёнъ тогда, ни ходѹ жану искать, пошловъ сясѣтѣрь искать. Ишовъ, ишовъ, ишовъ нѣсколько урмина и приходѹ къ мѣдному дому. Ставъ ли калитки и бѣтъ кулякомъ у калитку: ни можно поновичать у васъ? Сидѣтъ у вѣдшко систра яго и выслая дѣвущку: иди, говоря, отвори яму! Дѣвущка отворяла и у кожную пушала. Систра яму поклонъ давала: ахъ, говоря, братицъ: рада я, што увидила у глаза тѣбе, ну ни знаю, агдѣ подѣтъ тѣбе: мой мужъ Совнушка. Совнушка зайдя и ёнъ ко жнѣ прѣдя! Ина яго накормила, напоила и подъ мостъ посадила. Потомъ Совнушко зашло, и ёнъ домоу пришовъ и спрашуя: ахъ, моя милая! што у тѣбе русъ косъ пахня? Жана отвичая: ахъ, милый другъ! по Руси ходивъ. Руси набрався! Раздѣивайся и саися вужынатъ! Раздѣвса и садивса за столъ. Подносила служанка имъ кушанья. Кушали и разговаривали: ахъ, говоря, милый другъ: нончи я оддыхала и брата во сынѣ видала!—Да, твой братъ ожанився на Марьи Кирбитовни и спусѣтивъ поганого Кошея зъ ланцуговъ. Ну ёнъ до жану бивъ достунивса, узавъ да назадъ воротивса, а поганый Кошей отобравъ назадъ яе!—Ну, братъ мой тутъ! ина отвичая мужу. Ёнъ спрашуя: агдѣ жъ ёнъ?—А вотъ ёнъ подъ мостомъ! Ёнъ ударивъ сапогомъ и мостъ проломивъ: ну, говоря, вылизай, другъ, съ подъ моста. Ёнъ со страху вылазивъ съ подъ моста. Сидилися умѣсѣти, пили, гуляли, и висалилися, и оддыхать ложылися. Назавутря ранинько Совнушка устѣдъ и на свою службу иде. И швагря яго тожа отправлянтца у нуть у дорогу. Совнушко гостиницъ яму дае—прислугу отъ сибѣ, яснаго сокола. И ёнъ отпавився у нуть, у дорогу. Тожа ишовъ день до нѣчи, тогда приходѹ къ сѣребриному дому. Систра яго увидала у вѣдшко лицѹ здадѹ, и яго стричала, и у домъ свой принимала. И поила, и кормила, и говоря яму: айдѣ тѣбе подѣтъ? Ёнъ спрашуя: зачимъ, систра, такъ?—А мой мужъ Громъ! ёнъ прѣдя, тѣбе и мяне за тѣбе убѣд!—Ну, идѣ хотѣшь, тамъ мяне подѣтъ! Ина поднимала мосьницу и садила яго подъ мостъ. Позно вечера Громъ домоу приходѹ: адрастѣви, милая! Зачимъ у тѣбе русъ-косъ пахня?—Ахъ, милый другъ: по Руси ходивъ, Руси набрався! Раздѣивайся, вужынатъ саися! Ёнъ раздѣивався и садилися вужынатъ. Служанка кушанья подносила. яны кушали и разговаривали: ахъ, яоничи я оддыхала и брата у во сынѣ видала!—Да, твой братъ ожанився на Марьи Кирбитовни, да ня умѣвъ жыть, и спусѣтивъ поганого Кошея ись цапей. Ну, тѣперь яму ижъ жаною ня жыть, за то што ина яго вошы ища, а поганый Кошей Марьи Кирбитовны грудѹ сѣсе! Ина яму говоря: мой братъ тутъ! Ёнъ спрашуя: айдѣ жъ ёнъ?—Подъ мостомъ! Громъ бивъ сапогомъ мостъ и ломавъ: вылизъ съ подъ моста! Ёнъ вылизавъ. Садилися умѣсѣти, пили, ѣли и гуляли и од-

дыхали. Назаутря рано уставали. Громъ отправлялся на свою службу, шуринъ по своей дорожѣ. Громъ изъ имъ прощався и на прислугу собачку дававъ. Ёнъ и пошовъ.

Опять приходѣ къ своей жанѣ Марьи Кирбитовны, и сѣдлали лошадей, сѣли и поѣхали у путь, у свой домъ. То яны спяшыли, лошадей подгоняли. Приѣжджая поганый Кошей изъ зъваринной охоты и спрашуя у куховарки своё: айдѣ Марья Кирбитовна? Куховарка отвичая: узавъ мужъ яе! Осидлали лошадей твоихъ и поѣхали на вирховыхъ лошадахъ! Ёнъ кинулся на стайню свою икъ триногому коню своему: нагонимъ мы Марью Кирбитовну?—Иди, вячерай, ды нямедлинно! Ёнъ повячерявъ и садився на триногую лошацѣ и ихъ нагонявъ. И Марью Кирбитовну одбиравъ. Ну вотъ, другъ: два разы прощаю за твою прислугу! ну, третій разъ ни прошу, а табѣ голову зрублю! Сѣвъ и поѣхавъ. Ну, а ёнъ назадъ воротился. Приѣжджая ёнъ опять назадъ къ Марьи Кирбитовни у Кошей домъ. Садялиси яны на лошацѣ и погоняли поспыняшнѣй. Приѣжджая поганый Кошей зъ зъваринной охоты и спрашуя у куховарки своё: айдѣ Марья Кирбитовна?—Опять узавъ мужъ яе! Ёнъ кинулся на конюшню свою икъ триногому коню своему: нагонимъ Марью Кирбитовну?—Поскорѣй садися на мяне: уѣдутъ у домъ свой! Ёнъ садився на триногого коня и нагонявъ ихъ. Марью Кирбитовну одбиравъ, и мужу яе голову зынимавъ.

Яго прислуга—соколь полятѣвъ до Сонца, до хозяина своего, а собака побѣгъ до Грома своего. Прибигали,—соколь прилитавъ къ Сонцу, а собака прибигавъ къ Грому, и говорили хозяинамъ своимъ, што поганый Кошей изрубивъ голову хозяину нашему! Сонца зъ Громомъ зыбирались, икъ швагру своему пришли. То яго тѣло воронами зѣто, а у черили у головѣ ворона гнездо зъвила и яецъ нанисла, и дѣтей вывила. Приходили Сонца и Громъ, брали вороняты у руки у своё. Вороны билися, и дѣтей своихъ у ихъ просили: пустьтѣя нашихъ дѣтей, а што вамъ надо, предоставимъ вамъ!—Доставимъ намъ сноватилской воды и живой!—А дайтѣ намъ у чомъ принёсѣти. Ну, брали бутэлочки—и подвязавали потъ крылушки. И полятѣли яны у тую сторону, айдѣ сноватилская вода и живущая. Тамъ надъ колодизими каравулы крѣпкія. Яны миталися—кружылися и у колодизи бросалися, и у бутэлочки воды набирали. Икъ Сонцу и къ Грому доставляли. И яны бутэлочки у ихъ отвязавали. И имъ яны ни довѣрили, штобъ яны имъ воды такой приставили. Яны воронѣнка раздѣрили и сноватилской водой пырסקали. То воронѣнокъ и соснувалось. Жывущай пырснуди—воронѣнокъ полятѣвъ. Яны своего швагра по полю косъти собирали и у кучку складали и сноватилской водой пырסקали. То тѣло по косѣтяхъ потягнулось. Жывущай водой спырסקавали—ёнъ устававъ. Ахъ, говоря, братія:—ахъ крѣпко заснувъ!—Да, говоря, за-

снувъ — сномъ смярѣтнымъ! Ну, молися Богу, што ты бывъ у насъ и давали слугъ табѣ! Ну слуги наши и твоѣ 'видомляли намъ, што табѣ голова зрублена. Мы къ табѣ приходили и тябе 'тжывили. И за етымъ, братъ, прощай! Распросьгилися и пошли уси по сторонамъ, кому куды трѣба.

Ёнъ пошовъ опять къ жанѣ своей, къ Марѣ Кирбитовны. Приходя у домъ поганого Кошея. Ну, поганого Кошея дома нима. Ёнъ отправився у разныя стороны. Ёнъ говоря жанѣ своей: ты мяне схувай, куды сама знаишь, а ёнъ прѣйя домовъ, поганый Кошей, и распроси у яго, агдѣ яго душа? Ты ямѹ такъ отвидай: што мужа мойго убивъ, ну и я свою душѹ усаджу туды, айдѣ твоя! Ну яна яго схувала у вособянякомъ мѣсьти. Потомъ прижджая поганый Кошей зъ разныхъ сторонъ. 'Ны сѣли вячериць и разговариваць. И ина у яго распрашуетъ: айдѣ твоя душа находитца? Ну и я свою туды усаджу, за то, што ты мойго мужа убивъ; я тияерь буду жыть ись тобою! — Моя душа даякѣ: ёсьть на мори островъ, а на острови дубъ, а у дуби заиць, а у зайцы вутка, а у вутцы яйцо — тамъ моя душа у яйцы! — А якъ сѣ достать? — А трѣба у бабы-яги коня достать! Такъ ёнъ поновичавъ, и назаутраго поганый Кошей отправився у разныя стѣроны. Ина мужа къ сабѣ призывала, и пиля, гуляли, и висялились, и яму рассказала, айдѣ поганого Кошея душа. Нѣтъ, другъ: табѣ туды ни сойтить и души яго ни узять. Ёнъ говоря: што Богъ дасъ! И отпраивнвася ёнъ у путь. И давала яму хлѣба нямножко, ёнъ и пошовъ.

Ишовъ день, ишовъ другій — и хлѣбиць етый изъѣвъ. На третій день ёсьть яму ничиго. Ишовъ, ись силъ выбився, ды й ёсьть нечиго. Ёнъ лёгъ подъ кустомъ, и навалилася на яго мошкаръ. И силы у яго нѣту одбиватца отъ ихъ. Ёнъ на тѣли горсѣтъ мошакъ гребѣтъ и ёсьть. Нямножко усилився. Прилитая старшая мошка и говоря яму: пусѣти прислугу мою, а то миѣ трудно жыть будя одной, а на табѣ, зѣѣжъ пирожокъ! — А якъ миѣ ихъ пусѣтитъ? — А плюнь три разы! Ёнъ плюнувъ — то всѣ мошки полятѣли зъ яго. Ну вотъ жа, другъ: я табѣ за ето сгоджуся и съ своєю прислугой, коли гукнешъ, — съ прислугою моею. Ёнъ пирожокъ зѣѣвъ и пошовъ. И етый день изнова йшовъ. Назаутраго тожа ишовъ-ишовъ, ись силъ выбився. Приходя къ морю. Дай хотъ раковъ уловить и сырыхъ ихъ ёсьть. Ъвъ, ёвъ, и нисколько ни подѣѣвъ. Выхѣдя старый ракъ и говоря яму: пусѣти прислугу мою! ну я табѣ згоджусь. Про нужду твою, я табѣ помогу ись прислугою моею! — А якъ миѣ ихъ пусѣтитъ? — А плюнь три разы! Ёнъ плюнувъ, и раки усѣ поповззли. Яму ракъ старшый дае просъвиру. Ёнъ просъвиру зѣѣвъ и пошовъ. Приходя у лѣсъ. И выбився ись силъ. И ёсь нечиго. Увидивъ ёнъ дуплѣ на деревини и полѣзъ. И нашовъ у дуплѣ вирабянное гняздо зъ вирабянятами и ставъ ихъ ёсьть. Лятить старшый вирабей. Ахъ, Иванъ Ивановичъ, отдай мою прислугу, — я табѣ зго-

джусь!—Якъ жа мнѣ ихъ оддаты?—А илюнь три разы! Ёнѣ илюнувъ—ви-
рябѣняты и полятѣли. Давъ вярѣбей яму булочку. Ёнѣ зѣвъ и пошовъ.
Приходя къ баби-ягѣ. И заходя у хатку яе: здрастьви, баба-яга!—А здра-
стьви, здрастьви, Иванъ Ивановичъ! Слыхомъ тебе ни слыхала, да появлю-
ся глазомъ повидѣть. А зачѣмъ ходишь ко мнѣ?—А пришовъ выслужить ло-
шадь у тебе!—Можышь заробѣть лошадь сабѣ, только три дни испаси дви-
натцать кобылицъ моихъ! Занималась баба, печку топила, и вячерю яму ва-
рила. Вячерю зварила и на столъ яму подала. Ну, Иванъ Ивановичъ, садися вя-
черей, я погоню кобылицъ у баню парить. И кода шъ ты спасѣишь моихъ кобы-
лицъ три дни—и будишь братъ сабѣ лошадь налюби: а ни спасѣишь, то вотъ
прочихъ богатырей гѣловы на колушкахъ висять, и твою повѣшу! И погнала
кобылицъ у баню. И набрала бярежо жалѣзныхъ прутовъ. Ёнѣ бросивъ вячерить
пошовъ подъ баню слухать, што ина будя приказавать ижъ. Ина прутами ся-
чѣтъ и приказуя: смотритя жъ вы, скурвины дочки.—я яму сыяку булку
хлѣба нео смоиъ. Якъ ёнѣ хлѣба зѣвсь, такъ и заснѣ. Дыкъ вы тоды
сховаи пса у лозу, у таку чимярѣчь, штобъ ниhto ни пройшовъ, ни проновъ.
А хотъ жа ёнѣ и просѣнѣца, да штоба васъ ни нашовъ! Такъ ёнѣ назаутря
уставае и кобылицъ у поля гнавъ. Ина яго выправляла и хлѣбъ яму давала.
Ёнѣ кобылицъ прочинае и насѣтививъ. Вотъ ёнѣ хлѣба укусивъ и лѣтъ и заснувъ.
Кобылицы схувалися у такую лозу-чимяречу, што ниhto ни пройшовъ и
ни приновъ. Ёнѣ уставъ, прочинувся,—и совнушка закѣтунѣца, и кобылицъ
приѣмъ иѣтъ. Ёнѣ заплакавъ слѣзно: якъ мнѣ обрасѣтитца да кобылицъ
найтить? Э, говоря, коли бѣ мошки лѣсковы були, да ко мнѣ прибули,
да кобылицъ изъ лозы выгнали! Мошки шумять къ ямѣ, якъ тѣмъна туча.
Ну, Иванъ Ивановичъ, высьморьгай дубецъ и становиися у таковомъ то
иѣсти; якъ только покажытца кобылица изъ лозы, то би промижъ вущѣй
яе. Ина упаде на колѣньки, и садися вярхоиъ на яе, и поиждаж до-
мой икъ баби ягѣ! Ну, ёнѣ такъ и зѣблавъ. И прииждая позно вечера
и пригоняя кобылицъ къ баби ягѣ. Што ты, сподарю, позно пасѣишь?—
Ахъ, баба яга—на ступи поижджаншь, а товкачомъ погоняишь, помяломъ
сылѣдъ замитаишь: изъ росѣй то лошадей и покормить! Ну, садися вячерей,
а я погоню узновъ у баню! Ина погнала кобылицъ у баню, ну яму не-
кода вячерить—ёнѣ подъ баню слухать. Ина прутами сяче и шитно при-
казуя: смотритя, штобъ схоронилися подальшы! Ну я у хлѣбъ сну прибавлю,
да смотритя ни посяннынишнику,—штобъ ёнѣ васъ ни гнавъ, а одинъ при-
шовъ! Ёнѣ выслулавъ, опять побѣгъ, садитца и вячерія, Богу идлитца
и ложытца спать. Назаутря устае, кобылицъ гоня у поля. Ина яго вы-
правляя, и хлѣбъ яму дае. Ёнѣ кобылицу погнавъ у поля, у поля приго-
ня, и начавъ насѣтивить. Ёнѣ пораньшы хлѣбъ ѣвъ. Хлѣбъ зѣвъ, за-
снувъ. Кобылицы спряталися подальшы у лозу. Ёнѣ прочинався—сонца на

закати. Ну кобылицъ приѣхъ мѣту. Эхъ, когда бѣ мошки ласковы були, да ко мнѣ прибули, да кобылицы зѣ лозы выгнали! Такъ яны кѣ яму летять, якъ тѣмная туча. Ну, Иванъ Ивановичъ, высмѣрьгуй дубецъ побольшы того, што учирѣ, и становись у томѣ мѣсти, айдѣ учирѣ стоявъ. Якъ только выскоча кобылица изъ лозы, то би дубцомъ по чиряну яѣ. Ина упаде на колѣньки, садися вярхожъ на яеи гони кобылицъ домой! Сами полятѣли выгонять ихъ. Стали кусать и грызть, изъ лозы выгонять. Ина бягить, ѣтъ бивъ яе по чиряну дубцомъ. Ина упала на колѣньки, ѣтъ садися на яѣ вярхожъ и пригонявъ кобылицъ. Што ты, сподарю, позна пасешъ такъ? — Эхъ, баба яга, косятина у тебе нога, ты на ступи пожджайшь, товкочождъ погоняишь, а помяломъ слѣдъ замитаишь. Изъ росой лошадей и покормить! — Ну, садися, вчерей — а я погоню кобылицъ у баяю. Ётъ кинувъ вчерить и пошовъ подѣ банку слухать, што баба яга будя приказавать кобылицамъ. И чуя — бѣе и приказуя: смотрѣи жѣ вы, штоба заутришній день ѣтъ ни пригнавъ васъ, а штобъ пришовъ бизъ насъ ко мнѣ домовъ. — А йдѣжъ нахъ поѣйтца, — у лозѣ ня можымъ тярѣтъ! — А вы схувайтися у моря на дно! Ётъ это выслухавъ хорошо и пошовъ у хатку, и ложытца спать. Назаутря рано устаеъ и кобылицъ гоня пѣсывать. Выправляя баба яга и хлѣбъ яму даеъ. Ётъ пригнавъ кобылицъ на лугъ, и пораныпы хлѣбъ ѣтъ. Якъ зѣвъ, такъ и заснувъ. Кобылицы схуваляся у моря на дно. Ётъ устае, соннушки закѣтуйтца, ну кобылицъ приѣхъ нимаишь. Э, говоря: коли бѣ раки прибули, да ласковы були, штобъ кобылицъ изъ моря выгнали! То икѣнтца старшій ракъ кѣ яму: ну, говоря, Иванъ Ивановичъ: высмѣрьгай дубецъ побольшы тыхъ, што учирѣ высмѣрьгуванъ, и становись у таковомъ то мѣсти! Ётъ высмѣрьгуванъ дубецъ и становився у таковомъ то мѣсти. Якъ только кобылица показала голову изъ моря, такъ ѣтъ бивъ дубцомъ промизъ вушѣй яѣ. Ётъ садися на яѣ вярхожъ и погнавъ до бабы яги. Ёля, и кобылица ета яму говѣря: вотъ, говоря: насъ двинатцѣ сестѣръ рѣдныхъ, и на насъ шѣреть золотая и сребриная, — ну силъ у насъ нѣтъ ниякѣхъ. А ѣсть у насъ братъ — у конюшни ляжѣтъ у гнои, и на ѣмъ шкура сослизла, — ну насъ баба яга бѣе и силу вынимая, а яму укладая! Ну добивайся у яѣ, штобъ ина оддала яго табѣ! Да, пригоняя ѣтъ кобылицъ икъ баби ягѣ. Ну, сподарю, хотъ позна пригонявъ да спѣсывивъ! Ну, заутря я табѣ — садися, вчерей и ложысь оддыхай — ну заутря я табѣ работу дамъ! Ётъ сѣвъ повечеривъ и лёгъ спать. Назаутря устававъ, и даеъ ина яму гарниць маку, и иди, говоря, постѣй утъ на етомъ городчыку яго! Ётъ узавъ и постѣивъ. Ну возьми, говоря, у яне соху, и яго узоры, етый городчыкъ! Ётъ узавъ узоровъ. Ну, тяперь возьми заскородѣ. Ётъ узавъ заскородѣвъ. Ну, тяперь выбирь етый жакъ! А ня выбиришь — отъ, богатырскія головы висѣтъ по колушкахъ, ну й

твоя повѣсьня!—Эхъ, говоря: когда бѣ уся вирибѣи ласковы були ■ ко
мнѣ прибули, и выбрали макъ изъ зямли! Вирибѣи шумять, якъ тѣмная
туча. Зайялися выбирать макъ изъ зямли, ну ■ выбрали. Ну тольки ни
хватая одного зярнѣ. Яны разодрали стараго вирибѣи и нашли зярно подѣ
изыкомѣ. И поднося Иванѣ Ивановичѣ баби ягѣ етой: вотѣ, изволь, баба
яга, твой макѣ!—Ну, я хороша, ну ты луччы мяне! Ну, ходи, выбирай
лошаѣ сабѣ! Ёнѣ ухадѣ у конюшню: ну, бери любую сабѣ!—Я стыхѣ, ка-
жа—ни хочѣ: ето лошаѣи дорогѣи! Я засну, а хто й увяѣ отѣ мяне.
Одай ты мнѣ етаго, што гнѣ у гноѣ у тибѣ!—Да куды ёнѣ способныѣ,
гнилый, табѣ? Да на ёмѣ шкура согнила!—Ну, нхай сабѣ—я ужѣ буду
кой-якѣ лячѣтъ яго!—Ну, я хороша, ну ты луччы мяне! Ну, бери сабѣ!
Ёнѣ увязѣ коня етаго и повѣвъ.

Привѣдя къ морю, поставивѣ яго и обмывѣ уся гниль отѣ яго. Тогда
конѣ говоря на яго: ну, Иванѣ Ивановичѣ! становися пиридо мной! Ёнѣ
ставѣ пирадѣ имѣ. Ёнѣ сѣрпнувъ на яго и уложывѣ силу у яго: ну, тя-
мерѣ сѣдѣи на мяне! И поѣдѣи туды, куды табѣ трѣба!—Ёсѣтъ на мо-
ри островѣ, и я хочѣ, шгобѣ ты узнѣсѣ мяне на яго! Ёнѣ и узнѣсѣ на
островѣ. Ёнѣ дуба колотнувъ, дубѣ разбивѣся. Занѣ ухвативѣся и побѣтъ.
Собака яго догнала, разорвала. Вутка ухватилаѣся, полѣтъѣла. Соколѣ до-
гнавъ вутку, разорвавѣ. Иванѣ Ивановичѣ яйѣо схвативѣ, у карманѣ уло-
живѣ. И сѣдѣвся на свою лошаѣ, и поѣхавѣ у погананаго Коцея домѣ.
Прѣждѣя у *панѣо* Коцея домѣ, то *панѣо* Коцея дома нѣту. Ёнѣ,
ни слыша, нѣжѣ жаной своей говоря:—ну, тыперѣ што Богѣ дасѣтъ! И сѣ
панѣмѣ Коцеямѣ побѣрѣиамѣся! Набирали сѣ собою разнаѣхѣ напитокѣвъ и
сѣдѣлися вѣоба на 'дну лошаѣ. И сѣли—поѣхали. Прѣждѣя погананѣй
Коцей изѣ звѣяриной охѣты и спрашуѣ у куховарки своѣ: а йдѣ Марѣя
Кирбитовна?—Узавѣ мужѣ яѣ.—Нѣужли ёнѣ отжывивѣся? Ну, тыперѣ ужѣ
ни тѣжѣвитѣца, якѣ нагонѣю! И пошовѣ на конюшню свою, икѣ трѣногѣму
конѣу къ своему. Ну, што, говоря: нагонѣмѣ мы Марѣю Кирбитовну изѣ му-
жамѣ яѣ?—Ну, нагонѣмѣ—то нагонѣмѣ, да ни вѣзѣмѣмѣ!—Нѣ, тольки
дай нагнаѣтъ, а узѣять мы вѣзѣмѣмѣ!—Нѣ, ни вѣзѣмѣишѣ!—Ёнѣ сѣдѣвся на
яго, на свою лошаѣ и поѣхавѣ. И нагонѣи скорѣмѣ поѣспѣихѣмѣ. Тольки
лошаѣ ета отвящаѣ, которая подѣ Иванѣмѣ Ивановичамѣ: ни нахѣдѣ, бра-
тиѣцѣ,—хвѣстомѣ гѣлову зрублю! То лошаѣ ета на колѣнѣнки упала. Ёнѣ
бивѣ розками, кнутами, ну лошаѣ ухватѣлаѣся, и опѣяѣ нагонѣи. Изновѣ
лошаѣ ета отвящаѣ: ни нахѣдѣ, братѣиѣцѣ,—хвѣстомѣ гѣлову зрублю! Ло-
шаѣ ета изновѣ на колѣнѣнки упала. Яму нѣчиѣмѣ яѣ погонѣяѣтъ,—хрисѣ-
тиѣни пахали, и тыѣя лошаѣ яму кѣдѣлимѣ погонѣяѣли. Лошаѣ опѣяѣ ухваѣ-
таваласѣ, изновѣ нагонѣи. Лошаѣ изновѣ отвящаѣ: ни нахѣдѣ, братѣиѣцѣ,
—хвѣстомѣ гѣлову зрублю! Лошаѣ опѣяѣ на колѣнѣнки упала. Иванѣ Ива-

Новичъ злѣзъ съ своей лошади и вынимая яйцо съ кармана и кладѣ на землю и третъ сапогомъ своимъ. Якъ расхлѣбъ сапогомъ, поднялся огонь большій. Такъ разорвало Кошю на колыки частей.

Ну, потомъ, узавъ эту триногую лошадь, посадивъ на яе жану свою и похавъ у своей домъ. И начали жыгъ. И живутъ, и медъ-вино пьюгъ. И я такъ бѣвъ, и медъ-вино пивъ. Только у роти ня булѣ и по губахъ ня тикло; цанивси за вуха, ажно и у роти сухо.

Д. Киселева, самѣтесничск. вол. Дома Григ.р. Мельниковъ, 33 л. неграи.

26. Иванъ Ивановичъ рымскій царевичъ.

Жывъ сабѣ одинъ царь. Ижѣвъ ѣнъ у сябе одного сына и три дочкѣ. Тѣперъ ѣнъ—дай жа ѣнъ помѣръ у старости. Мало ѣнъ прожывъ: не знавъ ѣнъ, што такъ скоро дасъ Богъ смерть,—не давъ ѣнъ нѣкаго по-радку своему сыну. Заставъ ѣнъ малолѣтнягъ отъ яго, а дѣвки гутыя порадошныя, на выданьи уже. И жывъ ѣнъ безъ батьки повтора годѣ, явъ дѣвками. Потымъ приходють къ ямѣ три чаловѣки: „здрастуй, каегъ, Иванъ Ивановичъ рымскій царевичъ!“—Здрастуйтя, говорить, здрастуйтя! Ну, што жъ вы ко мѣ, каегъ, пришли?—„А мы пришли, кажутъ, у сваты: отдай, каегъ, большую сестру за насъ!“—Да за кого жъ за васъ оддать?—„За усихъ за насъ!“—Которы жъ вы, говоритъ, жанихъ?—„Да уси мы, каегъ, жанихи!“—А которыя сваты? каегъ.—„Уси мы, каегъ сваты!“ Ну, ѣнъ думавъ-думавъ, оддавъ. Узали яны сестру большую, повали съ собой. На другій день вечарѣмъ зновъ приходють утрохъ: „здрастуй, швагра!“—Здрастуйтя! Ну, чаго вы, говоритъ, пришли?—„Да пришли у сваты: отдай, каегъ, сестру, за насъ, другую!“—За кого жъ, за васъ оддать?—„За усихъ за насъ: мы уси жанихи, каегъ, и сваты!“ Ну, оддавъ ѣнъ и сярadyню. Узали яны, повали съ собой. На третью ночь то жъ само приходють яны утрохъ: „здрастуй, швагра!“—Здоровъ, швагры!—„Одай, каегъ, сестру й третью за насъ!“—За кого, за васъ, каегъ, отдавать? Я ня вѣдаю, хто зъ васъ жанихи, хто сваты.—„Уси мы, говоритъ, жанихи и сваты!“ Тогда ѣнъ думавъ-думавъ и оддавъ. Оддавши сясѣтеръ усихъ трохъ, думавъ-думавъ ѣнъ,—соскучавъ одинъ. Холивъ-ходивъ: што тутъ дѣлать? Поѣду у бѣлый свѣтъ шукать сясѣтеръ! Самъ ня вѣднеть куды. Приходить ѣнъ у стайню; хотѣвъ похавъ куды,—уси кони поупадали на ноги, ня водинъ не подлицаеть яго везти, ня можыть ня водинъ. Тѣперъ ѣнъ якъ пошовъ на гѣродъ: хѣдитъ, тужытъ, тошнуеть. Сустракаеть ѣнъ на гѣродѣ бабку. Идетъ бабка—годовъ триста ей булѣ. „Здрастуй, бабка!“ говоритъ.—Здоровъ, здоровъ, Иванъ Ивановичъ рымск-

кій царевичъ! Чаго ты тужашъ, объ чимъ тошнуешь, Иванъ Ивановичъ? — Ахъ, бабка моя, говорить, пралюбезная, — тужу и тошную: отдавъ своихъ сестёръ, говорить, усихъ троихъ своихъ, и ня вѣдую, — куды, што, якъ. Хотѣвъ ба, говорить, провѣдыть. Дѣ, пошукать ба ихъ на свѣти, — увывовъ у стайни, — ня динъ конь ня стойтъ у стайни: уси поупадали на ноги. Ня вѣдинъ, говорить, конь не подлиааетъ мяне вѣзти! — говорить. Яна тянеръ ямъ отвѣщаетъ гэта бабка: ахъ, касть, Иванъ Ивановичъ рымскій царевичъ: иди ты, касть, на свой дворъ, и у тябе, говорить, на дворѣ стойтъ слугъ: а потъ тыжъ слупомъ, говорить, скленъ, а у тыжъ склени, говорить, стойтъ лошаць — збруя латна, скопѣ булатно, — конь богатырскій. Стоитъ ёнъ уже тритцать три годъ. Ты яго, говорить, вызволь оттуль, ты на ёжъ можашъ проѣхать! Ёнъ тянеръ гэтой бабцы подякувавъ: дякуй табѣ, бабка пралюбезная, за твою раду! Приходитъ ёнъ домовъ, на дворѣ стойтъ слугъ. Ёнъ, добрый молодець, вынивъ тѣй слугъ, видить — потъ слупомъ скленъ. Ёнъ скленъ стчинивъ, сказуетъ яму лошаць такъ: ахъ, касть, Иванъ Ивановичъ, рымскій царевичъ! Дякуй табѣ, што ты мой вызволивъ духъ: я тутъ довго простѣивъ, говорить. А тянеръ, говорить, мы съ тобой свѣту повидаемъ! Ёнъ яго выхвативъ оттуль, вынивъ тую збрую, — промѣща ёнъ у яго до вѣтру погулять: я, говорить, сусимъ заплесневѣвъ, тутъ стоя! говорить. Такъ ёнъ яго и пусетивъ на волный свѣтъ. Гэта лошаць летала-летала по свѣти, потымъ у три часы къ ямъ прибыла. Отвѣщаетъ яму: Иванъ Ивановичъ рымскій царевичъ! возьми ты съ собой пара соколовъ — шупакъ такихъ — и пара хортовъ, говорить, и поѣдешь у бѣлый свѣтъ, по свѣту любовать! Такъ ёнъ узавъ гэтыхъ пара соколовъ и пара хортовъ, и поѣхали у свѣтъ. И у яго, при лошади уся збруя виситъ. Ъдутъ яны, ъдутъ, — узѣбжають на такая поля — гэтакая нязмѣряя поля! А на тыжъ поли воська побита, што конь идѣтъ по щотки у криви. Ёнъ узѣхавъ посередъ воськи тыя и пытаецца: ахъ, говорить, ти ня ёсь хто тутъ, сяродъ гэтыя воськи, не-добитый, рѣнятый, альбо бязрукій — ти ня могъ ба ёнъ мѣ, говорить, отвѣтитъ, хто гэту воську вырѣзавъ, столько людей положывъ гэтыкъ? Аживъ устаётъ — съ цугунъ голова, а по лозцы вочи: здрастуй, Иванъ Ивановичъ, рымскій царевичъ! — Здрастуй! — Чаго блудинишь, говорить, чаго шукаешъ, чаго ты пытаешъ? — Я, говорить, шукаю й пытаю — хочу узнать, хто гэто воську вырѣзавъ гэтыкъ? Ёнъ говорить: нечаго ни шукать, ни пытать, — объѣдъ три разы выкрутъ воськи, дыкъ ты яго слѣдъ увидишь: бы ёнъ ти по кривѣ, ти по сухому, дыкъ усё по щотки конь идѣтъ. Дыкъ ты яго найдешъ! На што, говорить, бывъ я сѣлянь, да голвой наложивъ, и воську утративъ, а ничѣго не подѣлавъ! Самъ сейчасъ, отвѣтивъ яму, такъ сейчасъ изновъ тажъ и лёгъ, гэтый самый! А ёнъ

узыѣхавъ на гѣтый слѣдъ и поѣхавъ гѣтымъ слѣдомъ. Ъдетъ, њдетъ,—узыѣжжаетъ ще на большая поля. Ажны по тымъ полю ще повторы часъти войськи положано, якъ тое. Ёнъ узѣхавъ посяродъ войськи: ахъ, говорить, ти ня ёсь тутъ якѣй недобитый, абы бязвокій? ти не могъ ба ёнъ миѣ отвѣтити, хто тыя воськи вырѣзывъ гѣтыкъ? Ажны устаѣтъ и говорить яму—съ цѣбаръ голова и якъ ба сказать—вочи по чомъ у яго былѣ—ну, хай—по лозцы вочи. Отвѣщаѣтъ: здрастуй, Иванъ Ивановичъ римскій царевичъ! чаго блудншь, чаго шукаешъ, чаго ты пытаешъ? А ёнъ отвѣщаѣтъ: да ѣжду, говорѣть, пытаю й шукаю, хотѣвъ ба я знатъ, хто гѣтыя воськи повывразавъ гѣтыкъ? Ёнъ яму отвѣщаѣтъ: Иванъ Ивановичъ римскій царевичъ! нечаго ни шукать, ни пытать—обѣдъ выкрутъ воськи, —яго слѣдъ знашно: ти по сухѣй зямлѣ, ти по крывѣ—усѣ конь по щотки йѣтъ у зямлѣ! Ёнъ подякуванъ и поѣхавъ. Нашовъ яго слѣдъ, и поѣхавъ яго слѣдомъ. Ъдетъ, њдетъ, узѣжжаетъ яще на большая поля, ажъ на тымъ поли ужо у три часъти воськи положано боли, якъ гѣто. Ёнъ узѣхавъ посяродъ воськи гѣтыя и пытаѣтъ, говорѣть: ти ня ёсь тутъ якѣй недобитый, али якѣй-нибудъ можа закрався такъ,—хтобъ миѣ отвѣтити, хто гѣту воську повывразавъ гѣтыкъ? Устаѣтъ къ яму съ котѣль голова, а по цабру вочи: .здрастуй, говорѣть, Иванъ Ивановичъ, римскій царевичъ! —Здоровъ, говорѣть, здоровъ! —Чаго ты ѣздишъ, чаго шукаешъ, чаго пытаешъ? —Да ѣжду, говорѣть, шукаю и пытаю, хочу знатъ, хто гѣту воську повывразавъ гѣтыкъ? —А коли хочешъ, дакъ попадѣшь яго, каешъ. Я, каешъ, бывъ чаловѣкъ, а зъ нимъ во и воську потеравъ и головой наложывъ, а ничего зъ нямъ не подѣлавъ! Тройчи, каешъ, обѣдъ выкрутъ воськи, яго слѣдъ знашно: ти по сухѣй зямлѣ, ти по крывѣ, усѣ по колѣни конь идѣтъ у зямлѣ! Тоды ёнъ объѣхавъ коло воськи, понавъ гѣтый слѣдъ и гѣтымъ слѣдомъ и поѣхавъ. Ъдетъ, њдетъ, и видѣтъ—богатырскій дымъ идѣтъ. Дымъ ёнъ узѣжжаетъ туды, лѣъ дымъ идѣтъ, ажъ тамъ три ёлки укучи стоять, и мижъ елокъ богатырскій слупокъ стоять, и горѣть тѣпелца, богатырскій дымъ идѣтъ. Ну, каешъ, гѣто воявѣтель той. Прѣѣжжаетъ ёнъ къ гѣтымъ елкамъ, съѣѣвъ съ коня и пусьтивъ яго, а самъ зайшовъ къ гѣтому тѣпелцу туды. Ажны гѣтый богатырь спить, бессмертно спить—утоинився крѣпко дужа. Ёнъ тѣперъ узѣвъ, яго збрую и усѣ обобравъ, ничего коло яго не покинувъ. Тѣперъ пошовъ да збрую зъ лошаля потчѣплювавъ, и отышовъ далѣко отъ лошадей и укопавъ у землю. Ну тѣперъ, гѣтакъ ёнъ зробивъ,—у яго пара соколовъ и пара хортовъ, и у яго пара соколовъ и пара хортовъ. Ёнъ тогды пусьтивъ своихъ соколовъ на яго. Соколы гѣтыя билиси-билиси билиси-билиси, потымъ того, што спить, узѣля змогатъ яго соколовъ. Якъ тольки змогатъ стали, такъ узѣля, полѣтъѣли гулять, лѣтатъ, и стали дру-

жыть крэпко. Тоды ёнъ узавъ успусьтивъ хортовъ на хортовъ. Хорты гэтыя якъ узались грызьтиси, — грызьлиси, грызьлиси, грызьлиси, грызьлиси, — того хорты змогають яго хортовъ. Тяперъ, якъ тольки, значитца, змогли, сычасъ узали по ласцы гулять и бѣгать, и оди́нь съ однимъ жартувать. Тяперъ узавъ лошадей потвязувавъ и пусьтивъ оди́нь на 'дногѣ. Гэты лошади якъ стали битца, — билиси, билиси, билиси, билиси — того конь змогъ яго коня. Якъ змогъ, сычасъ стали оди́нь обѣ одного часатца, лизать — по ласцы стали жыть. Тяперъ ёнъ думавъ, думавъ, али узавъ параксьтився: Господи, касть, богослови! поможи Божа! Пришовъ, развѣвъ рукѣ — якъ ударить у вуха яго! Спить, а нѣ ня чуетъ! Ёнъ другій разъ развѣвъ рукѣ — якъ дасъ ямѣ! — Спить, а нѣ ня чуетъ! Третій разъ: ахъ, касть, твою такую! Якъ пеканувъ — тѣй усхвѣтився. Якъ усхвѣтився, сычасъ за *брую* — нежа збруи. Яны нѣгрудки якъ сцапилиси, почали водятца. Водилиси-водилиси, водилиси-водилиси, ёнъ добрый молодецъ, нахвѣтки бывъ майстеръ, — потхвѣтивъ яго подѣ ногѣ зваливъ нѣякъ. Якъ зваливъ, сыздрокъ выхвѣтивъ съ кишени — рѣзать яго. Расхи́нѣвъ груди — ажно женщина! „Ахъ, твою такую! Женщина, а такъ воюетца!“ — Стой, говорить, Иванъ Ивановичъ, рымскій царевичъ! Я порѣвницы сабѣ шукала, — слава Богу нашла! Будемъ съ тобой сроднѣши жыть! Такъ ёнъ сычасъ гѣто дѣло сустановѣвъ. Сѣли яны, поздоровкалиси одна съ однимъ, и давай разгварувать. Ина яго зовѣтъ у своё чарство, а ёнъ яѣ у своё: поѣдемъ, касть, ко мѣ! Ну на тожъ стало, што яна яго пералѣрла: поѣхали у яѣ сторону.

Тяперъ, прѣѣхали у яѣ чарство, а у яѣ бывъ батька старанькій-старанькій. Тяперъ, яна ямѣ позволила: ходи, говорить, Иванъ Ивановичъ, усюдахъ ходи, тольки коло гэтыя хизобки не ходи! Показала ямѣ такъ хизобку маленькую, — лычкомъ завязана, стѣпой закачана. Тяперъ, яны ходють дѣнь и два, и три: показавала, дѣѣ ходить яму, дѣѣ не ходить. Ну пѣтымъ пусьтила яго ужѣ на волю, одного ходить. Ёнъ гѣто сабѣ думаетъ — такъ магнѣвши яго тягнѣтъ: „што гѣто, што нѣ можно инѣ ли тыѣ хизобки йти?“ Узавъ и пошовъ. Тольки идѣтъ ли тыѣ хизобки, ажны отвѣщаеъ у гэтой хизобцы: „ахъ, говорить, Иванъ Ивановичъ, рымскій царевичъ! отчынн ты, говорить, гэту хизобку, спусьти ты, касть, хуѣ духъ мнѣ! Я табѣ, касть, вѣкъ продовжу! Смерть моя сястра, я табѣ вѣкъ прибавлю другѣй жыть!“ Ёнъ тяперъ узавъ, скрався якъ-небудѣ, лычко гѣто отвязавъ, ступу откативъ и отчыннѣвъ хизобку. Коли полядѣтъ, ажъ на сѣтянѣ гвоздѣми прибитъ такей молодецъ — чыстый, пригожий, — нѣячстая сила гѣта. И конь на ланцугахъ привязанъ стоить. А яѣ батька дужа бывъ сильный осилокъ, — богатырь бывъ. А гэтый нѣячстая сила залипався къ тѣй царѣвни. Дыкъ батька гэтый узавъ да яго къ сѣтѣни и прикувавъ

на шась гвоздовъ: одинъ гвоздь у ноги, склавши ноги; тогда у сярѣдину, прѣгн сѣрца гвоздь, и у лобъ гвоздь, и по рукахъ, по ладоняхъ, по гвозду. Тогда ёнъ гѣто спужався, узавъ двери яму отчынивъ—духъ яму спусьтивъ, такъ сычасъ зачынивъ, лычкомъ завязавъ, ступой закативъ, и самъ—бывъ да й нема,—отгѣтуль! И гѣтакъ ставъ ёнъ смугянъ, што Божа хой! А ёнъ да яму отвѣсивъ: „я табѣ гѣтакъ будѣть, якъ и мнѣ! И я бывъ съ чаловѣка!“ Ну, ухѣднѣть яна; у яго пытаецца: чаго ты сосмугився, говорить, Иванъ Ивановичъ: ты ня бывъ ты коло хизобки?—Ды нѣ,—чаго мнѣ ити, куды мнѣ ня трѣба? Такъ сосмугився! Ну, потымъ ёнъ знова хѣднѣть сабѣ, хѣднѣть—тягнѣть яго магнушъ—кабъ опять прѣвѣдѣть хизобки тыя. А яна узала пилнуватъ ужо. Ёнъ хѣдивъ, хѣдивъ, знаеть тое, што яна пилнуеть яго—якъ то ёнъ скрався. Идѣть коло гѣ-
тыя хизобки, ажнѣ ёнъ спрашывѣть: „ахъ, каеть, Иванъ Ивановичъ рымсь-
кій царевичъ! зайдн, каеть, у хизобку, вырвн у мяне хогъ съ сѣрца гвоздь! Моя сястра смѣрть, каеть,—я табѣ трѣтьтій вѣкъ прибавлю насупроти твоего!“ Ёнъ сычасъ лычко отвязавъ, стунку откативъ, увыйшовъ у гѣту хизобку, зачанивъ нохтями за гвоздь за гѣтый.—вырвавъ гвоздь съ сѣр-
ца зъ яго. А самъ бывъ и нема. Зачынивъ хизобку зновъ. Тяперъ хѣднѣть ёнъ, такъ сосмугѣвъ, што звалтъ. Яна у яго пытаеть, каеть: „Иванъ Ивановичъ рымській царевичъ! чаго ты смугянъ такъ: ты ня хѣднѣшь ты тамъ, коло хизобки, коло гѣтыя?“—Да нѣ, каеть: што мнѣ пришлось хѣднѣть!—„Я, каеть, думаю, што ты коло тыя хизобки ишовъ,—мога, заданнѣ табѣ здавалось?“—Да нѣ, каеть. Не признаецца. Тогда ёнъ хѣ-
дивъ, хѣдивъ, хѣдивъ, хѣдивъ по дворѣ тамъ,—узнава яго тягнѣть, кабъ коло тыѣ хизобки йсѣти. А яна узлѣзла на трѣтьтій атажъ на вокошко, и пилнуеть гѣто яго: куды гѣто ёнъ, дѣ ёнъ хѣднѣть? Ажны сычасъ яна й ня упилновала яго: забѣгъ ёнъ у гѣту хизобку. Прѣснѣгъ ёнъ яго, кабъ сы лба вырвавъ гвоздь. Ну, ёнъ вырвавъ: запѣръ, закативъ хизобку. „Ну, каеть: будѣшь ты чатыри вякн жыть: одинъ свой, а три моихъ ужо!“
Сычасъ и сосмугився ёнъ такъ, што ужѣ ня можыть хѣднѣть сусимъ. Ну яна гѣто и узнала, што мускнѣ ёнъ прѣвѣдавъ гѣтыя хизобки. Тяперъ яна давай яго, пилнуватъ яго гѣтыкъ, што куды тольки ёнъ повѣрнетца, яна сычасъ и вѣднѣть яго,—на вочахъ пасѣть. Ажны ёнъ гѣтыкъ хѣдивъ-хѣдивъ, хѣдивъ-хѣдивъ—сычасъ за хизобку за гѣту, отчынять. Яна якъ увиѣзла, сычасъ празъ вокошко да къ яму. Прибѣгаеть туды, а ёнъ ужо зъ рукъ вырвавъ два гвозды яму. Якъ тольки яна гѣто на порогъ туды, къ яму, а ёнъ гѣто повывравъ гвозды. Такъ ёнъ сычасъ зъ ногъ самъ гвоздь вырвавъ: соскочывъ, да у лошаѣ лавиугн тропъ! Вывывъ вонъ лошаѣ, а яна на порози. „Ну, каеть, слава Богу,—чаго хотѣвъ, того й заставъ!“ Ухвативъ яѣ да на коня, и пошовъ подъ небася! А

ёнъ и застався о́динъ! Агу! Якъ застався ёнъ о́динъ, спужався дужа: што я зробивъ гэта? Дыкъ ёнъ тогды пѣлы поткасавъ, да за ёй у здогонъ. Ну дѣ жъ ты догонишъ: тэй на кони, да й пошовъ подъ небяса, а ёнъ и коня ня узавъ свойго, — отрокся усаго! Якъ дась пяхкомъ бѣхъ-бѣхъ, бѣхъ-бѣхъ, узбѣгаеъ ёнъ на пѣля, на чистая пѣля. Ажъ на гѣтымъ пѣли стоятъ камянныя палацы, гѣтакія, што тажъ оглѣѣнца огъ ихъ. Узбѣгаеъ ёнъ у гѣтыя палацы, уво 'дны дѣвери, у другѣя, и у третѣгя — ажны сядѣтъ за стѣломъ яго мѣньшая сястра, книжку читаеъ и гѣнакъ то сильно плачеъ. Ускочывъ ёнъ у покой ды кажытъ: „здорова, сястра!“ — А здоровъ, здоровъ, братецъ, говорить: сѣ уможъ, каеъ, жану наживъ, али бязумно зживъ! — „А дѣ жъ твой, каеъ, мужъ?“ — А, каеъ, побѣхъ за твой жаной, за своей сястрой уздогони!.. А тѣ бывъ Вѣтаръ, сястры яго мужъ. Ёнъ тогды: прощай, каеъ, сястра! Знова, пѣлы поткасавши, побѣхъ. Якъ бѣхчи, дыкъ бѣхчи, якъ бѣхчи, дыкъ бѣхчи, якъ бѣхчи, дыкъ бѣхчи — узбѣгаеъ ёнъ — ящѣ пѣля бѣльшая и палацы мудрѣйшыя за гѣтыхъ — позлачаныя вокны. Узбѣгаеъ ёнъ у гѣтыя палацы, ажны сядѣтъ яго сястра сярадняя за стѣломъ, и книжку читаеъ и сильно плачеъ. „Здрастуй, каеъ, сястра!“ — Здоровъ, здоровъ, братецъ! Зъ вуомъ жану наживъ, али бязумно зживъ! — „А дѣ, каеъ, твой мужъ?“ — Ды за твой жаной, за своей сястрой, уздогони побѣхъ!.. А гѣто Вихоръ бывъ. „Ну, прощай, каеъ, сястра! Попрощалиси, и пошовъ знова, пѣлы поткасавши. Тѣперъ ёнъ узновъ, якъ бѣхчи, дыкъ бѣхчи, якъ бѣхчи, дыкъ бѣхчи — узбѣгаеъ ёнъ ящѣ на пѣля: гѣтакая пѣля, што чистая, гороватая, прачистая! И гѣтакія палацы — разглѣѣнца просто. Прибѣгаеъ ёнъ къ гѣтымъ палацамъ, ухѣдѣтъ ёнъ уво 'дну комлату, у другую, у третѣгю заходѣтъ — ажны сядѣтъ яго сястра бѣльшая за стѣломъ, книжку читаеъ, и гѣнакъ то сильно плачеъ, што бѣдѣвно! „Здорово, сястра!“ — А здоровъ, здоровъ, братецъ! Зъ вуомъ жану наживъ, али бязумно зживъ! — „А дѣ, каеъ, твой мужъ?“ — Ды побѣхъ уздогони за твой жаной, за своей сястрой!.. Пташачый царъ бывъ. „Ну, прощай, сястра!“ Попрощалиси, и побѣхъ. Якъ бѣхчи, дыкъ бѣхчи, якъ бѣхчи, дыкъ бѣхчи — прибѣгаеъ ёнъ къ мору. Вѣгаеъ коло мора: нѣкуды ужѣ игѣтъ дальшы. Ажны стоятъ яго швагры, усѣй укучи, и разгужаруютъ о́динъ сѣ однимъ. Приходѣтъ ёнъ къ имъ: „здрастуйтя, швагры!“ — Здравстуй, здрастуй! А, каеъ, зъ вуомъ жану наживъ, да бязумно зживъ! Што намъ робить сѣ тобою? — „А што жъ, каеъ, швагры: што хочытя, то й робѣя со мной! Булѣ ёй оявить мнѣ гѣто! А то ёнъ сказавъ, што и я бывъ чаловѣкомъ, и табѣ, каеъ, будѣтъ гѣто! Я почомъ знавъ?“ Тѣперъ Вѣтаръ каеъ: я бѣ, каеъ, ядъ выкрутивъ у яго зъ рукъ, ну ина тяжалѣ дужа — не подѣержу ядъ! Вихоръ тожъ само: я бѣ, каеъ, тожъ выкрутивъ ядъ, завинтовавъ ба яго, закрутивъ, да тожъ ня удѣержу: тѣ такъ — Пропала, тѣ такъ — про-

пала! А Пташадный царь: тожъ ба, говорить, и я наславъ ба, говорить, кручѣ, вороний, вочи бѣ выдрали ямѹ, — ну што жѣ, говорить, — тяжѣла, ня можно подѣржити яѣ: хуть такъ — пропала, хуть такъ пропала! Ёнѣ тяперъ каеть: „ахѣ, швагрокки вы мое любьи, ти ня можыля вы мяне перабавиль на той бокѣ моря? Нехай ба, каеть: дѣ янапропадаетъ, хайба и я пропадавъ тамъ! Мнѣ жѣ, каеть: однаково ужѣ!“ Тяперъ Пташадный царь: ну, каегѣ, погоди: ты тяжѣль, мы тябе не перанясѣмъ, говорить. А ёсь, каегѣ, у мяне такая птица, што якъ сидишь, дакъ семъ морговѣ лѣсу бгаегѣ потѣ собой тольки. Отъ — тая, говорить, тябе перанясѣтъ! Сычасъ, якъ узавѣ ляску, якъ крутиѣтъ, якъ мотиѣтъ, якъ крикнѣтъ.... Вожа виликій! якъ узало гѣто вороньѣ собиратца, рузняя птица! А яѣ немашатки, ты птушки! Ёнѣ узновѣ трѣннегъ якъ, дѣннегъ, крутиѣтъ палкой — ящѣ у большую рѣѣ злитѣлося птаства — а яѣ нема. Третьтій разъ якъ крикнѣтъ, трѣннегъ, дѣннегъ ляской — прилягѣла! Ёнѣ тогда хотѣвъ нѣ наказаватъ. Ина давай просѣтца у яго: ахѣ, говорить, вапа япараторство! у васѣ, каегѣ, ёсь дѣтки: вы жѣ тыкѣ за ими глядѣти, тѣкъ ня покидаеѣ. — и у мяне, говорить, дѣтки дробныя: треба жѣ имъ приготоваѣтъ што. Я знаю, што вы мяне у дорѣгу отпракнѣеѣ. А тяперъ жа, каегѣ, — вы мяне съ чимъ выпракнѣеѣ у дорѣгу? Хорошый хоѣианѣкъ выпракнѣеѣ батрака, дакъ хлѣба даѣтъ и навары тамъ даѣтъ якѣи нѣбуѣ, усѣ тѣкъ не выпракнѣеѣ! — А што жѣ табѣ треба на дорѣгу? — Ды якѣи-нѣбуѣ, говорить, говядины бочонки сѣ два! Тутъ сычасъ ёнѣ, птаства гѣтаго набили, воронья якоѣ, того-сяѣ, наскубли, наклали ѣй два бочонки, два поурѣзы порадошныхъ. Ну, тяперъ, установили на крыльѣ, и усѣѣвъ гѣтый Иванѣ Ивановичѣ рымскій царевичѣ, и бочонки гѣты дѣржѣтъ. И ина ямѹ отвѣщаеѣ: што, говорить, гляди жѣ ты, говорить: я буду ити-ни, ити-ни, якъ тольки зирѣ нѣ бокѣ, дыкъ ты мнѣ шгеръ мяса у дѣбку: дыкъ и ѣ дѣлий, говорить. Ну, яны и полягѣли. Дыкъ ля-тиѣтъ-лятиѣтъ, лятиѣтъ-лятиѣтъ, адыѣи зирѣ назадъ! Ёнѣ ѣй торкъ у дѣбку, — яна ѣ дѣлий. Агѹ! ёнѣ торкавъ-торкавъ, подаваѣтъ усѣ. А тутъ тольки берагѣ видатъ шѣ: якъ вокожѣ скинуѣтъ, дакъ берагѣ тольки. Агѹ, нечаѣго ямѹ даватъ. Глядѣла яна, глядѣла, усѣ: зирѣ назадъ, — нема ничего: зирѣ назадъ — нема ничего! Яна ѣ нижы, яна ѣ нижы. Тогда ёнѣ узавѣ, зѣ ноги сапогѣ зняѣвъ, свою икру отрѣзавѣ, ды у ротѣ ѣй! Повѣшала троху. Ити, ити, — опять зирѣ назадъ — нема ничѣѣго, зирѣ назадъ — нема ничего! Тогда ёнѣ сапогѣ другѣй зняѣвъ, другую икру отрѣзавѣ, торканувѣ ѣй у ротѣ. Подня-лася яна выпны. Да ужѣ на берагѣ выхоѣиѣтъ соѣсѣмѣ. Тогда яна отвѣщаеѣ ямѹ: што, ну, ѣѣи адоровѣ, а я ужѣ, можа мяне такъ Богѣ перанясѣтъ тѣразъ моря! Ну, якъ перанясла яна яго — съѣѣвъ ёнѣ — яна говориѣтъ: ну, каеть, — што ты мнѣ за мясо даваѣвъ напосѣлѣ? — Штѣ я табѣ даваѣвъ? Мясо усѣ да-

вань! — Нѣ, каеъ, ты признай, бо будешь не чаловѣкомъ! Ёнѣ тогда каеъ: икры табѣ дававъ своё!..—Ну, каеъ, зыѣвай сапоги! Ёнѣ зыѣвавъ. Яна карханула, икры тыа выкархнула. Ёнѣ приложытъ, яна дмухнула—яно ѣ прижыло. Тожъ и другую такъ само: прикладавай! Ёнѣ приклавъ. Яна дмухнула, и прижыло. —Тяперича, говорить, иѣи зъ Богомъ, а я по-лячу къ дятѣмъ къ своимъ, — можа мяне такъ Богъ перанасѣтъ! Попро-щалиси одинѣ съ однимъ и разошлись.

Тяперѣ ёнѣ якъ иѣи дыкъ иѣи, иѣи дыкъ иѣи—двой еутокъ ня ѣвъ ужо, якъ вышавъ. Обнимаеъ яго тѣмная ночь. Сычасъ ёнѣ заходить дѣ nibудъ у лясокъ тайтъ. Стоитъ тамъ у край осина, большая осина, пра-громная. Ёнѣ подѣ гэтой осиноу расклавъ тилушкѣ и лёгъ наузлокѣ-кахъ. Облоктився и думаетъ, якъ што Богъ дасъ. Ажны сычасъ у гэтой у восини птушачки такѣа, синички называютьца, тивкають у гэтой осини. Тяперѣ ёнѣ думаваъ, думаваъ, али думаетъ: полѣзу! можа гѣто мнѣ пославъ Господѣ на пропитанья. Полѣзу, достану ихъ, обсмолю и зѣмъ, хуѣ трошачку ня такъ буду ѣсъ хотѣтъ! Подлѣзаеъ ёнѣ туды и ставъ ихъ брата оттулъ. Яны отвѣщаютъ яму: ахъ, говорятъ, Иванъ Ивановичъ рымскій царевичъ! ты на насъ, каеъ, не хотѣвъ лядѣтъ, а тяперѣ табѣ при-шлося ѣсъ насъ. Ды ня рушъ насъ: мы табѣ будѣмъ знадобны, каеъ; а ты будѣшь нашими молитвами сытъ! Ёнѣ тяперѣ и кинувъ, не бравъ ихъ, лёгъ. Такъ яму ѣсѣти не захоѣлось, и сытъ ёнѣ довольно. Наза-утраго устаеъ рано, помывся, Богу помолився, маршъ, и пошовъ. Якъ иѣи дыкъ иѣи, иѣи дыкъ иѣи, у кого спытаеъца: сколькои вѣрѣтъ до тако-го ѣ такоу?—А, каеъ, вѣрѣтъ пѣтсѣтъ, а можа, говорить, шѣсѣтъ бу-детъ до яго! Обнимаеъ яго узноа тѣмная ночь—сколькои ёнѣ тамъ за-день убѣхъ, Бохъ яго знаетъ,—заходить ёнѣ у дубникъ иѣѣи и раскла-даеъ тило. А ѣсъ хочытъ дужа. Расклавъ ёнѣ подѣ дубомъ тило, гэ-тый дубъ пригрався, ажны у гэтымъ дуби пчолы, гэтыя, полявын. И за-шумѣли яны тамъ у вульи. Ёнѣ тогда слухавъ, слухавъ, а тогда: ахъ, Господи! можа мнѣ гѣто на упитанья Бохъ пославъ! Полѣзу! Возму головешку якую и полѣзу! Можа тутъ мѣдъ ѣсъ: доставу, окраплюся за сколькои днѣвъ!.. Пчолы гэтыя отвѣщаютъ яму: Иванъ Ивановичъ рымскій царевичъ! ня рушъ ты, говорить, насъ! ты на насъ бывало не хотѣвъ лядѣтъ, а тяперѣ табѣ пришлось насъ ѣсъ, говорить. Ты будѣшь, гово-рить, нашими молитвами сытъ: молись Богу, да ложись спать! А мы табѣ будѣмъ знадобны! говорить. Такъ ёнѣ сычасъ Богу помолився и спать лёгъ. Назаутраго рано устаеъ, помывся, Богу помолився и маршъ, и пошовъ дорогой. Якъ иѣи, дыкъ иѣи, якъ иѣи, дыкъ иѣи—обнимаеъ яго зноа тѣмная ночь. Идѣтъ ёнѣ по узбережжу, коло мора. Чистое, ничого нема, только одинѣ камышъ гэтый, трысьникъ, значытъ. Ёнѣ тогда узидѣ

тягло выкресавъ, трысьнику гэтаго наломавъ и расклавъ на берази огню-
шюкъ. Ажны зъ мора ракъ морскій повзеть на берагъ! гэткій большущій,
сохрани Бохъ. Ёнъ тогды гэтаго грака ляской потчавивъ—ворухъ у вогонь.
Хоть я гэтаго грака зьбѣмъ, говоріть. Гэтый гракъ отвѣщае яму: „ахъ, ка-
есть, Иванъ Ивановичъ, рымскій царевичъ! говоріть. Я, каесть, вышовъ зъ
мора заморскаго чаловѣка глядѣть,—што тутъ за люди, говоріть,—а ты
мяне у вогонь вѣрнешъ! Ты на насъ уяродъ не хотѣвъ лядѣть, а тяперъ
табѣ пришлось бѣгти насъ. Да ты мянѣ, говоріть, молитвамя сытъ бу-
дешъ. А я табѣ, говоріть, знадобенъ буду!“ Тяперъ ёнъ знявъ яго съ огня,
ёнъ и поповъ у мора. А ёнъ помолился, спать лёгъ. Назаутраго уставъ рано,
Богу помолился, маршъ, и пошовъ. Приходіть ёнъ туды, дѣ яго жана,
у самое поудня. Ажнѣ того вячистаго духа нема дома: поѣхавъ на полю-
ванья. Ина говоріть тогды—ни то рада стала, ни то нѣ: а, бачъ, каесть,
—ты мяне й тутъ нашовъ!—А нашовъ жа, каесть.—А што жъ будеть,
што ты мяне нашовъ: ты мяне отгэтуль ня возьмешъ!.. Дала яму бѣс
тамъ, покормила яго, и почали яны рѣдитца: што, каесть, зѣлаемя: собя-
ромя, каесть, сумочки, говоріть, возьмемъ и пойдёмъ! Ну, набрали харчи
съ собой и пошли дорогой. А у гэтаго вячистаго духа, у яго було пят-
сотъ голубовъ, и усѣ бѣлыя, одинъ уво динъ. Тяперъ, бывъ у яго одинъ
голубъ такей у пятѣхъ сотахъ тыхъ, што абы якая причина, дыкъ ёнъ
сычасъ полетѣть и раскажеть. Гэтый голубъ къ яму прилѣтѣвъ и кажеть:
пришовъ, каесть, зъ за мора нѣйкій чаловѣкъ, узывъ твою жонку за рукѹ
и повѣвъ, каесть. А ёнъ отвѣщае: а бачъ, каесть: ти ёнъ и сюды при-
шовъ? якъ ёнъ перабывъ сюды? Сычасъ ёнъ принусьтивъ на лошади, до-
гоняеъ ихъ, узывъ яе за рукѹ, а на яго кажеть: ну, каесть,—коли ты тутъ
будешъ ходиць, дыкъ ня то моихъ, каесть, чатыре вякѣ, а й свойго, каесть, не до-
живешъ вѣку! Нѣ узывъ съ собою ды й повѣзь, а ёнъ застався. Ёнъ сѣвъ, думавъ-
думавъ, думавъ-думавъ: што тутъ зѣлать? Узывъ, назадъ узнова пошлѣвъ, къ ёй.
Пераночувавъ дѣ-нѣбудъ, а назаутраго ёнъ раненько на поливанья поѣхавъ
знова, а ёнъ къ ёй. Ну, што жъ наругатца, вестъ? Рѣдили, рѣдили, дыкъ ёнъ и го-
воріть: „попроси ты яго, якъ ба ёнъ мяне на тѣй бокъ мора перабавивъ!“
Гато, што ничого ня будеть,—ня возьмѣтъ ёнъ яе отгэтуль. Ну, дала яна яму по-
бѣш-што-нѣбудъ и усадила яго дѣ-нѣбудъ ускрыто. Пріяжжаеъ ёнъ увечара
съ поля. „А што жъ, нымаетца: бывъ заморскій чаловѣкъ тутъ?“ Ина отвѣ-
щае: ды вотъ видѣишь, говоріть: ёнъ ли тябе добротѹ зѣлавъ, вызволивъ
табе, дыкъ бы и ты яго на тѣй бокъ мора перабавивъ якъ-нѣбудъ!.. — „Большы
я яго ниякъ не перабавлю, говоріть,—окромѣ, говоріть, ёсь мой братъ
— живѣтъ за пятсотъ верстѣ отъ мяне; дыкъ, говоріть, ёсь у мойго брата
лошадъ такая, и яны зъ моимъ конѣмъ браты. Мой, говоріть, конь пера-
лятитъ увесь свѣтъ—пять разъ доткнѣтца до зямли, а яго пералѣтитъ

братній конь, увесь свѣтъ—три разы доткнецца до зямлі. Дыкь коли ёнъ, говорить, украдець того коня, дыкь зафіець. Большы ниякъ ня можно!" А ёнъ гэта й чуець. Назаўтраго, пераночували, маршъ гэтыі Ничыстыгъ, поѣхалъ знова на полюванья. Яна яго тогды, увязала яму у хусту харчи тамъ сколько-небудь, и расказуець яму гэта. А ёнъ говд-рить: я самъ чувъ усё гэта, говдрить. Попрощалися, и пошовъ ёнъ.

Якъ ити, дыкь ити, ити дыкь ити—обшила яго тёмная ночь. Перано-чувалъ ёнъ ночь гэту. Дѣ-нибудь отдохнувь у камышы у гэтымъ,—устанъ назаўтраго, помолівся Богу й пошовъ. Ідзець ёнъ, ажно пасець старичокъ кдній, старый-старый дѣдъ. Заходить ёнъ къ гэтому дѣду: здрастуй, дѣдъ!—Здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ, рымскій царевичъ! Куды ты, каець, ідзець, дитя?—на яго.—Такъ и такъ, говдрить, дядулька: нау я къ гэтому нячистому духу на службу! А ёнъ отвѣщаець яму, дѣдъ гэ-тый: „нѣ, дитя, каець: у яго, каець, ёсь три кобылки, и ина, баба, яго жана, нанимаець пастуха у поля ихъ гоняць, кобылокъ гэтыхъ. Дыкь, говдрить, у яго парканъ, войстроколомъ обгороджанъ, зялѣзныі тынъ кругомъ двора, и на усякой востроколини по голові стырчить. А одна войстроколина пустая, говдрить,—то пѣвно твоя тамъ будзець стырчать голова. Дакъ отъ, дитятка, говдрить: у яё ёсь три кобылки; а то не ко-былки, ды яё дѣчки,—дыкь ихъ ніхто не упасець. Зхovitца пасець, якъ не упасець, дыкь ина голову отрубить и на войстроколину устѣр-нець. Попробуй, каець, иди!" Ну, тяперъ, сычасъ ідзець ёнъ надъ вечіръ у гэтыі дворъ. Ажні гэта баба сустрѣкаець—жонка того: ідзець на зя-лѣзной ступи и зялѣзнымъ товкачомъ погоняець. „Здрастуй, бабка!"—А здоровъ, здоровъ, заморскій чаловѣкъ! Далёко жъ ты зайшовъ, говдрить. Чаго жъ ты, говдрить, жаласець тутъ?—„А отъ, бабка: службы пытаюся: ти ня выслужывъ ба дѣ коня сабѣ,—пераѣхатъ на той бокъ мора!"—А вотъ, дитятко, у мянѣ ёсь три кобылки пасытитъ. Коли, говдрить, упасець три дни, дыкь дамъ табѣ кобылку; а не упасець, дыкь голову на вой-строколину посаджу твою!—„Ну, што жъ робить: трѣба спспробувать гэтаго пасець! Упасу дакъ упасу, а ня упасу, дакъ што жъ робить," говдрить. Приходить ёнъ у дворѣцъ, выдаець ина обѣдъ яму,—што тольки ёнъ пожалавъ, дыкь ина усё даець. „Ну, каець: тяперъ оддыхни,—заўтра раненько погонийъ, говдрить. Яны кобылки зжирныя, говдрить, дакъ ты ихъ и упасець!"—Ахъ, ёнъ ёй отвѣщаець: што жъ, каець, оддыхаць, бабка: нема ў мяне ни путца, ни оброточки,—сь чимъ жа пасытитъ?—„А вотъ, дббро, каець—хадзяскае дитя", каець. Узала яму пняньки, на лѣвыі палець тритцать берковцовъ ись яибару выкинула. А ёнъ, добрый молодець, згробъ на плечи и понёсъ. „Ага, каець, дитятка: и ты не пло-хей малецъ!" Зывивъ сабѣ пѣгу, повивъ вобрыгй, путы—тамъ повивъ, изъ-

вивъ пугу, такую што!.. Помочивъ у кѹну мази трѳйчи—и купа суха. Ну, назаўтраго, пераночувавъ, и выправляетъ ина яго у поля гнать. Дала ямѹ харчѹ у торбу, усѹ тамъ, и выправляетъ гнать у поля. А ѳнъ приходѹтъ только къ воротамъ, отчинивъ ворота у стайни, а яны—прррр! якъ блохи —вѳдомо нячистыя дѳти! И полятѳли. „Э, каеѳъ, бабка: вовки жъ ихъ упасуть гѳткихъ!“—Ничѳго, каеѳъ, дѳтитка: яны тамъ дѳъ собярутца на ложокъ, на лукожорѳя, и будутъ ходѳть! Ну, я пошовъ ѳнъ. Агѹ! ѳнъ ходѳвъ-ходѳвъ, ходѳвъ-ходѳвъ до повднѳ—нема кобылъ, пропали! Тяперѳ ѳнъ идѳтъ коло гѳтой осны. Дѳ синички тѳя были,—ажны летѳтъ синички: „Иванъ Ивановичъ, чаго ты шукаешъ, чаго тужышъ, чаго ты бядуешъ?“—Ахъ, говорѳть, синички моѳ, говорѳть, любѳя! Зѳмовився кобылокъ пѳсѳтьѳть, да вотъ бѳда, говорѳть: день ходжѹ и нема ихъ нѳдѳ!—„Готѹя вобрыгѳ, говорѹтъ: мы табѳ ихъ поприводакуемъ,—яны усѳ наши дѳнали позаймѳли,—нашъ нѳйдѳи жыть!“ (ычасъ ѳнъ обротъ наставѳтъ, а яны якъ уилитутца у яѳ, тягнуть яѳ къ ямѹ! Ёнъ яѳ увѳжыть, укрутѳть у вѳровки, дѳржыть гѳту, а яны другѹю волокутъ. Поприводакували усѳхъ трѳхъ къ ямѹ. Ёнъ ихъ поувѳзѹвавъ, поукручѹвавъ,—зѳвязавъ ихъ гѳнакъ, што ня можно нѳикъ ихъ разорѳнатца. И гонѳтъ ихъ перадѳ собой у гѳтый двѳрѳцъ. Пугой якъ сѳмѳльнѳтъ-сѳмѳльнѳтъ! дыкъ яны ажъ пѳпѳть! Ажно гѳта бабка сѳустрѳкаеѳъ: а дѳтитѹхна! помяленькѹ жъ ты,—яны молодѳенькѳя!—А, каеѳъ, бабка: во гѳта, каеѳъ, горшая! Ды якъ дасъ-дасъ, дыкъ ина ажъ щѳпѳть! Упѳръ ихъ у стѳяню и зажкнѹтъ. „Ну, дѳтитка, отъ, одѳнѳтъ, каеѳъ, дѳнѳкъ и упасѳтьѳвъ! Гѳто ты щѳ першѳй пѳстѹхъ гѳ-такѳй!“ А гѳтый нячѳстый дѳхъ фѳзѳдѳвъ на полюванѳня. Дыкъ конѳ якъ разгѹлявся и зѳвалѳвъ яго. Дыкъ ѳнъ яго убѳвъ трѳхѹ. И тяперѳ сѳжъ хворѳеѳтъ, а гѳту лошѳдѳ узѳвъ уконоавъ у зѳмлю, догорѳи сконѳѳѳмъ,—траптомъ унѳзъ, значитца, а ногѳи угѳру. И навалѳвъ на яго каменѳняхъ. Ёнъ гѳту лошѳдѳ узѳвъ выконоавъ изъ зѳмли, каменѳня отѳярнѹвъ тѳе, и постановѳвъ яго у стѳяни; насыпѳвъ ямѹ усѳ тамъ, и сѳжъ приходѳтъ къ бабѳ къ гѳтой. Ажнѳ гѳтыя дочкѳ плачѹгѹ у покѳи тамъ. А ѳнъ слѹхаеѳъ подѳ двѳрѳи. Ина ихъ вѹчыть: ахъ, каеѳъ, дѳточкѳ, хѳвайтѳся якъ-небѹдѳ по дупляхъ, по пѳчѳрахъ! Во ужѳ! Дѳнь упасѳтьѳвъ, а щѳ два якъ упасѳтьѳтъ, дыкъ ужѳ которѹ-кѳторѹ, а трѳба отѳдѳтъ, говорѳть. Ёнъ тяперѳ: бабка, каеѳъ, трѳба занѳсѳти кобылкамъ пѳва!—А вотъ, каеѳъ, дѳбро, дѳтитка, дѳбро! ходѳйськѳй сыѳвъ! Возѳми, каеѳъ, клѹчи, да улѳ ихъ тамъ у ясылѳ!.. Ёнъ жа не повѳсѳъ нѳтъ, ды конѹ гѳтому. Назаўтраго, давъ Вотъ дѳнь, сѳчасъ ѳнъ устѳеѳтъ до сонѳца, а бабка тѳя наготовѳла ямѹ ужѳо фѳденѳня, наскладѳла у торбѳчку. „Отъ, говорѳть, дѳтитѹхна, полѹчай, говорѳть, торбѳчку, и гонѳи, говорѳть, зѳ росѳю, на росѹ ихъ!“ Такъ ѳнъ сѳчасъ тогды потходѳтъ только къ двѳрошъ, а яны сѳчасъ прррр! полятѳли,

якъ блохи, на жѣра. „Отъ, каеѣ, бабка,—и паси ихъ, якъ хочашъ!“—А, каеѣ, дитятка, тамъ найдешъ ихъ, яны будуть тамъ по лукоморью ходитъ, говорить. Агъ, ёнъ ходивъ-ходивъ день—нидѣ нема кобылокъ. Идѣтъ ёнъ коло дуба коло того, идѣ пчолы, ажъ яны летять, пчолы. „Ахъ, каеѣ, заморскій чаловѣкъ! чаго ты тужышъ, чаго шукаешъ?“—Отъ, каеѣ, зьмовився кобылъ пасѣти, дыкъ цѣлый день не найду. Выскочили ись хлѣва у рѣньны, дыкъ нема видѣ!— „А, каеѣ: готуй, каеѣ, вобрыйт, —мы табѣ ихъ поприволакуемъ! Яны у насъ уся дѣпли у дубахъ позаймали!“ Якъ уплятутца ў ихъ,—тянуть усихъ трохъ. Ёнъ ихъ поѣкручывавъ, поувязывавъ и гонить перадъ собой. Якъ дасъ-дасъ пугой, дыкъ яны ажъ нищать. Сустрѣкаеѣ гѣта баба яго: а дитятухна, помалёньку ты ихъ, яны жъ молодёнькія!“—Ахъ, каеѣ, бабка: во гѣта, каеѣ, горшая! Ды якъ смальнеѣ! Яны ажъ нищать. Пригнавъ и загнавъ у хлѣвъ, и запѣръ усихъ трохъ. „Отъ, ужо два дни упасѣтивъ, дитятко!“ Даеѣ яму вячераѣ; ёнъ повячеравъ, Богу помолився и лёгъ спать. Дождався ёнъ третьяго дня. На третійй день: ну, каеѣ, дѣтки! ховайтеся, каеѣ. у мѣра, по норахъ, по пячерахъ, туды-сюды, бо коли сяньны упасѣтитъ,—катору-катору трѣба отдати яму! Такъ ёнъ сычасъ тольки къ воротамъ приходить зъ етой бабой, ажъ яны ворота выбили, и пошли, полятѣли! Ходивъ ёнъ, ходивъ день, ходивъ-ходивъ—нидѣ нема! Идѣтъ ёнъ коло жѣра, ажны повзѣтъ ракъ гѣтый. „Ахъ, говорить, заморскій чаловѣкъ.—чаго ты тужышъ, чаго ты шукаешъ?“—Ахъ, говорить, ракъ мой прѣлюбезный! Зьмовився кобылъ пасѣтитъ, ды не могу знайти ихъ, похуваишя нѣйдѣ!— „А, каеѣ,—твое кобылки мнѣ норы позанимали. Готуй, каеѣ, обрыйт,—я ихъ табѣ попритѣкую!“ Гѣтый гракъ якъ уплятѣтца—волочѣтъ! Ёнъ увяжытъ, укрутитъ—забрытавъ усихъ трохъ,—посѣтягувавъ яму! Ну, ѣ гонить ихъ домовъ, ды дасъ-дасъ! Сустрѣкаеѣ яго баба гѣта за три вярсты щѣ: „а дитятухна, говорить, а помалёнячку жъ ты! А ня би жъ ты ихъ! А дитятухна!“ А ёнъ смалить! „Во гѣто, каеѣ, вовкъ яѣ рѣжъ, горшы за ўсихъ!“ Загнавъ тыки ихъ у хлѣвъ, уиѣръ ихъ. Коня подгодувавъ, а самъ подъ дѣри, слушаеѣ. Ажны яны голосомъ голосюѣ, дѣчки: ни водна ня хочѣтъ. Тогда старуха ужо тая: дитятухна, каеѣ: ѣзѣдивъ на полюванья ходяинъ мой, и конь разгулявся, упудився, и ёнъ яго, говорить, забивъ. Дыкъ ёнъ яго укопавъ у зямлю. Знайдѣ яго, ды садѣся и ѣдѣ!“ А ў яго ужо выкопанный! Такъ ёнъ сычасъ подѣякувавъ гѣтой баби, на коня усѣѣвъ. А гѣтому нячистому духу дали вѣдома, што такій и такій узявъ коня и поѣхавъ. Дыкъ ёнъ якъ ударивъ у слухъ, ў муръ,—слухъ завалився и яго забивъ.

Тяперъ ёнъ прѣѣхавъ къ жанѣ, сычасъ, много ня мѣдливши, ухапѣвъ жану и побѣхъ. А гѣтый голубъ трѣпъ-трѣпъ и полятѣвъ. „Ахъ, говорятъ,

пріѣхавъ заморскій чаловѣкъ, ухитивъ вашу жану на лошаѣ и повѣзъ!“
 —Ну, говорить,—тыперь яго! говорить. То жъ яны удвоихъ усѣбли, а ёнъ, Нячистаѣкъ, якъ припустивъ на своей лошади,—нагоняеть ихъ. Тыперь гэта лошаѣ якъ заржеть посвойму: „ахъ, каеть, братъ мой родный! ёнъ мяне за три дни выкормивъ, выпойивъ, што я ў того нячистаго духа вѣкъ проживъ, ня видѣвъ гэтаго, што ёнъ мнѣ дававъ! Поднямися ты, говорить, подъ небеса, разгуляйся и пераваряйся догоры скопѣёмъ, и ськинъ ты нячистаго духа съ сябе, и ударъ яго, говорить, скопѣѣтъ догонь у голову!“ Гэта лошаѣ якъ разгулялася, якъ поднялася подъ небеса, дыкъ ёнъ яе державъ-державъ,—яна яго якъ збросила съ сябе, ды догнала яго, ды якъ ударить у голову копытами,—такъ ёнъ и упавъ на землю. Яны сычасъ погѣдали съ коня, гату нячисту силу порубили на ковалки, тѣло расклали и спалили яго. Раздули тѣй пѣпѣль, а сами поѣхали къ батьку. И тыперь живутъ тамъ у яе чарствыи.

Д. Петушии, високогор. вол., стѣнн. у. Отъ кр. Евфима Григорьена, 70 л., неграма.

Изъ д. Чудныхъ, стѣнн. у., записанъ варіантъ, подъ названіемъ *Козель безсмертный*. Жили три брата и три сестры. Меньшой братъ былъ дурень. Разъ, вечеромъ, подходитъ кто то подъ окно; вечеръ добрый!—На здоровье! Кто тамъ такой?—А кто сабѣ не ёсь, али пришовъ у сваты къ большай сестрѣ нашей! Дурень, какъ сидѣлъ въ запечкѣ, такъ за старшую сестру да за порогъ. Тамъ сѣ кто-то подхватилъ и увѣзъ. И не знаютъ, не вѣдаютъ, кто. Такъ же случилось и со второй и съ третьей сестрами. Тогда братья стали бранить дурня: кто у насъ тыперь будить ходяйство весьтъ? Жанись, коли поддалась сясѣть нема вѣдома куды и за кого! Дурень женился. Черезъ нѣсколько времени жену его украли, и дурень пошолъ еѣ разыскивать. Приходитъ къ первой сестрѣ, она за Вѣтрошъ. „Да, говорить: твою жену укравъ Козель безсмертный. Мой мужикъ видѣвъ, якъ ёнъ яе нѣсь. Вѣтеръ хотѣвъ отобрать яе ломавъ-ломавъ Козла, али ничего не зробивъ, што ёнъ безсмертный!“ Приходитъ къ средней сестрѣ, та за Солнцежъ. „Да, говорить: мой мужикъ, пѣкъ-пѣкъ его, хотѣвъ отобрать твою жонку, али ничего яму ня можно зробиць—у яго смерти немашь!“ Третья сестра оказалась за Громожъ. Грожь тоже „правъ-правъ Козла ляруномъ, али ничего не зробивъ: нема вѣдома, дѣ яго смерть!“ И дала ему клубочекъ и ниточку, которые привели его къ женѣ. Козла не было дома, и жена спрятала мужа въ склепъ, а сама вычитала у Козла, что его смерть въ морѣ: есть тамъ камень, въ томъ камнѣ утка, въ уткѣ яйцо, въ яйцѣ смерть. Пошолъ дурень назадъ

къ Грому. Тотъ посовѣтоваль ему выплавливать рыбу изъ моря и бросать по берегу. Жалко стало рыбы царю-окуню и онъ доставилъ дурню камень со дна моря. Громъ разбилъ перуномъ камень. а дурень схватилъ утку, разорвалъ её и досталъ яйцо. Возвратившись къ женѣ, отдалъ ей яйцо и научилъ её: „якъ станешь искать вошій у Козла, ударь яго яйцомъ у лобъ!“ Та такъ и сдѣлала. Козёлъ умеръ, а они благополучно вернулись назадъ.

Въ *Чиниринки*, *бых. у.* записанъ такой вариантъ:

Живъ дѣдъ изъ бабой, и було у ихъ три дочкы й сынъ. Дѣдъ и баба померли, застались дѣти одны. Прилятая къ имъ уповднѣ письмо, кабъ було питѣнья-ядѣнья. Яны наготовали и пошли у садъ гулять. И зморивъ ихъ сонъ; яны звязались поясомъ и заснули. Прошнулися, ажъ большаю дочкѣ укравъ зымѣй. На другій день опять прилятая письмо, кабъ було питѣнья-ядѣнья. Яны наготовали и пошли у садъ гулять. Ихъ узнавъ изморивъ сонъ, яны звязались поясомъ и заснули. Прошнулися, ажъ ужъ сярэдняю дочкѣ укравъ зымѣй. На третій день узнавъ прилятая уповднѣ письмо, кабъ було питѣнья-ядѣнья. Яны наготовали и пошли у садъ гулять. Изморивъ ихъ узнавъ сонъ; увязались яны поясомъ и заснули. Прошнулися, ажъ мѣньшаю дочкѣ укравъ зымѣй. Одиный застався Иванька. Походивъ ёнъ, походивъ по саду, поплакавъ, да дѣлать печаго. Бывъ у яго коникъ; сѣвъ ёнъ на коника и поѣхавъ у свѣтъ шукать своихъ сясѣтёръ.

Ѣхавъ ёнъ, ѣхавъ, зъ рання до вечара, обняла яго тѣмная ночь. Подъяжжаа ёнъ къ городу, ажъ зымѣй обкрутився выкругъ городъ и хвостъ у зубы узывъ. И поджавъ Иванька коня такъ, што конь пералатѣвъ чаразъ зымѣя и не зачипивъ зымѣя. Ъѣа Иванька, ажъ стоить домъ. И бача ёнъ, што на третѣямъ атажу сяднѣ яго сястра, шыа-вышывая и дужа плача. Заѣхавъ Ванюша у домъ, поздрастувася съ сястрой и кажа: садись, сястра, на коня, и ѣдемъ! Яна кажа: боюсь! ти утѣчомъ, ти нѣ, а тогды буди ще горэй!—Ня бойсь, кажа Ванюша: садись! Сѣла яна на коня и поѣхали домовъ. Ажъ дегоняя ихъ зымѣй. Отобравъ сястру у яго, а яму кажа: гляди, кабъ гэтаго боли ня було, бо убью! Заставъ Иванька узнавъ одиный. Плакавъ, плакавъ и пошовъ назадъ, къ сястрѣ. Пришовъ и мовчѣть. Тогды дала яму сястра клубочакъ и кажа: куды гѣтый клубочакъ буди катитца, туды й ты йди! Ёнъ узывъ и пошовъ. Ишовъ, ишовъ, и зайшовъ къ сярэдняй сястрѣ, и довго зъ ёй ня разговарувавъ. Дала яму тая сястра повсѣтнику и шарсѣтнику. И покатився клубочакъ дали. Катився, катився,—прикатився къ третѣй сястрѣ. Ёнъ и туды пришовъ

мѡвчики. Гэта систра дала яму золотую трысьтинку. Покатився клубочакъ далай, ажъ сідзе на камяни баба и дѣлая панчошу. Ёнъ кажа: здра-стуй, бабка!—А здоровъ, здоровъ! куды ідэшъ, дитятка? А ёнъ кажа: ды іду, бабка, у найму!—А, наймись у мяне кобылицъ пасьтить: три дни отпасьтишъ, возьмешъ коня сабѣ любого! Нанявся Иванька кобылицъ пасьтить. Якъ выгнавъ за ворота, дыкъ яны й полятѣли,—тольки ёнъ ихъ и бачивъ. Тогда ёнъ пошовъ за кусьтики, наклавъ тяшѣлца, изьнявъ дудочку и играя. Давъ Богъ вечаръ, а кобылицъ нема. Тогда ёнъ узывъ повестьинку и шарсьтинку, припѣкъ къ тяшлѣ—кобылицы й стали собиратца со хмовъ, зъ болотовъ. Отрэзавъ ёнъ дубину, якъ ставъ бить кобылицъ. Бивъ, бивъ,—добираецца до женьшай. А женьшая кобылица кажа: ня би мяне, Иванъ Ивановичъ, буду я табѣ у вялікой пригоді! Ну, погнавъ ёнъ ихъ у дворъ. Пропасьтивъ тыхъ кобылицъ три дни. Тогда баба сь-зала яму привезьти возъ шупшыньнику. Ёнъ поѣхавъ у лѣсъ, привѣзъ возъ шупшыньнику, а баба вытопила лизню зялѣзнаю, погнала кобылицъ парить шупшыньникомъ. Парила, парила, добираецца до женьшай. Женьша кобылица кажа: я имъ казала, кабъ яны утекали отъ Иваньки, а яны на нихъ вѣспаўта! Ну, баба ядъ за гэта ня била. Ну, отпасьтивъ три дни, зовѣ баба яго у стайню, ужэ коня значітца, выбирать. Меньшаа дочка сьчасъ яму кажа: ты ня бяри тыхъ коняй, которыя хорошыя, а бяри того коника, што потъ стяной ляжытъ, корузянькій! Привыла яго баба у стайню, ажъ тамъ повно коняй. Таа баба кажа: выбирай сабѣ лучшаго коня! А ёнъ узывъ да гэтаго корузянькаго таша. Выволокъ яго за ворота, ёнъ сьчасъ ставъ дужа добрый конь. Сѣвъ ёнъ на яго и поѣхавъ,—по пяцьдэсять вѣреть за часъ ѣхавъ. Отѣхали сколько-тамъ, той конь говора: Иванъ Ивановичъ, пусьти мяне назадъ,—я отобью дванатцать жарабцовъ, отоссу дванатцать кобылицъ! Ёнъ яго пусьтивъ. И такъ жа само и на другій день и на третій. И адѣлався яго конь богатыромъ. Поѣхали яны тогда къ бѡльшай сястрѣ. Пріяжжаа туды, а зьмѣя дома няа. Ёнъ узывъ сястру и поѣхавъ. При-лятаа зьмѣй и кинувъ на стайню и пытаецца ў коня: „ти ёсь звѣзды на неби, ти ёсь ходяйка у дворѣ?“—Звѣзды на неби, якъ были, такъ и ёсь, а ходяйки у дворѣ немашака!—„А ти могомъ догнаць?“—Догнаць то могомъ, али узять не могомъ! Зьмѣй сѣвъ на коня, и догнавъ Иваньку сь сястрой. Тогда конь Иваньковъ кажа зьмѣю: ня лѣзь, а то ногой кивну, хвостомъ потхвачу, на макъ рассяку! А зьмѣй ня слухая, ды къ яму. Конь той ногой якъ кивнувъ, хвостомъ якъ махнувъ, потхвативъ зьмѣя и расфѣкъ на макъ!

А Иванька тогда перавозивъ сясѣтѣръ домовъ и жыуть тѣперъ умѣсти.

27. Кобылинъ сынъ.

Було сабѣ у десятомъ царствѣ, на десятомъ государствѣ, живѣ сабѣ купецъ ижъ жаною. И ня було у ихъ дѣтей. И зажалавъ ёнъ дѣтей. Што усѣ маеть, усимъ свѣтомъ купцуетъ, а нема дѣтей. Тогда нѣхто наравнѣ яму, што ёсь такая рыба, што якъ уловитъ яе и зѣбѣть, дакъ будуть дѣти. Гѣто яму нараяно. Ну, ёнъ призывая рыбака. „А што, рыбаць, ти уловишь ты такую и такую рыбу?“ — Ня вѣдаю, кажа, ти уловлю, ти нѣ. Коли зловлю, тогда принясю! Ну, пошовъ ловить. И показалася яму тая рыба, ёнъ и зловить. Принёсъ яму, тѣй узавъ, заплативъ яму. Дыкъ хо-дѣйка и служанка узали яе чистить, вымыли ды воду тую подъ вуголь вылили. А кобыла ходила по двору, тую воду и выпила. Якъ выпила такъ и затижарила. Тогда служѣбка тая готовя рыбу и коштѣя, вядѣмо, кухарское дѣло. Якъ покоштовала, дыкъ и затижарила. А тогда зготовавши, понясла до столу хо-дѣйцы, якъ зѣбла хо-дѣйка и хо-дѣйка затижарила—уся утrophъ затижарили. Ну, дыкъ тогда, якъ вышавъ строкъ, дыкъ служѣбка першая поспытала, першая и обродилася и сына родила. Купецъ тѣй и радъ. И хо-дѣйка утяжку. Ну, тогда зновъ жа сама хо-дѣйка зновъ жа сына родила. А тогда посели хо-дѣйки зновъ жа кобыла сына родила—уся три по сыну родили. И яны годуютца не по годамъ, али по часамъ. Ну, мы гѣто не знаємъ—прошло тамъ кольки урѣя, купецъ тѣй утишаецца на ихъ и отдавъ ихъ у навуку—служѣбкинаго сына и свойго, а того кобылинаго—подслужавать ихъ у навуцы, подавать ихъ! столу, якъ тѣй каа, вядѣмо. (Кольки урѣя, дакъ тыя вучутца, а тѣй кобыльлѣй сынъ дакъ большъ ихъ понимая—тыя дѣбро знаютъ навуку, а тѣй ше лѣншы появся. Якъ гляня у книжку ти у лисьмо, дакъ и зная: ниhto ня вуча, ня показуя, а ёнъ большъ ихъ вѣдая. Ну, поучилися сколько тамъ урѣя, скоро вышли зъ навуки, дакъ ёнъ и большъ ихъ вѣдая, тѣй то ужэ значитца, кобыльлѣй сынъ. Ну, стали яны тогда зъ батькомъ жить. Жыли, жыли, тогда Кобылинъ сынъ кажа: а што, татка, кабъ вы зѣбѣлаи намъ принась на прогуляння сходиць, по хвѣти значитца походиць, во усѣ ровно, якъ зъ ружжомъ. Ну, дакъ ёнъ на тоя кажа: якій жа, говорить, принась? А ёнъ отказуя: а якій жа, татулька, принась? Искуй служѣбкиному сыну булдаву зъ зялѣза у три пуды, а свойму у чатыре, а инѣ у пять пудовъ! Ну, ти у купца зялѣза нема, ти што. Ну, батька отвѣчавъ и ставъ кувать булдовы, такъ, зъ зялѣза. Тогда поѣблали тыя булдовы, три, тогда Кобылинъ сынъ узавъ тую наймитчаго, служѣбкинаго сына булдаву, вышавъ на вулицу, покрутивъ, покрутивъ, раскрывъ ладоню и пусьтивъ яе подъ нябѣсься. Тая булдава якъ полѣтѣла, ёнъ выставилъ ладоню, яна якъ удырилася, дыкъ и рассыпалася. А тогда узновъ

таже само другого брата узновъ жа выпробувавъ булдаву, ти крѣпка яна. Вынясь, размахнувъ, размахнувъ и пусьтивъ подъ небеса. Яна якъ лягѣла, ёнъ выставивъ коѣно, яна и рассыпалась—того ужъ, батькины жонки сына. Ну, а тогда ужъ свою ставъ выпробувать. Вышавъ у поля, якъ кинувъ—и подставивъ лобъ. Ина якъ лягѣла прямо на лобъ—якъ удырилась—дыкъ и рассыпалась. Ну, тогда ёнъ узновъ: што, кажа, татка: положили мы свой припасъ, и на прогулянку не пошли. Трѣба прибавить, татка, зялѣза. Ставъ, бачъ, надокучать яму. Ну, який жа важъ, каа, сынокъ, припасъ трѣба, сколько прибавить?—А ёнъ каа: а службѣкиному сыну пять пудовъ, а купецкому сыну шѣсть, а мяѣ, тата, у восемь пудовъ. Ну, їаперка, покувавъ ёнъ гѣты булдовы, стали яны узнова выпробувать. Вышавъ ёнъ на поля, поважывъ, поважывъ тую службѣкинаго сына булдаву, ды якъ пусьтивъ—дыкъ неха вѣдома дѣ ина и дѣлась, только пылъ да дымъ по полю—полягѣла неха вѣдома куды и што. Ну, а тогда другого брата тожъ сабѣ поважывъ, поважывъ, якъ пусьтивъ—дыкъ и неха вѣдома куды и што ина дѣлась, только пылъ да дымъ. Ну, а тогда услѣдъ и свою пусьтивъ, услѣдъ за ямы. Ну, а потожъ ёнъ хотъ посѣли пусьтивъ, а потожъ яна пойдя мѣ на край свѣта, припасъ тѣй яго пераиясѣ обадвыхъ братовъ булдовы. Тогда ёнъ отвѣщая—попутьтивъ припасы—тогда побили тамъ кольки: што жъ, каа, татка: припасы намъ подѣдали, трѣба жъ намъ вѣсти шукать припасовъ тыхъ своихъ. Тогда тѣй татка ставъ ужъ и сожугѣнъ, ставъ ужъ и плакать, и ятки, и того, и того, што якъ жа, якъ тѣй казавъ, дождали трохъ сыновъ, и тыя у свѣтъ пойдуть, неха вѣдома куды, што дѣ найдуть, дѣ познаходють. Стали отравать и того и того. Нѣ, кажа, татка, трѣба вѣсти. И не послушали и пошли, попрощалися, повиталися и отиравилися. Коли будутъ, кажа, татка, браты мяне слухать, дыкъ мо ще я убачимся, и узвернемся, а якъ ня будутъ слухать, дыкъ Богъ зная. И увубралися уси и пошли. Ишли, ишли—ня такъ жа скоро дѣетца, якъ кажатца,—ишли сколько тамъ урѣмя и нашли того службѣкинаго сына припасъ. Вотъ, каа, братцы, и ёсь одного брата припасъ. Ну, каа, одного брата нашли припасъ, пойдѣжъ жа, каа, другого брата шукать! И пошли. И усѣ такъ идуть и сами сабѣ разговарують, покуль знайдуть. Ну и тожъ сабѣ—сколько урѣмя ишли, находятъ другого брата *тую* припасъ. Ну, во, каа, хваить Бога, и другого брата знайшли. Тѣй Кобылинъ сынъ: а мою, каа, Богъ вѣдая, коли до яе дойти и дѣ яе знайти. Ну, изновъ жа то жъ пошли дали. Ишли, ишли, и бачуть здалека на десятомъ чарствѣи, у десятомъ государствѣи, на поганого цара доми стоить тая булдава. Вотъ, каа, братцы: якъ намъ яе достать оттуть? кабъ сами голѣвы ня покладали тамъ! Тогда яны перазъ сколько тамъ урѣмя добралися, пришли къ тому дому. Тогда тѣй Кобылинъ сынъ узлѣзъ на тѣй домъ и доставъ *тую* свой

принасъ. Тогда у тэй домъ, и гуляють тамъ, и пьють, и у карты гуляють. Яны зѣвидно гѣто пришли, во якъ ба и тяперъ. Тамъ порожній тогда бывъ, домъ тэй. Тогда яны, тоя, давъ Богъ ночь, тогда Кобылинъ сынъ посылая служэбникаго сына на варту на шляхъ, вярстовъ за пять, шляхъ такой бывъ, во якъ ба тяперъ цыгунка.—Пославъ яго у лазню—иди жъ, каа, братикъ, на варту, ды ня сьни, кажа, а то якъ заснешъ, дыкъ мы тутъ головы зложимъ. Ну, тэй пошовъ. Пришовъ у лазню, да на полокъ, вѣдомо одинъ—лѣгъ и заснувъ. Ничого сабъ и не зная и ня вѣдая. А тэй того другого брата, жаноччаго сына, ходякинаго, покинувъ, а самъ тэй жа справой къ лазни, ды подъ мостъ. На гнянной рацѣ, бывъ, вотъ якъ ба у Вялыничихъ, мостъ такой. Только ёнъ сѣвъ, ажъ и Ёля поганый царъ, смокъ съ шасма головами. Сычасъ собаки забрахаи, свисѣтели засвистали. Чѣго брешытя, чѣго свѣщитя,—не къ чуждому двѣру ѣдешъ, къ свойму. Ёсь на десятомъ чарьствѣ, на десятомъ государствѣ Кобылинъ сынъ, дыкъ яго суды воронъ косъти не занясе, а болшъ мы никого не боѣмся. А ёнъ съ подъ моста—сѣвъ. „Нято воронъ косъти заноса, а молодецъ самъ заходя. Дни, каа, поля! Якъ дунувъ тэй, да съ шасъти головъ на шѣсь миль выдувъ. А ёнъ якъ дунувъ, дыкъ и позлативъ. А тяперъ: ну, што, каа, Кобылинъ сынъ, ти будѣмъ битца, ти миритца? Ну, а Кобылинъ сынъ каа: нѣ, поганый смокъ, будѣмъ битца. Тэй Кобылинъ сынъ якъ хаявъ мечъ, якъ трахнувъ, дыкъ три головы сътявъ. У другій якъ трахнувъ—шѣсь головъ сътявъ. А тэй яму ничего ня зробивъ, не посиливъ. Тогда узавъ шасътирикъ коняй, у домъ у тэй прѣхавъ, у стайню коняй тыхъ зачинивъ и повозку укативъ, по порадкамъ, такъ якъ и усюдахъ. Ну, а тогда самъ у комлату икъ тому брату. Давъ Богъ день, тогда тэй братъ и приходя зъ варты, зъ лазни съ тэй. Тогда ёнъ нѣтаецца,—а што, кажа, братка, ти бачивъ што, ти было дѣ што табѣ? Ёнъ тогда каа: нѣ, братка: ничого ня бачивъ. Якъ пришовъ, дыкъ лѣгъ на полку. Объ повночъ нѣшто якъ загремѣло, якъ застучѣло, дакъ я съ полка звалився ды удырився, дыкъ во на лысики гузъ ускочивъ! Ну, тэй яму ничого не сказавъ, только усмыкнувся. Ну, тогда яны узнова день тэй гуляють, пьють, ѣдятъ, у карты гуляють, а давъ Богъ ночь, тогда у вечари кажа на другого ужъ брата,—ну, братику, иди, кажа, у такую и такую, каа, лазню на варту, да только жъ, говоряди, братецъ, ня сьни, а то якъ заснешъ, дыкъ мы тутъ и головы свое положимъ, никто насъ и знать, каа, ня буди. Ну, тэй пошовъ. Пришовъ у лазню, такъ жа само на полокъ сѣвъ, сядѣвъ, сядѣвъ и заснувъ. Ну, тэй Кобылинъ сынъ потъ повночъ покинувъ того тамъ у доми томъ, а самъ пошовъ узнова подъ мостъ подъ тэй и сядѣтъ. Только пришовъ, сѣвъ, ажъ смокъ заразъ и Ёля, семъ головъ. И собаки забрахаи и свисѣтали засви-

стали. Чёго брешытя, чёго свищигя, не къ чужому двѣру ѣдемъ, а къ
свойму. Ёсь на десятомъ чарствѣ, на десятомъ государствѣ. Кобылинъ сынъ,
дыкъ яго суды воронъ косыгѣ не занясе! А ёнъ съ подь моста: нято во-
ронъ косыти занося, мѣлодець и самъ заходя. Дми поля! Ёнъ поля якъ
дунувъ, дыкъ на семь миль и выдувъ. А ёнъ тогда якъ дунувъ, дакъ и
позлативъ. Ёнъ, бачъ, силнѣй ихъ бывъ. Што то нашъ духъ, а што ня-
пріятельскій. — мы усѣтки болшъ понияемъ. Якъ тая приказка. Ну, што,
кажа, Кобылинъ сынъ: ти будемъ битца, ти миритца? „Нѣ, кажа, ничистая
сила, не того я заходинъ, кабъ миритца, будемъ битца!“ И стали битца.
Кольки — разъ, ти два, ти три махнувъ и сѣтявъ тыя семь головъ. Ну, и се-
яро коняи и повозку узявъ, и побѣхавъ у дошъ у тѣй ихъ. Коняи у стаиню
зачинивъ и повозку укативъ. Особянно усѣ зачиния, отъ ноци того брата
и того. Ажъ скоро и день Богъ давъ. Приходя тѣй ужъ братъ зъ варты тѣй. А
што, кажа, братка: ти бачивъ што, ти было дѣ што табѣ? Ёнъ тогда
каа: нѣ, братка, ничего ни бачивъ. Якъ пришовъ, дыкъ лѣгъ на полку. Объ
півночъ нѣшто якъ застучѣло, якъ загремѣло, зъ горы, дыкъ я злякнувся и зва-
лився съ полка, дыкъ потылицу разбивъ дужа. Гузъ ись кулакъ набѣгъ.

Отъ яны и гуляють знова до вечара, пѣють, жывотца. Ямѣ ужъ и
рупитца. Якъ пришовъ вечаръ, дыкъ треба яму тыхъ тутъ покинуть, а
самѣму на варту ити. Тогда давъ Богъ вечаръ, ёнъ узявъ, повѣсивъ
рушничокъ, во якъ ба гѣта (занавѣсъ) висить, тогда поставивъ подъ руш-
ничкомъ стаканъ, што чай пѣють. Глядитя жѣ, братцы, ня засвѣнито тутъ.
Якъ будя зъ естаго рушничка кровь канать, бягиця якъ дужа ко мнѣ до
помѣцы. Трудно, я покладу свою голову, дыкъ вамъ и класъти нечаго! И
пошовъ подъ мостъ. Тольки пришовъ, сѣвъ, ажъ смокъ и ѣдя — девять
головъ. И сычасъ собаки забрахали, а свисѣляи, засвистали. Чёго брешытя,
чёго свищигя, не къ чужому двѣру ѣдемъ, а къ свойму. Ёсь на деся-
томъ чарствѣ, на десятомъ государствѣ Кобылинъ сынъ, дыкъ яго суды
воронъ косыти не занясе, а болшъ никого мы не боемся. А ёнъ съ подь
моста — сывъ. „Ня то воронъ косыгѣ занося, а мѣлодець самъ заходя. Дми,
каа, поля! Якъ дунувъ тѣй, да зъ девяти головъ на девять миль и выдувъ.
А ёнъ якъ дунувъ, дыкъ и позлативъ. А таперъ: ну, што, каа, Кобылинъ
сынъ, ти будемъ битца, ти миритца? Ну, и Кобылинъ сынъ каа: нѣ, по-
ганный смокъ, будемъ битца. И почали битца. Якъ зачавъ битца, якъ
зачавъ, дыкъ восемъ головъ сѣтявъ, а девятая голова — ужъ выбився зъ
лоды — ня посилая, девятая голова ужъ яго достае, ужъ за лобъ, хоча
яго змогчѣ. А тыя сидѣли гѣто, забылися, да и заснули.

Ну, тая девятая голова съ тымъ вѣдитца, а яны усталилися — ажъ
зъ рушничка кровь тече, ужъ и съ стакана церазъ нильѣтца. Ай, братъ,
пропали! Да туды борѣжѣи къ мосту. Стой братъ, ня удыкайся! А тая го-

лова уже суснитъ за лобъ яго сханили. Якъ ханили, такъ и съгяли туо голову, и ня про што йна была. Ну, якъ съгяли, тоды ёнъ уже отвѣщая: ну, братцы, троку мы головъ не поставляйли! Вы, каа, заснули таяъ. Ну, а тяперъ, каа, дась Богъ живы буделяъ, попераводили, каа, уснихъ, моо къ батьку вѣрнотся! Узявъ ёнъ коняй тыхъ девятѣро, повозку и поѣхали. И поставивъ у стайни, особаяно. И давъ Богъ день. Ну, яны пробыли тамъ кольки урѣмя, Богъ ихъ вѣдая, мы того ня знаемя, отдохнулы, ну тогды ёнъ выводя шѣсъ тыхъ коняй и повозку: ну, кажа на служѣбчинаго,—у гѣто, каа, братка, твоѣ кони и повозка,—къ батьку, бачъ, уже собралися. А тогды вывѣвъ семяро коняй и повозку,—во гѣто, братъ, твоѣ кони и повозка,—на другого уже брата. А тогды третью повозку свою—у гѣто, братцы, моѣ кони. Тогды яны сѣли и поѣхали, къ батьку уже. И сколько тамъ урѣмя, ти сколько вѣрстѣ, ти миль яны отѣхали, тогды тѣй Кобылинъ сынъ забывсь у тымъ доми ды, гѣто, пальчатокъ, на кручку на сѣянѣ висѣли: дакъ забывсь пальчатокъ своихъ. „Ну, постойтъ, братцы, я, кажа, забывсь тамъ своихъ пальчатокъ—школа покинуть. Злѣзъ съ повозки и пошовъ туды. Дыкъ ёнъ и мушачкой съкидався ничолочкой, и птушачкой съкидався: прискочивъ и сѣвъ на доми на толя, а тогды съкинувся мурашачкой, ды уповъ у тѣй домъ. Ажно тамотъка три бабы сядитъ—двѣ жонки тыхъ, а третья matka, ды радютца.—А, попераводили, кажа, напихъ мужиковъ и батьку, кабъ, кажа, ихъ перавесъ, радютца, бачъ. Ёнъ тья пальчатки чапая и усѣ гѣто чум. Ну, одна баба кажа: што я, кажа, зѣбляю? Яны, каа, ня спали, дыкъ съкинуся и посьтѣльлю. Яны якъ лягутъ, дыкъ мы ихъ и перавѣдѣмъ, поморикъ уснихъ. А другая кажа: нѣ, кажа, я ще лучше зѣбляю. Зѣбляю, каа, съкинуся, кажа, крыницай, и золотый кубокъ и сярэбранный, и ля крынички яблота, золотый яблокъ и сярэбранный. Дыкъ яны якъ будутъ ѣхать, поморутца, нигъ захочутъ и батьку на госьтинець по яблочку выщикнуть. Якъ напѣютца, да по яблочку выщикнуть, дыкъ яны тамъ и погинутъ уси три. А, третья уже, matka,—нѣ, кажа, дѣтки, вы ничего, каа, ня зѣбляеся. Я, кажа, якъ разину ротъ, дакъ одну зяпу поставлю на земли, а другую подъ небеса. Дыкъ яны якъ будутъ ѣхать, ко мнѣ у ротъ уѣдутъ, я ихъ и проглыну, ихъ и ня будѣ, кажа. Тогды ёнъ выслухавъ гѣто, пальчатки тья вычалавъ, якъ небудѣ, мушачкой—да борджѣй драла оттуль, догоняѣ братовъ. Съкидався и мушачкой, и пчолачкой, и птушачкой, покуль догнавъ братовъ. Якъ догнавъ братовъ, узявъ, ничего имъ ня кажучи, лѣпшаго самаго коня выбравъ, сѣвъ верхомъ, и поѣхавъ, а браты у повозкахъ за имъ, кожанъ у своей повозцы, уси и ѣдутъ, къ батьку. Дакъ ёнъ и поверхъ лѣсу ѣхавъ, и ў повлѣса ѣхавъ и по зямлѣ ѣхавъ, спробувавъ коня того, ли тѣй причины усѣ. Ёдутъ яны дыкъ ѣдутъ, кольки тамъ, не такъ скоро дѣтца.

якъ кажитца. Ажыи стоить посылти три. Свать тыя браты дакъ ай-ай! Сонь ихъ суснять клоня, ня можно вытрянать. А посылти тыя, дакъ ажъ каная, стройныя вельми. Ахъ, братъ, сколько мы почей ня спали, кажа, страдали, лѣжамъ мы, троху отдыная! А ёнъ кажа,—соскочивъ скорѣй: гѣто, братцы, кажа, зрада! Да скорѣй по одной посылти, али по другой, али по третій—усихъ ихъ понерасякавъ, дакъ яны поплыли кровью. Во, братцы, во, бачитя, якая зрада. Сѣвъ на коня и поѣхали. Якъ ѣхать дыкъ ѣхать, якъ ѣхать дыкъ ѣхать, якъ ѣхать дыкъ ѣхать, и прѣбжавъ зновъ жа къ такому, тожа жъ сабѣ здалека бачутъ—стоитъ яблona, сучокъ золотой, сучокъ *срабранный*, яблоки золотыя, яблоки срабранныя, тожъ и крыничка—кубокъ золотой, кубокъ срабранный. Дыкъ яны якъ напѣютца, яблочкомъ закусутъ, дакъ и попрагнутца.

Бдуть яны, вотъ браты: „вышкнемъ мы по яблочку, а то къ батьку ѣдемъ, кажа, домовъ, а на гостинецъ нема ничего!“ Ни управивъ съ коня зѣлѣзти, а яны ужъ обиды соскочили съ новозокъ да на вѣнярадки одинъ перадъ другия къ яблонцѣ къ той. Стоитя, кажа, братцы: гѣто зрада! А яны ужъ по яблочку и сханили, а ёнъ ня управивъ соскочить, яго конь перанѣсь. Ну, якъ сханили, тутъ ияъ и аминъ, и кивтъ ияъ, и по яблочку у руцѣ держать. Ну, ёнъ тогда соскочивъ, да по яблонцѣ трахъ—ина кровью ськинѣла, по крыничкѣ трахъ—и ина кровью ськинѣла—усѣ ийцѣ дѣлосъ. А тогда узникъ одного брата у новозку и другого брата у новозку, мртвыхъ, аживыхъ, а самъ сѣвъ и поѣхавъ, и кони тыя за ияъ идутъ. Ну, двѣ причины пераѣхавъ, а третійя бѣитца, на силу надѣтца на свою и на рѣзукъ, али што браты няживыя, и коняи столько, дыкъ ёнъ и онѣсуетца, обдумляѣтца, якъ што зрѣбить, засушивъ. Якъ ѣхать дыкъ ѣхать, якъ ѣхать дыкъ ѣхать, якъ ѣхать дыкъ ѣхать, ажно подыажая—стоитъ таа баба, ротъ разинувши—одна зяпа на зялѣ, а другая подъ небеса. Тогда ёнъ якъ разогнавъ коняи, подыавъ у повсѣта, якъ размахнувъ, дакъ такъ верхнюю зяпу и сѣтявъ. И покотивъ повѣрху, и самъ и кони тыя за ияъ повирху. Ну, дякуй, кажа, Богу, пераживъ свой гѣра! Богъ вѣдая, што далшъ будя! А ще до батьки далѣко добратца. Икъ ѣхать дыкъ ѣхать, троху отѣхавъ; а ина тамъ справившися да за ияъ у логони,—хоть ты, каа, зяпу мою одну сѣтявъ, кажа, а пѣтомъ я тебе, кажа, одной зяпой зѣлѣмъ, кажа. Ёнъ сабѣ ѣдя, а ина яго догоняя, ёнъ сабѣ ѣдя, а ина яго догоняя, ёнъ сабѣ ѣдя, а ина яго догоняя—тогда ёнъ ускочивъ—во такъ ба, якъ у Бялыничяхъ, ти у сятѣ ковали куютъ—ускочивъ у кузьню,—ай, братъ, кажа, коваль, грѣй клещи! Ёнъ ускочивъ у кузьню, а ина прѣбгая. Якъ прѣбгла, такъ разъ лизнула сѣтяну, другій лизнула, а за третимъ про-

лизала сытану и яго доста'. Только бз яго достать.—ай, кажа, коваль хайай яё за языкъ! Коваль узавъ клеци да яе за языкъ. Дяржы, кажа, языкъ, на коваля. А ёнъ узавъ булдуу, якъ зачавъ бить, бивъ-бивъ, бивъ-бивъ, бивъ-бивъ и не забивъ яё. Што бивъ—изъ моцы выбився, и положавъ тэй увесь припасъ свой—и не забивъ. И коваль тэй тожъ самое—ободвы яны поуморилися и не забили. Пусьтили яе. Ну, тогда ина кажа: стой-ка, кажа, —я на тябе усьсяду и поѣду, и будемъ своё пѣсьни пѣть, коли я тябе перапаяю, дыкъ усѣтки зѣмъ. Гэтакъ зыжирговалися г-г- ни тэй, бачъ, не подѣлая, ни тэй—обая сильныя. Ну ёнъ подався. Ина на яго усьѣла, ёнъ ракомъ повзѣтъ, ина ѣдетъ и пѣсьни паятъ. И кони тья за нязъ идуть. Ага, кажа, я тябе поѣтомъ змору, кажа. Дыкъ ина, вѣдомо, баба-сорока, и тую почне, и тую —щабеча, во якъ и у насъ бабы на хрзъбнинахъ ти на вясельи—пѣла. пѣла тамъ усикія пѣсьни да й змовкла. Нема, бачъ, у не болый пѣсень, усе перапѣла. Ёнъ тогда пытаецца: ти усе? Ина кажа: усе!— Ну, коли жъ, кажа, усе, тыперъ дай-тка я буду пѣть, дай-тка я на тябе усьсяду! Ну тогда ёнъ на яё усьѣвъ, и кони тья за нязъ. Гэто усе по дорожы, што далий, то къ батьку ближай. Тогда ёнъ зачавъ пѣсьни пѣть. Ёнъ ниякія пѣсьни ня пѣвъ, только усе шабуня: да—гу дакъ да—гу—вяіеѣтъ, да усе на ёй ѣя. Ыхали, ыхали:—ти усе?—Нѣ, кажа, и у полъ яне ня убився. У не свой рацотъ, кабъ яго якъ, а у яго свой. Вѣдомо: тожъ урагъ, а то тьки чаловѣкъ, хращоный, якъ трѣба бытъ. Якъ ыхагъ дыкъ ыхагъ, якъ ыхагъ дыкъ ыхагъ, и пріѣхавъ, во такъ ба, якъ у Бялыничахъ, къ рацѣ. Дыкъ ина ужэ осмигла: якъ къ рацѣ, дакъ я стала нигъ. Якъ стала воду нигъ, якъ стала воду нигъ, якъ стала воду нигъ, дыкъ усею раку вынила, и ёнъ на ёй сяігъ, и повозки тья стоятъ, и кони, и браты. Якъ выпила усею раку, дакъ тогда подъ нязъ лопъ—отъ воды отъ тья—лопнула, и рака тая якъ была, такъ и побѣгла узновъ, а ина тамъ и опраглася. Тогда ёнъ у повозку на своихъ коняй, да й пріѣхавъ якъ батьку. Къ батьку пріѣхавъ, дакъ батька и улякнувся. Дыкъ ёнъ за батьку —татудька, ня улякайся. И показуя заслугу и усе—гэто моихъ братовъ, а твоихъ сыновъ, заслуга, а гэто моя. И гэтыхъ своихъ сыновъ, татка, ховайги, помершыхъ. Ну, ёнъ собравъ людѣй, подѣлавъ дома, и позовавъ. А тэй Кобылины сынъ и живеть тамъ. И я тамъ бывъ, мѣдъ, вино пивъ, и у роти ня було и по бородѣ не тяжло.

М. Бѣлянич, могола, у.

28. Искорка Парубокъ Дѣвичій сынъ.

Вотъ было у батьки три сына, два вунныхъ, а третій дуракъ. И была у вотца на стайни кобыла. Вунныи сыны поѣхали ў лѣсъ, а дуриный

застався дома. Двѣ нявѣстки затопили печку, напекли блиновъ. Потомъ просятъ яго дурука етыго: ахъ, говорятъ: принеси намъ воды, мы табѣ блинъ пужасимъ. Ёнъ узавъ вѣдры и поповъ. Приповъ икъ колодизу, колодизъ бывъ ублизъ дѣ рѣки коло моста. И у мосту увѣзла щука. Итвичантъ голосомъ—што чловѣкъ говорить: вызывъ *мине* зъ естуго мѣста,—што для *тыбе* будить нужно, усѣ судѣйствунтца. Потомъ того ёнъ вызывливъ и пусътивъ *ле* у воду. Такъ и 'твичантъ: по щуччиму пувялѣнію, по матушкинымъ порождѣнію, по батюшкинымъ благоуслувенію нуги-ка, вѣдры, чирпайтисъ сами и идигъ домой сами! Удрухъ етыя вѣдры зачёрпались и пошли унярѣдъ яго. Такъ нявѣстки увидали въ окно и указывать одна другой: но, говорить, мы усѣ дурнымъ яго узывалихъ, а што у ёмъ дѣйствунтца. Своихъ мужочъ збуджнмъ, а ёнъ у насъ усѣ за дурня сядѣтъ! Прѣхыли братья зъ дѣу, позаутрикали и пуждають яго съ собой фхытъ у лѣсъ. Ёнъ отвичантъ—когда дасъте батькыну лошадь, то й поѣду, а ни дасѣтъ, и ни поѣду! Дозволили запречь. Выфхавъ за гужны, ета лошадь почли яго тарзатъ, разнапавать. Ёнъ зайшовъ, кулакомъ ударивъ у лобъ—ета лошадь звалилася изъ ногъ. Ёнъ за хвостъ узавъ, триханувъ, съ кожи усею гувадину вытрихъ, а кожу узбросивъ нугужно. Сажъ узавъ, оглобли звизавъ, сѣвъ на сани и говорить: по щуччиму пувялѣнію, по матушкинымъ порождѣнію, по батюшкинымъ благоуслувенію нуги-ка, сани, фѣтъя у лѣсъ сами. Етыя сани засягѣзли, заскрипѣли, за брѣтѣми полѣтѣли. Чудятца братѣ—што ёнъ бязъ лошади прѣхавъ. А гдѣ жъ ты, братъ, дѣвъ, батькыну лошадь? Отвѣтивъ ёнъ, што убивъ, и кожу узбросивъ на батькыну гужно—ня будить течъ, говорить. Братѣя нарубили дровъ и поѣхали, а яго затяють: чаму ты ни сячешъ? Ну ни такъ имъ охота, што ёнъ высечетъ возъ дровъ, а большы того посмотрихъ, якъ ёнъ будить сѣчь—што съ отроді топора ни диржавъ у рукахъ.

Ёнъ скызавъ: по щуччиму пувялѣнію, по матушкинымъ порождѣнію, по батюшкинымъ благоуслувенію нуги-ка, дровы, сячитисъ сами и кладигисъ сами! Дровы етыя позахрапотали, воздухымъ пычалѣ ломотца и на сани валитца. Нывалилися на сани съ цѣлымъ сажанъ. Ну, братѣ тѣя поѣхали. Ёнъ узавъ, узлѣвъ на возъ на етый и сѣвъ, и говорить: по щуччиму пувялѣнію, по матушкинымъ порождѣнію, по батюшкинымъ благоуслувенію, нугика, сани, фѣтъя домой сами. Приржаантъ чиризъ возиро. Тамъ рыбеловы ловють рыбу и выгнули одву тольки рыбинку. Такъ ёнъ увидивъ ету рыбину и отвичантъ: вотъ рыбина дорогая. Кто яе будить фсѣтъ, той сына родить, и хто косъти обосетъ, тѣя сына родить, а хто косъти поѣсѣтъ, и тѣя сына родить. Будуть три сыны и усѣ быгатыри.

Дысталасъ тая рыбка *царевни*. Жарила яе и зѣла. Косточки на блю-

дичко отложила. Пришла яё дочь и давай обсосать косяги еты и барсать подь столъ. И отвичантъ: ахъ, жажинька, говорить, икая ета укусная рыбина!—Косточки боссала и бросила подь столъ. Сучёнка, бывши подь столомъ, косяги еты и поѣла. Удругъ яны усѣ утрѣхъ и забрежнили. Скольки уремя прошло, родили усѣ три по сыну—царица, и дочь яе, и сученка ета. Такъ растутъ яны, еты сыновья чистии ребяты. Вырсыля яны лѣтъ до сикнатцѣти. Потомъ и говорить: „батьонка нашъ, милосѣтъ-вѣйшій гусударь, справъ нашъ три ячѣи пу питнатцѣти пудовъ. Ёсь у такомъ то царствѣи, у такомъ то гусударѣтъи зѣй—три гыловы, уторой шѣсъ гѣловъ, третѣй двинатцѣтъ. Кончають народъ!“ „Милосѣтъвѣйшій гусударь ни оставишь ихъ прозьбы. Зѣдѣльвъ ихъ три ячѣи пу питнатцѣти пудовъ. Бывъ у яго сирѣди двора кажинъ зѣ большую хоромину. Такъ яны мѣжда сябе и говорятъ: ну, што, говорятъ, братѣя,—который ны и которому будишь потчинѣтца—хто изъ насъ старпшамъ будить? Сѣчѣтѣ каминь. Отъ кого каминь раскѣтитца нѣдвоѣ, того будишь слущѣтъ. Сучѣй сынъ сиканувъ—каминъ только намѣтитъ: царицѣтъ сынъ сиканувъ каминъ—ду у полу убить: дѣвичѣй сынъ якъ сиканувъ—такъ ёнъ и покатився нѣдвоѣ. Вотъ и говорить: смотритѣ, братѣя—яне слущѣтѣ и лувинуйтѣся! Поѣдимъ на тридѣсѣтое царство, на тридѣсѣтую землю. Подъѣжжають къ тому помѣсѣтѣю вѣрѣтъ за двинатцѣтъ, сѣостроили сабѣ комнату и остановилися у ёй хватировать. Потомъ и говорить—Искорка пѣрубокъ Дѣвичѣй сынъ: слущѣли яне и слущѣтѣя. Вотъ, говорить,—Сучѣй сынъ, иди на мостъ на стражу. Мостъ большой. Будить ѣхытъ, говорѣтъ, Юда съ трѣия головами, штобъ ты яго стрѣбѣвъ! Ётый братъ ни тѣказавъ. Пошовъ къ мосту и лѣхъ, и заснувъ. Искорка пѣрубокъ Дѣвичѣй сынъ приспавъ царицѣна сына, а самъ удрухъ стрѣлой полятѣвъ къ мосту. И ставъ на мосту, ни видѣтъ помощника своего. Такъ пѣдъ повночѣ чуть большѣй грѣкотъ—ѣдѣтъ Юда съ трѣия головами. Такъ яго лошаѣи узбѣгли на мѣстѣ, остановились и зарзали. Бывши зѣ нихъ собаки, голосомъ позавыли. Бывши при ѣмъ пѣтухи, и тыи позапѣли. Ёнъ улякнувся, Юда, и говорить на лошаѣей: ахъ вы, говорить, пѣсѣсія ясо, говорить, обѣ чомъ рѣгѣчѣгѣи. И на собакъ,—а вы пѣсы обѣ чомъ скигѣчѣи? Такъ и на пѣтуховъ,—а вы, истрибинѣя перѣя, обѣ чомъ голосъ открываѣтѣя? Намъ ровниѣтъ тутъ нѣту. Ёсь три брата на тридѣсѣтомъ парѣтъи, на тридѣсѣтой зѣяли, дакъ нѣто што яны сюды зайдутъ, дакъ и воронъ косяги ни занясѣтъ! Искорка пѣрубокъ Дѣвичѣй сынъ отвичантъ: ды нѣворонъ косяги заносѣтъ а самъ добрый молодѣицъ на ворѣнымъ конѣи зайжжѣнѣтъ! Юда отвищантъ:—Тѣ ты ѣзѣѣсъ?—А ѣзѣѣсъ.—Ну, почанѣтъ битѣа! Ну ѣ почали. Искорка Пѣрубокъ голову зѣбивъ Юди. Юда отѣищантъ: Искорка Пѣрубокъ Дѣвичѣй сынъ, стой, говорить: пѣри-короли

бьютца, тожъ заириютца—заириямъ я я, говорить, хуть на малыя урея. Искорка отвищантъ: можно, говорить!—Искорка Парубокъ Дѣвичій сынъ, укажи ты свою силу, учоиъ ты бѣеъ такъ силно? Икая твоя сила?—А моя сила, говорить, якъ либядинныя пиро!—Вынивъ свою силу и дунувъ вѣтромъ угорѣ. Пиро полетѣло. Ёнъ дыхнувъ—яно нызадъ ускочило у ротъ. Спрашунтъ Искорка Парубокъ: —а ты, Юда, укажи свою силу—чимъ ты такъ силѣнъ—икая твоя сила? Ётый отвищантъ:—моя сила зъ бобину ростомъ. Бросивъ на мость—ина я покати́лась. Искорка Парубокъ схвативъ у ротъ и ету змѣю. Ёнъ ни съ тяри́нни бросився битца изъ нѣтъ. Искорка Парубокъ побивъ яго и порубавъ и лошадей, и собакъ, и пѣвинъ, и змѣвъ зъ моста. Самъ скорамъ поспыхивъ полетѣвъ у свою комлату и лѣтъ спать, быто ёнъ и ни бывъ тамъ. Суччій сынъ уставъ, дождавши вутра. Пысмотрѣвъ на мость: што такое—увесъ мость у криви и у перья. Приходить у свою комнату. Искорка Парубокъ у яго я пытаить: што чувъ, што видивъ. Суччій сынъ отвищантъ:—ни чувъ ничаво, и ни бачивъ. Тольки, уставши, видивъ кровь, косьти и перья. Искорки Парубокъ и говорить: воть ской ты у мене вѣрный! Ну ладно, говорить. Дыжидантъ другя нѣчи и посылаить царицына сына: гляди жъ ты якъ можитѣй строго. Етый пошовъ. „Ну, я такъ, говорить, ни зѣ́лани!“ Искорка Парубокъ Дѣвичій сынъ приспавъ Суччиго сына и оиятъ туды на стражу. А етый Царицынъ сынъ подлѣзъ подъ мость и лѣтъ на брусахъ и заснувъ. Искорка Парубокъ пришовъ узновъ, ставъ на мосту. Потомъ потъ новичъ потходить—чуиъ грѣкотъ и колоколы звинять. Такъ сичасъ ѣ́дтъ Юда пѣсъ голову. Тольки на мость узвижжантъ, такъ сичасъ лошади еты и позарзали, собаки позаскиготѣли, пѣвини позапѣли. Ёнъ и говорить, Юда: што вы мене устращантъ? Мнѣ ровняги нѣту. Есь ровняга на три́нсятомъ царствѣ Искорка Парубокъ, дыкъ яго воронъ сюды и косьти ни занисеть, говорить. Искорка Парубокъ отвищантъ: нѣтъ. Юда, говорить,—ни воронъ чловѣчицкую косьтъ заносить, а самъ добрый молодецъ на воронохъ кони занижжантъ. Юда говорить: а ти ты зѣ́лсъ?—Зѣ́лсъ!—Ну, што жъ ты сюды пришовъ—ти битца, ти кылы мене пучудитца? Ай будимъ честно расходитца? Искорка отвищантъ: ни затымъ я йшовъ сюды три годы. Табѣ ни дамъ ходу и на три шаги!—Ну, пошнѣмъ воюватца! Бились, бились, ёнъ яму три гѣловы зьбивъ, а три осталось.—Искорка Парубокъ Дѣвичій сынъ, стой, говорить: цари королѣ бьютца и тыя заириваютьца; зѣ́ланиъ вотдыхъ хуть на три минуты!—Можно, отвѣчантъ Искорка Парубокъ. Юда говорить: Искорка Парубокъ Дѣвичій сынъ, укажи ты нѣтъ свою силу, што ты такъ быстро бѣеъ?—Етый отвищантъ:—моя сила, говорить, ни большая,— якъ либядиныя пиро. Дунувъ—яно полетѣло. Духнувъ къ сабѣ—оиятъ на нѣсѣти сѣло.

Искорка Парубокъ спрашиваетъ: Юда, говорить—укажита мнѣ своей силѣ!—Моя сила, говорить, тоже вы большая—якъ воловскій орѣхъ. Бросивъ на мость, она покатила. Искорка Парубокъ схвативъ и ету зѣвъ. Юда узявша—давай битца. Искорка Парубокъ узявъ, пощѣкъ, пурубанъ и яго, и лошадей и субакъ и пѣвнякъ, и змевъ зъ моста. А самъ пошохъ у свою комнату, узявъ и лёгъ и спить, бытто и ни бывъ ёиъ тамъ. Давъ Богъ день, приходитъ Царицинъ сынъ. Ёиъ у яго й пытаитъ:—што чувъ, што видивъ? Етый отвѣщантъ:—а што, говорить, ня чувъ ничего и ня видивъ—только уставъ, дакъ кровь зъ моста, дайжи и мяне обкашало пудъ мостомъ!—Охъ, браты, ётъ якъ вы вѣрно мнѣ слѣжитя! Третѣгя ночи дожидаетъ, треба ити самому. Искорка Парубокъ говорить—ну, братія, говоригъ: ната важъ колоду картовъ, я прошу я васъ ни спать усю ночь и ната важъ порожній стуканъ. Когда етый стуканъ сухой кровью нѣбжитъ, то якъ сила ваша подбигаетя ко мнѣ на мость. Вотъ яны конѣ или два у карты згуляли, и на столь головы поклали. Сѣбѣи гыратъ, и яны спить. Искорка Парубокъ стоитъ на мосту. Якъ потъ повнычъ—чувить грѣкотъ и колоколы звинять. Ёдитъ Юда двинатцѣи головъ и двинатцѣи конѣи. Якъ узявша на мость, такъ сичасъ лошади зарзали, собаки заскиготали, пѣвни заплѣли, зязюли закукували. Ёиъ и говорить:—што вы, песьсѣя мясо, рягочята? ны лошадей. А вы, псы люты, што вы скигочитя? Мнѣ тутъ ровняги нѣту—вы мяне не уликайтя. Есть ровный на тридесатомъ царствѣи Искорка Парубокъ, дыкъ яго воронъ сюды и косьти ни занисеть, говорить. Искорка Парубокъ отвѣщантъ: нѣтъ, Юда, говорить, ня воронъ чловѣчицкыю косьтъ заносить, а самъ добрый молодецъ на ворономъ кони занижантъ. Юда говоритъ: а ти ты здѣсь?—Здѣсь!—Ну штожъ, говорить:—ти воюватца, ти только другъ на друга пулюбуватца ты сюды заѣхавъ? Искорка Парубокъ говорить: ни такъ любуватца, якъ воюватца.—Ну, говорить, почанѣмъ. Бились, бились—дакъ голоны зѣбивъ. Тутъ етый *стуканъ* кровью сповнѣися. А яны спать. Потомъ Юда говорить: Искорка Парубокъ Дѣвичий сынъ: цари, королѣи бѣютца и тыа замиряютца, зѣблянтъ вотдыхъ хуть на три минуты!—Зажирились. Такъ ёиъ и говорить: Искорка Парубокъ, укажи мнѣ свою силу, што ты такъ быстро бѣешъ. Икая твоя сила?—Моя сила, говорить, ни больша, якъ либидиный парю.—Дунувъ, яно полятѣло. Духнувъ къ сабѣ, опять на иѣсѣти сѣло. А што, говорить, я табѣ показавъ свою силу, покажи и ты мнѣ свою—якан у тебе сила? Етый говорить:—моя сила якъ хунтовое яблыко. Вынивъ яе и бросивъ на мость, Искорка Парубокъ потхивантъ и ето зѣвъ. Юда разолился, што ёиъ обидивъ яго. А Искорка Парубокъ съ правыхъ ногъ схвативъ сапогъ и залусѣтивъ на ету конниту, и зѣбивъ яе по вокны. Усхватилися етые яго браты—по зяли сы стуканъ.

пу колѣни наплудла кровь. Удругъ яны побѣгли къ яму—ѣтъ шесъ годовъ зьбивъ одинъ. Узяли етыго Юду порубили и поскли и зыяли яго косьти ў раку. Искорка Парубокъ и говорить:—ну, братцы, дайте мнѣ оддыхи троя судыкъ! А братья тѣ радысѣи спивать домой. Ёнъ отвѣщантъ: - нѣ, я силно зьбився. Оддыхнѣтъ троя судыкъ, тоды будишь фхыть. Первыя нocy дыжидаютъ—такъ ѣтъ братовъ приспавъ, ськинывся голубокъ и пылатѣвъ къ Юдиной жанѣ, которая съ трима гыловами. Сѣвъ на окно и забрукывавъ. Жана Юдина послышила и говорить: Юда мой, биззаконный мой. Ослязивъ тѣбе Искорка Парубокъ Дѣвичій сынъ, ослажу и я яго.—думають, ето душа Юдина прилятѣла. Будить фхыть къ своему дому, пожалантъ пить—я стану криниццю коло дороги и пущу разныя стуканы и напущу разныхъ ядовъ. Якъ слынетъ, то трѣхъ минутъ ня выбуить. Искорка узявъ у замичанія и пылатѣвъ къ братіямъ—браты етыго ня знали. Назаутраго браты рупютца домой, ѣтъ ихъ просить подождать. Дыжидантъ другія нocy, ѣтъ ськинывся голубокъ и пылатѣвъ къ Юдиной жанѣ, которая мѣла шесъ голокъ. Сѣвъ на окно, загуркувавъ. Ина почувла и говорить: Юда мой, ялмый мой! Оскорбивъ тѣбе Искорка Парубокъ Дѣвичій сынъ, оскорблю и я яго. Будить фхыть до своего дому—я стану яблыный, и пущу воздухъ на сорокъ вѣреть. Почуить ѣтъ воздухъ и пожалантъ яблыкъ. Я повѣшу разныя и насычу ядами. Тольки ѣтъ яблыко возыаѣтъ, дыкъ яго на сколько частей ризорветъ! Вотъ ѣтъ узявъ, у замичаніи и пылатѣвъ къ братіямъ своимъ. Лѣтъ, бытто и ни быкъ нйдѣ. Назаутраго браты устають и рупютца домой. Опять ѣтъ ихъ упрашнѣтъ: оддыхнѣтъ хуть одны сутки. Дыжидантъ ѣтъ третія нocy. Такъ узявъ, братовъ приспавъ, ськинывся голубокъ и пылатѣвъ къ Юдиной жанѣ, што двинатцять головъ. Сѣвъ на окнѣ и забуркуванъ. Почула Юдини жана и говорить: Юда мой, ялмый мой.—оскорбивъ ~~ты~~ Искорка Парубокъ Дѣвичій сынъ, оскорблю и я яго. Будить ѣтъ фхыть къ своему дому, а я лягу на яго дорози зыяію и займу обширность на дватцать пять вѣреть, длинныку на сорокъ пять.—ни быдетъ и ни бѣдѣтъ. Якъ будить фхыть, такъ я на жало яго и свачу! Ёнъ ето услышывъ, у памить узявъ, и пылатѣвъ къ братіямъ къ своимъ. Чуть на зарю, будить братіа въ своихъ:—ну, вотъ, ребяты—теперь поѣдимъ! Выбрались фхыть, сколько проѣхили—жилають мижда собой пять, Суччій сынъ и Царицынъ сынъ, и ѣтъ жилають. Ёнъ ихъ и отказывъ: а ти зыятели, говорить, во, коло дороги, криницу,—вотъ я й выдавъ яе. а вы кѣ. Проѣдимъ и напѣмся. Увидили еты братья криницу, на выгонки пубижали. Ёнъ ихъ отвѣщантъ:—стойте, я упарѣдъ буду пить. Пиритягивъ нахристь мечемъ—пиривратилась вода уся кровью. Ёнъ затяѣтъ:—нутъ, браты, пѣтя воду ету! Яны ни узяли. (Сколько проѣхили, почувли яблышный воздухъ—по-

жилали яблыка. Искорка отвицать: няужли вы ни видали коло дороги яблыны? А я ёхавъ и видявъ яе! Вотъ мы, говорить, доѣдѣмъ ды яе, зѣбляныя оддышку и яблыкъ нитрисѣмъ. Заѣбѣли браты ету яблынь, и замѣтили яго замичанію ли криницы. Были бросились, а потомъ назадъ—нутка ты упярѣдъ, говорятъ, покушій яблыкъ! Ёнъ узявъ, сиканувъ нахристь *меччу*—потикла зъ нѣ кровь, и закричала громкѣмъ голосомъ—што яго браты пуулякнулись. Ёнъ отвицать имъ: ето ще намъ ни загадка. А вотъ подъѣдѣмъ къ загадкѣ! Сколько тамъ проѣхали, и видють нѣкую большую горѹ, и сказують мижда собою: тоды ни было етый горы, ни туды мы ѣдѣмъ!—А вотъ жа уси тыи приѣты, уся тая дорога! Подъижжають ближи. Ина разинула пасьть, вытягнула жало ны вярсту. Подъѣхали къ ёй. Искорка Пѣрубокъ силво скочѣвъ прямо ёй у пасьть. И давай яе зъ языка сѣчь мечицъ и ковалкѣми выкидывать. И скызавъ на братовъ: якъ скрозъ прорублю, якъ сила проижайтѣ скрозъ яе. И мою лошадь ни ставляйтѣ! Увидали браты скрозный ходъ, якъ сила скрозъ пролягѣли и провали скрозъ яго лошадь, а яго и пристыновили. Ёнъ остався. А зѣбѣя ета пириворотѣлась назадъ услѣдъ за имъ. Ёнъ стралою лятѣть угикать, а ина за имъ. Во, коло дороги стоить ковальскій дожъ; ёнъ и говорить: куваль, кувальскій сынъ—прикрый мяне отъ нагѣльной смерти! А яго дожъ увесь чугунный! Дайжи й денника нѣтъ, и сонца ни свѣтитъ туды. Ёнъ яго упустѣвъ у ворота—ворота чугуныя, и захватили яе на вулицы. Ина узѣла, кругомъ дому обвилась у три рѣѣи и почѣла пролизывать крышу. Отъ трѣхъ разъ прогрызла крышу и говорить: куваль, кувальскій сынъ! Подай мѣ винноватыго! Куваль узявъ клепѣ, распѣкъ, ды яе за качки пронявъ клинцами наскрозъ, и дѣржитъ, и кричить: Искорка Пѣрубокъ! иди, говорить, руби мечицъ съ хвоста и ды головы! Етый узявъ яе, почавъ рубить. Дырѣбѣвъ ды головы. Во яны узѣли ды яе у котѣлѣ. Почали пириваривать и дѣлать яму кобылу. Зѣбѣали кобылу; ёнъ зы яе живъ три годы, у коваля. Ну, говорить, ѣдъ жа ты на етый кобыли, ды нийсѣ, говорить, ни остиновляйся. Кыли мѣ остиновѣлся, то три годы прослужашъ опять. Вотъ, сколько то ёнъ проѣхавъ, уронивъ кнутъ,—тамъ коло дороги тожа самыя живъ куваль. И узнать, што ни простая кобыла ета. Поднявъ яму пугу и узявъ за руку, зачуривавъ кобылу ету, што ина на можить изъ мѣста суступить. Ну, Искорка Пѣрубокъ, кыли три годы проживѣшъ,—поѣдѣшъ на ёй опять! Только ты ни ходи на Усіянскыю горѹ, и ни гляди на свою сторону! Ёнъ зачавъ опять жить три годы. Вышавъ на Усіянскыю горѹ, глянувъ на свою сторону. Бытто поѣвъ замичанія, што латка водѹ носѣтъ, а батька рубить дровы. Залився слѣзами. Узыйшовъ на дворъ, куваль затынявъ яго: што, говорить, сходишь на Усіянскыю гору, пылядѣвъ на

свою сторону? Ёнъ отказывають: нѣтъ, говорить, ни ходишь—это я йшовъ по камышовой лозѣ, камышова лоза колонула у глаза, и покатылся зъ глазъ слеза. Вотъ етый Искорка Парубокъ проживъ три годы и тутъ. Потому вѣдѣть на етый кобыли, дымжають до третьяго дому до царьского. Тэй царь зыложивъ пути, и занявъ яго на совѣтъ: што, говорить, высватывишь нѣ тамъ и тамъ дѣвцу, говорить,—то ты пойдѣши дохой, а я высватывишь, то ты й пуякуишь у мяне, говорить. Сыбярн, говорить, сабѣ двинатцѣ милойцовъ и тиравайся у путь. (Имя царя забыто). Вѣдѣть ёнъ пы дорожн, приѣбжають ёнъ чыризь рѣку, тамъ слѣдѣть ны рѣкѣ Оббивало,—у ротъ вода бяжить, а зъ яго нидѣть ни видать—нижи яго рѣка суха—и кричить:—ай, пить хочу! Ёнъ сказывать: здрастуй. Оббивало!—Здрастуй. Искорка Парубокъ. Пойди со мною у свѣтъ!—Ну, пойдѣж! Ниного пройши, стоить коло дороги хлѣбопѣшня, ублизъ города, на двинатцѣ лѣчей хлѣбъ пякутъ, и одного Обьдалу корнѣть. А ёнъ кричить: ай, ѣсь хочу! Здрастуй, Обьдала! говорить Искорка. —Здрастуй. Искорка Парубокъ!—Пойди, Обьдала, со мной у свѣтъ!—Штожъ, пойдѣж! Яше пройшовъ—горѣть городъ. Наскочивъ Гунька, якъ ляѣвъ, наскочивъ на 'гонь, лёгъ у огонь, у самый силный, и кожаю накрывся и кричить:—ай, змѣрзъ! Огонь потушивъ и кричить: ай, змѣрзъ. Искорка Парубокъ говорить:—здрастуй, Гунька, пойдѣж со мной у сваты. Гунька отказывать: пойдѣж. Нямножко пройши—стоить Довгошость коло дороги.—Здрастуй, Довгошость! —Здрастуй, Искорка Парубокъ. Куды Богъ нясѣтъ?—Идѣть у сваты.—Возьняти и мяне!—А ходи, пойдѣж,—намъ етакимъ люди и надо. Сколько тамъ урея пройшла, сѣдѣть Лысыя Муха коло дороги. Здрастуй, Лысыя Муха.—А здрастуй, Искорка Парубокъ Дѣвичій сынъ! Куды Богъ нясѣтъ?—А у сваты! Возьняти и мяне!—А ходѣтъ, намъ етакимъ надо. Ну, пошли яны. (Набравъ ёнъ сабѣ двинатцѣ милойцовъ). Пришли яны къ етому царю у сваты красивой дѣвцы. Такъ сватъ и говорить: моѣ сваты. Поставивъ двинатцѣ бочикъ вина и пыложивъ нѣ двинатцѣ пудовъ хлѣба, и говорить: если ето за нычъ, говорить, ни распорядѣтъ—то й ни моѣ сваты! Пошли яны у сарай у етый, и начали пить вино. Етими выпили по треби по своей, Оббивало вынивъ уси бочки и у кучу скативъ. И самъ на бочки сѣвъ и кричить: пить хочу! А Обьдала увесь хлѣбъ поѣвъ—и кричить: ѣсь хочу! Видѣть ёнъ назаўтриго, што вино попато и хлѣбъ поѣдѣтъ,—надо отдаѣть ето ужъ дочъ яму—потомъ говорить: ну, если, говорить, зѣтъ мой будишь, вотъ я ящо табѣ закажу загадку на нычъ! Если сотворишь ето, то дочъ будѣтъ за вами. Узавъ, напавивъ яму дугульа жару у яни—если ночь ету приночунѣтъ у яни у етой, то дочъ за вами будѣтъ! Сычасъ етый Гунька ложитца въ огонь, накрывся кожу, и по кожи нѣи пошли зинныи. Лягла яны уси укывиши и покрях-

туютъ, што дужа холодно. Назаутриго уставъ етый царь и говорить: лѣйти, говорить, хуть вѣсти нѣхъ повикидайтѣ оттуль. Пришли слуги смотрѣть, а яны кричатъ: дайтѣ намъ хуть погрѣтца! Уходитъ ѣнъ у комнату—бизъ отказу надо дочь отдать. Дочь ета отказывантъ: позволятъ намъ у саду прогултца! Пошли у садъ, и давай ина у яго смотрѣть у головѣ. Накинула сонт, ѣнъ и заснувъ. А сама съкинулась голубкий и пылятѣла, кабъ и соусимъ отлѣтѣть отъ яго. Такъ сичасъ Муха укусила яго за ж.... Ёнъ ухватився—дѣвицы нѣту. Сирюсивъ у туваришувъ: а дѣ ина дѣлалъ, у которую сторону пылятѣла? Довгопость, видивъ ты? Змиѣтъ хуть глазами! Довгопость схвативъ яго сабѣ на хвостъ, два разы приворотився и яѣ поширадили. Узяли яѣ ни 'тиущая къ отцу, и пували ну своей дорожѣ. Прикжжати къ етуху царю, а етый царь окруживъ свой докъ и выкопавъ канавы и напаливъ огнѣмъ большимъ. Потомъ и говорить: а што Искорка Парубокъ,—живъ ты зъ естой дѣвиццю, покудъ доѣишь сюды?—Нѣ, каеть, не живъ. Ну, коли не живъ—положивъ сухую былинну—дыкъ пярѣйдитъ чырызъ былинну, а коли живъ, дыкъ и не пярѣйдитъ! А дѣвица узѣла, ды й дротину уткнула у былинну, и ѣнъ не замѣтивъ. Ёнъ и пярѣйшовъ. Искорка Парубокъ сказунтъ: а ты, царь, ѣздивъ на мой лошади?—Нѣ, не ѣздивъ.—Ну, коли не ѣздивъ—пярѣйдѣ ты по етой былинѣ. И пярѣйдитъ, коли не ѣздивъ. Ёнъ узавъ и пошовъ—наѣхѣтца, што не ѣздивъ. Тольки уступивъ срядѣ канавы, а дѣвица ету дротиву сморѣтъ къ сабѣ—былина пунулажъ, а ѣнъ у канаву и упавъ. А Искорка Парубокъ зъ естой дѣвиццой и звывинчались, и поѣхали у свое царство. Ды какое було вяселья, вино рякою лилося, и мѣдъ дайжа выинтъ пришлося. У роти то не було, и по губахъ не тикло.

Вохотская вол., мстисл. у. Отъ гр. Никиты Алексѣева, 45 л., погр-

29. Таратурка.

Якъ живъ царь Василь, и вѣкъ у яго дѣтей не было. Занимался ѣнъ охвотой-рыболовнѣй, нѣвѣтъ ѣнъ двинатцать рыбаковъ. И вывизали яны неводъ шавковый; работали три годы. Поѣхали яны на моря рыбу ловить. Проловили трѣхъ сутыкъ, уловили три рыбки, три вокуни. Приноскоуть къ царю Василью еты три рыбки, три вокуни. Тады думшѣн, райшѣн и гадшѣн (думчѣе, райчѣе, гадчѣе—отъ райтъ и гадать—совѣтовать, думать) совѣтъ призывнясли: искушать еты три рыбки, три вокуни царицы, и роѣтъ ина сына—сильнаго могучаго богатыря. Тады царица узѣла еты три рыбки, три вокуни, дала изгутувать кухарки. Кухарѣа обмыли, шилуху и вантробы бросила ны зямлѣ, а сука, подбѣгши, поѣла шилуху и вантробы. И забирѣмнила. Кухарка, обгутувавши, нейдѣ къ серединѣ кусочикъ оторвала и сама тѣхнѣе послытала, штобы царица

не ївознала, и забирѣлила. Тады подѣли еты три рыбки, три вокуни, парицы. И царица еты три рыбки, три вокуни, їскушала. И забирѣлила царица. Пронесли яны уси три годы. Тады перво сѣка родила: увесь чловѣкъ, только вухо собаччіе. И доложили царю, што сѣка родила мальчика. Вятѣвъ гусударь яго принять отъ сѣки и прихрѣсѣтитъ. Нарикли яму імѣ Таратѣрокъ — собаччій сынъ. Тады родила старуха кѣхарка, тожъ мальчика. И етому імѣ нарикли Иванъ-кѣхаркинъ сынъ. Тоды родила царица мальчика, и яму нарикли імѣ Василій Васильевичъ — царскій сынъ.

Тады яны сичастъ посядѣли двѣ ницѣли и стали ходитъ; и пубижали на волю играть. Таратѣрокъ-собаччій сынъ, сильтѣй усихъ. Котораго вранѣтъ али скубанѣтъ — яны плачутъ, къ царю Василю идутъ на жалобу. И уси три зовутъ отдожъ: „обиѣиъ, говорятъ, наст. Таратѣрокъ-собаччій сынъ!“ Ну, гусударь ичъ и говорить: „вы зѣ имъ ни їграйтя, коли ѣиъ васъ обижаютъ: ну тѣлеснаго наказанія яму ни давайтя!“

Ну, сповнилося ятъ по жѣсицу отъ рожденія, и совѣтъ яны друзъ со другомъ прозносютъ: „побѣжъ къ отцу свойму, штобы ѣиъ вятѣвъ кѣзинѣмъ їкувать намъ палицы-булавицы, молодецкіи забѣвицы: штобы ѣиъ намъ пѣкувать и золотомъ поблѣтувать!“ Яны повѣли къ царю, совѣтъ прозвѣсти. У ихъ спрашивантъ царь: „што жа важъ надо, дѣти мои возлюбѣнныи?“ Таратѣрокъ-собаччій сынъ за ихъ смятѣй, бойчѣй, — царю отвичаитъ: „татинька наймилѣйшій, татинька налюбѣйшій! Намъ надо, говорить отцу Василю, палицы-булавицы, молодецкіи забѣвицы!“ — „А по сколькои важъ нужно фунѣтиковъ?“ — Нѣ, татинька: вы ни спрашуваетя фунѣтики, а спрашуваетя пѣдики! — „Ну много ли жѣ важъ надо пѣдиковъ?“ — А жѣ, говорить, татинька, надо двинатцѣ пѣдиковъ! — „Ну табѣ, Иванъ-кѣхаркинъ сынъ, сколько нужно?“ — Жѣ восятъ, говорить, пѣдиковъ. — „Ну табѣ, Василій Васильевичъ, много ли нужно?“ — А жѣ, татинька, шѣсъ пѣдиковъ нужно! Ну, у царя, правду бають, ня пиво варитъ, ня вино куритъ, жалѣза ня пѣкупать и по кѣзинѣхъ ня хлопотать. Вятѣвъ гусударь пѣкупать ятъ палицы-булавицы и золотомъ поблѣтувать, и имъ на руки податъ. Яны узали еты палицы-булавицы и пубижали у чистыя пѣли, у зяленѣу дуброву, пѣгулять. Тады Таратѣрокъ-собаччій сынъ разяхиувъ-разяхиувъ, и бросивъ ету палицу-булавицу уверьхъ, и ускинувъ зѣ виду вонъ. Тады лятитъ ина зверьху, ѣиъ узавъ, подставивъ лобъ и ѣдарилася палица булавица обѣ ягоный лобъ, и рассыпалася по жаковому зячѣу, — уси двинатцѣ пѣдиковъ. Тады, на яго глѣдѣй, бросивъ и кѣхаркинъ сынъ зѣ виду вонъ свою палицу-булавицу. Етый подставивъ колѣно, и у яго тожа разялѣлася палица-булавица на много-много часѣтей, — только крунтѣй. Тады бросивъ и Василій Васильевичъ: забросивъ свою палицу-булавицу

зъ виду вонъ. И подстановивъ колѣно, и она рассмѣлась на много дѣлій. Узяли яны еты куски и пояесли къ царю, зачимъ царь зѣлавъ малыи палицы-булавицы.— „Дѣти мои! много шъ вамъ надо прибавки?“ Таратурокъ-собаччій сынъ ‘пять жа отвичають упрѣдъ своихъ братовъ: — „миѣ, говоритъ, надо дватцать чатыри пуда!“ Кухаркинъ сынъ говоритъ: „миѣ двинатцать пудовъ нужно!“—А миѣ, говоритъ Василій Васильевичъ-царскій сынъ, надо десить пудимковъ, и буинтъ зъ мене досить!—‘Пять жа лукували палицы-булавицы: Таратурки дватцать чатыри пуда, кухаркиному сыну—двинатцать пудовъ, а Василію Васильевичу десить пудовъ: золотомъ поблитували, и нѣтъ на руки подавали. Яны ‘пять жа узяли палицы-булавицы, и пубижали у чистыя поля, у зялѣную дуброву пугулять. Тады Таратурокъ-собаччій сынъ ‘пять жа размахнувъ и забросивъ палицу зъ виду вонъ; лятить она узадъ,—ѣтъ подставивъ колѣно; палица-булавица только увогнулась, а ни разантѣлась. Вось яны тады акъ пубижали, и усѣ бросаютъ палицы уверьхъ, и бягутъ усѣ дальши и дальши у чистыя поля, у зялѣную дуброву. И збѣгли яны на третій чаръство, на читьѣртое гусударство. Убигають у зялѣю Юды-антиюды биззаконной головѣ, у чаръство яго.

Убѣгли яны у городъ. Ёсь и питяньнѣ и ядиньнѣ, ну народу вѣтути. Яны день зъ вутра до вечера пили-гуляли, у карты играли, на сабѣ ничаво ни сподивались. Бывъ день, даѣтъ Бохъ ночь. Таратурокъ-собаччій сынъ давай жѣрибѣя нитать, кому быть большимъ братомъ, и къ калинувуму мѣсту, къ огниной ряцѣ на каравулъ ити. Упакъ жерибѣ самимъ молодшимъ братомъ быть кухаркиному Ивану, и на первую ночь на каравулъ ити къ калинувуму мѣсту къ ‘гниной ряцѣ. На другую ночь Василію Васильевичу сярединимъ братомъ быть и на каравулъ ити къ ‘гниной ряки; на третью ночь Таратурки-собаччійу сынѣ на каравулъ ити и быть старшимъ братомъ.

Увечери Иванъ-кухаркинъ сынъ пойшовъ на каравулъ къ калинувуму мѣсту, къ ‘гниной ряки; ставъ, ниниошко коло мѣсту постоявъ, коло ‘гниной рякѣ. И што-то татка тропнувъ, али лопнувъ, пидѣ мостомъ. Ну, кухаркинъ сынъ етыго дѣла спугався и оттулька утѣкъ и у ясли, у стадоли, у сѣно зарывся и проспавъ усю ночь. А ѣтъ жа, Таратурокъ-собаччій сынъ, узявъ палицу-булавицу и пойшовъ къ калинувуму мѣсту, къ ‘гниной ряки, пубачить, ти ёсь гѣто Иванъ-кухаркинъ сынъ на каравулѣ! Прийшовъ жа ѣтъ къ мѣсту и ни найшовъ молодшыва брата Ивана-кухаркинова сына. И ставъ ѣтъ коло мѣсту, коло ‘гниной рякѣ. Вось ѣтъ Таратурокъ-собаччій сынъ слышѣтъ—ѣинтъ Юда-антиюда-биззаконная голова, ву вторымъ часу у ночи,—на водныхъ плечахъ девить головъ. Стасъ коня яго зарзали, хорты забрихали, соколы засвистали. Ётъ на нѣхъ крие-

нувъ грохкинь голосомъ и свиснувъ молодецкинь поспивостъ су сихъ де-
вять вустовъ: вовчія мясо, чаво вы ржѣта? песьтія мясо, чаво вы брешы-
ти? орлиная перья, чаво вы свиснати? Противъ мяне у бѣлымъ свѣти
нѣтути супротивника. Тольки ёсь у третїиць чарыствы, у читьвѣртынь
гусударьства Таратурокъ-собаччій сынъ; ну ёнь молодъ, ялу нѣтъ трѣтъ
годъ, ня то, што трѣтъ годъ, и трѣтъ мѣсяцовъ нѣтъ, яво суды воронъ
косьси ни заясѣтъ! — Ну, Таратурокъ изъ подлесья выскочивъ и съ
пѣлицы-булавичий, молодецкой забавичий: — „ня воронъ, говорить, косьси
заносить, а самъ добрый молодецъ заходинъ“. — А, ты, говорить, ёсь?
— „Ёсь“. — На обѣдъ, къ завтраму поспѣвать. — Нѣ, говорить, — подѣвисься,
— „Выризай, говорить, Таратурокъ-собаччій сынъ, токъ, выровняй горы и
рыв, штобы было ровно на пидьдисятъ вѣрстъ, а я буду пузулачивать!“
Таратурокъ-собаччій сынъ якъ фукнувъ — на шысьдисятъ пята вѣрстъ выря-
завъ токъ. — Ну, Юда-антиюда-бизаконная голова, нозолачивай токъ на
шысьдисятъ пята вѣрстъ!“ Юда-антиюда якъ фукнувъ, — вызолотивъ токъ
на шысьдисятъ вѣрстъ, и на нять вѣрстъ силы у яго ни хватило, съ
усихъ девять вустовъ. Тады говорить Таратурокъ: „ну, што намъ такъ
спиратца? уремя, говорить, намъ съ тобой ужъ дратца!“ Вотъ яны бѣся-
дзяся, бѣся-дзяся, и Таратурокъ-собаччій сынъ знявъ Юды-антиюды
девять головъ своей пѣлицы-булавичий; и збивъ коней, хортвовъ и соко-
ловъ, и въ огниную ряку посадивъ. Тады Юды-антиюды головы потру-
бивъ, отъ тулова посорвавъ, камянь узворотивъ и подъ камянь поло-
живъ. Тады опять пойдывъ у комяну и лѣхъ на своё мѣсто. Заря за-
ниманца, куфаркинь сынъ обчїнанца, у стадоли, у ясыляхъ, у сѣни, и
идѣтъ къ старшаму брату, якъ бы у роїи съ каравула. Ну, Таратурокъ
и спрашивають у яго: „ну, што, говорить, Иванъ — младшій братъ, ти
бывъ ты на каравула коло калиноваго мѣста, коло ‘гняной рякъ?’ — Бывъ,
братцъ. — „Тїи ни видавъ ты ково, тїи ни слыхавъ чаво? Можя пайдѣи
прояшывъ, али на кони хто проѣхавъ?“ — Нѣ, братъ: ни видѣи ни ви-
давъ, ни слыхѣи ни слыхавъ, и птица и тахъ ни пролѣтѣла. — „Вотъ это
хорошо, ды ня дужа: а худо, ды ни сусиць!“

Ну, яны етый жа самый день пили-гуляли, у карты грали, на сябе
ничаво ни сподивались. Бывъ день, дасть жа ‘пять Бохъ ночь. Тарату-
рокъ-собаччій сынъ послазавъ сярединго брата, Василя Васильевича
царьскаго сына, къ кулинувуму мосту, къ ‘гнянэй рякъ’ на каравуль.
Нойшовъ Василій Васильевичъ къ кулинувуму мосту, къ ‘гнянэй ряки и
ставъ подъ мостомъ. И хто-то таятъ трѣпнувъ, али лопнувъ, ну, Василій
Васильевичъ ахти спугався и утѣкъ оттуль у стадоля: „што, говорить,
нѣтъ, царьскому сыну, пришлось стоять на каравула коло калиноваго
мосту, коло ‘гняной рякъ?’ Тады ёнь нойшовъ у тоя стадоля и у тыи

ясли и лёхъ у сѣни спать. Ну, Таратурокъ-собаччій сынъ 'пять жа захотѣвъ взнать, ти ёсь ето сиредьвій братъ на каравули коло калинываго моста, коло гвянэй рякъ. Узавъ палицу-булавицу и пойшовъ туды. И нѣтуті сиредьниго брата на каравули. Ну, ёнъ и ставъ подь мостомъ. Простоявъ ёнъ до третейго часу у ночи, и слышитъ—бѣдитъ другой Юда-антиюда биззаконная голова, на 'днихъ иличахъ двинатцать головъ. Сичасть яго кони зарзали, хорты забрихали, соколы засвистали. Ёнъ на ихъ крикнувъ громкимъ гологомъ, свиснувъ молодецкимъ посвистомъ су сихъ двинатцать вустовъ: воча мясо, чаво ржета, песьтя мясо, чаво вы брешытя, оранная перья, чаво вы свищитя? Противъ мяне у бѣдытъ свѣти нѣтуті супротивника! Только ёсь у третеймъ чарѣствыи, у читьвѣртмъ гусударѣствыи Таратурокъ-собаччій сынъ: ну ёнъ ялодь, яму нѣтъ трѣхъ годъ, ня только трѣхъ годъ, трѣхъ мисяцовъ нѣтъ, яво воронъ косьей сюда ни занисеть, ня то, што ёнъ самъ заидеть. Ну Таратурокъ изъ подхосыта выскочивъ, съ палицый-булавицый, и говоритъ: „ня воронъ косьей заносить: а самъ добрый молодецъ заходить.“ — „Ти ты, говоритъ, ёсь?“ — „Ёсь“. — „На обѣдъ къ завтриху посѣиши!“ — „Нѣ, подависея“. — „Вырижай, Таратурокъ собаччій-сынъ, токъ на семидесятъ пять вѣрсть, а я буду пузулачивать!“ Вотъ Таратурокъ якъ фукнувъ: выривавъ токъ на сто двадцать пять вѣрсть!... Ну, Юда-антиюда биззаконная голова, — вымыла-чивай токъ на сто дватцать пять вѣрсть. Юда-антиюда якъ фукнувъ, — вымылотивъ токъ на сто вѣрсть, и на дватцать пять вѣрсть силы у яго ни хватило. „Што, говоритъ Таратурокъ, мы будишъ съ тобой спиратца, — уремя намъ драгца!“ Тады яны бися-дирися, бися-дирися, и збѣвъ Таратурокъ-собаччій сынъ Юды-антиюды уси двинатцать головъ, и узвярнувъ камины, пхложивъ ихъ подь камины; тады побикъ ягоныхъ коней, хортовъ и соколовъ, и брисивъ усихъ въ огияную ряку, а самъ пойшовъ доховъ и лёхъ спать на своѣхъ яѣсти. Заря занимайтца, сиредьній братъ обчинаетца, у стадоли, у ясляхъ, на сѣни, и идѣтъ къ старшаму брату, какъ бы уроли съ каравулу. Таратурокъ у яго спрашиваетъ: „ти бышь ты, братъ, ни каравули?“ — Бытъ, баетъ ёнъ. „Ти ня видишь ты ково? ти ня слышивъ чаво? можа нѣшій пройшовъ, али конный пройхувъ?“ — Нѣ, братъ, ни слыхомъ ни слыхавъ, ни видѣтъ ни выдавъ. — Ну, ето хорошо, ды ни дужа, худо, ды ни сусишь!

Нынѣшній жа самыи день илии, гуляли, у карты играли, ны сибѣ ни-чаво ни сподивались. Бывъ дѣнь, даеъ Вохъ ночь. Приходитца нти на ету ночь самому Таратурки-собаччиму сыну. Тады ёнъ увѣтири ставлянтъ на вокиѣ стаканъ водки и стаканъ воды, и свѣчку восковую ставитъ на столѣ, и свѣчку салнную тожа ставитъ на столѣ: а нтъ кладѣтъ дванатцать колодь картъ, и ихъ прѣситъ и приказываеъ: хотрита, братцы

лѣйтя-гуляйтя, прохлаждайтись, на сибѣ ничаво ни спывивайтись, ну спать
 ни укладайтись, на эти вещи посматривайтя, што я на столѣ посновивъ!
 Вамъ я объясню яствинной правдой: коли пойдѣть изъ горѣлки кровь,
 тады мы только будемъ жѣть звиданья зѣ. Юдой-антиюдой беззаконной
 головой; коли съ салыи свѣчки пойдѣть крокъ, тады пойдѣтъ зѣ нияѣ
 драгца; коли пойдѣть кровь зѣ воды, тады ѣтъ станить хане осилывать;
 коли пойдѣть кровь зѣ восковой свѣчки, тады ѣтъ хане убѣтъ! И до
 тыхъ вы порѣ ни бжигитя, покуль кровь зѣ воды ни увидитя; ну коли
 увидитя кровь зѣ воды, тады бжигитя съ палицей-булавицей кы тѣянзѣй
 ряки, къ калинувому мосту, бжигитя на вотборону хане, на сохраненья
 души жоѣ! И самъ поинюкъ. Пробыкъ жа ѣтъ урѣмъ коло семь часовъ
 коло калиныаго мосту, коло тѣянзѣй рякъ, ожидавши Юду-антиюду безза-
 конную голову. А яго усеѣ нѣтутя. Яны только здѣся грали чатыри го-
 дѣны и уляглись спать крѣпкѣмъ богатырскѣмъ сномъ, бизъ жадный
 опаски. И слыиить Таратурокъ-суччѣй сынъ, што ѣдѣтъ Юда-антиюда
 беззаконная голова, зямля стонить, лѣсъ вняиить, зѣ дуба лѣсъя валютца,—
 вужась шинко ѣдѣтъ,—на дѣмхъ плечахъ дитнатцѣть головъ, самый на-
 большѣй братъ,—и дѣтъ головы ны болнущиому нивному котлу. Конн зарзали,
 хорты забрихали, соболы закистали; ѣтъ на ихъ крикнувъ: вонча мясо,
 чаво вы ржѣтя, пѣсѣтя мясо, чаво вы брѣшѣтя, орлиныя перья, чаво вы
 свищѣтя? На усѣмъ бѣлымъ свѣти противъ хане нѣтутя супротивника, только
 ѣсъ равень жѣтъ у третѣихъ чарѣствѣи, у чатьвѣртымъ гусударѣствѣи Тара-
 турка-собаччѣй сынъ: но ѣтъ ялодъ, яму нѣтутя трѣхъ годъ, дажа и
 трѣхъ мѣсяцѣвъ; яво воронъ косьсей сиды ни заняѣтъ!—Тататурокъ-суч-
 чѣй сынъ изъ подхѣсты выбѣхъ и баятъ: „ны воронъ косьси заносить,
 а добрый молодецъ самъ заходить. Здорово, Юда-антиюда, беззаконная
 голова! и учѣра съ твоимъ братѣмъ витався, а сѣни съ тобою повита-
 юсь!“—„Ти ты тутѣа ѣсъ?“ Ёсъ.—баятъ Таратурка.—„На обѣдъ жѣтъ по-
 сѣвѣтъ!“—Нѣ, подавилсяя.—Выризай, говорить Юда-антиюда, токъ на
 дѣсътя пидѣсѣтъ вѣрѣтъ. Таратурокъ-собаччѣй сынъ якъ фукнувъ, вы-
 ризавъ токъ на дѣсътя дватцѣтъ пять вѣрѣтъ.—„Ага, говорить: малъ, Тарату-
 рокъ, токъ.“—Будѣтъ зѣ насъ, ни дѣтъ у насъ, а дѣтъ будутъ, самы добудутъ.
 Тады Юда-антиюда пузулотивъ токъ на дѣсътя сѣдѣсѣтъ пять вѣрѣтъ,
 —на пидѣсѣтъ болши Таратурки. Восъ, яны тады узѣлися битца:
 бѣся-дѣрися, бѣся-дѣрися,—Таратурокъ отрубивъ яму пять головъ съ плечъ,
 а Юда-антиюда убивъ Таратурку у зямлю по колѣно.—„Ну што, гово-
 ритъ Таратурокъ: Юда-антиюда! цари-короли дѣрутца и оддышку хаютъ,
 —будѣтъ и мы оддыхать.—Ну, кольки ни оддыхай, а на обѣдъ посѣвѣ-
 ятъ!“—Ну, посѣвѣ, а будѣтъ оддыхать. Тады ѣтъ вылизъ зѣ зямли, узѣвъ,
 зѣ лѣвой ноги сапохъ зѣдѣвъ и якъ фукниъ у етый дождъ, гдѣ яго

братья Иванъ и Василій; увесъ дохъ звырогнѣть ды потолка, на потолокъ сапохъ улягнѣвъ. братья ни сочились. — Ну, говоритъ Юда-антиода: досыть нашъ оддыхать, будишь дратца! хыгъ съ онной головой остануся, а усѣ зѣвъ! Тады яни 'пять жа узались битца: бися-дярися, бися-дярися, лщо збѣвъ Таратурокъ Юди-антиоди три головы, и ёиъ убивъ Таратурку у змялю по самый поясъ. — Цари королѣ дярутца и оддыхку иѣють; будишь оддыхать! — просишь Таратурокъ — собаччій сынъ. — „Кольки ни оддыхай, а на обѣдъ поспѣишь“. — Поспѣю, а буишь оддыхать! Вы лизъ тоды Таратурокъ изъ змяли, зѣлѣвъ опослѣвнній сапохъ и бросишь у братовъ: знявъ по самыя вокны кату, а сапохъ улягнѣвъ у окно и пунавъ у затылокъ Ивану кухаркиному сыну: ну столика ни захватишь. Тады яны ускочили и смотрѣть на етытъ столыкѣ, якъ прилѣты покосжоты: ти живѣ старшій братъ, ай нѣ? Нисмотрѣтъ — съ усихъ чатырѣхъ вящей кровь идѣтъ, и на столъ канули, ну со столика ни канула. „Ну, одначи, бають, во што, братья: живѣ ня живѣ большій братъ, а пубѣ жимъ якъ можно пыскорѣй къ казинууму мосту, кы 'гнянэй рякъ! По томъ оглянулись, и яго жа обувъ тутъ, и говорятъ: „вѣрно ня живѣ наишъ братъ, коли яго сапоги тутка!“ Ну схватили яны свои наляцы-булавицы, молодецкія забавицы, и пусътились бѣхтъ кы 'гнянэй рякъ. „Ну, Юда-антиода биззаконная голова, говоритъ Таратурокъ: урека яамъ дратца!“ — Ды ѣ пора! кольки ни оддыхай, а усѣ я тибѣ зѣвъ! Ну Таратурокъ видѣтъ ето дѣло, што яго братья бижать, и отвичаиъ яму смѣло: „А нѣ! обжаресся!“ — Што ..., говоритъ Юда-антиода, смѣлъ ставъ? — „А то, што я тибѣ ни боюся, што я тибѣ сразу убью, на похватъ мало!“ — „Чѣ чаво ты силу узавъ? — „А кяѣ, говоритъ; Бохъ давъ!“ И съ одново змаху яму двѣ головы знявъ. Тады и братья яго подбѣгли, и давай яго ззаду валять. А Таратурокъ-суччій сынъ упавъ, якъ мѣртвый, што дужа лизмаився. Вратъя яго съ охвоты начали яго рубить палицамъ — булавицамъ и зняли яму чатыри головы съ плечъ; остаетца у яго танерь онна голова, самая наибольшая — корнивая. И Юда-антиода биззаконная голова опустивъ руки и принасъ свой бросишь обѣ змялю и крикнувъ громкииъ голосомъ, просишь прощенья у отца-матери и милыхъ своихъ сястеръ: „тягинька и маминька, и сястрицы! прощайта мяне: убивъ мяне Таратурокъ суччій сынъ, сильный могучій богатырь!“ И яму зукъ дала у етытъ нать яго, съ таво града, агдѣ жили Таратурокъ и братья яго троя сутыкъ.

Тады добили Юду-антиоду биззаконную голову, изняли опослѣвннюю голову. Тады Таратурокъ-суччій сынъ и говоритъ братьямъ: во почашу я подався Юди-антиоди: во на твоѣй ноци, Иванъ, а знявъ мяншюму Юди-антиоди девять головъ, девять хортовъ, девять соколовъ и девять коней збивъ! А на твоѣй, Василій Васильевичъ, я убивъ и фторова Юд-

антиюду, и знявъ яму двинатцать головъ, убивъ яго двинатцать херговъ, двинатцать соколовъ и двинатцать коней! Во почаму у мене на пять головъ силы не хватало! И тады сичасъ узвыротивъ камень и показавъ имъ обиду, тыя головы, што знявъ зъ Юдѣй-антиюдѣй.

Посли жъ тако попли яны опять у тотъ горотъ, агдѣ Таратуркины сапогы ляжать. Яны лягли спать, Иванъ и Василій, а яму, Таратурки, несли спать, треба дѣло узнать: гдѣ это дужа рыкнуло голосомъ у тытъ у городи, якъ прощався Юда-антиюда. Ёнъ пошовъ хлиноицтвуя коло воконь, коло комятъ. Приходигъ къ онэй комяти у скрытыя хѣсты, коло зиліюва саду, и слышитъ чловѣчьимъ голосомъ разговоръ. Ёнъ подойшовъ ближи тако къ двирѣжъ: говѣтъ презносотъ дѣвцы у рѣкъ она съ онэй, якъ бы звѣтъ съ свѣту етыхъ трѣхъ богатырей. Она говоритъ: „я, сестрицы, ихъ звяду съ свѣту!“—А якъ жа ты звядешъ ихъ, коли яны сильныи могучи богатыри?—Нѣ, сестрицы, звяду: яны не будутъ ни знать, ни вѣдытъ! Яны пойдуць у такую то зямлѣ, у такэй то горотъ; я это знаю, такъ я накинѹ на ихъ великій жаръ и сонъ, будутъ яны бѣхтъ и валитца, сонъ ихъ будить клонить, а жаръ палить; а я, говоритъ, обярнусь у стадоля на горочки, тясовою криваткой, пуховой пяриной, пубой вызымчиваный, и будить тажъ оздухъ лѣхкій, запахъ хорошій. Тады яны прибягуць туды, а я упредъ залячу: яны лягуць спать, на мѣ, на тисовый кривати, на пуховый пярини: якъ уснуць, я ихъ задущу. Вотъ якъ я ихъ звяду!“ А другая говоритъ: нѣ, сестрица, ты не звядешъ ихъ съ свѣту, а во я звяду!—А чимъ ты ихъ звядешъ?—Вотъ якъ звяду: накинѹ тежа пать и займу рѣки и озѣры; и будутъ яны бѣхтъ и валитца, ну воды нигдѣ не найдуть. А я оборочусь сама ключкомъ, криничной водичкой, обручикъ будить серебряный, ковшичикъ золотой. Яны по ковшичку выпьють, тады я ихъ разорву! Во якъ я ихъ звяду! Ну третія говоритъ сестрица: вотъ я ихъ звяду!—Ну, а ты якъ?—А вотъ якъ: накинѹ на ихъ оздухъ лѣхкій, запахъ хорошій, оздухъ яблышній-виноградный, а еты древы я поунистожу, сама оборочусь яблыной, разными яблычками самоцвѣтными драгоцѣнными. Якъ яны подойдуць и пы яблычку зѣядуть, то я у ихъ сэрца повывру! Ну хать ихъ говоритъ: нѣ, дѣтушки, вы ихъ не звяієся, вотъ я ихъ звяду.—А ты, жатушка, якъ ихъ звядієшь?—А вотъ якъ: оборочусь свиньей, одинъ лмычъ будить рыть у неби, а другой у зямлѣ: якъ ихъ нагоню, то ихъ уснѣтъ и прожру—зѣѣтъ! Проклухавши усѣ, Таратурекъ-суччій сынъ, пойшовъ къ братьямъ: позно, говоритъ, тутъ спать; живо времня у походѣ ступать! Тады и пубижали яны зъ етаво города вонъ.

Бяжи яны, бяжи, бягуць и валютца, сонца жѣрить, сонъ клонить, прибягають къ етымъ стадолямъ. Ну браты яго гетаво дѣла, не знають.

— „Братиць, говорить: позволь зѣхъ лягѣи заснутъ, очинно зѣхъ при-
лсно: воздухъ лѣхкій, запахъ хорошій, тисовая кривать съ пуховой пяр-
ный! — „Нѣ, говорить, вы малыи браты, а я большій! я перши засну!“
Тамъ сычасъ подымавъ палицу-булавицу, молодецкую забавицу, якъ тис-
нувъ палицый по узголовью, по тисовой кривати, по пуховой пярини,
такъ у кучу и ссидивъ зразу, нѣтрушки еты у мысѣтихъ зложивъ. Уторѣй
разъ якъ цаннувъ палицый-булавицый, только лужина крови потикла, и
ничаво ни стало. Во, говорить, братцы: ето ня сонъ, а зрада наша!
И ни зхотѣлося имъ спать нѣколко. Опять пубижали. Бѣгутъ и валютца,
усти у ихъ сжагой заросли, пѣтъ смерть хочѣцца, нѣтуги на свѣти воды
нигдѣ, ни ряки, ни возира, ни разнѣй узнѣрини. Прибѣгаютъ къ ручью
съ сѣребриннымъ обрубцамъ, зъ золотымъ ковничкомъ. — Што, говорить,
старшій нашъ братъ: смерть наша, позволь напѣцца по ковничку воды!
— „Нѣ, братцы, а большій братъ, а перши выгъю ковничкѣ, али два.
Тамъ якъ цаннувъ палицый-булавицый по етому обрубцу, ѣнъ яго зло-
мивъ. Тамъ ковничкѣ зложивъ и другой разъ якъ цаннувъ, — ничаво
зѣхъ ни стало: ни криницы, ни обрубца, ни ковника, только рѣзвая
кровь потикла ручѣмъ. А имъ ни стало ни жару, ни палу, и пѣтъ ни
захотѣлося. Тамъ опять пубижали яны. Бѣгутъ, воздухъ мѣхотъ лѣхкій, за-
пахъ хорошій, ѣхъ жилають, ды нечая: тамъ прибѣгаютъ къ яблони:
вочны красивая яблоня, яблочки самоцѣтныи, драгоцѣнныи, ни то, што
рукажъ ихъ ирвать, можнѣ вуставъ узять. Браты опять просятъ Тара-
турку: „позволь, братиць, зѣхъс нахъ ны яблукѣ“. А ѣнъ имъ отвѣча-
ить: „вы молодѣи браты, а я старшій: першо я зѣхъ, можа два, а
можа и три“. Тамъ ѣнъ подскочить къ яблони и цаннувъ зѣ палицый-
булавицый нѣдъ макунку: сѣччя ето обложивъ! За другой разъ съ пѣтъ
звалпѣвъ. Тамъ узвѣвъ, умысѣтихъ зложивъ и третѣй разъ якъ цаннувъ
палицый-булавицый — потудова й дѣла ни стало, только лужина крови
потикла. А яны ни хотѣли разныхъ хруктовъ, а сами пубижали утыкать.
Прибѣгаютъ яны къ воловику, и ѣнъ нѣтитъ тысѣчу воловъ и пѣтъ со-
тинѣ быковъ. „Ну, здорово, воловникъ!“ — Ну, здорово, Таратурокъ-сѣччій
сынъ! — „Братъ воловникъ, ни бай, што мы тутыгъка ишли: ти знаишь
ты свинью? ина гонѣцца за намъ!“ — Во, братъ Таратурокъ-сѣччій сынъ:
якъ мѣи ѣе ни знагъ, коли я ѣе на дѣи по пѣтъ разовъ выдаю. — Только
я ѣе ни боюсъ: у мѣине волы хороши, а мѣижъ того волы-полы и быки-
кнарасы. — на рогахъ подымуть ѣе, а ничаво ина мѣи ни зѣхълагѣи!
„Мыжлууста ни бай, што мы тутыгъка ишли!“ — Питнатѣтъ рублѣвъ, тоды
ни скажу! Ёнъ давъ яму дватцѣтъ рублѣвъ. — Скажу, што повъ старикъ
у питнатѣтомъ году съ торбычкой и съ кѣйкомъ: ходѣтъ табѣ, баба, съ
торбыи и съ кѣйкомъ! Яны опять пубижали. Прибѣгаютъ къ конюху: ѣнъ

и жить двѣ тысячи коней и новторы тысячи жиряицовъ-сивцовъ-бурцовъ, вѣщихъ каравульцовъ. „Здорово, конюхъ!“ — „Здорово, Таратурокъ-суччій сынъ, куды идѣшь, куды путь держишь?“ — „Эхъ, братъ, конюхъ: иду и самъ ни вѣдую куды, держу путь для тако, и самъ ни вѣдую для каго“. — „Ды што ты мнѣ врѣшь: ты утикаишь отъ вѣдьми-свиньи!“ — „А ти знакома ина табѣ?“ — „А якъ же ина жить ни знакома? Ды я её ни боюся, у иине кони хороши, а якъ тово жиряицы сивцы-бурцы, подымутъ не на копытѣхъ, ды на зубахъ. — „Братъ, конюхъ, ни сказывай, што мы тутыгыки шли!“ — „Иды-дмента рублёвъ, тады ни скажу! Ёнъ давъ яму сто рублёвъ. — Скажу, бантъ конюхъ, што у дватцать пятюхъ году пройшовъ старикъ. Тады ины сутки убігають, Таратурокъ къ зиялѣ прилиганти, ти слынигы вухомъ чловѣчискимъ: ти бжиги свиньи! Чловѣчискимъ вухомъ ни слынигы. Тады прилѣхъ гобачицъ вухомъ, и слынигы: бжиги свиньи вужасно шпарко, ажъ зияя стониги! Тады ины даван шпартѣи тако угикати. Прибгають къ кузняцѣ Соломоню, и къ яго двинаицати училыииковъ-кузницовъ, и усѣ сильныхъ богатырѣвъ. И къ ставо кузницѣ усѣ жалѣз-ный тытъ, иидыны вороты, а иыдворотни зъ рыббѣи косей. Тогда си-часъ и говоритъ Таратурокъ суччій сынъ: „кузнецъ Соломонъ! отпирй вороты!“ — „А што, говоритъ, ти пунався, братъ Таратурокъ, къ вѣдьми-свиньи? Ёнъ яму отпѣръ вороты. „Ну што, братъ, избавъ ты насъ отъ вѣдьми-свиньи, штобы ина насъ ни зѣбѣла“. — „Могу, говоритъ кузнецъ Соломонъ: только дай тыщу рублёвъ. — „Во табѣ, братъ, двѣ тыщи, только избавъ!“ Тады сичасъ бжиги свиньи: осятъ лытъ рыицъ у зияли, а другей лытъ у неби. Прибганти къ волоннику и стала удалѣи: „волонникъ, волонникъ, ти видивъ ты трѣхъ богатырѣвъ? — „Нѣ, говоритъ, вѣдьма-свиньи, ни видивъ! я бы и тебе ни увидивъ, коли бѣ ты на глазы ни нывариулась. А пройшовъ старикъ у пятнатцатюхъ году зъ тирбой и съ кйкомъ: и ходишь табѣ тожа съ тирбой и съ кйкомъ на вѣки. Ина бросилась къ яму, а яё якъ подвяли волю-полю и быки кнарасы на рогахъ своихъ, тады ина оттуль ходу! И прибѣсла къ ко-нюху: а ёнъ пасѣтъ коней на рѣстонькахъ. „Конюхъ, конюхъ! ти ни ви-дивъ ты трѣхъ богатырѣвъ? Который ины дорогой шли?“ — „Я бы и тебе ни видивъ, коли бѣ ты на глазы ни пунала! А здѣся пройшли у дват-цать пятюхъ году три старики! Ина и оттуль лызу. И прибганти къ кузняцѣ Соломоню. „Кузнецъ Соломонъ, отпирай вороты!“ — „А на што табѣ отпирати?“ — „На то, што ни сохраний Таратурку суччаго сына: ёнъ моихъ трѣхъ сыновъ и трѣхъ дочокъ звѣвъ, и я яго звиду“. — „Нѣ, вѣдьма, ни звидѣшь. — „Нѣ, звиду“. — „А чимъ табѣ отпирати вороты, ты луччи лижи вороты, а я табѣ Таратурку лыдаю на лонати. Ина якъ солунула, половина доски ссадила, — а ина у три аршинны была; другей разъ якъ

олуннула, и дилку небольшую прижала: третій разъ якъ солуннула, и языкъ уложила. А кузнецъ Голубовъ вилѣвъ своимъ насагиримъ распалить красно клищей, и узить которыми молотки половчѣй, и захватить свинью. И зиватили яны ие клищамъ яснымъ-зы языкъ увосымихъ, и давай задавать молоткамъ тижолымъ: бей, бей,—збили на кобылу! И Таратурокъ-суччій сынъ узавъ уздечку и ету кобылу забрѣтавъ, и спросивъ повѣсно льну и самъ сѣвъ вяркомъ и говорить: если ето добрая кобыла и у ей нѣтути ничаво свинова, то я повѣсно льну запалю и кругомъ тыну обскачѣ, и ёкъ ни згорить! Третью часть двора ни обѣхавъ, а лёнъ спужѣвъ. „Што, братцы товаришмы, раснякитя клищѣ ясныѣ, зададимъ ей половчѣй: ина у насъ теперь подъ рукашъ стала!“ Зхватили ие клищамъ и давай бить: збили ие на малинскую кобылку, якъ бы трѣхъ лѣтъ. Тады Таратурокъ-суччій сынъ узавъ повѣсно льну и зажоухъ, и кругомъ двора обѣхавъ и половина ии згорѣла. „Ну, теперь будить ие бить!“ Тады узивъ, своихъ братовъ Ивана и Василія отправивъ у отповскій докъ, „ну я, говорить поѣду дальши тово!“ Кузницу Голубову выкинуувъ яцо двѣ тыщи, и сѣвъ на ету кобылицу и поѣхавъ у тѣмный лѣсъ, у ширый боръ дорогой.

Прыжжантъ пнтнатцѣ вярстовъ, стоитъ сосна тригцѣ обхватывъ, возли дороги: на етѣй соснѣ сѣдѣтъ съ ноготокъ, борода съ закотокъ, калита двинанцѣ яловницъ клизантъ: жѣтъ ёкъ при сабѣ пушку-свиштушку-смылянушку, двинанцѣ сажонъ дѣлины, и уся гвоздямъ всажина вострыми. „Здрастуй!“ говорить Таратурокъ-суччій сынъ.—„А! ето ты, Таратурокъ-суччій сынъ! ты жѣ много урону наѣлавъ: звѣвъ мою усю хамилю: сыновъ, жану и дочокъ! И я тебе со свѣту звяду!“—„Ну ни прѣдѣтѣ, итоба ты мене со свѣту звѣвъ, старѣй дуракъ“. Тады ётъ етѣй пушкой-свиштушкой-смылянушкой якъ смылянѣтъ съ сосны: ни пупавъ по Таратурки, а пупавъ по кобыли! Такъ кобылу и ширярубивъ пупунамъ, якъ тину! остався Таратурокъ бязъ лошади! Скрочивъ ётъ къ етужу дѣду на сосну, схвативъ яго за бороду и вдаривъ яго головой объ сосну! И давай яцо прибавлятъ свой палицыя-булавицыя. Голову яго побивъ, бороду яго усю изодравъ, пушку-свиштушку-смылянушку отобравъ, калиту яго разодравъ, говядину птицамъ ворономъ и сорокамъ отдавъ, —а самъ и пойшовъ цѣпей.

Усходитъ ётъ къ вяликуму полю, коло барскаго двору, и видѣтъ выносить богатырь жѣхъ иржи, нияношко—тольки сто чѣтьвяртей иржи: отсѣмъ, съ поля бяретъ стохъ хлѣба и нясетъ домовъ, и вдарить объ зяблю, смолотить, и зирно высмилѣтѣ. „Боухъ помочъ, Коробъ-Коробанывичъ!“—Благодарить, Таратурокъ-суччій сынъ. Што, братъ: скажи ты пѣвную правду: куды ты идѣшь, куды путь дяржишь?

— „А я иду туды, самъ ни знаю куды, путь дяржу для того, самъ ни знаю для кого“. — Нѣ, братъ Таратурокъ! я знаю, што ты идѣшь къ баби-ягѣ, къ жалѣзной ногѣ! Возьми мяне у товаришы! — „А, кому ни надо товаришы, а мяѣ пять-шесѣ, ступай зѣ Богомъ“. И пошли Коробъ Коробанывичъ съ Таратуркомъ у дружби.

Проходють яны одинь сутки, сѣить Сявбиль жито: сто читьвартей у сивалки держитъ на плечахъ, и жито на зямлю бросантъ, и у тѣмныя облаки смотритъ: хорошая луна узойдѣтъ — сѣить, плохая — стоить. „Народи Божа, Сявбиль!“ — Благодарить, Таратурокъ-суччій сынъ! куды идѣшь, куды путь дяржишь? — „А я иду туды, самъ ня вѣдаю куды, путь дяржу для таво, самъ ни знаю для каво“. — Нѣ, я знаю, ты идѣшь къ баби-ягѣ, къ жалѣзной ногѣ! возьми мяне у товаришы. — „А, кому ни надо товаришы, а мяѣ пять-шесѣ, ступай зѣ Богомъ!“ Понавивъ Сявбиль сивалку мяжой и идеть у товаришы. Пройшли яны ня много урѣмья, видѣть, качантъ Горовикъ горы, зѣ одной стороны дороги на другую, а зѣ тѣй на ету. „Вохъ помочъ, Горовикъ!“ — Спасибо, Таратурокъ-суччій сынъ. Братъ Таратурокъ, ти ни возмѣшь мяне къ сабѣ у товаришы? — „А што, братъ: коли хочишь, пойдѣшь!“ И Горовикъ бросивъ горы качать, и пойдли яны у читьварехъ. Пройшовши няжного, ляжить Обжора, сярѣдѣ дороги. А ета дорога идеть чирясъ возира. Ёнъ нагнѣтца и онну половину выпыять: а потомъ выльить у другую, а потомъ тутытьки нащѣтца и у туу выльить. „Здорово, Обжора! пусьси дорогу!“ — „А возьми мяне у товаришы! Узали яны и Обжору. Иди-иди яны, ти мало, ти много, а только увошли яны у тѣмный лѣсъ. Бяжить Морось на стрѣчу мяѣ, обьявивши, обѣлавшись, страсъ смотрѣть. Здорово, Таратурокъ-суччій сынъ! — „Здорово, сильный Морось!“ — Што, братъ: возьми и мяне къ сабѣ у товаришы: и я къ худой години табѣ пригоджусь! — Узали и яго. Тады сичасъ идуть ины у шастыхъ и увошли у чисто поля, у зялѣную дуброву. И стоить бѣль шатѣрь, и у етыхъ шатры ляжить Слоны Ивановичъ, Отрубаниная голова, и дяржитъ пидъ собой мечъ-самосѣчь и копьѣ-довго-мѣрное. И тады ублизъ подходит Таратурокъ-суччій сынъ къ Слону Ивановичу, и котятца буйная голова Слона Иванова кѣ Таратурку и просить низкиихъ поклонихъ и сэрцаихъ покорныхъ: „Таратурокъ-суччій сынъ, сильный могуцїй богатырь! будь ты такой добрый, приживи ты мяѣ буйную голову, Слону Ивановичу, буду я за тебе стоять, якъ самъ зы сябе!“ — Ну, якъ жа мяѣ приживить табѣ буйную голову? у мене припасу такова нѣтути! — „Возьми ты моѣ тулово богатырское, повороти, и ёсь подо яною мечъ-самосѣчь и копьѣ-довго-мѣрное, и ёсь у, мяне добрая лошадъ богатырская, дарую яе табѣ, и мечъ-самосѣчь и копьѣ-довго-мѣрное до жизни твоей, только приживи мяѣ буйную гѣлову. И

у мене отрублена голова ни въ учайности, и семь лѣтъ, а отрубивъ яё Вырієнь Антиєновичъ, за ничаянность свою, кониъ припасомъ, мечю-самосѣчью, и за мою жану, за законъ, за бракъ. Ну я жану свою оскорбить ни могу: ина къ яму ня прѣлсна, и йна узята по яволи, ни съ вахоты. Поѣдишь ты на моиъ добрыхъ кони, и зъ моиъ припасомъ, только якъ ты подѣдишь подо градъ Варієныъ—и у яго вяликая крѣпость—якъ возможно, кони ни жалѣй, а у крѣпость на кони узъижжай. И у яго ёсь двинанцать исонъ съ жалѣзнымъ дюнкамъ—сильнымъ богатыри; якъ можно забей трѣхъ, или чытырѣхъ мечю-самосѣчью! А на пѣридь бросютца къ табѣ самыи злыи и сильныи. Тады ты у градъ ужижжай и якъ траву усихъ нобѣеши; тады ты на крыльцо, на двинанцатый итапъ ужижжай на кони, у бѣлы каменны палаты, къ Вырієну-Антиєновичу. И коня на крыльцы оснавай. вострымъ копыѣмъ двери мѣтай, а самъ напѣридь ни ступай, и мѣчь самосѣчь паготови дыржй. А Варієнь Антиєновичъ броситца къ табѣ со своимъ мячомъ-самосѣчнымъ, со своихъ бѣлыхъ каминныхъ палатъ; тогда ты вострый мечю вяжду яго рукъ бросай, и яго мечъ пярэрубнишь, и тогда ты знимишь яму двинанцать головъ зьяинныхъ. И ёсь у яго палатахъ колодиць, и у тыхъ колодцы на двѣ двѣ бутылѣ: въ оной бутылѣ живая вода, а у другой мѣртва. И табѣ укажитъ жана моя Сыжихлида Михайловна. Тады йна поѣдти съ тобой ко мѣ. Слону Иванычу, и приживитъ мѣ буйную голову!

Тады Таратурокъ суччій сынъ поѣхавъ къ Варієну Антиєвичу только одинъ, на добрыхъ кони Слона Ивановича: узавъ мечъ-самосѣчь и копыѣ довгомѣрное. Подѣхавши къ крѣпости, якъ птица узлетѣвъ на крѣпость; и бросились къ яму еты псы, и ёнъ зразу дѣвяти псаяъ головы знявъ и у городъ узѣхавъ: вскочивъ на конѣ на двинанцатый итапъ, добра коня поснавивъ на крыльцы и дрѣгнувъ копыѣмъ у еты двери. Зразу разлягѣлись еты двери на нѣсколько долей, и бижитъ жа самъ Варієнь Антиєновичъ ужасна зъ вяликимъ со зломъ: „Хто это такѣй тутытька ёсь большы мяне? хто могъ мою дверь разбить и крѣпость ни отиарить?“—А я, говоритъ.—Таратурокъ суччій сынъ; табѣ ни жалаю со буйной головы шапки узнять! Тады выснавивъ ему напярѣдъ копыѣ довгомѣрное, а потомъ якъ ударить своимъ мячомъ-самосѣчнымъ, и разрубивъ мечъ Варієныъ. Тады вочинно оробѣвъ Варієнь Антиєновичъ, прикланяйтца яму своимъ головамъ: „ни зруби мои головы, ни проливай крови богатырскія, будь ты мѣ старшимъ братомъ, а я буду молодшимъ, и пуваливай ты усниъ моиъ мѣннимъ.“—„Нѣ, ни жалаю я етава, отвичають Таратурокъ: а жалаю знять твои головы и прадаць тѣбе злой смертъ!“ И зрубивъ яму Таратурокъ усн яго двинанцать головъ и

пробивъ довгомірнимъ копьємъ яго рятівое сэрца и проливъ горячую кровь. Січасъ ето дѣло вузнала Силіхлѣда Михайловна, што ёнъ приѣхавши отъ Слона Ивановича: тащить еты двѣ бутылѣ воды. и яму подасть и сама зъ няѣ на доброва коня садитца. и уижають зъ етыхъ мястовъ. Привѣзъ Таратурокъ Слону Ивановичу живой и мертвой воды и жану ягоную, и приложили яны яго голову къ яго тулову, и полили живой водой и лили изъ бутылѣ въ уста. и у четвѣрть годины Бохъ збавивъ, и ёнъ живъ ставъ. „Ну, братъ Таратурокъ: спасибо та-бѣ, што ты прижививъ няѣ мою буйную голову.“ Тады жану у шатры осванивъ, а самъ пошовъ съ Таратурокъ.

Идуъ яны усямѣхъ, а Таратурокъ ѣдить на лошади. И приужжиють яны къ баби-ягѣ, къ жалѣзной ногѣ. И у яе двинанцѣ дочокъ, вочинно красивыхъ, вужасна пріукрасныхъ. И кругомъ жалѣзный тынъ, и урыгъ коло крыльца мѣ-ляный стовпъ: и вбито у ёнъ семь колець: царскій сынъ коня привязить за золотое кольцо: королевскій—за сѣребринное кольцо: кунечискій—за мѣд-ное; а прочихъ вящей нижи того. Таратурокъ жежа-таво привязавъ своего ко-ня за уся семь колець, на воишь ли смотри. И самъ пошовъ у бѣлы кахнинны палаты. У палатахъ сидѣтъ двинанцѣ дочокъ пріукрасныхъ. „Здорово, дѣвицы красавицы!“ — „Здорово, — Таратурокъ суччій сынъ! — „(ѣ жа ваша матка?“ — „Матка ризувинила нани дѣлѣ и поѣхала за моря, сичасъ пріѣдѣтъ, прикизѣтъ сто возокъ къ свадьби!“ Скоро припли и яго пѣсь товаришокъ: Коробъ Коробанывичъ, Сявбитъ, Горовикъ, Обжора Морозъ и Слонъ Ивановичъ. „Ну, здорово, дѣвицы красавицы!“ — „Здорово, друзья любезныи: якъ васъ Бохъ собравъ уснихъ уиисѣгяхъ?“ Яны гово-рютъ: „насъ собравъ Таратурокъ суччій сынъ!“ Сѣй минуты приужжанѣ баба-нга, жалѣзная нога, на ступи ѣдить, тувкачомъ погоняють, грабляжъ слѣдъ загрибантъ, а похлячомъ замитають. Якъ узѣѣхала на свой дворъ и ввицала коня, и што ёнъ привязанъ къ усямъ кольцѣмъ: „ня можно, говорить, взнать, хто такей за молодець пріѣхавъ! Ну только хто ни ёсь, а буйву голову зиниу и усторону на тыннину!“ Тады сичасъ улизавъ нна у доль свой: „што за богатыри тутытька такі?“ Яны отвичають: „здо-рова, баба-нга, жалѣзная нога!“ — „Ну, и думала, хто такіи молодцы, ажиа ето тутъ сильныи богатыри! Во што, дочѣнька: протопи-ка ты бай-ню для милова друшка!“ А у яе байня уся жалѣзная. Вытопила дочка байню, дужа жарко. Баба-нга и зовѣтъ ихъ у байню. А Таратурокъ по-славъ Мороза: ёнъ якъ тропнувъ-лопнувъ: охолодивъ байню, напусьтивъ уся янию. „Садися, зятѣкъ, поѣдимъ у байню.“ Сѣли Таратурокъ зъ ба-бой-ягой на ступу и поѣхали. Ёнъ узавъ съ собой палицу-булавицу и пушку-свиштушку-смолянушку. Пріѣхали яны у байню, а тамка холодно. Вось ёнъ якъ зачавъ битъ бабу-ягу палицай-булавицай и пушкой-сви-

стужиою: „што ты, говорить, надо мной насмѣшку робишь.“ Тады загадала другую дочку топить байню, шtbody три сажени сожгла, шtbody духу было. Якъ вытопилась байня, Таратурокъ опять пославъ Морось. Ёнъ якъ тропнувъ-лопнувъ—напусьтивъ повну сѣту.—Поѣхали опять у байню Таратурокъ и баба-ига. А тамка опять холодно. Вотъ ёнъ якъ начавъ не бить сильнѣй таво: „што я хлопницъ табѣ, ти што?“ И дужа збивъ бабу. Восъ ина тады и говорить: ну, зятѣкъ, таперь я сама буду топить: двинанцать сажень дубовыхъ дровъ спалю, а усѣ ублаготворю.“ Натопила ина байню и подстѣпу нѣтути. Таратурокъ пославъ Морось. Ну ёнъ вичаво не могъ подѣлать,—дужа жарко. Тады пославъ Обжору; ёнъ якъ начавъ лить водой, обхладивъ байню, а Морось вьльдомъ заѣлавъ. „Ну, поѣдимъ, зятѣкъ, у байню.“ Съли яны на ступу и поѣхали. А тамки одинъ лёдъ. Тады ёнъ не ящо больши набивъ. Ну, ина змирилась и давай доставлять разныхъ пятинный и идинный. „Коли, говорить, ублаготворишь, то ня буду бить, а нѣ, то голову зниму!“—„Ублаготворю,“ говорить. Напикла ина и наварила усяво; а Таратурокъ пославъ Обжору. Ёнъ якъ начавъ уплитать, за онну щаку вола, за другую два, и пыглатавъ усѣ. Ина другой расъ напикла ще больши; а ёнъ тожа усѣ поѣвъ. Тады баба-ига его дѣло вузнала, и у третій разъ ихъ, окромъ Обжору, ублаготворила. Яны тамъ или и ѣли и гуляли. Напоследокъ Таратурокъ убивъ бабу-ягу и знявъ ёй голову и всторнувъ на тынину, а самъ жанився на ейный дочкѣ.

Товаришы яго пошли у свои мясты, а ёнъ прѣижантъ жѣ жаной къ отцу. Царскій сынъ Василій царствомъ править, а Иванъ-кухаркинъ за дворника, а батьки у живыхъ нѣтути. Ёнъ жалаить, шtbody братья яму покорялись; ну царскій сынъ Василій въ етыхъ дѣли ня въ согласіи. И просить ёнъ другихъ царей помочи противъ Таратурки. Ну, Таратурокъ въ етыхъ дѣли ни робѣить, на свою силу богатырьскую надѣжу нѣить и на свой запасъ богатырьскій; отсѣкъ Василю Васильвичу голову и ставъ яго царствомъ пункинать. А Ивана-кухаркина сына узавъ къ сабѣ у палаты. И живъ зъ нѣмъ у согласіи.

Возьянская вол. сорокок. у. Заняс. г. Василевъ отъ мѣстнаго мѣщаго, посѣщавшаго и губерніи великорусскія. Языкъ вслѣдствіе этого смѣшанный.

30. Тридцать три сына съ половиной.

Якъ живъ такъ сабѣ старикъ и съ старухой. Дыкъ у нѣхъ було ~~тридцать~~ *три* ~~сына съ половиной~~. Отпустили нѣхъ сѣвожати ~~тридцать~~ *три* ~~десятины съ половиной~~. Покосили яны, наклали ~~тридцать~~ *три* ~~сыкиры съ половиной~~. Тоды унадилася у сыкирѣтки кобылица изъ за моря, ~~тридцать~~ *три* ~~жерабцы съ половиной~~. Тоды батюшка его покуль оглѣдѣвъ,

дыкъ ськирѣтки двѣ ай три яны и зѣбли. Приходить ень, говорить:—
ахъ, сынки моѣ любые, говорить: шкода у насъ ёсь,—нѣхто ськирѣтки
начивъ ёсьти наши! Ну, тыя, которыя пойдены двѣ, которыя цѣлы—ста-
ли ходить на калавуръ туды, къ ськирѣткамъ. Который дѣ то поидеть, ко-
ло ськирѣтки ляжить, только тое и останется, што подѣ бокомъ, а ськи-
рѣтки и нѣту. Тоды ходили, ходили—уси переходили, осталася только
половиночка ськирѣтки. Тоды Половинка-Исьтинка на батюшку говорить:
„што ты батюшка, вѣдаешъ?“—„А што, сынокъ?“—„Бѣ ты у городъ
и купи зялѣза пудовъ десятокъ, и скуй мѣ три прутики, да по три
пудики! Поиду я ськирѣточки сѣтьречь,“ говорить. А батюшка отказуеъ:
„э, Исьтинка добрый молодецъ: э, сколько сѣтьрягли, не усѣтьрягли, а полови-
ночки уже нечаго и сѣтьречь!“—„А спробую, батюшка.“ Вотъ, батюшка
похмывъ и купивъ зялѣза пудовъ десятокъ и скувавъ яму три прутики
да по три пудики. Тоды привозить. „Што, татка,—ти зѣлавъ?“—„Зѣ-
лавъ!“ „Ну вотъ, поспробую я сѣтьречь!“ Тоды узавъ прутики подѣ паш-
ку и пошовъ къ ськирѣтцѣ. Пришовъ, на ськирѣточку лёгъ и оть, толь-
ки люди увоспалися, кобылица изъ за моря и лятить, тритцать три же-
рябцы съ половиной, и обступили ськирѣточку тую яго кругомъ. Ёнь тады
думавъ, думавъ—якимъ бы способомъ ускочить на не, на кобылицу на
тую? Искнувся мушкой и усѣбъ на я. Кобылица усчула, што ёнь усѣ-
бъ на не,—пошла угору. Ина лятить, а ёнь прутикомъ мижъ вушъ
мижъ вушъ, и сѣбъ олянь прутикъ. Ина ѣ промовила яму: „ахъ, Ись-
тинка, добрый молодецъ, за што ты мене болно сячешъ?“—„А на што
мене високо насешъ?“ Ина тоды пошла спускатца на зяблю. Ёнь дру-
гой прутикъ узавъ, усѣ мижъ вушъ, мижъ вушъ!—Сѣбъ и другой. Ина
ше промовила: „ахъ, Исьтинка, добрый молодецъ, што ты жалаешъ изъ
мене?“ говорить.—„А вязи мене на батюковъ дворъ“ говорить. Покуль
узѣбавъ на батюкинъ дворъ—третій прутикъ исѣбъ. Тоды батюшка
у окно посматривъ: „ахъ, сынки моѣ любые! посматривѣтка, што Исьтин-
ка лошадей нагнавъ! Не постигнули ськирѣтки наши!“ Тоды вышли на по-
дворья и давай раздѣлять: кобылицу батьку старому; ну, жерябцовъ тожа
зновъ—большаго большому, такъ рядомъ и раздѣлили усихъ. А Исьтинку
половиночка досталася. Ёнь Половиночка, и коня яму половиночка.

Ну, доклали до царя: ёсь у царствѣи такой старикъ, тритцать три
сыны съ половиной. Царь обдумався—што одного батюшки, одныѣ ма-
тушки, можеть, ёсь который удобный,—осилокъ якій, ти што. Вотъ и спро-
сятъ ихъ до сябе, только кинуть отцу-матери Половиночку, похоронить
отца-матерю, а тритцать три кабъ къ яму, до царя, прибыли. Тяперь
тыя поѣхали тритцать три, а Половиночка осталася. И подумавъ: што жъ?
тыя тритцать три браты поѣхали; што нибудь имъ будеть, награда икая,

а мнѣ за труда нѣту ничего! заплакавъ и пошовъ у конюшню. А лошадь спрашуетъ: „што ты, Исьтинка, добрый молодецъ, сильно плачешь? Мнѣ тяжело, я не могу у конюшни стоять!“ А ёнъ отказуетъ: „якъ же мнѣ не плакать: тритцать три братя поѣхали до царя, ихъ икая, икая награда будетъ, а мнѣ за труда нема ничего!“ Ёнъ отказуетъ: „не плачь, добрый молодецъ, садись на мяне лягёнько, держись крепёнько, яны у томъ, у томъ гомонничи почуютъ, яны тгня не развядутъ, мы тамъ будемъ!“ Ну, ёнъ усьсѣвъ лягёнько, дѣржитца крепёнько. Поднялись угору, дыкъ и видють, дѣ яны на зѣмли, якъ мухи повзають. Тоды подѣхали подъ ихъ, спусьтились на зямлю. Ёнъ поводъ узавъ на плечи тягнеть, а ёнъ ногами скорѣдитъ, якъ козѣль, зямлю. Тоды подѣхавъ уже къ имъ, къ табуну, узавъ, поводъ уськинувъ яму на шю, а самъ и лёгъ спать. Который братъ бывъ ли лошадей, приходать къ тяплу и говорить: вотъ же, каеть: приволокся нашъ Исьтинка! А большій братъ говорить: ахъ, братцы родные: гукнитя яго къ тяплу: которыя судки волочётца, ня пивши, ня ѣвши; мѡа, ѣсь хочеть, хотъ ба ёнъ ѣсь спытавъ! А яны говорятъ: коли захочеть, дыкъ и самъ придетъ! говорятъ. И не позвали. Тоды переночевали, знова опять назаўтраго устали, умылись. Богу помолились, убираютца ѣхать. Тоды большій братъ каеть: ахъ, братцы, разбудитя Исьтинку добраго молодца! мы поѣдемъ, жерябёнокъ тогда зьбяжитъ куды, ногды зьѣбрь спортить. А яны отказуютъ: „атъ, столько бяды, каеть, коли зьбяжитъ, коли зьѣбрь спортить! Высьнитца, выдохнетца, дакъ вернетца назадъ!“ И поѣхали. А ёнъ якъ спать дыкъ спать, якъ спать дыкъ спать, троя судокъ сынить. Тоды уставъ, прошнётца—ни-на ни братовъ, ни лопица! Ёнъ и зновъ якъ заплачетъ силненько,—конь бяжить, земля дрыжить. Ёнъ яго спрашуетъ: ахъ, Исьтинка, добрый молодецъ, чаго ты плачешь, говорить, силненько,—ажъ мнѣ тошно, я по зямлѣ не могу ходить!—Ёнъ отказуетъ: што, лошадь моя добрая—якъ мнѣ не плакать сильно? Што жъ,—отъ батюшки я отбився и къ братомъ не прибывся! Ёнъ говорятъ: Исьтинка, добрый молодецъ, ты не плачь! Яны у томъ и томъ гомонничи почуютъ, яны тгня не развядутъ—мы тамъ будемъ! Сидь на мяне лягёнько, держись крепёнько! Ёнъ усьсѣвъ лягёнько, узався крепёнько, поднялись угору, дыкъ и видють, иѣ яны по зямлѣ якъ мухи повзають. Тоды подѣхали ближи къ имъ, спусьтились на зямлю. Ёнъ поводъ узавъ на плечи и тягнеть, а ёнъ ногами скорѣдитъ, якъ козѣль, зямлю. Тоды подѣхавъ уже къ имъ, къ табуну, узавъ, поводъ уськинувъ яму на шю, а самъ и лёгъ спать. Который братъ бывъ ли лошадей, приходитъ къ тяплу и говорить: вотъ же, каеть: приволокся нашъ Исьтинка! А большій братъ говорить: ахъ, братцы родные: гукнитя яго къ тяплу: которыя судки волочётца, ня пивши, ня ѣвши, мѡа, ѣсь

хочеть, хоть ба ёнъ ёсь спытавъ! А яны говоруть: коли захочеть, дыкъ и самъ прїѣсть! говоруть. И не позвали. Тоды яны переночевали, знова опять назаутраго устали, умылись, Богу помолились, убираютца ёхать. Тоды большой братъ каеть: ахъ, братцы, разбудить Исытинку добраго молодца! мы поѣдемъ, жерябёнокъ ногды забяжигь куды, ногды и звѣрь споритъ. А яны отказують: датъ, столько бяды, каеть, коли, збяжигь, коли звѣрь споритъ! Высынитца, выдохнетца, дакъ вѣрнетца назадъ! А ёнъ, якъ спать дыкъ спать, якъ спать дыкъ спать, троя судокъ знова сынигъ. Тоды уставъ, прошиетца—нежа ни братовъ, ни лошадей! Ёнъ и изновъ якъ заплачетъ силёненько,—конь бяжитъ, земля дрыжитъ. Ёнъ яго спрашуеть: ахъ, Исытинка, добрый молодець, чаго ты плачешь, говорить, силёненько,—ажъ мнѣ тошно, я по зямлѣ не могу ходить!—Ёнъ отказуеть: што, лошади моя добрая—якъ мнѣ не плакать силю? Што жъ, отъ батюшки я отбився и къ братомъ не прибегия! Ёнъ говоритъ: добрый молодець, ты не плачь! Яны ёхали троя судокъ, мы ихъ у три часа догонимъ! Яны у томъ и томъ угомонили почують, яны тня не разведуть—мы тамъ будемъ! Сякъ на мене лягёнько, держись крепёнько! Ёнъ усьѣвъ лягёнько, узаяся крепёнько, поднялись угорѣ, дыкъ и видють, мѣъ яны по зямлѣ, якъ мухи, ползають. Тоды подъѣхали ближы къ имъ, спустьилися на зямлю. Ёнъ поводъ узаявъ на плечи и тягнеть, а ёнъ ногами скородить, якъ козѣль, зямлю. Тоды подъѣхавъ уже къ имъ, къ табуну, узаявъ, поводъ уськинувъ яму на шю, а самъ и лёгъ спать. Который братъ бывъ на лошадей, приходить къ тяилу и говорить: приволокъся нашъ Исытинка, добрый молодець! Большой братъ: о?—Иабогу!—Ахъ, братцы родные! которыя судки волочѣтца, ня пивши, ня ёвши! Узбудить яго! Исытинка добрый молодець вѣрно ня стѣнетца!—Которыя судки, говорить, волочѣтца. Тоды узаяли, разбудили яго тамъ. Поѣхали, уси до царя. Якъ ёхать дыкъ ёхать—скоро каецца, ня скоро ѣстетца—прїѣхали къ царю. Царь выходить: Здрастуй, здрастуй, господа! Поздрастувалися, давай ихъ начальниками насѣдживать—того тымъ, того тымъ—тритцать три браты, усѣ началство. Тоды говорить: што жъ, господа, а куды Исытинку добраго молодца припоручимъ? говорить. Тоды яны сказують: ѿ куды припоручить яго?—лошадей досматривать! Ну и припоручили яго коло лошадей досматривать. Тоды обдужався царь: одного отца, одны матушки, коеть, который удобный? Што, господа началство, ты ня можетья вы пройти который до Бога, распросить у Бога, ча (чего) сонца прияркнуло на троя судокъ? Тѣй каеть: ѿ не могу, тѣй каеть: я не могу! Тритцать три браты,—ни войнъ ня можеть. Тоды нарёдзилися: скажамъ, што нашъ Исытинка можеть. Спросивъ царь Исытинку: што ты, Исытинка, добрый молодець, говорить: што,—можашъ ты дойти до Бога, распросить, ча сонца приярк

нуло на троя судокъ? Ёнъ говорить: што жъ, тритцать три браты большихъ ёсь, а мяне жезинаго посылають! говорить. Тоды сконпановали уси браты: да, говорятъ: ямѹ страшки не давши, по чести ня пойдѣтъ! Ёнъ заплакавъ силненько, пошовъ у конюшни. То лошаѣ спрашуетъ: „ахъ, Исьтинка добрый молодецъ! ча ты плачешъ сяло? Миѣ тошно, я не могу стоять у конюшни?“ А ёнъ отказуетъ: якъ жа миѣ не плакать? тритцать три браты большихъ ёсь, ды ня могуѣ ити до Бога, распроситъ, ча сонца прияркнуло на троя судокъ, а мяне жезинаго посылають!—„Ну, што жъ? кода посылають, дакъ нужно слухать, говорить. Или?“ Отъ. Ёнъ я пошовъ.

Якъ ити, дыкъ ити—скоро каетца, или скоро дѣетца—и стоять обѣ-поль шляху два дубы. На тыхъ дубѣхъ бьетца два воронѣ. Ды якъ силно бьетца, што криви по заборсыни на корѣнныя. Яны у яго й спрашуютъ: ахъ, Исьтинка добрый молодецъ! куды тябе Богъ нясѣтъ далеко?—А пославъ царь до Бога распроситъ, ча сонца прияркнуло на троя судокъ!—Спомянись тахъ обѣ насъ, обѣ грѣшныхъ: докудова мы битца будемъ?—Хорошо, спомянусь! Тоды, якъ ити дыкъ ити, якъ ити дыкъ ити—приходить ёнъ къ морю. А черезъ моря стонтъ рыбака. Дакъ ёй подковами да 'бодьями рѣбры поломаля. Тая знова говорить: охъ, Исьтинка, говорить, добрый молодецъ, куда Богъ нясѣтъ далеко?—Пославъ царь до Бога распроситъ, ча сонца прияркнуло на троя судокъ!—Спомянись обѣ мяне, обѣ грѣшномъ, докуль я покуту ету буду держать?—Хорошо, спомянусь! Тоды, якъ ити дыкъ ити, якъ ити дыкъ ити, а сяитѣ обѣ-поль шляху на 'днохъ боку мущина. на другомъ женьщина и качають камень,—тѣй отъ сябе пихнѣтъ да—охъ, жарко! тѣй отъ сябе пихнѣтъ да—охъ, жарко! Тая зновъ говорятъ: ахъ, Исьтинка, добрый молодецъ! куды тябе Богъ нясѣтъ далеко?—Пославъ царь до Бога распроситъ, ча сонца прияркнуло на троя судокъ!—Спомянись обѣ насъ, обѣ грѣшныхъ,—докуль мы будемъ камень етый качать? говорятъ.—Хорошо, говорить, спомянусь! Тоды, якъ ити дыкъ ити, якъ ити дыкъ ити—ажъ дяржиѣтъ человекъ тынъ зялѣзный и кричитъ: ай, тяжело! ай, тяжело! Етый человекъ пытаетца: ай, Исьтинка, добрый молодецъ, куда тябе Богъ нясѣтъ?—А иду къ Богу. Пославъ царь распроситъ, ча сонца прияркнуло на троя судокъ!—Спомянись тахъ обо миѣ грѣшномъ, докуль миѣ етый тынъ держать?—Хорошо, спомянусь! Тоды, якъ ити, дыкъ ити, якъ ити, дыкъ ити—стоитъ баба: переливаетъ водѹ съ колоіяжи у колоіяжъ. Тая узновъ спрашуетъ: ахъ, Исьтинка добрый молодецъ! куды тябе Богъ нясѣтъ далеко?—А пославъ царь до Бога распроситъ, ча сонца прияркнуло на троя судокъ!—Спомянись обѣ мяне обѣ грѣшной, докуль я ету воду буду мѣритъ? говорить. Хорошо, спомянусь! Отъ тоды, якъ ити, дыкъ ити, якъ ити, дыкъ

ите, приходѣть къ Господу Богу. Господь Богъ это спрашуетъ: што вамъ Истиника. надо, объ чомъ вы спрашѣте?—А што жъ, Господи! приславъ царь распроситъ, ча сонца прияркнуло на троя судокъ?—А ча прияркнуло?—дѣвка сына спороѣла, ды у воду утопила; того сонца у гоноръ уступило, зачѣмъ дѣвка сына загубила,—и на три дни прияркнуло! Ну, тоды ѣтъ и пошовъ. Ётъ яму записочку давъ. А тоды спомнявсь: этъ, говорить: сколько мѣтъ на дорожи було злучаю, а я и призабувъ. И вярнувся назадъ распроситъ.

Вярнувся ёнъ къ Господу Богу.—Ча ты воротився назадъ? А ёнъ сказавъ: а, Господи Божа! призабывъ, якія мѣтъ злучаю были!—А якія табѣ злучаю были?—Першій злучаю: стоить обаноль шляху два дубы. На тыхъ дубохъ бѣютца два вороны. ды якъ бѣютца! Крыви по заборсьни! Просили спытатца, докуль имъ такъ битца.—А еты вороны коли будуть дѣлать, якъ надумалися, дыкъ будуть битца, покуль свѣту перяѣтна, а коли такъ будуть дѣлать, якъ Господь показавъ по вангилю, дакъ перестануть битца!—А йще, Господи, якіи злучаю бывъ ище: стоить рыба на черезъ моря,—по ей хомутъ и подковами, ободьдими ребры поломали. Дакъ и тая просила, штобъ и объ яд спомнявсь: докуля покуту я буду держать ету?—А коли выкархнеть назадъ корабъ тэй зъ народомъ, што проглотила на волю, дакъ пойдитъ по воли, а ня выкархнеть, дыкъ будетъ держать, покуль и свѣту перяѣтна. Да не кажи прихоя, а кажи перийшовши вирету, абы й двѣ отыйшовши. А то йна тѣбе утопить! говорить.—А йще, Господи, якіи злучаю: на 'дномъ боку шляху мущина сядѣтъ, а на другомъ женьщина, да й казаетъ камень.—тэй отъ сябе, тэй отъ сябе, и кричатъ: ай, жарко! Дакъ я тыя говорили: спомнявсь объ насъ, объ грѣшныхъ.—докуль мы будемъ камень етый качать?—А ето кумы: фхали къ хрясту, да й грѣхъ сотворяли: отъ имъ качать, покуль свѣту перяѣтна. Да не кажи прихоя, а кажи отыйшовшиси, а то яны тѣбе покотють!—Ну ще жъ, Господи: дяржитъ человекъ тынь зялѣзныи да я кричить: ой тяжко, ой тяжко! Дыкъ и тэй говорить: спомнявсь объ мяне, докуль я буду етый тынь держать?—А ёнъ ня думавъ на етый свѣтъ, а якъ на тынь бувъ, дакъ казавъ: якъ пошу, дыкъ хотъ тынь яной подопрѣ! Дыкъ яму держать, покуль свѣту перяѣтна! Ды не кажи прихоя, а кажи отыйшовшиси, а то ёнъ тѣбе подопрѣтъ! каеть.—А ще Господи, якіи злучаю бывъ: переливаетъ женьщина воду изъ колодежа у колодежъ, и того не дольетъ, и того не дольетъ. Дыкъ и тая просила: спомнявсь объ мяне, грѣшной, докуль я буду ету воду мѣрить? А ета баба чужія молюки мѣрала, отбирала у коровъ, дыкъ нна будетъ мѣрить, покуль свѣту перяѣтна. Да не кажи прихоя, а кажи отыйшовшиси, а то нна и тѣбе у колодежъ усодѣтъ!.. Ну й пошовъ.

Приходить къ тѣй баби. „А што, Истинка, добрый молодецъ: ти поминався объ мяне объ грѣшной?“—А, поминався! Погоди, покуль мину, тоды раскажу! Тоды минувъ яе: переливать табѣ ету воду, покуль и свѣту перяѣна! говорить.—Ну, догадався, што уперяѣ не сказався!—Полоскався бѣ я ты тутъ! говорить. Тоды приходитъ къ тому, што тынѣ держать. А што, Истинка добрый молодецъ, — ти опоминався объ мяне грѣшномъ?—Поминався: погоди, покуль мину, тоды раскажу! Якъ минувъ: держать табѣ етый тынѣ, покуль и свѣту перяѣна!—Ну, догадався: што уперяѣ не сказавъ! пособиѣ ба и ты бѣ держать мяѣ тынѣ! Тоды приходитъ къ тынѣ, што камень качають. А што, Истинка, добрый молодецъ, — ти опоминався объ насъ грѣшныхъ?—Поминався: погодитя, покуль мину, тоды раскажу! Тоды минувъ ихъ: качать важъ етый камень, покуль и свѣту перяѣна будетъ!—Ну, догадався, што уперяѣ не сказався!—покатився бѣ и ты, якъ камень етый! Тоды приходитъ къ тѣй рыбни. А што, Истинка, добрый молодецъ, — ти опоминався объ мяне грѣшной?—Поминався, погоди, перяѣду, тоды раскажу. Тоды отыйшовся ѣнъ можа у вярсту тѣ боли, говорить: коли выкархнешъ ты корабъ зъ народомъ, што проглынула, на волю, дыкъ и сама пойдешъ по воли, а ня выкархнешъ, дыкъ будешъ лежать, покуль и свѣту перяѣна! Ну, ня якъ кархнула, — дыкъ на вярстѣ, тѣ боли, водѣ выбросила зъ берега, покуль выкархнула, — корабъ тѣй и пошовъ. И ня пошла по воли. Тоды приходитъ къ тынѣ къ дубѣмъ. Тыя спрашуютъ у яго, тыя воровы: ти опоминався объ насъ грѣшныхъ?—Поминався, погодитя, покуль мину, тоды раскажу! Якъ минувъ: коли будеть дѣлать по божаму по закону, якъ Богъ янапѣдывъ вамъ, дыкъ перестанеть битца. А коли будеть дѣлать, якъ надумалися, дыкъ будеть битца, покуль и свѣту перяѣна!—Нѣ, ня будеть: каеть, своими думами, а по божаму по закону, говорить. Вѣ, дубы рашинулиси, и ны перестали битца.

Тоды пришовъ, подавъ до царя записку тую. Полядѣвъ царь, похваливъ. Тоды уздумавъ царь, што у якомъ то царствѣ, у якомъ то государствѣ, Богъ знаетъ, нѣѣ, ѣсь царевна пригожая, ды никто ня высватать яе. Тоды спросивъ у етого начальства: што, господа: можеть вы зѣздить у такой и такой царство, мяѣ царевну высватать? Ны—тѣй каеть: не могу! тѣй каеть: не могу! Тритцать три братья и ны водить ня можеть. Сконпановали знова на Истинку, што Истинка нашъ говоривъ: што, могу, каеть. Тогда спрашуетъ царь у Истинки: што, Истинка: можешъ ты у такой и такой царство зѣздить, мяѣ царевну высватать? Ёнъ говорить: дѣ жъ я могу? Тритцать три браты большихъ ѣсь, ды ня могутъ, а я мезиный, ды у всякое дѣло дождивъ уступать! Да! тукнула уси браты: ёнъ по чести ня пойдеть! Яму страшки не давши, — ёнъ

по чести ня пойдеть! говорятъ. Ну, ёнъ, значитца, заплакавъ сляно и пошовъ у конюшни. Лошадь яго говоритъ: ахъ, Истинка, добрый молодецъ: ча ты сляно плачешъ, ажи мнѣ тошно стоять у конюшни?—Этъ, лошадь моя добрая: тритцать три браты большихъ и ни у якоя дѣла не уступають, усѣ мяне посылають!—У такой и такой царство у свѣты ѣзѣть, кабъ царевну высватать!—Што жъ дѣлать, посылають, говорятъ, дакъ иди!—живъ будешъ!

Ну, ёнъ пошовъ. Якъ ити дыкъ ити—скоро то каетца да няскоро дѣтца—сустрѣкаетъ человекъ. Здравстуй!—Здравстуй! Куды Богъ нясетъ далеко, Истинка, добрый молодецъ?—Пославъ царь у свѣты у такой и такой царство, царевну высватать за яго!—Говорить: возьми и мяне съ собою!—А што ты за человекъ? говоритъ.—Да я такой человекъ, говоритъ: вы придите къ крѣпости къ такой, што ни узыйти ни узѣхать, только птицы перелѣтѣтъ!—цыгуныя сѣтны, цыгуныя ворота—дыкъ ты скажешъ: хто мнѣ ворота отпрѣтъ? А я скажу—я! Якъ плычи тернусь, дыкъ разломаю, раскрышу усю крѣпость ихъ!—Ну, холемъ! Пошли. Якъ ити, дыкъ ити, якъ ити, дыкъ ити, сустрѣкаетца яще человекъ. Здравстуй, Истинка добрый молодецъ!—Здравстуй!—Куды Богъ нясетъ далеко, Истинка, добрый молодецъ?—Пославъ царь у свѣты у такой и такой царство, царевну высватать за яго! Говорить: возьми и мяне съ собой! А што ты за человекъ? говоритъ.—А я такой человекъ, што крѣпость якъ вы зломаеца, а ёнъ услышитъ,—якъ пусытитъ хортвъ—по цѣломъ мялѣваю,—дыкъ яны васъ и разорвутъ. А ты скажешъ: хто хортвъ униметь? А я скажу: я! По два, по три за хвосты укучу позвыжу и на парканъ повѣшу!—Дыкъ ходемъ! Ну и пошли. Ити дыкъ ити, ити дыкъ ити, иде сустрѣкають человекъ. Здравстуй, Истинка, добрый молодецъ!—Здравстуй!—Куды Богъ нясетъ далеко?—Пославъ царь у свѣты у такой и такой царство, царевну высватать за яго! Возьми и мяне, съ собой! А што ты за человекъ? говоритъ. А я такой человекъ: якъ вы хортвъ повяжита, ёнъ на сколькои нячей хлѣбъ будетъ печь: тоды загадаеть вамъ загадку: сколькои у мяне хлѣбушка ёсь, кабъ увесь поѣденъ бувъ, а коли окорочакъ дѣ найду, топоръ да мечъ—голова доловъ съ плечъ и на ножки сердца вытану. Дыкъ ты скажешъ: хто хлѣбушка поѣсъ? А я скажу: я! Дакъ я по двѣ по три булки, по двѣ по три булки—и ще ёсь буду просить—увесь поѣкъ. И сколькои напитокковъ выкатитъ кухвовъ, дакъ ты скажешъ: хто напитки попѣть? Я скажу: я! Дакъ я уси напитки попью, и пить буду просить!—Ну, каетъ, ходемъ! мнѣ етакія люди надо, говорить.

Ну тоды, якъ ити дыкъ ити, якъ ити дыкъ ити,—приходють яны къ той крѣпости, ни узыйти ни узѣхать, цыгуныя сѣтны, цыгуныя во-

роты. Якъ тернувся етый плечий, дакъ разломавъ, раскрыпивъ усю крѣпость ихъ. Тоды тѣй парь якъ почувъ, што разломали крѣпость, пустьивъ на ихъ хортовъ по цѣломъ ядывѣдо. — летать на ихъ! Тоды ень каесть: хто мнѣ хортовъ унимаетъ? Тѣй каесть: я! Ёнь по два, по три за хвосты укучу позвязавъ и на парканѣ повѣсивъ! Ну тоды, пришли. Здравствуй! — Здравствуйте, сватовъ! Шд у мене етакихъ сватовъ не було, якъ вы пришли! говорить. За честь принявъ ихъ.

Тоды пили, пили, гуляли, гуляли, и приказавъ на сколькоиначей хлѣбъ печь, ды кабъ и знашували ето укучу яго. Ну, давъ Богъ вечеръ, ёнь ихъ отпраляесть: „ну, сватовъ, говорить: смотриця! сколькои хлѣба ёсь, кабъ увесь бывъ поѣденъ за ночь; а ежали нѣ, найду окорочку, топоръ да мечъ — головы доловъ съ плечъ, на ножи сердца вытащу!“ Ну тоды, отправивъ ихъ особаянно, такъ, у боковочку — станемъ говорить. Пошли яны, давай у карты гулять: гуляли, гуляли, тоды ёнь посылаетъ слугу: иди поляй, што яны дѣлають? Можя яны плачуть, забиваютца, што не голодны, а хлѣбушка столько? дѣ яны яго поляють? Тѣй пошовъ. Што? говорить. — А што? — у карты гуляють, иѣсьни сьпивають! — Пусть перядъ смертю, говорить, красуютца! Тоды яны гуляли, гуляли у карты, вѣдомо, люди уже поусыпалиси, ёнь говорить: а хто мнѣ етый хлѣбъ поѣсъ? А тѣй говорить: я! Якъ ставъ: по двѣ, по три булки, по двѣ, по три булки, — попоѣвъ тѣй хлѣбъ увесь, пошовъ подъ царскій дожъ, уклавъ голову у окно и кричить: ай, ѣсть хочу! ай, ѣсть хочу! ай, ѣсть хочу! Усю ночь не даеъ царю спать! Давъ Богъ день. „Ну однача, говорить, сватовъ: сколькои у мене сватовъ ня було, ще такихъ обжоровъ ня выдавъ! — сколькои поѣли, и ще ѣсь просятъ!“

Вотъ тоды день гуляли, гуляли, пили, пили. — усяго було, толькои птушачаго молока ня було — тогды выкативъ кѣхновъ, ды говорить: ну, господа сватовъ! кабъ понили за ночь усю напнтки еты, кабъ пиѣ капли не нашовъ! А ежали найду, топоръ да мечъ — головы доловъ съ плечъ, на ножи сердца вытащу! Ну и отправивъ ихъ у боковочку. Пошли яны, давай у карты гулять. Гуляли, гуляли, тоды ёнь посылаетъ слугу: иди, поляй, што яны дѣлають? Можя яны плачуть, забиваютца, што напналиси, а напнтковъ столько? — дѣ яны ихъ поеляють? Тѣй пошовъ. Што? говорить. А што? — у карты гуляють, иѣсьни сьпивають! — Пусть перядъ смертю, говорить, красуютца! Тоды яны гуляли, гуляли у карты, вѣдомо, люди уже поусыпалиси, ёнь говорить: А хто мнѣ еты напнтки поѣсать? — Я! И пошовъ. Якъ цмухнѣтъ у кухню, дыкъ и нема, дыкъ и сухо у кухни, якъ цмухнѣтъ у кухню, дыкъ и нема, дыкъ и сухо у кухни. Пошивъ усѣ. И пошовъ подъ царскій дожъ, уклавъ голову у окно и кричить: ай, пить хочу! ай, пить хочу! ай, пить хочу! Не давъ царю спать усю ночь. Богъ день давъ. „Ну,

однача, говорить, сватовъ: сколько у мене сватовъ ня було, ще такихъ пьяницъ ня выдавъ! сколько поили, и интъ просятъ!—Ну, вѣрно наша дочь да то ваша будеть!“ Поили заручины и отправили ихъ.

Прѣѣзжаетъ. Тѣй царь сичасъ кабы жанитца, къ вяцу ѣхать. А ина говорить: „нѣтъ, вы справились, а я не справилась—обнововитя. Ну, Истинка добрый молодецъ! слушали вы царя, послушайте и мене! Уже не туда, а у повдороги. Видали вы идѣ хатка стоять? У тѣй хатцы моя бабушка живеть, и у яе подъ печку гусельки. Дыкъ кабы ты инѣ приста- вить ихъ! Тоды будеть и вяселья гулять!“ Ну, ѣнь пошовъ.

Якъ ити, дыкъ ити, приходиць къ тѣй хатцы. Ажъ Баба Змяя тая похѣджуеть по двору. „Што, бабушка,—можня переночувать у васъ?— Чаму, можня! говорить. Отъ ѣнь занучувать. Ина некуда отвирулася, ѣнь поляѣвъ, идѣ тья гусли, крѣчкомъ зачашивъ, нагутувавъ, якъ ихъ вытащить уже оттуля. Тоды ина легла: якъ засынетъ, ѣнь тихинько—цморьгъ ихъ! Дыкъ яны зазвываютъ. „Ѧй, Истинка добрый молодецъ! не швидкуй! ня рушь!“ Што, бабушка,—почаму я знаю, што у васъ идѣ дѣтца: ти у васъ мыши пищать, ти што?—То-то жъ, говорить, ляли жъ! Тоды знова поляжить, поляжить, только яна разосяпитца,—ѣнь цморьгъ! Дыкъ яны якъ зазвываютъ. „Ѧй, Истинка добрый молодецъ! не швидкуй! ня рушь!“ Што, бабушка,—почаму я знаю, што у васъ идѣ дѣтца: ти у васъ мыши пищать, ти што?—То-то жъ, говорить, ляли! Тоды давъ ей уже разосяпитца ловко, а самъ узавъ порасъчинявъ и дѣвери и вороты и усѣ,—кабы утечь уже—тоды якъ выханивъ ихъ съ подпечи, дыкъ яны дыръ, дыръ! дыръ, дыръ! Дыкъ ина за интъ! Гнѣлася, гнѣлася, чуть не порвалася, бѣгучи. „Ну, Истинка добрый молодецъ! посылѣдний ба разъ ты холивъ! говорить. А царь тѣй уже видить, што ина не по- даетца яму, ня хочеть жанитца зъ интъ, дакъ ѣнь приказавъ у воротихъ яму выкопать и жару напалить. Тоды приходитъ Истинка—яны канаву выкопали, жару наготовали, и бляхой затянули, накрыли. „Ну, Истинка: по сѣвѣту ты походишь, усякихъ воздуховъ ты набрався; зволь перяйтить перезъ ету бляху! говорить. Таа царевна отвѣщаеть: нѣ, говорить: ето ня Истинку наготовлено, а ето, хто со яной одружитца хочеть!—Вотъ, коли перѣйдеть перезъ ету бляху, дакъ мой другъ будеть, а нѣ—нѣ! То- ды царь тѣй—и жанитца хочетца, и смерти получить не хочетца—и по- шовъ. Только ступивъ на бляху, а ина цморьгъ! Ёнь туды и шавъ! А яна бляхой и накрыла. А зъ Истинкой ожанилася. Истинка усими бра- таны командуетъ и тяперъ.

И я тамъ бывъ, кѣдъ, вино пивъ, да то у ротѣ ня було, по бородѣ по- тѣкло. Дали пирогъ, я за порогъ; дали крайчикъ, я подъ вороты, якъ

зайчикъ; дали щуку, я усю дорогу щупавъ. Щупавъ—щупавъ, ничего не найшовъ, такъ прійшовъ.

Д. Чернавцы, радомыскай вол. чаусск. у. Отъ кр-на Гаврила Милина 60 л., неграмотнаго.

31. Малъ Малышокъ.

Живъ дѣдъ изъ бабой. И ня було у ихъ дитей. Дѣду уво спѣ со-
спилось, што или ты у дѣсь, назбирай яецъ птушачныхъ и вывадята дѣ-
тей сабѣ. Расказавъ ёнъ сонъ баби, и баба такъ яму сказала: „што жъ,
иди, дѣдъ, у дѣсь, назбирай яецъ птушачныхъ, посминыхъ у рѣшато, я
сяду, дитей выведу. Яны будутъ нищѣтъ—нажъ будецъ всеялѣй,—мы бу-
демъ духать, што наши дѣти!“ Дѣдъ бабы послузавъ, пошовъ у дѣсь, уз-
лѣзъ на бярезину—одно яйцо въ гняздѣ. Ёнъ у другую—тавъ тожъ од-
но. Такъ ёнъ улазивъ на тритцатъ бярозъ.—На статьяй бярози наповъ
два яйца. Такъ ёнъ собравъ тритцатъ одно яйцо. И большы дѣлатъ не
ставъ. Принѣсъ яйца дошовъ, у рѣшато усминовъ, и сѣла баба на яйцы.
Усѣ ровно, якъ курица. Ниялѣ перазъ три вывадиси дѣти, не птушач-
чыя, а настоящыя дѣти—мальчички. Баба тогда говоритъ: „дядьку, дѣдъ,
ня птушки, а усѣ сыны! тритцатъ одинъ!“ Дѣдъ ставъ радъ, што яму
Богъ сыновъ давъ. Собравъ двѣ пары кужовъ, горѣлки съ повгарна,
запрогъ коня, поѣхавъ къ пону. Ставъ просить, кабъ пріѣхавъ поплъ дѣ-
тей кѣтитъ. Пріѣхавъ поплъ кѣтитъ. Ставъ кѣтитъ ихъ—усихъ перакъ-
тивъ, по разному яму давъ. Одинъ бывъ хужы усихъ, меньшый—тому
имя не нашовъ. Сказавъ дѣду и баби: „якъ хочыця, такъ яго и зовятъ,
я имя не нашовъ!“ Якъ ёнъ меньшы усихъ бывъ, прозвали яго *Малымъ
Малышомъ*.

Стали яны росъти не по годахъ, а по чагахъ. Перазъ годъ стали
большыя. Тогда яны сказали батьку: „татъ, што мы будецъ гулять?—бу-
демъ работать!— Можъ пожни ёсь косить, пойдёмъ косить! Ъдъ на мѣсто,
косъ купи нажъ!“ Поѣхавъ батька на мѣсто, купивъ тритцатъ косъ, а
одну не наповъ—меньшаку сыну. Усѣ мѣстечко обшукавъ, не наповъ
косы. Привѣзъ косы дошовъ. Бяритя, сынки, косы, котору который хо-
чуть! Сыны подыпли, разобрали косы. Малъ Малышка пришовъ: а нѣ-
батька, гдѣ коса?—Нема, мой сынокъ, не наповъ. Я старый, а ты малый—
будецъ дома!—Ну, нехай будецъ такъ, якъ батька кажить!

Была у яго пожня. Пошли яны косить,—отъ своего сядъ вѣреть на
пять. Пришли на пожню, пожня была большая, яны разбѣрали кажды
сабѣ по ковалку, а два ковалки такихъ покинули—батьку и Малышку.
Ну, яны косятъ. А Малый Малышокъ сказуецъ батьку: пойдѹ я, татъ, по-

ляджу, якъ яны косють тамъ. Батька кажыть яму: гляди, сыночъ, кабъ не заблудивъ!—А можа й понаду! Пошовъ, ды заблудивъ. Увышовъ у лѣсъ. Ходивъ, ходивъ, ня можно выйти изъ лѣсу. Поляѣвъ на увесъ лѣсъ тоды—однѣ дубъ выны за усяго лѣсу. Ёнъ узлѣвъ на тѣй дубъ, поляѣвъ кругомъ.—бачыть, што у трыццатѣхъ косють. Ёнъ тогды узывъ, етый дубъ за макушку рукою, похинувся у етый бокъ. Лѣ косють, задохъ,—гэтый дубъ пераложыся пополамъ. Узывъ сучча поблѣмувавъ, на плечы, да й пошовъ пражо туды. Пришовъ къ ямъ, кажыть:—«поможи, Божа, вачъ, братцы! Што вы два ковалки пожни покинули? нехай ба усѣ разомъ косили! Ти гэта можа чужая?» А яны кажуть: гэта покинули табѣ изъ батькомъ!—«Якъ жа мы будземъ косить: я малый, а ёнъ старый?—А хочь сабѣ найхити!—«Ну ладно, кажыть! Шанку злѣвъ, перакъсывся—поможи Божа миѣ! И давай косить! И косить, и грабеть, я у стохъ владеть, гэтый дубинкой! Унѣрадъ за нхъ скосивъ—однѣ два ковалки—и скосивъ и скативъ. Дубину гату у земля убивъ, и коло дубины стохъ склавъ. Яны каждый своё ковалки покосили, особо, каждый по стогу. Тогды пришли домовъ съ пожни. Батька говорить: ну што, сынки, покосили пожню?—Покосили усю! А Малый Малышокъ кажыть батьку: покосили, а два ковалки покинули! Батька кажыть: на што?—Миѣ ковалокъ я табѣ!—Я, кастъ, ужъ старый, косить не могу! Нетужы, батька, я скосивъ я у стохъ склавъ!—А вы—пытаетца у нхъ, у тыхъ сыночъ: вы у однѣхъ стохъ склали?—А мы, кажуть—пособя! Накосили трыццатъ однѣхъ стохъ! Тогды батька кажыть: трэба яго пилнувать, покуль перевязѣмъ, а то покрадуть! Узали у десятѣхъ попли пилнувать. Ночу цѣлу пилновали, а нѣхто стохъ укравъ. Пришли изъ варты, пытаецца батька: ти цѣло сѣно?—Однѣ стохъ нѣхто укравъ. Сказавъ батька на нхъ: дураки! у десятѣхъ ня упилновали! На другую ночь другій десятокъ пошовъ. Тожа такъ само перапилновали—и зночъ нѣхто стохъ укравъ. На третью ночь третій десятокъ пошовъ—тожа такъ само не запилновали—я стохъ украдено. На чатьвѣртую ночь трэба перинаму десятку йти. Яны стали споровать изъ Малышкомъ: я у яго жъ стохъ сѣна ёсь, нехай ёнъ идѣтъ!—Ну, дакъ што жъ, кажыть: коли йти, дакъ и йти! (Ходи, батька, къ ковалю, нехай коваль кульку злѣзную скусть, пудовъ у трыццатъ. Пошовъ батька къ ковалю, скувавъ кульку пудовъ у трыццатъ. Узывъ ёнъ кульку гату, кивувъ угору, дакъ яна изъ ночъ утклѣ. Видѣтъ ёнъ, што назадъ лянѣтъ—потставивъ лобъ. Ина по лбу якъ ударила, развалилася на чатыри ковалки. Тогды ёнъ кажыть: батюшка, искуй миѣ другую кульку, пудовъ у трыццатъ пять, да кабъ якчѣйшая трошку, а то дужа суха! Коваль скувавъ другую. Узывъ ёнъ гату, кивувъ угору—гэта зъ ночъ не улятѣла—зварилася назадъ. Знова лобъ потставивъ,—якъ ударила,

тогда собравъ мужиковъ, спытався у ихъ: «можя хто найдѣтца на моѣ хозяйство подъ аренду, годовъ на яѣскульки? Приѣду, дакъ возьму, а не приѣду—дакъ соусямъ ня траба мнѣничого!» Дворъ гэтый бывъ лѣпи паньскаго. Мужики ня їини не узався, за тоя, што вялкій дворъ бывъ. Ёнъ гукнувъ пана, отдавъ дворъ пану подъ рѣсписку—аренды ниякія, абы бѣ только тѣтакій бывъ дворъ, якъ тѣперъ. А жарабка свойго довавъ,—тоя пѣть и їѣти дававъ, што самъ уживавъ. За тры годы выучывъ яго говорить съ собой, и за тры годы узгодовавъ яго лѣпи братьнихъ. Хлѣбъ продавъ, грошы узавъ, поѣхавъ братѣвъ догонять.

Браты їхали тры годы, а ёнъ догнавъ ихъ у тры мѣсяцы. «Здоровы, братцы?»—Здоровы, Малъ Малышокъ! Якъ жа нашы дома, батька лѣзъ маткой?—Батька лѣзъ маткой въ вѣшныѣ доми, а вахъ на здоровья! Якъ жа вамъ злучалось? Што вы видели: худо ти добро?—Худо ня видели, а добра буліо много. Тѣперъ ты їѣ поцѣраду!

Вотъ якъ поѣхавъ Малъ Малышокъ напѣрадь, дѣлный день поѣхавъ, ня їдней дярвини ня буліо, только лѣсъ да поля. Заходѣтъ сонца. Приѣжають къ лѣсу, ажнѣ стоитъ хатка на куриной нѣзцы и крутитца. «Стой, каеъ, хатка, ня крутися, ко мнѣ дверамы перавяртися!» Ина стала. Выйшовъ ёнъ у хатку, ажны ляжнѣ Баба-Юга косѣтъная нога, ляжнѣ на полу, ноги у сѣтяну, носъ у потолокъ, а ротъ у трубу. Пришовъ у хату: «Здрастуй, Баба Юга, косѣтъная нога!»—Добрыдень, здоровъ, Малъ Малышокъ! Куды їѣдешъ, куды путъ держишь?—«Їѣдешъ у сѣѣтъ, якъ намъ случытца: можя гѣѣ жанитца, а можя куды у службу приѣялѣтца!»—А ти много вась їѣсъ? баба спрашуетъ.—Тритцать ѣдинъ!—Ну, шкода! У мяне їѣ дватцать дѣрнѣ дочокъ, пожанилися бѣ! Їѣтъя дальшы, у моѣ сѣстры повинно бытъ!.. Пошовъ ёнъ съ хаты, сѣли и поѣхали. Ћхали, їхали, поѣхали часовъ десять, приѣхали еще къ хаты, такжа сажо—стоитъ на куриной нѣзѣ и крутитца. «Стой, каеъ, хата, ня крутися, ко мнѣ дверамы перавяртися!» Яна перавяриулася. Увышовъ Малъ Малышокъ у хату, видѣтъ—опять ляжнѣ Баба Юга косѣтъная нога, ляжнѣ на полу, ноги у сѣтяну, носъ у потолокъ, а ротъ у трубу. Пришовъ у хату: «Здрастуй, Баба Юга, косѣтъная нога!»—Добрыдень, здоровъ, Малъ Малышокъ! Куды путъ держишь?—«Їѣдешъ у сѣѣтъ, якъ намъ случытца: можя гѣѣ жанитца, а можя куды у службу приѣялѣтца!»—А ти много вась їѣсъ? баба спрашуетъ!—Тритцать ѣдинъ!—Ну, шкода!—у мяне тритцать дочокъ,—ѣдинѣ не хватаеъ; а то бѣ пожанилися бѣ! Їѣтъя дальшы,—у моѣ сѣстры їѣсъ! Поѣхали дальшы. Тѣразъ малое урѣмя приѣхали къ хаты—стоитъ на куриной нѣзцы и крутитца. «Стой, каеъ, хата, не крутися, ко мнѣ дверамы перавяртися!» Увышовъ Малъ Малышокъ у хату, видѣтъ, опять ляжнѣ Баба Юга косѣтъная нога, ляжнѣ на полу,

ноги у сѣяну, носъ у потолокъ, а ротъ у трубу. Пришовъ у хату. «Здрастуй, Баба Юга косыльная нога!» Добрый вечаръ, здоровъ, Маль Малышокъ! Куды ѣдешъ, куды путь держишь?—«Ѣдемъ у свѣтъ, якъ намъ случыцца: можа гдѣ жанитца, а можа гдѣ у службу прйдѣлѣцца! Ну добро, што вась Богъ принёсъ! у мяне трыццать одна дочка, будземъ свадѣбу гулять! Заѣжжайця на дворъ, распорадѣця конѣвъ. Я заявлю даць овса и сѣна! Яны заѣхали на дворъ, распорадѣли конѣвъ, овса-сѣна наготовлено было. Зайшли усѣ ў хату: дала имъ выпить и закусиць: завала своихъ дочокъ. Пришли яе дочки, гэтакія красавицы, што дѣпшытъ пукать ня трэба. „Ну, каець, зятки мое: выбирайця сабѣ, который котору хочыць!“ Ну, яны узали каждый по днѣй. Тогда яна кажыть: «ну, кланігеси спать, а заутра будземъ свадѣбу гулять!» Узали, лягли спать. Маль Малышокъ вышовъ къ своему жарабку, ёнъ яму и кажыть: «Маль Малышокъ! думаешъ жанитца, а прыходѣцца съ свѣту збытца!»—За што такъ? — «Гэта вѣдѣя порожыть вась! Якъ ляжыця спать, возьми, шапки имъ понадѣвай на головы, а братамъ платки позавязувай, и самъ сабѣ такъ зыдѣлай! Ина ўночы устанеть, у яе ёсь мечъ-самосѣчь, пусьтыць по тыхъ головахъ, которы у шапкахъ. А ты ня спи и гляди, дѣ ина будеть мечъ братъ. Якъ мечъ паройдѣтъ по головахъ, тогды утыкайця!» Лягли яны спать, а Маль Малышокъ не заснувъ. Якъ яны заснули, тогды ёнъ узавъ, шапки понадѣвавъ дѣвкамъ, а платки позавязувавъ жалцамъ. Устала баба, носомъ понюхала, ладно послухала,—спать усе! Пошла на полати, узала мечъ-самосѣчь, приказала яму: иди по тыхъ головахъ, поўсякай, которы у шапкахъ! Мечъ-самосѣчь пошовъ потсякавъ головы. А баба каець: у іень прибіру! Баба заснула. Маль Малышокъ узбудивъ братовъ, тѣхнынько съ хаты вышли, и кажыть имъ: поѣдемъ! А яны кажуть: и жанитца жъ? А ёнъ кажыть имъ: моляця Бога, што не пошли на тѣй свѣтъ за гэтыхъ дѣвокъ.

Похали дальшы. Отѣхали вѣрсть трыста, прочинулася баба. Оглѣдѣла, што дочки постѣчаны, ну, кажыть—Маль Малышокъ хитѣрь! хитрый! Ды ня утѣкъ, догоню!» Було у яе тры козлы на стаини: узала козла, сѣла верхомъ, стала зялѣзнымъ тувкачомъ погонять, Маль Малышка догонять! Не дала отѣхать трыста вѣрсть, догнала за тры часы. «Э, каець, Маль Малышокъ: ня утѣкъ отъ мяне. Давай изъ имъ битца. Билися, билися, тры часы. Маль Малышокъ забивъ яе козла.

Тогда яна пошла назадъ няшкою, а Маль Малышку сказала: «будешъ ты самъ у моихъ рукахъ!»—Ну, тогды тоя и будеть.

Протѣхали яны свѣтъ,—што назадъ ворочатца? Прйдѣлѣлися у царство, на службу. Царъ у ихъ распытався: откуль яны, якѣя? Яны яму рассказали, и вѣрно служыть стали. Маль Малышокъ надъ братами зыдѣ-

лався ляхвѣторомъ. Ёнъ ставъ надъ ими командувать. Имъ стало жалко, што менышій большыми командуеъ. Пошли къ царю, сказали, што за тридѣвять зямель, у тридѣвятихъ царствѣхъ, ёсь баба, а у тѣхъ бабы ёсь мечъ самосѣкъ,—ёнъ самъ рубить, самъ сячеъ и головы уиѣсто кладеъ. Нашъ Малъ Малышокъ можѣтъ достать яго! Царь призвавъ Малъ Малышка, кажить яму: «а ти правда гѣто, што за тридѣвять зямель, у десятихъ царствѣхъ, ёсь баба, а у тѣхъ бабы ёсь мечъ самосѣкъ, самъ рубить, самъ сячеъ и головы у мѣсто кладеъ? Кабъ ты жиѣ яго доставъ!» —Ёсь то ёнъ, ёсь, а достать ни можно!—«Ну, ня тѣказъ, а то отсику голову сичасъ!»—Дайти строку часу на тры подумать, якъ зыѣлатъ! Пошовъ въ жарабку на конюшню, началъ тужить, што дряно стало жить. У яго жарабокъ пытается: «чаго, Малъ Малышокъ, затужився?»—Царь службу задавъ!—«Якую?»—Кабъ тѣхъ мечъ-самосѣкъ достать! «Ну, гѣто, кажить, ня служба, а служба-службочкой будѣтъ! Молися Богу, ложись спать!» Пошовъ ёнъ къ царю объяснявися, што приязеъ мечъ. Помолився Богу, лёгъ спать. Назутраго уставъ, помылся, Богу помолвился, сѣвъ на жарабка, и къ бабѣ покотивъ. Приѣхавъ саму повночь. Яму жарабокъ кажить: ти выливъ жа ты. Дѣ мечъ?»—Видишь!—«Ня, бяры тихынько, кабъ ина не почула,—ина тѣперъ сынить. Скорынько назадъ утекай!» Ёнъ пошовъ, узивъ мечъ-самосѣкъ на полягахъ, тихынько вышовъ съ хаты. Сѣвъ и поѣхавъ. Устала баба, якъ стало видно. Спознала, што у не нѣхто бывъ. Огѣдилася, ажъ меча нема. Яна узнала, што Малый Малышокъ. Вышла, сѣла на козла, тувкачъ у руки узла, сѣла на козла, тувкачомъ погоняеъ. удругъ Малышку догоняеъ. Кажить яму: тѣперъ зъ моихъ рукъ ня ушовъ! Стали битца. Бибиси, билися. Малъ Малышокъ зыбивъ козла. Пошла баба назадъ, говоручы: што те будешъ у моихъ рукахъ!—Ну, тогда тоя будѣтъ! Привѣзъ Малъ Малышокъ мечъ-самосѣкъ царю. Царь яго за гѣто нагородивъ вышшимъ чыномъ, ундаръ-охвицаромъ.

Братомъ большы стало завидно. Пошли узнова къ царю, говорятъ: што отъ, тамъ и тамъ, у тѣхъ сагой бабы ёсь гусьли-самогулы: самы грають, самы скачуть, самы пѣсьни няють, якъ только ихъ потысьнешъ! Малъ Малышокъ можѣтъ доставить!» Призываетъ царъ Малаго Малышка, пытается: «ти правда гѣто, што ёсь у тѣхъ сагой бабы гусьли-самогулы, што самы грають, самы скачуть, самы пѣсьни няють?»—Ня вѣдую, ваша царское влѣчество!—«Ня тѣказъ, а кабъ разузнавъ, а то отсику голову у часъ!..» —Буду шукать! Пришовъ къ жарабку и ставъ тужить, што узнова стало худо на свѣти жить. «Объ чомъ ты такъ засмутився?» гѣто жарабекъ пытается.—Царь службу задавъ!—«Якую?»—Кабъ отъ тѣхъ-сагой бабы достать гусьли самогулы: самы грають, самы скачуть, самы пѣсьни няють, якъ только ихъ потысьнешъ! Да не вѣдую, ти ёсь!—«Ёсь, говорить, до-

станемъ! жарабецъ отвѣщая яму: «Садися поскорѣй, держись покрепчѣй — мы якъ сгнѣмъ, сичасъ къ баба присътигнѣмъ.

Пріѣхали къ баби. Ёнъ и сказуетъ: «ступай у хату: якъ у хату увойдешъ на правой рупѣ, на полатяхъ, лежать гусьли. Только тихынько бяр, кабы яны не зайграли. Баба почуетъ, яна тѣбе убѣтъ. Яна тыперъ вышла нѣкуды на малое ўрэмя!» Пошовъ ёнъ у хату, увывшовъ направо на полатки, узавъ гусьли у свое лапки, вышовъ, сѣвъ и запѣвъ. Жарабецъ говоритъ: мовчы, баба убѣтъ! Поѣхавъ. Ъхавъ, ѣхавъ, ти много — ти мало, покуль баба разузнала, што гусьлявъ нема. Узла третійго козла, жалѣзныи товкачъ, — ну погонять, Малышку догонять. Догнала. начала битца. Бились пуѣтора сутокъ. Збивъ ёнъ яе козла. Тогда яна заплакала: огорчытъ мяне на вѣкъ! Поѣхавъ Малъ Малышокъ у дворъ привѣзъ гусьли-самогулы. Узавъ царъ гусьли самогулы, ставъ ихъ жать, яны стали йграть — пѣсьни пѣтъ и плясать — што на усѣмъ царствѣ слыхатъ. За гэту службу нагородивъ царъ Малъ Малышка чыномъ хитыхвѣ-балажъ.

Братомъ опять стало пушай отъ яго. Ставъ ихъ службой натягавать лѣня, — гэта за гэта за самое, што яны яго выдавали. Отъ нѣякъ то у той ўрэмя злучылося, што сонца на днѣмъ мѣсьти тры часы простояло. Пошли братья къ цару и сказали, што Малъ Малышокъ можѣтъ узнать — отчаго. Призвавѣтъ царъ Малъ Малышка, задаеъ яму службу, кабы разузнавъ, отчаго сонца на днѣмъ мѣсьти тры часы простояло. Ёнъ сказуетъ: «ни-якъ ня можно!» — Ну, ня тказъ, отрублю голову ўразъ! — «Дайтя слободы часы на тры!» — Хутъ и на сутки, можно!

Пришовъ ёнъ къ жарабку, ставъ тужить. Яму здалося, што ня при-детпа большы на свѣти жить. А жарабецъ у яго пытаецца: «объ чомъ, Малъ Малышокъ, затужыся?» — Царъ службу задавъ! — «Якую?» — Кабы разузнавъ, отчаго сонца на днѣмъ мѣсьти тры часы простояло! А жарабецъ яму говоритъ: «гэно ня служба, а служба службочка будеъ! Садисъ да пойдёмъ!» Сѣвъ ёнъ, поѣхали. Ъхали, ѣхали сутокъ съ трыя. Пріѣхали къ мору, ажно ляжытъ празъ мора чудо юда Рыба-Китъ, по ёй уси ходють-ѣздыють. Поѣхали яны по гэтой рыбинѣ, рыба у яго пытаецца: — «куды, Малъ Малышокъ, ѣдешъ?» — Къ сонцу, зачымъ простояло у такая и такая ўрэмя, на днѣмъ мѣсьти тры часы! — «Не забудься, спреси про мяне, што я на днѣмъ боку тры годы ляжу не зьяя мнѣ пераварянуцца: уси по мнѣ ходють и ѣздыють. Я табѣ за гэта отслужу!» — Добро, спытаюся! Пераѣхали празъ рыбу, пріѣхали туды, сонца закачуецца куды ¹⁾

¹⁾ У разсказчика вообще пробивается стихотворческая жилка. Типъ баяна-слагателя пѣсенъ — припѣвокъ, складныхъ поговорокъ, присказокъ и т. п. Встрѣчается довольно часто. На свадьбахъ — столбовой бояринъ.

Увидѣвъ ёнъ у гѣту землянку, ажны тамъ мѣсяць. Давъ яму здра-
стуй, Маль Малышокъ. Мѣсяць у яго пытаетца: „зачымъ ты, Маль Малышокъ,
сюды забрався?“ — Къ сонцу, распросить, отчаго на ‘днѣмъ мѣсяці тры часы
простояло! „Ну, Маль Малышокъ: натку табѣ шубу, борджэй выварня, да на-
давай, за печку полизай — зѣразъ сонійко прйдѣть. Яно тѣбе сячѣть. Ты
тамъ слухай, а я буду говоритъ, покуль яно не такъ станеъ жарко!“ Утѣ
ёнъ гѣтакъ и зыѣлавъ. Пришло сонца, загорѣлась уся хата, Маль Малы-
шокъ спѣкса бѣ, кабѣ шуба не космата. Братъ сонцу кажыть: „къ табѣ
чыловѣкъ прыѣхавъ, пытата, чаго на ‘днѣмъ мѣсяці простояло тры ча-
сы? — А дѣ жъ ёнъ? „За печкой!“ — Вылизай сюда! Вылизъ, низко сонцу
поклонився. Сонца у яго стало пропытуватъ: зъ якого царства, хто? Ёнъ
расказывъ. Яно яму сказала: „што ёсь на моры паненка Волянка; яна
у золотомъ човни ѣдѣть, сама вясломъ грабѣть, самоуправкой прадѣть.
Гѣтакія красивыя (род. пад) у сьвѣти нема. Я на яе углѣдѣлся и тры
часы простоявъ!“ Тогда ёнъ сказавъ про рыбу: «за што покутуеъ тры
годы на днѣмъ боку, ти скоро отпокутуеъ?» — «Пуцай яна выкарх-
неъ сорокъ кораблей, што проглынула на моры, тогда узнова пойдеъ
на мора гулять. И кабѣ большы гѣтаго ня дѣлала!» Тольки не кажы
рыбѣни, покуль пераѣдешъ, а то яна страханѣца, тѣбе утопитъ!» Маль
Малышка сонцу низко уклонився, у своѣ царство воротився. Приѣхавъ
ёнъ къ рыби, рыба у яго спрашуеъ, ти пытавса ёнъ празъ яе? — «Къ
пераѣду, тогда скажу!» Пераѣхавъ, тогда ёй кажыть: отъ, кажыть: вы-
кархни сорокъ кораблей, ись тымъ, проглынула ись чмъ! Яна (яму ска-
зуеъ, кабѣ ёнъ якъ можно борджэй отъяжжавъ отъ мора; а то якъ страха-
вуса, дакъ вода зальѣ! Рыба своѣ грахи отпокутувала, пошла у мора.
Маль Малышокъ прыѣхавъ къ цару. Сказавъ цару, што вотъ сонца отъ
того простояло тры часы, што ёсь на моры паненка Волянка; яна у зо-
лотомъ човни ѣдѣть, сама вясломъ грабѣть, самоуправкой прадѣть. Гѣта-
кія красивыя у сьвѣти нема. Яно на яе углѣдѣлося и простояло тры ча-
сы. Царъ яго за гѣто нагородивъ службой ливнцэронъ.

Прожывъ трошки, царъ ставъ думаъ празъ гѣтую паненку Волянку,
якъ ба яе достать. Уздумавъ Малышку приказатъ. Призоваеъ Ма-
лышку, кабѣ ёнъ доставъ яму паненку Волянку. Маль-Малышокъ узду-
мавъ III рыбу — и кажыть: што подумаю, можа достану? Што рыба, бачъ,
яму сказала тогда: што я табѣ отслужу! Пошовъ къ жарабку и ставъ
плакатъ. Жарабокъ спрашыть: «чаго, Маль-Малышокъ, засмутився?» —
Якъ жа не смутитца, царъ щѣ службу задавъ! «Якую?» — Кабѣ доставъ
тую паненку Волянку, што на моры у золотой човни плывеъ, вясломъ воду
грабѣть, самоуправкой прадѣть. — «Гѣто ня служба, а служба службочка
будеъ! Ступай къ цару, набяры разныхъ крухтовъ, и напиктовъ и ваѣдокъ,

тогда поѣдемъ!» Пошовъ ѣтъ къ царю. Сказуетъ: «Ваша царское вялѣчество: не ~~вѣлѣтъ~~ казнить, а позволѣтъ рѣчь говорить! Дайте мнѣ рублей на триста разныхъ напитковъ—хрутковъ!» Царь гѣто яму усѣ выдавъ, што ѣтъ спрашувать. Забравъ ѣтъ уся напитки, пошовъ къ жарабцу, кажить: усѣ царь давъ, што ты казавъ! Жарабокъ яму кажить: бѣры ты перъ балганъ, поѣдемъ къ мору!

Прѣѣхали къ мору. Тѣперъ лущай мяне на зялѣнные дуга, а самъ будь у балгани за шинкарѣ. Убачышь, будетъ ѣзѣтъ паненка Волюнка тутъ, тогда поменьшы пи, а большы постукавай. Ина заглѣдитца на балганъ, подѣѣдетъ и будетъ пытатца у тябе: коли тутытька ставъ жить и чѣмъ занимаешься? Тогда ина будетъ у тябе усяхъ напитковъ просить, а ты старайся якъ можно, кабъ яѣ зловить! Ну, ѣтъ шатѣръ расылавъ коло мора, раславъ уся своё напитки, настоящий бухетъ ¹⁾ устроить. Ну, сѣчасть жа видѣть, нѣшто на моры поблѣскуваетъ. Вотъ и ѣдетъ прямо, гѣтая самая паненка Волюнка у золотомъ човни, сама вясломъ грабѣтъ, самонаправкой распрадываетъ, ды шатѣръ разглядываетъ. Подѣѣжжаетъ къ шатру и спрашуваетъ: «што гѣто такая за новое устройство? (сколько я прѣѣжжала, ниразу не видала?»—Я тутытька новый, посляився зъ разнамы хрутками. У мене ёсь выинѣть и закусить, усяго того, што кому хочыцца. У мене ёсь усяго довольно, и дешавдо и дорогдо, и сладкаго и прѣятныхъ!»—«Дайте мнѣ одиный стаканчикъ сладкаго!» Ётъ ей наливъ стаканчикъ, кабъ разбирало. Ина вяселцо подала, съ човна: постановъ на вяселцо! Ётъ постановивъ на вясло. Ина выпила, гроши у стаканѣ назадъ подала. Поѣхала дальшы. Задумався Мать Малышокъ: што тутъ была и ниякъ узѣтъ ня можно! Проѣхала ина трохи, стало у яе у головѣ разбирать. Вярнула назадъ, кабъ смашнѣйшаго поспытать: «позволь, господиный шинкаръ! дайка покрѣпчаго и солодѣйшаго!» Ётъ говорить: «радъ старатца ли вашыя милосьси! я зъ гѣтаго живу!» Наливъ стаканчикъ крапчѣйшаго. Яна вяселцо подала съ човна: постановъ на вяселцо! Ётъ постановивъ, ина къ сабѣ поднесла, выпила и заплатила. Поѣхала опѣтъ отъ яго. Проѣхала трохи, замуѣло у головѣ луччы. Надумала щѣ чарку выпить, третью. Прѣѣхала назадъ, спрашуетъ у яго: «ти ёсь у васъ крапчѣйшыя?»—Ёсь крапчѣйшыя! Только дорого!»—«У мяне грошны хватить!» ина отвѣщаетъ. Ётъ наливъ стаканъ. Подала ина вяселцо попрежнему. Ётъ ей сказуетъ:—«прошу васъ, вашыя милосьси,—не прогнѣватца: гѣто дужа дорого, вы хиялыны трохи,—я тожа, упадѣтъ зъ вяселца, разобѣтца разольетца,—прошу милосьси зъ рукъ узѣтъ!» Яна потылыла ближны, протянула руку, а ётъ у водѣй рукѣ стаканъ дяржить, а другой рукой ае

¹⁾ М. Толочинъ при желѣзнодорожной станціи съ буфетомъ.

потивативъ: будь, милая, тутъ! Свиснувъ на жарабка. Жарабокъ прибѣгъ. Забравъ усё своё къ сабѣ, яе на слѣбе, на жарабка съѣвъ, и поѣхавъ.

Привѣзъ паненку Волянку къ царю. Царь увидѣвъ яе, яе красоту, не ўсидѣвъ на своёмъ мѣстѣ. Подаривъ яго чыноу капитановъ. Поживъ царь съ паненкою дня два, задумавъ зъ ёй жанитпа! Ина сказуеъ: «ня ўрѣя мнѣ жанитпа! Я у гэтой одежы ня буду жанитпа. У мяне ёсь *сандукъ* жалѣзный, трыста пудовъ, у моря ляжыть. Достань сандукъ, я разождѣнусь, тогда будѣмъ жанитпа!» Ёнъ призвавъ Малъ Малышку: «ёсь у моря, каеъ. сандукъ жалѣзный у трыста пудовъ. кабъ яго доставивъ!»—Ни якъ, говоритъ, ня можно!—«Ня 'тказуватпа, а то 'трублѣ' голову у разъ!»—Дайта ня много подуматъ!—«Ду-жай, сколько ночышъ!» Отправився ёнъ къ жарабку, ставъ тужыть,—плохо пришло жыть! Жарабокъ у яго пытаеъ: «што. Малъ Малышокъ, затужывся?»—Царь службу задавъ, кабъ зъ мора доставъ сандукъ жалѣзный у трыста пудовъ!—«Гэто ня служба, служба службишка будѣтъ. Ступай къ царю, нехай дасъ мечъ-самосѣчъ!» Поповъ ёнъ къ царю, узавъ мечъ-самосѣчъ. Поѣхали къ мору. Жарабокъ говоритъ: лущай по малой рыби, по головахъ, мечъ-самосѣчъ! Ёнъ пусътивъ мечъ-самосѣчъ у мора, и каеъ: самой меньшей рыби головы ссыкай и у одно хѣсто зыбрай! Мечъ и начавъ своё работатъ. Приплыла къ яму Чудо-Юда: «Малъ Малышокъ, перастань мою силу портятъ: што табѣ трѣба, тоя будѣтъ!»—Ёсь у моря сындукъ трыста пудовъ, жалѣзный, паненки Волянки: мнѣ яго трѣба достать! Ина послала рыбу. Оглѣдали гѣтый сындукъ сказуютъ: ёсь! Ина каеъ Малышку: «отъжжай якъ можно на трыста вѣрстѣ, я брошу гѣтый сындукъ табѣ на руки,—лови яго якъ можно! А коли ня уловишъ—у землю ўпадеъ, тогда сусимъ пропадеъ—нихто не достанеъ!» Узавъ ёнъ мечъ-самосѣчъ, отскочывъ на трыста вѣрстѣ, чуеъ—грымить и стучыть—сындукъ къ яму лятить. Ёнъ сындукъ споймавъ, сичасъ у цара ставъ. Царь за гѣту службу чыноу ротнымъ наградиъ.

Тогда царь сказуеъ паненцы Волянки: будѣмъ жанитпа! Ина сказуеъ: чымъ сындукъ отпѣрти?—Ёсь ключы у моря золотѣя, пѣтсотъ пудовъ,—ключы трѣба достать! Призвавъ царь Малъ Малышка, задаеъ яму гѣту службу. Малъ Малышокъ говоритъ, што доставу,—базъ спору. Узавъ опять мечъ-самосѣчъ, прыѣхавъ къ мору, пусътивъ мечъ-самосѣчъ по сярѣдній рыби по головахъ. Приплыла къ яму Чудо-Юда: «што табѣ трѣба, Малъ Малышокъ?»—Ёсь у моря ключы отъ того сындука, золотѣя, пѣтсотъ пудовъ. Трѣба достать!—«Уини мечъ-самосѣчъ, достанемъ!» Послала рыбу шукать ключовъ. Шукали, шукали, не нашли. Такъ и съ отвѣтоу пришли: нема ключовъ! Малъ Малышокъ знова мечъ-самосѣчъ пусътивъ по большай рыби. Юда-рыба говоритъ: уини мечъ-самосѣчъ,—разыщыиъ ключы! Ина собрала усихъ, которыхъ у води ёсь, по зямли

повзують, жабъ, араковъ—и послала шукать ключовъ. Шукали, шукали—не нашли. Узнавъ такъ пришли. Давай ина пытать уснхъ, которые шукали,—уси ёсь, одного арака нема! Ажно повзётъ и ракъ. «Нашовъ ключи! говорить: были глыбоко пясковъ зачѣшаны!» Сказала рыба Малышку: отъижжай на пятсотъ вёрсть: я брошу ключей! Ёнъ отъѣхавъ на пятсотъ вёрсть, чуетъ—шумитъ и звинитъ—ключи къ яму летятъ. Ёнъ схвативъ гѣты ключи, притащивъ цару, подавъ ключи. За гѣтакъ службу вышшымъ чыномъ нагоровивъ,—полковникохъ.

Такъ царъ говоритъ паненцы Волицы: будѣмъ жанитца! Ина сказуеъ яму: я у твоимъ суборы ня буду вяньчатца: мнѣ кабъ за 'дну ночь бывъ выстроеныи суборъ за ракой: кирпичина золотая, кирпичина сярэбраная. Мостъ тожъ: мосьничина золотая, мосьничина сярэбраная. Побѣполъ кабъ былии насѣжданы разные винограды. Якъ будѣмъ у суборъ ити, кабъ дѣравы цвитѣли, а якъ съ субору, кабъ посѣпѣли. Кругомъ субора кабъ бывъ вырыть ровъ дванатцать сажнявъ глыбиной, дванатцать шириной. У суборы кабъ свѣчы горѣли, пѣвшыя кабъ пѣли. Наўпроти субора кабъ огонь горѣвъ, у рови надъ огнѣмъ кабъ котѣль вистѣвъ, у котлѣ смола кипѣла. Тогда буду вяньчатца! Призвавъ ёнъ Малъ Малышку, задавъ яму гѣту службу.—Ниякъ ня можно гѣтой службы сослужыть! Царъ кажитъ: хошъ, мнѣ приѣтца топоръ и плаха, а ты гляди, кабъ была сярѣтна рубаха!—Дайти строку дни на два надуматца, разузнать дѣло. Пошовъ къ жарабцу, ставъ горко плакать. Ставъ у яго жарабокъ спрашувать: «што такъ крѣпко заплакавъ, Малъ Малышокъ?»—Якъ жа мнѣ не плакать? приѣтца съ свѣтомъ расстратца! и съ тобой распрощатца!—«За што такъ?»—Царъ службу задавъ!—«Якумъ?»—А кабъ за одну ночь бывъ выстроеныи суборъ за ракой: кирпичина золотая, кирпичина сярэбраная; мостъ тожъ: мосьничина золотая, мосьничина сярэбраная. Побѣполъ кабъ былии насѣжданы разные винограды. Якъ будѣмъ у суборъ ити, кабъ дѣравы цвитѣли, а якъ съ субору, кабъ посѣпѣли. Кругомъ субора кабъ бывъ вырыть ровъ, дванатцать сажнявъ глыбиной, дванатцать шириной. У суборы кабъ свѣчы горѣли, пѣвшыя кабъ пѣли. Наўпроти субора кабъ огонь горѣвъ, у рови надъ огнѣмъ кабъ котѣль вистѣвъ, у котлѣ смола кипѣла.—«Отъ, это служба, не службишка,—служба—я не помогу! Только табѣ наговорю: идз къ паненцы Волицы; якъ можно яе проси,—можж ина зымлуеъца надъ тобой!»

Пошовъ Малышокъ къ паненцы къ Волицы! Ставъ яе упрошати, низкамы укланамы умоляти, кабъ гѣту службу яму помогла. Ина яму сказала: «Малъ Малышокъ, ня думай: молись Богу, ложыся спать, черазъ ночь будѣть готово! Только справъ хорошаю пятѣлочку, по мосту подытай. И приди, цару обьясьви, што готово!» Подякувавъ Малышка паненцы, по-

шовъ на своё мѣсто. Помолвился Богу ширинъ сѣрдца, лёгъ спать. Нисколько не спалося, усѣ думалося,—якій ужъ сонъ? Ставъ вутрушкомъ рано, выповъ къ рѣцѣ, усѣ исправно. Пошовъ къ царю. Ваша вяличество, службу сослуживъ, усѣ исправивъ—можно у суборъ итѣть. Отъ, царъ яго княземъ награивъ, чыномъ. Узавъ ёнъ мятѣлочку, пошовъ къ мосту—дѣ подмятѣть, дѣ почисѣтѣть, дѣ вѣточку поправитѣ на дѣрвы.

Разоѣтвся царъ съ паненкой Волянкой, пошли у суборъ. Дѣрвы цвѣтѣть; у суборы свѣчы горать; пѣвшыя пѣютъ; огонь горѣть перадъ суборожъ, смола кипѣть у котлѣ... Пришли къ огню, къ большому котлу. Яна говоритъ: вамъ нанярѣдъ ити, а я усѣдъ за вами пойду!—гусакъ заусяды попѣраіу идѣть, а за собой гусину видѣть! Царъ призвавъ Малаго Малышка, пославъ яго попѣраіи. Малъ Малышокъ, якъ пошовъ, такъ прахо и перайшовъ. За нѣ пошовъ царъ—увалився у котѣль, увесь ёнъ такъ и пожаръ.—увесь, большы ня будѣть. За царомъ паненка Волянка якъ перайшла, Малъ Малышка за рукъ узила, у суборъ увышла, обвиньчались. Оттулитъка узнова перашли. Туды ишли дѣрвы цвѣтѣли. Оттудова идуть,—разныя винограды посѣбѣли,—а яны ядуть.

Тогда Малъ Малышокъ зыѣлавъ ниръ на увесь православный хрысьяскій миръ. И стали тахъ жыть—пожывать, добра наживать.

И я тамъ бывъ, жѣдъ вино ливъ, по бородѣ тякло, у ротъ не папало. Дали мнѣ оттуль смоляную кобылу ѣхать, рѣпьяя сядло, горохувую пугу. Ъду я оттуль, ажъ у мужука токъ горѣть. Я пошовъ тупыть,—кобыла отъ огня растала, дло свиньи зѣли, пугу вороны раскльвали. Тогда я ставъ тургувать кирпичомъ;—застався не причомъ.

М. Старый Толочина, орш. у. Отъ кр-на Максима Федосозова, 42 л., малограмотнаго.

32. Трѣмъ-сынъ Безыменный.

Нѣ укаторомъ царствѣ, нѣ укаторомъ государствѣ, не имено у томъ, у которомъ мы живемъ, живъ сабѣ старикъ со старухой. И у нѣхъ не было дѣтей. Посли, подъ старосьть, давъ Богъ нѣмъ, родѣла старуха сына. Пошли яны за бабою—баба ня идѣтъ бабитъ, удивлетца етому, што баба вѣкъ не роджала, а подъ старосьть родѣла. Ну баба ета не пошла бабитъ. Пошли кумовъ звать,—и кумы не пошли хрысѣтѣть. Пошли къ попу,—попъ не узавъ хрысѣтѣть. Остаетца етѣмъ младеицеъ нехрощонѣй. И узросъ ёнъ уже мальчишка порядонѣй, ставъ на вулицу ходѣть. Стали яго мальчишки звать Безымѣннымъ. Приходѣть ёнъ домой и говоритъ своей маѣтери и отцу: матушка, почашу ето мяне зовутъ мальчишки Безымѣннымъ? Мать уздохнула: „мой ты сынокъ! я тѣбе родѣла, пошла бабу

звать,—баба не пошла; пошла кужовъ звать,—и кумы не пошли; къ попу понясли,—и попъ не ставъ христити!“—Матушка, говорить: сѣйга вы мнѣ свитку и поясъ, купитя и шапочку и чаботы! Тоды яны справили яму, Ёнъ одѣвся и прощается зъ ими, и отпраиваетца отъ ихъ. Мать заплакала слезно и сказалз: мой сынокъ! подъ старосьтъ Богъ давъ намъ тѣбе на потѣху, а ты насъ покидаешь?

Ну, пошовъ ёнъ путѣмъ дорогой и зайшовъ у лѣсъ. Ишовъ лѣсомъ троя судокъ. И найшовъ у лѣси, стоитъ хатка. У етой хатцы свасалися три пустельники. Ёнъ приходъ къ нимъ, уклонився имъ. И стали яны у яго опрашивать: откуда ты, молодой юношъ, и по какой ниволи зайшовъ сюды? Ёнъ расказавъ имъ ету обвизность свою, што ёнъ нехранонный на свѣтѣ ёсть,—што не пошла баба къ яму, кумы не пошли, и попъ не ставъ христити. Тогды яны яго узили, охристили, и дали яму нли Трѣмъ-сынъ, —усимъ трѣмъ пустельникамъ, значитца.

Ну, стали яго питать и стали яго грамоти учить. Бывъ ёнъ у ихъ у навуцы лѣтъ не менши десяти. И зыдѣванія ёнъ парнюга уже порядонный. Грамоти ёнъ доучився якъ слѣдусть,—яны яго довучили. Тогды я проситца: отцы моѣ родимые, говорить: пусьтитя мяне на сей свѣтъ, свѣту повидать!—Хорошо. Трѣмъ-сынъ,—мы тѣбе пусьтимъ, коли не будешъ на чужое доброе зависенъ. Тогды занясли яму напярѣдъ, куды ёнъ будеть ѣхать. три клунки серебра, и дали яму коня не сѣдланого и не музданого—занясли серибро и посмыпали. Ёнъ и поѣхавъ.

Добѣхавъ ёнъ до первыи клунки и сичасъ давай у карманы набирать етаго серебра. А яны глядятъ. Яны, усмотря ето, и говорютъ: вѣ, Трѣмъ-сынъ, воротись ка назадъ, не пора табѣ отъ насъ отѣѣжжать. ящѣ ты зависенъ на чужое добро! Тогды ёнъ опять служивъ у ихъ годъ. Годъ вышовши, опять проситца у вондонъ: „отцы мое родимые, отцы мое милосѣрные. пусьтитя мяне на сей свѣтъ, свѣту повидать! Яны опять: хорошо, Трѣмъ-сынъ,—мы тѣбе пусьтимъ, коли не будешъ на чужое добро зависенъ! Тяперъ занясли опять три клунки золота и дали яму коня не сѣдланого и немужданого. Ёнъ добѣхавъ до первыи клунки и сичасъ давай у карманы набирать етаго серебра. А яны глядятъ. А яны, смотрють усѣ. Тяперъ яны опять: „воротись, Трѣмъ-сынъ, назадъ: не пора ще табѣ отъ насъ отѣѣжжать. Ёнъ воротився, опять годъ у ихъ служивъ. Отслужонши годъ, опять проситца такъ же: отцы моѣ родимые, отцы мое милосѣрные! Пусьтитя мяне на сей свѣтъ, свѣту повидать! Тогды яны дали яму коня—засиддали и замуздали. И занясли три ношки ружьявъ, и повѣсили на древи. Добѣжжая ёнъ до етыхъ ружьявъ, облюбовавъ сабѣ одно ружжо, и узавъ сабѣ только одно, и поѣхавъ зъ ружжомъ зъ естимъ. Яны скричали на яго: „Трѣмъ-сынъ! воротись назадъ, отъ, мы тѣбе тяперъ пусъ“

тѣмъ, благословить!" Ёнъ вѣриуясь. Благословили яго, ну и сказуютъ яму: „будешь ты ѣхать черезъ етѣй лѣсъ, троя судокъ будешь ѣхать, и выѣдешь ты изъ естаго лѣсу подь столѣнный городъ,—такъ ба, якъ потъ Пятѣрбургъ. И будеть тамъ большая гора и на горѣ на етой будеть Жарь-птица. Ты разъ разгонишься на кони, ня уловишь яе. Тогда и другой разъ, и тожа ня уловишь. А у третѣй разъ ты скокинешь, и ухватишь Жарь-птицу за хвостъ и вырвешь три пера. И положъ ихъ ты сабѣ у карманъ. А коня пусьти у заповѣдныя луга, у скрытныя. А самъ яди у городъ, и появиися къ царю. У царя коросьяныя лошади. Ёнъ уже искавъ, искавъ лекарей,—никто ня можетъ вывезсти етѣя коросты. И ты возмѣнися етѣхъ коней лѣчить. Ну и тольки, говоруютъ,—зарёу вѣчернею и вутреннею етѣими перушками потри ихъ,—зыѣлаютца кони такіе, што любо смотрѣть на ихъ!" Ну тоды, ёнъ откланявся имъ и поѣхавъ. А яны приказали: „икая табѣ будеть поторѣча нещасная, ты выйди зъ города и скрикни своего коня, и ёнъ къ табѣ прибудеть, и ёнъ табѣ будеть советъ давать!" И поѣхавъ ёнъ.

Ѣхавъ троя судокъ, выѣзжаеть ёнъ къ етой горѣ къ крутой. И летаетъ Жарь-птица. Ёнъ разъ разогнався,—не поймавъ. Другой разъ разогнався—не поймавъ. Третѣй разогнався—вырвать ись хвоста три перушки. И пусьтивъ своего коня у скрытныя луга, а самъ пошовъ къ царю у во дворецъ. Докладуютца царю, што вотъ нашовся такой то мастьеръ, што ёнъ можать коросту вылѣчить зъ лошадей. Призываетъ яго царь къ себѣ и опрашиваетъ: можашъ ты, братецъ, вылѣчить?—Могу, ваша императорское величество! И отправляетца ёнъ на конюшню. Дожадая ёнъ вѣчерня зарѣ, и узавъ ёнъ етѣими перушками коней гладить. И сейчасъ короста ета облѣзла и зыѣлалися кони, што любо глядѣть. ■ опять, дождавши вутреннія, тожа такъ зыѣлавъ. Докладываютъ царю кучары, которые при ёмъ служили упирѣдъ: ваша императорское величество, вы тѣперь вашихъ коней не вознаеся! Царь ня могъ утѣриѣть, пошовъ смотрѣть. Поглядѣвъ на коней, и узрадовався. И призывая Трѣтъ-сына къ сабѣ и спрашивая: Трѣтъ-сынъ! чимъ миѣ тѣбе за ето наградишь и пожаловать? Ёнъ сказуя: ваша императорское величество! ничаво я не хочу вашего жалованья и награды, а буду служить при вашей конюшни! Царь тѣперь призывая усихъ кучарѣвъ своихъ, которые яму прежде служили и приказуя имъ, штобъ яны яму повиновались и слушали яго: а если ня будутъ, то катая ихъ, якъ самъ знаешь!

И етѣя кучары обидѣлися за ето, што можа который служивъ годовъ по дватцѣтъ пять, а ёнъ сягодня поступивъ,—никъ яму подь начальство вѣсти. Ну, теперича и стали радѣтца мижда собою: якую бъ яму подвѣсти штуку, штобъ яго ись свѣту збавить? И пошли яны яго каравулишь,

чить ёнъ етыхъ коней лѣчить. И не спали яны усеѣ ночь. Дождался яны зари; Трѣмъ-сынъ сичасъ вынимая еты три пѣрушки и ставъ коней гладить. И уся конюшня загорѣлася якъ отъ огня—ясно зыѣлалось. Тогда, якъ царь уставъ, такъ ны пошли къ яму. „Ваша царское вѣчество, говорятъ: Трѣмъ сынъ не своею, говорить, силою лѣчить коней! Якъ ёнъ вынивь три пѣрушки нѣйкнѣтъ, дыкъ мы думали што уся конюшня загоритца!“ Царь призвавъ тѣперь Трѣмъ-сына къ сабѣ и спрашуя у яго: „Трѣмъ-сынъ, што—чимъ ты лѣчивъ коней?“—Ёсть у мяне зѣ Жаръ-птицы три перушки!— „Ну, и ступай! Чимъ лѣчивъ, тымъ и лѣчи!“ Тогда яны онягъ обдумалися—пойдемъ, скажемъ царю, што ёнъ пьяный пришови, хвалився, што—я могу Жаръ-птицу достать, говорить:—тоѣ, съ которыя пѣрушки вырвавъ. Призывая яго царь къ сабѣ и говорить яму: Трѣмъ-сынъ, ты учеръ пьяный пришовъ и хвалився, што могу Жаръ-птицу достать? говорить. Тогда ёнъ говорить: не могу, ваша царское вѣчество! Якъ жа можно достать? говорить. На тѣѣтъ сказуя царь: „если ты не достанешъ мнѣ Жаръ-птицы.—моя мечъ, твоя голова будѣтъ съ плечъ!“ Трѣмъ сынъ тогда заплакавъ и пошовъ зѣ города вонъ.

И скричавъ своего добраго коня: „конь мой милый, конь мой любимый! а дѣ бѣ ты бывъ, штобѣ ко мнѣ прибывъ!“ Бягить къ яму конь, и бягить и ржетъ. И припавъ на колѣникахъ перадъ нмъ. „И што, говорить, Трѣмъ-сынъ—табѣ бѣда?“—Бѣда, говорить, конь добрый мой! Загадавъ мнѣ царь загадку,—не знаю, якъ яе ѡ перетерѣтъ! Конь ему сказавъ: „не робѣй, Трѣмъ-сынъ! ето не бѣда, а бѣда ще уся унерѣтъ! Скажи царю, штобѣ ёнъ зыѣлавъ етакіе напнтки, составивъ, штобѣ одно одного сладжѣй былѣ и пьянѣй. И нехай ёнъ табѣ дасѣтъ винчалную скатерть, которая на столѣ была, якъ ёнъ винчався. И нехай скуеть три пруты жалѣзынѣтъ: одинъ сабѣ прутъ возьми, другій кучеру, а третій хвалетору. И карету нехай запрягутъ самую первѣйшую. И побѣжай туды къ горѣ къ той. Тамъ стоитъ дубъ. И на дубѣ ина тамъ ночуетъ. И ты прѣѣдь и расѣлѣи ету скатерть подъ дубомъ, и поставъ етыя напнтки усѣ, и поткрыи нмъ! Тогда кучары нехай отѣѣдутъ оттудова, и самъ ляжъ у скрытномъ мѣстѣ и ляжи до урѣмя. Ина якъ устанетъ, такъ и злѣтитъ на ету скатерть и станетъ етыя напнтки кушать. И зыѣлаетца ина пьяна, и тутъ жа ина переналитца, ляжигъ, лежѣтъ будѣтъ. Тогда ты приходи, и бари яе у лѣвую руку и згѣрнувай скатерть ету и забирай кубки и нѣси у карету. И побѣжай пошибѣтъ—кучера по плечѣхъ сътегай прутомъ, а кучеръ нехай лошадей стѣгаеть; и хвалетора также. И будѣтъ ина скидаватца зияѣю такъ и усякой гадосьтѣю—жабой, ящиркой, мышшу, ну ты яе не пускай, у рукахъ, говорить, дяржи ды и дяржи!“

Ну, ёнъ такъ и сказавъ парю. Царь етыя составы усѣ составивъ и придоставку яму давъ, якъ слѣдуетъ, повную. И побѣжавъ ёнъ подъ дуба подъ етаго. И разославъ скатерть ету, и поставивъ етыя кубки зъ наливками. И самъ отышовъ въ вѣдаль лёгъ, и кучаровъ отогнавъ оттуль, штобъ ина не видала ихъ. Тогда ина дождавшись зари и злетаетъ ина зъ дуба, увидивши етую скатерть и наливки—кубки етыя стоятъ. И подлѣтѣла сичасъ къ кубкамъ къ етымъ, и стала кушать напитки етыя. И зыѣлалась ина пьяна, и сичасъ жа на скатерть на ету брыкъ! и завалилась. Тогда подбѣгаеъ Трѣмъ-сынъ, и беретъ яе у лѣвую руку, и скрѣпавъ кучаровъ, штобъ подлѣзжавъ сюды поскорѣй! Тогда згарнувши скатерть и кубки етыя, и у карету кладетъ. И сажъ зъ ёю садитна зъ Жаръ-птицай. И зачавъ сыгегать кучара прутомъ жалѣзнымъ, а кучаръ лошадей, а хвалеторъ тожа лошадей.

А зъ яе хжелъ сичасъ вышовъ, ина стала скѣдаватца усякой гадосью. А ёнъ держитъ у рукахъ, не пускаетъ,—не бробиъвъ. Ина изновъ стала Жаръ птицай, якъ была на своемъ мѣсти. Привозютъ яны яе у царьскій домъ. Подаетъ ёнъ не парю—и дайжи увесъ дворецъ засыявъ. Тогда царь спрашуя у яго: «снимъ тебе жаловатъ за ето, Трѣмъ сынъ?»—Ничого не хочу, ваша царьское вяличество—опять иду служить при своей должности, опять на конюшню! Ну, царь дужа доволенъ оставя Трѣмъ сыномъ. И говоритъ: «гляди жъ ты за кучарами хорошенько, катай ихъ моею рукою!»

Ну, ёнъ пошовъ по конюшня, иѣтъ непорядки найдеть, положить кучера да лутукъ штыдесять—шестьдесять закѣтитъ: знайтя! вы мѣѣ находитя дорогу, и и вамъ найдутъ! Ну, тяперича, собрались еты кучары, и говорятъ: ёнъ насъ прогонитъ, придетна ити прочъ отъ яго.

На етый случай, зыѣлалось, три дни и три ночи было затменія. И отгадовавъ царь, и находивъ такихъ людей, и по книгахъ шукавъ,—отчаго бъ ето три дни и три ночи затменія было? Кучары етыя опять собравшись—пойдежъ, говорить, завтра къ парю, и скажемъ, што ёнъ пришовъ пьяный и хвалился, што никто не можетъ узнать, отчаго затменія было, три дни и три ночи,—ни царь, никто, а я, говорить, могу узнать! Пошли яны къ царю: ваша царьское вяличество! учера пришовъ Трѣмъ-сынъ, пьяный и говорить: што вотъ, нашъ царь не могъ узнать, отчаго три дни и три ночи затменія было, а я, говорить, могу узнать!.. Призываетъ яго царь: «Трѣмъ-сынъ! што ты учера пьяный говорилъ?»—Ничого не говорить, ваша царьское вяличество.—А ты, говорить, говоривъ, што могу узнать, отчаго три дни и три ночи затменія было!—Якъ жа можно, говорить, ваша царьское вяличество, узнать божжаю луну?—Нѣ, Трѣмъ сынъ! если ты не ўвознаешъ, то моя жечь, а твоя голова доловъ съ плечъ!

Пошовъ Трёмъ-сынъ, заплакавши опять изъ города вояъ. Искричавъ своего добраго коня: «Конь мой милый: аѣѣ бѣ ты бывъ, коли бѣ конѣ прибывъ!» Конь бжжить, конытомъ зямлю бѣтъ:—а што. говорить, Трёмъ сынъ?—табѣ бѣда?—Бѣда. говорить, конь мой милый!—«Не тужь, говорить, Трёмъ сынъ! ето не бѣда, бѣда ищо унеряѣѣ будетъ! Скажи царю, нехай табѣ клубокъ ссучить у три нитки: нитка золотан, нитка серебряная и шавкѣная. И пусьти етый клубокъ, будѣтъ ѣнъ катитца уперяди, и ты усылѣѣ иди! И ѣнъ покѣтитца къ сонцавой матки. И тахъ ты увознаешъ, отчаго три дни и три noci затмѣнѣя было!»

Царь яму, ня довго думаячи, ссучивъ клубокъ етый. И выпшовъ ѣнъ за городъ, и пусьтивъ клубокъ етый. И покотився етый клубокъ, и ѣнъ усылѣѣ за нимъ идѣтъ. Кѣтитца етый клубокъ, стоятъ два колодези изъ водою, обоя полны. И ли колодезей стоить старуха зъ выдромъ: и съ одного биреть, у другой плзеть, и у томъ не прибавляетца, и у томъ не убавляетца—и обое полны. Ёнъ приходя къ ѣй: помогай Божа табѣ, старушка!—Спасибо! Куды тябе Господь нясеть. Трёмъ-сынъ? «А йду, говорить, къ сонцавой мати!спрашавать —чаго три дни и три noci затмѣнѣя было! —Помянись, говорить, Трёмъ-сынъ, и объ мою душѣ, говорить. Покуль ба мнѣ етыя колодези переливать?—Хорошо, говорить

Прикачуетца опять—бѣютца воронъ изъ выдрами. Кровъ зъ ихъ плувѣтъ. Ёнъ потхѣѣ къ нимъ, говоря: „помогай Богъ!“—Куды тябе Богъ нясеть. Трёмъ-сынъ?—А йду, говорить, къ сонцавой мати спрашувать, отчаго три дни и три noci затмѣнѣя было!—Помянись, говорятъ, и объ нашу душѣ —докуля намъ битца?—Позабивалися, говорятъ, до полусмерти, нема знать, за што!—Хорошо, говорить. Теперь покотився клубочикъ и прикачуетца,—стоитъ тынъ. И старикъ бѣгаетъ коло яго—одну сторону поднимать—другая валитца: ѣнъ тую подниметь—тая валитца! Бѣгая съ одного боку на другой и не поставитъ никакимъ родомъ! Помогай Богъ, старичокъ!—Здоровъ, здоровъ, Трёмъ-сынъ! куды тябе Богъ нясеть, говорить. А йду говорить, къ сонцавой матки, отчаго три дни и три noci затмѣнѣя было! —Помянись, говорить, Трёмъ-сынъ, и объ мою душѣ: докуль ба мнѣ етый тынъ поднимать?—Хорошо, говорить, помянись.

Покотився клубочикъ етый опять. Прикачуетца ѣнъ у дивеню. И бѣгаетъ мужикъ по дивеню, и саджаетъ кулаки у вокны--у одной торканеть у вокно, ды къ другой побжжить, у другой торканеть, къ третьей побжжить. Бѣгаетъ ды ѣ усѣ. Тоды ѣнъ говорить: Помогай Богъ табѣ!—Здорово, здорово, Трёмъ сынъ! куды тябе Господь нясеть?—А йду къ сонцавой матки, чаго затмѣнѣя было? Помянись, говорить, тахъ объ мою душѣ, докуля бѣ кулаки ето мнѣ саджать у вокны?—Хорошо, говорить, по-

нянусь. Покатився клубочикъ етый опять. Прикачетца ёнъ къ морю. Терязъ моря ляжить кить рыба, и по ей дайжа колявины выбиты, ёдучи на колёсать. Помогай Богъ табѣ, кить рыба!—Здорово, здорово, Трёмъ сынъ. Куды тебе Богъ нясетъ?—А къ сонцавой матки, чаго затенія было? Помянись тажъ объ мою душу, покуда бѣ мнѣ тутъ лежать? хуть би Господь мнѣ позволилъ другимъ бокомъ поворотитца!—Хорошо, говорить, помянусь... Перекатився ёнъ терязъ моря, и покатився ёнъ у дубникъ—бывъ дубникъ сильный тажъ—лѣсъ дубовый.

И прикачетца—у лису у томъ стоитъ хатка. И ина уся—сѣбѣны побланы, побсмалены. Укачетца у хату клубочикъ, и ёнъ усѣдъ за имъ. Стрѣчаетъ яго сонцава матка, старушка, и спрашуетъ яго: Трёмъ сынъ! ти по хоти ты, ти по няволи идешъ?—Мать, говорить, старушка: не такъ я по хоти, якъ по няволи!—хочу, говорить, свою душу спасти отъ нахалныя отъ смерти! Расказавъ свою обиду: «появлявъ мнѣ царь увознать: отчаго три дня и три ночи затенія было? А не узнаю, дыкъ царскій мечъ, а моя будеть голова съ плечъ!» Тогда ина яго попила и покормила, дала яму ёсть и напиту, якъ слѣдуетъ. На ночь ина яго завязнула у дванатцать кожъ. И положила яго у скриню у большую. И расказавъ ёнъ ей уси етыя продукты: вотъ, матушка старушка! якъ шиовъ я свиди, и прикатився мой клубочикъ къ колодезямъ. И стоитъ тамъ старушка зъ ведромъ, и переливаетъ воду изъ одного колодеза у другой, и обоя повывы. А тогда прикатився клубочикъ—бѣгнуча ворони зъ выдрами, ажъ кровь плуветъ. А тогда бѣгая старикъ кою тыну, и ни якъ яго не поставя; а другой бѣгая по деревни и кулаки торкая у окна. А тогда прикатився клубочикъ къ морю. И ляжить кить-рыба терязъ моря, и по ей дайжа колявины выбиты отъ ободьянъ. И просили яны споянудъ изъ души, поколь ятъ еты муки тырѣтъ?

Ну, ина ето выслухала, уварнула яго у дванатцать кожъ, и положила яго у скриню. И послала сибѣ посельца на скрини, и говоритъ: слухай, тутъ я буду у сына опрашивать! Я сажа яго сянни дождаю ни ночь, —яго три дни дома не быю. Тяперъ, якъ совнуика заходитъ, стала хата лопать—тресь-тресь! тресь-тресь! Ускакуеть ёнъ у хату: здрастуй, матушка хоя!—Здоровъ, мой сынокъ. А йдѣ тебе Господь носить?—Ахъ, матушка, не спрашавайтэ мяне! А я у досади у большой! говорить. Дала яму вячерить. Ёнъ повячеривъ, и лягли спать на етый скрини. Тогда мать ета нямножко пожелала, другъ и здрыгнулася, испужалася бытто. Сонца опрашуетъ: чаго вы, матушка, ето спужалися такъ?—Мой сынокъ! видѣла я уво снѣ, што три дни и три ночи затенія было. Почаю ето такъ?—Матушка, говорить, вы не знаєте моё досады: ёсть у моря Прекрасная Настасья. Я хотѣвъ моря выназигъ и за сябе Прекрасную На-

стасью узять, у супружество сабѣ. 'Къ я моря троя сутокъ паливъ. И не выпаливъ, и Прекрасную Настасью не узять!..

Опять, полежаши, мать опять здрыгнулася. Опять ёнъ спрашуя: матушка, чаго вы ето пужаетесь?—Увидѣла уво снѣ, мой сынокъ: кажетца, терязь моря ляжить Китъ-рыба; по ёй колявины выбиты. И ина ляжить и не шавельнѣтца.—А вотъ, матушка, говоритъ: ина много людей проглынула, поѣла, дайжа корабли поѣла. Колибъ ина выхаркнула хуть третью часьть, ёй ба Богъ греховъ отпуститьв ба!.. Опять матушка полежала опять здрыгнулася. Сонца спрашуя: матушка, чаго вы такъ сягоньни пужаетесь?—Мой сынокъ! видѣла я уво снѣ: старикъ бѣгая, говоритъ, по дярвни, саджаеть руки у вокны.—Оттого, матушка, говоритъ сонца, што люди у яго просилися на ночь, а ёнъ не пусьтитъ. Церезъ ето много люди рукъ и ногъ потмарѣжавали. Коли ёнъ покаетца, Богъ гряхи яму отпустѣи. Опять мать полежала, здрыганулася.—Чаго вы матушка?—Ахъ, мой сынокъ! видѣла я уво снѣ: кажетца, вороны зъ выдрами бьютца, ажъ кровь плуветъ. За што имъ ето такъ?—Оттого, говоритъ, матушка, што на слѣдуеть двѣ пары кумовъ брать на 'дного rybѣнка,—а то яны за хресъника дярутца: тѣй къ сабѣ тяневь, а тѣй къ сабѣ! Нехай яны покаютца, Богъ греховъ имъ отпустить!

Опять матушка здрыганулася, полежаши. Ахъ, мой сынокъ! видѣла я, што старикъ тынь держитъ, и никакъ не удержитъ. Отчаго ето?—Оттого, говоритъ, матушка, што на етомъ свѣти ёнъ казавъ: абы якъ нибудь хуть прожить, а на тохъ свѣти хогъ тынь потпирать! А того не знаетъ, якъ яго потпирать. Нехай покаетца, Богъ яго греховъ просьтитъ. Опять мать здрыганулася. Ахъ, мой сынокъ: видѣла я уво снѣ, што баба воду изъ колодезя у колодезь переливаетъ, и обоя повны. Отчаго ето?—А вотъ отчаго, говоритъ—матушка: люди хлебали водичку, а ина ѣла молочко. У чужихъ коровокъ отбирала. Баба ина покаилася, Богъ ба греховъ отпуститьв ба!

Ну, поговоривши и заснули. Тогда, якъ совнушка усхѣднѣтъ, и сичасъ распрощався зъ маткой и пошовъ: прощай, матушка! Тогда ина оттираеть скрыню ету и выпускаеть яго вонъ, съ кожъ выворачуваеть. И опрашуя яго: ну, слыхавъ ты. Трѣть-сынъ?—Слыхавъ, говоритъ. И пошовъ ёнъ, отправився. Распрощався, поблагодаривъ ёй за хлѣбъ-соль.

Приходѣтъ ёнъ къ китъ-рыби. китъ-рыба спрашуя: ну, што, Трѣть-сынъ! ти спросивъ ты объ яине? Тутъ ёнъ говоритъ: дай, китъ-рыба, перйду, тогда скажу табѣ! Ну, перйшовъ и говоря: покайся ты своимъ грѣхамъ, выхаркай хуть третью часьть людей и кораблѣвъ. што ты проглытила, тогда тябе Господь просьтитъ грѣхамъ твоимъ! Пошовъ дальшя. Приходѣтъ ёнъ, адѣ бѣгавъ старикъ подъ-оконью. Старикъ опять обо-

рочается: Здоровъ, здоровъ. Трѣмъ сынъ, говорить. Ты помянувся ты обою душу?—Помянувъ! говорить. И штобъ ты, говорить, людей пускавъ на ночь, ночавать, тогда тебе Господь простить твоихъ грѣхамъ! Опять пошовъ ёнъ до етыхъ до выдровъ и до воронковъ. А што, Трѣмъ сынъ, ты помянувъ нашу душу?—Помянувъ, говорить: Покайтеся своимъ грѣхамъ, говорить, то Богъ просить грѣхамъ вашихъ, и прикажитъ, кабъ по двѣ пары на двою рябенка не брать кумовства! Приходить ёнъ якъ тыну къ етому. Старикъ спрашуя опять: Трѣмъ сынъ! ты помянувся ты обою душъ?—Помянувся, говорить. Ну я покайся своимъ грѣхамъ, тебе Господь просить. Пошовъ ёнъ до колодеся. Старуси етой говорить, што перестань ты ето дѣлать, молчки отбирать, и покайся своимъ грѣхамъ, тебе Богъ просить.

Пошовъ ёнъ до царя. Появляеца къ царю. Царь изъ нитъ воздоровкався,—Ну што, Трѣмъ сынъ: ты увознавъ ты, отчаго три дни и три ночи затженія было?—Увознавъ, говорить, наша царское вѣличество: ёсть у хори Прекрасная Настасья, и хотѣло сонца моря выпалить и за себе Прекрасную Настасью узить у супружества!

И етыхъ царь бывъ крѣпко доволенъ и спрашуя: Трѣмъ сынъ! чимъ тебе жаловать?—Ничога, ваша царское вѣличество не хочу, — хочу при своей должности служить онягъ. Пошовъ ёнъ на конюшню и поглядѣвъ за порядками, и узавъ етыхъ кучарѣвъ онягъ по своему заливать нитъ. Ну яны онягъ собралися, онягъ стали разговоръ мѣтъ: якъ нитъ ему зѣдѣвать подконъ онягъ? Онягъ говоря: поидемъ завтра къ царю, братцы, и скажемъ, што ёнъ можетъ достать Прекрасную Царевну, которую Сонца не могло узять! Ну, пошли и сказали царю. Царь призвавъ яго къ сабѣ, Трѣмъ сына и спрашуя: што ты учеръ, Трѣмъ сынъ, говорить пьяный вчароужъ?—Ничога и не говорить, ваша царское вѣличество!—Нѣ, ты, говорить, говорить, што и могу достать Прекрасную Настасью, которую и сонца не нядо!—Ваша царское вѣличество! якъ жа можно: коли Божая луна, говорить, не нядо, а я якъ жа могу достать?—Нѣ, можашъ! А если не достанешъ, то моя мечъ, а твоя голова будетъ съ плечъ!

Пошовъ Трѣмъ сынъ заплакавши отъ яго, изъ города вонъ. Прошоваши и скричавъ своего добраго коня: конь мой милый, аѣтъ ты бывъ, коня прибывъ! Конь бѣжить, конятокъ зямлю гячѣтъ: «што, Трѣмъ сынъ,—табѣ бѣда?»—Бѣда, говорить, конь мой милый!—«Ето не бѣда, говорить, Трѣмъ сынъ, а бѣда ще уперяѣтъ будетъ. Скажи царю своему, кабъ ёнъ шовковый шатѣръ сшивъ, и кабъ ёнъ товару краснаго наклавъ туды, тамъ шалей, платковъ, косыниковъ, стужакъ—разнаго. И нехай дасъть стуюль иѣскульки штукъ, и карету запряжеть,—шестѣрка лошадей кабъ была, и кабъ кучаръ бывъ и съ хвалеторомъ. И три прута жалѣзныхъ возьми.

И поѣдешь ты къ морю и разоппнешь свой шатёръ, и разложишь товары своё тамъ. И кучаровъ отошлешь вдалёхъ у скрытое мѣсто, кабы нинь стали. А самъ сядь у стуло и сиди. Ина у субботу будеть проѣзжать два разы по морю. Одиный разъ ина проѣдетъ—ничого не скажетъ, а оттудова поворотитца, будеть ѣхать и опроситъ у тябе: господинъ купецъ, якими ты товарами торгуешь? Ты ей на 'твѣтъ скажи: извольтя, Прекрасная Настасья, пріѣхать къ берегу, тоды я зъ вами потолкуюся! Тогда ина пріѣдетъ къ берегу, и бярн яе за лотку и сморьгай яе на берегъ. И бярн яе за косы и сячя жалѣзнымъ прутомъ до тыхъ поръ, покуль ина присягнетъ, и комъ земли зѣсётся,—што я буду твоя, а ты мой! Саджай яе у карету тогда и поѣзжай у царскій дворъ, домой яе вязи сабѣ!" Тяперъ конь распрощався зъ нинъ: прощай. Трѣмъ-сынъ, коли будеть табѣ бѣда, изновъ требовай мяне!

Пошовъ Трѣмъ-сынъ къ царю и сказавъ яму ету придоставку приставити усяе: зѣдѣлатъ и шатёръ и товаръ набратъ, карету и лошадей ташетёрку, двухъ кучаровъ, усѣ. И отправився ёнъ у дорогу. Пріѣзжая ёнъ къ морю, снимаетъ свой шавковый шатёръ, раскладаетъ своё разные товары.

Тоды ина ѣдетъ у модинъ край, ничого не сказала: проѣхавши, поворотилася назадъ и 'прашавая у яго: господинъ купецъ, якими товарами торгуешь?—Извольтя, сударыня, сюды поближе, што я буду кричать тамъ, торгуватца зъ вами! Пріѣзжая ина къ берегу, узвативъ ёнъ за лотку и вытащивъ яе на берегъ у лотцы. И узавъ яе за косы и узавъ яе прутомъ жалѣзнымъ етымъ позаджавать. И ина отвѣчаетъ: „Трѣмъ-сынъ, за што ты мяне такъ бѣдешъ?"—Я бую тябе за это,—когда ты мнѣ присягнешъ што будешъ моя супруга, то я тябе не буду бити! Прекрасная Настасья на етомъ была согласна. Дала яму большую клятву, и брала яго за руку, и цалувала яго у вуста. И скричавъ ёнъ своихъ кучаровъ. Кучары пріѣзжають, тоды ёнъ бяретъ свой шовковый шатёръ, и складаетъ своё красныя товары, и кладетъ ёнъ у карету. И салитца зъ ей у карету, и отправився ёнъ нкъ царю. Пріѣзжаетъ ёнъ уво дворецъ и съ Прекрасной Настасьей. Царъ яго стрѣчаетъ зъ большимъ довольствіемъ, и узирнувъ на яе красоту и благодаривъ Трѣмъ-сына за приставку за яго. И опрашиваетъ опять Трѣмъ-сына: чимъ тябе наградить?—Не хочу ниякой награды, ваша царское вяличество: пойду опять при своей должности служить!

Поживши царъ зъ ■ тамъ мало-много, улюбився ёнъ у Прекрасную Настасью. Сичасъ свою жену спотребивъ, вумерла ина, и на ней хочеть у супружество вступить. Царица ета померла и похоронивъ яе. Ёнъ зъ ей мѣетъ суюзъ, у супружество яе узять. Ина яму на'твѣтъ: „государь, говорятъ, милослыный! коли ёнъ доставитъ мяне,—я, говоритъ ще дѣвца

несоусишь у красѣ—моѣ красы тутъ и половины нѣтъ со мною—дыкъ не-
 дай доставеиъ и мою красоту!» Призвавъ Трѣмъ-сына: «ну, Трѣмъ-сынъ:
 коли ты мнѣ достававъ, доставъ же и мою красоту!» говорить:—«Ступай
 къ морю и скажи Китъ-рыбѣ, кабъ ина мою скриню выкинула изъ моря.
 А у той скрини ѣсть вутка, а у вутцы яйцо—таѣ моѣ и лицо!» гово-
 рить. Трѣмъ-сынъ сейчасъ отправляетца къ морю. Приходитъ ѣнъ къ Китъ-
 рыбѣ. «Китъ-рыба, говорить: выкинь скриню Прекрасной Настасьи зъ мо-
 ря!» Китъ-рыба отвѣтила яму: Трѣмъ-сынъ, говорить. отиди на семь
 вѣрствъ отъ моря. и то потонѣшь,—разливъ зыѣлаю большій! Трѣмъ-сынъ
 отышовъ на семь вѣрствъ отъ моря. Китъ-рыба повярнулася, сейчасъ раз-
 ливъ зыѣдала на семь вѣрствъ отъ моря. Выкинула ина ету скриню. На-
 скочили етыя самыя выдры и разодрали етыя завѣсы, скриню етую от-
 пѣрли. Вутка вырвалася изъ скрини и полетѣла. А гдѣ я бывши воронъ
 етыя сейчасъ за вуткою. И разорвали ету вутку. Яйцо вывалилось, да и
 у моря опять. Ёнъ опять къ Китъ-рыбѣ: «Китъ-рыба! яйцо увалилось у
 моря!» Китъ-рыба приказала раку разыскаиъ яйцо ето. Ракъ етый ра-
 зыскавъ яйцо и вясеть у своихъ клешняхъ на берегъ. и подаетъ Трѣмъ-
 сыну у руки. Трѣмъ-сынъ поблагодаривъ и пошовъ зъ естимъ яйцомъ до
 Прекрасной Настасьи. Тяперь Прекрасная Настасья ето яйцо разбила,—
 была красива, яйцо покрасивѣла! Царь не влюбуетца на не красоту. И
 проситъ яѣ у супружаство, кабъ повѣнчатца. «Нѣ, не пора яѣ ваша
 царское вличество: ше моѣ немашь вясѣлости. Призвавъ къ сабѣ Трѣмъ-
 сына опять: «иѣн, Трѣмъ-сынъ.—коли умѣвъ достати мнѣ и мою красоту,
 доставъ и мою вясѣлость. На табѣ, говорить. платокъ. Ёсть у такихъ то
 мѣстахъ вовкъ. То мой братецъ. И у яго ѣсть моѣ гусьли самогранныя.
 И на табѣ платокъ етый. и возьми съ собою (тыхъ), которые были таѣ
 злочинны. Тогда ѣнъ станетъ дѣлать самогранныя гусьли, ты поставъ свѣ-
 тить одного. Ёнъ будѣтъ свѣтити и якъ задремлетъ, то ѣнъ яго зыѣсѣтъ
 тогда. Тогда ѣнъ у тябе будѣтъ просити: давай свѣтити кого! Ты другоѣго
 поставъ. И тѣй задремлетъ—я того зыѣсѣтъ. Ты и третьяѣго заставишь—и
 того зыѣсѣтъ. Тогда ѣнъ заставишь тябе свѣтити. И прикажа табѣ: смотри,
 Трѣмъ-сынъ, не дремли. и то я и тябе зыѣмъ! Тогда, коли табѣ задрем-
 летца, дыкъ ты спросися у яго умытца: я скажи такъ, што я ишовъ пу-
 тѣмъ дорогою, позапорѣшивъ свое глаза: промыи мнѣ треба! Тяперь ты
 якъ помысѣся. вынь платочекъ етый и станъ утиратца ихъ. Тогда ѣнъ
 узнаетъ, што йто мой платокъ,—ѣнъ табѣ дасѣтъ самогранныя гусьли
 готовы!»

Трѣмъ-сынъ отправився, узавъ съ собою своихъ злочинцавъ, трѣхъ ку-
 чаровъ и отправився туды, аѣ ина показавала—находитца яѣ братъ.
 Приходитъ ѣнъ туды, ѣнъ заснувши бывъ. Прошанаецца ѣнъ ото сна 'тъ

крѣпкаго и спрашивая: што ты, Трѣмъ-сынъ, пришовъ?—Пришовъ я къ вамъ, зѣдѣлайте мнѣ самогранныя гусьли!—А ти ѣсть кому съвятитъ, Трѣмъ-сынъ?—Ѣсть, говорить. Смычасъ ѣнъ одного кучара подаѣтъ съвятитъ. Тѣй съвятитъ, съвятитъ—задремавъ. Ёнъ яго зѣвъ. Проситъ ѣнъ другого съвятитца. Ёнъ и другого давъ. И другей задремавъ. Ёнъ зѣвъ и яго. Подаѣтъ ѣнъ и третьяго. Ёнъ и того зѣвъ. Таперь, говорить, Трѣмъ-сынъ, становись самъ съвятитъ. Ставь Трѣмъ-сынъ съвятитъ. До тыхъ поръ съвятитъ, докуль сильная дремѣта на яго напала. Тогда ѣнъ говорить: «пожалуста, говорить, позвольте мнѣ глаза промыть! Ишовъ я по дорожѣ, запырошивъ своё глаза—пыли набилосѣ!» Вовкъ яму позволивъ помытца. —Ёнъ помывся, тоды ванная етый платокъ шовковый и ставъ утиратца. Ёнъ узглянувъ на етый платокъ: ахъ, Трѣмъ-сынъ! Чаму жъ ты мнѣ не сказавъ? Ето сѣстрина послала за гусьями—за самогранными. Я жъ ба давно табѣ готовымъ давъ ба, а то ина будѣтъ сирѣдѣтца! Ваноситъ яму самогранныя гусьли готовымъ. Узявъ ѣнъ гусьли и пошовъ отъ яго, распросьтився зъ нихъ. Идучи, ѣнъ у самогранныя гусьли и зачавъ играть. Идѣтъ старикъ зъ дубянкумъ. И почувъ ету умильную игру, и ставъ ѣнъ плясать. И ѣнъ пляшетъ и дубинка пляшетъ. Потхѣй, етый старикъ говорить: «ахъ, Трѣмъ-сынъ! отдай ты мнѣ етыя гусьли самогласныя!»—А ты мнѣ што даси? Трѣмъ-сынъ спрашуетъ.—«Дамъ табѣ ету дубинку, говорить. Ина хотъ икую силу побѣеть! говорить, хотъ тутъ дватцѣть корпусѣвъ пригонѣ, дыкъ ина табѣ ихъ и поколотитъ и помолотитъ!» Отдавъ Трѣмъ-сынъ самогласныя гусьли—узявъ сабѣ дубинку.

Прошли яны сколько тамъ уремя, Трѣмъ-сынъ говорить: што мы ето съ тобой зѣдѣдали?—на што мы отдали самогранныя гусьли. Намъ непрячемъ будѣтъ и повеселятца съ тобой. Бяжитка ты, говорить, отбѣри ихъ у яго! Дубинка етая побѣгла и начала етого старца хлестать (пультать): отдай, говорить, самогранныя гусьли, а то я тебе забью! Тѣй старикъ отдавъ, бросивъ, и самъ драго. А дубинка потиватила етыя самогранныя гусьли, ды къ Трѣмъ-сыну принесла.

Идутъ яны опять, играютъ и пляшутъ—веселятца. Идѣтъ коробошникъ ись коробкой. И услыхавъ умильную игру ету и ставъ ѣнъ плясать. И плясавъ, што просто, ажъ на ѣхъ рубашка жокра стала. И проситъ у яго самогранныхъ гусьявъ етыгъ. «Трѣмъ-сынъ, отдай мнѣ самогранныя гусьли етыя!» Трѣмъ-сынъ спрашуетъ: а ты мнѣ што даси?—«Дамъ я табѣ отъ—вынимаешь съ коробки скрынучку такую, и отпѣръ ету скрынучку, икъ цувалила оттуда воська, нясыѣтвая сила. Выступила большая сила! Етому Трѣмъ-сынъ обрадуався. Смычасъ искричавъ—убирайся на своё мѣста,—яны ѣ скрылись. Тогда отдавъ коробошникъ ету скрынучку, а ѣнъ яму самогласныя гусьли. Тогда пошовъ Трѣмъ-сынъ съ скрынучкой и съ

дубинкой. Прошли яны много ли—богато, опять Трёмъ-сынъ говорить на дубинку: дубинка, говорить: вотъ у насъ воська своя, говорить, поиграть вамъ неувосто! Вязи, говорить, дубинка, опять отбярн самогранныя гусьли. Дубинка етая сычасъ поскакала и нагнала коробишка етого и начала яго хлытать безъ милосости: отдай наши самогранныя гусьли! Тай, бросивши гусьли, самъ науходакѣ.

Идутъ яны опять путёмъ дорогою, приходють—пасеть пастухъ скотину. Ёятъ и зайгравъ коло пастуха. Пастухъ давай скакать! И скакавъ просто до тыхъ поръ, покуда зажорився. «Ахъ, Трёмъ-сынъ! дай ты мнѣ самогласныя гусьли!»—А ты мнѣ што даси?—«Дашъ табѣ ету пугу!» говорить. Пуга была длинная. «Сколько разовъ замахнешъ, столько и табунувъ будеть скоту!» Трёмъ-сынъ узавъ отдавъ самогласныя гусьли етая. А самъ узавъ пугу ету. И пошли путёмъ дорогою. Прошли яны нямного уреля, и Трёмъ-сынъ говорить: дубинка, иди ты отбярн самогласныя гусьли! Дубинка ета сычасъ пубижала и начала пастуха етого гонять кругомъ стада. Пастухъ етый виргѣвсь, виргѣвсь—бросивъ самогласныя гусьли. Приносить ены етая самогласныя гусьли.

Идутъ яны дорогою, играютъ. Ёдетъ чаловѣкъ такъ, сильно богатый, на купца походить. И услыхавъ ету ужимую игру, и ставъ скакать. Скакавъ, скакавъ и зажорився. «Ахъ, Трёмъ-сынъ, отдай ты мнѣ етая самогранныя гусьли!» А ты мнѣ што даси.—«Дашъ отъ табѣ скатерсьть!» Сычасъ разославъ яе, скатерсьть, на зямли, и откудава узались кушанья на скатерсьти, напитки усякіе разные. «Отъ ты, гдѣ захочешъ, расътали—будеть табѣ нитяный-бѣляны!» Отдасть Трёмъ-сынъ самогласныя гусьли, брать съ собой скатерсьть. И пошли яны путёмъ дорогою. Прошли нямного-яны, опять: дубинка, иди отбярн самогранныя гусьли. —нахъ непричемъ пувесилитца! Нагнала дубинка етого купца, и стала яго валать безношадно. Бросивши етый купецъ самогранныя гусьли и самъ науходакѣ. Приносить ето ены самогранныя гусьли. И пошли путёмъ дорогою.

Идутъ яны коло господскаго дому, строятъ плотынки комнаты помѣщаву. Ёятъ заигравъ у самогранныя гусьли у етая.—уси плотынки бросили сякеры и зачали скакать уси. И до тыхъ норъ скакали, што й позажорилися уже. Выходить старый плотыникъ, который бывъ главный майстеръ: «ахъ, Трёмъ-сынъ, говорить: отдай намъ етая самогласныя гусьли!»—А ты мнѣ што даси?—«Дашъ табѣ ету сякеру. Адѣ ты задумаешъ сабѣ хутъ дворецъ царскій, дыкъ яна за ночь табѣ зработаетъ!» Отдавъ етый самогранныя гусьли, узавъ сякеру и пошовъ путёмъ дорогою. Прошли—дубинка, говорить, што мы йдѣмъ, мы соусишь позаунили! Иди отбярн самогранныя гусьли!» Дубинка сычасъ поскакала туды, къ плотынкамъ и зачали етыхъ плотыниковъ валать по свойму: «отдайта наши гусьли самоглас-

ны!» Плотники етя закричали на майстра: отдавай, говорють, нѣ—отдавай! А то ина насъ позабываетъ! Вноситъ ёнъ самогласныя гусля. И баретъ дубинка ета и пошла сабѣ къ Трѣмъ-сыну. Ну, тѣперь, Трѣмъ-сынъ сказуга: ну тѣперь мы во усѣмъ повномъ собраніи. Пойдѣмъ. И пошли яны тѣперь до столишнаго города, адѣ и Настасья Прекрасная и царь.

И приходють яны туды. Такъ была рѣка тутъ, и царскій дворъ на 'днѣ бокъ рѣки, а ёнъ по другую сторону наупротивъ вальвъ сякеры выстроить за ночь другой дворецъ лучши того. Сыйчасъ скатерсѣ ету разославъ тутъ. Подѣлалось усѣ у яго—и напѣтки и кушанья и усѣ у яго. Скрынку отпѣръ—выступило оська. И поставивъ ёнъ часовыхъ увязѣдѣ, якъ и бытъ, по военному. И подѣлавъ ёнъ поваровъ и усякихъ слугъ—усѣ акурать ёсѣтъ. И пугую замахнувъ нѣскульки разовъ, и стало скота у яго пропасѣтъ на 'бори—и коровъ, и свиней, и быковъ, и 'вецъ и усяго.

Прошнувся царь, и смотритъ у вокошко—и крѣпко ёнъ спужався: «што ето такое дѣлаетца у моёмъ царствѣ. За одну ночь здѣлалось?» И пошовъ ёнъ будитъ Прекрасную Настасью: душенька моя, говоритъ—што йто у нашихъ царствѣ дѣлаетца? говоритъ. Узлинула ина у вокошко и отвичаитъ яму—я знаю, хто ето воюетъ—ето Трѣмъ-сынъ воюетъ. Царь сыйчасъ посалаетъ сюды своего слугу: нехай Трѣмъ-сынъ придетъ ко мнѣ! Трѣмъ-сынъ пишетъ яму бумагу—годя мнѣ къ вамъ ходитъ, а придетца вы ко мнѣ! Ёнъ уже не бонтца. Царь вальвъ кучарахъ лошацей запрець и сядився съ Прекрасной Настасьей и поѣхали туды во дворецъ. Стрѣтъ ёнъ ихъ исъ чesтью, отдавъ имъ нонтѣнія. Тоды и поили расхажуватца по устроюству. Обглѣдила нни яго порядковъ, остановилася у во днюкъ мѣсѣти и выхватила у царя мечъ отъ боку и сыйчасъ Трѣмъ-сына етаго голову долой зынила съ плечъ, порубила яго на буйныя куски. И вальвъ изъ хорошаго колодезя наноситъ воды чистыя у котѣлъ. И положила етоя мясо ина сама—и руки закасала ужю и вальвъ подложитъ огня. И уськипятила ету воду. Сыйчасъ мясо ето вытигнула вонъ, и наносила воды колодныя чистыя опятъ. И ина сама узила, перямыла ето мясо и узилла ина, частки зложила опятъ, якъ ино было, частки къ частки, и жѣртовою водою спорскнула—ёнъ соснузався якъ ёсѣтъ человекъ. Живою спорскнула опятъ—ускочивъ Трѣмъ-сынъ якъ ото сна. И дужа красивъ ёнъ! Бывъ красивъ, а тутъ такія красоты прибуло, што Божа.

Царь глянѣтъ, глянѣтъ, на яго и на сябе у зеркало—нема такія красоты. Тоды й говоритъ—Прекрасная Настасья! здѣлай и мене такимъ, якъ яго!—Хорошо говоритъ. Узила мечъ яго, сыйчасъ голову долой съ плечъ яму зынила и на мелкія частки порубила и собакамъ потдавала. А ина

ѣтъ тогда зъ Божу покочу повѣнчалася. И зыѣлався ѣтъ парѣтъ, а йна паринай. И стали тымъ царствомъ узаѣтъ.

М. Студенецъ чериков. у. Отъ кр-на Ивана Павлова, 70 л., неграмотнаго, бывшаго въ молодости въ военной службѣ. Говоръ пограничный, между южнобѣл. и восточнымъ лъ могилевской губерніи.

33. Иванъ Ивановичъ Трѣхъ-сынъ.

Якъ было два браты: у оннаво у большаво дѣтей ня было, а у малаво дѣти ёсь. И стали яны древни. Тады и говорять малый братъ: «што мы будимъ своимъ дѣтямъ кормить опрочихъ людей? Одыѣлимъ мы брата, цусъ яны сами робють и кормютла». Яны узали, выстроили ящо домъ, дали яму дѣлю и не пожилали унисѣтъхъ жить. И етытъ Иванъ старикъ ставъ Бога просить, штоба Богъ давъ яму рябенка. И Господъ услыхавъ яво молитву, и давъ яму рябенка. И родила старуха Иванова сына. А ёй было сто сорокъ годовъ. И ды тово доживъ етытъ старикъ Иванъ, што и ёсь тово и много, што и нѣтуту ничаво. Тады ёнъ пойшовъ къ малому брату. А живъ ёнъ на 'днѣ:—«Братицъ, мой любый! дозвольтъ твойскіи сходиць у мой домъ!»—«И скажи жъ ты мнѣ, чаво йна пойдѣтъ у домъ твой?»—А вѣдъ зачымъ: за мой вѣкъ Господъ давъ мнѣ рябенка, и штоба ина яго прибабила!—«Ну, яще ина къ табѣ ня йшла, штоба прибабить твойскіи сына! Што ина у тебе ти отѣсь, ти отонѣтъ, ти сколькои внищъ зиясѣтъ? Ни пойдѣтъ ина къ табѣ!» Ёнъ заплакавъ слезно, старикъ, и отъ брата рѣнива пойшовъ домоу.

Тады нямношко времяя прождавши, опять пойшовъ къ брату: «такъ дозвольтъ, братицъ, штоба сходила твоя работница и прибабила мойскіи сына».—«Ну, вешто я для тебе наншавъ работницу, штоба ина бабила твоихъ дѣтей? Ёй надо работу робить! Тады ёнъ тошѣй тово обидѣвся и пойшовъ домоу. И времяя уже подошло къ ночи. Ёнъ узавъ, печку затопивъ и воды горшокъ у печку поспавивъ, и начавъ ночовочки мыть и ножикъ точить. «Што, говорить, старуха, я думаю?»—«А што?»—«Я видѣвъ, што якъ братнихъ дѣтей бабы бабили, такъ и я свойскіи буду бабить!»—«А коли званшъ, то и дѣлай?» Вось, слышитъ и видѣтъ у вокошника: идуць старыи старики у трѣхъ, на лѣво дворъ: подхѣдють подъ вокошника: господинъ хозяинъ! пусси ты насъ стариковъ ночивать за Христа—ради Бога!»—«Идѣтъ вы, дѣдушки, а васъ принимаю зъ вяликии довольствіямъ; почувѣтъ съ Господомъ Богомъ!» Яны сичасъ пришли у домъ, сѣли на лавки; старшій сѣвъ напередъ, сярёдній посирѣдніи, а малый нижи тово. Самъ хозяинъ ночовочки мыть. Тады самый старѣйшій старичокъ говорить: «для чаво ты ето ночовочки—мыишь?»—«Ахъ,

дѣдушка! за мой вѣкъ Господь дасть мнѣ сына; я братью жану просивъ я брата, штоба ина прибабила, а также просивъ у яго молодчанку; ну братъ ни пусьтивъ. «А што, говорить, ты ничаво ни варишь, тольки ону воду грѣишь?»—Дѣдушка любезный, ня мѣю ничаво варить! троя сутыкъ тому, якъ крошка хлѣба у доми была!»—Жѣрны ёсь у тебе?—«Ёсь.»—«Ну, и си мялі, и кашу вари».—«Единаго зирна ня мѣю, дѣдушка».—«Ну, чимъ жа вы проживали троя сутыкъ?»—«Возьмёмъ воды кипяточный, посолымъ, и напьемся,—и тымъ живёмъ».—«Ну, поди жъ ты, дитя, мялі, я табѣ вялю, а я твоего рябѣнка прибаблю!» Тоды пойшоу старикъ Иванъ молотъ, прохожій старикъ узавъ, сына яго прибабивъ. А ёнъ зирнать ня мѣить, а мука нѣтъ шпарко. И ёнъ зъ радыхси етый давай жѣрны скорѣй воить. И намоловъ ёнъ у скоромъ уреми съ читьварикъ муки бѣлый, и хороншый. И приноситъ чашку муки у хату. Тады поснавивъ горшокъ на кашу, и прихожій старикъ говорить: «на што ты стольки муки принёсъ?»—На кашу, любезный,—вы можа ня тѣши, а мы со старухай тожа!»—«Дай поменьши гарнушкы!» Усынавъ трёмъ пальцамъ мучицки *) и убросивъ три солінки. И Господь давъ споръ у горшку, и яны усн насытились пять душъ, и дажа полонины ня зѣбли. «Ну што, дитя, ёсь у тебе щечы?» «А ёсь,—тольки семейная, большая». Тады принасыли ету дешку и стали пироги учинять. «Будимъ», говорить старшій прихожій, «завтра твоею сына ко христу нягьт». Тады учинивъ ёнъ пироги: три рлазы трёмъ пальцамъ бросилъ; другога старика заставилъ мясить. А къ етому старику Ивану, во якімъ прихожій старика прикли: Господь, Микола-Угодный и Ягорій-Харибры. Коли еты пироги пыдыйшли, то стали ня стольки у дешки, кольки на дешки. И три печки выпикли пироговъ съ оной дешки: у печи сѣдотъ маховькій, а съ печи чутъ вытянуъ. Тады етытъ старичокъ вышавъ на дворъ и убивъ поробля. И зѣдлався етытъ воробей, якъ вялкій воъ. Ины гувадыны нагутувала многая множиства. Тады въ онымъ видрѣ помпавъ старикъ воду, и стала крѣпкая горѣлка: у другимъ помпавъ и стало пріятное вино. И тады навчавъ разливать у бутлы еты налитки.

И посылають явонный малый братъ дятей и внуковъ: зходитя вы, дѣтки и внуки, къ дѣду и обсмотрѣти, ти живы яны ёсь». Ины пошли. Приходятъ у етый домъ, зѣдѣся, у етымъ доми ходють чатыри старики: три чужихъ, а чатьвѣртый ихній дѣдъ; одинъ налитки наливаетъ, другой говядину таскаетъ и въ чашку кладетъ, третій съ печи пироги таскаетъ, чатьвѣртый—относить и водой поливаетъ. Ины оборотились и идуть узадъ у домъ свой. Ёнъ и говорить, етый старшій старичокъ имъ: «скажита своему

*) У разказчика, какъ я уже замѣтилъ выше, говоръ смѣшанный. Гра-ница покающаго говора проходитъ сѣвернѣе.

отцу, я дѣдушки, што просимъ яго сюды». Яны приходють у свой домъ «Ну што, дѣти мои и внуки, ти видали вы што?» — «Якъ же ня видали? — коли тамка ходють чатыри дяды старыхъ: нашъ дѣдъ и три дяды чужихъ, старѣй яго; одинъ напитки валивант, другой говядину таскантъ и въ чашку кладець, третей съ печи пироги таскантъ, чатьвѣртый — от-носить и водой поливантъ; я вятѣвъ старый дѣдъ прихожій, штобы и ты прійшовъ къ нимъ!» — Вѣрно вы испугались, вы ня жокитя ето разобрать — ето ураги!» Одѣвса и пойшовъ. Тады приходисъ у братный дворъ, и такъ усѣ находитъ, якъ бѣили рибиты. И посадили яго за столъ хлѣба-соли яскусить и напитоковъ испить. И бѣтъ вужасно скоро ставъ пьянъ, и раз-говоръ ставъ итъ со старымъ прихожій старикомъ: «во, дѣдушка лю-безный, я благодарю Бога: итъкъ я богато живу, быванъ я у разныхъ пи-рахъ, ну тольки такова кушанья ня кушавъ». Яму старикъ говорить: да, человекъ — рибъ Божій! хорошая мукъ, и шкля яѣ чѣсная рука, — за то яво и скусно! — «Ну, хто у насъ поидеть за кума, али куму?» — А што: Микола сходитъ за кума, и Ягорій за куму; а яилосьи просимъ васъ уситъ на пиринку у вечари! Бѣтъ и пойшовъ доховъ вужасно тмѣльный. Господь послать Миколу за кума, Ягорія за куму, у скоромъ уреми яны воротились, приносятъ дѣтѣнка у дворъ. Старикъ сирашивантъ: «якъ яго называть?» — «А звать яго Иванъ Ивановичъ Трѣхъ-сианъ».

И еты старики пробыли у Ивана старика троя сутыкъ: тады отпра-вляюцца яны куды имъ назначино. А у Ивана старика за троя сутыкъ напоявилось усико, и злата и сѣнбра яного множество. — Усѣ ето зѣ-лавши, еты старцы пошли отъ старика Ивана. Ну, якиного урежмя прой-шовши, Микола-Угодникъ проситъ Бога: «Господи! позабывъ, говорить, я вещь онну отдать кумѣ, штоба йна отдала хрѣсьнику чериоць семь го-довъ, дозволь имъ воротитца и отдать ёй дѣсннику!» Тады бѣтъ воротися и подастъ кумѣ дѣсннику у вокошко: «на тѣ, кума, дѣсннику: положи у соккрытое хѣсто, штоба йна пробыла семь годовъ. Тады распячнитца хрѣсьникъ слѣзно, а до сяни годовъ ни ядинѣй слѣзы ни выронитъ». Саятъ и пойшовъ.

Пройшло семь годовъ, а имъ ни протянулось, а якъ бы семь днѣвъ. И заплакавъ Иванъ Ивановичъ слезно, и плачигъ троя сутыкъ, увесъ день и усю ночь. Тады яны уздужали про тую дѣсннику, што имъ давъ кумъ. Йна сичасъ принисла ету дѣсннику. Бѣтъ лѣвый рукой принимастъ, а правѣй хрѣсть на сабѣ покладантъ: «Влагодарю Бога и отца хрѣснаго и матуш-ку хрѣсную, — Миколу Угодника и Ягорія Хараброва: я отъ имъ хѣто да-рованье!». И приставъ плакать. «Тащерь, тятинька и маминька, про-щайтѣ мяне; буду, дакъ буду у двинанцѣ годовъ, — принимайтѣ мяне, а ня буду, поминайтѣ мяне. — Я поставлю вамъ двинанцѣ каравульщиковъ,

застоятелей своихъ, яны будуть васъ убиригати. Тоды пойшовъ у чистое поля и крикнувъ громкимъ голосомъ, молодецкимъ посвистомъ: и сячасъ на лѣси листь пувявъ, а съ дуба листь посыпався, и добрый конь на тридцатымъ царствѣи воржавъ, и бяжить къ яму: «хозяинъ, мой любий, Иванъ Ивановичъ Трѣхъ-сынъ, Миколѣи хресныиъ! И будишь ты злодѣй-царевичъ, и што табѣ нужно отъ мене?»—«Надо съѣсть и ѣхать у тридцатое царство, у тридцатое гусударство, къ царю Диміѣну. И жилаю я яго дочку узяти у супружества: Настасю-Пирикрасю Диміѣнову. Якъ ты на это скажишь, ти можно? а?»—«А, ничаво, говоритъ, по жалаю твоему можно». Ёнъ сѣвъ на коня свойво.—«Ну, якъ тебе несеть: ти ровню зъ тѣмнымъ облакомъ, ти ровню съ дрямучимъ лясомъ?»—«Наси, мяне, якъ бы у повлѣсу!»—Третя царство проижжають, у чатьвѣртое узъижжають: стоить дубъ у двинанцати обхватовъ. Жилаю я, говоритъ Иванъ, етый дубокъ побить и поколотить и свою силу богатырскую взнати?—«Можитя побить и поколотить!» Тады ёнъ соскочивъ зъ добра коня, и зхнатиъ етый дубокъ, и выдирнувъ изъ зямли и положивъ на руку свою: «прутикъ, прутикъ, ды и той малъ!» Якъ поднявъ ды вдариъ объ сыру зямлю, разлягъся етый дубъ по маковому зарю... «Благодарю Бога и Миколу Угодъника и Игоря Харобраво: мѣю силу зъ добраво ко-лойца!» И поѣхавъ ёнъ дали, и яцѣ проѣхавъ третя царство и чать-вѣртое гусударство: стоить дубокъ у двадцати нати обхватовъ; и етый дубъ ёнъ побивъ и поколотивъ, и рассыпався ёнъ по ножикову чыряну. Тады узъижжають ёнъ на тридцатое царство, у тридцатую зямлю. И завѣвъ ёнъ сабѣ ортѣ, соколѣ. И хочить ёнъ ити къ царю Диміѣну, штобы узяти сабѣ у жану яго дочку Настасю-Пирикрасю: а конь яму и совѣтуить: Иванъ-Ивановичъ, Трѣхъ-сынъ, Миколѣи хресныиъ, злодѣй-царевичъ! у царя Диміѣна ёсь двинанцати дочарей, и двинанцати подлич-ницъ. И уси яны оннаво росту, и голосу и волосу, и красоты: ты якъ прѣйдешъ на дворъ, и найдешъ чатыри кольцы; и ты мяне привяжи за уси чатыри кольцы, а самъ легъ спать на крыльцы на троя суты: красоты зъ лица своего ня пусъти, глазъ свѣтлыхъ ня 'ткрыи: а то яны табѣ могутъ пусътити туманъ, и ня можишь ты яѣ узнати. Коли выйдѣть царъ Диміѣнъ и будить тебе пробуждать, ну ты яму ни ядинаво слова ни отъивляй. Тады придуть дѣвицы-красавицы, и ты зъ ними разговора ни мѣи и глазъ ни кажи. Яны пойдуть у бѣлы-каминны палаты и сядуть уси двадцати чатыри дѣвицы, а ты тады устанъ, и по палатамъ похаживай и на дѣвицъ посматривай: ина сядѣтъ да дѣвери шѣстая ¹⁾; и ёй на ли-по муха сядѣтъ; яна платочкомъ махнети, и тады ты къ ёй подходи и

¹⁾ Тоже, черта заносная.

здраслуй ёй давай: йна тожа табѣ отъявить: «здраслуй, Иванъ Ивановичъ Трѣхъ-сынъ, Миколинь хресныкъ, млодь царевичъ!»

Прѣѣхавъ ёнъ къ царю Диміѣну, привизавъ коня за ўси чатыри кольца, а самъ лёхъ спать на троя сутыкъ. Тады выходить царь Диміѣнъ: «што такая ёсь: удалецъ-молодецъ, ниякъ ня можно взнать, хто это?— Коли бывъ ба ёнъ царскій сынъ, то привизавъ ба къ золотому кольцу, королевскій—къ сяребринному, княжаскій—къ мидиному, а богатырьскій—къ мѣсянзѣвому,—а то за ўси чатыри кольца!» Ёнъ ничаво ня твича-вѣ. Приходють къ яму дѣвицы-красавицы и говорють: «што ты, добры-молодецъ, ня можышь своихъ глазъ показать и у наши палаты уступать? Ёнъ нѣхъ отвѣчавъ: идѣтя вы у камины палаты, сядѣтя по своимъ мѣстамъ, я приду и буду взнавать Настасю-Пирикрасю Диміѣныну!» Яны пошла и сѣли у рядъ, ўси двадцать чатыри дѣвицы. И ёнъ къ нимъ у палаты уступавъ и царю Диміѣну здрастуй дасть. «Я думавъ, што это хто, ажно это Иванъ Ивановичъ, Трѣхъ-сынъ, Миколинь хресныкъ, млодь царевичъ! Будышь зятъ мой! Полно табѣ по палатахъ ходитъ,—здраслуй давай, по имени называй!»—«Стойтя, ни звинитя, дайдѣ рѣчи сговорити, по палатамъ походить: на вапяхъ дочарей пріукрасныхъ посмотри!» Ёнъ по палатамъ показивавъ и на дѣвицъ поглядывавъ. И сѣла муа на лицо явоный дѣвицы. Ёнъ тоды къ ёй подбѣхъ и здрастуй ёй давъ: «здраслуй, Настася-Пирикрася Диміѣнына!»—«Здраслуй, Иванъ Ивановичъ, Трѣхъ-сынъ, Миколинь хресныкъ, млодь царевичъ!»

Тады сичасъ законъ, бракъ Божій прозвали, положили ихъ на ложницы. Стали яны другъ съ другомъ разговоръ мѣтъ; йна стала распытывать, ти силѣнъ ёнъ? А ёнъ ёй разказавъ ўсѣ, якъ ёнъ къ ёй ѣхавъ и дубы тыи побивъ. Тады йна говорить: нѣ, Иванъ Ивановичъ! ня ёсь ты силѣнъ, а во ёсь на тридывитыхъ царствѣи, у тридисятой зямлицы Каръ-Карковичъ—Игнатій Даниловичъ, при поли боецъ, при войски молодецъ, отъ дѣжу пальча, отъ вѣтру затуль. И ты яму у подмѣтки ня гождь!» И ни подалѣчу гуляння царскаво стоявъ дубъ у пятьдесятъ обхватовъ. И чуть на зари выпрыгнувъ ёнъ у вокошко, и етый дубъ выдирнувъ изъ зямли, со зла свойво; якъ грянувъ объ зямлю, и рассыпався ёнъ по маковому зарву. И ўся мать зямля задрожала, палаты заколотились и стѣклы вылетѣли зъ бѣлыхъ палатъ. Тады ёнъ въ окошко упрыгнувъ и лёхъ спать. Вутромъ супруга яго Настася-Пирикрася Диміѣнына идѣтъ къ яму зъ водою и утиральникумъ. Ёнъ помывся, обгѣрся и Богу помолився. Тады йна спрашивавъ: «што это, Иванъ Ивановичъ, было вутромъ коло пастъ: ти небо звалилась, ти зямля провалилась?»—Нѣ, это ня небо звалилось, ни зямля провалилась, а молодецкая рука объявилась».—«Ну чимъ йна могла обьяснитца?»—«Ти знаешь дубъ у пятьдесятъ обхватовъ: поди по-

смотри: ёнъ побить я поколѣчанъ». — Нѣ, Иванъ Ивановичъ: ты ня холодецъ, а ёсь у тридивятимъ царствѣи, у тридесатимъ гусударствѣи Каръ-Карковичъ, Игнатій Даниловичъ, ты яму у подмѣтки ня гождь!» Разсѣрдився Иванъ Ивановичъ, бяреть свойво коня, хорта и сокола, у тѣсѣи дѣдовское копѣе и мечъ, попросьгился и побѣхавъ. «Буду у тридцатимъ году, то буду, а ня буду, поминайтя мяне!»

И зѣбхавъ ёнъ туды у тридесатое гусударство на третѣи сутки. И узѣбхавъ у градъ Каръ-Карковича. Народу нѣтуги никаво. Ёнъ узавъ коня, хорта и сокола, и пусѣтивъ у чистое пѣля. Приходитъ самъ у бѣлы-каминны палаты, у дворецъ Каръ-Карковича. У палатахъ только похаживаетъ старуха и молодая дѣвица — лѣтъ шасѣти. «Здорово, бабушка старая, Каръ-Карковича — ятушка ровная!» — «Здорово, Иванъ Ивановичъ Трѣхъ-смынъ, Миколинъ хресныицъ, млоть царевичъ! якъ тибѣ Господь занѣсь: ти конь привѣзъ, ти самъ зайшѣвъ? — «Господь занѣсь, конь привѣзъ и самъ зайшѣвъ: захотѣвъ твойво сына Каръ-Карковича новидать и силу взнать!» — «Итя моѣ млосе, ня дожидай ты сына мойво!» — «А дѣ ёнъ?» — «На войнѣ, подъ Коньмѣжъ, подъ смыкомъ, подъ нявѣриѣи силой. Вотъ уже тридцать семъ лѣтъ воюють, а саомово ни видать!» — «Дайтя мнѣ обѣдать!» — «Ти много надо табѣ кушанья?» — «Пувтора пуда хлѣба, горшокъ капусты и горшокъ кашы, пудъ гуваѣины и два вядры водки, и ришатъ сѣялѣи!» Пообѣдавши лѣхъ ёнъ отдыхать. И слынигъ: лискотѣнъ, брызговѣи и гѣмѣнъ. Ажно ицѣь Каръ-Карковичъ зѣ войны отъ няпрѣятеля. Тамъ уходитъ у свой домъ и говоритъ: «што это, маиньска, тутъ руськой кровью пахнигъ: ти бывъ тутъ руськѣи талѣвѣкъ? «Ты самъ на войнѣ набрався запаху няпрѣятнаго, а тутъ шѣтъ никаво! Зходи лутчи у байню!» Ну, ёнъ ни послухавъ матки и побѣхъ по дому искагъ. Тамъ йса показала яго и говоритъ: «смотри, якъ можно тиши и спокойнѣи обходѣсь!» — А што, ёнъ дужа нѣрно смѣлѣи? И сказала яму, што ёнъ у яе побѣвъ. Тамъ, Каръ-Карковичъ побѣхъ и разбудивъ яго, и стали битица. Иванъ Ивановичъ якъ захвативъ яго за руку, якъ сѣиснувъ, ажко кровь зѣ похтей потикла. — Каръ-Карковичъ на колѣни упавъ и ставъ яго просить: «будь мнѣ старшимъ братомъ, а ня губи ты мяне!» И просѣтивъ яго Иванъ Ивановичъ.

Тоды яны шли-гуляли, нѣлыхъ три дни, и присылаиъ Коньмъ Цюмъ. Ниподписаный Лобъ, писмо и бросаиъ у вокошко къ яхъ, штоба Каръ Карковичъ былъ опѣтъ на войну. И ставъ тоды Каръ Карковичъ просить Ивана Ивановича: пособи, братъ, побить мнѣ няпрѣятеля: вотъ уже тридцать семъ лѣтъ воюю, а яго самаго ня видивъ, а усихъ моихъ людей ёнъ побивъ!» — Мы саяы войны! говоритъ Иванъ Ивановичъ: «побѣдимъ удвоемъ!» — «Я боюсь, ня побѣду, говоритъ Каръ Карковичъ. — «Ну, бари трубу и спо-

три!" Тады прызваў коня, хорта і сокола, сёў на коня, узяў мечь самосёч і копые доўгонтрыное і поўхав. І начаў воеваць, і хорт і сокол по боках стали. За 'дні' обороты тыщу голоў знімаць. Прябаві ўсё. І ўдвадзі ёго Копыль Цмок, што войска яго нётуги, і ставі ўцікаць. А Іван Іванавіч яго доганяць. Копыль Цмок тады ўзвортыві камяні, і самь пад камяні поповь, у норы пад зямлэй. Пріѣхавь кь етыму камяню Іван Іванавіч, поставив коня, хорта і сокола, а самь выднравь камяні і пойшов у пашеры. Тады—види, види,—сядіть дванацать даявцъ і выпивають ширинки: што иглокий набирётъ і ниткой диграйтъ—выскачигь солдатъ. изъ ружжомъ, изъ копыёмъ, изъ тесакомъ! Здорово, Каръ Карковичъ!—Нѣ, я ни Каръ Карковичъ, а Іванъ Іванавичъ! Тады бросились яны на яго і хотѣли иглаць яго пробить, а ёнъ ихъ усихъ мячомъ голювы знявъ, иглы поломавъ. ширинки подравъ. і солдатъ усихъ побивъ. Отворивъ другую дверь і увидивъ, што тамъ комната яще больша, і тутъ тожа дванацать даявцъ сядіть і ткутъ кросны: што чилнокомъ прокиинить. нѣбилками ударить—выскачигь солдатъ зъ ружжомъ і зъ конёмъ.—«Здорово, Каръ Карковичъ!»—Я ни Каръ Карковичъ, а Іванъ Іванавичъ!—«Ага, туды народу ни напросився, самъ у руки пунався!» і хотѣли яго чилнокамъ прибить. Ну ёнъ мячомъ усихъ голювы знявъ. кросны пулумавъ і подъ ноги бросивъ, і поповъ самъ дальши того. Отвориять двярину: сядіть старуза—Копыль Цмыка супруга. «Здорово, Каръ Карковичъ, Ігнатій Давидавичъ!»—Я ни Каръ Карковичъ, а Іванъ Іванавичъ.—«Ну, усё равно!» І оборотились нна кошкой, нохти по три аршина, і бросилась нна яму у глази і хотѣла разодрать. Іванъ Іванавичъ ударивъ нѣ мячомъ по голові і разрубивъ: кохти отложивъ і у кармагъ сибѣ положить, і самъ поповъ дальши. Отворивъ яще двярину,—большая изба; і ляжигь у ей самъ Копыль Цмок, самъ на куць, вусы закручины за грядкой. «Здорово, Каръ Карковичъ!»—Я Іванъ Іванавичъ!—«Хто ни на ёсь, а самъ у руки пунався!» І начаў вусы откручивать. А Іванъ Іванавичъ якъ папнувъ мячомъ у нутро яго,—ёнъ затрёсся і ня живъ ставъ. Тады ёнъ узявъ яго за вусы і вытнувъ зъ пашеръ. Привязавъ кь хвосту і привёзъ кь Каръ Карковичу, показати яму. Вышивъ Каръ Карковичъ і узглянувъ на Цмыка-Копыль,—такъ зъ ногъ упавъ і ня живъ ставъ,—духа спуганся: «ахъ, братъ,—гдѣ бравъ, тамъ і брось!» Вятѣвъ Іванъ Іванавичъ коню хвостомъ махнуць і разлятѣдись яго косыги по зямлѣ. А сами стали пить і гулять.

На ночь лягли яны спаць, і Іванъ Іванавичъ лёхъ на кровати Каръ Карковича. Удрухъ ночю прилитають три сороки: улятѣли у окно і стали дѣвицы: жана Івана Іванавича і дѣвѣ свояченины, і говорюць: игры самоигры, гусьли самолѣды, посьнивайтя! мечъ самосёчъ, потанцуй! котъ са-

моплясь, поскачи! Игры самоигры заиграли, мечъ самосѣчь затанцовавъ, вотъ самоплясь заскакавъ. „А ты, Каръ Карковичъ, зъ нами пѣшь-гуляйшъ, а теперь ляжишь спать!“ Подбижала къ кровати и хватъ одежду! И увидила свойго мужа. Запикотала и маршъ за ворѣты. А Иванъ Ивановичъ захвативъ мечъ и отрубивъ жанъ руку и ногу. Полятѣла зная руки и бязъ ноги, и отцу-матери объяснила, што приликала Пожаръ зыкия, и оторвала ей ногу и руку. Вутромъ разсѣрдився Иванъ Ивановичъ на Каръ Карковича и убивъ яго. Солдаты ты уси яму низкимъ поклономъ кланіютца и просятъ у ихъ жигъ, ну ёнъ давъ усимъ остави а самъ поѣхавъ домой.

Дорогой совѣтунца зъ конёмъ: конь яму я говорить: „убей мене, вутро выбрось, а самъ улѣзь туда и сяди: я прилятигъ чорный ворѣтъ, зъ дѣтьми, и када сядуть, то лови трѣхъ, али чатырѣхъ. Коли ёнъ ставъ нить тебе просигъ цуетигъ яго дитей, то ты скажи, штобъ ёнъ принѣсь табѣ живой воды!“ Ёнъ такъ и зыѣлавъ. Поливъ водой коня, и ёнъ живъ ставъ и поѣхавъ домой. Яго устричаюгъ лѣбожъ-солью, а жану нѣтъ. И взя лѣвъ ёнъ выписъти жану и спрашиваигъ: „ти табѣ Пожаръ зыкия руку и ногу оторвала?—Да!—«Нѣ, жана: ты усихъ обманывавшъ, я самъ табѣ ихъ отѣкъ!» И вытягнувъ руку и ногу и прижививъ ей. Побывъ ёнъ тутъ троя сутыкъ, жану привизакъ къ двананцѣ лошадынымъ хвостатъ и разорвавъ на куски. А самъ поѣхавъ къ отцу. Мать померши, только три дня ни засыфѣвъ. Изъ протчихъ узавъ сабѣ жану и ставъ житъ.

Козлян, вол. горюдок. у. Запис. г. Василевъ отъ мѣстнаго писмаго.

4. Удовѣнушка добрый молодецъ.

Живъ сабѣ добрый молодецъ Удовѣнушка, сиротина—удѣвинный сынъ. И ёнъ ходивъ на боярскій дворъ гулять. И ли яго много насмѣялися боярскія дѣти.—вѣдомо, значитна, сиротина: бытто коравый, бытто дѣравый! Разъ потомъ ожыдали празыника великаго—паски. Тогда на всеншной стояли тры государствинныя дочары. Вышли яны на звѣнницу на 'тдышку, на другой 'тажъ, а унизу спавъ ужэ той сиротина, Удовѣнушка добрый молодецъ. Вотъ ёнъ проиннувся и бача, што стоятъ государствинныя дочары, отъ ёнъ пострамився ужэ ворочатца. Сычасъ усхватила хвилья силная,—усхватило тыхъ царскихъ дочарей и понясло. Удовѣнушка добрый молодецъ вышовъ и просмотрѣвъ своими глазами у тую сторону, куды ихъ понясло. И потомъ узышовъ опять на высокій тажъ и зногъ провѣвъ своими глазами, у якую сторону понясло. Тогда, кончылася ужэ служба, собралися ужэ уси народы обѣдати, а государствинныхъ дочарей нѣту. Жде царъ, што ето такая? ужэ уси народы съ цѣрквы попошли,

и цѣрквы позавираемы, а моихъ дочерей вѣту! Уже государь ожидая объ-
дать и спрашуя: гдѣ мои дочери,—дочерей вѣту? Спрашуя и у поповъ
и у прочихъ народовъ. и у господъ. А тыа дають отвѣтъ государу уси,
што видяли, што у цѣрквы были, а съ цѣрквы извѣсно-дѣ дѣлись. Усижъ
празьничакъ, веселѣ, ну государу—государу печаль—гора вяликое. И
увесь городъ запечалился, и санаторы, и попы, и уси народы запечали-
лись. У печали государь ужъ надумався: повно печалитца, буду сабѣ и
радость уже шукати! Пославъ павликации увяздѣ, штобъ объ государ-
ствянныхъ дочаровъ никто не разговаровавъ: будя виновнятъ и наказивъ
крѣпко. Тогда, мѣсяцы ужъ теразъ два, ты, моо, теразъ тры, Удовѣнушка
добрый молодецъ пошовъ на боярскій дворъ гулять. Тамъ яго бьютъ, и
зъ яго насмѣхаютца; а ёнъ такий бывъ парнишка, што кого возымъ за
руку—дакъ рука станя тонка,—такий, знатца, бывъ сильный. Потому
яго бьютъ за ето, што ёнъ уредъ дѣлая, а ёнъ заплакавъ да й сказавъ:
коли вы мяне бьютъ, ня прымаеця мяне гулять—иду къ государу да й
скажу, што вы говорили про государствянныхъ дочарей! Тыа слѣзно на-
чали плакать и попужалися: упали парадъ ихъ науколинны и просять: ня
йди, кажутъ, и ня говори! Ня йдѣтъ жа ёнъ по той винѣ, штобъ госу-
дару доложить, а йдѣтъ по той, штобъ государу услужити. Пришовъ къ
государу, государь и спрашуя: „зачымъ ты, мальчикъ, пришовъ,—гулять
ко мнѣ?“—Ваша инятаторское височество, не гулять я къ вамъ при-
шовъ, а служить и къ вамъ пришовъ!—«Нѣтъ ты мнѣ службой на-
значився служить?» Отвѣщая яму: я, говора, могу вашихъ дочарей до-
стать! Государь потому крѣпко узгнѣвався, такъ узгнѣвався, што ня мож-
но старпѣтъ яму: што ёнъ ужъ бывъ пражавъ, а тутъ опять усомнили!
Вялить аквитанты: моихъ жа дочарей вѣту, и тябе ня будя! вялить брать
мечъ и рубить голову яху. Потому ёнъ уздыхнуувъ и говора: „Господи! не-
хай жа того рубить, хто няправъ, а я жъ служу вамъ вѣроу и правдоу!
Вы няпродѣ разыщты, а тогда накажыть!“ Государь и одумався—отля-
ло яго жаркое сѣрца—што трѣба упяродъ распросить, а ня губить. По-
томъ тогда говора: „ти вѣрно ты кажашъ, што можанъ моихъ дочарей
достать?“ Поклявся и побожився, што вѣрно могу! Отвѣтивъ яму госу-
дарь: ну, колижъ ты можашъ достать моихъ дочарей, будя табѣ вяликая
награда, и дочь моя будя за тобой! Спрашуя государь: „што табѣ трѣба,
кольки вѣрняя, ти грошай, говора: исказуй усѣ, што табѣ трѣба!“—Ни-
чого мнѣ ня трѣба, ни вѣрняя, ни грошай,—я самъ собой иду страждать.
Дайтъ мнѣ только на дорогу троху грошай и такую лошадь, которуу я
самъ сабѣ отыщу! Государь повялѣвъ: ишы сабѣ лошадь, гдѣ-бо ты хо-
чашъ! Обыскавъ ёнъ сорокъ стадъ лошадей и у сороковой стади нашовъ
сабѣ лошадь. Таа лошадь, ростомъ яна вялика, ну худаа и коросьливаа

Узявъ ёнъ туу лошадь и давъ ёй волю у лузи погулять на троя сутокъ. А тая лошадь была богатырская, да никто яё не знавъ. Затѣмъ яна была худа, што хозяина подъ яё нѣту. Потомъ вялѣвъ собрать ковалѣвъ и сковать такой шнуръ на дватцать пять вёрстъ довжыной, и сковать палочку-поширѣшачку, на дватцать пять нудовъ. Тогда узявъ туу лошадь, тая лошадь стала золотая ширстина и сярэбраная, золотый конытъ и сярэбранный. Собравъ ёнъ, помоливсь Богу и отдавъ поклонъ на усѣ чатыры стороны: опять у пятый разъ отдавъ поклонъ у туу сторону, куды ужъ ѣхати яму. И сказавъ усимъ народамъ: прощайта! И сказавъ яму увесъ народъ: шасельный путь у дорози! И отъязжаа.

Потѣхавъ путѣмъ-дорогой и сустрѣакаа чаловѣка. «Здраствѣни, братъ!» — «Здраствѣни!» — «Куды тѣбе Богъ нясѣ?» — «А йду шукать похѣсьта сабѣ, гдѣ бѣ найти сабѣ у жытѣлство! И видя ёнъ, што это яа прѣстѣй чаловѣкъ ѣдя, и сирашуа: «я вы, господинь, куды ѣдетя?» — «А ѣду по государствянной службѣ, — мяне государъ посылаа за своими дочарми! Той ужѣ чаловѣкъ яму говора: прыми и мяне за товариша, — и я ужѣ пойду табѣ послужу! Той говора: «прыму тѣбе! нѣ, говора, мой пинуръ, растягни яго по дорози!» Вывѣдуа, бачъ, якій помощникъ. Ёнъ тогда узявъ шнуръ за конецъ, якъ махнуувъ — такъ увесъ разостлавъ яго по дорози! И опять шморгнуувъ — и собравъ у мѣсто! «Ну, подай мнѣ, говора, на лошадь!» Ёнъ зъ большой охотой подавъ яму. Ёнъ называя: хорошѣ молодецъ! Иди ко мнѣ у помощники! Стѣишъ ко мнѣ у помощники! Нкѣ жа тѣбе зовуть? — «А мяне зовуть Юда! Удовѣнушка добрый молодецъ дужа узрадовася, што нашовъ сабѣ помощника. Ёдутъ яны и прыязжають къ рацѣ, и къ грэбли большой-большой. Чаловѣкъ грэблю мостя. Заявлѣвъ яму похѣшчыкъ, штобъ ёнъ загрузишъ грэблю. Ёнъ грузя грэблю, узвѣта дрэво, вырѣя, и грузя грэблю! Тогда Удовѣнушка говора: помогай Богъ табѣ! — «Добраго, каа, здоровѣя, добрыя люди!» — «Што дѣлаешъ, говора, чаловѣчѣ добрый?» — «А вотъ, говора, грэблю моцѣ! Удовѣнушка добрый молодецъ сирашуа: оставъ ты, говора, это, — ходи ты со мною у помощники! Ну, й той сирашуа: «куды жѣ вѣтъ Богъ нясѣ?» говора. — «То жѣ, говора, ѣду я по государствянной службѣ: посылаа мяне государъ дочарѣй своихъ шукать! Той зъ большой радостю къ имъ и прыязнявся: радъ, говора, я къ вѣтъ бытъ у помощники!» — «Ну, возьми, говора, пинуръ мой, растягни яго по дорози! Ёнъ узявъ шнуръ за копецъ, якъ махнуувъ, — такъ увесъ и разостлавъ яго по дорози; а тогда шморгнуувъ — и собравъ усѣ у мѣсто. Ёнъ говора: хорошѣ молодецъ! ходи ко мнѣ у помощники! Нкѣ жа тѣбе зовуть?» — «А мяне зовуть Запры-водѣ! И потѣхали яны ужѣ устроишъ. Два помощники ужѣ у яго. То бывѣ вясѣль, и то щѣ повесѣлѣвъ, у кольки частей ужѣ. Прояжжають яны, и стракають яшѣ чаловѣка. И што ёнъ дѣлая? Возьма горѣ, и скачуа горѣ

ру унизъ, а послѣ уверъ яё покотѣ. Той опять яму говора: помогай Богъ!—Добраго здоровья, добрыя люди! Сказуютъ яму: што ты дѣлаешъ? —А вотъ, мнѣ повѣляно зѣмлю ровновать! Удовѣнушка добрый молодець говора: оставь ты ето, ходи ты со мной у помошники!—А куды жѣ вась, каа, Богъ нясѣ?—Да їду я по государственной службѣ: государь посылая мяне своимъ дочарѣй шукать? Той говора: зѣ большой радостю я готовъ къ вамъ за помошника быть!—Ну возьми, говора, мой шнуръ, растягни по дорози. Ёнъ узавъ шнуръ за конецъ, махнувъ—ёнъ увесъ и разостлався по дорози. Тогда шморгнувъ—и собравъ увесъ у мѣсто. „Ну, кажа, хорошъ молодець! Якъ жа тебе зовутъ?“ —А мяне зовутъ Горунъ! Очиститаль горъ, знатпа. Ну, поѣхали ужѣ учатырохъ.

Прыяжжаютъ яны къ городу. И обыйшли яны городъ кружкѣ—и нигдѣ нямъ воротъ: кружкѣ высокія валы. Ёнъ узавъ шнуръ, и паракнавъ конецъ у городъ. По томъ шнуру пошовъ самъ. А стѣнѣ высока, боляй якъ сами вѣрстѣ вышиной. Своимъ жа помошнякамъ сказавъ: якъ торгну, дакъ вы тягнитѣ, и опять ко мнѣ подавайтѣ! Ну, тогда, идѣ ёнъ по городу, и убачыла яго мѣньшая дочаръ государственная. И бягоиъ бяжить къ яму, зѣ большой радости, и обнимая яго руками и палуа: зачымъ ты, якъ тебе Богъ сюды приславъ? А ёнъ искажуа: приславъ мяне вашъ отецъ сюды за вами! Заявлѣ яна яго у домъ, и садила за столъ, и давала яму їсть. Слѣзно плача и расказуа: што ня узять вамъ насъ: наши мужы жа змяи. У мойго мужа тры головы, а у другія сѣстры, у сярѣднія, шѣсть головъ, а у большія—девѣть головъ. Отъ, говора,—подѣлѣтѣ и отправляйтѣсь своимъ путѣмъ: вы мяне ня возьмѣтѣ! А ёнъ говора: возьмѣмъ, говора. Только ёнъ укусивъ разовъ тры, алебо пять,—а ёнъ и малѣтѣя домовъ ужѣ. Сычасъ запаливъ жаркимъ огнѣмъ и разинавъ ротъ яго изъидѣтъ. А ёнъ ня уторопѣвъ: сычасъ схвативъ свою палку-попирашку и начавъ зѣ нѣмъ битѣа. Тры разы ударывъ, тры головы збѣивъ —и убивъ! „Бяры, государыня, говора, што табѣ найлуччѣ!“ Та я ничего ня хоча, только бѣ зѣ душой выйти. Ну, набравъ ёнъ такихъ вящей, которыхъ у тымъ царствѣ нѣту, и яё повѣвъ. Провѣджуа яё къ шнуру и говора: вотъ, иди по етому шнуру и сойдѣшь унизъ, и тамѣа ёсть моѣ помошники, тры чаловѣки. Увязавъ тыя одѣжы, вящѣй што, дыменты, навязавъ на цѣпъ и торгнувъ: тягнитѣ! Яны ето вытягнули и подали шнуръ яму назадъ. Урадовались яны етому: благодарыть тебе, Господа Бога, што помогъ Богъ нашему господину отравить дочаръ государственнаю, готъ одну! По радости Бога просятъ: поможи, Господи, нашему господину, штобъ и тыхъ достать! Заслужамъ жа и мы сабѣ отъ яго государственнаго якую чѣсть! А ёнъ паравравивъ тую и пошовъ. Идѣ ёнъ по городу, увидѣла яго и другая, сярѣдняя дочаръ. Яна бяжить къ яму,

и рада, и плача, обнимая яго руками и цалуя: зачымъ тебе Богъ при-
нѣсъ, Удовѣнуска?—Отецъ посылая мене за вами! Яна ѣотвящаа: ня ўзяць,
говора, вамъ насъ! наши мужыкы зняй! А ёнъ отвѣщая: я ўжэ одну узявъ,
меньшаю! А тая отвѣтъ дае яму: хотъ ты узявъ тую, а мене ня възъ-
мешъ: у тыхъ тры головы будо, а у мойго шэсть! Узяла яго у домъ, уса-
дила за столъ, а дала яму ёсть. Тольки жъ укусивъ можа разы два ли
тры, такъ ёнъ и налятая. Якъ улятѣвъ у горницу, такъ запаливъ ог-
нѣмъ и сильно заровъ на яго. Узявъ ёнъ свою палку-попирашку и начавъ
изъ нѣхъ битца. Начавъ битца, начавъ битца,—якъ махнувъ девять разъ,
такъ уси шэсть головы и збывъ! И убивъ. «Ну, бярэ, говора, што табѣ
трэба!» Тая ничога ня хоча, рада душой увойти. Тогда ёнъ набравъ
опять вящэй и повѣвъ яе къ шнуру. «Вотъ, иди по етому по шнуру,—
тамака ёсть моё помощники и сестра твоя!» Царевна сыйшла. Опять ёнъ
навязавъ вещи, торгнувъ, яны й потягнули. Такъ ёнъ двохъ дочаровъ и
вывявъ. Тогда закинули яму шнуръ опять у городъ, а сами по радости
опять стали Бога просить: «поможи, Господи, нашему господину, штобъ
и третью царевну ужэ достать!» Тогда ёнъ поповъ, искать ужэ треть-
тѣя царевны. Третья царевна ужэ й слышала, што двѣхъ сястяръ яе
ужэ воротили. Ну, тогда яна ужэ стоять, по вулушны хода, и пры-
сматруя, коли ёнъ ужэ буда итти за ёй. Тогда, приходяжу ёнъ, яна й
убачыла яго, слёзно заплакала, и обняла яго руками и цалуя. Тогда ёнъ
говора: ну, говора, царевна,—убирайся! А яна яму говора: ня ўзяць та-
бѣ мене и во вѣкъ. Ёнъ говора: я ўжэ твоихъ двѣхъ сястѣръ
вывявъ отсюды!—«Латьвѣй тыхъ выводитъ: у однихъ мужа було тры го-
ловы, а у другія було шэсть; а у мойго жъ девять!» Тольки дала яна
яму ёсть—узяла у домъ, посадила за столъ, и дала ёсть—укусивъ ёнъ
можа разы два ти тры, такъ ёнъ и налятаа, такъ и заровъ на яго гроз-
но! Ёнъ узявъ свою палку-попирашку и начавъ зъ нѣхъ битца. И бився
ёнъ зъ нѣхъ ужэ много, насчотно,—ужэ самъ истомився. Потудова жъ
бився, покулъ убивъ того. «Тяперъ бярэ, говора, што табѣ найлуччѣ!»
Тая рада только зъ душой выйти. Набравъ ёнъ которыхъ вящэй, пры-
вѣвъ яе къ шнуру и сказавъ ёй: иди по ёму,—тамъ моё помощники и
сястры твоѣ двѣ. Тогда, яе нарадавши, и поповъ самъ ужэ по шнуру.
Тогда узыйшовъ ёнъ на стянѹ и ставъ самъ рассматравать, дѣ-бо што
дѣтца. А яго ужэ помощники узрадовались: «слава Богу, говора,—намъ
ужэ ёсть по жанѣ!» Вдъ якъ ужэ яны! Тогда шноргъ тэй шнуры, да до-
ловъ. А яго и оставили на стянѣ: сами и поѣхали.

Заплакавъ жа ёнъ слёзно, што остався на такой горѣ на высокой.
Якъ яму сойти оттуль? Тогда мысля: куды мнѣ покатитца зъ етня стян-
ны: ти у поля, ти у городъ? Тогда ёнъ покотився, подумавъ: пойдѹ

опять у городъ! И упавъ у садъ, и убився крѣпко, и отбивъ сабѣ ноги, ня можа ужэ поворотитца. Идѣ пожаръ вяликій, а у пожары крычыть зыяй: Удовѣнушка, добрый молодецъ! поратуй, говора, мяне и датея мо- нѣ,—я тѣбе зъ вяликаго гора вызволю! Ёнъ говора: якъ жа я могу тѣ- бе поратовать, што я самъ болянъ!—Вы-тыке люди, говора, можныя, крѣпкія,—якъ-небудь вы можатя помочь мнѣ! Возымтя, говора, дрѣво сорвыта и киньтя на 'гонь, дакъ я самъ выйду и датея выведу! Ёнъ тог- ды хваивъ дрѣво большое, сырое, вырвавъ и кинавъ на 'гонь. Тогды парайшла яна сама и датея вывала,—вышла съ огня. «Ну, што табѣ, го- вора, трѣба?» А ёнъ говора: я вотъ болно крѣпко разбивсь! Яна пошла, напилась росы, и прышла, змочыла яго усяго. Тогды говора: а што, якъ табѣ? ти лёхко табѣ? Ёнъ тогды повярнувь и говора: «э, говора, мнѣ щэ естаго и ня чути!» А яму ужэ поляхчѣло много. Яна пошла напилася у другій разъ росы, прышла, опять намочыла яго усяго. Ёнъ тогды ставъ и хороший, такой, якъ и бывъ, а щэ хоча крѣпчы быть. Яна тогды пошла, напилася у третій разъ, прышла тожъ, опять намочыла яго. Тѣ бывъ хорошѣ, а то щэ нянѣча покрѣчѣвъ. Тогды яна подыкала яму и говора: ня 'насуей ты, Удовѣнушка, добрый молодецъ! Щэ сыновъ по- бивъ, а щэ батька ихъ ё; и коли будяшъ зъ имъ битца, допрашуй тыя лошади, на которой царскихъ дочокъ достававъ!

Тогды ёнъ пошовъ шукать ужэ батьки ихъ. Батька ето ихъ дочув- ся, што ужэ сыновъ побивъ, и грѣзитца: «сыновъ побивъ, а мяне ужэ, говора, ня убѣе, а я яго убью!» Коли ёнъ приходжуя къ яму, ажъ ёнъ у лавны парытца, и грозитца на яго. Ёнъ сычасъ, ускѣчивъ у лавню и начавъ яго бить свой налкой—попирашкой. Тѣя жа не сподѣвався, знат- ца, естаго, што ёнъ ускоча, начанѣ яго бить. Такъ тры головы яму збивъ у лавны. «Скажи мнѣ, говора,—идѣ тая лошадъ, на которой ты царь- кинѣ дочокъ достававъ?»—А вотъ, иди, говора, тамъ будя стоятъ стай- ня, уся жѣдная, тамъ будя и лошадъ стоять,—золотая шарстина и ся- рѣбраная!.. Ёнъ якъ прышовъ икъ стайни, лошадъ учула духъ крыстьян- скій и зарзала. И на тѣй лошади и сядло жѣдное и ўздѣчка. Сѣвъ ёнъ на лѣ и поѣхавъ. Поѣхавъ на той лошади и пытаецца: ти можашъ ты мяне зъ естаго городѣ вывезти?—Нѣ, говора, не могу; а ёстяка у мяне другій братъ, той можа вывезти! Ёнъ сычасъ лошадъ тую поставивъ, опять пошовъ икъ зѣбю паратца у лавню. Опять начавъ яго бить. Тры головы щэ збивъ,—осталось ужэ шѣсть. Тогды опять допрашуя: скажи, говора: идѣ тая лошадъ, што ты царскихъ дочокъ достававъ? Такъ ёнъ сказавъ: иди, говора,—стоитъ тамъ стайня, уся сярѣбраная, и ворота и ключы. Отъ тамъ стоитъ и лошадъ, то жъ само—золотая шарстинка и сярѣбраная! Ёнъ тогды приходжуя къ воротамъ, лошадъ чула крыстьянскій духъ и за-

рзала. Тамъ, на тѣй лошади, сядло усѣ сярэбраное и ўздэчка, и мечъ сярэбраная. Сѣвъ ёнъ на тую лошадь и поѣхавъ. И говора ёй: ти можашъ ты мяне зъ естаго города вывязъ? Лошадь тая ўзниметца-ўзниметца,—нямножко-нямножко ня ўскоча на стяну. «Не могу я, говора, тебе вывезъ! Ёсть у насъ, говора, третій братъ; отъ, того допрашавай, идѣ ёнъ стоить». Пошовъ опять ёнъ къ тому жыю, зновъ у лязню паратця. И начавъ яго бить. Тры головы цѣ збивъ: осталось только три головы, а девять збивъ ужэ. Тогда спрашуя: скажи, гдѣ тая лошадь, што ты царскихъ дочокъ достававъ?—А вотъ будя, говора, стайня, уся золотая, и ворота и ключи,—а у стайни такъ стоить лошадь, золотая шарстия и сярэбраная, золотый копыть и сярэбранный, и золотое сядло, и золотая ўздэчка, и золотая мечъ!... Отъ коли отказавъ крайня ужэ! Ёнъ прыходжуя икъ стайни, лошадь дуць чула крыстьянскій и зарзала тожъ такъ. Ёнъ сычасъ узявъ тую лошадь, сѣвъ на ёй и поѣхавъ. «Што, лошадь,—можашъ ты мяне зъ естаго города вывязъ?» Ина говора; могу, говора. Ёнъ поднявся, изъ города и выѣхавъ. Догнавъ своихъ и послужниковъ, и паралатѣвъ, и опять вярнувся у городъ у той. Тогда опять по той радости пошовъ у лязню зновъ. Ну, и соусихъ убивъ яго, кончывъ яго соусимъ. Тогда пошовъ ходитъ по тыхъ домахъ по ихъ, идѣ яны прожывали: наповъ ёнъ одныя вянокъ, и другія, и третія. Дужа тыя вянки слышны, дужа дорогія. Ёнъ тогда побравъ тыя вянки, сабѣ сховавъ у карманъ, тогда узявъ и поѣхавъ ужэ соусимъ зъ города. Поблагодаривъ Бога и поѣхавъ.

Тогда ёнъ поѣхавъ и прыѣхавъ у природъ за ихъ у городъ у свой ужэ, игдѣ яго царъ. А тыя цѣ на дорози. Тогда лошадь пустивъ у поля гулять, одѣжу свою усю сховавъ и военнаю збрую, а самъ вадѣвъ такая,—простон, съ простонародн, диравая—серяги. Зайшовъ ёнъ икъ ковалю и проситца у яго, кабъ прынявъ яго за работника. Коваль и прынявъ яго. Ну, ёнъ живе тамъ дуракомъ: ня ўмѣя ни говорить, ни такъ што: скажа, дакъ яго слово не подѣ дѣло. Ковалѣви жонка послала яго свинней пасты. Ёнъ прыгнавъ свинней къ лѣсу, да хвосты позвязававъ имъ, да на дуба и поустягававъ: дурачокъ, вѣдомо, ня знаа ничего, што ёнъ,—а самъ узявъ, ды й пошовъ домовъ; да сѣвъ на лавцы, да на столъ узлокотився, да слюну пустивъ изъ рота, и сядитъ сабѣ. Ковалѣва баба спрашуя: игдѣ жъ свинни? А ёнъ отказуя: поўзлизали, кав, на дуба да п пяють! Тогда ковалиха побѣгла за ковалѣмъ: якій ты самъ дуракъ, и такого дурака ты сабѣ прынявъ! Онъ, свинни, говора, у лѣси подавилися! Ну, коваль, то сказано—мужацкій полъ,—зразу ничего не задавъ, ни грозы, ничего. Ажъ бача свинней на дуби,—ёнъ и самъ засмѣявся.

Ну, бача, што дуракъ: што зъ дуракомъ ужэ будешъ дѣлать? Коваль свиной отчанивъ и домовъ прыгнавъ, а ковалиха вѣзя яго кочаргой, а ёнъ голѡси, якъ яго могъ; ти я, говора, виноватъ: яны поуздажавали жалуддѣя ёсть да й пяюти тамъ!..

Потомъ прѣхали ужэ и тыя помощникъ яго, изъ дочками ужэ, у домъ къ отцу, и хвалютца: што отъ мы, говора, ихъ выратовали,—достали и отобрали! А той дурачокъ выйдя на вулицу, сопли пустя, слюну пустя, обдѣлаецца.. Царь радъ своимъ дочкамъ и пославъ по своей зямлѣ вѣдомѡсти, што воротилися дочары яго, и молитца Богу. «Коли жъ вы ихъ достали, и отдавъ ихъ за васъ! А дѣ жъ той, што, говора, упародъ отъ мене отираляся?» Яны отказуютъ: «а тѣй, говора, тамъ шэ остався: ёнъ ня могъ самъ вылизъ, ня токмо, што ихъ вывязъ!» Цару только и у клѡноти ужэ объ тымъ, значытца, объ дурни; ёнъ радъ, што дождался дочарэй, а до того ужэ столько клопотѡвъ. Отдаё ёнъ ужэ ихъ у заму-жаство уснѣхъ тронѣхъ. Вѣдомо, ужэ разумныя люди, коли достали. Ускоро-сти ужэ снѣдби, одна узѣла ужэ хвѣртѣхъ злота и понясла ужэ къ ковалю: «вотъ, издѣлай, говора, мѣ, коваль, вѣнокъ такій, якъ бывъ у мене за пернымъ мѣжамъ!» Коваль назаутраго пошовъ у шынѣ выпивать горѣлки наща, а яго работникъ зайшовъ у кузницу, да й начавъ ковать: и мѣхомъ днѣ и по конадлу бѣе—бытто дѣлая ёнъ ужэ вѣнокъ. Ковалѣва жонка стучытъ у ворота, хоча бить яго, штобъ ёнъ не попортивъ ковалю, а ёнъ говора: я табѣ ня 'тчыню, ты тутъ шэ злота укра-дешъ! Ковалѣва жонка побѣгла у шынѣ по ковалю и ругая яго: твой, говора, работникъ, ёнъ пѡсудъ попортивъ увесь! Коваль скорэй бяжытъ, Бача ёнъ, што бяжытъ кузнецъ, ёнъ вѣнокъ съ кѣряна, и къ тѣилу, и грѣя яго, и потчѣлая. Коваль говора: отчѣни, говора, братъ! Ёнъ сы-часъ отчѣнивъ и вѣнокъ показуя ковалю: поляжи-тки, говора, дѣденька,—ти такъ я издѣлавъ? Тѣй коваль узѣвъ у руки вѣнокъ и говора: да, братъ,—такъ! А тѣй коваль и самъ ня умѣя здѣлать такія работы, да только такъ... И говора своей ходѣйцы: вотъ, говора, якій ёнъ ёсть шэ дорогій работникъ! Тогда и сама тая ужэ дивитца. Тогда, царская до-чаръ приходжуя за вѣнкомъ, коваль и отдавъ ёй. «Вотъ жа, говора, якій вѣнокъ коваль здѣлавъ,—якурить якъ той, што за тымъ мужамъ бывъ!» А это той. Тогда и другая узѣла хвѣртѣхъ злота—позавидовала на тѣй вѣнокъ—и тая занясла къ ковалю. «Отъ, говора, коваль: издѣлай и менѣ такій вѣнокъ, якъ мой сѣстрѣ!» Коваль помѣвся и той здѣлать. Тѣй жа коваль опять пошовъ у шынѣ, выпивать наща, а той яго дура-чокъ злото той забравъ, заховавъ, а самъ зновъ мѣхомъ днѣ и по конад-лу бѣе. Ковалѣва баба опять у ворота стукая, да хоча бить яго, што ёнъ пѡсудъ портя, ёнъ плача у кузницы да й говора: чаго ты тамъ? говора: это,

говора, чужоя! Коваль иде съ шныку, а ёнъ шэ у кузьни. Ёнъ узьяв дру-
гя вянокъ, да начавъ изновъ яго подчыпаты. Коваль говора: отчынн!
Ёнъ сычасъ отчыннвъ и показуя: а што, ти такъ я здѣлавъ? А коваль
ужэ радъ, што значитца, яго вызволивъ: да, говора,—такъ, братъ! При-
ходя царевна за вянокъ, и узия и отпиранилась домоу, и хвалитца:
вотъ, вянокъ, говора, хоронный! Якуратъ, якъ за перпыжъ мужамъ, говора,
бытъ! А трэтьтя догадцалась и спрашуя: ти нима у ихъ кого чужого?
Яны отказують: ёсть, говора, якійся дурачокъ! Трэтьтя царевна пошла
къ ковалю, ничего ужэ ня бравны,—'вознавать. Увыншла ина у домъ, а
яны обѣдять. Тыя тогды уси поухиѣталися зъ-за стола, што ца-
ревна прышла, а ёнъ сидитъ за столомъ, узлокотився надъ чашкой и сяр-
бня. Тыя говоруть: вотъ, говори, сударыня: не прогибывайся, што дуракъ
у насъ такій! Ина говора: ничего! И бытъ ина на шутку зъ имъ говора:
ето, говора, мой жанихъ буди! И начилъ шутить изъ имъ, и бытто ца-
ловатца. А ёнъ плача: «чго яна ко мнѣ выжатца? я ёсти хѣчу: а яна
мнѣ ёсти ня дѣе! Отыйди отъ мяне, а то я табѣ кинутой вочи залюю!
Скотина ты!» А коваль ижъ жаной просятъ яѣ, кабъ яна ня утибвалася,
што ёнъ такъ говора на яѣ. Ёнъ тогды заплакавъ, бытто усердился, и
побѣгъ за дверы, за порогъ, и ругаетца на яѣ. А яны за мнѣ устѣдъ.
Ёнъ такъ очыстився; тогды стали сабѣ на дворъ одны, заплакали—и яны
и ёнъ. «Другъ мой, говора: якъ тебе Богъ воротитъ, оттуль?» Ёнъ и
рассказавъ ёй.—«Коли ваша свадьба?»—А вотъ, у ето 'оскрасенныя!—
«Ну, выяжжайтѣ жъ вы, говора, на свадьбу, ш я, говора, нынду къ вамъ
ня устрѣчу!» Тогды прышли царевна домоу и склзали своимъ сестрамъ:
«вотъ, найшовся жъ той, што насъ выявѣ оттуль, который страждавъ
за насъ!» Сестры узридалися крѣико и спляснули руками. Тогды сказала
имъ мовчать, до урэи не казить никому,—покуляка наша свадьба будя!
Тогды, поджыдаючы, ёнъ пошохъ у городскую лизыю, и обмывся и одѣв-
ся у свою 'дѣжу и узьяв свою золотую мечъ, и палку-попирашку на
прымѣту.

Тольки жъ яны ѣдутъ, прыяжжаютъ икъ цѣркви, а ёнъ на устрѣчу къ
имъ да—здраслуй! имъ. Тыя яго похощники началъ утыкать съ понозокъ,
и ихъ тыя жоны да ихъ прыдѣржили.—за ихъ! «Куды жъ ты, говора,
мой милянцкй, отъ мяне утыкаешъ?» Такъ яны ня могли утекти,—усихъ
ихъ побравъ за рѣки. «Вѣрныя, говора, моѣ товариши, да вы ня хочытѣ
со мной поздорѣватца: понышѣли, говора. А имъ ужэ ныхота ня тая
зашла! Воротився и самъ къ цару и дочары. «Здрастуй, царъ наясѣй-
шый!» Познавъ и царъ яго, што ето Удовѣнушка добрый молодець. «Здра-
стуй, здрастуй, Удовѣнушка, добрый молодець!» Дочары къ отцу слѣзно
заплакали: утъ—это той, говдратъ, который насъ поратовавъ отъ зия-

ѣвъ; а ето, говѣрать, бродяги! Ёвъ за насъ страждавъ и свою кровь проливавъ, а яго выдали изъ дружбы, а зъ насъ изругались! Государь скажу: «Удовѣнушка, добрый молодецъ! которуу дочару хочашъ самъ, бяръ за сябе; а другихъ отдавай, хто по дружби табѣ!» Удовѣнушка добрый молодецъ на мѣншай жанився самъ, а другихъ по'тдававъ, кого жѣвъ за дружбу сабѣ. Царь за яго дружбу давъ яму своё царство. И начавъ царствовать, и теперь ёвъ царствуя. А тыхъ вывали у чистая поля и дали ихъ по дванатцать стрѣловъ.

С. Кошелево, рогащ. у. Отъ кр. Псхати Емельянова, 60 лѣтъ, слѣплого съ дѣтства, нишаго.

35. Иванъ Ивановичъ—купецкій сынъ.

Иъ некоторомъ царствѣ, иъ некоторомъ государствѣ, живѣ сабѣ одинъ купецъ богатый. И родився у яго одинъ сынъ на родахъ. И бывѣ ёвъ щасливъ и хорошъ, и пригожъ. И росъ ёвъ не по годахъ, а по часахъ, не по часахъ, а по минутахъ. У навуку подався и навуку скоро пройшовъ. И потомъ пошовъ на прогулянья и узавъ съ собой палочку. Якъ шибуеъ туу палочку, яна якъ полятѣтъ на тридѣвятое царство,— и попала Баби-Юзѣ у ногу. Тогда яна отвѣщаеъ: „ахъ, Иванъ Ивановичъ, не со мной табѣ жартовать: ёсъ Вѣло-пѣля, на Вѣломъ поли стоять ложи на тѣй ложи ляжѣтъ снѣжна панна; у головахъ стоить конь, изъ дубки жаръ фѣъ! Во съ тѣй табѣ жартовать!“ Потомъ ёвъ приходиъ домова и говѣрить: „отецъ мой родимый! ты мяне сплотивъ и выгодувавъ,— пусъти мяне, съ кимъ я хочу жницѣа! Объявилосѣ мѣъ, што ёсъ Вѣло-пѣля, на Вѣломъ поли ляжѣтъ ложи, на тѣй ложи ляжѣтъ снѣжна панна; у головахъ стоить конь, изъ дубки жаръ фѣъ!“ Потомъ отецъ яму отвѣщаеъ: „бярѣ грошай, кольки треба, и лошадей, и садѣсь и побжай!“ Отъ ёвъ узавъ грошай и лошадей, и побхавъ. Ёхавъ ёвъ цѣлый день и обнимаеъ яго тѣмная ночь. Ну, увидѣвъ ёвъ маленьку хатку на куриной ножцы. Захѣдѣтъ ёвъ у ету хатку, тамъ дядокъ маленькій—съ клубочакъ. „Здрастуй, дѣдушка!“—А, здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ! Куды жъ ѣдешъ, куды путь дѣржишь?—«Ѣду, дѣдушка, на Вѣло-пѣля, да не знаю, дѣ Вѣло-пѣля. Ты не знаешь ты, дѣдушка?»—Нѣ, каеъ, не знаю; асли, каеъ, знаютъ—слуги моѣ. Обночуй, каеъ: заутра посмотришь! Ёвъ заночувавъ. Давъ Богъ день, уставъ гетый дѣдъ. Уставъ, якъ свиснувъ—и валить птишки, якъ ёсъ на свѣти, и маленькѣя и великѣя. „Отъ вы, слуги моѣ, каеъ, усюда летаеъ, и по лѣсу и по полю, уси пути-дорожки знаеъ, а ти знаеъ, дѣ Вѣло-пѣля?“—Нѣ, говоритъ, дѣдушка.—не знаеъ! Потомъ ёвъ говѣрить: «ахъ, Иванъ

Ивановичъ, купецкій сынъ! поѣжжай дальшы, не могу, каеъ, — не знаю!»
 Отъ ёнъ усѣвъ и поѣхавъ. Опять день ѣхавъ тожа. Обнимаеъ яго нощъ.
 Приѣжжаеъ ёнъ опять — стоить хатка на куриной нозцы. Тогда ёнъ
 зайшовъ, а у той хатпы дядокъ маленькій, съ клубочакъ. «Здрастуй,
 дѣдушка!» — Здрастуй, Иванъ Ивановичъ! куды ѣдешъ, куды Богъ нясеъ?
 — «А ѣду, дѣдушка, на Вѣло-поля. Знаешъ, дѣдушка, иѣ Вѣло-поля?»
 — Нѣ, не знаю; асли знають — слуги моѣ! Обночуй жа, каеъ, а заутра
 поглядѣй! Давъ Богъ день. Гетый дѣдъ якъ свиснувъ — и валить звярѣ!
 Якъ ёсь на свѣти звярѣ, дакъ усѣ собралісь, и маленькія и вялікія.
 «Ахъ, дѣдушка, говорюць: нѣ, каеъ, не знаеъ, дѣ Вѣло-поля!» По-
 томъ ёнъ говорить: ну, Иванъ Ивановичъ, поѣжжай дальшы, — не знають,
 не вѣдають! Потомъ ёнъ узнова и поѣхавъ. Опять цѣлый день ѣхавъ,
 обнимаеъ яго тѣмная нощъ. И видѣть ёнъ — стоить хатка на куриной
 нозцы. Усходигъ ёнъ у тую хатку, а у тѣй хатпы сядѣть дядокъ малень-
 кій, съ клубочакъ. «Здрастуй, дѣдушка!» — Здрастуй, здрастуй, Иванъ
 Ивановичъ, купецкій сынъ! Куды ѣдешъ, куды путь дѣржишь? — «Ахъ,
 ѣду, дѣдушка, на Вѣло-поля, да не знаю, дѣ яно, гето Вѣло-поля. Ты
 не знаешъ ты, дѣдушка?» — Нѣ, не знаю; асли знаеъ — слуга моя. Ну,
 обночуй, каеъ: заутра знать будеъ усѣ! Ёнъ обночувавъ. Давъ Богъ
 день; отъ, назаутраго дѣдушка вышавъ, якъ свиснувъ — дакъ нашла во-
 болока: тѣмная нощъ — а то ще тягнѣй стало. Тогда ёнъ спрашѣеъ у яе:
 «слуга моя вѣрная, ты не знаешъ ты, иѣ Вѣло-поля?» — «Якъ жа я, ка-
 еъ, не знаю: я тяперъ чаразъ ¹⁾ яго яшла!» — «Ну, каеъ, Иванъ Ивано-
 вичъ, купецкій сынъ, становись на крылышко ей, ина тябе заняеъ на
 Вѣло-поля. Тольки не сказывай, што видѣишь Вѣло-поля. Ина тябе бу-
 деть спрашивать: што Иванъ Ивановичъ, ти видѣишь Вѣло-поля? — отвѣ-
 щай ей, што ня виджу!» Отъ ёнъ ставъ ёй на крылышко, ина яго и по-
 несла. Несла-несла, несла-несла, принесла къ Вѣлому полю. «Иванъ Ива-
 новичъ, ти видѣишь Вѣло поля?» — Нѣ, ня виджу! Ина ще пронесла тро-
 ху. «Иванъ Ивановичъ, ти видѣишь Вѣло-поля?» — Нѣ, каеъ, ня виджу!
 Пронесла яцѣ трошки и спрашѣеъ у третій разъ: «Иванъ Ивановичъ,
 купецкій сынъ, ти видѣишь Вѣло-поля?» Яму здаеъца, што ёнъ ш-
 нувъ, проходить Вѣло-поля, дакъ ёнъ говорить: виджу! Ина й спус-
 сѣтила яго. И спусѣтила у такія мѣхи, у болоты, што не самому
 пройти, ни коня провесѣть. Ишовъ ёнъ, яшовъ, выбрався на Вѣло-поля.
 Увидала яго гета панна и говорить: «здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивано-
 вичъ, купецкій сынъ!» — Здрастуй, здрастуй, говорить, панна! — «Ахъ, го-
 ворить, я давно тябе поджидала, лѣлѣви дождала!» — А я давно ѣду.

¹⁾ Граница твердаго и мѣкаго р.

ледьви-ледьви доѣхавъ до тебе! Ну, потомъ яны попили, посовѣтували и пераночували. Давъ Богъ день, яна тогды сячасъ—посовѣтували тожа йзновъ,—тогды саѣйтца на тую лошадь на свою, што зъ лубки жаръ ѣсь, и говорить: я жъ поѣду на прогуляння, а ты усюдахъ ходи, тольки у водно мѣсто не ходи,—у тую комлату, што двери г-мъ замазаны, лычкомъ завязаны,—туды не ходи! Сама сѣла на коня и поѣхала. Конь тѣй поверхъ лѣсу поднявся и пошовъ по вѣтри. А ёнъ остався ходиць безъ яё, и не пошовъ туды. Потомъ яна прѣѣжаеъ увечарѣ, ну попили, поѣли, посовѣтували, опять пераночували. Давъ Богъ день, яна саѣйтца на гету лошадь: «ну, говорить, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ, содиржи свой день опять: не ходи туды, кѣѣ табѣ не показано. А я поѣду на прогуляння!» Отъ ёнъ день ходивъ, ходивъ, а стѣрливъ. Отъ яна прѣѣжаеъ увечарѣ. «Ну, хорошо, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ, сутри-ваеъшъ свой сумлѣння хорошо!» Опять попили, погуляли, посовѣтували и заночували. Назаутраго давъ Богъ день, яна онѣ такъ жа само: ну, Иванъ Ивановичъ, я поѣду на прогуляння, а ты судержай опять свой сумлѣння! И поѣхала. Ёнъ ходивъ, ходивъ, а удругъ такъ съ повдня, подъ вѣчарѣ, самъ на себе думаетъ: «што жъ я усюдахъ хожу, усё вѣдаю, а тамъ я не могу знати, што тамъ дѣста?» Ёнъ приходить туды, посмотрѣвъ, ажъ тамъ поганый Кощей на ланпугу привязанъ! Потомъ ёнъ отвѣщаеъ, якъ засмотрѣвъ яго: «а адрастуй, адрастуй. Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ!»—«Адрастуй, каеъ.—Пожалуйтъ, Иванъ Ивановичъ, спусьтѣ мяне зъ естаго мѣстѣ, а тебе дѣрую трей смертѣми!» Ёнъ сабѣ надумався, такъ постоявъ сабѣ—надумався: «охъ, мой Богъ! гето жъ я довго житъ буду на свѣти: трежа смертѣми дѣруеъ! Спущу!» Узявъ двери отвязавъ и яго спусьтѣвъ. Якъ яго спусьтѣвъ, ёнъ—якъ яна ѣхала съ прогуляння—обнявся зъ ёй, а сѣвъ и стали гулять. «А ты, говорятъ, Иванъ Ивановичъ к. с., ня суйся къ намъ, бо яна моя!» Потомъ яна, панна гета, отыйшлася отъ яго (Кощей) и накормила яго, (Ив. Ив-ча) и дала яму мѣй-со, дѣвочувать. Потомъ пераночували, давъ Богъ день, ёнъ уснувъ, гетый поганый Кощей. Ёнъ тогды яё на свою лошадь и давай утекать. У поганого Кощей бывъ соколъ и соболь. Отъ гетый соколъ засвиставъ, соболь завывъ, а конь зарзавъ. «Ты, вовча мясо, чаго ржешъ? А ты, песься мясо, чаго выпешъ? А ты, совино перья, чаго свипешъ?»—«А чаму жъ пажъ, каеъ, не рзати и ня выгъ. и не свистаъ, коли нашѣ паныи нема!»—«Ну, ничего, каеъ: догонимъ. отбирожъ,—будетъ наша!» Ёнъ усѣвъ на лошадь и догнавъ. «Ну, Иванъ Ивановичъ, первую смертъ тыбе даровавъ, большы, каеъ, ня суйся, бо я тебе убью!» Отъ ёнъ яё узявъ и поѣхавъ. А ёнъ назадъ вѣдетца съ конѣмъ. Отъ яна замѣтила яго, йзнова дала яму мѣйсо, накормила яго, ёнъ обночувавъ. Давъ Богъ

день, ёнъ, Кошей поганый, опять уснувъ. Тогда ёнъ за яё, и увёзъ. Тогда соколъ засвиставъ, соболю завывъ, конь зарзавъ. „Чаго ты, вовча мясо, иржэшъ? А ты, песься мясо, чаго вынешъ? А ты, совино перья, чаго свищешъ?“—Якъ жа нашъ не рзать, ня выть и не свистать, коли нашія панны нема!—«Ну, ничего: догонимъ, отбярёмъ!» Удругъ садитца на гету лошадь, и догоняеть яго. Догнавъ и отобравъ. „Ну, помни жъ, говорить, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ, што я табѣ двѣ смерти даровавъ! Боли ня суйся ко мнѣ, бо я тебе убью!“ А цѣтомъ, якъ схвативъ яё, такъ и полятѣвъ. Ёнъ за ёй тожи опять привёлся. Яна яго усмотрила, што ёнъ опять ёсь, тогда яна яго накормила, напоила, опять жѣйско дала—ночуй! Отъ ёнъ переночувавъ. Давъ Богъ день, Кошей поганый заснувъ. Тогда ёнъ яё узавъ и поѣхавъ. Отъ соколъ засвиставъ, соболю завывъ, конь зарзавъ. „Ты, вовча мясо, чаго ржэшъ? Ты, песься мясо, чаго вынешъ? Ты, совино перья, чаго свищешъ?“—А чаму жъ нашъ не рзать, и ня выть и не свистать, коли нашія панны нема!—„Ну, ничего, догонимъ отбярёмъ! Сѣвъ на гету лошадь и догоняеть яго. Догнавъ, сичасъ и отобравъ. «Ну, касть, помни, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ, што я тебе посѣдъней смертю даровавъ,—болшы ня суйся, бы уже забью!» Ухвативъ яё и поѣхавъ.

Ну, а Иванъ Ивановичъ купецескій сынъ забивъ свою лошадь, вѣдомо, приставъ, сусимъ—утекавъ. Тогда ёнъ чуть видѣти зъ ёй, ажны лятить воронъ изъ свонни дѣтymi. «А, здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ, купецескій сынъ!»—А, касть, здрастуй!—«Будь ты, касть, ласковъ,—покорми мою силу: много лятѣть, и шѣ далѣко лятѣть. Я за твою доброту удружуся табѣ у потреби!» Ёнъ узавъ гетого коня кинувъ. Крукъ гетый налитався, подѣбъвъ и полятѣвъ. А ёнъ и попомъ сажъ туды опять. Яна яго уберегла, што ёнъ ёсь, опять припомъ, тогда имъ дала—покормила яго, дала жѣйско. Переночували. Давъ Богъ день, Кошей поганый уснувъ. Ёнъ узавъ яё и повѣвъ. Пѣтомъ соколъ засвиставъ, соболю завывъ, конь зарзавъ. Ёнъ пропнувся. „Ты чаго, вовча мясо, иржэшъ? А ты чаго, песься мясо, вынешъ? А ты чаго, совино перья, свищешъ?“—Якъ жа нашъ не рзать и ня выть, и не свистать, коли нашія панны нема!—«Ну, ничего, догонимъ, отбярёмъ!» Сѣвъ на коня и догоняеть ить. Яё ухвативъ, а яго якъ ударивъ, дакъ ёнъ и рассыпався,—убивъ яго.

Пѣтомъ гетый крукъ, идѣ бывши, лятить суды, „Ахъ, говорить, Иванъ Ивановичъ, купецескій сынъ! Я жъ табѣ казавъ: ня суйся суды, получишь смерть! Пѣтомъ узавъ свою силу и думаетъ: «што зъ имъ рѣбить? треба яго отживить! Ну, касть, надо, касть, живущія, касть, и гоющія воды достать!» Отъ ёнъ узавъ, свойму дѣтѣнку плямачки подвязавъ подъ крылья. Гетый узавъ и полятѣвъ. Тамъ бовтонувся, зачѣринувъ гоющія

воды и живущія, и полятѣвъ. Покуль ёнъ прилятѣвъ, дакъ яны яго зложили умѣсто, якъ бывъ ёнъ. Пѣтомъ прилетаеъ гетый кручанѣкъ, приносѣтъ водѣ живущую-гоущую. Узали, полили гетой водой гоущай—згоився, живущай—отжвився. Бывъ молодець, а то ще получчавъ. Пѣтомъ ёнъ говоритъ: ахъ, говорѣтъ, якъ я довго проспавъ! А крукъ ямѣ отвѣщаеъ: „ну, говоритъ, Иванъ Ивановичъ, купеческій сынъ! Ина будѣтъ рада, што убачѣтъ тябе, шго ты пришовъ, а ты спроси у яе, отъ кого ёнъ такого коня маеъ, што ня можно отъ яго, ня можно утѣчь!“ Гето уже поганатаго Коцея. Ну, пѣтомъ ёнъ приходѣтъ туды, ина: ахъ, слава Богу, говоритъ, што тябе Богъ воротивъ! Якъ тябе Богъ воротивъ? —Ну, я уже табѣ сказаватъ ня буду,—якъ воротивъ, да воротивъ! А вотъ, говоритъ,—скажи ты мнѣ, паниа, отъ кого ёнъ етакого коня маеъ, што отъ яго ня можно никомѣ утѣчь? Ина яму отвѣщаеъ: «вотъ, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ: ёсь на тридѣвятомъ царствѣи Баба-Юга; а у яе ёсь дѣвятъ кобылъ. Дакъ хто три дни спасѣтъ, такого коня будѣтъ мѣтъ!» Отъ, ёнъ туды и пошовъ.

Тогды идѣтъ ёнъ первымъ довгомъ чаразъ ракѣ—идѣтъ рѣчка сильная дужа—ажны ли рѣчки плещѣца рыбка. Пѣтомъ яна отвѣщаеъ: ахъ, Иванъ Ивановичъ, купеческій сынъ, укинъ мяне у водѣ: я табѣ при злой години знадобаюсь! Ёнъ яе узавъ, укинувъ у водѣ, и пошовъ. Идѣтъ ёнъ, ажны два вѣтки бѣютца за одну костку. „Ахъ, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ,—подѣли ты нашь гету костку!“ Ёнъ узавъ гету костку и подѣливъ ихъ. Ины зѣли костку и побѣгли. И ёнъ пошовъ. Ишовъ, ишовъ,—идѣтъ по лясѣ; лѣеъ такей буйней! Ажны два шаршны бѣютца за одно дуплѣ. „Ахъ, каеъ, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ!—подѣли нашь дуплими! Мы табѣ при злой години знадобимся! Ёнъ тогды узавъ, одного покинувъ у гетомъ дуплѣ, а другого занѣеъ у другоа. А самъ и пошовъ. Приходѣтъ туды, къ гетой Баби-Юзѣ, што на тридѣвятомъ царствѣи живѣтъ. Тогды ина отвѣщаеъ: а здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ, здрастуй, купецкій сынъ! Ну, што жъ ты ко мнѣ пришовъ, коній цасѣвить? Вотъ спасешъ три дѣньки, возьмешъ коника на выборъ! Отъ, ёнъ заночувавъ. Давъ Богъ дѣнь, ина тутъ што-нибудь ямѣ їеъти приготовила; сама узала зялѣзныхъ прутѣвъ пукъ и пошла ихъ наказуватъ. А у яе была нявѣстка. То жъ, яна—змѣя, а нявѣстка Богу вѣрила. То жъ нявѣстка отвѣщаеъ: „ахъ, говорѣтъ, Иванъ Ивановичъ: коли хочѣтъ достатъ што-нибудь, дакъ неколи дужа їеъти: послухай, дѣ ина имъ скажѣтъ ховатца!“ Отъ ёнъ послухавъ. Яна говорѣтъ: ховайтеся по бохотѣхъ (варъ широкій) у ракѣ, кабъ ёнъ васъ не нашовъ, кабъ къ вечару у дворъ не пришовъ! Потомъ ина убѣгдѣтъ у хату, ёнъ обѣдаеъ. „Ахъ, каеъ,—што жъ ты, каеъ, Иванъ Ивановичъ, ня скоро яси?“ Нявѣстка

отвѣщаетъ: якъ же яму скоро ѣсть, ѣнъ давно зъ двора, ни ѣвши: у яго ўроди попорѣлося отъ сухого хлѣба! Потомъ яна выправляетъ яго у поля, гнать кобыль. Дадѣть яму сыру сопливаго, хлѣба драмливаго. Потомъ ѣнъ якъ вышавъ, яна ворота отчинила, яны якъ вырвались—поверхъ лѣсу и полятѣли,—только ѣнъ ихъ и видѣвъ! Потомъ ѣнъ и пошовъ. Ишовъ, ишовъ, няного пройшовъ, захотѣлось яму дужа ѣсь. Ёнъ узавъ, гетый сыръ зѣвъ, хлѣбъ зѣвъ,—лѣгъ и заснувъ. Якъ спи, дакъ спи—до самаго вечара. Прошнувся, идѣть и плачѣть. Идѣть коло рѣчки, гета рыбка тропъ-тропъ! „Чого, Иванъ Ивановичъ, купецкій снитъ, плачешъ?“—Ахъ, говоритъ,—кобыль своихъ утратилъ!—«Ня бойсь, каеъ, не утративъ: стой, говоритъ, наперадѣ!» Отъ яна, гета рыбка, якъ шавольнулася, якъ стрепанулася, только спросила, дѣ яна приказала ховатца. Якъ собрала свою силу, якъ зачалъ трепетатца, зачала трепетатца—и выгнала гетыхъ кобыль изъ воды! Потомъ ѣнъ пригоняетъ домовъ гетыхъ кобыль. «Ну, говоритъ, хорошо, хорошо, Иванъ Ивановичъ, к. н.! Отъ, спасешъ три дѣньки, возьмешъ коника на выборъ!» Ну, ѣнъ заночуавъ. Яна яму ѣсти тутъ дала.. Нераночуавши, назаўтраго, давъ Богъ день, яна удругъ яму ѣсти дала, а сама узала зилѣзныхъ прутовъ подъ паху пукъ и пошла наказувать ихъ. Нявѣстка отвѣщаетъ: ахъ, Иванъ Ивановичъ, к. с.! коли хочешъ што достать, дакъ иди послухай, дѣ яна казала ины ховатца! Ёнъ пошовъ послухавъ. Ина наказуеъ: што ховайтеся по мхахъ, по болотахъ! Пошовъ ѣнъ, гето послухавъ, сѣвъ—опять обѣдаеъ. Ина приходитъ у хату: «ахъ, што же ты, каеъ, Иванъ Ивановичъ, наскоро яси! А нявѣстка отвѣщаетъ: якъ же яму скоро ѣсти, коли у яго у роти усѣ попорѣлося, отъ сухого хлѣба! Ну, тогда даеъ ина яму сыру сопливаго, хлѣба драмливаго и выправляетъ уже у поля: ну, ступай же пасывить уже! Ворота отчинила, яны якъ вырвались, поверхъ лѣсу и полятѣли. Только ѣнъ ихъ и видѣвъ! Потомъ ѣнъ ишовъ, ишовъ, якъ захотѣвъ ѣсти! Зѣвъ гетый хлѣбъ, гетый сыръ—такъ лѣгъ и заснувъ. Якъ спи дакъ спи—до самаго вечара. Прошнувся—нема кобыль. Отъ ѣнъ идѣть и плачѣть. Ажны бжигить вовкъ: «чего, Иванъ Ивановичъ, к. с., плачешъ?»—Ахъ, каеъ,—кобыль своихъ утративъ!—«Ну, ничего; стой наперадѣ, пилнуй,—пригонимъ!» Гетый вовкъ якъ заскуголивъ, завывъ, собравъ свою силу. Пошовъ по мхахъ, по болотахъ, кобыль стыхъ и выгнавъ. Ёнъ пригоняетъ ихъ у дворъ. «А, здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ! Отъ, хорошо: два дѣньки спасывивъ, третій якъ спасывивъ, возьмешъ коника на выборъ!» Ну, дала яму ѣсти што нибудь; ѣнъ подѣвъ и заночуавъ. Давъ Богъ день; яна дала яму сѣдаты. а сама зилѣзныхъ прутовъ пукъ подъ паху и пошла ихъ наказувать. Тожъ нявѣстка яму говоритъ: «ахъ, говоритъ, Иванъ Ивановичъ, к. с.: коли хочешъ гето достать, дакъ иди

послухай, куды ина имъ скажетъ ховатца!» Ёнъ пошовъ, ажны ина имъ кажетъ: што ховайтеса по дупляхъ, по 'синьинку, по дупляхъ! Ну, добро. Сама уходитъ у хату, а ёнъ ёсь. «Ахъ, каеть, якъ ты няскоро яси!» А нявѣстка отвѣщаеть: яму жъ, каеть, ня можно скоро ёсьти: у яго ў ротѣ усё попортилось за дорогу отъ сухого хлѣба! Ну, тогда даёть ина яму сыру солливаго, хлѣба драмливаго и выправляеть пасъвить. Отчалила ворота, яны якъ вырвались—поверхъ лѣсу и полягѣли. Только ёнъ ихъ и видивъ. Ну, пошовъ ёнъ услѣдъ. Ишовъ, ишовъ, и захогѣвъ ёсьти. Отъ ёнъ сыр тэй зѣвѣ, хлѣбъ зѣвѣ,—якъ лёгъ, дакъ и заснувъ. Прошнувся, ажны уже сонца заходинъ. Отъ ёнъ идеть и плачеть. Гетый шарстѣнь лятить и сираинѣть: „Иванъ Ивановичъ, к. с.: чаа ты плачешъ?» А ёнъ говорить: чаму мнѣ не плакать, коли я своихъ кобыль утративъ!—«А дѣ ина казала имъ ховатца?»—А по лѣси, по дупляхъ, по 'синьинку! Гетый шарстѣнь свою силу якъ гукнувъ, загудѣвъ, ставъ щипать, иѣдомо уже, кусатца—и выгнавъ ихъ. «Ну, стой, каеть, Иванъ Ивановичъ, напѣрали,—пригонимъ!» Отъ ёнъ и пригнавъ ихъ у дворъ. Ина: «а здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ, к. с.! Отъ, хорошо! Три дѣяпки спасъвить,—возьмешъ коники на выборъ! Дала яму ёсьти чаго нибудь, а сама попла. Нявѣстка отвѣщаеть яму: «гляди жъ ты, каеть, Иванъ Ивановичъ, к. сынъ: ёсь у куточку у стайни маленькій жарабѣночакъ, няпопый, недолужный уже. Дакъ яна съ усикъ хорошихъ коніи силу отбирѣтъ, да на яго, одному ямѣ. Гляди жъ, каеть,—ина тебе будетъ отбивать: бари, каеть, хорошаго, сидешъ и поѣ(ешъ)! А ты ня слухай, возьми маленькаго. Что ли тебе будетъ лучши хорошаго!» Ну ёнъ пошовъ у конюшны, узавъ гетаго жарабѣника малаго и нядѣтъ. А ина убачили: «ахъ, говорить, Иванъ Ивановичъ! Якій ты чаловѣкъ худый, нябразовиный,—узавъ такого коня! Ты жъ ба узавъ хорошаго, кабъ усѣвъ и поѣхавъ!» А ёнъ отвѣщаеть: ну? у насъ бывъ якій уговоръ: на выборъ коня брать? Я ѡ узавъ на выборъ по своей любви, ко-
торый мнѣ улюбился, такого я и узавъ!»—«Ну, нѣчаго дѣлатъ!» Ёнъ яго ѡ поѣвъ.

Якъ вѣсьти, дакъ вѣсьти, якъ вѣсьти, дакъ вѣсьти—обнимаеть яго тѣмная ночь. Ёнъ узавши, тямлышко высѣкъ, разложивъ, и сѣвъ,—занокувавъ. Тогда жарабѣнекъ гетый отвѣщаеть ямѣ: хозяинъ мой вѣрный, пусъти мяне покатаца по мянтузной (вѣр. искаженное: зямчужной. Мянтузъ въ южномъ говорѣ—названіе рыбы налима) росѣ, по шавковой травѣ! Ёнъ яго пусътивъ. Коня узавъ, покатався, покатався, и поѣгъ назадъ. А ёнъ перанокувавъ: назаўтраго давъ Богъ день, сонца узыйшло, а яго нема. Ёнъ и сумився. Пѣтожъ бяжигъ гетый коня, подъ имъ земля дрыжить, и по сянѣй копѣ зямлю копытами вороцаеть: «хозяинъ мой вѣр-

ный, бири, касть, вѣди мяне, я ще тѣбе не звязу—у мене сила не уся!» Яны вяли, вяли, День. Обнимають ихъ тѣмная ночь, ёнъ тыплышкѣ выськѣ, разложивъ и заночувавъ. Жарабѣючы гетый отвѣщають: хозяйнѣ мой вѣрный, пусьти мяне покатацца по мянтузной росѣ, по шавковой травѣ! Ёнъ яго пусьтивъ. Узавъ тѣй конь, покатався, покатався и побѣгъ назадъ. Назаўтраго давъ Богъ день, уже сонца обўтрало порадошно,—нема яго коня! Ёнъ сѣдѣть ли тыплышкѣ и сумився. Ажъ бѣжить яго конь, ажны земля дрыжить и по пѣболышавъ копыкѣ зямлю копытами ворочають. «Хозяйнѣ мой вѣрный, бири мяне, вѣди,—я ще тѣбе не звязу: сила моя не уся!» Ёнъ яго узавъ и повѣлся. Вяци, вяци—цѣлый день. Обнимають ихъ тѣмная ночь. Ёнъ тыплышкѣ выськѣ, разложивъ, и заночувавъ. Конь гетый отвѣщають: хозяйнѣ мой вѣрный, пусьти мяне покатацца по мянтузной росѣ, по шавковой травѣ! Ёнъ яго пусьтивъ. Тѣй конь покатався, и побѣгъ назадъ. Назаўтраго, давъ Богъ день—нема яго коня; уже й сонца обўтрало—нема; агѣ—большоя ранняя уже,—нема коня; уже й подъ повдия сонца—нема коня? Ажны ёнъ къ повдню бѣжить, ажъ земля дрыжить, и по цѣлому стогу зямлю копытами ворочають. «Ну, касть,—вѣ тыперъ, хозяйнѣ мой вѣрный, выри у мене съ персѣти триждыдевѣять персѣти, и сѣдись на мяне, поѣдемъ! Тогда ёнъ 'яго вырвавъ съ персѣти трижды-девѣять персѣти и сѣвъ на яго и поѣхавъ: 'вѣ тыперъ, касть, моя уся сила! Вотъ, хозяйнѣ мой вѣрный: якъ мы прѣдемъ, будегъ ина намъ рада. И спроси ты у нѣ, кабъ ина узала тѣй платокъ, што съ поганымъ Коцсемъ на вѣлицы стояла!» Отъ, якъ ёнъ прѣхавъ, дужа яна была ему рада. Ёнъ ёй сказавъ, кабъ ина узала тѣй платокъ, што съ поганымъ Коцсемъ на вѣлицы стояла. Ну, тогда нѣ узавъ и повѣзъ. С'ичасъ конь зарзавъ, соколъ засвиставъ, соболь завывъ. Ёнъ пропнувся: ты чаго, вовча мясо, иржешъ? А ты, пѣсься мясо, чаго вѣнешъ? А ты, совино перья, чаго свищешъ?»—А чаму намъ не рзѣть, и ня выть, и не свистѣть, коли нашѣя панны нема!—«Лѣтъ можно бытъ? Я жъ яго убивъ, разбивъ на дробный макъ!»—Нѣ, касть,—живъ!» «Ну, ничего, касть—отбиромъ!»—Нѣ, касть, не 'тбироушъ! Отъ ёнъ сѣвъ и поѣхавъ. Гетый конь поднявся високо, што купецкѣй сыгъ ѣдетъ изъ ёй уже, съ панной зъ естой, а тѣй—Коцея, ще вышай! Гетый конь, Ивана купецкаго сына, отвѣщають: «подняжись повышы мяне и страханись,—объ сырую зямлю яго ударъ, ничистую силу, кабъ ёнъ разбивъ! А мы съ тобой будемъ умѣсьти жить!» Отъ ёнъ якъ поднявся вышай яго, страхануся, ударивъ поганого Коцея объ сыру зямлю—разбивъ яго на крошки, дробитѣя мѣку!

Отъ яны усѣли одинокъ на 'дного, а другѣй на другого, и поѣхали. А яму достався и соколъ и соболь, усѣ уже яго—што усѣ доставъ, на чомъ

належавъ. И поѣхавъ къ батьку и стали жить-поживать, добра наживатьъ.

И и тамъ бывъ, мѣдъ-вино пивъ, по бороѣ тькло, у роти ня булѣ. Дали мнѣ пирогъ—я за порогъ; дали мнѣ смыкъ—я подѣ ворота пмыкъ.

С. Высокое, орш. у. Записано мною отъ кр. Якова Игнатьева, 76 лѣтъ, негр. Внѣ предѣловъ своей губернии не былъ.

36. Удовины сыны.

Живъ сабѣ царь, и було у яго тры дочары. Выходють первой дочары годы замужъ отдавать; и пріяжжають къ ёй сваты. А яна гувора: «батьшка, гувора: што жъ вы мяне замужъ отдайтѣ—никакихъ работъ я ня вѣдаю: купитя менѣ шовку краснаго и дайтя мнѣ домъ чистый, спокойный, кабъ я училась усихъ работъ!» Тяперъ яѣ у етый домъ отправили. Зѣй, откуль бывшы, домъ разбивъ, и яѣ узывъ и понѣсъ съ собой. Горували, горували яны, и остались тѣкъ, безъ усыго. Тяперъ, и другой дочары—напоготови замужъ отдавать. Икъ той дочары сваты прыѣхали, и тая отпу кажа: «што жъ вы мяне отдайтѣ,—я никакихъ дѣловъ ня вѣдаю!» И такъ само: «купитя менѣ шовку чорнаго и отправтя мяне у вучебный домъ!» И отправили яе. Зѣй опять прилѣтѣвъ, узывъ дѣвуку и понѣсъ съ собою. Яны горували, горували, и ничѣго. Тяперака нышли годы третей дочары замужъ отдавать. Пріяжжають сваты по туу дочку, а яна гувора отпу: «што жъ вы мяне отдайтя у люди, коли я никакихъ работъ ня вѣдаю? Купитя менѣ бѣлаго шовку и отправтя мяне у вучебный домъ!» Ну, отправили яе у вучебный домъ, а зѣй, откуль бывшы, разбивъ домъ и яѣ узывъ съ собой. Тяперъ, яны горують, и мать и отецъ, што были тры дочары, и нямъ нивѣдныя. Яны давай горувать, давай прослужать по усимъ бѣлымъ свѣту. И просивъ усихъ разныхъ народовъ, кабъ нѣ тольки знайтить, ти живыхъ ти мѣртвыхъ. Собрались Удовинны сыны къ обѣду и говорятъ мижъ себе такъ: меньшый гувора братъ: я. гувора, знаю, дѣ яны и могу ихъ воротить! А нящя, значитца, ходють и разсужають етыхъ дѣловъ. Смычасъ и доложили аппаратору налпшно: «искажавъ Удовинный сынъ младшій: я знаю и могу ихъ воротить!» Такъ ихъ аппараторъ спрашуетъ у свой домъ, и донрашуютъ ихъ: братьгя, гувора: скажытя, гдѣ моихъ дочакъ, ихъ можно достать? Ёнъ отвѣчаа: ваша царское вѣличаство: кабъ лошади намъ хуршія були, и кабъ меньшаму брату, Удовиному сыну, була булава у сямнанцѣ пудовъ, сярѣдньому брату кабъ у двананцѣ пудовъ, а большаму девѣть пудовъ! Тогда, лошадей собрали, булавы узали и выезжають съ царскаго двора.

Ёнъ, Удовинный сынъ и гувора старшѣму брату: шибай, гувора, свою булаву! сколько улятить, столько намъ до пошлегу ѣхать! Ёнъ швырнувъ, яна и загрѣбла. Потѣхали яны услѣдъ за ёю и цѣлый день, до самой ночи ѣхали. Ну, обночилися тутъ, заночавали коло яе. Тогда, назаутраго, устають, помылися, Богу помолилися, опять жа сярэдній братъ бярэ ету свою булаву и шибнѣвъ путѣмъ, куды ѣхать имъ. И узновъ цѣлый день ѣхали за булавою. Приѣхали къ булавѣ и заночавали. Ну, заночавали, назаутраго устали. Богу помолилися,—опять жа ужэ меньшый братъ бярэ ету свою ужэ оружью—булаву и шибая у свой путь, куды имъ ѣхать. Опять ѣхали цѣлый день до етыя до оружьи, нашли булаву, и коло булавы ужэ пошлегу имъ. Тогда, назаутраго, устали, помылися, Богу помолилися, опять потѣхали у свой путь. Прямжають яны у повдни у городъ: стоить городъ за калиновымъ мостомъ. И такъ, городъ буди на-право, а налѣво стоить тры домъ: одинъ домъ красный, другіи чорный, а третій бѣлый. Тянеръ и гувора меньшый братъ Удовинъ сынъ: братія, гувора: прыѣхали у городъ—пить и гулять, и расплачаватца якъ слѣдуя быть! Добыли до вечара у городи, меньшый братъ гувора большому: братъ, гувора: иди, братъ, ночавать подъ етый мостъ потъ калиновый, и гляди строго, што буда! Ёнъ пошовъ сабѣ подъ мостъ ночавать, помолился Богу и лёгъ спать подъ мостомъ. Етому жъ брату меньшому, Удовинному сыну, неколи ждать, а услѣдъ за имъ пошовъ повѣрять. Етый сабѣ спить своимъ порядкомъ, а етый на мосту стоить на калавуры. Такъ сычасъ у повночь ёди шѣи чатырохъ-голівный. Подъяжжаа къ мосту, сычасъ собака забрѣзавъ, конь зарзавъ, соколъ зыцвинѣвъ. «Стои, гувора, песься мясо,—ня ржы, а ты, песь, не браны, а ты соколъ, ня павили: што я у свѣти никого не боюся, а боюся одного Удовинаго сына. Дакъ яго скуды воронъ косъты не занясе!» А ёнъ скажуа: ня воронъ косъты молотца заноса, самъ молодецъ по своей охоти ходя!—«Ты тутъ, гувора, Удовинъ сынъ?»—Тутъ, киха.—«Ну штожъ, гувора: будомъ битца, аи мырытца?»—Проклятый, гувора: я не прыѣхавъ съ тобой мырытца, прыѣхавъ тебе соусимъ убить!—«Дуй токъ!» гувора.—Ты дуй, проклятый! Ёнъ дунувъ—сярэбраный токъ здѣлать: а Удовинъ сынъ дунувъ—золотый токъ здѣлать. Ну, тогда давай битца яны. Билися-билися, и Удовинъ сынъ яго збикъ, и головы етыя позбивавъ и поскидаванъ у во-гнянаю рѣчку. Лукавыи жа ёзда по рѣццы, побираа еты головы у лотку. А ёнъ пошовъ сабѣ на хватуру свою и лёгъ спочивать богатырскыиъ своимъ. Приходя братъ, пераночававшы, съ подъ моста опять жа на хватуру. Ёнъ спрашуа: братъ, ти выдавъ ты што, ти ня було приторѣчества табѣ якого ноччы?—Ничѣго, братъ, ня було: ночававъ спокойно!.. Ну, днемъ погуляли, попили, побѣли, у городи походили,—дожыдаютца другой ночью

Ужэ. Посылаа Удовинъ сынъ сярэдняго брата на калиновый мостъ, на 'гняннаю рэчку, и приказуа яму: гляди, братъ, построжэй! И ёнъ яму вёра, — опять услѣдъ пошовъ. Той жа братъ прышовъ, подъ мостомъ и лёгъ спать. Ну яму спать неколи — стоять на стурѣжы на мосту. Во полночь ёдзя тожа сляголовный змѣй на лошаду, — коло яго хортъ и соколь. Яны узьяжжають на мостъ — конь зарзавъ, хортъ забрахавъ, а соколь зацвилывъ. «Стой, гувора, песься мясо, ня ржы, а ты хортъ, не брашны, а ты, соколь, не цвили: што я не боюсь у свѣти никѣго, только боюсь одного Удовинаго сына. Дакъ яго суды воронъ косыти не занасе!» Ёнъ жа кажа: ня воронъ кѣсьти молотца заноса, молодецъ по 'хоти самъ заходя! — «А ти тутъ ты, Удовинъ сынъ?» — Тутъ, гувора. — «Ну, будомъ битца, ай мирытца?» — Нѣ, проклятый, не за тымъ я прыѣхавъ, кабъ мирытца, а затымъ, кабъ тебе соўсимъ убить! Дни токъ!.. Ёнъ дунувъ — сярэбраный токъ здѣлавъ на пять вёрстъ, а Удовинъ сынъ дунувъ — позолотивъ. Тяперъ давай битца лны на мосту. Удовинъ сынъ яго збивъ, сколотивъ, и головы яму позбивавъ и ў вогняннаю рэчку поўкидававъ. А лукавый опять по рэццы ёдзя да головы егыха збираа. И пошовъ Удовинъ сынъ опять на свою хватуру, а брата ня будивъ, тамъ и кинавъ подъ мостомъ яго. Прыходя братъ опять на ету хватуру, дѣ лны значытца хватиропали, ёнъ и спрашуа: што, братъ, ты ня було прыторочаства табѣ якога? — Нѣ, братъ, ничѣго ня було!.. Пили десь, бясѣдовали, гуляли, дожыдаютца трэтьця вочы. Отправляетца Удовинъ сынъ самъ ужэ на стражу, а ихъ оставляа на хватуры и приказуа имъ: «отъ, братцы, слухайти муйго прыказа!» Ставова имъ стыканъ воды сярэдѣ стола. «Братцы, гуляйця, ня спитя! Што коли стыканъ повянъ будя, тѣразъ потича вода, дакъ якъ можно бяжыця ко мнѣ, поспяшайця на калиновый мостъ, на 'гняннаю рѣку!» Сказавъ имъ етакъ, а самъ и поѣхавъ. Во полночь прыжжжаа на калиновый мостъ змѣй — дванацать головъ — на конѣ, и пѣсъ при ёмъ и соколь. Сычасъ конь зарзавъ, собака забрахавъ, соколь зацвилывъ. «Стой, песься мясо, ня ржы, а ты, пѣсъ, не брашны, а ты, соколь, не цвили! Што я ў свѣти никѣго не боюсь. Ё Удовинъ сынъ, и того не боюсь; да й яго, гувора, воронъ косыти не занасе!» А ёнъ гувора: да ня воронъ молотца заноса, самъ по 'хоти молодецъ заходя! — «А ти ты тутъ, Удовинъ сынъ?» — Тутъ, гувора. «Ну што жъ: ти будомъ битца, ти мирытца?» — Нѣ, гувора, някайный: я прыѣхавъ убить тябе! — «Ну, дуй токъ!» — Нѣ, ты дуй, някайный! Змѣй якъ дунувъ, на десять вёрстъ выдунъ сярэбраный токъ, а Удовинъ сынъ дунувъ — позолотивъ. Ну, и битца. Давай битца, давай битца, бились-бились, бились-бились, змѣй убиваа етаго Удовинаго сына. «Эхъ, лукавый, гувора: цары-короли

бьютца, отдыхъ дають,—пора и намъ, гувора, отдыхнуть!» Убивая, бачъ яго. Тогда, сынаа колцо съ правыхъ руки съ своѣ, и пусьтивъ у горѣдъ, у етый домъ, прямо у хватуру свою, и збивъ домъ етый по вѣкны своимъ колцомъ. Прошынаютьца браты яго, а ужъ съ етаго стыкана не вода, а кровь ужъ тѣразъ пошла—што ёнъ становивъ нѣкъ. «Эй, братъ, гувора: яма нашего Удовиного сына, рѣднаго брата!» И увхвалили свою оружью и побѣгли кольки-силъ на калиновый мостъ, на 'гнийнаау раку. Прибѣгають удвинъ, а Удовинъ сынъ третій, и узали бить яго. Позбивали головы уси и у вогианнаау раку поскідали. А лукавый головы збираа, у човни тѣдучы, подъ мостоу. Такъ тыа пошли на свою хватуру уси, уси троя: вотъ тяперъ, гувора, пойдомъ, братцы, парськихъ дочакъ шукать! Приходятъ къ чорному дому утронъ. Ёнъ и гувора на бѣльшаго брата: вотъ, братъ, гувора,—тутъ твоя царская дочь и жана твоя буда! Ёнъ, гувора, вуроты своей збруй! Ударивъ тѣй братъ яго ворота своей збруй, дакъ замки на зворохнулись. Тогда Удовинъ сынъ правитивъ, меньшій, якъ ударивъ—дверы и замки посыпались уси. Приходятъ на самый вышній атажъ—царевна садить у стули и ланцугѣтъ яе замкнуто кружкѣ. «Отъ, братъ, гувора: ето твоя буда жана», гувора. Замки еты попорвавъ на ёй уси, ланцуги, и бяръ яе за руку и сходя зъ дому и проручаа бѣльшаму брату яе: ступай, каа, братъ, на свою хватуру, гдѣ мы знаходилися! А яны пошли у другій домъ опять жа, у бѣльмій. Ёнъ и гувора на сярѣдняго брата: разбивай, братъ, дверы, гувора: тутъ твоя нявѣста, царская дочь, гувора: за што мы, гувора, трудися! Ударивъ сярѣдній братъ у ворота и разбивъ уси замки. И пошли на верхній атажъ. Такжа приходятъ къ ёй, яна зъ радости на могла што й дѣлать, на нѣкъ глѣдя. Тожъ и ета ланцугама такъ обвѣрнута и замкнута. Сычасъ ланцуги еты зняли, и дае сярѣдняму брату: вотъ, гувора, твоя, братъ, нявѣста, царская дочь! (Отправляа и етыгъ,—узавъ за руки и повѣтъ къ хватуры, къ сястрѣ значытна. Звѣтъ нѣкъ укучу обвѣднѣтъ. Яны на могутъ одна одной радости приставить—рады крѣпко, што злучилися умѣсто. А ёнъ пошовъ у красный домъ, самъ ужъ Удовинъ сынъ. Приходя къ вурѣтѣкъ къ етымъ и ударивъ своей булавой. Разбивъ етыа замки и дверы уси, и уходя на вышній атажъ. Садить яна у стули, тожъ ланцугама обкручана и заперта, и чорна ужъ стала, акъ вугаль. Ёнъ усѣ ето очыстивъ доловъ, порвавъ—помижатовавъ ланцуги, и яе узавъ съ собой. И яны пошли на свою хватуру, туды къ сястрамъ тыки къ своимъ, умѣсто. Собралися тры сястры умѣсти нѣкъ—и зъ радости—съ печали на могутъ говорить одна съ одною. Тяперъ яны тамъ нѣли и гуляли, и думать ужъ отправлятьца у путь. Такъ Удовинъ сынъ гувора: братія, гувора: поиду довѣдаюсь у тѣй домъ, а гдѣ я узавъ

свою нявѣсту, царскую дочку! Уходя у домъ у етый. Сколько ёнъ тамъ побывъ у дому у томъ, сычасъ яго охватила ограда высокая дужа, такъ высокая, што я сонца ня видно. Ёнъ у етомъ доми бывъ—няльзя яму выйти никуды—нѣскольки сутокъ. Етыя братья тутъ и плакали и горавали и чаго ня дѣлали—няма брата меньшаго Удовинаго сына. Яны ждали-ждали, и поѣхали, отправились у путь, у свою сторону. Присяжжאות на калиновый мостъ, на гвяннаю раку, такъ сычасъ являецца ета сатана, который головы збравъ етыхъ змявѣвъ подѣ мѣстохъ. Вылазя на верхъ, на мостъ, и спрашуа у ихъ—знаа, што яго няма ўжэ, загораджанъ у вогради: «а што, гувора: якъ вы достали ихъ, дѣ затрудненія ваша, што вы трудились? Вотъ я ихъ, гувора, побивъ,—у мяне я головы уси!» Становитца ёнъ ужэ намѣстникомъ за Удовинаго сына: што вотъ я побивъ ихъ, доставъ меньшаю царзну! И отправляютца у путь съ калиноваго моста, съ огнянныя раки, и ёнъ ужэ прылучывся къ нимъ, етый сатана. И поѣхали у путь, домовъ, у свою зямлю. Присяжжאות къ отцу у свой царство, и тутъ ужэ радосты! Етыхъ чудасовъ глядѣть збираютца уси князи и бояры, што вотъ царскія дочки вярнулись Богъ знаа откуля. И гуляють ужэ, веселятца. Такъ лукавый и думавъ ужэ прозвестъ вяселья, кабъ у етымъ царствыи паровать ужэ за свое труды.

А Удовинъ сынъ сядѣвъ-сядѣвъ, и давай Богу молитца, давай Бога просить у вогради. Господь сыслаа яму голуба у вограду. И садитца яму на праваа плячо и гувора яму: «возьми ты тры зялѣзныя пруты и иди у старую у конюшняю по праву руку. Будя скленъ стоять у конюшны, у сараи; коло етаго склена ляжыть етый змѣявъ батька, ужэ процавшый, сѣлованный. И би ты яго зялѣзнымъ прутомъ мяртваго, зби уси тры пруты ёмъ!» Тогда ёнъ расказавъ ето и полятѣвъ. А ёнъ узавъ, значытца, тры пруты, пошовъ у конюшню, найшовъ батьку змѣяваго, Сатанила, и давай яго бить мяртваго. И потуль яго бивъ, покуль ёнъ поворухывся и отвѣсывъ: «за што ты моѣ старыя косыти ворухышь?»—А вотъ за што, гувора: покажи мнѣ лошадъ свою старую, што ты на ёй ѣздивъ, и сядло своё покажи мнѣ! Ёнъ яму и показавъ: «ступай, гувора, по правую сторону, и будя скленъ, и у скляпу за дваланцать замковъ стоять лошадъ!» Ну, ёнъ пошовъ. Тольки замки отбивъ еты, дакъ лошадъ кинулась къ яму, акъ звѣрь. Ёнъ лошадъ схвативъ ету. «Вотъ, гувора: акъ служыла старому хозяину, послужи и менѣ такъ!» Узавъ сядло и засыдаваъ яе. «И садися, гувора, вѣрхи крэпко на мяне!» Ёнъ, сѣвшы на лошадъ, и ударывъ яе подѣ боки. И полятѣла тѣразъ верхъ, тѣразъ ограду, усѣ-дно якъ молонья! И поѣхавъ своимъ путѣмъ братовъ догонять, и нявѣсту свою.

И присяжжаа у царскій дворѣцъ, дѣ браты яго и царскія дочки.

Яны тутъ. И сатана етый собрався, кабъ къ вяпцу итти, а яна вода, и дожидаетца Удовинаго сына. Сычасъ, ня довгая ўрэмь, Удовинъ сынъ и являетца у царскій дворець. И тутъ сычасъ слышавъ ёнъ, што тэй къ вяпцу жалаз, етый самый сатана, съ царской дочкой. Сычасъ являетца Удовинъ сынъ—зъ радосты ня могла яна своё жысьти утарыць. А лукавыи ужъ увознавъ, што ёнъ прыхавъ, засмутився. Тогда спрашуа яго царъ: што ты, гувора, такъ смутянь? гувора. —За то, гувора, смутянь, што вѣрно, мѣ, гувора, етой жысьтю ня уладѣть, гувора. Сычасъ Удовинъ сынъ прыскакавъ къ ёй на вышній балконъ, и захвативъ яё на вышняиъ балконѣ. Сычасъ схватили яго, узали и убили тамъ, етаго самаго лукаваго. Тогда Удовинаго сына признали труды яго, што ёнъ трудявся. На царской дощѣ Удовинъ сынъ и жанився, и жыть остались у царствѣи у етомъ.

С. Покатъ, роз. у. Отъ кр. Михаяла Иванова, 65 л. негр. Языкъ отчасти подвергся вліянію живущихъ здѣсь старообрядцевъ—великорусовъ.

36. Ивашка—медвѣдъжье ушко.

Живъ сабѣ такъ челоѡвѣкъ и была у яго хозяйка. И пошла яна ў лѣсъ у грибцы. И заблудила. Налучився на яе той жа часъ медвѣдъ. Ёнъ яе узавъ, да и узнёсъ яе къ сабѣ, у лѣсъ и ставъ, значитца, зъ ей жить. Пожила яна годы три и забременѣла отъ яго. Родила яна сабѣ сына. Дали яны яму ния—прозванія Ивашка медвѣдъджая вушко. Побывъ ёнъ годы три, и росъ не по годата да по часахъ, не по часахъ, да по минутахъ. Да. Ёнъ и говоритъ: мать, я, говорить, ня буду съ тобой жить и зъ медвѣдемъ, ну я выйду отъ тябе! Пошовъ сабѣ, идеть дорогой и стручая челоѡвѣка. Той говоритъ: здрастуй, говорить, Ивашка медвѣдъджая вушко! —Добрая здоровья, говорить, Дубъ-Дубовикъ. А куды ты идешъ? пытаа Дубъ-Дубовикъ у вѣ Ивашка, медвѣдъджаго вушка. Ну ёнъ говора: пойду у свѣтъ!—Ахъ, братъ, пойду и я съ тобой!—Ну, поидемъ. Сколько яны ўрэмь ишли—стоитъ оцять челоѡвѣкъ. Яны говорятъ: здрастуй, говорятъ, Гора-Горовикъ!—Добрая здоровья, Ивашка медвѣдъджая вушко, и Дубъ-Дубовикъ!—Ну куды вы идёте? Идешъ у свѣтъ! Пойду и я зъ вами!—Ну, ходи, говорить етый Ивашка, медвѣдъджая вушко. Ну яны пошам утрохъ. Ишли, ишли, и нашла яны сабѣ домъ. Вотъ, говора, братцы, во гдѣ теперъ будемъ жить. Тогда Ивашка медвѣдъджая вушко и говоритъ на Гору-Горовика: ну, Гора-Горовикъ, ты оставайся, говора, обѣдъ варить, а мы пойдёмъ на охоту. Той сичасъ узавъ, вола зарѣзавъ, облупивъ, у котѣль укладъ, тяпло раскладъ и давай варить. Тольки ета говядина закинѣла, сичасъ жа иде в стукаа у двери и каа—отчина, хто у моёиъ домѣ ёсть?—бязсмертный Кошей, ёнъ самъ съ кокотъ, борода зъ

локоть. Ёнъ яму отчинивъ. Уссади, говора, мяне на лавку! Ёнъ узавъ и
 уссадивъ яго. Ну, дай миѣ, говора, ѣсть! Ёнъ яму и давъ вола. Ёнъ етаго
 вола зъѣвъ, тогда узавъ полосу у яго выкроивъ съ плячей, самъ и уля-
 тѣвъ. Ну, тому неколи дожидатца, а треба другого рѣзавъ вола—обѣдъ
 треба готовить. Приходжуютъ яго товарищи, только што ёнъ закипѣвъ.
 Ну, говора, братъ: давай обѣдать! Ёнъ вынявъ совсѣмъ ще сырое мясо.
 Яны стали ѣсть: ахъ, говора, якъ ты варивъ, совсѣмъ яно у тебе сырое!—
 Ахъ, братцы: покудова дровы нарубивъ, ну, братцы, запозынився. Ну однача
 ёнъ того не сказавъ имъ, што яму такая штука здѣлана. Иваншка мед-
 вѣдѣдкая вушко говора: эхъ, братъ, на стоѣ табѣ! А нутка ты, Дубъ-Ду-
 бовикъ, оставайся тутъ, ти ня лучши ты зготовишь! Дубъ-Дубовикъ на-
 чавъ пошибчи ворочатца. Вола зарѣзавъ, сичасъ облущивъ, у котѣль
 укладъ яго, тѣпло раскладъ и ставъ варить яго и думая—якъ ба поско-
 рѣй. Сичасъ жъ и лятить той самый зѣбъ, самъ съ кокотъ, борода зъ ло-
 котъ, Кошей бязсмертный и стучить у двери: хто у моѣмъ доми ѣсть, от-
 чини! Ёнъ яму отчинивъ. Перасади мяне черазъ порогъ! Ёнъ перасадивъ.
 Ну, уссади мяне на лавку! Ёнъ уссадивъ. Дай миѣ ѣсть! Ёнъ яму давъ
 ѣсть. Кошей вола зъѣвъ и опять полосу выкроивъ зъ яго и политьѣвъ.
 Той думавъ—отъ гора! Начавъ ще пошибчи ворочатца, зарѣзавъ другого
 вола, ставъ готовить. Да, сичасъ яны и приходжуютъ. Давай, говора, братъ,
 обѣдать! Ёнъ вынинаа совсѣмъ сырое. Иваншка медвѣдѣдкая вушко и го-
 вора: ахъ, братъ ты мой! Я жъ думавъ, што ты получиши зготуешь,
 ажно ты ще худжи! Однакъ идитя вы сабѣ, братцы, на охвоту, а я оста-
 вусь готовить: ти ня лучши я васъ зготую! Иваншка медвѣдѣдкая вушко
 вола зарѣзавъ, укладъ у котѣль и начавъ готовить. Развѣвъ тѣпло. Да.
 Только ёнъ зготовавъ, сичасъ и лятить, и говора: хто у моѣй хати ѣ, от-
 чини миѣ! Ёнъ говора: руки ня потсыхали, коли треба, дакъ отчинишь!
 Ёнъ отчинивъ. А ну, говора: перасади мяне черазъ порогъ! Ёнъ отказуя
 яму—што ноги ня потсыхали, пералѣзешъ и самъ.—Уссади, говора, мяне
 на лавку! Ёнъ говора: ноги ня потсыхали, самъ узлѣзешъ!—Дай миѣ
 говора, поѣсть! Коли наготовавъ, дакъ поѣжъ! Я наготовавъ да ни для
 тебе. Ёнъ схватився да на яго. Тогда Иваншка медвѣдѣдкая вушко ухапивъ
 яго за бороду да потѣгъ яго прамо у лѣсъ. Узавъ, расколовъ дуба, да
 засадивъ яго бороду у дуба, да и забивъ клиномъ. Вотъ ты, говора, тутъ
 посади, покуль товарищи придуть! Приходжуютъ товарищи. Ну, давайте, каа,
 братцы обѣдать! Вотъ я зваривъ не такъ, якъ вы. А ходитя братцы—
 побѣдавши, каа, поглядитя, што я усадивъ у дуба—бороду ушаминъ у ду-
 ба! Пришли яны у то мѣсто, посмолотъ, ажно яго нѣту. Вырвався и по-
 лятѣвъ, борода у дуби осталась. Отъ яны и пошли. Пойдемъ, каа, брат-
 цы, поладимъ, куды ёнъ пошовъ, вить кровь, говора, ё! Отъ яны узили

и пошли. Увійшли у лѣсъ у вогронный. Тогда Ивашка медвѣдьяжая вушко говора—ну, Дубъ-Дубовникъ, давай, каа, дорогу! Начавъ Дубъ-Дубовникъ крвать дубы, дорогу пробирать. Да. Пробрали дорогу, пришли къ большой горѣ. А ну, Гора-Горовникъ, раскѣпуй гору! Гора-Горовникъ раскопавъ. Перашли яны гору, ляжать большій камянь. И потъ той камянь нора. Тогда Ивашка медвѣдьяжая вушко говора: вотъ, братцы, во ёнъ куды по-лѣзъ. Ну, давай воловъ рѣзать и пасъ сшивать. И упуститя мяне туды я пойду яго шукать. Ну вы, братцы, тутъ должны быть круглый годъ, до етаго урємя, якъ мене упуститя туды. Ну, а тогда, братцы, якъ годъ выйдя, вы должны прибыть сюды, и я пасъ етый сколотву и вы мяне вытнѣть! Тогда яны узали, воловъ штукъ³пятнадцать зарѣзали, здѣлали пасъ, начали камянь я упустили туды. И ше не хватая. Давай, братцы, яще зарѣжамъ штукъ три, да пасъ надвѣжамъ! Ну вотъ, нашли и упустили яго туды. Достали глыбыву. Ну, вотъ, тяперъ братцы, пущайтя мяне туды. Только глядѣтя жъ, братцы, тяперъ я васъ прошу, штобъ вы гдѣ были, а у той часъ, якъ мене спущаетя, черазъ годъ должны сюды прибыть!

Упустили яго туды, ёнъ я пошовъ. Находжуя, стоять домъ мѣдный. Прихѣдъ ёнъ у тѣй домъ, сядѣтъ тамъ дѣвушка. Ахъ, говорить: здрастуй Ивашка, медвѣдьяжая вушко! Слыхѣмъ було слыхать, а тяперъ и у глазы видать. Зачимъ ты ходишь сюды? Мы сколько урємя живѣмъ, мы руськаго челоуѣка не видали. Ну, однаково, ты свою голову запѣсь сюды,—мы живѣмъ зъ бязсмертнымъ Кошеемъ.—Ну, я того и вѣщу! Ну, однаково, говора: давай мы съ тобой жанитца! Ёнъ говора: нѣ, говора: я пойду бязсмертнаго Каша шукать! Этъ, говора: ты якъ пойдешъ, тамъ ще краснѣй мяне ё, ты на мяне забудешъ!—Нѣ, говора: я й тебе возьму отсюль! Ну, ёнъ пераночавать, назаутраго уставъ, помывся, Богу помолився я пошовъ. Приходжуа, ажъ стоять другій домъ сярэбраный. Здрастуй, говора, дѣвка!—Здрастуй, здрастуй, Ивашка—медвѣдьяжая вушко! слыхомъ було слыхать, а тяперъ и у глазы видать. Зачимъ ты ходишь сюды? Мы сколько урємя живѣмъ, мы руськаго челоуѣка не видали. Ну, однаково, ты свою голову запѣсь сюды, мы живѣмъ зъ бязсмертнымъ Кошеемъ!—Ну, я того, говора, и вѣщу, я за нѣмъ и иду, зъ бязсмертнымъ Кошеемъ.—Ахъ, Ивашка—медвѣдьяжая вушко, давай, говора, съ тобою жанитца!—Нѣ, говора: пойду подальшъ, пойду бязсмертнаго Каша шукать!—Ахъ, говора: ты якъ пойдешъ, тамъ ще крашн мяне ёсть, ты и на мяне забудешъ?—Нѣ, говора: я не забуду, я й тебе возьму. Да й пошовъ, пераночававши. Стоять третій домъ—домъ золотый. Ёнъ ухѣджуя у той домъ,—сядѣтъ красивая дѣвка, вышивая. А здрастуй, говора, Ивашка—медвѣдьяжая вушко! ти по воли ти по няволи зайшовъ сюды, буѣну голову,

говора, занёсь? Здѣсь бязсмертный Кошей, дакъ ёнъ тябе зыбѣтъ! —Ну, я яго ишу! —Да ти ищешъ, ти ни ищешъ, а ёнъ тутъ не такъ, якъ на томъ свѣти, на етомъ свѣти ёнъ слялѣтъ! Ну, на жъ ты, говора, поѣжъ, и здѣлаю я тябе булѣвкой и ўторну у подушку. Ну ёнъ говора: пожалуста и распроси, дѣ яго, каа, смерть. У скоромъ урѣку прилетая бязсмертный Кошей и говора: фэ, русь кось пахня! Ну яна яму отка-зунъ—ахъ, говора, душанька: ты по Русѣ летавъ, Руси набравса, такъ табѣ бытто отдае тутъ. Я тутъ кольки живу, а руськаго чело-вѣка не бачила! Унясла яна яму горячихъ картетъ, ёнъ наглытався. Лѣгъ сабѣ и ляжить. Ина говора: душанька, сколько мы съ тобой живомъ! Ну, крый Богъ, насъ хто победи—крый Богъ, твоѣ смерти. Ёнъ зараготавъ ха, ха, ха, дура, моѣ смерти нѣту. Моя смерть: у моры скрыня, а у скрыни заяцъ, а въ зайцу вутка, да, а въ вутцы яйцо, вотъ то моя смерть. Да. Уставъ и полетѣвъ етый бязсмертный Кошей. Яна тогда яго и выпустила, Ивашку медвѣдьякая вушка и говора: знаешъ, говора, другъ мой, дѣ яго смерть? Яго смерть: у моры скрыня, а у скрыни заяцъ, а въ зайцу вутка, а въ вутцы яйцо, штобъ яйцо ты тоя доставъ, да ударивъ яму у лобъ, ѡтъ яму и смерть—дакъ идѣ ты доста-нешъ? Ёнъ узавъ сабѣ ружайцѣ и пошовъ. Сколько ёнъ урѣмя ишовъ, што болить ажно яго шкура; што ёнъ їсть точа. Бягитъ вонкъ; аїъ, думая: возьму убью, хотя вовка наймса. Тольки ёнъ зложився бытъ, а вовекъ и говора: аїъ, Ивашка—медвѣдьякая вушко, ня би мяне, я табѣ при злой години знадоблюсь! Такъ Ивашка медвѣдьякая вушко и пошовъ, їсть не захѣтѣвъ. Опять ишовъ, ишовъ, ажъ шкура яго болить. Думая: ну, іто сабѣ навретца, убью да зыбѣтъ. Бача, лятить коршикъ. Ёнъ склався и ду-мая: убью. Коршикъ яму говора: аїъ Ивашка, медвѣдьякая вушко, ня би мяне, я табѣ знадоблюсь при злой години! Такъ ёнъ узавъ и пошовъ, и не захѣтѣвъ їсьти. Сколько ёнъ урѣмя ишовъ, приходя къ мору; ажъ ляжить ракъ, такій огромный; и ёнъ думая: отсяку яго половину да зыбѣтъ. Вотъ жа поправлюсь! Ракъ говора: ахъ, говора, Ивашка медвѣдьякая вушко! вить ты бачишъ, што я горюю—половина на берагу, половина у водѣ. Вотъ ты возьми колъ, да спихни мяне у воду. И табѣ у злой го-дини знадоблюсь: што табѣ треба, то табѣ ѡтъ мяне буда. Ивашка, мед-вѣдьякая вушко узавъ колъ и скативъ яго у водѣ. Ёнъ говора: ну, благодарить табѣ, Ивашка медвѣдьякая вушко, што табѣ треба, сказувай! —А вотъ што, говора, ииѣ треба,—я пришовъ сюды за смертю Каца бяз-смертнаго. Ёсть у моры скрыня, а у скрыни заяцъ, а у зайцу вутка, а въ вутцы яйцо! —А вотъ, говора, я табѣ яе доставлю.

Такъ ёнъ поповзъ и тягня скрыню ету перадъ собою. Ёнъ узавъ ету скрыню, разбивъ крышку, тольки отчинивъ—заяцъ выскочивъ и побѣгъ.

Ахъ, Богъ мой: дѣ тѣй вонкѣ дѣвса, што казанъ—я табѣ при злой годинѣ знадоблюся—што, кабѣ ѣнѣ мнѣ уловить етаго зайца. Такъ той жа часъ вонкѣ и сивативъ яго. Ёнѣ яго узавѣ разодравѣ. Вутка изъ яго пырь—и полатѣла. Ёнѣ стоючи и говора: дѣ ето дѣвса тѣй коршикъ, кабѣ ѣнѣ мнѣ яе уловивѣ. Только ѣнѣ сказавѣ—откуль узавѣся коршикъ, уловивѣ тую вутку. Ёнѣ узавѣ, разодравѣ тую вутку, узавѣ яйцо. Ну, яно грязная. Ахъ, понясу у мора, помью. Узавѣ, понёсь. Ставѣ мыѣ, яйцо ето покатылося прямо у мора. Ёнѣ стоючи и каа: ахъ, Божа мой, Божа, што якъ ба тѣй ракъ да мнѣ ето яйцо подавѣ! Такъ и ясе той ракъ тоя яйцо яму. Ёнѣ узавѣ и пошовѣ. Ну, слава табѣ Господи. Приходжуя прямо къ бязсмертному Кашу. Такъ якъ ишовѣ, такъ прямо у домѣ. Бязсмертный Кашъ, акъ только ѣнѣ увийшовѣ, ѣнѣ глядѣ на яго—а говора, ты тутъ, Ивашка, медвѣдѣджая вушко!—А ѣнѣ говора: а уже жѣ тутъ! Такъ ѣнѣ усхвѣтився, прямо къ яму и кинулся. Ёнѣ яго ударивѣ тымѣ яйцомъ прямо у лобѣ. Тогда бязсмертный Кашъ кажа: ахъ, вотъ моя смертъ! Убивѣ бязсмертнаго Каша. Тогда говорить: ну, красная дѣвка, я тябе возьму, а дому етаго жалко, якъ ии домѣ заберомѣ. А яна говора: эхъ, я домѣ, говора, сичасъ забяру. Узала яйцо, опкатула кругомѣ, такъ етый домѣ увобрався увесѣ чисто у яйцо. Тогда Ивашка медвѣдѣджая вушко узавѣ яго, у кишеню уклавѣ и пошли. Приходжуютъ къ другому дому. То золотый узали, а ще приходжуютъ къ сяребраному. Што жѣ, говора, красная дѣвка, я тябе забяру, а якъ жа домѣ забрать?—Эхъ, говора, не безпокойся: я домѣ сичасъ забяру! Узала яйцо, опкатула кругомѣ. Такъ етый домѣ увобрався увесѣ чисто у яйцо. Тогда Ивашка медвѣдѣджая вушко уклавѣ яго у кишень и пошли. Приходжуютъ яны къ третьему дому, къ мѣдному. Ивашка медвѣдѣджая вушко и говора: ну вотъ, говора: я тябе забяру, а якъ жа ты домѣ забярешѣ, дома шкода!—Эхъ, говора, я домѣ сичасъ забяру. Ина узала яйцо, опкатула кругомѣ, такъ етый домѣ увобрався увесѣ чисто у яйцо. Тогда Ивашка медвѣдѣджая вушко уклавѣ яго у кишень и пошли. Приходжуя на тоя мѣсто—якурать годѣ. Узавѣ ѣнѣ, привевѣ ихъ на тоя мѣсто и посадивѣ ету, зѣ мѣднаго дому, и торганувѣ тѣй пасѣ. Яны узали и потягнули. Вытягнули и начали оданѣ съ однымѣ битца. Тѣй говорить: ето мнѣ, а тѣй: ето мнѣ. И начали дратца. А дѣвка ета говора: стой, говора: не битеся, тамѣ еще крашы мане ёсть. Такъ яны узая, опустили опять пасѣ. Ёнѣ узавѣ, посадивѣ съ сяребранаго дому тую дѣвушку. Яны потаскали. Вытягнули и почали опять дратца—тѣй говора: мнѣ, а тѣй: ето мнѣ. И начали дратца. А дѣвка ета говора: стой, говора: ня битеся, тамѣ яще дѣвушка крашы мане ёсть. Яны упустили пасѣ: ѣнѣ посадивѣ и третью, што изъ золотого дому. Тогда вытяжили—ну,

братъ, говора: ето намъ по одной, а третья будя намъ за чайдкы, служить будя намъ. Ну яго, братъ, упустимъ пасъ я утянемъ уполь и пасъ перарѣжамъ—нехай ёнъ убѣтпа. Да, упустили пасъ. Ёнъ тогда узавъ, чудовъ ли ста зачавивъ камянь, и торганувъ пасъ, и самъ отышовъ дужа далѣко. Яны и потаскали яго. Тольки уполь свѣта утягнули—узяли, пасъ перарубили—такъ гудеть тѣй камянь назадъ. Ёнъ тогда говора: ахъ, Божа мой: вотъ ба ето мнѣ было! Узавъ, избѣднися (што горко стало), зажурился и пошовъ одинъ. Ахъ, Божа мой, во што то мнѣ було. Не знаю, якъ ба мнѣ на той свѣтъ достатпа? Такъ, нахаджуя дужа хмара большая. Ёнъ и думаа—ахъ пойду я подъ дубъ сховаюся, штоба я не замаякъ. Приходжуя подъ дуба и ставъ. И чуя, кричать птицы, дужа крѣпко. Ёнъ тогда: ахъ, Божа мой, нѣ пойдя хмара—засячѣ ихъ дожджъ! Узлѣзу я, ихъ прикрою. Ёнъ узлѣзъ на дубъ и расиявся надъ гняздомъ, и прикрывъ етыхъ дѣтей, покудова хмара не пройшла. Тогда, распогодилось, ёнъ узавъ и злѣзъ, узавъ и скоронився. Ня довгимъ уремямъ лятить птица Полугрица и спрашая: ахъ, дѣтки моѣ—кто васъ прикрывъ отъ етыхъ хмары? Я уже думала, што вы живы ня будеть? Яны кажутъ: якийся, говорятъ, чаловѣкъ! Яна и кричить—ахъ, говора, чаловѣкъ, обясътиса: што ты за ето хочашъ? Ёнъ отказуя птицы-Полугрицы—што я ничего съ тебе не хѣчу, только штобъ ты мнѣ доставила на тѣй свѣтъ! Во яна яму и говора: што иди, паби мнѣ двѣ бочки мяса, дакъ я тебе доставлю!—Тольки чинъ жа мнѣ, якимъ тебе мясомъ?—А вотъ би лягушакъ, би мышей, би гадовъ, якую звяряну попадешъ, такую би—и складай у бочки. Тогда ко мнѣ придешъ и скажашъ. Ну я тебе понясу! Пошовъ Ивашка медвѣдъджая вушко и начавъ бить разныя разностьи: и вужовъ, и лягушакъ, и мышей, разная—разная, што тольки на свѣтъ ёсть, и складавъ у бочки. Набивъ и приходжуя—ну, я уже набивъ. Да, опускаетпа птица-Полугрица. «Ну, говора: подвизауй мнѣ подъ одно крыло бочку, и подъ другою, а самъ садись посядорѣ. И смотри: управо гляну—съ правой бочки подай, улѣво гляну—зъ лѣвыя бочки подай, и якъ гляну, такъ и кидай! Ну и понясла яна. Начала птица-Полугрица што далай, то вышай угорѣ подыматпа. Якъ яна на боки позирая, такъ ёнъ говядину кидай. Такъ ёнъ кйдавъ, не большы ба уже сажѣнь на пяти яго узнесеть, уже говядины не стало. Птица-Полугрица разъ зирнула—нема, у другій бокъ зирнула—пѣту,—почалъ маленько унизъ опускатпа. Да Ивашка медвѣдъджая вушко уробѣвъ. Сичасъ узавъ, отрѣзавъ свое крыло. Якъ яна зирнула, ёнъ ей и укинувъ—такъ яна зразу сажѣня на два угорѣ усхваѣилася. Зирнула яна у другій бокъ, ёнъ отрѣзавъ другое крыло и укинувъ ей у ротъ. Ну, яна яго уже вынесла. «Ну, слава табѣ Господи!» Тогда птица-Полугрица говора: скажи ты мнѣ: што кольки

ты мнѣ говядины даваѣ—ну смаштѣй етыя не было. Што ето за говя-
дина? А ёнъ говора—што я отрѣзавъ свое икры.—А ну, покажи! Ёнъ
узявъ, выставивъ. Яна таркнула, яно сразу приросло. Ёнъ другую вы-
ставивъ—яна зновъ таркнула, и другая болька загойлась, яно и приросло.
Ну, только, иди пожалуста поскорѣй, уже твоѣ товарищи скоро будутъ жа-
вятца. Ну яны бѣ давно жавилися, ну только безъ тебе ничого ня будя!
Ёнъ пошовъ; приходжуя у городъ. И здѣлався ёнъ мастеровымъ—сапож-
никомъ, шавцомъ значитца. Ну одвакъ жа, ёнъ шить ня умѣя—только
ёнъ ставъ у яврей кватировать. И тая дѣвушка, самая послѣдняя, што
была у золотомъ доми. говора: коли ты мнѣ пошѣшь такіа чаравики,
якъ у мяне были у томъ золотымъ доми, дакъ я тогда уже—такъ тому
и быть—што я съ тобой буду уже жавятца. Такъ етый Дубъ-Дубовикъ
вышавъ на вулицу и шытая: хто во такіа то чаравики справа, во столько
то гроши дамъ. А ёнъ говора: ахъ, Иваничка—а ёнъ здѣлався Иваничка
пъяничка—ахъ, говора, Иваничка пъяничка, даденъ заказъ, штобъ чарави-
ки такіа и такіа были, якъ у етыя барыни—дужа богато грошай дасѣтъ! А
ёнъ аму говора: мнѣ, бари задатокъ, и говори, што я справлю. Ёнъ пошовъ,
узявъ задатокъ, давъ етому Иваничку. И сказано такъ: штобъ къ такому
то урему были чаравики готовы. А Иваничка напився, объ ёто ни думая.
Етый яврей и говора: ахъ, говора: Иваничка, што ето будя?—А што?—А
якъ жа? соглашався: коли умѣешь шить, дакъ и шій! Мнѣ за ето гово-
ра, голову знимуть! Ванька пошовъ, домъ раскативъ, чаравики вынявъ и
отдавъ—на, насы! И будутъ у тебе спрашивать—хто табѣ нѣ шивъ? не
шивъ, а хто табѣ работавъ нѣхъ?—ну ты скажи—што у мяне ё Иваничка
пъяничка! Жидъ и повѣсь. Узяли етыя чаравики, и добравъ ёнъ свою
остальную плату. Ина говора: во ето икурать якъ моё! Во тыперъ я
табѣ ще скажу—коли ты справишь мнѣ такая платьѣя, якъ у мяне,
такъ тому и быть, што будомъ жавятца съ тобой! Ёнъ, Дубъ-Дубовикъ,
вышавъ на базаръ и говора: ай вы портня—господа, ти ня можа хто въ
васъ здѣлать такая и такая платьѣя? Иваничка пъяничка и говора: поднивай-
ся, говора, дѣлать и бари задатку побольшы. Да: ёнъ узявъ задатку и прихо-
дя: на табѣ грошай, ну только ти здѣлаемъ, Иваничка? —Здѣлаемъ, ня бой-
ся! Уже етому яврею треба несѣть, а тутъ платьѣя не готово. Ахъ, Ива-
ничка, што будешъ робить? —Я не знаю! Што умѣвъ, то и здѣлавъ, ты
поднилався! Пошовъ Иваничка, раскативъ домъ и вынявъ платьѣя. На, на-
си, добрай остальныя гроши! Принесъ и отдавъ. Вотъ ето, говора, моё!
яна уже. Отъ тыперъ, говора, хорошо! Только кабъ у мяне такіа вѣ-
нокъ бытъ! Коли скуѣшь, то уже пѣвня, што мы съ тобой будемъ вѣтъ-
чатца! Уже Иваничка перайшовъ у кузницю. Вышавъ Дубъ-Дубовикъ на
базаръ и клича: господа ковали! ты ня можыта здѣлать вѣнокъ отъ такіа

то, якъ у моѣ навѣсты бывъ! А почежъ кто знаа—якій ёнъ бывъ. Уже Иваничка перайшовъ у кухню и говора: кузнецъ! ступай, поднимайся!— Охъ, Иваничка: якъ жа здѣлаемъ? Мы здѣлаемъ, якій хочешъ, а только, якъ же не бачивши? Лицо подъ лицо не подвядешъ! Ёнъ говора: ня бойся, бари грѣшай побой! Ну хорошо, ёнъ пошовъ и поднявся. Я, говора, зработаю. А! зработаешъ?—Зработаю! Вотъ табѣ грошай столько то! Да смотри, штоба здѣлавъ. Приходжу у кухню—давай, Иваничка, работать! Я, братъ, етого ня умѣю, што умѣвъ, то робивъ, а то я етого не знаю!—Ты жъ коваль, дакъ довжонъ на ўсякія отличія работать! Напався Ваничка да спать. Што, Ваничка, прошинайся, а то голова долой ивъ! Да. Ваничка домокъ раскативъ, виномъ вынавъ, оттащивъ: на, говора: отвяси, да 'стальныя гроши забари! Ёнъ понёсъ тѣя вянокъ. И спрашуя у яго яна: кто у тебе работа?—Иванька пѣяничка! Запрагая лошадей, ѣдя Ванички смотрѣтъ. Кто уже ина, ина, чій вянокъ. И спрашуя у коваля: адѣ Иваничка пѣяничка? Ванька ето услыхавъ, ёнъ ўзавъ, сичасъ легъ на столъ, ж... выставивъ. Пошла ина изновъ къ ковалю. И спрашуя: у коваля: скажи правду, ти виенно ето ёнъ работа? Я, говора, вамъ не скажу—работавъ ёнъ, ти нѣ, только ёнъ ивъ подаѣ! Яна обратно звяриулася, опять тамъ къ яму. Ёнъ опять тыки ляжить. Отъ яна на ето не посмотрѣла и прямо у лицо поглядѣла. «Вотъ, говора, другъ мой любезный; итъ я тебе кольки лѣтъ ожидала!» Яны тоя считали, думали, што конецъ яму тамъ буда, якъ ёнъ туды полатѣвъ. Ну, а яна ето вѣдала, што ёнъ якъ-якъ да выкрутитца оттуль.

Ну, вотъ яны и повѣнчались. А Дубъ-Дубовникъ и Гора-Горовникъ повѣнчались съ тыми меньшими. И стали жить да поживать, кожная у своѣмъ доми.

Д. Новая-Бычь, быхов. у. Отъ кр-на Павла Иванова, 46 л., неграж.

37. Вечорка, Повношникъ и Зарявой.

Живъ сабѣ такъ мужичокъ ижъ жаню. И прожил до старосѣти, и у ихъ нѣ было дѣтей. Потомъ при старосѣти лѣтъ баба ета забережила и родила у водну ночь трѣхъ сыновъ: большаго сына родила вячеряго, саредняго—повношнаго, и меньшаго—зарявого. И бабушка—пупортѣзница наложила итъ усиль ина три Иваны: Иванъ Вячорка, Иванъ Повношникъ, и Зарявой Иванъ. Етыя Иваны росли тамъ не днями, а просто чисами, и увышли у сувяршѣнныя лѣта, и услышали, што у царя хтось то укравъ три дочари зъ дворца, и назвѣстно кто, и гдѣ, и коли. Царь разославъ тамъ по усихъ мѣстахъ посланцовъ; ну только не могли найти. Ну, и

давъ послуш—што якъ нѣхъ кто разыща, дыкъ отдасѣхъ нѣхъ замужъ тынѣхъ и половина царства отдасѣхъ. Ну, еты Иваны давай проситца у своего отца разыскивать царскыи дочарей. Батѣхъ позволивѣхъ,—коля, говорить, жаланія нѣхѣхъ, дыкъ ѣдѣхъ! Тоды меньшій Иванѣхъ пошовѣхъ къ кувалю и заказавѣхъ сабѣхъ такую купабѣхъ зѣдѣхъ, двадцатѣхъ пудовѣхъ. Зѣдѣхъ ковалѣхъ купабѣхъ, ѣнѣхъ поткинувѣхъ яе у высоту, потставивѣхъ колѣно, ина 'бѣхъ колѣно удариласѣхъ и переломиласѣхъ, ета самая купаба. Потомѣхъ ѣнѣхъ заказавѣхъ зѣдѣхъ купабѣхъ у дватцатѣхъ пять пудовѣхъ. Поткинувѣхъ ѣнѣхъ тую, тая и не погнуласѣхъ дайжа. Ну, каеѣхъ, ето нѣхѣхъ будѣхъ помощника. Заказавѣхъ тоды зѣдѣхъ цѣнѣхъ, нѣхѣхъ сажанѣхъ. Приходѣхъ къ отцу, къ своимѣхъ братамѣхъ, къ етымѣхъ двумѣхъ Иванамѣхъ, да, и просюѣхъ у вота благословенія итѣхъ разыскивать дочарей етыхѣхъ. Отецѣхъ нѣхъ благословивѣхъ, и яны отправилисѣхъ у путь дорогомѣхъ.

Ишли, ишли яны тамѣхъ много-мало уремѣхъ и уходоѣхъ у лѣсѣхъ. У лѣсѣхъ стоиѣхъ хатка на куриной позцы. Яны заходоѣхъ у ету хатку, и меньшій етѣхъ Иванѣхъ говоритѣхъ на большаго: ты отставайсѣхъ тутѣхъ обѣдѣхъ варитѣхъ, а мы пойдемѣхъ на охоту. Тѣхъ занявсѣхъ обѣдѣхъ варитѣхъ, и зваривѣхъ, якѣхъ слѣдуѣхъ бытѣхъ и сѣвѣхъ, отдыхая уже. И вылазѣхъ къ яму сѣхъ подѣхъ печки самѣхъ сѣхъ кокоѣхъ, борода зѣхъ локоѣхъ, а вочи по яблоку. Узавѣхъ ето, увесѣхъ обѣдѣхъ яго поѣвѣхъ, и яго прибавѣхъ —бивѣхъ, бивѣхъ, чуѣхъ живого отставивѣхъ. Приходюѣхъ тыѣхъ братѣхъ —обѣдѣхъ нечаго. Яны засварилсѣхъ на яго: што ты не наготувавѣхъ до сихѣхъ порѣхъ обѣдѣхъ? А ѣнѣхъ отвѣщаеѣхъ: отстанѣхъсѣхъ вы, да наваритѣхъ. А етаго нѣхъ не сказуѣхъ; што зѣхъ нѣхъ було, —нехай и яны получатѣхъ тоѣхъ, што зѣхъ нѣхъ було. На другѣхъй день меньшій Иванѣхъ говоритѣхъ сѣхъредѣхъму: ну, отставайсѣхъ ты сѣхъгонѣхъни обѣдѣхъ варитѣхъ! Яны пошли на охоту, а ѣнѣхъ отставсѣхъ обѣдѣхъ готовитѣхъ. И зваривѣхъ, якѣхъ слѣдуѣхъ бытѣхъ, и сѣвѣхъ, отдыхая уже. И вылазѣхъ къ яму сѣхъ подѣхъ печки самѣхъ сѣхъ кокоѣхъ, борода зѣхъ локоѣхъ, а вочи по яблоку. Узавѣхъ ето, увесѣхъ обѣдѣхъ яго поѣвѣхъ, и яго прибавѣхъ —бивѣхъ, бивѣхъ, чуѣхъ живого отставивѣхъ. Приходюѣхъ тыѣхъ братѣхъ — обѣдѣхъ нечаго. Яны засварилсѣхъ на яго: што ты не наготувавѣхъ до сихѣхъ порѣхъ обѣдѣхъ? А ѣнѣхъ отвѣщаеѣхъ: отстанѣхъсѣхъ вы, да наваритѣхъ. А етаго нѣхъ не сказуѣхъ—што зѣхъ нѣхъ було, нехай и яны получатѣхъ тоѣхъ, што зѣхъ нѣхъ було. На третѣхъйй день говоря: ахѣхъ, ступайѣхъ вы, говоря, на хвоту, я на-кормлю васѣхъ, говоря. Ихѣхъ отправивѣхъ на охвоту, самѣхъ занявсѣхъ обѣдѣхъ готовитѣхъ. Зготовивши обѣдѣхъ, лѣгѣхъ сабѣхъ и полежуѣхъ на лавцы. Удруѣхъг вылазѣхъ сѣхъ подѣхъ печки, самѣхъ сѣхъ кокоѣхъ, борода зѣхъ локоѣхъ, и вочи по яблоку, и давай такиѣхъ жѣхъ порядкомѣхъ обѣдѣхъ яго ѣсѣхъ. Ёнѣхъ тогды, много на дѣхъшѣхъ, Иванѣхъ етѣхъ и давай яго битѣхъ. До тыхѣхъ порѣхъ бивѣхъ, покаѣхъсѣхъ ѣнѣхъ ставѣхъ яго проситѣхъ: нѣхѣхъ би мене, говоря, до смерти —буду я вамѣхъ меньшѣхъй самый братѣхъ, и буду наусегда слушатѣхъ васѣхъ. Ну, собралсѣхъ яны усѣхъ укучу и побѣдѣхъли. Побѣдѣхъвши, отправляютца ины у ходѣхъ, и тѣхъ зѣхъ нѣхъ.

Ишли, ишли, ишли, ишли—потхождѣ, стоить дубъ громаднѣйшій, и подѣ
тмыъ дубомъ пошла нора, такъ, якъ колодязь, усѣ равно. Другъ ѣнъ и го-
воря: ну, хто зъ насъ полѣзѣи у ету нору. Тѣй бонтца, другій бонтца
—ну, видно, говори, лѣзѣтъ мнѣ, меньшаму брату. Опустивъ ѣнъ етый
самый свой цѣпъ, и говоря:—глядитѣ жѣ, говоря—я опущусь на тѣй
свѣтъ, и якъ торгану за цѣпъ, вы яине тады ташитѣ. Отъ, ѣнъ опусь-
тився и видѣтъ тамъ такій жа свѣтъ, якъ ба й тутъ. Ёнъ ставъ хо-
дѣтъ тамъ, любопиствоватѣ---и видѣтъ—стоить мѣднѣй дворецъ. Ёнъ пот-
хѣдѣ къ яму и нигдѣ ня можѣтъ даярей найтѣ. Замѣтивъ ѣнъ у водномъ
мѣстѣи дѣвери и отворивъ еты дѣвери и ставъ ходѣтъ по етыхъ ком-
натахъ. Другъ заходитъ у водну комнату и сидѣтъ тамъ измученная ца-
ревна. Узыйшовъ ѣнъ туды, ина крѣпко обрадовалася, што увидала рус-
скаго чаловѣка, и говорить: «ахъ, юноша, говори: якъ тѣбе Господь сю-
ды занѣсъ? Жалко мнѣ, говори, тѣбе, што ты тутъ пропадѣшь! Скоро
прилятиѣ шастыглавый змѣй, ѣнъ, говорить, тѣбе тутъ стрѣбитѣ». А
ѣнъ отвѣщая: ну, тамъ якъ Господь дасъ! Отъ яны, первымъ довгомъ,
сѣлы, выпили и закусили якъ слѣдуя, потомъ ѣнъ сирашуя у яс---по какой
дорози ѣнъ будѣтъ ѣхатѣ. Ина показала яму тую дорогу, ѣнъ пошовъ и
сѣвъ подѣ мостокъ. Другъ ѣля змѣй. Узѣѣжакая на етый мостокъ и
спотыкнулася яго лошадь. Ёнъ тогда говори: што ты, говори, нена-
сытая лошадь, спотыкаеся---али ты сабѣ противника слышашъ? Мнѣ
говоритѣ, противника ниякаго нѣту, только есѣтъ одинъ Иванъ Зарявой.
Ну, ѣнъ самъ сюды не зѣйдетѣ, и яго воронъ сюды косѣти не заня-
сѣтъ. А ѣнъ яму отвѣщаеѣ: добрыхъ молотцавъ нитѣ ня водѣтъ, ни
носитѣ, яны сами заходятѣ. И вылѣзъ съ подмосѣтя. Ну, ти будѣмъ бит-
ца, ти мирѣтца? Не затымъ я пришовъ, кабѣ мирѣтца, а затымъ, кабѣ
битца! И схватились яны битца.

И ударивъ ѣнъ яго купабою и збыивъ яму три головы. Потомъ змѣй
яго ударивъ, ѣнъ только обтрѣхнувся. Тоды рассярдився Иванъ. Ударивъ
другій разъ, и збыивъ янѣ двѣ головы. Потомъ змѣй прося яго---давай,
Иванъ, отдыхнѣтъ! Отъ ѣнъ еычасъ погребувавъ у царевны воды---сил-
ныя и бязсилныя. Ну царевна яму подала воду бязсилную, а Ивану етому
подала силныя воды шипѣтца. То змѣй етый худжѣ ослабѣ, а у Ивана
силы ще прибавлялось. Тады ѣнъ узявъ яго и напоследку убивъ, и ту-
ловища забросивъ у ровъ. Приходѣи у дворъ етый и забирал ету самую
царевну, и съ собой забрала ина свой тамошняя платья, рѣзнал, и вы-
шли зъ дворца. Остановилися, и Иванъ ставъ смотрѣтъ на етый дворецъ.
Потомъ ина отвѣщаеѣ, царевна---няужли табѣ жалко етаго дворца?--Да,
говоря, дужа пригожѣй дворецъ. И выпяеѣт ина яму платокъ---малѣи, го-
воритѣ, етымъ платкомъ три разъ! Ёнъ махнувъ платочкомъ, и етый дворецъ

зѣлываясь яечкомъ. Ёнъ узавъ ето яечко, у карманъ уклавъ. Отправилися къ етой самой норѣ. Да. Потомъ посадивъ яе на стульчикъ и подвизавъ къ цѣпу. Тисканувъ цѣпъ—яе потащили. Етыя, вытащивши, три етыхъ брата, которыя тамъ, и говорятъ: тѣй говорить: ето мнѣ будя жана, тѣй —мнѣ! Ахъ, говоря! коли бъ намъ усимъ тронимъ доставъ по такой, то бъ было хорошо. Ну и большій яе узавъ сабѣ за жонку. И отсталися яны пять ожидать. А меньшій Иванъ отправився путѣмъ дорогой ще дальшы. Ишовъ, ишовъ ёнъ, да, и видѣть—стоятъ сяребринный дворецъ. Ёнъ подходитъ къ дворцу и ставъ шукать дварей. Нашовъ двери, отворивъ, заходя у водну комнату—нема никого, ёнъ у другую—нема никого, потомъ у третью, сядить змученная царевна. Ёнъ говоря: здрастуй, говоря.—Здрастуй, здрастуй, говоря на 'тѣбѣ. Якъ тябе Господь сюды завѣсь. Некай уже я, говоря, погибла тутъ, дакъ и ты молодой человекъ тутъ погибнешъ.—Ну, говорить, якъ Богъ дасъ.—Отъ скоро, говорить, прилятигъ мой десятиголовый змѣй. Ёнъ, говоря, тябе убѣсть. Ну, тамъ, говоря, што Богъ дасъ, а дайка, говоря, поѣсь. Отъ яны сѣли за столъ, попили, поѣли, якъ слѣдуя, и потомъ яна говорить—скоро прилятитъ, говоря, змѣй. Куды жъ ёнъ, говорить, будѣтъ лѣтѣтъ? спрашуя Иванъ. А вотъ тою, говоря, дорогою, показуя яму у воино. Отъ ёнъ отправляетца на тую дорогу и садитца такимъ жа порядкомъ опять подъ мостомъ. Другъ ѣдзя змѣй и спотыкнулася яго лошадь. Ёнъ тогда говорить: што ты, говорить, ненасытная лошадь, спотыкаешься—али ты сабѣ противника слышашъ? Мнѣ, говорить, противника ниякого нѣту, только ёсть одинъ Иванъ Зарявой. Ну, ёнъ самъ сюды не зайдетъ, и яго воронъ сюды косѣти не зайесетъ. А ёнъ яму отвѣщае: добрыхъ молотцовъ нитю ня водить, ни поситъ, яны сами заводють.—Ну, выходи, говоря, сюда! Ну, ти будемъ битца, ти миритца?—Не затымъ я пришовъ, кабъ миритца, а затымъ, кабъ битца. И схватилсъ яны битца. Ударивъ яго кулабомъ и збивъ три головы у яго. Потомъ змѣй яго ударивъ, ёнъ только обтринувся. Тады рассярдився Иванъ. Ударивъ другій разъ и збивъ ящо три головы. Тоды змѣй проси отдыгу на пять минутъ. Ну, отдыхай, говорить, нячистая сила! Змѣй потребувавъ у царевны воды, силныя и бязилныя. Царевна подала яму воду бязилною, а Ивану подала силныя воды. То у Ивана силы прибавилось, а змѣй ще худжы ослабъ. Ударивъ Иванъ и тья головы уси збивъ. И закинувъ яго у ровъ у воду, подъ мостъ, подъ той. Тогда, приходитъ у дворецъ, у дворцы опять выпили и закусили съ царевной.—ну, говорить, тяперъ пойдѣмъ, а то мнѣ уремя нема—ще много работы. Да; выпили зъ дворца; остановився. Ванъ и говорить: эка, якій дворецъ пригожій!—А жалаешъ ты, штобъ ёнъ бывъ табъ?—Якъ ба не жалатъ? И вынѣтъ яму платокъ, и махнувъ ёнъ три

разы платочкомъ и зыѣлався етый дождъ яечкомъ. Ёнъ яечко ето укарманъ и отправився къ етой норѣ. Посадивъ яе на стульчикъ и подвизавъ къ цѣпу. Тисканувъ цѣпъ, яе потащили. Ну, говорить: слава Богу, двоимъ намъ по навѣсѣти ѣсть! Будемъ ожидать щѣ. А Иванъ отправився опять дальшы. Ишовъ, ишовъ, видѣть, стоить золотый дворъ. Ёнъ подходитъ къ яму и говорить: то была красота дворны, а ето ящо красиви! Потомъ, ставъ приглядѣтца дварей: нашовъ дѣвери, отворивъ, усходитъ туды—сидѣть тамъ измученная царевна. Ёнъ говорить—здраслуй, говорить. Ина 'твѣщаеъ—чуть тольки уже душа сидѣть у ей—здраслуйтъ! Якъ тебе, говорить, Богъ донѣсъ сюды?—Да и пришовъ, говорить, нарѣшны васъ разускувать. Да, другъ, говорить: погибнешъ, говорить, и ты тутъ.—Ну, я не затымъ пришовъ, штобъ погнѣнуъ, а затымъ пришовъ, штобъ васъ отсюда вывесъть. Отъ, яны сѣдѣ, закусили хорошенъко, якъ слѣдуя, и потомъ ина говоря: другъ, скувайсь, говоря, куды-небудъ, а то сычасъ зымѣй мой приляйтѣ—двананцѣть головъ—дыкъ ёнъ зыѣсть, говоря, и тебе и мяне!—Ну, тамъ, говорить, якъ Богъ дасъ! Куды ёнъ будѣтъ лѣтѣтъ?—Отъ по той, говорить, дорози, аѣ мостокъ—показала яму у окно. Ёнъ отправився—сѣвъ подъ мостокъ. Другъ ѣдетъ двананцѣтьголовый зымѣй. Узлѣжжая на етый мостокъ и спотыкнувся яго лошадь. Ёнъ говоря: што, ты, говоря, ненасытная лошадь, спотыкаессѣ—али ты сабѣ противника слышашъ? Мнѣ, говорить, противника никаго нѣту, тольки ѣсть одинъ Иванъ Заравой. Ну, ёнъ самъ сюды не зайдѣтъ, и яго воронъ сюды косѣти не записѣтъ. А ёнъ яму отвѣщаеъ: добрыхъ молотцовъ пихто ня водить, ни носить, яны сама заходѣютъ. И вылѣзъ съ подмоesty. Ну, ти будемъ битца, ти миритца?—Не затымъ я пришовъ, кабъ миритца, а затымъ, кабъ битца: зато, што вы украли у такого то царя три дочки, дыкъ я пришовъ ихъ отсколитька узять!—Ну, говорить: ты двоихъ братовъ моихъ убивъ, ну мяне не забѣсешъ, я, говорить, усѣ ето 'тилачу! И стали битца. И ударивъ яго Иванъ Заравый и зыбивъ яму три головы. Потомъ зымѣй яго ударивъ, ёнъ тольки обтрхнувся. Тогда рассердився Иванъ. Ударивъ Иванъ другій разъ—збыивъ ящо три головы. Ударивъ яго зымѣй—и убивъ яго по колѣно у земли. Потомъ зымѣй говорить: ну што, ти дальшы будемъ битца, али будемъ, говорить, миритца?—Нѣ, говорить, я не затымъ пришовъ, кабъ миритца. Другъ зымѣй потребувавъ воды силныя и бязсилныя. Царевна подала яму воду бязсилнаю, а Ивану подала силныя. Иванька поправився, порубивъ яго на мелкія куски и забросивъ у чистая поля. Тады увошли у дворецъ, выпили и закусили якъ слѣдуеъ, и отправились. Вышавъ Иванъ и остановився и спрашуя егня царевны: эка, говорить, акія тутъ устройства хорошія у етомъ дворцѣ! Ина отвѣщая яму: ты можа жалаешъ, штобъ етый дворецъ бывъ у насъ съ тобой!—

Якъ ба не жалать, говорить. Вынула ина платокъ и дала яму, — ёнъ махнувъ платкомъ три разы, и дворецъ зѣлалъся яёчкомъ. Ёнъ узавъ, его лечко у карманъ уклавъ. Отправилися къ етой сажой нори. Потомъ посадивъ яе на стульчикъ и подвизавъ къ цѣпу. Тисканувъ цѣпъ — яе потащили. «Слава Богу, уже намъ усилъ трѣмъ ёсть по нявѣсти!» И узали, и цѣпъ яму туды кинули — нехай ёнъ тамъ и остаецца!

Иванъ етый заплакавъ сильно, якъ цѣпъ етый упавъ: вотъ коли, говоря, я тутъ пропавъ! Поплакувши, пошовъ ёнъ путѣмъ-дорогой. Приходитъ — стоитъ большій-большій дубъ. И находитъ сильная гроза; ёнъ ставъ подъ етаго дуба. Другъ, на етомъ дубѣ закричали птици у гняздѣхъ. Ёнъ, много ня думавшы, узлѣзъ на дуба, зывавъ съ сябе одѣжу и накрывъ етыхъ дѣтей. Другъ прилетѣя Жаръ-птица и благодарить яго: спасибо табѣ, Иванъ Зарявой — зная якъ яго и звать — за то, што ты забярѣгъ моиѣ дѣтей, и не знаю, чимъ мнѣ за это табѣ отплатить. — Ня треба мнѣ, говорить, твой ничѣго, только вынесъ ты мене на тѣй свѣтъ. — Ну, говорить, вынесу. Только наготовъ мнѣ мяса двѣ бочки и воды бочку, то тогда я тебе вынесу. И показала яму: иди, говорить, вѣтъ за рѣку, тамъ ёсьтъ богатый такой старикъ, дакъ ты яго, говорить, попроси, буковъ на мясо, — ёнъ сляный. Ёнъ пошовъ къ старику. Старикъ етый, говорить: я дакъ табѣ говорять, буковъ — только пронасътивни мнѣ ихъ годъ! Ну, дѣлать нечаго, согласился ёнъ годъ пронасътивить. И старикъ етый яму говоритъ: — усюды гоняй, усюды паси, ну на такой и такой лугъ не гони. Это вѣдь минѣ лугъ, и ина тебе згубить. Я бывъ погнавъ на тѣй лугъ, дыкъ ина и мнѣ вочы выколола. И я пѣ уже тритцать годовъ сплялъ! — Я не боюсь говорить, етаго! Зная сабѣ настуськую путу и погнавъ прямо на тѣй лугъ пасыгивить буковъ. Прилетаетъ вѣдъха — на ступи и тувкачомъ погоняя, а мятлой сѣдѣ заметая, и закричала на яго: ахъ, говорить, с. сынъ, хто табѣ дозволивъ буковъ пасыгивить на моёмъ лугу? — Я, говорить, самъ сюды пригнавъ, ни у кого не спрося! Да подошомъ къ ёй ближы, и давай не пугой етую битъ, склаившы удвой. Бивъ, бивъ, потомъ ина стала у яго просить: — пусть, говорить, мясо. — Нѣ, говорить, не опушу, отдай, говорить, того старика вочы, тогда, говорить, я тебе пушу! — Иди, говорить, у мою хату и подъ подушную два лежать пузурьки съ лекарствомъ, то ты пумажъ, говорить, однимъ и другимъ — то будеть старикъ етый бачить. Вотъ ёнъ пошовъ у хату узавъ ёю, узавъ еты два пузурька, и пришли къ старику. Однимъ пузурькомъ пумазавъ, зѣдѣлалися глаза, только ёнъ ня бача; другимъ пумазавъ — ставъ бачить. Тады ёнъ яе узавъ, убивъ. Тады старикъ етый яму благодаривъ за тоя, што ёнъ ставъ бачить. Виръ буковъ, говоря, сколько угодно, хоть и усилъ за это. Отъ ёнъ нарѣзавъ двѣ бочки мяса и насолить. Да приходи къ

той къ Жаръ-птицы. Жаръ-птица говоритъ: ну, подвязуй мнѣ эти бочки потъ крылья. Ёнъ подвязавъ. Ну, теперь, говоритъ: третью бочку воды. Наливъ ёнъ воды, подвязавъ третью бочку къ хвосту,—ну, теперь, говоритъ—садися самъ на нинѣ. Свѣтъ ёнъ на яд. Ина яму говоритъ—смотри жъ ты, говоритъ: якъ ротъ разину, то ты кидай мнѣ мясо у ротъ. Отъ ина яго якъ понесла! Пясець, а ёнъ говядину ей кидаетъ у ротъ. Другъ кадавъ, кадавъ, не хватая мяса. И видать уже свѣтъ етый, а тутъ нѣту у яд силы латѣть. Ёнъ много на думавши, отрёзавъ ей свод икры зъ ноги. Укинувъ у ротъ. Пролѣтъ ще троху и такижъ жа значаца манеромъ укинувъ ей и другія ноги икру. Да, и вынесла яго на етый свѣтъ! Идѣ ты, говоритъ, кѣ смашныя такія говядины нашовъ потъ-посылѣ? Ёнъ показавъ ей—вотъ, говорѣтъ, я дѣ узавъ—зъ ногъ икры! Ина харкнула, и выхаркнула ето мясо. На, говоритъ, прикладывай къ ногѣ! Ёнъ прикладъ, къ одной ногѣ и къ другой, зѣлалися яны нѣжыжъ неурядины. Тады ёнъ яд поблагодаривъ за ето, и ина отправилась на тэй свѣтъ. А ёнъ тада отправився у тѣй городъ, дѣ и царъ проживавъ. Зная сабѣ хватуру у старенькой старушки. И потомъ посалаеъ ету старуху итѣть у городъ, услыхатъ, ти нема якихъ новостей. На приходѣ и расказуя яму, што ёсьть слухъ,—бывшія пропавши у царя три дочки разысканы. Дакъ будѣтъ мяньшой дочки послызаутра, говоритъ, свадьба, ись тымъ, хто яе доставъ. Ну, потомъ назаутра, зновъ ёнъ посалаеъ яе. Ина пошла, стала тамъ разслушуватъ новостей и приходѣть къ яму и расказуеъ—вотъ, говоритъ: будѣ свадьба тогда, коли найдѣцца челоувѣкъ и сошѣдѣ ей такія бумшаки, якія ина носила у зымъ-авымъ доми. Тады ёнъ говоритъ: иди, бабка, къ царю и скажи: што я могу пошитъ такія бумшаки. Бабка пошла къ царю и говоритъ: я, говоритъ, могу такія бумшаки пошитъ!—Если только можашъ, то я награжду тебе, бабка, усимъ, што ты только пожелаешъ. Дали ей грошай; ина привосѣтъ и говоритъ: ну только, говоритъ, смотри жъ: штобы ты мяне къ смерти не подвѣвъ. Ёнъ говоритъ: ня бось, бабка. Строку було дадзено на троа судокъ. Проходѣтъ судки—сапожники етый не занимаетца работой; и хторны тожа такъ само не занимаетца. Баба ета давалъ плакать: мяне теперь за ето, говоритъ, предадутъ злой смерти. Тады ёнъ отвѣщаеъ: ня бось, бабка: заутри, на вутро будутъ готовы—уствай и няси! Отъ ёнъ вечеромъ вышавъ зъ города на поля, катанувъ ето золотое яечко и зѣлався золотѣй дворець. Ёнъ сычасъ увывшовъ у етый дворець, нашовъ полусапожки. Узавъ ихъ, вышавъ зъ дворца, махнувъ платочкомъ и зѣлався ёнъ яечкомъ. Принѣсъ еты сапожки воччу, поставивъ на столъ. Старуха на вутро устала и обратно узила еты полусапожки и нясеъ еты полусапожки къ царю. Дѣвка тая убачила полусапожки и крѣнко ина обра-

довалась. И просить своего отца, чтобъ ёнъ дозволилъ потребовать яго сюды, хто шивъ полусапожки. Отецъ сычасъ пославиъ карету и приставили яго у дворецъ. Увидишъ ёнъ у дворецъ, ина убачила яго и говоритъ: вотъ хто мене доставъ, ну ня тэй, съ кимъ хотѣли свадьбу гулять. Ну тутъ, сычасъ, ставъ отецъ спрашивать — што зъ ими дѣлать? Сычнсь, приказали етыхъ привязать къ коньскимъ хвостамъ и пусьтить по полю. Привязали къ хвостамъ, и разволокли по ўсему полю. А зъ естой царевную пувиньчались, и отдавъ яму царъ пудовина царства, и стали яны жить ды й пожинатъ.

С. Палузъ, чериков. у. Отъ кр-на Марка Иванова, 33 л. малограмотнаго, бывшаго въ воен. службѣ.

38. Иванъ Вѣтровичъ.

Въ нѣкоторымъ царствѣи, въ нѣкоторымъ гусударствѣи, ну ни въ самомъ томъ, въ которомъ мы живёмъ, были у царя дичка. Тольки ёнъ яе никуды ни пускать: ни пройтитца, ни проѣхитца. Тольки было погодная времюшка, отворила окошко, вийнуть вѣтирь у глаза, и зъ етого ина заберемила. Отецъ и мать етому ни спокойны, што яна ни законно зыбаремила. Ну, начали допрашивать яе. Ина говоритъ: отецъ мой любый, отецъ мой милый, вийнувъ вѣтирь у глаза, и зъ етого я зыбаремила. Мѣла ина сына; яны сказали дать яму ния и фамилю Иванъ Вѣтровъ. Ну, тольки, трѣхъ годовъ мальчикъ етый, Иванъ Вѣтровъ, мытца, Богу молитца и дѣду здраствѣи кажить: здраствѣи, дѣдушка, живъ ты, здоровъ? А ёнъ отвѣщать: живъ то живъ, ды вибольшѣ здоровъ! есlya бы дитятка мой мило было, ды зъѣздыло у той и у той лѣсъ, насѣкло дровъ, ды притопило комыутку мнѣ. А ёнъ отвищантъ: котору мнѣ лошадь запрягать? А ёнъ говорить: зыпряги, дитятка, лошадь выдвоза. Ну, ёнъ запрягъ выдвоза, приважантъ у лѣсъ, дровы сячетъ, а мядвѣдь коня дяретъ. Ёнъ говоритъ: дари, дари, чортъ тебе бари, ды самъ дровы пувязашъ! Ну, ёнъ баретъ мядвѣдѣи зы коньеръ, запрягантъ у волобли и привозитъ дровы. Дѣдушка, идѣ мнѣ етыя дровы звалигъ? А ёнъ говоритъ: звали кыла конюшны. — Куда мнѣ свою лошадь пусьтить? А ёнъ говоритъ: пусьти на конюшню! Етый мядвѣдь якъ начавъ драъ усыхъ лошадей, справили значитца конюхи гвалтъ, дыкъ ёнъ пошевъ дывывивъ мядвѣдѣи у другую конюшню пустую. Назавтраго ёнъ мытца, Богу молитца и дѣдушку здраствѣи даеъ. Здравствѣи, дѣдушка! живъ ты, здоровъ? Живъ то живъ, ды ни совсемъ здоровъ! Есlya бы дитятка ласкове было ды зъѣздыло у то и то болото, ды валожало курчевья, ды притопило комыутку, можить ба я поздоровѣвъ. А дѣдъ зъ бабыя яго нилюбили, што ёнъ незаконнорожденный. Туды хто поидтъ, яавыйдтъ, хто пойдтъ, ня выйдтъ, — дыкъ яны яго пысылали, кабъ ни вярнув-

ся. Ну, ёнъ запрѣтъ мядвѣдія и побѣхъ у ето болото; отпрѣтъ мядвѣдія и стали ломать курчевья: ёнъ сабѣ, мядвѣдѣ сабѣ. Потому прибѣгать чортъ и кажить: здравствъ, Иванъ Вѣтровъ, што ты житиельство разоряешь? А ёнъ говорить: совсѣмъ раскопаю, кыли ни пойдѣшь моею ма-няньки нивидно служить! Дыкъ ёнъ согласился нивидно служить! Ну, привозить ёнъ ето курчевья и спрашивать: дѣдушка, идѣ мнѣ курчевья звалить? А ёнъ кажить: звали ли конныты! Яно яму не надо было, али ёнъ только тотѣвъ, штоба значитна ёнъ не вярнувся. Ёнъ курчевья зваливъ, мядвѣдія отпрѣтъ и у лѣсъ пусътивъ. Назавтраго ёнъ умынянтца, Богу шолитца, и дѣдушку здравствъ дасть: здравствъ, дѣдушка! живѣ ты, здоровъ? Живѣ-то живѣ, да не совсѣмъ здоровъ; ессли бѣ дитятка моѣ ласкове было: нѣсъ у тридцатымъ царствѣи, у тридцатымъ зямли, ёсъ Огня-ный царь, за пять вѣрстѣ огнѣтъ ничѣтъ, вынудать намъ данного и по-шлинного двинадцѣтъ бочакъ золыта. Есслибѣ дитятка узыскало, вялкая у нашьмъ царствѣи польза бѣ была! Ну, ёнъ пошовъ на базарь, купиъ три пруты зялѣзныхъ по девѣтъ пудовъ, и пошовъ путѣмъ дорогомъ, и узаявъ чорта съ собою. Приходить въ приповѣдныя луга, въ шовкывыя травы, идѣ никто не проходѣтъ, не прѣижжаштъ, не птицы не прилѣтають. Якъ за-гнѣвъ Огняный царь, што хто то въ етыхъ лугахъ распоряжайтца, — раз-бавъ шатѣръ и лѣхъ оддыхать, — ну, потомъ, Огняный царь пославъ трѣхъ бы-гатырей къ Ивану Вѣтрову забрать яго. Етѣй чортъ якъ бразытъ пруть оль пруть, дыкъ ёнъ итъ зуслушивъ: молчать, говорить: баринъ спитъ! Яны вярнулиси къ Огняному царю. Ваша импираторская вяличество! баринъ спитъ, а слуга якъ съвисѣнѣтъ, якъ крикнѣтъ, мы не могли слова отвѣсъ-тѣтъ! Ну потомъ етѣй Огняный царь рассердився на нѣтъ, шлѣтъ сорокъ тысячь войска и двинадцѣтъ быгатырей. Етѣй чортъ глядѣтъ — глядѣтъ, што пражножство народу идѣтъ, будѣтъ Ивана, говорить: баринъ, устаета! пражножство народу идѣтъ! Ну, потомъ Иванъ етѣй якъ протѣръ глаза, якъ узаятъ пруть, якъ пусъзѣтъ — о сразу тысячу ломѣтъ: чортъ подаеъ, а ёнъ ломѣтъ, — ёнъ у два часы съ половинный усѣ войско разбивъ и двинадцѣтъ быгатырѣвъ. Только одного быгатыря покинувъ ли вѣсьтей царю. Кыли ты мѣвъ, кажить, не даси данного и пошлинного, дыкъ я тябе и сожгу и у плѣбъ зыбарю! Тяперь етѣй Огняный царь якъ рассердився на яго, шлѣтъ восемдѣсятъ тысячь войска и двадцѣтъ чатыри быгатыря. Ну Иванъ Вѣтровъ и ето у три часа побивъ войско. Потомъ Огняный царь шлѣтъ пысланца, говорить: Иванъ Вѣтровъ, прѣди ко мнѣ почитъ, погу-лятъ, покулъ и двинадцѣтъ бочакъ золыта споряжу. Ну, ёнъ пошовъ туды, попивъ, погулявъ сколько ёнъ тамъ, сутки, а можа и двоя, ну потомъ спорядѣли золота. Ну, ёнъ привозить домой и кажить: дѣдушка, а идѣ мнѣ ето золото лѣтъ! А дѣдъ говорить: звалѣтъ, говорить, у сарай!

Назавтраго ёнъ мытца, Богу молитца, идець, дѣдушку здраствви даець: здраствви, дѣдушка! живъ ты, здоровъ? Ёнъ кажитъ: живъ то живъ, ды ни сусимъ здоровъ! Дѣдъ съ бабый за ночь надумылси яму даць другую дорогу... Ёсь, говорить, у тридѣсатомъ царствви, у тридѣсатой зямли, ёсь тулувища Мѣдныя, яго во свѣти никто ни збѣсунить, еслибъ ты яго збасувавь, дыкъ ин у свѣти никого ни быялси бы! Ну ёнъ тады пошовъ на базаръ, купивъ сыкола, либидя и припосить матцы у кошту. Убивъ тывачокъ (гвоздь) у прытылку, и повѣсивъ платочникъ, и пыдставивъ стаканъ, говорить: маминька моя родная, якъ будить съ платочка кровь ити въ стаканъ, то отворитья окошко и выпускайтя сыкола и либидя. Самъ попрощався съ матирью и пошовъ у путь. Ишовъ ёнъ путѣмъ-дорогую, сыстриваить Дубувика, который дубы переносить. Здравствви, говорить, Иванъ Вѣтровъ: куды идешъ, куды Богъ нясець?—Иду, говорить, у тридѣсатая царство, у тридѣсатую зямлю Мѣдного тулувища житильства отвѣдывать! Ёнъ говорить: возьми, братъ, мяне съ собою!—Пойдѣмъ сабѣ у тыварищыхъ. Якъ ити, дыкъ ити путѣмъ дорогую, сустрикають Гыровика (который горы переносить.) Здравствви, Иванъ Вѣтровъ, куды идешъ? куды Богъ нясець?—А иду, говорить, у тридѣсатая царство, у тридѣсатую зямлю, Мѣдного тулувища житильства отвѣдывать. А возьми мяне съ собою! хуть я свѣту пывидаю!—Ну, говорить, ходи, пойдѣмъ. Пошли яны утроёмъ. Приходють яны утроёмъ у тридѣсатая царство, у тридѣсатую зямлю у Мѣдного тулувища горидъ. Ну, потомъ, походили по гориду, а потомъ кажуть: што хочѣты! надо сабѣ обобратъ хвату! Пришли у дворець Мѣдного тулувища—нима никого, нима ничего, только прамвожиство воловъ въ етомъ дворцы. Ну, оббирають сабѣ кухню. Застывляить Иванъ Вѣтровъ Дубувика рѣзѣть вола и готовить обѣдъ. Тады ёнъ сѣйчасъ узавъ вола за рѣги, зарѣзавъ, пыловину згугувавъ, самъ сѣвъ подъ окошкымъ и смотрить на дворъ; ляжить сярѣдъ двыра каминь; и ёнъ самъ сабѣ размышляить: хто яго сюды ти привѣсь, ти принѣсь, што ёнъ такій примогучій? Потомъ ёнъ, етый каминь, пыдымзитца, сячасъ и вылазить оттуль старикъ сядой. Ну, потомъ говорить: хто въ моёмъ доми роскошунца, няси мяне на крыльцо! Ёнъ, той Дубовикъ, обробѣвъ, выскывъ, принѣсь яго на крыльцо. Тады ёнъ кажитъ: хто въ моёмъ доми роскошунца, няси мяне у кухню. Ёнъ у кухню яго увѣсь. Сады, говорить, мяне за столъ! Ёнъ яго за столъ пысадить. Што ёсь у печѣ, тоя на столъ няси! Ёнъ яму пыловину тую вола выписъ. Ёнъ отразу яго зѣвъ. Потомъ яго узавъ, яго, стыго Дубувика, набивъ, а самъ увыйшовъ въ своё мѣсто, подъ каминь. Приходють Иванъ Вѣтровъ и Гыровикъ. Дубовикъ кажитъ: якъ вы замарудили тамъ,—прамвожиство собакъ нальзго, кухня угарна, пыловина вола зѣли. А Иванъ Вѣтровъ говорить: ни послѣдній волъ, ящо ёсь! Потомъ яны сѣли, подѣли (быгатыри разъ

у сутки ядуть) и оддыхать лягли. Назавтраго устають, мыютца, Богу молюцца. — «Ну, говорить: сягонья ты, Дубовикъ, хо и на прихадку, а ты, Гыровикъ, обѣтъ готуй!» Ёнъ узавъ вола за роги, зарѣзывъ, облупивъ, пыловину згугувавъ, самъ сѣвъ подь окошкыиъ и глядѣть, што на дворѣ ляжить большій каминь. И думить ёнъ самъ сабѣ: што это, ти то етый каминь хто привѣсь, ти ёнъ самъ вырись? Ну, потомъ етый каминь подымайтца, а зъ яго вылазитъ старикъ сядой: хто въ моимъ доми рыскопунтца: няси мяне на крыльцо? Ёнъ обробѣвъ, выскычивъ, принѣсь на крыльцо яго. Потомъ у кухню уиѣсь. Сади, говорить, мяне за столъ и што ёсь у печи, то всё на столъ пьси. Ёнъ сѣвъ, пыловину етыго вола зѣвъ, а давай бить Гыровика етыго. Ёнъ зѣбывъся ниживымъ, ну дыкъ ёнъ я скувавъся на споемѣсто. Ну, потомъ, етый узавъ, остатнюю пыловину вола у котѣль, згугувавъ. Приходять Иванъ Вѣтровъ и Дубовикъ. Ёнъ кажить: якъ вы тамъ прибабилиси, прамножества собакъ налѣзло, кухня угарна, пыловину вола зѣвъ. Иванъ Вѣтровъ говорить: ни послѣдній, есь яцо! Потомъ сѣли, подѣли, и спать лягли. Назавтраго говорить: ну, Дубовикъ и Гыровикъ: идитя прогуливатца, а я остаюся вѣсти варить! Ну, потомъ ёнъ вола за роги, зарѣзавъ, пыловину згугувавъ, самъ сѣвъ подь окошкыиъ и глядѣть на дворѣ: ляжить каминь большій. И думить ёнъ самъ сабѣ: хто это каминь сюды привѣсь, ти ёнъ самъ тутъ вырись? Такъ етый каминь сьмайтца, опять жа вылазитъ оттуль старикъ сядой и кажить: хто въ моимъ доми рыскопунтца, той мяне няси на дворѣ! А Иванъ Вѣтровъ говорить: якій чортъ тебе выиѣсь оттуль, тѣй нихай нясѣть тебе на крыльцо! Ну, потомъ ёнъ самъ на крыльцо узыйшовъ. «Хто въ моимъ доми рыскопунтца, той няси мяне у кухню!» — Якій чортъ тебе принѣсь сюды, такій нясѣть и ў кухню! Потомъ ёнъ самъ увыйшовъ у кухню. Тады кажить: хто у моимъ доми рыскопунтца, сади мяне за столъ. А ёнъ яму отвѣщаѣтъ: якій чортъ тебе принѣсь у кухню, такій нихай и за столъ сѣдѣть. Ёнъ самъ сѣвъ за столъ. Ну, потомъ, яны данай драгца съ Иваномъ Вѣтровымъ. Тѣй Иванъ пересиливъ яго. Узавъ зы бороду, привѣсь къ сѣбѣ, у щелку клинымъ бороду загнавъ. А самъ спать лёгъ. Ёнъ, якъ кипѣть, дыкъ кипѣть, вышивъ бороду изъ щелки, и вышивъ, ни чилѣвъ ужо яго. А ёнъ спить. Приходить Дубовикъ и Гыровикъ, ёнъ кажить: што вы такъ замаждали? Вотъ у мяне и собакъ ни налѣзло, и кухня ни угарна, и гывадина и жаривыи и сырая цѣла. Потомъ яны сѣли обѣдыть, побѣдыли. Потомъ яны хотѣли класѣтися спать, ну Иванъ Вѣтровъ говорить: истригай ножѣ, нѣкыли! Ну, потомъ яны найстрили ножѣ, тоды Иванъ Вѣтровъ кажить: рѣжѣя воловъ: въ одну скирту гывадину, а въ другую шкурки. Ну, яны усыкъ воловъ порѣзыли, тады одинъ ны чатыри часѣти кожѣ разризавъ, а другій пасъ шшиваѣтъ. Ну, потомъ яны пасъ шшили. Ну, нясѣтъ

къ етому камню, што на дворѣ ляжить. Трогый, говорить, Дубовикъ, етый камень! Дубовикъ етый тронувъ, дыкъ ёнъ ни склыхнувся! Ну-тка ты, Гыровикъ! Гыровикъ етый тронувъ—склыхнувся. Эхъ, селяники! Потому самъ пыдыйшовъ, подбѣрнѣ ударивъ, дыкъ на пять вѣрсть откѣтився. Ну, потомъ, Иванъ Вѣтровъ пыдиризанси—ну, кажитъ: пускайтъ мяне въ ету пичару, идѣ каминь лижавъ, а сами якъ день дыкъ ночь дожидайтѣ мяне. Ну, тутъ ёнъ якъ спустився пыдъ змлю, стоить слухъ. На имъ написано: на дну сторону хорошо будить, у другую ловѣть, у третью ящо лучшѣ, а у чатьвѣрту убить будишь. Иванъ Вѣтровъ пошовъ туды, идѣ убить будить, къ Мѣдному тулувищу у домъ. Только приходитъ, стоить домъ мѣдный. Равняйтца съ крыльцомъ, выходитъ дѣвица красивая. Здравствѣ, говорить, Иванъ Вѣтровъ! якъ тебе Господь сюды занёсъ: у насъ никто ни проходить, ни приижантъ, ни птицы ни прилетаютъ!—А яду Мѣдного тулувища житильство отвѣдывать!—А ёнъ посля твоей чести спитъ; ты идешъ яго убить, только ни убьешъ, кыли ко мнѣ ни зайдешъ. Ёнъ заходитъ къ ей. Она говоритъ: ти не хочиѣ пѣсь, пѣть? Вотъ уво дной печи двинадцѣть вопрѣвъ жарины, у другой двинадцѣть пичей хлѣба спечино! Ёнъ салитца и пѣсь. Она подходитъ и кажитъ: ти не хочиѣ попить?—Да, говоритъ. Вотъ, нѣти вамъ мѣдныя ключи, идѣти въ мѣдный анбаръ: на праву руку сила, на лѣвую бясъсилля; ну ни пѣтъ налѣво, а направо! Ёнъ пошовъ налѣво силу попивъ, пиривярнувъ направо, и поблагодаривъ, и пошовъ путѣмъ-дорогую. Якъ эти путѣмъ, стоить домъ сѣребринный. Выскануть дѣвка красивѣй тыхъ. Здравствѣ, Иванъ Вѣтровъ! якъ тебе Богъ занёсъ? у насъ никто ни проходить, ни приижантъ, и птицы ни прилетаютъ!—А яду Мѣдного тулувища житильство отвѣдыть. —Ёнъ посля твоей чести оддыхантъ; да ты идешъ яго убить, ну ни убьешъ, кыли ко мнѣ ни зайдешъ. Вотъ ёнъ заходитъ къ ей. Она говоритъ: ти не хочиѣ попить—попѣсь. Ёнъ говоритъ: да!—Вотъ во днѣй печи двинадцѣть жаринныхъ, у другой печки двинадцѣть хлѣбовъ печино. Ёнъ салитца и пѣсь. Она приходитъ къ яму и кажитъ: ти не хочиѣ попить? Ёнъ говоритъ: да, хочу. Она подноситъ яму сѣребринныя ключи и говоритъ: идѣти у сѣребринный анбаръ: направо сила, налѣво бясъсилля!—Ёнъ направо напився, налѣво силу пиривярнувъ, поблагодаривъ и пошовъ. Шовъ путѣмъ дорогую, стоить золотый домъ. Только равняйтца, выходитъ дѣвица пыкрасивѣй тыхъ. Здравствѣ, Иванъ Вѣтровъ! куды Богъ тебе нясетъ?—Иду Мѣдного тулувища житильство отвѣдыть!—Да, ты идешъ убить яго, ну только ты яго ни убьешъ, кыли ко мнѣ ни зайдешъ! Заходитъ къ ей. Она говоритъ: ти не хочиѣ попить—попѣсь? Ёнъ говоритъ: да, хочу. Вотъ, говоритъ, во днѣй печки двинадцѣть барановъ жаринныхъ, у другой двинадцѣть хлѣбовъ спечино! Ёнъ сѣвъ, подѣвъ. Ти не хочиѣ налитца?—Да,

говорить, хочу!—Вотъ вамъ золотыя ключи, идите въ золотый анбаръ! Тамъ направо—сила, налево—бьесьсила; ну на питя налево, а питя направо. Етъ пошовъ, наивися направо, прививрунувъ силу налево, поблагодаривъ и пошовъ. Вотъ ёнъ приходитъ у домъ къ Мѣдному тулувищу. Ажны ёнъ спить. Вотъ ёнъ яго узбудивъ, давай дугъ токъ. Мѣдныя тулувища выдуть блипанный (бляха), а Иванъ Вѣтровъ золотѣй. Давай драгца. Тольки Иванъ Вѣтровъ збиваить Мѣдныя тулувища по пахи у землю, Мѣдныя тулувища просятца у Ивана Вѣтрова, говорить: пари, королѣ дярутца съ силу, въ войскимъ, а и то оддухъ жѣють, а мы съ тобою—и то воддухъ на жѣмъ. Ды попьѣмъ, выдѣмъ чаго нишного! Ну, потомъ, Мѣдныя тулувища самъ пѣть съ лѣвыя руки, а Ивану Вѣтрову даеъ съ правыя. Тады Мѣдныя тулувища покрипѣнь, а Иванъ Вѣтровъ поплощѣвъ. Давай драгца опять. Мѣдныя тулувища збивъ Ивана Вѣтрова у землю ны пахи, поскѣк мечу, и огнѣмъ спаливъ косьти яго.

Ну матка яго забыла на это, што ёнъ якъ ишовъ, казавъ: якъ будить зъ мойго платочка кровь ити, пустьити сыкола в либиди. Полядѣла матка, заплакала. Пустьила сыкола и либиди у тридесята царство, у тридесятую зямлю. И прили-тають яны у Мѣдного тулувища домъ: да, говорятъ: идѣ нашъ хозяинъ жись покладъ! Ну потомъ полятѣли—ёсь такія живущія и гоющія воды, ну дыкъ соколъ лебиди у ленту увобравъ, а лебидь яму кубки привизавъ подѣ крылля. Потомъ лебидь спускайтца внизъ, стѣрожи пускайтца лонить яго, соколъ змѣтѣвъ и зачерпнувъ воды живущія и гоющія. Ну, прилитають яны къ Ивану Вѣтрову, спырсули яго попилъ гоющую и живущую водою, и Иванъ Вѣтровъ оживився. Вывъ молодецъ, ды яно почистѣвъ. Ну, такъ ёнъ и приходитъ къ Мѣдному тулувищу, говорить: што ты, старый хрѣнь, спишь?—Ты ты тутъ?—Да, говорить: зачимъ кожу, тоя надо дыходить. Давай драгца опять. Дралися, дралися, тольки Иванъ Вѣтровъ збивъ Мѣдныя тулувища. Ёнъ кричить оддуху, а Иванъ Вѣтровъ кажитъ: я оддухнувъ. Потомъ Иванъ Вѣтровъ, яго ны пахи у землю збивъ, и поскѣк, косьти пу-палавъ, штоба косьтина ды косьтины, пылина ды пылины ны сходились, штоба вѣкъ яно на трыгѣлся. Идетъ Иванъ Вѣтровъ нызадъ, равняйтца зъ злотымъ домымъ. Выходить дѣвка и кажитъ: што жъ ты, Иванъ Вѣ-ровъ, ко мнѣ ни зайдѣшь и мяне ни возьмишь?—Отчаго, говорить. Такъ вна оставляить домъ свой, имущество и идетъ за нѣмъ. Идутъ. Тады ёнъ огланувся нызадъ. Ина кажитъ: што ты, Иванъ, етыго дому жалѣишь?—Да, говоритъ: у нашихъ царствѣи и золото дорого. Такъ вна яму дала пла-точникъ. Махни, говорить, три раза! Ёнъ махнувъ три раза. Етый домъ увыврався у яечко. Ёнъ его яечко узавъ, у платочникъ увизавъ. Идетъ, домъ нысѣтъ и не видѣтъ. Проходитъ кыло сѣребринного дома. Выходить дѣвка и говорить: штожъ ты, Иванъ, ко мнѣ ни зайдѣшь и мяне ни возьмишь?

— Отчаго, говорить, возьму! Ина пошла за имъ. Иванъ оглянувся назадъ. Ина говорить: што ты, Иванъ, дома етыго жалѣишь? Да, говорить: у нашихъ царствъ и сирибро дорого. Ина яму дала платочикъ, говорить: мажи платочкымъ три раза. Ёнъ махнувъ платочкымъ, домъ увывбранся у яечко. Ёнъ ето яечко узавъ, у платочикъ увывзавъ и пошовъ. Идетъ ёнъ кыло третѣйго мѣдныго дома. Такъ выскакутъ дѣвушка и говорятъ: што жъ ты, Иванъ Вѣтровъ, ко мнѣ ни зайдѣишь и яяе ни возымѣишь? Ну, дмкъ ёнъ и ету узавъ, якъ и тытъ. Значятца, идетъ, три дома нисетъ и три дѣвицы видѣтъ. Ну, пришовъ у ету пачору, сколонувъ канатъ и зачавивъ старшую изъ мѣдныго дому. Дубовикъ и Гыровикъ выгигнули яе. Давай спорить Дубовикъ изъ Гыровикомъ: той говорить: мнѣ жонка, а той: мнѣ. Ина кажи: братны, ни джритися: васъ три браты, а насъ три сестры! Иванъ Вѣтровъ выйдѣтъ и подѣлитъ. Ну, потомъ опускають опять канатъ, ёнъ подымисавъ другую, съ сребринного дому. Тады опускають третѣй разъ. Ёнъ самъ, Иванъ Вѣтровъ, изъ дѣвушкой зъ золотого дому подымисався, яны и выгигнули. Тады большую сестру, зъ мѣдныго дому, отдавъ Дубовику, съ сребринного—Гыровику, а изъ золотого узавъ сабѣ. Потомъ подѣлявъ царствы: дубовикова жонка ни такъ красива, етому больши, а гыровикова красивѣй, етому меньши описавъ царства. А своѣ труды ни бужжи сывасавъ, сабѣ ничего ни узавъ. Якъ пришовъ ёнъ домой, распатѣръ еты труды, дмкъ дѣдушка якъ глянувъ—здыавився, бабушка сомѣла, а ёнъ остався жить жъ жонкой и зъ маткой.

Басня уся, казатъ нидзя. Я тамъ бывъ, мѣдъ вино пивъ, у роти ни было и по боротѣ ни тякло: дали хлѣба крайчикъ, дмкъ я подѣ вороты, якъ салчикъ; якъ дали ни гыловѣ, дмкъ я дали утукать.

Д. Косымычичи, старос. вол. жтисл. у. Отъ кр. Архива Павлова 47 л., неграмотнаго, зав. г. Аникѣвичъ.

39. Кашеваръ да добрый молодецъ.

Живъ сабѣ старичокъ зъ бабой удюихъ, у яго дѣтей не было. Тяперъ ёнъ говорить на бабу: «што, бабушка, будѣмъ дѣлать? Пойди, говорить, бабушка, на городъ, купи, говорить, бабушка, неческъ дванадцатъ; и будѣмъ, говорить, сядѣтъ! А таки жъ, говорить, курка-писклятокъ выводитъ.» Ну, купили дванадцатъ яческъ и сѣли на ихъ. Ну, тяперъ яны сяди-сяди, сяди-сяди,—и вывали дванадцатъ сыновъ. Тяперъ, собрали шумовъ, повязали хрысѣтитъ. Перихрысѣтили одинадцатъ, а дванадцатаго забыли. Вярнулись къ попу. «Ватюшка, говорить: одного забыли перяксытитъ!» Ёнъ узавъ хрысѣтитъ да говорить: ну, ето будѣтъ Кашеваръ, да добрый молодецъ! Прѣѣхали яны съ креста, хрезьбины згуляли. Узалися тья малы расѣти, растутъ не по го дамъ, растутъ по часамъ. Черазъ нѣскульки урема уж-

парня хорошия. «Ну што, отецъ, говорятъ, будемъ робить? нахъ, говорятъ, гулять нечаго, треба за хозяйство займатца!» Отецъ пошовъ, сейчасъ пожню ихъ занявъ. Отъ ёнъ ихъ оправивъ косы, грабли, усё якъ слѣдуетъ. Убираютца яны уже на тэй лугъ косить. Собралися и поѣхали. Приѣхали и началъ косить. А тэй женьшій Кашеваръ да за кухаря ихъ остався. Тогда, зваривъ тамъ што нибудь и требуетъ ихъ свѣдать. Ну, яны сѣли, посиѣдали, тогда жъ ёнъ говоритъ: «братцы, пора, говоритъ, отдохнуть трѣшку; тяперъ, говоритъ, нечаго сразу ханѣтца на работу!» Яны лягли отдыхать, уснули. Ёнъ узавъ косу, якъ шнѣреть, дакъ ёнъ удвой скосивъ, якъ яны. Тогда приходѣтъ къ нимъ: «пора, братцы, устать, отдыхувли трохи!» Тяперъ, яны пошли косить, припили—косъ нема. Покуль яны до ихъ дошли, дыкъ много уремя пройшло. И опять стали косить. А ёнъ обѣдать готувавъ. Приходѣтъ, обѣдать гукаеть. Приходѣтъ обѣдать, ёнъ у ихъ спрашиваетъ: што, говорятъ, братцы: якъ у васъ тамъ на косьбѣ? Яны яму откицають: «ахъ, братъ! говорятъ: мы косили-косили, а Богъ якъ давъ, дакъ чуть косы нашпи!» Ёнъ говоритъ: «ну, братцы, молитесь Богу и просите Бога, што Богъ помогаетъ!» Яны косили нѣскульки уремя—можж день—два—три. Кажеть: братцы! пора гресъти, а то, говоритъ, почарибеть! Ну и началъ гресать, у конь валають. Тогда пришли отдыхать. Яны лягли отдыхать, а ёнъ якъ пошевъ, якъ махнувъ, дакъ удвой боли за ихъ згрѣбъ. «Тяперъ, братцы, надо сто-жаря дѣлать!» Яны начали у стоги кѣдаты, ш пришли яны почавать уже къ яму. Отъ яны повячерали ш уснули. Ёнъ пошовъ, якъ махнувъ, дакъ удвой боли за ихъ скѣдавъ стоговъ. Тогда лугъ стый яны якъ коньчили, покосили и у стоги поскидали уже,—«тяперъ, братцы, мы домовъ будемъ отпралятца!» Тяперъ, якъ пришли яны дома, ёнъ, Кашеваръ, добрый молодецъ отцу и говоритъ: отецъ, мы много накосили стоговъ, говорятъ: надо ихъ смотрѣтъ, кабы хто не укравъ стѣга! Помовъ дин черезъ чатыри, ти черезъ пять смотрѣтъ Кашеваръ—одного стога нема! Приходѣтъ дома, и отвищаеть отцу: «надо хоѣтъ вартовать». Батька сказавъ зяду ходить вартовать. Пошовъ пѣрядомъ большій. Пришовъ вартовать и лёгъ «вартовать» подъ стогомъ. Проснувся—а стога нема, чуть свѣтъ! Пришовъ назаутраго отвищаеть Кашевару и отцу: «што, говоритъ: я не могъ ничего зробить! якъ наскѣчили, мяне чуть ня убили,—такъ стогъ и скѣплянъ!» На другую ночь высылають другого. Ну, другій пошовъ и тожъ лёгъ подъ стогомъ. Саму пѣвночъ усхавився вѣ-тѣръ, такъ и показило стогъ, и схавили. Тогда ёнъ приходѣтъ назадъ и отвищаеть Кашевару и отцу: «што, говоритъ, не можежъ усмотрѣтъ ге-такъ, што хѣчѣтя, дѣлайтя! Тогда Кашеваръ, добрый молодецъ, говоритъ: «за двѣ ночи да два стога упало! Стуцайтя, говоритъ, возьмитя жалѣзо

и скуйтя мнѣ, говорить, булаву дванатцать пудовъ!» Отъ яны пошли и скували булаву дванадцать пудовъ. Тогда привозють къ яму у дворъ. Ёнъ вышавъ сычасъ на дворъ, посмотрѣвъ тыя булавы, якъ схавивъ яе, якъ спусьтѣть подъ небеса! Яна—выставивъ руку—якъ ударилася объ руку—якъ ударилася объ руку, дыкъ и разбилася! Тогда ёнъ на 'тца закричавъ:—«што, говорить, отецъ: коло мене смлѣтесъ?» говорить: «якъ можно, говорить, покрѣпшы работайтя булаву!» Яны узали и опяť отпавилися у кузню. Ну, я сковали яе уже покрѣпшы, тожъ у дванадцать пудовъ. Ну, привязали яны домовъ; тогда ёнъ вышавъ со двора, схавивъ яе, якъ пусьтивъ подъ небеса! Тогда подставивъ колѣно. Яна ударилася объ колѣно, отскочила. Тогда, ёнъ яе узавъ, укланѣ у карманъ. Ну, перяксьтився Богу, и пошовъ на ночь. Тогда, пришовъ, на стогъ узлѣзъ, сѣвъ сабѣ на стогъ, за коль узався, за стрѣлу. У саму пѣвночь, бяжить кобылица изъ дванадцати жаробцамы. Якъ прыскочила, якъ тирилася коло стога, дакъ стогъ схавила и пошла. Ёнъ съ стога упавъ. Назаўтраго, опяť пошовъ. Опяť на стогъ узлѣзъ и покрѣпшы уже напехтувався. И въ саму пѣвночь, бяжить опяť кобылица изъ дванадцати жаробцамы. Только подъ стогъ подбѣгаетъ, подбѣгаетъ къ стогъ, ёнъ съ стога соскочивъ, да на яе—узылился яны вышы лѣсу стоячаго, вышы воболокъ лятучихъ—понясла яна яго, на тридѣсятая парство, на тридѣсятую зямлю. Ёнъ якъ ставъ яе булавою тѣй бить—ива яго носила, носила,—уже у яе мочи нѣту—заморивъ! «Кашеваръ да добрый молодецъ! што отъ мне жалаеца?»—А што я отъ тябе жалаю: я жалаю, кабъ ты мяне на отечпкій дворъ, говорить, знесла! Уть яна на отечпкій дворъ якъ принесла,—сичасъ къ яму выходить отецъ и братія:—мы, говорить, думали, што тябе на свѣѣн нѣту! А ёнъ, бачъ, довго лѣтавъ на ёй,—дней семь можа. Ну, говорить, братцы: штобъ конюшни устроили, и кабъ дванадцать стойловъ кабъ было! А самъ ёнъ тогда и отпавився. И ёнъ заказавъ, а самъ отпавився. Отъ яны стали конюшню стрѣитъ. Устроили и дванадцать стойловъ. А ёнъ узновъ узнявся вышы лѣсу стоячаго, вышы воболокъ лятучихъ, и лѣтавъ нѣскульки урехя, довго, покамѣсь не заморивъ такъ, што яна уже ня можетъ и дыхатъ. Тогда яна яго спрашѣтъ: «ахъ, говорить, Кашеваръ да добрый молодецъ! што отъ мяне жалаеца?»—А што я отъ тябе жалаю—я жалаю, кабъ у мяне было дванадцать сыновъ твоихъ—жаробцовъ! Тогда яна якъ зарзала, ажъ земля затряслася. Яны прыскочили къ ёй, къ кобылицы. «Ну, тыноръ, говорить, поѣдемъ домой!» Ну, 'зяли спускатца—спусьтились кы дворъ. Якъ узбѣхавъ ёнъ на дворъ, сычасъ братѣя и выскочило и отецъ вышавъ. Якъ вышавъ, ёнъ узавъ, раздѣливъ мнѣ усмѣ по лошади, а старяку отдавъ кобылку. Тыя жъ лѣпшихъ расха-

ишли, а яму засталась худѣйшая, маленькая. Ну, теперь, говорятъ, отецъ; ядбоя жанитца! Ну, у батьки спросидиса, узали лошадей и поѣхали. А яго плешенькая лошадь, ёнъ узавъ у поводѣ и вадеть сабѣ. Сколько уреша прошло, ёнъ вѣвся, вѣвся, и лошадь у яго спрашнётъ: «ахъ, говоритъ, Кашеваръ да добрый молодецъ, пусьти илане, говоритъ, на лугъ, дай мнѣ три разы покачатца, и три травинки зѣхъ, и три росинки съпнѣ!» Тогда, якъ покачався ёнъ, дакъ ёнъ полѣйшавъ. «Тяперъ, говоритъ, мяне сѣдлай: клади на мяне сядло чаркѣскае, и войлокъ—бухарочки, потпружи мяне дванадцатины потпругамы! Тяперъ садисъ на мяне лѣпка и дяржисъ крѣпко, и узнимеся вышы лѣсовъ стоячихъ, вышы воболокъ ходячихъ!»... Ёнъ тыхъ братовъ нагнавъ и перегнавъ. Сычасъ прилетаюць яны, стоятъ хатка на курьей нозцы. И ли тѣд хатки дванадцать слуповъ убито и дванадцать кольцавъ убито у слупы. Тогда ёнъ сычасъ узавъ, къ кольцу привязавъ лошадь, къ слупу, сычасъ приходнѣ къ хатцы: «хатка моя, повярнисъ задомъ, стань ко мнѣ перядомъ, я у тябе улѣзу, маленько посмотри!» Яна покрутилась и стала къ яму перядомъ. Тогда ёнъ улѣзъ у тую хатку; на лавцы ляжнѣ бабка. «Здрастуй, бабка!» А здрастуй, говоритъ, Кашеваръ добрый молодецъ! ни чувомъ чували, ни видомъ видали, а тяперъ, говоритъ, чуемъ и видимъ!—Ну, вотъ што, говоритъ, сватѣтнѣшка: ти нема ў тябе дванадцать дочъ? Яна яму отвѣстила:—«у мяне, говоритъ, нѣту, а ў сестры ў мод ёсь!»—дальшы, говоритъ, нѣт нѣдобя!» Ёнъ сычасъ выходнѣ, на свойго коня саднѣца, отѣжжаеъ. Браты наѣжжакоъ: «ахъ, што ты, говоритъ, ѣдеш упярѣдъ?» Ёнъ нѣтъ отвѣснѣвъ: мнѣ и треба упярѣдъ ѣхатъ! Нѣскульки уреша ёнъ ѣхавъ, тожъ прѣжжаеъ опятъ къ хатцы на курьей нозцы. Прѣжжаеъ къ хатцы, дванадцать слуповъ укапано, и дванадцать кольцовъ убито, у ~~всѣхъ~~ слупъ по кольцу. Ёнъ вѣснѣвъ съ свойго зъ добраго коня и приходнѣ къ хатцы: «хатка моя, воротисъ задкомъ, ко мнѣ перядкомъ, я ў тябе улѣзу, маленько посмотри!» Дакъ ёнъ якъ сказавъ, дакъ хатка сычасъ перекрутилася къ яму перядкомъ. Улѣзъ ёнъ, а яна на лавцы ляжнѣ, ноги задравши. «Здрастуй, бабка!»—Здрастуй, Кашеваръ, добрый молодецъ! ни чувомъ чували, ни видомъ видали, а тяперъ чуемъ и видимъ!—«Ну, вотъ што, бабушка-сватѣтнѣшка: ёсь ли у тябе, говоритъ, дванадцать дочъ?» Яна яму отвѣтила:—нѣтъ, говоритъ: отъ, у сестры ў мод, говоритъ, ёсь! Тогда ёнъ отворотисъ—прощай, говоритъ, бабушка! Вынавъ и сѣвъ на свойго добраго коня и опятъ пошовъ. Опятъ пошовъ у ходъ. Прѣжжаеъ къ хатцы, опятъ жа—стоитъ хатка на курьей нозцы, дванадцать слуповъ укапано, дванадцать кольцовъ убито. Тогда ёнъ сѣвъ зъ добраго коня и приходнѣ нѣкъ хатцы: «хатка моя, воротисъ задкомъ, ко мнѣ перядкомъ! я ў

тыбе улѣзу, маленько посмотри!» Ина перекрутілася. Тогда ѣнъ улѣзъ у хатку, ляжѣть баба на лавки, ноги на грядкахъ, тѣтки подъ стѣлюю. «Здрастуй, бабка!»—Здрастуй, Кашеваръ, добрый молодецъ! Вѣ: ни чувѣмъ чували, ни видѣмъ видали,—а тѣперь и чувѣмъ и видѣмъ! Што ходишь, што ѣздишь?—«Што, ѣсь у тыбе дванадцать дочъ?» Яна отвищаеъ,—говорить: ѣсь!—«Ну, тѣперь, говорить, будѣмъ свадьбу гулять!» Ну, сѣчасъ, ина ѣстала зъ лавки, приняла яго,—посадила яго за столъ, и стали разговаривать, бисѣду вѣсѣти. Сѣчасъ прѣбѣжають братія, лошадей къ слупамъ попривязали, къ колыбамъ, и овса ихъ засыпали, и сами пошли у горницу. Поздрастувалися зъ бабушкой и пачали пѣть—гулять. Тогда Кашеваръ да добрый молодецъ выхѣдѣть у садъ. Сѣчасъ, подскѣкуеъ къ яму Настася-Привокраса, бабина дочка. И тогда яна яму сказуеъ: «ахъ, говорить, Кашеваръ да добрый молодецъ! ѣтъ, говорить: мать насъ якъ гукнѣтъ, дакъ мы скинемся голубками устѣ, посыплѣтъ пшаницы намъ, и мы будѣмъ клювать. И мать съ тобою выхѣдетъ къ намъ и будѣтъ у тыбе спрашиваъ: узнай, говорить, котора твоя? Дакъ я, говорить, крылышкомъ трѣсну, дакъ ты говори, што утъ—гета моя! А тогда скинемся дѣвками, паннами, волосъ у волосъ, голосъ у голосъ, лицо у лицо. Ина насъ увядѣтъ у горницу, и будѣтъ спрашиваъ у тыбе: узнай, котора твоя? Я платкомъ махну, дакъ тогда глядя и скажи: утъ-гета моя!» Ну, тогда ина, бабушка, пошла и гукнула ихъ у горницу и скинула голубками. Поманила ихъ и посыпала пшанички ихъ. Тогда узѣла, Кашевару и говорить: «узнай, котора твоя?» Яна крыльцѣмъ—трѣпъ! Ёнъ говорить: утъ-гета моя! Тогда скинулись яны уже дѣвками, паннами, и вводѣтъ яна ихъ у комнату и гукаеъ: Кашеваръ да добрый молодецъ! ну, говорить, узнай,—котора твоя? Яна хусточкой махнула, ёнъ и узнавъ,—говорить: утъ-гета моя! Ну, тогда уже нечаго, надо уже къ вянцу ихъ отпралять. Поѣхали яны къ цѣркви и обручились. И дала яна яму хусточку подъ вянцомъ. Ѣтъ, табѣ, говорить, ета хусточка: знадобѣтца при злѣй годѣни! Ну, прѣехали домоѣ, стали пѣть-гулять, добрыя мысли мать. Пѣли-гуляли, у копецъ выселяя, ето уже треба ихъ,—уже складины дѣлатъ. И сѣчасъ у сарай, соломы нас(т)лали и туды ихъ усѣтъ у пуню положили спать. Ну, конъ етѣй Кашеваровъ, узавъ и кричитъ:—«Кашеваръ, добрый молодецъ! сѣпѣтя, отпочивайтѣ, на сѣбе угѣды не знайтѣ! Уже, говорить, бабушка послала за кѣтомъ, будѣтъ, шупая по платьѣю—головы оттинать!» Кашеваръ отвищаеъ: што намъ дѣлатъ? Говорить: «а возьмиѣ, говорить, зъ ихъ платьѣя перемяниѣ: зъ ихъ платьѣя на сѣбе, а своѣ на ихъ!» Яны узѣли, платьѣя перемянили, передѣлисъ: своѣ на ихъ, а зъ ихъ на сѣбе. А Настася Привокраса у садъ увыйшла и осталась тамъ. Тогда, прѣбѣжаеъ катъ. Яна упустила яго у клѣвъ.

Ёнъ и пошовъ, шулая по илатыю, головы отіивать. Тогда конь говорить: „Кашеваръ, добрый молодецъ! будетъ опять худо!“—Што намъ дѣлать? говорить.— „Утекатъ треба!“ Тогда узавъ лошадь, копытами землю выбивъ подъ сѣяну: «лѣзѣя сюды подъ сѣяну!» Яны якъ улѣзли подъ сѣяну, говорить: „сидитесь на лошади живо!“ Якъ вылѣзли, такъ сѣли на лошади и наѣхадъ, уѣзжаютъ! Уѣхали. Ну, бабушка была уснула крѣпко. Ну, якъ учула, што яны уѣхали, загрузотѣли, яна сычасъ уздогонъ за ними; у ступу сѣла, тувначомъ погоняеть. помяломъ слѣдъ заметаеть. А яны ѣхатъ, ѣхатъ, прѣхали къ огниакой ряцѣ. Ёнъ узавъ, хусточкой махнувъ—калиновый мостъ ставъ. Перѣѣхали яны огниаю рякѣ, опять ёнъ махувъ, калиновый мостъ упавъ. Яна прискочила да говорить: «ахъ, Кашеваръ добрый молодецъ! узавъ одинадцать дочъ, говорить: а ти будешъ у гостѣи ко мнѣ ящѣ?» Ёнъ ей отвѣтивъ, што буду! Ну я поѣхали. Ухали, ѣхали, и выбегаютъ на лугъ. Охъ, говорить, братія! отдынѣмъ, нехай лошади походѣтъ по лугу. Ну, нустьили лошади по лугу, а самы отѣборились, зѣдѣтали балганьчякъ сабѣ, и отдыхать. Якъ начали лошади битца, дакъ забилися ўси, — одинъ одного позабилъ уси. А Кашевара, добраго молотца, конь, етый не чапавси, в далѣко ходивъ отъ нихъ. Тогда стали братья спорить—твой лошадь упирѣдъ завѣсся! твой лошадь упирѣдъ завѣсся! Ну, я братья забилися уси, только одинъ Кашеваръ застався, тѣй не чапався одинъ. Тогда узавъ братовъ усихъ на бирема, и повѣсь къ ряцѣ,—ряка тамъшла—и ўбросивъ ихъ у рякѣ. Тогда узворотився, узавъ лошадей по два, по два, и тыхъ у рѣку унёсь усихъ. Тогда Кашеваръ пришовъ къ своему доброму коню, узлѣгся на яго и заплакавъ. Ёнъ говорить: „што плачешъ? Ето, говорить, бѣда не бѣда, ще будетъ бѣда,—топоръ да плаха, да смѣртна рубаха!“ Ну, тогда ёнъ яго осѣдлавъ, сѣвъ и поѣхавъ на нихъ.

Ўдѣтъ сабѣ дорогой—ляжѣтъ пярѣ, такія пярѣ, што ажъ увесь свѣтъ зыаеть. Ёнъ сѣвъ зъ лошади и бярѣтъ тоя пярѣ. Конь яму отвѣщаеть: «ахъ, говорить, Кашеваръ, добрый молодецъ! ня рушъ етаго пера, ў етымъ пярѣ вяликаа бяда!—будѣтъ табѣ, говорить, топоръ да плаха, да смѣртна рубаха!» Ёнъ яму отвѣщаеть: «ахъ, говорить, песьсяя мясо! што ты знаешъ? говорить: ето, говорить, доброму молодцу привукраса!» Узавъ тоя пярѣ у вишень и поѣхавъ. Выѣзжаеть на лугъ, зъ лѣсу, сычасъ узавъ, теплушкѣ раславъ и ставъ сабѣ коло того туплѣ трубку курить. Узавъ тоя пярѣ и поворачуеъ сабѣ, красуетца. Только такъ ето подъ лѣсомъ, недалѣко, помѣшникъ домъ бивъ. Тогда помѣшникъ тамѣтки смотреть: што ето за диковина тамъ, што ажъ увесь свѣтъ зыаеть? Якая диковина тамъ? Тогда ёнъ посылаеть писаря туды, къ яму, кабъ отдавъ тоя пярѣ,—што ёнъ тамъ красуетца зъ нимъ! Ну ёнъ яму, помѣ-

шикъ, и говорить: што хочешъ, говорить, бяри, только отдай мнѣ это пиро! Коли хочешъ, половина ижѣнья своего табѣ отпишу, свое вѣтчанъ. Ёнъ говорить: «што мнѣ, говорить, яго гроши и ижѣнья? говорить? Ёто доброму молодцу привукраса!» Ну, могъ помѣщикъ туды самъ къ яму оборотѣтца. «Ну, дай, говорить, Кашеваръ, етая пярѣ,—я тѣбѣ съ своей дочарью ожаню!» Ёнъ только тяжко уздыхнувъ, и узявъ и отдавъ тоя пиро яму. Ну, тогда прѣѣхали яны *дома*, тамъ ёнъ сколько побывъ у помѣщика у того,—«ну, што жъ, говорить: надо жанѣтца!» помѣщикъ на яго.—«Да, говорить, надо!»—«Ну, говорить, жанѣся!»—«Што жъ, говорить, жанѣтца—у мяне, говорить, ёсь жана, я, говорить, ея приставлю суда! Ну, тогда узявъ своего добраго коня, и поѣхавъ къ баби, къ вѣдьми. Сычасъ прѣѣхавъ, и у садъ. Тогда якъ улѣзъ у садъ, сычасъ яна идеть. Настася Привокрася. Ёнъ сычасъ схлѣпѣвъ яе за руку дакъ сабѣ на коня, и только и бывъ. Коло вокна застучѣвъ зъ саду. Ахъ! говорить баба вѣдьма. Якъ учула, сычасъ у ступу, тувкачомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ замечать, уздогонъ за нѣмъ, слѣдомъ. Прискѣчили къ огняней ряцѣ. Ёнъ хусткой махнувъ—калиновый мостъ ставъ, черезъ ряку перѣѣхавъ, зновъ махнувъ хусткой, калиновый мостъ упавъ. Яна у огняную рѣку по заборѣви ускочила: «ахъ, Кашеваръ, добрый молодецъ! Узявъ одинадцать дочокъ?»—«Узявъ!»—«Узявъ Настасю Привокрасю?»—«Узявъ!»—«А ти будешъ яно у госьти?»—«Буду! говорить».

Ну, привѣзъ ёнъ яе суды къ помѣщику, и начали пить-гулять, веселятца. Ну етый помѣщикъ у яе и улюбився. Улюбився такъ, што сычасъ и жанѣтца требуетъ. Ну яна говорить: «якъ жа мы жанѣтца будемъ, винчатца, вяселья гулять, коли у мяне платѣтя нема маткинаго винчалинаго, шѣвковаго?» Панъ сычасъ на Кашевара добраго молодца: „Кашеваръ добрый молодецъ! говорить: кабъ было такая и такая платѣтя!“ Ёнъ пошовъ къ коню къ своему, сычасъ усклавъ на яго голову и заплакавъ. „Што ты плачешъ?“—Посалаеть мяне панъ за платѣтямъ винчалинъ Настася Привокраси!—„Што жъ, садѣся на мяне лѣпко, дяржися крѣпко, поѣдемъ!“ Ёнъ сѣвъ на яго лѣпко, держався крѣпко, и полѣтѣли къ тѣй вѣдьми. Сычасъ прилетаеть ёнъ, сычасъ коло ‘кошка зъ лошади сѣвъ и коло ‘кошка ходить,—скинувся котомъ чорнымъ. Ну, а ‘кошки расчѣинты. Ёнъ сычасъ на ‘кошко. Баба ета вѣдьма узяла яго, голѣбѣтъ: ти не можъ дочушакъ душа? говорить. Узяла и положила коло сябе спатъ. Яна заснула, ёнъ подѣ подушку, сычасъ ключики узявъ. Бывъ котомъ, ставъ молодойцомъ. Узявъ, отожкнувъ скрыню, платѣтя тоя узявъ и сычасъ за вокно. И сѣвъ на добраго коня своего на богатырьскаго. И якъ только съ саду полѣтѣвъ, баба и учула. Сычасъ на ступу сѣла, тувкачомъ погоняеть, помеломъ слѣдъ замечаетъ, у здогонъ за нѣмъ. Только ёнъ перѣ-

блავъ огняную ряку, ина туды. И по колѣни у огняную ряку ускочила. «А што, говорить: узьявъ одинадцать дочокъ?»—Узявъ!—«Узявъ Настасю Привокрасю?»—Узявъ!—«Узявъ плаття винчальная?»—Узявъ!—А ти будешъ ишо у госьти?»—Буду!

Ну, тяперь, привѣзъ плаття и отдавъ ей. И стали нить, гулять, весялитца. Ну тогда панъ говорить: „будемъ жанитца!“—Якъ же жанитца? говорить: иѣту жъ у мене винчалнаго персьня! Тогда требуетъ яго панъ. «Ну, Кашеваръ добрый молодецъ! доставивъ ты плаття, доставъ и персьтень винчальный!» Ну, вышавъ ёнъ къ доброму коню, узлѣгся на яго и заплакавъ. Тѣй конь яму отвѣщае: «ахъ, Кашеваръ добрый молодецъ! гето не бѣда! Будеть бѣда, топоръ и плаха, и смярѣтная рубаша. А тяперь, садись на мене лѣпко, дяржися крѣпко, поѣдемъ за персьнемъ!» Сычасъ поклавъ на яго сядло чаркесьская, воллоки бухарочки, потпуживъ дванадцатинъ потпругамъ, сѣвъ и поѣхавъ. И сычасъ прѣѣжае у садъ, спускаетца, сычасъ котикомъ и скидаетца. Тогда скинувся котикомъ, сычасъ на кошко. Баба змѣя сычасъ узала яго,—на рѣки бареть, голубить яго: „гето ти не коѣ дочушки душа?“ говорить. Сычасъ на руки бареть, и на посѣдлю съ собой кладеть яго. И у бабы у роти за щекой золотѣй персьтень—тѣй. Ну, ёнъ прихитрився, коло яѣ лѣгъ и такъ хвостомъ якъ ставъ шаволить коло зубовъ, коло рота—яна спросонья якъ кашлянула, такъ персьтень и выплюнула. Ёнъ бывъ котокъ, персьтень ухапивъ, да за окно, и зѣдѣлався жолойцомъ. Сѣвъ на добраго коня, да драло. Ина прошнудась, да за нѣхъ у здогонъ. По поясъ у тинну ряку ускочила. «А говорить, Кашеваръ добрый молодецъ, одинадцать дочокъ узьявъ?»—Узявъ!—«Настасю Прикрасю узьявъ?»—Узявъ!—«Плаття винчальная узьявъ?»—Узявъ!—«Персьтень золотѣй узьявъ?»—Узявъ!—«А ти будешъ яшо у госьти?»—Буду!

Ну, привязли и отдали персьтень тѣй, и стали нить, гулять, весялитца. Пили, гуляли, весялялися. «Штожъ, говорить: жанитца надо!» ёнъ загадуеъ. Ну яна отвѣщае: „штожъ жанитца?—иѣту монѣхъ свячей винчалныхъ, што мать моя винчалася!“ Ну, панъ стребувавъ Кашевара добраго молодца, и отвѣтивъ, кабъ свѣчи доставивъ винчалныя. Тогда ёнъ вышавъ къ коню и заплакавъ. „Што ты плачешъ?“—Панъ сказавъ свѣчи винчалныя доставить!—„Ну, ето дѣло, не дѣло—садись, поѣдемъ!“ Ёнъ заѣдлавъ яго и поѣхали. Опять у садъ и спустилися. Тогда ёнъ у сади похолодъ. Тамъ у сади цѣрква, яе мельня, тамъ пастушокъ за садомъ. Ёнъ къ яму, сычасъ одежу у яго перидѣвъ, и кошалѣхъ узьявъ, а яму свою отдавъ. Тогда конь яму сказуеъ: я скинуся барашкомъ! И узьявъ, и скинувся барашкомъ: золотая шарсьтинка, сребрана, золотѣй копытникъ, сребрапыи копытникъ, золотѣй рожокъ, сребрапыи рожокъ. И похажують

сабѣ тамъ коло църквы. Якъ повѣрнетца, даъ бочокъ ажю зыять. Тогда рабаты услышали: ай, говорятъ: што это за штука такая! И уси вонъ изъ църквы, уси до двого. Ну отъ, уси съ църквы выскочили, баба тая выскочила, и уси. А ёнъ сычасъ ускочивъ, свѣчи ухлпавъ, да сычасъ у кошлѣкъ. Сычасъ идетъ барыня. «Барыня, я твой пастушокъ!» — Пожалуста, говоритъ, поймай мнѣ яго! Ёнъ яго подхавиить: барашка, барашка, барашка, барашка! Ды за нмъ дальшы идеть. Дальшы отступили, — бывъ барашка, ставъ лошадемъ. Ёнъ тогды хопъ на яго да и нѣту. Баба вѣдьма на стуну, тувкачомъ погоняеть, помеломъ слѣдъ заметаеть, ды у здогонъ. По груди у огнянуя ряку ускочила. «Што, Кашеваръ да добрый молодець: одинадцать дочокъ зывѣвъ?» — Зывѣвъ! — «Настасю Привокрасю узавъ?» — Узавъ! — «Платѣтя винчалная узавъ?» — Узавъ! — «Персьтень золотэй узавъ?» — Узавъ! — «Свѣчи винчалныя узавъ?» — Узавъ! — «А ще будешъ?» — Буду!

Ну, тяперъ привязали, отдавъ ёмъ свѣчи. Стали пить, гулять, веселятца. «Ну, будемъ жанитца?» — Нема, говоритъ, моихъ гуслявъ саноплясныхъ, што мой маты свадьбу играли! Ёнъ зоветъ Кашевара и отвѣщаеть, кабъ доставивъ гусли «вноплясныя. Пошовъ ёнъ къ коню и заплакавъ. «Ну, каеть, не плачь, поѣдемъ! Только гляди! лежать яны у скрини; гляди жъ, говоритъ, якъ будешъ брать, да сѣдишь на лошади, дакъ кабъ слѣдъ у слѣдъ ступавъ. А ня будешъ слѣдъ у слѣдъ ступать, дакъ яны, говоритъ, зайграють, яна тябе пойнаеть и стратить!» Ну, сѣвъ ёнъ на добраго коня и поѣхали. И «пустилися туды, у садъ. Скинувся котомъ, скинувся котомъ, и прямо у «кошко. Ну, яна увидала, сичасъ на рѣки узала, голубиѣ стала. На койцы и спатъ съ нхъ легла. Ина заснула богатырськимъ сномъ, а ёнъ не спавъ; сычасъ ключики съ подъ подушки узавъ, скриню отомкнувъ и гусли саноплясныя узавъ, и слѣдъ у слѣдъ ладивъ. Бывъ котомъ, зѣлався молодойомъ, сѣвъ на своего добраго лошади, заступѣвъ коло окна. Ина прошилуся, сычасъ на стуну сѣла. тувкачомъ погоняеть, да у здогонъ. По пахи у огнянуя ряку ускочила. „Ну, Кашеваръ добрый молодець, одинадцать дочокъ зывѣвъ?“ — Зывѣвъ! — «Настасю Привокрасю узавъ?» — Узавъ! — «Платѣтя винчалная узавъ?» — Узавъ! — «Персьтень золотэй узавъ?» — Узавъ! — „Свѣчи винчалныя узавъ?“ — Узавъ! — «Гусли саноплясныя узавъ?» — Узавъ! — «А ще будешъ?» — Буду!

Привѣзъ ёнъ гусли, отдавъ. Стали яны пить, гулять, веселятца, у гусли саноплясныя играть. Тутъ беда такая, што... Гульбиша подвяли! Пьють, гуляють, веселятца. Тоды панъ: ну, будемъ жанитца! — Якъ же панъ жанитца, коли нѣту, говорятъ, тыхъ лошадей, што моя матъ къ, вянуцѣ вѣдила! Требуеть панъ Кашевара добраго молодца. „Ну, говоритъ Кашеваръ добрый молодець! не доставишь коней, будеть табѣ топоръ да

плаха, да смирѣтная рубаха!“. Заплакавъ ёнъ, поповъ къ коню. Конь яму отвѣщаетъ: «бари ты три пуды пнянѣй, три пуды смолы и три кожи. и ускѣлай мяне и укрѣчай, кабъ мяне кобылица ня спортила, маѣнъ. „И бари, говорить, съ собой булаву свою и би мяне, говорить, не жалѣй!“ Ахъ, конь мой! говорить: якъ жа мнѣ тѣбе битъ, што ты мяне такъ вызволяешъ?—«Ну, говорить: нужды нѣтъ, а би мяне, говорить, якъ сила твоѣя!» А яна значитѣа, кобыла, отъ батѣки отъ яго знова къ вѣдѣми досталася, и тыхъ усѣхъ позворотила, што у рѣку побросавъ. Ну, ёнъ узавъ три пуды пнянѣи, три пуды смолы, укрутивъ яго, обсмоливъ, поклавъ на яго сѣделцо чарнесьская, войлоки—бухарочки, сѣвъ и поѣхавъ. Прискочили къ конюшняи. Якъ почавъ ёнъ яго битъ тамъ, якъ ставъ ёнъ выпѣтъ, ирзаты!.. Ну, якъ учула кобылица, якъ стала двери ломать у конюшняхъ, да якъ выскочила, якъ шаринула, дакъ рядъ смолы, рядъ пнянѣи и кожу вырвала, стапила. Тогда другой разъ якъ шаринула—ще рядъ пнянѣи, рядъ смолы и кожу доловъ! Третій разъ только хотѣла,—а ёнъ хлопъ на яе, и ускочивъ Кашеваръ добрый молодецъ, и давай ея булавою битъ. Яна й полѣтъла. Двери поразломили ўси, и жерябцы за ѣй. Баба вѣдѣма учула, сѣла ў ступу и у здогонъ. Якъ лѣтъла, по пѣю у вогняну рѣку! «Ахъ, говорить. Кашеваръ добрый молодецъ: одинѣпатъ дочокъ зывѣвъ?»—Зывѣвъ!—„Настасю Приврасю узавъ?“—Узавъ!—«Платѣтя винчальная узавъ?»—Узавъ!—«Персѣтьень золотѣй узавъ?»—Узавъ!—«Свѣтчи винчальныя узавъ?»—Узавъ!—«Гусѣли саноплясныя узавъ?»—Узавъ!—«Лошадей моихъ винчальныя узавъ?»—Узавъ!—«А ти будешъ ящѣ?»—Нѣ, чортъ къ табѣ нехай будѣтъ! И поѣхавъ на кобылицы.

Привѣвъ кобылицу, панъ и выходить—и радъ, якъ ни съ чаго. Сичасъ и свадьба будѣтъ, усѣ подоставлявъ! думаетъ. Кобылу сичасъ на конюшню, а конь Кашевара добраго молейца стоить сяредъ двора. Ну, говорить, Кашеваръ добрый молодецъ! ступай на кухню, зъ дороги, говорить, отдохни!

Только ёнъ ступивъ на кухню, а кухарѣи сичасъ за яго—голову на колодку, отрубили, и порубили ўсяго на дробныя штуки, и ў котѣль, у холопѣ изварили, и узали, собакамъ оддали. Ну, собаки й поѣли. Тогда конь стоить на дымѣ мѣсьти; никуды ня йдѣтъ. А яны пѣють, гуляють. Сколько яны тамъ пили, гуляли, и весялились, я стало ѣй, Настаси Привокрасѣ, скушно. Зирнула у окно, убачила стаго коня, и выходить къ яму, къ коню, и спрашиѣтъ у яго: „што, говорить, конь мой! штоты говорить, сосмѣтився, стоишь?“ У яго слѣзы посыпались, у лошаѣя, якъ бобъ, изъ глазъ. Яна говорить: «ахъ, Господи, говорить: сколько страждавъ, и тяперъничого ня пѣешь, не яси!» Узала платокъ, и стала яму слѣзы вытирать. Обтираѣтъ лошаѣю слѣзы и яна слязми дужа залилась. И лошаѣ у яе спра-

шіть: коли ты яго жалѣешъ, вѣрно яму присягала, иди, говорить, принеси мнѣ уси косточки, собери мнѣ и положи передо мною! Ина пошла собирать эти косточки, по углѣхъ, по сметнищахъ, по полю—собрала уси, одного палца мѣзинного нехъ. «Иди, говорить, шукай!» Ина пошла, нашла той палець, принесла и положила тамъ перядъ янъ, перядъ лошадыю. Лошадь разъ дыхнувъ,—ѣнъ соснувався, другей разъ дыхнувъ—зашаволився, третій разъ янъ дыхнувъ—дакъ ѣнъ ускочивъ. «Охъ, говорить: заснувъ же я богатырскими сномъ крѣпко!»—Нѣ, говорить: тябе страчено было! И ѣнъ то бывъ пригожъ, а то щѣ непригожѣвъ—дужа красивъ ставъ: што ни ў казци сказаць, и ни въ уѣ показать. Тяперь яна узьяла, обняла яго, поцаловалися, и повилъ у комлаты. И стала пить, гулять, веселитца. Ну ѣнъ, тѣй панъ, якъ убачивъ, што ѣнъ дужа красивъ ставъ, такъ сичасъ бросився на кухню и сичасъ на кухарей закричавъ: рубіть, говорить, мяне на мелкія штуки, сичасъ у котѣль укинѣть! Ну, узьяла, порубила, у молоцѣ зварила, собакамъ oddala. Собаки и поѣли. И пропавъ уѣсто собаки. А Кашеваръ изъ ей у тыхъ имѣнни и остався. И живеть. И я тамъ бывъ. Да што жъ, коли мнѣ ничего не попало!—Мѣдъвино давали, правды.

Высоческим бол. ори. у. отъ кр-ня Якова Игнатовъ, 76 л. негр.

40. Настася Прикрася.

Нѣўкоторомъ парствѣ, нѣўкоторомъ государствѣ, живъ сабѣ царь, и ў яго бывъ два сыновья. Вотъ сыны этия просють у вотца благословенія ѣхъ у свѣтъ, шукать сабѣ подруги, отцу дорогого подарка. Яны якъ поѣхли у свѣтъ, дыкъ ѣздыють семь лѣтъ, янъ и тяперь ихъ нѣтъ. Вотъ на сѣмая лѣто народився у яго янъ сынокъ. И ни расѣтѣть ѣнъ по годахъ, да расѣтѣть ѣнъ по чысахъ, ни по чысахъ, да по минутахъ. И етый задумавъ сабѣ ѣхъ у свѣтъ, шукать сабѣ подруги, отцу дорогого подарка. Отъ ѣнъ сѣючы ля вокна задумався, а бабка идѣтъ ды й спрашывъ у яго: Иванъ, говорить: я знаю, говорить, твоѣ мысля, объ чомъ ты думишь! Ёнъ усѣрдився на яѣ: якъ можыть хто знать моѣ мысля, объ чомъ я думаю! Отъ ѣнъ ету бабку, выскочивъ, догнавъ, да по потылицы разы съ три заѣвъ. Эта бабка заплакунны ды й пошла. Ёнъ назадъ вярнувся у комнату, сѣвъ и раздумывъ: што за што я ету бабушку разбидавъ? Пойду, припрошу ету бабушку! Сичасъ забѣгъ и ставъ просить ету бабушку: што просьти мнѣ, бабушка, ето, што я тябе разбидавъ! Скажи мнѣ: объ чомъ ты моѣ мысля знаишь, што я думаю?—А ты думаешь жаянѣца!.. Только, у мяне ни спросѣмшыся, ни жэнився!—Ну якъ же, бабушка, ты мнѣ совѣтъ прикладешъ?—Есь у

города Слосніщи и пасеѣ пастухъ лошадей на смятніищи. Ежи-ли табѣ батюшка тую лошадѣ покупать, ты можашъ на ей ѣхѣть жаница!.. Ёнъ сычасъ просить свойго батюшку: што я хочу у свѣтъ ѣхѣть, шукать сабѣ подруги, отцу дорогого подарка! И понижайтѣ, батюшка, у городѣ Слосніща, и покупайтѣ мнѣ тую лошадѣ, што тамѣ пасеѣ пастухъ на смятніищи!.. Батюшка сычасъ поѣхувъ у городѣ Слосніща. Ажно етѣй пастухъ пасеѣ лошадей на смятніищи. Ёнъ спрашныть: што табѣ, пустушокъ, за ету лошадѣ? А ёнъ отвищанть: сто рублей! А ёнъ яму отвищанть: я за яе трѣхъ копѣикъ на дамъ, ни то сто рублей, за ету лошадѣ. И принжжашъ домой узадъ. Сынъ спрашныть: панинька, ти купили мнѣ лошадѣ? А ёнъ отвищанть: што ина дорогѣ, ина на стоить тѣе пѣны у третѣ доли! А ёнъ отвищанть: што, батюшка, какъ хотитѣ, — нятѣйвно купитѣ мнѣ ету лошадѣ. Батюшка ни хотѣвъ яго сердитѣ, опятѣ поѣхувъ. Узновъ спрашныть: што табѣ за ету лошадѣ? — «Двѣсьты рублей!» Полядѣвъ, полядѣвъ, што ина на стоить, ёнъ опятѣ на купивъ етѣя лошади. Узновъ прѣхувъ бязъ лошади. Ёнъ спрашныть: што панинька, покупили вы мнѣ лошадѣ, ти нѣ? — Нѣ, говоритѣ, сынокъ: ина дорога, ина на стоить етѣй цѣны и третѣ дажы. Ёнъ яму у ноги поклонився: батюшка, говоритѣ, мой рѣдѣимый: што скажыть, тѣ платитѣ, ни жалѣйтѣ денѣхъ, только купитѣ мнѣ ету лошадѣ. Ёнъ у третѣй разѣ поѣхувъ куплять. Ёнъ у третѣй разѣ прѣхувъ и спрашныть: што табѣ за ету лошадѣ? — «Триста рублей!» Ёнъ узавъ, триста рублей выкинувъ, ■ лошадѣ узавъ. Отъ ёнъ приводить яму ету лошадѣ, и ёнъ поклонився яму у ноги за ету лошадѣ, и прѣситѣ благословеніа у батюшки: благословиѣ мяне, батюшка, — хочу я у свѣтъ ѣхѣть, шукать сабѣ подруги, а вамъ дорогого подарка. Батюшка яго благословиѣ, ёнъ и поѣхувъ на своей лошади. Выѣхувъ только зъ города, джъ лошадѣ сжѣно устала. Отъ ёнъ, лошадѣ, отвищанть яму чоловѣчѣицѣиъ голосомъ: «эй, Иванъ, пусъти мяне позною росю походитѣ, а равнюю выкачатѣ!» Ёнъ яе пусътивъ. Ина позною росю походила, равнюю выкачалася. Ёнъ уранѣиы уставъ, свиснувъ, лятитѣ яму лошадѣ яго, — вотѣ лошадѣ лятитѣ, ажъ зяемлюшка уся подѣ ей дрыжѣть. Нука, Иванъ, говоритѣ: садѣсь на мяне, да дяржысь поврѣицы за мяне. И якъ тѣбенесъть: вышы лѣсу стоячаго, ти вышы бѣлокъ ходячѣиъ? Ёнъ каитѣ: яся мяне вышы лѣсу стоячаго! Якъ подниладъ ина яго вышы лѣсу стоячаго, такъ ёнъ увидавъ домъ. И кругомъ етаго дому, парканъ хороший обгороджанъ, и стовпъ поставленъ, и кольцо прибито. И на стовпѣ написано: хто можыть перизъ етѣй парканъ приискѣчыть и къ кольцу лошадѣ привизать, тѣй можыть Прикрасную Настасю узать! Отъ ёнъ якъ тѣсканувъ свою добрую лошадѣ, ета такъ и лиригорѣиа перизъ парканъ. Ёнъ къ кольцу лошадѣ привизавъ и у комлаты ускочывъ, и ногой топнувъ:

здравствуй, бабка! Тамъ бабушка жила. «Подай попить, поѣсть!» А ина яму отвищантъ: здравствуй, говоритъ, молодойчкъ, ты хочышь нашу При-
 красную Настасю узять?—Тошно такъ, бабушка,—хочу! Отъ ина дала попить яму, поѣсть. «И станови жъ ты свою лошадь у мяне на конюшни, а мою получай сабѣ!» Отъ ѣнъ ету лошадь у яе на конюшни
 кинувъ, а яе получывъ сабѣ. Сѣвъ на ету лошадь, ета лошадь отвищантъ чало-
 вѣчыцкымъ голосомъ: якъ тябе, Иванъ, несѣти: вышы лѣсу стоячаго, ти вы-
 шы болокъ ходячихъ?—Няси вышы лѣса стоячаго! Якъ подвила ина яго
 вышы лѣсу стоячаго, такъ ѣнъ увидивъ другій домъ. Увидивъ другій домъ, и пусь-
 тився понижи. И стоить стовпъ, и кольцо прибито. И на стовпѣ написано: хто
 можыть цериць етый парканъ перискочыть и къ стовпу лошадь привизать, тѣй
 можыть Прикрасную Настасю узять! Отъ ѣнъ якъ тисканувъ свою добрую
 лошадь, ета такъ и пригорѣла цериць парканъ. Ёнъ къ кольцу лошадь
 привизавъ и у комлату ускочывъ, и ногой топнувъ: здравствуй, бабка!
 Тамъ тожа бабушка жила. «Подай попить, поѣсть!» А ина яму отви-
 щантъ: здравствуй, говоритъ, молодойчкъ, ты хочышь нашу Прикрасную На-
 стасю узять?—Тошно такъ, бабушка,—хочу! Отъ ина дала попить яму, по-
 ѣсть. «И станови жъ ты свою лошадь у мяне на конюшни, а мою полу-
 чай сабѣ!» Отъ ѣнъ и ету лошадь поставивъ на конюшни, а тую яе по-
 лучывъ узновъ. Сѣвъ на ету лошадь, ета лошадь отвищантъ, тожъ чало-
 вѣчыцкымъ голосомъ: якъ тябе, Иванъ, несѣти: ти вышы лѣсу стоячаго, ти
 вышы болокъ ходячихъ?—Няси вышы лѣсу стоячаго! Якъ подвила яна яговышы
 лѣсу стоячаго, такъ ѣнъ увидивъ третій домъ. Увидивъ третій домъ и спусь-
 тився понижи. И стоить стовпъ, и кольцо прибито. И на стовпѣ написано: хто
 можыть цериць етый парканъ перискочыть и къ кольцу лошадь приви-
 зать, тѣй можыть Прикрасную Настасю узять! Отъ ѣнъ якъ тисканувъ
 свою добрую лошадь, ета такъ и пригорѣла цериць парканъ. Ёнъ къ коль-
 цу лошадь привизавъ и у комлаты ускочывъ, и ногой топнувъ—здравствуй,
 бабка! Тамъ тожа бабушка жила. «Подай попить, поѣсть!» А ина яму
 отвищантъ: здравствуй, говоритъ, молодойчкъ, ты хочышь нашу Прикрасную
 Настасю узять?—Тошно такъ, бабушка,—хочу! Отъ ина дала попить яму,
 поѣсть. «И станови жъ ты свою лошадь у мяне на конюшни, а мою по-
 лучай сабѣ!» Ёнъ свою лошадь оставивъ на конюшни, а яе узавъ.
 Якъ поднявся вышы лѣсу, такъ увидивъ, што стоить домъ золотѣй. Отъ
 ѣнъ подъяжжантъ подъ етый домъ, къ кольцу лошадь привизавъ, и спу-
 дитца у комнаты итти. Лошадь отвищантъ чаловѣчыцкымъ голосомъ: «эй,
 Иванъ! ты, говоритъ, ни спросѣшысь у мяне, ни кидайся! А яди, говоритъ,
 управо барися, якъ ня можно, управо: одиванцать комлатъ парейдши, а у
 дивинапцатой ина буити спать. Дакъ ключи забрай у ей поскорѣй!»

Отъ ѣнъ поможь, ходивъ, ходивъ—ни найшовъ яе нйдѣ. Опять при-

ходить къ лошади: нима, говорить, нидѣ! — «А забирай управо, ўсѣ управо!» Ёнъ ходивъ, ходивъ, нашовъ. Бѣлъ сѣнѣгъ, мнѣ сѣнѣгъ, ну красивѣй яе у сѣнѣи нѣтъ. Ина уснула богатырскимъ сномъ. Ёнъ забравъ подарки тамъ якія, и ключи забравъ. Ина крѣпко уснула богатырскимъ сномъ, и ёнъ грѣхъ зѣ ёй похѣвъ, ина и ни чула. Ёнъ приходитъ къ лошади. А лошадь и ѣвезнала. Лошадь отвѣщайтъ: «эй, Иванъ, говорить: глупо зѣдѣлавъ, говорить: полизай у ряку обмавайся!» Ёнъ полѣзъ. Мылся, мылся, сѣвъ на яе, — «нѣтъ, тяжолъ, полизай обмавайся у другой разъ!» Ёнъ мылся, мылся, сѣвъ на яе — нѣтъ, тяжолъ! — Ии, ще мылся. Ёнъ пошовъ, помылся. А ключами, што у яе узавъ, яны каминныя конюшни позамкнули. Отъ ёнъ, каминныя конюшни позамкнувши, и сѣвъ, на ету свою лошадь. Лошадь якъ тисканувъ, лошадь якъ прыгнула цериъ етый парканъ, такъ кольцо чирканувъ кошетою. Якъ чирканула ета лошадь кольцо, ина очулася и узнала — што бывъ госьтъ у яе и грѣхъ похѣвъ. «Бывъ госьтъ, да ни увидѣшь!» говорить. Ина сычасъ крикнула: богатыри, податъ лошадей! Отъ ёнъ покамисѣтъ заки пулумѣтъ, да каминныя конюшни пулумавъ, лошадей подостававъ, а ёнъ ужэ троку проскочывъ. Только чѣстунѣ ета лошадь подъ имъ, што ина натискуиѣ. Ета лошадь отвѣщайтъ: Иванъ, пишы на зялёномъ дуби: хто можыѣ етаго дуба сѣчъ, и зрубѣѣ, и спалиѣ, тѣй можыѣ злочынца пойматъ! А у бабы волосъ довигъ, а вумъ коротокъ, ина займетца коло яго! Ну, ина и виѣла, якъ ёнъ шаволився коло етаго дуба. Ина подѣхыла къ дубу, ажны на имъ тѣска дѣдина, и написано: хто можыѣ етаго дуба сѣчъ и зрубатъ, и спалиѣ, тѣй можыѣ злочынца пойматъ! Отъ ина занилась етаго дуба сѣчъ, рубатъ и палиѣ, а ёнъ прискочывъ къ етой старуцы, первой: дай, говорить, бабушка, дай мою лошадь, говорить, а нѣ твою! Ина яму отвѣщайтъ: — сядъ ка, говорить, попи, поѣжъ! Ёнъ говорить: неколя, бабушка! Ёнъ сычасъ лошадь ету схвативъ, да и поѣхывъ, а ету кинувъ у яе. Ина сычасъ прискочыла къ етой баби: старая вѣдѣна! говорить: сядишь, хлѣбъ мой яси, а ня можашъ злочынца пойматъ сѣдючи тутъ? — Нѣ, говорить, Прикрасная Настася: я гнѣлася, лошадь свою пригнала, и ни догнала! Ина на конюшню, посмотрѣла — лошадь подъ крывавой пѣной стоиѣ. Ина говорить: браво, говорить, старуха! Опять узновъ и полятѣла услѣдъ за имъ, натискаватъ яго. Узновъ же также лошадь отвѣщайтъ: Иванъ, пишы на зялёномъ дуби: хто можыѣ етаго дуба сѣчъ, и зрубѣѣ и спалиѣ, тѣй можыѣ злочынца пойматъ! А у бабы волосъ довигъ, а вумъ коротокъ, ина займетца коло яго! Ну, ина и видала, якъ ёнъ шаволився ли етаго дуба. Ина подѣхыла къ дубу, ажны на имъ тѣска дѣдина и написано: хто можыѣ етаго дуба сѣчъ, и зрубѣѣ, и спалиѣ, тѣй можыѣ злочынца пойматъ! Отъ ина занилась етаго дуба сѣчъ,

рубаць и паліць, а ёнъ прыскачывъ къ етой старусцы, уторой: дай, говориць, бабушка, дай мою лошадь, говориць, а на твою! Ина яму отвѣщати: сядь ка, говориць, попи, поѣжъ! Ёнъ говориць: неколи, бабушка! Ёнъ сычасъ лошадь ету схвативъ да ѿ поѣхывъ, а ету кинувъ у яё. Ина сычасъ прыскачыла къ етуй баби: старая вѣдьма! говориць: сядишь, хлѣбъ мой яси, а ня можашъ злочынца поймать, сѣдючи тутъ?—Нѣ, говориць, Прикрасная Настася: я гналася, лошадь свою пригнала и ня догнала! Ина на конюшню посмотриѣла—лошадь подъ кривавой пѣной стоить. Ина говориць: bravo, говориць, старуха! Опять узновъ и полатѣла услѣдъ за нимъ, натискавать яго. Узновъ жа лошадь отвѣщати: Иванъ, пиши на зялёномъ дуби: хто можыть етаго дуба ссѣчь, и зрубить, и спалить, тѣй можыть злочынца поймать! Ёнъ написавъ и поѣхывъ. Приижають къ третій старуси. Тая дала яму поить, поѣсць; а ина услѣдъ усѣ. Поиывъ ёнъ, поѣвъ, узавъ свою лошадь и поѣхывъ: ты, говориць, тыперъ и на своей лошади уведѣшь! Отъ, ёнъ сѣвъ на свою лошадь и помаленьку поѣхывъ ужо. Ина прыскакмыть къ третій старуси. Старая вѣдьма! говориць: сядишь, хлѣбъ мой яси, а ня можашъ злочынца поймать, сѣдючи тутъ?—Нѣ, говориць, Прикрасная Настася: я гналася, лошадь свою пригнала, и ня догнала! Ина на конюшню посмотриѣла—лошадь подъ кривавой пѣной стоить. Ина говориць: bravo, говориць, старуха! И опять за нимъ у догонъ. Отъ ёнъ видѣть, што ина ни далёко наняжжати, отъ ёнъ шапку знявъ и отвѣщати ей: прощай, Прикрасная Настася! якъ табѣ у поли вѣтра ни поймать, такъ табѣ мяне ни поймать! А самъ шарахъ подъ небеса на своей лошади! А ина яму отвѣщати тольки: што ждзи жъ ты мяне чыравъ годъ съ рябѣнкимъ! и вярнулася назадъ.

Отъ ёнъ, сколько ёнъ ўремя поѣхывъ, стоимися, и на низъ опустился. И ляжыть камень огромный дужа, што хоромины у три али у чатыри каминь. Отъ ёнъ сычасъ на камень голову поклавъ и лёгъ оддыхать. И заснувъ быгатырскимъ сномъ; а конь ли яго стоить. А яго тыхъ два брата ѣздили, ѣздили и воротилися назадъ. И пупали яго на камни на етушъ. Отъ яны давай искаць, нашли у яго дорогой подарыкъ, и бялетъ нашли, узнали, што ето братъ нѣхъ родный. Удругъ одинъ говориць: ну што, братъ: мы яго загубимъ! Якъ вамъ ѣхыть къ отцу,—што мы ѣздили семъ лѣтъ и ничего ни везѣмъ, ну ёнъ семъ лѣтъ, акъ родился и такія подарки у яго есть!—А другій говориць: нѣ, говориць, жалко, говориць, свое кривъ губить, а мы луччы етуй каминь подынимъ, а подъ нѣхъ продоньница на тѣй сьѣтъ! Нехай туды идѣть! Жывѣ будить, нехай ёнъ Богомъ живець, а забьетца, Богъ сабѣ тамъ изъ нѣхъ! Ну, яны каминь подынали, и ўкинули яго у продоньнику. Подарки забрали, а лошадь не далася. Отъ ёнъ туды звалився и ня чувствовъ—тамоўки шѣ спавѣ.

Прошнувсь ёнъ, сичасъ яму пиѣ захотѣлось. И пошовъ ёнъ шукаѣ:— развѣ тутъ людей нѣма? идѣ нѣбудь да найду водицы попиѣ, говоритъ. Якъ итѣть, дыкъ итѣть, якъ итѣть, дыкъ итѣть, якъ итѣть, дыкъ итѣть — хатку наповъ. Ёнъ заходитъ у ету хатку, ажну тамъ старуха. Ёнъ уходитъ у хатку: здравствуй, бабушка! А яна отвищайтъ:—здравствуй, молодѣцъ. —Поддай ты ниѣ, бабушка, водицы попиѣ!—Нѣ, говоритъ, молодѣцъ: поѣсьтъ дамъ, а водицы нѣ!—Объ чимъ жа такъ, говоритъ, бабка?—А вотъ, царь-кыю дочъ зымѣю объ двинанпачѣ гылывахъ на вѣжанъ привязуѣ, ёнъ яе зѣсьтъ, тады отомкнѣтъ усѣ ключы, пусьтѣтъ усю воду. А тыперъ позамкнѣвъ усюдахъ воду—ни даѣтъ ийдѣ никѣму! А ёнъ у яе спрашайтъ: бабушка, говоритъ: а куды жѣ яе привязуѣ, ету царевну? А вотъ кѣ морю, говоритъ кѣ тому и тому берегу, тѣя и тѣя мѣсто! говоритъ. Отъ ёнъ сичасъ и отпавився, етый Иванъ, кѣ тому мѣсту. И сѣвъ тамъ за кустомъ нѣиди. Сичасъ цыгаль привѣзъ царевну: отпрѣгшы лошадей, царевну у повозкы кнѣвъ, а самъ лошадей забравъ, да у лѣсъ. Да й узлѣзъ на зылѣнаго дуба—ужо глядѣтъ, якъ будитъ етый зылѣй ету царевну ѣсьтъ. А етый Иванъ подхѣдѣтъ кѣ ей. Ина сичасъ убачыла, заплакала, ета царевна: што пущай жа я, говоритъ, по яволи сюды привѣзина, а ты, добрый молодѣцъ, чаго сюды зайшовъ: ти по хоти ти по яволи?—Я самъ, говоритъ, ни знаю—ли я по хоти. ли по яволи!—потому ёнъ сонный бѣвъ. Ну, мяне, говоритъ, зымѣй зѣсьтъ, ёнъ и тебе зѣсьтъ! А ёнъ отвищайтъ: моѣтъ, подавитца! говоритъ. Натка ты у мяне, говоритъ, у головахъ пойщи малосьтъ! Ина стала йскаѣ, и отдала яму своѣ кольцо ниянкой. А ёнъ говоритъ: ногды я у тебе на колѣнкахъ засну, а ёнъ прибудѣтъ, дыкъ ты мяне узбудѣтъ ня узбудѣшь, а колѣй мяне палкомъ у воко! Вотъ ёнъ и заспувъ у яе на колѣнкахъ. Ина видѣтъ, што моря полнунтца, зѣ моря узымантца ужо нячыстая сила, дакъ ина заплакыла. Слеза у яе капнула яму на шаку. Ёнъ здрыгнувся, ажъ зимля сколыхнулыся подъ нимъ: якъ ты мяне, говоритъ, обжигнула! Отъ ёнъ сычасъ оявляйтца. «О, говоритъ: коли по дномъ приславъ, а то разомъ двоихъ! Будѣтъ чымъ повлѣзрѣтъ! «А Иванъ говоритъ: ето ня-звѣстно, говоритъ: можа й одного ни зыся, подавився! говоритъ. А ты ты Иванъ?—Я!—Ну, што жѣ: ти пришовъ битца, ай иритца?—Нѣ, нячыстая сила: пришовъ я битца съ тобой! И стали воюватца: ёвъ яму шѣсъ головъ знявъ зѣ разу, 'пять узновъ размахнулыся—ёнъ ящо шѣсъ знявъ. Тады повывравъ у яго усѣ дваналпачѣ явыковъ изъ головъ, и кѣ повозкы якъ ударитъ, дыкъ яны и прирастутца, уляпнѣвъ усѣхъ дваналпачѣ у повозку. И поплѣ воды усюдахъ достатошно. Тады сказытъ: ну, прощай, сударыня, покамись мы съ тобой побѣчаемъ! Ёнъ отпавився кѣ етый старуси, а цыганъ зылѣзъ зѣ зылѣнаго дуба и запрѣгъ лошадей и

увозить царевну у лѣсъ. И ванихаетъ ножъ и говоритъ: присягни, што я тебе ритувавъ отъ змѣтя и будилтъ мѣ жана; а ни присягнешъ, дакъ я тебе усѣ ровно загублю тутъ! У страха вочы вяліки, ина комъ зямлі зѣла пирядъ имъ,—што смертъ конѣшня усякому страшна. Ну, и отпра- вились яны ужо къ баѣкку. Царь якъ увидавъ, што ёнъ лѣ визетъ, дыкъ ёнъ ни знавъ, куды етаго цыгана принимать, якъ яго благотворить. А я, говоритъ, ничего ни жалаю, я хочу зъ вашей дочарью одружитца, ли то- го, што я нѣ спасъ! Отъ, царь спрашывтъ: якъ жа ты яго, говоритъ, за- бивъ? А ёнъ отвицаетъ: узлѣзъ на зялёнаго дуба, якъ пусътивъ зъ ду- ба сякирю, дакъ отразу дванацать головъ ссыкъ! Отъ ёнъ сычасъ, ня довго думаючи, ужо свадьбу гулять.

А Иванъ етый ужо дыгадався, што у нѣхъ свадьба, говоритъ: пойду- тка я къ вашаму царю на свадьбу! Отъ, идегъ ёнъ по вулицы, ажъ дѣти зыдѣлы скрипучку ти зъ лучынки, ти съ чаго тамъ, и обронили. Вотъ, говоритъ: што къ свадьби треба, то я ѣ пашовъ! Отъ ёнъ праходить къ царю, ажъ тамъ пулковая музика ужъ рѣжытъ. Господа музиканты, гово- рить: ти ни позволитя мѣ поиграть? А царь говоритъ, видѣтъ, што ня зыдѣшны чаловѣкъ: мы бъ и рады, колибъ хто поигравъ! говоритъ. Отъ, смѣхачъ ёнъ якъ зайгравъ, дакъ сколько тамъ було музикантувъ, вихто проти тыхъ музыки ня поправитца, якъ ёнъ у тую скрипучку зайгравъ— сѹпроти яго. Отвицаетъ царь яму: што ты жалавишь изъ мяне свадьбу мѣ сгратъ етыкъ?—А ёнъ отвицаетъ: ничаго ни жалаю, только 'тъ ва- шый дочари стаканъ вина выпить! Ну, ёнъ сычасъ и посалаетъ дочъ, кабъ ина выписла стаканъ вина. А цыганъ ужо садѣтъ изъ ей и ни пус- кантъ—ой, говоритъ: ты тяперъ много пругожыхъ найдѣишь, да молодыхъ! Ина сычасъ высалаетъ дѣвкой стаканъ вина. Отъ ёнъ стаканъ вина вы- пивъ, а кольцо иняннѣ зыдѣвъ, да у стаканъ тѣхныко, кабъ дѣвка тая ня видѣла: нясѣ, говоритъ, и пирядъ царевной поставъ стаканъ етый! Ина поставила пирядъ царевной стаканъ етый, а царевна якъ зирнула— ае кольцо иняннѣ у стаканѣ. Вотъ ина говоритъ: батюшка мой родинны: ня ёнъ мяне ритувавъ, етый цыганъ, а тѣй, што игравъ у ету скрипуч- ку. А етый ужо цыганъ отвицаетъ: да, ина тяперъ хорошихъ и пруго- жыхъ и много найдѣтъ. Вотъ Ивана гукаули. Ёнъ у цыгана спрашывтъ: а ёсь жа у тебе приѣта, когда ты ритувавъ?—А якъ жа, говоритъ: ёсь у мяне, говоритъ, дванацать языковъ у повозцы улѣплино! Да!—Ну, ког- да жъ ты нѣхъ лаявъ, попробуй ты нѣхъ и вырвать. Ёнъ ирвавъ, ирвавъ, ничего ни зыдѣлавъ! Ёнъ тогды крикнутъ: подайти-тка клящей! И кля- щами ня вырвавъ, ниякъ ничего ни зыдѣлавъ. Отъ ёнъ, Иванъ етый, якъ хватѣтъ языкъ да яму у морду!—обвѣсивъ цыгана етаго якъ чысами, усяго чысто. Такъ сычасъ яго царъ узавъ, къ воньскому хвосту при ви

завъ и пусътивъ у чыстая поля, пыгана. А на Ивана на етаго говоритъ: Иванъ, говоритъ, я хочу тебе съ своей дочкую одружить! говоритъ. А ёнъ отвѣщантъ: я, говоритъ, уже одружёнъ, мнѣ вилъзя! Вотъ ина на совѣтъ къ сабѣ яго гукнула. «Ну, ня хочышь жа ты, Иванъ, со мной дружитца, што жъ ты, говоритъ, жалаишь?» — А я, говоритъ, што жалаю: штобъ вы мяне на тэй свѣтъ вынясьли. Вотъ ина яму отвѣщантъ: — а табѣ совѣтъ, говоритъ, прикладу! Ёсць у мойго батьки козѣль трирогій, што на тэй свѣтъ литантъ. И скуй двинанца прутовъ жалѣзныхъ по двинанца пудовъ, и штобъ мой батюшка ня вѣдывъ. И якъ сядишь на етыго козла, дыкъ би яго мижъ вушэй. Одианца прутовъ собѣдшь, а двинанцаты прутъ якъ останитца, дакъ саджай, штобъ скрозь рѣбры проскочывъ! Дакъ ёнъ тебе на тэй свѣтъ выписишь. Отъ, царь спрашыишь: ну, Иванъ, говоритъ: скажи мнѣ: што ты за свою службу жалаишь, што ты ня хочышь зъ моей дочарью одружитца? — А вотъ, ничего ни жалаю, только, говоритъ, жалаю, кабъ вы мяне на тэй свѣтъ вынясьли. Ну, говоритъ: ян ли ко́го бъ и такой службы ни сослужывъ, ну якъ ты ян мяне служывъ, то и я ли тебе сослужу. Отъ ёнъ скувалъ двананца прутовъ жалѣзныхъ по двананца пудовъ, сѣвъ на козла и поѣхавъ. И потулъ бивъ мижъ вушъ, покуль збыиъ одианца прутовъ, а двананцатымъ якъ саджанувъ, дакъ ёнъ якъ давъ рогамі у тэй каминь, дыкъ каминь у гору поднявся. Яны выскочили — ёнъ соскочывъ, а козѣль опять назадъ загривъ туды.

Лошадь яго уже стошала, стоячы. Потому скоро ето кажытца, да ня скоро дѣитца, — можа ето и довгая уремя дѣилося. «Я уже, говоритъ, тебе ждала, ждала, ды уже и жданочки поѣла ждучы! Ну, говоритъ: пусъти-ка мяне позною росою походить, а ранною выкачатца». Отъ ёнъ яе пусътивъ. Ина позной росой походила, ранной выкачалась. Ёнъ уравни уставъ, свиснувъ! — лятить яму лошадь яго, ажъ зямёлушка уся подъ ей дрыжыть. «Ну, говоритъ: садись на мяне поляхчэй, да дяржысь покрывчэй! И якъ тебе несть: вышы лѣсу стоячыго, ти вышы бѣлокъ тодячы?» — Нѣси мяне вышы лѣсу стоячыго! Ёнъ подпявся вышы лѣсу стоячыго, и понёсь, покамись ёнъ свой домъ увидѣвъ ойцовскій. Опустився ёнъ на низъ, а лошадь свою пусътивъ у зановѣдныя луги, хорошыя.

А ина уже, Прикрасная Настася, выстроила дворъ у пятьдесять вѣрстъ отъ батькинаго двора, и зылотая мосыница да сярэбриная, зылотей слупъ ды сярэбренный.

Ёнъ сячасъ приходить бiezъ нитаг! Батька усердывся, што тыя сыны дорогахъ подарки привяззли, а ёнъ ѣздивъ, ѣздивъ, и ничего ни привёзъ, — и сячасъ яго у тямницу запёръ.

А ина уже увознала, што ёнъ узворѣився къ отцу. Сячасъ письмо

претъ, кабъ Иванъ бывъ икъ ей. Удругъ бѣльшій братъ говорить: «ба-
тющка, ето за мной шлеть!» Одѣвся хорошо и поѣхавъ. Тольки энъ
ѣдитъ къ ей, а сынокъ не выскочивъ и говорить: мама, говорить: батюш-
ка ѣдитъ!—Нѣ, говорить, ни батюшка, а дялюшка ѣдитъ! Вотъ энъ при-
лятѣвъ: здравствуй, говорить, сударыня!—А здравствуй, говорить, шурьякъ!
Ну, што жа ты пріѣхавъ ко мнѣ?—А и пріѣхавъ съ тобой одружытца!
—Ну, говорить, быгатыри: одружытѣ яго, кабъ тольки мякыныкыго пы-
садыть ны коня!... Отъ, якъ дали, дакъ чутъ живѣго усадили ны коня.
Ды по коню, и прогнали.

Такъ удругъ ина письмо и претъ: кабъ бывъ Иванъ икъ ей. Сяредъ-
ній братъ говорить: ето ина за мной шлеть! Одѣвся и поѣхавъ. Сыновъ
не выскочивъ, увидивъ яго и говорить: батюшка ѣдитъ!—А ина отвѣща-
ють: нѣ, говорить,—ни батюшка, дялюшка ѣдитъ!—Вотъ энъ прилятѣвъ:
здравствуй, сударыня!—Здравствуй, здравствуй, шурьякъ! Што жъ ты ко
мнѣ пріѣхавъ?—А я пріѣхавъ, одружытца съ тобой!—Ну, быгатыри, го-
ворить: одружытѣ и етыго! Отъ яны якъ уздыла яму, дыкъ чутъ живѣго
ны коня усадили. И прогнали.

Тады ина претъ третійя письмо. Вѣ батѣка выпусытивъ уже яго нѣ-
тъяныцы. Энъ вышавъ, свиснувъ быгатырскыиъ голосомъ, молодецкыиъ
посвистомъ,—конь бяжытъ, ажъ зыкла дрыжытъ. Сѣвъ на свою добрую
лошадъ, якъ поѣхавъ по етому пу мосту, дыкъ етыиъ мостъ,—якъ выро-
ны пы поднебисью съ пыдъ копытѣвъ лятѣтъ!.. Вотъ сынокъ увидивъ:
мама, чортъ ѣдитъ!—Нѣ, сынокъ,—ето батюшка ѣдитъ!

Вотъ сынъ якъ побѣхъ, якъ лятѣвъ, якъ хвативъ—стриганд пу-
пуламъ разлумавъ, и коня зыдѣрживъ. Батѣка схвативъ яго къ сабѣ на
руки, и прыскачывъ къ ей, и плетью не сиканувъ разъ: «здравствуй, су-
дарыня! говорить: ня етыкъ дѣляють, што пусытила малыго рябенка,—
важного ня убивъ!» Поздоровкылися, обнялися и пуцулувалися. И тѣперъ
жывутъ у етыиъ дворцы.

Старосельская вол. мстисл. у. Отъ мѣстнаго кр-на записано мномъ.

41. Иванъ и Настася.

Нѣкоторомъ царствѣи, нѣкоторомъ государствѣи, ну ни у томъ, у
которомъ ны живѣмъ, было у царя три сыны,—два разумныхъ, а третъ-
тій дурачокъ. Тѣперъ, была Настася [царевна, чырызъ три царствы у
чатывѣртомъ. И у не бывъ садъ, и у томъ садѣ разныя яблоки. Тѣперѣтъ-
ка царъ пославъ свойго большаго сына, разумнѣйшаго, къ ей за ябло-
ками. Тѣперѣтъка ѣдитъ энъ по дороги. И пріѣхавъ значитца къ камя-
ню—ляжытъ каминь, а отъ того каминя три дороги. И на камяни дѣта-

ры написаны: одной дорогой ѣхать—дакъ разбойники забьютъ, а другою дорогою поѣхать, звярьё зѣсьтъ, а третью дороною поѣхавши, коню будить што ѣсть, а самому нечаго. Ну, ёнъ тяперъ назадъ ■ вярнувся дома. Тяперъ другого сына пославъ. Тожа я тѣй такъ. Къ тому каиню пріѣхавъ—побывъ, побывъ, прочитавъ,—я тѣй вярнувся. Тяперъ дуракъ давай попросився: пусъти мяне, татъ! Ёнъ яго унимать: куды ты, дуракъ, говорить, поѣдишь? Коли разумѣйшыя вярнулись, ■ то ты поѣдишь. Ну, ёнъ давай проситца, давай проситца,—батъка и пусътивъ—и лошада давъ, и пусътивъ. Тяперытка ёнъ пріѣхавъ къ тому каиню, къ писаному, пирачытавъ тую ватпись и отвачывся: поѣхавъ тѣю дорогою, адѣ написано, што коню будить што ѣсть, а самому нечаго.

Ѣдить ёнъ одны судки—пирѣхавъ одно царство. Стоить хатка на куриной нозцы; а у тѣй хатцы Баба-Ига косытинная нога. Отъ ёнъ попросився на ночь, ина пусътила; 'благотворила и коня пирыманила. Дала яму ступу—ёнъ на ступи ѣдить, кочарьгой погоняить, помяломъ слѣдъ замитавъ, кабъ и слѣду ни знатно булѣ. Сѣвъ ёнъ на ступу и поѣхавъ. Ъхавъ, ѣхавъ, изновъ судки проѣхавъ—стоитъ хатка на куриной нозцы. У тѣй хатцы другая Баба-Ига. Пусътила яго на почъ, ублаготворила, тую узела ступу, а свою дала. Поѣхавъ ёнъ дальшы. Изновѣтка судки ѣхавъ. Усѣ до Настаси тѣй добирайтца. Стоить третья хатка на куриной нозцы, и тамъ Баба-Ига. Пусътила ина яго на ночлегъ, ублаготворила, и дала своего коня. На чатьвёртыя судки пріижають ужа у городъ, у тѣй то, адѣ Настаси, царевны садъ.

Пріижають у тоя царство къ Настаси, а тамъ лягли спать на двинапцѣхъ судовъ, у томъ царствѣ. Ёнъ уѣхавъ—ни воротъ ни шукавъ, ничего, чырявъ крѣпость прилятѣвъ. И у горницу увыйшовъ, и ня чувъ никто—спать уси. Тады увыйшовъ у водву горницу—спить дѣвка. Ти ето Настася царевна? Нѣ, ня ето! ето слуга яе,—самъ сабѣ говорить, самъ сабѣ отказуить. Ну, тяперытка, увыйшовъ у другую горницу, и тамъ дѣвка спить. Ти ня ето Настася царевна? Нѣ ня ето, ето яе слуга сама вѣрная—самъ сабѣ отказуить. Тяперъ увыйшовъ у третью горницу, адѣ то Настася спить. Ёнъ улюбывавъ у яе и грѣхъ помѣвъ зъ ей. И ина ня чула, ни знала. Тяперытка ёнъ подѣли етаго и съ конѣмъ у садъ пошовъ. Пошовъ у садъ и нащипавъ разнахъ, разнахъ, три вузельчыки, три платочки. Нащипавши, написавъ ёнъ табличу у сади: што вотъ та-вей и таковой Иванъ Ивановичъ—царевичъ у яе сади бывъ, яблокъ нащипавъ, и зъ Настасей съ сонной грѣхъ мѣвъ. Приходить тяперъ къ коню, а конь говорить—нѣ, много ты нагрѣшивъ, ни могу тебе везыть!—заглобли мы 'боя тутъ,—и ты, и я.—Што жъ дѣлать, конь мой вѣрный? А што жъ дѣлать: нди у лязню, грѣхи змывай! Потѣи крѣпко у духу.

Ну, тяперь пошовъ ёнъ у лязню. Мывся, мывся, прихо́дѣть къ коню, конь гово́рѣтъ: «нѣ, каи́тъ, тро́ху змывъ, а найбо́ли о́сталось. Иди́ ще змывай, да найбо́ли по́томъ што́бъ выхо́дило съ тябе!» У друго́й разъ посла́въ яго. Прихо́дѣтъ ёнъ друго́й разъ зъ бани икъ коню, тяперѣ́тка лоша́дь каи́тъ: «двѣ́ доля́ змывъ́ грѣховъ, а третьѣ́ю иди́ мыйся! Змыи́шь, говори́тъ, дыкъ по́дѣи́мъ, а то́ поги́бли!» говори́тъ. Пошовъ ёнъ и́ третьѣ́й разъ. Мывся, мывся, по́тѣвъ, по́тѣвъ—прихо́дѣтъ зъ лязни́ къ коню: «отъ́ жа, каи́тъ: тяперѣ́тка змывъ́, да́ ня́ усе́! Тяперь вы́дѣи́мъ съ са́ду, вы́дѣи́мъ и зъ́ горо́ду, то́лько оди́нмъ́ волоско́мъ, хвостомъ́ за́чепи́мъ за́ крѣ́посѣ́тъ, дыкъ затря́сетца́ горо́дъ и про́шнутца́ у́си!» Сѣвъ́ ёнъ на ло́шади́, узявъ́ яблоки́ и по́бѣ́хавъ. Да́къ ёнъ́ волоско́мъ хвостомъ́ за́чепи́мъ крѣ́посѣ́тъ. Та́къ́ и́на́ у́ся́ й зако́лотѣ́лась—и́ горо́дъ, и крѣ́посѣ́тъ, и са́дъ—у́се́. И по́прошѣ́пались́ у́си: што́́ тутъ́ тако́й? И́кая́ триво́га? Бѣ́гали, бѣ́гали, и́ горни́цы расчи́наты́ и́ у́ са́ди́ воро́вство́ ё́сь. Бѣ́гала́ и́на, бѣ́гала,—по́куль́ прочѣ́тала́ табли́цу́ ту́ю. Та́ды́ кину́лась́ у́ до́гонѣ́ за́ и́хъ. Бѣ́гла, бѣ́гла, ни́ до́гнала́—то́лько́ крикну́ла́ гро́мкимъ́ голосо́мъ: Ива́нъ Ива́новичъ—ца́ревичъ! о́жыда́й́ мя́не́ на́ двана́цѣ́тый́ го́дъ у́ го́сьби́.

Ну, ёнъ́ якъ́ по́бѣ́хавъ, ми́нувъ́ ты́я́ два́ дво́рка, што́́ посла́и́ за́вѣ́жжавъ, ту́ды́ бѣ́дучы, а́ у́ третьѣ́й за́бѣ́хавъ, ко́ня́ то́го́ отда́въ, и́ сво́йго́ узя́въ и по́бѣ́хавъ. Тяперѣ́тка́ при́нжжа́итъ́ у́ сво́е́ царство́́ и за́хо́тѣ́лося́ яму́ спа́тъ.—Дума́и́тъ: «ни́кого́́ я́ тутъ́ ни́ бо́юся́, у́ сво́е́мъ́ царствѣ́́ заспу́!» Ё́нъ́ за́сну́въ и́ лоша́дь́ у́выи́шла. Тяперѣ́тка́ два́́ брата́́ ты́я́ бѣ́зды́ли по́ 'хо́ти. И́ ва́пали́ тяперь́ яго́ сонна́го. И́ на́пали, што́́ и́ яблоки́́ вяза́тъ́ къ́ отцу́́ къ́ сво́йму. Тяперѣ́тка́ ра́дую́цца́ низъ́-со́бку: «што́́ намъ́́ дѣ́лать́ изъ́́ и́хъ? што́́ мы́́ ничо́го́́ ни́ привязы́и, а́ ё́нъ́́ яблоки́́ привѣ́зъ!—бу́ди́тъ́ намъ́́ отъ́ отца́́, ё́нъ́́ у́се́́ царство́́́ яму́́ отда́съ! Ну́ма, каи́тъ,́ яго́́ забѣ́мъ, а́ яблоки́́ е́тыя́́ сами́́ поды́е́сѣ́мъ, што́́ мы́́ сами́́ доста́ли́́ и́хъ!» А́ друго́й каи́тъ: «нѣ́, би́тъ́ ни́лѣ́зя, и́ намъ́́ ни́ помо́гѣ́цца; а́ ну́ма мы́́ вочы́́ вы́коло́и́мъ́ яму́́ лучы́!» Узя́и, я́му́́ вочы́́ вы́коло́и, и́ яблоки́́ ты́я́ забра́и, и́ яго́́ кину́и. Ё́нъ́ про́шну́всья—ни́ма́́ ни́ лоша́ди́́, ни́ма́́ ни́ ябло́къ, ни́ма́́ ничо́го, и́ ни́ бачы́тъ́ ничо́го.

Тяперѣ́ча́ сля́пую́чы́ якъ́́ и́ти́тъ, да́къ́ и́ти́тъ—прихо́дѣтъ́ къ́́ ря́зъ. Ну́ тяперь́́ коло́́ ря́ки́́ по́павъ́́ чо́вянъ, ¹⁾ што́́ по́ во́дѣ́́ бѣ́зды́тъ. По́дъ́ чо́вянъ́́ узя́въ́ да́́ й́ лё́гъ—чо́вянъ́́ опро́кинутъ: «хто́́, хто́́, при́ди́тъ́ къ́́ е́тому́́ чо́-ну, на́паде́тъ́ мя́не!» Тяперѣ́тка́, ля́жы́тъ́ ё́нъ́́ и́ чу́и́тъ,—тро́я́ (и́начы́сьё́-ковъ)́ зъ́́ во́ды́́ вы́шло, на́ чо́вянъ́́ сѣ́ли́́ и́ гово́рю́тъ. А́ ё́нъ́́ чу́и́тъ́ у́се́. Тяперь́́ оди́нъ́́ говори́тъ: бра́тцы́, говори́тъ: «што́́́ й́то́́ за́́ роса́́ сы́нѣ́и: ху́тъ́́ лѣ́й сля́пѣ́й, то́лько́́ бѣ́́ я́мки́́ а́бы́́ бу́ли—да́къ́́ росо́ю́́ пу́маза́тъ, и́ бачы́тъ́ бу́ди́тъ!» А́ друго́й говори́тъ: «е́то́́ што́́? А́́ вотъ́́ я́, говори́тъ, у́́ то́мъ́́ то́ ца́р-

¹⁾ Ч твердое: чысты́й, чѣ́разъ, чо́вянъ́́ и́ т.́ д. Та́кже́́ и́ всѣ́́ мѣ́ня́и́щѣ́.

стѣви, знаю—воды нема увѣся,—съ чужыхъ царствъ воду навозють. А тамъ ба, коли бѣ яны знали это, да звили варѣвки зъ лыкъ съ сырыхъ, ды тамъ у ворѣтахъ стоить кустъ, дыкъ якъ ба яны двананцать паръ воловъ запрягли, да тѣй кустъ съ кореньямъ вырвали, дакъ ба булѣ воды разливнѣя моря!» А третїй говоритъ: «ѣсть и ѹ томъ у томъ царствѣи царевна дужа низдорова, и третїй годъ—осталїся одни косьти тольки. А ей пользу можно лѣхко дать: брала ина причасьтъ у Господьнимъ храми и заблюла ина крошачку. Ды ѹ головы подъ подушку у тряпучку скупала ина. Тяперъ ета шѹра выпорола яе, прѣбла тряпучку, и крошачка ета упала подъ мостъ у щѣлучку. А курапа, яшовшы яе и зѣбла. Тяперъ ина раздулася такаа большаа съ корову, мостъ подаманѣтъ, ды яе никто ня видѣтъ. А у ей (царевны) тольки одинъ духъ да шкура. Вотъ тяперитька якую пользу ей дать: колибъ хто мостъ поднявъ, да курапу разрѣзавъ, да у шкуру ѹ яе царевну заварувъ, дывъ ба ина щѣ луччы стала, якъ була!»... Тяперъ уся разомъ съ човна бовѣтъ, бовѣтъ, бовѣтъ у воду, и пошли, и вѣна вѣдома и хто, и якїй, и што. А ѣнъ подъ човномъ сядѣтъ спящїй.

Тяперъ ѣнъ съ подъ човна вылезъ, Иванъ Ивановичъ—царевичъ, да рукою по травѣ поводивъ, да вочы показавъ. Ёнъ росой помазавъ вочы своѣ, и ставъ щѣ ярчѣй глядѣтъ, якъ унаредъ, колиа щѣ вочы были у яго—отъ росы отъ тѣе.

Тяперъ пошовъ ѣнъ у тоя царство, а дѣ воды нима, лозоваго кусту смотрѣтъ. Ёнъ увыйшовъ у тоя царство и говоритъ: вы водою нуждаетесь,—я вамъ дажъ воду! Затѣнъ съ суровыхъ лыкъ, съ сырыхъ, канаты витѣ и двананцать паръ воловъ кабъ былѣ хорошихъ. Яны это приготавлили. Ёнъ на дугъ повѣвъ воловъ тыхъ, и запрягати воловъ у кустъ у тѣй канатами, кабъ кустъ тѣй вырвать. Тады позачавили етый кустъ, запрягли, якъ крикнули—вырвали тѣй кустъ. Вырвали тѣй кустъ—вода тая такъ и пошла съ подъ куста у горѹ,—и по ѹсяму царству. Яны стали яго нагороджавать, даватъ грошны. Ёнъ ничего ни бяретъ. И пошовъ у тоя царство, а дѣ царевна низдорова сильно.

И увыйшовшы у тоя царство, да йшовъ, и похвалился: «што царевна низдорова, я могу помочи дать!» Яго тады узали на лошадей и къ ей показали. Тяперитька доставили къ ей, ина ничего,—ляжѣтъ одны косьти. Ёнъ тады пувалѣвъ мостъ разобрать подъ ёю. Якъ мостъ разобрали и увидили,—ляжѣтъ тая курапа, якъ курѣва, дужа большаа. Пувалѣвъ разрѣзавъ яе, дакъ духъ тѣй вышавъ; а яе напрунули, голую, кожай тѣй. За трѣя судокъ кожа тая вѣна вѣдома стала—тѣи ѹ яе ѹросла, тѣи дѣ,—и ина щѣ красивѣй стала, якъ балѣ. Тяперитька яму дають награды и хочуть, штобъ ѣнъ за сябе яе ѹзявъ и половина царства штобъ ѹзявъ,

а ёнъ отвѣщають: „ни надо мнѣ ето ничего, у мене своя у госьти прїѣдѣть!“ И вышавъ ужъ домовъ къ опцу.

И приходѣть ёнъ,—ни ѣвознають яго.—У работники нанявся—у воцца. Куды яго тѣперѣгька?—у виньницю у горѣлушную поставитъ! Поставили затиратъ заторъ—якъ только дѣ торканѣть—дыкъ и дѣрка у чапу.¹⁾ И клѣпка вонъ. Тѣперь досъ яго туды—ёнъ силно крѣпокъ, нѣхай ёнъ у виньницю дровы носѣть. Затѣили яго дровы носѣть у виньницю. Ёнъ сажинъ отразу подвѣжыть, унясѣть, да тады и сѣдѣть, гуляѣть ужъ. Прошло такъ двинаннѣть годовъ. Нанѣжжаны ужъ Настася царевна цѣ сыномъ, и зъ вѣськую. И построились яны за рякомъ, остановались. И сынъ ужъ кричѣть: «нѣхай ко мнѣ Иванъ Ивановичъ на устрѣчу выйдѣть, отецъ мой, а то я усѣ тутъ и поразорю и поразобью, если яго не 'тойщитя!» Ёнъ, царь тѣй, сурядивъ на устрѣчу сына того, што вочы коловъ. Тѣперь, ёнъ идѣть на устрѣчу, сынъ тѣй кричѣть—«вѣ, идѣть мой дядюшка, который мойму опцу вочы коловъ!» Да ѣзавъ яго за руку, замахнувся и закинавъ нима вѣдома куды. Изновагька кричѣть: «отецъ мой наустрѣчу нѣхай выйдѣть,—а то кладъ усякому дамъ!» Ёнъ, нечаго дѣлать—адѣ того братъ—изновъ другого сына сурядивъ такъ наустрѣчу. Ёнъ идѣть, а тѣй кричѣть: «во мой дядюшка идѣть, который мойму опцу вочы коловъ! Нѣ, какъ,—подайтя мнѣ мойго батюшку, што у насъ яблоки у садѣ бравъ!» Тѣперь ужъ царь тѣй спужався: адѣ яго братъ? Узавъ ужъ уво усѣхъ пататца: што тутъ здѣлать? А ёнъ говоритъ: «я помочы дамъ!»—Што хочышь бари, говоритъ, только дай помочы! Ёнъ узавъ, у грязь побѣдѣався, у виньницѣ у тванъ,—увѣйшовъ у грошы, ды грошай повны карманы повасынавъ, кольки яму треба—царь ужъ ни жалѣѣть. Тады ёнъ пувалѣвъ, кабъ хороший мостъ бывъ отсыпанъ,—и пошовъ, якъ бывъ у виньницѣ, такъ и пошовъ.

Идѣть да съ кѣшеня грѣшны бярѣть ды варкинъ тѣй сынѣть. Тыя бярѣть грошы, ды кланѣютца, хапѣють грошы тыя. «Вѣ, какъ, идѣть батюшка мой—якѣй ёсь ды ёсь, ды отецъ мой!» Ёнъ прѣшовъ къ Настасѣ, пурѣкався и повѣвъ къ опцу, и зъ вармѣй повѣвъ къ опцу. И ставъ на царствѣ тожъ, а батѣку доловъ.

Д. Вудино, братьковичск. вол. климов. у. Отъ кр-на Федора Федорова, 60 л., неграмотнаго.

42. Микита Игнривичъ, купецкїй сынъ.

Живъ сабѣ купецъ, а было у яго два сыновья: большїй Иванъ купецкїй сынъ, меньшїй Микита Игнривичъ купецкїй сынъ. Померъ отецъ и по-

¹⁾ Чопъ—чанъ, кубъ.

зычинивъ лавки до возрѣсту ихъ. Сколько яны прыжили, и хочуть яны у вольный свѣтъ пойти, вольнаго свѣту пувидать. А яны были силно могучія быгытыри. И просили: «матушка наша родимая, блыгслови насъ у вольный свѣтъ, свѣту пулюбувать и силы попробувуть!» Тады ина говоритъ: «Дѣти мое возлюблинныя! ись кимъ вы мяне покидаѣтъ?»—Матушка наша родимая! ни блыгсловитѣ вы насъ, мы чиразъ вашу волю пойдимъ!... Блыгсловила ина ихъ хлѣбомъ солью, и златымъ-сѣребромъ. «Дѣти мое возлюблинныя! ни съ кимъ ни битца, ни дратца, только пирядъ усякинъ стать, шапку сънять, и день добрый дать!» Отправились яны у вольный свѣтъ, свѣту пулюбувать.

Или то сколько, и одинъ съ однимъ говорить: «што то мы ёсь: ни у парятъ пари, ни у князяхъ князи, ни у чистымъ поля силно могучія быгатыри?» Идутъ дальшъ, ухѣдуть у лѣсъ. Сидитъ старикъ и огорѣкъ кладець. Яны стали, шапки съняли и день добрый дали.—«Дѣти мое возлюблинныя, Иванъ купецкій сынъ и Микита Игрявичъ купецкій сынъ! куды вы идѣтъ! Посадитѣ ли мяне, и я вамъ посовѣтую. Пройдѣтъ вы нѣскульки поль, придѣтъ вы къ лѣсу. И у бѣрези тамъ стоять дубъ. И ты Иванъ купецкій сынъ ухвати за макушку и вытщи яго. Подъ дубымъ будѣтъ зялѣзная плита, подъ зялѣзную плитою будѣтъ склепъ, а у склепи конь,—то слуга твой!» Микита Игрявичъ заплакывъ, говоритъ: «отецъ мой! а я што бизъ щастѣя остаюся?»—Потому, ёнъ говоритъ: ни въ одинъ день вы рѣдныи, и ни въ воднымъ щастѣи! Пройдѣтъ пѣшимъ и будѣтъ твоѣ щастѣя. И у такомъ то царствѣ далѣкымъ, будѣтъ тожа лѣсъ, а ля лѣсу дубъ. Вотъ тамъ тожа вытщитѣ дубъ, а подъ дубымъ плита, а подъ плитой склепъ, а у склепи конь, и тожа, Микита Игрявичъ, слуга твой!

Яны пошли отъ старика и приходили къ лѣсу. Ажъ стоять дубъ. Иванъ купецкій сынъ хвативъ за вѣрхавину и вытщивъ дубъ. Тожа зялѣзная плита. Узъникывъ зялѣзную плиту, подъ плитой склепъ, а у склепи конь. Оказався конь: Иванъ купецкій сынъ, а табе нѣскульки годовъ жу, ширѣтъ мѣи вѣрхой зырасла, пустьи мяне у чисто поля пыкачатца, силу пыказатѣ, вѣржу ошѣрти. Пустьитѣ ёнъ яго у чисто поля пыкачатца и силы попробувуть. Тады кызавъ: садѣсь на мяне, Иванъ купецкій сынъ! садѣсь полагѣнько, дяржись покрапѣнько, а вѣрный слуга твой! Иванъ купецкій сынъ сѣвъ на лошды, а Микита Игрявичъ пѣшимъ. Тогда, сколько пройшли, пришли къ тому лѣсу, што старикъ кызавъ. Тамъ стоять дубъ. Хвативъ Микита Игрявичъ дубъ и вытщивъ яго. Подъ дубымъ плита, подъ плитою склепъ, а у склепи конь. Оказываетъ: Микита Игрявичъ! а табе жу двѣсьѣ лѣтъ и ни могу дождагъ. Моя кожа нитомѣи што вѣрхой зырасла, а то и мѣхомъ! Пустьи мяне у чисто поля на

три часы пыкататца, иржу опѣрти, и силу попробувуть! Пусьтивъ ёнъ яго у чисто поля на три часы пыкататца и силы попробувуть. Пыкачався ёнъ, и силы попробувувъ. Тады прибигавъ къ хызыну своему Микиту Игривичу: садися полагѣнько, и дяржися покрапѣнько,—хочишь, вокыть-мичи, а хуť мечимъ сячй!

Бѣхли то скольки, и прижжали на горыдѣ, вѣ якъ ба на Вѣтмыськѣ. Сказыить Микита Игривичъ: „Иванъ купецкій сынъ! што мы ёсь за храбрый войны,—ружжѣ у насъ нима? Заѣдимъ на городъ и купимъ сабѣ по ружжѣ, по хорошему ружжѣ.“ Ёнъ отвичавъ: такъ то, братъ, што надо! Купили пу ружжѣ сабѣ, тожа и патрѣнувъ. Зъ горыду выижжали у чистыя поля. Прижжали къ лѣсу, ажны бяжить левъ нсь ливинятыми. Иванъ купецкій сынъ склався битъ. Микита Игривичъ отказыить: «братъ Иванъ купецкій сынъ! ня сыдиржѣишь матушкиныго приказу! Матушка приказывала, што пиридѣ усякимъ шапку сынять и день добрый даѣть!» Ёнъ отказыить: э, Микита Игривичъ, братъ мой! я пиридѣ поганымъ звѣрѣишь шапку сынну и день добрый дамъ?... я яму дамъ! Видѣвъ левъ нининучую свою бѣду и ниугасимую свою сьмерть, ёнъ говоритъ: «ня би мяне, Иванъ купецкій сынъ, и Микита Игривичъ, купецкій сынъ! я луччи дамъ пы дятѣнку на послугу!» Узали лны у лева пы дятѣнку на послугу и поѣхали дальшь.

Тожа бяжить мядвѣдѣ изъ мѣдвѣдѣишными. Тожа Иванъ купецкій сынъ складѣицца битъ. Микита Игривичъ кажить: «ня слухыишь матушкина приказу! Матушка приказывала никого ня битъ, ня казыиць, а сказывала шапку сынять и день добрый даѣть!» Отказыиць Иванъ купецкій сынъ: вотъ я яму, поганому звѣру зѣдѣну шапку? вотъ я яму дамъ! Посмотрѣвъ мядвѣдѣ, што нининучѣи яго бѣда, ниугасимыя сьмерть: «Иванъ купецкій сынъ и Микита Игривичъ купецкій сынъ! ня битя мяне: я вамъ луччи дамъ пы дятѣнку на послугу!» Узали пы дятѣнку на послугу и пусьтили нѣзъ живыиъ.

Бѣдуть дальшь, бяжить вовкѣ изъ вувчѣишными. Складѣицца Иванъ купецкій сынъ усѣтки битъ. Микита Игривичъ каить: «братъ Иванъ, купецкій сынъ; ня дѣржисвѣ ты матушкиныго приказу! матушка приказывала пиридѣ усякимъ шапку сынять и день добрый даѣть!»—Э! кажить: поганому звѣру день добрый дамъ? Тожа и вовкѣ видѣть нининучую бѣду, ниугасимую сьмерть, отвичавъ: «Иванъ купецкій сынъ, и Микита Игривичъ купецкій сынъ; ня битя мяне, я вамъ дамъ пы дятѣнку на послугу; и при злѣй годинѣ присьтирагуть васъ!» Вотъ яны сабѣ узали по три слуги и отправляютца у вольный сьвѣтъ, сьвѣту пулюбуватъ.

Уижжали у тѣмный лѣсъ, у пущу у драмущу, прижжжають къ трѣмъ дорѣгымъ,—урось пошли. И стоить дубъ, а на дубѣ прибита таблица.

будува васъ Господь узнѣсь? Ты ты царь, ты ты панъ, ты ты сильный могучій быгатырь?»—Я й ни царь, я й ни панъ, я й ни сильный могучій быгатырь, а есмь Микита Игривичъ, купецкій сынъ! и хочу вашей смерти догладитца!.. Теперь говорить: «охъ, какъ мнѣ брудъ зѣла! возьми, ищи мяне; если я усну салнымъ быгатырскимъ сномъ, а ёнъ оказитца, тады вѣлысы моѣ на мнѣ ирвы; яя 'чхнуся одъ гѣтыго, возьми, мяне шилькыми коле,—усѣ-тки очхнуся!» Ина ищитъ яго, а ёнъ заснувъ салнымъ могучимъ быгатырскимъ сномъ. Тады ёнъ оказитца на Польши-раці: «эка, говорить, ты царская дочь! выходи,—мнѣ тебе надо зѣбеть! Ина началъ будить яго и волосы ирвать на нѣтъ. Ни мохъ ёнъ очхнутца. Тады начала шилькыми колотъ. Якъ только шилькыми уколола, ёнъ очхнулся. А цмокъ говорить: «нука, царская дочь! што ты ни выходишь? Я видь никого ни боюся во усимъ свѣтѣ! Только ёсь на тридѣсятымъ гусударствѣ Иванъ купецкій сынъ и Микита Игривичъ купецкій сынъ,—только тыхъ двухъ боюся; али хто ихъ сюды зныасѣтъ, ихъ сюды ворынъ косѣти ни зныасѣтъ!» Микита выходилъ и поганьму цмоку говорить: «ворынъ косѣти ни занѣсѣтъ, али добрый молодецъ самъ зѣдѣсь холить!» Ёнъ сказывать: «ты ты зѣдѣсь, Микита Игривичъ?»—Зѣдѣсь! говорить. Говорить поганый цмокъ: Микита Игривичъ, поди поля!—Нѣтъ, говорить: я у чужимъ царствѣ нявольникъ,—ты поди. Вотъ ёнъ якъ дупувъ, поганый цмокъ, дыкъ на три вѣрсты градъ построивъ и крыши нѣтъ покрытъ! Тады ёнъ говорить: давай битца! Ёнъ ны коня крикнувъ мѣтымъ голысимъ: «сизницъ—бурницъ, бацькувъ калавурицъ и вѣшный послужѣнацъ! послуживъ отцу, послужи и мнѣ молодцу!» Конь бѣжигъ, змѣля дрыжитъ, подъ нябѣсьсю иверни литають. «Што, говорить, прикажишь, хазяинъ мой, Микита Игривичъ?»—А што прикажу: приступаниъ на службу, ли на службучку? Отказывѣ конь: нѣтъ, гѣта ня служба, а службычка; а служба упрадѣ! Садисъ полягѣнько, дяржисъ покрапѣнько, мѣнимъ ни сячи, а вокымъ мячи! Вотъ ёнъ сѣвъ полягѣнько, и дяржитца покрапѣнько, и начавъ зъ имъ битца. Якъ би, дыкъ би—дѣтъ гыловы збѣивъ; а ёнъ яму ногу правую опсѣкъ, ранить яго. И освятивъ быгатырскую кровью увесъ градъ. Просить поганый цмокъ привалъ у яго «э, говорить, Микита Игривичъ: царь-короли воюютьа съ сильнымъ, и три чѣсы оддышки мають, а мы одинъ на одинъ—нашъ довольно минута часа.» Оддухнули и начали битца. Микита Игривичъ и тую гылову яму збѣивъ. А тада узавъ, тулово яго уброевъ у раку и говорить: ѣшь, щука рыба, яго мясо, ёнъ много людей поѣвъ! Лижавъ тамъ каминь самотѣсь; ёнъ бытъ рѣстымъ можа съ хату зъ гѣту. Ёнъ узавъ, одной ногой подыавъ, а рѣкой подкасивъ уси головы. Ина усѣ гѣто видала, царевна гѣта, якъ ёнъ бѣлся. Тады ёнъ ухоловъ у затку и говорить: акъ, поганый цмокъ, якъ

ѣнъ обрѣзавъ мяне! Тады яна сымала напѣвникъ свой, платокъ нѣжко-
вый, и увартѣла ногѹ ямѹ. Тады яна просить яго: «поѣдай, говорить,
со мной къ отцу мойму, ѣнъ табѣ опишитъ третью часъ царства своего!»
Тады ѣнъ говорить: «на што мнѣ ваша царство? я ў чужимъ царствѣмъ
явольникъ!» Самъ пошовъ къ цулуваньшику.

Пувутру пораныши ссыланъ царь слугѹ своего вѣрного ны лыналяхъ:
«поѣй и сбяри хуть косѣти яе! хуть мы цулуваннѣ яе ли царскія
панклин!» Прижжанъ слуга, ажны яна выходить живая. Згробъ, ды ў
Полымъ раку волокѣтъ, штобъ утонить,—гѣтый слуга. «За што ты мяне?»
—А кым ты ни скажишь, што я тѣбе отъ поганого цюка одборонивъ,
амкѣ я тѣбе утоплю!—Ина говорить: «скажу, што ты»! А тулуво идѣ
дѣвъ, скажишь, и гыловѹ?—«Скажу: тулуво убросивъ у Полымъ раку, а
гылову пыдъ каминь пысидивъ!» Вотъ ѣнъ сичасъ привозить. Отецъ радъ,
довольнѣ ставъ и пытанца: «хто тѣбе одборонивъ отъ смерти?» Ина
говорить: ѣнъ! тулуво у раку убросивъ ды говорить: шука рыба, поѣшь
яго,—ѣнъ много люлей поѣвъ, а голымы пыдъ каминь пыдташевъ!» Вотъ
ѣнъ пы яго сказавъ: «бывъ ты у мяне слуга вѣрный, будь минисѣтиръ,—
а тѣбе съ своею дочирью пожаю и пыловину царства опишу!»

Микита Игривнѣ пубравнися на цулуваньшика, што слугѣ ни пусъ-
тивъ и пыложився спать. Тады узнова устаѣтъ чутъ только слонца заходъ-
дѣтъ и идѣтъ на горыдъ: узнова чорнымъ сукномъ горыдъ усланъ! Ёнъ
опять ворѣчнтца къ цулуваньшику, говорить: «што йто, говорить: ти тѣя
ни собрато, ти другѣя увыслато»?—Нѣ, кажитъ: тоя собрато, а
другѣя увыслато! Оказався сярэдняй братъ яго ншъ шастѣмъ ги-
лыванн. И хочить сярэдняю дочку зѣбѣти,—надо везѣти! Микита
Игривнѣ спрашиванъ у цулуваньшика: «слуги моѣ накормилины?»—На-
кормилины!—«А лошаѣ накормилина?»—Накормилина!—«Ну, дай мнѣ по-
ѣсѣтъ,—ни женьши, говорить, выпить—два гарцы горячаго сыпирту, а
покушѣтъ ни много: шѣсъ хунтувъ хлѣба и два хунты соли! Пойду, гово-
рить, смерти догледжуся!» Заславъ ны столѣ обрусъ и поснавивъ у зы-
летомъ подсаѣшнику яру сывачѹ, и приказувавъ: «смотри, цулуваньшикъ:
будитъ сывача яра тѣмво горѣтъ, и кровъ будитъ зѣ яе течъ и будутъ
слуги моѣ просѣтца, пушай якъ поможѣй!» Тѣя цулуваньшикъ бытца
слуги моѣ просѣтца, пушай якъ поможѣй! Таѣ цулуваньшикъ бытца
слукаѣтъ яго: забився ясъ самѣю идѣ-то тамъ у камѣрку и лѣхъ спать,
кабъ яа чутъ и голысу нѣ.

Такъ ѣнъ сѣдчасъ опять у туѹ катку отправлянтца. Пришовъ, поста-
вивъ сывачѹ, книгу у руки и читанъ. Привозить сярэдняю дочку и ѹну-
каѣтъ у гѣтукатку. Провидъ нызадъ пошовъ. Ина уходила и патѣмиса: ти ты
царь, ти ты панъ, ти сильный могучій быгатыръ? Отказывуъ Микита Игривнѣ:
«я ни царь, я й ни панъ, я й ни сильный могучій быгатыръ,—а я есьмъ

Микита Игрявичъ, купецкій сынъ. П хоту вашій смерти догледѣтца. Тады ёнъ поклавъ голову ёй на колѣни, ды говоритъ: «мине брудъ зѣла, ищи ли мяне!» И поклавъ пучокъ шпильки на столѣ. «И оказитца поганый цмокъ, буди якъ поможиѣ мяне: волосы ирви на мнѣ; а на чхнуся, шпилькыи колѣ мяне,—усѣ я очнуся!» Ина стала искать, ёнъ заснувъ сильнымъ могучимъ быгатырскимъ сномъ. Оказитца поганый цмокъ: «эка царскыя дочъ, выходи, мнѣ тебе надо зѣсьти!» Ина яго давай будиѣ, зы волосы ирвать,—ни чихантца! Зачала шпилькыи колотѣ,—очнуся. Цмокъ опять оказитца: «што ты ни выходишь? я никого ни боюся во ўсемъ свѣтѣ! Ёсь, говорѣтъ, на тридцатымъ царствѣи Иванъ купецкій сынъ и Микита Игрявичъ купецкій сынъ,—только тыхъ двухъ боюся. Али хто жѣ ниъ сюды,—ворынъ косыи ни заносѣтъ!» Микита Игрявичъ къ яму выходиѣ: «э, говорѣтъ: ворынъ косыи ни заносѣтъ, али добрый молодецъ самъ сюды заходитъ!»—«А ти ты тутъ?»—Тутъ! «Подни поля!» Микита Игрявичъ отказываѣ: што я у чужимъ царствѣи нывольникъ,—ты подни! Якъ дунувъ поганый цмокъ—на шѣсь вѣрстѣ горыду выпаливъ. Микита Игрявичъ якъ дунувъ, на шѣсь вѣрстѣ горыду построивъ в крышу псырабрывъ. «Ну, давай битца!»—Давай! Крикнувъ матымъ голысымъ: «косю мой милый, косю мой любый! стань пирадо мною, якъ лѣсь пирадѣ травомъ!» Конь бжигиѣ, змиля дрижитѣ, подѣ набѣсьсю ивери литають. «Што, хызяинъ, говорѣтъ, прикажитца?»—А на што ны, говорѣтъ, приступанимъ: на службу, ли на службучку съ поганимъ цмокымъ?»—«А што, говорѣтъ: служба ня служба: служба упирадѣ, гѣто службучка! Садися полягѣнько, дяржися покрапѣнько, вокымъ ни мячѣ, ды мѣчимъ сячѣ!» Вотъ ёнъ сѣвъ ны коня и начавъ битца съ поганимъ цмокымъ. Якъ би, дыкъ би, ёнъ по щотки коня у землю убиваѣтъ, а ёнъ яму три гыловы снимаѣтъ. Проситца поганый цмокъ: «эѣ, говорѣтъ, Микита Игрявичъ: цари-короли воюютца, оддышки шѣсь часовѣ мѣють, а ты мнѣ дай хуть три!»—Да, говорѣтъ: цари, короли съ большѣй силыѣ, а мы однѣ на днѣ! пувчиса табѣ оддышки даю! Тады пувчиса давъ оддышки, тады давай битца! Якъ бися, дыкъ бися, покуль ёнъ три головы збывъ, поганый цмокъ яму правую руку обрѣзывъ, и кыня пы колѣни у землю убивъ.

Вотъ тады злызавъ съ кыня, и пусьтивъ кыня у чистая поля, а самъ начавъ трупъ яго убирати. И 'свьитивъ Микита Игрявичъ кровью своей ни токма градъ, а то поля усюдыхъ видно было!.. Узавъ, тулуво у рѣку укинувъ и говоритъ: шука рыба, ѣшь яго мясо, ёнъ много людей поѣвъ! Тады головы, каминь поднявъ, пыдкативъ шѣсь головѣ. Ина у вокошко глядѣла и ўсѣ гѣто видала, царевна гѣта. Уходявъ ёнъ у хатку и говоритъ: вотъ, с. с.! съ кимъ бився, съ кимъ дрався, а никто ни

ранивъ мяне,—а вотъ поганый цмокъ ранивъ! Царевна нашіянникъ сня-
мала и правую руку укручувала. Прощався Микита Игривичъ нсъ царев-
ный и отпралявся на 'ддышку. Ина яго просила: «Микита Игривичъ, по-
ѣдѣмъ къ мойму отцу, ёнъ пыловину бѣдшыю свойго царства вамъ опи-
шитъ и намъ съ тобою законный бракъ дасъ!» Ёнъ говоритъ: «на што
миѣ ваши царствы,—я у чужимъ царствы нявольникъ!» Тады ёнъ просъ-
тѣвся зъ ею и пошовъ. Приходивъ къ цулуваньщику и хотѣвъ бизъ уся-
каго суда гылову снѣтъ, очаго слухъ ни пусьтивъ. Самъ положився
спать. Царъ призвавъ свойго довѣрняного: «ѣдъ, кажѣтъ, и привази и пу-
хувай у царскый памилѣи косьти ае!» Ёнъ принжжавъ,—ина живая вы-
ходить. Ёнъ свативъ ды у Пѣлыма рѣку претъ. Ина кажѣтъ: «за што?»
—А кыли ни скажишь ты, што я тѣбе отъ сьмерти одборонивъ, дыкъ я
тѣбе утоплю!—«Ну, скажу, што ты одборонивъ!»—Идѣ тулуво дѣвъ?—
«Бросивъ у Пѣлымъ раку!»—А головы идѣ дѣвъ?—«Пыдъ каминь под-
клавъ!» Якъ привѣзъ только, отецъ радъ, доволинъ усмиъ. «Хто тѣбе
отъ сьмерти збавивъ?»—Ды ёнъ; только ёнъ прѣхувъ пы мяне, а ёнъ
узынявся зъ раки, хотѣвъ зѣсьти мяне; ёнъ пычавъ битца зъ нимъ и за-
бивъ, головы пыдъ каминь пыдкавивъ, а тулуво у рѣку укинувъ! Ну,
бывъ ты у мяне слугъ мой вѣрный, бывъ ты минисътиръ, будь ты грапъ
свѣтлый! И я ны тѣбе бѣдшыю часъ царства мойго опишу и зѣ дочирью
гѣтую ожану!

Вотъ тады Микита Игривичъ, опять солица заходѣтъ, ёнъ устаѣтъ и
спрашѣтъ у цулуваньщика: покормлины моѣ слуги?—Покормлины!—Ну, а
конь у чистимъ поли; дай миѣ поѣсьтъ! Дай, говоритъ, выпѣтъ три гарцы
горачаго сыпирта и дай, говоритъ, поѣсьтъ девѣтъ хунтувъ хлѣба и три
хунты соли! Вотъ ёнъ давъ яму. Выпивъ ёнъ три гарцы сыпарту горачаго,
поѣвъ девѣтъ хунтувъ хлѣба и три хунты соли. Тады опять пошовъ на
горыдъ. Опять сукномъ увыслано. Ёнъ пришовъ спрашѣтъ: «што, цулу-
ваньщикъ, тоя ни выбрато, ли другѣа увыслато?»—Говоритъ: «тоя увы-
брато, ды другѣа увыслато! Ёсь у цара самыя мѣньшыя дочь любимыя;
надо тую вѣзѣти цмоку зѣсьти. Оказався зѣ дивитыя гыловами!» Тады
ёнъ говоритъ: «надо сьмерти доглѣдѣтъ усѣтки!» Проходѣтъ день; за днѣмъ
ночь приходѣтъ; ёнъ опять приказиъ цулуваньщику: разославъ плато-
чикъ, а на платочку поставивъ зылотѣй подсвѣшникъ и пѣсновивъ яру
свѣчку и приказавъ: «смотри, говоритъ: якъ платочикъ чорняъ станѣтъ,
свѣчка погасыитъ, подсвѣшникъ почарнѣитъ, слуги будутъ крѣпко просѣтца,
—смотри, пущай слухъ моихъ бизъ отъказа, а то мой мечъ, твоя гылова съ
плечъ!» А самъ отпраляйтца. Пошовъ у хатку у гѣту, запаливъ свѣачу,
узявъ книшку и Богу молитца сѣдючи.

Опять привѣзють царскыю дочь съ усмиъ царскыиъ прѣвѣдомъ. Яе

присылаи у хатку, а провидѣ пошова нывады. Ина опять руки сыщала, упала на колѣнки: «ти ты павъ, ти ты царъ, ти сильный могучій быгатырь? откуда тебе Вохъ навѣсь?» Отказати Микита Игривичъ: «я ни павъ, и ни царъ, и — сильный могучій быгатырь! я есмь Микита Игривичъ купецкій сынъ. И хочу вашъ смерти догладити!» Ну ёнъ опять: «яне брудъ зѣла, ищи яно!» И покланъ пучокъ шпилькъ на столѣ: «если, говорить, я усну крѣпкимъ могучимъ быгатырскимъ сномъ, први волосы на нѣ; если на чхнуси, коли шпилькыиѣяне, — усѣти я очнуса!» Тады ёнъ заснувъ у яе на колѣннхъ. Сіѣчасъ поганый цмокъ: «эй, выходи, царскыя дочь: нѣ тебе нужно зѣсѣти!» Ина яго зы волосы прваѣ, — ни чхатца; ина начала шпилькыи колоѣть. Ёнъ тады очнувся. А цмокъ кричати: «што ты ни выходишь? я на усниъ сѣвѣи никого ни боюся, только ёсь, говорить, на тридесаѣмъ царствѣи Иванъ купецкій сынъ и Микита Игривичъ купецкій сынъ, — только тыхъ двугъ боюся. Али ихъ ворынъ косѣти ни зинясѣи!» Ёнъ вуходитъ, кажитъ: «нѣтъ, ворынъ косѣти ни заноситъ, добрый молодецъ самъ тутъ хѣдитъ!» — Нука, дми полѣ! на Микиту Игривича поганый цмокъ. — «Штожъ яъ я могу дугъ: я у чужимъ царствѣи нявольникъ, ты дми!» Вотъ ёнъ якъ дунувъ — на Девитъ вѣрстъ горыду вышывъ. А Микита Игривичъ якъ дунувъ, на Девитъ вѣрстъ горыду выстривъ, и крышу пызлотивъ. — Ну, давай битца, говорить. Кричати Микита Игривичъ на кыи: косою мой иилый, косою мой любый! станъ пирадо мной, якъ лѣсъ пирады травой! Конь бяжитъ, зиня дрыжитъ, подѣ нябѣсья иверни лятають, зъ ноздѣръ дыиъ, зъ рота полныя: «што, хызияиъ мой, прикажишь?» — Што: становимся, говорить, на службу, ли на службучку? — Нѣтъ, говорить: была службичка наздѣ, а теперъ служба пирады нами! Садись полатѣнько, дяржись по-кращѣнько, и вокмыъ мячи, и мѣчимъ счи, и шапку хоропо ни головѣ дяржи! — Давай битца!... Начали битца: якъ бися, дыкъ бися, покуль три гыловы зъбивъ, дыкъ ёнъ кыи по колѣну у землю убивъ. Стойка, говорить, пѣсья мясо, ни торопись! А соколы на дубахъ затъвигли, а на горахъ яльвы заскрыгыли. Якъ выскычавъ конь зъ земли, видѣти-ничѣго ни можно поѣлытъ, схвативъ шапку зъ гыловы, якъ бросивъ на трахтырь на тѣй, — по бальки крышу сыявъ. Тады видѣтъ — ни могутъ вылизытъ слуги яго — високо. Хвативъ сапохъ зъ ноги, и бросивъ на трахтырь — по вокны трахтырь сыявъ. Тады слуги уже вылизыли, бягутъ къ яму. Тады яны оддыхнули, давай битца. Прибѣгли слуги. Нука: я бивси, а теперъ вы побигися! Якъ начали битца, дыкъ слуги якъ хватили, сіѣчасъ шѣсь головъ сыяли, а ёнъ самъ ни чинався. Тады, ёнъ узавъ тулубо убросивъ у рѣку и приказавъ: шука рыба, ѣтъ яго мясо: ёнъ много лудѣй згубивъ! А головы опять туды, пидъ каминъ, пидкативъ. А па-

ревна гато видѣла. Приходить и прыщантца зъ ёю. Ина говорить: што жъ вы прыщантѣся со мною? поѣдѣмъ къ мойму отцу: ёнъ на насъ усѣ царство опишитъ и законный бракъ намъ съ тобою дасъ.—Нѣтъ, говорить: я у чужимъ царствѣи нивольникъ, ни нужно! Ина подарила яму шавкову ленту и даянтявыи перстыни; ёнъ и пошовъ.

Приходить у трахтырь, а цулуваньщикъ спитъ. Ёнъ опять сѣѣныи по балки узнявъ и посновивъ, и крышу узнявъ и посновивъ. А ёнъ ни чутъ ничого гэтыго. Ёнъ разбранился на яго: только прыщаю за то, што ты корняшь мяне и слухъ моихъ! Вотъ тады етѣи опять прѣжжають зы царевный. Ина выходитъ. Ёнъ згробъ ды у Полюмъ-раку турѣтъ опять жа.—За што ты? каеъ.—А кыли ты ни скажашъ, што я тебе отъ смерти одборонивъ, дыкъ утоплю!—Ну, говорить, скажу отцу, што ты одборонивъ! Прѣхыли домовъ. Пытантца отецъ: «что тебе отъ смерти одборонивъ?»—Ёнъ одборонивъ!—«Ну, бывъ ты у мяне слуга вѣрный, бывъ ты минисѣтирь, бывъ ты графъ свѣтлый, буѣ тыперъ зать, и усѣ царство на тебе опишу!» Тады, назаутраго, ёнъ хочѣтъ законный бракъ даъ изъ меньшую дочкую и усѣ царство описать. Вотъ уже свадьбу згулять адумли пу вутру. Микита Игрявичъ посылають лева на заручины, подвизавъ яму на шѣю даянтявыи перстыни: ступай у бѣлокаминныя хоромы, и зъ молодой поздравствуйся,—тябе пропусѣють! Левъ якъ бѣхъ у бѣль-каминныя хоромы, такъ увесъ народъ якѣи тутъ бывъ: парн, короля, рысхинулиси. Ёль прибѣгавъ къ столу, ина свой перстыни у рукахъ подѣржала и хруктувъ у платочикъ навизала, и яму послала на гостѣипицъ. И началъ крѣпко плакать за столомъ. Отецъ приходивъ къ нѣи и говоривъ: дочь моя! чаго ты плачѣшь?—Отецъ, говорить: дѣруѣтя словомъ! валиця запрѣтчи кони, поѣдѣмъ на горыдъ пыкитамѣся, а тоды поѣдѣмъ у соборъ повинычамѣся! Вотъ, поѣхыли по большѣхъ уллицыхъ. Ина ѣдѣтъ помаленьку и приглядѣнтца, ти ни усмотрѣтъ нѣдѣ Микату Игрявича. По большѣхъ ни нашла. Поѣхыли по малыхъ. Ажны левъ спотрицъ у окно. Тады ина говорить: отецъ родинный, ни кажитѣ казынѣтъ, дѣруѣтя слово говорить! Вотъ того найдѣмъ, хто оборонявъ насъ. Якъ усвѣдчила у тату, такъ ни гляѣла ни на слухъ яго, ни на кого, такъ къ яму, а ёнъ ляжитъ на корвѣти. Ня вѣртѣ мнѣ, а вѣртѣ персыню мойму: вотъ мой перстыни на гулубѣи левѣти! Сяредня говорить: ня вѣртѣ мнѣ, повѣртѣ нашѣйнику мойму: я правую руку увярѣла! Большая говорить: ня вѣртѣ мнѣ, а вѣртѣ нашѣйнику мойму: я правую ногу увярѣла нашѣйникыи своимъ! Проситъ отецъ: «и поѣдѣмъ у бѣлокаминныя хоромы, и табѣ усѣ своё царство опишу и законный бракъ даъ изъ меньшѣи дочкыи!»—Тады ёнъ гсворитъ: ваши лошыи мяне ни зъвязутъ!—«Якъ можно бытъ, кабъ шѣсѣтира конѣи тябе ни зъвязѣли?»—А ни зъвязутъ!

—Нѣтъ, прошу васъ: зъвязуть!» Якъ сѣвъ, буда согнулыся, и лошади ни вязуть. Тады ёвъ говорить: «пныжжайтѣ вы, а я на своихъ прѣйду!» Яны поѣхали; ёвъ на одного на свойго усьсѣвъ вярхомъ и прѣѣхавъ къ нимъ у бѣль-каменныя хоромы. И слуги за нимъ пришли. «Нука, говоритъ: пойдѣте принѣтъ полядимъ!» Вотъ пошли. Микита Игровичъ спрашиваетъ у того ѣжу повѣрныго: «якъ же ты каминь пыднимавъ?»—Я, говоритъ, ногою пыднимавъ, а рукою пыдкачивывъ!»—«Ну, говоритъ: ходѣтѣ, царскыя панилиѣ,—посмотриѣ, якъ ёвъ будѣтъ пыднимать каминь!» Яны пошли. Пришли къ камини. «Нука, пыдники!» Ёвъ и ныгани пробувавъ, нѣтъ,—ни устаеъ; ёвъ и руками—нѣтъ! А ёвъ говорить: «дуракъ, только пыднѣтъ носикымъ каминь и головы видѣтъ!» Самъ пыднѣвъ носикомъ каминь. «Ну, говоритъ: выкытъ рукой головы, пыкажи царскыя панилиѣ!» Ёвъ только руку пыдкавъ пыдъ каминь, а ёвъ хвать—каминь опусытивъ. «ну, говоритъ: выдирни руку!» Ну идѣшь ёвъ выдирнить? Такъ ёвъ и сидѣтъ! Вотъ, говоритъ царь: больша ничего ни стоить, только вынѣтъ руку и къ растрѣлу привѣсѣти! Али къ растрѣлу привѣсѣти—ето малая мука—а узѣтъ ды къ коньскому хвосту: пущай ёвъ столько намучитца, сколько людей помучувъ!» Привизали къ коньскымъ хвостамъ и пусытили у пѣла гулять: порвали на куски яго! А Микиту Игровичу царь давъ законный бракъ зъ меньшюю дочкую.

Ну, тады, получивши законный бракъ, Микита Игровичъ, побравши своихъ слухъ, ильва и иядѣвѣдѣ и вувка, поѣхавъ, зыготѣвъ брата отвѣдытъ Ивана купецкаго сына. Отправився къ столичному горыду: якъ у насъ Москва, а у Пигири проживають царь. Ажны той горыдъ зыня лютая зыклила. Ёвъ у землю увышовъ. А тамъ лѣсъ ставъ, пуща драмуша. Прѣяжжають къ раце, ажъ рыболовники рыбу ловють. Якъ увидѣла яго слухъ, спужалися ды утѣкать отъ яго! Ёвъ: «стойте, братцы, ни утѣкайтѣ! нѣшто такѣя я хочу зъ вами сыйтѣси: что тутъ мохъ заклѣсѣти горыдъ?» Отвѣчаютъ рыболовники: «оказався у насъ сыпирва одинъ цмокъ съ триня гылывами, поѣвъ много людеѣ, добрався до большѣя дочка царскѣя, али сильно могучѣй быгатырь Микита Игровичъ купецкѣй сынъ обобрався, одборонивъ дочку отъ смерти нимнучѣя, забивъ цмока. Тады оказался другѣй цмокъ всъ шасѣтю гылывами; хотѣвъ сярѣднѣю царскѣю дочку зѣйсѣти. И тожа сильно могучѣй быгатырь Микита Игровичъ купецкѣй сынъ одборонивъ,—цмока поганого забивъ. Оказався третѣй поганный цмокъ зъ Дивѣти головами; добрався до меньшѣя царскѣя дочка, хотѣвъ яе зѣйсѣти. Опять же Микита Игровичъ купецкѣй сынъ одборонивъ и гѣту, цмока поганого забивъ. Дыкъ вотъ matka гѣтыхъ трѣхъ цмоковъ, лѣтыя зыня, прыклила яго горыдъ зы своихъ сыновъ: горыдъ у землю пошовъ, а лѣсъ вышывъ, пуща драмуша. По гѣтымъ лѣсѣ

ниги ни разу ни приїждати і ні проходити, зм'я лютя нікого ні пропускати!.. Распашати Микита Игрович купецкий сын: «господа ры- боловники, мнѣ нужно гѣтый дорогой поѣхати!» Яны отвѣчаютъ: ти ты пань, ти ты царь, ти силно могучій быгатырь: ня вѣдь, ина тѣбе кам- нимъ зѣдѣляти, ня пропусьтати!—«Што будати, ня будати, а поѣду!» И поѣхавъ. Вѣдь-вѣдь, приїждати у лѣсъ, пушу драмущу. Обнимаѣти яго тѣмная ночь. Микита Игровичъ становитца тутъ нучувати. Сьсидати съ своей лошади и рыскладати огонь. Слуги яго коло яго. Коня ѣтъ привязавъ. Сядиѣти ѣтъ ли огоньку, ажины прихѣдѣти бабычка изъ лѣбучкый. «Здраствѣи, Микита Игровичъ, купецкий сын!»—Здра- ствѣи, бабычка!—«Позвольти мнѣ ли свойго огоньку принучувати: я по грибохъ ходила ды заблудила, обнила тѣмная ночь. Даѣтъ Вѣтъ ночь, а за ночью дѣнь, я тады пойду. Али я боюся блиско пыдходити вашихъ сыбакъ, дайти мнѣ свою лясучку одборонитца, сыбакъ отыгнати. Ёнъ сабѣ думувъ про гѣто, и хотѣвъ пысьмѣитца про яе: якъ можно бытъ? ина кѣрга баба,—а моя ляска тридцѣть пудовъ! кабѣ ина пыдмила? Ни- тай подыми!»—«Возьми сабѣ!» каѣтъ. Ина якъ гватила ляску, якъ махну- ла по усѣхъ, такъ усѣи камнини и стали. «Убиви ты, Микита Игровичъ, моихъ символъ, и я жѣ тѣбе ижила съ сьвѣту!»

Вѣтъ Ивану купецкому сыну стало скушно. Думати Иванъ купецкий сынъ: «убити ѣтъ, ли голодинъ!»—на брата на свойго Микиту Игровича. «Поѣду къ дубу, поладжу, што тамъ ѣсть такѣя?» Усѣхъ на коня и по- ѣхавъ. Выхъвъ сколько то, приїждати у пушу драмущу къ дубу, ажины аи яго ножика кровъ тячѣтъ и коренья помыла. «Ахъ, братъ мой, Ми- кита Игровичъ! получиавъ ты нишасную смерть!» Ну, поѣду, поладжу, идѣи юмѣры!» И поѣхавъ дорожую. И видѣти—ляжигъ пяти камянѣвъ. И обни- ла яго тѣмная ночь. И сьсидати ѣтъ съ коня и привязати коня къ дубу. И взявъ книгу, читати; и дичитався ды того, што гѣто ляжигъ братъ мой Микита Игровичъ, а гѣто конь яго, а гѣто слуги яго. Зѣдѣ- лыла яму гѣдыкъ Баба-Игнупка! Вѣтъ ѣтъ тады дыжидантца, ти ня при- дѣти къ яму хто. Тяперъ, прихѣдѣти къ яму тая баба: «здраствѣи, Иванъ купецкий сын!»—Здраствѣи, бабушка!—«Пусьти мяне, дѣйтка, къ свойму огоньку принучувати!»—по грибохъ ходила, ды заблудила!»—Но- чѣи сабѣ!»—«Дѣйтка, я боюся твоихъ слухъ! дай мнѣ своѣ ляски ото- гнати собакъ?»—А ѣтъ узнавъ, што гѣто тая лютая змѣя.—«Нѣ, я самъ!» Лясучку уво 'дну руку, а другѣю за груди. И начавъ яе кылѣти. Ну только ина крѣпка была.—«Ты, говориѣтъ, лѣвъ, ня видишь, што я дѣ- лую? А ты, мѣдѣвѣдъ?» Лѣвъ отломивъ дубину, а мѣдѣвѣдъ клянину. А ѣтъ ляржѣти за груди. «Ну, говориѣтъ: прибавѣти ей!» Якъ нычѣли яѣ ожажи- выѣти! якъ нычѣли ожаживѣти! Били, били: «ты мойго брата и слухъ яго

зыклила в горыдь яго?—Нѣ, ни я! ни знаю!—«Прибавте ей дубинки!» Ничали опять дѣить. «Ну, а ты, вовкъ: што лажить? ни видѣшь, што дѣлуютъ?» Вовкъ той посвойму вырывать здаду ясо, икры титать, и сиски вырывать.—«Стоѣ, говоритъ: Иванъ купецкій сынъ! пустьѣ душѣ вы покажѣи, усю правду скажу: Микита Игравичъ жинѣзъ монѣхъ трогѣ сынѣ, а зыклила горыдь яго, и каинимъ обярнула яго и кыня яго, и слухъ яго!»—Ты шѣ зыдѣлыла, джѣкъ ни пуцу тѣбе, покуль ни двѣдѣлишь!—«Одыдѣлю, сынокъ!»—Ну, одыдѣливый!—«Ёсь у няне садѣ большиѣ, у садѣ двѣ криницы: одна криница вода живушѣя, а другая гоюшѣя. Постой,—я сходжѣ у садѣ, принису воды, и одживлю.—«Я табѣ одной ни повѣру, я пошлю слугѣ своихъ нѣсѣ тобою! «И пославѣ зѣ еи слугѣ и приказавѣ: смотрѣти, слугѣ, нѣна спротивитѣа зѣ вами на дорожѣ, ли утѣчѣтѣ!» Отказуѣтѣ лѣвѣ: Иванъ, хызянинъ мой! ашо я гѣтыго нѣкоди нѣ зыдѣлю, кабѣ нѣна утѣкла! Тады пошли. Ина на дорожѣ спротивалисѣа зѣ нѣм. Левѣ узавѣ за груди однѣй рукой, а другѣй дубинку, дѣи ѣ давал охаживѣтѣ. Мядѣвѣдѣ и вовкъ тожѣ узалисѣи зѣ яе: били, били, прибили сусиѣмъ. «Стоѣ, лѣвѣ! пустьѣ душѣ вы покажѣи!» Тады пошли у садѣ. Зачерпнула ина живушѣя и гоюшѣя воды, и пошла нѣзадѣ. Побрызгала гоюшѣю водою, чиралки осыпалисѣи; побрызгала живушѣю—той часѣ уѣи пять оджиѣи. Сѣватѣсѣа Микита Игравичъ кѣ брату свойму Ивану и утѣдузавѣ, и слѣзѣма заплакавѣ: «аѣтѣ, братѣ, якѣ я кѣпѣко успувѣ,—нѣи почувѣ, якѣ ты прѣѣхѣвѣ ко нѣи!»—Отѣ, братѣ, Микита Игравичъ: худѣи твой сонѣ! Ты заснуѣ быѣтѣ навѣкѣ! А зѣнѣю лѣржѣтѣ, нѣи пускаѣтѣи Зѣи тѣбе нѣи уѣе дали ей, а тольки за горыдь свой покуль што прибавѣи ей. Вотѣ Микита Игравичъ со своимѣи слугѣми якѣ хѣватѣвѣ яе: «ты мой горыдь зыклила?»—Ни знаю! А Иванъ купецкій сынъ: «братѣ Минѣи Игравичъ, ни жалѣи яе, прибавѣ!» Вотѣ Микита Игравичъ опѣтѣ якѣ хѣватѣвѣ со своимѣи слугѣми, били, били, прибили.—«Стоѣ, Микита Игравичъ, нѣи бѣи: усѣи твоѣи спѣлю!» Вылымила чѣтыри лѣсиѣны, обѣклила якѣ гѣту вѣянецѣ рубѣюѣ: лѣсѣи пошѣвѣ у землѣю, а горыдь вышѣвѣ. А зѣнѣю лѣотѣю добиѣи. Ина скрѣсѣи зѣмлѣю привѣилисѣи. «Дѣо табѣ, братѣ Иванѣ, тружѣдѣтѣа! Поѣдѣиѣтѣ ко нѣи!» Прѣѣхѣи кѣи яѣму, у горыдь; а тамѣ уѣи купцы купчѣюѣтѣ. Тады поѣхѣи нѣатушѣи искаѣтѣ. Искѣли—искѣли, нѣи знашли, вѣрно поѣмѣрѣа. Тады вѣрнуѣлисѣи кѣи Микѣту Игравичѣу у яго парѣство. Микѣта Игравичъ ставѣи за царѣа. «А ты, братѣ Иванѣ, буѣи у нѣи не за главѣнаго минѣистѣира!» Ну, дѣнкѣи ѣнѣи и ставѣи за минѣистѣира. Яѣи и тѣперѣ тамѣ живуѣтѣ.

Расписная вол. сплн. у. Отъ мѣстнаго кр-на запис. г. Анисѣевичѣ.

43. Мѣдное Чудовище.

На некоторомъ царствѣ—государствѣ живъ царь женистый. И бывъ у
яго садокъ на три вярсты шириной, на три вярсты довжиной. И у тѣхъ
садку яблонь: золотый листокъ, сребринный листокъ. Янь зародѣца яблонь—золотѣя
яблоко, сребринная яблоко. Тамъ царь любитца, утѣшаетца, што чищи не
надо. Али одинажды соснилося царицы уво сѣ: што ваша царство
вѣличество: ето вамъ утѣха на утѣха, а *ежалибъ* вы етѣй садъ
выкопали, вымякчили, узорали, да посѣяли пшаницы—вотъ ба зародѣлась:
золотый колось, сребринный колось, золотая жарно, сребринная жарно. Вотъ
ба вамъ утѣха была! Ну, царица, уставши, стала царю докладать, што
такъ и такъ: уво сѣ видѣла, што ежалибъ вы етѣй садъ выкопали, вы-
мякчили, узорали, да посѣяли пшаницы—вотъ ба зародѣлась: золотѣй ко-
лось, сребринный колось, золотая жарно, сребринная жарно. Ну, у царя
солдатовъ ни нѣтъ: собравъ строяныхъ, рядовыхъ, отстановныхъ. Ну и
вытѣребили, вымякчили, вытронили. Люди сѣють пшаницу, вотъ я царь по-
сѣявъ пшаницы; людская тольки усхаджуеъ, а царская уже краску
скѣдуюеъ. Коли стала высыпать—золотый колось, сребринный колось. Ко-
ли стала наливать—золотая жарно, сребринная жарно. Такъ царь любит-
ца, утѣшаетца, што чищи не надо. Часовыя стоять кругомъ, берягуъ.
Али унадився воръ у пшаницу—што ночь прѣйдеъ, то ти покъултовата,
ти повырѣзана, ти покъултовата, ти повырѣзана.—Отъ ето царю было
ужо досадно. Ёнъ тогда давая загѣкувать охвотничковъ солдатовъ: хто
бъ ето, говора, убярѣгъ, што бѣ угодно наградивъ бы тогда! Ёнъ тогда
ставъ солдатовъ загѣкувать: „ти на можно, кабъ хто уловивъ яго, наго-
роджу чимъ тольки пожелаешъ?“ Вотъ одинъ отгукнувся, говорить: я
убѣрагу!

Вотъ, были игрушки скѣчиваныя, якъ терабили, дуплиноватыя; отъ,
ёнъ улѣзъ у дупло и лѣгъ тамъ. Только подъ поввочъ шу-усъ! прилетаетъ.
Спустился. Давай ножичкомъ рѣзать, да у пучки вязать, давай ножич-
комъ рѣзать, да у пучки вязать, нарѣзавъ столько, сколько яму сила
поднять. Только жъ ёнъ набравъ подъ крыльми, ставъ узиниатца—а ёнъ
зъ дупля да за бороду: стой, дѣдушка, на увыишовъ! Ёнъ крикнувъ на
часовыхъ—часовыя прискочили. А тутъ передъ царскимъ вокномъ, и царь
ето почувъ, узрадовався, што плужъ етакій. Ёнъ тогда спрашуеъ: хто ты
тамъ ёсь? царь у яго. А ёнъ говорить: што я ёсь Мѣдный Чудовища.
Ну, Мѣдный, на Мѣдный Чудовища—запѣрли яго на дванадцать двѣрей,
на дванадцать замковъ у склепѣ. Вотъ ёнъ тамъ сидѣть. Назаутраго
рассылають по царяхъ, по короляхъ, по князяхъ, кабъ зыѣжжались Мѣд-
наго Чудовища поладѣть. Вотъ яны позѣхались—пьютъ, гуляють. А у ца-

ря бывъ сынишка, — мальчишка, небольшой ще, малолѣтній. Отъ ёнъ ходи́ть, верейбеиковъ стрѣляетъ. И якъ давъ прахъ той стрѣлоццы заваля́цца у склепъ туды. Ёнъ ходивъ, ходивъ, шукавъ, шукавъ, али и плака́ть ставъ. Отъ ёнъ тады и спраши́еть: „што ты, Иванъ Ивановичъ, насъ кнѣ царёвъ царевичъ, што ты плачешъ?“ — „Ахъ, дѣдушка, — я стрѣлочку потеря́въ! — «Иванъ Ивановичъ, твоя стрѣлочка у мене!» — Дядулячка, отда́й ты мнѣ яе! — „А вотъ, Иванъ Ивановичъ: возьми отомкни дванадцать дварей и дванадцать замковъ и выведи мене на вулицу, тады я стрѣлочку отда́мъ!“ — Якъ же я тебе отомкну? Ключики у маменьки у кармана, и часовыя стоятъ? — „А вотъ, Иванъ Ивановичъ, ты иди къ маменькы да поколѣннѣхъ пока́тися — скажи: головка моя болитъ, дыкъ мнѣ тебе стане́тъ гладить, голубить, скажеть: дититухно моё, бѣгаешъ, простудился! А ты тихынько ключики съ кармана вынь. А тогды у царскую палату зайдѣ, царскую кору́ну на сябе надѣнь. Тады, по дворѣ иди, руками пома́хавай и ключми побрызкавай. Часовыя расступю́цца тады!“ Ну, вотъ, ёнъ побѣгъ къ маменькы и почавъ говоритъ: маменька, головка моя болитъ. Мнѣ стала яго гладить, голубить. Ёнъ тогда тихынько ключики вы́таволяе́тъ съ кармана; у царскія палаты зайшо́въ, царскую кору́ну на сябе надѣ́въ. Тогды по дворѣ и́детъ, руками пома́хаваетъ, ключми побрызкавае́тъ. Часовыя расступили́ся. Ёнъ тогды отомкну́въ одны́ двѣри, другія... дванадцатыя, и отомкну́въ замо́къ одинъ, другій и дванадцатый, и вывезъ яго на вулицу. Отъ ёнъ яму стрѣлочку отда́въ, попрощався и пошо́въ. — Только сказа́въ: „ну, Иванъ Ивановичъ! прѣ злой го́дини спомяни мене, — я табѣ знадоблю́ся!“

Отъ яны пили, пили, гуляли, гуляли, и посла́ла, Мѣдвѣго Чудовищу ка́бъ привесе́тъ. Тутъ кау́тъ: яго нѣ́тъ. — „Какъ нѣ́тъ?“ — „Вашъ же сынъ яго выпусътивъ!“ — „Какъ выпусътивъ?“ Тутъ сячасъ часовы́мъ головы на колодку, потсика́въ. Такъ царю это обидно, — усѣ́дно, якъ обманъ якой. И хотѣ́въ сыну голову́ отсѣ́чь. Тутъ пари, князи, короли стали царя отговѣ́рива́тъ: «якъ это можно, ка́бъ царская колѣ́но вистѣ́житъ? А ежели ёнъ здѣ́лавъ та́кій проступо́къ, возьмѣ́я яго, прогонѣ́тъ у бѣ́лый свѣ́тъ!» Отъ ёнъ яго узя́въ, и зъ двора согнавъ.

Ёнъ вышавъ на вулицу, плачѣ́тъ, не знае́тъ, бѣ́дненькій, куды йти́. Идетъ солдатъ Иванька: — „Эхъ, говоритъ, Иванъ Ивановичъ! што ты плачешъ?“ — „Эхъ, Иванька служивый! якъ мнѣ не плака́ть вотъ? прогоняю́тъ мене у бѣ́лый свѣ́тъ, а я не знаю, куды йти́!“ — „Эй, Иванъ Ивановичъ! проси мене то́лько, Иваньку, за слуго́вина, — а свѣ́тъ вали́къ, у свѣ́ти лю́дей мно́гѣ!“ Отъ ёнъ вярну́вся на дво́ръ, сѣ́въ подъ вокномъ на колѣ́ничкахъ — ящѣ́ го́сѣти не разѣ́жжался — якъ ставъ плака́тъ, якъ ставъ проси́тъ — отда́въ яму ба́тька Иваньку за слуго́вина. Отъ ёнъ яму

одежу надѣвъ хорошую царскую, обчапѣвъ яго лентами; ёнъ попрощався и пошовъ.

Отъ яны ишли, ишли, заохѣлось имъ пиѣ. „Эхъ, говоритъ, Иванъ, на слуговина: пиѣ дужа хочетца!“—А вотъ, Иванъ Ивановичъ: я ў походи ходивъ,—тутъ ёсь колодязь вельми глубоць дужа, только вода хороша и кубочекъ тамъ плазаетъ. Вотъ мы ленту за ленту посчитаемъ, котораго спусьтимъ, той налестца, другому подасъ! Такъ и ёсь—прохѣджу ютъ—ажъ вода глубока и кубочекъ ёсь. «Ну-ка, Иванъ слуговинъ: дай-ка я тѣбе спущу,—самъ напьесся и имъ подаси!» А тѣй говоритъ: эхъ, Иванъ Ивановичъ! ты мене туды спусьтишь, а оттуль ня вытягнешъ,—я тяжолъ. А якъ ты маленький—я тѣбе туды ўпущу и оттуль вытягну! Ёнъ подумавъ, подумавъ—ето я правда. „А якъ я яго оттуль ня вытягну, куды я одинъ пойду тады?“ Вотъ тады лента за ленту, лента за ленту посчитавъ и упусьтивъ яго туды. Отъ ёнъ налився, паревичъ, почерпнувъ, яму подавъ. Иванъ Ивановичъ налився,—тогда говоритъ: «Ну, Иванъ слуговинъ, тягнй мене!»—Нѣ, не потягну!—„Отчаго жъ ты мене! не потягнешъ?“—А такъ, штобъ я бывъ Иванъ Ивановичъ, насъкихъ царѣвъ паревичъ, а ты штобъ бывъ у мене слуговинъ, и кабъ отдавъ ты имъ свою одѣжу, и кабъ ты мене обчапѣвъ своими лентами! Отъ ёнъ думавъ, думавъ, плакать спробувавъ, али думаетъ: «чымъ тутъ пропадать, лучча жъ по свѣти ходиѣ, за слуговина хотѣ!.. Ну, Иванъ! тягнй мене! Отдаю табѣ свою одѣжу, побчапю тѣбе лентами: будешъ ты Иванъ Ивановичъ, а я буду Иванъ слуговинъ!..» Отъ ёнъ яго вытягнувъ. Ёнъ одѣжу зѣдѣвъ, на Иванъку надѣвъ царскую одѣжу, лентами обчапѣвъ; а самъ надѣвъ яго шинялѣкъ и шапочку хуражачку. И пошли. Отъ!

Яны ишли, ишли, ишли, ишли, и прослухали, што у нѣкоторомъ царствѣ-государствѣ хочеѣ царь дочку оддать за зятя, на царя коруновать. Отъ яны съ царства до царства, съ царства до царства, допытючи, пришли до царскаго дворца. Ухѣлюѣ у царскій дворецъ, тутъ—звѣсно, человекъ по ‘дежи узнаюѣ—тутъ яму укланяютца, коло яго витаютца, и давай у царскія палаты просиѣ имъ. «Ваша величество! слуговина мойго запрѣти куды-небудъ, у баню, и часовиѣ поставѣя, а то ёнъ воръ, ще што нибудъ украдеѣ!» Отъ, яго (Ивана Ивановича) заперли, а сами тамъ пьюѣ, гуляюѣ. Отъ ёнъ, царь етѣй, говоритъ: «ёсь у мене три кобылицы-набыльницы на стайни. Кто троя судокъ спасеѣ и зъведеѣ, за того дочку оддамъ,—и кабъ позараньши домовъ привѣджувавъ!» А яны не кобылицы, да зъывѣѣ. Отъ ёнъ говѣриѣ: „э, у мене слуговинъ усе ето зѣдѣлаеѣ!“ Вотъ и гукаеѣ: „Ванъка слуговинъ, поиди сюда!“ Ёнъ прихѣджуеѣ: «здрастуйѣ!»—Здрастуй! Вотъ на табѣ повѣстѣнка хѣба, и ёсь на стайни три кобылицы набыльницы,—кабъ ты ихъ зъведеѣ

у западных луга, кабы напасьвивъ и позараньши домовъ приваждувавъ!.. Отъ, яму дали хлѣба повхунта, ёнъ у стайню увыйшовъ, одну разъ дѣрнувъ подъ колѣни, другую два и третью три. Якъ сѣвъ, шовковыя поводы у руки ўзявъ,—якъ поѣхавъ по подвѣсбесю! Прїѣхавъ у западных луга,—сидать не сидавъ, злизать не злизавъ, только шавковыя поводы у рукахъ остались,—кобылицы нябыльницы нязвѣстно дѣ подѣлися! Ёнъ ходивъ, ходивъ, хлѣба повхунта зѣвъ и плакать уже спробувавъ,—шаркотно. Али здауавъ: „э, за кого это я труждаюся? Это я за Мѣдную Чудовищу труждаюся!“ О, ёнъ и являецца! «Здрастуй, Иванъ Ивановичъ! Подѣйся жа у мой домъ, сяньи мой, жаны моѣ, сыновъ моихъ, дочарей моихъ повидася!» Прихаджують, ажъ стоить мѣднѣй домъ, на три тажи, такий што а-я-яй! Отъ яны уходють у першую комнату, ажъ сядить жана. «Жана моя намилѣшая, уклонись Ивану Ивановичу! Ёнъ мене съ того сѣвѣту вызволивъ!» Ина яму уклонилася. Уходить у другую комнату, сядить дванадцать дочарей. «Дочурки моѣ намилѣшія, сиклонитесь Ивану Ивановичу! Ёнъ мене съ того сѣвѣту вызволивъ!» Яны яму сиклонилися. Приходють у третью комнату—сидать дванадцать сыновъ.—«Сыны моѣ намилѣшія, сиклонитесь Ивану Ивановичу! Ёнъ мене съ того сѣвѣту вызволивъ!» Яны сиклонилися. «Ну, говоритъ, сыночки моѣ! ушасѣтьхъ идти у западных луга кобылицъ нябыльницъ искать, ушасѣтьхъ идти баню топить, падо Ивана Ивановича попарить, молодоймоѣ наставить!» Отъ тыя пошли у западных луга, кобылицъ нябыльницъ искать, а еты пошли баню топить. Отъ много—мало урѣмя спусѣтъхъши, етыя приходють—говорють: «бабюшка, баня готова!» Отъ ёнъ: хорошо! говоритъ. Узявъ мѣдную одежду, мѣдную шапку, и повѣвъ яго у баню. Обмывъ яго, обхоливъ яго, зъ руки на руку перемѣняючи, и надѣвъ яму мѣдную одежду, мѣдную шапку. Приваждують домой, посадивъ яго на кресло и давъ яму стаканъ пива выпить, которая пѣтъна на Рамтвѣнскій день. Ёнъ якъ выпивъ,—сплѣнъ ставъ. Якъ пойдти по мосту—и мостъ угниваетца. Вотъ и етыя прихаджують ушасѣтьхъ: «бабюшка, кобылицы нябыльницы ёсь!»—А дѣ жъ яны были?—«А дѣ жъ яны были: забралися у лозу, у жаречу у такую, што наслу половили!»—Ну, хорошо, што половили! прилжигъ ихъ, вущай на неби звѣзды личуть—не подохнутъ! Отъ яны ихъ привязали. А тутъ нили, пили, гуляли, гуляли.—«Ну, Иванъ Ивановичъ: урѣмя и отправляецца! И я знаю, што табѣ у банн тамъ наркотно—на табѣ старшія дочки салхѣтку, што ты потребуешъ, то табѣ я будеть!» Отъ ёнъ сѣвъ и поѣхавъ.

Якъ ѣхати, дикъ ѣхати, якъ ѣхати, дикъ ѣхати, ёнъ и на одній, и на другій, и на третій—прїѣжаецъ къ двору. А яны на крылцо стоять. Царъ только пляччи тѣсьнець, што одежда хорошая. А ёнъ

(Иванька) говоритъ: «во, говоритъ: я говоривъ,—воръ-кошележникъ, во якую одежду уворовавъ!»—Да, да! и я вижу, што уворовавъ! Ну, кобылицъ нибилыницъ влѣзанными прутами драли, драли, драли, драли, у стайню заворли и замкнули,—на што ловились! А его зновъ у базю, и часовыхъ костянина.

Тольки у царьскомъ дворпы спать поляглись, ёнъ сичасъ за салхвэтку: «салхвэтка, салхвэтка, зыѣлай мнѣ палацы лучче царьскихъ палацъ, и кабъ и столы, кабъ и канапы, и стулья, и усѣ!» Такъ это усѣ и зыѣлалося. Тогда говоритъ: «салхвэтка, салхвэтка, дай мнѣ повгарда ширту!» Такъ сычасъ и ёсь. Ёнъ тогда крышку узавъ, наливъ, на дворъ вылисъ, по крысцы часовыхъ давъ, яны и позаснули,—оружжи у козлы, и спать полягли. Царевна гляѣла, гляѣла у окно, што у бани бляскъ лужа большій: «ахъ, мамушка-нянюшка! пойдёмъ мы вѣлушками-провулушками провѣдаемъ, якъ тамъ Иванъ слуговинъ проживаетъ?»—А пойдёмъ сабѣ, панна царевна! Вотъ яны приходжуютъ туды, а ёнъ на каѣли ляжыть, ни бытпа што съинѣ. Ина походила, походила, тутъ на столѣ напикты стоять, усѣ—ажъ выйти оттуль не хочетца. «Ахъ, мамушка-нянюшка! якъ ба яго разбудить?»—Не знаю, панночка-царевночка! здымемъ двери отчинять, яны задржытъ—дакъ ёнъ ти не прошнѣтца? Тольки яны узались за двери, яны задржыжали—ёнъ и прошнувся: «ахъ, нивиниѣ, панна царевна, што я задремавъ! я у бани, дыкъ мнѣ досадно, наркотно. дакъ я...» «Да, да, Иванька слуговинъ: и я виджу, табѣ тутъ досадно!» Ну, сѣли пить-гулять. Отъ ёнъ салхвэткой требувавъ казавъ на кулачки, и усякія кошэды. Отъ, и ёй салхвэтка уподобала. «Эй, Иванька слуговинъ,—продай ты мнѣ ету салхвэтку!»—Нѣтъ, панна царевна: продаць яе я не могу. Подарить подарю, а продаць не могу!—«Ды што ты мнѣ будешъ даруваць? я не нищая: я купить могу!»—Нѣ, панна царевна: я продаць не продамъ! Отъ, яны пили-гуляли, и стало зарать ужо. Ина распрощалася, и пошла домой. Ёнъ тогда салхвэтку склавъ,—тогда якъ была баня и стала баня. Чисовыхъ паростувкавъ, ружжи нѣ подававъ—яны зновъ сътеригутъ яго. Отъ, развиднѣло. Измовъ зовутъ яго у царьскыя палацы. «Иванька слуговинъ! поди сюда!» Дали яму хлѣба повхунѣтика. «Иди на стайню, бари три кобылицы-нябыльницы, вяди на заповѣдныя луги пасывить! И кабъ пораньши домовъ приваджувавъ!» Ёнъ увыйшовъ у стайню, одну разъ дѣрнувъ подъ колѣни, другую два, и третью три. Якъ сѣвъ, шавковыя поводы у руки узавъ,—жы поѣхавъ по поднебесью! Пріѣхавъ у заповѣдныя луга—ссадать не ссадать, злизать не злизавъ, тольки шавковыя поводы у рукахъ остались, кобылицы-нябыльницы нязвѣстно дѣ поѣлись! Ёнъ ходивъ, ходивъ, хлѣба повхунѣтика зыѣвъ, и плакать уже сиребувавъ,—наркотно.

Али адунавъ: «э, за кого ето я труждаюсь? Ето я за Мѣдную Чудовищу труждаюсь!» Вотъ Мѣдная Чудовища являетца. «Здрастуй, Иванъ Ивановичъ! пойдѣмъ жъ у домъ ко мнѣ, баню вытопимъ, попаримъ, молодойцѣмъ тябе наставимъ!» Приходють, ажъ стоятъ сребринный домъ на три такі, такіи, што ажъ заетъ. Отъ ёнъ тогда говорить: «ну, сыночки моѣ! идитя удеватѣхъ шукать кобылицъ-нябылицъ, а утрѣхъ идитя баню топить!» Отъ, ты пошли туда, ты пошли туда. Много-мало уремя спусытѣвши, етыя утрѣхъ приходють: «батюшка, баня готова!»—Ну, хорошо! Узавъ сребринную одежу, сребринную шапку, повѣвъ яго у баню: обмывъ яго, обхоливъ яго, зъ руки на руку перемѣняючи, и надѣвъ на яго сребринную одежу, сребринную шапку. Отъ, посадивъ яго на стулъ и давъ выпить стакавъ пива, которая пьетца на Воскресный день на Великій. Ёнъ якъ выпивъ, посильтѣвъ ящѣ. Якъ пойдѣтъ по мосту—мостъ угинаетца, якъ сйдитъ на кресло, кресло гнетца. Отъ мало-много уремя спусытѣвши, етыя приходжуютъ. «А што, ёсь кобылицы-нябылицы?»—Ёсь, батюшка!—«А дѣ жа яны были?»—Да дѣ жъ яны были: забралися у сѣня моря подъ каминь, насили половили!—«Ну, хорошо, што половили, привяжитя ихъ, пущай на небѣ звѣзды лячутъ, не подохнутъ!» Отъ яны пили, пили, гуляли, гуляли. «Ну, Иванъ Ивановичъ, уремя отправляетца! Отъ ёнъ сѣвъ и побѣавъ. Ъхавъ, ѣхавъ, на первой, на другой, и на третьей,—вѣзти яго ни хочутъ, тяжолъ,—дармъ што зымайѣ. А яны на крылцы стоятъ, плячкитиснутъ, што етакая одежа у яго, почищи тыѣ, однимъ словомъ сребринная. «Во, не казавъ я вамъ, што воръ, мошенникъ! Въ якую дѣжу, ще почищи, уворовавъ!»—«Да, да, говоритъ: и я вижу! А царевна, дыкъ ина и вочи проймасть. Вотъ тогда кобылицъ-нябылицъ залѣзными прутьями драли, драли, драли, драли, у стайню заперли и замкнули. А яго зновъ у баню отправили и стражу поставили.

Тольки у царьскомъ дворѣ снатъ поўляглись, ёнъ говорить: «салхэтка, салхэтка, подай мнѣ палаты, луччи царьскихъ палатъ! Подай мнѣ столы, креслы, канапы!» Ина сычасъ! Тогда говорить: «салфѣтка, подай мнѣ повгарца спирту!» Ина подала. Ёнъ крышку узавъ, на дворъ вынись, по крысцы имъ (часовымъ) давъ. Яны ружжи у кѣзлы и снатъ поляглы. Въ царевна глядѣла, глядѣла у окно, што у бани бляскъ дужа большій: «ахъ, мамушка-нянюшка, пойдѣмъ мы вулушками-правулушками провѣдаемъ, якъ тамъ Иванька слуговинъ проживае?»—А пойдѣмъ сабѣ, панна царевна! Отъ яны якъ ишли, такъ прямо туды. И ёнъ снатъ. «Здрастуй, здрастуй табѣ, Иванька слуговинъ!»—Здрастуй, панна царевночка! Ахъ, якъ мнѣ у бани маркотно! «Да, да, и я вижу, што табѣ маркотно тутъ!»—Ахъ, панна царевна! коли вы обвиняеѣтесь, хотъ бы мене зъ бани вызволили! «Слухай, Иванъ слуговинъ: не говори

ты итѣ етаго! Я на того мерзавца смотрѣть не хочѹ, я бѣ лучши съ то-
бой обвинячалася?»—Э, панна царевна: што вамъ тѣя говорѣть, чаму я
быть. Дѣ вамъ за прѣстаго мужука выходить!.. Ну, только яны тамъ пи-
ли, шили, гуляли, гуляли, и вина требувавъ у салхв этки и казаковъ на
кулачники—и ўсяго—ўсѣ это ёсь. Уподобала ёй салхвэтка, што не рас-
стратца! «Продай, да я продай, Иванька слуговизъ!»—Нѣ, панна царевна:
продать я не могу! Подаровать подарую, а продать не могу!—«Да зѣ
якихъ это намярѣніемъ ты подаруешъ?»—А вотъ, панна царевна, —
кабъ зѣ вами ночь почувать!—«Ну, хорошо! Только кабъ зѣ ярыми свѣ-
чанн, зѣ войстрыми мечани!»—Ну, ёнъ отдавъ: хорошо! Сычасъ якъ отдавъ,
якъ была баня, такъ и стала баня.

Стало видѣть, ёнъ часовыхъ растуркавъ, ружжи у руки подававъ,—
изновъ стѣрагуть. Давъ Богъ дянѣкъ, гукають яго зновъ вѣсѣти кобылицъ
нябылицъ у западныхъ луга пасѣвить. И кабъ позараньши домовъ приво-
джувавъ!... Отъ, яку дали хлѣба повхунта, ёнъ у стайню увыйшовъ, одну
разъ дѣрнувъ подъ колѣни, другую два и третью три. Якъ свѣтъ, шѣв-
ковныя поводѣ у руки ўзявъ,—явъ поѣхавъ по поднебесью! Прѣѣхавъ у за-
падныхъ луга,—сидать не ссидавъ, злизать не злизавъ, только павковны
поводѣ у рукахъ остались,—кобылицы нябыльницы назвѣстно дѣ подѣли-
са! Ёнъ ходивъ, ходивъ, хлѣба повхунта зѣбъ, и плакать уже спрѣбувавъ,
—маркотно. Али здумавъ: «э, за кого это я труждаюся? Это я за Мѣд-
ную Чудовищу труждаюся!» Ёнъ и являетца: «зрастуй, Иванъ Ивановичъ!
пойдѣмъ жа у мой домъ, побываемъ, баню вытопимъ, молодойцѣмъ тѣбе на-
ставимъ!» Приходяють, ажъ стоятъ домъ золотѣй на три тажи, што просто
зѣяетъ, якъ сонца! «Ну, сыночки моѣ! идѣтя ўси двинадцать у западныхъ
луги кобылицъ нябыльницъ шукать: а вы, дочушки, идѣтя ўси двинад-
цать баню топить!» Вотъ тыя пошли туда, тыя пошли туда. Много ма-
ло ўрѣмя спусьтѣвши, дочки приходяють: бѣтѣшка, баня готова!—«Ну,
хорошо. Отъ, ўзявъ золотую одежу, золотую шапку, повѣвъ яго у баню,
обмывъ яго, обхоливъ, зѣ руки на руку перемѣняючи и надѣвъ золотую
одежу. Просто, ёнъ якъ сонца ставъ. Привѣвъ ёнъ яго домовъ, посадивъ
на стуль. «Што, Иванька: ти чувствуешъ ты силу у сябѣ?»—Да якъ,
дѣдушка, ня чувую: колибъ хто поставивъ слупъ, у зѣмлю конецъ и ў небо
конецъ, и ўбивъ колцо у слупъ, увѣсь бы свѣтъ оборѣтивъ! Подумавъ ёнъ,
подумавъ: много силы яку давъ!» Давъ яку стаканъ вина, што на Юрь-
евскій дѣнь пѣтца, вясною; у яго силы отбыло. «Будетъ съ тѣбе и етыя
силы!» Много-мало ўрѣмя спусьтѣвши, сыны прихажують. «А што, ёсь
кобылицы-нябыльницы?»—Ёсь, говорють, бѣтѣшка!—«А дѣ жѣ ны были?»
—Да дѣ жѣ ны были? забралися на небо за болоки, да на силу половили!
«Ну, приважѣтя нѣтъ: нехай на неби звѣзды личуть, не подохнуть!» Отъ

яны пили, пили, гуляли, гуляли. «Ну, Иванъ Ивановичъ: урешья отирая-
ляцца! Прощайся изъ моей жаны, изъ сынами и зъ дочерями, а съ то-
бой мы ще увидимся!» Отъ, ёнъ попрощався, сѣвъ и поѣхавъ. Ёнъ и
на 'двой и на второй и на третьей—не вязуť! Отъ ёнъ поводы на пле-
чи усклавъ,—ихъ и тягнеть. Царь, париди на крылны стоять, плячки
тиснуť, дивутца, што етакая золотая оѣжа, и кобылицы яго не вязуť,
а ёнъ ихъ тягнеть, поводы на плечи усклавши. Отъ, якъ тольки кобы-
лицы нябыльницы на дворъ, головы на колодку, и потѣкали и за плоть
позакладали,—на што ловилися. А яго у баню и часовыхъ поставили.

Вотъ у царскомъ дворѣ тольки спатъ поўляглася, отъ ёнъ говоритъ:
«ахъ, ребята часовзя! пусьтѣя мяне проходитца вулутками-перявулут-
ками!»—А можно, можно, Иванъ слуговинъ! развыи ты насъ не угосьтивъ,
ти што? Мы тобой довольны! Отъ ёнъ, якъ ишовъ, такъ прямо икъ ца-
ревни. Отъ яны цили-гуляли, съ салватки требовали и напнтковъ, конь-
дѣй разныхъ, и усѣ. И сьвѣчи ярыя горять, и войстрыя мячи стоять. Ну,
али уремя уже и отдыхать. Якъ тольки класьтись, дыкъ ина сычасъ:
«мамушка-нянюшка! потушѣя сьвѣчи восковыя и положить мячи войстры!»
Вотъ тутъ ёнъ рассардѣвся, якъ шархнеть за двери, якъ тряхнеть дварь-
ми,—дыкъ и вокны и двери, усѣ повысыпалось! «Ахъ, мамушка, нянюшка
за што ёнъ на мяне рассардѣвся? ти я яму прѣкро што сказала?»—Не
знаю, панна паревна: можа за ето, што вы обѣщали перяспати съ сьвѣ-
чами ярыми, зъ мечами войстрыми, а тыперь вы вялѣли потушѣя сьвѣчи
осковыя и положить мячи войстры. Дыкъ можа за ето.... Ну тольки у
царскомъ дворцѣ столяровъ-маларовъ ня нѣтъ. Ина за ночь усѣ ето на
лаііаи, кабъ батька не знавъ. А ёнъ самъ у баню и отдыхаетъ.

Давъ Богъ динѣкъ, царь тѣй каеť на етаго солдата: «вотъ, каеť,
идеть непрѣтель на троя судокъ, и хто етаго непрѣтеля звоюеть
за того свою дочку отдаѣть и царство передаѣть!» Вотъ ёнъ идеть, не-
прѣтель, ажъ замелюшка колѣياتца! Вотъ солдатъ вышавъ, пошовъ во-
еватца. И ёнъ вышавъ зъ бани. Говоритъ: «ахъ, говоритъ: кабъ мнѣ Мѣд-
ная Чудовища сюды! повоеався бѣ я кругомъ етаго войска!» Ёнъ и явя-
етца: «Здрастуй, говоритъ, Иванъ Ивановичъ!»—Здрастуй!—«Вотъ, при-
вѣвъ я табѣ коня вороица—сяредняго братца своего, и мечъ кладенець
и рябенную плеть, и мѣдную оѣжу! Ъѣ, говоритъ: ты силѣй за яго,
и лошадь твоя силѣй за яго,—ты яго звоюешъ!» Ёнъ якъ пошовъ, по-
шовъ, на дорози етаго догнавъ,—ще ёнъ идеть воеватца—плетей зъ де-
ситокъ яму давъ,—ёнъ не знаетъ, хто. Якъ прѣхавъ туды—кому руку,
кому ногу, зѣхався съ старшимъ, якъ шархнуť—такъ голова и пока-
тилася... Вотъ назадъ прѣхавъ икъ бани, оѣжу зѣвѣвъ, къ сядлу при-
вязавъ: „ступай, кося, гуляй, да силку собирай! Коли мнѣ надо будешъ

тогда ко мнѣ прибѣдешь!» Самъ какъ лёгъ спать, на троя судокъ. Якъ только ночь, такъ царевна идётъ къ яму, пилуетъ, якъ зоречка, дожей идётъ—и батька етаго не знаетъ. Отъ, на чатьвёртыя судки неприятель посилайшій идётъ, ажъ зямелюшка трясётца: Отъ, етый поштовъ воеватца, а Иванъ Ивановичъ говоритъ: эхъ, кабы мнѣ Мѣдная Чудовища сюда! Ёнъ и являетца: «Здрастуй, Иванъ Ивановичъ! вотъ же привѣвъ я табѣ коня воронца, большаго брата своего, сребринную одежу, мечъ кладенецъ и ряменную плеть. Ёдъ, говоришь: ты силнѣй за яго и лошадь твоя силнѣйшая,—ты яго звоешь!» Ёнъ сѣвъ и поѣхавъ. Нагнавъ етаго узновъ на дорози—ёнъ идётъ воеватца, дыкъ ёнъ яму плетей зъ Десятку уськинуувъ! Тяперъ туды прѣхавъ, кому руку, кому ногу; якъ зѣхався съ старшинъ, якъ шархнуувъ—такъ голова и покатилая! А самъ тогда брадучей стопой къ бани прѣхавъ, одежу зѣдѣвъ, къ сядлу привязавъ: „ступай, кося, гуляй, силку собирай!“ Якъ лёгъ спать, на шестѣро судокъ. Якъ только ночь, царевна приходитъ, яго пилуетъ, ночуетъ, а якъ зоречка—дожей идётъ. И батька етаго не знаетъ. Вотъ, на сядмыя судки посилайшій идётъ неприятель: уся зямелюшка трясётца и колышетца. Етый зновъ солдатъ вышавъ воеватца. Ёнъ же вышавъ зъ бани: «ахъ, якъ я молодой, кабы мнѣ конь ровный! Покрасувався бъ, покрасувався бъ волю етаго войска!» Вотъ Мѣдная Чудовища и являетца: „здрастуй, Иванъ Ивановичъ! Вотъ, привѣвъ табѣ коня воронца дѣдовскаго, што вѣкъ никуды не тревоженъ еще, и золотую шапку, и золотую одежу и мечъ кладенецъ, и ряменную плеть. Лошадь ета твоя силнѣй яго лошади, ну ёнъ силнѣй тебе. И я знаю, што у тебе тыѣ салхвэтки нѣту, на табѣ меньшія дочкы салхвэтку. И ежали ёнъ тебе упярѣдъ ранить, хапай якъ можно салхвэтку и кричи: салхвэтка, салхвэтка! подай мнѣ двенадцать богатырѣвъ! Такъ яны якъ явютца на тымъ мѣстѣ и разорвуть яго. Тяперъ попрошаемся, большы мы зъ вами ня увидимся!“

Отъ, ёнъ якъ сѣвъ и поѣхавъ воеватца. Догнавъ зновъ на дорози етаго—идётъ воеватца. Отъ ёнъ яму плетей Десятку уськинуувъ: прѣхавъ туды, ..кому руку, кому ногу отломивъ, якъ зѣхався съ старшинъ, старшій яго якъ шархнуувъ—исъ сѣдла вонъ выбивъ. Тогда ёнъ говоритъ: „салхвэтка, салхвэтка! подай мнѣ двенадцать богатырѣвъ!“ Якъ выскочили, якъ хапли, на тымъ мѣстѣ разбили на мелкія часьти! Отъ ёнъ тогда сѣвъ уже, брадучей стопой ѣдетъ, и кровь исъ плеча плывѣтъ. Царь-царица на крылцы стоятъ и кланіютца и просятъ милосѣти, кабы хошь на дворъ заѣхавъ, рану увярѣтъ: „что за наша царство свою горькую кровь разливаешь?“ Отъ, ёнъ на дворъ заѣхавъ. Царь у дочкы густку знявъ зъ головы, пополамъ разодравъ, одной половиной яму рану завязавъ, а другую половину доцѣ отдавъ. Тяперъ персьцень у дочкы

узавъ ды яму отдавъ—на руку надѣвъ. Ёнъ тогда маршъ и поѣхавъ; Приѣхавъ къ бани, одежу здѣвъ, къ сядлу привизавъ. „Иди, кося, гуляй, силку собирай, а якъ надо будешъ, ко мнѣ прибудешъ. А самъ якъ лёгъ спать на двенадцать судоковъ. Тогда царевна пошла поладѣть, ажъ и персьтень яе и салхвэтка. Тогда пришла и батьку доложила. „Такъ и такъ: мой персьтень у етаго Ивана слуговина и моя хустка—рана уверчана!“ Тѣперь батька пошовъ, царь, повѣривъ. Позволивъ тогда ей сядѣть тамъ пилнувать и День и ночь, покудова ёнъ и проспався.

Якъ же ёнъ проспався, тогда царскую карету запрягли, къ бани подъѣхали, ды яго у карету узали, ды ѣ у царскія палацы привязылъ, за столъ за тисовый посадили. Такжа и царевну поплечъ зъ нѣхъ посадили, а зъ-за стола у цѣркву пошли и обвѣнчались и свадьбу згуляли. А етаго мошенника на поля вывали, да растрѣляли. Царь яму передавъ усё царство.

И я тамъ бывъ, мѣдъ вино пивъ. Дали мнѣ пирогъ, я за порогъ, дали мнѣ хлѣба крайчикъ, дакъ и подъ ворота, якъ зайчикъ, маршъ и пошовъ.

Д. Попова Слобода, радомльск. вол. чаусск. у. Отъ кр. Нестера Сергѣева Высоцкаго, 76 л. неграмоти.

44. Гадюка въ огнѣ.

Нѣужоторошъ царстви, нѣужоторошъ государствѣ живъ старикъ у водной дярэвнѣ со старухой. И мѣли яны сабѣ дѣтей одного сына тольки. Жили сабѣ ня плохо, порадошно. Стало ихъ сыну годовъ восемнадцать. Ёнъ ставъ у нихъ просить грошай у ярмалокъ. «Дайтя мнѣ, тата, грошай, я пойду у ярмалокъ!» Батька питая у сына: «кольки жъ табѣ трѣба грошай?—Дай мнѣ пять рублей. Батька давъ яму пять рублей. Ёнъ и пошовъ у ярмалокъ. Иде дорогой, нясутъ хлопцы кота малдого у лѣсъ. Ёнъ у нихъ и питая: «куды вы, хлопцы, кота несете?»—Понясомъ у лѣсъ, закинёмъ, бо ёнъ шкодливый! Ёнъ каа: ня закидайтя яго, продайтя мнѣ! Хлопчики ня знаятъ, що за яго просить, и кажаты: дай намъ пять карбованцовъ! Ёнъ винявъ пять карбованцовъ, отдавъ имъ; кота узавъ на бярэмокъ и повѣсь домовъ. Принося домовъ и пусьтивъ кота у хату. Матка питая: „що жъ ты купивъ?“—А купивъ кота!—„Шо жъ ты за яго давъ?“—Пять карбованцовъ! Матка заругала былъ яго, и старикъ каа: да ничого, няхай сабѣ ужъ, ккажа. Дожадая парань другою ярмалку, опьятъ прося пять карбованцовъ. Матка ня хотѣла давать, а батька опьятъ давъ. Ёнъ пошовъ у ярмалокъ. Доходя подъ другую дярэвню, вѣдуть малыя рабаты у лѣсъ собаку вѣшать. Ёнъ у нихъ питая: „куды вы

ведетѣ собаку етаго? — Повядомъ повѣснѣ, бо ёнъ ня хороший, ня слухая хованна! Ёнъ каа: „не видѣтя яго вѣшати, продайтѣ менѣ! Кольки вамъ за яго?“ — Яны говораѣ: пять карбованцовъ. Ёнъ виняѣ пять карбованцовъ, собаку за вярровку, и повѣѣвъ домовъ. Привѣдя домовъ, матка знова питаа: „що ты купиѣ, сынѣ?“ — А купиѣ собаку! — А кольки жѣ ты за яго отдаѣ?“ — Пять карбованцовъ! Матка заругала яго, а ёнъ матары отвѣтивъ: будѣ старѣгѣ двора. Дождѣдая ёнъ третѣй яриалки, и опять просѣ пять карбованцовъ грошай. Матка дужа ня хотѣла даватѣ. Ну батька рашивсѣ ящѣ датѣ пять карбованцовъ. Ёнъ узѣвъ грошы, пошовъ у яриалокъ. Дотѣда дорогой подѣ кусты — пасуть рабѣтѣшкѣи скотѣ санопасомъ, вясной. И бѣгаѣтъ съ палѣччѣми, зѣ головѣнѣми, у водно мѣсто у водниѣ *кушѣ* и кричатѣ вельми. Захотѣлось яму пойтѣтъ тудѣ полядѣтъ, чаго яны кричатѣ. Прихѣдя икъ нѣмъ и питаа: „Чаго вы, хлопцы, кричатѣ да бѣгаетѣ съ палками тутѣ?“ — А ѣтъ, дя-дѣчка: у томѣ кушѣ ляжѣтъ гадюка вяликаѣ, дакъ ня дадинѣ рады ни якѣ яѣ убѣтъ, хоча насѣ укуситѣ! Ёнъ: ходѣмѣ, каа, полядинѣ: я побѣчу, якѣя яна! Пошли уси, кольки иѣ булѣ, къ томѣ кустѣ, — ёнъ глядѣтъ на яѣ — гадюка большѣя. Ёнъ говора: ня битѣ яѣ, — продайтѣ менѣ яѣ! Яны уси одинѣ на двоѣго зглянуѣли — который тамѣ не зная ничего, говора, кричитѣ: дай намѣ пять карбованцовъ! Ёнъ выняѣвъ пять карбованцовъ и отдаѣ иѣмъ. Якѣ отдаѣвъ грошы, такѣ гадюка скѣчила прямо съ куста да яму на рѣки. Скѣчила на рѣки, ёнъ и понѣсъ яѣ домовъ. Насѣ домовъ, яна яму на рукахъ говора, отвѣщаа: «купиѣ жѣ ты мяне, говора, паранѣ, отѣ смерти — приняси жѣ, каа, домовъ — и возѣми новѣй горшѣкѣ и наложѣ клѣчча и положѣ мене, я поставѣ на пѣчи у кутку!» Паранѣ понѣсъ гадюку ету домовъ, приносѣ домовъ — икъ яго щасѣтью ня булѣ батька и матки у хѣти. Ёнъ поспѣшыѣвъ найтѣтъ новѣй горшѣкѣ и наместѣтъ клѣчча, и поклаѣвъ тудѣ яѣ, и поставивѣ у кутѣ на пѣчь. Прихѣдя батька и матка и питаа: що жѣ ты купиѣ у яриалку? Паранѣ ня зная, якѣ отвѣтитѣ: «я, говора, купиѣ сабѣ, да не ванѣ!» — А дѣ жѣ ты ето дѣѣвъ, що купиѣ?“ — А ѣнѣ на пѣчи у кутку, у горшѣку поставивѣ! Матка полѣзла на пѣчку, глянула у горшѣкѣ, оттуѣ чуть носѣмъ ня зарала, утыкаѣчи. И кричала усѣмъ голѣсомъ громко: утыкаѣ, тыкаѣ, старикѣ, хутѣй — гадюка у хѣти! Тогда и батька заругавѣ сына. Сынѣ уварѣя — що ня боѣтѣся, яна васѣ кусѣтъ ня будѣ!

Прихѣдя вяснѣ, наступѣла лѣто, подѣйшла косовица и такѣя жѣтѣва. Сынѣя малѣя, трѣба усѣмъ убѣратѣца на дѣнь зѣ дому. Остаѣтѣца у доми, тольки котѣ да собака, да гадюка на пѣчи. Ранѣниѣцай старикѣ иѣсь сынѣмъ порабѣтѣаѣтъ дружно, сонѣячко подѣнимѣтѣца, старикѣ старѣхѣу посилаа, щобѣ наготѣвила обѣдѣ да принясла иѣмъ. Старѣхѣа прихѣдя домовъ, хѣта

вытоплена и наготована обѣдать, якъ не надо бить луччай. Старуха удивилась етому, и долго глядѣла и по хатѣ и по двору: нямѣ никого—и кто наготовавъ обѣдать? Навязала горшки и понясла старику съ сыномъ, обѣдать. Сѣли, побѣдали, старуха старику давалъ рассказувати про то, що злучелось. Старикъ побѣдавъ и съ сыномъ и каз: а ето намъ Богъ давъ! Да, потомъ на другій день, параночували, дѣдъ опята послала бабу и съ поля обѣдать готовить. Приходя старуха,—такъ само наготовляно чіпай того щѣ. Старуха стала рада етому злучаю, ня стала разглядѣти и понясла обѣдъ. Принося старику и рассказала, що злучелось. Сѣли, побѣдали. Старику и стало дико: хто-жъ ето такіи готовя у доми обѣдъ? Давай сыну говорить: «идитка ты домовъ, мой сынъ, да узлѣзь тихонько на хату, да открий трохи стольницю, да й гляди, хто будя готовить обѣдъ заutra! Сынъ батька послушавъ, пошовъ домовъ. Увишовъ тихонько у дворъ, що ниhto не видавъ, на хатѣ ночь переспавъ. Назаутраго ранньямъ уставъ, поднявъ нябогѣтько стольницю и глядитъ у хату, хто будя готовить обѣдать. Чуть стало сонца ухѣдити, гадюка съ пѣчи падаа, зъ горшка, деловъ и оброкидѣетца у самую у пригожую дѣвицу, и тутъ кричѣти на собаку и на кота: «собака и котъ, стуцайтя суды!» Собака и котъ приходять икъ ей. Яна ими и распоряджѣетца. «Ну, ты, котъ, стуцай по трѣски, а ты, собака, на, кущинъ бяри на шыю, стуцай по водѣ! А то насъ хозяйинъ кормя, и грошы заплативъ за насъ, отъ смерти насъ отратовавъ усихъ тронхъ, дакъ треба имъ готовить обѣдъ!» Котъ ставъ таскати трѣски, носитъ у хату, а собака принѣсь воды. Зяла съ собаки кущинъ воды, стала собирать обѣдать. Паранъ злѣзшы тихонько съ хаты, отчинивъ дѣры у хату тихонько, и схлативъ яе за плечи. Яна ахнула и сказала: ахъ, якъ ты мене спужавъ! Ну, спужавъ, говора, да ето усѣ ничого—вѣрно судьба твоя и моя: у лкомъ ты положенью менѣ заставъ, такъ вѣрно мнѣ и быть! Садись, да оддыхай, да дай мнѣ обѣдъ зготовити!» Паранъ сѣвъ оддыхати, а дѣвица стала обѣдъ готовить. Яна яку и говора: «ну, ты перака обѣдъ готовъ! Тольки давай ми, говора, съ тобою — одно другому дадимъ клятву: покуль ми будомъ жыть, шобъ ты бувъ мой мужъ, а я твоя жана! Ругать и наказавать якъ хочашъ мене би и лай, только ня 'шмыбайся, шобъ ты мене не называвъ гадюкой! А только ты назовѣшь мене гадюкой, то ты не мой, а я не твоя!» Съ обонхъ сторонъ побожылись, шобъ вѣкъ не называть другъ дружку худымъ. Навязали обѣдъ и понясли отпу-хатары удвонхъ. Принясли, побѣдали уси учетьваромъ, старикъ и съ старухой рады стали, що сынъ доставъ такую дѣвицу сабѣ. Побѣдавши, старики лягли оддыхнуть, а дѣвица и съ сыномъ стали жыто жать. До вечара большы дѣвица нажала, якъ старикъ нажавъ съ старухой и съ сыномъ за цѣлаю

ляділю. Старикъ и съ старухой поговорили: «давай жанить сына изъ этой дѣвушкы!» Оженили сына, стали жить.

Пожили колыки тамъ, годъ—два; ражжился порадошно, начавъ ѣздить у дорогу, извѣжничить. На жану оставляя увесь обработъ, доверяя на яе,—яна управляетца съ усмиъ сама. И такія яна штуки дѣлала: дѣлодѣя жыто—дакъ яна выбрала сакая только зярно, а за соломою не хотѣла заботитца.

Ну, одинъ разъ бувъ мужъ у дорози. Прошло усѣ жнивѣ, прѣхавъ по вѣсяни домовъ. Ня доѣхавшы домовъ, стрѣвъ своихъ сусѣдѣй. Яны яму й подвѣяли жану. «Ѣдъ, говора, домовъ: твоя жана табѣ привобрала: ще й жыто стоить не пожато!» Дояжжая до своего поля—доѣхавъ до одной яны—жжатая, до другія—жжатая, дожжжая до третья—стоить солома ня жжатая. Мужъ и рассѣрдился на жану. «Почаму жж жыта ня жжжатая?» На дорози ѣхавшы, заѣхавъ у шынкъ, вынивъ добро горѣлки, щобъ нагонѣть жану добро, домовъ прѣхавшы. Прѣхавъ домовъ, отчинивъ ворота, увѣвъ у дворъ конѣй. Отець-мати вискочили, рады стали, и жонка такжа. Ёнъ зразу ставъ жану ругать.—Батька й мати и жана стали яго увѣрять, шо ето солома только стоить, а жыто наша дома! Ёнъ не различая ничѣго, усѣ-тыки продовжжая ругать и ругать. Наконецъ того съ пьяныхъ глазъ забувъ свою присягу и назвавъ яе гадюкой! Назвавъ! Якъ назвавъ гадюкой, такъ яна удырилася объ зѣмлю и здѣлалася гадюкой. Полѣзла на печку и ляглы у кутокъ. Ёнъ повачеравъ, лёгъ спать. Назаутра прочиваетца, на ето на усѣ забувъ, и питая у батька: а дѣжъ жава? Батька и matka плача и говора: ты яе назвавъ гадюкой, дакъ яна здѣлалася гадюкой и полѣзла на печь. Ёнъ узлѣзъ на печь и давалъ просить яе. Довго яна мончала, ничѣго яму не говорила. Потомъ ёнъ ставъ науколѣнныкы перадъ ей, и ставъ сильно плакать и просить. Яна яму отвѣтила: «коли ты хочашъ быть щасливимъ, дакъ ступай за мной!» Ёнъ и согласился. Яна злѣзла съ печки и поповала вонъ изъ дому, а ёнъ пошовъ услѣдъ за ей.

Довго яны йшли дорогою, полямы, лясамы, дугамы разнамы, потомъ увошли у низвѣстность: тамъ гѣдовъ большыхъ и малыхъ сильно богато. Яна слычить своимъ голосомъ, дорогу имъ дають и не займають ихъ. Провѣвши етаго гѣда, яна яму й кажа: гляди жж ты, якъ ми прѣдежъ икъ хати, дакъ у етой хати будя свѣдѣть старикъ. Ето старикъ мой отецъ. Ёнъ у мене сирѣся гадцкимъ голосомъ: хто ты такій. Я яму отвѣчу, шо ето мой искупитель, ёнъ мяне откупивъ отъ смерти. И попрошу яго, щобъ ёнъ тебе наградивъ. А ты жж смотри: будя давать табѣ у награду золото и серабро, дакъ ты яго не бяри. А ёсть у яго на правой руцѣ на мѣзинцы перстыня, дакъ проси яго. Дакъ изъ етыхъ перстыннихъ будяшь

ты щасливѣ! Вотъ и доходятъ—стоятъ у ласу хата.—Приходятъ икъ дверамъ, яна подъ двярами засычала,—старикъ скоро и отчинивъ двери. Убачивъ яе и зачавъ цаловать. И гадкииъ голосомъ посычавъ изъ ей, спросивъ: хто такіи съ тобой? Яна яму отказала: етѣи чаловѣкъ откупивъ мене отъ смерти! Дакъ я яму побящала вяликаю награду. Дакъ прошу васъ, наградита яго! Старикъ повѣвъ парня у своѣ кладовія и открывъ яму золото и серабро, и сказавъ: бяри сабѣ, сколько хочашъ! Ну ёиъ грошай не ўзявъ. Ёиъ убачивъ у старика перстыиъ на мѣзинци, ставъ просить: ня трѣба мнѣ ваши грошы, ни золото ни серабро, а дай-тя мнѣ зъ вашей руки перстыиъ! Старикъ усмыкнувся и кажа: що жъ табѣ зъ яго? для тебе грошы луччи! А ёиъ каз: «у мене грошы своѣ дома ё, а перстыиъ вотъ будя въ знакъ памяти, васъ и дочари ваши!» Повго старикъ ня дававъ, усѣ стяснявся, наконецъ того стала и дочка просить, щобъ отдавъ. Ёиъ послушавъ дочки, изнявъ и отдавъ перстыиъ той. Паранъ перстыиъ ўзявъ, надѣвъ на руку и ставъ благодарить и отпралятца съ хаты. Старикъ искававъ дочары: провади жъ яго, вонъ изъ гадовъ вывади, и раскаи, якъ обрашатца съ перстыиъ! Пошли вонъ съ хаты, гадюка проваля гадъ етѣи увесъ, потомъ того остановились, яна и говора: пераѣиный перстыиъ съ одныи руки на другую! Пераѣи-вивъ перстыиъ съ одныи руки на другую,—выскаиуя дванатицъ чаловѣкъ прислуги. И спрашуютъ: што, хозяйиъ, трѣбуюшъ? Хозяйиъ тогда говора: дай-тя намъ попить и поѣсть! Сичасъ невидѣио накрывае-тца столъ, налитковъ и закусковъ кольки душѣ ўгодно! Попили-поѣли, просытились и пошовъ паранъ домовъ.

Скоро казка сказуетца, ну ня скоро дѣло дѣлае-тца. Урэиъ прошло двѣгая, когда паранъ зъ дому отлучився, и ня скоро домовъ пришовъ. Когда прихѣда домовъ, насилу увознавъ свой домъ. Батька зъ маткой худбу ўсю прожили, толькои остався одинъ собака да котъ. И хата на бѣкѣ схилялася ўжѣ. Хозяйиъ ушовъ у дворъ, поманивъ собаку. Собака явився къ яму, завищавъ отъ радости, и ставъ бросатца къ яму на груди. Ёиъ ушовъ у хату, старики увознали сына, заплакали отъ радости. Сынъ стариковъ унявъ и сказавъ имъ: ня журитесь! будя що пить, будя що ѣсть!—Старики унялись. Паранъ паракидая перстыиъ изъ руки на руку,—выскаиуать слугѣ и питаать: що, хозяйиъ, трѣба? Хозяйиъ каз: накрый-тя столъ, и щобъ було понать-поѣсть що удоволь! Той накрывъ столъ, налитковъ и закусковъ—кольки кому жалѣтально. Ёиъ опять—старики повячерали и уляглись спать—ёиъ опять паракидая зъ руки на руку и приказуя своимъ слугамъ: «щобъ мнѣ за нѣчь сострѣянъ бувъ домъ—лучшай самаго первого министра! И щобъ мы були паранѣсныи, я и отецъ мой и нятаръ, и собака и котъ щобъ находився при мнѣ!» Самъ лёгъ спать. На-

Вутро починаетца старикъ нъ старухой—сами сабѣ ня вѣрати: на якоу яны свѣти живутъ: на томъ, ти на етомъ? Потомъ сынъ уставъ, увѣривъ стариковъ, що ето усѣ здѣлавъ я—старикъ нъ старухой опять обрадовалесь.

Довго—коротко пожыли, и начавъ сынъ отпу говорить, щобъ отецъ ишовъ свататца. Отецъ у сына питая: куды жъ? Сынъ отвѣщая: иди къ царю. Отецъ сыну отвѣщая: «Якъ жа мнѣ итти? Царь своё дочари ня дасть. Да пожалуй и мнѣ голову зини!» Сынъ говора: «Иди, ня бойся, ёнъ табѣ ня зини голову! А якую задачу ни задасть, дакъ ты яму усѣ обѣщай!» Старикъ послухавъ сына и пошовъ. Написавъ прошенія, парадавъ царю. Царь разглядѣвъ, посямьясь и потребовавъ старика. Старикъ пришовъ, павъ наўколѣньки парадъ парѣмъ и обѣщавъ свою прозъбу. Царь вислухавъ старика и сказавъ: «ну, коли жъ твой сынъ хоча своё дочари, дакъ нехай ёнъ прѣйди уть такимъ то поѣздомъ: щобъ у яго була золотая карета и шастырикъ лошадей, и дванатцать полковъ за нѣмъ воська у проводы йшло!» Старикъ побѣщавъ: ето усѣ будя! Возвортисся домой, рассказавъ, що злучилося, сыну и вельми спячались. Сынъ батьку скажуя: ня журись, отецъ: ето усѣ будя! Дождавъ вечера, паракнуувъ перстынь зъ руки на руку, выскочили слуги и питають: що, хозяинъ, треба? Ёнъ нѣмъ и скажуя: щобъ була золотая карета, шастырикъ лошадей, кучары, лакеи, хвалеторы и дванатцать полковъ воська, провѣдъ щобъ бувъ! Слуги отказали: усѣ будя готово! Назаўтраго днѣмъ устають—усѣ собрано подъ домоу. Сынъ со старикомъ, съ старухой сѣли, поѣхали. Прѣѣхали къ царю—царь увидавъ—усѣ ето, що злучилось, и бувъ ставъ противорѣчить, ня давать свою дочь. Дакъ ёнъ царю угрозявъ: коли ты ня дадаси свою дочь, дакъ я твоѣ усѣ царство раскопаю! Царь подумавъ, призвавъ дочь, пригласивъ дочь свою вийти замужъ за яго. Пожанили и начали жыть зъ молодой жаной.

Довго—мало пожыли—повѣдися къ ёй змѣи у[ночний бытъ. И начавъ ёнъ лѣ збивать: що ты зъ мужыкомъ живѣшь? Якъ ты удопольствія имѣешь? Забери ты яго перстынь тихенько ночью зъ руки, и я тебе унасу! Ты у мене будышь жыть у золотомъ доми, а ня у такомъ! То жъ казка кижатца—що у бабы волосъ довѣгъ, да вушъ коротокъ,—на усѣ ето злодѣйство она согласилась. Якъ ночью мужъ уснуувъ, она тихенько зняла перстынь и парадала змѣю. Змѣя лѣ потхивать—бывъ таковъ, да й вѣту! Занѣсь за синия мѣра, на тридесатая царство. Такъ паракнуувъ перстынь зъ руки на руку—выскакуять слуги, питають: що, хозяинъ, треба? Ёнъ нѣмъ приказуя, щобъ царскаго зятя до дня перанѣсьть у старикову хатку, у батьковськую, а домъ изнѣсьти, щобъ и мѣста ня было. Усе ето за ночь и збылось. Прочинаетца царскій зять у своей у

гнилой у хатцы—няма ні жані, няма ні персьцяня. Толькі отець і мать, да коть да собака. Поплакалі, покручиніліся съ сямействомъ, да що жь тутъ дѣлать? Трэба ітці ікъ тэсьцю жаліцца! Пошовъ къ цару, абъяснівъ своё нещастя, царъ рассердився, засадівъ яго у туріу. І назначівъ яму піцу: хунть воды, хунть хлѣба у суткі. Посадівъ ёнъ надѣлю, посадівъ і другую. Старікі плачуть: і ѣсьці становіцца нечаго імъ. Вотъ собака да котъ собраліся до мѣста, іначалі межда собой дѣлать совѣтъ: „ну, що тутъ, братъ, дѣлать? ажа хозіяннъ нашъ пропаць! Некому насъ хлѣбомъ корніти! Давай-ка ми старатца, доставать хозіянну персьцянь!“ А котъ каа: „дѣ жь ми достаномъ? я жь ня вѣдаю, дѣ жь ёнъ!“ А собака гавора: я знаю,—пойдомъ! А котъ гавора: дѣ жь? каа. А собака гавора: трэба, братъ, плысь чаразь мѣра! Котъ отказуя: я плавать ня умію!—Собака: «я паравязу тые!» Сголасіліся воба, кинулі старіка і старуху і отіравіліся у путь.

Довгая урѣмя бяжалі яны сухімъ путѣмъ. Наконечъ того прішлі ікъ мору. Собака на ката кажа: садісь менѣ на спіну! Котъ уплѣвся собачы за спіну,—собака пошовъ плысь у мѣра. Довго собака бівся пѣ морськымъ волнамъ, наконечъ досьцігъ берага. Вышлі на берагъ, оддыхнулі, опьятъ пусьціліся сухімъ путѣмъ. Довго-коротко бѣгли—досьцігаць у етій золотій домъ. Тогды собака коту і гавора: „отъ тутъ, братъ, табѣ ужъ дѣло прістойть!“ Котъ і спрашуя у собаки: «що жь тутъ отьосіцца імѣ дѣлать?»—А отъ що: ты дуішъ мишѣй, лазь по щеляхъ, а я буду носіть іхъ укупу! Котъ пріпівся за свою работу. Такъ узівъ іхъ скоро душыть, що собака ледва справлявсь тягать іхъ укупу. Довго яны іхъ тягали, наконечъ того вылѣзъ мишачій царъ і півця у іхъ эхъ, собака і котъ! що ваяъ трэба? Дакъ скажыцца імѣ да парастаньця душыть мою черъ. Тогды собака отьвѣчаа: «ёнъ що намъ трэба: вашъ хозіяннъ унёсь отъ нашаго хозіяна жану і яго зъ рука персьцянь. То намъ жаня ня нўжна, а добудьта намъ персьцянь у яго?» Тогды царъ сскікнувъ своніхъ остальныхъ усіхъ мишѣй і півця, гдѣ находитца персьцянь. І спітавъ у іхъ, идѣ находитца персьцянь, і хто охотнікъ буда достать яго, оддать яму? Двѣ пеловія мишы визваліся охотнікыма достать у яго персьцянь. Сказуять цару: „ёнъ закладѣцца почі у яго ў ротъ, бярѣ у ротъ зъ рука. То мы прічымъ другія мѣры! Мы—одна обмочімся у поміи і ўсоскочімъ яму на ротъ; то ёнъ спросонѣкъ плюня і выплюня персьцянь, а ми тогда яго важъ пріставімъ!“ Собака і котъ шірастали душыть мишѣй—стали ождать почі. Отъ, наступая ночь, мишѣй уаѣгся жь жаной спать. Толькі заснувъ крѣпко, прінялі мишы за свою мѣру: обмочілись у поміи і ўсоскочыла яму ірамо на ротъ, і захопала своніма лапкамы. Змѣѣ спросоньця выплунувъ персьцянь. Одна берагла,

и другая съ помийками возилась. Ухватила той перстынь, и отдала своему царю. А мишшый царь парадать собацы. Собака узять перстынь, поблагодаривъ мишшэй и пошовъ у нуть.

Довго ли, коротко бѣгли, прибѣгли къ мѣру. Собака коту и говора: «а табѣ, говора, перстынь, возьми у ротъ и дяржи крѣпко, бо я, говора, буду плыть, уморѣсь задышусь, дакъ мѣра, разину ротъ, а кольцо упаде у мѣра!» Коть узавъ перстынь, сѣвъ на собаку, собака и поплывъ у мѣра. Довго-мало плывъ, начавъ уставать. Питая у кота: «ты вышай сидишь, далѣко бачишь: ты далѣко берагъ?» Коть отвѣтивъ: нѣ, ужъ не далѣко! А перстынь изъ рѣта въ воду!... Коть сабѣ и мовчить, покавкзъ, покуй на берагъ выйдя. И видя, стоять на берззи древо,—ѣвъ собаку и говора: дяржы вотъ на тѣя древо, суда ближай! Собака повярнувъ на древо. Только ставъ на берзгъ вылазить, а котъ хѣтко съ спины скожъ! да на древо, на верхъ! Собака оглинувся—ня видно кота. Начавъ кричать: «а дѣ жъ ты дѣвсья?» А котъ отвачая: „братъ, я во ужъ дѣ,—на дерави!»—Чого жъ ты туды забравсья?»—«А я, говора, виновать: упусъ-тивъ перстынь, коли ты у мене спрашувать, ты далѣко берзгъ!» Собака аго полаявъ, и наконецъ того: ставъ увящать яго: злазь,—будомъ другія мѣры принимать! Коть отвачая: боюсь, задунышь! Собака яму побожмыся: ня буду душыть! Коть изъ великимъ страхомъ злѣзъ на землю. Отъ, собака и говора: «ну, давай приниматьца за работу! Я буду по водѣ плавать и мырять, ловить и душыть раковъ, а ты, котъ, носи ўкупу. Довго яны душили раковъ—наносили большую купу. Ня ўстерпъ стало рачиноку и рыбьяму царю,—вышавъ къ собаку и къ коту на берзгъ,—питая у ихъ: «що вамъ трѣба?» Собака отвачая: «ни плыли мѣражъ, упустили зъ рѣта перстынь, то твоѣ раки ухватили и ня даютъ намъ!» Царъ сичасъ созвавъ раковъ и рассмотривъ ихъ: «ти ўси вы вышли?» Раки сами себе повѣрили: нѣ, говоруѣ: одного рака нѣту! На самой серѣдинѣ мѣра сидѣтъ ракъ съ одной клюшнѣй. Царъ сичасъ пославъ гонцовъ; отыскали рака съ перстыняжъ, виталили на берзгъ, и отдали собаку перстынь. Тогда собака узавъ у ротъ и побижавъ сухинъ путѣмъ прамо къ турмѣ, дѣ заключався ихъ хозяинъ.

Подблгдая собака къ турмѣ, и ставъ лапачы на вокошко, залазавъ. Хозяинъ увознавъ свойго собаку, простягнувъ у вокошъ руку. А собака изъ рѣта положивъ яму у руку перстынь. Тогда хозяинъ, узавшы перстынь, обрадовався. Паракывувъ зъ руки на руку, вискакуять слуги и питаятъ: що, хозяинъ, трѣба?—Первая дѣло—попить, поѣсть,—отъ голоду! Попивъ-поѣвъ, и потомъ вальвъ разбурыть усю турму и распусътить усихъ до двого нявольника. Другій разъ приказавъ своимъ слугамъ, щобъ приставить жаву уиѣссти зъ зѣтямъ звязанныхъ. Да, якъ було сказано, такъ и здѣлано

Тогда царь свою дочь сказывавъ, зъ змѣняъ умѣсти, а зятю повалѣвъ жаница на конѣ ѣнъ сѣдча. Тогда годи брать царьскнѣ дочарѣй, а вайшовъ по себѣ ровну. Ожанився и теперъ живѣ и лѣбѣ-соль жуѣ. И я тамъ бувъ, мѣдъ-вино пивъ.

С. Поповка, юмелеск. у. Отъ кр-на Семена Григор. Бабарыки, 37 л. негр. Говоръ смѣшанный; населеніе занимается отхожими промыслами.

45. Три купца.

Нѣѣкоторомъ царствѣ, нѣѣкоторомъ государствѣ, ну не именно у томъ, у которомъ мы живѣмъ, живѣ сабѣ у одномъ горолѣ богатый купецъ. И бывъ у яго усяго одинъ сынъ. И етый сынъ возросъ уже до такихъ лѣтъ, што треба и Богу учѣтца молитца. А ѣнъ никли и у цѣркву ня ходѣтъ. Тогда батька ругаѣтъ: што ты, говоритъ, у цѣркву ня ходѣшь, Богу ня молился? Ну, давъ Богъ годовый праздничаъ Вознясенія. Купецъ яго уругавъ и выправивъ сѣлкомъ къ обѣдня. Ну, такъ ѣнъ ишовъ по большой вулицы, и протѣвъ сапожниціа вывѣски засмотрѣвся сабѣ. Потому соступивъ зъ мѣста, сапоги—подошвы у яго оторвались. Ёнъ ня могъ ити у цѣркву, пошовъ къ сапожнику. И просивъ ѣнъ сапожника починѣтъ сапоги ямъ. Ну сапожникъ бывъ рускій, и сказавъ: не могу!—сѣдѣни у насъ большій празникъ! Потомъ говоритъ: надѣвай готовны сапоги и ступай, а своѣ оставъ,—съ урѣмятъ поправлю! Надѣвъ ѣнъ сапоги, и не пошовъ у цѣркву, назадъ вярнувся. Отецъ жа думавъ, што ѣнъ бывъ у цѣрквы да пришовъ. Такъ ѣнъ и ня бывъ у цѣрквы.

Потомъ ѣнъ достигъ до совяршѣнныхъ лѣтъ, што жанитъ треба. И ѣнъ замѣтивъ тѣа урѣмя, што у сапожника дочь красивая. Ну, батька посмѣлаѣтъ икъ товаришу у сваты, ѣнъ говоритъ отцу: «мѣѣ никѣды, говоритъ, не поворѣвилось, якъ къ тому сапожнику у сваты ѣти!» Такъ батька сумився, не хотѣвъ у сапожника дочкѣ брать,—якъ бывъ ѣнъ купецъ мянѣтый. Сынъ отвѣтивъ, говѣритъ: дакъ и я жаница ня буду, отъ тябе увѣйду! говоритъ. Ну отецъ говоритъ: судѣба твоя, сынъ! Сѣчасъ приходѣтъ къ сапожнику у сваты, ну, сапожникъ отвѣчаѣтъ: ѣвы, говоритъ, коло мене сѣминѣтъся! Купецъ: нѣѣ, говоритъ, не сѣмяюсь! Ну, потомъ отвѣщаѣтъ сапожникъ: я зъ радосѣтю отдаю! говоритъ. Хорошо! Ня довго думаючи, за свадѣбу, посѣпяшиѣй зачали. Свадѣбу 'тгулявши, годы три пожывъ купецъ, умѣръ. Ну а ѣнъ, сынъ купечацкій, живѣ жъ жанѣю честно, не выдавъ никѣдѣ глупства ижъ жани; потому наживъ ниѣвнѣя еще удвойнѣй, якъ отецъ. Потомъ, самъ никѣгда и у лавки ня бывъ,—прикащики приносили приходъ и расходъ. Дѣтѣавъ у яго ня будѣ. Танѣрь яму захотѣлося у лавку сѣходѣтъ, полюбоѣйствовать. Приходѣтъ ѣнъ у

свою лавку, и рядомъ зъ яго лавкой другого купца лавка. И тамъ стояли два купца товариши. Ну, якъ ёнъ богатъ сильно, протѣвъ ихъ, яны къ яму не подходили. И мижда собой раговоръ мѣли: вотъ у такомъ то протчамъ царствѣ товары наши дороги. Поѣдемъ, братъ,—нагрузимъ по барки и поѣдемъ! Имъ морямъ плысь треба було. Сычасъ етый купецъ богатый приходѣтъ къ имъ, поштѣнія отдавъ, якъ слѣдуеъ. «Што вы, говоритъ, господа, разговарѣнтія мижда собою?» спрашѣтъ етый купецъ, богатый. А вотъ, говоритъ: мы разговарѣмъ: наши товары сильно дороги отъ у такомъ то царствѣ! Дакъ мы по барки, говоритъ, нагружаемъ и туды отправляемся! А ёнъ отвѣщаеъ: «и я, господа, зъ вами поѣду! Три барки нагрузимъ и поѣдемъ умѣсьти! Никогда нигдѣ я ня бывъ, поѣду, говоритъ, самъ зъ вами!»—Ну, поѣдемъ, говоритъ, братъ, умѣсьти, коли ты уже нами не гребуешъ! Отъ, нагрузили яны по одной барки товару, а ёнъ три. И отправилися плысьти по морю. Отплыли, можетъ, сотеньника два отъ берега, закинули якорь, стали мижда собой разговаривать уси ўтронѣхъ, и мижда собой споръ за жонъ стали имѣть. Потомъ бядѣйшій купецъ говоритъ на богача: «твоя жана, говоритъ, не хороша,—могу я сычасъ змануъ еѣ!» Ну ёнъ, якъ мѣвъ у жаны совѣсь, видавъ, што ина икуратна, не занималась ни съ кимъ у глупство ни ў якодъ, говоритъ: «ежали, говоритъ, у три днѣи жану мою зманишь, то я отъ трѣхъ барокъ товару прочъ. А ежали не зманишь, то ты одные свод прочъ!»

Сычасъ купецъ отправляетца у лёхой лотки на берегъ, етый, который змануъ собираетца. И приходѣтъ къ купцу, къ дому, къ жанѣ яго. И ставъ разныя смѣшкы заводитъ. Ну ина ваяѣла дворнику прогнаъ купца сычасъ жа. То дворникъ обругавъ и прогнавъ. Такъ купецъ у вяликую досаду превознесъ сябе, хѣдитъ, тоскуеъ пѣ городу, потому што якіи товаръ бывъ, и той прѣдетца оддаъ купцу,—за жану, што не знауъ. Ну, потомъ, старуха идѣтъ, которая была для етыя купчихи. И говоритъ: зачимъ, господинъ купецъ, тоскуеъ сильно? Ну, и расказавъ купецъ у подробносьти ей, почаму у досаду провайшышовъ. Ина яму сказуеъ: «ты глупой, говоритъ, сусимъ, дармо што купецъ! Вотъ, сядѣншій день іна будѣтъ у лазьни мытна, ты сядь идѣ, у якомъ мѣсьти, скрыйся, и замѣчай примѣтъ на голомъ тѣли яѣ; а я табѣ кольцо виявноѣ подамъ. Тогда, говоритъ, и усѣ доказательство табѣ нужу, скажи—отдала мнѣ и кольцо виявноѣ!» И разыйшлись: баба сабѣ, а ёнъ у баню, и сховався. Приходѣтъ жана купца у баню: якъ разыдѣлася, ёнъ увидѣвъ у яе на лѣвомъ плячѣ родиную бородавку. Купчиха вышла, и ёнъ вышавъ, што купчиха и не видала яго, якъ ёнъ вышавъ, и не знала, што ёнъ бывъ. Приходѣтъ къ старуси, узавъ кольцо отъ яе, и побѣгъ.

Садитца у лотку и прѣвѣжае къ купцамъ къ тымъ къ двумъ. И по-
даётъ кольцо купцу ниянина: «вотъ, говоривъ, што твою жану не зна-
ю—вотъ жа знаивъ! И ты, говоритъ, моетъ, сколько лѣтъ проживъ,
ни знаешь, моетъ, приѣты яе на голомъ тѣлѣ, ти ёсь ти нѣ, а я знаю
—на лѣвомъ плечѣ бородавка родимая у яе ёсь!» Купецъ изъ досады
говоритъ: «я своему слову хозяинъ,—получай мои три барки товаровъ!»
Самъ садитца у лѣхкую лотку, на берегъ отправляетца. Приходитъ домой
пѣша, сычасъ ударивъ у шoku жану! Никולי не ругався, а то ударивъ у
шoku жану. Потомъ сказавъ: «душачка, ниянина, што я вась ударивъ!
Пойдемъ, говоритъ, на моря кататца у лотки!» Ина за ето не усерчала,
идетъ за нѣ тожъ, потому ина ня слыхала за нѣ ниякого глупства.
Сычасъ приходитъ на берегу моря, сѣли у лотку воба, поѣхали кататца по
мору у лотцы. И ёнъ сабѣ мысли мыслитъ: збросишь зъ лотки у моря
жану. Потомъ говоритъ: «нѣ, говоритъ: востровъ близко, завязу на вос-
тровъ, я брошу на вострови!» Подыажаетъ къ вострову,—сычасъ гово-
ритъ: «и пойдемъ, говоритъ. душачка, гулять по вострову!» Узвѣвъ ши
серяди вострова, бросивъ жану, самъ побѣжавъ отъ жаны. Жана спуга-
лась, чай мужъ убѣжавъ. Пала на землю и вумерла съ спугу.

Приходитъ купецъ домой. И замѣчанія было съ товарищами, што жъ
жаню вѣавъ на моря, а 'ттуль одинъ,—и стали начальству Доказывать:
«почаму, говорятъ, нашъ купецъ вѣавъ на моря жъ жаню, а оттудъ
одинъ, и жаны нѣту?» Начальство узялося за купца: дѣ жану подѣвъ?
Купецъ давай денежками засыпѣть,—потому ёнъ видѣвъ, што жана не
живѣ. Потомъ, потуль денежки дававъ, покуль мѣщества не стало, года
за два. Домъ продавъ, потомъ лавки—усѣ рѣшивъ, усѣ имущество. Не
хватило ничого уже, и понавъ у вострогъ.

А жана вылежала три года на вострови мертвая. Потомъ Богъ давъ
ей,—воскресла. И одѣжа на ей уся погнила, стала голая. Тольки коло
яе который бивъ, остався земчугъ, тольки тѣй остався, и тѣй неумшто
узнитъ,—узнала у пригорщи. И смотреть на моря, плувѣтъ корабъ съ сол-
датами. Закричала ина, стоячи: господа, возмийтѣ, говоритъ, мяне! Услы-
хавъ начальникъ голосъ, вѣлѣвъ яе узѣть солдатамъ. И отдаётъ ина нѣ
етый земчугъ: дайга мнѣ солдатскую одѣжу одѣтца, и пострижитѣ мнѣ по-
лосы по мужиньски! И знала, у которомъ боку городъ свой, просила пе-
ревязѣти. Сычасъ яе перевязали съ моря на берегъ. И було позно урѣжѣ
—ночь обнила яе. Ну ина—ночевать ей нейдѣ, сыйшла зъ дороги у
лѣсъ и лягла подъ сосною подъ большою.

Неразъ часть урѣжѣ прилетаетъ пѣница на сосну. Якъ сѣла на
сосну, дакъ ажъ сосна склонулась. Теразъ повчасѣ прилетаетъ другая,
тожа своихъ порядкомъ сильная пѣница, на ету саму сосну. Яше теразъ

повчаса третїя—на ету саму сосну тожъ. И стали разговаривать чело-
вѣчекимъ голосомъ птицы. И это ни были птицы—были три злыхъ ду-
хи: три Діавола, и не знали, што ина подъ сосной находила. Стали про-
мѣжда себе разговаривать челоуѣчекимъ голосомъ. «Ты, говорить, братъ,
нѣ бывъ?» одинъ на другого говорить.—«А я бывъ у воднымъ гороѣ,
шутку подшутивъ, ды и хорошу! Отъ, говорить: собрались, говорить,
три купца ѣхать съ товаромъ у чужія земли. Потому, говорить, я призъ-
вѣвъ ихъ и зыѣлавъ я мѣжда ихъ споръ на хори. И жѣли яны залогъ
объ жонъ. Потому оинъ обозавъ жану выкуратною богатаго. Ну тѣмъ
сказавъ: я отъ трѣхъ бросю товару прочъ, коли мою жану зманишь,
коли ина побудная! А не зманишь, ты отъ однихъ барки товару прочъ!
Тяперь, говорить: на троя судокъ зыѣлали условъ яны. Ну, сычасъ от-
правляется купецъ у городъ, и идеть прямо къ купцу, жану зыиновать.
Ну, ставъ коло яе сѣмѣтца,—ина у рязонъ ничего не приняла—выѣла
дворнику прогнать. Отъ, дворникъ яго прогнать. Пошовъ купецъ тоску-
ючи по городу, у сильной досади. Которая была старуха для яе и могла
спросить у купца: чаго ты, каебъ, у сильной досади? Купецъ раска-
завъ подробности. И назвала ина купца глупымъ. Ступай, говорятъ,
сѣдѣни баня буесть тонѣтца,—ступай у баню и скрыйся у якомъ скрыт-
номъ мѣстѣ. И смотри прѣйтъ на голомъ тѣлѣ яе. А я табѣ кольцо
пѣдѣмъ подамъ. Купецъ пошовъ у баню и скрився.—Увидавъ на лѣвомъ
пѣячѣ бородавку родиную. Потому, выматчи зъ баню, подалъ старуха
кольцо яму имянной. Ёнъ отъ радосѣи побѣхъ къ морю, сѣлѣтца у лот-
ку, прѣбжжастъ къ купцу, и подаетъ кольцо и говорить прѣбжжъ, кото-
рый ёнъ выдавъ,—на лѣвомъ глѣчѣ бородавку. Тяперь купецъ выстунаеть
съ свойго судна и оддаеть три барки товару: я, говорить, свойму слову
хозяйинъ! Сычасъ приплывастъ къ берягѣ, сѣвши у лотку, приходѣтъ до-
мой, и жану ударивъ у щѣку. Потому обратно говорить: пойдѣмъ, гово-
рить, душачка, кататца на моря! Жана не усярѣла за это, пошла съ
нимъ,—потому ина не видала никогда съ яго худѣго. Пришли къ морю,
сѣлѣтца у лотку обѣя и поплыли кататца. Потому, ёнъ думавъ: у моря
убросить яе! Ну, али вѣдавъ востровъ, поѣхавъ къ вострову. Прѣбжж-
аетъ къ вострову: пойдѣмъ, говорить, гулять по вострову! на жанѣ. Узвѣвъ
на серѣдѣ вострова и бросивъ жану. Самъ побѣжавъ отъ яе. Жана съ
спугу кѣжярла,—ёнъ выдавъ. Шовъ по городу бежъ жану уже, и товари-
щи увидали, што бежъ жану шовъ,—а туды жѣ жаномъ—доложили на-

чальству. Начальство узялось за куна. Купецъ деньгами засыпѣть. Дали-бѣли—за два года имущество ряшкѣ и дожь врёдавѣ. Не хватило у купца денегъ—у вострогъ понався. И тинерь сидѣтъ!..»

Ну, жана тутъ и разузнала, объ чомъ это случилось у нихъ,—што мужъ ня виновентъ, дьяволь смуститѣль.

«А ты, говорить, вѣѣ бываѣ?» на другого. — «Н, говорить, тожъ не глупую вещь изыѣлавѣ! И въ одномъ царьствѣни уничтоживѣ воду по усѣмъ царьству,—который стошникъ сѣствованъ на усѣ царьство, то я его загрузилъ каменьемъ и дерябемъ. Тинерь у тымъ царьствѣни вода вѣту. Приставляеть царь у своѣ царьство воду. И до те царю сильно досадно, в отъ привозимы воды народъ сильно мрѣтъ!» — «А што жѣ, говорить: можно оту воду, говорить, открыть? Ётъ говорить: отчаго жѣ ня можно? Ежъли бѣ знавъ хто мѣсто той! И рассказавъ подробно, гдѣ мѣсто той, ошнѣ другому. «Ну, а ты, говорить, вѣѣ бываѣ?» — на третьяго отѣбнать — и што зѣсѣлнѣ?» — «А и была у водномъ царьствѣни тожѣ. И зѣсѣлнѣ тамъ тожѣ хорошую иткуу. Тамъ, говорить, черезъ жине царевна нысхъла на бышну!» — «А што жѣ, можно не воспользоватъ, царевну?» дѣяволы говорить. — «Отчаго жѣ ня можно? Треба тольми собрать крошки у церкви и слѣдущая отслужить и дать царевнѣ».

Дѣяволы улятѣли, потовковавши. Ну, жана лежала до дня подѣ етамъ деревомъ и слышала усѣ, што яны говорили. Дикъ Богъ тебѣ, отираяетъ на нѣа у это царьство, вѣѣ воды неми. Приходитъ у царьскѣи городъ и спрашнѣтъ чаю. И сказуеть трахтишникъ: у насѣ, говорить, чай дорогъ! А нѣа отвннцаетъ: почаму? Потому, што воды вѣту у нашамъ царьствѣни! Царь нашѣ сильно у досадѣ перазѣ воду! Нѣа тѣбнѣаетъ на тѣбѣтъ: пусятки, говорить: воду можно достать! Трахтишникъ подибѣсь чаю рѣ, а самъ увѣдомивъ на царьскѣи дворецѣ: якой то прохожанѣй солдатнишѣ хвалитѣа, што воду открыа,—не нашай зямлѣ! Сичасъ посылаетъ царь двухъ жандаровъ—вопроситъ милосѣтѣи къ царю. Не пойдѣтъ по чести, приставитъ безѣ чести. Хорошо! Приняли жандары повѣщають: што ты, говорить, братъ, хвалился, воду открыа? — Могу! говорить. — Васѣ царь спрашнѣтъ! Безотказно идѣтъ. Приходитъ, отдаѣл царю поинтанѣа, якѣ слѣдуеть быгѣ. Сичасъ царь принявъ къ сѣбѣ, ставъ угѣшаватъ, ставъ спрашаватъ: «што, братъ: можанъ воду открыа у момѣ царьствѣни?» — Могу! Тольми мнѣ дайтѣ безѣ усякаго начальства три полкъ солдатовъ. Ну хутѣ и убытокъ будѣтъ у народѣ, то я ня тѣмнѣаю! Царь говорить: «не

жалѣю трёхъ полковъ солдатовъ *ни бы вода была!*—*Кабъ мяне слухали, што буду говорить,—кабъ слухали!* Ну, царь давъ три полки солдатовъ, и вазаўтраго повутру отпраляецца ина съ солдатами куды знала.

Вотъ яны два дни у проходѣ, на третій день остановилися оддыху ити. И ина пошла мѣсто узнавать, дѣ—дѣяволы тувкували—загруджена вода. Съ повдя пошла и до ночи немѣ. И солдаты шиды собою товкують: нашовся якій то солдатѣшка, зывѣвъ насъ, и самъ утѣкъ! А другія говорятъ: отправимся назадъ у городъ! Ну нѣкоторые говорятъ: нельзя! Потомъ и ночь обила—нѣту! Давъ Богъ день—пѣту! Подъ повдя—идѣть. И нѣкоторые увидали: вотъ, говорили—зывѣвъ!—идѣть, говорятъ. Прихѣдя къ солдатамъ, говорятъ: ну, рябаты! пойдѣмъ дали! Прихѣдють къ мѣсту, и дѣ разознала ина—заставляеть полкъ солдатовъ копать гѣру. Ну, тыя заморились,—не такъ объ пищи, якъ объ водѣ—другій полкъ приставила камень отгружать. Ну, и той уморивсь бывъ,—третій приставила лѣсъ вытасковать. Ну, и на усѣда былѣ и тому! Сказала: рябаты, прихитаетесь усѣ, и сами сябе беряжитя, кабъ вода не затопила! Потомъ, у скоромъ уречени, растаскали лѣсъ—вода открылась. И народу мало потѣрлось отъ воды,—не посылаи зъ мѣста сыйти. Вода по усѣмъ царьству пошла, и луччи якъ упредъ была вода. Царь съ музыкою, съ хлѣбомъ—соллю сустрѣкаеть за городѣмъ, только не знаеть, съ котораго боку будѣтъ ити. Якъ приповъ—жалуетъ гинаралскимъ чиномъ. Ну ина отвѣщаеть: я, говорить, съ простыхъ лицъ, благодарю насъ за чины! А царь отвѣщаеть: «ѣсь у мяне, говорить, дочь, то я за тябе не отдамъ!»—Нѣтъ, говорить: вы находѣтѣ сабѣ съ царьскаго лица! А мѣ, коли ўгодно, подарѣтѣ у увѣшная потомство полкъ солдатовъ луччыи! Царь съ радостью дарѣтъ. Нацѣляеть деньгами, и отпраляецца ина у ето царьство, дѣ царевна нездоровѣла,—всѣ своими солдатами, мѣючи гинаралскій чинъ.

Подхѣдѣтъ у ето царьство, близъ города къ кабаку, и спрашиеть водки для солдатовъ. Солдатовъ угостѣла водкой, не спрашуеть ни службы, ничагѣ—солдаты етому рады! Одинъ до другого говорятъ: я, хотѣ бы я пусътили домовъ, то я не пойду отъ етаго начальника. Спрашиеть ина у кабатчика: «што у вашамъ гѣродѣ слышно?»—Хорошо, говорить, хто удалѣ отъ города живѣтъ; а хто ублизѣ, тому трудно прожити!—«Отчаго ето такъ?» ина уже на 'твѣтъ говорить. А 'нъ отвѣщаеть: оттого, говорить, што нашъ царь силно сярдитъ тѣразъ дочѣ!—«А што дочари, говорить, случилось?»—Нездоровѣла, говорить, нѣшто, и никто на можѣтъ воспользовать!—«Ето, говорить, пусътики! я бѣ могъ ба рады даѣтъ!» Кабатчикъ побѣгъ къ царю, и доложивъ царю: якій то гинаралъ проходѣицѣ, съ чужихъ земель, хвалитца, што вашей дочари можѣтъ рады даѣтъ!

Царь сичасъ вилѣвъ просить милосѣи його. Оявлянтца ина къ царю, якъ слѣдуеъ поштѣнїя отдавъ царю. Царь принимаеъ къ сабѣ у компану, съ собой уиѣсѣти кушати. И ставъ спрашивати: «вы, говоритъ, говорили, што жой дочари пользу превознїсѣ?» — Могу! говоритъ. И прошу милосѣи, говоритъ, принять къ сабѣ мой полкъ солдатовъ,—потому мнѣ нѣгди ихъ помѣсѣти—я прохोждїи! говоритъ. Сичасъ помѣщенїя для солдатовъ дали. Обѣщавъ царю, кабъ ѳъ такомъ то монастырѣ було служенїя заутри и кабъ была ваша дочь привезена туды, и дохторѣ кабъ были ваши тамъ!

Назаутраго, давъ Богъ донѣ, оявились усе у монастырѣ. Отышло служенїя, вилѣвъ снїять престолъ. Ну царь отказуеъ: престолъ нельзя разрушати! Потому вилѣвъ тѣки снїять. Снїяли—а тамъ пири. Сама пошла мышь тукѣти у пори, ну я вилѣла каллауритъ, кабъ я выпустити зъ монастыря мышь. Напла ина мышь, выгнѣла зъ пори, и забїли. Ну, тогда вилѣла дохторамъ потрошити. Ну дохтора отказывались, сказали: заставляти гинаралишка якїй то мышей потрошити! Ну царь приказавъ потрошити. Стали же потрошити, ина увидала у нутрѣ тайны, якъ чистая стекло. И увила сама у руки, и усе збївшились, почаму ина знала, што у мышини у нутрѣ тайны? Усе признали, што тайны у нутрѣ. И почаму ѣнъ, говоритъ, знаеъ? Хорошо. Отдають тайны пону. Попъ слѣдация молитвы отиравинъ и даеъ царевни болной. Царевна той жа часъ стала здорова, покрасивѣла, якъ и упредъ была. Царь возрадовавсь етому гинаралу: «в возьми, говоритъ, братъ дочь мою за сябе! Половина царства отписую, и по сьмерти усе!» — Иѣ, благодарю васъ, царь! потому што я съ прѣстѣхъ лїцъ дослужився гинарала вотъ за воду у такимъ то царьствѣ. А вы сабѣ шукайтя царевича якого либо. А мнѣ подаритя два полки солдатовъ у вѣшная потомство, якъ подарили у томъ царьствѣ: за воду. Подвышїеъ царъ зъ радосѣи чинама, оїднїрями и даеъ два полки солдатовъ.

Отправляеъца ина у свой государство къ своему городу. Подышотчи близко города, даеъ бумагу губернатору, што ѣдїтъ гинараль прохождїи съ чужїхъ земель съ трама полками солдатами, кабъ у такомъ то доми у такого то купца мѣсто очясѣтї. Ежали жъ дома нѣту, хутъ палатки на томъ мѣсѣти построиъ, потому я у етого купца у преднїа годы бывъ, и мнѣ знакомъ хорошо. Потому я хочѣ хутъ на етїмъ мѣсѣти побыти съ своимъ народомъ! Губирнаторъ послушавъ, сповнївъ дѣло, построиъ палатки—дома пѣту,—и сусрѣтївъ своимъ порядкомъ прохождящаго гинарала. Гинараль у палаткахъ устроиъ балъ для начальства для губерскаго. И мѣли яны разговоръ: дѣ той купецъ? Губирнаторъ отвѣщаеъ: у вострози слѣдїти. И скоро рѣшенїя,—подѣ наказъ поїдеъ! Гинараль спрашїеъ прохождїи: за штѣ?—А ѳъ, говоритъ, безъ

звѣсно, дѣ жану дѣвъ.—Хорошо, говоритъ: а дѣжъ яго домъ тѣперь дѣв-
ся? гинараль говорить.—А вотъ, говоритъ: мелкоштная начальство по-
няшнюжку деньги потягували, вотъ и домъ, говоритъ, разорѣнъ теризъ
есто! Сычасъ гинараль спрашіетъ: прошу, говоритъ, губирнатора, кабъ
мнѣ яго привѣсти зъ вострога,—ѣнъ мнѣ силно знакомъ! Губирнаторсь-
кому по приказанію приводятъ яго у ўковахъ. Влѣвъ гинараль прохо-
дащій у вособую палатку увесѣти, а госьтей оставивъ. «А што жъ, го-
ворить, братъ: узнать мяне?»—Нѣ, говоритъ, не знаю!—«Да я у тебе, го-
ворить, бывъ!»—У мяне много былъ, говоритъ. «Дѣ жъ ты свой нѣнія
дѣвъ?» говоритъ. Мовчить купецъ зъ досады большой. Оставила ина яго
у палатки, сама выходивъ къ начальству: «я скажита, братія, хто сколь-
ки узять зъ естаго мѣщества денегъ?» Ну, другъ друга стали выказа-
вать. Распшинитесь, господа! говоритъ. Сычасъ расписались уси, хто коль-
ки узять. Оборощаѣна къ купцу у палатку: «што жъ, говоритъ: узнать,
господишъ купецъ, мяне?»—Нѣту! говоритъ. Влѣла уквы сынять. Сы-
часъ уквы сыняли зъ яго. Звѣвай, говоритъ, рыштанскую одѣжу.
Зыняли зъ яго одѣжу рыштанскую. Стоитъ голый купецъ. И спугався, ду-
мавъ, што наказавъ яго будучъ. Сычасъ звѣнаѣтъ съ сябе гинаральскую
одѣжу и даѣтъ яму. Ну ѣнъ боитца. Ина яму говорить: пацѣвай, дуракъ!
Равъ одѣвся у ету одѣжу. Сама одѣлась у женьскую одѣжу. «Што жъ ты
не узнавъ, говоритъ, мяне?»—Нѣтъ, говоритъ, не узнавъ! Сычасъ биретъ
яго за руку и вадетъ къ начальству. «Вотъ, говоритъ, господа! не до-
слідивши, дѣ чія жана, я мѣтея правы домъ чужій разорять! Кабъ мой
добро подѣвнито булѣ! Вотъ, я своему мужу гинаральскій чинъ выслужила
и три полки солдатѣвъ отъ протчихъ парей!»

Ну вотъ, и усѣ кончастца. Стали узновъ хорошо жить. И я тамъ бывъ,
и усѣ ето видивъ.

Д. Корчеватка, рясни. вол. чаусск. у. Отъ кр. Павла Сергѣева,
47 л. пегр

46. Ракъ Царевичъ.

Живъ сабѣ такъ хоѣянинъ нѣ хоѣякой. И яны много прожили, а дѣ-
тей не мѣли. Ну, пошла старушка зимнихъ уремяхъ по водѣ. Почарпну-
ла водѣ вѣдеркомъ, а ракъ у вѣдро. Ина яго вонъ, а ѣнъ: «не бросай
мяне, я буду твой сынъ, будѣшь щасльіва!» Ну, ина пришла домой. Дѣдъ
говорить: «ли чаго ты принесла рака?» На 'твѣтъ старуха сказала: «ѣнъ
говоривъ: буду твой сынъ! возьми мяне,—будѣшь щасльіва!» Старикъ
давъ на твѣтъ: «идѣ ты видала, кабъ ракъ бывъ сынъ, я якоя щасстья зъ рака?»

Ракъ отвѣщаетъ дѣду: «не улакайся, и тебе буду звать отцомъ! Прилежь трудъ тяжелый, потомъ будешь мѣть счастье!»

Понечувать ракъ, обогрѣвся. И воевъ старика отцомъ, старушку матерью. «Што, говорить, отецъ и мать, я вамъ скажу: идика, отецъ, къ царю у сваты!»—Якъ я пойду, я сусикъ неуборень, старъ! «Ничаво, отецъ, объ етмъ ня унывай, ето я буду въ отвѣтъ!» Узавъ старичокъ кѣчакъ и пошовъ къ царю. Прихѣдѣтъ къ царьскимъ палатамъ, стоятъ на кала-вурѣ солдаты. „Куды, старикъ, идешъ?“—Ды вотъ, иду къ царю у сваты за своего сына! Иго подъ калавуромъ доставили до царя. Царь спрашиваетъ уже: «што, говорить, хотишь, старичокъ?»—Ваша царство видичаство,—до вашѣй милосѣи: хочу засватать вашу царскую дочь за своего сына!—«Очень, старичокъ, етмъ благодаринъ! Што жъ я тебѣ отвѣчу? Когда ты хочешь узать мою дочь, тыкъ ты будешь мой свать, а сынъ твой мой зять. Выстрой таперь отъ моего дома и до своего мость хорошій. И якѣй жа хорошій: кабъ была мосьница золотая и сяребриная, тожа столбъ золотѣй и сребрянный. Ну, сжили етого ня уполюпнѣтъ за показанный строкъ, то тебѣ будетъ топоръ и плаха и на смерть бѣлая рубаха!» Старикъ загорювавъ, пошовъ.

Приходяща домовъ, набравивъ старуху: «ли чаго ты несла намъ бяду домой? Мнѣ обѣщана топоръ и плаха,—на смерть бѣлая рубаха, за такую вину, што я й не выдавъ, а сказано мнѣ зѣлать!» Ето ракъ услылавъ. «Разскажи жа мнѣ, отецъ, икая вина на тебе упадѣтъ?»—А вотъ икая—иѣ ето я могу зѣлать? Велѣно зѣлать отъ нашего дома и до царьскаго мость хорошій—золотая мосьница и сяребриная, золотѣй столбъ и сребрянный, и ѣ показанный строкъ,—а я йде не знаю,—длиннѣ той строкъ ти малъ!.. На 'тѣтъ давъ ракъ: «отецъ и мати! ложитѣся спать, вутро вечера мудрянѣй,—усѣ Богъ дастъ!» Ну, уснули крѣпкимъ сномъ, нито ничаво не слыхавъ. Вышавъ ракъ ночью на дворъ, ставъ подъ сватымъ небомъ, снявъ раковину, засвѣтитъ, якъ молодой мѣсѣцъ, и крикнувъ громкимъ голосомъ: «эй, рыба и раки, собирайтѣся до мене уѣтъ: я вашъ заказу службу! Ну, яны явились уѣтъ къ яму и конно и пѣша. „Отъ-што я вамъ братія, скажу: кабъ бывъ вымощенъ мость къ раннюю, отъ моего двора и до царьскаго хорошій—золотая мосьничка и сяребриная, кабъ былъ, красиво царю прогуляцца!»—Постаряемся ли васъ, господанъ нашъ!

Повутру ошпаестца царь—освѣтила работа половину царства! Потомъ царь призадумавъ: „што я, съ кимъ ето занявся? Либо ѣнъ со мной занимаестца? Ёнъ жа бывъ старъ человекъ и соусимъ у ветхой одежи,—а якія ето заботы ёнъ издѣлавъ,—што круто и скоро! Ето къ часѣти царской вочень красиво!» Повутру ошнувся старикъ съ старухой: „якъ ето будетъ царъ у нашъ домъ прибывавъ? Нашъ домъ дрянъ!“ Таперь опять рѣчѣтъ

ракъ: «ступай, отецъ, къ царю у сваты!» Старикъ узавъ кіецакъ и пошовъ. Тяперъ идѣть безъ заботъ и смятца,—по мосту хорошо ити. Приходѣтъ къ дому царьскому, у яго часовня спрашуютъ: «нуды идешъ, старикъ?» Сурьёзно спросили у яго. Ёнъ на тѣхъ давъ тожа сурьёзно: «я иду къ царю,—я царскій свать!» Ну такъ пойдѣтъ на яго—у рубини у етаконъ, у древнои!—Уходящи у палатку, старикъ сказавъ: здрастви, ваша царство вяличаство! Царъ на тѣхъ давъ: здрастви, свать мой! милосѣи прошу у палатку! Приказавъ слугамъ поставитъ стулъ рядонъ нѣхъ своихъ стуломъ,—якъ вотъ мы съ тобой. «Ну, будешъ, свать, разговаривать: свадьбу надо дѣлать? Штоба приготовився хорошол! По етому мосту кабъ купы (п—ф) были зъ разными налитками ли кожнаго слупа, кто якѣй жалаетъ, той будѣтъ пить; и кабъ ли кѣжнаго слупа стояла яблонка зъ злипыми вѣтками—бытто золото и сярэбрѣ, на нѣхъ, и яблочки золотыя и сярэбрыныя, и разныя хрухты: вина выпитъ, яблочкомъ закуситъ! Теперъ отправляйся домой до свойго сына, и кабъ ето нѣхъ былѣ сочинито,—а то топоръ и плаха, на смертъ бѣлая рубаха!» Опять старикъ загорювавъ, заскучавъ, пошовъ. Приходѣщи домовъ набравивъ старуху: «ли чаго ты приносила бяду домой?» Потѣмъ ракъ услыхавъ ихныя разговоры: «эхъ, гопоритъ, отецъ и матиръ: объ чомъ говорить, скучается?»—«Да якъ жа намъ не скучать? Дѣхъ жъ мы, говорить набрѣисся?»—«Отецъ и мати! ложитесь спати: вутро вечера мудринѣй,—усѣ Богъ дасъ. Давъ Богъ почъ. Ну, уснули яны крѣпкимъ сномъ. Ёнъ выходяща на дворъ, подъ свѣто небо, збросивъ свою раковину на зямлю и засіавъ, якъ молодѣй мѣсяцъ. Воскликнувъ громнымъ молодецкимъ голосомъ: «эй, рыба и раки! собирайтесь уси до мене!» Ну яны и идуть и идуть—и коппо и пѣша. «Што прикажета, господинъ нашъ?»—«А вотъ што я вамъ скажу: къ мойй свадьбѣ приготѣвлюйтесь! Выбирайтъ по етомъ зъ мосту красоту, устраивайтѣ яблони—золотая яблоня и сярэбрыная ли кѣжывнаго слупа; на тыхъ яблоняхъ кабъ было прикрашано бытто золотѣя вѣтѣя и сярэбрыная, золотая яблоко и сярэбрыная, золотыя купы и сярэбрыныя, зъ разными налитками, зылотѣй стаканъ и сярэбрыный, золотѣя блюдо и сярэбрыная,—за тыхъ, кабъ можно былѣ прохожымъ людѣмъ и проѣжжымъ што выпитъ и закуситъ!..—«Рады старятца, господинъ нашъ! Мы ето исполнимъ!» Къ вутру усѣ ето явилось.

Царъ выходивъ и даяло прохѣджувавъ. Узавъ рукою за свою голову сярэдиннымъ пярстомъ и подумавъ: «якъ ето дѣлаецца круто? Што нихто ня видѣвъ етой работы! И якъ по нѣмъ приказу усѣ я счѣинито!.. Вутромъ ракъ и говорить оцу и матери: «што, говорить, отецъ-мати, нехай отецъ идѣтъ у сваты къ царю ще оѣинъ разъ,—ёнъ большы уже не пойдѣтъ!» Ёнъ узавъ кіецакъ и пошовъ. И радъ, идѣтъ, идѣтъ, да и

вина покушаетъ. Приходить ко дворцу, у яго часовня спрашуютъ: «куда идёшь, старикъ?»—Ды я, говорить, иду къ царю! Я, говорить, царскій свать! Ну, яго подь калавуромъ доставили у царскія комнаты. Здравствуй, ваша царство величество! попростоку, помужички! Здравствуй, говорить, мой свать! Просту милосѣи у палатку къ сябѣ! Приказавъ слугамъ поставитъ стулъ радомъ со своимъ столомъ. Приказавъ свату: «што пушай твой сынъ суряджаеть поѣздъ и прибываеть сюды,—тутъ будешь свадьбу играть! А самъ ёнъ мижда усихъ кабъ бывъ верховой,—кабъ я мижда усяго поѣзду узнавъ, который мой зять!»

Ну тѣперь, приходящи домовъ, и сказавъ сыну своему: «прибирайся завтра ѣздить къ царю—и кабъ уся были у поѣздахъ, а ты кабъ бывъ верховой,—кабъ бывъ знатенъ у усемъ поѣзду!»—Кладитесь спать, утро вечера мудрятѣй, треба дѣло спольнять! Ночой, яны положились спать, ничаво ни слытали, а ёнъ выходяща на дворъ, воскликнувъ своимъ громкимъ голосомъ: «эй, рыба и раки, собирайтесь на мою свадьбу уст! Кабъ было ли мене полкъ солдатовъ украшѣнныхъ и музыки полковези, ваши наряды зыпряжѣи, и ли мене верховая лошадь уюбраная!»—Рады старятца, господишь нашъ! Усѣ ето спольнимъ! Собралися, украсили усѣ сяденія. Старикъ со старухой—яны были съ такимъ уномъ—яны не рады и не спужалися: што тутъ такія будеть? Отправлялися у путь повутру. Прѣѣжаеть,—одавали хорешій хортъ и чесь ли царскаго дворца. Царь у вокошко признававъ своего зитя. Приказавъ своимъ слугамъ: «а ѣдѣи того верхового подь руки зынимѣи!» Слуги пошли, благородно яго сьнимали, ну я уносили яго на рукахъ у царскую палату, сѣдали яго на стулъ съ старшую дочку. Было у ихъ гулянья дванадцать дней,—открытая торжаство по усямъ городу. Ну, обручалися законнымъ бракомъ. И усихъ не стало, усяго поѣзду, оставси зять одинъ, якъ бывъ ракъ такъ и ёсь, усѣ ракъ. И оставси тамъ жить.

Тѣперь, было у яго у етого царя яще двѣ дочки. Дыкъ яны выбрали сабѣ зятѣвъ хорошихъ, уюбранныхъ, разумныхъ. И тѣперь статѣи такія, што яны стали надъ ей надругатца: «што наши мужья хорошия, а тытку большая сестра—и за кого ты вышла!» А ина имъ говорить: «што ёнъ, говорить, при види народа, дакъ ёнъ ракъ, а якъ я почую зъ нихъ у посѣтели, дыкъ ёнъ не ракъ, отъ яго уся палатка зѣнеть, якъ раковину свою сьниметь!» Тѣперь яны подсовѣтовали: што мы, говорить, постарася, дыкъ её сожгѣмъ, раковину!» Ну, яны уснули—а тыя раковину украли и сожгли у прачешной пеццы,—вядомо, тамъ огонь день и ночь горитъ. Ёнъ со сна услыхавъ сирѣдъ. Ёнъ спросавъ: што такая за ето сирѣдъ? Ажъ ина дала яму на тѣтъ: у насъ у городѣ вопрѣвъ не смалють днѣиъ, а смалють почѣи, дыкъ отъ того сирѣдъ! Ёнъ прихватився

ажъ яго одежи нѣту! «Ну што жа? говорить: жана моя, говорить, милая, да ў раду поступила у глупую! Кто ды мяне таперь захочеть дойти, дыкъ ёнъ стопчить трѡя ботовъ зялѣзныхъ, собьеть три кѣи зялѣзныхъ; за трудами своими изьѣсь у харчахъ три проскуръ зялѣзныхъ!» Ну, таперь, самъ вышавъ на дворъ днѣмъ, и усѣ яго видали, што ёнъ вочавъ красивый молодець. «Эй, говорить: сивчякъ-бурчякъ, вѣшний калавурчякъ, ставъ передо мною, якъ листъ передъ травою—служивъ мойму оццу, послужи и мнѣ молодойцу!» Конь бяжить, земля дрыжить! Прибывъ етый лошадь, павъ на колѣны передъ имъ. Ну, ёнъ бярѣтца за гриву и садитца на спину. И сказавъ ёнъ: „ўси прощай!“ И вознявся самъ на воздѣхахъ, коло воблакъ ходячихъ, и поѣхавъ. Ну, а жана осталась.

Пожила, пожила, и стало ей плохѡ бизъ яго—стали уже обяждать ее. Ина стала скучать своему отцу, кабъ ёнъ етыя вещи ей справивъ: трѡя ботовъ зялѣзныхъ, три кѣи зялѣзныхъ и три проскуръ зялѣзныхъ. Отець и справивъ ей еты вещи, ина нупросила блугусловенія: блугуслови мяне, отецъ-матн уѣхать!—ниѣ плохѡ жить. Ины блугусловили, ина и пошла яго искать. Пошла у тую сторону, куды видѣла—ёнъ поѣхавъ.

Якъ ити, дыкъ ити, якъ ити, дыкъ ити, дужа довго страдала у своѣмъ походи! боты прибила, кѣиѣкъ одинъ уже избыла, парачѣнный хлѣбъ зялѣзный, который мужъ сказавъ, уже зѣла,—стоитъ ей на пути домъ. Обнимасть яе тѣмная ночь. Стоитъ у воротахъ вяльможа жепьскаго полу. А здрастьви табѣ, здрастьви, проходжаня!—кажетца, што это ты нашего брата жана? Трудно табѣ добратца до яго! Ну, прошу милосѣи къ себѣ понучувати!» Ина низко голову склонила и пошла пучувати. Повутру рано ўставала, и благодарѣла на 'тходн. Ина ей, вяльможа, одовжила платочекъ: «ниѣ вотъ табѣ платочекъ, отъ большія сестры подарокъ!» Етый платочекъ вочавъ пригожъ, разными тѣвитами, бытто золотый и серебромъ усѣджаванъ, разными украшѣнїямъ. Ина получала етый платокъ, лобувалася яго, якъ и свойго мужа. Потомъ поблагодарѣла и отправлялася ў путь.

Якъ ити, дыкъ ити, якъ ити, дыкъ ити—скоро то говоритца, да трудъ много приняла—другія стоптала боты, зѣбила другій кѣи, зѣла и другій хлѣбъ, отъ мужа благословѣнный. Потомъ опять приходитъ, на яе пути стоитъ домъ, почици ще ѣ того. Не прѣстигаеть уже тѣмная ночь; у воротахъ опять стоитъ жа вяльможа жепьскаго полу, такого жъ виду и лица. «Здрастьви тебѣ! говорить. Якъ бытто ты нашего брата жана, и наша нявѣстка? Трудно табѣ добратца до яго. А тольки уже большы протраждала, чимъ страждати! прошу милосѣи понучувати у насъ, одны хвѣтъ!» Приютила у палаты, у домъ свой, покормила, приютила на одыхъ. Повутру ношлежница ўставала, благодарѣла, усердный отвѣтъ да-

вала: благодарю васъ за пошлегъ, за ваша угощенія! вы мнѣй прощай-
те! Ина: «вотъ, говоритъ, голубка, я тебѣ дамъ подарокъ!» Ина ей да-
рнула подарокъ—щѣтку, которой учасують голову. Ина вочанъ пригожа,
украшена красиво—тамъ одно золото, одно серебро, и разныя цвѣты
Ина, получивши еты вещи, и пошла.

Довго урея страждала ина—надѣвала третїя боты, брала трет-
тїй кїй у руку и начинала третїю проскуру їсь. Довго урея страждала
у своимъ походи, мало оддыху їѣла,—якъ ето скоро сказуетца, ды на
скоро сочинїетца,—третїя стошала боты, третїй оббила кїй, зѣѣла и
третїй хлѣбъ. Ёй на пути бивъ оягъ дождь. Ина приходїща къ дому,
еѣ обнимала тѣмная ночь. Такъ у етомъ доми, у воротахъ, стояла вяль-
можа женьскаго полу. Увознала еѣ. «Здрастьви, говоритъ, правукрасная
царевна! Давно страждаешъ, голубка! Заутри свой страдъ поконьчишъ!
Пріютида яе у платку, накорила, пригласила яе на воддыхъ. Назаутраго
ина уставала и сыяшила у нутъ. Ина ей дала подарокъ. Дала ей кудѣ-
личку и присыличку и веряѣнца. «Отъ, сказала: узыйди у городъ и сїѣ
на базари, расытїи платочекъ, отъ большїя што сїстры подарочекъ, и
поставъ на платочку щѣтку, и прядї сама кудѣлю. И будѣть
нїти со слугами вяльможа, женьскаго полу. Ёй вещи етыя дужа уподобя-
ють. Ина будѣть ихъ тургувать. Ну, ина будѣть тебѣ цѣны давать преж-
дї сотни,—ты не соглашайся; пѣтомъ будѣть давать тысячи—не согла-
шайся; ты не хотїи ничаво! А мѣй договоръ: зѣ яѣ паномъ за вещь ночь
нучувать. Ина усп три вещи у тябе вѣзметъ. А ты ни на вошто большы
не соглашайся!» Ина подїкувала и пошла.

Приходїть у городъ, прїютилась сїреди базару—день бивъ погоды-
ливый,—ина расположила своѣ вещи—платочекъ разослала, щѣтку по-
ставила на платокъ, стала работою занимацца,—кудѣличку прядѣть! По-
томъ, повудѣнїя ли часы, ти якїя—ето ни показано—ходила вяльможа
по базару, со слугами. Приходїща къ ёй, сказала: «здрастьви тебѣ! А
што, голубка, продаси ты мнѣ своѣ вещи?»—А ина на 'твѣтъ спросила:
которую вы жалаетя?»—«А мнѣ вотъ уноровївся платочекъ!»—(Платокъ
напярѣдъ подаровалъ) Што табѣ даѣ за яго?»—Ина на 'твѣтъ отказа-
ла: я ничѣго ни їдчу!»—«А якъ жа ты,—дїрмо оддаси?»—Нѣ, я дїрмо
не дамъ!»—«Ну, што жѣ ты хочешъ?»—А я хочу изъ вапнїи паномъ
ночь нучувать!»—«Ахъ, якая жѣ ты бязсовѣсная!»—Што табѣ за польза,
сѣ паномъ ночь нучувать? Я жѣ дамъ табѣ сотню денягъ за яго. Ето
будѣть табѣ пользїтельно!» Ина на 'твѣтъ дала, што: а я не хочу! Ина
отъ яѣ отышла, походїла, походїла,—скушно стало: не могу растратца зѣ
естыи вѣщамї! «Ну, пойдї, дура, когда не хочешъ денягъ, пойдї по-

ночу!» Забрала платочекъ и пошла. «Ну, и пойдѣ за мной!» Потомъ пришла домой—ина яе у палатку пріютила—у такую палатку далекую, што ина и голосу мужниго не слыхала. Потомъ прибывавъ мужъ ись охвоты. Ина яго зынимала изъ лошадей слугами, угощала разными напѣтками, которыя пьянѣй усихъ. Ну, упоила яго и ў спальню положила, ёнъ бясъ чѹствія бивъ. И позволила ей спать ложитца съ паномъ. Ну ина легла, и стала съ имъ разгубаривать: «я ўсё твоѣ приказанія спольнила! Я троя ботовъ зялѣзныхъ стоптала, а три кія зялѣзныхъ збѣила, а три хлѣба зялѣзныхъ зѣла! Стала говорить, якъ страждала. До тѣбе дойшла, а вотъ съ тобой ляжѹ, а ты мнѣ ничого не говоришь!» Ина яго и бѣдила, и колыхала, и щипала. Ну, а ёнъ съпитъ и отвѣту ина нѣкотораго не слыхала отъ яго. Ти чустовавъ ёнъ, ти вѣ, ето не знато дѣлю. Вутро уставала, благодарѣла и выходила. Вьяльможа надъ ей смѣялася, назвала дурой: «вотъ, якая ты дура! Што ты получила отъ пана? А я бы табѣ дала денѣхъ много! Отвѣтъ отказала вьяльможи: «я денѣхъ не хочу!» Ну, и отправилася ў свой мѣсто.

Поставила щётку, уже й бозъ платка, сама прѣдетъ куделичку. Отправлялася палъ за хвотю, опятъ изнопъ—«ти я у во свѣ выдавъ, ти што надо мною было—якъ бытто бы я гласъ слыхавъ своѣ прежнія сугруги. Я гласъ слыхавъ и болѣзнь тѣлу споджѹ принявъ. Посынашу-на поваравышы съ охвоты домой!» А ина опятъ—изнопъ выходила, вьяльможа, на городъ, на гулянья, й со слугами. Приходила опятъ кы етой свѣдѣцы. «Што, голѹбка, говоришь: продай мнѣ ету вещь!»—на щётку.—Купи!—«Што пошьмешь?»—А я ня ідоху ничого—съ паномъ ночь пучувать! Ина опятъ яе назвала дурой: «нѹ, икую ты, говоришь, сонѣсъ получила, што ты съ паномъ нучувала?—Ничавѣ!—А я табѣ денѣхъ бы дала!» Ну, потѣмъ ляхкѣ согласилася, позволила—дала щѣ ночь перенучувать. Ну, опятъ такимъ жа путѣмъ, такъ жа само: прѣхавъ ёнъ съ охвоты, дыкъ ина сынимала яго съ поизды слугами, привѣчала зновъ на угощенія. А ёнъ угошеніи жестоко не принимавъ,—мысльнѣз сабѣ тѣ, што николи на инае етаго не бывало, кабѣ етакія угощенія я мѣлъ. Только ёнъ ставъ остерегатца, скоро ставъ бясъ чѹствія пьянъ—самъ на сябе нагнѹвъ такъ,—уснѹвъ за бясѣдой крѣпкимъ спомъ. Ну, ины узали и положили ў палатку на посѣтелю. Тогда ина на яе сказала: «ступай съ паномъ нучувать!» Ну, ина легла. Подождала, покуль уси заснули, и во время человѣчецкаго сна стала яго разбуждѣть. Опятъ своѣ разговоры разговаривала, усѣ своѣ труды рассказала: «я другую ночь съ тобою нечѹю, а отъ тѣбе ничого ня чѹю!» Ну ёнъ усѣ ето понимавъ, а отвѣту нѣякого не давъ. Потомъ, ночь на прохѣди, стала вутрѣ. А еѣ разбуждаютъ, высалѣють вонъ. Ина ўстала и поблагодарила. Ина, вьяль-

можа тая, посьинялась и назвала дурой: «дві ночі, говорить, ты нучувала, якую пользу ты получила?»

Іна поблагодарила, отправилась на своё мѣстѣ, занимала своё мѣсто: пріѣла куделичку. Коло же мужъ же пройшовъ не у знатномъ видѣ. Інять отправляясь на охоту. Танерь іна яго къ видѣ разгѣдила, только што не увознала. Прибывасть ёнъ съ охоты уже изъ разными думами. А іна, вьяльможа, выходила опять на городъ съ слугами, на прогулянья, — сучала по третей вещи, — кабъ уже и эту достать. Ну, дыкъ *эту* уже вещь — куделичку и пряслицу и верященца уже личѣй достала, круто: «Продася мѣ эту вещь третей?» Іна твѣтъ дала: продася! — «Ну, што жъ ты хочешъ.» — На твѣтъ дасть: «я не хочу ничего: съ наною ночь нучувать!» Іна на слугъ: «бярить еты вещи! Поди за мной!» Ну, и пріѣтила яе у той спальни, дѣ іна двѣ ночи нучувала. Ну, прибывасть нанъ изъ охоты позараньшы. Іна яго сьнимала слугами изъ поѣзды, сядила за столъ изъ собою и угошала напѣтками разными. Ёнъ при сябе свою силу узавъ, и опять зѣлався хмялѣнъ — на-тянѣвъ на сябе. Ну, тоды положили яго у посѣтелъ. Якъ стала тишина у ночі, заставивъ яе мужъ перестлатъ посѣтелю, якъ ёй упоравитца. Ну дыкъ іна перестлала посѣтелю и вачила разговоръ. На твѣтъ ёнъ давъ ёй, што вутромъ ты не пойдешъ. Вутромъ яе стали васалѣтъ. Первый разъ называли: голубушка, пойдѣ изъ пошлегу! Іна не пошла. Во торыхъ разахъ называли се бязсовѣсной. Іна не пошла. Третей разъ сказали: «говорятъ табѣ — ступай изъ пошлегу!» Потомъ іна не послушала. И выходѣвъ изъ спальни удвоиъ увобравнясь. Ну, тогды ёнъ валѣвъ вывесѣти пернаго жеребца со стѣини и тую вьяльможу растаскать по чистому полю, привязать нкъ коньскому хвосту. А сами стали жить-поживать, и парювать. И я тамъ годы два ти три тому бывъ, только ничего не бачивъ. Спокойной ночи, пріятнаго сна, радоснаго вутра! Бывайтя здоровы!

М. Горжи, човуск. у. Отъ мѣстнаго кр-на записано мною.

47. Іванъ Вѣлоросейскій.

Нѣукоторомъ то царствѣ, нѣукоторомъ то государствѣ, живъ такъ король. И прозванья яму дали Вѣлоросейскій. И самъ ёнъ Іванъ, и сынъ у яго тожъ Іванъ бывъ. Жинутъ да пожавають, ядутъ лѣбъ да поядуютъ. И сынъ готый яго большій бывъ охотыникъ дужа, ходивъ усѣ по хвоти. И много разовъ ходивъ, то ничѣго й ня видивъ. Одинъ разъ пошовъ, попавъ мужичка худачка, на поли оручѣ. Кобылка яго дрэнная, жарабочикъ у яе хоршій. Уподобалося гѣто Івану Ивановичу. Давая ёнъ у мужичка худачка спрашавать: продай мѣ мужичок-худачокъ гѣ-

таго жарабочка!—Ахъ, паничокъ, я самъ радъ, што дождавъ. Отказуеъ яму паничокъ: што ты ще не дождавъ, ще тольки увидивъ. А продай, продай, каеъ, я табѣ много грошай дамъ!—«А сколько ты мнѣ даси?»—Ды сколько я табѣ дамъ,—я табѣ дамъ сто рублей! А бывало жъ рубль и то большія гроши, а сто рублей, гэта уже дужа много. Подумавъ, подумавъ, гэтый мужичокъ: а, отдамъ, каеъ, нехай сабѣ!—«Да ты, каеъ, купишь сабѣ за гэты гроши четыре кони, а захочешъ два, дакъ ты хозяйство сабѣ наживешъ. Ну, и отдавъ. Ёнъ забрытавъ яго и повёвъ, такъ што кобыла гэта не зарзала, жарабочекъ не запищёвъ. Потомъ приво́дять домовъ, поставивъ на стайню. Потомъ, тую жъ самую ночь, со- свилося яго батьку Ивану: што купивъ твой сынъ жарабка сабѣ на споминанья, а батьковой головѣ на стenanья! Тяперъ ёнъ уставъ, ся- дить и д. каеъ: «што зъ гэтаго будеть? Возьму тка я сонникъ, погляджу, ты ня увиджу я што про гэта!» И такъ ёнъ сабѣ разобравъ, што гэта не- хорошо тыки ялѣ. Тоды ёнъ думаетъ самъ сабѣ: ну, лѣпи жъ возьму я яго, да жалевькаго страчу, утоплю, хуё не такъ мнѣ жалко будеть! Давъ Богъ день, отъ ёнъ у день позванъ яго къ сабѣ: Иванъ, каеъ: холитка я табѣ нѣшто скажу! Ёнъ пришовъ: а што, тата, скажашъ? Пойдешъ-тка, каеъ, съ тобой, покажу я табѣ границу на мори, соты ще малъ, а я старъ, часомъ скоро помру, ты ня будешъ вѣдать ничего! —«А пойдешъ, тата!» Яму не такъ гэта граница, якъ абы бѣгчи. По- шли. Идетъ ёнъ сабѣ да и раздумався, гэтый батька, што плохія такія думки у яго на мозгахъ. Идетъ сабѣ утѣнившесъ, пякуды не глянеъ. А гэ- тый Иванъ, яго сынъ, усѣбѣгаетъ—увидивъ бокъ забяжигъ, у другій забяжигъ. Потомъ забѣгъ,—стоитъ яблонка, и на ей ёсь яблочки; ёнъ узлѣвъ шиби́въ и ставъ шибать, и яблочки збивать. Яблонка гэта яму говоритъ: Иванька, Иванька, ахъ ты королевичъ! Не збивай ты моихъ яблочекъ. А отъ, ёсь на мнѣ сухая сучка, возьми, наломай ты два пучки, навяжи—одинъ под- вяжи подъ одну паху, а другій подъ другую—табѣ усѣтки къ ночи къ тѣмной згодитца! Ёнъ здѣлавъ, наломавъ, навязавъ, и потъ пази под- вязавъ. И побѣхъ услѣдъ за батькомъ. Батька изъ яго усерднвсся, зачимъ ёнъ абы куда забѣгаетъ: зачимъ ты, каеъ, забѣгаешъ, чаму ты ня идешъ услѣдъ за мной?—«А я, каеъ, забѣгавъ туды-сюды, яблочки, каеъ, зби- вавъ!» А гэтаго не сказавъ!—Ну, ходи, каеъ, борджѣй! Ну и приходють къ гэтому мору, да й къ синему. Ну вотъ, каеъ, полядитка, дѣ граница, вуунъ, вуунъ бѣлый камень!—«Дѣ, дѣ, каеъ, я ня виджу!»—«Да вуунъ, каеъ, подыйди поближи! А тамъ сусимъ ниякого й камяня ня було дажа, на бѣломъ мори. Ёнъ подыйшовъ, да й нагнувся и лядитъ у мора. Ёнъ яго узявъ да й пихнувъ, батька сына, а самъ, кабъ не бачигъ и не чуъ, якъ ёнъ кричать будить, ни крику, да й ниякого голосу—можа

пожалѣю, думаетъ сабѣ, дакъ кабѣ ня вытегѣть,—и побѣгѣ оттулятьки.

Ну, якъ ѣнѣ упавѣ у мора, дакъ яго рыбака вяликая и ужрала. Потомѣ,—ѣнѣ занимався папиросками, уже куривѣ,—и была у яго сярничка, и ѣсь у яго звѣ естия яблонки сучча два пучки, отъ ѣнѣ и ставѣ тѣпло тамѣ класѣ. Разложивѣ тѣпло, ножѣ вынявѣ, ставѣ яе рѣзатѣ такома, печь и ѣсѣти. Проносила яна яго тамѣ день, а можа два—не могла вытриматѣ, што ей, значитца, дужа жарко. Ина узяла яго, карханула, да й вонѣ на борагѣ. Ну, а якая тамѣ на ѣнѣ была одежа, дакъ и погниѣла, и остався ѣнѣ голый. И думаетъ ѣнѣ тогда сабѣ, на берази: куды иѣнѣ иги, што робить, домовѣ иѣнѣ иги, дакъ не утопивѣ батька—дакъ засячетѣ, абы завѣсикѣ—пойду, куды вочи глядѣть. Надумався: пойду на шилигѣ, попрѣстоу на росѣтиннѣцѣ. Хай тамѣ тыки боли люди ходѣть и ѣздѣть и сидѣть ли дороги; и можа хто мне возьметѣ. И пономѣ и сѣвѣ. Полядѣвѣ, полядѣвѣ, ня чуѣ никѣго, да и не видаѣть; хотѣвѣ уже убраться оттуль иги, али думаетъ сабѣ: нѣ, посаджу, яцо троху. Ажны почувѣ, яѣхто стучитѣ—ѣнѣтѣ. Потомѣ и увидивѣ; ажѣ, звѣ большой карзтой. И такѣ яну стало тогда стыдно (пеувага). Нѣ, каѣтъ, гѣтѣхѣ пропущу, сыйду на бокѣ, захочуся, бо гѣто абы якѣй палѣ, абы король,—самѣ сабѣ думаетѣ. Узавѣ ды сыйшовѣ на бокѣ, ды сѣвѣ подѣ кустѣ, сховався. Бѣхѣ изъ ими маленькѣй собачка, якѣ узбѣхѣ на гѣтѣй слѣдѣ, прибѣхѣ, да й брешетѣ на гѣтого Иванѣку на королевича. Ажно й то ѣхавѣ король, другѣй. Ну, собачка гѣтѣй брешетѣ на яго. Гѣтѣй король каѣтъ: стой, на хурманѣ. Или ты, каѣтъ, полицѣ, гѣто собака не такѣ брешетѣ, тамѣ иѣхто ѣсь. Ёнѣ злѣзѣ, гѣтѣй хурманѣ, и номѣвѣ. Приходѣть туды, ажѣ хлопчикѣ голый сядѣтъ. Тоды ѣнѣ каѣтъ: «хлопчикѣ пѣйкѣй голый сядѣтъ!»—Якѣй сабѣ, каѣтъ, ѣсь, видѣ яго суды!» (по русѣку). Ёнѣ яго узавѣ, и привѣвѣ кѣ гѣтому королю. Чѣмѣ тябе, каѣтъ, зовутѣ, хлопчикѣ? король пытаѣтца у яго. — «А? каѣтъ, што? мене чѣмѣ зовутѣ? мене зовутѣ Иванѣомѣ, и батьку тожа мойго Иванѣомѣ!»—А яцо чѣмѣ?—«Королевичѣмѣ». А, ѣнѣ каѣтъ купару: гѣто пѣнно мой сынѣ, да у мене жѣ икуратѣ такѣй сынѣ. Якѣ ты, каѣтъ, пришѣвѣ сюды?—«Да я, каѣтъ, и самѣ не знаю,—солгавѣ,—хто мене сюды ты принѣсѣ, ты принѣсѣ!»—Ну, якѣй ѣнѣ сабѣ ѣсь на ѣсь, повизу домовѣ. Увиѣртѣвѣ, у свою карету усадивѣ и поѣхали. Ыхали празѣ мясѣтѣчко празѣ якоя, ѣнѣ яму узавѣ, да одежу и купивѣ, якѣ разѣ на яго. Привозитѣ домовѣ, ажѣ и свой сынѣ ѣсь дома. Якѣ привѣзѣ, злучивѣ, дакъ и не увознаѣтъ, который сынѣ рѣднѣй, который находнѣй. Ну, каѣтъ, якѣй сабѣ ѣсь, я ѣсь, годуйся, каѣтъ, нехай одинѣ сынѣ будѣтъ рѣднѣй, а другѣй находнѣй. И удалися яны волосѣ у волосѣ, голѣсѣ у голѣсѣ, лицо у лицо, и ѣсѣ якѣ одинѣ. Ну, и живутѣ яны, годуютца, и никѣди яны ни за што

не сварутца, вотъ, якъ дѣти, вѣдомо. Никѡли. Такъ одинъ одного и зовутъ: ты братецъ родный, а ты братъ находный. Ну, жили, уже яны и порослы, и старый уже ставъ гѣтый король. Вѣдомо жъ, скоро казка кажетца, да не такъ яно скоро дѣтца, якъ кажетца. Гѣтый король уже ставъ дужа старъ. «Ну, вотъ, дѣти, што я вамъ скажу: одинъ сынъ родный, а другій находный, и распишу я вамъ своё королевство пополамъ, и кабъ вы, по моёй смерти, жили, поживали, и часто мяне поминали. Ну, проживши няного и пошёръ, расписавши нѣтъ своё королевство гѣто. Ну, живутъ яны, поживаютъ, и часто бѣтъку поминають. А усѣтки межда сабе хорошо живутъ, никѡли не сварутца. Живутъ и поживаютъ и усѣ бѣтъку поминають. Ну, потомъ, прожили кольки и кажутъ сами межда сабе удвухъ, разговаруютъ: што ты, каеъ, вѣдаешъ, братъ родный: я думаю, кабъ мы который жанялися. «И я хотѣвъ, каеъ, табѣ, братъ находный, давно гѣто казатъ! Я-тки думаю: ты, братъ находный, жаняся!»—А нѣ, братъ родный, ты усѣтки родный, и я находный: табѣ треба уперадъ жанитца, а я только буду за свата табѣ; я тыки вѣдаю дѣвку добрую!»—«Ну, нехай сабѣ буду и я; а дѣ жъ ты вѣдаешъ и дѣвку?»—А вѣдаю, каеъ, далѣко: ёсь у лѣкоторомъ царствѣ, у нѣкоторомъ государствѣ, ти можа у томъ, у якомъ мы живѣмъ, и ёсь вѣткій король, и ёсь у нѣго одна дочка. Пойдемъ къ ѣй у сваты, не такъ—пойдемъ, а пойдемъ. Сходи ты, каеъ, на шѣсто!»—«Чого жъ я пойду?»—Купи, каеъ, тамъ шѣраго сукна, прѣстого мужицкаго!»—Да на што табѣ, ти у насъ надѣтъ нечаго?»—Нѣ, я хѣчу гѣтакаго! Послухавъ ёвъ, пошовъ, гѣтый братъ родный. Купивъ гѣтаго сукна, шѣраго, простого мужицкаго. Купивъ, приноситъ домовъ. Ну, позвали кравца, и пошивъ гѣтый кравецъ сермяжку зъ естаго сукна, и шапку. Пошивъ, и ёлъ надѣвъ, гѣтый братъ находный. Во тяперъ, каеъ, ти ладно? каеъ на брата. Якоя ладно, дужа дрѣнно, сусимъ нельзя выйти и на люди. Мы жъ тыки названыя королевичи, а гѣтакъ надѣвшиси дрѣнно у серягу. Ёль каеъ: нехай сабѣ! Ты жъ, братецъ, будѣшь молоденецъ, дакъ ты надѣнься ладно, а я уже вѣдомый сватъ! Ну вотъ надѣвъ гѣтую серягу, гѣтую шапку, да я каеъ: ну, тяперъ жа ты мяне не зови ни Ивановъ, ни братомъ, а зови, што Иваншка—шѣра сермяжка. Тяперъ мяне усюдахъ будуть зватъ! Ну, выбралися и пошли ў сваты. Потомъ, подыйшли подъ гѣто королевство, куды яны уже йшли у сваты, и послали письмо наперадъ, подыйшовши уже троху. Получивъ гѣтый король письмо гѣто отъ яхъ: што идѣмъ къ табѣ у сваты Бѣлоросейскія королевичи. Потомъ яны идуть, идуть, приходють у такую пушу, у драмущу, што ни уздумать и ни ўгадать, и ни ў казцы сказатъ, ажъ у тѣй пуши ляжѣтъ чело вѣкъ, надѣвшиси дужа крѣико—штаны суконныя, кожутъ тѣпый, ар-

мякъ добрый, и шапка вшатая. Ляжѣтъ да усѣ кричить—а гѣто дѣялося улѣтку—да ѣ кричить: аай, стюдѣно, аай, стюдѣно. Ты сходи-тка, каеъ братъ родной, поляди... А нѣ, ты не зови мяне братомъ, скажи: сходи-тка, сватъ, поляди!—Ну, сходи, сватъ, поляди, што тамъ такое, мусить, ѣтъ намъ знадобитца. Ну, братецъ находный пошовъ, полядѣвъ. Што ты гѣто, каеъ, ляжѣтъ, такъ налѣвнѣсь, гѣто жѣ дужа жарко—унасъ сорочки на синѣхъ, и то намъ тяжки. —Ну, а миѣ, каеъ, зимой тѣпло, на то тѣпло соусимъ горачо. —Ходи-тка, каеъ, изъ нами, можа мы тебе нагрѣемъ.—Ну, пойду! Уставъ и пошовъ разошъ изъ ими. Ну ѣ пройшли кольки тамъ урѣя—не такъ то скоро дѣтца, якъ скоро кажетца,—приходить у такое поля вя-ликаа, што ни уздумать, ни узгадать и ни у казѣ сказать. На тыаъ поли тожѣ познаеъ и усѣ собираеъ разныхъ тамъ и жабы и козявокъ, разное тамъ пошудство: тамъ и жуковъ, и мухъ тамъ, и кричить: фель! Бо яго уже мушкѣ выгнали изъ дяренин, што ѣтъ усѣ побѣдѣвъ и ни-кѣли не наѣвся. Тогда ѣтъ каеъ, Иванка гѣтый нѣбра сермяжка: што я, каеъ, усѣ тебе буду слухать. —сходи-тку ты поляди, што тамъ за че-ловѣкъ такий? Пошовъ гѣтый молодецъ и полядѣвъ. Каеъ:человѣкъ, со-бираеъ усѣ да фель, и кричить: фель. Чого ты кричишь, каеъ: ты жѣ бы пошовъ у дяренин, да ѣ подѣвъ хлѣба!—«А миѣ, каеъ, хлѣба много треба!»—Ну, дакъ ходи ты зѣ нами, можа мы тебе накормимъ!—«О ѣй, зачимъ, кажеъ -- пойду!» Ну, идуть учатырохъ уже разошъ. Пройшли коль-ки урѣя снова, не такъ жа скоро дѣтца, якъ скоро кажетца—прохо-дють опять у нуцу у драмуцу, што ни уздумать, ни узгадать, и ни указ-цы сказать. И потѣаъ кричить тамъ—пить! и якразь по бороду у водѣ стоить у возярѣ. И почувли гѣтыи жѣ сваты, што ѣтъ кричить: ай пить, ай пить! Кажетъ гѣтый уже Иванка нѣбра сермяжка: сходи-тка ты, каеъ, поляди, хто гѣто тамъ кричить и дѣ. Пошовъ гѣтый молодецъ туды и полядѣвъ, ажѣ стоить человекъ у водѣ, и по самую бороду, ды ѣ кричить: пить. Аяай, каеъ, чого ты кричишь гѣто, у водѣ стоишь? Трошку присѣди, ни боли, якъ на вяршокъ, дакъ и напѣсься.—Ага, каеъ, дякую табѣ за твою добрую ласку, я жѣ якъ напѣсься, дакъ усю воду в выпѣю, а тогда другѣй разъ што я буду пить?—Да нутка, ну, каеъ, согнѣся трошку, да ѣ воды напѣся! А што жѣ ты миѣ даси тогда, якъ я выпѣю?—Ну вотъ!—Гляди жѣ, кабѣ правда гѣта твоя была. Утъ при-гнувся, якъ сморганувъ—такъ усю отразу и проглынувъ. Осталися такъ раки и рыба, и жабы. Гѣтый ѣбѣдало туды тогда, да нутка терабитъ, тера-битъ. Поѣвъ усѣ, почисѣтивъ. Тогда ѣтъ: ну, што ты, опивала, налився?—А дякуй табѣ за добрую ласку: налився, што я буду у другѣй разъ пить? Налився, не налився, только разозлився!—Ну, ходи разошъ, можа напоимъ мы тебе! А ты, ѣбѣдала, наѣвся?—«Ахъ, кабѣ я, каеъ, наѣвся, то бѣ я

и соусимъ расстѣвса!»—Ну, пойдёмъ разомъ уси.—«Да ужю тѣперъ кабъ вы и не хотѣли мене узятъ, дакъ ба я пошовъ». Ну й пошли разомъ. Ишли яны нѣскульки урема—не такъ жа скоро дѣтца, якъ скоро кажетца, и подходятъ къ гѣтому королю. П признаваютца, што такія и такія идуть сваты къ табѣ у свѣты. Ёнъ кажеть имъ: ходитя, ходитя, я довго жду гѣтакихъ: я ли вась уже, ли подорожныхъ людей, приготовивъ уже лазыню!—Охъ, дякуй табѣ: намъ гѣто дужа добро подорожнымъ людѣмъ, што мы къ вамъ идѣмъ.—Ну, ходитя, ходитя борджѣй. Отъ яны подходятъ—ящо можа вѣреть, плѣ было отъ гѣтой лазыни, а лазыня гѣта пугунная, да такъ натоплена, што ажъ червона. Отъ имъ такъ горяча дужа. А гѣтый Морозъ радъ: о, тутъ нагрѣюся! Ну, гѣтый Иванка шѣра сермяжка каеть: ну, Морозъ, поскорѣй жа грѣйся, поскорѣй, а то имъ горяча. Гѣтый Морозъ, покинувши ихъ, да ще ближы побѣгъ къ гѣтой лазыни, узавъ да штаны зыфнъ, да якъ пусьбнитъ духъ, такъ у гѣтой лазыни ажю вода замерзла. Тагъ яны уси туды бягомъ, отъ и стали тамъ стукать гѣтыми котлами. А тогды кажуць: вѣтъ, королю: не собравъ у усиныхъ своихъ королевствѣхъ дровъ, и лазыни не натопивъ хорошо!—Ну, одначо сваты! гѣто король уже каеть.—Ну сваты, не сваты, коли бъ не сваты, къ табѣ бъ у сваты ня йшли.— Ну, тѣперъ намъ можа хочетьца вынитъ?—Охъ: зачимъ!—Ну коли выпьется, кольки ёсь у мѣнѣ дворю вина и горѣлки, усю колю выпьется—дакъ отдамъ дочку за вась замужъ!—Ну, што будеть? Оливала: ти бярься ты?—«Повѣмъ! (шепчутся) Вы толька што скашнѣйшая—тоя дятя, а мнѣ усѣ выдайтя». Ну й пошли яны у порадохъ. Вялѣвъ гѣтый король кольки ёсь вина и горѣлки, вялѣвъ выставитъ на дворъ. Ну, яны выпили тамъ, Оливала усѣ попивъ, яны мало пили. Объядала жджить, ти скоро дадуць ѣсты. Попили усѣ, тоды и вajuтъ яму: ахъ, ты король, король! на пять человекъ ты й то жъ не собравъ напоить, намъ ящо мало.—Ну, одначо сваты! гѣтый король уже каеть.—Ну, сваты не сваты, колибъ не сваты, къ табѣ бъ у сваты ня йшли. Ну, тѣперъ ёсь ти хочеть?—Оохъ, зачимъ? Помывшися, да налившися, дакъ добро бъ подѣбли! Приказавъ гѣтый король своихъ слугамъ—кольки ёсь у аго воловъ, коровъ усиныхъ порѣзати, котлы на дворѣ повѣситъ и мясо гѣго поварить, и сватовъ накормитъ. Ну, порѣзали, поварили. Сватовъ кормили, да не накормили. Объядала гѣтый и пошовъ по своему: вы, каеть, выбирайтя сабѣ, што потлусѣтѣй, а мнѣ, каеть, усѣ выдайтя и косѣти, усѣ! Ну, и попили и поѣли усѣ гѣто. Тогды кажуць: аа! король, король! не собравъ, чимъ и сватовъ накормитъ. Ъли, ѣли и не подѣбли! Ну, король гѣтый и кажеть: одначо сваты. Ну, сваты не сваты, колибъ не сваты, къ табѣ бъ у сваты ня йшли.—Ну, тѣперъ сабѣ можете отиралятца, и тамъ на якая число можете прѣхати, со-

услихъ на вяселья! Ну, яны въ гѣстныхъ съ королеми распрощалися, и подалувалися. Пошли назадъ своею дорогою. Приходють же къ тому мѣсту, идѣ кричавъ пить Опивала, пошовъ узновъ у своѣ тоя возаркѣ—ахъ ды уже повно. Дякуй вамъ, што вы инне хотѣ разъ напоили! Улѣзъ—якъ кричавъ, такъ и кричитъ—пить! Гѣты остальные пошли дали своей дорогой. Приходють же узнова къ тому мѣсту, дѣ кричавъ тѣй Обжора. И пошовъ: дякуй вамъ, што вы инне хотѣ разъ накорнили на моиѣ вяку! Ну, и пошли остальные дальшы дорогой своей. Приходють сновакъ тому мѣсту, дѣ гѣтый Морозъ казавъ, стидѣно. Дякуй вамъ, каеъ, што мано на моиѣ вяку хотѣ разъ вы нагрѣли! И пошовъ. Якъ кричавъ, такъ и кричить. А гѣтыя жѣ у двухъ браты пошли домовъ, братъ родный и знаходный. Пришли домовъ, много ня думалши, поѣхали на вяселья. Братъ гѣтый родный каяеъ: ахъ, братецъ знаходный! поѣдемъ мы на вяселья, дакъ скинь ты гѣту свою сермяжку, а то будеъ намъ дужа стыдно. А ѣнъ каеъ: а нехай сабѣ—якій свату стыдъ! Потомъ, ня довто думаячи, стали яны собирать прочихъ королѣвъ на вяселья, вяселья гулять начинать. Ну, и собралися ѣхать. Ну, якъ увидѣли, што ѣнъ гѣтакъ надѣвшисъ, Ивашка, шѣрая сермяжка: на што ѣнъ намъ гѣтакій? будеъ намъ дужа стыдно, што мы ѣдемъ прибравшисъ дужа пригожа. А тѣй жа каеъ: якъ жа намъ ѣхать безъ свата? мы яго скоеземъ мижда насъ, ѣнъ никѣму ня будеъ видѣнъ! Нѣ, каеъ, будемъ съ каретъ вылѣзати, будеъ усякому видати! Ну, потомъ узяли-тки яго. Ёдутъ, ёдутъ, да усѣ поговарукъ: нѣ, нѣшто намъ нехорошо! Возьмемъ, да яго засячѣмъ, гѣто ѣнъ насъ дужа стыдитъ!—Ай нѣ, каеъ: куды мы поѣдемъ безъ яго? Усѣ-тки ѣнъ нашъ пошутчанъ, ѣнъ жа нашъ сватъ!— Нѣ! ну хоть такъ скинемъ!—Ну, кидайтя, только бы не губити—усѣ тѣй молодѣнъ ихъ просить. А ѣнъ сидитъ, бытто бы и ничего ня чувствъ. Ёнъ то ня дужа нѣ боатца. Потомъ ня утерпѣли, узяли, скинули съ своѣ кареты. Ёнъ бѣгчи услѣдъ, да—ахъ, Божа мой, Божа мой, за што я такъ горую? Дай миѣ, Божа, каеъ, коня, кабъ полѣли за ихъ. Такъ и давъ Вохъ яму. Ёнъ сѣвъ, за сватами и поѣхавъ. И такій ѣнъ, што ли узлукать, ни згадѣтъ, ни у казцы разсказѣтъ, што прамо вотъ позлачано ажны. И наперадъ заѣхавъ ихъ. Якъ было имъ стыдно, дакъ ящо бѣли стало: што гѣтакій сермяжка, да ѣдетъ на такомъ добромъ кони. Потомъ яны кажутъ: нѣ, мы тыки усѣ яго засячѣмъ, гѣтаго Ивашку шѣрая сѣрмяжка! Ай ну, братцы: ну, што вы кажеѣя—молоденецъ гѣтакъ—досѣ вы яго разъ скинули. Дѣля мы узнова возьмемъ яго, а гѣтаго коня посяродъ возьмемъ, ѣнъ будеъ услихъ окрашать, якъ будеъ ѣхать. Ну, потомъ яны послушали гѣтаго молоденца, яго къ сабѣ узяли, а гѣтаго коня мижда своихъ упрягли. И поѣхали дальшы. И недалеко уже до гѣтаго короля, посылають яны поперадъ

письмо, кабы король приславъ подъ молодого коней, бо далекая пераѣздка. А то нѣ уже бытпашъ то пристали. Потому уѣхали у нѣйкая мястечко, и живѣ тамъ коваль, и усѣ ковань и приковувань, и плескавъ и приплѣскувань. Гѣтый Ивашка кажетъ: стойтѣ, каетъ, тутъ! Тутъ мнѣ одна вещь треба. Ёнъ злѣзъ, идѣтъ къ гѣтому ковалю. «Помогай Бохъ!» говорить. — Дякуй, Ивашка шѣрая сермяжка! — «Послухай ты мене, што я табѣ скажу!» — Нутка, што? — «Скуй ты мнѣ обротъ, кабы тыки покрайней шѣры пудовъ зъ дванадцатѣ!» — Ого, на што табѣ гѣтакая? — «Што табѣ до гѣтого — мнѣ треба: табѣ не знатъ, а мнѣ не сказать, на што гѣто!» — Э, гѣтыя думаютъ сабѣ, которыя фхали уже собраны — дружина: гѣто жъ ёнъ вѣшто знаетъ! А мы яго считали за такого чловѣка за дреннаго. Потому яны пофхали далѣй. Сковавъ коваль обротъ, ёнъ ковалю за гѣту обротъ тоя давъ, што ёнъ сказавъ. Отъфхали трохи отъ гѣтого короля — присылаетъ король подъ молодого кобылу, што зъ дванадцати чартовъ сковавши, кабы яна уже молодого разнясла и развязла, кабы николи яго ни увидатъ и ни спознатъ. Оохъ! Яна бжжѣтъ и гогочѣтъ. Гѣтый молодѣй хотѣвъ на яе сѣсть. Шѣ. братъ родной, стой, не садѣся, я-тку сиду, яе обѣду! Узавъ, сѣвъ на своего коня и наупроти яе пофхавъ. Яна подбѣгла къ коню, якъ свиснула у поздри — конь гѣтый и повалився, а ёнъ на яе усхватився, гѣтый Ивашка шѣрая сермяжка. Ну, и забрытанъ. Нутку фхатъ да й погоняѣтъ. Отъ яна яго якъ подняла, дакъ ажъ подъ воболоки. Тутъ гѣтый молодець думаетъ: вотъ пропавъ. Ну, обѣхавъ, яе такъ збжвѣвъ, што соусимъ, яна уже и поналилася. Ну и на своихъ коней и пофхали. Приѣзжаютъ туды, къ гѣтому королю. «Отъ, дякуй табѣ, нашъ сватъ, подославъ вѣйкую чяплю подъ молодого, и пристала соусимъ. Мусить уже пущѣйшихъ и ня было!» — Оого, кажетъ, сваты, одначи. — Ну, сваты, не сваты, колибъ не сваты, дакъ къ табѣ бѣ у сваты не йшли. Ну, будемъ начинаѣтъ вяселья гуляѣтъ. О й стали и вяселья гуляѣтъ, и молодыхъ гѣтыхъ звиньчали. Потомъ, звынчавши, по нашаму сказать, побѣдали. Ну, побѣдавши, яна уже говоритъ, гѣта королевна: ахъ Иванька, Иванька, пойдѣтъ мы на й третѣтю атажу, покачаемъ кулю! А ёнъ приказавъ, Ивашка шѣрая сермяжка: гляди, ты пилнуйся мене, можа я забуду, дакъ ты пилнуйся, одинъ никуды не ходѣ. Потомъ жа яна выбираетъ такій часъ, што гѣтый сватъ нѣкуды стварнувся, отыйшовъ. И подговорила яго, своего мужа: пойдѣтъ, покачаемъ съ тобою кульку! Ну й пошли на третѣтю тажу. Привяла яго къ такой кульцы, што якъ покатила ды й сказала: перанимай! Дакъ ина и ударилася у ётану и одѣржилася татъ. Ну и добро, што ёнъ не ставъ пераниматъ, а то бѣ яму такъ усѣ. Тогда яна каетъ: кати ко мнѣ! А ёнъ сядѣтъ надъ ёй, и не скранувъ. Огль-дѣвся гѣтый Ивашка шѣрая сермяжка, што нема брата родного, ёнъ и

туды, и туды, а потомъ побѣгъ на третью тажу, и понавъ, и такъ сказавъ попростому: ахъ братѣва, братѣва, ёнъ ще страмитца, а вы уже повяли яго кульку качать! Да у насъ ня гѣдакъ качають!—А нутка, якъ?—А во якъ. Да якъ ударивъ ногой гѣтую кульку, дакъ ина у дворцы кольки стѣнь проломила и у городъ провалила. Вотъ якъ у насъ качають! А ёнъ ще страмитца. Ёнъ ба ще лѣни покативъ!—Ну, потомъ, згуляли вяселья, тутъ жа и 'тправилися, забравши яе съ собою. Ну, и поѣхали, и пріѣхали у свой дворець. Потомъ ина думасть: стой, якъ бл миѣ тябе уловить! А у яе тожъ була шабля пудовъ восемь. Ну, ёнъ якъ лёгъ спать на свой постели, виселья згулявши, якъ горѣло тяпло, ёнъ туды клався, якъ и треба: а якъ потушили тяпло, ёнъ перавярнувся—гдѣ голова тамъ ноги положивъ, а дѣ ноги, тамъ голову. Потомъ ина поткрилася, якъ сѣкнула—не по головѣ, да по ногамъ—и отсѣкла ноги. И сами скрылася, побѣгла. Ёнъ жа и не закричавъ, и не зякотавъ. А потомъ ёнъ устави, да й поновъ зъ гѣтого дому тожъ на дорогу, на гостиниць. Отъ тамъ много ёнъ и мучився—тамъ уже кричавъ и яко-тавъ. Ажъ тожъ идеть одинъ бязрукій. И почувъ ёнъ, бязрукій: нѣхто кричить и якочить. И пытаецца: хто тутъ кричить да якочить яшо? И тожъ усѣ ноччу дѣялось. Той бязногій пытаеть: «а хто идеть?»—Да я бязрукій!—Ахъ, Вожа мой, каеть: бѣдный бязрукій, ну я бязногій хужа. А ёнъ подышовъ: ага, правда, мучишься! Ну што, кажеть бязрукій на бязногаго: кабъ пошли мы умѣсти?—«Я жъ ня могу. Ты здужаешь жа ты мяне нести?»—Поляджу! А ну, подышовъ къ яму: а нутка, бярися, бязногій, миѣ за шю. Такъ ёнъ оцанився и стали гомонить, такъ хай сказать. Куды мы тяперь, бѣдные люди? уже бязрукій кажеть на бязногаго. А бязногій кажеть: дякуй Богу што ты трапився; тяперь я вѣдаю, куды мы пойдёмъ. Пойдёмъ, дужа у большую пушу, у такую, што несходимую. А бязрукій тогды у бязногаго пытаецца: а што мы тамъ будёмъ робить?—А будёмъ людей разбивать, ды й гроши отбирать, проходжихъ и профжжихъ.—Ого! ты молодець!—А я жъ тыки усѣ думаю: якъ жа намъ хлѣба заробить? гѣдакъ тольки. Гѣтый бязрукій кажеть: и потомъ правда! Ну, й пошли яны. И начали: якія челоувѣкъ вѣдетъ, яны, што ёсь, у яго отбаруть, абы панъ, абы жидъ, абы купецъ—хто ни попало имъ. Потомъ, якъ зажили грошій много, потомъ подходитъ уже восанъ—стюдено уже стало. Гѣтый бязногій кажеть: што мы будёмъ робить: уже жъ зима?—Я жъ ня вѣдаю, што робить!—Кабъ мы сабѣ хату збудували!—А добро будетъ! Ажъ вѣдетъ коваль нѣкуды на кирманъ. Визеть топоровъ дужа много. Ну, вотъ яны много не брали, а штукъ по пять. Ну, вотъ тяперь пойдёмъ у лѣсъ. Подносить бязрукій бязногаго къ дереву, бязногій древо звалить, отсѣчѣтъ, бязрукій бязногаго повасѣтъ, а бязногій

руками тожъ древо тягнеть. Ну и настѣкли лѣсу и натягали у грудь и принимаютца хату будувать. Хату збудували и печь зляпили: ну и жили дальшъ, поживали. И усѣ гроши отбирали. Только уже стали у жидовъ, у купцовъ, и у пановъ, у поповъ—у кого были гроши. А якія бѣдныя вѣдетъ человекѣ, дакъ яг і ще яму дадутъ. Потомъ имъ стало дренно жить: што потомютца, придутъ, треба хату топить, вѣсти варить, много трудовъ дужа, безпокойства. А што ты вѣдаешъ, бязрукій.—А што, бязногія?—Што я табѣ скажу?—А нутка, кажи!—Я думаю, кабъ мы ходяйку сабѣ дѣ выстарались! Уже зима стала!—А дѣ жъ мы выстарася!—Да вотъ, биретка мяне, да няси!—Пойдемъ. А гѣто дѣялося у коляды. „А куды мы пойдѣмъ?“—Ды пойдѣмъ у дярвиню!—«А коли мы пойдѣмъ?»—Ночни; тамъ будутъ игрища у коршмѣ. Тамъ будутъ: дѣвокъ много будетъ, и яны будутъ гулять, а тогды выйдутъ на дворъ холодать, а мы подойдемъ да подъ вугломъ станѣмъ, да которую небудь ухапимъ. Ото вѣкъ будетъ ходяйка; да у гѣтакій лѣсъ занясѣмъ, яна ня будетъ вѣдать куды. Потомъ пошли къ гѣтой коршмѣ. Ажны и правда: играють, и скачутъ, и выбягли дѣвки на дворъ. Одна тамъ трошкку дали отышла, яны скапили й понясъли. Такъ што никто и ня чувъ и не бачивъ. Што яна спужалася, дакъ нічого и не гопорить. Потомъ батька тужить—ина пропала. А матка плачеть, што й нема вѣдома, дѣ дѣлася сы дороща—нікто ня чувъ и не бачивъ. И не знають, якъ яе поминать—ти яе ховтуры отправлять. Такъ потужили да поплакали, на гѣтожъ и осталося. А бязрукій и бязногія дѣвку понясъли. И принясьли у свою хату, и кажуть ей: нябось, нябось, будетъ табѣ дѣбро у насъ. Вудуть якія жиды дорогой вѣзѣти муку, крупы, мы отбаромъ и сюда къ табѣ принясѣмъ, а ты налячешъ и наваришь, сама подъяси и насъ накормишь. Проживши трошу, оглѣдилася ина, обдумалася. Першъ задумалася, засмѣла, ажъ смѣла, а потомъ забылася, да й поправилая, посмѣла. Ну и живеть, и хорошо. Потомъ проживши, унаѣлилася къ ей баба. И такъ привыкла, што уже сама сабѣ кажетъ баба, што уже никто мяне не отучить отгѣтуль. А яка баба?—Юга!—Да ще къ тому у яе зялѣзна нога, на зялѣзной ступи вѣзѣти, зялѣзными товкачами погоняеть, и нукаеть, и понукаваеть, и усѣ къ гѣтой дѣвцы. Пріѣжжаеть ина къ ей ночни. якъ пойдѣтъ бязрукій изъ бязногимъ гроши отбирать, а дѣвка одна оставѣтца. Отъ ина тогды вѣдетъ. И пріѣдетъ къ гѣтой хати и першій разъ скажеть: дѣвка, моѣ дитятка, отчини мнѣ! Ина отчинила, и бабу упустила. Вотъ, пошци, моѣ дитятка у головѣ. Ина яе почала йскаеть, а яна дудку приправила къ серцу, да давай кровь ссать. Ну, и нассалася. Погдомъ на гѣту ступу сѣла и поѣхала. Приходють гѣтый бязрукій зъ бязногимъ, уже якъ давъ Богъ день. Ну, готова, ядѣ?—Готова, дядячки! Ну

подѣли, лягли спать. Выспались, побѣдали, потомъ скоро вечеръ поди-
шовъ, узнова пошли у свой обходъ. Гэта баба узнова ноччи прѣбжаеъ,
къ гетой дѣвцы да ѡ гукаетъ яе: отчини дѣри. Ина отчинила: шнѣ,
скурва дочъ, ѡ мяно у головѣ! Тогда уже, привыкла баба, смѣла. Ина и
ишетъ, а яна кровь сестъ у яд. Потомъ за гѣтыхъ два разы уже гѣтый
бязрукій зъ бязногимъ узнали: што гѣто дѣвка бѣлая, чуть ходитъ. И
говоритъ бязрукому «што гѣто, братъ, наша дѣвка гѣта худая, што яна
ажъ валяетца. Я думаю, ти ня ты, братъ, изъ ей!—И што ты, гѣто братъ?
Я гляжу да думаю: ти ня ты гѣто зъ ей!—Я нѣ!—Ну и я нѣ!—Будемъ
тка у яе пытатца: чаго яна?—Ну, будемъ. Дѣвка, чаго гѣто ты такая
худая; ти табѣ хлѣба мало, ти чаго?—«Ай, дядепки, ня вѣдаеъ вы...»
—А што?—Якъ вы пойдѣта тольки, а ко мнѣ баба прѣдѣтъ, нѣйкая
Юга, да янѣ у яе зялѣзна нога, на зялѣзной ступи вѣдѣтъ, зялѣзныи
товкачами погоняеъ, и нукаеъ и понукаеъ, скажеъ: отчини мнѣ! Тогда
прѣдѣтъ, да кровь мою тягнетъ, сестъ!—Ага, постойтка, кажеъ, мы яе
уловимъ. Ну мы сягодняшню ночь ня пойдѣмъ никуда, а гѣту бабу
уловимъ! Ну, пришла ночь, ина легла, гѣта дѣвка, сватъ, а яны стали
гѣту бабу пилнуватъ. Ажъ такъ подѣ повночь: вѣдѣтъ! Дѣвка отчинила.
А яны яе хорошенько, узали ды у зялѣзную ступу усадили у гѣтую, што
ина вѣхала, да ѡ давай товчѣи. Товкли, товкли, много дужа. Стоятя, бяз-
рукій зъ бязногимъ; ня бити мяне, ня товчѣи мяне! Я вамъ што небудъ
скажу!—Што ты намъ скажешъ?—Хорошан! Тольки пусътитя мяне: бу-
дуть у васъ и руки и ноги!—А нутка, яны уже кажутъ—нутка, тогда
пусътитя!—Ходитя за мной. Яны идуть, яе держатъ. Приводѣтъ ина ихъ
къ колодежу. Отъ, мочѣи тутъ—руки и ноги будутъ. Гѣтый жа бязрукій
хотѣвъ скорѣй туды руки уткнуъ свод, цѣбы, а той каеъ: нѣ, братъ,
стой! Узавѣ, оторванъ сукъ изъ древи изъ лѣстомъ и помочивъ: сычасъ
жа иссохъ, совсинъ! Стой, братъ, би бабу боли! Давайтка горни пряд-
няго битъ, якъ уперадъ не били. Били, били, потомъ ина прѣдѣтла у
ихъ: стойтя, бязрукій и бязногій—будуть у васъ руки и ноги!—Ну, добро!
Ходитя за мной. Прошли трѣху, ажно ще колодежъ. Вотъ тутъ, каеъ,
мочатя! Гѣтый жа узнова бязрукій хотѣвъ узновъ скорѣй, а бязногій ка-
еъ: нѣ, братъ, стой, треба и тутъ поидѣтъ. Узавѣ, гнилыи цень отло-
мивъ, да ѡ гѣту водѣ помочивъ. Сычасъ отростки пошли. Пусътивъ
сучча, отростки—и зялѣсны! Ну вотъ, мочи тяперъ! Помочили! Руки и
ноги у ихъ стали. Би бабу боли! Тяперъ намъ лѣши, уже зъ руками
и зъ ногами! Давайтка битъ; били, били, били, были, и покинули чуть
што живую. Тогда который бывъ бязрукій, да на бязногаго: што мы,
братъ, будемъ зъ ей дѣлатъ, ти покинешъ?—Э, братъ, покинувши, ина
отживеъ тутъ! А ѡ тымъ лѣси тамока нѣколи дѣлали дубъ люди,

дакъ ннн такая широкія, дужа большая, дубовыя. Отъ што вы, братъ-зробить изъ ей!—А што?—Возьмемъ, пенъ гэтый ращепимъ, клинья на-тешимъ, а у бабы гэтныя волосы довгтя. Коло клинья обкрутимъ, да у шелку у гету й загонимъ!—А, братъ, гэто добро! Узали и здѣлали гэтакъ, засадили гету бабу туды. Потомъ пошли. И рады яны, што у ихъ ёсь руки и ноги. Приходють домовъ у свою хату. Дѣвка каеъ: а што, дя-леньки, дѣ баба?—Ну, баба, каеъ, никולי ня выйдеть, мы яе у добрая мѣсто посадили!—А дай жа Вожа!—Пенъ дубовый, каеъ, раскыняли да яе коло клинья волосы обкрутили, да яе туды й засадили. Дѣвка каеъ: «а ти жива йна?»—Ды, каеъ, тропку, чутъ, чутъ живая!—Ахъ дя-леньки, йна отжишетъ!—Ня можно быть! Йна тамъ ссохнетъ и здохнетъ!—Отъ, сходитя тольки, поляднтя, што нема яе!—А што ты думаешъ, пойдентка, братъ, а можна и правда! Да й пошли. Приходють туды, къ гэтому мѣсту —ажъ нема ни бабы, ни ннн! Ажъ йна якъ отдыкнула, дакъ пенъ вы-рвала изъ волосами и потягнула! Ну што, пойдёмъ, братъ, шукать, бо бу-деть и намъ трудно. Яны гэто слѣдомъ, ажъ приходють: такій домъ вя-ликий, каменный, муруваный! Уходятъ туды, ажны дѣвка, такая пригожая, печку топить и блины лить. Яны кажутъ: здорово табѣ, дѣвка?—Здо-рово, добрыя молотцы! Чаго вы ходитя?—Одного дѣла шукаетъ—Ага! я вѣдаю! гэто вы мою матку забили! О, йна добро чухаетъ зъ вашихъ рукъ! Ну, стойте; коли возьмита мяне замужъ который, дакъ пока-жу, дѣ яна. А ня возьмита, дакъ йна отдыкнеть, разорать васъ, прямо поёсь!—Возьмемъ! Покажи, адѣ йна?—Да онъ, у тымъ и тымъ, каеъ, пограби! Ну, вотъ яны зъ напалу, якъ ускочили на яе, дакъ прямо и разорвали, не дали ей поправитца. Ну, да й грудь тамъ осиновый бивъ такій, вядомо у лѣси. Яны запалили, яе на грудь уснынули; йна й зго-рѣла. То уже ня 'тживеть во вѣкъ, николи. Ну вотъ, и приходють къ ей назадъ. А што, што здѣлали зъ моей маткой?—Да нема ўжо!—Ну вотъ, я тяперъ зъ вамъ пойду!—А нѣ, чагожъ табѣ ити, ты тутъ обо-жаш!—Нѣ, пойду!—Яны каутъ сами мнѣда сябе: ну, нехай! Ну, ходи! Ну и приходють къ своей уже хати. Тогды: ну што, братъ, ты вѣдаешъ: та-бѣ треба жанитца—бязрукій на бязногого. Нѣ, братъ, у мяне много дя-ловъ! табѣ, дакъ яно приходно! Мнѣ, братъ, ящо треба довѣдатца, якъ мой братъ живеть рѣдны! Такъ, много не говоривши, гэтый каеъ: ну и нехай сабѣ!—Ну, братъ, а треба жъ намъ свою дѣвку, каеъ, отнёсьти къ яе бацьку!—Ну, отнясемъ! Тамъ што было у ихъ уже грошай уного, наживши, яны узали гэтой дѣвцы—ня то што тамъ личили абы што,—такъ гарцы два, абы три отсыпали ей. Ну, каутъ, дѣвка, иди сабѣ къ бацьку!—А, дяленьки, я жъ ня вѣдаю дороги, я жъ ба давно утѣкла отъ васъ! А! Ну, яны отнясли яе къ бацьку, и яе бацьку подяковали. Ну, и

пошли. Пришли домовъ, занялися вяселья гулять. Згулявши вяселья, тэй кажець, што бывъ бязрукій: ну, братъ, будемъ жа дялѣтца!—А будемъ сабѣ!—Будимъ гроши дялѣть! А братъ: на што яны жи? Ты ить я не няси, я кольки небудь возьму сабѣ на дорогу! Нехай у тябе будуць. Я, Богъ вѣдаеъ коли ще, буду займатца житыѣмъ. Ну и разошлись. По-
 дяковали одинъ одному и разыйшлися. Тэй застався тамъ, бяз-
 рукій, а бязногий пошовъ. Приходѣть къ своему королевству,
 дѣ годовався, къ брату родному. Ажъ яго братъ свиней пасѣтитъ!
 Што, братъ, уже свиней пасѣтишь?—А здоровъ, здоровъ, братъ
 знаходный. Здоровъ, братъ родный—дожився!—А дыкуй табѣ, братъ
 знаходный, ты мяне дужа наставивъ на житыѣ!—Уже бытто сварѣтца.
 Ну дакъ, а што жъ я, каеъ, што жъ я вѣдавъ гэто? Дайка миѣ, каеъ,
 пугу!—Иѣ подожди, братъ. Мы ще хочемъ съ тобой поговорить, братъ
 находный!—Ну, што?—Дѣ ты быиъ догѣтулъ?—Иѣ бывъ, ходивъ ноги
 зароблять!—А дѣ твоѣ ноги? У тябе жъ твоѣ ноги и были и ёсь?—А,
 ёсь, гэто жъ я заробивъ сабѣ ноги. Твоя жъ жовка миѣ отѣкла ноги.
 Хотѣла голову отѣчь, да дякуй Богу, што ноги. Ну потомъ, во тѣперъ
 дайтка, дай пугу!—Усѣ пугу дай!—Иѣ, братъ, подожди, я табѣ расскажу
 ще дню!—Ну што?—Дужа миѣ художить!—Да я вѣдаю, што худо! Ня усѣ
 ты вѣдаешъ: вотъ яцо ёсь у гэта свинья во бѣлѣи, дакъ я постоянно ёй
 цалую. Якъ пригонимъ домовъ, яна сичасъ: а с. с., приповъ!
 Бѣлка, разставъ ноги, цалуй, с. с. Я ѣ цалую ёй подъ хвостъ!—«Ну, тѣперъ,
 дайтка, дай, каеъ, пугу!» усѣ пугу доходитъ! Ну на! А якъ жа, каеъ,
 куды жъ я пойду?—Да йдѣтка къ ковалю, здѣлайтка тамъ прутники сотри
 такого мяккаго зяѣтца и со три сухого, крушнаго! Ёнъ попомъ и здѣлавъ,
 гѣтыхъ шесъ прутковъ у ковали, и приходѣть къ яму. Иди жъ ты, каеъ,
 узлѣтъ на лазню, да ѣ сиди тамъ, покуль што, жди тамъ, покуль што
 будетъ! Дай ка миѣ свою одѣжу!—Ну, ѣ пераминили яны одѣжу, тэй того
 надѣлъ, а тэй того. Ну, потомъ, и отиралися на гѣту лазню, пошовъ,
 гѣтый настухъ. А ёнъ сичасъ, колъ на плечи, да ѣ путка гѣтыхъ свиней
 бить да гнать домовъ. И узгоняеъ на дворъ, а ина гэто и почувла,
 што свиньи пицать, скогочуть—вышла на ганокъ да ѣ глядитъ. Ажъ
 ёнъ гонить и бѣеъ. А каеъ с. с., ти ты уже гѣтакъ! А, скурный сынъ, по-
 стой, догѣтулъ ты ѣ живъ!—А вовкъ тябе ѣжъ съ свиньяны! Докуль
 я буду пасѣтитъ?—Вотъ я тебе, каеъ, засяку!—Чортъ тябе забяри: разъ
 умирать! каеъ. Потомъ приймаецца къ яму. А ёнъ каеъ: а уже по-
 дожди, не сячи мяне, а лѣни скажи вытопить лазню, дакъ вымыюсь,—
 вечаго рукъ нѣхто ня будѣтъ шкарѣдить надо мной, мыть,—такъ право
 у яку и зарыешъ!—А, каеъ, правда: дѣвка, иди топи лазню, хай гѣ-
 тый скурный сынъ хай отмыетца. Ну, потомъ, вытопила лазню. Ну, ёнъ

пошовъ нутца. И такъ довго сабѣ сяіть. Ина ждала, ждала, — нема! Эхъ, разсердилася дужа. Уханила свою шаблю и побѣгла со злости. Якъ бѣгла, только ина у дери, а ёнъ яе за косы, ды объ зѣмлю, ды нутка! Ахъ, Господи, подайтка мнѣ, говоритъ, пруточки со три, хорошенькихъ сѣхонькихъ. А яе мужикъ оттуль зъ лазни—кидѣль, оттуль зверху. Якъ ставъ ёнъ яе бить, а яна кричатъ, да ще къ тому якотатъ: аяй, зязюлечки, а кукулечки, а голубчикъ мой! Ня буду! николи ня буду, буду почитатъ за короля и узыватъ королѣмъ!—Нѣ! поломавъ гѣтыя прутки. Подайтка ящо мякчѣйшихъ Божа мой! Ёнъ тогда палѣхъ, ящо три прутки яму. Отъ ёнъ тыми ящо больши! Якъ ставъ бить—бѣеть, да й приказуеть: о табѣ пастухъ, о табѣ свинопасъ! во табѣ: Бѣлка, разставъ ноги—палуй, скурый сынъ, Бѣлцы подъ хвостъ! Я табѣ усѣ зважавъ, кольки годъ тяригѣвъ, усѣ спробовавъ, што съ тябе будеть!—Миленькій, родненькій! николи гѣтаго ня будеть боли!—Нѣ, неправду ты кажашъ. Ина яму ноги палуеть, пальцы накрывъ складаеть и перадъ нимъ присягаеть! Ну й пустивъ! Отъ ина идеть: ахъ! ахъ! ахъ! ахъ! Якъ пришла домовъ: ахъ, запрагайтя коній, їдѣти по короля, борджѣй только. А ёнъ каеть: ну, братъ, лѣзъ борджѣй зъ лазни! И узнова перажинили одежи, усякій свою нацѣвъ. Полѣзъ тогда тѣй братъ находити на лазню, а гѣтый уже сидитъ такъ. Ажъ сычасъ за нимъ прѣбжають. Ахъ, братъ: я жъ боюсь ящо остатца безъ тябе!—Ну, ничѣго, будеть хорошо! Ты, братъ, будь тутъ, живи!—Нѣ, братъ, ня можно, мнѣ треба йти къ своему батьку довѣдатца, якъ ёнъ: ти живи ёнъ, ти нѣ? Ну оставайся здоровъ! И прѣехали, яго ўзяли. Ну, а ты, братъ, иди здоровъ, находити! Вотъ ёнъ остався, хорошо яму стало житъ: стали яго почитатъ а королѣмъ звать уси, ня то што ина одна (новбогатыра бывъ). А тѣй и пошовъ сабѣ, и бытца што коноваломъ. Приходить у якую дярению и кажеть: нема у васъ жарабковъ класъти, лехчатъ?—Нѣ, у насъ нема. Пошовъ дали. Приходить у своѣ королевство и усѣ пытаетца—у якую дярению прйдеть: ти ня ёсь у васъ жарабковъ класъти?—Нема, добрый коноваль! У нашего короля ёсь, уже годовъ тридцать стоятъ на стаини жарабокъ, ды никто яго не положить и не полехчаеть.—Ну, што такъ?—Такъ, што ёнъ неплатный, жарабокъ гѣтый, али завѣтный—хто злегчаеть, дакъ ко-ролю голову зниметь, а коли нѣ, дакъ королѣва мечъ—а коновалова голова съ плечъ, да на тычину и усториуть!—Ого, ну вотъ ящо які дурни! Што-то за коновалы, што жарабка не злегчатъ! Мужуки кажутъ: а нѣ! ня гѣтакія приходили, а то найшовся нѣйкій курганъ! Ёнъ низкій бывъ. Ну, нехай сабѣ курганъ! а я тыки усѣ яго покладу и злехчаю! Мужуки гѣтыя кажутъ: ахъ, нутка, иди: уже тамъ девять тычинъ изъ головами, только уже твоѣ нема!—Да й пойду!—Э, нѣйкій, касть, курганъ нашов-

ся, хвалитца во тутъ! Отъ, и пошовъ. Приходить у свой дворецъ. Ажнъ сидѣть яго батька на ганку сивэй, сивэй, да уже дужа старый. Здорово табѣ, король!—Здорово, добрый коноваль! Казали мнѣ мужуки, што у тябе ёсь жарабокъ у стайни не злехчаний?—Ёсь! А ты злехчаешъ?—Злехчаю!—Ну, глядитка! Тольки вотъ одна тычина застѣлася—жусить тутъ твоя голова будеть!—А ужо поляйми?—Злехчаешъ ты мойго жарабка, дакъ мнѣ голову знимешъ, а не злехчаешъ—дакъ моя мечъ, а твоя голова съ плечъ, и вотъ на тычину уть на гѣту!—А ёнъ каеги: ну, вотъ, поляйми! Якъ засвиставъ—а стайня муруваная, и дѣвери злѣзныя. А жарабокъ якъ зарзавъ—а стайня тогды пополажъ и развалилася! А жарабокъ съ цѣпа сорвався, и къ яму тогды прискочивъ, да и заготовавъ яшо больши! Тиху, тиху, мой жарабокъ, тиху! Отъ тогды батька и спужався. Отъ якій попався. Ёнъ яго своей ладонью по зѣдку ударивъ, ёнъ ставъ и ноги расклавъ, ёнъ яму и... Ёнъ яго и злехчавъ, стоячи, не клавши. Ну и подноситъ къ гѣтому королю, ды къ батьку своему: ти знаешъ ты мяне, король, хто я ёсь?—Не знаю и ня вѣдаю!—Сынъ жа я твой!—Ага, сынокъ, правда твоя, да не моя. Усѣтки жъ вотъ сонъ справивъ. Ну, вотъ, воля твоя, што хочешъ, то робъ со мной. Ёнъ узятъ на предметъ, да и палець сабѣ отсѣкъ. Вотъ, слухай, батька, што гѣто никдіи не було, а будеть дакъ ня вѣдаю—ти будеть, ти нѣ, што кабъ сынъ батьку голову отсѣкъ. Вотъ ёнъ узрадовався, батька, и радъ, што сына доставъ. Ывши утопивъ, а то и живыи ставъ. Вотъ зъ радостя батька справивъ ширъ на увесь миръ, и вси люди пировали, пили, гуляли. И я яшо такъ бывъ, мѣдъ-вино пивъ, но бороу таклѣ, а у ротъ ни попало.

М. Обчуга, стѣпенск. у. Отъ кр. Филонова, 28 л. малограмотнаго записано мною.

49. Микита дуракъ.

Нѣукоторомъ царствѣ, нѣукоторомъ государствѣ живъ сабѣ таѣвъ одинъ чаловѣкъ законный. И мѣвъ саби трохъ сыновъ. Два такъ и сикъ, а третій Микита дуракъ. Ёнъ поклавъ ихъ спати, и накладавъ на ихъ сонъ. И будя старшаго прѣжди, и будя и гувѣра: «що таби, каа, спилося?»—А вотъ, гувѣра, що мнѣ спилося: що поставили ми кузъни, дакъ я кую-кую, да ниякъ завѣзу ня тправлю, усѣ много работы ё!—«Ты, мой сынъ, ковалѣжъ будяшъ!» А другого узбудивъ, гувѣра: «що табѣ спилося?»—А пошли ми, гувѣра, у тоа мѣсто, отъ у тоа и тоа урочыща, и выкопали лядо, да наѣляли проса. Дакъ просо наша уродило таклѣ, що Вожа, Вожа!—«Ты будяшъ, мой сынъ, пахаромъ!» А Микиту узбу-

днѣ: «що таби снилося?» каа. Микита сказау: мині нѣги мѣли, ■ ты туу вѣду пивѣ! А ѣнѣ гувора: «дуракѣ дурацкаа гувора!» И такѣ подѣ началу покували сакѣры и копаницы и почали лядо копать,—прѣжда усаго. А Микита увывшовѣ у клѣтѣ и надѣвѣ одѣжу мужицкуу, празныашнуу, и прышовѣ икѣ имѣ, и ходя сѣ посошкомѣ, дѣ яны работаять. И брѣ-ты гуворать: „поляди, гуворать, отецѣ, що ѣнѣ дѣлаа, у що ѣнѣ надѣв-са, дуракѣ?“ Отецѣ гувора: «нехай, моѣ сыны! не чапайты; ето яму такѣ хочатца, нехай пухѣдя!» Вотѣ жа ѣнѣ тамѣ ходя, а тудѣю была дорога большаа, шляхѣ. И ѣхали по той дорози купцы. И спрашуять у икѣ: «кто ето ходя? на барщини вы работаетя ето? прыгонный ходя у васѣ ето?»—Нѣ! ето, гувора, у мяне сынѣ такыѣ гулякѣ! Яны спрашуять: «якѣ жа ѣнѣ гуляа?»—А вотѣ такѣ гувора: мало вума у яго!—«Дакѣ продай ты намѣ яго, можа ѣнѣ намѣ сподобитца!»—Якѣ жа я, гувора, своѣ дитя продамѣ? А ѣнѣ гувора: продавай, татѣ; я ў тѣбе жыть не буду!»—Я не знаю, гувора, що за тѣбе просить!—А отѣ, гувора, дайтѣ аршынѣ,—у васѣ ѣ аршынѣ!» Купцы аршынѣ дали. Ёнѣ одмѣравѣ ямили аршынѣ шырыны и глубины кругомѣ. Выконали яму. «И насыпѣ грошны отцу мойму!» И выбравѣ самага луччаго коня у купцовѣ: «нѣ, отецѣ, гувора, ету лошадѣ, напы лядо сабѣ!» И купцы повязли яго.

И привязли саби купцы тѣя у домѣ. И за то ѣнѣ купивѣ, шо ня будѣ у яго дитѣ, сына пнядынаго. И пошла яму польза такѣа вѣйжѣт-ная сѣ куплянымѣ яго сыномѣ. И то были лавки, а то подѣлавѣ и на-газыны ўжѣ. И гувора ѣнѣ: «то, сынѣ Микита? ты гуляй, вибирай, —жаинѣ тѣбе я могу ўжѣ!» А ѣнѣ гувора: шо, батюшка,—я не могу жанитца, хочѣ дѣлитца. Ёнѣ гувора: «сынѣ мой, бязѣ шѣту грошныки бары, пи и гуляй, а дѣлитца не дѣли!» А ѣнѣ гувора: ня хочѣ пить и гу-ляти, а дѣлитца буду! Вотѣ узавѣ, отдѣливѣ яго, давѣ яму лавочку ху-дуу,—на ѣзругу. Микита провѣѣвъ годѣ, и другіѣ, дакѣ загнили ўсѣ то-вары у вотца; и Микита рашшырѣвѣся, у яго тургѣвля пошла. А етыѣ купецѣ подѣ курулевѣською вѣблѣстю бывѣ причѣненѣ. И вонѣ давай вы-думувать, протчымѣ купцѣмѣ говорѣти: «давай ми напишамѣ икѣ королю свѣдѣнія, шо купецѣ Микита пивѣ и гулявѣ зѣ нами, и ѣтаа говорывѣ, шо здѣсь-ня-здѣсь, на десятомѣ парствѣ и ў нѣкоторѣмѣ государствѣ ѣ куроль; и ў яго ѣ дочѣ прекрасная Марѣя Павловна. И ежали бѣ мяне куроль мало мальскаа шо попросивѣ, я бѣ за яго висватавѣ яѣ. Дакѣ ѣнѣ якѣ поѣдя, дакѣ бязѣ голови прыѣдя оттулѣ. А тѣ намѣ ня бытъ купцѣми, а бытъ старцѣми, ежали яго ни згубимѣ ми!» И написали и по-дали королю ѣтаа. Куроль трабуя яго: «що ты, гувора: купецѣ Микита? —я жѣ усикѣ васѣ жалѣю и жалѣю! якѣ жа ты, шо знаешѣ, чаму ты икѣ не гуворышь? Ты сѣ такими-то пивѣ и гулявѣ, и отѣ такіа рѣчы

говоривъ!» А ёнъ гувора: я етаго ня знаю! Вонъ гувора: «ня знаашъ ты, дыкъ вонъ у мене є мечъ: а табѣ голова съ плечъ!» Микита сказа: ну, курулевськаа вяличаство! найди ще одинадцать Микитовъ, такнхъ, якъ и я, якъ одинъ голосъ, якъ одинъ волосъ, и ўся порода таква! Куроль якъ ставъ шукать, дакъ только трохъ найшовъ у свуйк курулевствѣ.—«И такнхъ лошадей! якъ у мене батьковскій!» Ёнъ ставъ куплять, дакъ куплявъ по чужыхъ царѣхъ, да курулѣхъ, яшчѣ до дванадцати Микитовъ, якъ одинъ волосъ, якъ одинъ голосъ. И лошадей такнхъ давъ уснхъ, якъ у яго батьковскій. И посѣли на коней, и гувора: «ну, купецъ Микита: отправляйся у сваты!» А ёнъ гувора: нѣ, пусьти мене на тры годы у навуку!» Пусьтивъ на тры годы у навуку, дакъ ёнъ нхъ навучивъ разнаго мастьярства: и кулѣсы дѣлать, и карзты, и бѣлую посуду дѣлать и ўсѣ, що на свѣтѣ—разнаго навучивъ. Выходъ тры годы, дакъ и трѣбуа куроль. Прійхали яны къ королю уси дванадцать, на лошадахъ, и стали потѣ крылцомъ. И гувора куроль: «ня уво гнѣвъ вамъ, господа Микиты! а дѣ старшій Микита?»—ровныя лица, ничѣго не ўгадав. Вонъ признаѣ: «я є больший!» Ёнъ зовѣ къ сабѣ съ чесьтю пошировать. И пили—гуляли тры дни. И потомъ стали убиратца у дорогу, у сваты. И ёнъ гувора: «давай мнѣ, запрагай лошадей дватцать пѣять телеганахъ, и накладай усякаго мнѣ, —матеріалъ щобъ бувъ!» И отправляятца, у путь. И їдутъ яны, дакъ на путѣ злучылося яну, що два вовки на дорози и не раздѣлять голову коньскую. И гуворать: «купецъ Микита! раздали ты намъ сю голову! будомъ табѣ у вяликой прыгоди!» Ёнъ пувлявѣвъ *рассячѣть* голову. Микиты рассѣкли голову: одинъ поволокъ на той бокъ дороги, а другій на той. И вовки полягли їсть гололѣву. И ўйхали у лѣсъ, дакъ дужа больший пожаръ идѣ. Мурашка крычыть: «купецъ Микита, поретуй мѣє семейство! Поѣдьяшъ ты къ королю у сваты, у вяликой помочы буду табѣ!» Микита сказа: «Микиты! за мѣтлы и за вѣдры обретовать еѣ!» Обретовали муравѣвъ и поѣхали. Ёдутъ дальшѣ—зновъ пожаръ подымаецца. А прѣжда пожару бяжыть мышь и гувора: «купецъ Микита! выратуй ты мене, бо якъ поѣдьяшъ къ королю у сваты, я табѣ буду у вяликой прыгоди!» Купецъ Микита и перанѣсь еѣ чѣразъ пожаръ. И їдутъ далѣй, дакъ двѣ пчалы на 'днохъ тыватѣ бѣютца. И гуворать: «купецъ Микита! раздали ты намъ сѣй тывѣтъ! будомъ табѣ у вяликой прыгоди! Купецъ Микита злизъ, и самъ разрывавъ тывѣтъ пополамъ. И пчолы набрали мѣду и полятѣли безо спору. И прынтавъ у курулевськуу у вобытность.

И не дожжаючи дворца, поставивъ шатры сабѣ. Куроль вышовъ поутру ў раньни, и бача шатры. ■ посмылаа 'тъ сябе провѣдчыка: «иди, поляди, що это є такоа? ти якій чаловѣкъ злонравный, а й такъ акій?

Заявъ, бясъ спросу шатры поставивъ!“ И гувора провѣдчыкъ пришов-
шы: „кто такой ё вы? що вы бясъ спросу шатры поставили: ти вы ід-
чытя драку завести, а й що такоа?“ А Микита гувора: нѣ, гувора: ны
приѣхали у сваты! Ёнъ гувора, провѣдчыкъ: ээ! не такія приѣжжали, да
бизъ головъ побѣхали, а важъ и ѣхати нѣчаго! Провѣдчыкъ приѣхавъ икъ
королю и отвѣщаа: курулевсько вяличаство! ето приѣхали у сваты! Ну,
куроль гувора: вотъ и хорошѣ! Яны узали и пришли къ королю: узавъ
съ субою чатырохъ Микитовъ, самъ пѣтый. И пришли, королю чесьтъ
отдали, якъ луччы бытъ ня можно. И куроль много дивився: николи ня
бачывъ такоѣи злучаю, щобъ прышло пѣять чаловѣкъ, якъ одинъ волосъ,
якъ одинъ голосъ, и ростомъ усѣ якъ адынственно. И спрашуа ку-
роль: „кто жъ жанихъ тутъ?“ Микита гувора: я е жанихъ! Ёнъ за
себя сватавъ. Ёнъ пувалѣвъ узавъ дочаръ свою: выдала, гувора,
ты коли? ну только я старшы тебе, гувора, а ни видавъ! Мож-
но ёто бытъ: пѣять чаловѣкъ у водинъ вобразъ—различны немѣ? Я
думаю, що ня тыа сваты приѣхали, щобъ ни 'дать, а тыа, щобъ от-
дать! А яна гувора: пора, пора, батюнка, а ў тебе выгулялась. И стали
пить да гулять,—дакъ тры дни и тры нocy—магарычы пили. И ёнъ гу-
вора, Микита: «що жъ, батюшка,—коли будомъ вянчѣтца?» Ёнъ гувора:
«загадлю табѣ загадку,—отгадѣашъ—тогда!»—Ну, якую загадку?—Ё у
янае скірта пшаницы, дванадцать сажнявъ довжныи и шырыны, кругомъ,
щобъ ты яе за ночь змолотивъ и зѣѣявъ, и въ закромъ иссыпавъ,
скірти ня разворачуючы и сноповъ ня развязуючы!» Микита гувора:
«якъ жа ёто можно дѣлать такъ?»—«Ня дѣлаашъ такъ—бизъ головъ
вамъ ѣхати!» И йде ёнъ, Микита, журытна, у шатры у свод—утякати
треба. А мурашка стрыла яго и гувора яму: «купецъ Микита! иди у ку-
руля спреси—дирки забить у закроми,—чымъ забить, ти злонка, ти що,
а то й тымъ будишъ виновать, ёнъ вину и тымъ найдя, шо рассыпавъ!
И йди, ложысь спать—будя змолочано!» А мурашка была старшаа надъ
муравьями, не надъ однимъ своимъ, а надъ усіми была старшаа. Якъ
згукнула муравье, дакъ ня 'сталоса по дномъ нѣсть, а удвѣхъ по дномъ
вѣрю насылѣ, а по 'дномъ ни стало кѣжной. А мышыныя недоѣдки—
тратѣнки и икъ тратѣнкамъ клали, а половинки икъ половинкамъ. На-
заўтра ураньни прыходя Микита ись своими Микитами зновъ. Ну, куроль
спрашуа: змолотивъ?—Змолотивъ! Пошли, поглядѣли у закромы. И бача
куроль, шо, отъ, гувора: ёто цѣлнаа пшаница, а ёто половинки, а ёто
тратѣнки! Куроль себя и дивитца: нѣ, гувора: ёто яказъ хитрость
ужѣ приѣхала! И ставъ скірту разворачавать и снопы развязавать до
самія зямли. И не найшовъ ни одного зерня ни въ адыномъ снопу. И
пришлѣ домовъ да стали пить да гулять, зновъ на тры дни. И гуво-

ра дощы: „вот дочка! ня тья сваты прѣхали, щобъ ня 'тдать, а тья, щобъ отдать. А дочка гувора: пора, пора, батюшка! я у тѣбе загу-
лась ужэ! Ёнъ кажа, купецъ Микита: „ну, батюшка, вянчатца ужэ!\"
Нѣ, гувора: такъ няльгѣ: пошый чаравички ёй такія, якъ батьковскія, щобъ
такія мѣрой, и красю такія и вагѣй—щобъ на шали прыкинуть,—и не
смотрывшы! Микита гувора: якъ жа можно ето?—„Ня здѣлаяшъ етаго,
бязъ головѣ 'хати!\" Микита и пошовъ у свое шатры зажурывшыся, и
думалъ убяжать. А мышъ страхѣя яго и гувора: я ужэ прынясла табѣ
нѣхъ, иди жа, загадуй Микитамъ, пяхай дѣлягѣ! А Микиты навучаны были
усяго рѣмействѣ, яны могли усѣ дѣлать. И на такоу блюды и поднести
щобъ королю. И блюдо такоа щобъ булѣ. Микита повалѣвъ—дакъ за ночъ
и здѣлалъ усѣ—и чаравики и блюдо, и мѣрою, и красю, и вагѣю—осо-
бо чаравики звяжили, и блюдо особо, и умѣстьяхъ. И здѣлалъ и выва-
жили. Мышъ однясла, на мѣсти поставила. Микита пазатри ураньн
узявъ чаравики и пушовъ къ королю зъ Микитамъ. И прынѣсъ. поста-
вивъ. Куроль пувидѣвъ унести своё, и узали мѣрять мѣрою,—мѣрою ров-
ны, и красотою ровны, и на шали поставили—вагѣю ровны: и собо раз-
варнули, сами важыли—равно, и блюдо и чаравики—усѣ ядѣйственно.
Ёнъ и гувора, кордѣль: отъ дочкѣ, ня тья сваты прѣхали, щобъ ня
'тдать, а тья, щобъ отдать. А яна гувора: пора, пора, батюшка! я
у тебѣ загулялась тутъ! И яны пили три дни зновъ и три ночи, да,
гуляли. И ёнъ гувора: „ну, гувора, батюшка: пора вянчатца!\" Ага!
А ёнъ гувора: нѣ, зить: ещѣ табѣ загадку загадаю: надѣлай цѣркву
восковуу за ночъ, щобъ и звоны и попы, и здѣлай тутъ, на правоу
крылцѣ, щобъ ударили звоны, и я пропнувся и пошовъ на завутранъ, якъ
ударать у звоны! Микита гувора: «ти ёсть жа, гувора, ето дѣйствія
дѣ, що ты загадуешъ, ето жъ нѣту нидѣ!» Куроль гувора: ня здѣла-
ешъ етаго, бязъ головѣ по'дета! Ёнъ иде отъ короля, обратився, у
журбѣ у большой. Пчолы стрѣли яго и гуворать: «види, Микита, ля кры-
лѣ ложыся спать, якъ ударать узвоны, дакъ щобъ ты пражда бувъ у
цѣркви, чийсь куроль!» Микита пушовъ, лѣгъ тамъ нѣсь своими Микитамъ.
И пчолы здиали цѣркву восковуу—и звоны и попы. И ударили у звоны.
Микита уставъ и молитца Богу, и радуецца ужэ. И куроль прочувся и
не потпарѣзувавшыся, только халать надѣвъ на сябе, и дивитца сабѣ:
«що ето такоа? Избуваецца! Я жъ думавъ сабѣ, шо не бѣдѣ етаго ничо-
го у свѣти, шо я загадувавъ!» И отойшла завутранъ, началась обѣдня.
И у обѣднѣ повянчалисъ. ■ давай пить и гулять три дни и три ночи.
И тяперъ гувора: «батюшка, пора убиратца, домовъ 'хати!» Куроль гу-
вора: моя дѣчка ня можа на такой каретѣ 'хати, а здилай карету та-
куу щобъ вищала, и нищала, и крычала. А ёнъ, Микита, гувора: тако

я ня боюсь! у мяне майсытаръ своё, издѣлаю!» И здѣлавъ карэту и подъѣхавъ. Карэта тошню такава. Куроль гувора: що, такъ тошню, карэта такаа, да моя дочка ня можа на такіхъ лошадахъ ѣхать. А ёсть у нывѣдомыхъ лугѣхъ кобылиця, подѣ ёй дванадцать жарабцовъ, и на ихъ масть золотая да сярѣбраная, дакъ моя дочка на такіхъ лошадахъ можа ѣхать! Ёнъ узавъ и гувора: „хто жъ ето здѣлаа?“ гувора Микита.—А ня здѣлаешъ, зновъ бязъ головы пойдешъ, даржъ що звинчавшысь! У мене стурѣжа крѣпкаа! И ёнъ вишовъ, Микита, и у журбѣ ў большой, журытца. А стракають яго на дорози вонкі ды и гувѣрять: «купецъ Микита! бяры гнѣзду и йди вѣч на туу дорогу. Тамъ на той дорози стоить вярбѣ. Дакъ ты узлѣзь, на яе садися—мы навѣрнамъ яе къ табѣ! И вонкі навярнулі туды кобылицу зъ жарабцамі. Кобылиця прышла и стала часатца обѣ вярбѣ, и Микита бросился на яе зразу, на храбѣть. И стала яна яго носити, щобъ якъ нибудѣ скинути съ сябе. Микита ставъ яе бить мижъ вухай гнѣздою! И потудова бивъ, покудова яна отихла. Вонъ загнѣздавъ яе и сѣвъ и поѣхавъ. И жарабцы услѣдъ идуть. Ёнъ запрогъ у туу карэту и подъѣхавъ икъ королю. Куроль гувора: «що ето за чудо такоа? Я думавъ, що нѣту у свѣти такого! Вотъ, гувора, дочка: вѣрно, гувора, отдать трѣба!» А дочка гувора: пора, пора, батюшка: я давно у тебѣ вигулялася! И узали убиратца, укладатца, у дорогу ужъ.

И ѣдуть по дорози, дыкъ ёнъ и гувора, Микита: я не за сябе тябе висватавъ и звинчавъ! ето за короля за свойго! А яна гувора: съ кимъ звинчалася, съ тымъ и жыть буду! И ѣдуть по пуці, и тымца ёнъ прѣжда сябе бумагу къ королю: «вотъ, я ѣду ужъ, висватанъ курулеву, Марыю Павловицу!» А той купецъ, що купивъ яго, дакъ почувъ, що ѣдзя ёнъ, дакъ ёнъ написавъ королю: «курулевско вилчаштво! купецъ Микита якъ ѣхавъ сватать за тябе курулеву, дакъ ёнъ мѣвся: я зъ ёй буду жыть, а короля паравяду!» Куроль дождыятца яго и выкопавъ яму на пурѣзи у горнипахъ, на ухѣди, и насыпавъ жару. И сычасъ Микита якъ прыхавъ икъ горнипамъ, да увидивъ куроль и такія лошади и такуу курулеву изъ золотыми кудрами, и ня могъ тяриѣть, у воню глядя, и побѣгъ на стрѣчу и вваливъ у яму. Купецъ Микита ждждѣ (жде) дождаа, що куроль ня йдѣ? На ўстрѣчу нужно выйти, а ёнъ ня йдѣ? И Микита увийшовъ, и зирнувъ у яму, ажъ куроль у ями ляжыть выпроставшысь, и ня жывій. Микита спрашуя: що ето за случай такій. Яны сказують: ето ёнъ на тябе копавъ яму и пригатовавъ огня, жару; и вотъ, гувѣрять, зъ радости хотѣвъ тебѣ стракати, да самъ увалився, и ўтопився и пропавъ!—«Зарыйта яго!» повалѣвъ купецъ Микита. Узали, закопали.

И Микита живѣ спокойно, и ставъ курулѣнъ. И допросивсь, что я няне наводивъ это зло? Созвавъ купцовъ. Купцы отвѣчаютъ: это твой, що купивъ тебѣ, намъ оклятовавъ, шо ня бытъ намъ купцами, а бытъ старцами, а трѣба яго съ свѣту паравестъ!» Ёнъ узавъ, яго повѣсивъ. И живѣ спокойно тяперъ ужѣ сабѣ.

Яна, жана, спрашуя: «якого ты рода?» Вонъ гувора: «я рода мужицкаго!»—Ну, давай, гувора, поѣдомъ полядинъ свуйго курулевства, да я заѣдомъ къ огню къ твойму, посмотришь, ти живъ ёнъ? Ежале живъ, дакъ къ сабѣ возьмамъ, а померъ—поминатъ будомъ!... И объѣхали яны свод курулевство и црыѣхали у тѣа сяленія, гдѣ отецъ яго. И давъ ёнъ звать, «щобъ мини булѣ у такого старыка хватера на ночъ!» Показавъ на свойго отца. Отецъ живъ, братовъ ня булѣ, одинъ нсѣ старуюю. Началники гувѣрагъ: «вотъ къ таби куроль на ночъ жалаа по якойся давной дружби!» А старыкъ соуслихъ бувъ драхлий ужѣ. И узавъ и заѣхавъ ёнъ къ яму. И старыкъ хоча утукать отъ яго: «няхай самъ ночуа!» А ёнъ каа: якъ жа можно почавать бязъ хозяинна? это ня можно, йти нсѣ свойго дсму! И заночували. И стали ужинать давать имъ, и посадили старыка мижда себѣ и старуху. Куроль ижѣ жапою по крапхъ сѣли, а ихъ посадили посярэдини себѣ, и накормили хоронѣ. Хата ня большая. И послали постель королю, и заняли усю хату, ня можно пройти. И помыли яму ноги, и тазъ изъ водой поставили на прынячку. Ночы старыкъ захотѣвъ пить вельми, и у бабы спрашунца: ой, бабъ: я пить хѣчу! А баба гувора: «тяриш, дѣдъ пранцоватый! Сказано отъ старыхъ людеи: ня хотѣння ёстъ тяриѣння! тярий! Ты бачышъ, куроль ѡзлѣ сябе якій ножъ поклавъ войстрый! Якъ сѣканѣ, дакъ голова твоя злятѣтъ, якъ ступишъ на нѣ постель ногами!» А ёнъ гувора: я напьюсь нсѣ тѣдѣ мяски ясныя, шо яму ногѣ мыли! Яго ногѣ чыстыи! И узавъ пить. И узавъ руками, да шкрабнувъ. Дакъ тазъ той и зазвинѣвъ. А ёнъ и почувъ. И гувора: свѣтла! Сичасъ засвятили. «И шо такоа это?» А старыкъ сядитъ ракомъ надъ тазомъ. «Навокъ, голубчыкъ! Пить хотѣвъ, дакъ напився водицы!»—Да это жѣ вода, инѣ ногѣ мыли ёю,—яна нячыста!— «Нѣ, гувора: твоѣ ногѣ чыстыя, ета ничого!» Тогда куроль уставъ. «Вотъ, гувора: батюшка!—ты мой батюшка,—якъ ты закладавъ намъ, трошъ братіямъ, ложывшысь спать, и бѣльшого брата пробудивъ, и бѣльшой братъ сказавъ, шо я кую, кую, да някъ заводу ни отъ правлю, бытца ковалѣнъ ужѣ ставъ! Ну ты будашъ, мой сынъ, ковалѣнъ. А другого брата узбудивъ: шо табѣ снилось? Другій сказуа отецъ мой: у томъ и у томъ урочыщѣ выкопали лядо мы, да я настѣяли проса; дакъ просо уродило хорошаа. Дакъ ты сказавъ, шо ты будашъ пахаръ. А менѣ узбудивъ и говоривъ: шо табѣ, Микита сынъ, снилося? А я таби говорю:

що мии ноги мыли, и ты водѣ пивъ, туу, що ноги мыли. Дакъ вотъ ты же сягеночы напився!» Дакъ ёнъ гувора: «няужэжъ ты мой сынъ?» — «Твой, батюшка!» И стали убиратца яны, гдѣ ночавать. И издѣли ху-дуу одѣжу зъ яго и надѣли свою хорошуу одѣжу, и на старика и на старуху. И узjali и повязали съ собой. И живутъ тамъ, и веселятца, курулевствомъ управляють. И я тамъ бувъ, и мѣдъ-вино пивъ, и у роти ня було и по бородѣ не тядло.

С. Марковичи, юм. у. Отъ кр-на Филиппа Иванова Лапеки, негр. Говоръ смѣшанный, подѣ влїанїемъ живущихъ вблизи старообрядцевъ.

50. Премудрый Соломонъ.

(Легенда).

Нѣкоторыхъ царствѣи, нѣкоторыхъ государствѣи, стало бытъ ня у токъ, што мы живемъ, были сабѣ дѣт бабы удовы. У однихъ были колѣсы, а у другія была кобыла. И яны дружбу дужа одна съ одной вяли. И одна однаѣ давали то колѣсы, то коня ѣздить по дрѣвы. Отъ разъ тая по-ѣхала у дрѣвы, якѣй были колѣсы. Прїѣхала у лѣсѣ, на шаговъ дватцаѣ отышла, стала уже дрѣвы рубить. Нарубивши дрѣвъ, приходѣтъ къ кобыли. Тая кобыла жарабилася — ляжѣтъ жарабѣнокъ подѣ колѣсамы. И сама сабѣ рассуждае: ти гѣто кобыла ожарабилася, ти гѣто колѣсы жарабилѣ жарабѣ? Узѣла жарабѣ съ подѣ колѣсъ и потсадила подѣ кобылу. То, ащѣ жарабѣ поѣхало матку, такъ ина дрѣвъ наклала на туу кобылу, и вязѣтъ домовъ. и жарабѣтка тоѣ ядѣтъ подлѣтъ зъ маткой. Прїѣхала домовъ, дрѣвы тыя скинула доловъ, а жарабѣтка сховала. А товарищы кобылу повяли. Отдала ёй кобылу, тая кобыла дужа ржѣтъ по жарабѣти. Тады ина пошла у хлѣвъ, тая баба, чїя кобыла. Отлѣ-дила, што кобыла была жарабѣная, а тыперъ — дѣ ина дѣла, баба тая, жарабѣ моѣ? Тогда ина пошла къ ей: «дѣ ты дѣла жарабѣ моѣ? Кобыла была жарабѣная, а тыперъ нема жарабѣти!» А ина говоритъ: «гѣто колѣсы моѣ ожарабились!» — А зачѣмъ ты думаешъ, што колѣсы ожарабились? — А затымъ, што я подѣ колѣсамы нашла! Гѣто моѣ жарабѣ!» Тады яны зѣдѣтали шумъ большій, бабы тыя, стали битца, узѣлобки водѣтца одна съ однаѣ. Тады собрався народъ, я тыхъ бабъ развѣили. И не могли яны никто ихъ разобрать. «Ступайтѣ къ цару на рассудокъ!» Пришли къ цару, азѣ цара нема дома, — уѣхавши заграницу. Царица каеъ: «я васъ разбираю! Притягнѣти ко мнѣ колѣсы и жарабѣ, и кобылу, — я васъ раз-бярю!» И сказала узвѣсѣти на высокую горѣ, усѣ гѣто, и кобылу, и ко-лѣсы и жарабѣ. И тады сказала пусѣтитъ колѣсы, доловъ зъ горы зъ высокія. Тыя колѣсы якѣ залѣпали, бигучѣи зъ горы, и жарабѣ було ще

спляснѣ—яно троя судокъ на видѣть, якъ ожарабитца,—тодѣ жараба по-
бѣгло за колѣсами. Тады царица говоритъ, што колѣсы ожарабили жа-
раба! Тая баба бяретъ жараба, чѣ колѣсы. А тая дужа плачетъ, чѣ
кобила. А царица да была утѣжкѣ. И оказуетца у яе у серадѣни: «якъ
ты гѣто судишь, матушка? ты судишь, каеъ, по блудному, бо ты сама
блудная!» Тады ина раздумалася, царица: «коли ты гѣтакій вумница, у се-
радѣни, у черави, яине блудной потрѣскаеъ, позываеъ,—а тады, ты
яине будешъ и ладно потрѣскаваъ». А тады, теразъ три дни, якъ тѣй
судъ бывъ, бабскій, обѣ жараба, ина родила. Узяла и заняслѣ кухару на
кухню. Занясла и приказала: «и вотъ сичасъ, сей минутой, кабъ ты яго
зарѣзавъ!»—Ваша анираторство вялика! я тѣперъ занятъ—можета от-
правитца? Дакъ ина отъ яго пошла, съ кухни, а рабѣшачка тамъ покы-
нула. Ну, якъ ина отъ яго пошла ужъ, тѣй рабѣшачакъ каеъ: «пожа-
луста, каеъ, кухаръ—прикрый яине! Ёнъ яго накрывъ! Тады бдумалася
царица у свонѣхъ палацы: «прѣдѣть мужъ мой загранинны и скажеъ: дѣ
ты дѣла рабѣшка? што ты была у цехари, утѣжкѣ!» Побѣгла ина зновѣ
на кухню: ти ты зарѣзавъ рабѣшка, ти иѣ?» Цѣ!—«Ну, пожалуста жѣ,
кухаръ, бжѣ ты у городѣ,—ти не 'бродився хто небудѣ, распытайся.
Мы яго зяѣвнѣ!» А тѣй поваръ знаеъ, што ковалиха—коваль бывъ,
кузнецъ—што жонка была утѣжкѣ. Пошовъ ёнъ туды къ ей, аякъ ко-
валиха родила сына, Тогда ёнъ говоритъ: а дѣ твой мужикъ? Кузьня
была за городомъ. Ина яму отвѣщаеъ, ковалиха, отказуеъ: «што ты
скажашъ?»—А што жѣ я табѣ скажу? Што табѣ давъ Богъ, кай (кого)
ты родила?—«Родила сына!»—(Отдан ты яго царицы, на замѣну, а я
табѣ царскаго дамъ сына! Ина обдумалася, думаеъ: «што тутъ зрѣ-
бѣть?» А ёнъ ей, кухаръ, отвѣщаеъ: а вотъ жа, каеъ: твой сынъ бу-
дѣть царовати, будѣть царомъ, а царскій будѣть, каеъ, ковалѣмъ! Тая
обдумалася ковалиха: «гѣто добро будѣть! Бжѣ ты, приняси мнѣ
царскаго сына!» Ёнъ приходитъ у царскій палацъ, кухаръ и говоритъ
царицы: «нашовъ я такую бабу, што родила сына!»—У гѣто намъ и
дужа будѣть добро! царица отказуеъ. Тады: «бѣри жѣ ты гѣтаго сына
и няси ковалиси, а яе рабѣшка приняси ко мнѣ!» Кухаръ узявъ, яе сы-
на занѣсъ къ ковалиси, а ковалихнѣнаго узявъ, царицы повѣсь. Царица
кажеъ: «вотъ гѣто намъ и добро: прѣдѣть нашъ мужъ домовъ, царъ,
и узрадуецца, што намъ Господъ давъ сына мнѣ!» А ковалиха узяла сы-
на того, што поваръ ей принѣсъ и пошла къ ковалю къ свому, и яго
наўлоньни узяла, сына того. Подходить потѣ кузьню, а стояла тамъ пу-
ня ля кузьни. Ина яго у пунѣ положила и соломой накрыла. А сама
пошла у кузьню. Тѣй коваль и спужався: што ты пришла такъ? А у яго
на работѣ людей много було. Ина яго гукнула съ кузьни и кажеъ яму:

давъ Богъ мѣ сына, или домовъ! Ёнъ людей тыхъ, сказавъ: выйдѣти, братцы, съ кухни вонъ! Уси новыходили тѣя люди, а ёнъ кухню замкнувъ и пошовъ домовъ. Идетъ разомъ зъ ей, жъ жонкой, коваль. „Зайди жъ ты, касть, у цуню, возьми сына—и тамъ поклала, побоялася дома кинуть яго, дакъ я съ собой яго узала и поклала у цунѣ!“ Пытается ёнъ у жонки, коваль: гѣто жъ яго нема, касть, рабѣнка? Ина яму отказуеъ: я яго соломою накрыла! Ёнъ узинъ вилки деревянные, што скоту трасуъ кормъ, и ставъ яго шукать. „Отенъ кузыпецъ! ёнъ отымаетца, хлопчинка тѣй: обстырожило вилками порѣ—ия выколь мѣ вочи, бо я ляжѣ тутъ!“ Пошовъ тогда коваль у той мѣсто. дѣ ёнъ обозвався, открывъ солому и узинъ гѣтого сына на улонѣи и занѣсъ домовъ. Тогда пошовъ дѣ позываъ людей: «пожалуста, ходѣти ко мнѣ! Мнѣ Богъ давъ сына,—и прошу ваетъ на родинѣ!» А тогда пошовъ у каршмѣ, узавъ гарнецъ горѣлки. Принѣсъ домовъ и попросивъ бабку пупорѣзницѣ: «нерабабъ мнѣ, пожалуста, сына. попрошу я тебе!» Таа бабца яго перабабила. Ну, тогда ёнъ ихъ посадивъ за столъ, уснхъ, и давъ имъ горѣлки, и што Богъ давъ тамъ закусить.—Закусили. Яны яму подѣковали уси и разытѣлись. пошли по домахъ уси. Тогда уже говорѣтъ жонны, коваль тѣй, породиси: «а што, баба, коли кѣститъ будемъ?»—А што жъ: у святой день перакѣстятъ! Табѣ нѣколи у рабочѣи, дакъ у святой, у няѣлю! Тогда коваль пошовъ у городъ. Поговоривъ ёнъ съ своей бабой: сынежъ мы кумовѣ на свой домъ и позвоѣмъ мы пона, и перахрысѣтимъ мы у хати у своей! Дождаетъ ёнъ няѣли, пошовъ кумѣ призвѣтъ, а тогда и куна привѣтъ. Тогда сычасъ запрогъ коня своего и потѣхавъ, пона привѣтъ. И стали храсѣтитъ того рабѣнка. Пошъ касть: или дѣтъ Иванъ! А ёнъ отвѣщаетъ тѣй хлопчикѣ батьку тихимъ голосомъ, кабъ нѣшто ня чувъ: дай мнѣ, батька, ймѣ—Соломонъ! Говоритъ тогда коваль попу: зыѣлайтѣ отдолженѣи! дайтѣ яму имя Соломонъ. жана моя роѣла яго у соломи! Ну, перакѣстили яго, дали имя Соломонъ. Тогда почестовѣвъ ёнъ ихъ—пона и кумовѣ, и подѣковали яны яму, и потиравайдѣли яны по мѣстахъ по своихъ, кумы, а попу коня запрогъ.

Тѣй мальчишка стѣтъ рѣсѣтъ—не годимъ, али часажъ, не часамъ, али жинугамъ и выросъ большѣи. Отвѣщаетъ кузенъ, батька яго яму: «сынъ мой, любимый! треба пастуха наняти, скотъ насытитъ, а ты молодъ яшо!»—Ня трѣба, батька, намъ пастушокъ,—я буду гонѣтъ самъ на пѣсту! И былѣ старши яго тамъ малы на насыти, другихъ хозяиновъ. Яны яго гонѣють усѣ малаго—упародѣ, скотъ отворачавѣ, коровѣ. Обидно яму, што яны яго дужа гонѣють часто! Тогда ёнъ касть: насытитъ мы старшаго надъ пастушками! Больши яго тѣя были нѣкоторые. Тѣй каеъ: я буду! А тѣй каеъ: я буду! И у бологи тамъ *личники* близко

кричать—крихаюгь. Тэй Соломонъ каеъ: нѣ! тэй будегь старшымъ, хто унѣмѣть гѣтыхъ *люгашка*! Постави тогда пастушки кружка болота: «ну, буемъ, каеъ, казатъ, кабъ тишы,—сѣтихли кабъ люгашки!» Такъ усѣ пераказали, у порадокт усѣ малцы, што тишы! А тыя люгашки ня чувѣтъ гѣтаго, усѣ крахаюгь. Приходить до Соломона чарада, што яму трѣба сказагь: тишы! Якъ сказагь Соломонъ, што тишы! такъ яны и сѣтихли усѣ! Тогда сказагь: «отъ жа: я буду надъ вами старшый, бы яны мяне послушали!» Дакъ ёнъ и ставъ надъ ими старшымъ. И узавѣ, по разрадахъ коровъ разліяливъ—одному давъ синыхъ, другому давъ черныхъ, а третьюму бѣлыхъ давъ, чатывёртому давъ красныхъ, а пятому рабыхъ, бѣлы плямы, а сабѣ узавѣ рабыхъ, черны плямы. И котора поѣдегь напяродъ корова, тэй тогда бяжи отворачаватъ. И распасѣтигь дужа ёнъ скотъ, ставъ дужа сытый, зъ етой зъ яды, што ёнъ ставъ дужа хорошо ихъ насытитъ, и негъ и насытитъ. Распасѣтивъ коровъ, тогда каеъ: «ну, малцы! што будегь робитъ!» А яны яму отвѣцаюгь: ты жъ надъ нами старшый,—што намъ прыкажанъ робитъ? «Надратъ бярогь зъ бирѣзини!» Яны яго слухуюгь. И пошли у лѣсъ, надрагь бярогь. И начавъ ёнъ ихъ грамоти учить. Яму Господь такъ сказагь, што ты на што гленигь, дакъ ты усѣ и будегь знатъ; ёнъ такъ и грамоти выучисъ. И ставъ ёнъ тыхъ пастушковъ грамоти учить, яны грамоту писали на бирѣсини. И понаучавъ ихъ грамоти. И нѣшто ня могъ разобратъ, што яны писали, тольки ёнъ да малцѣ тыя, што ёнъ понаучавъ. Прыгнавъ домовъ скотъ, отчинивъ хлѣбъ, сказагь: «батька,—отвѣцаеъ ковалю: отъ, я научисъ грамоти и малцовъ понаучавъ!» Батька говоритъ: а хто жъ табѣ показавъ?—А я своимъ вумомъ выдумавъ,—што я дужа на свѣти вуница! Зыѣлай нѣф, батюшка, гнѣрѣ стральбу! Показавъ яму хорму, якую дѣлатъ стральбу! Батька зыѣлавъ яму туу стральбу. И узавѣ ёнъ сабѣ на пасту съ собой туу стральбу, погнавъ коровъ. И сказагь наноситъ дровъ. И якды дораво—што орехи растутъ. Яны наносили дровъ, большую граду. Тогда зацаливъ ёнъ ихъ, тия дровы; згорѣли тия дровы—оставсѣ гольки подпалъ. Ёнъ съ того пошлу настлавъ пороку и ставъ стралатъ на поля. Удивляеъца царъ: хто гѣто такъ лѣнаеъ, што у момѣ царсгви негъ гѣткѣмъ штуки? Сказали цару: гѣто ёсь у ковалѣ—ёсь ситъ Соломонъ, и ёнъ гѣтыя штуки работаеъ! Спрашуетъ яго яго къ сабѣ царъ позывагь: «дѣ ты гѣго научисъ, чиягъ гѣто ты покаеъ?» А ёнъ цару отказуетъ: я своимъ вумомъ могу на свѣти, што здумаю, то зробитъ! Цару стало гѣто, што ёнъ зъ нѣкаго колѣна, зъ нѣкаго поводу—што ёнъ гѣто не ковалъ. Приходить гѣтый царскѣй ситъ зъ вучилища, тэй, што прынѣ живецъ, и бярогъ ножъ, и зыѣлавъ дрывяный молотокъ, и зыѣ-

лавъ обпуги дровишныя. Царь тогда полилъ въ на гѣтыя штуки, и завя-
лѣвъ запрѣхчи коня и усадивъ съ собой гѣтаго сына и поѣхавъ на
поля. И каесть: сынъ! што бѣ на гѣтыхъ поли було? зѣлѣлатъ можно?
А ѣтъ яму говорить: поравшы, будеть лшаница! Вотъ ужэ парузамѣтно,
што не яго сынъ! Уѣхали у нуцу: што бѣ у гѣтой нуци було? пы-
таетна царь у сына.—Вырубить гѣтый дѣсъ и накластьи дровъ грады
большая, и попалить ихъ,—за гѣто угѣллы ковалѣмъ будеть бязъ клѣ-
поту. А помижъ гѣтыхъ лиѣвъ, што они высѣчаны, тѣя дровы, и узо-
раѣ ихъ, тую землю, и насѣить ячмѣню, дакъ то хлѣба будеть много!
Тогда царь вярнувся домовъ. Отвѣщаесть жанѣ царь, жонкы своей: «ня
мой гѣто сынъ! А мой сынъ, каесть, у коваля Соломонъ!» А жонка яму
каесть: «почимъ жа жѣ ты вѣдаешъ, што гѣто Соломонъ сынъ твой?»—
А потымъ я вѣдаю, што ѣтъ можеть вѣдеский дѣломъ займатца, вой-
вой! А гѣтый сынъ займаетна ковальский! Тогда яна на мужука каесть,
на цара: «почимъ жа ты вѣдаешъ, што ѣтъ займаетна ковальский
дѣломъ?»—А прыдѣтъ зѣ вучилища, дакъ ѣтъ дѣлаесть дровишныя мо-
лотки и обауги. Дакъ я не гѣтыхъ узнаю яго. И запрагавъ я ковя и
зѣлѣвъ зѣ имъ на поля и говоривъ яму, што на гѣтыхъ поли дѣлатъ
будеть? А ѣтъ мнѣ говорить: што вотъ можно на гѣтыхъ поли засѣить
жыта, ти наманишы, — хлѣба будеть досеѣтъ уснѣтъ войску. А у нуцу
поѣхавъ—поналить нуцу, дакъ будеть ковалѣмъ угѣллы доволн. Отъ я по
гѣтымъ узнаю, што гѣто ковалѣвъ сынъ. Кабъ мой сынъ, ѣтъ бы на
поли сказавъ, што вотъ можно на поли сооронѣтъ лѣкарн солдацкѣя,
ученья солдацкѣя! А царыца сказала цару: коли жѣ твой Соломонъ
сынь,—хай завтра коваль кѣтабѣ прыдѣтъ, и не на кони не пяхотѣй,
и не наѣвшыси, и не голый, и не подѣвшы, и кабъ голодѣтъ ня бывъ.
Завзавъ царь коваля кѣ сабѣ: «кабъ ты ко мнѣ завтра явишся, ранянь-
ко, и не на кони, и не пяхотѣй, и не наѣвшыси кабъ бывъ, и не го-
лый, и кабъ не сытый бывъ, и не голодный. А ня зѣлѣлаешъ гѣто,
дакъ я табѣ голову сьсякю!» Прышовъ домовъ да и плачеъ коваль.
Ажъ прыгоняеъ сынъ съ насты. «Што ты, батька, плачашъ?»—Зага-
давъ царь загадку! «Што за загадка?»—Кабъ завтра рано кѣ яху
явився я, и не на кони и не пѣшкомъ и кабъ и не голый и не на-
ѣвшыси, и не подѣвшы и не сытый!.. Соломонъ отвѣщаеъ матцы своей:
учни ты зѣ муки завтра кисляю, кабъ батька носѣнѣдавъ бязъ хлѣба!
Пераночаваншы, наварыла яна кисляю, ковалиха. «Ну, садѣся, батька,—
ѣжъ кисель!» И хлѣба яму не давъ Соломонъ сынъ. Наѣвся ѣтъ того
кисляю. «Зѣлѣвайся, батька, кабъ ты бывъ голымъ! Батька зѣлѣвъ одѣ-
жу усю доловъ, а ѣтъ теразъ ночь прыготовивъ батьку одежу. А яка
одежа—гѣто сѣтъ, што рыбу ловить, и батьку укрутивъ у тѣя сѣти. И

привёвъ ямѹ козла, Соломонъ ковалю, и сказавъ: «пѹмнѣжъ ногѹ козла ущамй и ѣѣ къ царѹ. Якъ прѣѣдѣшь, кабъ половина была на ганку козла, а половина у хати, то на пороzi и стой!» Такъ коваль и поѣхавъ.

Сичасъ являетца ѣиъ къ царю, коваль. Царь гѣто увидѣвъ, што ѣиъ ѣѣтъ, спрашуетъ: «хто табѣ гѣтакъ подѣѣлавъ?» -- А гѣто мой сынъ Соломонъ! -- «А што ты ѣѣвъ?» царь пытаетца у коваля. -- «Ѣѣвъ кисель бязъ хлѣба!» -- «Можашъ сабѣ, коваль, домовъ пѣти!» И отвѣщасть царь: якъ ты сабѣ хотѣла, а пѣтомъ, гѣто мой сынъ, Соломонъ. Такъ яна, царьца, и ажѣкла. Ничого яму не сказала. Тогда того сына, што дѣлавъ молотокъ и обшуги дрывинны, царь узавъ, ды ѣ вѣѣѣвъ вонъ за рукѹ съ свойго дому, съ хаты, и отвѣтъ къ ковалю. «На табѣ, коваль, твойго сына! гѣто твой сынъ!» Коваль яго повѣвъ, того сына, къ сабѣ. И вѣѣвъ запрѣхчи коней у саму лѣшину карѣту, у поѣздъ, ѣхавъ за Соломономъ къ ковалю. Спрашуетъ у ковалихи царь прѣѣхавши: «Ѣ сынъ Соломонъ? Ковалиха касть: узавъ хлѣба у торбочку и пошовъ!» -- Ни вѣдаешъ, куды пошовъ? -- Ни вѣдаю! Тогда царь разославъ по усімъ городу своихъ вѣрныхъ слугъ, разыскать Соломона. -- Яны яго ни дѣ не нашли. Приходятъ къ царю слуги: нема ниѣ Соломона! Тогда царь варадѣвъ людей больши и пославъ по усіхъ дорогахъ, кабъ яго найти дѣ. Здогонѣтъ яго яниѣстеръ царскій. Ёиъ видѣтъ гѣто, што яны вѣѣѣжуть яго къ батьку, ѣиъ доставъ тогда хлѣбъ свой съ торбы, сѣѣ, и ставъ хлѣбъ ѣѣти, и вошы бѣѣтъ на тѣи скорышцы хлѣба на самой. Што ты мальчишка гѣто работаешъ? -- А я старое выгоняю, а новое на-кладаю! -- А гѣто што робишъ? -- А гѣто няпрѣятелья убиваю! Тыя ми-нистры узли, отракѣся яго, поѣхали назадъ, што ѣиъ соусяжъ ниъ показався дурный малецъ. Попрѣѣжжали уси -- уси зѣ дорогъ, являютья къ царю. «Ну, пѣтъ Соломона моего сына?» -- Ваиа аниѣраторство ва-лико! пѣтъ ниѣѣ! А только бачили на дороzi дурного мальчика! Царь пытаетца: што жѣ ѣиъ работавъ тѣи малецъ? А ѣиъ на подворья, касть, ходивъ и хлѣбъ ѣѣвъ заразожъ, и достававъ вошы, на скорышцы бивъ. Гѣто, касть, дурный малецъ! тыя, што шукали яго. А царь говоритъ: А што ѣиъ казавъ? -- А казавъ, што старое выгоняю, а новое накладаю, и няпрѣятелья убиваю! Царь касть: «гѣто дѣѣѣствительно Соломонъ! тра-ба будѣ братъ!» Поѣхали, не нашли ужѣ у тыиъ жѣѣти яго.

Такъ батька царь оставивъ гоняща за нѣѣ. Пришовъ, наказъ съ прѣѣхавъ царьковъ, -- што дѣѣѣствительно сынъ твой Соломонъ тутъ у насъ, по-показуетъ ризныи штуки! Ставъ показавать, якъ на съѣѣги воеватца, по-дѣлавъ гражаты, стрѣльбы и ставъ порохи показавать якъ работавъ, зѣ якого дрѣва. А тѣ до яго друччавъ билѣсь, рукопашну, дрѣвожъ. И вачавъ шклы работавъ, шклы шклитъ; а дѣѣѣвно не будѣ шкловъ -- ко-

жай вокны запинали свѣтлой. И начавъ работать люстры, што самъ сябе чаловѣкъ увидаеть. А давно люстровъ нѣ было, и чаловѣкъ сябе ня видѣвъ, опричь якъ у воѣ. И разныя науки приставлявъ—якъ што дѣлать на свѣти. Тогда тѣй царь пославъ чаловѣка къ гѣтому къ батьку: „ѡтъ, вашъ сынъ Соломонъ разныя штуки приставляеть, показуеть, якъ на свѣти жыты!“ Запраганъ батька коней, поѣхавъ у тоя царство за сыномъ. А ѣтъ знавъ, што батька за нѣхъ прыѣдетъ. Дакъ ѣтъ увыйшовъ у другоя царство отъ батьки. Прыѣжжаеть батька, а яго нема. Пытаецца у того пара: «бывъ тутъ мой сынъ Соломонъ?»—Бывъ!—«А дѣ жъ ѣтъ дѣвса?»—Ня знаю, увыйшовъ каеть, отъ насъ! И ѣтъ по усимъ свѣту показавъ науки, къ батьку не являвшися. Покуль уси науки попоказывавъ по протчихъ царыкахъ. И ня звѣсно, сколько ѣтъ зямель обыйшовъ. Якъ свѣтъ вяликъ, такъ ѣтъ на усимъ свѣти показавъ науки, свѣтъ просвѣтивъ. А тогда обдумався домовъ,—явитца къ батьку назадъ. И наваявъ сабѣ звощика нѣхъ конѣмъ и наработавъ люстровъ, и прыѣжжаеть домовъ у свой городъ, дѣ батька. Разставивъ тѣя люстры на горѡди продавать. Ходила царыцна дѣвушка по городу и увидила тѣя люстры, покупала одно, невеличкое, можа яно тамъ съ чѣтверть кругомъ. И приносить яна у царскій дворець тоя люстро. И показуеть царыцнѣ: отъ, якую вещь я покупала на горѡди,—што у напамъ царствы нема! Царыца пытаецца: „а ѡсь у яго ящо большы?“—Ѣсь! И такія ѡсь вяличкія, што зъ яго дѣлеры можно составить, зъ дѣлеры вяличинѣй! Царыца сказуеть на дѣвку: пойдѣмъ съ тобою мнѣ къ яму! И пошли яны обѣдѣвъ по городу, и нашли яго, звощика того. И спрашуеть у яго: «продажныя у тебе гѣтыя вещи, люстры?»—А ля гѣтакыхъ лицъ не могу продать!—„Ли чаго жъ ты ня можашъ мнѣ продать?“ царыца пытаецца.—А ля гѣтакыхъ лицъ хто со мной нѣчь перасънить, тому и дѣрмѣ даю! Царыца обдумалася, написала яму лисямцо и дала: што я могу съ тобою сочинить—перасънить. А тольки яна не знаеть, што гѣто сынъ. Тогда яна написала бумагу, ѣтъ бумагу гѣту у кишѡнѣ. Отдавъ ей люстру саму большую. А тогда приносить домовъ царыца тоя люстро и пошла къ шужуку, къ цару. „Полянитка якую я у своимъ горѡди вещь покупала!“ Царъ приходить, смотрѣть—самъ сябе увидавъ. Ничѡго не казавшы царъ жанѣ, якъ увидѣвъ тоя люстро, пошовъ къ кучару и казавъ саму лѣпшу карѣту запрагать, лошадей шасътирыкъ. Сѣвъ ѣтъ и поѣхавъ у карѣти на городъ. И нашовъ ѣтъ сына своего Соломона и утѣрадовався такъ, што якъ своему воку—радъ, што сына увидавъ. «Сынъ мой дорогѣй! покуда ты будѣшь мяне мучить, по свѣту тягать за собой,—што я за тобой ѣжжу, шукаю тябе? По свѣту науки показуешь, а дома нѣ!»—Отъ, батька—на штожъ мнѣ: я тяперъ дома буду

жить, и й навуки буду разныя показавать! А звошкы подарывъ тѣя
уся вещи любстры. А сажъ сѣвъ зъ батькомъ у карету и поѣхавъ до
своего батьки у хату. «Сынъ мой любимый, рѣдны! Чого ты мене от-
рѣкса?» — А за тѣхъ отрѣкса, што мене хотѣла матка зарѣзати! — «А за
што ина хотѣла тѣбе зарѣзати?» — За тѣхъ, што я матку называю блуд-
ной! — «Сынъ мой любимый! ня трѣба говорити гѣтакъ на матку!» —
«Коли ина у правду гѣтымъ занимается, матушка наша! — А почаму
ты, сынъ мой любимый, гѣто знаеш?» — А вотъ табѣ, батюшка, посмо-
трыти: вотъ яе расписиска у мене у книжени! Осмотрѣвъ царъ по тѣй рас-
пискы, што дивсявительно сынъ правду говорити. Приѣзжаесть у дворъ,
матка и спознала, што тѣй, што продаваеъ у гороѣхъ любстры. Матка
й страшно стало, стыдно, што сама своей рукой расписку дала, што съ
сыномъ буду грѣхъ сочиняти.

Бѣтъ тогда распорядивси, Соломонъ, уся тѣя навуки дѣлать дома,
якъ по протчихъ царыкахъ: и ружжы и граматы и шкѣлы — усе. Тогда
сказавъ: батька, буду я жанитца! Батька яму позволити. Поѣхавъ бѣтъ,
высватався у протчихъ царствы. И дужа ина была пригожая, тѣя ца-
рѣвна. И бивъ у тѣхъ царевны тожъ само полюбовникъ, такъ само царъ,
опрѣчь Соломона. И того цара полюбовника яе называли царъ Давидонъ.
Приѣхавъ бѣтъ у сваты, прамудрый Соломонъ, — дѣюшкитъ батька пытаеца
у яе: «зи кого ты пойдешъ лучши, — ти за Соломона, ти за Давидона?
— Нѣтъ на свѣтѣ крашай цара Давидона, а нѣтъ на свѣтѣ мудрѣй Соло-
мона!» Тогда ина отвѣщаеъ батьку, што пойдеть за Соломона, ватымъ,
што бѣтъ дужа мудрый. Тѣй царъ Давидонъ тогда поѣхавъ отъ царыцы
отъ тѣя. А царъ Соломонъ ожанивси зъ ей. И по протчихъ по усяхъ
пославъ царыкахъ, што бѣтъ по свѣту ходивъ: «што вотъ, приѣзжайте
на свадьбу къ цару Соломону, што я вотъ у васъ бывъ, разныя навуки
показавъ, дакъ прощу вапны милосѣти къ сабѣ на высылы!» Такъ уся
царыки мѣрти тронуты и приѣхати къ яму на высылы.

И сѣли уся за столъ у порадокъ царыки съ протчаго царства. И
разговарувать сами собой: што нема на свѣтѣ милѣй, якъ жанъ! А дру-
гѣя царыки говоруть: што матка мила. А нѣкотѣрыя говоруть: «батька
милѣшый на свѣтѣ! И вѣрно ниhto такъ не скажеть, якъ батька али
матка!» А нѣкотѣрыя говоруть: жанъ вѣрно скажеть. И сами поимжъ
сябе спорку здѣлали. А бѣтъ, прамудрый Соломонъ гѣто усе слушаеъ,
што яны разговарувать. Тогда бѣтъ говорити: «я вамъ скажу заутра урани,
хто бѣтъ на свѣтѣ вѣрнѣй: ти жанъ, ти матка, ти батька — хто на свѣ-
тѣ вѣрнѣй бѣтъ. Якъ поуостаеъ, тогда скажу!» Пошли яны уся спать, ца-
рыки, а прамудрый Соломонъ жъ жаной ня лѣтъ спать. Вышавъ бѣтъ

вонъ, на гаюкъ на свой, ажъ явлетца ему голубъ. „Прамудрый Соломонъ! не кладися жъ жаною спать, бо не поадешь у царство нябесная, будишь грашный чаловѣкъ! Такъ ёнъ зъ ей и не клася. Цѣлу ночь такъ проходивъ, по своимъ покои ходючи. А заўтра ряненъко уставъ, помывся я Богу помолився, и пошовъ у стайню. И узавъ потъ полѹ сабѹ пугу, сховавъ, кабъ жонка ня видѣла. Тогда на жонку: „пойдемъ чайпить къ царыкомъ!“

А бывъ у яго, у Соломона, собачка маленький, и тѣй собачка побѣгъ зъ нѣмъ разомъ. Отвѣщаеъ нѣмъ Соломонъ: «я вамъ обѣщався сказать, хто на свѣтѣ вѣрный ёсь!» То протчія царыкѣй кичуть: «слушаемъ вась, бо вы вумныя на свѣтѣ ёсь!» Доставъ Соломонъ съ потъ полѹ пугу, сховавши ина была у яго. И сказавъ на собачку: служить мнѣ! Тѣй собачка дубкомъ ставъ перадъ нѣмъ и стойтъ. Тогда пугой дернуть. Тѣй собачка запищѣвъ и кинувся усиятъ подъ ноги, ховатца отъ яго. Ёнъ тогда крыкнувъ узнова на яго: служить мнѣ! Такъ тѣй собачка узновъ дубкомъ и ставъ перадъ нѣмъ, и слѹжить, ще й руки дѣжытъ, што—просьтъ. Тогда прымѣръ зѣдѣлать: узавъ, три рѣзы такъ пугой стѣбнувъ жонку помалѣньку,—только прымѣръ зробивъ—што жонцы покажытца? Жонка выскочила вонъ и закрывчала: заграчнѣти кѣнию! Запрали коний, ина и утякла отъ яго, поѣхали. Тогда ёнъ царыкомъ говорить протчимъ: «вотъ, вы учора разговарывали, што на свѣтѣ вярнѣй нема, якъ жонка: ётъ, и собачку бивъ, ёнъ мнѣ й служить ояты; а жонцы только прымѣръ давъ—и нинь отъ мене утекли, кинула! А никѣму ня вѣртя, господѣ цары! нѣтъ на свѣтѣ вярнѣй якъ собака—гѣто вѣрно слово я кажу!»

Тогда прамудрый Соломонъ прожывъ зъ батькомъ цѣлый годъ бязъ жонки. «Батька, дайтя мнѣ полкъ солдатѡвъ, пойду за жаною за своей, пѣхотѡй». — Сынъ мой любимый,—а дѣв жъ твоя жонка? батька пытаетца. — «А я такъ по своимъ вуму знаю, што нинь у цара Давидона,—утякла къ тому къ своему кавалеру, къ давному». Даетъ ему батька полкъ солдатѡвъ, и отправляетца ёнъ у походъ. Ишовъ ёнъ повтора года зъ нѣмъ и потхѡдѣтъ подъ царскѣй дворѣцъ, дѣ царъ Давидонъ жъ жонкой жыветъ. И зайшовъ у цуцу, и сказавъ на солдатѡвъ: ложытеса тутъ спать, а я одинъ пойду къ жанѣ! Прихѡдѣтъ ёнъ, а жана сидѣтъ на гаяку. Якъ увидала яго, такъ и заплакала: «што нѣтъ на свѣтѣ мудрѣй, якъ Соломонъ, и ты мене гѣтакъ обстраиваеъ перадъ парями!» Пытаетца Соломонъ у жонки: «а дѣжъ твой царъ Давидонъ?» А ина ему отвѣщаеъ: «у санѡти, пошовъ на совѣтъ!»—Ахъ, жана моя, сховай ты мене, кабъ царъ Давидонъ не зиявъ мнѣ голову доловъ шабляй! Ина съ скрынки узала олежу вонъ, а яго у скрыню усадила. И сама сѣла на

той скрини. Ажъ приходить царь Давидонъ съ санотомъ. Отвѣщаетъ яна яму, Давидону: «ти ёсь на свѣти пригожэй, якъ царь Давидонъ, ти ёсь на свѣти мудрой, якъ Соломонъ?» А ёнъ отвѣщаетъ, царь Давидонъ: што ёсь на свѣти пригожэй мяне люди, а только нѣту на свѣти мудрой Соломона! А яна съмѣтна зъ естаго, жонка: «што ёнъ за мудрый, што у мяне подъ ж. сидѣтъ!» Царь тогда кажитъ: «што ты кажашъ: гато няуправду!» Яна подымаетъ скриню, отчиняетъ—ажъ сидѣтъ у скрини царь Соломонъ. «Чого ты, Соломонъ, гато пошався у скриню?» царь Давидонъ яго спрашуетъ.—Муситъ, судьба моя такая, што мяне у скриню жонка сховала!—«Ну, лѣзь вонъ изъ скрини!» Ёнъ выльѣзъ вонъ. И братья шаблю царь Давидонъ и хочеть яму голову зрубить, Соломону; отчаго ты нападеныямы прынось къ жойн жанѣ! А ёнъ отвѣтить, царь Соломонъ яму, цару Давидону: акій ты, царь Давидонъ, будешъ, што ты отинъ на дингъ голову зрубить жанѣ? Ты зибяры на-родъ, воеько свой, и чорный народъ—простыхъ, ня воинвоъ, усихъ кабъ зазавать усѣ сво царство, и зыслай шыбялницю, и ты пошѣсь прамудраго Соломона на шыбялницы. И табѣ тогда бучеть лахвы, што ты повѣснѣ такъ прамудраго Соломона. И зыслай три пятайс: шавкѣвую за пшю, пшчкѣвую за сярѣину, а зъ ляхъ зыгнѣ за ноги—кабѣ гатыя были пѣтели! Гэтыи царь Давидонъ собравъ увесь народъ, усѣ царство и подѣлавъ гатыи пѣтели. А жана яму отвѣщаетъ: ня слухай Соломона, руби яму голову, бы ёнъ своей худроствю увыидѣть отъ насъ! Ёнъ узавѣ, и послухавъ яго,—не рубить яму головы, а лѣви пошѣну, кнѣтъ. А у царицы была дѣвушка—и таа говорытъ на цара Давидона: руби доловъ яму голову, бы ёнъ увыидѣть отсюди своей худроствю. А царь Давидонъ послухавъ яго, ня зрублюеть яму головы. И увесь народъ собравъ къ шыбялницѣ. И прыякли цара Соломона. Ёнъ отвѣтить цару Давидону, царь Соломонъ: а саяъ сабѣ шавѣну пѣтели на шмо и за сярѣину, и за нѣгя, и саяъ сабѣ соскѣчу съ уступу, зъ ганѣ съ тѣй, и пошѣнусь. А тольки царь Давидонъ, позволь жанѣ поиграйтъ у жулѣчку тры разы! Ёнъ яму позвольтъ: поиграйтъ сабѣ перадъ съжергѣ! Такъ ёнъ и зайгравъ у жулѣчку. Тольки Соломонъ зайгравъ,—такъ народъ ставъ драмать увесь. Якъ зайгравъ другій разъ, такъ народъ поклонѣся. Якъ зайгравъ трѣть-тій разъ—такъ схашно заснули, усѣ—и воеько, и народъ, и царь Давидонъ заснувъ, и жонка заснула, и дѣвка заснула, усѣ заснули. Якъ тольки заснули яны усѣ, то царово Соломоново воеько у сей жа мнунтой наскѣчили туды. Тогда царь Соломонъ отвѣщаетъ своей поську: рубити гато воеько яго усѣ, тольки не чанать чорнаго народу! А тогда, якъ порубили гато воеько, яго ужъ воеько обнядо.—тогда ёнъ цара Давидона бѣднѣ, Соломонъ: «уставай, царь Давидонъ! што ты сынишь?

пора мяне вѣшать!» Поляціть царь Давидонъ, ажъ яго воська ни дню-го неха солдата, а усё наступило Соломоново. Тогда ёнъ и говорѣть жонцы, царь Давидонъ, пропнувшыся: правду ты казала, што ёнъ своей мудросты увѣдѣть. Тогда царь Соломонъ цара Давидона: пятлю на шыю шовковую, а жонцы пянковую, а дѣвцы лыпную—и повѣсияъ ихъ усихъ тронхъ. А тогда распорядився съ тымъ городомъ, што забравъ ёнъ царство другая, и поставивъ начальство у тымъ городи свой—распоряджатца. А самъ отпавився къ батюшку, у свой дворъ, къ родному. *)

Ажъ сустрыкаець яго Сусъ Хрыстосъ, цара Соломона. «А дѣ ты бывъ царь Соломонъ?» — А я бывъ, повѣсияъ цара Давидона жъ жонкой и жъ дѣвкой—усихъ тронхъ повѣсияъ! Спрашуетъ Сусъ Хрыстосъ: «а куды жъ идешъ, прамудрый Соломонъ?» — Иду къ батыку! — «Ходи ты со мной, прамудрый Соломонъ!» — Сусъ Хрыстосъ на яго говорѣть. Такъ ёнъ и пошовъ жъ нѣтъ.

Приходять яны къ неку. Сусъ Хрыстосъ якъ духицѣвъ своимъ духомъ, такъ усю дьябли поутыкали съ нека. Ёнъ забравъ, Сусъ Хры-

*) *Изъ дер. Городокъ, зибричанской вол. климовиц. у.* эпизодъ этотъ передается такъ: «Стадо бытъ, премудрый Соломонъ у отца росъ-тисся.» Хочетъ отецъ его сженить, указываетъ невесту, но Соломонъ самъ избираетъ себѣ невесту, «у тикомъ то царствы у короля дочку.» Отецъ знаетъ, что у дѣвушки есть „полюбовникъ“, и говоритъ Соломону: „Иѣ, мой сынъ,—ни за кусъ хватаешься, ты тымъ кусымъ выданишься!“ — Шычажу такъ? — „А ты у тия дѣвушки подъ ж. будишь сяцѣть!“ — Ну, это мой сѣлю! Оженивися...» Черезъ подѣлю молодуха побѣхала къ род-нымъ въ гости, да тамъ и осталася, у любовника. Сусѣти нѣкоторое время, Соломонъ ѣдетъ съ войскомъ за женою. Условившись съ войскомъ относительно сигналовъ, онъ оставляетъ его въ десяти верстахъ отъ го-рода, а самъ ѣдетъ къ жонѣ. Та пьетъ чай и принимаетъ его «до чесь-ти». На дворѣ показывается любовникъ. „Аѣ, вѣсть съ самоту хы-зявнѣ етыго дому!“ Ну, дыкъ што? — «Дыкъ ёнъ ни залюбить, што ты тутъ!» — А іцѣ жъ миѣ сѣтца? — «Пылзай у сундукъ!» Является хозя-инъ. Она сидитъ на сундукѣ. «А што бѣ, мой милый, ты зысѣлывъ, кабъ мой шумъ прѣхивы?» — Я бѣзъ него сѣйчасъ ну куски нурубнѣ усыго! Она соскочила съ сундука и открыла. Тотъ выхватилъ саблю: ползай вонъ! А Соломонъ: «ахъ ты вушый, вяжикъ книзъ! ты нѣтъ руссужденія въ себѣ, што понався табѣ у руки прамудрый Соломонъ! Ты мяне ни руби, а подговъ високій кипажъ, ды вязи мяне ва пѣли, ды поставъ висиль-ницѣ высокую, ды сыбари усю начальство, усю выйска, ды мяне повѣсь ва висильницы,—дыкъ табѣ буецъ пыхналъ: што ты повѣсияъ прамуд-раго Соломона!» Тотъ такъ и сдѣлалъ. Передъ смертыю проситъ Соло-

стость, уси думы и повѣтъ съ некла вонъ, а Соломона узавъ, замкнувъ у некли одного. «Уси Хрыстѣ Сыни Божий! што вы мяне покинули одного?» — А ты своей мудросью отъ гатуль утячешъ, и упярѣдъ за мяне будешъ у царствѣи небесномъ! Прамудрый Соломонъ нашовъ таяъ топорокъ у некли и нацѣлавъ колчикоъ и зыцѣвъ одежу доловъ и разобрать по нитоцны, и навить шнуровъ. И царь Соломонъ по неклу давай планы разводить. Присмлаеть анцыпаръ на двинатпять головъ — дѣбла съ одной головой: «а сходи у некло, поляди, што тамъ дѣтца?» Прихдѣить дѣболоъ — якъ только одинъ Соломонъ. «А што ты тутъ ро- бишь, Соломонъ?» дѣболоъ яго пытаецца. — «А буду разводить плавы! Мнѣ Сусъ Хрыстосъ сказаъ, кабъ и поразводивъ планы тутъ. На пра вомъ боку субѣръ будеть цѣрква, на лѣвомъ боку католицкій будеть косягѣль, а посяродъ некла будеть Присвятая Матяря Вугуродныцъ стой- ня!» Дакъ усѣ некло Соломонъ и занявъ. Дѣболоъ политьвъ къ анцы- пару и кажить: запыто якъ усѣ некло, занявъ прамудрый Соломонъ: на правомъ боку субѣръ будеть цѣрква, на лѣвомъ боку католицкій будеть косягѣль, а посяродъ некла будеть Присвятая Матяря Вугуродныцъ стой- ня! Зазываецъ ёнъ къ сабѣ, анцыпаръ на двинатпять головъ, къ сабѣ Соломона. «Што ты тамъ зыцѣлавъ у некли?» — А поразводивъ планы, усѣ некло занявъ! — «А чаго ты, каецъ, застанся тамъ?» — А жине Сусъ Хрыстосъ покинувъ! А ти вѣдаешъ, анцыпаръ, — я на яго дужа не спокоея! якъ ба мы, анцыпаръ, — ты тыкй мудрый, и я не плохѣй — якъ бы мы зыцѣлали, кабъ Суса Хрыста закували у зыцѣзы? Отвѣщаецъ яму анцыпаръ на дви- натцать головъ: «ты жъ-тки прамудрый Соломонъ: порай, якъ дѣлать!» — А вотъ якъ: двинатцать прутовъ зыцѣза, и по дватцать чатыры пуды

монъ позволенія повеселиться и заигралъ на рожкѣ, подавая сигналъ своему войску. «А у тыхъ царствѣи ни знаюць, якъ у рожокъ играть. Уси и зашвицались». Потомъ Соломонъ предлагаетъ загадку, увидя, что его жена везетъ въ своемъ экипажѣ любовника къ жѣсту казни: «господа, жена везетъ въ своемъ экипажѣ любовника къ жѣсту казни: рассуди етъ суди: пусть лопыць ширидокъ выветъ, — а чаго чортъ усъ- лѣдъ задокъ нясетъ?» Тѣ не могутъ рѣшить. Идетъ Соломонъ къ ниж- ней петлѣ. «Ти въ это сило мнѣ лѣзъ?» — «Нѣ, лѣзъ у верхнее». Снова игра на рожкѣ, «передъ смертю». Потомъ третья петля и третья игра на рожкѣ. Пыль отъ его войска закрываетъ небо. «Соломонъ, ты тамъ високо, — што это за пыль?» — А это ангелы летятъ ны мою дупу! Окру- жило его войско цѣпью всѣхъ. Приказать Соломонъ выку повѣсить жену, а надъ нею любовника: «я выдъ тобою сяцѣвъ, а ты повѣсишь передъ любовникомъ!» Забрать царство, поставить тамъ своихъ на- чальниковъ, а самъ поѣхать домой.

кабъ було у кáжимъ прутѣ. И скувати зялѣзы ! Ну, дѣябли сычасъ гэты зялѣзы кують и нацѣляли ланпутѣ и шрубы, позакручивать зялѣзы тыя. И у сѣтянѣ покрутили шрки, дѣ дѣябли живутъ, у тыхъ муру. И сказаъ прамудрый Соломонъ: «ты, каеъ, сѣлянъ дужа,—на анцыпара—а Сусъ Хрыстосъ сильнѣй тѣбе. Окуйся ты упѣрадъ, анцыпаръ: коли ты не порвешъ, ты й ёнъ не порветъ зялѣза! Такъ ёнъ яго и окуваъ и позашрублываъ крѣпко, того анцыпара. „Ну, тыперъ, анцыпаръ, прва-нѣся крѣпко! Коли не порвѣшъ, то и Сусъ Хрыстосъ не порветъ!» Тогда ёнъ якъ трыпцнувся, анцыпаръ тэй на двнатцать головъ, такъ зялѣзы зацѣржыли, и кипулась у яго кровь и зъ вушъ, и зъ роту, и зъ носу, отусюль—у дѣябли, што дужа тѣразъ силу ужъ првануъ. „Ну, тыперъ Сусъ Хрыстосъ ня ‘торветца! Коли ты не порваъ, то и Сусъ Хрыстосъ не порветъ! Тогда отвѣщаеъ дѣяболъ Соломону: „отыкай мяне!“ Тогда Соломонъ узняъ, своей рукой пораксѣтѣвъ яго во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь, и сказаъ *аллилуя*. Такъ ёнъ и увився у тыхъ муры дѣяболъ.

Тогда яго дѣябли узняли и скинули, прамудраго Соломона, доловъ съ лѣкла. И ёнъ помѣръ — ударывся дужа объ зѣмлю и помѣръ. И дѣтки яго, пастушкы, найшли на полі, и узняли яго и поховали тыя дѣтки, прамудраго Соломона. И ёнъ ставъ у царствѣ нябесномъ. А Сусъ Хрыстосъ пошовъ на небо на Упсѣся (Вознесѣнѣ), на Тройцу, на Духа. И разговоръ съ Соломономъ жѣвъ. «А што, кажыть, Соломонъ: я табѣ казавъ, што будешъ упѣрадъ мяне у царствѣ нябесномъ! Ажъ во, ты ужъ тутъ, а я посля тѣбе прышовъ».

А перадъ концомъ сьвѣта, дѣябли отгрызутъ зялѣзы тыя и анцыпара того выпустятъ, и ёнъ сойдѣтъ доловъ на зѣмлю, и народѣтца жъ жыдовкы Масѣашъ, и яны будуць дѣйствовать обѣдвы на гэтымъ сьвѣтѣ, будуць расиораждѣтцы. И ня будѣтъ уроды перадъ концомъ сьвѣта. И яны будуць бѣзыгнѣ и будуць зхунать народъ: «нѣти вамъ золота и хлѣба, потѣснѣтѣся подъ насъ!» И тэй анцыпаръ скажыгъ, што—я вапъ богъ! И крыкнѣтъ анцыпаръ: облѣкы, спустѣтѣсь! И ёнъ на ‘блѣкы становѣтъ и скажытъ: я пойду на небо! И увѣйдѣтъ ёнъ на повсѣтъ на блѣкахъ, а Господъ поплѣтъ ангала зъ вяликимъ зъ зялѣзомъ и скажытъ—ударытъ анцыпару у груди зялѣзомъ, кабъ наскрозъ пробивъ яго. Ёнъ полѣтѣтъ доловъ назадъ. И кинѣтъ Господъ за нѣтъ, за ‘нцыпаромъ, сонца и мѣсяца и двѣ часьты звѣздовъ. И загорытца зѣмля и вода, я копецъ сьвѣту будѣтъ.

С. Стобцы, *мисининской вол. сѣмн. у.* Отъ кр-на Прохора Григорьева, 54 л., пеграм. Интересное дополнение къ легендамъ, даннымъ въ IV выпускѣ «Вѣл. Сборника».

Въ д. Усохской Бувь, краснобудской вол. юмелск. уезда, отъ крестьянина Кузьмы Сем. Морозова записанъ слѣдующій варіантъ:

„Бувь парь Давидъ; у царя Давида было семдесятъ семь жонъ. И начинается у яго сынъ прамудрый Соломонъ отъ первыя жонки. Типерака, позмычила одна сестра у другія — мужычка — горшокъ. Поставила яна позычаный горшокъ на прыпячку, курыца узятъла и разбила. Вона говора: отдай мой горшокъ! — А, моя сестрица: горшокъ разбитый, курыца разбила! — Ну, ты мнѣ заплати! — Вона кажа: за што табѣ платить, дярмо? И удырала яе тожъ по вуху. Таа подняла крыкъ и пошла на судъ къ царицы Давидиси: побила, каа, мне за мой добраа! Сказала царица: «якъ жа ты можашъ узыскавать за такая дярмо, за горшокъ? Бя яе по ўху еще разъ!» А Соломонъ, значитца, у цузи сѣдючи, говора: «што ты, блудная, за блудною тягнешъ! Ня можашъ распорадитца, а ще за яе добро нѣ бьешъ? Вона тогда говора: „погоди жъ ты, коли ты такой, што щѣ не родився, а уже блудной узымаешъ!“

И когда Соломонъ родился, она завязала его въ пеленки и кбросила въ «провалья». Пробыль онъ въ «провальи» двѣнадцать мѣснцевъ, и выросъ такъ, какъ за двѣнадцать лѣтъ. Тогда явился онъ въ городъ. Царь Давидъ начинаетъ его «узнавать». Велѣлъ запречь карету серебряную и возить по своему царству: «хто ету карету оцнѣю, того бярыта до мене!» Взяли посланцы съ каретой двѣнадцать сутокъ, не могъ ее никто оцнѣить. Возвращаются въ городъ, «сидить» нищій, фетъ корку хлѣба и «шукая у головѣ». — «Што йто ты дѣлаешъ?» — А старъ(рь) выкладаю, новъ(вь) накладаю, злого побиваю! — «Старыкъ, оцнѣй нашу карету, — што яна стѣя?» — А якъ не подъяси, за яшнаа лѣсту оддаси! — „Э, дѣранъ ты старый!“ И поѣхали къ царю.

„Нихто ня могъ оцнѣить карету, только старайъ сказакъ, што якъ не подъяси, за яшнаа лѣсту оддаси!“ Ёнъ кажа: было брати яго, ето прамудрый Соломонъ!... На другой день посылаетъ на базаръ разбитый горшокъ: «хто етый горшокъ залатаа, того бярыта до мене!» Носили цѣлый день, никто не взялся. Вечеромъ является майстеръ: «я залатаю, только якъ жа налицо латку класть? Ниситя къ цару, нехай вывирня гортокъ навыворотъ (на изнанку), тогда я залатаю!»

На третій день Давидъ посылаетъ искать, «хто ему ерусалинь достроя. Соломонъ собравъ одинѣцать такихъ, якъ самъ: волосъ у во- строя, волосъ у волосъ, лицо у лицо: казавбы одна мать родила. Прихо- дятъ яны къ цару и говора: царь Давидъ! ня вамъ храмъ достроить! И стали строить. Якъ одна рука, строить. Давидъ питая: хто у васъ старший? — Ми ўсѣ ровниа! Царъ и не разобравъ жижъ ихъ Соломона. Кончили яны суборъ, якъ чугуъ (котель), безъ верху, и просятъ ра-

цоту. «Що жъ у васъ верху нема?» — А коли намъ верхъ ковчигъ, дакъ ты скоро похрѣстѣ! — Ну, що жъ, братане: дакъ вагъ рашотѣ, побѣдай-тя у мене!» И зайятивъ ложки адѣлатъ по аршыну: «якъ яны будуть обѣдаты, я угадаю!» Сидѣли яны одинъ наупротивъ другого, брали ложки за концы и одинъ одному давали бѣсть чаразъ столѣ. Царь глядѣвъ — глядѣвъ, и не угадавъ. «Скажыти ны хибъ, господа майстры: хто въ васъ прамудрый Соломонъ?» — А вотъ я, отецъ мой, прамудрый Соломонъ! Бѣтъ яго цаловавъ, миловавъ и узивъ къ сабѣ.»

Черезъ пѣкоторое время царь насильно оженилъ Соломона и самъ умеръ. Соломонъ цѣлый годъ спавъ съ женою спива къ спивѣ. Тогда она написала своему прежнему полюбовнику, чтобы онъ увезъ ее отъ Соломона, — она прикинется умершею, — а Соломона попросила поставить ее послѣ смерти на три дня въ церковь. Прикинулася она умершею, Соломонъ закопалъ ей руки желѣзнымъ обручомъ и поставилъ въ гробу въ церкви. Полюбовникъ ее укралъ оттуда.

Тогда объяснился на Соломона война: на островахъ птицы зѣзляными дубками глытають людей.» Онъ собралъ войско, вооружилъ его желѣзными цѣпами и «выбивъ туя птицу, только третья часть осталась у пашеры, и сказавъ: трыжды будишь ты прѣклята, коли полятишь зѣ этого мѣста! И понадявѣвъ кули соломяныя у пашеры, и обставивъ пашеру кулями, и коло кулей поставилъ зялѣзныя цѣпы. Таю птица якъ зирнѣ, да й опять назадъ у пашеру подѣтъца.»

Потомъ Соломонъ раздѣлилъ свое войско на три «роты». Первую одѣлъ въ черное платье съ рогами, вторую въ красную, какъ жаръ, третью въ червоную, какъ кровь. Спряталъ ихъ подлѣ города полюбовника, а самъ пошелъ къ бывшей женѣ. Та, угостивши, прячетъ его въ стеклянный шкафъ. Приходить ея мужъ. «А що бѣ ты здылавъ, коли бѣ до мене прамудрый Соломонъ пришовъ? — А пошли бѣ, погуляли, тогда бѣ голову зыняли!» — «А вонъ жа тутъ!» — А дѣ? — «У шкахви!» — «Давай яго сюды!.. Ну, пошли, погуляли.» — «А я табѣ голову зрублю!» — Дуракъ ты: якъ ты можашъ страннику поччи голову рубить? Ты издѣлай дѣи шыбляны — одну шовковую, другую няньковую, и сукни свои черъ(ръ), щобъ видѣли, якъ ты будешъ мене мучить!... Тотъ такъ и адѣлатъ. Предъ смертью просить Соломонъ позволенія «потрубить три разы у рожокъ, съ своей стороны попрощатца.» Ему позволили. Протрубилъ онъ разъ, является черная рота. — «Хто это?» — Это смерть моя! Протрубилъ другой, является красная рота. — «А это хто?» — Это кровь(въ) моя! Протрубилъ въ третій разъ, явилась червоная рота. «А это хто?» — А это нселя, будутъ мою душѣ брати!... Окружали войска черъ и перебили. Дѣсна повѣсилася въ пеньковой петлѣ, мужъ ея въ шовковой. Въ заключе-

ніе Соломонъ говоритъ: «буди трижды разъ проклятъ, хто на твоей землѣ населитца...»

По варианту, записанному въ с. *Саломѣвичи* черниговскаго уѣзда, Соломонъ былъ обхитренъ матерью на сына прачки, родившагося одновременно. — По отвѣту, что изъ лѣса можно угля выжечь, отецъ узналъ, что выдаваемый за его сына есть сынъ прачки, а его сына отдавъ прачкѣ. Тогда Соломонъ скрылся и явился подъ видомъ сопиваго мальчиги и старца нищаго. Отецъ ищетъ его при помощи золотой кареты и данныхъ ложекъ. Соломонъ уходитъ къ бабѣ ягѣ и тамъ сватаетъ ей дочку, которую раньше любилъ «чортъ». Въ отмщеніе за это, чортъ укалываетъ Соломона отцовскими посланья. Но ихъ прогоняетъ теща его — баба-яга. Соломонъ «представляетъ разные мудрости, утѣхи». Между прочимъ, онъ сдѣлалъ скрипку; но никакъ не могъ заиграть на ней. Старый чортъ научаетъ его музыкѣ, требуя отъ него за это душу. Соломонъ вкладываетъ въ скрипку кусокъ дерева и когда приходитъ срокъ расплаты, отдаетъ чорту этотъ кусокъ дерева, какъ душу скрипки.

Потомъ Соломонъ идетъ къ отцу и играть у него на свадьбѣ. Отъ его игры никто «не усеѣдникъ и не усеѣжикъ, пустились у его скакать, и люди, и собачки, гуси и куры, и все тварь на землѣ». Отецъ напоминаетъ его стережъ свой садъ, и ночью идетъ проверять, хорошо ли онъ стережетъ садъ. Соломонъ уже не въ образѣ старца-нищаго, а въ обыкновенномъ видѣ. Происходитъ признаніе. Отецъ плачетъ отъ радости и передаетъ сыну царство. Соломонъ царствуетъ долго, «премудро разводя обиды каждому. И все звѣри яго слушались.»

По варианту *Кизимирослободской вол. меншлянского у.*, Соломона, сына царя Давида, берутъ подъ арестъ за дешевую обфилку золотой кареты, потомъ судить въ синодѣ. Здѣсь онъ доказываетъ, что нища и сонъ для человека дороже золота. Его освободили. Затѣмъ прибранъ известный эпизодъ о постройкѣ Давидомъ дома съ чугунной крышей и продажѣ его старикомъ за три брички воловьихъ золота. При этомъ Давидъ, узнавъ въ старикѣ Господа, умоляетъ его дать ему «углушекъ» въ его домѣ. (Записано мною.)

Молодой Юнкеръ.

Было на часахъ десять солдатомъ и одиннадцатый юнкеръ (г—г) изъ нихъ, начальникъ. И было стужа, усеѣмъ строгая служба, такъ што вынести ни возможно. Потомъ яны собираются убивать. Юнкеръ ихъ говоритъ: будущъ служить: ги худо, ги добро, будущъ служить! Потомъ яна усеѣнсеѣивъ бытъ ихъ и все разныя пошли. И бытъ зъ яны. Пошли яны

лѣсыя усе, такъ што яны сами заблудили. Пуща ета велика, имъ ня
возможно было никуда выбѣгца на путь. Ни стало у ихъ пищи ужо ни-
чого. Ишли значить яны девять дней по лясѣ, тиерь ужо на десятый
день бязъ пищи яны жить ни могуць. Што яны придумали сабѣ? Приду-
мали одного зъ ихъ страбѣць повѣчирни, ды зготовить, бо нечиго ѣсть.
Одинъ изъ ихъ дисъвитально, юнгырѣ етый говѣрѣть имъ: «такъ якъ вы
читаетѣ кинѣ большаго, дыктъ я совѣтую вамъ: пройдемъ яно день
такъ,—можить быть Богъ дася!»—(Ды мы то тябе и ня требунхъ, мы
тябе и почитимъ за старшого! мы возьмемъ изъ насъ десяти одного!)—
«То обождѣта, ёнѣ говорить: я узьлѣзу на дерево, поляжу—ти ня ви-
дать дярвини!» Ну, ёнѣ узьлѣзъ на дерево, ничагѣ на виднѣ. Потомъ
злѣзъ зъ дерева и сказанъ имъ, што выдавъ дярвиню: «дыктъ вотъ за
яной путь дяржитѣ. Пройдемъ яно день, вотъ у дярвиню привяду я васъ!»
Ёнѣ ета обманувъ ихъ, штобъ никого ня губить,—ёнѣ ничего ни виднѣ.
А потомъ имъ послухыли яго: день ишли. И опять жа занялись: «мы
ня скоро придѣмъ, зугубить надо!» Потомъ ёнѣ: «погодите, я яно разъ
узьлѣзу на дерево, поляжу! Самыя высокыя выбрактъ дерево и полѣзъ,
—яны яго послухыли. Узьлѣзъ и видѣть што то такое, ни зыѣсно што:
ли каминь, ли дярвиня, ли горыдъ якѣй—ни зыѣсно што, только видно
далѣко! Ёнѣ злѣзъ зъ дерева и говѣрѣть: «идатѣ, братцы, постройки!
Скоро придѣмъ!» А ёнѣ сажъ ни знавъ, што, али ёнѣ говоривъ, штобъ
яны ни губили. Яны яго послухыли. Потомъ пройшли другія сутки пось-
ли етыго. Кто ужо одинадцать сутокъ. Усѣхъ одинадцать дней ишли усѣ
пошти бязъ пищи, только на первый день была пища, а то усѣ бязъ пищи.
Потомъ увыйшли у горыдъ; етый горыдъ заваливъ камини. И
людей ника у етымъ горыдѣ, только замѣтно, што горыдъ. У концы на-
шли яны одну старушку у вызьбѣсны. Яны зайнали къ етой старусѣ,
поздравувались то, и распрашывають у яе: «што ето такая зыѣсь былѣ?»
—Ето, говорить, бывъ зыѣсь горыдъ, и могучѣй бывъ горыдъ!—«Отча-
во сычасъ вѣтъ? што и пунишавѣтна нейдѣ?»—Ахъ, говорить: ето начи-
ста сила забравъ етый горыдъ, и оплигавъ яго,—только я одна остадася.
—«Ня можно ли у васъ, тѣтушка, покормитѣна? мы одинадцать дней якъ
ѣли, помпраемъ голодной сьмертю?» То старуха ихъ дисъвитально покормила,
икая у нѣ тамъ добычь, туя нѣдѣю покормила ихъ. Потомъ яны по-
благодарили ея, потомъ спрашувать у яе: «вѣтъ ли тутъ яно кого жи-
вого? укажитѣ намъ!» Ина указывѣтъ имъ: «ѣсь, говорить, собствинно
царскыя дочь: вотъ тамъ, говорить, на поли у стѣбѣн замѣрина!» То
поповъ къ ей юнгырѣ. Прихѣдѣ къ стѣбѣ и вымынать: «здрасствѣ, на-
ша анпираторство вялика!» Ины говѣрѣть: «а здрасствѣ! Госыни! го-
ворить: откуль васъ Богъ сюда ко мнѣ принѣсъ?»—Мы, говорить, убѣжа-

ли съ такого то царства, — признайся, говорить, своихъ грѣхныхъ! — „А, говорить: слава жъ Богу! я и сама оттуль, царя етого дочь! Вы, говорить, при полный служби?“ Говорить: при полный! — „ Попрошу я васъ, суслужитя мнѣ службу, што я васъ заставляю: поставтя на такихъ то вулицяхъ трѣхъ чловѣкъ солдатомъ уси урозъ — штобъ усю ночь пристыжали, штобъ ничего никому ниговорили, якои начальство на будить ивлятица, штобъ ни твичали яму ничѣго, штобъ мовчали. »

Такъ ёнъ и заѣхавъ: поставивъ ихъ на етыхъ вулицяхъ и приказавъ строгую службу: «хто ни будить низитна важъ зъ начальства, што ни будить спрашивать васъ, ни говоритя ничего! мовчитя!» То такъ ёсь Сираліи нощи ивлятица имъ полковникъ, съ котораго полка яны утѣкли. «Ахъ, говорить: ты, Прюжанецъ, чаго мнѣ дѣла отъ мене? Думавъ, я тебе ни найду? Иѣ! и тебе найду и ахъ боги!» Пять разныхъ угрозы яму дѣлавъ, саблюю голову яму отенкавъ, — но ёнъ ничего яму ни твичавъ, по приказанью своего юнгиря. Потому и къ другому съ такими самими угрозами. И етый ничаго ни тѣтнись. Потому ёнъ къ третьему, тоже съ такими самими угрозами. И тей ничѣго яму ни твичивъ. Ну, питухи заѣхли, — етого печалѣ ни стало. А етый былъ ячистый духъ, идель, будто у розмйски за ими пусьгився. Етый ячистый духъ у концы нѣку укравъ у етого царя дочь и унѣсь у свои горыды, заваливъ етый горыды, штобъ ницарѣ не было, штобъ, значитца, ни одна только была. Ина ни хотѣла аднатца у нихъ у вѣру, дыкъ яны яе у етовѣ замурували, сказали ей: «зданся намъ, дыкъ ты освободилсь!» Ну ина ни согласилсь; яны не у етовѣ замурували и сказали: „покуль твоѣ выйскѣ на будутъ заѣксъ, потулъ ты ни свободилсь!“ Ну, а теперь, якъ пришла яе выиска и суслужили ей службу, дыкъ ина грудью стала воеъ.

Ды т яна призвала юнгиря: поблагодарила яму, што ёнъ приказавъ своимъ солдатамъ суслужитъ службу. «Ну и теперь, говорить: «отслужитя мнѣ другую службу, уже строжеиномъ: штобъ усю ночь ни снагъ и што будить намъ пиниралъ ивлятица, ничаго ни говоритя!» Ну, ёнъ приказавъ солдатомъ, поставивъ ихъ по тыхъ вулицяхъ, по которыхъ ина указала, и приказавъ имъ: «будить важъ ивлятица начальникъ тоже строгій, тоже нашего полка, и будить спрашивать: чаго вы утѣкали, зачякъ? будить важъ сыскать головы» ну вы ни страшитися етѣжу, ни твичайтѣ яму!» Успрала нощи явился имъ пиниралъ. „Вы, говорить, чаго убивали, жомѣнники вы, такѣя вы, чаго важъ ни мстало, чаму вы мнѣ ни жаловались?“ И много чаго... Яны хучать, ничаго яму ни твичаютъ. Потому ёнъ унѣхъ трѣхъ сыскъ обѣхивъ, и ничаго яму ништо ни тѣтнись. Потому заѣхли питухи — и иказѣсно иѣ дѣлся ихъ пиниралъ. Яны съ часомъ сидили. И ина обобовилась по солѣни.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

макъ гэтый. сохнить подь бокомъ на пѣчи. Яны поѣхали. а ёнъ сплѣвъ сабѣ коробку. пайки у два. у грибы сходятъ: принесть грибовъ: тогда нявѣстки дадутъ ямѣ ѣсть. а не принесть. такъ не дадутъ.

Ну. теперь, знать ёнъ той урэмъ, што яны тамъ ужъ. позаѣхали, што тамъ ужъ диво гато ёсь, можа повѣсяца ждакъ ёнъ тамъ. ти колыш: тогда ёнъ злѣзъ съ печи. макъ гэтый съ пяскомъ у коробку уклакъ, жалейку у руки. и пошовъ у лѣсъ, торбы подобранны своѣ. Прихѣдуть ёнъ. гдѣ тамъ. на тѣй на дугѣ. гдѣ ямѣ слѣдуютъ ужъ — якъ крыкнуть: съвиснуть! — прыбыли до што лошади усн тры: ..а. кажыть. лошади моѣ пралюбезныя! у такомъ то чарѣтви, у такомъ то государѣтви скинулася царевна. ухлѣзла на третій атакъ и съѣла на кокошку и такую обьяву пустили: хто яе тамъ заставитъ и поцалуетъ, тому усѣ царство останѣтца по смерти бытки. и яе мужамъ бѣдѣть. Ти немочи бѣ мы. говорыть. туды забѣхатъ и зъ сѣй поведатца? — Большой лошадъ отвѣщантъ: „што, говорыть, будить урэмъ. ды ни теперь. говорыть. бѣдѣ ты. говорыть, на малой лошади теперь: ну знимайся ты за вярету! говорыть. ды. говорыть. не вытайся зъ ёй. Такъ якъ будишь лятѣть, такъ и полятѣть! — говорыть. Ёнъ тогда у свойго лошади у лѣво вухо улѣзъ. у право вылезъ — обярнувся королевичъ такей. што у съвѣти не сыскать: чинтъ, на имъ одежа. што у съвѣти ни можно сыскать такея. Якъ пустили — тыя бѣхли мажа мѣсяцъ, повтора мѣсяца — а ёнъ у тры часы ставъ тамъ. Якъ лятѣвъ. такъ коло яе ногъ, коло самыхъ, облятѣвъ! — Яны: лови! лови! А ёнъ якъ лятѣвъ, такъ и полятѣвъ — бывъ да й нема. Прилетать на тоя мѣсто, якъ съвиснуть. якъ крыкнуть. — прыскочили тыя лошади. Ёнъ у право вухо улѣзъ, у лѣво вылезъ. — якъ бжъ старецъ. такъ и ёсь. И большой лошадъ усн поради порадиць. Ёнъ тогда каитъ: лошади моя пралюбезная! ёсь жа у мене работа: два гарцы маку. и два гарцы зямли. до укучи! говорыть. Якъ ба мы яѣ повыбрали? — каитъ. Теперь большой лошадъ говорыть: „ну. говорыть: раздирай на пѣстилки своѣ торбы. говорыть и сѣтлѣй пѣстилки на земли. высынай. говорыть. макъ гэтый на посылтилки! — Ёнъ съчасъ высынавъ гэтый макъ на посылтилки. Лошади тыя у поздри якъ дунули — и разлучили гэтый макъ — макъ особинно. пясокъ особинно. Приносить домовъ. набравъ коробку грибовъ тую. самъ на печь, макъ у головы. Нявѣстки отвѣщаютъ: ти выбравъ. кажыть. ты макъ? Будить табѣ, кажыть. отъ ихъ, якъ прыбѣдуть! — А хай вямъ вои выбирать! Пovýбравъ, кажыть, и макъ, и грибовъ въ набравъ.

Отъ, теперь. прыяжжаютъ браты и кажутъ своимъ жонкамъ: Божа. Божа! што тамъ було! И подскакували, кажутъ. и усѣ. А одинъ царевичъ, кажыть. — дакъ увесъ у золоти: якъ скакнѣвъ, дакъ до ногъ доскочивъ! Лови, лови! дяржы, дяржы! — а ёнъ и поѣхавъ. Тутъ-тутъ поцаловать яе, да, говорыть, и полятѣвъ!

Ну, тыперь ина ня урьмевить гэтаго, што ёнъ гэтакій. Оявила наблнкатъ, кабъ узновъ съ усёго чарства нго до душы кожанъ ходннъ бывъ. А сама на чатвѣртомъ астажы уже сѣла на вокутъ. Ну, тыперь, збѣдъ ставъ, бдуть усѣ —десятички выгоняють, збѣдъ такей, што Божа мой! Ну, бдуть сатыя уже брагъ. „Возьмѣтѣ, кажытъ, мяне съ собой, Хай я пояджу гэтаго дна!“ А дуранъ ты гэтакій такій! Куды ты, кажытъ, поесыбнѣ? Табѣ, кажытъ, работы нема дома! Отъ я табѣ, кажытъ, работу дамъ! Поновъ, тры гарцы маку и тры гарцы зямлѣ, и укучу зямлянакъ: кабъ мнѣ, кажытъ, перабраный бывъ, покулъ я прыбѣду! говорытъ. Большой усѣ братъ гэтакъ. А самъ и поѣхавъ. Ёнъ тѣй нгоокъ сѣннытъ на печи.

Тыперь ёнъ вѣдытъ, што блнзко уже урѣмѣ тѣм, ёсѣ уже тамъ сыбѣрыца. Сычасъ збѣзанытъ съ печи, коробку на плечѣ, макъ у поесытылку, у коробку, и поновъ у лѣвъ. Прыхаднть на тѣй дугѣ, якъ свнспннть, якъ крывннть, —прыблнл до нго лошади. „Ну, чаго жалантѣ?“ Ды, говорытъ: ты ня урѣмѣ намъ бхатъ? Большой конъ отказунтъ: „уснбнмъ, говорытъ, нѣ! Тыперь, говорытъ, повыны йна узбѣзала! П бѣдъ ты, говорытъ, на снрадыннмъ, говорытъ, конѣ! П тожѣ, кажытъ, блнзко кою яе, да не внтантѣся зѣ сѣй —уснбнмъ внтатца!“ Такъ сычасъ ёнъ лошадей тыхъ отнравнвъ у чнстая пѣля, у зялѣныя лугн, у стнцнныя воды, а самъ снрадыннй лошади у лѣво вухо улѣзъ, у право пѣязъ, и ставъ королевнчъ такей, што сыскать ня можно! Одбннны чнсто, што й сказать ня можно. Сѣвъ и поѣхавъ. Тожѣ бхали по мѣсяцу, по повтора мѣсяца, а ёнъ за повтора часа ставъ тамъ. Якъ лнѣвъ, подннвн кою яе, кою самыя уже кою половнны тутъ внтатца бѣ уже, да не внтансѣ, —и поѣхавъ прнмо. Тутъ: ловн-ловн! ловн-ловн! А ёнъ и полягѣвъ! За повтора часа пнзадъ знннрн-нунсѣ. Ну, тутъ, толькн якъ —и распуствнлн зновъ уснхъ —якъ ёнъ по-лнѣвъ, тамъ зѣ вока ина соскѣчнла, и распуствнлн уснхъ. А ёнъ пры-скѣчнл на своѣ мѣсто, якъ свнспнунъ, якъ крывнунъ —прыскѣчнл тѣя лошади. Ёнъ у право вухо улѣзъ, у лѣво выязъ, —якъ бывъ ошарпн-пый, такій и ставъ зновъ. Ёнъ тогды кажытъ: лошади моѣ прнлюбозныя! Ёсѣ жа у мяне работа: тры гарцы маку и тры гарцы ннску, да укучл. Ты не могли бѣ мы макъ такъ разобрать? Тыперь большой лошади говорытъ: „ну, говорытъ: разндрнй на поесытылн своѣ тѣрѣы, гово-рытъ, поесытнл поесытылн на зѣмлн, выспннл, говорытъ, макъ лѣтнй на поесытылн!“ Ёнъ сычасъ выспнннкъ гѣтнй макъ на поесытылн. Ло-пади тѣя у поздрн якъ дунуть! туды-сюды, туды-сюды, туды-сюды, макъ тѣй разобралн и пошлн. Ёнъ макъ у коробку, грнбокъ набравъ, и пры-пошъ домѣкъ. Тры часѣ прѣмдннвъ толькн. Прынѣснть грнбокъ гѣтнй:

„вѣтъ, какъ-то: хай вамъ Богъ не помѣнѣтъ! День провѣтъ, покулъ макъ перабравъ, во грибывъ набѣиравъ,—вы уеѣ какъ-то, што нѣчего ня рѣблю.“

Пріяжжанютъ яго браты. Почалі жонкамъ расказувать: „Бога мой, якія штуки тамъ были! якія якъ, якъ летали, якъ што! Одинокъ, какъ-то, царевичъ поднялся, тутъ-тутъ-тутъ подалувать! да итъ! Поднялся, какъ-то, и полетѣвъ подъ небеса!“ А дурань какъ-то: „охъ, какъ-то: ты ня быкъ и я тамъ!“ Гѣ! ты дурань! ти перабравъ ты макъ, какъ-то! Отъ, я таѣвъ перабирѣу, кали ты не перабравъ!—„Э, какъ-то: новабравъ—хай таѣвъ вочи выбираты! а я новабравъ макъ и грибывъ напосивъ!“ какъ-то.—Ну, тыперъ, тутъ пидного ждучи, сычасъ трѣтъій наблѣкать: какъ узнова набѣиралися уеѣ! А ина улыбѣла на пятый таѣвъ на поклонокъ. Ну й имъ прыказъ гѣтакій твѣрдый, какъ уеѣ были, —до души какъ были, уеѣ ходяины какъ были, уеѣкій какъ ишоуъ.

Прѣстѣны ѣтъ у нѣхъ: „братцы, какъ-то: возьмѣти вы мене разы! хуть я дѣла гѣтого поладжу!“ Большой братъ какъ-то: „агу! а вотъ я таѣвъ работы дамъ, коли таѣвъ работы нема!“ Пошовъ, чатыры гарцы маку и чатыры гарцы пѣску принесъ: „на, перабирѣ! а то, какъ-то, пѣчи уеѣ пилнуиць!“ Ётъ на поестилку усынавъ, да й подъ гѣловы на пѣчь, сѣ-пѣтъ на пѣчи.

Знають ётъ тоя урѣмя, вѣдають, што ёѣвъ ужѣ тамъ выбѣрыны. Сычасъ улыбѣнѣтъ съ пѣчи, коробку на плечи, макъ у поестилку, у коробку, и пошовъ у лѣвъ. Прыхѣдитъ на тѣй дугѣ, якъ сынесытъ, якъ крыкнѣтъ,—прыбѣлай до яго лошади. „Ну, чѣго жалѣнѣтъ?“ „Ды, говорытъ: ты ня урѣмя намъ вѣхатъ? Большой какъ-то лошады: урѣмя, какъ-то: мы тыперъ уеѣ урѣмямъ улыбѣнѣмъ.—А ина улыбѣла на пять атѣжовъ на окно ды й сѣла. А ётъ коробку подъ кустъ, а самъ у лѣво вухо улыбѣтъ, у право улыбѣтъ. Якъ улыбѣтъ, бывъ царевичъ— а то ужѣ у сѣвѣти нема лѣнѣтъ яго ужѣ. У водинѣ часѣ прыѣхавъ туды. Якъ поднялся и повѣтався зъ ёю и прыѣбрылся. И ина ямѣу пѣчатку улыбѣла: першѣю у погѣлицы, другую на лѣвъ. Ётъ и полетѣвъ. Тутъ: лови-лови! да й некого ловить—ѣтъ бывъ, да нема! Ну, тыперъ, улыбѣтъ на мѣсто, у право вухо улыбѣтъ, у лѣво улыбѣтъ—обянувся зноуъ такимъ паршывымъ, якъ и бывъ. Говорытъ: лошади моѣ прѣлюбѣзны! Ёѣвъ жа, говорытъ, у насѣ работа: пять гарцовъ, говорытъ, маку и пять гарцовъ пѣску: траба намъ яго перабравъ. Тыперъ, большой лошады, говорытъ: „ну, говорытъ: раздѣрай на поестилки своѣ торбы, говорытъ, поестилѣи поестилки на зѣмлю, улыбѣнай, говорытъ, макъ гѣтый на поестилки!“ Ётъ сычасъ улыбѣнавъ гѣтый макъ на поестилки. Лошади тыя у поздры якъ дуиуть! туды-сюды, туды-сюды, туды-сюды, макъ

тѣй разобрали и попили. Ёсть ихъ отпущивъ: „лошадѣ, говорить, пралюбезныя! идти у зялёныя луги, у стѣдѣныя воды!“ Узявъ коробку, пошловъ у лѣсъ, грибовъ набравъ. И эдакъ бабамъ грибы гаты и макъ. А самъ ожидантъ братовъ, на печи лежучи, макъ у гдоловы. Прыажаютъ браты. Почали жёнкамъ рассказывать: „Божа мой! якія штуки тамъ были! якъ якъ, якъ леталя, якъ што! Одинокъ, кажыть, царевичъ поднявси, и повитався зъ ею. И яна яму пачѣтку приклала.“ А дуравъ кажыть: „охъ, кажыть: ти ня быкъ и я тамъ?“—Гя! ты дуравъ! дѣ табѣ быть? ти перабравъ ты макъ, кажыть? Отъ, я табѣ перабяру, коли ты не перабравъ!—„Э, кажыть: поныбравъ—хай табѣ noci выбарыть! а я поныбравъ макъ и грибовъ наносивъ!“ кажыть. Гэто нмъ диво, што якъ ёсть выбравъ макъ гатый. „Ну, дасъ съ тябе работы стало, видать!“

Ну, тяперъ гэта царица пущила наблискать, кабъ нкъ ёй явився гатый жанихъ яд. Перво-на-перво зачала съ панетка, зъ большыхъ помѣщиковъ, вѣбмекъ пущила. Обглѣдила—нема яго. И рѣзекъ рас-пущила пазадъ гатыхъ. Тяперъ нтъ шляхтовъ: а цдеси съ кудцовъ, зъ мужиковъ, съ усяныхъ-усякихъ.—шукала йна уснхъ. Тяперъ зъ нищихъ.—дѣ якіі ня быкъ, дъ кабъ собраныя были усн. Уси убогія пособиралиси,—якія бѣ сабѣ нѣ было—дуризи, якихъ—якихъ толька, абыбѣ толька чаловѣкъ,—дакъ уснхъ собиравлн. „Ну, кажыть, браты: тогда я просивъ, кабъ ны мяне узли, а тяперъ я й бсѣхъ вась пойду! Можя йна и ко мнѣ ти не признайца!“ кажыть. Узявъ жалеюу у руки, миритъ и пошловъ. Приходитъ у чистая поля, у зялёныя луги, у стѣдѣныя воды,—якъ крыкнувъ, якъ съвиснувъ богатырскымъ голосомъ, молодецкимъ посястомъ—прибыли до яго лошади уси тры. „Ахъ, лошади моѣ пралюбезныя! Собирають уснхъ туды, и нищихъ, ти ня можно бѣ и намъ туды достатца?“ А большой лошадѣ отвѣдити: тяперъ табѣ треба ѣхать на меньшамъ лошадию! И ты, говорить, ня убираси ниякъ. А меньшаму лошадию кажыть: ахъ, кажыть, братъ мой любезный: подвизи яго подъ такую и такую изѣбку—подъ лазеньку,—тамъ лазенька стояла не далеко отъ дворца, за висту—подвизи подъ лазеньку, и кивъ тамъ! А яму говорить: „а ты, говорить, улыѣзь на цанки, нѣги на грады, и играй у жалеюу! Тябе, говорить, вайдуть тамотъки“.

Ёсть сѣвъ на коня и поѣхавъ, прыѣхавъ подъ лазеньку, увывшовъ у яд, улыѣзь на цанки, лѣгъ на цанки, ноги на грады, подъ столъ. Играють у жалеюу. А самъ коравый, паршывый—страшно глядѣть на яго! Сохрани Божа! Эдакца, ня можно бѣ было почитать яго за чаловѣка! Ну, йна тяперъ уснхъ гатыхъ нищихъ перастѣдила сама изъ дѣвкой. Нема яс (жениха). Тогда говорить тамъ якіі убогіі, напрыжбръ, дѣщи

Расскажутъ: вотъ, кажутъ: у лавын тамъ играть ибѣси, такъ у свѣти нема такія музыки, якъ тамъ у лавын!“ Дѣвка гѣта отвѣчантъ ей: што, говорытъ, у лавын—ляжѣтъ на ципкахъ, играть у жалейку, у свѣти нячутъ такія музыки, якъ ѡнъ. Ина сама маршъ изъ дѣвкой у лавню у гату. Отчинила,—гѣтакъ играть прыгожа, што сохронъ Божа! Ня можно утѣрпѣть, здаѣтца! Уханила—зѣлобину ямѹ подняла,—тутъ пичатка яе, и тутъ яе (показывається лѣбъ и затылокъ). *Смѣла* яго оттуль, вядѣтъ за руку къ батьку ужо. Ёнъ зрѣбивен такимъ дурнымъ: не пойду! улирайтца, ня йдѣтъ! А яна яго вядѣтъ—обшарпанный, ободраный—Божа! ратуй! ня можно на яго глядѣтъ. Батька узливъ плевать на яе! „Ну, кажутъ, татуйка: якъ сабѣ хдичи, а гѣто, говорытъ, мой“.

Ну, тѣперъ, у яго были, у гѣтаго цара, ще дѣвѣдочки замужнихъ—дѣто были за вѣнчаными царыкѣвъ потдаваны, напрымѣръ. Ну, узыскавъ ёнъ гѣтыхъ царыковъ на веселья ужо—гѣта дочка жѣнитца ужо зъ гас-тыхъ. Тѣперъ ёнъ пры старѣсти лѣтъ. „И вотъ, говорытъ, зятѣ моо пралюбезныя: ёс у которомъ то чарѣтви, у которомъ то государствѣ сѣвинка—золотая сѣвинка, носомъ орѣтъ, а ногамы боронунтъ, и зааду хлѣбъ расѣтѣтъ за ей—можно самому цару ѣсѣти. Который, кажутъ, застанѣтъ яе и привядѣтъ гѣту сѣвинку, такъ тому, говорытъ, усѣ чарство опишу!“ Ну, тѣперъ, гѣты царыкѣ ободвы гѣты: ну, што, говорытъ: трѣба ѣхатъ. Батьки трѣба слухатъ! А Богъ вѣдантъ, идѣ яна, у которомъ чарѣтви тая сѣвинка! Тѣперъ и ина на яго—гѣты зятѣ уюбралси, узали сабѣ вѣску, музыку—маршъ и поѣхали по сѣвинку по гѣту. А яна на яго: ну, штожъ, кажутъ: ти ня зѣвѣдивъ ба ты, ти не доставѣ ба?“—Што ты? кажутъ. Борони Божа,—куды я поѣду? Нехай яны йдутъ, привязутъ сѣвинку! Выдумали што—сѣвинку лѣйкую, идѣ яе вѣзьмешъ? Я, кажутъ, ни зашто не поѣду, борони Божа! Яна и заплакала.

Подождавши такъ, съ повода можа пропусѣтивъ, тогда уздумавъ: „душка, кажутъ, душка! Сходи ты, кажутъ, къ батьку, водошойныя кобылки попроси, поѣду, кажутъ, и я за сѣвинкой!“—Дуранъ ты, кажутъ, дуранъ! Тѣя—ужо можа вязутъ—а ты уздумавъ ѣхатъ!—„Нехай сабѣ, кажутъ, вязутъ. Сходи-тка ты, говорытъ, къ батьку. А не дасъ, дасъ я пѣшкомъ пойду!“ Тѣперъ, ина пошла къ батьку: „татуйка, кажутъ: просѣ мой дуранъ хотъ водошойныя кобылки: хочить и ёнъ ѣхатъ!“—Ѣ, кажутъ, уздумавъ! Ну, ды сходи, кажутъ, на стайню, нехай дадутъ хурманъ якого ямѹ коня тамъ!—Прывили ямѹ лкую тамъ кобылѣшку. Ёнъ вышавъ съ покою, къ головѣ сѣвъ плячмы, а хвостъ у руки, ды ладоний по заду, по заду! Вѣе тую кобылѣшку. И поѣхавъ. „Во, кажутъ: дуранъ по дурному и ѣздитъ!“ Выѣхавъ дѣ у вѣзничѣ тамѣшки, сѣзѣ-

чивъ зъ гэтаго коня, ухання за хвостъ. якъ траханѣць,—носкы вы-
траць: „Сороки, вороны! говорыць: вамъ свѣжая мясо, а табѣ, кўсця,
вѣшная накрывка!“ А тогды якъ крыкнувъ богатырскымъ голосомъ,
свынуувъ молодецкимъ поспивомъ, прыбыли до яго лошади. „Ахъ,
говорыць, лошади моѣ пралюбезныя! У котаромъ то чарѣтви, у котаромъ
то государствѣ ёсь свинка, золотая свинка, посомъ орѣть, ногамы
боронунъ, а ззаду хлѣбъ расѣтѣть—можно самому цару ѣсть! Ти ня
можамъ мы, говорыць, яѣ застѣть?“ Тинерь лошади большыи отвѣчають:
„зачимъ, говорыць, царъ нашъ наясвѣтѣшый? можамъ, говорыць, за-
стѣть. И ѣдъ ты, говорыць, на меньшой лошади! И даць яму лошади,
сдвабный шнурокъ и кожаныи бизунъ, и говорыць на лошади: ты дра-
туй не ногамы, а ты сичи яѣ бизуномъ, покуль нна здѣста намъ!“
Тинерь ёсь у лѣво вухо ўлѣзъ, а у право вылязъ, и зѣдѣався такимъ
королевичамъ, што и сказаць ня можно. Сѣвъ ня коня и полизѣвъ. И
прожинувъ ёсь ихъ у повороти нѣ.

Якъ прылятѣвъ, ажны гѣта свинка посомъ орѣть, ногамы боронунъ.
Ёсь напавъ на яе, якъ узняъ яѣ сѣвъ, якъ узняъ яѣ сѣвъ. Конь конытамы,
а ёсь бизуномъ. Свинка гѣта: „ахъ, кажыць, заморскій чаловѣкъ: што ты
зъ мяне хочашъ? говорыць: за што ты мяне ставъ такъ забиваць?“ гово-
рыць—„Здайся, говорыць, свинка, бо убью тѣбе, ня пуцу тѣбе жи-
вѣи!“ Дотуль яе бить, покуль нна здавасъ. Тогды сѣвъ, на еднабный
шнуръ зачачѣвъ и видѣть яе. Сычасъ чунъ ёсь, што яны гѣта фдуть
ужо туды. Ёсь зъ дороги у бокъ зѣхавъ, у право вухо ўлѣзъ, у лѣво
вылязъ—обярнувся зновъ паршинымъ такимъ, якъ и бывъ. Тинерь ёсь,
значитца, обярнуся такимъ самымъ, у лохмотѣи у такомъ, якъ и бывъ—
гѣтый дурань, свинку гѣту привязавъ на еднабнымъ шнурѣ, свинка гѣта
своимъ порядкомъ узляла работѣи зямлю гѣто: посомъ орѣть, ногамы бо-
ронунъ, ззаду хлѣбъ расѣтѣть и поспиваць—самому цару можно ѣсь
яго. А ёсь цилушкѣ расклавъ у гѣтыхъ дубкахъ, ды у жалейку игра-
ить, на боку ляжѣть. Ажны пахали гѣтѣи швагры яго и съ своимъ
войсскомъ и увидили гѣто, у дубкахъ у гѣтыхъ тѣплѣ горѣть. Тинерь
яны посылають лакея: а йди, говорыць, поляди, што то за гонъ го-
рыць тамъ, у дубкахъ у гѣтыхъ? говорыць: трубочку закуры и иди,
и расцѣтайся, хто тамъ такъ гѣто? Тинерь гѣтый лакей прыхѣдѣть, и
узнавъ яго. Свинка привязана, а ёсь на боку ляжѣть, у жалейку
играти. Лакей гѣтый прыхѣдѣть къ нмъ. „Што тамъ за гонъ?“—„Да, гово-
рыць, нашъ дурань видѣть гѣту свинку ужъ!—„Якъ можно бытъ?“ говорыць.
„Пойдемъ мы, говорыць, полядимъ. Альбы мы, говорыць, по цесѣи якъ у
яго выпросимъ, альбы мы яѣ отбярѣмъ у яго!“ Прихѣдѣть къ яму:
„Здраствѣи, швагра!“—Здоровы, говорыць. „Ти ты ужъ, говорыць, свинку

видишь?—А вижу, кажыть. Я' дву сабѣ, кажыть, узивъ, а тамъ, кажыть, много сьвиннокъ ходитъ яно. Ъхътя и вы, возьмитѣ сабѣ!—„Да нѣ, кажыть: што ты врѣишь, швагра: яна тамъ, говорыть, одна такая была! Ну што, говорыть, швагра: отдай намъ сьвинку!“—А нѣ, кажыть: вы сабѣ зѣздити, другую возьмити сабѣ! а я гѣту повяду къ батьку. Ти усѣ жъ, кажыть, вамъ: и я повяду къ батьку! Тиерь ѣнѣ думавъ, думавъ: што тутъ зѣдѣлать? Просють не дай Богъ якъ: мы табѣ тоя дадимъ, мы табѣ тоя! Пѣтымъ того говорыть: „ахъ, Богъ зъ вами! говорыть. Коли отразыть мѣ на нозѣ по палцу по мѣдвымъ, дакъ возьмити сабѣ!“ Яны гѣта думали, думали, узали—што здумали—свод дохтора, свѣ усѣ—ничого! думаютъ. Узали, отразали по палцу „Ну, говорыть: бярѣтя, видити! Узали, поняли сьвинку. А самъ ѣнѣ остался ли гѣюшкѣ ли того. Посидѣвъ, ти полежавъ ѣнѣ кольки тамъ,—отвяли яны отъ яго можыть вьрегѣ, можыть боли, тогда ѣнѣ якъ сьвиснѣть на лошадь, —прискѣчила къ яму лошадь. Унѣ уводятъ часъ дома ставъ. Яны ѣхали повгода, а ѣнѣ за тры дни справився. Приѣхавъ домовъ, лошадь цусѣтнѣтъ у зялѣныя луги, у стѣдѣныя воды, а самъ пдѣтъ, у жалейку играйтъ. „Вотъ, кажыть, дураны! кони, кажыть, нейди спратавъ, и идѣтъ, и сьвинки не видѣтъ, и играйтъ у жалейку!“ Жонка пытайтца яго, говорыть: дѣ жъ ты былъ, дѣ ты лошадь дѣвъ? говорыть—„А што? кажыть: я ѣхавъ, ѣхавъ, лошадь упала, дакъ и и кинутъ яе; пропала, дакъ я и вярнувся. Ти мѣ пняикѣмъ ити?“ Ожыдаеть ѣнѣ уже тыхъ. Жонка плачытъ: отъ, кажыть, и хвятися мѣ батьку тобою! Выпросила, кажыть, у батьки лошадь, и ты поѣхавъ, и лошадь пропала нейди! А тѣя сьвинку прынядуть, и батька чарство нмѣ опишытъ; а намъ нейди будитъ—хотѣ ты по куекѣхъ иди!“ говорыть.—Ну, нехай сабѣ, и намъ нейди будитъ мѣсто! Отъ, тѣя, прыводятъ яны мѣсяцы тѣразъ два ужѣ сьвинку. И такѣя радѣсти тамъ. Божа сохрани! Сирѣдъ дядинцу привязали, перадъ покѣмъ; сьвинка тамъ работатъ своимъ порядкомъ. Ну, сычасъ радѣсти такѣя—тутъ гѣто царъ справивъ вечарынку, напрымѣрь: зѣти привязли значитца сьвинку. И гѣто, значитца, позѣбѣралисѣ гѣсѣти, прочія корѣли, глядѣтъ сьвинку, што то такѣя.

Ну, тиерь, говорыть: ну што, зѣтѣи моѣ прѣлюбѣзныя! говорыть: ѣсѣ у которомъ чарѣтѣни, у которомъ государствѣни, говорыть, кобылица зъ дванадцатѣми жарабцами. Яна ходитъ и замуздана, закизнана, и подъ сядломъ. И 12 жарабцовъ ли яѣ! Коли тую, говорыть, кобылицу уловити и привидѣтъ ко мѣ—ваша чарѣтѣво! Я тольки буду съ ковалка хлѣба у васѣ сядѣтъ!“ Яны то мѣлютца; сами съ собой говоруть: а што, кажыть: дуранъ, кажыть, и гѣто достанитѣ! отъ бѣда! кажыть. Ну што, кажыть, дѣлать!—застанитъ, будемъ узновъ проситъ у яго —ти по

чески, говорить, ти по сэрцу, а усё ибѣкъ достанямъ у яго! Ну, сы-
часть отиракляютьца яны зновъ. Побольнѣ идѣрка съ собой узали. А
гэто дука далѣко, извѣстно, у которыхъ чаретвини. На цѣлый годъ за-
бравецца. Тогда жонка: што ты, кажыть, ибѣдаишь? Ти ня збѣдаишь бы
ты по кобылицу по гату?—Гэ! Божа сохрани! якъ мѣ, кажыть, фхать?
ти у мяне конь ёсь, ти у мяне посыка? Куды мѣ фхати? Тоя-ейя
почахъ. Ёнъ обождаеъ того, посыки того хбѣнца повтора. „Душка, ка-
жыть, душка! сходи къ батьку!“ кажыть.—Чого? „Попроси, кажыть,
водонойныя кобылки! Збѣжау я я по кобылицу!“—Дурань ты, дурань!
яны якъ ибѣди видуть ужэ?—„А, видуть! дѣбро устрѣиу на дорози, дакъ
и я вярнуся, коли видуть!“ Тяперъ нѣа ня хочыть ити къ батьку. На-
тявѣся на тоя, што сходи! „Да мѣ, кажыть, страмно за тѣбе, ходиць
дѣстовать: опять пронадець кобыла!“ Ну, кажыть, сходи!—Прыхѣднѣ:
„татулечка! дай, кажыть, пановъ кобылу якую, хотъ водонойную: хо-
чыть фхать мой дурань по кобылицу!“ Ну, ёнъ тольки насмѣявѣся зъ
гэтого. „А сходи, кажыть: хай дадутъ яму якого тамъ коня! пехай, ка-
жыть, попробуйть фхати! Яцо, кажыть, збывдѣть, ибѣди здохнѣть, назадъ
прѣйдѣть пѣшкѣмъ! Сычасъ хурманѣмъ сказала, осѣдзали яму лошады,
и видуть похъ ганокъ. Ёнъ гѣто усѣсѣвъ на голову пѣчми, а за хвостъ
руками узавѣся, и лошады гату по задъ руками! И поф-ф-ф-хати за во-
рѣты. „Отъ, кажыть, дурань! по дурному и фхѣднѣ!“

Ёнъ выфхавъ у дубки, зъ гэстыя лошади соскѣдчикъ. За хвостъ! косъ-
ти вытраеъ. „Сороки, вороны! намъ сѣбѣкая мясо! А табѣ, кусьти, вѣш-
ная покрывало!“ А самъ якъ крыкнѣть богатырскыиъ голосѣмъ! сывнѣнѣть
молодѣцкимъ посвистѣмъ, оякляютьца къ яму лошади. „Лошади модъ
пралюбезныи! ёсь у которомъ то чаретвини, у которомъ то государствѣни,
кобылица зъ дванадцатыи жарабчиками. И замуздана, и закилзана, и
похъ сидломъ. Ти не могѣхъ мы яе зпѣтати?“—Большый лошады
отвѣчаиць яму, говорыть: „а съ чымъ жа ты, говорыть, по яе фхѣишь?
Гѣта жѣ кобылица наша родна matka! И насѣ, говорыть, ты отлѣучана отъ
яе, а девѣть жарабковъ при ёй то! И говорыть:“ вѣринѣся ты, попроси у
свойго, —жану свою попроси, —кабъ нѣа спросѣла у батьки дѣдовскаго
бизьменѣ!“ говорыть: А той бизьменъ пудовъ трыдцѣтъ!— фхати по кобы-
лицу ужэ по тую. Вярнувѣся ёнъ дожовъ: „душка, кажыть, душка! сходи
ты, кажыть, къ батьку, попроси дѣдовскаго бизьменѣ!“ Гѣтый царъ и
засмѣявѣся зъ гэтого: што ёнъ, кажыть, кобылу забѣеъ тамъ тую дѣдов-
скыиъ бизьменѣмъ. И ёнъ, дурань, яго не подѣбѣстувнѣть. „А, говорыть:
пехай прѣйдѣть вѣзымнѣ, коли яму траба дѣдовскыиъ бизьменѣ! Сычасъ,
дѣ то ёнъ тамъ ляжыть у клѣти, бизьменъ гѣтый.—„А вотъ, говорыть:
поди возми, коли табѣ траба! Ёнъ сычасъ пошовъ, добрый молодець,

ухаливъ на руку, и узявъ зъ имъ попиратца, замѣсто ляски. Тѣперь царь гѣтый отвищайтъ: „ну! ни у комъ ты лошадей попрыбировать моихъ, ажны ты ничѣго малецъ!“ Прыбывъ ёнъ къ своимъ лошадямъ. Лошадь большая отвищайтъ: „Ну, говорытъ: садись, говорытъ, ты на мяне, и смотры, говорытъ: якъ прыѣдимъ мы къ ёй, къ кобылицы, дакъ ина давно, говорытъ, мяне видила, дакъ ина зъ радостн, говорытъ, можытъ зѣсьсти насъ! Ина, кажытъ, и закилзана, и замуздана, говорытъ: уся абруя при ей; ходитъ трыдцать тры годы зъ девятимы жарабцамы, а насъ тры отлучана отъ яе. Дакъ ты, говорытъ: я якъ буду лятѣтъ, дакъ поплечъ стану изъ ёй; ина станитъ пюхатца со мной, а ты якъ небудь,—хватайся, говорытъ,—садись на яе! Якъ только ускочишь на яе, такъ яе бязъменомъ и лупи межы вушъ! Дотуль яе лупи, покуль ина табѣ адастца. Ина, говорытъ, понясець тѣбе подѣ небеса, а ты усѣ лупи яе, покуль адастца. А я буду просить: матушка, здайся, а то, говорытъ, забѣтъ тѣбе! . .

Ну, такъ и стало. Ёнъ якъ ускочивъ на яе—подняла яго подѣ небеса! А ёнъ яе хвѣптитъ. „Ахъ, говорытъ, який гѣто усеѣвъ на мяне!“ говорытъ. Трыдцати тры годы ѣжжу, никто не садился на мяне. Якей гѣто? А ёнъ просить, лошадь гѣтый: матушка, здайся, говорытъ, а то забѣтъ. „Ну, говорытъ, стой, Иванъ Ивановичъ, ня би мяне!“ Яна уже яго назвала Иванъ Ивановичъ. „Ходила, говорытъ, по вѣли, а тѣперь буду подѣ няволяй!“ Ёнъ тѣперь ѣдитъ на кобылицы на гѣтой, а девѣтъ жарабцовъ идуть услѣдъ за ими, а яго лошадь дѣсятая. Вдѣтъ ёнъ, ажны чунтъ—ѣдуть гѣто швагры яго по кобылицу по гѣту. Ёнъ свою лошадь пусьтивъ у чистыя луги—зялёныя трѣвы зѣдѣтъ, а гѣту кобылицу прыназавъ. Ажны сычасъ яны посылають лакея,—увидѣли дымокъ: ёнъ расклавъ дымокъ и слѣдитъ ли кобылицы ля тыя. „Иди, говорытъ, полади,—на лакея—нипримѣнно гѣто дурань видѣтъ кобылу уже!“ Якей гѣтый подходитъ: позволѣтъ, говорытъ, пипочку закурытъ!—Изволь, говорытъ, покуръ! Узявъ тѣпла и пешовъ отъ яго. Прыходитъ. „А што?“ говорытъ?—Да што? говорытъ: видѣтъ кобылицу и девѣтъ жарабцовъ ли кобылицы!—„А ли яе жъ было дванадцать жарабцовъ?“—Нѣту! говорытъ: только 9, а 10-я кобылица! „Ну што, говорытъ, пойдѣмъ?“—„Пойдѣмъ уже просить яго, на вѣшто сойдѣмся?“ говорытъ. Прыходятъ къ яму. „Здрастуй, швагра!“—Здоровъ, швагры!—„Тѣ ты уже кобылу вѣдешъ?“ говорытъ. —А, каитъ: я сабѣ узявъ! каитъ. Тамъ много кѣнѣй ёсь, каитъ,—хвѣдуть. Я сабѣ кобылу узявъ, 9 жарабцовъ за ёй идѣтъ!—„А ну, швагра! говорытъ: досѣ табѣ сѣмѣтца зъ насъ!“ Ёнъ имъ отвищайтъ: што жъ, говорытъ, за сѣмѣхъ? При тѣй жа кобыли дванадцать жарабцовъ, а я только, каитъ, узявъ зъ девѣтими жарабцамы. Дакъ тая кобылица нейдѣ тамъ ящо:

ваша!—„Ну, швагрючка! говоруть: хай тая тамъ буѣтъ, а ты намъ спусьтъ гату!“ Ёнъ гато думавъ, думавъ—просють дужа яго кранко. „Ну, говоруть: отражу я по палу на руцѣ, по мѣдяномъ, дай бяртыя сабѣ!“ Яны гато обдумалися: „Ну што, говоруть: у насъ своѣ дохторы, своѣ зѣлля, усѣ своѣ,—сычасъ гато услѣдъ заѣдита! Што намъ гато? каить. Отражамъ!“—Отражали по палу. Ёнъ гаты палцы позбиравъ и у калитѣ. У калитѣ уложывъ, а имъ кобылу оддавъ. И новилъ яны отъ яго. „Ну, каить, швагра: поѣдимъ рѣзомъ!“—А я, говоруть, намъ не товаришъ,—вы мяне оттуль ня вѣдита, и отгатуль не поведедѣ! Зяли отъ яго кобылу и новилъ, гату. Ёнъ часы два промадливъ тамъ, паслы призвавъ своего лошади, ускѣнивъ на лошади и прылѣтивъ доховъ: чѣтверо сутокъ ёнъ промадливъ. Идѣтъ, бязьменъ на плечахъ нясѣтъ, у жалейку игрантъ, и идѣтъ сабѣ по двору по чарѣшкымъ. Ина сустракаѣтъ яго: „дѣ жъ ты, каить, лошади дѣвъ, дуранъ ты?“—А штожъ, говоруть:—ляску свою, говоруть, вѣзъ и самъ усеѣвъ, дакъ нпа й пронала! говоруть. Вярнувъ я! Куды жъ я, гонорытъ, няшкѣмъ пойду? Отъ такъ нпа узнова у голосъ. А ёнъ сабѣ гатакъ само на ложку, жалейку у руки, выраѣтъ сабѣ—„Отъ, тольки, говоруть, ты на гато!“

Тяперъ, тѣразъ мѣсяцъ привѣдють тыя кобылу и девять жарабцевъ нп яе. Гатакѣя радосѣти, музыка тутъ идѣтъ за гатою кобылицай, игрантъ тутъ! Зѣвѣдъ гатакѣй смотратъ гатыхъ лошадей, што прывяли! Богъ знайтъ, якая лошадъ. Собралюся протчихъ королевъ!—И будитъ гаты царъ снпаватъ чарѣтво свое усѣ зятѣмъ своимъ гатымъ. „Ну што, говоруть, зятѣ? я блумася! говоруть. Ёнъ то, каить, у которомъ чарѣтви, у которомъ государствни, стойтъ, говоруть, лѣтъ ля студни—ли колодися нп простому, прыбитый на 12 ланцуговъ. А иму постоянно, якъ дѣмъ, такъ ночью, шпѣъ чаловѣкъ воду лплють съ студни. А ёнъ шпѣтъ услѣдъ лпѣъ дѣнь, якъ ночь. И усѣ съ своѣ нпары болѣѣсѣти сѣтягунтъ и зѣ нароху, и съ скоту. Вочанъ кранко тамъ здоровы п скотъ и народъ. Коли, говоруть, ны гатаго лѣва укрѣдита оттуль и приведедѣ мнѣ, говоруть—усѣ ваша! гонорытъ,—усѣ чарѣтво ваша!—И я, говоруть, буду на ласкавымъ хлѣбѣ тогды ужъ сѣдѣтъ у васъ!“... Ну што жъ? Яны обдумалися гато:—покуль мы доѣдимъ, дакъ дуракъ ужъ будитъ всѣѣги. А мы, говоруть, нпобудъ у яго выморочимъ! Такъ яны узгорачилися. Ну, говоруть, нпстапимъ! Якъ-якъ, а застанимъ, говоруть, п лѣва ужъ. Забрали вѣсьма нпбольны съ собой и музыку, зайграли зѣ двора, и поѣхали. Тяперъ жана нп яну говоруть: ахъ, дуракъ-дуракъ, што съ тябе будитъ? Тольки, гонорытъ, ляжнмъ, говоруть, у жалейку игрантъ! Отъ, яны прывядуть лѣва, говоруть, и усѣ, каить, чарѣтво застанѣтца нпѣ; а мы съ тобой на кусокъ хлѣба дѣмъ!“—Ахъ, каить, душка, душка! ты на кусокъ хлѣба на хѣдѣшъ! А

усѣжъ тыки хлѣбъ ядутъ! кантъ. Ну, ина на гѣтымъ ■ остановилася.

Тяперъ ѡнъ, подождавши мѣсяца поутора, ти два тамъ, надѣйца, што яны ужэ подѣжжають близко къ леву къ гѣтому, и говорыть: „душка! сходитка къ батьку, попроси зновъ мнѣ кобылѣшки водопойныя, попробую зновъ ѣхать по лева.“—Я не пойду, кантъ, боли просить, и батьки парушаты! кантъ. Коли хочишь, кантъ,—иди пашкомъ!—„Ну, говорыть, прощай жа! А ужомъ пойду, хотъ пашкомъ!“ Попрощався жъ жавой и поповъ. Огыйшовсь ѡнъ сколько тамытьки, тогда—идѣ яму тамъ выпадѣлося, призвавъ своихъ лошадей къ сабѣ, усѣхъ трохъ на раду. Большой лошадь отвищавъ, ды сярѣдний лошади ужэ рѣить, якъ што дѣлать: ѣдѣти вы! говорыть. Якъ подѣждити близко подъ яго такъ, говорыть, нехай ѡнъ у лѣво вухо улѣзѣть, а у право вылѣзѣть. Обернитца ѡнъ, говорыть, осылкомъ и чиста дѣжа на ѡмъ купечацкая. Кантъ: коня оставъ у лугахъ, а самъ иѣвшу иди. Къ прыдишь ты къ гѣтой студни, къ леву къ гѣтому, такъ ты сычасъ нанимайся у гѣтаго цара одинъ спавнать гѣтаго лева. И гѣтый левъ зпайтъ, обѣ чомъ ты прышовъ. И гѣтый царъ тябо наймѣтъ; потому ѡнъ наймѣтъ, што у яго 12 чаловѣкъ выходѣть у сутки тольки воду лѣть,—дѣвъ перамѣны. А ты наймѣйся одинъ; дыкъ ѡнъ табѣ дужа дорого будѣть у годъ платѣть. И потомъ того у почы парѣднѣся зъ левомъ, якъ што дѣлать, левъ табѣ парѣдитъ! Ёнъ сычасъ и поѣхавъ. Лошадь цусѣтивъ у поля, самъ прыходѣть къ студни, къ леву къ гѣтому. „Здраствѣи, говорыть, рабаты!“—Здоровъ, здоровъ! говоруть.—Ну штожъ, говорыть, рабаты: што левъ шѣлъ чаловѣкъ наливнати гѣто воду усѣ?—Да насъ, кантъ, дѣвъ перамѣны. И заусѣгды, говоруть,—усѣ дванадцать чаловѣкъ у сутки выходѣть.—А я жъ, говорыть,—объявити, говоруть, своему цару: я одинъ змовлюсь поитъ яго.—Да, говорыть: да ничѣго ня здѣлаишь ѡднѣ!—Да, братъ, не вална дѣло! говорыть: я одинъ соглашусь! Тамъ сычасъ гѣтый начальникъ пошовъ и объявивъ гѣто цару. Гѣтый царъ жъ милой охвотой:—што выходѣть работниковъ, а то одинъ! Зынявъ зъ ако вребу: выпробуемъ дѣли два, тогда будимъ змову дѣлаты! Ёнъ сычасъ и узявъ съ помѣня, гѣто дѣло дѣлать. Идѣлъ зъ гѣтаго колоды въ воду. И левъ гѣтый ня могъ сынить воды тыя. Управляющій гѣтый левъ къ цару и говорыть: пи управитца, кантъ, левъ цѣть, якъ ѡнъ работавъ! Такъ сычасъ остановилиси яны на ночь. Остановилиси и згорѣлиси зъ гѣтымъ левомъ. Говорыть: у моимъ чарствѣи ловчей будѣть, будѣть табѣ выгода лучча! Такъ гѣтый левъ и здався. „А што жъ ты зрѣбѣшь? говорыть: цѣть ты мяне ня торѣдѣшь отгатулъ!“ Кантъ: „дѣвъ ты у насъ у лѣва вухо, а у права вылѣзѣишь,—обернѣся ты богатыр-ская мухой!“ И гѣто дѣялося у дванадцатымъ часу, у полночь. „И ля-

ти ты, каить, у покой! Отчинаят лакеи покой и, каить, тамъ подъ ложкомъ ляжѣтъ дѣдовскій, каить, молотъ. Ты, каить, гатый молотъ ухади и тахти яго, говорить, сюды! Только ни зачепеь нигдѣ тамъ, якъ будишь пѣсьти сюды!“ Ёнъ такъ и зѣдѣлавъ. Сычасъ обярнувся мухой и уляѣвъ у покой. Такъ сычасъ царъ угадавъ: ахъ, каить: сычасъ пѣйди, каить, богатырская муха зазвнѣла, каить. А ёнъ сычасъ подъ ложка съвъ—муха гата. Потомъ того, якъ ухапавъ ёнъ гатый молотъ—лакеи покой отчирили: нячѣру давали. Якъ ухапавъ молотъ гатый съ подъ ложка, якъ зачепиься за што тамъ, за сѣхветъ—и заваинься увесъ палацъ гатый, и побивъ усихъ тамъ. Припѣсь къ готому къ леву, у право вухо улязъ, у лѣво вылязъ,—обярнувся малойцомъ, чистымъ такимъ, што .. Ухапавъ, ланцуги потбивавъ, лошади свои гукнувъ къ сабѣ, ускочивъ на лошади и поѣхавъ у свою сторону. И лева повѣвъ. Тицерь ёнъ запѣтъ тоя, што недалѣке ѣдутъ швагры яго уже по лева. Ёнъ тогда лошади пускити у подля, тинялушкѣ расклавъ, лева привизавъ на ланцугу, а самъ на боку лѣтъ, и грантъ у жалейку. Ёдутъ яго швагры, увидили гатый дымъ. „А отъ, якразъ, кажутъ, лева вѣдетъ дуракъ напѣ!“ На лакеи говорятъ: „иди, закуры трубку, говорятъ, посмотри: нипримѣнно ёнъ вѣдетъ лева!“ Лакеи гатый прихѣдять: здравствуй, царевичъ, говорить.—„Здоровъ, говорить, здоровъ!“—Позвольте, говорить, тинялушка узять, нипочку закурытъ?—„А можно, говорить: загонь, говорить, нѣхто грошый ни бярѣтъ! Ёнъ сычасъ тицерь, прихѣдять лакеи гатый: вѣдетъ, говорить, дуракъ лева уже! Ну, радить—радить: пойдимъ, каить, просить—монть, якъ выпросимъ?“ „Ну што, говорить: здравствуй, швагра!“—Здоровы, говорить, швагры, здоровы!—Ти ты уже, говорить, вѣдешъ лева!“—А я, каить, свойго узять! А тамъ говорить, ёсь боли, и намъ будить! говорить.—„Ай, говорить, швагра, швагра! Досъ табѣ шутить коло насъ!“ Да ну—говорить, якѣя шутки!—„Ну, швагра! оддай намъ и гато уже!“—О, каить: усѣ важъ, да намъ! Нехай жа я хутъ одну вещь привязу къ бацьку!—„Ну, што хочишь, швагра, а намъ яго спусети.“—А, каить—што зъ вами рѣбитъ?—коли на сыини выражѣтъ по полосѣ кожи отъ шми до пятъ, на вяршокъ, дакъ, каить, возьмѣтъ сабѣ? Яны гато думали—думали, думали—думали! „А! хай рѣжытъ!“ говорятъ: своё дохтора, залѣчимъ якъ небудь! своё усѣ!“ Ёнъ узять—дали яму—узять и выдравъ по полосѣ у ободныхъ. Скрутивъ у трубочку, укланъ у калиту у свою. Лева отчапавъ зъ ланцугомъ,—одавъ имъ наруки—видѣтъ! каить. А самъ остався тамъ. Отвяли отъ яго лева гатаго, монть, вяреты дѣвъ, ти тры, тогда лошади призывавъ, ускочивъ и поѣхавъ на лошади. Подъѣжжачи—зъ лошади, своё дѣянныя наѣвъ—што отъ жаны отхѣдывъ—идеть теразъ дворъ, у жалейку играить!—„О, каить: дуранъ уже вѣдетъ!“—За

три дни по лева сходишь. И куды, кантъ, попишѣтца уже, лянкомъ ходѣть! Боя, кантъ, не далъ ямѣ! А жана плачѣтъ: отъ, кантъ, пустошѣнникъ ты: только, кантъ, смяютца людѣ коло тебе! Ишь твоѣй, кантъ, работой.— Ну што, говорѣтъ: хай смяютца! ни уснѣмъ жа, кантъ, плакать: кому треба смятца, кому треба плакать!—„А отъ жа, кантъ, отецъ имъ чарство поишпѣть, а намъ и ня будить ничѣго!“—А хай, кантъ: усѣ жъ и на насъ усномнить!—ковалокъ якей зимѣ дасѣ!—„А, только, кантъ—ты на гѣто, кантъ, и одбаени!“—Отъ, сычасъ тутъ, ниразъ мѣсяцъ вядутъ лева изъ музыкой. И тутъ радости тасѣя, суетрактютъ ихъ тутъ. Божа! собралосѣ тутъ народу, купцовъ тутъ, съ уснѣхъ—ладѣтъ гѣтого дѣня, якей ѣнъ, гѣтый левъ, жѣврѣ.

И сиранивъ гѣтый царъ балъ. И треба ужѣ описавѣ своимъ зятѣмъ чарство яго. По кончаннѣи гѣтый балъ—описка уже. Тинеръ ѣнъ, царъ, на дочку кантъ: „сходи ты по свѣйгѣ дурпѣ, кантъ—чаму ѣнъ ня йдѣтъ?“—А ѣнъ икъ имъ ня йдетъ, ѣнъ у своѣй комнатѣ. Прыходѣтъ. „Ну, чаго ты? кантъ: ишовъ бѣ ты послушавъ рацѣту, якъ тамъ, на якомъ ты суснованнѣи будишь жыть?“ Пошовъ ѣнъ, за печъ затѣвъ, да йстонѣтъ за печчу. О, тѣперъ на ихъ: ну, кантъ, зятѣ—собирайтѣн! говорѣтъ. „Отъ, говорѣтъ: я у васъ застаюсь на левѣномъ хлѣбѣ жыть, а вамъ здаю усѣ свое чарство!“ А ѣнъ отницайтѣ: а миѣ што, татюлька, будить?—„А табѣ? штожъ табѣ будить? Ничѣго табѣ ня будить? За печчу не заробляють, кантъ. Хто трѣдитца на сывѣти, кантъ, тѣй тоя и мѣнтѣ!“ Ёнъ тогды: а левѣ ихъ, гондрѣтъ, татюлька, труды? Поляди, кантъ, татюлька: ти ѣсѣ у ихъ на ногахъ по палцу за сывинку? кантъ. Сычасъ сапоги доловъ зѣдѣли, посмотрѣтъ—ажны у ихъ нѣма по палцу. А ѣнъ тогды съ калиты шавѣль—павалѣ! палцы тыя вѣннѣвъ. „Во гѣто, кантъ, одного валецѣ, а гѣто другого. Тинеръ, кантъ, тѣта: поляди у ихъ, за кобылицу: ти ѣсѣ у ихъ на рудѣ палцы?“ Выинѣтъ тыя палцы: „у гѣто, говоритѣ, одного палецѣ, у гѣто другого—за кобылу. Отъ, кантъ, татюлька: поляди, ти ѣсѣ у ихъ сывинны кантъ, за лева, якъ яны лева застали!“ Тогды вынявъ гѣтыя кружнѣи, скуру,—поприкладали къ ихъ сывинамъ—ихъ скура! „А штожъ яны, кантъ, татюлька: приняи яны кобылицу. У яе жъ дѣвжно бытъ двѣнадцѣтъ жарбонѣвъ, а яны приняи только девѣтъ. А дѣвъкъ тры йщѣ? А тры, говорѣтъ, умнѣ!“ Тогды, якъ вышавъ надворъ, якъ крыкнувъ, якъ сывиснувъ—прыбылѣ до яго лошади усѣ тры. И спусѣтинъ ѣнъ укучу уснѣхъ лошадей гѣтыхъ. Гѣтыя лошади—такѣя радости, што слышѣли укучу уснѣхъ—нюхаютца! И одныѣ шерѣтъ, одного росту, одного лѣску—усѣ. Тогды гѣтый царъ, за ихъ гѣты ухватки, за гѣтаку боль, узѣвъ ихъ, на коньски хвосты попрыывѣзѣвъ, и на ковалки разодрѣвъ по чистѣму полю. А гѣтому усѣ чарство свое пописѣвъ. И тѣперъ ѣнъ живѣтъ тамъ. И казцы гѣтой конецъ.

Общественная библиотека. у. Отъ мѣстнаго крестьянина записано мною.

54. Поповъ парубокъ.

Жила себѣ удова, во такъ, якъ бы у насъ у Соини. И бывъ у яе одинъ сынъ. Жили яны бѣдно, и ѣсть нечаго було. Отъ, яна говорить: иди, мой сынъ—ты уже у лѣтахъ—ти не заробишь ты чаго нѣбудъ на пропитанья! Ну, ёнъ пошовъ къ дяку. А у прѣжнее время были деньги дороги. Приходить къ дяку. «Здрастуй!»—Здрастуй! Што жъ ты пришовъ?—„А я пришовъ, ти не наняли бъ мене у работники?“—Ну, мнѣ нуженъ работникъ. А ти будешь ты вѣрно служить?—„Буду, батюшка, старатца съ усердіемъ!“—Ну, служи! И дамъ табѣ жалованья одну денежку у годъ!—„Ну, добря, спасибо и за это.“ И остався служить, на годъ ставъ. И такихъ самымъ манеромъ ёнъ прослуживъ годъ. Дякъ дасть ему одну денежку. Ёнъ зайшовъ икъ колодесю, къ матери заходя, и укинуть яе у водѣ и кастъ: коли я вѣрно служивъ, то моя денъга будеть навярху, а яя вѣрно, то затонеть. Ина и утонула. Прослуживъ ёнъ яще годъ уторѣй ужю. Получивъ денежку и зновъ пошовъ къ тому самому къ колодесю и укинуть яе у водѣ. „Коли я вѣрно служивъ, кастъ, то моя денежка не затонеть!“ Кинувъ, а яна и утонула. Остався ёнъ и на третій годъ. Пошовъ и съ той денежкой къ колодесю, и бросивъ и тую у водѣ: „коли жъ я невѣрно служивъ батюшкѣ, то пусть моя и осталная тонеть денъга, а коли вѣрно, пусть уся три поднимутца наверхъ!“ Яны и усплыли.

Ёнъ, получѣвши стѣя уся три денежки у руки, пошовъ по дорогахъ покупать товару на стѣ три денъги. Устрѣтивъ тряпошника, первый яму бывать по пути. «Здрастуй!»—Здоровъ!—Ти нема у тебе на моѣ денъги товару?—Тѣй открынь свой ящикъ, скрывню, показавъ яму разныя ленты, стужки, крали, персыни. Ёнъ посмотрѣвъ и говорить: сто не по моѣй торговли! Ти нема такихъ ящичей, кабъ ко мнѣ принадлежало—кабъ ко храму? Тѣй открынь яму ладуиъ—ящичекъ.—„Вотъ сто мнѣ, кастъ, вещь нужная и ля Бога, говорить, угодная, если я буду угодеиъ.“ И купивъ за уся три денежки у яго ладуу. Пошовъ у чистое идоля по дорози и расклакъ огонѣкъ на кургони, и усынувъ етый ладувъ на гонъ. Етый дымокъ пошовъ подъ небеса. И услышныиъ бывать голосъ явидѣмый: што табѣ надо, чловѣча? А ёнъ отозвався: жалаю, говорить двѣ дудучки, кабъ могли йграть, подъ ими могли горы и лѣса пѣсать, и што перядъ ими стоять! Ну, и видѣтъ, што надають двѣ дудучки перядъ имъ, незвѣстно кимъ зброшено ихъ. Ну, ёнъ публаго даривъ Бога за такую посланую вещь, яму желаемую, и пошовъ. Идѣтъ дали и приходѣтъ къ своей матери. Тая дужа узрадовалась, што увидѣла яго у добрымъ здоровья и стала спрашивать: „што жъ ты, сынокъ,

заслуживъ, сколько пользы мы будемъ имѣть зъ естаго, што ты три годы прослуживъ?“ Ёнъ говоритъ: мать моя дорогая, не принѣсь сейчасъ пользы табѣ, а надѣюсь скоро имѣть отъ Бога пользы. „Ну, што жъ ты дѣлаешь?“—А такъ и такъ... (Всѣ разсказываетъ).

Ну, поживши малое уремя, говоритъ: мать моя дорогая! пойду опять къ етому самому своему хозяину служить.—Богъ благословить тябе. Ну ёнъ и отправився изновъ. Приходить къ батюшку и начавъ имѣть договоръ изъ имъ, у наймы пастуховъ изъ имъ. Батюшка дужа радъ бывъ етому дѣлу—яму пастухъ нужнѣе бывъ. Договорилися яны, значитца, по заслуги заплатата, а расчотъ у концы лѣта. Ну, ёнъ нанявъ и договоривъ, и ёнъ погнавъ у идля скофину яго. Сѣвъ на кургонушникъ и заигравъ у еты двѣ дудучки свод. Якъ заигравъ, дыкъ скогъ ставъ тунцувать, а тоды и лѣса, и горюшки, и усѣ. Тунцували, покуль съ силъ выбились. Едва ёнъ ихъ пригнавъ удадру. Вѣдомо, ня пивши, ня ѣвши. Увидила ето матушка и батюшка, стали яго бранить: якъ ето ты напасытивъ скогъ, што и боки у нихъ пустѣя? Ёнъ касть: батюшка и матушка! пораньше уставайтя и присматрѣйтя за мной, куды я скогъ гоняю. А у нихъ бывъ садокъ, у естаго у дяка. И возыли тута агрисгу дужа много. Назаутриго, ёнъ скогъ не гнавши, забрались мальчики изъ дярени ворувать етѣй агрисгъ. Батюшка и матушка побѣгли у садъ, забъ ихъ зыхватить. Пастухъ ето зымѣтивъ и сейчасъ нычавъ у дудучки играть, а батюшка зъ матушкой давай у вагрисѣти тунцувать. Ёнъ играетъ, а яны тунцуютъ. Потомъ яны стали яго просить—што, здѣлай милось, оставъ. Ёнъ имъ отвѣщасть: я три годъ вамъ прослуживъ, и што вы назначали, то я бравъ, а тяперь пожалуйтя, што я стану требовать—то я вамъ оставаю. Ну, яны, батюшка сказуютъ:—што жъ ты желаешь?—Пу 50 р. у годъ. Батюшка согласився яму деньги отдать, а дѣло пойдѣмъ доходить судомъ—што я пободрався увесъ. Заплативъ деньги, и пошли на судъ. Идутъ. Идутъ и сустрѣкають гончаровъ на дорози. Возы ихъ были тяжалы, ■ колявийны глыбоки, ня хочѣтъ нихто зъ дороги ворочать. Батюшка кричить: вярпи зъ дороги! Гончары кричатъ: у батюшки возъ то не тяжолъ, и вы люди духовныя, вы наша видитя. положенія—тижолыхъ возовъ! Батюшка видить, што яны люди бытцомъ то ня гордыя, злѣзъ зъ воза и пошовъ къ имъ любопыествовать. А возы стоятъ. Потомъ яны узглянули и говорють: што у насъ, батюшка: якъ бытто вы пободраны усн?—А вотъ, такъ ■ такъ (Разсказываетъ имъ все.)—«Хтожъ васъ заставлявъ у вагрисѣти тунцувать?“—Когда ёнъ зайграсть, то нельзя вытримать.—Ну и тѣя стали просить: пожалуста, зайграй и намъ. Ёнъ зайгравъ, яны и пошли уси тунцувать. Тунцу-

ваши до тыхъ поръ, што и горшки вси чистенько побили на куломбѣ, и яны скачуть, и горшки, и черники — и усѣ. Сказали, сказали — докупить силъ выбились — просють яго ужу, кабы переставъ. Ёнь каеть: а дастьтѣ ну петёрочки, дасть перестану. Яны вазкутъ: у насъ нема, мы горшки не предавали. Ну, охай сабѣ — вы не били троній! Яны дали яму петёрку, ёнь и переставъ играть. Пошли и етая съ своей обидой. Вдуть — дыкъ изъ матушкой и гончары. Ну и погачъ сусерьбазогъ дехтярёвъ. Дыкъ жа мовчиль ужу зъ матушкой, ну а гончары говорютъ: якъ жа свою обиду не расказатъ. Ну, здорові! Здорові! Куды вы? — А, такое и такое было... (Разсказывають, какъ они плясали). Да поиграй, говоритъ, покажется и намъ! Ёнь ставъ играть, а яны ижъ пошли тупцювать! Дыкъ и побилоса и иразивалоса усѣ чистенько — и усѣ у дѣгочъ поудьмалися якъ чертѣ. Ёнь ставъ пробовать дитяти, а яны стали божитца и клятца, што нема троній. Ёнь ихъ отаустыгивъ. И пошли вси умьбеть на судъ. Ну, яны ужу такъ условились, кабы никому не говорить, затрудненій ни дѣлатьъ начальству. И пришли у губерню. И просють, кабы доложили губернии начальнику, што боляще нельзя никому этого доложить. Доложили губернии начальнику. Ёй подожавъ изъ сабѣ и сказьеть: што это зъ такое — за чую зъ каеть? И хто насъ, такихъ дурнявъ заставлявъ у такіхъ дѣлахъ поступать! Ёнь, говоритъ, зъ дрючкомъ надъ вами не стойтъ! Нишкѣй яму какали за это вѣту, и вы можете отпралятьца по мѣстамъ. И я ногъ сейчасъ тока поироню сыгратъ. Ну, тыя отышли, а етай говоритъ: удокниъ ставъ! вы мене не доважны просить, а я доважнѣ вашего приказу слушать, вы наши начальники. Ну, тутъ ужу вызванъ ёнь жану свою, дочерей, усехъ дятей своихъ. Нуку, сыграй! Ёнь пачавъ ихъ играть, яны пачали вси кучку тупцювать. До того ужу, што сриниль, переставъ! А ёнь каеть: а за мѣзкой унярѣдъ и не слыхавъ. Ну, и наградилъ яго крѣпко; должно быть, ты у Бога бывъ достоинъ! А тыи такъ и пошли дѣмовъ, бѣзъ усякаго усига.

С. Сино мѣстечковскаго двора, Ол. гр. Пис. Васковскаго, 27 л. и гр. Запис. пово...

55. С и н я я с в и т а.

Живъ бывъ царь волшебникъ. Ставъ ёнь кличъ кликать, вызывать охотника, штогъ узияся схуватца отъ яго. Или того, хто схуванца, обѣщавъ выдать свою дочку замужъ и половина царства оддать. Нашося такѣй Синяя свита — пачѣво синита Соломенный кувнакъ. Узияся зѣтъ схуватца отъ царя, а коли не схуванца, дыкъ яго на смерть доважнѣ сказнить. Настытъ ёнь и расписався. С. св. пал. синита, Сол. кувнакъ приидъ царомъ стоявъ добрымъ молодцомъ, по двору бѣхъ чорнымъ соболемъ, полъ

вороты лѣзъ бѣлымъ горностаемъ, по полю бѣхъ шѣрымъ зайцемъ. Якъ бязи, дыкъ бязи за тридѣвѣть земель у тридѣвитое чарѣтвю. А у етымъ чарѣтви ёсь дужа большѣй духъ. На етымъ луку расцѣпався ёнъ на три цвѣтѣ. На другѣй дѣнь царь, уставиши ранѣнько, умывшисѣ бѣлѣнько, посмотрѣвши у свои волшебныя книги, узнатьъ ёсѣ и кажитъ: „Приидо мной стоявъ добрымъ молодцомъ, по двору бѣхъ чернымъ соболемъ, подъ вороты лѣзъ бѣлымъ горностаемъ, по полю бѣхъ шѣрымъ зайцемъ. Збѣхъ на большѣй духъ у тридѣсятѣмъ чарѣтви и расцѣпався на три цвѣтѣй разноцвѣтныхъ. — Слуги мои шѣрымъ, слуги мои добрымъ, идѣти вы у тридѣситое чарѣтвю. Ёсь тамъ дужа большѣй духъ, а на имъ три цвѣтѣй разноцвѣтныхъ. Вы ихъ оторванѣти, у платокъ завязанѣти и мнѣ принясѣти! Слуги и пошли. Ишли яны ти довго, ти коротко, только нашли тыи цвѣтѣй, у платокъ завязали и къ царю принасли. Тады царь пытайтъ: „А што, Синяя свита, ти схуався ты отъ мене?“ Ставъ свита царя просѣтъ, кабъ дозволитъ схуавца яцо расѣ. Царь дозволитъ. Синяя свита, налѣво ешита, Соломенный кушакъ иридѣ царемъ стоявъ добрымъ молодцомъ, по двору бѣхъ чернымъ соболемъ, подъ вороты лѣзъ бѣлымъ горностаемъ, по полю бѣхъ шѣрымъ зайцемъ. Якъ бязи, дыкъ бязи за тридѣвѣть земель у тридѣситое чарѣтвю. У етомъ чарѣтви ёсь такѣй мохъ, што сверху болото, а подпиздѣмъ бяздонная вода. Зайшовъ ёнъ у мохъ, обярнувся рыбой покунемъ, забрався на самое дно и сидѣтъ тамъ. На вутро царь, уставиши ранѣнько, умывшисѣ бѣлѣнько, посмотрѣвши у волшебныя книги, кажитъ: „Приидо мной стоявъ добрымъ молодцомъ, по двору бѣхъ чернымъ соболемъ, подъ вороты лѣзъ бѣлымъ горностаемъ, по полю бѣхъ шѣрымъ зайцемъ. Збѣхъ за тридѣвѣть земель, у тридѣситое чарѣтвю и схуався у болоти, обярнувшисѣ рыбой покунемъ!“ Велѣтъ царь своимъ слугамъ итѣти у тридѣситое чарѣтвю, вычистѣти болото и зловѣти вокуня. Слуги такъ и здѣлани; зрубилѣ, вычистѣли тое болото такъ, што только одна буза осталасѣ поверху; закипули яны еѣти, поймали окуня, завязали у платокъ и къ царю принасли. „Ну, што, Синяя свита, ти схуався ты отъ мене?“ пытайтъ царь. Синяя свита, налѣво ешита, Соломенный кушакъ онятъ ставъ просѣтъ царя, кабъ дозволитъ яцо схуавца. Царь и яцо дозволитъ. Синяя свита иридѣ царемъ стоявъ добрымъ молодцомъ, по двору бѣхъ чернымъ соболемъ, подъ вороты лѣзъ бѣлымъ горностаемъ, по полю бѣхъ шѣрымъ зайцемъ. Якъ бязи, дыкъ бязи за тридѣвѣть земель у тридѣситое чарѣтвю, дѣ ёсь такѣй дубъ, што корни у земли, а макушка у неби. Узлѣзъ ёнъ на дубъ, обярнувся иглочкой ды подъ коринку, и сидѣтъ. Прилетѣла на дубъ птица Нагай, узпала, што тутъ ёсь чловѣкъ, и пытайтъ: хто тутъ ёсь?—Я, кажитъ

Свита.—„А зачѣмъ ты забрався сюда?“—„Ды вотъ, узався я схуватица отъ царя волшебника, ды ниякъ не схуватица.“—„А хошь, я тебе схуваю?“ кажить птица. Свита ставъ ее просить. Нагай птица обярнула яго цыринкой; узла къ сабѣ подъ крыло, снесла и положила сонному царю запазуху. Вутринкомъ царь устанъ, умылся, поспотрѣвъ по волшебнымъ книгамъ и говоритъ: „Придо мной стояишь добрымъ молодцомъ; по двору бѣхъ чорнымъ соболемъ; подъ ворота лѣзъ бѣлымъ горностаемъ; по полю бѣхъ шѣрымъ зайцемъ; збѣхъ у тридесатое чарство. Ёсь тамытька дубъ, што корни у земли, а макушка у неби. Забрався ёнъ за яго кору и сидѣтъ, обярнувшись игалочкой.“ Приказавъ царь слугамъ, кабъ яны спилили дубъ, покололи яго на дрѣва и сожгли. Слуги такъ и здѣлали, а Сипей свиты не нашли, объ чѣмъ царю и доложили. Вотъ царь вышнѣвъ на крыльцо и зовѣтъ: «Синия свита, налѣво сшита, Соломенный кувпакъ, покажися!»—Нѣ, говоритъ Свита: збери перши вильможей и королей, тады покажуся.“ Царь думавъ, што ёнъ тутытька, дѣ либо ли яго: кружився, кружився воколо себе, а Свита сидѣтъ сабѣ у яго запазухой. Вотъ царь собравъ вильможей и спараловъ; вышнѣвъ на крыльцо и опять зовѣтъ: «Синия свита, налѣво сшита, Соломенный кувпакъ, покажися!»—«Нѣ, боюсь—обманешъ. Снаряжайка дочкѣ подъ винецъ, тады и я буду.» Царь велѣвъ заложить у карету шасътёрку лошадей, посадивъ у ее королевну и вышнѣвъ на крыльцо. Удрухъ вылетѣла цыринка и стала добрымъ молодцомъ. Сѣвъ ёнъ къ королевни у карету, и поѣхали подъ винецъ. Повиньчались и сыграли свадьбу. Царь отансавъ лямъ половину чарства, а по смерти и усѣ.

Городокскій урядъ, писецъ, губ. Завис. ут-ца Байкассая.

56. Хведоръ Набилкинъ и суправдишныя богатыри.

Живи бывъ сабѣ у поколицы шляхтицъ. Тоды примѣромъ уздумавъ ёнъ сабѣ ште—убяруси я богатырѣмъ! Ну, справивъ сабѣ тамъ якій струментъ—праведную косу, памѣсть меча, полютинный шатѣръ справивъ, тоё—сѣе, узавъ кобылѣнку, сядло справивъ тамъ якое, и поѣхавъ. Ъхавъ—ѣхавъ, прѣѣзжаесть у городъ. Глянетъ—прибита таблица. Ёнъ сицасъ узавъ, вышнѣвъ карандашъ и сицасъ объявляеъ чesъ, што у такомъ то году, такого то мѣсца, такого то числа, Ъхавъ сильный могучій богатырь Хведоръ Набилкинъ—ззади не догонитъ и спереду не стрѣкать, а стрѣвши, па колѣники стать и шапку здѣтъ ды ѣ проздравить! Послѣ этого ёнъ поѣхавъ дальше по своѣмъ путю. Дальше паѣзжаеъ къ етой табличкѣ справядливый богатырь. Глянувъ на таблицу и думаеъ самъ сабѣ: што тутъ за такій явився силъникъ—никая чутки ня було объ яго, а тутъ

сь. И спереду не суетрѣкать, и ззади не догонять, а стрѣвши на ко-
лѣнки стать и шапку здѣтьды й проздравить! Ну, тутъ етый богатырь
три версты кругу давъ и яго объѣхавъ и напярѣдъ ставъ, ставъ на
колѣнкахъ и шапку здѣть. Тоды говорить: здраемъ—жалаемъ, сильный
могучій богатырь Хведоръ Набилкинъ! Дѣ, прикажетья мнѣ, говорить, ѣхать:
ти ззади, ти наперѣдъ?—Ѣдъ ззади, дренъ! Той и поѣхавъ ззади. Ну,
проѣхали яны кольки тамъ, пріѣхали къ лугу. Етый жа сильный бога-
тырь якъ пріѣхавъ, соскочивъ зъ лошади, такъ и пусьтивъ на прогулку.
Такъ ина и загримѣла. Ну, и Хведоръ Набилкинъ свою пусьтивъ на
ровъ на лугу. Етый жа богатырь распыавъ свой шатѣрь, а Хведоръ свой
шатѣрчикъ. Глянетъ—глянетъ—идѣ жъ яго лошадь? самъ тутъ, а лоша-
ди нѣту. А йна красуетъ. Тоды, перенучувавши, богатырь ставъ истрить
мечъ, а Хведоръ Набилкинъ—давай и ѣвъ свою косу истрить. И тая жъ
мечъ истритца тихонько, а коса зиднитъ—дзынь объ камень! Тѣй бога-
тырь и думаетъ, што сто такое, што яго мечъ звенить почпце моей?
Тоды простояли яны тамъ два дни, на третій день приходитъ къ яму
богатырь и говорить: „сильный могучій богатырь Хведоръ Набилкинъ! про-
ситъ васъ двѣ головы—цмокъ къ сабѣ на честь—поборотца! Ну, етый
што крупной силы побивъ, а мелкий, дыкъ и цоту нема.» Значитца, ѣвъ
получивъ поѣстку отъ змѣя. «Дыкъ ти сами поѣдетя, ти мнѣ прика-
жетья?»—Атъ, говорить: ты, говорить, дренъ: буду я руки гадить такими
пусьтыками! Богатырь той выплавъ, сицасъ свиснувъ богатырскимъ го-
лосомъ, молодецкимъ поевистомъ—яго лошадь сицасъ оивляетца къ яму.
А яго коло яго хдѣть. Тоды сѣвъ на лошадъ и поѣхавъ къ тому цмоку.
А тѣй ждавъ, ждавъ—нѣту, дыкъ ѣвъ ужъ и самъ ѣдетъ. И здѣлали
стрѣчу. И цмокъ тѣй спрашастъ у богатыря: што ты за такѣй: ти ты,
говорять, Хведоръ Набилкинъ, ли ты побивъ большія силы, што и цоту
нема?—Я, говорить. Слухаеть яго ужъ зѣтѣну. Подѣѣхавъ и говорить: а ты
што за такая итушка?—А вотъ, говорить, подѣѣхажайка поближе! Ну,
богатырь вынивъ свою мечъ съ подѣ сѣдла, тоды цмокъ и спрашаваетъ:
ну што жъ, говорить: ти будемъ битца, ти миритца?—Нѣ, говорить,
ничастая сила, ни на то я, добрый молодецъ, ѣхавъ, кабъ миритца, а
на то, кабъ битца! Тоды примѣромъ ѣвъ подѣѣхавъ поближе. „Э, нѣ,
говорить: младъ ты!“—Ну, младъ—не младъ, а будетъ ладъ! Якъ двиг-
нувъ меччу, такъ двѣ головы делѣтъ. Тоды сицасъ—падо жъ яму на при-
знакъ привезъти голды, што убивъ. Ну, ѣвъ усторнувъ на мечъ и вя-
зеть одну голову на признакъ. Пріѣхавъ и спрашаваетъ у яго, у Хве-
дора Набилкина: гдѣ, говорить, прикажетья голову дѣтъ, сильный могучій
богатырь Хведоръ Набилкинъ? Отпицаетъ ѣвъ: брось у кустъ! говорить

Такъ, нияного думючи, набѣжжаетъ лицо богатырь на тую табличку. Глянувъ ны же и думать: што такое ето оявилосѣ? откуда ето? Ну, ѣдетъ датыпи, нападаетъ на нихъ. Сидѣтъ зѣбѣзъ зѣ лошади и пусѣтъ. Тѣя и полѣтъѣла на крусуванѣя. Нияного зпоровѣ, пусѣтъѣмѣя лошадѣ, и подходитъ къ Хведору Набилкинѣ: надожѣ чѣсѣ отдать. Хведорѣ Набилкинѣ спрашаваетъ: хто ты такѣй?—Я, говорить, богатырь!—Ну, пожалуй зѣ нами умѣсти! Ну, тѣя расѣянкѣ своей шатѣрѣ и занучували. Насѣаутрего подходитъ етый богатырь и спрашаваетъ у яго: адражѣмѣ—жалѣемѣ! Вотѣ проситѣ васѣ къ сабѣ, сильный могучѣй богатырь Хведорѣ Набилкинѣ, такѣй и такѣй поганый цмокѣ съ 4-ми годовѣми новоюватца? Ти самѣ поѣдѣся, ти мнѣ прикажѣя?—Ѣдѣ, дренѣ, ты! Етый сидѣтъ устѣетѣ, свисѣнувъ богатырѣскимѣ голосомѣ, молодецкимѣ посѣястоѣмѣ—литѣтъ лошадѣ. Осѣдѣавѣ, и поѣхавѣ къ етому поганому цмоку на чѣсѣ—побитца. Сидѣтъ прѣбжжѣетѣ къ дому къ яго, а ѣвѣ сидѣтъ узнавѣ, што ето ѣдетѣ сильный могучѣй богатырь Хведорѣ Набилкинѣ. Выходѣтъ къ яму иѣшѣмѣ и спрашѣетѣ: што ты ѣсѣ за сильный могучѣй, што ты такѣ почестно и поздно ко мнѣ оявѣясѣся?—Я Хведорѣ Набилкинѣ! Я прѣбхавѣ къ табѣ битца.—Ну прѣбхавѣ, дѣвѣ давай битца! Стали битца—дыкѣ ѣнѣ яго зѣбивѣ, змясикѣ, голѣвы потрубивѣ, узѣявъ сторпукѣ голѣву на мечѣ повѣзѣтъ на показѣ. Прѣбжжѣяючи, лошадѣ сидѣтъ пусѣтивѣ и пѣтаѣтъ: сильный могучѣй богатырь Хведорѣ Набилкинѣ: гдѣ прикажѣя дѣтъ голѣву?—Бросѣ, дренѣ, говорить, у куѣтъ и ту!

На третѣй дѣнѣ приходѣтъ первый богатырь и гонѣритѣ: сильный могучѣй богатырь Хведорѣ Набилкинѣ! проситѣ васѣ такѣй то зѣмѣй, поганый цмокѣ, зѣ восьмѣ головами на чѣсѣ, пугуляѣтъ, новоюватца. Мы удвохѣ зѣѣдѣдили, а намѣ танѣрѣ ѣхѣтъ.—Ну, слѣшаю!—Тольки, говорить, я свѣисѣну свою лошадѣ, и вы сидѣтъ на мою богатырѣскую лошадѣ и ѣдѣтъ къ яму!—Ничѣго, говорить: подѣтъ мнѣ мою дренѣ! Яны сидѣтъ тутѣ яму засѣдѣтали яго лошадѣ, ну ѣнѣ сѣвѣтъ на лошадѣ и поѣхавѣ. Ѣдетѣ—ѣтъ, якѣ мужикѣ пахѣтъ сѣ сохоѣ—прѣтко дужѣ, хвабро. А тоды тѣй цмокѣ ждѣавѣ—ждѣавѣ богатыря Хведора Набилкина и де дожѣавѣся. Не дожѣавѣшѣеся богатыря, ѣдетѣ къ яму самѣ. И дѣѣлаютѣ стрѣчу на дорожѣ. Тоды ѣнѣ обѣявѣяетѣ яму: ти ты сильный могучѣй богатырь Хведорѣ Набилкинѣ? Тѣя мѣвѣчѣавѣ—мѣвѣчѣавѣ, а тоды дай уѣтѣкатѣ отѣ яго. Назадѣ! И не понавѣтъ на тую дорожѣ, ды на другую, на глухую. И уперѣя у болѣто. Дыкѣ и ѣнѣ свойѣго конѣ утонѣивѣ у болѣто, и цмокѣ и конѣ утонѣивѣ и самѣ утонѣивѣся—мѣдомо, ѣнѣ тяжкѣй. Тоды ѣнѣ выпрѣнувся назадѣ—а у яго тольки голѣвы тырчатѣ. Ухвѣтивѣ ѣнѣ яго мечѣ и давай голѣвы сѣѣчѣ. Замахнувъ разѣ—дѣвѣ голѣвы сѣѣявѣ;

Другей—яцо двѣ сѣтявъ—и такъ уси восемь головъ сѣтявъ. Тогда, узавши эту мечь на плечи, кинуть лошадь свою у болоти, бы на вытянуть, и поновъ къ богатырямъ. Пришедши къ богатырямъ, кричить: ай! сиючасъ отправлюсь отъ у такое то и такое мѣсто, двѣ я борюсъ, и приставля мнѣ мою лошадь и голову на признакъ—и сѣтявъ уси восемь! Тыя думаютъ: што йто ёсь, откуль сто оказія такая? Ну, поѣхали яны туды, найшли тое мѣсто и мизъ себе дѣлають, разговоръ: мы ѣздимъ по сѣвѣту, силу оявляемъ, а ёшь што такей за сильный, што не явився и мѣсть такую силу? И убивъ яго у грязь и съ туловомъ, зъ лошады, и головы посымавъ? И чимъ ёшь тутъ посымавъ? Глядѣтъ ненавошто! Коса, ды й усѣ тутъ. Во сила! Тогда узали стаго коня и понесли подъ пахою. И принесли ему примѣръ, отъявляють: двѣ голову двѣтъ?—Брось дренъ, говорить, у кусты!

„Ну, тыперъ, говорить, господишь Хведоръ Набилкинъ, сильный могучій богатырь, пойдёмъ къ царю на чесь. Ёсь у царя Винограда три дѣчки, и мы женимъ васъ и будемъ слухать нанего приказу—што скажеть, то будемъ и дѣствовать? Обчистили, обчолили яго, усѣ поприбрали хольно, брано, и говорятъ: сильный могучій богатырь: якъ вамъ не совьѣстно на такей лошади ѣздить?—Пушай сибѣ, говорить: мяне познать и у стоми! Яны спрашиваютъ у яго: или намъ повѣстку дать, говорятъ, царю, ты такъ ѣхать?—Нѣ, говорить, надо повѣстку дать. И сиючасъ напишу! Сиючасъ написать, што такого то числа, такого то мѣсяца я буду къ вамъ у сваты, къ царю Винограду.—И пославъ одного богатыря съ повѣткой. Тогда другей богатырь спрашиваетъ: когда жъ мы, говорить, поѣдемъ у сваты?—А якъ попернеть, говорить, тай! Ну, сиючасъ приѣзжаетъ стый богатырь отъ царя Винограда и подасть ему повѣстку: што прошу милыелти прибыть ко мнѣ и съ своими слугами! Нядово думючи, ёшь вязить сиючасъ богатырёмъ своимъ прибриатца ѣхать у сваты. Отжили на луку дыстатонно.

Ну, яны собрались и поѣхали. Якъ свиснувъ одинъ богатырь молодецкимъ посвистомъ, дыкъ ажъ горницы уси заколотились. Ну, царь Виноградъ говдрить: дѣчки моѣ, говорить: выходить къ сильному могучему богатырю Хведору Набилкину, стрѣнѣтъ, яго со усѣю благородностью! Дѣчки тыя собрались, стрѣтили яго и пуляли яго у горницы, и много прѣдвольствія дали имъ всякаго. И дивутца што ёшь—такей, а слуги яго такея. И большая говорить: я пойду, обручуся зъ имъ! А меньшая: нѣтъ, говорить, я обручуся! А малая говорить: а кому, говорить, отецъ, царь Виноградъ, позволить, тая зъ имъ будетъ и жить! Ну, споровали—споровали, большая пожелаала изъ имъ обручитца. Ну, а малая и сядиша пожелаали изъ яго прислугами. Только яны побыли у госпѣтѣхъ

три дни, на четвертый день обручались все три — Хведоръ Набилкинъ зъ бѣлшова, одинъ богатырь съ сардиней, а той другой богатырь зъ малою.

Только они стали жить у цря Винограда и почувъ цмокъ—Шутъ, што етакій у яго зяць съ прислугами, и озявѣть царю Винограду,— што попробуемъ, говоритъ, битца —аго кто и речедегъ! И присылаетъ повѣтку къ нему, кабы на такое и такое число на пляцъ собратца воинство дѣлать. —Царь Виноградъ призываетъ Хведора Набилкина и говоритъ: ну, што, мой зяць: якъ мы будемъ ризоридкацца? Ситы у насъ мило, у насъ у три рѣдн ситы бои, якъ у насъ—ужу намъ ни жить, вѣтъ насъ выгонятъ изъ дому! —А вотъ, батюшка, говоритъ, царь Виноградъ сколько у насъ ёсь пашковъ, крапковъ, стерилѣвъ и плотниковъ —прикажита, кабы вси були сюды на дворъ къ намъ съ сазнѣя струмянтомы! Ну, тутъ ещася царь Виноградъ приказаетъ усечь оявитца. И собралися вси чистеньки —плотникъ съ топиромъ, павецъ съ шиллемъ, съ копыльчѣмъ, кривецъ зъ ножнами съ ыгачици, бѣдѣрь зъ разяфромъ, съ заторомъ. Ещася царь Виноградъ и пашаетъ зятѣ мой Хведоръ Набилкинъ: што ты будешь дѣлать зъ етими зъ людьми? —А будемъ дѣлать дровянныхъ людей! Выставлятъ будемъ на пляцъ, агъ битца. Ещася, дождавши того уречя, што битца, усихъ чного повывастыли: побилили усихъ, поѣли и повывастали, и мушцу пристрѣлили. Ну, появку дали цмоку—Шуту: выходи бой дѣлать! Ну, вѣтъ вышавъ зъ людьми—сколько у яго тамъ было—звѣстно, зъ-истари кораньки были не большія! Только, прѣбравъ, етій цмокъ —Шутъ —пашувъ у подозрную трубку, што люди уже стоятъ драку дѣлать—зятѣ, говоритъ: старейтесъ, говоритъ, ребята, кабы намъ побить войску царя Винограда! Ещася подходитъ къ пляцу, давай бѣгца, давай стрѣлять. Бивъ—бивъ—отъ ихъ ни крику, ни зыку, ни вѣску, ничего нѣгу—вѣдомо дерево —якъ ударить, дѣлкъ ёкъ бурдѣкъ—и повалигца. И цмокъ—Шутъ повываливъ вси запасы, и не убилъ никого. Ну, поѣдемъ, касть, на руконашъ! Тоды пришли на руконашъ, ажты дерево. А они стоятъ на таѣти, кабы на ихъ стрѣль ни йшоуъ. Ну, тоды видить тое, што запасъ у ихъ вышавъ. Хведоръ Набилкинъ говоритъ: ну, приятца, говоритъ, братцы, у щирую правду! Ну, тымъ ти довго—ещася силу тую побили, погусували и цмока—Шута у полонъ забрали и къ царю Винограду приставили калышню. Тоды царь Виноградъ говоритъ: ну, якъ мы будемъ, говоритъ, дѣлать? —А Хведоръ Набилкинъ говоритъ: я, говорить, останусь у твоёмъ домѣ, а моѣ слуги пойдутъ у царство у Шутово! —Нѣ, говоритъ: пуцай твоѣ слуги у моёмъ домѣ, а ты отирайся у Шутово царство. (Познавъ.) Тоды ёкъ поѣхавъ у тое царство и ставъ тамъ жить. И жѣла у яго пашаетца: хто ты такей ёсь, и зачимъ у тя

бе не такая сила, якъ у тыхъ пужелуъ тгвахъ?—А я, гогарить, та-
кей, што ня силой нуюю, а розумомъ.

*Записано мною въ в. Давыдаъ родильскій сел. елим. г. Овъ кр. Стисина Пав-
лова, 80 л. неграмотнаго.*

57. Сынъ продаѣный.

Бывъ мужъ жъ жаною. Помѣли яны четверо дѣтей. Помѣръ батѣка,
помѣрла матка. засталісь дѣтки одны. Ну, яны кело людей кое якъ
повыросли. Можеть, сынъ быкъ болышій. Ставъ ёнъ у людей пытать:
ти ня можно бѣ зяѣ жанитца? И подстроили яму люди, што можно
жанитца. Ёнъ посватался и жавился. Тяперъ спрашиваетъ у жаны:
«жана моя милая, жана моя любая! примимъ мы зятя къ болышай сяс-
трѣ, видѣ мнѣ болыше пехечи будеть!» Тольки жъ яны такъ зрядились,
ѣдутъ сваты къ той болышой. Тяперъ ёнъ узгора жъ жаною гогорить:
мѣли бѣ мы зятя принять, а тяперъ сваты хорошіе: оддадимъ мы яе, а
можа примимъ къ сяредней. Оддали жъ яны яе, высселья згуляли. Тольки
прѣѣхали зъ высселья, ѣдутъ другіе сваты къ сяредней. Вотъ ёнъ опять
жъ жаною гогорить: «имѣли мы принять къ ёй зятя, ды оддадимъ и
ету: то были сваты хорошіе, а еты еще лучши. А можа къ менышай
примемъ!» Оддай жъ яны и ету, высселья згуляли. Покуль жъ высселья
прѣѣхали, ѣдутъ третїе сваты. То были хорошіе, а еты еще луччіе.
Тяперъ ёнъ узнаю жъ жаною гогорить: «имѣлись зятя принять, ды то
были сваты хореніе, а еты еще луччіе: оддадимъ и ету!» И оддали. Жя-
вуть яны тоды нядѣлю, другую и третїю самъ-другъ жъ жаною
поодлававши. Тяперъ ёнъ гогорить: «жана моя милая, жана моя любая!
Сѣѣжжу и къ сѣстрамъ у гогѣти: добро, што за добрыхъ оддали, а
никая имъ жинеть, задобрѣеть, отѣѣда!» Запрѣтъ лошадѣ и поѣхавъ.
Заѣхавъ къ болышай сястрѣ. Дала ина яму чекѣти, такіа хорошія. Гу-
ляеть ёнъ сутки, гуляеть другія, гуляеть и третїя. Здалось яму троя
сутокъ прогулять, ажъ прогулять три годъ. Тяперъ выправляеть яю
сѣстра удвору: «ѣдѣ, мой брахнинька, ѣдѣ, мой родной, удвору!» Дадѣтъ
яму чресло денегъ удвору, а ёнъ ёй гогорить: «ахъ, моя сѣстрица род-
ная, штожъ я тябе, болышай сѣстрицы, довѣдався, хотѣлось бы довѣдатца
саредней сѣстрицы!»—Ну, брахнинька мой, куды сабѣ хочешъ, поѣдешъ,
тольки я тябе выправляю! Тяперъ ёнъ запрѣтъ лошадѣ, пошпровався съ
етою сестрою и поѣхавъ. Заѣхавъ къ сяредней сястрѣ. Тамъ была чесь
хорошая, а тутъ еще лучшая. Гуляеть ёнъ сутки, гуляеть ёнъ другія,
гуляеть и третїи. Здалось яму троя сутокъ, ажъ прошло три годъ.
Выправляеть яю сѣстра удвору ш дѣсть яму чресло денегъ. „ѣдѣ, мой
брахнинька, удвору!“—Ахъ, моя сѣстрица: што я насъ двухъ сѣсѣтеръ

довѣдався, хотѣлось бы мнѣ довѣдатца третей сестры. „Ну, мой брахмипька, ѣдь куда хочешь, только я тебе выправлю!“ Вотъ ѣтъ пошовъ, лошади задрѣгъ, съ сестрою попрощався и поѣхавъ. Заѣхавъ же ѣтъ къ третьей сестрѣ. Тамъ была чаша хорошая, а тутъ еще лучшая. Гуляеть ѣтъ сутки, гуляеть ѣтъ другія, гуляеть и третія. Здалось яму троя сутокъ, ажъ прошло три года. Тилеръ выправляетъ яго сестра удвору и даетъ яму на гостиницу черселъ денегъ. Пошовъ ѣтъ, задрѣгъ лошади, поѣхавъ подъ крылцо, простився съ ёю, поцеловався, и говорить она яму: „будеть табѣ, брахмипька, на дорожи три шинки, не заѣжай ни въ водниъ шинки, а ежати только заѣдешь, потеряешь черселъ денегъ!“ Поѣхавъ ѣтъ, ѣдетъ и видитъ напореди шинкъ. И думаетъ: чаго мнѣ заѣзжать? видъ у мене на возу много питенья и ѣдений. Вотъ выбѣгаетъ ишь шинку шинкарь и кричитъ: „эй, добрый человекъ! Занимъ ты насъ миновать? ти табѣ жалъ тай конейки, што бѣ ты намъ еѣ давъ? Мы бѣ ёю покормилися. Ты проѣхавъ, другій объѣдетъ, а третей обѣдетъ,—съ чаго жѣ вамъ жить?“—Мусиъ ѣтъ заѣхавъ. Выниъ и закусиъ. Узнавъ съвъ и поѣхавъ. Ти много, ти мало проѣхавъ, цанъ—у кармани нема денегъ черсела. Ну, того уже не вѣрнишь, што потерявъ, поѣхавъ и думая: „ну, теперь у другій шинковъ ни за што не поѣду!“ Прѣѣхавъ къ другому шинку и не взириеть на яго. Выбѣгая шинкарька, догоняя яго: „эй, человекъ добрый! лгто ты насъ обижаетъ, ти тябе бѣ эта конейка добила, што бѣ ты выпить, зѣвъ? Въ пашитя, съети, а мы зѣ этаго хочемъ прокормитца. Ты проѣхавъ, другій объѣди, а третей обѣди!“ Мусиъ ѣтъ вярнутца, заѣхавъ. Выниъ, закусиъ, съвъ и поѣхавъ. Ти много, ти мало проѣхавъ, цанъ у карманѣ—другого черсела нема денегъ. Ну, такъ ѣтъ и думая: „потерявъ два черсела денегъ, а съ третеймъ вернусь удвору. У етай третей шинкъ ни за што не поѣду“. Ёдетъ ѣтъ къ шинку, не взираеть на яго, обѣзжаетъ. Выбѣгаетъ тоже шинкарьская лочъ, догоняетъ его и кричитъ: „эхъ, человекъ добрый! Занимъ ты насъ обижаетъ? ти тябе бѣ тая конейка убила, што бѣ ты выпить, зѣвъ? мы зѣ этаго живѣмъ, кормимся. Ты объѣхавъ, другій объѣди, третей обѣдетъ,—съ чаго намъ жить?“—Мусиъ ѣтъ зайти. Выниъ, закусиъ, съвъ и поѣхавъ. Ти много, ти мало ѣхавъ, цанъ за карманѣ—нема ни воднаго черсела денегъ. Пошкрабавъ, пошкрабавъ голову, што потѣрявъ, того не вѣрнишь и поѣхавъ. Ёхавъ, ѣхавъ, захотѣлось яму пить. И тожъ пѣйдѣ воды нема, ни рѣки, ни возира, ни колодижа, пѣйдѣ ничѣго нема. Ёдетъ ѣтъ, и видитъ въ сторонѣ буномъ криница. Прѣѣхавъ, туды, такъ я ёсь—криница и трава хорошая. „Выпрягу коня, воды пьюся, конь одыша и травы поѣсъ!“ Лѣгъ ѣтъ одыхать и заснувъ

Видитъ ёнъ во снѣ: приходитъ къ ямѣ Вязмертныи Кащѣ и гондрия: „Што ты вѣдаешъ, добрый человѣкъ: отдай ты мнѣ тоя, што ты у дворѣ не вѣдаешъ, дыкъ я табѣ отдамъ три чересла денегъ.“ Думавъ ёнъ, думавъ: што я у дворѣ ня вѣдаю? одна жана осталася! Такъ ёнъ во снѣ и отказывал: „а ужожъ нехай сабѣ табѣ тоя, што у дворѣ ня вѣдаю!“ Ёнъ ямѣ сонному укладъ три чересла денегъ и писямцо. Проснувшись, ёнъ цапъ за карманы—и видить, што деньги онятъ при ёмъ, и говорить: слава Богу, што деньги вырнулись! Съ радостью запрѣгъ коня, сѣвъ и поѣхавъ.

Прѣѣзжаетъ къ своей жанѣ, и не зная того, што жану оставивъ беременную, и родився у яго сынъ, и за деньги лѣтъ научился грамоти. Ямѣ усѣ казалось, што ёнъ пробывъ десть сутокъ. Подѣѣзжая къ двору, яго устрѣчал яго сынъ и гондрия: „здрасгни, отецъ!“ Тогда ёнъ кусъ себе за губу, подумавъ: „вошь кого я отдамъ, чаго не вѣдаю!“—Узѣхавши у дворѣ, сынъ отпрѣгъ лошадь, прибравъ яго хорошеенько и убѣгасть у хату. Говорить яму отецъ: „вытопя ты мнѣ баню!“—Хорошо, батюшка, вытоплю! Приготовивши усѣ, говорить отцу: усѣ уже готово, ступай у баню! Ёнъ пошовъ, а сынъ гозорить матцы: „посмотрю я у батюшкины карманы. ти не привѣзъ ёнъ мнѣ якого гостынища?“—Нояди, мой сынокъ! Ёнъ поладивъ. Цапъ—три чересла пошовъ денегъ. Такъ ёнъ обрадовася етому: будеть, матушка, на нашъ вѣкъ! И пошовъ ето писямцо. „Нѣ, матушка: не радуеся етими деньгами и прѣздомъ батюшкы: або оддай мнѣ батюшка Вязмертному Кащю, яму на услугу.“ Такъ и заплакавъ ёнъ, заплакала мать. Приходитъ отецъ зъ бани, а жыы плачуть. „Чаго вы, чаго вы?“—Што жъ ты не бачивши, ня видивши сына, отдавъ Вязмертному Кащю яму на услугу?—Ну, нямнога побывши, выбираетца етый сынъ, прощастца зъ маткою, зъ батькою и говорить: я пойду, только не пойду ямѣ служить, а по волному свѣту ходить. И пошовъ.

Ишовъ, ишовъ, ти много—мало пройшовъ, стоить хатка при дорози. Ёнъ уходитъ у тую хатку, тамъ сидѣтъ дѣвка, шить, выпивають. „Здрасгни, дѣвка!“ — Здрасгни, Иванъ Ивановичъ, сильный, могучий богатырь. Куды Богъ нясѣтъ?—„Не спрашивай, дѣвка, а дайка лучше мнѣ цебиль пива и брюсъ мыла, помытца, побѣлитца и пообѣдать“. Ина ечасъ узкла, цебиль пива поставила и брюсъ мыла положила. Ёнъ уставъ, разобрався, помылся, побѣлился, сѣвъ за столъ. Ина узкла, кувалокъ хлѣба отрѣзала и кувалокъ сыру. Ёнъ сѣвъ и пообѣдавъ: „Вотъ тяперъ, говорить, дѣвка, пытайся у мяне, куды мяне Богъ нясѣтъ? Одай мяне батька Вязмертному Кащю, только я ямѣ не пойду служить, а пойду по волному свѣту ходить.“—Ну, ляхъ ты, подынь не-

много, а я выйду на крыльцо, посмотрю, ты уйдёшь, ты не уйдёшь отъ Бязмертнаго Каща! Крикнула молодецкимъ голосомъ, богатырскимъ поведениемъ. Лѣтъ къ ей иташтва, што ёсь на свѣти. Уси естѣли: Теперь ина будить: „уставъ, Иванъ Ивановичъ, сильный, могучій богатырь, посмотри, што у мене на дворѣ дѣста! Ёшь спрашиваеъ у иташтва: „ти не бачили, ти не видели, айдѣ Бязмертнй Кащъ прибываеъ?“ Иташтва отказываеъ: „Мы увсеъ свѣтъ алѣтанаемъ,—Бязмертнаго Каща нигдѣ не видели!“ Тоды ёшь зъ дѣвкою попроцанея и далшы пошовъ. Такъ ёшь узадованея, што иташтва-яму сказали, што яго быдѣ у свѣти нема. Пошовъ далшы.

Ишовъ, ишовъ, ти много, ти мало пройшовъ, опять стоить хатка при дорози. Тамъ сидѣтъ дѣвка, шить, вышиваеъ. Ёшь ухѣдитъ у хату: „здраствн, дѣвка-дѣвица!“—Ина отказываеъ: здраствн, Иванъ Ивановичъ, богатырскій сынъ! Куды Богъ нясеъ?—„Не спрашиваея, дѣвка, куды Богъ нясеъ, а дайка мнѣ цебирь пива, да брысокъ мыла, мнѣ помытна, побѣлитна и пообѣдять немножко!“ Ина узила, цебирь пива поставила, брысокъ мыла положила. Ёшь уставъ, разобрался, помылся, подѣлался. Ина узила, кукалокъ хлѣба отрѣзала, кусокъ сыру положила. Ёшь сѣвъ за столъ, пообѣдавъ. Тнперъ я табѣ скажу путь-дорогу. Одавъ явсѣ батюшка Бязмертному Кащу на услугу, а только я яму не пойду служить, а пойду на вольному свѣту ходитъ.—Лжкъ, подышъ немножко, а я выйду посмотрю: выйдѣшь, аль не выйдѣшь отъ Бязмертнаго Каща. Вышла на крыльцо, крикнула молодецкимъ голосомъ, богатырскимъ поведениемъ. Идѣтъ къ ей усѣ звѣрьё, што пи ёсь на свѣти. Тельки одныхъ ильвовъ не быдѣ. Ина будить яго: „уставъ, Иванъ Ивановичъ, богатырскій сынъ, посмотри, што у мене на дворѣ дѣста?“ Ёшь уставъ и зирнукъ у окно.—такъ и спужался, што тамъ дичъ такая. „А ты не пужайся, а свойго пытайся“. Тнперъ ёшь говдритъ: вы по свѣту ходитѣ; ти не бачили, ти не видели, айдѣ Бязмертнй Кащъ прибываеъ? Звѣрьё отказываеъ: мы увсеъ свѣтъ сыходимъ, а Бязмертнаго Каща нигдѣ не видели! Такъ ёшь узадованея, што быдѣ яго у свѣти нема. Тнперъ ёшь съ етою дѣвкою попроцанея и далшы пошовъ.

Ишовъ, ишовъ, ишовъ сутки, ишовъ другія,—стоитъ хатка при дорози. Тамъ сидѣтъ дѣвка, шить, вышиваеъ. „Здраствн, дѣвка-дѣвица!“—Здраствн, Иванъ Ивановичъ, богатырскій сынъ! Куды Богъ нясеъ?—Не спрашиваея, дѣвка, куды Богъ нясеъ, а дайка мнѣ цебирь пива и брысокъ мыла, мнѣ помытна, побѣлитна и пообѣдять немножко. Ина узила, цебирь пива поставила, брысокъ мыла положила и кукалокъ хлѣба отрѣзала и кусокъ сыру подала. Ёшь уставъ, разобрался, помылся,

побѣдился, сѣлъ за столъ, пообѣдавъ. „Вотъ тыперь пытайся у мене
 путь-дороги! Одавъ мнѣ батюшка Бяземертному Кацу на услугу, ну
 тольки я не пойду яму служить, а пойду по волному свѣту ходить!“—
 „Лажъ поддыши немножко, а я выйду, посмотрю—увойдѣшь, алы не
 увойдѣшь ты отъ Бяземертнаго Каца? Ина вышла на крыльцо, крикнула
 молодецкимъ голосомъ, богатырскимъ поденистомъ. Идутъ къ ей уся
 лъвы, што ёсь на свѣти уся сошли. Тыперь ина будить яго: „устань,
 Иванъ Ивановичъ, богатырский сынъ, посмотри, што у мнѣ дѣтца на
 дворѣ?“ Ёнъ уставъ, посмотрѣвъ въ окошко, такъ и сужався. Дѣвка
 отиѣдцать: „ты не пужайся, а у мнѣ пытайся!“ Тожь ина зирнула въ
 окошко и видить, што трѣхъ ильвонъ нема. Ина вышла на крыльцо,
 якъ свиснула, такъ листъ отпавъ. И идутъ тыя три лъвы. Ина спра-
 шить: „идѣ вы ходити, идѣ забарился? За вами давно харчуемся?“
 „Мы видѣ были у работи.—„У якой жа вы были работи?“—„Мы чисть-
 тили моря Бяземертному Кацу—яго дочкамъ купатца! Такъ ёнъ сужа-
 ваяся. А ина кажить: „ты не пужайся, а у мнѣ пытайся. На табѣ
 клубочекъ, иди жъ ты съ стымъ клубочкомъ туды и туды, буди такоя
 и такоя мѣсто, дыкъ ты тамъ сяди и сиди. И будеть лятѣть одинад-
 цать голубокъ, сидуть яны коло моря, разбярутца—и стануть дѣвки
 злишныя, што разлюбаватца ими. Ну игобъ яны тѣбе ни видили. Пои-
 дуть яны мытца—бѣлитца, помыютца—побѣлютца. выйдуть вонъ, узновъ
 поодяютца и полетять. А будеть летѣть одна — та я сяди коло моря,
 разбярѣтца и ина. То дѣвки злишныя, а ста ещо злишнѣй. Поидеть
 жа ина мытца—бѣлитца, а ты тымъ уремямъ украдѣся якъ-нибудъ,
 да украдѣ ядѣ одѣяныя. Тыперь ина выйдеть вонъ, хвѣтитца—одѣяныя
 нема. Ина тамъ туды—сюды, глядъ—глядъ на уся стороны—нема одѣ-
 яныя. Дыкъ ина прѣдеть къ табѣ и скажить: ты мой мужъ, а я твоя
 жана, оддай мнѣ моѣ одѣяныя! Ты ей одѣяныя одаси. Тыперь ина
 одѣнетца, порхъ и полетить, а ты стымъ клубкомъ швырни, коло палца
 обварпи концомъ питочки, клубочекъ заченитца за яе, ты кончиномъ
 шморьги и притѣянишь ядѣ къ сабѣ.“ Вотъ ёнъ, попроцавшись, и пошовъ
 по тыхъ приѣтахъ, якъ ина яму сказала. И нашовъ тоя мѣсто, идѣ
 яму сѣсть. Ёнъ сѣлъ и сидѣть. И видить—лятѣть одинадцать голубокъ,
 сѣли коло моря, сѣли, разобралися, пошли мытца—бѣлитца—дѣвки
 злишныя! Помылися—побѣлилися, вышли вонъ. Надѣлися и полетѣли.
 Видить ёнъ—лятѣть ще одна голубка. И та я сѣла на тоя мѣсто, разо-
 бралася, и стала дѣвка злишная: то были пригожя, а ста ще луччая.
 Пошла ина мытца—бѣлитца, а ёнъ повзкомъ къ одѣжи. Якъ понати,
 такъ повзти, и заволокъ къ сабѣ то одѣяныя, идѣ сидѣвъ. Ина вышла
 изъ воды, глядъ—глядъ—идѣ моѣ одѣяныя? Во уся стороны разгѣдила

— нема одѣянья. Ина тутъ стала спрашивать: „кто тутъ ёсь, кто зъ-
мине сосѣйивъ? Чияъ ёнъ жалан, тымъ и буди, только оддай моѣ
дѣянья!“—А ёнъ усеъ мочить: „Ежали старый, буди мой батюшка род-
ный, ежали сиредній—буди мой дидюшка родный; ежали холдстей, буди
кой мужъ вѣрный. Только оддайта моѣ одѣянья!“—Ёнъ тыперь отѣ-
сѣйивъ. Ина прихѣдитъ къ ямѹ и говоритъ: „ты мой мужъ, я твоѣ жана-
оддай моѣ одѣянья!“ Ну, ёнъ и оддавъ ей одѣянья. Ина одѣлась,
пырхъ и полятѣла. А ёнъ стымъ клубочкомъ, кало палца питочкою
завяртѣвши, за ея шибени! и шмируку. Клубочекъ ид и зачанивъ. Ёнъ
клубочекъ сморыгъ къ сабѣ и притягнувъ къ сабѣ яе. Ну, ина говоритъ:
„я хитра, а ты еще хитрѣй!“ Прилегнули яны одинъ другому: што
буди, то буди, уже не различатца одинъ зъ другимъ; буди дѣбро, обѣ-
лимъ буди дѣбро, буди худо, буди обѣлимъ худо. „Ты къ нашему батюшку
идѣштъ, садисъ на мяне!“ Ёнъ сѣлъ на яе и ина потащила яго. Приле-
тають къ батюшкину двору. Иди жъ ты, говори, къ мойму батюшку.
Ёнъ на тебе закричить: идѣ ты забавишся—забавишся, давно надо было
быть! А ты отказывайся, што дорога велика, обножился. Тыперь ёнъ
скажеть: „ничого!“—и буди тебе посылать на станцію. Ты на тую станцію
— йди. Пошлѣтъ ёнъ на другую, ты й на тую станцію ня йди. Пошлѣтъ
ёнъ и на третью, и на четвертую, и дальны, и дальны. И пошлѣтъ
ажъ на двѣнадцатую. Вотъ на тую ты идѣ,—то мой станция буди. Ты-
перь жа ты идѣдешъ на мою станцію, ёнъ приидѣ табѣ харчи. Ты
первыя харчи не ѣжъ, ёнъ приидѣ табѣ другую харчу, ты и той не
ѣжъ, и будеть присылать до двѣнадцати. Ты и одиннадцать не ѣжъ, а
двѣнадцатую можно съѣсть: то харча будеть мой. Ну, такъ и вышло. По-
шовъ ёнъ на двѣнадцатую станцію, зѣвъ двѣнадцатую харчу.

Прилетаетъ туды къ ямѹ полюбовница яго и говоритъ: „сходи ты къ
батюшку, можа ёнъ загадае што зѣлать табѣ?“ Ёнъ пошовъ туды, а
Канъ говоря: завтра рано приходи ко мнѣ! Ёнъ переночевать и на-
завтра пошовъ къ ямѹ. Пошовъ къ ямѹ, а ёнъ сидѣтъ за столомъ и
спрашѣтъ: „што ты ко мнѣ ходишь?“ А ёнъ гонѣря: што ты, батюшка,
велѣтъ мнѣ повутру приходить.—„А вотъ, штобъ ты за седношная ночь
зѣлавъ цѣркву, штобъ повутру звоны зазвонили, свѣчи запалились и обѣдня
заслужилась!“

Прилетаетъ къ ямѹ яго полюбовница, спрашѣтъ у яго: што табѣ
батюшка казавъ?—А што жъ ёнъ казавъ? Казавъ, штобъ я за седнош-
ную ночь построишь цѣркву, штобъ повутру звоны зазвонились, свѣчи
запалились и обѣдня заслужилась!—Ну, ложись спать: сто усеъ буди
зѣлано! Переночевать жа ёнъ, а цѣрка уже готова. Посылаетъ ина яго
узнава къ батюшку,—можетъ ёнъ загадае табѣ дѣлать што нибудь?

Ёнъ пошовъ къ яму, а ёнъ сидѣть за столомъ и спрашивать: што ты ходишь ко мнѣ?—А што жъ я хожу: ти гулять жа? можа што загадасть, што дѣлать?—Да, хорошо. А цѣрку ты здѣлавъ?—Здѣлавъ!—Охъ, не самъ ты это здѣлавъ: котора, да котора дочка моя показаната табѣ!—Нѣ, говора, ниhto мнѣ не помогавъ, ниhto не показывавъ. „Ну, кабъ ты за сѣношпаю nochъ выкопавъ мнѣ канаву отъ своей станцы до моей, семь сажаней ширины и три сажни глыбины, и кабъ по ёй вода пошла, и здѣлавъ лотку и вясло, и кабъ ты прѣхавъ по этой канави ко мнѣ!“ Приходить ёнъ на свою станцию, прилетаетъ къ яму яго полюбовница, спрашивать у яго: што табѣ мой батюшка казавъ?—„А штожъ ёнъ казавъ? кабъ я за сѣношпаю nochъ отъ своей станцы до яго выкопавъ канаву, семь сажаней ширины, а три сажни глыбины, и кабъ здѣлавъ лотку и вясло, штобъ по канави вода пошла, кабъ я завтра ураньни по этой канави у новой лотки прѣхавъ къ яму!“ А ина яму говора: ложись спать, усѣ буди здѣлано!—Ну, переночевавъ, назавтра сидитца у лотку, ина яму говора: не грѣбися жъ вясломъ, а грѣбися рубомъ, або мой батюшка скинетца иукою и проглындѣ тѣбе, а ты яму языкъ прирѣжъ, вотъ ты и пробѣдешъ! Ну, ёнъ сѣвъ у лотку и поѣхавъ. Ажъ такъ и стало. Прѣхавши на берегъ, устыгнувъ ёнъ на берегъ лотку и пошовъ у станцию. А батюшка не бывъ у водѣ и уже за столомъ сидѣть. Спрашивастца ёнъ у яго: „што ты ко мнѣ ходишь?“—Што жъ я хожу? Батюшка жъ вѣлѣвъ мнѣ по новой канави у новой лотки прѣхать къ яму!—„Охъ, не самъ ты это дѣлаешь—которая, да которая дочка помогаъ табѣ!“—Ниhto мнѣ не помогавъ, ниhto мнѣ не пособлявъ!—„Ну, иди на станцию, увечару ко мнѣ приходи!“—Ёнъ пошовъ на станцию. Што ёнъ тамъ дѣлавъ, ти лежавъ, ти нѣ, а увечару къ яму пошовъ. Ёнъ тожъ сидѣть за столомъ и спрашивать: „што ты ходишь ко мнѣ? Приходи завтра повутру: ежали ты узнаешь мою большую дочь, а свою невѣсту, я тѣбе буду жанитъ, и не узнаешь, я тѣбе страчу!“ Прилетая яго полюбовница къ яму. „Што табѣ батюшка казавъ?“—Што жъ ёнъ казавъ? Сказавъ: ежали я угадаю яго большую дочь, буда жанитъ на ёй, а не угадаю—стрѣти.“—А ина кажить яму: „завтра ураньни батюшка призоветъ насъ усихъ къ сабѣ, здѣласть голубками и посылить намъ всѣ. А кабъ ты знавъ мяне, то я усихъ буду клювать и перенархувать зъ мѣста на мѣсто. То й лови мяне!“ Вотъ ёнъ уставъ повутру и пошовъ къ яму. Ёнъ сидѣть за столомъ и спрашивать: „Што ты ко мнѣ ходишь?“—А што жъ я хожу? Мнѣ батюшка приказывъ угадывать своей дочкы, а моей невѣсты! Ёнъ кажить: „да, ступай на тую и тую станцию, будешь угадывать.“ Покулъ ёнъ порогъ переступивъ одинъ—другой, а яны уже тамъ, и кормятца. „Ну, угадавай,

мижъ етыхъ!.. Одна похаживать и поклёвывать. Вотъ ёнъ и ухаивать же. „Ина ваша дочь, а моя невѣста!“—„Ну, угадавъ сегодня, угадай и завтра. Увечару ко мнѣ приходи, а теперь иди на станцію!“—Ёнъ вечера дождавъ, а увечару оный къ яму пошовъ. Ёнъ сидитъ за столомъ и спрашиваетца у яго: што ты ко мнѣ ходишь? — „Што жъ я, батюшка, хожу? Увечару мнѣ батюшка влѣвъ приходитъ!“—Завтри ураньни приходи ко мнѣ: ежали узнаеши мою старшаю дочь, жанишь буду, а не узнаеши, я тябе страчу! Прилетаетъ къ яму яго полюбовница: „ну, што табѣ мой батюшка казанъ?“—А сказавъ: завтри ураньни приходи ко мнѣ: ежали узнаеши мою большаю дочь, жанишь буду, а не узнаеши, я тябе страчу!“—„Вотъ, завтри якъ ты пойдешъ, увидишь насъ двѣнадцать у батюшки, сидѣвши за столомъ. Будемъ мы дѣвками—красавицами, якъ одна. изышными, голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, лицо у лицо, и трудно будетъ табѣ узнать мене. Якъ можно гледи на мене: у мене сидитъ муха на носу, дыкъ я буду вельми махать хвартухомъ, отгонять ее.“ Ну, теперь ёнъ переночувавъ, на-завтри идѣтъ къ отцу, а ёнъ сидитъ за столомъ и спрашиваетъ: „что ты ко мнѣ ходишь?“—А што жъ я хожу? мнѣ жъ батюшка влѣвъ угадать своей бѣлыной дочкѣ, а моей невѣсты.—„Да, ступай на тую и на тую станцію, тамъ будешъ угадывать!“ Покулъ ёнъ порогъ—другій переступивъ, а тамъ уже дѣвки сидятъ за столомъ, такіи изышныя, и голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, лицо у лицо, сидятъ и пѣслии пѣють. Вотъ ёнъ похаживаетъ коло стола и ждѣтъ, послѣдая, которая маханѣтъ хвартухомъ. А отецъ, стоя ззади—скорѣй! кричить. „Ну, угадавай!“ Вотъ ина маханула хвартухомъ, а ёнъ цалъ за не: „вотъ ваша дочь старшая, а моя невѣста!“—Ну, угадавъ сегодня, угадаешъ и завтри. Ступай на станцію, а увечару ко мнѣ приходи! День дшовавъ, и увечару къ яму пошовъ. Приходи къ яму, а ёнъ сидитъ за столомъ. „Што ты ко мнѣ ходишь?“—А што жъ я хожу? мнѣ батюшка влѣвъ увечару приходитъ. „Да, завтри повутру ежали ты угадаеши мою большаю дочь, а свою невѣсту—жанишь буду, а не угадаеши—тябе страчу!“ Прилетаетъ къ яму яго полюбовница и спрашиваетъ: „што мой батюшка табѣ казанъ?“—Што жъ ёнъ мнѣ казанъ? Казавъ—завтри повутру приходи ко мнѣ, ежали ты угадаеши мою старшаю дочь, а свою невѣсту, жанишь буду, а не угадаеши, я тябе страчу!—„Ну, вотъ же мы пойдѣмъ завтри къ яму, поставимъ ёнъ одинадцать молодичъ, а мене тамъ не буда. И скажа: угадавай мижъ етыхъ! А ты скажи яму: „нѣ, батюшка, мижъ етыхъ нема вашей большай дочкѣ, а моей невѣсты. Ёнъ скажа: якъ нема мижъ етыхъ? у мене большы нема! А ты и у другій разъ скажи, што нема тутъ вашей бѣлыной дочкѣ, а моей невѣсты. Ёнъ скажа: до-

сколь жа ты угадаваѣ, ну и живѣ со мною, а тыперѣ не угадаѣ, ну и голову табѣ съ плечѣ! А ты скажи яму: смерть мнѣ, дыкъ смерть, а пусѣти мяне, батюшка, перядѣ смертю по твоихъ покояхъ покрасуватца. А ѣнѣ скажа: а и правда: сколько живѣ со мною, а моихъ покоевъ иде ниразу не видаѣ, — хай покрасуетца перядѣ смертю. Вотъ я въ одномъ такомъ те и такомъ покою буду сидѣти у запечку вельми поганую старухю, такъ што табѣ гадко будетъ на мяне глядѣти, покой етый будетъ запертый и тебе не пусѣтють туды. Дыкъ я кашляну, а ты спроси: кто жѣ ето еще тамъ сидѣти ды кашляетъ? Яны табѣ скажутъ: тамъ у насъ сидѣти старая — престарая старуха, кашляетъ. А ты скажи: треба полядѣти. Ну, яны тебе и пусѣтють: „идѣ ѣнѣ, увидивши злишнихъ красавицъ, узглынетъ на яѣ!“ Вотъ, ты якъ увидѣшъ, дыкъ ня гребуй, и поиди ко мнѣ и сморыгни мяне за правую руку и скажи: „што жѣ вы брешитѣ! ето жѣ ваша большая дочь, а моя нявѣста!“ Дыкъ была я злишная красавица, а то еще позлишиню.“ Ну, такъ усѣ и вышло. Нечего Кашу дѣлать, надо яго жанитѣ зъ ѣю! Сѣйчасъ заручины згудяли, появили у цѣркву и звинчали, гучносъ вяселья было.

Жили жѣ яны тамъ зъ недѣлю ти зъ двѣ, любовалася собою. Тыперѣ ина говоритѣ яму: „Мужъ мой милый, мужъ мой любый! сходи къ мойку батюшку и спроси у яго, ти ни загадаѣта табѣ што — нябудѣ дѣлать?“ Ёѣѣ пошовъ къ яму, а ѣнѣ сидѣти за столомъ и спрашитѣ: што табѣ треба, чаго ты ко мнѣ ходишъ?—А што жѣ я хожу, батюшка? ти гуляти жа мнѣ? Можѣ што загадаѣта дѣлать?—Да, гулянаго хлѣба нѣту, треба што робитѣ! Вотъ што! ѣсѣ у мяне жеребецъ неукъ: штобъ ты мнѣ яго поучивъ! Приходитѣ ѣнѣ къ жанѣ. „Ну, што табѣ мой батюшка казавъ?“—Ничого худого не казавъ, а только сказавъ, што у яго жеребецъ—неукъ, дакъ кабъ яго поучивъ.—Мужъ мой милый, мужъ мой вѣрный! якъ ты ничѣго не знаѣшъ худого, то ты думаѣшъ, и мой батюшка ничого худого не казавъ. Жеребецъ жа етый и ѣсѣ мой батюшка; ѣнѣ имъ скинатца, и якъ ты придѣшъ къ яму, дыкъ ѣнѣ и проглынетъ тебе. Побѣгла ина скорѣй у городъ и купила двѣнадцать пудовъ зилѣза и скувала яму булаву у двѣнадцать пудовъ и говоритѣ: на, попробуй; ежали ета булава будетъ табѣ лѣгка, живы будемъ, а тяжка—пропали мы! Ёнѣ узавъ яе на мѣзинецъ и мотаетъ ёю, якъ соломинкою. „Ну, завтра ты пойдѣшъ къ яму, булаву ету сховай подъ правую полу, а лѣвою рукою отчиниай ворѣты; якъ ты только отчинишъ, такъ ѣнѣ раскрывши ротъ къ табѣ, и ты яму булавою триплай мижъ ушми ударитѣ; дыкъ ѣнѣ на колѣнки упадѣтъ, а ты хватайсѣ сидѣтца на яго и поѣжжай. Якъ жа ѣнѣ тоя прочѣхая, што

ты яго тиннувъ, дыкъ будя старятца подь ноги тябе подбить. Ну, дыкъ ты узновъ яго помижъ вушъ тѣпни. Будя тябе ёнъ носить—носить, а дылй начнѣ скидѣть тябе, кабъ ногами прытопѣть, ну, ты узновъ яго тинни помижъ вушъ!“ Ну, назавтраго пошовъ ёнъ къ Кашу. Тѣй и пошѣсь яго.—Носивъ—носивъ, и увѣзъ у такую багну, што одны вушки тырчать. Думавъ ёнъ, думавъ, што тутъ дѣлать? Багна вельми вяликая, вытащить яго ниякимъ родомъ нельзя. Вотъ ёнъ узивъ, одно вого выколоти и одно вухо отрёзавъ, штобъ было што нести батюшку на примѣту, што жеребецъ затонивъ.

Приходить ёнъ къ жанѣ, переночовавъ зъ ёю, усѣ хорошо, якъ слѣдуетъ. Навутро жаня говѣритъ: сходи къ моему батюшку, можа ёнъ загадасть што дѣлать? Ёнъ и пошовъ. Приходя къ ямѣ, а ёнъ сидѣть за столомъ и епрѣпѣить: „што ты ко мнѣ ходишь? А жеребца выучивъ?“ —Што жъ, батюшка, учивъ—учивъ, да ёнъ якъ увѣзъ мяне у такую багну, што ниякъ нельзя было яго вытннутъ,—одны вушки тырчать! —„Ну, надо было табѣ якую признаку узять, а то я не повѣрю. Можя ты продавъ яго?“—„Нѣ, батюшка, я узивъ!“ И выпиная ямѣ воко. Ёнъ приложивъ къ сабѣ, лпо и зраслось; выпувъ вухо — и тоя зраслось. „Ну, ступай на станицю, а увечарѣ ко мнѣ приходи!“—Вотъ, увечару ёнъ собираетца ити, а жаня яму говѣритъ: „мужъ мой милый, мужъ мой любый! нѣ табѣ булку хлѣба и кусокъ сала. Досюль табѣ ворѣты были отчинены, и тияерь будутъ зачинены. Дыкъ ты приди къ ворѣтамъ и скажи: „милый моѣ ворѣты, уснуелити мяне на дворъ.“ И у лѣтники имъ сала кидѣль! Ворѣты и отчинютца. Узидѣши жъ ты на дворѣ, кинутца къ табѣ собаки: яны тябе разорвутъ. А ты имъ булку хлѣба кидѣль. Помуль яны яд зѣдять, а ты утичешъ. Або мой батюшка усѣ ето будетъ самъ, и воротами и собаками!“ Ну, такъ усѣ и было. Приходить ёнъ у комнату, а батюшка уже сидѣть за столомъ. „Чого ты ко мнѣ ходишь?“—А што мнѣ батюшка вялѣвъ увечари приходѣть. —„Завтра повутру приходитя ко мнѣ удвоихъ жъ жаню!“ Приходить ёнъ къ жанѣ. „Ну, што табѣ мой батюшка казавъ?“—А казавъ, кабъ мы завтра удвохъ пришли къ ямѣ. — „Мужъ мой милый, мужъ мой любый! якъ ты одинъ ходивъ, то мы были обоя живы, а якъ пойдемъ удвоихъ, то помрѣть намъ! Давай луччи утичѣмъ къ твоему отцу!“

Вотъ, яны сичасъ выбралися, поклала нна своѣ рукавички на столъ и дала имъ своѣ йня, и пошли науходъ, а двери замкнули. Кашей ждавъ, ждавъ, не дождався, и посылан за ими: чого яны ны йдутъ? Пришовъ посолъ къ дверямъ: брязъ-брязъ по замку: „ай, сичасъ идѣть, батюшка приказу!“ Рукавички отказують: сичасъ идѣмъ! Кашъ пытая у посла: чаму яны пи йдутъ? Ёнъ отказуя: „сичасъ, говорили;

придежъ!“ Ёнъ ждавъ, ждавъ, не дождався, опять посылая пословъ за нимъ: „Ай, скорѣй приходѣть, такъ батюшка приказуя!“—„Вотъ, сичасъ идѣтъ!“ отвѣчаютъ рукавички. Ну, посоль и пошовъ назадъ. „Што яны? зачѣмъ я идуть?“—Сичасъ, кажуть, лдутъ! Ёнъ ждавъ, ждавъ: „нѣ, видно яны я придуть, а треба самѣму йти!“ Приходъ ёнъ къ дверямъ, такъ тряхъ ногою ў нихъ! Яны расчинились, ажъ тамъ яе рукавички. „А, вотъ это хто мнѣ говоривъ! Яны пошли наѹходъ. Ступайтъ ѹздогонъ!“ А тыя уже отѣхали далѣко. Тоды ина говоръ: „мужъ мой любый! приложись къ зямлѣ, послухай: ти не шумить дуброва, ти не стогня дорога, ти нема за нами погоня!“ Ёнъ призѣгъ, послухавъ, ажъ шумить дуброва, стогня дорога, гоня за ими погоня. Вотъ ина зѣлалась царковкой, а яго зѣлала попомъ. Гоня погоня п ѹбитая у царку. Спрашуй ѹ попа: ти я видивъ ты, ти не заходили людѣ сюды помолитца? А ёнъ отказуя: „я тутъ вѣкъ живу, вѣкъ попомъ служу: никѣго не бачивъ, никѣго ня видивъ. Эта дорога ни заходная, ни заѣжкая!“ Эта погоня воротилась назадъ, а яны опять скинулись людми и далѣшы пошли. А Кащей спрашуй у посла: „а што, бачили кого?“—Нѣ, никѣго не бачили, никѣго ня видели, только при дорози стояла царква и ѹ ёй попъ обѣдную служивъ. И мы ѹ яго пыталися—ти не заходили сюды хто помолитца Богу, дыгъ ёнъ сказавъ, што это дорога ни заходная, ни заѣжкая, я вѣкъ живу, вѣкъ обѣдную служу, и никѣго ня вижу!—„Ну, это жъ яны самыя и ёсь! Надо было ихъ забрать! Ступайтъ опять наѹздогонъ!“ Опять яны пошли. А ина говоръ: „мужъ мой милый, мужъ мой любый! приляжъ, послухай, ти не будя шумѣть дуброва, ти не будя стогнать дорога, ти не гоня за нами погоня!“ Ёнъ послухавъ: „жена моя милая, жана моя любая: шумѣть дуброва, стогня дорога, гоня за нами погоня!“ Таяерь ина зѣлалась ишаницю, а яго зѣлала стѣрожажъ, згонять зъ нѣ верабѣжъ. Прибѣгая погоня къ ишаницы, спрашуй у сторожа, ти не бачивъ ётъ кого, ти ня видивъ?—„Нѣ, говоря: я тутъ съ самой ясны, и никѣго не бачивъ и ня видивъ: эта дорога ни заходная, не заѣжкая!“ Погоня вярнулась назадъ, а йны узновъ скинулись людми и далѣшы пошли. Кащей спрашуй пословъ: „ну, кого вы видели?“—Никого ня видѣли; только при дорози стояла ишаница и сторожъ. Ёнъ намъ сказавъ, што никѣго не бачивъ, никѣго ня видивъ, отъ самыя ясны!—„То жъ яны самыя и были, надо было и брать ихъ! Видно вы не догонитя, надо самѣму йти!“ Пошовъ самъ. А жана говоръ: мужъ мой милый, мужъ мой любый! послухай еще, ти не будя шумѣть дуброва, ти не будя стогнать дорога, ти не будя за нами погоня? Ёнъ послухавъ: шумѣть дуброва, стогнеть дорога, гоня за ними погоня! Приходють яны къ морю, и скинулась ина вуткую, а яго зѣлала селязнемъ. Увидивъ это

Кащъ и сичасъ зъ ружжа у ихъ! А самъ и вярнувся назадъ. Яны тоды скинулись людьми и пошла.

Ишли—ишли, подходятъ подъ тую дярвеню, игдѣ яго отецъ и мать. Подходятъ яны, а у концы села стоять крыница, а коло крыницы древо яворъ. Тяперь ина и говоря: „мужъ мой милый, мужъ мой любый! иди ты одинъ у дворъ, а я буду коло крыницы; миѣ неладно ити съ тобою, ни хте не повѣря, што я твоя жана. Иди и смотри: твой батька богатъ, собяре увесь свой родъ, и будутъ тябе чашть. И у тябе три сестры: отъ усихъ ты гостинцы принимай, а отъ самой мѣньшой не принимай, а якъ примешъ, то мяне забудешъ!“ Вотъ ина узлѣзла на яворъ и сидѣть, а ёнъ пошонъ къ своимъ батькамъ. Тья дужо обрадовались и на радости попасытили мѣду, наварили пива и созвали увесь свой родъ. Пють яны, ядутъ и яго трахтють. Гуляють сутки, гуляють другія, гуляють и третія. И усѣ ёнъ берѣгся тья мѣньшыя сестры; ина стала плакать, ну, тутъ и батьки стали иму говорить, кабъ ёнъ што небудъ узаявъ отъ яе. Вотъ ёнъ и принявъ отъ яе ти стаканъ ти ложку. Якъ принявъ, такъ и забывся, што у яго былъ жана. Прошюкъ день—другій,—ёнъ такъ и ня вѣдая. Батька говоря: „надо бъ тябе, мой сынъ, जानить! Поѣдемъ къ такой и такой, богатой!“ И поѣхали. Высватали и заручины згуляли. Ну, и уже къ вящю. А у батьки была челядка. И пошла ина на крыницу по воду. Пришла ина по воду, и такъ яд освятило, што ина излишна стала. И говоря сама сабѣ: „якъ и излишна стала!“ А ёй нѣхто говоря: „ты излишна, а я ще излишнѣй!“ Тая гадъ, а ина знакомою стала, да такую излишнюю,—на явори стоять. „Ахъ, сестрица, што ты сюды узлѣзла? злѣзь, ды ходи къ намъ, у насъ сягодня виселья, погуляемъ!“—Ну, добра! злѣзла ина, узйли воды и пошли, и разговаривають, што уволю погуляемъ. Пріѣхали зъ вѣща, зайграла музыка, собралось много гостей, стали каравай качать. А тая говоря челядцы: „я сиду у зашечекъ, а ты миѣ дай крошачку тѣста, а якъ будешъ сажать у печь, то ты й мою крошку усадъ!“ Ина узйла и усадила. Погулявши, вынули каравай. И той увесь вышавъ пехорошій, сгорѣвшій, никуды не гожей—узйли да й укинули яго у помыйницю. А съ той крошачки вышавъ такій излишний каравай, што яго на столъ положили. Довго ина заедно съ етою челядкою гуляла, покуль не стали каравай дѣлать. Тольки поставили молодыхъ у конецъ стола, а первая жана яго скинулась голубкою и скокъ на окно. И пирожокъ съ хлѣба тожа скинувся голубкою и скокъ къ ёй на окно. Сидѣть у пары и говорють: „слухайтя, люди—міряне, нашей проповіди! Тя вѣдаешъ ты якъ табѣ приказывали сходить къ моему батюшкѣ дѣлать што-нибудъ?—„Вѣдаю!“—Ти вѣдаешъ жа, мой милый, якъ ёнъ заставивъ тябе стро-

вѣдаешъ же ты, мой милый, якъ мы утекали, якъ я была цѣрковкой, ишаничкой и вѣточкой?—„Вѣдаю!“—А ти вѣдаешъ, якъ мы пришли къ крыницы, и я приказавала табѣ ничѣго не брать отъ меньшей сестры? Такъ ѣнъ зирь, и на столѣ ляжѣть яѣ письмо. Тутъ ѣнъ и закричавъ: „Стойтъ, ето не моѣ веселья!“ Уси уторопѣли, спужалися. „Чѣя жъ ето свадьба?“—Да я жъ жанать!—„Гдѣ жъ твоя жана?“ А йна сичасъ здѣлалась такою излишною, сморгнула тую яго невѣсту, сама стала и поцаловалась зъ имъ. Тыя ус и стали кричать на яго, а ѣнъ говѣря: „по-смотрите-ка на каравай и на яе письмо! Ина моя жана первая“. Ну, я стали свадьбу гулять.

И я тамъ на свадьби бынъ, мѣдъ—вино ливъ, у ротъ не попало, хотъ по бородѣ тѣкло.

Новая-Елани чериков. у. Отъ кр. Григорія Тихоновъ, негр., записала учительница А. І. Горбикъ.

УКАЗАТЕЛЬ

мѣстностей, въ которыхъ записаны сказки настоящаго выпуска.

МОГИЛЕВСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

- Быховскій уѣздъ:* д. Новая Бычь—№№ 8, 38
с. Чигиринка—27 вар. II.
- Гомельскій уѣздъ:* д. Куиреевка, вѣтк. в.—№ 2
с. Романовичи, гом. в.—№ 3
д. Рудня-Прибытковская—№ 6
д. Демьянки, выл. в.—№ 11
д. Николаевка, красnob. в.—№ 19
д. Ивановка, телеш. в.—24
с. Поповка—№ 46
с. Марковичи—№ 50
д. Усохская Буда—№ 51, вар. I.
- Горецкій:* д. Бабиничи, пугаев. в.—№ 5
м. Романово—№ 10
- Климовичскій:* с. Надѣйковичи—№ 7
д. Селецкое—№ 9
д. Артюхи, бѣлынков. в.—№ 16
д. Городокъ, забѣлш. в.—№ 51 вар.
с. Бѣлынковичи—№ 52
Родненская вол.—№ 56
- Могилевскій:* м. Бѣлышичи—№ 28.
- Мстиславскій:* с. Старое Село—№ 14, 20, 42.
д. Косышынчи, старос. в.—№ 40.
д. Колбы, любав. в.—№ 22.

Бохотская вол.—№ 29.

Казимирслободская вол.—№ 51, вар. III.

с. Совно—№ 54.

Оршанский: м. Старый Толочинъ—№ 32.

с. Высокое—№ 36.

Рогачевский: с. Старая Рудня—№ 25.

с. Кошелево—№ 35.

д. Покатъ—№ 37.

Спасский: д. Петраши, высокогор. в.—№№ 13, 27.

с. Мешканы—№ 15.

д. Чудьки, рясн. в.—№ 27, вар. I.

Ряснянская вол.—№ 44.

м. Обчуга—№№ 49, 53.

с. Стоббы, лисич. в.—№ 51.

Чаусский с. Радомль—№ 1.

д. Чернавцы, радом. в.—№ 31.

д. Попова Слобода, радом. в.—№ 45.

д. Корчеватка, рясн. в.—№ 47.

м. Горы—№ 48.

Чериковский: д. Плещино, мялят. в.—№ 4.

с. Новая Ельня—№ 12, 57.

м. Малятичи—№ 21.

д. Биселевка, самот. в.—№ 26.

с. Самотеевичи—№ 51, вар. II.

м. Студенецъ—№ 33.

с. Палужь—№ 39.

д. Будино, братьков. в.—№ 43.

Чериковский уездъ—№ 57.

ВИТЕБСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

Витебский уезд: д. Обухово, селют. в.—№ 23.

Городокский: д. Волотовки, козын. в.—№ 17.

Вировлянская вол.—№ 18.

Козьянская вол.—№№ 30, 34.

Горковская вол.—№ 54.

Городокский уездъ—№ 9, вариантъ.

УКАЗАТЕЛЬ

лицъ, записывавшихъ сказки для настоящаго выпуска.

Мною записаны: №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 19, 21, 22, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 31, 32, 33, 35, 36, 37, 38, 39, 41, 42, 43, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51 и вар. 1, 2, 3, 4, 53, 54, 56.

Нар. учит. Буднецкій—№ 10.

— — Барановскій—№ 17, 18.

— — Аникіевичъ—№ 20, 27 вар. I, 40, 44, 52.

— — Попретинскій—№ 23.

— — Тихоновичъ—№ 27, вар. II.

— — Васильевъ—№ 30, 34.

Нар. уч-ца Горбикъ—№ 57.

— — Бѣлинская—№ 9 вар. и 55.

УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТНЫЙ.

- Ангелъ—четыре ночи прилетать, стран. 103.
 Арина—150.
 Агата Салихвата Премудрая—150.
 Алена Прекрасная дѣвица—213.
 Ащыперъ—458.
 Армякъ-пенцидентъ—106.
 Буалтъ добрый молодець—7.
 Бабка совѣты дѣть—1, 7, 8, 27.
 Бургонскія горы—16.
 Балшия, что разная бѣсѣя—42.
 Баба-Юга, Яга, Ягилица—51, 57, 179, 187, 208, 229, 275, 289, 327, 331, 364, 379, 393.
 Баба въ огнѣ—65.
 Бабу съ желѣзн. тростиной пожами заколеть богатырь—218.
 Баба змѣи—285.
 Баба рѣдѣла глаза выколола пастуху—352.
 Баба-Юга кровь сосеть изъ сердца—435.
 Булава, дѣрка, тростка, палица—въ 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 12, 17, 24, 25, 44, 100, 150, 200, 250, 300 пудовъ—стр. 118, 124, 133, 135, 147, 186, 248, 264, 320, 335, 348, 362.
 Баня—119; три сестры парятся, богатыри дверь подпирають—119, 125, 139, 145; въ банѣ паренье дѣлаетъ богатыремъ—358; помоеся молодой—старикомъ стаетъ и наоборотъ—195.
 Бизунъ, кнутъ, пуга—123, 272, 309, 341.
 Беременность: отъ вѣтра—131, 146, 354; отъ рыбы 248, 255, 262.
 Боговѣтровичъ богатырь—146.
 Бороду клиномъ ущемиль богатырь—149, 341, 357. См. волоса.
 Бочка осмоленная—155, 167, 171, 191, 199, 203.
 Бѣлая Бѣляина, страна—214.
 Бѣлый волкъ; его нельзя убивать—215.
 Бьющіеся ястреба, собаки, выдры—голодные—223.
 Богатыри встрѣчные: стѣны разломать, херговъ повѣшать, хлѣбъ по-

ѣсть—283; бог. избавитель цар. дочерей музыкантомъ на свадь-
бѣ—100, 376; бог. работникомъ у отца—382; бог. безрукій
и безногій—434—хату строить, дѣвку берегутъ: богатыри
погребаетъ Юнкеръ и получить отъ него силу и оружіе—468.

Буря уносить царскихъ дочерей—318.

Братья поубивали другъ друга и лошади ихъ также—365; бр. Ивана
бросаютъ его въ пропасть—374; бр. родной и бр. находный
—427; братъ находный смяряетъ жену бр. родного—439.

Болбанъ царевны отъ потери причастія исцѣляется кожей жабы—381,
причастіемъ—416.

Бездѣтность 33 года—123.

Волкъ—96; волкъ перевозить черезъ море—4; помогаетъ Коцесу
смерть достать—51, 343; волкъ хромою—108; волки все
посѣбываше—108; волки помогаютъ кобылицѣ пасти—331;
волковы дерущихся за кость примиряетъ бог-рь—442; волкъ
на послугу дѣтей дастъ—384.

Воронъ добываетъ живую воду—12, 228; уносить кيسеть съ кольца-
ми—18; воронъ—золотое перо и серебряное—74; воронъ—зять
205; вороны дерущіеся „за покуту“—280, 302.

Вода говорящая и живущая—12, 50, 209, 223, 228, 274, 310, 317,
330, 359, 394. 465; живая и мертвая—100, 143; сильная
и безсильная—349, 358; воду переливаютъ „за покуту“—
280, 302; вода замкнута змѣемъ—375, 416; ея пѣть въ
царствѣ, б-рь ее находитъ—381; вода мертвыя растенія су-
шить—436; вода живая отращиваетъ руки и ноги—436;
воду вѣчно пьетъ левъ-цѣлитель—483; вода льющаяся изъ
стакана пѣвца объ опасности—337. См. кровь.

Вагонъ арестантскій—42.

Виноградъ вырастаетъ за три дня—92.

Видѣть все за 1000 верстъ—92.

Вьюги дерущіяся за коня самолеть и проч.—106.

Василья Попельшка—123.

Вашечки въ бѣлыхъ рубашечкахъ—192.

Войска побитое—207, 234.

Воробы помогаютъ кобылицѣ пасти—229.

Вѣтеръ—зять—238, 245.

Вихрь—зять—238.

Возвращеніе бог-ря за перчатками—252.

Воловикъ встрѣчный—270.

- Воръ Сисеонъ—92.
 Вырієнь Антиѣновичъ-зѣй—274.
 Василь царь—262.
 Волынка-паненка, по морю ѣздитъ въ золотѣмъ челнокѣ—293.
 Вѣнки царевнѣ на примѣту—324.
 Вечорка богатырь—347.
 Вина стаканъ, въ него б-рь опускаетъ кольцо именное—376.
 Выкупъ отъ смерти кота, собаки и гадюки—404;—Пилача бог.—1;
 Булата б-ря—8.
 Волоса Бабы-Яги клиномъ ущемилъ бог-рь—437.
 Выдры помогаютъ достать смерть Щоця—224.
Голуби—96; голуби предсказываютъ, окаменѣніе—5; голубками обрацаются дѣвушки—106, 126, 262, 364, 506; голубя Господь ссылаетъ—339; голубкомъ обрацается б-рь 98, 157, 172, 182, 193, 259.
 Гады, сжигаются—13; гадюка жена—405; гадюка выкупается отъ смерти—404.
 Газеты—17.
 Генераль выдастъ себя за избавителя царской дочери—62.
 Господь въ образѣ челоуѣка—105; ссылаетъ голубя—339.
 Горнящая ронца, въ ней лѣшій—96.
 Гороховикъ богатырь—119, 273.
 Головы на частоколѣ—112, 211, 230, 242, 276, 439.
 Горовикъ богатырь—125, 137, 321, 340, 356.
 Гвидонъ Самихленовичъ—150.
 Гора Буда—182; гора Усіянская—260; горой войско бьютъ—127; гору раскалываютъ, чтобъ воду достать—417; за гору дерутся медвѣдь, волкъ, лиса, голубь и муравей—98.
 Городъ Будай—183, 192; г. безъ воротъ—321; г. Слисница—371; городъ зѣмѣмъ окружонъ—246; г. въ черномъ сукнѣ—385.
 Громъ-зять—219, 227, 245.
 Гунька морозъ бог-рь—261.
 Гусли самогранны—285, 318.
 Грѣхъ съ спящей богатыркой—373, 379; грѣхъ съ сыномъ—453.
 Глаза выкололи братья—380.
 Говорящія перчатки—504.
Дубъ—3, 11, 29, 128, 134, 147, 158, 166, 172, 184, 196, 204.
 Домъ на 12 сваяхъ—12; д. 5-этажный—43, 49, 67, 74; д. крас-

- ный, черный и бѣлый—336; дома вбирають въ яйцо—344, 349, 359; д. серебряный—78, 227; д. мѣдный—77, 227.
 Дочери три—30; двѣнадцать—314, 501; дочерей порѣзала выѣсто-
 зятьевъ—290, 365; дочь царскую змѣю на съѣденіе—375.
 Доставанье кольца со столба—15.
 Двойнякъ слуга—15.
 Дороги три—29.
 Дѣдъ Бѣбикъ—37; дѣдъ съ коготь, борода съ локоть—148, 272; дѣдъ
 усатый на морѣ—223; дѣдъ съ каубочекъ—327, 328.
 Дѣти изъ пня—37; дѣти изъ яицъ—286, 360.
 Духчій—74.
 Доставать изъ дали—92.
 Дятлы помогаютъ кобылѣ пасти—112, 210.
 Дубовикъ богатырь—125, 147, 340, 356.
 Дубинка сама силу бьетъ—308.
 Духомъ богатырей убиваетъ Канцъ—142.
 Дождь-зять—220.
 Довгошость богатырь—261.
 Дуракомъ притворился богатырь—324.
 Дѣвица съ Бѣлѣ поля—327.
 Диковъ паробокъ—486.
 Деревянная армія—494.
 Душа Конца въ щеткѣ, козлѣ, яйцѣ, свѣчкѣ—122, 193. См. смерть.

Жеребецъ—голосъ въ голосъ, волосъ въ волосъ—55; жеребецъ неу-
 далый—55; жеребецъ сатана—103; жеребецъ стѣну прола-
 мываетъ искрами—103; жеребецъ на сноминанье, и батьковой
 годовѣ на стицанье—427, 440.

Жучокъ—82, 88.

Жаръ-птица—94, 299; жарки птицы—178; перья ж.-п. лѣзять ло-
 шадей—299, 352.

Жертва Богу трехлѣтніе труды—486.

Жену сманить купецъ беретъ, высматриваетъ родинку и получаетъ
 обманомъ кольцо—413.

Змѣй, цмокъ, смокъ—12, 28, 32, 61, 66, 69, 143, 250, 315, 321,
 342, 469; змѣй Шкарлунинъ—151; змѣй Шкарлухающій—
 152; змѣй Хведырь Тыринъ—154; змѣй кипящій въ кот-
 лѣ—218; змѣй нокругъ города, хвостъ въ зубахъ—246, 337;
 змѣй въ банѣ царится—323; змѣй царскихъ дочерей на-

хватать—335, 349; змѣва отца Сатанила мертвого прута-
ми бьютъ—339; змѣя не трогать въ бою—120; змѣй людей
бѣтъ—385, 349, 357.

Золотые ключи, фамилія—16. Подъ видомъ сказки, въ Бѣлоруссін по-
лучила распространѣніе провансальская повѣсть XIV в. „Петръ
—Золотые ключи.“ О ней смотр. Рус. Нар. картинки, Ровни-
скаго, кн. 1, стр. 115 академич. изд., т. 23 Сб. отд. р. яз
и сл., и стр. 199 изд. Сбко.

Злицъ—51.

Звѣри пообѣжались по зову—70, 78, 108, 217, 328, 498.

Застежка берется на примѣту—206.

Въ землю ушелъ змѣй, цмокъ, Кокей—315, 342, 349, 357.

Запри-водъ богатырь—320.

Змѣя, вокругъ кузницы обвилась—260; змѣю изъ огня спастись бо-
гатырь—323; змѣя городъ заклала, опъ проваливается, и
выростаетъ лѣсъ—392; змѣя-Пожаръ—253, 318.

Забвеніе прошлаго отъ подарка сестры—506

Зерно выбирается изъ колоса вмѣсто жатвы—407.

Зарявой богатырь—347.

Загадки: ни прѣхать, ни притти—451; старое выгоняю, новое на-
кладую—452, 460; кто на свѣтѣ вѣриѣ—455.

Задачи: оцѣнить золотую карету—460, 462; на горшокъ заплата по-
ложить—460; аршинными ложками бѣтъ—461; домъ Давы-
ду постронть—460, 462; на три года дровъ и воды за-
пасти—133; дровъ принести—147, 355; 12 пудовъ хлѣба
сѣбѣтъ, 12 бочекъ вина выпить—261; къ огненной ямѣ пе-
репочевать—261; въ желѣзной банѣ вымыться—275, 431;
много выпить и много сѣбѣтъ—276, 431; узнать, чего солн-
це примеркнуло трое сутокъ—279, 301; высватать царев-
ну—282; черезъ ровъ пройти по горячей бляхѣ—285, по
былинѣ—262, черезъ кипящую смолу—297; черезъ яму съ
огнемъ—445; достать мечъ самосѣчь—291; достать гусли
самоуды—291, 307; узнать, отчего солнце три дня
простояло на одномъ мѣстѣ—292; достать паленку Волин-
ку—293; достать сундукъ ея и ключи отъ сундука—295;
достать Настасью Прѣкрасную и сундукъ ея—305, 307, 366;
выстроить соборъ за ночь, мостъ и ровъ выкопать—396,
500, 501; достать Жаръ-птицу—300; взять 12 бочекъ зо-
лота у Огненнаго царя—355; убить Мѣдное Чудовище—356;
достать платье Настасьи Прѣкрасной, перстень, свѣчи въл-

чашыны, гусли самопоясыя, лошадей—367-369; 12 полков войска добыть—409; мость, садъ и полякъ солдатъ—421; скиръдъ пшепцы вымолотить, не разбирая скиръда—443; поплить черевки какъ отцовскія, не видѣвши—444; восковую церковь построить за ночь—444; достать карету, чтобы кричали в ницаа и визжала—444; достать кобылицу съ 12 жеребцами—445. 479; достать свинью, что сама оретъ—478; льва, болѣзни очищающаго—482; спрятаться отъ царя волшебника—488; старшую дочь узнать—180, 315, 501; выучить жеребца нука—503.

Землю бѣтъ клятва—127, 307. 376.

Заяць—53. 96.

Иванъ Ивановичъ русскій царевичъ—1, 7. 169, 178.

Иванъ Медвѣжій сынъ—60.

Иванъ Ивановичъ рымскій царевичъ—233.

Иванъ Зиндѣиъ—106.

Иванъ Подвѣй—130.

Иванъ Вѣтровичъ—354.

Иванъ лакей повинъ слушаетъ—103.

Иванъ Ивановичъ купеческій сынъ—188, 327.

Иванъ Ивановичъ Трехъ-сынъ—311.

Иванъ Бѣлоросейскій—426.

Иванка Медвѣжье ушко—340.

Иванка сѣри сѣрмяжка, братъ находный—429.

Иванка добываетъ сестеръ, выданныхъ неизвѣстно за кого—247.

Иванской-пьянничкой притворился богатырь и башмаки золотые шилъ—346.

Иванъ Зарявой у бабушки башмаки шилъ—352.

Иванъ царевичъ, выпускаетъ Мѣдное чудовище изъ склена за стрѣлу—396.

Искорка-парубокъ, дѣвичій сынъ—254.

Истника добрый молодецъ Половинка богатырь—277.

Идолъ царь—12; идолы—13.

Игра на дудѣхъ—89; на гармоникѣхъ—146; игра на жулейкѣ сонъ наводитъ—456; на скрипкѣхъ плясать заставляетъ, звѣри слушаютъ—462; горы и лѣса плянуть—486; на гусяхъ тоже—308.

Икры б-ръ рѣзаетъ для птицы великана—239, 345, 352.

Испытаніе кобылы: повѣсно лѣну не сгорить, пока 3 раза объѣдетъ—272.

Иголкой уколеть—солдату выскочить—317.

Изобрѣтеніе Соломономъ письма, пороха, оружія—150; стекла—452; зеркала—453; музыкальных орудій—457; игръ чертъ научилъ—462.

Каца Безсмертная, Кацъ, Коцей—3, 110, 142, 207, 497; К. прикованный—207, 226, 329, 356; ковы его сбрасываетъ—213, 245, 334; кухарка ему совѣты даетъ—226; Коцей сестра Смерть, К. братъ женатъ на Бабѣ-Ягѣ—238; Коцей съ коготъ, борода съ локотъ—341

Кирбить царь—7.

Кирбитовна царевна—7.

Кирсонъ городъ (Херсонъ)—125.

Камень богатырь—125, 136, 147.

Кобылякъ сытъ бог-рь—248.

Коробъ Коробановичъ—272.

Каръ Карковичъ Игнатій Даниловичъ—315.

Кошкы цмокъ, неподписанный лобъ, усачъ—316; его жена кошкой скинулась—по 3 аршина когти—317.

Кашеваръ добрый молодецъ—360.

Кузнецъ Соломонъ—271.

Кошка помогаетъ снять сундукъ съ дуба—4; котъ ученый—102; котъ Вадаи—168; котъ съ собакой возвращаютъ хозяйшу волшебное кольцо; котъ рокиетъ его въ море, раки доставятъ—411; кошкой обращается жена цмока—317.

Камень синий превращаетъ волчицу въ кобылицу—52; камнями войско побилъ Гороховикъ—120, 128; камень катаютъ за похуту—280; въ камень превратила змѣя Микиту и слугъ—393; камни оживляются водою—394; кровью—7; сердцемъ 14, 105; превращеніе въ камень—5, 7, 14, 65, 103.

Казнь: сбить, сломать, по колю мясо поторгать—7, 8, 10; расплющить на ладони—12; крючками растерзать—13; къ конскимъ хвостамъ привязать—64, 163, 169, 198, 201, 204, 318, 354, 377, 392, 426, 485; двѣнадцать стрѣловъ (выстрѣловъ)—327; разстрѣять—404; повѣшеніе—446.

Кать—364.

Кровь младенца разрушаетъ окаменѣніе—7, 105; кровь горитъ—28; кровь съ платка, пояса, салфетки—209; ружника—251;

изъ стакана—258, 337 (вода); со свѣчей—266, 385; блюдечка, пожика—385.

Костя Медвѣжій сынъ—60.

Кресла игра—7.

Купечество—1; купецкая дочь—38; куп. сынъ—36, 188, 327; купецъ—101; жена купеческая—413; купцы задачи даютъ—441.

Князь великій—14.

Король—14.

Конюшня золотая, серебряная и мѣдная—323.

Конюхомъ служба—14, 469; конюхъ встрѣчный—271; конюхи задачи даютъ—144, 299, 371.

На кухню служба—29.

Китъ-рыба—52, 280, 292, 302.

Козель-триногій выносить изъ подземнаго царства—377; коз. бѣлый, рога золотые—144; коз. безсмертный—245; козлы Бабы-Яги, три—290; козы—золотая и серебряная шерсть—73.

Конь, золотая и серебряная шерсть—84; кони Богъ далъ—432; конь коростливый—115, 210, 232, 247, 288, 320, 333; к. семикрыльшый—9, 50, 56, 323; говорящій—49, 116, 245; конь треногій—227; въ ухо вѣзть, богатыремъ станешь—85, 470; конь въ елку—27, 234, 243, 329, 383.

Кобылица, дугъ травила—277, 288, 362; кобылицы пасты—52, 112, 247, 331, 398; кобылица изъ 12 чертей—433; коб. вынашиваютъ изъ змѣи—260; выковыываютъ—272; коб., золотая и серебряная шерсть—128.

Кончина міра—459.

Кольцо именное—62, 375; к. отъ злыхъ духовъ—66; к. въ избѣ у мачихи—104; кольцо призыва—375, 391, 403; к. волшебное—409.

Клубочекъ—76, 107, 246, 302, 500.

Кули золотыя стрѣлятъ сатану—104.

Коверъ-самолетъ—106.

Кошелекъ денегъ—106.

Когти желѣзные на руки и на ноги—109.

Кукушка кухня, солдаты пукни—173.

Китай-городъ—167.

Кабанъ хлѣбъ съестъ—174, 185, 193, 201, 204, 477.

Кузница, змѣю куётъ—254, 260, 271.

Булаки въ окна сажать—покута на томъ свѣтѣ—302.

- Красота Настаси Пр. въ яйцѣ—307.
Кнутомъ махнушь—табунъ скота—309.
Кожу снимать на примѣту—32, 341, 484.
Коршунъ помогаетъ яйцо достать—343.
Колодезь; слуга опускаетъ въ него царевича и вынуждаетъ стать
 слугою—397.
Корабль съ одного удара топоромъ—91.
Корабельщики—158, 167, 172, 193, 200.
Лошадина заповѣдь—26.
Лядо самородное—43.
Людей цмоку на съѣденіе—385.
Львы—67, 384, 391; все походились—499; левъ вѣчно воду
 пьетъ и болѣзни очищаетъ—483.
Лягушка-старушка—79.
Лѣсной хозяйинъ—106.
Лычкомъ дреннымъ двери завязаны—109, 218, 226, 236, 329.
Ласточками обращаются дѣвушки—119, 148.
Лѣсовикъ богатырь—137.
Лебедь прислуга—356.
Лента на примѣту—391.
Лиса—96.
Лѣсъ, изъ котораго не возвращаются—64.
Лыцарь Давидоновичъ богатырь—117.
Мать, мачиха отравительница—6, 12, мач. волшебница—102; ма-
 чиха и падчерицы—163, 180.
Магдалена—15.
Монашка—21.
Михайла Казакъ—36.
Медвѣдь 60, 62, 96, 210, 217, 353, 384; медвѣдь съ женщиной
 жилъ—340.
Мечъ—8, 18, 84, 256, 290, 295.
Мѣдный домъ—77, 227; мѣдное туловище—356; мѣдное чудовище—
 395, 398; мѣдная одежда—398.
Мышка—82, 88; м. въ огнѣ—442.
Мурашка—96, 113; м. въ огнѣ—442.
Макъ собирается—115, 232, 474.
Море разбивается булавой—118, 145.
Мельница на 12 камней—119.

Мертвымъ годъ былъ—121; м. погребать—468; на могилѣ мертвого
отца—470.

Мыло—138.

Мыться посаѣ грѣха—373, 379.

Мостъ на 12 верстѣ—156, 169, 177, 188, 197, 199, 204.

Молоко материнское—160, 167, 177, 186, 196, 203.

Монастырь—171.

Марья Марьяна Кипская королева—205.

Марья Павловна—441.

Марья Кирбитовна—225.

Муха лысая—261.

Монхи—229.

Морсѣ-зять—219; м. богатырь—273, 430.

Малъ Малышокъ богатырь—286.

Мѣсяцъ брать солдѣ—293.

Мука безъ зеренъ мелется—312.

Микола дарить лѣбенку—313.

Мохнуть платкомъ—мостъ—365.

Микита Пиревичъ—382.

Микита дуракъ—440.

Мука свиномасомъ сѣхала—438.

Молодь дѣдовскій—484.

Накануне за долги—1.

Независть свекрови къ невесткѣ—5.

Нѣмота притворная—29.

Ночь почевать съ царевной—30, 404; съ царевичемъ ракомъ—426;
на могилѣ отца—470.

Нигто—79.

Настасья Прекрасная—102, 305, 364, 370, 378.

Нарикраса Диміеновна—150, 314.

Нечистая сила закована—237; горель уничтожила—463.

Наука, пока перестать завидовать—298.

Невестка Бабы-Иги христіанка—331.

Надпись на камнѣ—379; на столбѣ—385.

Ноги отрубленные вѣсто головы—434.

Ноги сыну мыли, а отецъ воду, пилъ—441, 447.

Обамежность за выдачу тайны—5, 14, 65, 103; зять преврати-
ла—393.

Оживленіе окаменѣваго: кровью—7; сердцемъ—14; водою—394;
 оживленіе мертвѣго—121, 126, 128, 129, 143, 370, 414.
 Обращеніе въ утокъ—71, въ муху—483, птицъ—139, звѣрей—51,
 97, голубка—157, 172, 182, 193, 259, мушку—277; го-
 лубку—262, 364, 506, листочекъ—222, муху, птушку,
 мурашку, пчелу—252; въ постель, крыницу, яблоню—252,
 259, 269; въ зѣтю на 25 верстѣ—259, булавку—343;
 обр. гадюки въ женщину—406; обр. въ соболя, горноста,
 зайца, въ цвѣты, окуни, иголку, перо—480, 490; въ цер-
 ковь и пона, ишеницу и сторожа, утку и селезня—505;
 кобылицъ въ волчицъ, зайцевъ, рыбицъ—52, 55; обр. кры-
 ницы, постели, яблони въ кровь—259, 270; обр. ж.-пти-
 цы въ жабу, ящера, мышь—300.

Отравленная пища—5, 6, 12.

Осина—13, 105.

Огни выѣчь, шерсть припечь—волкъ явится—108; огнино—12 мо-
 лодцовъ явится—199.

Островъ—3, 4; островъ Будай—167; на островъ жену купецъ за-
 везъ по обману товарища—414.

Отецъ 12 поклоновъ сыну дѣлаетъ—163.

Орелъ-зять—206.

Обѣдъ на 3 года—4.

Ошивало—261, 430.

Обѣдало—261, 273, 430.

Огненный царь—355.

Ограда встала вокругъ дома зѣтя и задержала б-ря—339.

Оборотъ 12 пудовъ—433.

Освобожденіе изъ слуга—464, 465.

Отдача того, чего въ домѣ не знаешь—497.

Платье добрый молодець—1.

Портретъ—влюбленность по немъ—1, 15.

Постель изъ ножей и сабель—5.

Палець—7, 33, 41, 44, 479, 481.

Прятанье въ лошадиный трупъ—11.

Птицы—райскія предсказ. отравленіе—12; пт. Нагай—489; пт. всѣ
 посещается—78, 107, 216, 327, 498; пт. карапца, лю-
 дей пожираетъ—167; птичій царь-зять—238; пт. вели-
 канъ—239; жарь-птица 94, 178, 299, 352; пт. Полугри-
 ца, дѣтей ея Пч. обегаетъ, она выноситъ его на бѣлый

свѣтъ—345, 352; птицы съ желѣзными клювами—461.

Петра--золотые ключи—14.

Пашутъ людьми—20.

Пчелы—211, 240, 442.

Полюмъ-рѣка—385.

Пастухъ лош.—371; у Конца—144.

Пруть желѣзный—53, 65, 114, 230, 355; пруть 25 верстъ—320.

Примѣты: кинжалъ—60, 69; платокъ—62, 72, 84, 206, 307, 403, 423; поясъ—206; палець—479, 481; полоса кожи—32, 341, 484; печать на лбу—475; пряслица 444.

Похищеніе первѣты—19; пох. платья—71, 500; пох. волшебнаго чертеня—409; пох. жены отъ Конца—209.

Письмо подымывается сестрами—165, 170; мачихой—181, дѣвкой—190.

Полочникъ богатырь—347.

Подземное царство—315, 342, 349, 357, 374.

Перо -- причина бѣды—395.

Пшеницу воруетъ Мѣдное Чудовище—395.

Пиво рождествен. и воскрес. силу дѣлать, а юрьевское отбираться—398-401.

Пекло занялъ Соломонъ и антихриста приковаль—459.

Пѣніе -- кто кого переноситъ—254.

Переодѣванье купчихи въ мужское платье—414.

Посылка туда, нема вѣдома куда—75.

Пузырь, въ немъ нечистая сила—69.

Рыба -- помогаетъ достать яйцо изъ моря—4, 331; р. кольцо проглотила—24; р. черезъ море лежитъ за покуту—280, 292, 302; р. проглотила царевича, онъ огонь разложилъ въ ней; рыба его выбрасываетъ голымъ—428.

Ракъ—4, 82, 88, 112, 209, 211, 241, 331, 343; р. царевичъ—419; кожу его сожгли—422.

Ростъ не по часамъ, да по минутамъ—1, 123, 132, 181, 203, 263, 286, 327, 340, 347, 360, 370, 449.

Разсѣбшить всемяну—81, 88.

Рѣка отъ слезъ дѣвушекъ—164; р. кисельные берега—175; рѣку всю вышла змѣя и лопнула—254.

Роса силу возвращаетъ—323; рѣніе—381.

Разговоръ чертей подслушивается—380, 415.

Ружье—389.

Рану платкомъ завязываютъ—387, 469.

- Ремесламъ учиться Микита—442.
- Ротъ змѣи отъ земли до неба—253, 260, 270.
- Сыпоть—13, 17.
- Старопольская земля—14.
- Святоство у царя—261, 409, 418, 420, 430, 493.
- Собака—4, 53, 224, 228, 250, 256, 264: соб. съ желѣзными дуб-
ками—273.
- Смерть Коцея: въ вѣнчѣ, козлѣ, яйцѣ и т. д.—3, 4, 130, 144,
222, 229, 245, 343.
- Сапоги желѣзные—423.
- Сопъ напечти—52, 65, 70, 113, 211, 230, 332, 465.
- Синеть—10, 78, 154.
- Синій камень—52.
- Смутные люди—60.
- Слышать за тысячу верстъ—92.
- Слеза разбудила бог-ри—94, 375.
- Скриночки—любимка, дудочка—тростяника—100.
- Сѣди—91.
- Семь Семеновъ—101.
- Семеро пошутъ въ одну соху—101.
- Стукъ да лязъ сѣдласть карабль—101.
- Столбъ подъ облака—101; ст. безъ оконъ и дверей—131, 146, 464;
съ надписями—358.
- Сатала—104; выдалъ себя за избавителя царевны—339.
- Селезень—121.
- Скрыня—122; пзъ скр. войско псемѣтное—308.
- Стаканъ—кромъ изъ него польется—128.
- Сестры: армию обошьеть, провормятъ—12; сыновъ родить—151, 164,
170, 179, 188, 199, 202: замужъ отдавались неизвѣстно
за кого—205, 214, 225, 233, 245, 246, 495.
- Сосна съ котомъ краснотелъ—200.
- Соколы-зять—206; с. прислуга—227, 234, 356.
- Спящая богатырка—207, 373, 379; си. богатырь—235.
- Слово заповѣдное «ухти»—224.
- Солнце-зять—227; 245; солнцева мать—303; с. хочетъ море вы-
жечь—304.
- Сосеть грудь Коцей—227.
- Синячка—240.
- Стража у моста на огненной рѣкѣ—250, 256, 264.

Словъ Ивановичъ б-рь—273.

Сявбить б-рь—273.

Сила въ лебединомъ перѣ, бобинѣ, яблокѣ, орѣхѣ—258; проба силы на канорѣ въ 200 и.—133; с. свѣтъ перевернуть бы—401; силу узнаеть у мужа напильно выданныя королевна—433.

Служба за кобылу по 3 года—260; служба за денежку годъ—486; за службу праведную деньги не тонуть—486.

Самінханда Михайловна—жена Слова Ивановича—274.

Скатерть-самобранка—309, 398; ск. съ 12 богатырями—404.

Сккера за ночь дворецъ строятъ—409.

Старика три на ночь просятъ: Господь. Миколъ и Ягорій—311.

Слеза не выронить до семи лѣтъ—313.

Стѣна 7 веретъ вышины—321.

Самъ съ коготъ, борода съ локотъ—148, 272; 348.

Слѣпой прозрѣваетъ отъ поды—352.

Сварили въ котлѣ Каневара б-ри—369.

Ступа Вабья-Яги, богатырь въ ней ѣздить—379.

Старикъ у огня—383.

Слуга выдающій себя за избавителя царевны—387. См. сатина.

Серебряный домъ—78, 227; сер. одежда—400.

Слово «гадюка» обращаетъ жену въ гадюку—407.

Сына король въ море столкнуть—427; сынь купеческій—412; сынь во чревѣ называетъ мать блудницей—448, 460; за это его обѣщали на сына коваля—448; бросила въ пронасть—460; сынь купленный полъзу приносить—441; сынь продать Кану—497; сыновъ 31—286; три сына съ половиной—276.

Старшій надъ пастухами, кто усмирить лягушекъ—450.

Соломонъ Премудрый, въ соломѣ рождень—447, 449.

Судь царевой жены — телета ожеребилась—448.

Синия свита богатырь—488.

Токъ боевой—10, 59, 265, 266, 267, 336, 359, 386.

Турецина—20.

Трухонъ молодець—57.

Таратурка гобачій сынь—263.

Тынь поддерживается за покуту—280, 304.

Треть—сынь богатырь—297.

Туча принесла на Бѣло поле—328.

Удонка изъ собственныхъ волосъ—4.

Убиваніе шевальиныхъ товарищей 117, 132.

Усачь богатырь—116; усами войско побилъ—120.

Уста черныя—материнскаго молока не пробовали—160

Удовенушка добрый молодецъ—318.

Удовинъ сынъ—335.

Хромой и слѣпой—93; безногий и слѣпой—434.

Хорты—121, 234.

Хведоръ Тыринъ Бирдибяновичъ—змѣй съ 28 головами—154.

Хлюпчикъ у Коцея совѣты даетъ—223.

Хатка на куриной пожжѣ—289, 328, 348, 363, 379.

Хведоръ Набилкинъ—бог-рь ума, но не физической силы—490.

Царевна Кирбитовна—7; ц-ца Прусская королева—43; ц-ца при-
кована змѣемъ—338; ц-ну достаютъ на 3 этажѣ—472.

Царь—1, 26, 101, 117, 130.

Церковь—9, 22, 381, 416, 505; въ церковь не ходитъ купеческій
сынъ—412.

Царь безсмертный отбѣлъ весь народъ—117; царь Виноградъ—493.

Цыганъ выдастъ себя за избавителя царской дочери—377.

Чугунный домъ—77.

Чутко ушко богатырь—93.

Что загляну, то убью—101.

Челнокомъ прокинуть—солдатъ выскочить—317.

Черть на службѣ—355.

Чудесная салфетка—394, 403.

Чудесное кольцо—408.

Часы именные прилѣта—467.

Човецъ чудесный—467.

Человѣка половина является—68.

Шуба съ гадами—13.

Шалюкомъ рану завязала—34.

Шляпыны горы—105.

Школа—39, 117, 123, 132, 171, 248.

Шапка въ 500 пуд.—118, 147; ш. невидимка—200.

Шууромъ, цѣпью царевенъ вытаскиваютъ изъ змѣйнаго царства—322,
344, 360.

Шершни помогаютъ кобылицѣ пасти—331.

Шипалькой богатыря пробуждастъ—386.

Шутъ -- цмокъ—494.

Щелчокъ Кондея, цмока—121, 143; щ. дѣвушки—126; щ. волъ
убилъ—141.

Щука перевозить черезъ озеро—211; щуку освобождать б-рь и п
щучьему велѣнью все дѣлается—255.

Щетка примѣта—424.

Юрьева роса—116; Юрьевъ пиво—401.

Юда съ 3, 6, 9 головами—256.

Юда-антиюда десятиголовый—264.

Юда богатырь—320.

Юскеръ молодой—462.

Ясна Пріукрасна—1.

Яйцо съ смертию Кондея жгутъ на плоть—5

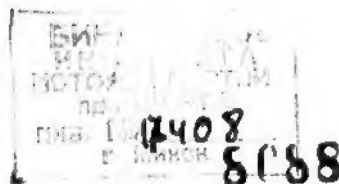
Яуронія—15.

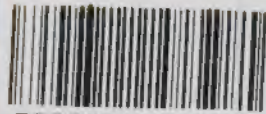
Ярусалимъ—21.

Языки змѣи къ новоакъ прилипають—375.

Яблопка говорящая—427.

Ястребъ помогаетъ достать смерть Кондея—224.

B00000002 10653